

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1869

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ, НА СТРАСТНОМЪ ВУЛЬВАРѢ.

1869.

Помѣщаемыя статьи въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» ни кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатываемы ни прямо, ни, такъ называемымъ, перифразомъ, безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

І

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

З А М Ъ Ч А Н І Я

НА ТРЕТІЙ ТОМЪ.

Г. Богдановичъ говоритъ, что Наполеонъ, готовясь къ походу, началъ, съ 1-го (13) Октября, стягивать войска въ Москву и 3 (15) направлять оныя на Калужскую дорогу, въ Боровскъ, Ооминское и пр.

Стр. 2-я. Получивъ извѣстіе о дѣлѣ на Чернишиѣ, Наполеонъ, въ тотъ же вечеръ, 6 (18) Октября, вывелъ изъ города корпуса Вице-Короля и Даву, которые и расположились на бивакахъ, у заставы, по Старой Калужской дорогѣ; корпусъ Нея и гвардія переночевали въ Москвѣ.

Стр. 4-я. При выступленіи Наполеона изъ Москвы, какъ выше уже сказано, былъ оставленъ на время въ Кремлѣ Маршалъ Мортъе.

Но выше, вѣдь, еще ни чего не сказано о выступленіи Наполеона изъ Москвы, а говорится объ этомъ послѣ, на 7-й и 8-й страницахъ, и потомъ описанъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали войска, и присовокуплено, что самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы по утру 7 (19) Октября и т. д.

Наконецъ, вотъ и Малоярославецкая битва. Въ первой части «Замѣчаній» мы слышали восхвѣтную Нѣмецкимъ офицеромъ хвалу Г. Богдановичу, за «простоту и ясность» изложенія битвы и, въ примѣръ тому, онъ приводилъ бой Невѣровскаго

при Красномъ. Тамъ же замѣтилъ я, что описаніе этой битвы не принадлежитъ перу почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны», а есть почти буквальная копія изъ книги Данилевскаго, и обѣщалъ привести два главнѣйшія сраженія—Бородинское и Малоярославецкое, описаніе конхъ принадлежитъ собственно перу Г. Богдановича. Замѣчанія о Бородинскомъ сдѣланы.

Малоярославецкое сраженіе, по значенію своему, конечно, потребовало особеннаго вниманія почтеннаго исторіографа и всей силы его знаній, для яснаго и отчетливаго изображенія битвы, положившей конецъ шестнадцатилѣтнимъ успѣхамъ генія полководца-Государя, вынудившей его постыдно обратиться въ бѣгство и послѣдствіями своими снявшей оковы съ Запада Европы; словомъ, эта битва, замѣченная и въ присужденіи Демидовской преміи, включаетъ въ себѣ всѣ условія, требующія достойнаго изложенія, что почтенный сочинитель посильно и исполнилъ.

Начну съ самаго выступленія Дохтурова съ Тарутинской позиціи, по направленію къ Малоярослаvcу, на Оминское. Исторіографъ говоритъ (стр. 11): «Кутузовъ, призвавъ къ себѣ Ермолова, сказалъ ему: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ будетъ!» Виновать! А я сомнѣваюсь, чтобы Кутузовъ могъ такъ оскорбить Дохтурова, къ которому онъ питалъ полную довѣренность: достоинство и опытность этого Генерала представляли полное на это право. Не уже ли, отправляя его въ средину непріятельской арміи, Кутузовъ не иначе могъ оставаться спокойнымъ, какъ пославъ съ нимъ Ермолова! Онъ могъ быть при Дохтуровѣ помощникомъ, даже совѣтникомъ, но не руководить имъ до такой степени, что присутствіе его только и могло успокаивать Кутузова. Слѣдующая за симъ 18-я ссылка показываетъ: «Журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ 1812 года (Арх. В. Т. Д. № 29172).» Сдѣсь, само собой разумѣется, этого быть не можетъ. За тѣмъ: «Записки Ермолова.»

Но въ Запискахъ А. П. Ермолова, напечатанныхъ въ 1863 году, объ этомъ эпизодѣ (стр. 216) сказано слѣдующее «...:...

«Кутузовъ приказалъ мнѣ отправиться съ Генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя, что на меня онъ надѣется и будетъ спокоенъ.» Сдѣсь цѣтъ, однако же, словъ: «Увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ тамъ будетъ,» а на мѣсто сего читается: «Надобно знать Кутузова, чтобы не давать сему ни какой цѣны.» А, вѣдь, это совершенно измѣняетъ смыслъ, который получается изъ строкъ Г. Богдановича. *

Г. Богдановичъ нигдѣ не упоминаетъ, однако же, чтобы Ермоловъ исполнялъ требованіе Кутузова, «чаще увѣдомлять его,» а между тѣмъ было о чемъ; ибо, по прибытіи въ Аристово, цѣль отправленія Дохтурова измѣнилась и обстоятельства усложнились. Я очень близко знаю, что Алексѣй Петровичъ ни разу не писалъ Кутузову, тогда какъ Дохтуровъ дѣлалъ это очень часто и даже карандашемъ, будучи верхомъ.

Повѣствуя о движеніи Дохтурова изъ Тарутина (стр. 12-я), сказано, что войска наши, «пройдя Аристово, остановились на почлегъ.» Корпусъ остановился у самаго Аристова; при Аристовѣ они расположились въ двухъ колоннахъ: 7-я дивизія по правой сторонѣ дороги, 24-я по лѣвой; головы ихъ были на одной высотѣ съ селеніемъ. Слово пройдя имѣть тутъ мѣста не можетъ. Только нѣкоторыя части конницы были выдвинуты впередъ по направленію къ отряду Дорохова, расположенному на дорогѣ къ Боровску.

Свѣдѣнія о движеніи всей Наполеоновой арміи къ Малоярославцу получены не далеко за полночь, а часа за три до

---

* Но въ «Запискахъ Ермолова,» помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1864 г., кн. 4, отд. II, стр. 229, въ примѣч. 73, слова вѣтъ дѣйствительно приводятся Ермоловымъ: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду спокоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что будетъ!» А извѣстно, что редакція сихъ Записокъ была уже послѣдняя и единственно вѣрная, составленная рукою самого Ермолова, въ послѣдній годъ его жизни; прочія же, сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ, признавались имъ текстомъ невѣрнымъ.» См. предисловіе къ сивъ Запискамъ, тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1864 г., кн. 3, отд. II, стр. 1. О. Б.

полночи, и Сеславицъ пріѣхалъ гораздо прежде оной, а не тогда, когда уже давно «прошла полночь». ¹ Впрочемъ, въ послѣдовательномъ разсказѣ самого Г. Богдановича будетъ видно, что объ опредѣляемомъ имъ тутъ времени не можетъ быть и рѣчи.

Въ Запискахъ А. П. Ермолова (стр. 217), сказано: «Ночью, въ полѣ, сталкиваюсь вдругъ съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ» и д. д. Сдѣсь онъ подтвердилъ (сдѣланное за часть показаніе другими), что Наполеонъ въ Боровскѣ. Этѣ слова Генерала Ермолова отнюдь не измѣняютъ сказаннаго мною, по тому что Сеславицъ прискакалъ въ Аристово, сообщилъ свѣдѣнія Дохтурову и поѣхалъ отыскивать Ермолова, уѣхавшаго къ передовому отряду Дорохова. Въ слѣдъ за симъ Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ въ Аристово, но Бологовскій былъ уже отправленъ къ Кутузову. Да и самое слово ночь неопредѣлительно; въ шесть часовъ по полудни было уже темно.

О всемъ сказанномъ на стр. 12 (Ист. Богдановича) о Дохтуровѣ и объ отправленіи Бологовскаго нужно бы повторить замѣчанія, мною уже сдѣланныя въ упомянутой статьѣ; сдѣсь обращу вниманіе только на разсужденіе почтеннаго исторіографа, который, сказавъ, что Дохтуровъ, по предложенію Ермолова, выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, прежде полученія на то приказанія отъ Фельдмаршала, пишетъ (стр. 13): «Легко было предвидѣть, что если бы Дохтуровъ сталъ выжидать приказаній изъ главной квартиры на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то непріятель навѣрное предупредилъ бы его въ Малоярославцѣ.» ² Это выраженіе необходимо помнить; ибо сдѣсь Г. Бог-

---

¹ Этотъ эпизодъ былъ мною подробно описанъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пчела, 1858, №№ 36, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 62, 63, 64 и 65), а въ 1867 году въ особой книжкѣ: «Матеріалы для Отечественной войны 1812 года.»

² Въ Запискахъ А. П. Ермолова нѣтъ ни слова о предложеніи Дохтурову выступить изъ Аристова до полученія на то приказанія отъ Кутузова. На стр. 217 Алексѣй Петровичъ предложилъ Дохтурову воротить «тяжелую артиллерію за шесть верстъ назадъ,» гдѣ были дефилеи, и это предложеніе сдѣлано было

дановичъ очень ясно даетъ понять, что непріятель не пред-
уредилъ Дохтурова въ Малоярославцѣ; но потомъ, по при-
нятому имъ обыкновенію, онъ скажетъ противное.

Каждый, какъ говорится, бывалый пойметъ, что Дохту-
ровъ не могъ самъ собою рѣшиться, съ своими десятью тысячами
пѣхоты, ити на перерѣзъ всей Французской арміи, не получивъ
на то приказанія отъ Кутузова, который, узнавъ, что Наполеонъ
уже въ Боровскѣ, могъ предпринять движеніе на Калугу прямо
изъ Тарутина, и наконецъ могъ Дохтуровъ не думать, что полу-
чить то или другое разрѣшеніе не иначе, какъ наиболѣе чрезъ
шесть, семь, часовъ. Но вышло противное, какъ это объяснено
въ той же моей статьѣ.

Ясно, что всего того, что до сихъ поръ почтенный сочини-
тель говорилъ о семъ, не было, и быть не могло, а между тѣмъ
вотъ какъ все это происходило:

Генералъ Дохтуровъ, получивъ, въ Аристовѣ, свѣдѣнія о
Французской арміи, донесъ обо всемъ Фельдмаршалу и присово-
купилъ: «Я остановилъ корпусъ въ Аристовѣ и далѣе не пої-
ду» и пр. Описываетъ причины тому и свои распоряженія. До-
несеніе это, отъ 10-го Октября, было послано въ 9-ть часовъ
по полудни. ³ Въ слѣдствіе чего получилъ повелѣніе, отъ 11-го Ок-
тября, № 216, «употребить всѣ способы для скорѣйшаго перехода
изъ Аристова къ Малоярославцу» и пр. Данилевскій, описывая
это, приводитъ донесеніе Дохтурова изъ Аристова, отъ 10-го
Октября, въ 9 час. вечера, и послѣдовавшее на оное повелѣніе
Кутузова, отъ 11-го числа, за № 216, «спѣшить изъ Аристова
къ Малоярославцу.» Бутурлинъ и многіе другіе свидѣтельству-
ютъ о томъ, что Дохтуровъ ожидалъ повелѣнія, чтобы двинуть-

тогда, когда не было еще и рѣчи ити въ Малоярославецъ, а предпринималось
дѣйствіе на Котово, не зная еще, что вся непріятельская армія находилась
около Боровска и т. д.

³ Нѣкоторые изъ допросовъ выходцевъ и плѣнныхъ писаны моей рукой.

ся къ Малоярославцу, и, получивъ оное, въ 11-ть часовъ по полуночи, 11-го Октября, тотчасъ выступилъ.

Какимъ же образомъ послѣ всего этого писать, что Дохтуровъ, не ожидая приказанія, пошелъ къ Малоярославцу? Помимо того, что мы, участники въ этомъ событіи, очень хорошо помнимъ этотъ эпизодъ, но Данилевскій приводитъ подлинныя слова изъ донесенія Дохтурова и повелѣнія Кутузова, обозначая мѣсто, число, номеръ и часъ. Что жъ? Развѣ это подлогъ? Въ такомъ случаѣ Г. Богдановичу слѣдовало сказать, что онъ не нашелъ тѣхъ документовъ, на которые ссылается Данилевскій. Нѣтъ! Г. Богдановичъ видѣлъ этѣ документы и, вѣроятно, забывъ, что на стр. 13, Дохтуровъ, не дожидаясь приказанія, пошелъ къ Малоярославцу, чрезъ три страницы говоритъ (16) то же, что и Данилевскій, о повелѣніи Дохтурову ити къ Малоярославцу, и ссылается на тотъ же № 216-й, но не приводитъ донесенія Дохтурова, въ которомъ онъ пишетъ, что, до полученія приказанія, онъ изъ Аристова далѣе не пойдетъ! Непонятно, чему вѣрить: пошелъ ли Дохтуровъ изъ Аристова, не ожидая приказаній, или ожидалъ? «Чего хочешь, того просишь!» Но оставимъ этотъ эпизодъ, для изложенія котораго въ первомъ случаѣ принимали участіе поэтическое воображеніе, а во второмъ уже проза. Но за чѣмъ было поэтизировать и вводить на страницы Исторіи не бывалое, о которомъ потомъ и самому приходится сказать иначе?

Относительно движенія конницы, съ которой отправился Генералъ Ермоловъ къ сторонѣ Боровска, дѣло другое. Въ ссылкѣ книги Г. Богдановича (№ 19) сказано: «Записки А. П. Ермолова: по свидѣтельству Генерала Михайловскаго-Данилевскаго, Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, получивъ предписаніе Князя Кутузова ити къ сему пункту. То же пишетъ и Липранди (Сѣв. Пч. 1858, № 46)». Объ этомъ далѣе.

Сдѣсь въ текстѣ, независимо отъ мнѣнія Г. Богдановича, что, какъ «легко было предвидѣть» то, о чемъ онъ усиливался такъ неудачно рассуждать, замѣчательны еще слѣдующія за помянутыми строки: . . . . «и потому Генералъ Ермоловъ предло-

жилъ ити съ разсвѣтомъ обратно, и, присоединивъ къ войскамъ оставленную позади батарейную артиллерію, двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоюрославцу. ' Генераль Дохтуровъ не только принялъ благосклонно это представленіе» и т. д. / Объ этомъ послѣднемъ небываломъ обстоятельствѣ уже сказано, а сдѣсь вотъ въ чемъ курьозъ: Дохтуровъ въ тотъ же день пришелъ изъ Тарутина въ Аристово, и Ермоловъ предлагалъ ему ити «съ разсвѣтомъ обратно,» значить, въ Тарутино; и это подтверждается еще совѣтомъ присоединить къ себѣ батарейную артиллерію, оставленную позади. Кажется, очень ясно, что Ермоловъ предлагаетъ Дохтурову возвратиться въ Тарутино, откуда онъ только что пришелъ; слово обратно не можетъ имѣть ни какого другого смысла, а между тѣмъ у Г. Богдановича иной смыслъ. Это слово обратно у него значить не назадъ въ Тарутино, откуда пришли, а въ Малоюрославецъ, который былъ еще впереди; ибо въ слѣдъ за симъ привокупляетъ: «двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоюрославцу.» По старинному мы называли бы это, какъ нынѣ принято называть всякую бессмыслицу, ерундой; ибо какъ иначе назвать выраженіа: «присоединивъ къ войскамъ оставленную батарейную артиллерію, ити обратно,» не въ Тару-

---

¹ Въ Запискахъ Алексѣя Петровича и объ этомъ предложеніи нѣтъ ни слова; * вотъ какъ въ нихъ (стр. 218) сказано: «На разсвѣтѣ Генераль Дохтуровъ отступилъ, присоединя отосланную (а не оставленную) артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоюрославецъ.» Слово же отступилъ относится до отряда Дорохова, поступившаго подъ начальство Дохтурова и составившаго его авангардъ по направленію къ Котову, гдѣ думали атаковать непріятеля. Но когда обстоятельства разъяснились, то пѣхота отряда Дорохова (не принадлежавшая къ 6-му корпусу) отступила къ Аристову, т. е., къ Дохтурову, который изъ Аристова не сдѣлалъ шагу по направленію къ Котову, куда выдвинута была только конница Меллера-Закомельскаго, занявшая позицію между Дороховымъ и Дохтуровымъ. Вѣдь это совѣтъ не то, что говорить почтенный историографъ, ссылаясь еще и на Записки А. П. Ермолова!

² Однако въ послѣднемъ ихъ пересмотрѣ А. П. Ермоловымъ («Чтенія» 1864, кн. 4, отд. II, стр. 231) это читается такъ: «Весьма благосклонно принялъ Генераль Дохтуровъ мое предложеніе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоюрославецъ.» О. Б.

тино, откуда только что пришли, а въ Мароярославецъ? Тутъ видимо, повторяю, почтенный сочинитель, вѣроятно, въ слѣдствіе какого либо совершенствованія, послѣдовавшаго въ военной номенклатурѣ, называть движеніе впередъ движеніемъ обратно, придерживается этому (точно также, какъ правое называется лѣвымъ, а лѣвое правымъ). Этѣмъ онъ вводитъ читателей, не знающихъ помянутыхъ измѣненій, въ недоумѣніе, котораго, можетъ быть, и не было бы, если бы онъ приложилъ къ сочиненію своему, какъ это сдѣлалъ Михайловскій-Данилевскій, карту движенія арміи изъ Тарутина къ Малоярославцу. Въ такомъ случаѣ, если почтенный сочинитель въ дѣйствительности не такъ думалъ, какъ написалъ, то, взглянувъ на помянутую карту, не впалъ бы въ такую грубую ошибку. ⁵ Онъ ясно увидѣлъ бы, что отъ Аристова с. Тарутино лежитъ на юго-востокъ, а Малоярославецъ на юго-западъ, отъ Тарутина же Малоярославецъ лежитъ на западъ, съ малымъ склоненіемъ на югъ. Этѣ три пункта составляютъ углы почти равносторонняго треугольника, коего бока простираются отъ двадцати до двадцати трехъ верствъ. ⁶ Изъ этого было бы ясно, что Дохтуровъ, находясь въ Аристовѣ, если бы пошелъ обратно туда, откуда онъ пришелъ, то очутился бы опять въ Тарутинѣ, а не въ Малоярославцѣ.

На стр. 14-й: . . . . «Войска Дохтурова, выступивъ отъ Аристова, по утру 11 (23) Октября.» Сдѣсь ссылка № 20, слѣдующаго содержанія: «Довольно трудно сказать что либо достовѣрное на счетъ времени выступления Дохтурова (изъ Аристова). Изъ Записокъ А. П. Ермолова видно, что войска наши выступили изъ Аристова 11-го Октября на разсвѣтѣ, ⁷ а по свидѣтельству Лиранди (Сѣв. Пч., 1858, № 46), въ 11-го час. утра.»

⁵ Замѣчательно, что вѣтъ карты этого первой степени важнаго движенія, тогда какъ сочиненіе изобилуетъ картами второстепеннаго и даже вовсе, можетъ быть, излишняго значенія.

⁶ Сдѣсь разстояніе слѣдуетъ принимать, вмѣсто Малоярославца, Спасское, гдѣ дороги изъ Тарутина и Аристова соединяются для переправы чрезъ Протву: въ Малоярославецъ восемь перствъ.

⁷ И сдѣсь опять неясность. Выше было сказано, что Дохтуровъ не ожидалъ при-

Тутъ нѣтъ ни какого труда къ разрѣшенію сомнѣнъя; ибо оба показанія вѣрны. А. П. Ермоловъ выступилъ съ конницей Меллера-Закомельскаго на развѣдку къ Боровску съ разсвѣтомъ, а Дохтуровъ, по полученіи приказанія отъ Фельдмаршала, въ 11-тъ часовъ къ Малоюрославцу. Къ А. П. Ермолову посланъ былъ гонецъ (Прапорщикъ Гр. А. Н. Панинъ) съ этѣмъ извѣстіемъ, и онъ, подъ вечеръ, не доходя Спасскаго, прикнулъ къ пѣхотѣ. Если бы Дохтуровъ выступилъ съ разсвѣтомъ, онъ пришелъ бы въ Спасское гораздо ранѣе, что видно изъ помянутой же статьи. ⁹

Все, что пишется о Платовѣ, не ясно; слѣдовало бы остановиться на чемъ ни будь одномъ; но прибытіе его къ Спасскому,

---

казанія, и тотчасъ вышелъ, а тутъ, съ разсвѣтомъ; потомъ получилъ повелѣніе выступить, и т. п. сбивчивые рассказы.

⁹ Сдѣсь можно сказать, что «все дѣлается къ лучшему.» Появился Дохтуровъ съ своею пѣхотой и конницей предъ Малоюрославцемъ 11-го числа, послѣ полудня, или даже еще за свѣтло, и подоспѣй еще къ этому времени Платовъ съ своими Казаками, нѣтъ ни какого сомнѣнъя, что Наполеонъ, увидѣвъ предъ собою корпусъ, отдѣлившійся отъ Тарутинскаго лагеря, успѣлъ бы къ ночи, на 12-ое число, стянуть большую часть своей арміи и проложить себѣ путь на Калугу, гдѣ находились всѣ наши запасы, или свернуть вправо на Медынь. Дохтуровъ нашелся бы въ самомъ опасномъ положеніи. Отступить съ боя чрезъ Нѣмцево не было возможности: онъ былъ бы принужденъ направиться къ Спасскому и перейти Протву, чтобы не потерять сообщеній съ главной арміей. Наполеонъ могъ отрядить корпусъ для защиты переправы при Спасскомъ, а между тѣмъ пройти со всею арміей, или Нѣмцевскій оврагъ и направиться на Калугу, или вправо на Медынь. Не вида 11-го числа пѣхоты подъ Малоюрославцемъ, Наполеонъ былъ въ полной увѣренности, что Кутузовъ не зналъ его направленія и, вопреки обычной своей быстроты, медлилъ. Когда же утромъ, 12-го чис., явился Дохтуровъ и Вице-Король не могъ одолѣть его, а по прибытіи Даву къ намъ подоспѣлъ Раевскій и, въ слѣдъ за нимъ, также другіе корпуса, тогда дѣло было уже рѣшено. Слѣдовательно, если бы Дохтуровъ и могъ рѣшиться съ разсвѣтомъ 11-го числа ити къ Малоюрославцу, то очень хорошо сдѣлалъ, что не предпринялъ это, а, какъ замѣчено выше, дождался приказанія Кутузова. Само собой разумѣется, что въ то время ни у того, ни у другого помянутаго расчета быть не могло. Но Провидѣніе такъ расположило, и успѣхъ остался на нашей сторонѣ, не смотря на все то, что можно сказать относительно какъ замедленія въ приказаніи Дохтурову ити къ Малоюрославцу, такъ и о медленности подвѣяться изъ Тарутина и пр.

какъ я уже замѣтилъ въ той же статьѣ, доказываетъ позднѣе его выступленіе изъ Тарутина; ибо онъ могъ прибыть къ Спасскому прежде Дохтурова, да и вся армія, выступивъ тотчасъ по приѣздѣ Бологовскаго, могла предупредить его на этомъ пунктѣ, какъ въ той статьѣ замѣчено.

На стр. 15-й описывается прибытіе Бологовскаго въ Леташевку. Сдѣсь вкратцѣ сказано то же, что и у Михайловскаго-Данилевскаго, относительно свиданія съ Кутузовымъ. Г. Богдановичъ приводитъ и разговоръ между ними, и когда первый объяснилъ Фельдмаршалу предметъ своего порученія, этотъ послѣдній: сказалъ «Не уже ли въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ?» и т. д.

Это выраженіе ясно доказываетъ, что Кутузовъ только тутъ, въ первый разъ узналъ, о выступленіи Наполеона изъ Москвы и о взятомъ имъ направленіи. * Извѣстно же, что и сочинитель своей Исторіи не скрываетъ, что Наполеонъ уже 2 (14)-го числа началъ отступленіе, продолжая ежедневно отправлять части арміи, по направленію къ Калугѣ и, наконецъ, самъ, съ гвардіею, 7-го (19) Октября, идетъ туда же. Прошло послѣ сего еще четыре дня, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о семъ черезъ Боголовскаго, приѣхавшаго въ Леташевку, вскорѣ по полуночи 11го (23) Октября, въ тотъ самый день, когда Мортъ выступилъ изъ Москвы съ послѣдними Французами.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что партизаны наши, такъ прославляемые Г. Богдановичемъ, «окружавшіе со всѣхъ сторонъ Москву, проникавшіе въ самый лагерь Французовъ и даже въ Москву,» не могли увѣдомить не только о томъ, что за девять дней предъ тѣмъ Французскія войска начали уже направляться на Калугу, и что каждый день выступали по этому же направленію изъ Москвы разныя части оныхъ, но что 7-го (19) Октября, т. е., за четыре дня предъ тѣмъ, и самъ Наполеонъ со старей гвардіей оставилъ Москву и пошелъ по тому же направленію,

---

* Это повѣдніе до сего момента подтверждается несокрушимыми данными.

а о томъ извѣстилъ Дохтуровъ 11-го Октября! Москва же отъ Леташевки была не за горами, а только около осьмидесяти версты! ¹⁰

На страницахъ 15—17 Г. Богдановичъ ясно изображаетъ колебаніе Кутузова оставить Тарутинскій лагерь, и тогда уже, когда было получено отъ Дохтурова положительное извѣстіе, вскорѣ по полуночи 11 ч., что тутъ вся Наполеонова армія, то и тогда онъ выступилъ только вечеромъ, такъ что, если бы Наполеонъ употребилъ здѣсь ту быстроту, которую онъ проявлялъ всегда, то несомнѣнно успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи. ¹¹ Это колебаніе, которое почтенный сочинитель своей Исторіи приписываетъ Кутузову, ясно подтверждаетъ, что Дохтуровъ не могъ выступить къ Малоярославцу прежде полученія на то приказанія; ибо, повторяю, Кутузовъ очень легко могъ предпринять движеніе изъ Тарутина на Калугу, и тогда открылъ бы Наполеону путь на Медынь, съ выигрышемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ, или четырехъ, маршей. Я оговариваю здѣсь первое показаніе Г. Богдановича, что будто бы Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова, не получивъ еще на то повелѣнія; впрочемъ, почтенный сочинитель сказалъ это такъ, безъ соображенія; ибо чрезъ три страницы онъ говоритъ уже другое; но тутъ я удивляюсь тому, можно ли было допустить себѣ и тѣмъ мысли, что Дохтуровъ могъ предпринять такую рѣшимость, онъ, который отличался здравомысліемъ и опытностію! ¹²

---

¹⁰ Напрасно Г. Богдановичъ превозноситъ въ этомъ эпизодѣ партизановъ; мнѣ кажется, слѣдовало бы повременить до 1813 года, тѣмъ болѣе, что и въ окрестностяхъ Березины о нихъ не слышно, тогда какъ здѣсь, точно также, какъ и въ окрестностяхъ Москвы, они могли бы принести большую пользу, за исключеніемъ, впрочемъ, Сесланина, появившагося около Березины, да и по переправѣ черезъ эту рѣку дѣятельность его была неутомима до самой Вильны. Относительно же другихъ, то я разумѣю только партизановъ, наблюдавшихъ собственно Москву и просматрѣвшихъ выступленіе Французовъ изъ оной, начавшееся за восемь дней предъ тѣмъ, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о томъ Кутузова. Но довольно о семъ: въ 1838 году я говорилъ уже о нихъ.

¹¹ Обстоятельство это подробно рассмотрѣно въ упоминавшейся статьѣ.

¹² Чтобы не прерывать разсказа о событіяхъ при Малоярославцѣ, а между тѣмъ

На стр. 31-й сказано, что «неприятель 11-го Октября занялъ Малоярославецъ, безъ сопротивленія.»¹³

За симъ слѣдуетъ ссылка (№ 2), а вотъ что и въ ней: «Липранди, исполнявшій должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го пѣхотнаго корпуса, пишетъ, будто бы (!) Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ неприятелей (Сѣв. Пч., 1858, № 45); но этому противорѣчатъ у Лабома (р. 256) подлинныя слова Дельзона Вице-Королю: «Вчера, прибывъ сюда, я занялъ позицію, и, казалось, намъ нельзя было ожидать ни какого сопротивленія, но въ четыре часа утра я былъ атакованъ многочисленной пѣхотой; немедленно два баталіона встали въ ружье: опрокинутые несравненно сильнѣйшимъ неприятелемъ, они были принуждены спуститься съ высоты и очистить Малоярославецъ.»

Почтенный сочинитель своей Исторіи словомъ «будто бы не признаетъ показанія моего за истину, по тому что этому

слѣдовать по порядку за страницами, ввожу нѣкоторыя мѣста въ выноску. Такъ, на стр. 22-й, историографъ, рассказывая о положеніи жителей Москвы, когда оставили ее Французы, присовокупляетъ: «Къ довершенію отчаянія несчастныхъ, наступила стужа, никогда не бывшая въ эту пору года. Страдальцы, липшие крова, покрытые рубищами, изнемогавшіе отъ голода и холода, скитались и гнили на развалинахъ Москвы.» Ссылки нѣтъ, а самъ Г. Профессоръ, конечно, тутъ не былъ, изобразить же повѣстическую картину крѣпко хотѣлось ему, желалось къ немнѣнію крова, рубища, къ изнеможенію отъ голода, прибавить, чтобы было посильнѣе, и стужу, отъ которой страдальцы гнили на развалинахъ и т. д. Но какая могла быть стужа 11-го Октября, въ Москвѣ, особенно же для Русскихъ, тогда какъ общее засвѣдѣтельствованіе и самихъ Французовъ, говоритъ, что въ это время погода была прекрасная? Въ другомъ мѣстѣ это изложено подробно. Но вотъ замѣчательное явленіе на стр. 29-й: «Волинскій гусарскій полкъ. Что это такое? Я не слышывалъ, чтобы въ Русской арміи былъ когда либо гусарскій полкъ этого имени. Думалъ опечатка, но нѣтъ; значить былъ такой полкъ въ мѣстѣ Г. Профессора.

¹³ А выше, на стр. 13-й, что было сказано? Вѣдь совершенно противное! Тамъ сказано, что онъ «могъ бы занять оный безъ сопротивленія, т. е., если бы Дохтуровъ выждалъ предписанія или въ этотъ городъ, и не поспѣшилъ бы самъ, не ожидая призыванія. Путаница!

противорѣчитъ Лабомъ, приведшій подлинныя слова Дельзона, сказанныя Вице-Королю! Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, во первыхъ, что въ статьѣ моей, на которую Г. Богдановичъ ссылается, нѣтъ и слова о томъ, чтобы я сказалъ, что «Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ непріятелей.» Я сказалъ, что когда мы вѣхали въ городъ и достигли до первой площадки, сдѣланъ былъ по насъ залпъ ружей изъ ста, ¹⁴ и послѣ сего не было уже ни одного выстрѣла, ни со стороны непріятеля, убѣжавшаго изъ города къ мосту, ни со стороны нашей. Проводникъ же, житель Малоярославца, тотчасъ взятый мною, объяснилъ, что часа за полтора человекъ двѣсти Французовъ вошли въ городъ и начали брать въ проводники кого ни попало; но когда послышались выстрѣлы (помянутый залпъ), они стремглавъ бѣжали. Вотъ все, что мною сказано, и что очень далеко отъ того, что Г. Богдановичъ приводитъ. ¹⁵

Во вторыхъ. По чему Лабомъ пользуется, большею довѣренностью въ этомъ случаѣ, когда Г. Богдановичъ самъ говоритъ о немъ (т. III, стр. 530): «Хотя сочинитель (Лабомъ) иногда увлекается негодованьемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя, однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенности 4-го пѣхотнаго корпуса, яркими красками и съ достаточною подробностью.» ¹⁶ По чему же Лабомъ и въ настоящемъ случаѣ не могъ увлечься, не дать воли своему воображенію и не вдаться въ показанія весьма сомнительныя,

---

¹⁴ Мы были убѣждены, что въ Малоярославцѣ Казаки. Это видно и изъ Записокъ А. П. Ермолова, стр. 219. Должно предполагать, что Казачій наблюдательный постъ оставилъ городъ тотчасъ по исправленіи моста непріятелемъ, и когда этотъ послалъ въ опый за проводниками, постъ отступилъ къ Атаману, стоящему по направленію къ Медвни, не извѣстивъ насъ, слѣдующихъ отъ Спасскаго.

¹⁵ Впрочемъ, Г. Богдановичъ не одинъ разъ такъ правильно ссылается, что видно изъ обзора его сочиненія.

¹⁶ Еще повторяю: по чему не принять во вниманіе рассказъ его о 4-мъ корпусѣ, при овладѣніи центральной батареей въ Бородинѣ?

въ особенности принадлежа къ 4-му корпусу, тутъ дѣйствовавшему? Ему нужно было стоять за честь онаго.

Въ третьихъ. Но и самыя слова Дельзона, сказанныя будто бы Вице-Королю, при строгомъ разборѣ, даютъ понимать, что онъ дѣйствительно, только часа за полтора предъ тѣмъ, послалъ въ городъ за проводниками, не встрѣтивъ тутъ Русскихъ, а та часть, которая среди города наткнулась на насъ и сдѣлала замъ, конечно, только шла еще занимать позицію. ¹⁷ Наконецъ это подтверждаетъ и Баронъ Денъе, очевидецъ и участникъ, имѣвшій всю возможность, по своему положенію, знать лучше обстоятельство. Вотъ что говоритъ онъ (р. 108): «Deux bataillons d'avant-garde du Vice-Roi venaient à peine de penetrer dans la petite ville de Malojaroslawitz, qu' il furent attaqués à l'improviste par deux régiments russes,» и должны были оставить городъ и т. д.

Въ четвертыхъ. По чему Г. Богдановичъ, ссылаясь на меня съ приложеніемъ: будтобы не сослался на Генерала Барона Кросара, ¹⁸ бывшаго безотлучно при Фельдмаршалѣ подъ Малоярославцемъ, который говоритъ то же, что и я, и именно (т. 5, р. 48), когда Кутузовъ прибылъ на мѣсто битвы, Дохтуровъ подѣхалъ къ нему: «Il nous apprend, qu' au moment, où ses premières troupes pénétraient dans Malojaroslawitz, les premières troupes de l'ennemi y entraient aussi du côté opposé,»—и присовокупляетъ: «Ainsi au rapport de ce général (Дохтуровъ), il serait constant, qu'aucune troupe ennemi n'avait même pris possession des premières maisons

¹⁷ Дельзонъ прибылъ къ городу 11-го числа. Извѣстно же, что мостъ былъ сожженъ, плотина прорвана; онъ остановился предъ городомъ, за р. Лужей, и приступилъ къ исправленію моста. Когда онъ былъ изготовленъ, тогда и были имъ посланы упоминаемые два батальона, наткнувшіеся на 6-й и 33-й егерскіе полки, какъ о семъ будетъ сказано.

¹⁸ Mémoires militaires et historiques etc., par M. le Baron de Crossard, Marechal de camp etc. Paris, 1829, in 8, 6 v. Баронъ Кросаръ, Генералъ Испанской службы, былъ принятъ въ нашъ Генеральный Штабъ Полковникомъ. Онъ встрѣтилъ армию между Москвой и Бородиномъ, и съ того времени не покидалъ Князя Кутузова. А. П. Ермоловъ, въ Запискахъ своихъ (стр. 180), говоря объ обзорѣннхъ позиціяхъ подъ Москвой, вмѣстѣ съ Барономъ Кросаромъ, отзывается о немъ, какъ о «человѣкѣ съ дарованіемъ,» и пр.

de la ville,» по чему повторяю, Г. Богдановичъ отвергаетъ всё этѣ засвѣдѣтельства, а придерживается только одного Лабома, который, по признанію самого сочинителя «Исторіи Отечествен-ной войны,» даетъ волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя?»

На этой же 31-й страницѣ:.... «Войска Дохтурова, на разсвѣтѣ 12-го (24), прибыли къ Малоярославцу и стали по обѣ стороны Калужской дороги. Чтобы не дать неприятелю времени утвердиться въ городѣ, ¹⁹ Дохтуровъ тотчасъ послалъ туда состоявшіе въ отрядѣ Генерала Дорохова 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ слѣдовалъ 11-й (егерскій).»

Помню того, что это неправильно, а выражено, однако же, какъ бы очень ясно, Г. Богдановичъ, по видимому, недовольный и этой ясностью, усиливается пояснить еще яснѣе. Сказавъ уже, что войска Дохтурова заняли позицію для прегражденія неприятелю пути къ Калугѣ, и что съ этой позиціи слѣдано было и распоряженіе послать въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ послѣдовалъ 11-й егерскій полкъ, вдругъ за этѣми послѣдними словами возвращается къ позиціи и говоритъ: «пѣхота 6-го корпуса, расположилась противъ города (1).»

Кто знаетъ твердо, что Дохтуровъ былъ начальникъ 6-го корпуса, тотъ хотя немного и призадумается, но все таки пойметъ, что сочинитель говоритъ объ одномъ и томъ же обстоятельстве; но обыкновенный читатель подумаетъ, что сдѣсь было два отряда—одинъ состоялъ изъ войскъ Дохтурова, а другой изъ 6-го корпуса; тѣмъ болѣе это сбивчиво и можетъ повести къ ошибочному мнѣнію уже и по тому, что въ первомъ случаѣ сказано положительно, что «войска Дохтурова стали по обѣ стороны Калужской дороги,» а во второмъ, что

---

¹⁹ И сдѣсь оборотомъ рѣчи и словомъ утвердиться Г. Богдановичъ какъ бы хочетъ дать понять, что неприятель былъ уже въ городѣ; ибо иначе, вмѣсто утвердиться, онъ бы сказалъ занять и утвердиться.

пѣхота 6-го пѣхота расположилась противъ города, кавалерія же правѣе,» къ Спасскому. Слѣдовательно, противъ какой изъ трехъ сторонъ? Ибо съ четвертой былъ непріатель, и объ этомъ послѣднемъ расположеніи говорится только чрезъ нѣсколько строкъ, послѣ перваго обозначенія позиціи! Сверхъ того, по моему мнѣнію, было бы приличнѣе говорить о конницѣ тамъ, гдѣ сказано о войскахъ Дохтурова; ибо въ то время онъ дѣйствительно начальствовалъ всѣми, тутъ сосредоточившимися, войсками; слѣдовательно, и слово войска Дохтурова было бы выраженьемъ правильнымъ. Но не сказавъ сдѣсь ни слова о конницѣ, а упоминать о ней, говоря о пѣхотѣ 6-го корпуса, — неправильно; ибо въ составѣ 6-го корпуса, кромѣ пѣхоты, съ принадлежащею артиллеріею, конницы не было, а она была въ войскахъ Дохтурова; слѣдовательно, тутъ ей и мѣсто. Но это я замѣчаю такъ, мимоходомъ; но вотъ что сдѣсь уже не неясность, а что-то другое.

Выше было видно, что Дохтуровъ, расположивъ свои войска по обѣ стороны Калужской дороги, уже отсюда тотчасъ послалъ въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки. Это сказано въ концѣ 31-й страницы, а въ началѣ слѣдующей, 32-й, говорится, что «въ пять часовъ утра войска наши пошли въ атаку (1): 33-й егерскій полкъ первымъ вступилъ въ городъ.» Нѣсколько строкъ далѣе: «Съ нашей стороны были посланы въ помощь 33-му полку 6-й и 19-й егерскіе полки, подъ начальствомъ Полковника Вунча.»²⁰

Понятно, что чрезъ нѣсколько страницъ, при послѣшномъ сложеніи Исторіи, можно забыть то, что уже сказано, на основаніи ли какого матеріала, или на удачу, и потомъ, на основаніи тоже какого либо другаго матеріала, или также на удачу, и при отсутствіи даже и памяти, написать иное. Но написать это чрезъ

²⁰ Въ концѣ параграфа ссылка № 4, въ коей сказано: «Записки Ермолова. По свидѣтельству же Липранди прежде всѣхъ вошелъ въ городъ 6-й егерскій Полковника Глѣбова полкъ, а 33-й Полковника Бистрома остановился при входѣ въ городъ, какъ бы въ резервѣ.» Поясненіе этого обстоятельства находится въ не разъ упоминавшейся моей статьѣ.

нѣсколько строкъ—замѣчательно! Сдѣсь уже нѣтъ и помина о послѣдовавшемъ въ резервѣ, за 6-мъ (12-й дивизіи) и 33-мъ (11-й дивизіи) полками, 11-мъ егерскомъ, который былъ 7-й дивизіи, а на мѣсто его появляется 19-й егерскій, 24-й дивизіи, и при томъ соединенно съ 6-мъ егерскимъ, который, какъ видно было выше, пошелъ вмѣстѣ съ 33 полкомъ и сдѣсь вдругъ очутился съ своимъ шефомъ, Глѣбовымъ, подъ начальствомъ Вунча, вмѣсто 40-го егерскаго, бригады сего послѣдняго!

Таковы итоги соображеній лицъ, которыя мнѣ стовтъ выше бывалыхъ, не совершенно, такъ же чуждыхъ письменности, а по опытности обладающихъ большою основательностью.

Сдѣсь я только слегка замѣтилъ нѣкоторыя несообразности въ частностяхъ, которыя ловкій писатель, хотя бы и не чрезъ чуръ былъ письменный и свѣдущій въ литературѣ такого рода, счумѣлъ бы парализовать, рѣшившись на что ни будь одно, такъ, чтобы не было разнорѣчія: пусть догадываются! А какъ всѣ участники переирутъ, такъ кому какое дѣло: Дитерихъ ли съ 11-мъ егерскимъ полкомъ поддерживалъ 6 й и 33-й полки Глѣбова и Бистрома, или Вунчъ съ 19-егерскимъ; главное, было бы гладко; но такъ какъ написалъ Г. Богдановичъ, и чрезъ нѣсколько вѣтъ узягъ промахи и неосновательность повѣствованій.

Относительно же выше упомянутаго эпизода, онъ вообще отъ начала до конца изложенъ неправильно. Сдѣсь вкратцѣ замѣчу: 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову, при Арштовѣ, были посланы въ городъ не съ позиціи при Малоюрославцѣ, а изъ Спасскаго, когда едва только представилась возможность, по приготавливаемымъ плотамъ для мостовъ, перебраться по бревнамъ чрезъ Протву,²¹ и направлены въ городъ, въ который вошли за четверть часа до разсвѣта, не ходивъ въ

²¹ По этому нельзя было присоединить къ нимъ и артиллерию, которая послана была при первой возможности. Дохтуровъ торопился, какъ бы скорѣе успѣть занять Малоюрославецъ, а по тому, едва представилась возможность, и послалъ упомянутые полки.

этомъ случаѣ въ атаку, какъ выше сказалъ это почтенный сочинитель. Когда же мосты въ Спасскомъ были готовы, Дохтуровъ переправился и узналъ о положеніи дѣла въ Малоарославцѣ, тогда, въ слѣдъ за 6-мъ и 33-мъ егерскими полками, былъ посланъ Вунчъ съ 19 и 40 егерскими полками ²² и съ легкою артиллерійскою ротой Девеля. Подробности этого находятся въ той же статьѣ моей.

Продолжая описывать бой въ городѣ (стр. 34), сказано: «Съ нашей стороны Вильманстрандскій пѣхотный и 11-й егерскій полки введены въ Малоарославецъ,» и т. д.

Что за оказія! Сдѣсь является опять 11-й егерскій полкъ, но уже не вмѣстѣ съ 6-мъ и 33-мъ егерскими, какъ сказано было за полторы страницы выше, а съ Вильманстрандскимъ. Не понимаю, какимъ образомъ могъ попасть, вмѣстѣ съ 11-мъ егерскимъ полкомъ, принадлежавшимъ 6-му корпусу, Вильманстрандскій, гораздо прежде прибытія Кутузова, слѣдовательно, и Милорадовича (пришедшаго еще позднѣе), у котораго въ авангардѣ находился 2-й корпусъ, а по тому и дивизія Олсуфьева, въ составѣ которой былъ Вильманстрандскій полкъ! Сдѣсь должна быть, кажется, описка, не замѣченная сочинителемъ своей Исторіи. Я не помню этого полка дѣйствовавшимъ въ Малоарославцѣ съ полками 6-го корпуса, по крайней мѣрѣ, до прибытія всей арміи. ²³ Не произошло ли сдѣсь недоумѣніе, и вотъ по чему: когда

---

²² Сдѣсь должно замѣтить, что эти полки, потерявъ громадную потерю въ Борюдинѣ, были соединены въ одинъ слабый полкъ подъ № 19, что продолжалось до 1813 года, когда подошли резервы и полки вновь получили отдѣльное свое значеніе.

²³ Полкъ этотъ былъ очень мнѣ знакомъ еще съ Финляндской войны, когда имъ лично командовалъ шефъ онаго, П. А. Тучковъ 3-й; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ я не могъ забыть этого, помня и до днесь многихъ Офицеровъ; а сверхъ того, по обязанности моей, это ни какъ не могло укрыться отъ моего свидѣнія; да и самъ Г. Богдановичъ, конечно, не упустилъ бы сказать, какимъ образомъ полкъ этотъ очутился въ дѣйствиіи съ 6-мъ корпусомъ, а этого нѣтъ; и по тому это ошибка, промахъ въ глазахъ очевидцевъ битвы, а другимъ, опять говорю, какое дѣло? Не уже ли въ міровыхъ событіяхъ, какъ часто

Генералъ Дороховъ оставленъ былъ съ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Верей, то въ концѣ Сентября, для предпріятія на этотъ городъ, отпращены были къ нему Полоцкій и Вильманстрандскій мушкетерскіе полки и изъ 6-го корпуса батальонъ 19-го егерскаго полка. По овладѣніи Вереею, 29-го Сентября, пѣхота и легкая артиллерія возвратились къ арміи. ²⁴ Событіе это мнѣ очень памятно по многимъ отношеніямъ. Скоро послѣ, вмѣсто понянутой пѣхоты, посланы были къ Дорохову 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову при Аристовѣ. ²⁵

На стр. 35-й рассказывается, какъ Кутузовъ, переправясь въ Спасскомъ чрезъ Протву, «остановилъ войска въ пяти верстахъ отъ поля сраженія и далъ имъ отдыхъ... Осторожный Кутузовъ

говаривалъ покойный А. И. Данилевскій, имя того или другого полка можетъ имѣть какой либо историческій интересъ? Этѣ частности ступшевываются громадностью общаго событія. Не то относительно живыхъ, въ чемъ неотмѣнно сознается и Г. Профессоръ, тѣмъ болѣе, что это было такъ и во времена Тата Ливія.

²⁴ По чему этого нѣтъ у Г. Богдановича, когда у другихъ историковъ оно находится? Но отъ этого ли незнанія помѣщенъ и Вильманстрандскій полкъ тамъ, гдѣ уже его не было? Во всякомъ случаѣ, Исторія, посвященная исключительно описанію военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну, должна была пояснить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что объ отозваніи этѣхъ полковъ отъ Дорохова говорится въ предшествовавшихъ исторіяхъ, а равно и объ отправленіи въ послѣдствіи къ Дорохову 6-го и 33-го егерскихъ полковъ, въ замѣнъ отозванныхъ.

²⁵ Въ Эпиграмахъ А. П. Ермолова (стр. 221) упоминается о Вильманстрандскомъ полкѣ слѣдующимъ образомъ: «...прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные Софійскій, Ляваскій и Вильманстрандскій, съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи... Храбрая атака въ штыки Ляваскаго полка, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Талызина, и Софійскаго, подъ командой Полковника Жалыпина (я не Жалытина, что, конечно, опечатка), которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ» и т. д. Первые названные сдѣсь три полка 7-й дивизіи, бывшей въ составѣ 6-го корпуса, а послѣдній 2-го корпуса; Ляваскій и Софійскій составляли 2-ю бригаду; Псковскій и Московскій 1-ю, а 11 и 36-й 3-ю бригаду 7-й дивизіи. Еще разъ повторяю, что въ упомянутомъ наименованіи должна быть описка, которую Г. Богдановичъ ввелъ въ Исторію.

(продолжаетъ сочинитель) неохотно рѣшался на движеніе къ Малоярославцу (еще подтвержденіе, что Дохтуровъ не могъ безъ приказанія ити изъ Аристова въ Малоярославецъ), могшее повлечь за собой генеральное сраженіе, но получивъ во второй разъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи Дохтурова, послалъ ему въ помощь 7-й корпусъ и поручилъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія. Коновницынъ, съ первыми встрѣченными имъ батальонами Орловскаго полка, ударилъ на непріятеля. Въ слѣдъ за тѣмъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ на правый флангъ нашей позиціи, къ тремъ часамъ по полудни» и т. д.

Прохожу молчаніемъ тонкую филиппику на счетъ медленности Кутузова спѣшить къ Дохтурову и опасенія не быть привлеченнымъ въ генеральное сраженіе, что, въ особенности послѣднее, вызвало бы длинное разсужденіе; замѣчу опять однѣ только неясности. Кутузовъ посылаетъ 7-й корпусъ на помощь Дохтурову и поручаетъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія; Коновницынъ же, «съ первыми встрѣчными батальонами Орловскаго полка, ударяетъ на непріятеля.»²⁶ Это не только что неясно, но и во все непонятно: Орловскій полкъ былъ 7-го корпуса, котораго подъ Малоярославцемъ еще не было. Онъ только что получилъ приказаніе ити туда. Тѣмъ болѣе это сбивчиво, что послѣ того, какъ Коновницынъ съ Орловцами ударилъ на непріятеля, сказано: «въ слѣдъ за симъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ» и т. д. Какимъ же образомъ Орловцы-то были подъ Малоярославцемъ прежде, нежели подошли къ нему? Слѣдовательно, неясность еще очевиднѣе! Сдѣсь должно еще замѣтить, что оборотъ рѣчи въ приведенномъ мною параграфѣ возбудитъ недоумѣніе въ лицахъ, несовершенно знакомыхъ съ событіями, и заставить ихъ подумать, что 7-й корпусъ, отправленный въ помощь Дохтурову, не то, что корпусъ Раевскаго. А наконецъ, что такое Коновницынъ въ этотъ моментъ? Мы это знали, но для другихъ поясненіе было необходимо; ибо въ это время онъ былъ уже Дежурнымъ Генераломъ, а по составу рѣчи, какъ будто на-

²⁶ Въ Запискахъ А. П. Ермолова сказано о семъ (стр. 222): «На самое короткое время пріѣзжалъ изъ арміи Дежурный Генералъ Коновницынъ; появленіе его было для одной реляціи.»

чальникомъ 7-го корпуса. Все это, повторяю, ясно для насъ, а можетъ быть отчасти и для Г. Богдановича, но не для всѣхъ, которые желали бы, не ломая головы, почерпнуть понятія положительныя.

На стр. 36-й: «полки Дохтурова и Раевского, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи.» Этѣ три строки неотчетливы: онѣ наводятъ мысль на наше поражение, а по тому пройду кратко этого эпизода. По прибытіи Дохтурова, онъ занялъ позицію предъ Малоюрославцемъ около трехъ четвертей версты отъ онаго, поперекъ дороги, идущей въ Калугу. Около версты сзади позиціи Дохтурова находилось село Нѣмцево, лежащее въ глубокомъ оврагѣ. Относительно того, былъ ли въ началѣ занятъ городъ Французами, какъ хочетъ увѣрить Г. Богдановичъ (впрочемъ, невольно противорѣча себѣ), или не былъ занятъ, это все равно. Сдѣсь дѣло только въ томъ, что городъ былъ спорнымъ пунктомъ между обѣими арміями, и мы съ позиціи, первоначально занятой передъ городомъ, посылали подкрѣпленія въ оный по мѣрѣ того, какъ непріятель усиливался. Раевскій, прибывъ съ своимъ 7-мъ корпусомъ, остановился на правомъ флангѣ 6-го корпуса, слѣдовательно, продолжилъ только первоначальную позицію, занятую на разсвѣтъ Дохтуровымъ. Съ этой позиціи оба корпуса стали посыпать подкрѣпленіе бывшія въ городѣ, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и позиція наша оставалась во все время на томъ самомъ мѣстѣ, какъ она занята была первоначально.

Сказанныя слова Г. Богдановича: «полки Дохтурова и Раевского, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи,» даютъ понимать, что мы отступили на пушечный выстрѣлъ; но это было не такъ; ибо если бы Г. Богдановичъ сказалъ, что полки Дохтурова и Раевского отошли на позицію, съ которой былъ открытъ сильный огонь съ батарей, то было бы правильно и понятно; но такъ какъ онъ выразился, оно неправильно и непонятно. Вытѣсненіе полковъ Дохтурова и Раевского изъ города свѣжими войсками, приведенными Даву, было кратковременное: отбросивъ картечнымъ огнемъ головы не-

вріятельскихъ колоннъ, пытавшихся выйти изъ города, наши опять проникли въ оный. По прибытіи же 8-го корпуса Бородинна, послѣдній вытѣснилъ Французовъ изъ города, который потомъ опять былъ занятъ ими, когда уже стемнѣлось.²⁷

Изъ всего выше писаннаго видно, что позиція наша, занятая Дохтуровымъ на разсвѣтъ 12-го ч., оставалась постоянно за нами до разсвѣта слѣдующаго дня, до того времени, какъ приказано было всей арміи перейти Нѣмецскій оврагъ и занять другую позицію, что и было совершенно ночью на 13 Октября. Но и тогда позиція, первоначально занятая Дохтуровымъ, оставалась до десяти часовъ утра, 13-го числа, занятой Милорадовичемъ съ авангардомъ, въ которомъ случайно были и три полка 6-го корпуса.

На стр. 37-й сказано: «Уже день склонялся къ вечеру, когда прибылъ къ Малоярославцу Фельдмаршалъ съ остальными корпусами, пришедшими отъ Тарутина.»²⁸ Войска сіи распо-

²⁷ Оставленіе Малоярославца корпусомъ Бородинна произошло отъ какого-то недумія, какъ говорили въ то время. Сдѣсь не мѣсто разсматривать это, что было бы и слишкомъ длинно. Но нельзя не замѣтить тутъ замысловатыя слова, будто бы сказанныя Кутузовымъ Коновницину, оглявшаго его, какъ видѣли выше, въ Малоярославецъ (стр. 67): «Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрощаю не вѣдаться въ огонь; но теперь прошу тебя очистить городъ.» Не извѣстно, изъ какихъ источниковъ слова этѣ переданы въ Исторію. А потѣ въ чемъ дѣло: гдѣ Кутузовъ берегъ Коновницина? Въ арьергардѣ до Шевардина и при ономъ, въ Бородинѣ, вездѣ доля Коновницина была находиться въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ. Сдѣсь подѣ Малоярославцемъ, хотя онъ былъ Дежурнымъ Генераломъ, но, какъ видимъ, онъ посылается Кутузовымъ въ огонь во второй разъ, съ приказаніемъ, которое не могло не потребовать полного самоотверженія, и посылается тогда и туда, гдѣ дѣйствовали Генералы не хуже Коновницина, Дохтуровъ, Раевскій, Принцъ Евгѣній Виртембергскій, Ермоловъ и др., а по тому приведенныя слова въ этомъ случаѣ не приходится и представляють мистификацію, буде дѣйствительно были сказаны Кутузовымъ. Любопытно было бы знать, отъ кого заимствовалъ ихъ дочинитель? Самъ, вѣдь, слышать онъ не могъ, какъ Давидовскій, передающій иногда то, что онъ самъ слышалъ.

²⁸ Нахожу неправильнымъ выраженіе: «съ остальными корпусами.» Если бы вѣдь Малоярославецъ была, положимъ, хотя бы половина арміи, тутъ выра-

жились на высотах по обѣ стороны Калужской дороги, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города.»

И сдѣсь, помимо перепутанности въ разсказѣ вообще о событіяхъ при Малоарославцѣ, обращаю только вниманіе на несогласованіе помянутыхъ строкъ съ приложеннымъ къ этому же сочиненію планомъ, что, со множествомъ подобнаго, ставитъ читателя, какъ говорится, въ тупикъ и оставляетъ въ недоумѣніи. Чему все это должно приписать?

Если Кутузовъ, подойдя къ Малоарославу, дѣйствительно расположилъ армию въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже текъ обозначить и на планѣ. Между тѣмъ какъ на планѣ всл приведенная Кутузовымъ армія и корпуса, бывшіе съ Малорадовичемъ, показаны расположенными отъ города въ разстояніи менѣе версты, исключая 2-й и 4-й пѣхотные корпуса не съ большимъ въ верстѣ, а 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса около полуторы версты, какъ въ дѣйствительности это и было, что свидѣтельствуютъ повѣствованіе Бутурлина, Кросара и Михайловскаго-Данилевскаго, который приложилъ и снятый въ свое время планъ.²⁹

женіе это было бы сносно. Но сдѣсь былъ только одинъ корпусъ 6-й; слѣдовательно, остальное составляло шесть пѣхотныхъ и нѣсколько кавалерійскихъ корпусовъ. Но это я говорю мимоходомъ. Въ строгомъ смыслѣ невѣрно и то, что отъ остальныхъ пришли отъ Тарутина; ибо нѣсколько корпусовъ пришелъ съ Малорадовичемъ не отъ Тарутина.

²⁹ Пожалуй, иной подумаетъ, что сочинитель: «Исторіи Отечественной войны» не выдалъ прилагаемаго къ своему тексту плана, точно также, какъ и плана Тарутинской позиціи. У Данилевскаго къ событіямъ Малоарослава приложено четыре плана: 1, Движеніе армій нѣзъ Тарутина; 2, Планъ сраженія въ началѣ только Доктурова; 3, Планъ сраженія, когда Кутузовъ привелъ армію и расположилъ ее передъ городомъ, нѣзъ сзади Нѣмцево, и 4, Планъ ночнаго нападенія Казановъ съ 12-го на 13-е Октября, гдѣ показана и армія, ставшая уже на позицію въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города, нѣзъ предъ собой Нѣмцево. Что же нѣзъ всего этого представляетъ Г. Богдановичъ? Одинъ планъ, несходствующій съ текстомъ описанія! За что же онъ такъ безщадно, какъ дагѣ увидимъ, громить Данилевскаго, вмѣстѣ съ Ахшарумо-

Кутузовъ, по прибытіи къ Малоюрославцу, поставилъ всё свои и Малюрадовича войска, не такъ, какъ повѣтствуетъ Г. Богдановичъ, а расположилъ ихъ правѣе Дохтурова и Рзевскаго, что правильно на планѣ и показано, словомъ, передъ городомъ, имѣя сзади Нѣмцевскій оврагъ, и прикрылъ фронтъ тремя укрѣпленіями, съ неизмовѣрною скоростію устроенными Генераломъ Ферстеромъ, на половину пушечнаго выстрѣла отъ города.

Г. Богдановичъ видимо недостаточно вникнулъ и изучилъ описываемыя имъ событія, и слилъ два эпизода въ одинъ. А именно: когда Кутузовъ и Малюрадовичъ 12-го числа пришли къ Малоюрославцу, они остановились на позиціи, какъ замѣчено выше, на пушечный выстрѣлъ отъ города, словомъ, такъ, какъ показано и на планѣ, приложенномъ къ сочиненію Г. Богдановича. Это была первоначальная позиція или, правильнѣе сказать, позиція въ день битвы.

Но такъ какъ позиція эта не включала необходимыхъ условій для принятія Генеральнаго сраженія, которое могло произойти на слѣдующій день; ибо въ трехъ четвертяхъ версты, за лѣвымъ флангомъ и частию центра, по направленію къ Калугѣ, находился глубокій Нѣмцевскій оврагъ, трудно проходимый, по крутизнѣ единственнаго спуска и подъема на столбовой дорогѣ, пролегавшей чрезъ селеніе Нѣмцево, а о другихъ переходахъ чрезъ этотъ оврагъ нельзя было и помышлять; за правую же частию центра и за правымъ флангомъ позиція находилась глубокая, трудно проходимая, долина, поросшая лѣсомъ и изрѣзанная оврагами, среди которой протекаетъ ручей, впадающій въ р. Лужу, то все это и побудило Фельдмаршала, занятую имъ предъ вечеромъ, 12-го ч., позицію оставить и перейти между полночью (на 13-е Октября) и разсвѣтомъ Нѣмцевскій оврагъ, и тутъ твердо расположиться къ утру. Вотъ позиція, занятая уже, какъ сказано, 13-го числа, по окончаніи битвы въ Малоюрославцѣ и отстоявшая отъ города дѣйствительно на двѣ съ поло-

---

вымъ, Бутурлинымъ, Окуновымъ, словомъ, всѣхъ, кто дерзалъ писать прежде его сочиненія?

виной версты; но позиція эта была не первоначальной, на которую Г. Богдановичъ приводитъ Кутузова прямо изъ Тарутина, вопреки даже плана расположенія всей арміи 12-го числа. Замѣчательно сдѣсь то, что текстъ не упоминаетъ о позиціи арміи 12-го ч., хотя планъ подробно указываетъ на мѣста, занимаемыя каждымъ корпусомъ и другими частями войскъ, между тѣмъ какъ позиція, упоминаемая въ текстѣ, за двѣ съ половиной версты, не имѣетъ плана.

Г. Богдановичъ справедливо говоритъ (стр. 32), что Кутузовъ привелъ армію къ Малоярославцу, когда день началъ склоняться къ вечеру; но несправедливо, что расположился въ двухъ съ половиной верстахъ. Туда она отправилась къ разсвѣту, 13-го ч., а до окончанія битвы, 12 ч., она оставалась въ продолженіе десяти часовъ времени, значитъ, около полусутокъ, на позиціи предъ самымъ городомъ, на пушечный выстрѣлъ отъ оная. Фельдмаршалъ самъ указалъ Генералу Ферстеру мѣста для возведенія редутовъ, и при обзорѣни мѣстности не одно ядро пролетѣло около него.

Если бы Г. Богдановичъ былъ снисходительнѣе къ очевидцамъ, писавшимъ прежде его, а не отдавалъ бы преимущества, по собственному выбору, тѣмъ, которые описываютъ событія, не участвовавъ въ оныхъ, то онъ не впалъ бы въ такія погрѣшности, которыми сочиненіе его переполнено. На примѣръ, относительно разбираемаго предмета, онъ нашелъ бы всему этому разъясненіе у Михайловскаго-Данилевскаго,³⁰ который (т. III, стр. 292) пишетъ: «Мѣстность не дозволяла принять нападенія съ

---

³⁰ Описаніе Михайловскимъ-Данилевскимъ Малоярославскаго сраженія (то же при Бородинѣ и пр.), конечно, не удовлетворительно, но въ немъ нѣтъ такихъ промаховъ, какіе встрѣчаются въ «Исторіи Отечественной войны 1812 г.» Участвовавшій никогда не можетъ впасть въ такую ерунду, какъ писатель, не участвовавшій въ тѣхъ событіяхъ, которыя предпринялъ описывать, а при томъ и не видавшій еще ни одной классической войны. Сверхъ всего этого хотя и Данилевскій иногда проскакивалъ на курьерскихъ чрезъ нѣкоторыя событія, но у него нельзя отнять свободы выражать военныя дѣйствія, и онъ, не предпринималъ сужденій, которыя ему не подъ силу: на столько у него было смысла!

той позиціи, гдѣ наша армія стояла; ибо сзади находились овраги, и нельзя было употребить нашей кавалеріи, обѣщавшей намъ въ сраженіи рѣшительный перевѣсъ. Возобновить бой ночью тоже было неудобно, а по тому Князь Кутузовъ приказалъ арміи занять, до разсвѣта, другую позицію, въ двухъ съ половиною верстахъ позади первой. Передвиженіе войскъ исполнено ночью, съ 12-го на 13-е Октября; только Милорадовичу велѣно было не трогаться и стоять въ виду города на прежней позиціи.»

Г. Богдановичъ нашелъ бы то же самое у Бутурлина (т. II, стр. 46), что «съ 12 на 13-е ч. армія расположилась на Калужской дорогѣ, за ручьемъ Корижею (текущимъ въ Нѣвцевскомъ оврагѣ), въ весьма выгодной позиціи, въ двухъ верстахъ съ половиной отъ Малоярославца.» Еще болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ онъ получалъ бы изъ повѣствованія Барона Кросара, состоявшаго при Фельдмаршалѣ и избравшаго эту вторую позицію, о которой очень подробно рассказываетъ въ пятомъ томѣ своихъ военныхъ воспоминаній, посвятивъ этому нѣсколько страницъ (51—61), именуя даже Офицеровъ Генеральнаго Штаба, ему для сего приданныхъ. Независимо отъ этѣхъ указаній, есть множество другихъ засвѣдѣтельствваній,²⁴ писанныхъ также участниками при Малоярославцѣ, какъ въ рядахъ нашихъ, такъ и непріа-

²⁴ Въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста,» Полковника И. Т. Радожицкаго (т. I, стр. 228); въ «Офицерскихъ Запискахъ», Князя Н. Б. Голицына (стр. 27); въ «Походѣ Наполеона въ Россію» (стр.); въ «Запискахъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ» (стр. 15); въ «Малоярославцѣ 1812 г.» В. Глинки (стр. 79); въ «Пораженіи Французовъ на Сѣверѣ» (стр. 240), и другихъ соотечественниковъ. А вотъ засвѣдѣтельствованіе и Французовъ: Генерала Гурго (р. 27); Маркиза Шамбре (т. II, р. 334); Графа Солтыка (р. 359); Лабона (п. 228); *Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de 1812*, Офицера Французскаго Генер. Штаба (т. II, р. 254—256, съ очень подробнымъ планомъ, № XI); въ Трофеяхъ Французской арміи, книги, составленной участниками (т. V, р. 188); въ Запискахъ Маршала Гувіона Сень-Сира (т. III, р. 279); въ Исторіи Тьера (т. XIV, р. 482). Этѣ два послѣдніе, хотя и не участвовали подъ Малоярославцемъ, но, конечно, писали господствующее засвѣдѣтельствованіе. Вотъ еще и нѣсколько Нѣвцевъ, попавшихся подъ руку: Морицъ Миллеръ (т. II, S. 8, съ подробнымъ планомъ); Либенштейнъ (т. II, S. 208, 209); Бейтцке (S. 284), и т. д., и т. д.

тельскихъ, и которые всё съ большею или меньшею подробностію положительно говорятъ, что Кутузовъ, приведя армию изъ Тарутина, не прямо расположилъ ее за двѣ съ половиною версты отъ города, но поставилъ ее кругомъ его на пушечный выстрѣлъ, воздвигъ редуты или батареи и съ пяти часовъ по полудни 12 ч., во время разгара дѣла, удерживалъ ее на этой позиціи, дѣлая лично подъ ядрами распоряженія, и такъ оставаясь долго послѣ окончанія сраженія: по полуночи, къ разсвѣту, перовелъ армию съ той позиціи, на которой она оставалась нѣсколько времени на ту, ³² которую Г. Богдановичъ указываетъ, какъ на позицію, занятую арміею тотчасъ, какъ привелъ ее Кутузовъ изъ Тарутина, не упоминая вовсе о позиціи подъ самымъ городомъ во время битвы, хотя на планѣ и помѣстилъ правильно!... Но что я говорю! Вѣдь приведенные мною сочинители были всё участники, писавшіе при живыхъ еще главныхъ дѣятеляхъ и не опасались излагать истину, противъ которой современники событій и не возставали. Мнѣніе же почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны» не таково: онъ, какъ видѣли въ своемъ мѣстѣ, утверждаетъ, что засвѣдѣтельствованіе участниковъ при страстно; это не то, что Гепфнеръ, Бернгарды и т. п.

Я же думаю, что нельзя отвергать показаній столькихъ лицъ, участвовавшихъ въ описываемомъ событіи, свѣдѣтельствующихъ, ³³ что армія, приведенная Кутузовымъ изъ Тарутина, засвѣтло, 12-го Октября, не прямо заняла позицію за двѣ съ половиною версты. Впрочемъ, онъ и самъ на той же страницѣ, гдѣ пишетъ о прибытіи арміи (правда, по его сказанію, расположившейся за двѣ съ половиною версты), очень простоудушно говоритъ: «съ наступленіемъ темноты, войска обѣихъ сторонъ, прекративъ отчаянную ³⁴ борьбу, оставались на занятыхъ ими позиціяхъ:

---

³² Эта-то вторая позиція такъ напугала Бессьера, а чрезъ него и Наполеона.

³³ Занимая должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса, мнѣ, независимо отъ дневника, очень понятно, когда, вмѣстѣ съ другими Оберъ-Квартирмейстерами, меня потребовали для принятія мѣстъ и пр.

³⁴ Сдѣсь слово «отчаянную» было бы соответственнѣе. Отчааніе въ Мало-

Французы въ Малоарославцѣ, а Русскіе въ разстояніи менѣе версты отъ города (что было въ дѣйствительности, какъ на планѣ и означено), но канонада и ружейная перестрѣлка продолжались почти до полуночи.»

Какъ же это согласовать? Конечно, если бы описываемыя событія происходили въ настоящее время, тогда такое противорѣчіе самому себѣ можно бы легко помирить; ибо теперь, сказавъ на пушечный выстрѣлъ, можно было бы подразумевать и двѣ съ половиной версты, а, пожалуй, и гораздо болѣе; но въ 1812 году и долго послѣ не было еще снарядовъ дальняго полета; слѣдовательно, послѣ сказаннаго Г. Богдановичемъ и самый обще-Европейскій конгрессъ не придумаетъ, какъ примирить отъ двѣ повѣсти и сблизить ихъ. Ограничивающійся однимъ сочиненіемъ Г. Богдановича, для полученія понятія о Малоарославцевской битвѣ, останется въ недоумѣніи, чему вѣрять: плану, или тексту, и невольно придетъ къ тому заключенію, что почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, разрывъ всѣхъ матеріалы и проникнувъ въ сокровенныя и темныя, какъ онъ говоритъ, двигатели, нашелъ, что одна изъ отѣхъ позицій есть не что иное, какъ мнѣя.

Не понимаю, какимъ образомъ можно было впасть въ такія важныя ошибки при описаніи сраженія, которое, повторяю, положило предѣлъ наступательнымъ движеніямъ Наполеона. Послѣ Малоарославца онъ уже не сдѣлалъ шага впередъ.³⁵ Графъ Сегюръ (т. II, р. 93) говоритъ: «*Mes compagnons, vous le rappelez vous, ce champ funeste, où s'arreta la conquete du monde, où vingt ans de victoire vinrent echouer, où commence le grand escoulement de notre fortune?*» и т. д. Маршалъ Гувьонъ Сентъ-Сиръ и многіе другіе ставятъ Малоарославецъ на ту же степень; слѣдовательно, намъ надлежало бы обратить вниманіе на это и, по

арославцѣ, когда подошла уже вся наша армія, можетъ относиться только къ Французамъ, но отсюда не къ ихъ противникамъ.

³⁵ Временное его наступленіе послѣ Людена, въ 1813 году, до перемирія, здѣсь входитъ въ расчетъ не можетъ; ибо характеръ его совершенно иной.

крайней мѣрѣ, сколь возможно отчетливѣе и правильнѣе изобразить столкновение двухъ великихъ армій, но что вышло. Не достаетъ только печеныхъ яблокъ на деревьяхъ! Конечно, и здѣсь невнимательность при составленіи компиляціи была тому главной причиною. Но какая самонадѣянность на непогрѣшимость своихъ трудовъ и не дать кому ни будь изъ постороннихъ прочитатъ написанное? Этотъ посторонній, будь онъ, повторяю, и мало свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, не упустилъ бы замѣтить, по крайней мѣрѣ, одни только противорѣчія самому себѣ, и тогда этого было бы уже много для подобной книги.

Такъ какъ Г. Богдановичъ принялъ за правило описываемыя имъ событія украшать иногда собственными своими критическими взглядами, принимая таковыя, какъ выразился въ предисловіи, на свою отвѣтственность, то и здѣсь, на стр. 39-й, онъ говоритъ: «Опытные военные люди, и въ числѣ ихъ нѣкоторые участники войны 1812 года, полагаютъ, что Фельдмаршалъ, по прибытіи армій къ Малоярославцу, долженъ былъ приказатъ немедленно очистить городъ, по тому что цѣль нашихъ дѣйствій,—загражденіе Французамъ пути къ Калугѣ,—уже была достигнута, и если бы непріятель осмѣлился выйти въ поле, то, судя по относительной силѣ обѣихъ сторонъ, онъ могъ бы подвергнуться совершенному пораженію. Напротивъ того, всѣ дальнѣйшія усилія нашей арміи удержатся въ Малоярославцѣ, не принесли намъ ни какой выгоды, сопряжены были съ напрасною потерею людей.»¹⁶

Тутъ есть истина; но чтобы пояснить ее, необходимо было сдѣлать подробное обозрѣніе всего того, что могло быть принято съ той и другой стороны; тогда, можетъ быть, оказалось бы что либо и иное, и во всякомъ случаѣ уже не то, что оказы-

---

¹⁶ Здѣсь ссылка № 25-й, въ которой сдѣлано извлеченіе изъ Записокъ А. П. Ермолова объ этомъ предметѣ; но въ нихъ говорится, что 13-го Октября Наполеонъ (стр. 223) только «дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи Казаконъ и кавалеріи, составлявшей резервъ; болѣе же во весь день ни чего не предпринималъ.» Между тѣмъ какъ Г. Богдановичъ (стр. 40) говоритъ, что Наполеонъ дѣлалъ къ тому распоряженія и т. д.

вается..... Жаль, что сдѣсь не упомянуты опытные военные люди, и кто въ числѣ ихъ нѣкоторые участники 1812-го года, исключая А. П. Ермолова, были того же мнѣнія.

Замѣчательны иногда предположенія почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» не подкрѣпляемые ни мнѣніемъ другихъ, ни собственными своими критическими выводами и заключеніями. Такъ, на примѣръ, на стр. 47, въ разсужденіяхъ о послѣдствіяхъ Малоярославецкаго сраженія, встрѣчается слѣдующее: «Такимъ образомъ Наполеонъ, предпринявъ безъ важныхъ причинъ ³⁷ движеніе къ Калугѣ, отказался отъ своего намѣренія тогда, когда, по всей вѣроятности (!), Кутузовъ уже готовъ былъ открыть ему путь къ этому городу.» Предположеніе это, конечно, почеркнуто въ слѣдствіе усилій проникать въ «сокровенные двигатели событій, какъ общано въ предисловіи. Но вотъ въ чемъ суть: на слѣдующихъ 48 и 49 страницахъ, почтенный военный историографъ, уворствуя въ этомъ предположеніи, говоритъ: «Самъ Кутузовъ (замѣтьте сами!), не смотря на превосходство нашихъ силъ ³⁸ и на выгоды своего расположенія, усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и предпочелъ отступить.» Да взмилуйгесь, Г. историографъ: за что вы только собственнымъ своимъ авторитетомъ такъ изображаете и искажаете и Кутузова, и армію, и истину, сказавъ, что, вопреки и выгоды расположенія, и числительности арміи, и превосходства въ конницѣ, Кутузовъ усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи, и независимо отъ того, одержать верхъ еще противъ арміи, когорая не изображается въ должномъ

---

³⁷ Критикъ долженъ былъ объяснить эту не важность причинъ. Обстоятельство, кажется, довольно знаменательное по своему предпріятію: оставьтъ Москву и ипать высвободиться изъ Россіи!!

³⁸ Прохожу молчаніемъ показаніе числительности обѣихъ армій: тутъ оказывается тотъ же итогъ недоумѣній, та же неопредѣлительность и тому подобныя достоинства, вообще характеризующія это сочиненіе. О числительности арміи я привелъ мнѣніе всѣхъ, безъ изыатія писавшихъ о войнѣ 1812 г., въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы.»

порядкѣ? Сдѣсь слѣдовало бы совершенно потеряться въ опредѣленіи повода къ такой общей филиппикѣ, но недоумѣніе не продолжительно: параграфъ этотъ, заключающій въ себѣ собственное умозрѣніе почтеннаго Профессора, продолжается: «Какъ на пути къ Калугѣ не было ни какой позиціи, которая равнялась бы своими выгодами съ мѣстностью, занятою нашими войсками подъ Малоярославцемъ, то отступление Князя Кутузова отъ сего города ясно показывало (кому?), что онъ, въ случаѣ наступленія Наполеона, не заградилъ бы ему путь къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку.»

Слава Богу! Наконецъ-то добился (говоря о себѣ) и, кажется, безошибочно, до заключенія причины состава помянутаго параграфа. Во первыхъ, сочинитель сказалъ выше, что, не смотря на выгоду нашей позиціи, на превосходство въ численности нашей арміи (не говоря уже о мужествѣ, ею оказанномъ, и пламенномъ желаніи битвы, а съ другой, плачевнаго состоянія арміи Наполеона), Кутузовъ усомнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и т. д. И прекрасно! Пусть бы это такъ и осталось; но нѣтъ! Г. Богдановичъ даетъ этому отступленію совершенно другую причину, по видимому, законную въ военномъ отношеніи, а именно, что отъ Малоярославца къ Калугѣ, вотъ видите, не было лучшей позиціи, то для этого-то именно, дескать, онъ и оставилъ неприступную позицію, чтобы уходить за Оку!? Но что же это за логика? Предположивъ, что онъ нашелъ бы позицію еще сильнѣе, нежели подъ Малоярославцемъ, то на что бы она годилась, если на позиціи, по общему засвѣдѣтельствуванію и даже самимъ Г. Богдановичемъ, сильной, неприступной, Кутузовъ не осмѣливался вступить въ генеральное сраженіе, и при движеніи Наполеона впередъ отошелъ бы за Оку? Во вторыхъ, относительно того, что отступление Кутузова изъ сильной позиціи подъ Малоярославцемъ «ясно показывало,» что, въ случаѣ наступленія Наполеона, Кутузовъ не заградилъ бы ему пути къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку, то къ чему, повторяю, было включать этѣ двѣ совершенно противоположныя причины, разногласицу самому себѣ? За чѣмъ, еще повторяю, сочинитель, на стр. 48-й, говорить, что «12 го (24) Октября, въ вечеру, послѣ сраже-

нія при Малоярославцѣ, Фельдмаршалъ писалъ къ Государю: «Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего, ни подъ какимъ видомъ, непріятеля въ Калугу не пущу.»

Что за путаница! Не знаешь, на чемъ остановиться; и путаница эта, такъ сказать, на каждой страницѣ; и сдѣсь, сочинитель, сказавъ положительно, какъ видно выше, что Кутузовъ вечеромъ, 12-го (24-го) Октября, послѣ сраженія пишетъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, и отъ этого слова дѣлаетъ ссылку (№ 40), и что жь? Оказывается, что Кутузовъ пишетъ Государю не 12-го ч. вечеромъ, а 13-го!..... И такая невнимательность не только къ согласованію повѣствуемаго, но и въ самыхъ простыхъ случаяхъ, встрѣчается на каждомъ шагѣ!

Впрочемъ, довольно трудно, чтобы не сказать не возможно, возражать почтенному сочинителю за приписываемыя намѣренія Кутузову; ибо если онъ и не подкрѣпляетъ разнообразіе ихъ ни какими ссылками, которыя бы основывались на повѣствованіи другихъ, то, какъ сказано въ предисловіи, онъ, въ качествѣ жреца истины, съ свѣтлякомъ въ рукахъ, предпринялъ объяснять сокровенныя причины дѣйствій, оставшихся темными и загадочными; конечно и въ этомъ, случаѣ онъ возмогъ проникнуть въ тайныя намѣренія Кутузова, или, лучше сказать, прорекать, что Фельдмаршалъ думалъ про себя въ томъ или другомъ положеніи. Намъ остается только жалѣть, что жезлъ жреца истины не могъ сказать что либо болѣе для насъ утѣшительнаго о нашемъ Главнокомандующемъ; но въ этомъ вина не сочинителя: такъ показалъ гороскопъ Кутузова. ³⁹

³⁹ Мартинъ Задека, Брюсъ, Казотъ, госпожа Ленорманъ, Матье де Дромъ, госпожа Киргофъ и другіе, древніе и новѣйшіе, прорицатели и прорицательницы, предсказывали и предсказываютъ только одну будущность, а сдѣсь, за полвѣка назадъ, объясняются тайныя, задушевные, ни кому не высказанныя, мысли! До сихъ поръ я зналъ одинъ только примѣръ такого необыкновеннаго дара, именно, въ лицѣ вдохновеннаго Французскаго крестьянина Матье, объявившаго Людовику XVIII (въ 1816—1817 гг.) какія-то соврѣнные мысли, волновавшія его за 30-ть лѣтъ предъ тѣмъ.

Кутузовъ крѣпкую позицію свою, за двѣ съ половиною версты, занятую имъ въ ночь послѣ Малоярославецкаго дѣла, оставилъ въ слѣдствіе свѣдѣній о появленіи непріятеля по дорогѣ на Медынь; а какъ нельзя было еще опредѣлить съ достовѣрностью, будетъ ли Наполеонъ ломиться прямо на Калугу, или свернетъ, чрезъ Медынь, на Юхновъ, то, не оставляя Калужской дороги, онъ отошелъ къ Дѣтчину, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ, если Наполеонъ направится на Медынь, перерѣзать ему путь, и имѣть ни какого повода предполагать, чтобы Кутузовъ послѣ того, какъ донесъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, измѣнилъ свое намѣреніе. Г. Богдановичъ, приведя выше сказанное донесеніе Государю, самъ же, въ слѣдъ за симъ (стр. 48), говоритъ: «на слѣдующій день получено было извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ близъ Медыни Иловайскимъ 9 надъ авангардомъ Князя Полятовскаго, и Кутузовъ, изъ появленія непріятеля на Медыньской дорогѣ, заключилъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе атаковать нашу армию, обойдя ее съ лѣваго фланга. Это предположеніе заставило нашего Главнокомандующаго опасаться за Калугу... (стр. 49): Фельдмаршалъ, опасаясь быть обойденнымъ съ лѣваго фланга и отрѣзаннымъ отъ южныхъ областей Имперіи, вознамѣрился приблизиться къ Калугѣ»..... Далѣе, перехваченная записка Бертье къ Сансону «обнаруживала намѣреніе непріятеля пробраться окольными направленіями на Смоленскую дорогу.» На этѣхъ основаніяхъ Кутузовъ отвелъ армию къ Гончарову и Дѣтчину, чтобы тамъ высмотрѣть, какое направленіе возьметъ Наполеонъ; ибо тогда никому не приходило и на мысль, что Наполеонъ, вмѣсто всѣхъ этѣхъ предположеній, вернется назадъ, чрезъ Боровскъ, Можайскъ, Вязьму, на Смоленскъ, словомъ, на тотъ путь, который привелъ его въ Москву. На стр. 50-й, Г. Богдановичъ, не оправдывая отступленія Кутузова, говоритъ, что (будто бы) «Кутузовъ, отойдя къ Гончарову, подалъ непріятелю возможность направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню къ Смоленску, либо къ Красному, по сторонѣ, еще не опустошенной и представлявшей нѣкоторыя средства для войскъ, а Наполеонъ, вѣроятно, не зная о нашемъ отступленіи, двигался къ Боровску, чтобы выйти на разоренную большую Смоленскую дорогу.»

Приложенная карта показывает иное. Гончарово и Дѣтчино, находясь на Калужской дорогѣ, прикрывали ее, и если бы Наполеонъ пошелъ на Медынь, то изъ обоихъ этихъ пунктовъ легче было преградить ему путь и угрожать лѣвому флангу его движенія, а отнюдь «не дать ему возможности направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню въ Смоленскъ.» Относительно же мнѣнія почтеннаго сочинителя, что Наполеонъ, вѣроятно, не зналъ объ отступленіи Кутузова, т. е., что если бы онъ зналъ, то предпринялъ бы помянутое направленіе, я думаю, что какъ бы Наполеонъ ни потерялся послѣ исхода дѣла при Малоярославцѣ, къ которому успѣла подтянуться вся наша армія, онъ не рѣшился бы, въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, открыть ей лѣвый флангъ длиннаго протяженія своего отступательнаго движенія, тѣмъ болѣе, что, при тогдашнемъ расположеніи умовъ нашего народа, не много бы онъ поживился не разореннымъ положеніемъ края по проселкамъ и мостамъ, не всегда удобнымъ, въ особенности для столь многочисленной арміи, такъ отягощенной обозами на изнуренныхъ лошадяхъ и близко тревожимой нашей арміей; Казаки же нашли бы возможность не только что угрожать ей флангамъ, но составлять Наполеону авангардъ, истреблять запасы и жилье. Другое дѣло, если бы Наполеонъ успѣлъ тутъ проскользнуть, когда Кутузовъ былъ еще въ Тарутинѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей впереди; но притянувъ всю нашу армію къ себѣ, въ Малоярославцѣ, ему оставалось только одно изъ двухъ: или предпринять битву съ нашей арміей, ставшей ему на перерѣзъ и, разбивъ ее, овладѣть запасами въ Калугѣ и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, или вернуться на путь большой Смоленской дороги, ибо она была болѣе отдалена отъ нашихъ главныхъ силъ. На первое Наполеонъ не отважился, а второе онъ предпринялъ поздно. Если бы онъ выступилъ изъ Москвы прямо по Смоленской дорогѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей предъ нами, и врядъ ли мы, по крайней мѣрѣ, пѣхота, догнали бы его. Если Наполеонъ, начавъ двигаться изъ Москвы, по направленію къ Калугѣ 2-го Октября, и самъ съ гвардіей выступилъ 7-го ч., а мы узнали о семъ только 11-го числа, утромъ, то когда же бы мы узнали о томъ, что Наполеонъ началъ отступленіе, не приближаясь къ нашему лѣвому флангу, а, напротивъ, съ перваго перехода удаляться отъ арміи, по дорогѣ удоб-

ной, Французамъ уже известной, гдѣ были болѣе или менѣе снабженные этапы, магазины, въ Гжатскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и т. д.⁴⁰

Но довольно объ этомъ. Я имѣлъ цѣлю показать только то, что слово вѣроят но, сдѣсь употребленное почтеннымъ сочинителемъ, едва ли умѣстно. Во всякомъ, однако же, случаѣ, слѣдовало бы уже держаться одного какого либо мнѣнія и критически опровергать другія, а не разнорѣчить себѣ такъ часто. Конечно, и это имѣеть свою цѣну; пусть каждый избираетъ любое, болѣе ему нравящееся. Не всѣмъ же придетъ охота, въ настоящій вѣкъ совершенствованія и стремленія государственныхъ учреждений къ человѣчности, хлопотать и доискиваться того, что Кутузовъ, или Наполеонъ, имѣли въ затаенныхъ своихъ мысляхъ? Проникать и объяснять это принадлежитъ только жрецамъ истины, каковымъ заявилъ себя почтеннѣйшій сочинитель. вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣдь, могутъ, пожалуй, явиться и такіе чудики, которые пожелаютъ знать что ни будь опредѣлительное, а имъ-то и трудно почерпнуть положительное понятіе о рассказываемомъ.

Таково изображеніе событій въ окрестностяхъ Малоярославца. Пусть это будетъ превосходно для однихъ, но для военныхъ и другихъ, желающихъ видѣть ясность въ изложеніи подобныхъ повѣствованій, книга Г. Богдановича никогда не заслужитъ одобренія, развѣ только между оцѣнщиками не кореннаго Русскаго происхожденія. Пора бы намъ, кажется, сбросить пристрастіе; пора начать смотрѣть безъ рабскаго поклоненія, а свѣтлыми глазами, на минувшія событія. Если это уже допущено въ политической исторіи нашей, чему служатъ доказательствомъ труды Гг. Погодина, Устрялова, Соловьева, Костомарова и т. п., то тѣмъ болѣе въ военномъ дѣлѣ мы не должны потворствовать вліяніямъ и ставить за образецъ, какъ, на пр., описаніе, хотя и славнаго, подвига подъ Краснымъ, но не имѣющаго характера сраже-

---

⁴⁰ Тогда они достигли бы Смоленска прежде морозовъ, заставшихъ ихъ въ Дорогобужѣ, за 3 перехода до Смоленска. Предметъ этотъ разсмотрѣнъ подробно въ книгѣ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ, на основаніи иноземныхъ писателей. Сиб. 1835.»

нія, какъ это принято понимать, а при томъ и это списано почти буквально изъ предшествовавшихъ повѣствованій. О вразумительности описанія сраженій можно судить по описанію Малоярославецкаго; все же остальное вмѣстѣ, какъ Бородинское сраженіе, такъ и Московскій пожаръ, представляетъ еще большую путаницу, чѣмъ сраженіе при Малоярославцѣ. Сочинитель придерживается и слѣдуетъ правиламъ того учителя риторики, о которомъ Квинтилинъ говоритъ, что онъ преподавалъ ученикамъ своимъ правила покрывать самымъ непроницаемымъ мракомъ смыслъ того, что пишутъ, и высшей похвалою у него служило выраженіе: «Вотъ это превосходно: и самъ ничего понять не могу!» Продолжаю разборъ.

Стр. 61-я: «Платовъ атаковалъ непріятеля у Колоцкаго монастыря, отбилъ двадцать (по другимъ свѣдѣніямъ, двадцать пять) орудій.»

Въ концѣ параграфа ссылка № 64 (стр. 426) слѣдующая: «Журналъ военныхъ дѣйствій.»

Что же значить по другимъ свѣдѣніямъ, и по чьимъ?

Наконецъ, послѣ Кутузова, Раstopчина и Багратиона, дошла очередь и до Милорадовича. Вотъ что сказано о немъ (стр. 69). Говоря, что «первое время преслѣдованія мы дѣйствовали какъ бы ощупью: Милорадовичъ, неустрашимый, хладнокровный, неизмѣнно веселый среди опасностей, обладалъ многими качествами авангарднаго начальника (и вотъ этѣ качества), но нисколько не заботился о точности распоряженій по ввѣреннымъ ему войскамъ. Его приказы въ 1812 году, иногда непонятные, поставляли въ затрудненіе всѣхъ, кому приводилось исполнять ихъ. Да и вообще въ его Штабѣ не было ни какого порядка; не всегда можно было отыскать его самаго, и только при первыхъ выстрѣлахъ являлся онъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, впереди всѣхъ, вездѣ, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Тамъ онъ возбуждалъ войска къ презрѣнію смерти собственнымъ примѣромъ; до всего прочаго, казалось, ему не было ни какого дѣла. «Дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, говаривалъ

онъ начальникамъ частей войскъ: я у васъ гость.» Тѣмъ не менѣе, однако же, отъ времени до времени, онъ вмѣшивался въ распоряженія подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ, не давая имъ знать о своихъ приказаніяхъ, отъ чего не рѣдко происходили недоразумѣнія. Каждый изъ Генераловъ въ авангардѣ Милорадовича дѣйствовалъ по своему, не будучи увѣренъ въ дружномъ содѣйствіи прочихъ частей, ни въ согласномъ ихъ направленіи къ общей цѣли.» Ссылка 10 заключаетъ: «Записки Ермолова и Принца Евгенія Виртембергскаго.»

Авторитетъ сильный, но, сознаюсь, онъ удивляетъ. ⁴¹ Милорадовичъ, всегда командовавшій сильными авангардами, арріергардами и въ боевыхъ линіяхъ не иначе, какъ съ блистательнымъ успѣхомъ, не уже ли могъ быть до такой степени ничтожнымъ, какъ изображается тутъ! Одно Обиештское сраженіе возводитъ его на степень полководца съ высокими дарованіями. Въ слѣдъ же за помянутой оцѣнкой, Г. Богдановичъ, на той же 69-й стр., описываетъ распоряженія Милорадовича при Царевѣ Займищѣ, основанныя «на соображеніи опытнаго вождя, по которыя разстроивъ Принцъ Евгеній Виртембергскій своею обычною отвагой» и т. д. Вся Исторія не указываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха, со стороны Милорадовича въ его распоряженіяхъ, которыя всѣ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Не понятно, по чему не вспомнилъ сочинитель своего повѣствованія о Милорадовичѣ при оставленіи Москвы? По чему, повторяю, оставилъ безъ критическаго разсмотрѣнія послѣднихъ отзывовъ о Милорадовичѣ, отзывовъ въ общихъ выраженіяхъ, не подкрѣпленныхъ ни однимъ примѣромъ повѣствуемаго? Г. Богдановичъ, въ предисловіи своемъ, обязался разсматривать съ добросовѣстностью и разбирать критически данныя, но сдѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, онъ увлекся, отклонился отъ своего предначертанія и набросилъ мрачную тѣнь на война, которымъ гордилась

⁴¹ Это требовало бы особеннаго разсмотрѣнія причинъ такого отзыва, и если уже приводить оный, то не слѣдовало помѣщать предшествовавшія слова, или, по крайней мѣрѣ, выписавъ буквально этѣ отзывы, разобрать критически, съ надлежащею подробностью. Иначе, т. е., не выдавъ текста обоихъ отзывовъ, какъ-то не вѣрится.

армія въ продолженіи едва ли не полувѣка, вождя, которому сами враги наши дали названіе Русскаго Мюрата.

Описывая одно изъ дѣлъ подъ Краснымъ, на стр. 130, сказано: «Вообще же непріятель потерялъ въ сей день одними плѣнными болѣе шести тысячъ (а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ) человекъ, сорокъ пять (а по другимъ свѣдѣніямъ семьдесятъ) орудій» и т. д.

Удивительная опредѣлительность по достовѣрнымъ матеріаламъ! Я полагаю, что Нена-Сагибъ, или Бегумъ, не сказали бы хуже: «Мы взяли плѣнными болѣе шести, или болѣе девяти, а орудій или сорокъ пять, или семьдесятъ!»

Стр. 131. О Кутузовѣ сказано: «Видимо изумленный послѣдствіями дѣла (подъ Краснымъ), казался помолодѣвшимъ! Сдѣсь впервые, со времени прибытія его въ армію, онъ пустился въ галопы на бѣломъ конѣ своемъ, подскочилъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и, указавъ на отбитые трофеи, громко вскричалъ: «Ура!» повторенное нѣсколько разъ, сперва исполними гвардіи, а потомъ и всѣми ближайшими войсками.»

Въ слѣдъ за симъ ссылка № 45-й: «Записки Щербинина» (стр. 440).

Тутъ неотмѣнно слѣдовала оговорка; ибо Михайловскій-Данилевскій описываетъ это совершенно другимъ образомъ съ подробностями, которымъ есть еще живые свѣдѣтели. Историкъ не вправѣ избирать даныя, не упомянувъ о тѣхъ, которыя вошли уже въ Исторію.

Оправдывая Кутузова въ томъ, что онъ не покончилъ арміи Наполеона подъ Краснымъ, Г. Богдановичъ говоритъ (стр. 144): «Слѣдовательно, Кутузовъ подъ Краснымъ дѣйствовалъ нерѣшительно, не столько отъ недовѣрчивости къ достоинству своихъ войскъ, хотя въ числѣ ихъ и было много рекрутъ, сколько изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ геніальнымъ противникомъ, котораго превосходство неволью сознавали всѣ Наполеоновы

современники. Это нравственное преобладание Наполеона было такъ сильно, что, не смотря на то, что ослабленіе его арміи было тогда уже очевидно для каждаго, и тѣмъ наче для опытнаго Кутузова, полководецъ нашъ, вмѣсто того, чтобы, пользуясь обстоятельствами, окончить войну рѣшительнымъ ударомъ, предоставилъ довершить уничтоженіе непріятельской арміи вліянію голода, стужи и упадка дисциплины и т. д.

Длинное разсужденіе это; или, пожалуй, даже критическій обзоръ, принадлежитъ собственно Г. Богдановичу. Не дерзаю выходить съ нимъ на ученую арену, не имѣя мантии жреца истины, по тому что я бы долженъ былъ повторить то, что уже сказалъ⁴² по поводу событій подъ Краснымъ, отвѣчая на статью Г. Бутовскаго, а здѣсь позволяю себѣ сдѣлать только замѣчаніе.

Во первыхъ: Какое опасеніе могъ имѣть Кутузовъ относительно своихъ войскъ, когда оставался съ главною ихъ массою зрителемъ въ то время, какъ части оной послѣдовательно такъ разгромили непріятельскіе корпуса чрезъ сутки, подходившіе изъ Смоленска къ Красному? Онъ видѣлъ итоги потерь ничтожныхъ у насъ и громадныхъ у непріятеля, до того, что нельзя было и сосчитать оныхъ, какъ мы видѣли вѣше, на прим., въ одинъ изъ Красненскихъ дней у непріятеля взято болѣе шести тысячъ въ плѣнъ и сорокъ пять орудій, а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ и семдесятъ орудій! Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что малѣйшее содѣйствіе главныхъ силъ арміи порѣшило бы дѣло съ большою славой для нашихъ знаменъ и сберегло бы многія десятки тысячъ нашихъ воиновъ, которые достигли бы Вильны и границы, свернувъ вправо и влево отъ дороги, идя по квартирамъ и т. п.

Во вторыхъ: На какомъ основаніи Г. Богдановичъ говоритъ, что Кутузовъ дѣйствовалъ тутъ нерѣшительно, будто бы «изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ гениальнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполео-

⁴² Въ прежнихъ статьяхъ.

новы современники» и т. д.? Это явный поклепъ на нашего Фельд-маршала и, конечно, невольно ворвался на страницы Исторiи. Кутузовъ, съ меньшими противъ непріятеля силами, когда этотъ былъ еще въ апогеѣ своей славы, не устранился стать лицомъ къ лицу съ этѣмъ геніяльнымъ человѣкомъ на поляхъ Бородинскихъ, а сдѣсь, подѣ Краснымъ, онъ опасался стать лицомъ къ лицу, будучи сильнѣе, свѣжѣе войскъ геніяльнаго человѣка, войскъ, потерявшихъ уже значительную часть своей артиллерiи, на половину побросавшихъ свое оружіе, безъ конницы, голодныхъ, полунагихъ, утомленныхъ, которыхъ тысячами брали въ плѣнъ въ глазахъ самого Кутузова, и онъ опасался! Нѣтъ; тутъ, конечно, были другія причины, въ сокровенныя тайны коихъ Г. Богдановичъ обѣщалъ проникнуть; приводить же помянутыя причины, значитъ, явно противорѣчить всему тому, что сказано было о Бородинскомъ сраженiи. И если не было возможности проникнуть сквозь завѣсу сокровенностей, лучше уже было бы привести разсужденіе Вальтера-Скотта о нерѣшительности Кутузова подѣ Краснымъ; онъ говоритъ: «Вообще Кутузовъ въ дѣйствiяхъ своихъ противъ Наполеона и Великой арміи, кажется, взялъ себѣ за образецъ Гренландскихъ рыбаковъ, которые употребляютъ все свое стараніе не приближаться къ киту, когда онъ находится уже въ агонiи, по тому что боль отъ полученныхъ ранъ производитъ ожесточеніе, а инстинктъ мщенія содѣлываетъ послѣднія усилiя кита особенно опасными.» Это какъ-то и болѣе прилично, и не противорѣчить рѣшимости стать лицомъ къ лицу съ Наполеономъ при Бородинѣ. Нельзя ли присоединить къ сдѣланному Англійскимъ историкомъ сравненію то, что сдѣсь опасеніе Кутузова не могло быть столь основательнымъ, какъ опасеніе Гренландскихъ рыбаковъ; ибо Вальтеръ-Скоттъ беретъ нормальное положеніе кита, хотя уже и узвѣннаго, но на свободѣ, въ своей стихiи, не изнуреннаго и сохранившаго свои силы? Французы же подѣ Краснымъ были совершенно въ противоположномъ положенiи: изнуренные полугодовымъ тяжкимъ походомъ, битвами, безъ обуви и одежды, не имѣя надежды на помощь въ слу-

---

¹³ Vie de Napoleon, t. VII, 2-e partie, p. 62.

чаѣ ранъ и болѣзни, часто безъ достаточнаго продовольствія и, къ довершенію, икъ изнуряли: чуждый имъ климатъ, грязь, снѣгъ, вьюги, морозы, хотя еще и легкіе, но трудно выносимые, безъ пріюта и возможности согрѣться бивуачными огнями, которыхъ наши войска не позволяли имъ раскладывать и т. д. Это все равно, что если бы китъ, внушающій столь большое опасеніе рыбакамъ, когда они ищутъ его въ океанѣ, былъ какимъ либо образомъ изверженъ на песчаный знойный берегъ, гдѣ, отъ продолжительнаго истощенія своихъ силъ, подвергнутый вовсе не свойственному ему элементу, не внушалъ бы Гренландскимъ рыбакамъ прежняго опасенія, и они, конечно, скоро бы съ нимъ раздѣлялись. Это оправдывается и подъ Краснымъ дѣйствіями Мидорадовича, Раевского и другихъ, которые брали плѣнныхъ тысячами, и если случалось иногда въ нѣкоторыхъ частяхъ встрѣчать упорство, то это было агоніей, истиннѣе всего животныхъ, остервеняющихся въ безвыходномъ положеніи, какъ уже было замѣчено выше.

Не можетъ ли быть и успѣхъ аламенитой переправы Наполеона чрезъ Березину отнесенъ къ тому, что ни Чичаговъ, ни Витгенштейнъ, не могли знать такъ близко той степени расстройствъ Наполеоновой арміи, въ которой находилась она дѣйствительно, и чему были свидѣтелями только всѣ тѣ, которые составляли собственно главную армію? Но если бы упомянутые два предводителя, дѣйствовавшіе каждый отдѣльно съ противоположныхъ сторонъ, и знали это, хоть даже и не вполне, то Наполеонъ и въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился при Березинѣ, могъ быть еще страшенъ имъ обоемъ. Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, но недостаточно тѣснымъ съ тылу посланными войсками и партіями, которыя вдругъ какъ бы исчезаютъ въ то мгновеніе, когда они могли бы принести пользы болѣе, чѣмъ когда ни будь, даютъ Наполеону время отыскивать удобную переправу, которую онъ и исполнилъ. Кутузовъ, Чичаговъ и Витгенштейнъ обвиняютъ другъ друга. Не мнѣ кажется, что эпизодъ этотъ можно уподобить тому, когда медвѣдь, окруженный охотниками, подъ выстрѣлами коихъ онъ падаетъ раненый, внушаетъ собою таки страхъ, когда замѣчаютъ въ немъ еще признаки жизни: охотники ожидаютъ довершить по-

раженіе, взглядывая одинъ на другого, чтобы не первому броситься на него. Несомнѣнно, какъ Г. Богдановичъ очень справедливо и замѣчаетъ, что присутствіе Кутузова, хотя бы только при войскахъ Милорадовича, или Ермолова, могло бы увѣнчать полнымъ успѣхомъ планъ, мудро соображенный Императоромъ Александромъ, со дня вступленія непріятеля въ Москву. Какъ бы ни усиливались, и подъ какими бы то предлогомъ ни было, Кутузовъ всегда будетъ почитаться виновникомъ выпуска изъ Россіи Наполеона съ ничтожными остатками его полчищъ.

Въ описаніи переправы чрезъ Березину находимъ (стр. 264): «Въ то же время вся артиллерія корпуса Удино и гвардіи, въ числѣ сорока (а по другимъ свѣдѣніямъ пятидесяти шести) орудій, была выставлена на высотахъ» и т. д.

Что ни будь одно, а въ приложеніи слѣдовало бы сказать, кто какъ опредѣляетъ. ⁴⁴

Въ битвахъ около Борисова (стр. 278):..... «Генералъ Властовъ отрядилъ въ обходъ сводный гусарскій и Казачій Родіонова полки; для отвлеченія же вниманія непріятеля была выдвинута противъ его праваго крыла 1-я конная рота Полковника Сухожанета, которой огонь, направленный на мосты и на непріятельскія войска, собранныя на лѣвомъ берегу рѣки, послылъ смятеніе въ обозахъ, столпившихся ⁴⁵ въ ожиданіи переправы.» Далѣе описывается битва, въ которой не называется командиръ своднаго гусарскаго полка; чрезъ 18 строкъ сказано: «Гернгрощъ съ гусарами.» Викторъ опять нападаетъ, но «это на-

⁴⁴ Любимое и такъ намъ знакомое выраженіе сочинителя, въ своей достовѣрной Исторіи: по другимъ свѣдѣніямъ.

⁴⁵ Мнѣ кажется, что для обозовъ слово: столпившись не идетъ. Толпа обозовъ! Едва ли не правильнѣе и приличнѣе употребить въ этомъ случаѣ: скопшлись, собралась, стянулись, но столпившись какъ-то ново! Сочинителю слѣдовало только переставить слова. Онъ сказалъ, что войска, собранныя въ ожиданіи переправы: тутъ слово столпившись шло болѣе, а къ обозамъ слово собранныя.

паденіе было отражено картечнымъ огнемъ 1-й конной и 27 батареинной ротъ.» Выше было сказано, кто командиръ 1-й роты, но остается тайной, кто былъ командиромъ 27-й батареинной.

Понятно, что въ двухъ, положимъ даже и въ трехъ, случаяхъ, называя нумеръ роты, можно было упомянуть имя командира, или взять уже за правило дѣлать то же и со всѣми другими, исключенія же этѣ рѣзко бросаются въ глаза; когда еще и не читали книги, два, три, лица предупреждали меня объ этомъ, какъ о чемъ-то замѣчательномъ. При настоящемъ стремленіи къ просвѣщенію, столь благотворно споспѣшествуемому Государемъ Императоромъ, историческій рассказъ долженъ размѣрять свое повѣствованіе пропорціонально. Если уже принять называть одного ротнаго командира, слѣдуетъ дѣлать то и съ другими. Роты имѣютъ свои нумера, и только при особыхъ подвигахъ, смерти, раны, имена командировъ ихъ должны быть названы, или, повторяю, если называть, такъ называть всѣхъ, или обратно. Впрочемъ, опять говорю, что это только мое личное мнѣніе, которое можетъ быть уже устарѣло, а Г. Богдановичъ имѣлъ независимое свое, на основаніи котораго онъ, описывая битву при взятіи Витебска, между прочимъ (стр. 194, 195) сказалъ: «Въ слѣдъ за сими подоспѣлъ въ помощь охотникамъ самъ Гарпе (отрядный начальникъ) съ 26-мъ егерскимъ полкомъ и со взводомъ конной роты № 1 Подпоручика Сухозанета 2-го. Какъ только дѣйствіе картечью нашихъ орудій заставило непріятельскихъ стрѣлковъ очистить ближайшія къ берегу строенія, то охотники 26-го полка и 7-й дружины, вмѣстѣ съ спѣшенными уланами, перебѣжали по горящему мосту на лѣвую сторону и преслѣдовали Французовъ.» Далѣе описывается занятіе Витебска и взятіе въ плѣнъ Военнаго Губернатора, Генерала Пуже, и десяти Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Слѣсъ замѣчательнѣе всего предшествовавшаго то, что не названы ни командиръ 26-го егерскаго полка, начальникъ 7-й дружины, ни отважные начальники охотниковъ свих частей и спѣшившихся уланъ, перебѣгающихъ черезъ горящій мостъ, преслѣдуя Французовъ и забирая плѣнныхъ, но названъ одинъ только избранный взводный артиллерійскій Подпоручикъ! Гдѣ же тутъ единообразіе, систематическій размѣръ въ

повѣствованіи? ⁴⁶ Безпристрастіе должно руководить описывающихъ событія, въ особенности, когда еще есть имъ живые свѣдѣтели. Г. Богдановичъ созналъ это самъ, въ предисловіи своемъ, и торжественно обѣщаль быть безпристрастнымъ.

Стр. 272. Парламентеръ, посланный Витгенштейномъ къ Генералу Партуно и задержанный послѣднимъ, былъ Ротмистръ (Д. В.) Кочубей (въ послѣдствіи Членъ Государственного Совѣта, скончавшійся въ 1859 году). Его повѣтствованіе чрезвычайно занимательно.

Изображая картину непріятеля, столпившагося при переправѣ чрезъ Березину, когда Графъ Витгенштейнъ подошелъ къ Студяниѣ, на стр. 283-й сказано: «... При стужѣ, въ 20 градусовъ, положеніе этихъ несчастныхъ, и въ особенности скитавшихся съ ними женщинъ и дѣтей, было ужасно.»

Не знаю, изъ какихъ источниковъ сказано, что во время переправы чрезъ Березину было 20 градусовъ мороза, и по какому термометру? Извѣстно, что 7-го Ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до самой переправы чрезъ Березину, которая еще не замерзала, позволяя нѣкоторымъ частямъ переправляться въ бродъ, и хотя на другой день, когда подошелъ Наполеонъ,

---

⁴⁶ Это можетъ привести на память анекдотъ, что гдѣ-то (можетъ быть у покойнаго Абисинскаго императора Теодора), какой-то военный же историкъ воскуривалъ одному лицу свѣчѣмъ вездѣ, гдѣ могъ только помѣстить ими своего кумира въ страницы своихъ повѣствованій. Вдругъ, по выходѣ одной изъ его послѣднихъ книгъ, прошла молва, что вельможа-кумиръ этотъ замѣняется другимъ. Нашелся какой-то забавникъ, распустившій слухъ, будто бы услужливый сочинитель припечаталъ въ своей книгѣ, въ числѣ опечатокъ, слѣдующее: «Вездѣ, гдѣ въ моихъ сочиненіяхъ напечатано №. №. (имя перваго кумира),» читай М. М. (имя приняшаго эту должность). Подобная выходка и вызвала когда-то отзывъ одного изъ Французскихъ военныхъ журналовъ о какомъ-то сочиненіи, что оно напечатано въ передней Военнаго Министра. Въ настоящее время не должны ли мы избѣгать этого? Что скажутъ о насъ другіе народы, такъ сильно подвизающіеся на поприщѣ военномъ по всѣмъ отраслямъ? А у насъ не могутъ еще отстать отъ привычки держать въ рукахъ кадило для воскуриванія свѣчѣмъ! При такомъ настроеніи чего же можно ожидать?

послѣдовалъ легкій морозъ, недостаточный, однако же, чтобы стянуть болота, а ледъ, показавшійся на Березинѣ, былъ такъ слабъ, что не мѣшалъ устройству мостовъ на козлахъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ въ тотъ день, когда Витгенштейнъ подошелъ къ Студянкѣ, не могло быть двадцати градусовъ мороза на какомъ бы то ни было изъ извѣстныхъ термометровъ; ибо въ этотъ же самый день, по засвѣдѣтельству Шамбре (т. III, р. 69), разбитые Французы спасались чрезъ Березину вплавь. Дѣйствительные морозы начались тотчасъ по переправѣ чрезъ Березину, въ Молодечнѣ, и они достигли уже до двадцати градусовъ по Реомюру и ежедневно усиливались. Г. Богдановичъ могъ это видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. Спб. 1855.» Въ ней сведены показанія всѣхъ, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ, повѣтствователей о степени стужи, начиная отъ Москвы до Ковна, на каждомъ переходѣ; но книга эта не заслужила его ученаго вниманія.

Впрочемъ, избранный сочинителемъ Отечественной войны 1812 г., Маркизь Шамбре не врагъ мороза; напротивъ, онъ очень серьезно доказываетъ, что морозъ былъ благопріятнѣе для Французовъ, чѣмъ для насъ. И вотъ какъ онъ витійствуетъ въ этой отрадной выходкѣ (т. III, р. 143): «Морозъ, съ 5-го Декабря (23 Ноября) въ Молодечнѣ былъ гибельнѣе для Французовъ, чѣмъ для Русскихъ. Но съ военной точки зрѣнія онъ былъ благопріятенъ Наполеону; и дѣйствительно: если морозъ истребилъ огромное число солдатъ во Французской арміи, то большая часть ихъ погибла бы позже, или досталась бы въ руки Русской арміи.» (Французская, своеобразная, достойная Англичанъ, логика!). Въ Русской арміи, напротивъ, морозъ постигалъ только солдатъ совершенно крѣпкихъ и здоровыхъ (это по чему?), что и заставило Кутузова останавливаться, а это спасло остатки Французской арміи. Замедленіе Кутузова было самымъ счастливымъ для Наполеона событіемъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ тогда находился; ибо Германія призывала своими желаніями Русскихъ и т. д. Наполеонъ, однако же, не раздѣлялъ мнѣнія

своего Маркиза; ибо въ 29-мъ бюллетенѣ онъ приписываетъ всѣ бѣдствія морозу.»

Окончивъ краткія указанія на погрѣшности, вкравшіяся въ книгу: «Исторія Отечественной войны 1812 года,» присовокуплю приговоръ Г. Богдановича всѣмъ вообще сочиненіямъ о 1812 годѣ, которыя предшествовали его творенію, и высказанный въ концѣ 3-го тома, подъ заглавіемъ (стр. 523): «Источники для Исторіи войны 1812 года.»

Но прежде, нежели буду говорить самъ объ этомъ предметѣ, не лишнимъ считаю привести объ ономъ нѣсколько словъ, сказанныхъ однимъ почтеннымъ ученымъ. Вотъ что говоритъ о семъ П. Глѣбовъ: ⁴⁷

«Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: На заглавномъ листѣ сочиненія Г. Богдановича значится: «Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ.» Въ концѣ же третьяго тома приложено подробное исчисленіе источниковъ, а изъ исчисленія этого оказывается, что большая часть ⁴⁸ далеко не достовѣрны. Въ доказательство приведемъ отзывы самого сочинителя о главнѣйшихъ источникахъ, которыми онъ пользовался.» Сдѣсь П. Глѣбовъ вкратцѣ поясняетъ сдѣланные о нихъ отзывы и продолжаетъ: «Такимъ образомъ, кромѣ извѣстнаго Клаузевца и Маркиза Шамбре, ни одно сочиненіе, заключающее въ себѣ полное описаніе войны 1812 года, по мнѣнію Г. Богдановича, не изъято отъ превратнаго изложенія фактовъ. Положимъ, что такой поголовный упрекъ и справедливъ, но по чему же почтенный сочинитель собственныя свои показанія и сужденія по большей

⁴⁷ Артиллерійскій Журналъ 1861 года, № 6-й, въ превосходной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ въ защиту памяти Гаврилы Александровича Игнатьева.» Я нѣмѣль уже случай приводить другія замѣчанія ученаго критика, помѣщенные въ Артиллерійскомъ Журналѣ.

⁴⁸ Въ своемъ мѣстѣ замѣчу, что не большая часть, но всѣ вообще, даже и самые избранные Г. Богдановичемъ: Шамбре, Фенъ, Клаузевецъ, заподозрѣны.

части подтверждаетъ ссылками на сочиненія, которыя самъ признаетъ помраченными чрезвычайнымъ пристрастіемъ? ⁴⁹ Не говоря уже о Данилевскомъ и Бутурлинѣ, приложенія ко всѣмъ тремъ томамъ наполнены ссылками на Бернгарди, Фена, Лабома, Тьера и на другихъ такихъ же, по удостовѣренію Г. Богдановича, пристрастныхъ писателей, которые ни сколько не заботились объ истинѣ. Послѣ этого можно ли согласиться, что Исторія Отечественннй войны 1812 года, Г. Богдановича, составлена по источникамъ достовѣрнымъ? Во всякомъ случаѣ такое заглавіе противорѣчитъ тому, что разсказываетъ самъ почтенный сочинитель о достовѣрности источниковъ, которые послужили основаніемъ его обширному и, для большинства читателей, весьма любопытному сочиненію.»

Теперь приступаю къ болѣе подробному разбору. ⁵⁰

На стр. 529-й Г. Богдановичъ, послѣ краткаго вступленія для исчисленія иноземныхъ историковъ войны 1812 года и опредѣленія сочиненій, враждебныхъ и благопріятныхъ Наполеону называя сочиненіе Шамбре «болѣе прочихъ безпристрастнымъ», начинается съ Графа Сегюра.

Сказавъ нѣсколько словъ о значеніи книги Сегюра, возвышающихъ ея достоинство, Г. Богдановичъ присовокупляетъ: «но ⁵¹ этѣ неотъемлемыя достоинства Исторіи Наполеона и Великой арміи помрачаются совершеннымъ отсутствіемъ исторической критики: на ряду съ важнѣйшими событіями, сочинитель пространно описываетъ всѣ сплетни главной квартиры, до него доходившія, не заботясь нисколько объ истинѣ. Само собою

⁴⁹ Подчеркнуто и въ подлинникѣ.

⁵⁰ Выпускаю исчисленіе правительственныхъ бумагъ, писемъ и записокъ, какъ недоступныхъ для частнаго человѣка, а говорить буду только о печатномъ.

⁵¹ Въ этѣхъ оцѣнкахъ «но» играетъ замѣчательную роль; оно служитъ какъ бы переваломъ: ему предшествуетъ отзывъ, иногда и довольно одобрительный; за то, послѣ перевала чрезъ «но,» нѣтъ уже пощадъ: все предшествующее уничтожается.

разумѣется, что отъ такого сочиненія нельзя требовать ни вѣрнаго понятія о числѣ и положеніи войскъ обѣихъ сторонъ, ни отчетливаго обозначенія движеній, какъ въѣ боя, такъ и въ сраженіяхъ. Почти на всякой страницѣ сочинитель, вмѣсто простаго безыскусственнаго описанія событій, прибѣгаетъ къ риторическимъ фигурамъ и, плѣняя воображеніе, не убѣждаетъ разсудка. Не смотря на уваженіе, изъявляемое Графомъ Сегюромъ къ Наполеону, и на патриотизмъ, которымъ превосполнена его книга, ²² ошибки Императора Французовъ и недостатки управленія Великой арміи выказаны съ придирчивою строгостью. Это заставляло Генерала Гурго сдѣлать критическій разборъ книги Сегюра (*examen critique de l'ouvrage du Comte de Segur*), въ которомъ, опровергая его показаніе, Гурго, въ свою очередь, впадаетъ въ преувеличеніе и не рѣдко искажаетъ истину.²³

Не смотря, однако же, на такую оцѣнку, Г. Богдановичъ двадцать четыре раза прибѣгаетъ къ засвѣдѣтельствуванію Сегюра и, само собой разумѣется, тогда, когда рассказываемое этѣмъ Графомъ пришлось по вкусу сочинителя своей Исторіи, точно также и семнадцать ссылокъ на Гурго.

Сочиненіе Керъ-Портера (писано по Англійски). . . . «Многія изъ показаній сочинителя не точны и вообще его книга не имѣетъ большаго достоинства.» Конечно, на этомъ основаніи почтенный сочинитель и сдѣлалъ на него только три ссылки. Чуть ли не отъ него позаимствовалъ (но безъ ссылки) и сказку о ранѣ Князя Воронцова.

Лабомъ. . . . «Хотя сочинитель иногда увлекается негодованіемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя.» За сѣмъ слѣдуетъ «*coup de grace*:» «однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенноти 4-го пѣхотнаго кор-

²² Сдѣсь сочинитель обвиняетъ въ патриотизмѣ и Сегюра точно также, какъ и Дашлевскаго. Это святое чувство кажется допускается имъ только у Нѣмцевъ.

пуса, яркими красками и съ достаточною подробностью. " И по сведеніи счета октзывается, что этотъ писатель, дающій волю воображенію, вдающійся въ показанія весьма сомнительныя, призванъ двадцать два раза къ засвѣдѣтельствуванію избранныхъ сочинителемъ періодовъ такъ, что ему дается иногда болѣе вѣры, нежели показаніямъ Русскихъ, бывшихъ въ описываемую пору дѣятелями.

Водонкуръ. Скаазавъ, что онъ имѣлъ возможность, будучи въ плѣну въ Россіи, собрать свѣдѣнія и получить ихъ въ послѣдствіи отъ Адмирала Чичагова, присомокупляетъ: «но это неотъемлемое достоинство Водонкурова сочиненія помрачается чрезвычайнымъ пристрастіемъ его къ своимъ землякамъ и ненавистью къ Русскимъ. Почти на каждой страницѣ его книги вызываются отъ чувства, не совмѣстныя съ достоинствомъ Исторіи. Вездѣ отъ стремится доказать, что Наполеонъ дѣйствовалъ безошибочно и что Французы постоянно превосходили Русскихъ отвагой и смѣлливостью, и для этого прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже намѣняя смыслъ бумагъ, служившихъ источниками для его повѣствованія.» Этотъ повѣствователь заслужилъ только три раза быть упомянутымъ.

Баронъ Фенъ. «Состоявшій въ свитѣ Наполеона, не могъ не подвергнуться магическому вліанію своего повелителя. По этому самому нельзя отъ него ожидать безпристрастія; и дѣйствительно его сочиненіе: «Manuscrit de 1812» есть трудъ чловѣка, вполне преданнаго Наполеону. Но, не смотря на не рѣдко проявляющуюся односторонность сочинителя, его книга есть одинъ изъ лучшихъ источниковъ для полученія свѣдѣній» и пр. Тоже довольно замѣчательное сочетаніе противоположностей: «Отъ Фена нельзя ожидать безпристрастія,» а между тѣмъ книга эта есть одна изъ лучшихъ! Если это послѣднее справедливо, то за что же упрекаетъ Данилевскаго, что онъ ограничился только Феномъ и Шамбре, которыхъ и самъ

---

⁴⁴ А по чему, повторяю, его засвѣдѣтельствованія о взятіи центральной бугаремъ не ириведены?

Богдановичъ ставить лучшими? Этотъ повѣствователь, такъ заподозрѣнный Г-номъ историкомъ, по тому что для негоднаго описанія Данилевскаго былъ избранъ вмѣстѣ съ Шамбре, обратилъ, однако же, на себя вниманіе и Г. Богдановича, который пятьдесятъ шесть разъ ссылается на его засвѣдѣствованія.

«Лучшимъ изъ всѣхъ Французскихъ сочиненій о войнѣ 1812 года, по всей справедливости, есть: *Histoire de l'expédition de Russie*, Маркиза Шамбре.» Генералъ Богдановичъ отзывается благосклонно объ этомъ сочинителѣ до такой степени, что въ отзывѣ этомъ ужасное «но» не нашло себѣ мѣста. Шамбре приведенъ въ свѣдѣтели двѣсти девятнадцать разъ! Жаль, однако же, что и эта цифра мала; ибо сочинитель *Исторіи Отечественной войны* выпустилъ нѣкоторыя изъ засвѣдѣствованныхъ имъ эпизодовъ разграбленія Москвы и дѣлаемыхъ насилій, " что, конечно, не входило въ планъ сочинителя, и по тому онъ можетъ сказать на это: «А какое вамъ дѣло?»

Опять повторяю: за что же обвиняется Данилевскій, что онъ избралъ преимущественно засвѣдѣствованія Шамбре, когда тоже дѣлаетъ, несравненно въ большей степени, и Г. Богдановичъ?

«Тьеръ, знаменитый литераторъ и публицистъ, не можетъ соперничать ни съ Шамбре, ни съ Водонкурромъ " въ описаніи

---

⁵⁴ Объ этомъ же предметѣ сочинитель поспешилъ на засвѣдѣствованія «Сюрюга», Католическаго Священника, оставшагося въ Москвѣ. На него только одна ссылка, тогда какъ повѣствуемое имъ неотъемлемо принадлежитъ къ *Исторіи Отечественной войны*, въ особенности Москвы. Жаль, что почтенный сочинитель не изображаетъ картины насильствъ, такъ какъ изображаютъ ихъ сами Французы, и въ особенности избранный имъ Шамбре. Непонятно!

⁵⁵ Это что за оказія? Да, вѣдь, сочиненія Водонкура «помрачаются чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ своимъ и ненавистью къ Русскимъ»..... «Онъ прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже мѣняетъ смыслъ бумагъ» и т. д., и заслужилъ ссылки на него только три раза. Что за оказія, повторяю: Шамбре, Водонкуръ и Тьеръ! Не угодно ли опредѣлить, что это за господа?

военныхъ дѣйствій, но за то его сочиненіе весьма занимательно и представляетъ картину, написанную рукой мастера. Въ отношеніи къ политикѣ воевавшихъ Державъ и сосѣдственныхъ имъ Государствъ, онъ довольно безпристрастенъ, но во всемъ же прочемъ весьма часто уклоняется отъ истины¹⁶ и т. д. Что же это «все прочее»? По моему мнѣнію, вѣдь, это не что иное, какъ описаніе военныхъ дѣйствій, главный предметъ книги Генерала Богдановича; но не смотря на все прочее, Тьеръ призванъ къ свидѣтельству сорокъ семь разъ, т. е., почти шестнадцать разъ болѣе, нежели Водонкуръ, съ которыми «соперничать Тьеръ не можетъ.»

И такъ изъ приведенныхъ здѣсь Французскихъ сочиненій (не упоминаю о другихъ документахъ: монитерахъ, бюллетеняхъ и т. п.) всѣ не годятся; хороши только Шамбре и сносенъ Фенъ; словомъ, избранные по преимуществу и Данилевскимъ: за что же Г. Богдановичъ укоряетъ сего послѣдняго?

Мнѣніе Г. Богдановича о Нѣмецкихъ повѣствователяхъ таково: «Изъ числа Нѣмецкихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ полное описаніе нашей Отечественной войны, наиболѣе замѣчательны: ¹⁶ 1, *Der Russische Feldzug von 1812*, Генерала Клаузевица, и 2, *Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll*, Беригарди. Сочиненіе знаменитаго (?!) Клаузевица отличается знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ (это уже черезъ чуръ!) и вѣрнымъ критическимъ взглядомъ на описываемыя событія.» Да, очень можетъ быть, что у него вѣрный взглядъ, но положительно съ Нѣмецкой точки зрѣнія. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, а по тому пусть въ мнѣніи Г. Богдановича метафизика и самохвалство Клаузевица ¹⁷ по вкусу, но за чѣмъ же онъ этого

¹⁶ Значить, что всѣ Нѣмецкіе повѣствователи замѣчательны: одни мѣше, другіе болѣе. Замѣчательны же они съ одобрительной стороны, по тому что такъ аттестуются двое, выше названные.

¹⁷ Въ 1812 году, во время отступленія, я съ Клаузевицемъ, какъ сослуживцемъ, видѣлся ежедневно, иногда даже по нѣскольку разъ въ день, на переходахъ, при занятіи позиціи и т. п., въ особенности по тому, что онъ

лейбъ-Нѣмца призвалъ къ засвѣдѣтельствуванію только двадцать девять разъ, тогда какъ другихъ, заподозрѣнныхъ въ изложе- ній истины, гораздо болѣе, какъ это будетъ видно далѣе?

часто и ночевалъ въ нашей корпусной квартирѣ, гдѣ находилась также Прус- скій Офицеръ, родственникъ или, по видимому, въ близкихъ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, Капитанъ Люцъ, при самомъ открытіи кампаніи принятый въ нашъ Генеральный Штабъ. Я исполнялъ должность Оберъ-Квартирмейстера и Люцъ, не знавшій, какъ и Клаузевицъ, Русскаго языка, располагался со мною на ночлегъ. Не знаю, по чему и кто именно прозвалъ Клаузевица метафизикомъ, прозвище, подъ которымъ онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ. Самохвальства же въ немъ вовсе не замѣчалось; оно обнаружилось въ послѣдствіи, въ его сочиненіяхъ, и иногда въ довольно степени. Кстати сдѣсь о немъ. Въ Историі Отчественной войны сочинитель уподобляетъ Клаузевица превращеніемъ Индійскому божеству, Вишну. Такъ, около Смоленска, Г. Богдановичъ производитъ его въ небывалые Начальники Штаба 3-го кавалерійскаго корпуса, Графа Палена. Черезъ нѣсколько дней, онъ уже только (также небывалый) Оберъ-Квартирмейстеръ корпуса и въ то же время и не стѣмъ послѣднимъ, а только находящимся при 1-мъ корпусѣ! Жаль, что почтенный Профессоръ не извѣщаетъ о катастрофѣ, низвергнувшей Клаузевица, какъ говорится, изъ Цоповъ въ Дьяконы, а потомъ изъ Дьяконовъ и въ Дьячки. При такой тщательной обработкѣ книги другой, пожалуй, подумаетъ, что было три однофамильца и затруднится рѣшить, который же изъ нихъ знаменитый, какъ Г. Богдановичъ называетъ одного изъ нихъ? А выходитъ, что это одинъ и тотъ же, только въ трехъ лицахъ, въ одно и то же время, какъ Пинети, являвшійся въ разныхъ званіяхъ. Въ Исторіи этой такіе случаи не рѣдкость и съ лицами повыше Клаузевица. Колебаніе сочинителя «Исторіи Отчественной войны» въ опредѣленіи значенія Клаузевица въ 1812 г., тѣмъ болѣе замѣчательно, что, по видимому, онъ составляетъ для Г. Богдановича что-то загадочное, въ родѣ миста. Напыль нѣ- сколькокихъ иноземцевъ, въ особенности Прусскихъ Офицеровъ, къ намъ, и преимущественно въ Генеральный Штабъ, имѣеть два періода. Первый за годъ и за три до войны 1812 года. Въ числѣ лицъ этого періода съ двумя изъ нихъ, Поручикомъ Барономъ Дистомъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантомъ Прусской службы), сотоварищемъ моимъ въ Финляндіи, особенно въ извѣстномъ поединкѣ, гдѣ имя его видно за моимъ въ Шведскихъ журналахъ и Абовскихъ газетахъ (въ 1861 г. вновь возобновленныхъ), и Капитана Гофмана, съ которымъ я сблизился въ началѣ 1812 г., въ слѣдствіе поединка его въ Дубнѣ съ Барономъ Полкеномъ, Адыютантомъ Генерала Дохтурова, павшаго подъ Бородиномъ. Второй періодъ, это начало кампаніи 1812 г. Нѣсколько дней предъ Смоленской битвой командированъ былъ въ 6-й корпусъ Капитанъ Люцъ, прибывшій вмѣстѣ съ Клаузевицемъ въ армію, оба блистательной храбрости. Клаузевицъ пріютился у Графа Палена, корпусъ котораго былъ постоянно при 6-мъ корпусѣ; у Графа же Палена въ должности Оберъ-Квартирмейстера былъ Штабъ-

О другомъ же сочиненіи, т. е., Запискахъ Графа Толя, изданныхъ Беригарди, Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Книга Беригарди имѣетъ также большія достоинства. Въ первыхъ двухъ томахъ этого сочиненія находимъ многіе факты войны 1812 года, доселѣ остававшіеся вовсе не извѣстными, либо, по крайней мѣрѣ, не объясненными. Источниками сочинителю, кромѣ собственныхъ замѣтокъ Толя, служили письменныя и словесныя показанія участниковъ гигантской борьбы Наполеона съ Россіей. Должно отдать справедливость Беригарди въ томъ, что онъ воспользовался этими матеріалами весьма искусно, ¹⁶ соединивъ занимательность изложенія съ отчетливымъ обозначеніемъ состава и числа войскъ, времени и мѣста дѣйствій и прочихъ обстоятельствъ, на которые не обращали вниманія прежніе историки войны 1812 года.»

Не слишкомъ ли уже много сказано о совершенствѣ этого творенія?

Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Сочинитель Исторіи Отечественной войны, послѣ такъ обильно высказанной похвалы, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію (это мѣсто «но»), сочинитель, подобно многимъ Нѣмецкихъ писа-

Капитанъ Даненбергъ (о начальникѣ Штаба я не ссылюсь). Въ Вородинѣ Графъ Палея былъ болѣнъ, и Клаузевицъ, какъ полуволонтеръ, безъ всякой постоянной обязанности, побѣжалъ во время дѣла изъ Уварову, Начальнику 1-го корпуса, и съ нимъ около часа находился въ дѣлѣ. Изъ Тарутина онъ перепросился въ корпусъ Графа Витгенштейна. Сочинилъ басню разговора его съ Бариллаемъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ я распространюсь о Клаузевицѣ и другихъ, ему подобныхъ, волонтерахъ, въ то время бывшихъ въ нашей арміи.

¹⁶ Очень искусно, правда, вездѣ, въ нашу Отечественную войну на первый планъ выдвигаетъ свой элементъ. Но вотъ что я не понимаю: по чему Записки Толя по преимуществу называются Беригарди и приводятся подъ именемъ сего послѣдняго? Этотъ былъ только издатель, прибавилъ свои замѣчанія, но все таки это Записки Толя, а Беригарди издатель. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять уже что либо одно: Толя, или Беригарди. Далѣе такое разъясненіе окажется необходимымъ.

телямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ, и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.»

Послѣ такого отзыва, какое же историческое достоинство можетъ имѣть эта книга, повѣствующая о нашей Отечественной войнѣ? А между тѣмъ, нѣсколько строкъ выше, воскурень ей еиміямъ!... Должно сознаться, что это дипломатически: Русская и Нѣмецкая стороны, каждая имѣетъ чѣмъ удовлетвориться. Оставимъ до времени это, а сдѣсь, прежде всего слѣдуетъ вопросъ: кого Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь: Толя, или Бернгарди? Записки—перваго, какъ они въ ссылкахъ именуется «Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll,» издатель ихъ—Бернгарди. Пусть онъ приводилъ ихъ въ порядокъ, объяснялъ, дѣлалъ свои замѣчанія; пусть даже пополнялъ ихъ и уже такъ издалъ, а все, однако, слово сочинителя къ нему не идетъ; иначе же и нашъ Мавркій Осиповичъ Вольфъ, издающій столько книгъ не своего сочиненія, часто такъ съ поясненіями, можетъ, пожалуй, быть тоже приводимъ, какъ сочинитель! Фалардъ, разъяснившій Полюбія, не называется сочинителемъ, а просто объяснителемъ (комментаторомъ). Къ кому же должно относить взводимую неблагодарность къ Русскимъ, желаніе унижить славу Русской арміи и т. п? Кого же, повторяю, Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ: самого ли Толя, или издателя Записокъ, Бернгарди? Неясный или, лучше сказать, не ловкій оборотъ рѣчи! То, что приписывается Г. Богдановичемъ сочинителю Нѣмцу, можетъ относиться только къ Бернгарди, но, конечно, уже не къ Карлу Федоровичу, этому рыцарю въ величайшихъ опасностяхъ.⁵⁰ Но какъ бы то ни было, подразумеваемый сочинителемъ Отечественной войны Нѣмецъ, «уничтожающій нашу военную славу, не признающій заслугъ никого

⁵⁰ Если въ Запискахъ его встрѣчается что либо несообразное со славою арміи Русской, или рѣзкіе наветы на нѣвѣстныхъ лицъ, то позволяю себѣ думать, что первое изъ въ какомъ случаѣ не принадлежитъ перу его, а второе могло быть усилено.

(замѣчательное никого!) изъ Русскихъ» и т. д., и т. д., призыванъ девяносто восемь разъ къ засвѣдѣтельствуванію разныхъ эпизодовъ! Изреченія его принимаются за положительные, не смотря на то, что онъ такъ заподозрѣнъ! Г. Богдановичъ, какъ не участвовавшій въ войнѣ, не можетъ признавать одно за истину, другое за ложь, безъ строгаго критическаго разбора противорѣчій, встрѣчающихся въ изображеніи первостепенныхъ случаевъ, а критики въ этѣхъ случаяхъ у него не оказывается и произносимое по показаніямъ Беригарди подтверждается почти сотней на него ссылокъ!

Изъ выше сказаннаго Г. разбиравшій сочиненіе Генерала Богдановича, ⁶⁰ можетъ видѣть, что и Г. Богдановичъ заступаетъ за Кутузова, къ которому, по его мнѣнію, Беригарди, или Толь, въ особенности несправедливы. Впрочемъ, Генералъ Данилевскій, да и всѣ, если захотятъ сознаться, скажутъ точно также, какъ сейчасъ сказалъ и Г. Богдановичъ, что иноземные Нѣмцы въ нашей Отечественной войнѣ приписываютъ всю славу своему племени, а по тому я нахожу, что нападки съ этой стороны на Данилевскаго несправедливы; дѣйствительнымъ же оказывается только то, что, какъ уже я сказалъ, Александръ Ивановичъ могъ предпочитать быть лучше Русскимъ, нежели Нѣмцемъ; а если это такъ, то въ этомъ одномъ и заключается вся его вина.

За тѣмъ Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Всѣ прочія военныя описанія войны 1812 года на Нѣмецкомъ языкѣ не что иное, какъ болѣе или менѣе удачныя компиляціи, отъ которыхъ нельзя ожидать ни самостоятельности критическаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ. Таковы сочиненія Либенштейна (*Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812—1813*), Колегартецъ ⁶¹ (*Darstellung des Französisch-Russischen*

⁶⁰ См. первую часть: «Замѣчанія на Австрійскій Военный Журналъ».

⁶¹ Колегартецъ первый описалъ эту войну въ С.-Петербургѣ, а по тому, въ строгомъ смыслѣ сочиненіе это не иноземное, хотя и писано на Нѣмецкомъ языкѣ;

Vernichtungskrieges in Jahr 1812), Мортонваль (Histoire de la guerre de Russie en 1812), ⁶¹ Бейтцке (Geschichte des Russischen Krieges im Jahr 1812), Незвѣстнаго сочинителя: Das Buch von Jahr 1812, oder Napoleon in Russland» и пр. Изъ числа ихъ преимущественно заслуживаетъ вниманіе ⁶² сочиненіе Либенштейна, но и оно подобно прочимъ, написано на основаніи довольно сомнительныхъ источниковъ.»

Что же касается до «Книги 1812 года» (Das Buch, см. выше), то сочинитель этого сочиненія, не ограничиваясь выписками изъ Шамбре, Гурго и Клаузевица, излагаетъ свои собственныя впечатлѣнія, въ качествѣ очевидца описываемыхъ событій; но эти замѣтки, которыя могли бы быть интересны и поучительны, къ сожалѣнію, не отличаются ни здравой исторической критикой, ни безпристрастіемъ.»

Не говоря о множествѣ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года, не упоминаемыхъ въ этомъ мѣстѣ Г. Богдановичемъ, всѣ они, т. е., писавшіе до него, и Русскіе и иноземные, отчасти только за исключеніемъ Шамбре и Фена, вовсе не имѣютъ цѣны и не заслуживаютъ ни какого вниманія, по изложеннымъ сочинителемъ недостаткамъ; другіе же не болѣе какъ сносны, да и то только до извѣстной степени. Даже изображеніе военныхъ дѣйствій 1-й арміи, составленное Барклаемъ де Толли, «не можетъ быть названо совсѣмъ

въ такомъ случаѣ Бутурлина, Окуева и нѣкоторыхъ другихъ, писавшихъ не по Русски, тоже не должно бы относить къ иноземцамъ, а равно и Толя.

⁶⁰ Надо полагать, что Французъ Мортонваль заблудился между Нѣмцами.

⁶¹ Но, вѣдь, всѣ эти исчисленныя Нѣмецкія сочиненія «не имѣютъ самостоятельнаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ; а по тому, какъ понимать сдѣсь, что изъ числа ихъ Либенштейнъ преимущественно заслуживаетъ вниманія;» т. е., что онъ хуже всѣхъ другихъ, или, болѣе сносенъ? Къ слову объ удачныхъ компиляціяхъ: да вѣдь и ваша книга не что иное, какъ компиляція, но только неудачная: вы не участвовали въ войнѣ, а по тому сами свидѣтельствовать не можете, а Либенштейнъ, Миллеръ участвовали и могли описывать то, что видѣли, равно какъ и нѣкоторые другіе.

безпристрастно;» Вольцогенъ, прославляя только «свои подвѣги.» Между тѣмъ, независимо отъ Барклая, Вольцогенъ десять разъ призывается во свѣдѣтели сочинителемъ. «Словомъ, Г. Богдановичъ долженъ былъ преодолѣть всѣ эти трудности, чтобы сочинить свою Исторію, и сочинилъ ее въ полномъ смыслѣ слова!

Такимъ образомъ, послѣ того, что повѣствованія иноземныхъ историковъ такъ много содѣйствовали Г. Богдановичу сложению его исторіи, сдѣсь поступилъ онъ съ ними, какъ уже замѣчено въ первой части, точно такъ, какъ съ коркой выжатого лимона; но таковъ, конечно, планъ нашего почтеннаго исторіографа.

Наконецъ дошла очередь и до нашихъ соотечественниковъ, и вотъ, какъ онъ отзывается о нихъ:

«Ахшарумовъ, бывший Адъютантомъ Генерала Коновницына, по ходатайству его, получилъ порученіе составить Исторію войны 1812 года. Будучи Военнымъ Министромъ, Коновницынъ не только доставлялъ Ахшарумову многіе матеріалы, но испросилъ прикомандированіе его для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Французскихъ войскъ къ корпусу Воронцова, тогда стоявшему во Франціи. Но Ахшарумовъ, недостаточно приготовленный къ занятіямъ по военной исторіи, «не воспользовался данными ему средствами, и написалъ книгу, заслуживающую вниманіе только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.»

Полковникъ Ахшарумовъ былъ не прикомандированъ только къ корпусу Воронцова, но назначенъ дежурнымъ штабъ-

---

⁴⁴ Шрекенштейнъ тридцать разъ, Фунгъ десять и т. д. Между тѣмъ въ выше изложенномъ спискѣ нѣтъ Шрекенштейна, на основаніи котораго сочинена сказка о взятіи центральной батареи въ Бородинѣ.

⁴⁵ Это на какомъ основаніи? Изъ сочиненія не видно, чтобы можно было дѣлать подобное заключеніе.

Офицеромъ. Если бы Ахшарумовъ не былъ достаточно приготовленнымъ къ занятіямъ по военной исторіи, то, конечно, просвѣщенный Коновницынъ, могшій оцѣнить Ахшарумова, бывшаго у него Адъютантомъ въ продолженіи войны, въ которой такъ блистательно участвовалъ, не возложилъ бы на него этого порученія, какъ то могъ бы сдѣлать это другой, при совершенно иныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, слово по ходатайствѣ вовсе неумѣстно; это выраженіе слѣдовало бы прибавить для другихъ. Воспользовался ли онъ данными ему средствами, или нѣтъ, можно судить тогда только, когда средства этѣ извѣстны. Я ежедневно видѣлся съ Ахшарумовымъ, когда пріѣзжалъ изъ Ретеля въ Мобежъ, что случалось по нѣскольку разъ въ годъ, и очень близко знаю, что средства этѣ были очень ограничены; ибо въ то время наши матеріалы не были еще собраны въ одно мѣсто, а изъ сочиненій иноземныхъ не многія были уже изданы. Ахшарумовъ окончилъ Исторію въ 1817 году и отправилъ въ Петербургъ, гдѣ несомнѣнно она была просмотрѣна Коновницынымъ, а можетъ быть и еще другими участниками войны. Въ Мобежѣ, Графъ Воронцовъ, по мѣрѣ изготовленія главъ, прочитывалъ оныя; то же дѣлалъ Начальникъ Штаба, Понсетъ, человекъ съ высокими дарованіями. Ахшарумовъ былъ такъ добросовѣстенъ, что не пренебрегалъ ни какими поясненіями и написалъ вѣрно. Если же онъ не вдавался въ разныя подробности, то, какъ я замѣтилъ, не было еще достаточно для того средствъ. Относительно же разсужденій, которыми изобилуютъ нынѣшнія военныя произведенія, онъ былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы пускать свои мнѣнія въ ходъ и стараться блеснуть своими умозаключеніями, и слишкомъ благороденъ, чтобы кадить, или злословить. " Онъ изложилъ событія вѣрно, какъ очевидецъ, а по

---

⁶⁶ Это доказывается однимъ уже тѣмъ, что онъ не дѣлаетъ этого и тому, кто ходатайствовалъ о немъ; а вѣдь должно согласиться, что о Коновницынѣ въ войну 1812 г. можно было бы сказать многое, заслуживающее ея мнѣяма, но этого вовсе нѣтъ, не по тому ли, что Ахшарумовъ былъ недостаточно приготовленъ къ занятіямъ по Военной Исторіи, какъ замѣчаетъ Г. Богдановичъ? Но возскупить ея мнѣямъ можно и при полномъ отсутствіи познаній въ военномъ дѣлѣ: ловкій сочинитель найдетъ возможность, при случаѣ, возскупить оный и Подпоручику...

моему мнѣнію, очевидецъ имѣетъ первый шагъ, когда дѣло идетъ объ описаніи того, что происходило въ его глазахъ, передъ тѣми, которые объ этомъ только слышали, или читали. Пусть они и создаютъ свои краснорѣчивыя разсужденія. Не могу скрыть удивленія, что почтенный сочинитель своей Исторіи не нашелъ ни чего, заслуживающаго вниманія въ сочиненіи Ахшарумова, и такъ рѣзко отозвался о немъ, что онъ написалъ «книгу, заслуживающую вниманія только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.» Но не заслуживаетъ ли она вниманія тѣмъ уже однимъ, что въ ней нѣтъ противорѣчій самому себѣ, а это доказываетъ, что сочинитель ее зналъ логику, а не писалъ наобумъ? При послѣднемъ условіи можно написать не только три толстыхъ тома, но тридцать три листовника.

Относительно же выраженія, что книга эта имѣетъ одно достоинство, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года, то въ буквальномъ смыслѣ и это несправедливо. Книга Ахшарумова печатана въ 1819 году. Козегартенъ напечаталъ свою въ 1816 году въ Петербургѣ, правда по Нѣмецки, но Г. Богдановичъ говоритъ просто первымъ Русскимъ сочиненіемъ; вотъ если бы онъ сказалъ на Русскомъ языкѣ, это было бы другое дѣло. ⁶⁷ Впрочемъ, какъ далѣе увидимъ, сочинитель уничтожаетъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, дерзнувшихъ пошевдаться на его порищѣ, и это по тому, конечно, что всѣ они были участниками войны 1812 г., а онъ одинъ не могъ быть въ этомъ положеніи; по его же логикѣ участники никогда не могутъ такъ вѣрно изобразить событія, въ коихъ были дѣятелями, какъ тѣ, которые въ нихъ вовсе не участвовали.

•Бутурлинъ (Д. П.) не только былъ участникомъ въ дѣйствіяхъ 1812 года, но основательно изучилъ ихъ. Къ сожалѣнію, это изученіе было односторонне: сочинитель былъ жар-

---

⁶⁷ Сухтеленъ, Бенкендорфъ, Бутурлинъ, Окуневъ и нѣкоторые другіе писали на Французскомъ языкѣ, но сочиненія эти все таки произведенія Русскихъ; точно также Записка Толл, а пожалуй и Принца Евгенія Виртембергскаго.

кимъ послѣдователемъ стратегической системы Жюмнина, которая преобладаетъ въ его сочиненіи. ⁶⁶ Всякое дѣйствіе обсуживается у него на основаніи мыслей Генерала Жюмнина, что чрезвычайно стѣснить кругозоръ его критическихъ выводовъ.» Замѣтивъ, что Бутурлинъ не воспользовался весьма важными матеріалами, сочинитель продолжаетъ: «Впрочемъ, въ сочиненіи Генерала Бутурлина все, что касается до движеній и дѣйствій войскъ (изложено) довольно отчетливо.» Кажется, чего же больше желать для военнаго описанія; но нѣтъ, этого мало; однако, не въ этомъ Г. Богдановичъ полагаетъ всю вину, а вотъ что онъ говоритъ въ слѣдъ за помянутыми словами: «но напрасно кто либо сталъ бы искать въ немъ объясненія характера и личныхъ свойствъ главныхъ дѣйствователей, намѣреній и рѣшеній, послѣдовавшихъ въ совѣтахъ военачальниковъ, вліянія мѣръ, принятыхъ противникомъ, духа народа и войскъ, положенія арміи въ различныя эпохи войны, словомъ сказать, вліянія нравственныхъ силъ. Отъ этого самого повѣствованіе сочинителя, не смотря на занимательность предмета, сухое, безжизненное, лишенное всего того, что обуславливаетъ прелесть созданія, представляетъ подобіе скелета.»

Скажу словами сочинителя: прелесть, что за рецензія, что за оцѣнка! Какъ мало самонадѣянности, какая скромность, и т. п.! Вотъ извольте видѣть: Бутурлинъ вѣрно описывалъ движеніе и дѣйствіе войскъ, но не захотѣлъ быть метафизикомъ и изобразителемъ характеровъ нѣкоторыхъ лицъ, что, впрочемъ, онъ, конечно, могъ бы сдѣлать легче и вѣрнѣе Г. Богдановича, знавши дѣятелей лично, но ограничился только показаніемъ ихъ дѣйствій; это не то, какъ мы? Мы ихъ и не видывали, а посмотрите, какъ однихъ отхватили, а другихъ воскурили: прогрессъ да и только! Почтенный сочинитель своей Исторіи забылъ присовокупить одно, что въ Исторіи Бутурлина нѣтъ ни одного противорѣчія, что онъ по старинному, лѣвое называетъ лѣвымъ, а правое правымъ, и т. п. Сочинитель заключаетъ таксацію свою сочиненію Бутурлина тѣмъ, что онъ «написалъ по

⁶⁶ Вотъ и Жюмнинъ досталось, какъ говорится, на орѣхи! Мы, де, одни невогребшими!

Французски, а по тому Французы пользуются всёми тѣми, что сказано въ ихъ пользу, и ссылаются на оное.» Я долженъ или, по крайней мѣрѣ, желаю, предполагать, что этѣ послѣднія слова были написаны по разсѣянности, по тому что если бь Бутурлинъ написалъ книгу свою по Русски, то она, конечно, была бы переведена тотчасъ на Французскій языкъ, а по тому и не лишила бы Французовъ возможности дѣлать ссылки на тѣ мѣста, которыя могли быть въ ихъ пользу.⁶⁹ Впрочемъ, и самъ Г. Богдановичъ въ своемъ предисловіи говоритъ, что «могу сказать только то, что перомъ моимъ водило безпристрастіе и къ своимъ и къ непріятелямъ.» Какъ жрецъ истины, онъ иначе и не могъ писать свою Исторію, а по тому Французы будутъ также вправѣ ссылаться и на него; но, дай Богъ, чтобы.....

«Сочиненіе Генерала Окунева: «Разсужденіе о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ войны 1812 года въ Россіи,» можетъ быть причислено скорѣе къ догматическимъ, нежели къ историческимъ, книгамъ. Сочинитель, принявъ на себя обязанность Профессора, поучаетъ читателей своихъ, представляя въ видѣ безусловныхъ правдъ, выводы, имъ сдѣланные на основаніи теоріи Генерала Жюмни. Нельзя не замѣтить, что послѣдователи Жюмни, позабывъ, что важнѣйшею его заслугой было освобожденіе любознательныхъ военныхъ людей отъ стѣснявшихъ ихъ одностороннихъ теорій, подчинились началамъ, которыя самъ онъ не признавалъ безусловными. Отъ этого произошло тотъ узкій критическій взглядъ на военныя дѣйствія, которымъ отличались: Маккъ, Вейротеръ, Пфуль и подобные имъ педанты» (сирѣчь, и вы, Г. Окуневъ). Такая ученость, стѣсняющая свободу мышленія, вредна не менѣе невѣжества.»

Каковъ отзывъ?! А я проста думалъ, что если Окуневъ и не натягиваетъ какого либо подвига избраннаго имъ Поручика

---

⁶⁹ Книга Г. Богдановича переведена по Нѣмецки и, какъ видно было въ первой части этого разбора, дѣйствительно Нѣмцы пользуются богатымъ для своей пользы матеріаломъ.

съ двумя орудіями, то, по крайней мѣрѣ, онъ развиваетъ понятіе о стратегическихъ соображеніяхъ. Но нѣтъ, не угодишь жрецу истины. Онъ только одинъ правъ, по тому что..... Но вотъ еще приговоръ послѣдному изъ сочинителей, дерзнувшему писать прежде Г. Богдановича Исторію Отечественной войны:

«Послѣднимъ изъ полныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ было: «Описаніе Отечественной войны 1812 года, Генерала Михайловскаго-Данилевскаго. При составленіи этой книги сочинитель имѣлъ доступъ во всѣ Государственные архивы. Энциклопедическое образованіе и литературныя способности Данилевскаго способствовали ему написать сочиненіе, которое, благодаря легкости слога и занимательности предмета, сдѣлалось популярнымъ, но подвергнулось порицанію иностранныхъ писателей.⁷⁰ Сочинитель говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ: «Критическая военная Исторія не была моею цѣлью. Оставимъ ее военнымъ схоластикамъ, любителямъ стратегій и тактики. Другая цѣль была у меня: представить по возможности правдивое изображеніе событій» и пр. Этѣхъ нѣсколько строкъ (продолжаетъ Г. Богдановичъ) достаточно для обозначенія понятій сочинителя о военной Исторіи вообще и того направленія, которому онъ намѣревался слѣдовать при изложеніи Отечественной войны 1812 года. Изъ собственныхъ словъ его слѣдуетъ: во 1-хъ, что онъ не только сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики, но предоставлялъ ее педантамъ, отрицаясь отъ стратегіи и тактики. Да развѣ безъ основательнаго знанія этѣхъ наукъ можно написать, либо даже только вполнѣ понять, какое либо военное сочиненіе?»

Я не вижу изъ словъ Данилевскаго, чтобы онъ сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики и отрицался отъ стратегіи и тактики; онъ предоставлялъ это другимъ, ограничивая свой рассказъ только тѣмъ, что совершилось. Трудно угодить Г. Богдановичу, поставившему себѣ, какъ кажется, непремѣннымъ пра-

---

⁷⁰ Да, Нѣмцы не хвалятъ его, а главное обвиняютъ его въ патриотизмѣ, какъ замѣчено въ первой части нашего разбора.

виломъ отвергать все то, что писано было другими о войнѣ 1812 года. Бутурлинымъ и Окуневымъ опъ недоволенъ за то, что они пустились въ стратегическія разсужденія, а на Данилевскаго негодуетъ за то, что онъ предоставляетъ этѣ разсужденія схоластикамъ, или, какъ сочинитель называетъ ихъ, педантамъ. Кто знаетъ, можетъ быть Данилевскій, не сознавая въ себѣ тѣхъ высокихъ дарованій на этомъ поприщѣ (какъ то мнать о себѣ другіе), и не хотѣлъ подвергнуть своихъ сужденій критикѣ Профессоровъ военной науки, а предоставилъ имъ это поприще, на которомъ можно разгуляться, какъ кто понимаетъ.

Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Во 2-хъ, сочинитель говоритъ, что опъ имѣлъ въ виду другую цѣль: истину... Не уже ли историческая критика противоположна истинѣ?» (Нѣтъ, но для сего нуженъ здравый смыслъ). «Всѣ лучшія (да, лучшія!) историческія сочиненія отличались здоровою безпристрастною критикою, и даже можно сказать, что нѣтъ ни одной хорошей военно-исторической, либо вообще исторической, книги, которая не заключала бы въ себѣ критическихъ сужденій. Да и самое описаніе Отечественной войны Генерала Данилевскаго не изъято отъ нихъ, вѣроятно, противъ воли сочинителя (!). Напрасно онъ также возстаетъ противъ стратегіи¹¹ и тактики. Ближайшее ознакомленіе съ военными науками предохранило бы его отъ нѣкоторыхъ промаховъ, которые встрѣчаются въ его книгѣ, какъ, на прим., у него отрядъ Энгельгардта дѣйствовалъ казепыми ядрами въ полевоиъ сраженіи подъ Брестомъ» и т. д.

Конечно, это промахъ, но отнюдь не доказывающій, чтобы Данилевскій не былъ знакомъ съ военной наукой до такой степени, какъ сочинитель полагаетъ. Промахи, и, различнаго еще рода, встрѣчаются вездѣ, что можно было видѣть выше. Взглянемъ, однако же, на это повѣствованіе Данилевскаго; дѣйстви-

---

¹¹ Не знаю, изъ чего Г. Богдановичъ заключилъ это? Я могъ бы представить ему свидѣтелей: Данилевскій отзывался о трудахъ Барона Медена на этомъ поприщѣ, признавая въ оныхъ всю полноту, необходимую для усвоенія себѣ здраваго понятія о стратегіи.

только ли онъ сдѣлалъ такой промахъ, что написалъ, будто бы Энгельгардтъ дѣйствовалъ калеными ядрами? Наконецъ нашелъ я въ третьемъ томѣ (стр. 198—199) дѣло подѣ Брестомъ. И что же? Выходитъ совсѣмъ иное. По сдѣланной Адмираломъ Чичаговымъ диспозиціи для атаки Шварценберга при Брестѣ, написавъ направленіе каждой колоннѣ, присоединено, что отрядъ Энгельгардта, находившійся у Прилукъ, имѣвшій предписаніе «атаковать Брестъ съ лѣваго берега Муховца и, при замѣченномъ успѣхѣ нашихъ войскъ калеными» (написано калеными) ядрами зажечь городъ.»

Шварценбергъ ночью отступилъ и дѣйствія ни какого не было, слѣдовательно, и калеными ядрами не дѣйствовали. Данилевскій написалъ только то, что заключалось въ диспозиціи и въ предписаніи Энгельгардта, а это очень легко могло быть, такъ какъ Адмиралъ имѣлъ, можетъ быть, своихъ Адъютантовъ, которые, въ торопяхъ, могли писать, какъ на кораблѣ, каленыя ядра. Адмиралъ могъ не замѣтить вкравшейся погрѣшности, вмѣсто брандсугелей или гранатъ, и подписать диспозицію. Данилевскій, не сдѣлавъ оговорки, передалъ, какъ это было сказано въ предписаніи; но дѣло въ томъ, что Энгельгардтъ не дѣйствовалъ, какъ говоритъ Г. Богдановичъ.⁷¹

⁷¹ Я привелъ здѣсь это разсужденіе не столько по тому, что Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы употребить выраженіе: долженъ былъ дѣйствовать, употребилъ дѣйствовалъ, сколько по тому, что, коснувшись этого предмета, онъ могъ бы найти у Данилевскаго, касательно сего выраженія, болѣе опредѣлительное и гдѣ не было рѣчи ни о диспозиціи, ни объ Адмиралѣ, а именно (Описание войны 1813 г., т. II, стр. 180): говоря о сраженіи подѣ Лейпцигомъ, 6-го Октября, сказано: «при овладѣніи Шенфельдомъ, бросали каленыя ядра, стараясь зажечь строенія» и пр. Но опять здѣсь повторяю, что этотъ промахъ отнюдь не доказываетъ невѣжества Михайловскаго-Данилевскаго въ военной наукѣ; это недосмотръ, можетъ быть, перевода этого вѣзвода съ Нѣмецкаго языка одинымъ изъ его сотрудниковъ не военнаго званія, который могъ принять брандсугель за каленое ядро, и выраженіе это не досмотрѣно Данилевскимъ. Я замѣчаю это по тому, что Г. Богдановичъ, указывая на событіе подѣ Брестомъ, удачѣе могъ бы привести таковое подѣ Лейпцигомъ. Меня вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетъ несравненно сильнѣйшія, но во всякомъ случаѣ далеко и очень далеко не равняющіяся съ тѣми, которыми разбираемая книга переполнена, и когда?— Спусти двадцать лѣтъ!

Сочинитель продолжаетъ: «Да и можно ли возставать противъ исторической критики въ настоящее время, послѣ трудовъ Смита, Гепфенера, Бернгарди, Шарраса и Милютинна?»

Въ предисловіи Г. Богдановичъ говорилъ уже объ этомъ но тамъ было у него только трое: Смитъ, Гепфенеръ и Милютинъ; сдѣсь онъ вдвинулъ еще двухъ, которыхъ по закону слѣдовало бы ранжировать: или въ алфавитномъ порядкѣ, или по старшинству ихъ сочиненій, обратившихъ милостивое вниманіе Г. Богдановича, или наконецъ вновь воспроизведенныхъ приобщить къ концу названныхъ уже трехъ; но, вопреки всего выше сказаннаго, онъ сохранилъ на своихъ мѣстахъ двухъ первыхъ: Смита и Гепфенера, отодвинулъ Милютинна, а предъ нимъ выѣстилъ Бернгарди и Шарраса; на какомъ основаніи это сдѣлано, опять знаютъ о томъ только Г. Богдановичъ и Аллакъ. Уже не произошла ли эта классификація на основаніи степени достоинства, приписываемой твореніямъ этихъ пяти лицъ? И тогда это ошибочно; ибо Милютинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ занять послѣдняго мѣста; это пойметъ всякій, кто лишь нѣсколько въ состояніи цѣнить труды. Изъ названныхъ пяти лицъ мнѣ неизвѣстны только творенія Гепфенера, а нѣкоторыхъ зналъ я и лично, но это въ сторону. Дѣло сдѣсь въ томъ, что Г. Богдановичъ, указывая на превосходныя творенія этихъ лицъ, писавшихъ исторіи войнъ, въ которыхъ не всѣ участвовали, какъ бы намекаетъ, что и я, дескать, стану наряду съ ними; я, вотъ то же сочинитель Исторіи войны, въ которой не участвовалъ; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. ⁷³ Но обратимся къ продолженію:

«Вообще сочинитель (Даниловскій) приступилъ къ сочиненію своей книги, не давъ самому себѣ яснаго отчета въ направленіи, которому намѣревался слѣдовать: отказавшись отъ критики, онъ не рѣдко излагаетъ собственные сужденія, за что можно бы поблагодарить его, если бы его выводы были безпристрастны. Но, къ сожалѣнію, иногда

⁷³ По чему, на прим., не упомянуть бы тутъ и Тьера, какъ современнаго; Шаллера, описавшаго тридцатилѣтнюю войну, какъ давнопрошедшаго и пр.?

случается, что она расточаетъ похвалы, либо упреки, руководясь болѣе личными отношеніями, нежели истинной (Этотъ грѣшокъ водится и у другихъ). Таково, между прочимъ, описаніе дѣятельнаго участія, будто бы принятаго Княземъ Кутузовымъ въ сраженіи при Бородинѣ, между тѣмъ какъ всѣ (!) свидѣтели этого сраженія увѣряютъ, что Фельдмаршалъ во все продолженіе боя не сходилъ съ мѣста, занятаго имъ по утру у Горокъ.

Я говорилъ уже о неосновательности повѣствованія касательно Кутузова въ Бородинскомъ дѣлѣ. Генералу Богдановичу слѣдовало бы назвать, всѣхъ свидѣтелей этого ложнаго показанія, чего онъ сдѣлать не можетъ; ибо, говоря уже объ этомъ (т. II, стр. 54), онъ ссылался только на Гофмана, Пруссакаго Офицера, бывшаго въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ и во время Бородинской битвы находившагося при Утицѣ, т. е., на оконечности лѣваго фланга, слѣдовательно, за нѣсколько верстъ отъ Горокъ. Эта ссылка принята Г. Богдановичемъ, какъ засвидѣтельствованіе всѣхъ! Непостижимо! Во всякомъ случаѣ Данилевскій, находившійся при Фельдмаршалѣ, можетъ служить лучшимъ авторитетомъ, чѣмъ Гофманъ, который могъ быть посланъ отъ Утицы къ Кутузову и застать его въ Горкахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Фельдмаршалъ находился тамъ постоянно. Сдѣсь слѣдуетъ еще припомнить, что Г. Богдановичъ, перебирая на стр. 532 писателей Исторіи войны 1812 года, и говоря о Бернгарди, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію, сочинитель (Бернгарди) подобно многимъ Нѣмецкимъ писателямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ ни одного изъ Русскихъ и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.» И какъ же послѣ этого предпочитать одного Гофмана Данилевскому? Да и что за инстинкція самого Г. Богдановича, принимающаго сдѣсь сторону Кутузова тогда, какъ онъ самъ такъ и его отдѣлялъ, и отдѣлялъ на основаніи тѣхъ же самыхъ Нѣмцевъ! Кутузовъ подѣзжалъ къ Горкамъ на самое короткое время по утру и поспѣшилъ на свое мѣсто, которое онъ назначилъ по диспозиціи сзвди 6-го корпуса; потомъ появлялся около полудни, и опять возвратился, какъ было сказано выше. Но объ этомъ до-

волью уже говорено было выше. Покажите намъ свидѣтелей, и мы представимъ своихъ. Что же касается до того, что Кутузовъ принималъ дѣятельное участіе въ Бородинской битвѣ, то, конечно, этимъ словамъ Данилевскій не хотѣлъ выразить, что Кутузовъ лично ходилъ въ атаку, да и самъ Г Богдановичъ говоритъ, какъ замѣчено выше, что всѣ его распоряженія во время битвы были основательны и т. д. Чего же болѣе въ день битвы можно требовать отъ Главнокомандующаго?

Сочинитель продолжаетъ: «Таково стремленіе представить Наполеона отжившимъ вѣкъ, Наполеона, изумлявшаго всѣхъ военныхъ людей быстротой и рѣшительностью своихъ дѣйствій въ кампанію 1814 года. Еще чаще встрѣчается въ сочиненіи Генерала Данилевскаго умышленное (каково!) умолчаніе незабвенныхъ заслугъ, высокихъ подвиговъ: объ участіи Генерала Ермолова и Полковника Толя въ дѣлѣ при Лубинѣ не сказано ни слова, объ участіи Толя въ Тарутинскомъ сраженіи, а также о распоряженіяхъ Ермолова въ сраженіи при Малоюрославцѣ, также ни слова о Гавердовскомъ, одномъ изъ отличнѣйшихъ Офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба во все не упоминается.»

Относительно Ермолова можно отчасти согласиться съ сочинителемъ, но что касается до Гавердовскаго, то не думаю, чтобы упрекъ былъ справедливъ; ибо хотя Гавердовскій и былъ извѣстенъ своими способностями уже въ войну 1808 года въ Новой Финляндіи, гдѣ находился при Главнокомандующемъ, Графѣ Буксгевденѣ, но чтобы упомянуть отдѣльно объ убитомъ Штабъ-Офицерѣ въ такомъ сраженіи, какъ Бородинское, въ которомъ пали сотни Штабъ-Офицеровъ, нуженъ былъ для сего особенный подвигъ, котораго, къ несчастію, онъ не имѣлъ случая совершить, и я очень хорошо помню, что онъ убитъ былъ такъ, что и мѣсто смерти его положительно не было извѣстно: только окровавленная лошадь припнула къ своимъ. Не разъ уже приводимый П. Глѣбовъ, въ краткомъ разборѣ своемъ книги Г. Богдановича, говоря о неумѣстномъ упрекѣ, сдѣланномъ Михайловскому-Данилевскому, между прочимъ присовокупляетъ, что «вся извѣстность Гавердовскаго въ Бородинскомъ дѣлѣ заключаетъ»

ся въ томъ только подвигѣ, что Коновницынъ уведомляетъ о семъ жену свою.»⁷⁴

Генералъ Богдановичъ являетъ себя вообще строгимъ судьей въ подобныхъ случаяхъ, тогда какъ и самъ далеко не вѣ подобныя упрековъ. Да! не должно быть слишкомъ строгимъ, повторю, къ подобнымъ слабостямъ, ну, пожалуй, пусть и къ промахамъ: большая часть историковъ болѣе или менѣе были тому подвержены. Но пора кончить приговоръ Данилевскому. Вотъ что слѣдуетъ за выше приведенными словами:

«О достоинствахъ фланговаго преслѣдованія отъ Можайска къ Вязьмѣ и далѣе сочинитель говоритъ нѣсколько разъ, а о дѣятельномъ участіи Генерала Ермолова въ преслѣдованіи непріятеля умалчиваетъ. Заслуги Барклая не замѣтны въ отношеніи отечественной войны 1812 года.»

Припомню сочинителю изъ книги Данилевскаго слѣдующія мѣста (т. II, стр. 241): «Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ (Барклая) не распорядился бы; полкъ, не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ Адъютантовъ и ординарцевъ его весьма немногіе уцѣлѣли. Велико было прежде негодование противъ Барклая де Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько нѣдель не прекѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ

---

⁷⁴ Я даже полагаю, по своему разумѣнію, что помѣщенное въ текстѣ, стр. 180, письмо Г. Коновницына къ женѣ, съ извѣстіемъ о смерти Гавердовскаго, имѣло бы болѣе приличное мѣсто въ Приложеніяхъ, если уже, по соображенію Г. Богдановича, оно должно было быть извѣстно. Въ текстѣ можно было бы включить что либо соответственное съ характеромъ повѣствуемаго; такъ, на прим., по чему бы не помѣстить въ текстѣ, да и помѣстить подробно и отчетливо, эпизодъ о избіеніи нашихъ плѣнныхъ, какъ мѣру общую, принятую Французами, между тѣмъ, какъ почтенный Профессоръ сказалъ только два слова (т. III, стр. 59), что когда плѣнные, отъ истощенія силъ, падали, то ихъ добывали прикладами, и отсюда сдѣлалъ примѣчаніе № 60, которое также очень слабо и далеко неудовлетворительно, какъ это можно видѣть въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. М. 1866.»

отъ каждаго полка гремѣли ему ура!» Между же тѣмъ не онъ былъ Главнокомандующимъ, а изъ самаго изложенія видно, что Барклай былъ главнымъ распорядителемъ въ центрѣ и былъ не замѣнимъ. А письма, приведенныя Данилевскимъ отъ Государя къ Барклаю, не служатъ ли торжественнымъ засвѣдѣтельствомъ противнаго тому, что говоритъ Г. Богдановичъ? Данилевскій могъ обо всемъ этомъ умолчать, или замѣтить слегка, если бы имѣлъ намѣреніе не выказать заслуги Барклая. За симъ: не тоякость свѣдѣній обнаруживается также и при изложеніи событій: сочинитель не обращаетъ должнаго вниманія на составъ и число войскъ, на время и мѣсто дѣйствій, не рѣдко при описаніи боя замѣняетъ онъ важнѣйшія обстоятельства общими мѣстами, которыя ни сколько не даютъ опредѣлительнаго понятія объ особенностяхъ описываемаго сраженія.»

И въ этомъ почтенный сочинитель своей Исторіи далеко не непогрѣшимъ, что можно было видѣть выше. Наконецъ, въ заключеніи, какъ бы *coup de gras*, сказано: «Но эти недостатки отчасти вознаграждаются ясностію слога⁷⁵ и достоинствомъ матеріаловъ, которые, будучи искусно сгруппированы сочинителемъ, придаютъ труду его большую занимательность. Вся Россія читала эту книгу, и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе сожалѣть о томъ, что истина и безпристрастіе не всегда руководили перо краснорѣчиваго историка.» Трудно, по крайней мѣрѣ, мнѣ, объять смыслъ этихъ послѣднихъ строкъ, но утвердительно могу сказать, что Данилевскій не былъ убѣжденъ въ своей непогрѣшимости и ириготовлялъ значительныя исправленія для третьяго изданія.⁷⁶

⁷⁵ Виновать, а мнѣ кажется, что если военная книга съ такими промахами и такъ не вѣрно, какъ, по мнѣнію Г. Профессора, издано Описаніе войны Данилевскимъ, то, на какое краснорѣчіе не можетъ замѣнить глупаго назначенія такой книги. Въ такомъ случаѣ образцовыя поэмь: Тасса, Мильтона, Парни, Тредьяковскаго (Телемахида), Богдановича (Душенька) и имъ подобныя, должны быть предпочтены Исторіи, и по тому еще болѣе, что они сами не участвовали ни въ раѣ, ни въ адѣ, ни на Олимпѣ и т. п. Словомъ, при полномъ отсутствіи положительности, а въ размѣрѣ воображенія.

⁷⁶ Это можно видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ и пр. Спб. 1853; вѣ 8.

Относительно слога книги Г. Богдановича, я не судья, но некоторые находят его не современным и не соответствующим великому значению книги. Независимо, иногда, от вводимой поэзии, какъ, на прим., безчувственность ранъ, печеныхъ на деревьяхъ яблоки и т. п., встрѣчается, въ числѣ многого, что-то недостаточно обработанное; вотъ нѣсколько примѣровъ тому, попавшихся на глаза:

Есть параграфъ (не въ началѣ страницы), начинающійся такъ: «Немногіе жители, оставшіеся въ Москвѣ, ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ окончательнаго выступленія Французовъ» и т. д. На половинѣ же слѣдующей страницы, слѣдовательно, въ очень близкомъ сосѣдствѣ, другой параграфъ начинается опять: «Немногіе жители, тогда оставшіеся въ Москвѣ, пораженные страхомъ и оцѣпенѣлые» и пр. Не я, а знатоки въ литературѣ не находятъ это чистымъ и повтореніе одного и того же построенія выраженной слишкомъ близкимъ.

Описавъ поэтически одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ столкновенія при Семеовскомъ, сочинитель присовокупляетъ: «Напоминали воображенію послѣдній день міра.» Напоминать воображенію то, чего еще не было, кажется и мнѣ уже, не слишкомъ ли поэтично? Представлять воображенію—это было бы иное дѣло. Воображенію, повторяю, полная свобода, какъ, на примѣръ, въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ», Тасса, въ «Потерянномъ Раѣ», Мильтона, въ «Душенькѣ», Богдановича, и во множествѣ подобныхъ произведеній, но не въ книгѣ, въ которой положительность и ясность должны составлять первое условіе. Это выраженіе Генерала Богдановича равносильно выраженію Генерала Данилевскаго, тоже о Бородинѣ: «ночь освѣтила новые пожары.»

«Въ свѣтлой мрачности блистающихъ почей,
Явился черный свѣтъ отъ солнечныхъ лучей.
Все то, что видѣлъ я, и то, что не видалъ—
Въ безчувствіи своемъ я живо ощущалъ» и т. д. ⁷⁷

⁷⁷ И то и другое какъ бы твореніе одного и того же поэта, написавшаго ерунду, подходящую пополамъ къ обоню.

Странно какъ-то читать «столпившіеся обозы.» Толпа обозы! Странно, по моему мнѣнію, точно также, если бъ сказать: загенбургъ людей, но и это едва ли не сноснѣе, и пр., и пр.

Осадилъ назадъ! Какъ! будто можно осадить иначе? Да еще осадилъ не лошадь, а осадилъ половину арміи! Сдѣсь сочинитель вѣренъ своей программѣ: «разъяснить темныя мѣста.» Другой, вѣдь, подумаетъ, что осадилъ впередъ.⁷⁸

Очевидно что почтенный сочинитель своей Исторіи не твердъ въ описаніи битвъ, по тому что прибѣгаетъ къ безпрерывному повторенію вспомогательному, спасительно выручающему изъ бѣды, слову: «между тѣмъ,» чѣмъ разсказъ его испещренъ, особенно принявъ въ соображеніе, что это «между тѣмъ» наполняетъ только именно одинъ разсказъ битвъ, и вотъ тому доказательство.

Разсматриваемое сочиненіе Генерала Богдановича, въ трехъ томахъ, содержитъ въ себѣ 1306 страницъ;⁷⁹ если исключить изъ этой общей цифры цѣлыя главы, въ которыхъ не говорится собственно о битвахъ,⁸⁰ словомъ, все то, что не относится соб-

⁷⁸ Впрочемъ, кто еще не бѣда. По чему же сочинителю Отечественной войны не употребить такой и подобной ей рѣчи, когда, какъ бы принято уже говорить и писать: «спуститься внизъ; подняться на верхъ; пошелъ, пришелъ пѣшкомъ; самъ ходилъ; обратно назадъ; убитъ до смерти; видѣлъ самъ; слышалъ самъ, а иногда съ добавкой еще: своими глазами, своими ушами, а бываетъ и съ приложеніемъ «собственными,» какъ будто можно видѣть чужими глазами, слышать чужими ушами, или видѣть иначе, какъ не своими глазами и слышать не ушами, и т. п. Но это такъ, къ слову

⁷⁹ Въ I томѣ 406; во II 490, и въ III 410 страницъ.

⁸⁰ Какъ, на примѣръ: главы I, II, III, IV, V, VI, VII, XV, XVII, XIX, XX, XXIV, XXVI, XXVII, XXXIX, XXX, XXXIII, XLIV, XLVI, XLVII и нѣкоторые другія не боевого разсказа, а именно политическихъ разсужденій, дипломатическихъ сложеній, очерки театра войны, расположеніе жителей, описаніе предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ, причины войны 1812 года, приготовленіе Наполеона къ оной, наши приготовленія и т. п.; формированіе и распределеніе на войнѣ нашихъ армій, первоначаль-

ственно къ военнымъ дѣйствіямъ и ближайшимъ къ нимъ событіямъ, то, для описанія собственно военныхъ дѣйствій, т. е., изложенія битвъ, не останется 400 страницъ.

На этѣхъ-то 400 страницахъ и размѣщено 355 разъ «между тѣмъ,» и изъ нихъ 117 разъ начинають параграфъ (и одну главу): Они встрѣчаются не нѣсколько разъ, не только что на одной страницѣ, но и въ одномъ параграфѣ чрезъ нѣсколько строкъ; а есть и чрезъ двѣ. Бородинское сраженіе изложено на 45-ти страницахъ, на которыхъ помѣщается 36 разъ «между тѣмъ,» и изъ нихъ семь параграфовъ такъ начинаются.⁸¹ Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, чтобы частое употребленіе помянутого слова не обличало не твердости описывать битвы и событія. Я встрѣтилъ только одну книгу, въ этомъ отношеніи приближающуюся къ

нѣй плавъ дѣйствій, начало войны, Императоръ Александръ въ Дриссѣ и въ Москвѣ, двѣ главы объ ополченіи, свиданіе Императора Александра въ Або съ Принцемъ Шведскимъ, положеніе областей, занятыхъ непріателемъ, назначеніе Кутузова, вооруженіе Лявы, прибытіе Кутузова въ армію, подробныя росписанія силъ воюющихъ сторонъ, позиція при Бородинѣ, двѣ главы отступленія къ Москвѣ, совѣщаніе въ Фляхъ, оставленіе столицы, разореніе и т. п. Пожаръ Москвы, приготовленіе Лепихомъ шара, аяши Растопчина, двѣ главы отступленія отъ Москвы, лагерь при Тирутнѣ, общій плавъ дѣйствій, переформированіе арміи и т. п., прибытіе подкрѣпленій, соединеніе третьей арміи съ Дунайскою, подошедшія подкрѣпленія къ Витгенштейну, народная война, распоряженіе о занасахъ, учрежденіе магазиновъ, пребываніе Наполеона въ Москвѣ, переговоры, очищеніе Французами Москвы, отступленіе, пребываніе въ Вильнѣ, и т. п. Продолженіе бѣгства изъ Вильны за Нѣманъ, прибытіе Императора Александра въ Вильну, отступленіе Макдональда, переговоры съ Іоркомъ, заключеніе. За тѣмъ Высочайшіе манифесты, рескрипты, описаніе нашихъ и непріятельскихъ армій въ разные моменты, описаніе крѣпостей, городовъ, позицій, личностей, донесенія, рапорты и сношенія, приведенные тексты на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и переводы ихъ, разсужденія сочинителя, часто довольно пространныя и пр. Сдѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ переводы, выстѣ съ подлинникомъ, увеличивають только объѣмъ текста, тогда какъ подлинники, если нужно, могли бы приличнѣи быть помѣщены въ примѣчанія, какъ это и сдѣлано со многими другими.

⁸¹ Сдѣсь пространно было бы выписывать все, что объ этомъ толкують пока казенно.

книгъ Г. Богдановича: это «Очерки кампаніи 1813 года,» Г. Ортенберга. Но у него это извинительнѣй: книга не классическая, писана безъ притязаній, съ скромнымъ заглавіемъ: «Очерки,» а не съ громкимъ: «Исторія.»

Вообще книга переполнена опечатками, что доказываетъ небрежность ея изданія.³² Самое предисловіе сочинителя, какъ было видно, замѣчательно своею неподражаемою самонадѣянностью, выходящею изъ всѣхъ границъ, принятыхъ въ такихъ случаяхъ. Миѣ не приходило еще читать современныхъ сочиненій важнаго содержанія, въ которыхъ сочинитель такъ дѣтски откровенно и добродушно выставлялъ бы свой подвигъ, какъ созданія, доселѣ небывалаго; все, что писано у насъ и иноземцевъ относительно 1812 года не годится, «не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, не современному состоянію науки.» Показанія очевидцевъ пристрастны. Сочинитель исчисляетъ то, что найдутъ у него «новаго,» пишетъ о трудахъ своихъ по сочиненію своей книги; онъ не только что не упускаетъ изъ виду ни одного матеріала, но и подслушиваетъ; общаетъ «пояснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ;» что изложеніемъ Отечественннй войны онъ пополнилъ пробѣлъ, который оставался въ Исторіи и, въ цѣлостъ своемъ, извѣщаетъ, что онъ принялъ на себя священную обязанность жреца истины и, вооружившись свѣтильникомъ, открываетъ тайну, отъ чего описанія генеральныхъ сраженій большею частію не полны и не удовлетворительны, и что, по сказаннымъ имъ причинамъ, сраженіе при Бородинѣ изложено не со всѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ, военно-историческихъ сочиненіяхъ.»

Словомъ, нѣтъ возможности передать въ сокращеніи всей прелести предисловія, основанной, повторяю, на неслыханной въ

³² Нельзя, однако жь, сказать, чтобы на печати не было обращено вниманія: напротивъ, въ концѣ каждаго тома имъ приложенъ списокъ. Но что исправлено? Не то, что необходимо требовалось, а большею частію то, что не составляетъ ни какого значенія, въ чемъ не трудно убѣдиться.

настоящее время въ книгахъ важнаго содержанія самоувѣренности въ непогрѣшимости своихъ повѣствованій и умозаключеній, и, конечно, на вѣтъхъ-то основаніяхъ трудъ свой онъ и называетъ не иначе, какъ: «моя книга; мое сочиненіе; моя исторія.»⁸² Такая самоувѣренность, такая хвала своему труду, самому себѣ, какъ-то дѣйствительно не соотвѣтствуетъ важности описываемаго предмета.

Между древними литераторами и историками были и такіе, которые любили хвалить и себя и свои сочиненія; такъ, на примѣръ: Пиндаръ утверждаетъ, что ни бури зимы, ни усилія вѣтровъ, не могутъ встребить его стиховъ. Аристофанъ пространно говоритъ о своей славѣ. Катонъ Старшій имѣлъ обыкновеніе безпрерывно хвалить себя, и если кто изъ гражданъ въ чемъ либо ошибался и ему это замѣчали, то обыкновенно говорилъ: «Это извинительно: онъ, или они, не Катонъ, не Катоны.» Горацій увѣряетъ, что слава его продлится столько же, какъ и поклоненіе богамъ въ Капитоліи. Цицеронъ не упускалъ случая выхвалять себя; Галіенъ сравниваетъ себя съ Траяномъ и т. д. Но изъ нихъ Арріенъ, въ этомъ отношеніи, ближе всѣхъ къ нашему исторіографу, какъ по предмету своего сочиненія, такъ и по сходству выраженія съ предисловіемъ сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года.» Арріенъ говоритъ, что «предпринялъ написать Исторію Александра Великаго, по тому что сознавалъ себя способнымъ достойно это выполнить; что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ любилъ литературу, и что между писателями онъ занимаетъ ту же степень, что и Александръ между воинами!»

Это какъ бы экстрактъ изъ помнутаго предисловія. Средніе вѣка представляютъ также примѣры самохвальства: такъ Юлій Скалигеръ увѣряетъ, что «понятія Ксенофонта и Масинисы, вмѣстѣ соединенныя, не въ совершенствѣ еще выражаютъ то, что

⁸² Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ какъ-то странно читать: «Моя Исторія, мое сочиненіе, моя книга» и т. п. Кажется, въ вѣтъхъ случаяхъ принято выраженіе: «предлагаемое сочиненіе, предлагаемая книга, предлагаемый трудъ на благосклонное ииѣніе читателей» и т. п. Сдѣсь нѣтъ самонадѣянности, слѣдовательно, и приличіе.

сосредоточивается въ немъ одномъ.» Парацельсъ лиши́тъ, что одинъ изъ волосъ его головы ученіе всѣхъ Университетовъ вмѣстѣ. Карданъ говоритъ о своемъ разумѣ, одаренномъ такимъ совершенствомъ, что стоитъ между природою человѣческой и существомъ божественнымъ и т. д. Ближе къ нашимъ временамъ встрѣчаемъ еще Малерба, который, въ посланіи Генриху IV, между прочимъ сказалъ:

Tous vous savent louer, mais non également,
Les ouvrages communs vivent quelques années,
Ce, que Malherbe écrit, dure éternellement.

Послѣ сего мнѣ не случилось встрѣчать уже такого самохвальства. Въ настоящее же время подобное возрожденіе (*répâissance*) въ книгахъ важнаго содержанія поражаетъ; ибо теперь это встрѣчается только въ объявленіяхъ зубныхъ врачей о своихъ экстрактахъ и массахъ для приготовленія зубовъ, о пластыряхъ для мозолей, о выводѣ крысъ, мышей, клоповъ, таракановъ и т. д., о составѣ красокъ для волосъ, о цѣлебныхъ свойствахъ мальць-экстракта и т. д. ⁸⁴

Да, предисловіе и вся книга замѣчательны! Почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, проникая въ сокровенныя причины дѣйствій, въ темныя и загадочныя эпизоды, научаетъ насъ и открываетъ намъ то, чего мы, дѣятели, и не подозрѣвали. Какой-то мыслитель, писавшій около половины XVIII вѣка (кажется, Жандръ, Маркизь Сентъ-Обенъ), сказалъ, что «каждый историкъ приноравливаетъ (*ajuste*) исторію къ своему личному характеру. Въ Саллюстіѣ господствуетъ нравственность, въ Тацитѣ политика, въ Титѣ Ливіѣ предразсудки и ораторство. Всѣ хотять указать намъ причины событій, бывшихъ не извѣстными, не только что современникамъ, но даже и тѣмъ, которые принимали въ нихъ участіе.»

⁸⁴ Исторіографу, занимающемуся изложеніемъ великой эпохи, собственно мнѣ кажется, несоотвѣтственно съ достоинствомъ значенія труда, помѣщать отрывки, или читать ихъ гласно предъ публикой. Это какъ-то схоже съ появленіемъ афишъ, павѣщающихъ объ имѣющемъ быть представленіи и очень часто плохомъ. Впрочемъ, повторяю, это мой личный взглядъ.

Дѣйствительно, читая «Исторію Отечественной войны 1812-го года,» встрѣчаешь такъ много новаго (впрочемъ, сочинителемъ объщаннаго), что задаешь себѣ вопросъ: Не уже ли это такъ? И въ этомъ положеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Сентъ-Реала, сказавшаго вообще объ Исторіи, что «надо быть простакомъ, чтобы изучать Исторію съ цѣлью узнать прошедшее. Достаточно уже того, что узнаютъ, какого мнѣнія былъ тотъ или другой сочинитель: не столько должно отыскивать описанія событій, сколько узнавать мнѣнія людей.» Сдѣсь можно было бы еще прибавить: «и силы тѣхъ, которые берутся рассказывать намъ прошедшее.»

И такъ, по мнѣнію Г. Богдановича, выраженному диктаторски, всѣ, писавшіе до сихъ поръ Исторію Отечественной войны, попадали въ большія ошибки, отклонялись отъ цѣли: одни придерживались стратегіи, другіе были пристрастны, не излагали истины, воскурjali омнѣямъ; словомъ, до сихъ поръ, т. е., до книги Г. Богдановича, не было удовлетворительнаго описанія войны 1812 года. Только онъ одинъ могъ побѣдить всѣ затрудненія, проникнуть въ сокровенности, прояснить мракъ, и наконецъ создать свое твореніе, какъ жрецъ истины, безъ погрѣшностей.

Изъ краткаго обзора, или правильнѣе, только указанія на нѣкоторыя мѣста, встрѣчающіяся въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» видно, что многое обращаетъ на себя вниманіе своимъ неяснымъ изложеніемъ, отсутствіемъ ссылокъ, тамъ, гдѣ онѣ были необходимы, въ особенности, когда вводятся въ исторію данныя дотолѣ не извѣстныя, и изображеніе свойства характеровъ и способностей нѣкоторыхъ изъ нашихъ военачальниковъ, а равно помѣщеніе и такихъ ссылокъ, въ которыхъ ни слова не упоминается о томъ, въ чемъ на оныя ссылаются. Умалчиваніе о многихъ эпизодахъ, внесенныхъ уже въ предшествующія Исторіи и даже не оговоренныхъ, если они оказались не согласными съ истинной; частые анахронизмы, затемняющіе событія; введеніе въ текстъ того, что должно быть въ приложеніяхъ, и обратно. Не менѣе порицательны разнорѣчія объ одномъ и томъ же событіи; ⁸⁸ неточность въ наименованіи частей войскъ

⁸⁸ Разнорѣчія и неясности, коими книга наполнена, замѣтятся и тогда даже, когда не станутъ уже и участникомъ въ событіяхъ.

и лѣтъ, совершавшихъ подвиги; невѣрность въ изображеніи моментовъ различными эпизодами; названіе полковъ, никогда въ нашей арміи не существовавшихъ; называніе праваго лѣвымъ и обратно; не единообразіе въ повѣствованіи при обозначеніи различныхъ частей войскъ и именъ ихъ начальниковъ; почти осязательное стремленіе выставлать имена нѣкоторыхъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны подвиговъ, и множество другихъ недостатковъ, начиная со слога.

Но, за всѣмъ тѣмъ, сочинитель, назвавъ себя жрецомъ истины, съ необыкновенною самоувѣренностію въ непогрѣшимость своего труда, возглашаетъ оный въ своемъ предисловіи, какъ бы въиномъ всему тому, что было до сихъ поръ писано и у иноземцевъ и у насъ о войнѣ 1812 года, и говоритъ, что до сихъ поръ (1) событія этой эпохи оставались пробѣломъ въ Исторіи.

Въ настоящихъ краткихъ замѣчаніяхъ моихъ я только слегка касался нѣкоторыхъ критическихъ сужденій сочинителя о разныхъ частныхъ событіяхъ этой войны, и преимущественно ограничивался тѣми, которые въ изложеніи своемъ представляли противорѣчіе сочинителя самому себѣ; ибо разбирать все критически, имъ разсматриваемое, было бы трудомъ бесполезнымъ, да и потребовало бы едва ли не такихъ же трехъ толстыхъ томовъ, какъ и самая Исторія, а для поясненія, можетъ быть, и болѣе.

Въ введеніи я исчислилъ причины, побудившія меня разсмотрѣть эту книгу. Бывши дѣятелемъ описываемой поры, постоянно читая всѣ повѣствованія объ оной, я почелъ долгомъ замѣтить видимые недостатки сочиненія, которое, сопровождавшими оною обстоятельствами, должно было поставить его на степень безукоризненности. Всѣ Государства Европы, въ настоящее тревожное время, ищутъ усовершенствованій по различнымъ отраслямъ военныхъ знаній, и въ это-то самое время появляется у насъ Исторія одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ событій настоящаго вѣка, событія, коему есть еще свидѣтели-участники въ разныхъ Государствахъ. " Какой отзывъ, какое понятіе, возымѣютъ они о нашихъ

---

¹ Къ этой книгѣ, по прѣмахамъ, можетъ быть отнесена и галерея: «Императоръ»

ученыхъ трудахъ, заглянувъ въ эту книгу? Читатели рѣшатъ: правильны ли были мои замѣчанія на книгу, для составленія которой сочинитель получилъ всѣ средства къ тщательному изложенію столь достопамятной поры, и если онъ не могъ удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ понимающихъ дѣло, то, можетъ быть, этому была причиною одна самонадѣянность въ принятіи на себя труда, превышающаго его силы; впрочемъ, самонадѣянность никогда не сознается въ недостаткѣ послѣднихъ.

Что касается собственно до моего мнѣнія, основаннаго на подробномъ разборѣ настоящей «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» то я ставлю ее гораздо ниже сочиненій Ахшарумова, Бутурлина, Окунева и Михайловскаго-Данилевскаго.⁸⁷ Первые трое отличаются ясностію, отсутствіемъ противорѣчій, а послѣдній и слогомъ; въ этой есть много недостатковъ разнаго рода, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, есть послѣдовательность событій, все изложено правильнѣе, часто подробнѣе, чѣмъ въ книгѣ Г. Богдановича,⁸⁸ и я смѣю думать, что если бы послѣдній не имѣлъ образцомъ Бутурлина и Данилевскаго, то едва ли одолѣлъ бы тѣ трудности, которыя сопряжены съ составленіемъ подобныхъ сочиненій, въ особенности не участвовавъ не только что въ той войнѣ, которую описывалъ, но и ни въ одной изъ другихъ

Александръ I-й и его сподвижники.» Сдѣсь встрѣчаются непростительныя ошибки, пропуски и т. п., и удивительно, что нѣкто не предпринимаетъ, по крайней мѣрѣ, замѣтить оныя.

⁸⁷ Сдѣсь разумѣю только изложеніе и мнѣнія Г. Богдановича; относительно же матеріаловъ, Исторія его богаче прежнихъ, но и въ нихъ встрѣчаются недостатки съ одной стороны, съ другой избытокъ въ безконечныхъ ссылкахъ на Бернгарди, Клаузевица, Гомаца, Шрекелштейна и т. п.

⁸⁸ Въ общемъ понятіи заглавіе книги Данилевскаго скромнѣе: «Описаніе Отечественной войны,» между тѣмъ какъ Г. Богдановича громче: «Исторія.» Хотя въ настоящемъ смыслѣ описаніе и исторія почти одно и то же, но мы уже привыкли, положимъ и безсознательно, различать этѣ два названія, требуя отъ исторіи болѣе, чѣмъ отъ описанія, и едва ли не въ одинаковой пропорціи, какъ описаніе относится къ походу, сдѣсь же выходитъ, что исторія уступаетъ мѣсто описанію, а по тому она и требуетъ болѣе строгой критики.

классическихъ войнъ. Имѣя канвой Отечественную войну Данилевскаго, уже легко было пополнять то, что не было помѣщено у него, а по тому въ настоящей книгѣ встрѣчаются многія мѣста, взятая изъ Данилевскаго, но безъ ссылки на него, а нѣкоторыя выпущены и не оговорены. Однимъ словомъ, разсмотрѣнная мною книга Генерала Богдановича принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, о которыхъ знаменитый Томасъ Броунъ, въ сочиненій своемъ: «Религія медика» (изданномъ въ XVII столѣтіи), сказалъ: «Я вѣрю описаніямъ прошедшаго на столько же, какъ и предсказаніямъ будущаго.»

И такъ, далеко еще до послѣдняго слова въ Отечественной войнѣ. Для знатоковъ дѣла трудъ Г. Богдановича никогда не будетъ безупречнымъ авторитетомъ, не смотря на какое-то офиціальное прикрытіе его извѣстными титулами, по большей части всегда прозрачными. Подождемъ новаго историка даровитаго, а необманчиваго свѣтлыника истины, для описанія необыкновенной народной эпопеи новыхъ вѣковъ, извѣстной у насъ подъ именемъ «1812 годъ».

П

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

ИЛИ

ПУТЕШЕСТВИЕ МОЕ КОЕ-КУДА

1810 ГОДА.

—•—

СОЧИНЕНИЕ

КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, умершій въ Москвѣ 4-го Декабря, 1823 года, почти 60 лѣтъ (р. 7-го Апрѣля, 1764 г.), принадлежалъ къ немногимъ своеобразнымъ нашимъ писателямъ. Но долго онъ былъ извѣстенъ у насъ только своими стихотвореніями; однако, съ вѣкотораго времени узнали, что онъ оставилъ послѣ себя самыя подробныя Записки или Дневникъ. Я ихъ имѣлъ въ рукахъ, благодаря благосклонности дочери его, Антонины Ивановны Новиковой, довольно долгое время, прочелъ всё, какъ говорится, отъ доски до доски, прекрасно переписанныя рукой ея, около двухъ тысячъ страницъ (1728 или 432 листа), въ большой листъ, и имѣю съ нихъ списокъ. Онъ озаглавленъ такъ:

«Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1778 года, въ Августѣ мѣсяцѣ, на 25-мъ году отъ рожденія моего. Въ книгу сію включены будутъ всё достопамятныя произшествія, случившіяся уже со мною до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же выпишутся копія съ примѣчательнѣйшихъ бумахъ, кои будутъ имѣть личную со мною связь и къ собственной моей исторіи уважительное отношеніе.»

Отрывокъ изъ сей «Повѣсти» помѣщенъ былъ въ «Москвитинѣхъ, 1844 г., кн. XI, стр. 196—213; 1845, кн. II, стр. 21—43)» а также въ извѣстномъ «Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ,» изд. А. Ф. Смирдина, именно во 2-й части, въ концѣ. С.-Петербургъ, 1849 (стр. 487—539). Извѣстіе же объ этой «Повѣсти» сообщено было недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, стр. 964—968) М. Н. Лонгиновымъ. Драгоцѣнныя Записки эти, по моему мнѣнію, давно бы уже пора издать въ свѣтъ; въ нихъ нѣтъ ни чего не печатнаго: времена и люди прошли

II

своей чередой, и ни что не мѣшаетъ уже явиться имъ въ своемъ видѣ и обстановкѣ.

Кромѣ Записокъ, Князь оставилъ также и другую прозу. О нихъ упоминаетъ М. А. Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ жизнеописаніи: «Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Изданіе 2-ое, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное (1-ое помѣщено было въ «Москвитяинѣ» 1851 года, кн. III, стр. 265—320, и отдѣльно). Москва, 1863,» но только что упоминаетъ; такъ онъ говоритъ о «Путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года» только то, что «оно должно быть очень занимательно и, вѣроятно, и доннѣ сохраняется у дѣтей его» (стр. 97). О «Второмъ путешествіи въ Кіевъ 1817 года» еще короче выражается: «Эта поѣздка описана имъ подъ названіемъ: «Второе путешествіе въ Малороссію,» и по тому въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ о ней кратко» (125 — 126). Наконецъ о третьемъ «Путешествіи» и того короче: «Кромѣ стиховъ, комедій, пословицъ, фарсовъ, оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя Записки о своей жизни, Словарь всѣхъ своихъ знакомыхъ подъ названіемъ: «Капище моего сердца,» гдѣ онъ помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Потомъ осталось, тоже въ рукописи, его «Путешествіе въ Кіевъ, Одессу, Нижній Новгородъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого ни будь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.» Последнее путешествіе происходило въ 1813 году и носитъ слѣдующее заглавіе: «Журналъ путешествія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго изъ Москвы въ Нижній.» Всѣ сіи Путешествія его были доселѣ вовсе не извѣстны, за исключеніемъ небольшого отрывка изъ перваго (1810 года), помѣщенного Смирдинымъ; кн. 2, стр. 461—484; въ немъ находятся: I. Описаніе Богоявленскаго. II. Херсонъ. III. Ильинское. IV. Очаковъ. Если бы Путешествія этѣ были въ рукахъ жизнеописателя, онъ бы ими, конечно, воспользовался не меньше другихъ его сочиненій, равно какъ и Записокъ, которыя, по его словамъ, дочь Князя, А. И. Новикова, довольная первой статьей его объ ея отцѣ, прислала ему, «для прочтенія и справокъ, полную руко-

III

пись Записокъ, которыми биографъ, не смотря на короткое время, воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ нужныя для себя выписки» (Предисловія стр. I—II).

Изъ сихъ прозаическихъ произведеній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи: «Путешествія» его, которыми и спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями. Оно получило ихъ, благодаря посредству Д. Члена своего, Н. В. Сушкова, отъ супруги одного изъ сыновей сочинителя, Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, Княгини Софьи Никаноровны Долгорукой, опекуниши дѣтей покойнаго своего супруга, Княженъ Натальи Дмитриевны, Фрейлины Ея Императорскаго Величества (съ Апрѣля, 1867 г.), и Екатерины Дмитриевны, единственныхъ нынѣ старшихъ представительницъ старѣйшей вѣтви Княжескаго Долгоруковскаго рода, какъ происшедшихъ отъ поколѣнія мужескаго, и по сему владѣтельницамъ всѣхъ историческихъ и письменныхъ памятниковъ послѣ Князя Ивана Михайловича. Ибо изъ многихъ дѣтей послѣдняго (отъ первой жены, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, воспитанницы Великихъ Княгинь, Натальи Алексѣевны, Принцессы Дармштадтской, первой супруги Павла Петровича, и Маріи Θεодоровны, второй супруги его же, имѣлъ дѣтей 10 человекъ) только три сына были женаты: Павелъ, самый старшій (р. 1787 г., Ноября 21, у. 1845, Февраля 8), крестникъ Императора Павла Петровича, женатый на Княгинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Голицыной; Александръ (ск. на 76 году отъ рожденія, 7-го Декабря, 1868), два раза женатый: на Колошиной и Баронессѣ Аннѣ Львовнѣ Бодѣ; оба не оставившіе по себѣ потомства; и Дмитрій, младшій изъ всѣхъ, который находился до своей смерти постоянно на Государственной службѣ, никогда не былъ въ отставкѣ, не получалъ ни какихъ особыхъ денежныхъ наградъ и пособій, и не дожилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до дня юбилея своей 50-лѣтней службы. Родился онъ въ Москвѣ, 10-го Августа, 1797, воспитывался почти исключительно дома; выдержавъ испытаніе на Студента, посѣщалъ Московскій Университетъ, а въ Генварѣ, 1816 г., поступилъ на

IV

службу въ Московское Губернское Правленіе; отправясь въ Петербургъ, находился нѣкоторое время при Д. С. Ланскомъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, а въ 1819 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тутъ онъ получилъ первый Офицерскій чинъ въ 1818 г., служа сперва при Графѣ Каподистріи, который отправилъ его къ нашему Посольству въ Царьградъ 1820 г. Дѣйствіи тогдашняго нашего Посла, Графа Г. А. Строганова, дяди его, служили ему примѣромъ поступать рѣшительно и смѣло, что онъ и оказалъ въ особенности на Востоѣ; съ этого времени онъ постоянно находился въ заграничной службѣ. Изъ Царьграда 1822 посланъ былъ онъ въ Римъ, гдѣ пробылъ по 1826; за тѣмъ переведенъ въ Мадридъ, изъ коего, 1830, въ Лондонъ, а въ концѣ 1831 въ Голландію; тутъ, по отъѣздѣ Графа Гурьева, два года управлялъ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, какому мѣсту въ то время придавалось особое значеніе по случаю Голландо-Бельгійскихъ дѣлъ; въ 1838 изъ Гаги перешелъ въ Неаполь, и оставался въ немъ до 1843, а изъ Неаполя поступилъ Совѣтникомъ Посольства въ Царьградъ при В. П. Титовѣ; послѣ же, въ 1845 г., назначенъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Персію, въ коей въ 9-лѣтнее пребываніе оказалъ весьма немаловажныя услуги своему Отечеству. Но смерть первой жены его (Голландки, Марьи Ивановны Десвордъ, отъ коей Княжна Наталья Дмитриевна), скончавшейся, во время лѣченія, въ Тиблисѣ, и устройство семейныхъ дѣлъ заставили Князя просить увольненія въ Россію, и онъ, послѣ 36-лѣтняго отсутствія, въ Іюль, 1854 г., оставилъ Персію, при чемъ сдѣланъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ (въ 8 Департаментѣ) въ Москву, и здѣсь скончался, 19-го Октября, 1867 года. Находясь въ Испаніи, онъ три мѣсяца путешествовалъ по ней съ Вашингтономъ Ирвингомъ, съ которымъ долго потомъ переписывался. Былъ Членомъ Тиберинской, Аркадской, Археологической и Линчійской (Lincio) Академій, а изъ Русскихъ Обществъ: Сотрудникомъ Географическаго, Почетнымъ Кавказскаго Сельскаго Хозяйства, Дѣйствительнымъ Садоводства, Членомъ Совѣта Художественнаго Общества и Дѣйствительнымъ Членомъ при Комиссіи построенія храма Спасителя въ Москвѣ по

искусственной части, а за два дня до смерти получилъ извѣстіе, что избранъ въ Почетные Члены Академіи Художествъ; имѣлъ 1-ой степени Станислава и Анны, Персидскій Льва и Солнца, и портретъ Шаха при голубой лентѣ.

Я съ намѣреніемъ нѣсколько распространился о Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, такъ какъ отъ его прямыхъ, наслѣдниковъ идутъ издаваемые теперь прозаическія произведенія его славнаго отца, Князя Ивана Михайловича. Поселившись, наконецъ, на родинѣ своей, въ Бѣлокаменной, онъ, какъ «истинный наслѣдникъ отцовскаго ума и дарованій,» по выраженію старшаго изъ своихъ братьевъ, старался собрать все, что только осталось послѣ отца своего, еще не объявленнаго печатью во всеобщее свѣдѣніе, и что онъ, по собственному признанію, въ своемъ небольшомъ жизнеописаніи, самъ нѣкогда переписывалъ на бѣло, чѣмъ изучилъ Русскій языкъ и нечувствительно пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Занятая его много благопріятствовала вторая женитьба его. Князь Иванъ Михайловичъ былъ очень друженъ съ Михайломъ Николаевичемъ Зиновьевымъ, женатымъ на Аннѣ Никаноровнѣ Хитрово, родной сестрѣ Никанора Никаноровича, отца Софьи Никаноровны, супруги Князя Дмитрія Ивановича. Съ Михайломъ же Николаевичемъ онъ познакомился и подружился, будучи посаженнымъ отцомъ Екатерины Николаевны Лопухинной, родственницы своей и матери Софьи Никаноровны, по выходѣ ея за Никанора Никаноровича Хитрово. Дочь этого Зиновьева и двоюродная сестра Софьи Никаноровны, Вѣра Михайловна Гомина (супруга бывшаго нѣкогда Бобруйскаго Команданта), узнавъ о поискахъ Князя Дмитрія Ивановича за неизданными сочиненіями его отца, вручила ему (16-го Октября, 1861 г.) какъ всѣ «Письма (съ 30-го Марта, 1816, по 15-ое Октября, 1823 г., въ прекрасномъ переплетѣ. На выходномъ листѣ ихъ означено: «Письма Князя Ивана Михайловича Долгорукаго къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву. 1816—1823.» На особомъ листѣ сказано: «При настоящихъ письмахъ находятся: эскизъ съ портрета Князя Ивана Михайловича, писанный знаменитымъ Англійскимъ художникомъ «Sir David Wilkie» (Стихи М. А. Дмитриева въ память «Пѣвцу Кампана»), и слѣдующія рукописныя стихотворенія Князя Ивана Михайло-

вѣта: 1-ое, Въ деревнѣ жить!... письмо 2т. 2-ое, Фанатикъ... 27. 3-ье, Чистый Понедѣльникъ... 59. 4-ое, Взглядъ старца на заходящее солнце 64) Князя Ивана Михайловича къ ея отцу, Михайлу Николаевичу Зиновьеву,» числомъ 72, весьма замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, такъ равно цѣлыхъ 5-ть книгъ «Путешествій», доставшихся ей послѣ ея отца. Съ Зиновьевыми, стало быть, Князь Иванъ Михайловичъ находился и въ родственной связи по Хитровымъ и Лопухинымъ; въ семействѣ же послѣднихъ, по словамъ его (въ «Капищѣ сердца»), онъ былъ искренно любимъ. О знакомствѣ съ Зиновьевымъ онъ отмѣтилъ (тамъ же) слѣдующее: «Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ. Стихи меня съ нимъ познакомили и сдѣлали насъ хорошими друзьями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку. Живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переводя осьмую сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ (Москва. Въ типографіи Семена, 1822 г., въ 4 д. л.). Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется новое мое отношеніе; но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то, вѣроятно, не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ не много отсталъ отъ меня годами.»

Нѣтъ ни чего по тому удивительнаго, что Зиновьевъ озаботился получить списокъ произведеній своего, высоко имъ цѣнимаго и любимаго, друга, а послѣдній, отвѣчая ему равнымъ же, не отказалъ въ желаніи. Разумѣется, списокъ этотъ долженъ быть самый надежный; судя же по письму, вездѣ четкому, и выправленъ старательно въ сомнительныхъ мѣстахъ. Всѣ пять книгъ, въ обыкновенный листъ (кромѣ «Второго путешествія въ Кіевъ,» которое въ большой), на плотной бумагѣ: вѣкъ писаны, не означено, но не однимъ писцомъ: впрочемъ, первыя двѣ книги «1-го путешествія» принадлежать одному перу, третья другому и гораздо размахистѣе; четвертая, содержащая «Путешествіе въ Нижній,» писана по линѣйкамъ, съ рамками, и

УП

въ концѣ ея сказано: «Сіе путешествіе списываль Михайло Николаевичъ Щукинъ въ 1828-й и 1829-й годахъ.» Пятая же книга: «2-е путешествіе въ Кіевъ, въ 1817 году,» принадлежитъ еще иному перу. Какъ на этомъ путешествіи, такъ и на прочихъ, на оборотѣ выходнаго (заглавнаго) листа, въ самомъ верху, находится надпись, сдѣланная Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ: «Экземпляръ Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. Подаренъ ему Вѣрой Михайловной Фоминой, рожденной Зиновьевой, въ 1861 году.» На всѣхъ же пяти книгахъ, внутри 1-й переплетной доски, по середкѣ, приклеены, на бѣлой бумажкѣ, печатный гербъ Долгорукихъ, съ надписью вокругъ него церковными буквами: «Князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукой,» а на выходномъ листѣ «2-го путешествія въ Кіевъ,» въ слѣдъ за его заглавіемъ: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году,» приписано имъ же: «Сочиненіе Князя Ив. Михайловича Долгорукаго.» Первые три книги содержатъ: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года,» четвертая: «Путешествіе въ Нижній 1813 г.,» а пятая: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году.» Въ одномъ экземплярѣ «1-го путешествія,» впрочемъ, неполномъ (именно, описывающемъ пребываніе въ Кіевѣ до отъѣзда изъ него), бывшемъ у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принадлежащемъ М. Д. Х—ву, есть глава, которой не находится въ спискѣ Зиновьевскомъ: въ ней содержится слово неудобно сказанное во всеуслышаніе, и по тому, полагаю, выпущенное въ послѣдствіи самимъ ли сочинителемъ, или же его другомъ; встрѣчаются, кромѣ того, еще два, три, мѣста въ этомъ путешествіи, коихъ въ спискѣ Зиновьева нѣтъ; и по тому, издавая его по этому списку, я не имѣлъ права приносить въ оный стороны ни чего такого, что ему противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и этѣ мѣста одного и того же разбора съ упомянутой выше главою. *Relata refero in acta.*

О. Бодянский.

Москва.
28 Іюня, 1869 г.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОКУДА 1810 ГОДА.

Г Л А В А I.

Выѣздъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вездумалось проѣхать: все дома, да дома, наскучить и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищамъ въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На сѣмѣ добились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и на заставой, какъ новый Хоревъ, обратясь къ Москвѣ, оказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой оцѣй домъ, мой рай?
Докогда жить на свѣтѣ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Вду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи! Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь гористой и джгелой. А по ночамъ не ѣзжу.

У всякаго свой вкусъ; неси такъ никогда
Ночной веревъ путь отнюдь не забавляетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дожидаться свонъ и коекакъ переночевать. Поварня наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое предключеніе для аппетита. Съ какою радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что помѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ которой бывали разныя гѣтнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ лѣбъ-солъ, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣаніе! Между гѣтъ догнали насъ и наши. Мы отъужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяину записочку:

Спасибо, милый Князь, мнѣ за угощеніе,
За лѣбъ-солъ, за постелъ—сокроище въ путь!
Моложе събъ дѣлать твое увеселеніе,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ ночлегъ мойти.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ изрядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ дома на фундаменталъ и у многитъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимирскихъ каменщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кѣо у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливыи поселенины! Онъ не знаетъ Исправника. Въ изобѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канути, мы полюбовались на разныя картины и надписи, на приибрѣ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Проходи; стая до оруда, саянъ шдалу
И читай:
И грамотъ не шалъ за недосутомъ.
На право кругомъ—
Стувай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поивалъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продувалъ до костей. Горы, недомостки, грязь—все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго страствованія! Овныя около Москвы покрывала цоли, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатого скота. Это все, думалъ я, бœuf-steck для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощники съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда нѣтъ и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы обѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Довоками Казанами: они изъ Петербурга ползли на родину,—иные въ отпускѣ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ сыбѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клеткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Животныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы я не приметилъ. Но сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе дома съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Причнина наружи—дѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопарня; за крестьянскихъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мирская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня миръ важнѣе барина!» Слава Бѣгу! И мужики входятъ во впускъ политической свободы.

Г Л А В А II.

Серпуховъ.

Мы пріѣхали сюда одвадно рано; можно было еще ходить смотреть, записывать.

Съ Московской стороны городъ некрасивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва вдругъ. Мостовые всё изъ бѣлаго камня: причина уже извѣстна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нашелъ здѣсь стараго знакомаго и подчиненнаго. Г-нъ К. всегда любилъ дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ ночевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешественующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что я безъ дальнихъ похвалъ правлюсь.

Прежде всего взошли мы на развалины старинной крѣпости: ее строилъ Царь Иванъ Васильевичъ. Подивитесь, что есть еще какой-ни-будь ея остатокъ! Сколько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріалами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ея и до сихъ поръ безплодны. Я до изумленія плѣнился той стороною стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкій! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удвоиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ нравилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ и сталъ продавать за Итальянскою. видя свою картину, всё бы дорогою цѣною ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи челоуѣкъ, кои туда пріѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще столѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ

удивленіемъ), а пашихъ, нынѣшнихъ зданій едва ртыщется въ такое время и мѣсто, гдѣ они были, не только обломки. Я, сошедши внизъ, разъ пять оборачивался къ крѣпости, снова глядя на нее, все дивился и невольно про себя ворчалъ: «Прекрасно! Прекрасно!» Что пріятнѣе, чувства восхищенія! Одно-то и жизнь.

Зашелъ въ соборъ: Говорять, и даже испугать, будто семи строимъ лѣтъ за нѣтъ сотъ тому назадъ: не вѣрю! Ни малѣйшаго нѣтъ доказательства сей истинны; или печать древности во время возобновленія грама такъ нагляднѣе въ нынѣшнихъ выдумкахъ архитектуры, что разглядѣть ее ни на одномъ камнѣ нельзя. Пренасъ цѣли военную, которую слышали цѣть, шесть, старушенъ: Я имъ пожелалъ: добраго сна.

Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной въ три этажа; по наружности судя, очень хорошъ и умѣстителенъ для судей, а для суда и правды довольно хлѣбны, съ добрымъ сердцемъ.

Училище расположено въ хорошемъ камennomъ домѣ. Если ученіе похоже на фасадъ, то не жаль Государевыхъ денегъ. Противъ нашей квартиры трактиръ наполненъ бѣгъ, какъ и вездѣ, гуляками: и праздность имѣеть свои прелести. Тутъ органы до ночи не переставали заводиться, и мы подъ звуками ихъ очень сладко заснули.

12 числа отправились съ утра въ Тулу. На выѣздѣ изъ Серпухова есть мужской монастырь. Мѣстоположеніе отъиной! За лѣсомъ является женскій монастырь, и видъ на городъ со всѣхъ сторонъ заманчивъ. Церковь примѣчанія особеннаго не заслуживаетъ. Въ монастырѣ хоронится родъ Головкиныхъ. На ракъ одного изъ древнихъ Настоятелей, по имени Аванасія Высоцкаго, который подъ снудомъ, изображенъ онъ самъ въ позолоченномъ вѣнцѣ, какъ водится вокругъ ликовъ Святыхъ, хотя его въ числѣ ихъ Церковь не полагаетъ. Въ церкви на монастырскомъ дворѣ погребень М. Ф. Соимоновъ. Тѣло его спрятано подъ чугунной доской съ прѣстою надписью. Какое смиреніе для вельможи!

Съ версту отъ города за лѣсомъ течеть Ока: Но какъ ее сравнить съ ней самой въ Муромѣ? Берега ея отлоги; пространствомъ уже и водою сто разъ обширѣе. По ту сторону рѣки Серпуховъ совершенно плывають. Взгляните на него отсюда; и не стыдитесь сказать, что и Серпуховъ хорошъ. Настоящій театр! Городъ въ отдаленной впадинѣ; весь въ кучѣ; отъ него по обѣ стороны, какъ кулисы, оберегаютъ его двѣ рошцы. Изъ нихъ выдѣются къ берегу на одну сторону садины женской обители, на другую ограда мужской, и оіе зрѣлище довершаютъ разными крестьянскія слободки, облегающія монастыри. Какъ смотрѣть безъ удовольствія на такое согласіе искусствъ съ природою! Сквозь всей этой картины кидается въ глаза крѣпость. Я отыскалъ тутъ точку привлеченія моего любопытнаго взора. Вглянуль, процаюсь съ городомъ, на достопамятныя ея развалины; и такъ ихъ привѣтствовалъ:

Свѣдѣтели побѣдъ Великаго Царя,
 Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
 Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ громады,
 Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пра!
 Дѣстели вы до насъ, и мы, гигантовъ насмѣя,
 Превращающіе въ прахъ колесы превращать,
 Дерзнули было съ васъ печать времени сорвать;
 Но намъ ли сокрушить, что чтить я само время?
 Въ развалинахъ своихъ еще премного гдѣтъ
 Протлѣвить замокъ сей десницу Іоанна:
 Тамъ увидится хвала того вождя избранна,
 Которымъ изумить судили боги свѣтъ!

Г Л А В А Ш.

Тула, оружейный заводъ.

Долго не терялся изъ виду Серпуховъ. Потому до самой Тулы ни чего для взора пріятнаго: мѣста степныя, лѣсу мало, нарѣдка рошцы; жидьля крестьянскія тѣсны, низки, бѣдны. Въ нашихъ мѣстахъ заборникъ лучше и крупнѣе! Грунтъ земли пло-

натыи съ лоскомъ, иногда длиннѣе; чернозему мало. Во многихъ селеніяхъ дурнаго вѣтра: — слышна Бессарбская степь; Сиверскотельное дерево, которое всадъ ирметя. Наменъ бѣлой; да, самой Тулы съ нами не растаетъ. Лошади, почтовые сызы и бѣгучьскоро.

Мы обѣдали въ Заведѣ. Тамъ называлось селеніе, принадлежавшее Д. А. Нарышкину. Тутъ жили ружейники; казна ихъ пушила и перевозила въ городъ. Здѣсь приятно взглянуть на опыты Россійской живописи; на какой натуральности не отыщешь такого цвѣта птицъ, какихъ мы тутъ видѣли. Кабинетъ ученаго, наѣстнаго въ свое время въ Москвѣ К. О. не подтѣра той комнаты, гдѣ мы остановились. Меня забавляли очень надписи, по обыкновеннымъ прощамъ путешественниковъ. Гдѣ они отъи не мараваты! На одной нѣсколько ика до 20-ти и внизу слѣдующую, которая икъ очень полюбилась: «Икъ враго выше писаннаго, заключить должно, что по этому пути мало умныхъ людей (здѣтъ, е. До надписямъ судя—правильное примѣчаніе! Я хототалъ надъ ней иплотъ до Тулы. Горы отъ Серпухова хотъ парѣла, но продолжуются; итѣбнниковъ мало, а въ жаркое время долго не видать воды тяжелой!

Наконецъ мы въ Тулѣ. Посмотримъ! Для этого мы обѣдъ, пробыли иотъ два дни, жили въ трактирѣ, естли можно наездъ; икзилью только ичеломъ; вѣрочемъ, я все шатаюся. Здѣсь такъ же все дорого, какъ и въ Москвѣ. Общая участь городовъ, окружающихъ столицу. Неприятная погода отицвала; у насъ ичелому хотъ удовольствіа, которое, иотъ любезныствя.

Городъ самъ по себѣ иедикъ, но удивляется еще одолженной съ икшъ оружейной олободой. Мирожество, каменныкъ, домажни и такъ; в тутъ икзотъ породу, видъ великобѣнный, Тула; икзотъ, иена всѣ бѣлнныкъ иамненъ; такъ, дикаго иѣтъ. Улицы правлыиы; всѣ между ииы, иодобно бѣдннннкъ; королемъ, иеруиы; и перекрестки. Довольно для общаго иамннннн.

Первый предметъ любезныства въ Тулѣ, оружейная заводъ. Кто обѣдннннн не икзаетъ и не одыкалъ? Но такъ икзтъ иамннннннн;

вопросъ о ея энергіи съ разныхъ сторонъ и не въ односторонней объ ней разсужденіяхъ, то и мнѣ позволитъ сообщить нѣсколько правдъ. Они будутъ очень повѣрливы и недостаточны; ибо я могъ только теоретическое получить объ ней понятіе: заводъ въ то время былъ безъ дѣйствія отъ недостатка воды, на немъ работъ не производилось. Итакъ я много слушалъ и слышалъ, а мнѣ чего практически не видавъ. Отвѣщая, однако, что ни могу сказать. Мнѣ никогда не пришла бы на мысль, что заводъ такой, какъ нашъ въ Тулѣ, можетъ быть въ такомъ удачѣ со стороны его помѣщенія. Вся фабрика изъ дерева и подвержена всѣмъ бѣдствіямъ огня: тамъ, гдѣ кирпичное строеніе не дороже деревяннаго; ибо лѣсу нѣтъ. Правда, что кирпичъ дѣлается мелкой; въ половину противъ нашего, и тотъ продается уже рублемъ по семъ тысяча: при всемъ томъ государственное такое заведеніе, котораго польза предполагается быть почти неогранич. ною, не стоитъ ли важныхъ пожертвованій, для дѣлности и благонадежности своей?

Я скажалъ уже, что на какихъ машинахъ я не видавъ въ дѣйствіи: воды нѣтъ. Для накопленія ея въ рѣкѣ Угѣ, которая протекаетъ сквозь Тулу и въ которой, подобно какъ и вездѣ, даже въ Балтійскомъ морѣ, примѣчено изслѣдователями физическихъ чудесъ, что вода усадеетъ, сдѣланы ворота и шлюзы изъ бѣлаго же камня. Польза тутъ соединена съ прихотью, также нѣбольшой разумную цѣль; ибо и удовольствіе общества должно считатьъ важной пружиной въ политическомъ управленіи. Я хочу сказать, что здѣсь дѣлается набережная и для прогулки бульваръ. Москва всѣмъ гордится: припрятъ Общій телеграфъ! Что видать въ ней, то перенять хотять вездѣ, кстатѣ и не кстатѣ; а Москва, также въ свою очередь, видать на градъ Петровъ. Всѣмъ этими работами управляетъ военный чиновникъ: Г. В., чина полковника, какъ изъ разговоровъ его мнѣ показалось; хороший, чистый, знающій свое дѣло, горячій къ своему Опекеству иго большаго. Онъ меня водилъ вездѣ и съ крайнимъ стараніемъ удовлетворялъ мои разпросы.

Восходя въ арсеналъ, я далъ полную свободу моему восторгу: Я видѣлъ, и знавалъ, то самое ружье, которое судилъ была

работу. Думаю, что никто не захочет работать в
 подобном учреждении, как это было в ту пору. И не
 приходило в голову продавать это дело, а только
 хотеть и надеяться, что оно будет, как и было.
 материалю работать в школу, чтобы получить
 плату. Вспомнить, как это было в ту пору. И
 ни в коем случае не продавать это дело, а только
 рассуждать, как это было, и как это было.
 зору. Художники были приобщены к делу, и
 маленькую распродажу, чтобы в три золотника. Видно,
 что это была очень хорошая работа за 150 руб. Но для
 меня покупка золотника и отдача была. Видно,
 то же дело было, и мне бы было не писать.

Г. С. А. Д. А. В.

Разные сведения.

Два дня в Москве. Вечером в театре Александровском
 спектакль о жизни великого государя Алексея Михайловича
 записку, напечатанную в журнале «Современник», издательство
 от: Приказ Общественного Приобретения. Государь же содержание
 его в 6000 руб. в год и до 10,000 руб. в год.
 за. Сперва хотел Добротин спешить скупить свои пожертво-
 вания в Училище малолетних до 60-ти, но Добротин Тульскому
 ходит на присвоенной им воеводой одежде. Воспитанники сто-
 ят. Приказ до 300 руб. Учителей особые они не платят, а
 уроки дают для гимназистов. Надсмотрателей за ними мно-
 странный. Профессора, человек вжившей в, как бы, не очень
 замечательной. В школу учить Священники, разумеется, Воевода,
 посетил уже перед тем, как переехать. Но первый взгляд не в его
 пользу, а разумеется, что нимало не в пользу времени, стро-
 га, как и должно: все тетенов приятно. Огонь бить и от
 простой ермишки. Не было бы подобно, чтобы оварить ее
 светом. Ученики живут тесно; еще дом, для них нехватки

...Он человек по чужескому добру и мудрому купцу...
 Дать для... только его воле, но...
 было... просто...
 отборным...
 до того...
 брань... рода... людей...
 для... но...
 вых...
 компания 105...
 опытный человек! Загадка для медиков! Кроме ног, кои часто ему...
 сохранились...
 купцов...
 нечно, вытерпеть много всякаго безпокойства и...
 при томъ велъ жизнь невоздержную, однако онъ еще теперь здоровъ...
 всякой...
 ...

...общей...
 во время...
 вась...
 предъ многими другими городами есть та, что она обнесена камен-
 ной стѣной, или, что называется обыкновенно, острогомъ. Время
 его разрушило почти совершенно: цѣлыя стѣнки деревянныя двѣ
 лены, уже въ эту ограду, которая была со вѣкъ...
 разрушенію; но преступники молчатъ, во крайней мѣрѣ, выводятъ
 зонъ изъ избы, дышать свѣжимъ воздухомъ, безъ страха для
 страши, что...
 благотвореніе для заключенныхъ! Кому не нуженъ, кому не сла-
 достенъ, воздухъ и видъ небось? Не вездѣ...
 в свое время Господи Генераль-Губернаторъ? Была бы добрая
 воля...
 ...

Присутственные Мѣста помещаются въ двухъ большихъ кор-
 пусахъ. Старое каменное строеніе безъ всякой красы. И внутри
 не холодно. Губернаторъ имѣетъ домъ каменный каменный, но
 потому онъ обратился въ Семінарію, и началъ жить въ городѣ съ тѣхъ

...университет, ...говорить ...
 ...картина! ...
 ...пользы на сотую долю издержекъ нѣтъ. Въ
 ...университетѣ ...
 ...кастанѣ, который имѣю счастье и право
 ...Московского Университета, нѣтъ сомнѣнія, что
 ...проговорилъ бы ... прочелъ стихи,
 ...какъ водится, съ Аполлономъ, а учитель, до-
 ...на изустъ отвѣтовъ на два, или три, вопроса,
 ...вышелъ бы доволенъ. Но я
 ...не обращаю на себя дальняго вниманія. Мнѣ
 ...строфу изъ учебной
 ...словъ, или двухъ словахъ, не требу-
 ...отъ всего периода, безпрестанно
 ...школьнику: «игез, игез!» и за всякія
 ...на меня съ отвѣтъ снисхожденіемъ къ
 ...когда думаемъ быть пре-
 ...восходны. На вопросъ мой: «На что эти «игез,» или, по Руски сказать,
 ...отчекъ?» онъ не умѣлъ дать многа отвѣта, какъ: «Это вышнѣшній
 ...и красота слога.» О бѣдной школярѣ! подумалъ я, и отре-
 ...портать у насъ ребя-
 ...тешекъ!

Изъ частныхъ ... домъ и богатѣй-
 ...можно судить и о карманѣ хозяина, при-
 ...улицѣ.
 ...каменъ

Вокругъ города и здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ, ...
 ...до древнему ...
 ...Крестниковъ ...
 ...повелѣла, напротивъ ...

* Сочиненіе посвящено въ Московскомъ Университетѣ ...
 ...1777, в погони студента въ 1780 году; былъ ...
 ...при Университетѣ состоявшихъ тогда, и почетнымъ членомъ его ...

Виды, ей исполнены, но худо; надъ старыми большими каменными балконами, деревянными и покрашенными, мосты, аркадой, и прочее. Но, однако, не хороше!

Довольно говорить о Тульѣ; пора ехать далее. Но, какъ при отъѣздѣ умолчать, что я здѣсь принять былъ очень ласковъ Начальникомъ, который безъ всякой задержки все мнѣ хотѣлъ показать въ городѣ, чего я ни пожелаю, Расторопный и въжливый Полциіймейстеръ проводилъ меня по соседству, сверхъ того я здѣсь нашелъ стараго сослуживца. Пожилымъ людямъ не свѣтъ съ кѣмъ два, три раза не встрѣтаться? Г. М. то человекъ хорошій, добродушный; вспомнилъ, что я некогда былъ ему полезенъ, обласкалъ меня, сразу сопровождалъ до до мелочей подробностей гѣшилъ мое любопытство. Счастливо добрымъ людямъ! Они драгоценны во всякомъ климатѣ. Съказалось съ дѣмъ еще и родственники; они насъ встрѣтили, и проводили. Счастливымъ путешественникъ, когда сверхъ удовольствительнаго для любопытства, находитъ еще удовольствіе родства и друзей.

ГЛАВА V.

Възвратъ на деревнѣ. Кіевскаго.

Двѣнадцатую часть Тульскіхъ чиселъ, особливо рѣчь въ столицѣ трактирѣ. Сегодня начальнику завода дѣлать мнѣ, но я не могъ въ немъ принять участія и видѣть Тульскую публику: все мнѣ случилось было разогнано. Я распродалъ утромъ со всѣми и пошелъ. Не знаю, можно ли жить въ городѣ, по крайней мѣрѣ, при такой несправедливости и никакого стыда. Впрочемъ, въ какой губерніи заводъ, особливо въ столицѣ, когда стоишь въ столицѣ бѣжить въ деревню? Судя по движению народа въ Тульѣ, заключить можно, что она довольно многолюдна. Съ Кіевской стороны въ четвертую часть пути, ни чего для виду примѣтительнаго, кромѣ пространства города. За воставой, выстроена кладбищенская церковь странной архитектуры. Я съ крайнимъ сожалѣ-

люди оставили Тулу, не видя въ ней самой замѣчательной вещи — ея — полного дѣйствія оружейнаго завода, но подумали Тулу не за горами, и утѣшился.

До предполагаемаго нами почлега! считалось 60 верста; мы проспикали нѣтъ и расположились въ вотчинѣ К. С. С. Папарина, по имени Сергіевское. Все еще ни лѣсу, ни воды; одна вѣтра въ глаза кидается. Черноземъ, единственная отрада удрученнаго хлѣбовошца; вачалъ быть приливъ. Не зная, отъ недостатка ли въ хлѣбѣ, или отъ того, что вся масса адѣшнихъ крестьянъ продается для приобрѣтенія другихъ, не меньше нужныхъ потребностей, только я нигдѣ не видалъ одонцовъ, сихъ благонадежныхъ залоговъ крестьянской корысти. Долго обызватели жаловались на ея сулу; Пресвитеры молились о дождѣ; Богъ услышалъ чинакъ народа; хлаби небесныя отверзлись, и насъ въ коляскѣ въ три пріема такой оросилъ дождикъ, что нитки сухой не осталось ни на какомъ. Между тѣмъ солнышко ушло въ антиподы; небо покрывлось облаками; стало темнѣть; лошаденки наши пристали; экипажъ остался назади; до глухой полночи не могли войти въ жилию. Неприятное положеніе! Мы зачинали уже клясть демона любования.

Представьте вы солоній чрептыхъ,
 Бѣдливыхъ шель мостройной рале,
 Представьте въ видѣ крестьянъ съ чрепъ
 сбитыхъ,
 Которыхъ вѣтъ пробьдъ, какъ градъ,
 Которы день и ночь сохрю
 Добыть лишь могутъ хлѣбъ себѣ,
 Пекутся глѣтомъ всѣ отъ зноу,
 Зимой безъ дровъ сидятъ въ шель:
 И вѣтъ ламы въ прощѣ и въ снѣгахъ,
 Все то, что виднѣтъ въ снѣхъ вразъ.

Съ перемъ всегда рядомъ ходитъ отрада. Княжой бурмистръ отворилъ намъ Господской домъ. Тутъ мы сказали: «Слава Богу!»; Обсохли, обогрѣлись; дали намъ огня; увидѣли себя въ зеркало, нашли самоваръ, напились чаю и поболтали. Кто говорилъ: «О любезная добродѣтель Русскихъ, бесподобная поистинности! ты ара заставляешь насъ забывать въ дорогѣ, а не казать годо»

ной. я думаю: «Мать, еще далеко до того времени, какъ можно будетъ: ѡдѣлать до Россіи, съ дѣми пріятностями, съ какою ѣздить въ Германіи, во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ книгахъ. До Сергіевскаго нечего было замѣтить, развѣ сказать, что въ Ясной Полянѣ, гдѣ живетъ К. В., слѣдуетъ до хороша его просидѣть и на дорогѣ, пирамидальныя столбы у воротъ, указующіе ѣздить въ помѣщку.

Здѣсь, т. е., на ночлегѣ, мы нашли спокойствіе и довольство. Домъ большой съ балкономъ, ротондаи, паркетами и прѣчными убранствами роскоши. Какъ весело войти въ такіе покои чести и напасты. я въ темную ночь! Сказывали намъ, что когда-то, здѣсь былъ трактиръ; но какъ хозяину не было тѣмъ ни гостей, кормить, ни самому жить, то его и заколотили.

Выспавшись спокойно, отблагодарили бурмистра, управителя, смотрителя (что больше баринъ, то больше прислуги), словомъ, всѣхъ, кого слѣдовало, и отправились въ Мценскъ, отсюда 70 верстѣ. Проѣхавъ частью Крапивинскаго и Чернскаго Уѣздовъ, мы впади въ Мценской, обѣдали въ Большомъ Скуратовѣ, гдѣ распрощался я съ солдатомъ статной команды, котораго Тульская власть въ смисхожденіи посылала впередъ для заготовленія мнѣ лошадей. Скуратово—деревня, принадлежащая помѣщику того же имени. Кто дому далъ свѣщенія: онъ ли селу, или село ему, сего я не разыскивалъ.

Домъ господской на возвышенномъ и лучшемъ въ окрестности мѣстѣ, выстроенъ изъ кирпича и, разумѣется, съ колоннами: какъ безъ нихъ? Странно, однако жъ, какъ тутъ люди когда ни будь селились; вовсе нѣтъ воды; мы пили самую мутную, да и та не близко: ее подвозятъ на лошади. Почтальону здѣсь 40 р. жалованья, и хотятъ, чтобъ онъ не прижималъ проѣзжающихъ и не требовалъ бы съ нихъ на водку. Это значить подъ честнымъ предлогомъ просить милостыню. Ямщики страшатъ Мценскими горами, но онѣ не ужасны; можно съестъ спусковъ до шести довольно крутыхъ.

Орловская Губернія возвѣщаетъ себя прекрасной пирамидой изъ бѣлаго камня нарочито вышвырнутой; она оканчивается шаромъ,

на матеромъ посадець король съ распростертыми руками; король видя, что мнѣ не соблазся. Тучныя поля въ золотыя шоры, послѣ большаго пространства земли не оранной (ибо я еще смѣлю ихъ называть не могу), угнѣшли мой взоръ. На пути стояла роща; мы слышно ей обрадовались—вонъ изъ повозокъ, и потушили. Горы на дорогѣ и около ея должны были бы, кажется, образовать разныя картины; однако, прочесть и все, что вращается въ рокамандѣ. Здѣсь же чего этого нѣтъ, ни малѣйшей разнообразности; сухая повсюду однообразность въ предметахъ.

Въ 7 часовъ вечера прѣехали въ Мценскъ и остановились въ гостиницѣ трактиръ за хорошія деньги. Городъ нѣрядной, но не скучнотворенъ, пусть, ни кто не бѣгаетъ, не суетится, все тихо, все по домамъ; однако промышленность имѣетъ обширныя средства; не далеко отъ города Ока. Торговля хлѣбомъ нарочитый; нѣсколько деревянныхъ складочныхъ анбаровъ по берегамъ рѣки Зуши, которая, нбся на себѣ суда, сама съ ними впадаетъ въ рѣку Оку. Пространство города не обширно, взоръ съ нагорной стороны рѣки пріятеленъ, но внизу, кромѣ одного деревяннаго строения, ни чего не видать. Корпусъ Присутствійныхъ Мѣстъ и лавки: вотъ все, что здѣсь есть каменнаго!

На самомъ верхнемъ бугрѣ горы древній соборъ, отъ котораго по валу тянутся еще остатки старой земляной крѣпости.

Въ храмѣ большой образъ рѣзной, во весь ростъ, Николая Чудотворца. Богомольцевъ пропасть, и молебны поютъ ежечасно. Сильное привлеченіе для народа, а для духовныхъ какая богатая руда! Признаюсь, что я всегда отвращался подобныхъ изваянныхъ образовъ: это меня приближаетъ къ временамъ идолослуженія. Тутъ же поклоняются большому древесному кресту, приплывшему, какъ говорятъ, противу воды къ городу. Блаженіи видѣвшія! Я ни съ кѣмъ не имѣлъ случая познакомиться въ городѣ; кромѣ чиновника, служащаго на почтѣ. Ф., которому я очень благодаренъ остался за то снисхожденіе, съ которымъ онъ меня вездѣ водилъ и все мнѣ любопытное показывалъ. По словамъ его, вслѣдствіе меня городская кустота происходила отъ того, что обратили почти все развѣхали на Коренную ярмарку. Въ

роитно! Я много замечивала, что люди народились преданнѣе Мценскѣ, чѣмъ те, на прѣдѣлѣ; что съ версту отъ города есть мостъ (я бы не смѣла проѣзжать), называемый далоной; что тому что будитъ во время набѣговъ Татарскихъ все оготояло; и съ мостъ мѣсто и городъ, господскіе холмы. Много, видно, было ихъ, или мало Татаръ! Если бы могъ кто прожить дѣти тѣснѣе, и постепенно очищать исторію, которую намидіи выгнать отъ себя другому оставить, сколько бы имъ шанса, во шимыхъ напикъ историческихъ истинныхъ, баснословныхъ нелихостой! Обманъ того же моста видны земляныя высоты, подѣ конья утверждаютъ быть неглимъ, разрывъ послѣ брѣженія съ Татарями. Бѣдѣ не встрѣтись слѣдовъ злобы человеческой! Вездѣ охраняется это мѣсто санаго свободнаго путешествіиша. Правду оказала Державина:

Исторія есть цѣль зодѣйствъ,

Подлѣ города Г. Ш. имѣетъ деревню и живетъ въ ней. Домъ прекрасный; отъ него протянута вплоть до большій дороги аллея изъ елокъ, подстриженныхъ по старымъ правиламъ садовничества изъ полныхъ туалетѣ, и деревья убираются какъ щеголи. Для Уѣзда также цѣлѣтѣ—пріобрѣтеніе: многіе съ козлинномъ знакомы, ѣздятъ къ нему часто, и онъ ласково ихъ принимаетъ. Не рѣшихъ хлѣбосомажъ жить въ Москвѣ.

Г Л А В А VI

Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ презъ Орелъ. Ночлегъ того дня.

Въ Орловской Губерніи на большой дорогѣ грунтъ земля часто мѣняется. Вдали намъ видны были волны рѣки Оки, но все еще несравненно уже и бѣднѣе она тутъ, чѣмъ въ машихъ мѣстахъ. Мѣсу мы прута; давно ужъ сосны намъ не попадались; мѣла насажены рощи осиновыя и березовыя. Выѣхавши изъ Мценска 16 числа, мы обѣдали верстахъ въ 15-ти отъ Орла, въ деревнѣ Облухѣ. Она принадлежала некогда Соймонову, и куплена у

него старина молва о злополучникѣ Губа, котораго тутъ не было: они распространяли еще въ Москвѣ. Подилавъ къ дому господскому, увидѣвъ я лично знаменю; долго не могъ приткнуть его; наконецъ вскочилъ ему на шею. На чужой сторонѣ всякой имѣлъ. Кто же это? М. старый аривой Московскій часовщикъ. Оттуда онъ на шепотъкъ свою дочь, и въ отсутствіе его дѣлалъ отъ себя баринотъ. Иссузилъ намъ вина, пива, всего, а что чего не далъ. Хвастать дѣло Французское: Между тѣмъ вои наши часи веле поставилъ, а чинилъ доверилъ; и убралъ ней съ ариванъ дѣбродушима, что ему тутъ жить гораздо легче и пріятнѣе, нежели въ Москвѣ бѣдиль изъ дому въ домъ поворачать часы по солнцу. Что жь атому не поворачать? Испилъ безъ возраженія! Въ первый разъ еще я здѣсь притыгалъ господскій домъ, покретий провозведишнннхъ образомъ седомой. Въ людскихъ жабель вездѣ помы, настлани изъ бѣлаго камня; достокъ вать не откуда; равнѣ страшное цѣлою, а его притыгалъ. Изъ него дѣлалъ отъ гради вкругъ крестьянскихъ ябѣ, кладутъ амбаръ и волье: можильннхъ стренія. Я не стану теперь говорить объ Орлѣ; мы его просмакали: Желаніе; веземъ Коренину аривану; и страля; чтобы Харьковская почта, на вѣрннхъ намъ бѣгущахъ, не отникн у насъ по мадей, приехали намъ крѣпиль; изъ тому же мы не могли; и на возвратномъ пути миновать Орла; и тѣмъ рѣшился только переѣхать лошадей и ѣхать далѣе. Нашелся часъ, часа три поѣхали. Губернатора не было въ городѣ. Полциіймейстеръ, не зная для чего, захотѣлъ насъ поскорѣй выпроводить, развѣзавъ намъ дорогу, почлегн; и вманнлъ скакать, не смотря на приближающіяся сумерки. Дорогѣ замѣтили мы свою ошибку: дорога свернула; расположена вся по косогафу; на половинѣ станціи прекрутанъ гора; нѣтъ пустыя; почъ настнгла насъ на пути; я не ежучалъ тозакъ, я терпѣлъ муку; но то ли еще насъ ожидало на станціи, въ которую мы пріѣхали въ полночь! Она расположена въ нѣбннхъ двухъ дощнннхъ, князя Юсупова и П. Если бы самыя шельме насѣвшнннхъ захотѣли надъ нами подшутить, они бы не могли болше ни чего сдѣлать, какъ то, чего выдумали своиы Г. Орловскій Полциіймейстеръ доставилъ намъ самыя непріятныя свѣдѣнія. Видно, что въ Орлѣ кезнева до гостей не охотинки.

«Цомъшницовъ» здѣшнихъ не было дома: всѣ уѣздили на ярмарку. Одна Книжниця, по прічинѣ крайней ея бережливости, осталась въ деревнѣ и уже давно почтена, какъ сама признала:

«Ни какое наше усиліе черезъ послабѣлъ людей не можно поспавить намъ извартары: каже въ сподожѣ мягкой ни буде ей мабѣ. Печевать, времѣ жараты было негдѣ. Новость порабавила Жена въ предположенномъ намъ дальнемъ путешествіи я и должна была гдѣ ни будь ожидать, что чинъ набросаютъ покусить въ жарѣ: въ ней до утра дремать заставитъ, однако жъ все хотѣлось мнѣ, ежели не мабжеть (моче) по крайней мѣрѣ, ея мѣрѣ, можнѣ, позаре приступитъ къ этой необходимости. Ко мѣтево (какъ называли это помятое) не представляло ни какого убѣжденія; да и въ полночь чего добейшомъ въ деревнѣ (Мужики всѣ спитъ. Не довѣря своимъ людямъ, я самъ не могъ къ баринѣ просить хотя мабарушка для ночлега) лишь бы дали прышку. Между тѣмъ жена и всѣ помѣшныя ожидали мочь усвѣжовъ (въ болышихъ сараѣ, переформенномъ на двое, идѣ въ одной половинѣ отонала: болыная довальонна, а въ другой, окружающей ея домашними животными, супругъ ея отивалъ подорожники. Пришедши въ тоскодой домъ, я нашелъ до четырехъ слугъ, коворые; развалясь въ передней, хранили взануки. Счастливые мени; (безъ тачловъ и прихотей, они наслаждались въ полной мѣрѣ естественнаго здоровья; какъ вдругъ, услышавъ шумъ и увидѣвъ одѣтроее лицо, меня всѣ обступили; не трудя мнѣ по моей одеждѣ тотчасъ разсудить, что я не бредяга; не что потомъ? Слѣдующая проверка: «Барыня почиваетъ.» «Дружья мои! Мнѣ только надобна маба; уже ли у васъ нѣтъ пустой.» «Менѣ не смѣть ни кого пустать безъ доклада.» «Такъ доложитъ.» «Говорить вамъ барыня почиваетъ.» «Попытайтесь: авось еще нѣтъ.» «Мы не станемъ ея беспокоить.» Выбѣжала дѣвка. «Что за шумъ у васъ?» «Вонъ какой-то, проѣхавшій проситъ на поезде.» Попытали; мабгали; а я все въ смятъ. По совету своего пола послѣдовала резолюція: «Барыня спитъ, и про васъ нѣтъ здѣсь квартиръ: поидте, куда знаете!» Удачная помятка! Что дѣлать? Немъ поспитъ въ сараѣ и прислушиваться къ жалобнымъ стеманіямъ болыной почтѣльщицы. Петерфильво ожидали моего приходу домашніе. Я вошелъ и воскликнулъ: «Добродѣтель Русскихъ, любезное гостепріимство! Ты

улаждаешь всё твоего, похотишь авидида. Црекаго: воображе-
 ние! Чего ты намъ въ голову не придумаешь, когда загорнешься?
 Израдное гостеприимство! Что же, где мы ночуемъ? всё мои
 закричали въ одинъ голосъ: «Гдѣ? Здѣсь.» — Какъ здѣсь? — Или
 въ каретѣ? — Шутиди! — Нѣтъ, про васъ квартиры; подите, куда
 знаете!» повторилъ я для нѣжныхъ, слона добродѣтельныхъ слугъ
 гостеприимной хозяйки. У всѣхъ вытянулись лица; волкой насу-
 пилъ брови; кому хотѣлось ужинать, кому спать: никому ни того,
 ни другого. Пока мы сѣтовали о добровольномъ нашемъ горѣ
 (ибо кто насъ понесъ въ Одессу, какъ не своя охота?), въ домѣ
 госпожи помѣщицы происходили также разныя движенія. Шумъ
 нашъ съ людьми въ снѣгахъ ея добудился; она узнала объ насъ
 и велѣла просить къ себѣ въ верхніе покои. Тутъ я снова возвы-
 сить голосъ и разхрабрился; горделивыя чувства подвигли душу
 мою къ негодованію; я хотѣлъ сердиться, ворчать, но разсудилъ,
 безъ ищенія поскорѣй воспользоваться покойной комнатою, и
 побѣждалъ съ женою изъ сада вонъ. Въ домѣ насъ принимали
 слуги съ нѣкоторымъ уже уваженіемъ, проводили насъ въ мезо-
 нинку; дали намъ квѣтъ, напоили чаемъ. Оставалось услыть, и
 каждый поц насъ не забывался до же спать. Тамъ мы не
 забывали наслаждающоя людямъ ея Сіатальска.

Итакъ мы, Хотьково, никогда не забудемъ, представляемъ себѣ
 на память наше страданіе. На завтра, коядѣка насъ очени, хорошо
 приняла: мы съ ней видѣлись, похотѣла насъ коядѣка, расхотѣла
 првѣтливости, хотѣла загладить грубость своей дворни. Намъ
 было легко, досала, меньше дѣйствовало; но я и тогда задумывалъ
 уже объ этомъ способѣ, гостеприимства, дѣятель въ (глазѣ ше-
 стей моего путешествія. Я съ ней разсуждалъ о тамошнихъ обра-
 зѣ хозяйства; Изъ басьянъ моей съ ней завлекъ существованне
 авидида, одно изъ нѣтъ у насъ ономъ, дѣла и доходу мнокомъ не, посе-
 лене: оларучены, неавидида, немысленны, работѣльны. Моги
 въ безъ благодѣтели дѣла: моя помѣщица, есала съ крестьяне
 въ мысали!

Мы раредались, какъ водится, по сѣтене. Садясь въ поезде,
 я кинулъ въоръ на сѣ стороны м, оравнивалъ Тулу съ Орломъ, за-
 нисалъ въ пармаиной книжкѣ.

Чи здѣсь чинаи же кривыи не рани чобъ поклаи,
 Ми цѣлило дши, ми краснотыи одеша
 Соца, коса, я седишъ—вѣтъ все божество, джа,
 Мешать, сжать и сажать—дѣтъ радостей, другикъ.
 Природа не дала здѣсь гѣсу для отрады;
 Не встрѣтишь ручейка отъ жару для прохлады;
 Обширные поля, на нивакъ желтой класъ:
 Вотъ все, что изъ конца въ конецъ увидить глазъ!
 Средь кратъ пріятны тѣ страны благодорожи,
 Гдѣ торгъ—душа людей, гдѣ имъ они блаженны!
 Пусть пахарь свой збарь здѣсь смятятся нажать,
 А мнѣ дай Богъ тамъ жить, гдѣ любить расточать!

ГЛАВА VII.

Поворотъ на ярмарку. Поездъ въ каретѣ.

Немного медля по утру, убрали мы 17 числа изъ Котѣвова
 путь нашъ лежалъ сквозь имѣнія вельможъ, который шибѣтъ
 здѣсь знатныя помѣстья. Онъ самъ тутъ жилъ, когда гнѣздался
 на него прежній владыка. Ни чего примѣчательнаго въ селеніяхъ;
 куча огорожанъ дѣвожь, которые воусть кабами. Ницкии! про-
 паста. Англичанниъ править имѣніемъ по Англински, а мужики
 кодытъ по міру по Русски: это навывають козѣнство!

Кутия дожидалась насъ въ Очкахъ. Селеніе почти пустое,
 бѣдное. Имъ ему даетъ Она, которой въ окрестностяхъ начинаны-
 ся верилныи; здѣсь она еще во владѣнствѣи въ почти безводна.
 Отюода охотники сворачивають прямо на Керенную ярмарку.
 Мы сами напали тутъ лошадей и поѣхали боковой дорогой; она
 мнѣ очель полюбилась, лучше горавдо большихъ етодбовныхъ:
 тамъ сиверныя гати, мѣста гористыя, чютныя весогерату видовъ
 заманчивыхъ нѣтъ; куда ни погляди—все чистое! мюаѣ въ тутъ
 попадались иногда деревни и прѣ нихъ церкви. По началу моеѣ
 инти видѣи уже, что я люблю народъ. По всей дорогѣ встрѣ-
 чали мы это множество: То Кохлы съ попровыми обовами, то
 торгашы съ большими конскими табунами, надѣ щайки богомю-

локъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и шло на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разбѣяніи проѣхали версть 30.

За версту отъ ночлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вечеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполинскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно путешало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ всюду огней! Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по-Русски!

Весь этотъ океанъ туманъ и сіяньи;
Бредаетъ безъ существъ, и вѣтъ нѣтъ ни чегъ,
Безъ циркула скругляетъ, вертлсъ безъ основанья,
Едва ли стоить онъ лишь слова одного,

Надобно, къ славіи переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d'azur et de lumière,
Tiré du vuide même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
A peine est-il — il vaut en derriere d' un mot.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда ни будь? Подъ горою пѣшеходки бабы разными группами ужинали, гуляли; брѣдковъ: Я радостно нѣтъ ни простоты, и дѣлалъ съ. О натуре! какъ ты омарогаемъ! Тебя ли что не замечать въ вселенной, а ты все въ ней краснѣе и дѣлаешь любезнѣе; съ тобою и горе, и радость, и смѣхъ, и слезы.

Хиба бы да съемъ вамъ, божицки,
Доброй путь къ селу домашь--
Тамъ, разскажите вамъ, тогда,
На счетъ ярмарки мужьямъ.
Они садутъ въ круговеньку,
Дадутъ вѣру вамъ во всешь;
А вы, какъ бытъ! въ шашеньку

Изъ салотеръ кой-о лечь,
 «То-то, садитесь, народу
 Въ Коренную къ намъ нашло!
 Богъ далъ красную погоду,
 Лишь безъ денегъ тяжело.
 Госюды въ рядакъ метали
 Миллионъ монетъ на уборъ;
 Мужики въ цинкатахъ гуляли,
 Наши сестры вразъ вздоръ.»

Скоро допала обольстительнымъ патѣн; настала ночь; ямщи-
 ки, отираяги, лошадей; слуга мой принялъ сказать; что мочерать
 негдѣ: ни одной дуткой: набы, даже черной. О негодный, вѣх-
 никъ! Что дѣлать? Лечь въ каретѣ. Подъ сводомъ неба разбро-
 сали мы все свое дорожное имѣніе въ сараф, зашгли у каретъ
 фонари. На сиверномъ столѣ, сколоченномъ при насъ изъ прото-
 ченныхъ двухъ досокъ, разливала намъ жена чай. Тихо было и
 свѣчь не задувало. Вотъ картина несообразностей самыхъ рѣз-
 кихъ: нужда и роскошь вмѣстѣ; безъ ночлега, безъ пристани-
 ща, на чистомъ воздухѣ чай, кофе, лакомство и городское освѣ-
 щеніе! Но что вознаградить сонъ, когда начнутъ глаза смежать-
 ся! Все къ чорту, лишь бы на постель. Нашу постлали въ каре-
 тѣ: прекрасная подвижная кровати! Всякой расположилъ себя свою
 въ повозкѣ. И такъ мы, помолясь Богу, не передъ иконою Его
 живописною, но передъ самымъ небомъ, гдѣ престолъ Его не-
 подвижно пребываетъ, предались Морфею, а короче и просто
 сказать, мы легли спать.

Странно, думалъ я, воротаясь безъ утѣшену на спомнѣ по-
 веселья, какъ на такой большой дорогѣ, подлѣ значительнѣйшей
 ярмарки; нѣтъ ни одной порадочной хижинки, куда бы войти
 отдохнуть и переночевать. Пряда, что шель въ свѣтѣ шедъ
 такъ скоро переноситься на самыя отдаленнѣйшія разстоянія,
 какъ въ Россіи: куда не доведутъ наши ямщики въ недѣлю? Былъ бы
 у дуги колокольчикъ—въ Америку вреберешьса мигомъ. Но, гово-
 ря о путешествіи въ настоящемъ разумѣ сего слова, нигдѣ, думаю,
 нѣтъ меньше средствъ съ пріятностію его предпринять и совер-
 шить во всякую сторону, какъ въ Россіи же. Бѣда въ томъ, что
 всякой это узнаеть тогда, какъ, сдѣвъ въ карету: ни что насъ о

силы, поубавившись не предубреждаетъ. Какой чувствительнѣе съ полной свободой опинитъ нашего края недостатки? Цензура събьетъ и автора и книгу. Хоть плачь, да все хвалитъ! И такъ опаздываетъ намъ указывать, но поодино, тѣ затрудненія, отъ конхъ ни чье перо насъ остеречь не събьетъ. Не забудьте, что я такъ размышлялъ во время бессоницы; слѣдственно, это все бредъ.

Г Л А В А VIII.

Армарка.

«Возъ въ Коренна!» закричалъ я, подѣжавши на шестрѣи въ любонскому театру. Наряду прохвостъ и лезокъ раскобравъ выйдъ: младшество. Чего тутъ нѣтъ? Все, однако, очень дорого! На суду отыскали мы Г. . . . Онъ намъ велѣлъ отвѣсть квартиру! и тѣмъ опривитъ всѣ свои учтивости. Къ счастью нашему, нѣтъ была близко помѣщенны отъ публичныхъ увеселеній и мѣгда пѣшкомъ ходитъ въ ряды безъ тяжести. Здѣсь всея нѣтъ квартиръ; ту, которую мы заняли, отвѣли прежде насъ другому, но тотъ опаздалъ прѣхатъ, и мы въ ней расположились. Ни чего завиднаго: дешавая узенная каморка, въ которой мы натерпѣлись стужи; ибо холодный вѣтерокъ съвоь тыщю щелей жаловалъ къ намъ въ гости. Исправникъ, тугошній человекъ, очень учтивый: онъ намъ всѣ доставилъ возможности прожить сутки наилучшимъ образомъ. Удивительно, съ одной стороны, что такъ мало помѣщенія на столь знаменитой армаркѣ, аю, съ другой; мудрою для прѣбывающихъ на удачу стронься: всѣ почти Дворяне тугошнѣ и прѣбывающіе для надобностей своихъ сюда ѣздятъ, везутъ съ собою штеры съ разными подвижными дощками; слѣдственно, всѣ имѣютъ вѣрное и надежное убѣжище. Между прочими палатками замѣтила я самую нарядную, съ флагами и гербами; хозяинъ он, старшій мой знакомый, щеголялъ въ ней передъ армарной Азіатской роскошью. Какъ бы и обрадовался: онъ нѣтъ его другому! Сколько приволь бы онъ имѣлъ на

панты, приятныхъ воспоминаній. Мы съ ними иногда шёлъ въ Дворъ, на театръ, въ обходъ, обольщались, играли, моды, рѣзцы и счастливы, въ одно время; но, омы: большого барина дожить ли приданъ и потовращенно? Въ чемъ и омы его, все должно.

Прежде всего пошли мы въ монастырь. Туда приносимъ, къ десятой пятницѣ, съ большой духовной процессіей, образъ Богородицы изъ Курска. Кореннымъ называется и самъ монастырь по тому, что образъ чудотворный, коему здѣсь поклоняются, явился, какъ говорить тутошнее преданіе, на корнѣ и источилъ воду; а по тому, что коледѣ обвѣщается вода, въ память сему событію. Нѣтъ нужды говорить подробно о началахъ ярмарки здѣшней; довольно скажемъ, что богомолье подало первую причину подобнымъ стеченіямъ народа. Сперва явился образъ; войско пришло помолиться; случилось привѣрье въ селѣхъ принаюченіе — омы, отнесено къ иже: отсюда омы: одъ посещеніемъ и, чьна, пришедевъ; а натура иже: посреди иже: нашихъ восторговъ и словъ: законовъ. Пѣхъ: законовъ: чьна, и стали ходить съ собою котомки съ хлѣбомъ. Народъ узнавъ, что тутъ сходбище; сталъ возить припасы, ставить шатры и балаганы; благородные люди, отъ скуки и праздности, стали шѣждать прогуливаться; сперва просто, потомъ въ парадныхъ нарядахъ, потомъ повнимамъ сяданья: любовь, указана сяданья, кону; съ кѣмъ и дѣвъ, сѣхъ: можно видѣться. Купцы увидѣвъ пользу возить товары; поставили одну, тамъ: дѣвъ, три, лавки; навезли чинаей и всякъ: грешекъ: вода и, ярмарка! А время все: потомъ отлучило отъ проницъ, чьна, Макарьевской; и отлучило: еще: знатнѣ. Въ монастырь служили: молебны; на повсѣхъ: верхняя церковь на горѣ надъ рѣчкой небольшою; омы: и некого: представляетъ примѣчательнаго; внизъ, къ самому колодезю, сѣхъ: на лѣстница: пренюкойная; по ней вы спуститесь въ другую: церковь, въ посреди ея съ удивленіемъ увидите подъ куполомъ колодезь. Трудно къ образу протраться: сѣхъ: омы: окруженій: его: народъ: это: чьна: въ уды. Образъ старинный и, разумно: богато: убранный. Когда время пришеде къ нему приладеваться, то между, правохъ: начнется такая драка, какъ: на мулатисомъ: ою: не: увидѣть: всякому: хонетъ: впередъ. Бѣда, есть: и, такая

будутъ; толкаться и у вратъ царскаго двора; Задатье прежде, пошла; уршикъ Славу Божию. И делалъ какъ въ старыхъ и новыхъ деревняхъ, и не могъ пойти; зато чего на мольби Богородицъ; или вдовицъ. Великого Четверга и Пятницы; не възвращали коню оному; и спросилъ Священника; что это значитъ? Добрый и простой монахъ отъвѣтствовалъ мнѣ: «Я и самъ не знаю; такъ у насъ издавна водятся. Какъ бы люди ни жились, да въ сѣдъ повелѣвали; сорядили Пешу. Глядя на все наши обряды, что не принаестя; что дали намъ отъ того духовнаго существа, которой оу приличней въ побогачей; тамесной мы платили поклоненци Творцу. Настоятель монастыря; Пугачевъ помилуй и; какъ тотъ; благославный; уршае объ нашей вудѣ; послѣдъ вельмика не только намъ отъ насъ и; судьяе. И такъ же былъ оному привитъ лезъ оны; за что не чаво не трюваши; изъвольте и снайдете насъ туе прише; по Апостольскому закону. Не отъ того ли вообще обители не имѣе; того чуждаго; величавой и; богатства; какъ кону; буда по; степенно народа и; яришь; быть туе предводилъ гасля!»

Ряды здѣсь стѣнные хорошо расположены; каменная; Цесты; или дворъ; и благоувае; не с; справедливости; большую поварю; въ традиц; и красоты архитектуры соблюдены; между лавочк; парем; лавочки водъ; сводомъ охраняютъ; въ непогоди; и; рмы; соотвуетъ; прокукъ; праздныхъ; робовши; съ; оббихъ; сурроми; прбодли; гошой; поставила; покуралъ; у; нед; чего; дотамъ; естел; и; цѣна; болыше; деньги. Мы съ; жесткой; тодилъ; тутъ; цѣной; дева; взадъ; и; впередъ. Пришли; туда; и; вшкомъ; по; тому; что; нинче; не; удостоилъ; насъ; довольнаго; вниманя; чтобъ; довести; съ; собою; нкто; не; оказалъ; мнѣ; какъ; малѣйшей; признательности; ннже; изъ; одного; преста; и; побоянитсва; чтобъ; узнать; чин; новья; рожѣ; показались; въ; нтъ; сторонѣ. Учиворъ; ест; повстоду; краца; вем; птаня; и; в; трелест; общекитя; вдѣе; ея; евантъ; видно; нн; ед; съуть; Хотя; и; и; нкого; тутъ; кашель; знакомыхъ; но; все; стари; лозъ; и; такихъ; нон; давно; оставилъ; большою; оббт; и; посался; въ; своемъ; пѣвствялъ; вобъ; уже; забыли; а; кажуся; ежегодно; на; эту; и; ршарку; дм; того; толка; чтобъ; что; ни; буда; прежде; ршеня; забыли; и; х; сами; не; внелъ; ошибки; въ; внстои; усопишь. Тулошникъ; Дворанъ; и; не; нн; случилъ; нн; нн; и;

дѣть и звать; служба всегда моя загоняла въ мѣста противоположныя. Сдѣсь много благороднаго народа. Все это бродить, покуривать, мотать. А къ вечеру критикуютъ роскошь. Публична здѣсь большая; карета до пяти часовъ около Гостиннаго двора покрывало пододать. Какъ странно видѣть такую картину на открытомъ полѣ! Чтобъ жить вдале о Коринной армянкѣ, воображите, что кто на будъ, вырѣзать шабъ Москвы Ивину, со шейи ея опрестностями, тутъ поставитъ. Въ какой противоположности улица и Гостинный дворъ! Тамъ нищій сотни, проглатывая голія аланы, просятъ, Христа ради, вѣща; тамъ увидите вы на носѣ шре три, на патыре, челевѣка разнаго возраста, отъ преестарѣшаго до младенца, конъ безъ рукъ, или ногъ, выставлены передъ домомъ для испрошенія милостыни; тамъ медуживыхъ, убитыхъ и казавъ разнаго рода выкладываютъ на фоголи; лучше мнѣ кѣ съ се-крушеннымъ сердцемъ, по неволѣ глаза замурить, чтобъ не видѣть страждущей природы. Все стонетъ на улицѣ, площадѣ, а внутри лавокъ алмазы, золота и самыя дашнѣе на прогулщицагы наряды. Безъ ошибки можно полагать, что между купцами милліоны въ оборотѣ. Жаль только, что мало трактировъ: я разумѣю не харчевень, а такия, гдѣ бы можно было, хоть и дорого, но хорошо и со вкусомъ, отобѣдать. Естьли кому задумается въ любезнѣщества пуститься въ эту сторону, софтуго воить съ соборъ гершиду, поваре, возовку. Здѣсь ни чего не дадутъ ни въ займа, ни даромъ, ни на поддержанье, еще менѣе для услуги, а со всегъ потевыизъ выйдете по вкусу вашему нѣкоторое удовольствіе. Ищите черни у образа въ монастырѣ, щегалей въ лавкахъ, а мужичи за картами: у всякаго свои глѣзды.

Расскажу забавное приключеніе. Хода цѣпкомъ, зашелъ я съ женой въ фарфоровую лавку; заманили насъ вашины; маъ съ верхняго яруса потребовали одну. Сидѣлецъ не омитрѣсь, что она была безъ ручки, подаль намъ ее и отсталъ. Увидѣвъ ошибку, мы его подловали, немалая ему вѣзять его посуды. Онъ воцрѣлъ съ нами въ спорѣ, прикинулъ намъ ее, и упорно въ томъ стоялъ, что мы ее разшибли. Я смѣлся: онъ началъ зашищать сводъ, доми съ огнемъ. Я не рассудилъ, продолжать шумъ или возвысиль также голосъ, и каіе-то тутюшнѣе господа, задне догадавшіеся, что мы не маъ глѣзды, конъ ходять по лавкамъ бытъ

стекля и фарфора, вступилъ за насъ, заставилъ его молчать; этого бы мало; страсть и отъ правды принудить отпереться. Но, по счастью нашей, хозяинъ лавки рывкомъ споръ тѣмъ, что по длинно у него одна чашка была безъ ручки. Вотъ какъ иногда поклепываютъ и въ томъ, что въ голову не войдетъ! А все отъ того, что мы пѣшкоть слонялись по городу, безъ затѣй. Долго народъ у насъ, да и многие повыше черни, не будутъ оказывать уваженія къ человеку по тому только, что онъ человекъ. Надобны чины, гербы, регалии, чтобъ ногъ нарочно не отдавали.

Пойдемъ отсюда въ театръ. Я съ утра взялъ билеты въ кресла по 2 руб. 50 коп.; каждой ложѣ цѣна 20 руб. Плата большая; за те и ярмарка одинъ разъ въ годъ. Сюда прѣзжаетъ труппа Курскихъ актеровъ. Они играли «Влюбленнаго Шекспира» и оперу «Илья Трубочистъ». Что сказать объ оперѣ? Ни на что не похоже! Однако създанъ огромный. Публика жадничаетъ веселиться, бросаетъ даромъ и за деньги всюду, гдѣ можетъ ожидать забавы. Здѣсь до того было тѣсно, что многие возвращались дубомъ: Человекъ до 500 бала помѣстятъ помѣсть. Все преимущества театры, т. е., декорации, одежда, музыка, соблюдены съ достаточною правильностью, но талантовъ нѣде переборщенихъ нѣтъ. Одна изъ антрисъ очень силится пародировать известную Сандунову; но весьма неудачно; однако и та правится. Я признаюсь, что и не энтузіастъ ея метода: нѣтъ жеманство на театрѣ никогда не правится, по тому что его нѣтъ въ натурѣ. Актеры должны глядѣть въ природу, какъ въ зеркало, и брать одинъ ея краски. Вечеръ въ оперѣ жаридней, то есть, дурачится изъ всей мочи; это и надобно! Публика здѣсь, какъ и вездѣ, любитъ скороморщество; мало ей посяматься; все бы хохотать. Чувствительная нѣста не имѣютъ цѣны; острые шутки терпятъ на языкѣ актера. Они не вычужны; правда, что и вырываютъ нѣкъ некому; актеры не долотъ языкъ ни будъ, лишь бы изгнать свои деньги, а зрители глядѣть по веркамъ, толкуютъ о товарахъ, модахъ, рыскахъ; историкъ и обращаются къ театру лицомъ тогда, какъ трубочистъ весь въ сажѣ лѣзетъ нѣкъ конина и утираетъ Ильяжескими кружевами: тогда шумъ, крикъ; затопаютъ ноги; застучать всѣ трости, и ни чего ужъ не слышать. Какая сильная причина для восторговъ! Обняки соблазнительные также не пропадаютъ.

Одну доют дурно; голосуетъ нѣжныхъ ифтъ; словомъ, спектакль ярмарочной. Но, можно ли ридаться, что бы, аго, такъ старались, увидѣть, если бы оны были душою? Не знаю. Одно еще, и очень дѣйствующая на обоняніе, чуждость, то, что, весь театръ, освѣщенъ, садитъ, и, чадъ, отъ свѣтъ, и, дошестъ, преужасной, досъ, чувствительную, терпятъ муку. Театръ, последуетъ, между, радостъ, на, догадоты, горы; следовательно, прѣзавъ къ снъ; полиціи, при, радостъ, караетъ, и, дрожаетъ, мало; дошадъ, ядети, не, освѣщена. Хотя и, бѣзакъ, мы, отъ, театра, стоимъ, не, трудно, было, пѣшкомъ, безъ проводника, довести жену домой. Со всѣхъ сторонъ, заскакали, кареты, и, остряли бы, не, едущаея, полиційскою, а, задралъ, которому, я, изъ, одной, руки, далъ рубль, а, изъ, другою, погрохалъ, палкой. то бы, мы, домой, пришедши, не, махали, костей, въ, порядкѣ

Б...; пригласилъ меня, въ, радуть, куда, собирались, охотникъ, шд, особы, обоего, пола. Женя, осталась, дома; а, я, побѣдъ, въ, трактирѣ, гдѣ, давалъ, балъ, по, 2, руб., за, вюль, съ, часоука, зада, прездвычайно, уха, освѣщена, жарливо; прстойная, услуга; молодыцъ, людей, много; танцовать, медъ, охотники, но, мало, про, стору; едра, есть, гдѣ, пройти, между, стѣнъ, и, дамидовичевъ. Больша, господа, жарели, въ, карты, а, аабажне, господа, ваялъ, в, афеала, ходя, изъ, стороны, въ, сторону; музыка, та, же, что, и, въ, театрѣ, жаридная, больша, еказати, нонего, Мнѣ, было, очень, скучно, тутъ; въ, толпѣ, людей, незнакомыхъ, можетъ, да, быть, и, ачае? Чтобъ, поирравдася, такой, край, въ, которомъ, обычаю, не, живешь, и, удоб, но, особливое, мастерство, со, стороны, жителей, удивля, и, фто, принадлежательная, деге, не, дають, на, виеоиде, чини, они, епримшоа, богатство. Я, до, молге, цошагадая, по, салъ, и, простилъ, тутъ, съ, Г...; Сколько, ни, старался, я, войти, въ, разговоръ, изъ, Ега, Сивель, ственъ, о, разныхъ, предметахъ, ему, болѣе, моего, на, таматиному, край, вѣрѣсныхъ, и, тѣмъ, умножить, мои, свѣдѣніа, ифтъ, на, и, мотъ, ни, чего, узнать. Нелосуги, ему, пропатсцовали, даятиса, со, много, бе, снѣой. Мало, ли, дѣла, на, ідешиномъ, дворѣ, челоуку, дѣятельному? Проведя, адасъ, такимъ, образомъ, одинъ, день, мы, только, переодече, вали, и, на, дворе, выѣхали, въ, Курскъ.

Г Л А В А IX.

Курскъ.

И ямщики любятъ рѣзну. Они иногда очень не кстага, погоняя лошадей, кричатъ, играя кнутомъ своимъ: «Ну, кургузка, пять верстѣ до Курска!» Зѣвшій, почтавъ весьма у мѣста прокричалъ намъ, что 19 числа по утру, послѣ 30 верстѣ отъ ярмарки; ибо мы подъимко подѣжакали къ Курску. По милости Корецкой, дорога до города очень весела, наподмена возами и гуляками. Скажемъ къ чести тѣхъ, кою виновниками были нѣкогда, по начальству ихъ надъ здѣшнимъ краемъ, разныхъ полезныхъ заведеній, что дорога въ Курской Губерніи отъишо, выработана: вездѣ проспекты отъ посаженныхъ и соблюденныхъ дѣвъ; дорога широка; гати, гдѣ были нужны, сдѣланы съ прочностію и наблюдениемъ. Видно, что думано въ Курской Губерніи при Генералъ-Губернаторскѣмъ о хозяйственномъ улучшеніи путей.

Курскъ — прекрасный городъ. Онъ сидитъ на высокой мѣловой горѣ, и видъ его издали плѣняетъ; подѣзжая къ нему, мы находите аллею изъ ветелъ, довольно густо разросшихся. Изъ такой пріятной тѣни кинется вдругъ въ глаза вашъ городъ на горѣ: она гораздо круже Владимирской, но паденіе ея ровнѣе; тамъ больше передошовъ; впрочемъ, также окружена сюду и сюду садами. Внутри города всѣ улицы правильны и вымощены камнемъ, а каменнаго строенія много. Хотя я цѣлый день посвятилъ на то, чтобъ осмотрѣть городъ, но ни чего почти съ основательностію не могъ ни видѣть, ни замѣтить, а такъ сказать, обѣгалъ его и вершки схватилъ; по тому что всѣ были на ярмаркѣ, и здѣсь я не видѣлъ, какъ въ Тулѣ, другого Мат..., который бы меня съ собою врандѣ вездѣ. Пустота городская весьма была пріятна. Но, при всемъ томъ, мы не нашли порядочной квартиры, и помѣстились очень худо.

Мужской монастырь, изъ котораго носятъ образъ въ Корецкую, величавѣйше всѣхъ прочихъ церквей, и по тому служатъ за соборъ. въ дни торжественнаго какого либо свѣда городъ

скихъ чиновниковъ. Я въ немъ былъ и внутреннимъ убранствомъ доволенъ, но ни чего не нашелъ рѣдкаго.

Гостинный дворъ каменный, но запертъ: всѣ купцы на ар-маркѣ; по вывѣскѣ видѣлъ я, что и книжная лавка есть: какими книгами торгуютъ, много ли, мало ли ихъ, не знаю.

Въ старину здѣсь бывалъ дворецъ деревянный; онъ, нынѣ сломанъ, и остатковъ его видимыхъ даже не сохранилось. На его мѣстѣ поставлены покатыя ворота и заборъ каменный, который свидѣлствуютъ, что некогда, по предположенію гражданъ, здѣсь выстроится купеческой общественной домъ: Судя по воротамъ, зданіе будетъ большое и важное, а между тѣмъ единое поле есть одинъ предметъ, охраняемый воздвигнутыми предвѣстельно столбами. Магистратъ помѣщаетъ въ каменномъ домѣ.

Корпусъ, содержащій въ себѣ всѣ Присутственные Мѣста, каменный. Тотъ, кто его тутъ поставилъ, не ошибся въ выборѣ мѣстоположенія: лучший видъ въ городѣ. Какъ приятно садясь гу-лять и смотрѣть на ту сторону рѣки! Тамъ прѣкрасная каменная церковь окружена слободками, и всѣ хижинны разбросаны по от-дѣльному берегу рѣки. Тускаръ (такъ ее называютъ), пересѣкая многими мосточками, изъ коихъ каждый ведетъ въ какое либо зарѣчное селеніе. Глаза, остановясь на сей сивѣланской картинѣ, въ которой городъ съ деревней по жеремькамъ, ловить взоръ, долго любятъ красотою мѣсть.

Здѣсь какое-то осталось отъ древности деревянное строеніе, въ которомъ, подобно шатру, что на Ивановской площади въ Москвѣ, хранились пушки; но какія и откуда, историческаго ни чего не могъ объ нихъ узнать; спросить было не у кого а народъ нигдѣ ни чего не знаетъ. Живучи безъ любопытствъ, правъ хлѣба на базарь одинъ его занимаетъ, а детвизна его есть существенное для него счастье.

Херсонская улица заслуживаетъ особенное вниманіе и по красотѣ своей и по тому поводу, что на ней поставлены были для шествія Екатерины мостъ изъ диката камня, съ жемчужными

локъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и ѣхало на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разбѣяніи проѣхали версть 30.

За версту отъ почлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вѣчеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполнскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно утѣшало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ между собой. Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по Русски!

Весь этотъ океанъ лазурн и сіяемъ;
Блестящій безъ чудесствъ, ильетъ какъ изъ китовъ
Безъ циркуля, округляетъ, вертлется безъ основанья,
Едва ли стоить онъ лишь слова одного,

Надобно, къ славѣ переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d' azur et de lumière,
Tiré du vuide même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
A peine est-il — Il vaut en langage d' un poète.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда нибудь? Подъ горою пѣшиходки бабы разными группами ужинали, гуляшали, болтали: Я радостно и въ простолова дѣлывался. О натуре! какъ ты оживительна! Тебя ли что не замѣчалось во вселенной; а ты все съ ней краснѣшь и дѣлаешь любовныя; съ тобою и горе вносно, и ошуканье бошня.

Хитры да солъ вымы, богомлюи,
Доброй путь къ селамъ домашь:
Тамъ разскажите вашу толку,
На счетъ ярмарки мужьямъ.
Они сядутъ въ круговельку,
Дадутъ вѣру вамъ во всешь;
А вы, какъ быть! по жаленію

ныхъ ветлѣ по дорогѣ, да и тѣ щадить ли нашъ народъ? Многие вырѣты и поломаны; одни корзины остались, гдѣ сухіе корни ихъ показываютъ, что тутъ жили существа растительныя. За то гдѣ попадетса роща, она садъ въ сравненіи съ нашими лѣсами. Невольно бросишься въ нее погулять; отъ того ли, что онѣ рѣдки, или дѣйствительно безъ всякаго предубѣжденія онѣ содержатся хорошо, но по истинѣ вы въ нихъ не найдете ни сухостоя, ни валежника. Всякій лѣсокъ вычищенъ, какъ Англинская роща. Правда, что въ Вологдѣ, гдѣ миллионы считаютъ десятины лѣсныхъ дачъ, подчищать деревья трудно: инноватору что до того за дѣло: онъ пройдетъ здѣсь и увидитъ чистую рощу, плѣнится ею, напишетъ систему, проектъ; лишь бы фортуна не отступилась, а то и въ Тотмѣ давай чистить лѣса!

Въ Обояни мы на почтовомъ дворѣ напились чаю. Обоянь городокъ изрядный, разбитъ правильно и сидитъ на горѣ, откуда издали виднѣтъ; построенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большая въ немъ улица и широка и довольно длинна. Два корпуса каменные, у коихъ стекла выбиты, крыльца вытоптаны, а двери сорвались съ петель и лежатъ на боку, носить на себѣ всё вывѣски казеннаго давнишняго зданія; спросилъ и не ошибся: это подлинно Присутственныя Мѣста. Пока мы гуляли по городу, одинъ обыватель возилъ хворую жену свою по улицамъ; она кричала безъ памяти разными голосами. Мужъ увѣрялъ насъ, что въ ней демонъ, а я совѣтовалъ ему свести ее къ Лѣкарю, ежели больна; а естли безпоконтъ ее одинъ демонъ, то лучшее лѣкарство на этотъ припадокъ—Русская плеть.

Услышавъ разногласію дѣтскую въ одномъ низенькомъ домикѣ, я подумалъ, что это школа, и зашелъ. Точно такъ! Ребить челоуѣкъ 30. Учитъ мастерьъ Грамматикѣ. Гдѣ просвѣщеніе не совѣтъ гнѣздѣ? Сказать ли правду? Господа Профессоры! съ вашего дозволенія: Учитель пьянъ, а школьники по складамъ перебираютъ старыя изорванныя тетрадки; у одного изъ нихъ я нашелъ выдранный листъ изъ Адресъ-Календаря 18-го столѣтія; этотъ много вытвердилъ именъ наизусть, да и то не въ прокъ: многіе изъ нихъ померли. Учителю очень хотѣлось узнать, кто такой пришелъ въ курткѣ къ нему въ школу; минутъ.. пять по-

скромничалъ, наконецъ вопросъ: «Кто вы таковы?» Отвѣтъ: «Проѣзжій.» Иерей, пришедшій, видѣвъ навѣстить сынка, стоя въ углу у развалившейся печурки, ворчалъ сквозь зубовъ въ видѣ недоумѣнія: «О Господи мой Боже!» Учитель опять: «Можно знать, кто вы таковы?»—Я опять: «Проѣзжій;» а Попъ ту же пѣсно: «О Господи мой Боже!» Въ какомъ положеніи познакомился мы съ Учителемъ въ минуту, чтобъ на всегда другъ друга забыть. А въ той же идеѣ, я думаю, инопле, для праздничнаго дня, и Технологию, и Мисологию, и Эстетику, и все и всѣ знаютъ.

На пути: въ Обояни, верстахъ въ треть, усажена, на версту длинна, широкая галь воглава: онъ уже разросся, пустили обширные корни и даютъ приятную тѣнь. Хорошее время вызвало насъ тутъ погулять: мы всю ее прошли. Что пріятнѣе въ степи подобаю проѣзжа? Видѣ деревья—сокровище въ безцѣнномъ мѣстѣ, да оно же и большую приносить пользу: зимой наводитъ путешественника на дорогу, а лѣтомъ спасаетъ отъ зноя; жаль только, что не хорошо старыя осажденія поддерживаютъ и не десятилетнее деревце: индѣ посажи, индѣ рауть молодые побѣги, и съ корнемъ; все требуетъ хозяйскаго глаза.

18 верстъ отъ Обояни остановились мы ночевать на постоянныхъ дровахъ. Около ихъ на полѣ видѣли мы до четырехъ кургановъ. Одни говорятъ—могилы, другіе—старыя разбойничьи землячки; но молва не лѣтопись. Хозяинъ нашъ, гостепріимный и простой господинъ почтальонъ, увѣрялъ насъ, что тутъ славный разбойникъ большія когда-то строилъ чудеса. Я, сидя на лавкѣ, выпиваю чай и угѣшалъ рассказчика, давая всему вѣру; удивленіе наше приводило его въ восторгъ. Я думаю, что онъ въ первой разъ рассказывалъ свои сказки такъ, что надъ нимъ не гоготали. Впрочемъ, онъ не историкъ; ему и врать простительно, лишь бы деньги были готовы и онъ не прижималъ проѣзжихъ; а въ этомъ онъ всякой похвалы достоинъ; при томъ весьма услужливъ: отдалъ намъ свою собственную хату; мы въ ней ночевали: уютъ тѣсна и душна, но, по крайней мѣрѣ, гаду нѣтъ. Тараканъ худей сонному товарищъ.

Р. Б. А. В. А. К.

Бѣлгородъ

21 числа выехали мы въ Бѣлгородъ. Не доѣзжая сто на послѣдней стѣнціи Р. Исправникъ тугомый оказалъ намъ равныя удобства. Жаръ былъ жестокий; дорогахъ тугомыслины. Мы желали болотъ, потому что они хороши. Садъ съ каштаномъ, а ввы даютъ проѣзжимъ пріятную прохладу. Пока мы ѣхали мимоходомъ, Малороссійскій (одной дружины) проѣхавъ отъ восточнаго зной романсъ, т. е. Лаваръ. Еле спускаясь въ городъ, какъ съ окошка пропала аркастая табакерка у нашего товарища; кто ее уярали; и куда она черезъ мадоннину двѣлась, не могли узнать ни тогда, ни послѣ. Всѣ вѣрскіе были тщетны, и Квартаальный Офицеръ; по милости котораго мы имѣемъ пріемную квартиру и меторый дуть вась; не отидеть; ни наинимъ полиційскимъ волшебствомъ; не могъ отыскать ни пронажи, ни похитителя. Свѣдакъ; что городъ; и вѣроятно много предметовъ для любопытства, мы расположились въ немъ остаться на сутки.

Бѣлгородъ посаженъ, такъ сказать, въ мѣхъ; между высокими горами; отъ коихъ, чайтально; и названіе свое получилъ. Улицы въ немъ очень песчаны; следовательно, грязи не держатъ; и не мостятся. Присутственныя Мѣста, лѣвки и многіе обывательскіе дома; каменные. Въ городѣ протекаетъ рѣка Донецъ; впадающая въ Донъ. Я въ ней купался; вода прозрачная; и ложе ей чисто. На некоторыхъ строеніяхъ мѣхъ образъ крыши; подобиле; по тому что новъ для глазъ; дома кроются очень круто; и въ мадоннинихъ драничекъ; кои кладутся вкось; и въ разныя стороны; и ввы справа, на лѣво; другія иначе; отъ этого кровли имѣютъ настоящій видъ паркета.

Здѣсь живетъ Курскій Архіерей; Архіерейскіе Окопаны. Мы сочли долгомъ въ живости; и почтениемъ къ нему; явиться ему. Онъ самъ собрался къ намъ, свѣдавъ о нашемъ пріездѣ, и принялъ насъ очень ласково. Старецъ сей, 80 лѣтъ слишкомъ,

еще ласкает стадо свое и кротко поучивает одбытъ члвчѣ духовными. Юныи сиромышѣ, доброхоты, азы живыи нзы свѣтломъ обращенїи, робыи немагѣ можнои сказати, по Апостолу, Памлу, немарїи, улїи своєю софїей: Токво, подобаетъ намъ Архїерей: Мы и нѣ Были: упоищениа съ, оиѣишоу, благоскеленїица, безъ раскелнїи, прїидишой сѣйскелнѣи аладыкамы, фѣи душовнои, Бесѣдой, пастырскимїи, трудми; самъ онѣ водилѣ насъ въ свою Семинарию, глвснїи классы намъ показывалѣ; видно, что онѣ часто ихъ навѣщаетъ. Мальчики его, ннѣ, робїютъ, образъ пастыря, ихъ, и нѣи ѣ знакомѣ; они его встрѣчаютъ, онѣ, радостно, прощаютъ, съ, благословенїемїи Не, удовлетворенїи, оиѣи, Феохїистъ, посудилии, намъ, на загра, летїи служить обидни, по бесречно, для насъ, и прїимаснѣ, видѣтъ, него въ, одушевїи. Онѣ, иудити, тѣи, желанїи, цѣлему, нескромному, любовнїиоту, келдрое, отъ, мага, иѣ, петлами

И, глаголю, видѣтъ, свѣтїица, дародѣ, прѣстеленїи, Говнїиднїи: Онѣ, чаквора, донѣ, на, чабѣ, чїа, лумити, прїицо, Выпннумъ, а, не, роль, и прѣцѣ, Млнїи, прѣстеленїи, его, илннѣ, въ, намъ, мука, прѣстеленїи. Ннѣ, съ, днтурнїи, прїицнѣ, нн, дакой, суетности, а, прѣстеленїи, н, прѣцѣ, Божию, прѣцнїи, ко, лумнїи, дѣ, у, однего, дѣла. Самъ онѣ, освїицнїи, днннїи, деснїи, прѣцѣ, и прѣстеленїи, всегда, взорѣ, горѣ, и низводити, благословенїи, Божїе, безъ, жеманства, и, дѣловннїи, прѣстеленїи. Руки, ему, худо, служатъ, трасутъ, но, на, ногахъ, еще, бодръ. Въ, одннїи, его, илнѣ, вымысловъ, щегольства: оно, богато, но, просто. При, чтенїи, часовъ, онѣ, поставлалѣ, юношу, въ, иподїаконнїи; прїиѣтливостъ, его, къ, этому, отроку, пѣнїи, совершенно, прѣстеленїи; мальчик, не, толкалѣ, онѣ, не, теребилѣ, на, немъ, волосъ, какъ, сіѣ, часто, водилѣ, когда, пастырь, и, все, около, его, суетнїи. Феохїистъ, въ, старости, прѣстеленїи, посвящалѣ, на, служенїи, Богу, отрока; чувствнїи, днннїи, его, онѣ, немъ, молїи, воздннїи, рукъ, соединенїи, сихъ, двѣхъ, воорословъ, прѣстеленїи, въ, самоки, дѣстелнїи, что-то, трогателнннѣ, дннѣ, сердца, и прѣцѣ, одушевнннїи. Ннѣ, илннѣ, одбыты, прѣстеленїи, похѣтъ, благопрїистойннѣ, и, съ, вкусомъ, когда, запѣннїи, концертъ: «Готово, сердце, мое», и, пастырь, сообщалѣ, свѣтымъ, дарамъ, илнннѣ, было, видѣтъ, глвднѣ, на, образъ, его, и, благословенїи, всѣхъ, члвчѣ, одушевнннїи, что, подлинннѣ, готово, сердце, его, илнннѣ, вѣдаться, Господевннѣ. По, окончатннѣ, обиднннѣ, онѣ, сннннѣ, въ, Игу-

ментъ, и мылаа нитя. Въ бесѣдѣ онъ шутилъ, веселье и не скутъ на разговоры; въ цоринѣ истинный... святитель, а въ храмѣ сподвижникъ Христіанскій, въ свѣтѣ гражданствъ умный и обходительный. Вотъ каковъ показался мнѣ Феоктистъ. Онъ подарилъ мнѣ двумя книжками трудовъ своихъ, и я ихъ сократилъ, въ память его къ намъ пріязни. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, также старъ, какъ онъ самъ.

Семинарія не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: иностранныя языки, какъ то: Нѣмецкой и Французской, преподаются плохо. Есть и рисовальной классъ. Вошедъ въ него, Архіерей потребовалъ рисунокъ: одинъ подавъ птицу, и другой то же; старецъ улыбнулся. «За чѣмъ, оказалъ мнѣ съ лаской, вы все рисуете птицъ? Вы бы писали образа Святыхъ; ихъ бы распустили, а вамъ на обувь пригодилось, а за пернатыхъ вамъ ни чего не дадутъ.» Библіотека довольно хороша, не велика, но есть въ ней старинныя Латинскія и Греческія творенія. Съ удивленіемъ увидѣвъ я знамена въ школахъ. Ректоръ, Священникъ благодуховенства, изъяснилъ мнѣ, что это значатъ, съ которыми, во время духовныхъ процессій, каждый классъ выходитъ, нося передъ собой ему принадлежащій: здѣшній обычай!

Соборъ прекрасный, живопись вообще отбитая, хотя не новаго вкуса. Нельзя безъ особеннаго удовольствія глядѣть на

* Феоктистъ Мопудскій рд. за Днѣпромъ, учился въ Переяславѣ и Кіевѣ, гдѣ и постригся. Въ 1761 г. взятъ Законоучителемъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, съ 1767 Архимандритъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, за тѣмъ Харлампіева Гамалиевскаго, потомъ Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яновлевскаго и напослѣдокъ Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго; и съ тѣмъ выѣхавъ Администраторъ, 1775 г., Сызонской, нѣмъ Екатеринославской, Епархіи, по помощь Архіепископу, Греку Кассію Булару; въ 1784, переведенъ въ Троицкой Коллѣжнѣ монастырь; 1784 Епископъ Сѣвскій; 1787 Бѣлгородской Епархіи, переименованной, 1799 г., Курскою; съ 1801 Архіепископъ; нѣмъ ордена Анны 1-й и Александра Невскаго; скончался въ Бѣлгородѣ 1818 г., Апрѣля 30 дня. Писалъ и печаталъ довольно. Его «Краткое объясненіе Церковнаго Устава (М. 1800 и послѣ нѣсколько разъ съ поправками и дополненіями); было принято въ Духовныя Училища классическія». О. В.

Царскія врата въ предѣлѣхъ съ лѣвой стороны на нѣкѣ художника изобразилъ Иисуса, возвращающагося къ стаду своему съ заблудшимъ агнцемъ; Спаситель несетъ его на раменахъ своихъ; всѣ эпизоды картины чрезвычайно выражены; въблизи стадо овецъ, ждущихъ пастыря и обращающихъ къ нему жадныя лица; царѣніи его очи; вдали стѣны Іерусалима со всѣми нѣкѣ величїемъ; на лицѣ Христа живая радость: онъ обрѣлъ погибшую тварь, удалившуюся отъ стада. Мало глядѣть на эту картину; ее надобно, такъ сказать, внимать: она говоритъ нашимъ чувствамъ, трогаетъ сердце. Я не разумѣю красотъ живописи; природа отказала мнѣ въ чувствахъ сего изящнаго искусства. Но я, я самъ плакалъ, не снимая глазъ съ очаровательной этой картины. Живописецъ, который ее начертилъ, имѣлъ, конечно, не кисть одну въ рукахъ, но духъ и разумъ своего мастерства.

Въ алтарѣ большаго храма куполъ надъ престоломъ на столбахъ прекрасной работы и весь видѣтъ сквозь пространство пустоту, между ими в Царскихъ дверяхъ, которыя очень малы. Вообще весь соборъ очень хорошъ и достоинъ любознательства. Въ немъ портретъ Екатерины съ мѣдной подъ нимъ доской, на которой означенъ годъ ея адѣсы шестыя. Надъ уготованными въ то же время для нея Царскими мѣстомъ нынѣ видѣтъ портретъ Государя Императора Александра Павловича, потому всѣхъ Епископовъ Бѣлоградскихъ поставлены изображенія во весь ростъ по стѣнамъ церкви. Я глядѣлъ на это, какъ на диковинку, по тому что до тѣхъ поръ не видалъ еще ни чего въ церквахъ, кромя святыхъ иконъ. Наши Архіереи, какой бы, впрочемъ, по нашему здѣсь заключенію, праведной жизни ни были, не должны бы, кажется, изъ одной скромности, естли не изъ уваженія къ Дому Божію, ставить свои портреты тамъ, гдѣ покланяемелъ Василію Великому, Златоусту и вообще ликамъ Православныхъ Святыхъ; пусть бы духовные Владыки дарили свои списки въ галерею друзей, прїятелей и подчиненныхъ, но въ храмѣ увидѣтъ Епископа на стѣнѣ и въ кавалеріи, по мнѣнію моему, нескладно. Жаль, очень жаль, что я не могу въ семъ случаѣ добраго Θεокриста отдѣлать отъ его собратіи!

Между пастырями здѣшняго края былъ нѣкто благороднаго происхожденія, по имени Іоасафъ Горленко. Онъ построилъ

при соборѣ видѣлъ во имя Страшнаго Суда. Мистическая церковь. Всѣ въ иконостасѣ образа представляютъ что ни; будь вѣстое имя Апокалипсиса. По его соизволенію подъ храмомъ своимъ, въ нарочно отдѣленной палаткѣ, почитаютъ его мощи въ открытомъ гробѣ они дубляно не прославленны, но тайнымъ чудотвореніемъ оны почитаемы многими за Святаго. Я видѣлъ его, остатки: они удивительно сбереглись отъ тли и всякой порчи; руки его, сузъ какъ руки натуральнаго человѣка недавно умершаго; но оны нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ оныть. Проважія барыни, слушали по цемъ при насъ панциду.

Въ женскомъ монастырѣ, въ особыхъ кельяхъ, живетъ Грузинская Царица, на покаяніе сюда присланная. Я не знаю политическихъ причинъ ея заключенія, но по свободѣ, съ которой всѣ къ ней входятъ, зашелъ и я. Покоя ея не соотвѣтствуютъ ея прежнему званію: нивки, бѣдны и тѣсны, но въ монастырѣ и то дворецъ. Она приняла жесу мотѣ и имени съ благородною гордостью, считающею, что она себя вездѣ чувствуетъ. Ей лѣтъ 40; расту ея не великъ, ованна статная, лицо Азіятскаго кривоты нисомнение, говорить мало и черевъ переводчики. Она собранна въ себѣ весь свой маленькоіи статъ, на содержаніе котораго Дворъ отпускаетъ ей до 13 тысячъ рублей. Съ ней большая дочь ея, участвовавшая, какъ говорить, въ ея преступленіи. Она уже 20 лѣтъ, но не показала нивъ, подѣ предложомъ неадекватны. Меньшія дѣвч: вѣ; сытъ и дочь; еще ребята; оны ономъ и нилы, хробо воспитываются. Царица, для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ, держитъ Француза за 1000 руб. въ годъ; человекъ

...

* Юсафъ род. 1705 года въ городѣ Приаукѣ Полтавской Губерніи, отъ тамошняго Маломонаха, и названъ. Акимомъ, воспитывался въ Киевои Академіи, съ 1725 надѣлъ раскорь въ Межигорскомъ монастырѣ и названъ Иларіономъ; черезъ два года монахъ въ Братскомъ монастырѣ съ переименованіемъ въ Юсафа; съ 1728 Учитель Академіи въ продолженіи 3-хъ лѣтъ; 1734 Иеромонахъ, съ переводомъ въ Софійскій и Членъ Консисторіи; съ 1736 Игуменъ Лубенскаго монастыря, который старался возобновитъ послѣ пожара; съ 1744 Архимандритъ Троицкой Лавры; 1748, по назначенію Императрицы, Вицекопъ Бѣлогородскій; скончался въ Декабрѣ 1754 г., въ мѣстечкѣ Грайворонѣ, возвращаясь изъ Приаукы, послѣ свиданія съ родителями; въ Виллородѣ, и погребенъ въ ономъ 28 Января, 1755 г., въ ораторіи ономъ изъ для себя напечатанной кнѣжкѣ. О. В.

не молодомъ по наружному виду изрядный и хорошо занимающийся въ просвѣщеніи. Мы посидѣли у ней съ часъ и, набивъ голову множеству философическихъ размышленій, я съ ней расстался. Въ другой разъ видѣли ее у обѣдни, въ томъ же монастырѣ, изъ котораго она никуда не выходитъ, когда служилъ Архіерей. Царица очень богомольна; съ ней всегда ходятъ пречетныя дамы и ея двоюродной братъ, молодой человекъ, выѣхавшій съ ней изъ Отечества своего добровольно, по одной чистой любви къ Царскому дому. Онъ пользуется полною свободой, но жертвуетъ ею несчастной сего племени Царицѣ, пригожь, не безъ дарованія, чисто говоритъ по Русски и служитъ ей переводчикомъ; онъ посѣтилъ насъ на квартирѣ. Я очень доволенъ былъ его обращеніемъ. Въ церкви Царица стоитъ на мѣстѣ Настоятельницы, которое сія, конечно, изъ одной вѣжливости ей уступаетъ. Нарядъ не пышнъ, но драгоценный алмазный перстень на рукѣ удостовѣрилъ насъ, что она не безъ сокровищъ сошла съ престола. Дочери ея большой мы и въ церкви не видали: она слушала обѣдню за рѣшеткою.

Игуменя въ этомъ монастырѣ женщина очень расторопная и свѣтская. Мы заходили къ ней послѣ обѣдни, у нея посидѣли в тутъ отъ Θεоктиста принесли на продолженіе пути Святительское благословеніе. Игуменя, какъ привѣтилъ я, имѣетъ даже вліяніе и на мѣстное правительство: по уваженію ли къ сану ея, или по приверженности личной къ ней, но жители и чиновники города стремятся угодить ей и совѣтамъ ея пользуются; при всемъ томъ и она не сильна была споспѣшествовать отысканію похитителя нашей табакерки; видно, этотъ воръ расы не боится.

Скажемъ нѣчто здѣсь кстати о вѣстяхъ. Городничій здѣшній мнѣ свой; его не было въ городѣ на то время; я посѣтилъ его домашнихъ, и меня тутъ увѣрили, что я переведенъ въ другую Губернію, что уже Указъ не только состоялся, но даже и въ газетахъ выпечатанъ. Что жъ этого вѣрнѣе? Я очень задумался и просилъ, чтобъ мнѣ доставили Вѣдомости; но какъ-то оказалось послѣ, что этотъ номеръ пропалъ; а между тѣмъ я благополучно и съ удовольствіемъ воротился во Владиміръ. Какъ можно такъ выдумывать и ссылаться еще на газету, не боясь сличенія съ ней всегда удобнаго! Вѣрьте, пожалуйста, молвѣ.

Если у васъ на дорогѣ изломаются дрожки, или коляска, дожджайте какъ ни будь въ Бѣлгородѣ: здѣсь есть каретная дача и всякую повозку починять; какъ? за это не ручаюсь, но выѣзка такая же, какъ и въ Москвѣ, въ сараяхъ каретныхъ на Петровкѣ.

Поѣхавъ отсюда, вспомнимъ еще несчастную преступницу подъ вѣнцомъ и скажемъ ей заочно:

Съ престола въ пльнѣ попасть—ужасно,
Взвѣтъ и вдругъ подъ властью быть,
Вздыхать въ обители всечасно,
Среди своихъ злодѣевъ жить:
Судьба такая для Царицы,
Лишенной правъ, вѣнца, столицы,
Есть гнѣва Божія черта.
Стажь смеренна дуть въ свѣтѣхъ,
Убой умъ надгнѣванны острасти,
Познай, что все здѣсь суждено!

Познай, что тотъ, кто предъ тобою,
Тебя въ Тиволисѣ богомъ звалъ,
Шлила разумъ твой мечтою,
Себѣ щедротъ твоихъ искалъ;
Смотри, съ какими лужествами летали,
Когда тебя превозносили,
Какъ бы бессмертно существо!
Нося вѣнецъ почти полвѣка,
Ты все не выше человѣка;
Въ тебѣ то жь бренио существо.

Пришла минута Провидѣнья, —
И гласъ его тебя настигъ,
Умогли лести возглаголенья, —
И палъ престолъ въ одной мгнѣ.
Въ странѣ, отъ родины далекой,
Въ тоскѣ, въ унылости глубокой,
Сносить учися свой удѣлъ;
Молися, и праць скорбой сердечныиъ,
Въ своихъ щедротахъ безпомечныиъ,
Приближить блѣдъ твоихъ предѣлъ!

ГЛАВА XI.

Харьковъ.

Отъ Бѣлгорода до Харькова намъ цѣлая станція пришла въ накладъ и въ барышъ: за 25 верстѣ лишнихъ заплатили пошлину, за то скорѣй доѣхали. Какъ бытъ невѣрну маршруту такому, который берется отъ одного города Губенскаго до другого сосѣдняго? Однако здѣсь между Харьковомъ и Курскомъ всякой проезжающій платитъ пошлину за лишнюю станцію, и на это вотъ какая причина: Почты дѣлаютъ вычисленія верстѣ по разосланнымъ къ нимъ издавна Календарямъ; послѣ выпуска ихъ, по разнымъ соображеніямъ, стали мѣняться тракты, и найдены ближайшіе пути. Такъ точно и здѣсь: сблизили сообщеніе 25-ю верстами, но въ Календаряхъ сего не поправили, и знать о переѣвѣ ни кому не дали; и такъ путешественникъ теритъ напрасный убытокъ. Впрочемъ, кстати, говоря о семъ, здѣсь сказать, что вообще, во всю дорогу, я въ верстовыхъ исчисленіяхъ ни какой не нашелъ вѣрности, хотя маршрутъ мнѣ данъ былъ изъ Почтоваго же мѣста: видѣ версты прибавлены, видѣ нѣсколькихъ цѣтъ. Отсюда родится нѣкоторое своевольство между почтарями: они берутъ, что хотятъ; имъ платятъ, чего требуютъ; ни на что нѣтъ права—все по произволу. Сносно для человѣка достаточнаго, но бѣдной комиссіонеръ, курьеръ назенный, которой не можетъ дать больше опредѣленнаго ему числа, что ему дѣлать? Онъ дерется и насильно впрягаетъ лошадей.

До заставы проводили насъ Гг. Частный и Квартальный. Товарищъ нашъ, взглянувъ на нихъ, еще вздохнулъ по своей табакеркѣ. При выѣздѣ изъ города встрѣтили мы шайку передовленныхъ разбойниковъ: они стояли около этого Уѣзда. Въ компаніи съ ними, а ихъ человекъ до 30, два Дворянина, кои давали имъ пристанище. Изрядный способъ наживаться!

На Почтовомъ дворѣ, гдѣ мы обѣдали, я нашелъ картину любопытную: она представляетъ пеликана, питающаго трехъ щенцовъ своими; онъ пригвожденъ ко кресту, уязвляетъ себя въ

грудь и изливаетъ имъ собственную свою кровь; надъ ними горящее и прободенное сердце точитъ также каплями кровь въ чашу нашего спасенія; всюду около ея символическія надписи. Она мнѣ полюбилась. Странно находить мистику у почталлона. Я ее купилъ и привезъ съ собою, какъ находку.

Наконецъ въѣхали мы въ предѣлы Украйны. Зачалъ приходить мнѣ на память Панъ Хмельницкій и Мазепа. Здѣсь пресѣкаются искусственныя аллеи. Въмѣсто деревъ, на каждой верстѣ наметаны бугры земли, чайтельно для того, чтобъ не сбивались съ дороги обозы. Вездѣ безъ исключенія мазанки, нѣтъ другихъ жилъ. Появились Хохлы. Въ 28 верстахъ отъ Харькова деревня Липцы ими населена. Увидѣли мы образчики плодороднаго климата: на воздухѣ рождаются арбузы безъ всякаго садовническаго присмотра; для нихъ отведены изрядныя мѣста, и ихъ зовутъ бакши. Туда, въ своихъ нарядахъ и въ пестрыхъ юбкахъ изъ ковровъ, ходятъ бабы очищать сей плодъ отъ побочныхъ растеній. Мы нѣсколько сборищъ такихъ объѣхали. Это дѣлаетъ пріятную для зрѣнія картину. У насъ арбузъ закутанъ въ оранжевъ; одинъ садовникъ видитъ, какъ онъ рождается, растетъ и зрѣетъ, а мы только спросимъ его на столѣ, когда поспѣетъ, разрѣжемъ его и съѣдимъ: тутъ, напротивъ, ни что его не заслоняетъ и не прячетъ, всё его видятъ, натура его воспитываетъ, а хозяинъ любитъ его, и потому подбиваетъ имъ друзей своихъ.

Мы прибыли въ Харьковъ еще до захожденія солнца и съ трудомъ отыскали квартиру: все постольные дворы доброты и покойны; трактиръ совсѣмъ не хорошъ, Полиціймейстеръ по приказанію Г. Губернатора, намъ отвелъ ее у одного купца, и мы лишь только расположились, то я послалъ за В..., который мнѣ издавна хорошій пріятель. Онъ тотчасъ явился, и мы взаимно другъ другу обрадовались. Въ разговорѣ откровенномъ одна рѣчь цѣпляется всегда съ другою такъ, что бесѣда продолжается нечувствительно до глубокой ночи: точно такъ и мы подарили себя этимъ вечеромъ; а между тѣмъ я записалъ свѣдѣніями, куда на завтра ѣхать, что смотрѣть и чѣмъ заняться.

Естьли судить о породахъ по наружному ихъ виду, то Харьковъ не утѣшитъ: онъ расположенъ куда и видъ представляеть

самый пустынный; но въ немъ живутъ весело и любятъ угощеніе. Мнѣ всѣ очень обласкали, 23 числа день прекрасный для меня, день именинъ жены моей; я зачалъ тѣмъ, что пошелъ къ обѣдни, слушалъ ее въ Архіерейскомъ домѣ; его въ городѣ нѣтъ; злѣшній Епископъ, Христофоръ Сулима, живетъ въ 7 верстахъ, въ загородномъ домѣ. Говорятъ что онъ не любитъ общества. Я его, напротивъ, всѣмъ и всячески люблю; и такъ не разсудилъ къ нему ѣхать заводитъ знакомства. На что сближать два свойства совсѣмъ противоположнѣ? Въ церкви его, во время службы ни что особеннаго на себя вниманія не обратило, кромѣ двухъ портретовъ, Елисаветы и Анны, кои поставлены, одинъ противъ друго-го, на стѣнахъ, подъ сводомъ, отдѣляющимъ трапезу отъ церкви. Я не могъ равнодушно смотрѣть на такую противоположность: жизнь и смерть, улыбка кротости и блѣдная тиранія съ глазу на глазъ. Мнѣ простятъ, ради моего прозванья, маленькую дрожь при взглядѣ на грозную Анну. Ахъ, если въ мѣстахъ, посвященнѣхъ Божеству, могутъ, по естественному человѣку тщеславію, терпимы быть такія жертвоприношенія людямъ великимъ, то пусть уже ставятъ въ нихъ черты Антониновъ, Маркъ Авреліевъ, Елисаветъ, а времена Бирона не что наивысшій подвѣтъ самолюбиваго Христа?

Оамаромининъ съ Губернаторомъ утренній конѣ къ нему визитомъ, и очень доволенъ былъ его ласковостію. Онъ человѣкъ уже не молодой, опытенъ въ своемъ дѣлѣ, словоохотенъ и гостепріимства не чуждается. Онъ далъ намъ прекрасный ужинъ, о которомъ буду говорить ниже. Получивъ отъ него позволеніе на свободу, все осмотрѣвъ любовитное въ городѣ, я началъ чѣть ученыя заведенія, и попалъ очень счастливо на публичный экзаменъ.

* Сынъ Николаевскаго Полковника, служивъ въ гусарахъ Офицеромъ, потомъ постригенъ въ монахи и слушалъ Богословіе въ Кіевской Академіи, послѣ былъ Феодосіевскій Епископъ, а съ 16-го Октября, 1799 года, сдѣланъ Харьковскимъ, послѣ перенесенія катедры въ Бѣлгородъ; умеръ 18-го Мая, 1818 года. О. Б.

Г Л А В А XII.

Продолженіе.

При домѣ Архіерейскомъ учреждено издавна, подъ названіемъ Коллегіума, духовное училище. Основатель его, современникъ Петра I, Фельдмаршалъ Голлицынъ. * Родственникъ его, Графъ Румянцевъ, ** прислалъ сюда бюсты знаменитаго сего мужа и сына его, бывшаго Посломъ въ Вѣнѣ. *** Погрудн сѣмъ или бюсты стоятъ въ большой залѣ, и подъ первымъ слѣдующая надпись: «Чтите добродѣтель Голлицына!» При нѣмъ было, по порядку годичному, состязаніе въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ: они производятся на Русскомъ языкѣ съ примѣсью иногда Латыни. Нигдѣ я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія Латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ Малороссіянъ: выговоръ ихъ нѣбѣтъ

* **Князь Михайло Михайловичъ**, сынъ Воюина и Воеводы Курскаго, Кн. Мих. Андреевича, род. 1-го Ноября, 1675 года, сподвижникъ Императора Петра I-го: воевалъ 1702 г. Шлессельбургъ, разбилъ Шведовъ при Добрунѣ (1708), участвовалъ въ сраженіи подъ Львовымъ (1708) и подъ Полтавою (1709), преслѣдовалъ ихъ до Церевалочны, былъ въ Прутскомъ походѣ (1711), покорялъ (1714—1721) Финляндію до Лапоніи; съ 1723 года начальствовалъ войсками, расположенными въ Малороссіи; 1725 Генералъ-Фельдмаршалъ, а 1726 основалъ въ Карачевѣ Коллегіумъ, при содѣйствіи Бѣлгородскаго Епископа, Епископія Тихорскаго, укрѣпилъ за сѣмъ заведеніемъ озеро Песочныя съ хуторами; при Петрѣ II-мъ Председѣль Военной Коллегіи, Сенаторъ и Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (1728); при Аннѣ, за участіе въ сраженіи противъ нея, былъ отпущенъ, съ пречинами, отъ Двора и вскорѣ скончался, Декабря 10-го, 1730 года. О. Б.

** **Славный Румянцевъ-Задунайскій** женатъ былъ на одной изъ дочерей Князя М. М. Голлицына, род. 1725, ум. 1796 г. О. Б.

*** **Князь Дмитрій Михайловичъ Голлицынъ** род. 18 Мая, 1721 г., служилъ съ начала въ войскахъ до Генералъ-Майора, а съ конца Мая, 1761 г., впоследствии былъ Посломъ въ Вѣну, черезъ годъ (1762) Генералъ-Поручикъ, въ 1772 Дѣйств. Тайный Совѣтникъ; участвовалъ, въ 1781, въ заключеніи Императора Іосифа II-го къ морскому нейтралитету, а 1785 въ тайныхъ переговорахъ съ Кауницемъ касательно раздѣленія Польши; 1792 уволился, и 19-го Сентября, 1793 г., умеръ.

что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго. Ректоръ, управляющій сѣмъ заведеніемъ, изъ бѣлаго духовенства, особа умная и съ отличными познаніями. Между разными школьными предложеніями, дано было и то, что мнѣ сей есть совершеннѣйшій. «Вѣрю, но не убѣжденъ,» возразилъ я отцу Ректору; «ибо кто его сдѣлалъ такимъ, тотъ могъ его сдѣлать и лучше и хуже. Какъ вы объ этомъ думаете?»—«Я не смѣю, отвѣчалъ онъ мнѣ, назвать его совершеннѣйшимъ, но тому что хлѣбъ очень дорогъ.» Я посмѣлся этой причинѣ и понялъ, что ни кому не хочется спорить о томъ, что весьма трудно доказать можетъ умъ человѣческій. Знамена или значки, также какъ и въ Вѣлгородѣ, и здѣсь есть во всякой школѣ. Осмотрѣвъ Библіотеку, я замѣтилъ въ ней навпаче Лѣтописецъ Дмитрія Ростовскаго, Отче Нилъ на сѣхъ діалектахъ, Библію на 6 Восточныхъ языкахъ, съ Лексикономъ на столькихъ же, и тѣхъ же въ руководство къ переводу, и грамоту, пожалованную сему ученицу Императрицѣю Анной. Увидя тотъ почеркъ, которымъ нѣкогда подписана казнь моего дѣда, * я закрылъ глаза и бархатную книгу. Природа дышать мнѣ не дава свободы, и я нѣсколько мгновеній былъ въ трепетномъ ужасѣ.

Онъ отличался въ Вѣнѣ покровительствомъ ученымъ, особенно художникамъ, собралъ дорогую картинную галерею и основалъ Голшцынскую больницу въ Москвѣ; подъ сводами церкви этой больницы онъ и погребенъ. О. Б.

* Князя Ивана Алексѣевича, сына Князя Алексѣя Григорьевича, а внука Кн. Григорія Федоровича, брата славнаго Князя Якова Федоровича Долгорукаго; род. 1713 г. и воспитывался за границей; былъ любимцемъ Петра II-го, содѣйствовалъ паденію Князя Меншикова и, въ свою очередь, по смерти Государя, обручевнаго уже съ его сестрой, Екатериной, сосланъ, 1730 г., въ Березовъ, гдѣ прежде находился Меншиковъ, по повелѣнію Императрицы Анны Ивановны. До 1739 г. онъ былъ въ ссылкѣ съ женой своею, Графиней Натальей Борисовной Шереметевою, и прочими родными, и потомъ, по доносу роднаго брата своего (Александра), привезенъ въ Прогородъ и тамъ колесованъ 26 Октября. Изъ двухъ его сыновей, Князь Михайло Ивановичъ служилъ въ гвардіи Капитаномъ и потомъ былъ Почетнымъ Опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а Князь Дмитрій Ивановичъ отпущенъ съ матерью въ Россію и поздѣе умеръ въ Кіевѣ, постригшись тайно въ расофоръ. Князь Михайло Ивановичъ былъ отецъ сочинителя этого путешествія. О. Б.

Въ Харьковѣ, по новому образованію просвѣщенія, заведенъ также и Университетъ, * подъ попеченіемъ начальника того Округа, Графа Шотоцкаго. ** Соревнованіе между учеными приноситъ важную пользу учащимся: я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутахъ; ибо Студенты Университетскіе приходили съ Академиками въ Коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія, и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній. Пусть и здѣсь, по связи между собою, живучи въ одномъ городѣ, одни и другіе учителя снесутся заранѣе о предметахъ, для прѣвня заготовленныхъ, и выйдетъ изъ того хорошая комедія, наизусть вдушенная. Согласенъ: но для чего не повѣрить, что иногда и безъ обмана господа ученые другъ друга на диспутахъ пощиплютъ? Сравнивать силъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго, нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ.

Г. Рижскій, Ректоръ Университета, съ отиѣннымъ доброхотствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. *** Университетъ помѣщенъ въ Генераль-Губернаторскомъ домѣ, чайтельно, на время, по тому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ

---

* Въ 1803 году. О. Б.

** Графъ Северинъ Осиповичъ. О. Б.

*** Священническій сынъ города Риги, род. 1761 г., учился въ Исковской и Троицкой Семинаріяхъ; съ 1778 Информаторъ, послѣ Учитель Риторикъ; въ 1783 оставилъ Духовное званіе съ чиномъ Губернскаго Секретаря, но въ концѣ того же года получилъ кафедру Философіи, а черезъ годъ (1786) снова уволился въ свѣтское званіе и былъ Учителемъ въ Горномъ Корпусѣ; 1797 Секретарь Св. Синода, изъ коего опять, черезъ два года, перешелъ въ Корпусъ; 1804 поступилъ Профессоромъ Словесности въ новооткрытый Харьковскій Университетъ; съ 1809 г. Ректоръ его; скончался 1-го Апрѣля, 1811 года Коллежскимъ Совѣтникомъ и Докторомъ Философіи; былъ также Членомъ Россійской Академіи. Между прочимъ онъ издалъ Риторику (подъ названіемъ «Опытъ Риторикъ.» Спб. 1796; съ дополненіями въ Харьковѣ 1803 г.), бывшую нѣкоторое время руководствою въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ «Науку стихотворства.» Спб. 1810; «Введеніе въ кругъ Словесности,» тамъ же, 1806 г., и др. О. Б.

дѣйствию. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; снѣ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о селѣ новомъ заведеніи. Профессоры всѣ почти люди молодые; одинъ старикъ, Французъ, занимается преподаваніемъ изящной Латинской и Греческой Словесности; онъ же и Библіотекаръ; я имъ особенно занялся. При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенныя на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ нѣныя минуты такъ легкимъ, смѣю ли сказать? и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую ни будь остроу. * Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, книги его снабдили, есть также доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества.

Кабинетъ Минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза останавливаются съ удовольствіемъ на одной штуцѣ, которая представля-

---

* То былъ Яковъ Яковлевичъ Белень де Баллю, съ 8-го Декабря, 1803 года, Профессоръ Греческой и Французской Литературы; онъ же большею частию читалъ и Латинскую, а также завѣдывалъ Библіотекой. Отдѣленіе Нравственно-Политическихъ наукъ признало его Докторомъ. Онъ сынъ Адвоката, р. 1753 г., и до выѣзда въ Россію былъ Членомъ Парижской Академіи Надписей и Изящной Словесности (Academie des Inscriptions et Belles Lettres), потомъ Совѣтникомъ Монетнаго Департамента (Двора), Членомъ Национальнаго Института; во время революціи находился въ заключеніи 8 мѣсяцевъ, въ правленіе Робеспьера, по смерти коего освобожденъ безъ суда. Во Франціи извѣстенъ своимъ переводомъ Лукіана: «Oeuvres de Luciens, traduites du Grec, avec des notes historiques et critiques sur le texte et la collation des manusc. de la Bibl. du Roi, par Jac. Belin de Ballu. Paris, 1788, 8°, 6 voll. Въ 1807 г. онъ напечаталъ, при «Обзорѣніи публичныхъ чтеній Харьковскаго Университета,» извѣстіе о Греческихъ рукописяхъ Университета: «Notitia et descriptio aliquot codicum manuscritorum, quae reperiuntur in bibliotheca Universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret» (X р., 4°), и тогда же произнесъ, въ торжественномъ собраніи Университета: «Рѣчь о томъ, какое воспитаніе преимущественнѣе, общественное ли, или домашнее?» («Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée»). Въ 1811 г. перешелъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ. Жена и имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей. Умеръ 1815 г. Говорятъ, отличался основательной ученостью и даромъ преподаванія. О. Б.

еть аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всѣ въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ наилучшемъ порядкѣ. Зала Совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія Россійскихъ художниковъ: портреть Государя, потомъ Графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса Технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что, при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, Университетъ еще очень молодъ и новость его бытія очевидна повсюду. Ни какія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ: отъ того самаго и Коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ Университетомъ, и сей не оспоритъ тому естественнаго превосходства. Г. Рижскій, между рѣдкостями Университета, показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу; она отъ времени получала видъ пергамена. Я выпросилъ доскуточекъ, и взялъ его съ собой. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда нравилась подобному себѣ! Откуда попалась къ нимъ такая добыча, я не могъ доказательно узнать; но ужь ли въ ученомъ мѣстѣ солгутъ? Студентовъ человѣкъ до 60-ти. Медицинѣ учатся только двое, а Профессоровъ по сей части человѣкъ 12. Ясное доказательство, что казна ни чего не щадитъ для наукъ! Остается намъ самимъ хотѣть просвѣщенія: люди, дома и средства—готовы. Мнѣ не полюбилося, естли смѣю быть чистосердеченъ, одно то, что Студенты сами держатъ артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всѣ мысли обращать должно къ одной учености. Независимо отъ Университета, по общему статусу для Губернскихъ городовъ, есть въ Харьковѣ и Гимназія. * Въ нее ходили тогда 400 учениковъ.

---

* Учреждена, вмѣстѣ съ Университетомъ, вмѣсто Училища Прибавочныхъ Классовъ, основаннаго 1768, съ которымъ было соединено и Народное Училище, образованное 1-го Марта, 1798 г. Прибавочныя же классы состояли при Коллегіумѣ (къ преподаваемымъ наукамъ въ послѣднемъ прибавлены: Математика и Геометрія, языки Французскій и Нѣмецкій, рисованіе, а съ 1773 музыка и пѣніе). О. Б.

Попеченіемъ Университета разводится Ботаническій садъ, на который, разумѣется, навна дала и деньги и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ни чего нельзя; новое заведеніе, однако, для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часть времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ.

Между каменными строеніями нельзя не замѣтить одного дома частнаго обывателя, самой странной архитектуры: онъ круглый, какъ столбъ, и выведенъ въ два этажа. Жаль, что хозяину не дано, или самъ догадался его, не достроивать! Любопытно было бы видѣть, какъ онъ, отдѣлавши его, сталъ въ немъ жить.

Рѣка въ городѣ обыкновенно не хороша и бѣдна водою. При насъ только она показалась въ красѣ своей, по тому что запружена и гордится своимъ богатствомъ. *

Заведеніями Приказа здѣсь хвастать нельзя: все есть понемножку, но въ большой тѣснотѣ. Вы найдете и больницу, и безумный домъ, и инвалидовъ; вездѣ чисто и опрятно. Но помѣщеніе недостаточно. Мазанки, содержація всѣхъ сихъ страждущихъ и безумныхъ, въ развалинахъ. Я нашелъ между полоумными бѣшеннаго Титулярнаго Совѣтника на цѣпи и очень смирнаго Штабъ-Лѣкаря: послѣдній сидитъ тутъ съ 96 года, а меня, увѣрялъ, что онъ 5 лѣтъ только лишенъ свободы. Какое благополучное сумашествіе! И въ тяжкой неволѣ умѣть коротать время! Въ этомъ смыслѣ захотѣли бы многіе, но старые люди, подобно ему быть безъ ума.

Въ Больницѣ нашелъ я двухъ Турокъ съ ознобленными ногами. Одинъ Боснякъ, и хоть мало, но что ни будь умѣетъ мол-

---

* Въ Харьковѣ двѣ рѣки: Лопань и Харьковъ (или Харьковка) и протокъ Метечь. Значительнѣйшая изъ нихъ первая. Ф. Б.

зять по Русски, а другой Анатолецъ и ни слова не выговорить. Вообще въ городѣ ихъ челоѣкъ до 50-ти. Россійскія войска таровато надѣляютъ ими внутреннія наши провинціи. Одинъ изъ хворыхъ просилъ у меня не на водку, а на табакъ: охотники больше курить его: день и ночь трубки изъ рукъ не выходятъ.

Пора молвить о здѣшней публикѣ. Все то, что я видалъ въ домахъ Губернатора и Вице-Губернатора, * заставляетъ думать, что въ Харьковѣ безъ скуки можно проводить время. Общество людное, по настоящему лѣтнему времени, и очень хорошо собрано. Старый мой знакомый Вице-Губернаторъ далъ мнѣ обѣдъ, а Губернаторъ позвалъ на вечеръ; у него я и ужиналъ. Обоихъ сихъ Господъ супруги — дамы любезныя и съ навыками большаго свѣта. Гостепріимство въ обоихъ ихъ домахъ наилучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостію большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши: она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ томъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что дома ни того, ни другого, не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, цизки и для большой публики тѣсны.

Одна благородная дѣвушка, дочь тутошняго Чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепіано, не бездѣлки одиѣ: вальсы, пѣсенки, романсы; совсѣмъ нѣтъ, самыя мудренныя ноты разыгрывала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ: не многіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе. Заслушавшись, я увлеченъ былъ гармоніей въ горестныя и близкія еще ко мнѣ напаметованія. Мнѣ пришла на мысль дочь моя малая, Маша. Хозяйка увидѣла въ глазахъ моихъ слезы, и я, предваряя ея вопросъ, сказалъ: «Такъ точно дочь моя играла меньше года тому назадъ.» Закрывшись обѣими руками, она ушла прочь отъ меня. Я отдалъ смятеніе ея на счетъ чувствительности сердца, которое часто не умѣетъ и чужихъ переносить печалей. Не-

* Первымъ былъ въ то время Бахтинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и очень расположенный къ Университету, а вторымъ Муратовъ, умѣвшій ладить, въ особенности съ высшими. О. Ъ.

счастлива! Она сама оплакивала два мѣсяца смерть милого сына, которому было 20 лѣтъ. Оѣ эти явы не исцѣльны: ихъ и время не врачуетъ. Горести наши вездѣ съ нами путешествуютъ. Прости мнѣ, читатель, сію черту меланхоліи!

Губернаторъ встаетъ рано и, отдѣлавшись, опять спитъ въ жаръ полуденный; отъ того и ужинъ его не долго продержалъ гостей за полночь. Это совершенно на мой вкусъ: я худой товарищъ тѣмъ, кои ночь дѣлаютъ днемъ.

Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался. Уши мои и глаза обращались на множество предметовъ постороннихъ, и я не могъ ни на чемъ постоянныхъ остановить мыслей. Въ путешествіи все прельщаетъ, или занимаетъ: все ново, на все хочется взглянуть, всего послушать.

Быть было сегодня театру, но не состоялся за тѣмъ, что труппа какъ-то разстроилась. Полтава сманиваетъ къ себѣ актеровъ и актрисъ, и Харьковъ не можетъ напастись талантовъ, а скоморошества простаго стыдятся. И такъ я не ознакомился ни съ Талией, ни съ Мельпоменой, Украинской страны.

Зимою того года втекалъ въ Харьковѣ срокъ выборовъ, и къ тому же времени приготавлилось торжество по случаю грамоты, за миліцію Харьковскому Дворянству данной. Публика ждетъ на сей случай баловъ и зрѣлищъ театральныхъ.

Я вспоминалъ здѣсь, что нѣкогда объявлено было въ Вѣдомостяхъ о новомъ родѣ трубъ деревянныхъ, изобрѣтенныхъ въ Харьковской Губерніи для по́жаровъ. Я просилъ Г. Губернатора мнѣ показать одну, и я видѣлъ, что такое. Самое простое, окованное, деревянное лукошко съ придѣланнымъ насосомъ. Вода выжимается свободно и брызжетъ въ мѣру высоты обыкновенныхъ крестьянскихъ жилъ. Механизмъ самый легкій и немудреный. Цѣна всей трубѣ 10 руб. Что жъ можно имѣть за такую низкую плату? Естьли, глядя на него, вообразить тѣ трубы, за кои платится сотъ по восьми рублей, конечно, она покажется негодной: довольно и того, что дѣлаетъ ее Русской мужикъ, и дѣлаетъ дешево, и что во время огня она его заливаетъ:

Г Л А В А ХІІІ.

Выѣздъ изъ Харькова. Валки.

Здѣлавъ мои прощальные визиты, и кто знаетъ? можетъ быть на всегда, добрымъ Харьковскимъ жителямъ, кои меня наиболѣе приласкали, я, съ крайнею благодарностію начальникамъ здѣшнимъ, оставилъ городъ и выѣхалъ, отобѣдавъ довольно не рано у Вице-Губернатора, въ Ивановъ день, 24-го Іюня. Мы не спѣшили далеко уѣхать, лишь бы ночевать не въ полѣ. Отъ Харькова въ 59-ти верстахъ Уѣздный городъ Валки. Уже ли, думалъ я, не сыщемъ мы тамъ квартиры? Вотъ и предметъ нашъ на сегодняшний день!

Выѣхавъ изъ города, мы зачали чувствовать преимущества теплыхъ климатовъ. Сады съ грушами, бергамотами были для насъ первой диковинкой въ объѣзжаемой странѣ. Дорога гористая, за то мѣста для виду красивыя. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ устроены корчмы на образецъ Польскихъ, и Малороссійскіе шинки: веселый поселенинъ съ скрипичей, сидя у воротъ, наигрываетъ нѣжныя пѣсни и славить свою милую коханочку.

Харьковская Губернія славится богатой хлѣбомъ. Въ этомъ нѣтъ спора: однако винокуры истощаютъ ея запасы такъ, что когда въ одномъ Уѣздѣ хлѣбъ продается, тогда въ другомъ принуждены бываютъ жители покупать его извнѣ. Я слышалъ, что въ 1809-мъ году здѣсь такой былъ неурожай, что по 8 руб. покупалась четверть хлѣба. Какая высокая цѣна для Украйны! Не меньше странно и то, что теплый здѣшній климатъ часто занимаетъ у сѣвернаго его холодъ и вредныя непогоды для садоводства. Нынѣшній годъ (я говорю о 1810, въ которомъ мы тамъ были), стужа продолжалась такъ поздно, что 1-е Іюня здѣсь былъ морозъ и лежалъ на землѣ толщиной съ мѣдной пятакъ: всѣ жители согласно это утверждали. Чему же дивились мы, выѣхавъ изъ Володимира 31-е Мая, что тамъ безъ шубы выйти на воздухъ было нельзя! Но тамъ это часто и весьма обыкновенно, а здѣсь такъ рѣдко, что многіе подобнаго лѣта не помнятъ.

Въ Люботинѣ (деревня изрядная!) мы мѣнили лошадей; остановясь на минуту у почтальона, завели съ нимъ бесѣду: о чемъ же думаете вы? О симпатіи! Господинъ курьеръ называлъ этимъ словомъ связь свою, и связь весьма неплатоническую, съ какой-то женщиной, сообразно климату довольно плодотворной. Онъ имѣлъ отъ нея кучу ребятъ. Онъ любилъ и философствовалъ своимъ манеромъ. Едва не ближе ли чувства его къ натурѣ нашихъ! Мы въ палатахъ задумываемся, воображаемъ, а онъ, сидя въ мазанкѣ своей, смѣется и ощущаетъ. Пусть его зовутъ невѣжей!

Приближаясь къ Валкамъ на закатѣ яркаго солнца, послѣ душнаго и утомительнаго дня, мы въѣхали въ прекрасную долину: не грѣхъ сравнить ее съ Темпейской. О! какъ здѣсь намъ было хорошо и приятно! Она какъ нарочно убрана плодовитыми деревьями; оранжереи нашихъ вельможъ не дадутъ имъ такого благовонія, какимъ отъ сихъ деревъ накурень въ окрестности здѣшней весь воздухъ. Мы гуляли тутъ, дышали, жили въ прямомъ смыслѣ слова жить.

Повторилъ, и не въ послѣдній разъ на семъ пути, что путешествовать есть блаженство для души дѣятельной и страстной: тамъ видишь любопытное, тутъ прекрасное, видѣ плѣняешься, видѣ хочешь. Здѣсь, на примѣръ, на самой большой дорогѣ, видѣсто грани, кто-то вздумалъ выставить выдолбленную изъ камня фигуру: она такъ странна, что мы, не утерпя, выскочили изъ коляски и подходили ее разсматривать: съ боку видишь медвѣдя, а прямо—образъ женщины. Охота была кому ни будь такимъ уродствомъ, днемъ смѣшнить, а по ночамъ пугать пробѣжнихъ.

Очень уже было темно, когда пріѣхали мы въ Валки; и такъ города мы не видали; просили квартиры, но съ трудомъ нашли порядочную. Трактиръ занятъ весь Приказными, кои ходятъ сюда забывать по ночамъ выписки свои и справки около шаровъ, картъ и сладкой водки. Намъ грубая того дома хозяйка отводила одинъ бильярдъ. Какого ждать тутъ покоя! Городинчій, не давно пріѣхавшій на новое мѣсто, худымъ былъ намъ руководителемъ. Еслии вѣрить описанію, въ этомъ городѣ до 5-ти тысячъ душъ, но ни одной порядочной квартиры: все строеніе состоитъ изъ

мазанокъ, и во многихъ нѣтъ половъ. Съ трудомъ большимъ отважились мы занять на одну ночь домъ помѣщика тутошняго, Г. Без....., котораго не было дома. Въ покояхъ его все означаетъ человѣка зажиточнаго: у него мы и ночевали.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ въ хорошее утро, при благоравстворенномъ воздухѣ, прогуливаться безъ дѣлъ, безъ докучъ, въ полной свободѣ, въ саду, усыпанномъ плодами, рвать ихъ безъ скромности, ѣсть и класть въ карманъ и мечтать о золотомъ вѣкѣ, когда, говорятъ, вездѣ всѣ люди брали даромъ! Не правда ли? Позавидуйте же мнѣ, мои читатели: это было мое положеніе 25-го числа Іюня, 1810 года, въ прекрасномъ саду Господина Без., въ Уѣздномъ городѣ Валкахъ. Тутъ нѣтъ проспектовъ, Англинскихъ дорожекъ, подчищенныхъ деревьевъ: натура, одна натура, но въ самомъ своемъ цвѣтномъ платьѣ, обогащенная плодами, расточающая всюду свои благовопія. Сколько же я тутъ погубилъ у незнакомаго хозяина Шпанскихъ вишенъ, персиковъ! Морозъ не засталъ уже цвѣтовъ, а по тому и не испортилъ плода.

Между фруктами я нашелъ въ саду и азбуку. Мальчики, кои стерегутъ плоды, не отъ людей (отъ нихъ ни чего не убережешь), а отъ птицъ, и посылаются сюда съ трещотками гонять ихъ стукомъ. далѣе, эти юные стражи тѣмъ же временемъ грамотѣ учатся; а тѣ, кои на работу не посылаются, ходятъ учиться по Латыни въ школу. Все это не означаетъ ли домостроительства и распорядка?

Я не распространю описанія города: онъ немного значить; поѣдемъ далѣе, поспѣшимъ туда, гдѣ нѣкогда Петръ судьбу рѣшилъ своего Государства. Отсюда до Полтавы дорога вообще прекрасная и очень ровная; почтари возятъ чрезвычайно скоро; нѣтъ нужды ихъ погонять; но въ измѣреніяхъ верстъ вездѣ большое несходство: это уже примѣчено было мною. Маршруты Гг. Губ.... нигдѣ не сходны съ почтовыми: одинъ свое, другой свое число верстъ считаютъ; для проѣзжихъ это весьма сбивчиво. Приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ. Отъ Коломенковъ, * первая станція за Валками, до Войнихи заплатили

* Коломакъ? О. Б.

ны прогнаны за 28 верстъ, а довели насъ въ 1¼ часа. Бѣды мудрено! Что жь по справкѣ? Оказалось ихъ только 17. Подобныя тому ошибки встрѣчались весьма не рѣдко: кого винить, Богъ знаетъ!

Маленькой дождикъ освѣжилъ воздухъ, растворилъ сухую землю и обрадовалъ поселянъ: засуха ихъ беспокоила. Тотчасъ принялись за сѣнокосъ, но не ожидали хорошаго. Пахарь въ здѣшней сторонѣ деретъ землю плугомъ, и возитъ его на 6 волахъ, а иногда и болѣе. Тяжкая работа! Земледѣіе полезно, благородно и необходимо, но спина отъ него болитъ; и такъ, извинишь безпечность земледѣльца. Волъ есть живое изображеніе Хохла, который также скотенъ * и лѣнивъ. Если волъ не погонять, онъ простоятъ сутки, не сходя съ мѣста. Мнѣ случилось встрѣтить шестерню ихъ подъ сильнымъ плугомъ: ни волы, ни плугъ, ни хозяинъ не трогаются; тотъ уснулъ на походѣ; экипажъ, не чувствуя побужденія большаго хлыста, которымъ ихъ погоняютъ, сталъ, и все неподвижно. Я раскачалъ Хохла: онъ уже тутъ 2 часа дремалъ стоя; онъ почесался, зѣвнулъ, махнулъ прутомъ, и цугъ нашъ двинулся. Такъ-то живали и всѣ люди въ тотъ вѣкъ, который мы такъ завидливо отличаемъ названіемъ Патріархальнаго!

Г Л А В А XIV.

Окрестности Полтавы. Земляное строеніе.

Мы обѣдали сегодня подъ ветлой, близъ деревни Колемяковъ, гдѣ почтовая станція. Съ нами отдыхалъ обозъ большой съ сахаромъ: онъ шелъ изъ Бѣлева въ Молдавію. Казалось бы, на что тамъ сахаръ, гдѣ другъ друга рѣжутъ всякой день: однако, Русскому воину и за полчаса до смерти сладкаго пуншу стаканъ

* Не меньше, впрочемъ, и Великорусса, живущаго нерѣдко въ слѣшкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своей скотинкой. О. Б.

непротивенъ. Артель крестьянъ опорожнила при насъ цѣлый котелъ добраго пшена. Я имъ позавидовалъ: ихъ грубая пища гораздо была вкуснѣ нашихъ, такъ называемыхъ, Французскихъ хлѣбовъ, очень черствыхъ. Естли бы мужики поняли мои мысля, тогда бы они вѣрно сказали такъ: «Баринъ! Въ чужой рукѣ лопать всегда великъ.»

До Полтавы оставалось намъ двѣ станціи: Войнихи и Дуднихи. * Здѣсь нигдѣ уже нѣтъ большихъ селеній; повсюду одни уединенные хуторы; начинаются голыя пространства земли необозримыя, коимъ мы общимъ именемъ нарекли степи. Для проѣзжихъ учреждены Княземъ Куракинымъ, ** во время его уплавленія Малороссію, почтовые дворы. Недостатокъ лѣсу заставилъ прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ: дома сіи выстроены нигдѣ изъ сыраго кирпича и обмазаны потомъ известкой. Они въ два этажа и обведены оградой кирпичной, въ которой столбы изъ обожженного матеріалу. При домахъ тѣхъ конюшни и достаточные сараи: все это покрыто соломой. Видъ домовъ красивъ, но непрочны бывъ складены, подмазка съ нихъ летитъ, известь слухается, и они, конечно, безъ значительныхъ поправокъ, долго простоять не могутъ. Примѣтимъ еще и то, что выгодъ для путешественника не придумано ни какихъ, т. е., нѣтъ стола, на чемъ выпить чаю, ни стула, на чемъ присѣсть; голыя стѣны: есть куда войти, но нигдѣ отдохнуть; вода такъ отдалена отъ почтовыхъ домовъ, что ее

---

* Войниха или Войновка, и Дудниха или Дудниковка, Дудниковъ. О. Б.

** Князь Алексѣй Борисовичъ, р. 19-го Сентября, 1759 г., служилъ въ гвардіи, потомъ Камеръ-Юнкеръ, далѣ въ Канцеляріи Генералъ-Прокурора Князя А. А. Шлеескаго; за тѣмъ Камергеръ, Тайный Совѣтникъ (1793), Главный Директоръ Ассигнаціоннаго Банка, Генералъ-Прокуроръ (1796), Министръ Удѣльныхъ Дѣлъ, Казначей Россійскихъ Орденъ, Д. Т. Совѣтникъ (1797), Сенаторъ и съ 4 февраля, 1802 г., первый Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ (по образованіи Губерній Полтавской и Черниговской), снискавшій любовь управляемыхъ обращеніемъ, справедливостью, но жилъ пышно; съ 1807 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; 1811 Членъ Государственнаго Совѣта и его Предсѣдатель; 1826 Канцлеръ Россійскихъ Орденъ. Онъ присутствовалъ также, 1810 г., при бракѣ Наполеона, покровительствовалъ Сперанскому, и скончался 30 Декабря, 1829 г. О. Б.

достать трудно, и я въ первой разъ отъ роду въ Войнихахъ платилъ за ведро воды деньги. Полтава видна вереть за 30; къ ней старались также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рассадить аллеи, но деревья не принялись, отъ недостатка заботъ и попеченій объ нихъ, и вышла дорога, обсаженная голыми прутьями по обѣ стороны: это ни взоръ, ни мысль не забавляетъ; какъ будто сквозь строй ямщикъ гонить. На послѣдней перемѣнѣ, въ Дудникахъ, встрѣтился я съ проѣзжимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ того Барона Сакена, съ которымъ я вмѣстѣ былъ въ Финляндіи въ походѣ, вздохнулъ и подумалъ: «Какъ я старъ! Уже у моихъ товарищей сыновья рыщутъ въ кибиткахъ по всему бѣлу свѣту.»

Доѣхавъ до такого края, гдѣ природа вовсе не даетъ дровъ, не лишнимъ считаю приложить къ сей главѣ описаніе способа, комъ, при строеніи домовъ, замѣняется даже и кирпичъ: на обжигъ его предстоятъ равномѣрно большія затрудненія. Жители отапливаютъ хаты свои кизикомъ: такъ называется засушенный скотскій соръ. Омъ рѣжется кусками, какъ кирпичъ, и имъ разводять огонь. На немъ даже стряпаютъ и кушанье; привычный поваръ умѣетъ такъ съ нимъ обходиться, что духъ его не заражаетъ пищи и не трогаеть обонянія на столѣ. Тѣмъ же навозомъ обмазываютъ и стѣны въ нѣкоторыхъ домахъ по поламъ съ глиной. Способъ сей употребленъ въ построеніи почтоваго двора въ Войнихахъ. Вмѣсто свѣчъ, обыватели нижняго разряда, по хуторамъ, жгутъ овечій жиръ, растопя его и смѣшавъ съ малой частью настоящаго масла. Бѣдные люди! Однако и они живутъ, да еще иногда и весело: какого лучше сказать доказательства, что удовольствіе наше не столько въ наслажденіяхъ вѣшними предметами состоятъ, какъ въ насъ самихъ, въ собственныхъ силахъ нашего духа! Тихое сердце всегда къ радостямъ отверсто, чтобы ни входило въ наружныя двери нашего механическаго истукуна. Но оставимъ Философію.

Вотъ какииъ образомъ производятся набивныя строенія глиной: когда поставятся угловые столбы, на которыхъ положатся

---

* Собственно извѣстъ. О. Б.

два вѣнца, потомъ стропила, когда и вся крыша деревянная, земляная, или соломенная, окончится и вѣлаются для оконъ и дверей бруски отъ вѣнцовъ до земли, чѣмъ верхняя связь удобно поддерживаться можетъ, тогда всѣ промежутки между оконъ и дверей кругомъ строенія обиваются кольями, не рѣже какъ въ 6 вершкахъ. Верхніе концы кольевъ врѣзываются въ связь внутри строенія, а нижніе вкапываются въ землю на четверть аршина; потомъ готовится глина, хорошо смятая погами съ мелкою соломою, мякиною и навозомъ; сей смѣси должно быть почти на половину глины, или третья часть противъ оной. Тогда большими комами кидаютъ приготовленную глину въ стѣны между кольевъ, и съ обѣихъ сторонъ закласть стѣны нужно досками, дабы они были равны и удобно было глину набивать долблями, и такъ продолжать строеніе до верху. Когда доски отымутся и станетъ глина сохнуть и трескаться, тотчасъ трещины жидкимъ растворомъ изъ той же глины замазывать, что продолжаться будетъ не болѣе 10 дней; а когда совсѣмъ высохнетъ, то можно побѣлить известью, или бѣлою глиною, отъ чего, какъ для виду, такъ и прочности, сдѣлается строеніе красивое и отъ огня безопасное.

Узнавъ средство, такъ какъ мнѣ его изъясняли люди опытные и свѣдущіе, на самыхъ мѣстахъ, я не ручаюсь за пользу онаго; а самъ, увидѣвъ подобныя строенія, весьма колебался дать вѣру тому, чтобы оно было прочно и долговременно. Согласенъ, что сей способъ можетъ быть лучший изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ необходимостью, но то ли дѣло хорошая, плотная сосновая изба!

Г Л А В А XV.

Полтава.

Въ вечеру, около 8 часовъ, 25 числа, очутились мы въ Полтавѣ. Подѣзжая къ городу, пески умножаютъ нетерпѣливость видѣть его: нельзя скоро ѣхать; мы двигались шагомъ сквозь дубовой лѣсокъ, который, конечно, 100 лѣтъ назадъ былъ кустар-

никомъ. Я воображалъ, что около сихъ дней тогда здѣсь происходило: кровь, жупелъ и куреніе дыма!

Долго бы мы не нашли квартиры, но, къ счастью нашему, одинъ тутошній Чиновникъ, недавно служившій во Владимірѣ, попался мнѣ, какъ только въѣзжалъ я въ городъ: онъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ на встрѣчу. По благосклонному его попеченію, тотчасъ нанялъ я небольшой домикъ и расположился тутъ на три дня: въ дорогѣ это значить на житье.

Поздно было уже, и я не могъ никуда представиться; сверхъ того, я былъ никого не засталъ дома: здѣсь гостилъ Графъ Безбородько. ему давали праздники. * Въ этотъ вечеръ у здѣшняго помѣщика, Господина Кочубей, ** былъ для него загородомъ балъ, на который, отъ Генераль-Губернатора до послѣдняго значущаго лица, всѣ изъ города уѣхали.

Дневной жаръ произвелъ духоту въ комнатахъ: мы вышли на крыльцо и сѣли чай пить. Жена управлялась съ самоваромъ; Алексѣй, сынъ ея, *** дѣлалъ опыты надъ фонаремъ жестянымъ, ку-

* Графъ Илья Андреевичъ, меньшой братъ Свѣтлѣйшаго Князя Александра Андреевича, (р. 1746, у. 6-го Апрѣля, 1799 г.), р. 16-го Февраля, 1756 г.; служилъ въ походахъ противъ Турокъ (1773—1774); 1786 Генераль-Маіоръ; отличился при взятіи Измаила, потомъ въ Польшѣ; 1795 Генераль-Поручикъ; 1798 Д. Т. С. и Севаторъ; основалъ Гимназію Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, 1810 г., переименованную, 1834, въ Лицей Князя Безбородька; Графство получилъ 1784 г., Декабря 3, отъ Императора Юсифа II-го; скончался С.-Петербургскимъ Предводителемъ Дворянства, 3-го Іюня, 1813 г., и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Б.

** Д. С. С. Семенъ Михайловичъ Кочубей, бывшій (въ чинѣ Надворнаго Совѣтника) 1803—1805 Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. О. Б.

*** Князь И. М. Долгорукій былъ женатъ дважды: первая супруга его была Евгения Сергѣевна Смирнова, воспитывавшаяся въ Смольномъ и покровительствуемая В. Княгинями, Натальей Алексѣевной и Марьей Ѳедоровной, вышла замужъ 31 Января, 1787 г., ум. 12-го Мая, 1804; вторая—Аграфена Безобразова, товарка по воспитанію Евгениі, бывшая сперва замужемъ за Пожарскимъ, а потомъ, съ 13 Января, 1807 г., за Княземъ Долгорукимъ; отъ Пожарскаго имѣла нѣсколько сыновей. О. Б.

пленнымъ имъ въ Курскѣ и, раздувъ въ немъ свѣчу, любовался исправностию освѣщенія, а я, глядя на высокой и пушистой клень, который жилъ одиноко нѣсколько десятковъ лѣтъ на этомъ дворѣ и обнесенъ былъ, въ особенную честь ему, тоненькой рѣшеткой, я задумывался о своей родинѣ. Такъ уединенъ всякой тотъ, кто внѣ ея странствуетъ! Родина есть слово много выражающее; ни какой языкъ его не имѣетъ, одинъ Русской его сложилъ и чувствуетъ. Слово «отечество» подвержено толкованью, родина ни какому. Можно не имѣть отечества, родина есть у всякаго; извинительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ не любить отечества, по натурѣ слова; ибо не всѣ отцы дѣтямъ милы бываютъ; родина мила всякому, а холодность къ ней не въ естествѣ.

Здѣсь уже я почиталъ себя въ чужихъ краяхъ, по самой простой, но для меня достаточной, причинѣ: я переставалъ понимать языкъ народный; со мной обыватель говорилъ, отвѣчалъ на мой вопросъ, но не совсѣмъ разумѣлъ меня, а я изъ пяти его словъ требовалъ тремъ переводу. Не станемъ входить въ лабиринтъ подробныхъ и тонкихъ разсужденій; дадимъ волю простому понятію, и тогда многіе, думаю, согласятся со мною, что гдѣ перестаетъ намъ быть вразумительно нарѣчіе народа, тамъ и границы нашей родины, а по моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежатъ всѣмъ странамъ: ежели не по духу, они по навыкамъ—космополиты; ихъ нарѣчіе, слѣдовательно, есть общее со всѣми. Но, такъ называемая, чернь,—она опредѣляетъ живыя урочища между Царствами, кои политика связываетъ, и Лифляндецъ всегда будетъ для Россіи иностранецъ, хотя онъ и я одной Державѣ служимъ. Вотъ какъ я умствовалъ, или дурачился, какъ угодно, опоражнивая хорошую чашку Сибирскаго чаю.

Вдругъ ординарецъ на быстромъ конѣ на дворѣ, съ вопросами—и наша семейка пошевелилась. Первая атака любопытства обратилась на слугъ: «Кто сюда пріѣхалъ?»—«Князь Долгорукой.» «Откуда?»—«Изъ Владиміра.»—«Чинъ его?»—«Тамошній Губернаторъ.»—«На долго ли?» Люди мои этого не знали; пришлось выступить и мнѣ.—«На что тебѣ, мой другъ?»—«Велѣно узнать.»—«Отъ кого.»—«Отъ Генераль-Губернатора.»—«Доложи Его Сіятельству, что самъ завтра буду съ моимъ почтеніемъ.» Ординарецъ

далъ шпоры, и полетѣлъ, какъ соколъ. По скоку лошади можно было подумать, что на нашемъ дворѣ даромъ даютъ и овесъ и сѣно. Не прошло полчетверти часа, еще какъ допивалъ остатки моего жемчужнаго чаю, и явилась передъ нами на рундукѣ сестра моя родная съ мужемъ. *

Какъ я имъ обрадовался! Не даромъ я за часъ передъ симъ тужилъ о родинѣ. Богъ посылалъ мнѣ и въ чужой землѣ сладость этого небеснаго чувства: я облобызалъ ихъ. Они, зная по перепискѣ со мной, что мы ѣдемъ черезъ Полтаву, полагали, очень благонадежно, что я постараюсь быть сюда къ 27 Іюня, дню воспоминаемой здѣсь побѣды, и, не сказавъ мнѣ ни чего предварительно, прискакали, за 300 верстъ, изъ своей деревни видѣться со мною и перехватить меня на пути. Они уже были на балѣ у Кочубея, какъ я пріѣхалъ: вотъ и причина ординарцову набѣгу! Любить дано всѣмъ въ природѣ, но любить нѣжно и съ разборчивостію въ доказательствахъ, есть сокровище одной искренней привязанности. Мы провели весь вечеръ вмѣстѣ и до ночи темной проговорили. Чего намъ не доставало, чтобъ забыть, что мы не вовсе дома?—Пишемъ изъ Москвы.

Полтава разбита на крутой горѣ. Но сколько славенъ городъ, столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣяніяхъ, но сдѣлать городъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какой онъ быть? Рѣка весьма неважная; край бѣдной и степной.

При Екатеринѣ Полтава была Уѣздный только городъ. ** Въ немъ нѣтъ мостовыхъ; не изъ чего ихъ сдѣлать: ни камня, ни лѣсу; отъ этого въ сильные осенніе дожди, или вешніе, кражъ

* Помѣщикомъ Селецкимъ въ Черниговской, Полтавской и Кіевской Губерніяхъ. О. Б.

** Думаютъ, что названіе Полтавы встрѣчается въ первый разъ въ имени Лтава, близъ коей, на берегу Ворсклы, 1174 г., Игорь Святославичъ Сѣверскій, поразилъ Половцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство: «Того же лѣта (6682—1174), на Петровъ день, Игорь Святославичъ, совокуивъ полки своя, и ѣха въ поле за Ворьсколь (Ворьсколу), и срѣте Половцѣ, яже ту ловать азыка, изъгна ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславу, Игорь

земли естественно иловатѣй, скоро мокнетъ и даетъ жирную грязь, въ которой все вязнетъ. Я слышалъ, и не для шутки здѣсь

же, слышавъ то, поѣхъ противу Половцемъ, и переѣхъ Воръкозь у Лтавы (во Лтавѣ) къ Переяславу, и уарѣшася съ полкъ Половецкыми, и бѣ рать мала, и тѣмъ не утерпѣти стати противу Игоревъ, и тако побѣгоша, весь полонъ свой пометавше» (П. С. Р. Л. Ипат. стр. 107—108). Другіе увѣряютъ, что Полтава показывается лишь во 2-й половинѣ XV-го столѣтія, вмѣстѣ съ Глинскомъ, и оба принадлежали родоначальнику Князей Глинскихъ; наконецъ третьи говорятъ, что Полтава основана 1608 года Козакомъ Миргородскаго полка, Маслоу, зашедшимъ туда изъ подъ Голтвы, съ 6-ю семьями, и названа по рѣкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу. Бопланъ считаетъ Полтаву между старыми городками или мѣстечками, по имени коей назывался и Полтавскій полкъ, который встрѣчается въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ уже въ XVI столѣтіи. При Гетманѣ Разумовскомъ, 1763 г., Полтава, сверхъ главнаго города своего полка, была и городомъ Повѣтовымъ (Уѣзднымъ), а при уничтоженіи Гетманства (10-го Ноября, 1764), изъ 6-ти полковъ, бывшихъ въ цѣльнейшей Полтавской Губерніи, только Переяславъ да Полтава назывались городами, прочіе же—городками или мѣстечками. Въ 1764 и 1765 отчислены изъ Полтавскаго полка многія мѣстечки къ новообразованной (1764) Новороссійской Губерніи (изъ Новосербской области), а черезъ 10 лѣтъ (1785) и самая Полтава (съ Будищами и Решетловкой). Съ учрежденіемъ въ Малороссіи, въ 1782 г. (по Указу 16-го Сентября, 1781), 3-хъ Намѣстничествъ: Новгородскаго, Черниговскаго и Кіевскаго, по 11 Повѣтовъ въ каждомъ, къ Кіевскому отошли 8 (подъ именемъ Уѣздовъ), прочіе къ Черниговскому, съ оставленіемъ Полтавскаго полка по прежнему въ Новороссійской, и потомъ 1784 въ Екатеринославской; 1796, по Указу 30-го Ноября, 3 Намѣстничества составили одну Малороссійскую Губернію, съ главнымъ городомъ ея, Чернигомъ, и съ отчисленіемъ къ ней и тѣхъ мѣстностей, кои отошли было къ Новороссійскому, послѣ Екатеринославскому, Намѣстничеству. Напослѣдокъ, 9 Сентября, 1801 г., велѣно изъ Малороссійской Губерніи составить двѣ: Черниговскую и Полтавскую, Военнымъ Малороссійскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ въ той и другой, съ управленіемъ и Гражданской частію, Генералъ отъ Инфантеріи С. К. Вязмитиновъ, который, обозрѣвая ихъ, донесъ, что онъ «находить нужнымъ одному изъ Губернскихъ городовъ быть на сѣверѣ, а другому на югѣ Малороссіи,» т. е., въ Черниговѣ и Полтавѣ. Конечно, выгоды для Полтавской Губерніи было бы имѣть столь свой въ Лубнахъ, какъ срединномъ городѣ ея, но слава битвы подъ Полтавой, виновницы могущества Русскаго Царства, склонила всѣхъ на сторону Полтавы. По этому Марта 9-го, 1802 г., и была открыта Полтавская Губернія: въ нее вошли первоначально только 10 Уѣздовъ, а послѣ еще 5 (Константиноградскій, Кобеляцкій, Зиньковскій, Миргородскій и Лохвицкій), и первымъ Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ Князь А. Б. Курявинъ (см. выше стр. 60, примѣчаніе). О. Б.

передаю, но за мѣстную истину, что иногда дамы, приглашаемыя на балъ, или чей либо праздникъ, не могутъ на 4 лошадахъ доѣхать: все тонетъ среди улицы—и животныя и повозка. Что жъ? Припригаютъ воловъ, и Полтавская щеголиха, въ бриліантовыхъ ожерельяхъ, довершаетъ на нихъ путь свой!

Образъ построения домовъ здѣсь такой же, какой описываю я въ предыдущей главѣ, съ прибавленіемъ особаго щегольства: оно состоитъ въ томъ, что когда глиной обмажутъ стѣны, натычутъ въ нихъ маленькіихъ камешковъ, чтобъ ими больше связать подмазку, и потомъ обольютъ извѣсткой или обштукатурятъ, это скроетъ всѣ недостатки въ отдѣлкѣ дома; но тотъ, въ которомъ я стоялъ, не былъ еще выбѣленъ; и такъ онъ представлялся испещренъ камешками, какъ будто лицо въ оспѣ: видъ не казистой; впрочемъ, домамъ стараются дать хорошіе фасады.

Князь Куракинъ весьма старался сдѣлать изъ Полтавы въ маломъ видѣ Петербургъ, и большія имѣлъ къ тому средства. Казна отворяла ему всегда свою широкую кису. Онъ надѣлалъ здѣсь бульваровъ и тротуаровъ изъ какого-то ломкаго щебня, набивалъ ихъ пескомъ; отъ этого въ сухое время въ городѣ пыль столбомъ. Всѣ такія затѣи несообразны были съ мѣстомъ, бѣдны, низки и, какъ Французы говорятъ, mesquin. *

Гостинный дворъ деревянный и въ самомъ жалкомъ состояніи; лавки ниже тѣхъ, въ коихъ книгами Церковными торгуютъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту; сидятъ въ нихъ по большой части бабы; товару мало и все неважной.

На площади выстроены рынокъ очень опрятный и со вкусомъ: тутъ мѣняютъ всякую монету. Жиды въ Полтавѣ начинаютъ съ вами знакомиться, и по тому не совѣтую что ни будь власть на открытое окошко. По улицамъ вырыты, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ, колодцы: они очень хорошо отдѣланы и чи-

---

* Скупы, скупы. О. В.

сты; навѣсы столярной работы и выкрашены. Это очень убирать городъ и весьма полезно.

Вотъ первыя и общія черты Полтавы. Въ слѣдующей главѣ помѣстятся предметы особеннаго въ ней примѣчанія.

Г Л А В А XVI.

Монументъ.

Непосредственно за Полтавой слѣдуютъ продолжительныя степи. Князь Куракинъ предположилъ тутъ поставить монументъ въ честь Петру I-му, и быть виновникомъ сего памятника. Прирѣзалъ къ городу кусокъ большой степи и образовалъ площадь. Она, такъ сказать, какъ особое что-то, пришта къ городу, и тѣмъ дѣлаетъ старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ея весьма великолѣпна. Представьте себѣ величайшихъ каменныхъ зданій числомъ до 9-ти, въ три и не ниже двухъ этажей, въ новомъ самомъ вкусѣ. Здѣсь помѣщаются: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Присутственные Мѣста, Почтамтъ, въ домѣ котораго на время расположился Генералъ-Губернаторъ, за неотдѣлкой внутри назначеннаго для него дома. Все это стало Казнѣ слишкомъ до милліона руб. На мѣсто Гимназіи, которая въ томъ же округѣ быть должна, но еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, преждевременно сдѣланъ щитъ, представляющій домъ въ два этажа съ красной крышкой, въ томъ самомъ размѣрѣ и по той фасадѣ, какіе даны для настоящаго зданія. Это тѣмъ больше обманываетъ глаза, что ни кто себѣ вѣрно не вообразитъ, вмѣсто дома, одинъ его дощатый портретъ: эта игрушка, думаю, также не бездѣлицы стоитъ, по своей огромности въ безлѣсномъ мѣстѣ. Я на сей счетъ оставляю всякаго отважнаго критика дѣлать примѣчанія, какія ему угодно; для меня довольно удостовѣрить, что это не сказка, а сущая истина, которую я лично видѣлъ и осязалъ.

Внутри этой площади, самой величавой и огромной, земля изсѣчена вся дорожками и надолбами, на подобіе цвѣтника, съ оставленіемъ приличнаго пространства для подѣздовъ къ каждому зданію; по срединѣ возвышается памятникъ Великаго Царя. Онъ уже отдѣланъ, но при насъ еще былъ подъ шатромъ; за-вѣсь сей сорвется съ него, когда праправнукъ прикажетъ. Это не мѣшаетъ предварительно его осматривать: любопытство такое ни кому здѣсь не возбраняется. Я видѣлъ эту круглую и высокую колонну: она сдѣлана изъ чугуна, и пожаловать изволилъ ее Государь; на ней бронзовые разные военные трофеи; столбъ сей основанъ на широкомъ помостѣ изъ, добываемаго вблизи Кременчуга, въ слободкѣ, именуемой Келеберда, * дикаго камня, который въ отдѣлкѣ такъ хорошъ, что не уступаетъ настоящему порфиру; гранитъ Петербургской, употребленный на Казанскій соборъ, менѣе его цѣны и красоты имѣетъ. Помостъ обнесенъ вокругъ рѣшеткой съ позолоченными бронзовыми перилами, а въ выемкахъ по три ступени для входа на оный. Въ самой подошвѣ этого памятника сдѣланы на всѣ стороны отверстія, въ кои пропущены пушечныя жерла и кажется, какъ будто бы на нихъ основалась вся эта архитектурная масса разныхъ украшеній. Надписей, относительныхъ къ предмету, нѣтъ ни какихъ. Съ одной стороны выставленъ съ позлащенными цифрами годъ знаменитаго сраженія, на другой годъ воздвиженія колонны; обѣ сіи эпохи обнесены золотыми змѣями кольцеобразно, а ниже ихъ, такими же яркими буквами, читается слѣдующая надпись: «Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина.» На вершинѣ столба бронзовый орелъ, распростря крылѣ, готовится парить къ небесамъ, возвѣстять Оливу славу Полтавскихъ дѣлъ. Монументъ безъ всякаго прекословія прекрасенъ; зданія, его облегающія, пространная площадь—безподобны въ своемъ родѣ; но когда видишь сквозь каждое окно, сквозь каждую дверь изъ любого дома, чистую, ненаселенную стену, поражающую безъ посредства взоръ твой, то невольно пожалѣешь о худомъ выборѣ мѣста для такихъ значущихъ издержекъ: монументъ одинъ стоитъ до 100 тысячъ, кромѣ

---

* Нынѣ мѣстечко. О. Б.

чугуну и бронзы, которыя Государь сверхъ того, какъ слышалъ я и уже сказывалъ, пожаловать изволилъ городу. *

Сравнить осмѣлимся, однако, съ этѣмъ пышнымъ и богатымъ убранствомъ новой колонны, старый памятникъ, который былъ сдѣланъ при церкви Самсонія, самаго того Святаго, въ день коего Петръ одолѣлъ своего упорнаго супостата. Это не что иное, какъ бѣлый каменный простой столбъ, изрядной вышины, пирамидальной фигуры, на которомъ, въ мѣру человѣческаго роста, дабы всякъ могъ ее видѣть, вѣзана мѣдная доска, изображающая всю баталію и движеніе полковъ; тутъ вы видите Петра I-го, Карла XII, и всѣ ихъ храбрые вои. Любопытный могъ всматриваться въ того и въ другого, и видно, что безъ всякой бережи, даже руками, къ нимъ прикасались; по тому что лица обонхъ Государей цвѣтъ истинный потеряли и даже черты нынѣ изгладились. Подъ картиной на той же доскѣ вѣзаны стихи немудренныя, но приличныя. Памятникъ сей поставленъ иждивеніемъ нѣкоего Господина Марченки. ** Хвала ему во вѣки за любовь къ подвигамъ! Пусть позволятъ миѣ признаться, что эта старина, почернѣвшая отъ времени, для меня гораздо была величественнѣе новомодныхъ затѣй нашего вѣка; по крайней мѣрѣ, и самой простой гуляка пѣшеходъ, хоть мало знающій грамотѣ, могъ себѣ изъяснить, что это представляетъ и на что этотъ столбъ; ученый, сравнивая искусственный видъ съ естественнымъ мѣстоположеніемъ, могъ преслѣдовать всюду за Петромъ ожесточеннаго Шведа и участвовать живымъ образомъ въ славѣ

---

* Памятникъ сей поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Комендантъ Полтавы, Полковникъ Келлингъ, встрѣтилъ Петра I-го, при торжественномъ въѣздѣ его въ городъ послѣ битвы. Стоитъ посреди бывшей круглой площади Присутственныхъ Мѣстъ и окруженъ четырехгранной площадкой, огороженной и обсаженной дересьями (тополями) и кустами, находящейся въ вѣдѣніи Кадетскаго Корпуса (послѣ Военной Гимназіи). Памятникъ заложенъ 1804 года, Іюня 27-го дня, а открытъ 1809. Постройка его, кромѣ бронзовыхъ украшеній, стоила 135,000 рублей бумажками. О. Б.

** Марченка, Полтавскаго жителя. Памятникъ его находится напротивъ Гостиного ряду, среди улицы. О. Б.

соотчичей. Тутъ убитые, раненые, пѣхота, конница; тутъ вырѣзано все: и всоръ пламенный Петра, и упрямое Карлово чело, а въ новомъ зодческомъ зданіи славной сей побѣды увидитъ орла, чугуна, бронзу, гранитъ, и, сказавши: «Ахъ! Какъ это все хорошо!» принужденъ будетъ спросить: «Что это такое?»

ГЛАВА XVIII.

Полтавское торжество.

Гдѣ не празднуется Полтавская побѣда въ Россіи? Во всякомъ селеніи, конечно, поются благодарныя Господу Богу молебствія; но нигдѣ Богослуженіе сіе годичное такъ не дѣйствуетъ на чувства, какъ здѣсь. Вотъ какъ оно производится:

Въ небольшомъ разстояніи отъ Полтавы, въ виду города, среди обширныхъ полей и, по сказаніямъ народнымъ, на самомъ мѣстѣ битвы, насыпанъ большой курганъ земли. Подъ нимъ похоронены тѣла защитниковъ Отечества, погибшихъ подъ Полтавой. Самъ Петръ I-й присутствовалъ при семъ печальномъ событіи; армія живыхъ погребала армію своихъ мертвецовъ, и курганъ сей донынѣ сохранился. Надъ нимъ, въ знаменіе ратоборной славы, воздвигнутъ высокій крестъ. Нынешній Генералъ-Губернаторъ приказалъ его обшить жестью и вызолотить, отъ чего изъ большой отдаленности холмъ сей видѣнъ. Это мѣсто называется «Могила.» * 26 числа томный вечерній колоколъ возвѣ-

* После пораженія Шведовъ Петръ I-й велѣлъ всѣ трупы убитыхъ похоронить и насыпать надъ ними курганъ или могилу, похожую на гору, известную въ народѣ подъ именемъ «Шведской могилы,» хотя въ ней скрывается прахъ только Русскихъ воиновъ, 1345 человекъ; убитые же Шведы зарыты были въ особыхъ ямахъ, которыя совершенно сглажены временемъ. Могила эта насыпана не вдалекѣ бывшихъ тогда Русскихъ укрѣпленій (редутовъ), въ 5-ти верстахъ отъ города, близъ большой Зиньковской дороги. Первоначально сдѣланы были двѣ могилы, одна для Офицеровъ, а другая для нижнихъ чиновъ,

щаетъ городу, что время наступило отдать годичный долгъ признательности воинамъ, за Вѣру здѣсь убіеннымъ; всѣ Чиновники и обыватели города выѣзжаютъ на «Могилы.» Каждый служащій членъ общества надѣваетъ для этой церемоніи свой мундиръ: самъ Генераль-Губернаторъ присутствуетъ при оной. Поелюку здѣшній Архіерей не живетъ въ Полтавѣ, * то на панихиду выѣз-

---

и надъ ними уже выведенъ высокій холмъ, на которомъ Петръ самъ водрузилъ крестъ, съ надписью: «Вонны благочестивые, за Благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.» О. Б.

* Но въ Переяславѣ, въ который, съ конца X-го столѣтія, перешелъ было на пребываніе и второй Митрополитъ Кіевскій, Леонтій, и именовался Митрополитомъ Переяславскимъ и Русскимъ. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «Бѣ прежде Переяславъ Митрополія, живяху множае тамо Митрополиты Кіевскые и всея Русіи, и Епископы поставляху тамо.» Но особая Епархія Переяславская учреждена въ XI-мъ вѣкѣ, Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, съ подчиненіемъ Кіевской Митрополіи. Первымъ ея Епископомъ былъ Николай, ум. 1072 году. После Татарскаго погрома, въ коемъ убитъ былъ Епископъ Переяславскій, Симеонъ (1239 г.), Епархія сія перестала существовать, со смертію Епископа Феодора, скончавшагося въ 1269 г. Въ началѣ XVIII вѣка (1700) Епархія Переяславская возобновлена, и Епископъ ея, Захарій Корниловичъ (1700—1715), сдѣланъ былъ вмѣстѣ и Викаріемъ Митрополіи Кіевской, коишъ былъ и преемникъ его, Кирилъ Шумлянскій (1717—1726), а съ Іоакима Струкова (1727—1730) Епархія эта сдѣлалась отдѣльной, съ названіемъ Переяславской и Боршпольской, что продолжалось до 1775 года; Епископы въ это время были въ ней: Арсеній Берло (1733—1744), Никодимъ Сребницкій (1745—1751), Іоаннъ Козловичъ (1753—1757), Гервасій Ляцевскій (1757—1769), Іовъ Базилевичъ (1770—1776), Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785). Съ 1775 г. Уѣзды Полтавскій, Кобеляцкій и Константиноградскій составили часть новоучрежденной Архіепископіи Славенской и Херсонской (изъ Губерній Новороссійской и Азовской), съ пребываніемъ Архіепископамъ ея въ Полтавѣ, коишъ были Греки: Евгеній Булгаръ (1775—1779) (проживавшій съ 1779 по 1787 въ Полтавскомъ монастырѣ, а за тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 1806), Никифоръ Θεотокій (1779—1786), переведенный въ Астрахань; дагѣ Амвросій Серебрянниковъ, изъ Епископовъ Олонецкихъ, именовавшійся уже Архіепископомъ Екатеринославскимъ (1786—1792) и Мѣстоблюстителемъ Екзархіи Молдавскійской (ум. въ Полтавѣ); Гаврилъ Банулеско, изъ Митрополитовъ Молдавскійскихъ съ 1793 по 1798, когда получилъ повелѣніе перейти в Новомиргородъ съ Консисторіей и Семинаріей. Съ 1775 по 1785 Епархію Переяславскую составляли должъ Переяславскій и нѣкоторые церкви за Днѣпромъ въ

жаетъ Крестовоздвиженскаго монастыря Архимандритъ съ отборнымъ свѣтскимъ духовенствомъ. Отправлялъ ее при насъ Аполось, старичекъ простодушный и монахъ совсѣмъ нежеманный. Онъ имѣетъ въ служеніи права Ставроуигіальныхъ Настоятелей, т. е., нѣкоторыя преимущества Архіерейскаго чина. Тьма народа обступила курганъ. Время было прекрасное, жаръ, неумѣренный.

Между заѣзжими зрителями были: Графъ Безбородько, Г.Г. Судіенко и Луб... Панихида началась въ 6 часовъ по полудни; всѣ слушали ее въ молчаніи, и когда возглашалась вѣчная память, сія унылая пѣснь, раздѣляющая на вѣки живаго съ мертвымъ, я не могъ удержать своихъ движеній. Мысль меня перенесла за столѣтъ назадъ: мнѣ казалось, что я вижу гробы воиновъ отверсты; что кости ихъ, сокрушенныя временемъ, еще сохранили запахъ того пороха, который окурилъ послѣднія секунды ихъ бытія. Я мечталъ энтузіазмъ сихъ патріотическихъ мучениковъ, не устыдился пасть на землю и приложить уста свои къ сей нерукотворенной ихъ надгробной.

По окончаніи духовной церемоніи всѣмъ присутствовавшимъ подносили кутью. Всякой въ самомъ простомъ нарядѣ изъяслялъ

Польскихъ владѣніяхъ, а полгя Полтавскій, Гадацкій, Миргородскій, Лубенскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Кіевскій отошли къ Епархіи Кіевской. Въ семь же 1785 г. изъ Малороссіи образовали новыя три Епархіи: Кіевскую, Черниговскую и Переяславскую; Епископы послѣдней стали опять Викаріями или Коадьюторами Кіевскими, именно: Викторъ Садковскій (1786—1793), Дмитрій Устимовичъ (1793—1795) и Амфилохій Леонтовичъ (1795—1799); тогда же Уѣзды: Прилуцкій, Роменскій, Глинскій, Лохвицкій, Гадацкій и Зиньковскій поступили въ составъ Епархіи Черниговской, а прочіе остались при Кіевской. Въ 1798 г. учреждена еще разъ въ Переяславѣ вторая Малороссійская Епархія, къ коей отошли и Уѣзды, находившіеся въ вѣдѣніи Славенско-Екатеринославской Епархіи. Въ Епископы ея назначенъ былъ Сильвестръ Лебединскій, вызванный въ Астрахань Епископомъ Антоніемъ Румовскимъ, былъ тамъ Ректоромъ Семинаріи, 1794 переведенъ въ Свіяжскій монастырь, 1797 Ректоръ Казанской Академіи; по открытіи же, въ концѣ 1803 года, Полтавской Губерніи, открыта изъ ея Уѣздовъ 1804 и Полтавская Епархія, съ наименованіемъ, Епископовъ ея Полтавскими и Переяславскими и мѣстопребываніемъ въ Переяславѣ (1799). Такими были, послѣ Сильвестра (переведеннаго въ Астрахань Архіепископомъ

знаки умиленного чувства. И гдѣ благородная душа можетъ достойно разсточать даръ чувствительности, какъ не въ такомъ, вѣками прославленномъ, мѣстѣ? Князь Куракинъ, бывъ здѣшнимъ начальникомъ, учредилъ или, лучше сказать, установилъ при семъ

(1807), черезъ годъ уволившагося и умершаго, 1808 г., въ слободѣ Ровенькахъ Воронежской Губерніи, на пути въ Глуховской монастырь, 5-го Ноября): Теофанъ Шіяковъ-Чернявскій, р. въ Китайгородѣ Кобеляцкаго Уѣзда, учился въ Киевской Академіи, Архимандритъ Нѣжинскій и Новгородъ Сѣверскій, 1798 Ректоръ Черниговской Семинаріи, съ 1800 Викарій Киевскій, 25-го Января, 1807, Епископъ Полтавскій; ум. 23 Генв., 1812 г., и погребенъ въ Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ. Анатолій (Андрей) Максимовичъ, изъ села Усовки Переяславскаго Уѣзда, обучался въ Переяславской Семинаріи, а потомъ въ Петербургской, гдѣ съ 1790 былъ Учителемъ Познн и Греческаго языка въ Невской Академіи, Священникомъ Спасо-Сѣнновскимъ, 1809 Архимандритомъ и Ректоромъ Семинаріи; 21-го Марта, 1812 г., Епископъ Полтавскій, 1816 Архіепископъ Минскій, а 1836 Симбирскій, гдѣ и скончался 1842. Меоводій Писнячевскій, р. въ селѣ Сулимовкѣ Переяславскаго Уѣзда (по другимъ въ Остролучьѣ), отъ Священника, 1774 г., въ мѣрѣ Михайлѣ, учился въ Киевской Академіи, изъ коей отправленъ въ Московскій Университетъ, потомъ съ 1806 г. былъ Учителемъ въ Академіи Киевской Познн и Математики, черезъ 3 года монахъ, Префектъ Академіи, черезъ 5 лѣтъ истребованъ Синодомъ въ Петербургскую Семинарію для преподаванія Философіи съ званіемъ (1810) Баккалавра и Инспектора Семинаріи, 1811 Архимандритъ и Ординарный Профессоръ, 1812 Ректоръ Семинаріи; 1813 Епископъ Старорусскій и Викарій Новгородскій; 7-го Февраля, 1816, Епископъ Полтавскій; Іюля 27, 1824, Архіепископъ Астраханскій, а черезъ годъ Псковскій; по слабости зрѣнія уволенъ на покой въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1845. Георгій Ящуржинскій, р. въ Подольской Губерніи, Ректоръ тамошней Семинаріи, съ 1824 Епископъ Полтавскій, съ 30 Сентября, 1830, Архангельскій, а потомъ Архіепископъ Тобольскій, ум. 1849. Названнаго (въ свѣтѣ Василій) Павловскій, р. Архангельской Губерніи въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, воспитывался въ Петербургской Духовной Академіи, 2-го выпуска Магистръ (въ спискѣ 8-й), съ Іюля, 1817, Баккалавръ ея (Герменевтики и Обличительнаго Богословія), съ Мая, 1819, Инспекторъ, съ 1 Іюля, 1821, Ректоръ Ярославской, потомъ Петербургской Семинаріи, 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Архіепископъ Псковскій, сконч. 1848. Гedeонъ (въ бѣльцахъ Егоръ) Вишневскій, р. Бронницкаго У. въ с. Кутузовѣ, Московской Губ., учился въ Перервинской Семинаріи, потомъ въ Петербургской Духовной Академіи, Магистръ ея 7 выпуска (17-й), съ 1823 монахъ, съ Іюля, 1825, Игумень, Профессоръ Философіи и Инспекторъ Рязанской Семинаріи, 1827 Архимандритъ и Ректоръ ея, 1828 Подольской; 1834, Іюля 24, рукоположенъ въ Москвѣ въ Епископа Полтавскаго; съ 1844, Марта 25, Архіепископъ; скончался

издавна существующемъ богослуженіи всю ту пышность въ образахъ наружныхъ, какая прилична столь знаменитому историческому дѣйствию, и она съ тѣхъ поръ неприкосновенна.

Я всходилъ на самую вершину холма, осматривалъ окрестности. Гордый видъ монастыря Воздвиженскаго меня плѣнилъ совершенно. Меня сопровождали рассказчики историческихъ происшествій. Всякой говорилъ свое; но, соображая положеніе двухъ войскъ, замыслы того и другого, естественныя выгоды, убѣдительно можно увидѣть, что Петръ I-й, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ былъ разбить своего врага и быть виновникомъ настоящаго торжества. Здѣсь-то бы, кажется, и быть монументу!

Жаль, что у насъ потерялось уваженіе ко всему достохвальному. Повѣрить ли кто ни будь, что на крестѣ, о которомъ говорено выше, я нашелъ всякія подписи, Русскія и Французскія, ни мало не отвѣтствующія побудительной причинѣ: весь крестъ изчерченъ стихами и прозой—и что за стихи! Подъ нѣкоторыми, забывъ весь стыдъ и благопристойность, иные даже имя свое от-

Октября 10, 1849 г., въ с. Абазовкѣ Полтавскаго Уѣзда и погребенъ въ Лубенскомъ монастырѣ. По его-то представленію мѣстонабываніе Епископовъ Полтавскихъ перенесено, въ 1847 г., изъ Переяслава въ Полтаву. По немъ Епископы Полтавскіе: Іеремія Соловьевъ, р. въ Орловской Губерніи, Студентъ Петербургской Академіи 7-го выпуска 1827, съ 1829 г. Архимандритъ и Бакалавръ Богословія; 1830 Экстра-Ординарный Профессоръ Философіи и Инспекторъ Кіевской Академіи, 1839 Ректоръ ея, 1841 Викарій, 1843 Епископъ Кавказскій, 1849 Полтавскій, въ концѣ 1850 Нижегородскій; съ 1858 г. на покой въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ. Наваянъ Савченко, р. въ Курской Губерніи, воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ получилъ степень Магистра, съ Декабря, 1825, Бакалавръ Нѣмецкаго языка, потомъ Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 монахъ, 1834 Архимандритъ и Ректоръ сперва Подольской, потомъ Костромской Семинаріи, 1845 Епископъ и Викарій Ревельскій и (1850) Старорусскій, съ 1851 г. Полтавскій, а съ Сентября, 1860, Архангельскій. Александръ Павловичъ, р. въ Уманьскомъ Уѣздѣ Кіевской Губ., учился въ Кіевской Академіи, 1817 Діаконъ, 1820 Священникъ, 1841 Протоіерей, 1853 монахъ и Архимандритъ Соловецкій; съ Ноября, 1857, Епископъ Архангельскій, съ Сентября, 1860, Полтавскій; съ Октября 11, 1862 г., на покой при Кіево-Софійскомъ Соборѣ. Іоаннъ Петичъ, р. въ Орловской Губ., учился въ Кіевской Академіи, былъ Намѣстникомъ-Архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, а съ 23 Декабря, 1862 г., Епископъ Полтавскій и Переяславскій. О. Б.

важнимъ подписать. Естли подь стѣнами Полтавы Россіянами не чтится имя Петрово, или искажается залогъ признательности народной къ его подвигу, то что осталось для насъ святаго во вселенной?

Чтобъ дать отдохновеніе чувствамъ сердобольнымъ, Кн. Лобановъ-Ростовскій * пригласилъ отсюда многихъ съ собой на прогулку въ ближній садъ къ какому-то обывателю. Тутъ набѣжало дамъ и дѣвушекъ множество; все пустилось съ могилъ въ этотъ садъ, и

---

* Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. 23-го Марта, 1760 г., отъ Ротмистра конной гвардіи, служилъ первоначально въ Семеновскомъ полку до Капитана; въ 1784 Камеръ-Юнкеръ, 1793 Дѣйствительный Камергеръ, 1794 Оберъ-Прокуроръ 5-го Департамента Сената, 1797 Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Прокуроръ Департаментовъ Сенатскихъ Московскихъ, Почетный Членъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Управляющій театромъ, 1801 Сенаторъ 8-го Департамента; съ 1808 г. второй Генераль-Губернаторъ Малороссіи, послѣ родственника своего, Князя А. Б. Куракина (по матери, Екатеринѣ Александровнѣ, урожденной Княжнѣ Куракиной), 1811 Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ; въ 1812 г. образовалъ 17 Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, которые расположилъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ Губерній Черниговской и Могилевской, и вѣдѣлся самъ при нихъ; 22-го Февраля, 1816 г., уволенъ отъ управленія Малороссіей и пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ 20-го Апрѣля Предсѣдатель Комиссіи Прошеній, 1819 Предсѣдатель Департамента Законовъ и Членъ Комитета Министровъ; 1829 Оберъ-Камергеръ; ум. 18 Января, 1831 г.; отличался любовью къ правдѣ, за что былъ многими не любимъ, но всѣми уважаемъ; за глаза хвалилъ, въ глаза не одобрялъ, что не моль хвалить. Послѣ его управлялъ Малороссіей Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, какъ Военный Губернаторъ, завѣдывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и Гражданскою частью; онъ былъ сынъ Генерала отъ Кавалеріи, Князя Григорія Семеновича Волкоускаго и старшей дочери Генераль-Фельдмаршала, Князя Николая Васильевича Репнина, Статсъ и Кавалерственной Дамы, Александры Николаевны, и получилъ эту фамилію по смерти дѣда своего, не имѣвшаго сыновей; р. 28 Января, 1778 г., учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, 1792 г.; служилъ въ Измайловскомъ полку; съ 1795 былъ въ Польшѣ, 1797 Флигель-Адъютантъ; 1799 въ Голландіи съ Ферзеномъ; 1800 Полковникъ; съ 12 Июля, 1801, сталъ называться Княземъ Репнинымъ; 1802 женился на дочери Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Варварѣ Алексѣевнѣ, принесшей съ собою 17 тысячъ душъ крестьянъ въ Губерніяхъ Полтавской, Черниговской и Нижегородской, что съ его составило около 20 т.; подь Аустерлицемъ тяжело раненъ и плѣненъ, освобожденъ самимъ Наполеономъ и отправленъ къ Государю съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній; съ Сентября, 1806, Генераль-Маіоръ, 1809 Посланникъ при Вестфальскомъ Дворѣ, 1810 при Мадридскомъ, 1812 Начальникъ 9 кавалер. дивизіи, 1813 г. (20-го Февраля) занялъ Берлинъ; въ Мартѣ Генераль-Адъютантъ; съ 8-го Октября

какое прекрасное мѣсто! Чего природа не произвела? Деревья най-прекраснѣйшія, какихъ мы у себя не видимъ; прозябенія, одному здѣшнему краю свойственныя. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ полуденнымъ нашимъ границамъ, тѣмъ съ большими удовольствіемъ примѣчали успѣхи растительнаго царства; чернокленъ и ясень въ здѣшнихъ мѣстахъ безподобны. Хозяинъ сада потчивалъ все свое общество чаемъ, прохладными напитками и мороженымъ; слухъ нашъ услаждала стройная духовая музыка; замѣтить должно, что въ этотъ день въ Полтавѣ баловъ не бываетъ и не танцуютъ. И подлинно, странно бы было срыгнуть съ могилы въ садъ и вальсировать. День скрылся, и мы разъѣхались всѣ по домамъ. Въ моей квартирѣ родство и пріязнь доставляли каждому изъ насъ полное удовольствіе жизни.

Говорили, что этотъ садъ или лѣсъ, въ которомъ мы гуляли, продается на срубку за 30 тысячъ; вся публика о семъ

Генералъ-Губернаторъ Саксонскаго Королевства по 26 Октября; съ 5го Марта, 1814, Генералъ-Лейтенантъ; 1815 участвовалъ во второмъ походѣ во Францію, а съ 22 Июля, 1818 г., Малороссійскій Начальникъ; 1828 Генералъ отъ Кавалеріи; въ 1831 г. образовалъ 8 Козачьихъ полковъ, а супруга его учредила 1818 г. Институтъ для благородныхъ дѣвицъ; съ 6 Декабря, 1834, Членъ Государственнаго Совѣта, и тогда же оставилъ Малороссію; съ Июня, 1838, жилъ за границей (въ Италіи и Швейцаріи); 1842 воротился въ мѣсто свое, мѣстечко Яготинъ (Пирятинскаго У., Полтавской Г.), гдѣ и скончался 7-го Января, 1845, и похороненъ въ Густинскомъ монастырѣ, близъ Прилуки, гдѣ также похоронена и супруга его (ум. въ Москвѣ 10 Октября, 1864). Репинъ пользовался необыкновенной привязанностью къ нему Малороссійанъ; открытій, пылкій и ласковый, онъ владѣлъ даромъ слова шуточно и на пьюмѣ. Съ 31-го Декабря, 1834, по Іюль 1835 г., былъ Полтавскимъ и Черниговскимъ Военнымъ Губернаторомъ Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ, Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, также съ управленіемъ и Гражданскою частію. Съ 1-го Декабря, 1835 г., по Ноябрь, 1836, Генералъ-Губернаторомъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи, Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, преемникомъ коему былъ, съ 12-го Ноября, 1836, по 1840, Генералъ-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, а за нимъ слѣдовалъ, съ 28 Января, 1840 г., Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи Рязя Николай Андреевичъ Долгорукій, сконч. въ Харьковѣ 11-го Апрѣля, 1847 г.; послѣдній же Генералъ-Губернаторъ сихъ Губерній былъ Генералъ-Адъютантъ Сергій Александровичъ Кокошкинъ, съ 30-го Апрѣля, 1847, по 1856 годъ; съ тѣхъ поръ сими Губерніями стали править одни только Гражданскіе Губернаторы. О. Б.

жалѣть, да и по причинѣ весьма правильной: здѣсь роца—кладъ; гдѣ, кромѣ ея, сыскать отъ зноя убѣжище и прохладу? Впрочемъ, одна натура его убирала: онъ ни какого щегольства не получилъ отъ искусства и роскоши.

27 числа здѣсь, какъ и во всей Россіи, поется торжественный молебень, въ Соборномъ храмѣ. Соборъ ни новъ, ни старъ, всего есть смѣшенные признаки. * Обѣдню отправлялъ и молебень тотъ же старичекъ, Архимандритъ. Надобно ли сказать, что всѣ Чины ее слушали? Въ храмѣ во время службы ставятся всѣ цеховые знаки: они похожи на знамена и удваиваютъ великолѣпіе обряда; они же выносимы были на канунѣ и къ могиламъ. Хорошо, если бы сохранилось здѣсь хоть одно изъ тѣхъ военныхъ знаменъ, кои выражали въ вензеляхъ Петровыхъ, на нихъ нашитыхъ, силу и могущество сего исполина.

Во всякомъ городѣ свои обряды. Духовныя церемоніи хотя бы не должны были сему правилу слѣдовать, однако и онѣ разнообразны. Здѣсь, на примѣръ, 1-е, Евангеліе, по прочтеніи его, подносится ко всѣмъ почетнымъ лицамъ, и къ нему прикладываются. 2-е, Діаконъ, во время Достойной пѣсни, не внутри алтаря токмо, на и внѣ, кадить предстоящихъ. 3-е, въ большой выносъ поминаютъ всѣ состоянія и чины, такъ точно, какъ то дѣлается Архіереями. 4-е. Архимандритъ служитъ по Архіерейски, но осѣняетъ одной рукой, хотя въ обѣихъ держитъ подсвѣшники. ** 5-е, Во всей Малороссіи всѣ монахи, носящіе митры, имѣютъ надъ

* Во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенный 1770 года прихожанами, при содѣйствіи Андрея Горленка, послѣдняго Полтавскаго Полковника. О. Б.

** Архимандритъ этотъ есть Настоятель Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго 1650 г. первымъ Полтавскимъ Полковникомъ, славнымъ Мартыномъ Пушкаремъ (стало быть, Полтавскіе Полковники до него по лѣтописямъ едва ли не на бумагѣ только существовали?), при содѣйствіи Полтавцевъ, Ивана Искры и Ивана Крамаря, а также Лубенскаго Мгарскаго монастыря Игумена Каллистрата. Въ немъ съ 1775 по 1798 г. пребывали Архіепископы Славенскіе и Херсонскіе, потомъ Екатеринославскіе, а съ 1803 стали управлять Архимандриты, которые, по Указу Св. Синода (1803 г., Мал 1 дн), служатъ въ митрѣ, съ осѣнительными свѣщами, на выходѣ великой ектеніи не выходятъ, но принимаютъ дары въ Царскихъ вратахъ, съ рипидами, на коврѣ, а на скрижаляхъ мантии носятъ справа Георгія Побѣдосеца, а слева Сампсона Странноприимца, въ память побѣды подъ Полтавой,

ними еще и крестъ. Я замѣтилъ этотъ обычай, или преимуще-ства здѣшняго духовенства, но не нашелъ любопытнымъ для себя изслѣдовать его начала. Обѣдню пѣли очень протяжно собор-ные пѣвчіе изъ Приказныхъ; предіку говорилъ одинъ изъ бѣ-лыхъ Священниковъ, весьма продолжительную, но ни по содержа-нію ея, ни по слогу, не заманчивую. Такимъ образомъ кончилось здѣсь знаменитаго того дня церковное торжество. О веселостяхъ городскихъ буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Скажемъ нѣчто о здѣшнемъ соборѣ. Князь Долгорукій-Крым-скій, бывая здѣсь иногда по зимамъ, когда командовалъ 2-ю ар-міей, усердствовалъ отлично къ этому храму, и много тутъ его приношеній, до нынѣ сохранившихся. Потомки его въ томъ со-ревнуютъ равномерно. Вездѣ видѣвши на пути въ Малороссію портреты многихъ знаменитыхъ особъ въ гражданствѣ на церков-ныхъ стѣнахъ, не дивился уже и здѣсь найдя Князя Василья Михайловича изображеніе. Но что меня въ новое и несказанное привело изумленіе, это гербъ его, написанный на самомъ иконо-стасѣ, внизу подъ образомъ Спасителевымъ. О! какъ это мнѣ показалось неприлично! Я чту память сего героя и моего осо-беннаго благодѣтеля, творца, такъ сказать, судьбы моей. * Но, признаюсь, если бы имѣлъ на то право, велѣлъ бы этотъ гербъ смарать. Атрибутовъ свѣтскихъ съ духовными никогда смѣши-вать, по мнѣнію моему, не должно: Слава Божія и слава чело-вѣковъ суть столь же разнородны, какъ небо и земля.

---

* Сынъ Д. Т. Сувѣянна и Сенатора, Князя Михайла Владимировича, р. въ Іюлѣ 1722 г., участвовалъ 13 лѣтъ солдатомъ во взятіи Перекопа 1736, также 1737 въ нападеніи на Очаковъ; съ 1748 Полковникъ и совершилъ походъ въ Прус-сію, за что получилъ чинъ Генераль-Поручика; при Екатеринѣ II-й Генераль-Ан-шефъ; 1771 начальствуя отдѣльными войсками (38 т.), покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли (15—29 Іюня), за что получилъ Георгія 1-й степени, а въ 1775 г. званіе Крымскаго; съ 11-го Апрѣля, 1780, по 30 Января, 1782 г., когда скончался, былъ Главнокомандующимъ Московскимъ. Въ это-то время сочинитель сего путешествія началъ свою службу причисленіемъ къ штату Главнокоманду-ющего Московскаго, что по нынѣшнему тоже значило, что состоятъ въ свѣтѣ, за тѣмъ произведенъ въ Секретаря, черезъ что получилъ чинъ Поручика. Главнокомандующій собирался было сдѣлать его своимъ Адъютантомъ, но не успѣлъ, по случаю кончины своей. О. Б.

Г Л А В А XVIII.

Богоугодныя заведенія.

Желалъ бы ихъ похвалить, но льстить не умѣю. Они всѣ разсыяны по разнымъ флигелямъ, на одномъ дворѣ; нѣкоторые дома выстроены изъ настоящаго кирпича, другіе изъ сырцу съ навозной примѣсью, и сіи послѣдніе, чаятельно, скоро провалятся. Въ самомъ внутреннемъ содержаніи ихъ не нашелъ желаемаго порядка: безумные всѣ въ одной комнатѣ, и хотя они кажутся быть смиренными, но положиться на человѣка безъ смысла не всегда, кажется, благонадежно. Горницы для недужныхъ не имѣютъ довольной высоты, и тѣсно поставлены кровати, даже по двѣ рядомъ. Это тѣмъ болѣе вредно, что свойства болѣзней перемѣшаны, и хоть надъ каждою кроватью ярлыкъ, однако больной на ней лежитъ совсѣмъ противный означенной вывѣскѣ: такъ, на примѣръ, прилипчивыя болѣзни смѣшаны съ горячками.

Въ одной связи съ Больницей устроена изрядная Богодѣльня. Комната для родильницъ хороша, но, кажется, не придумано довольно средствъ къ тому, чтобъ скрыть потаенныя родины женщины, удаляющейся отъ огласки.

Аптека въ городѣ одна, и та казенная: она въ прекрасномъ состояніи. Я видѣлъ въ ней, кромѣ богатаго собранія травъ и медикаментовъ, нѣсколько уродовъ, въ банкахъ хранящихся, какъ въ человѣческомъ родѣ, такъ и разныхъ животныхъ. Ботаническій садъ заведенъ, но не давно и еще разрастается. Подъ одной крышкою со всѣми заведеніями выстроена изъ сырцу Лабораторія и покрыта драпью. Я не изслѣдываю, къ чему сіе относить должно, но смѣю думать, и однимъ словомъ, безъ пространныхъ разсужденій, сказать, что это опасно, слѣдовательно, и не хорошо. Всѣми отдѣленіями этихъ домовъ управляетъ Полковникъ отставной, Князь Эривовъ.

Полтава, какъ и многіе другіе города, имѣетъ также Военный Воспитательный Домъ; тутъ человѣкъ до 90 Дворянъ и куп-

цовъ обучаются разнымъ наукамъ, содержатся на ногѣ солдатской и готовятся къ военному состоянію. Статъ ихъ положенъ на 50 человекъ; излишніе суть свободные пансіонеры и принимаются за условную цѣну: дѣти живутъ тѣсно, воздухъ сжатъ и нездоровъ, однако домъ каменный и довольно большой. Дѣти спятъ въ шкапахъ, изъ конхъ выдвигаютъ кровати, и потомъ, когда приберутся, то въ комнатахъ ихъ не видно; это способствуетъ простору въ тѣснотѣ, но сколько заводится гаду! Генералъ-Губернаторъ сказывалъ мнѣ, что онъ самъ невыгоду замѣтилъ и отпустилъ уже деньги на покупку желѣзныхъ кроватей. Въ Дѣтской Больницѣ очень тѣсно и душно. Особыхъ учителей здѣсь нѣтъ; воспитанники берутъ уроки у проходящихъ изъ Гимназіи, которая и въ Полтавѣ есть; * ибо безъ нея не найдете города, такъ какъ безъ часовни не пройдешь въ здѣшнемъ краю селенія. Этой школой управляетъ одинъ отставной Офицеръ красавскихъ полковъ; имени его не помню; онъ славенъ здѣсь напаче тѣмъ, что перевелъ Енеиду на Малороссійскій языкъ. **

---

* Основанная въ 1808 г.; вскорѣ за тѣмъ открытъ былъ при ней «Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ.» То и другое сперва помѣщались въ зданіяхъ Почтамта, послѣ перевода его въ Черниговъ. Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, послѣ открытія, въ 1841 г., при Гимназіи Благороднаго Пансіона, пересталъ существовать, часть же воспитанниковъ перешла въ послѣдній. Теперь Гимназія помѣщается въ зданіи, построенномъ для нея 1861 г., а въ прежнемъ находится Пансіонъ. О. Б.

** Это Иванъ Петровичъ Котляревскій, р. въ Полтавѣ 1769 г., Августа 29: отецъ его былъ Канцеляристъ Полтавскаго Магистрата, а дѣдъ—Дьяконъ тамошней соборной Успенской церкви. Котляревскій воспитывался въ Полтавской Духовной Семинаріи, училъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, потомъ служилъ въ Сѣверскомъ карабинерномъ полку, съ 1-го Апрѣля, 1796, по 1808 годъ, въ коемъ вышелъ Капитаномъ съ мундиромъ. 1810 поступилъ, по приглашенію Генералъ-Губернатора, въ Надзиратели Дома воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, гдѣ и получилъ чинъ Маіора; съ 1827 былъ еще и Попечителемъ Полтавскаго Богоугоднаго Заведенія; въ той и другой должности находился до выхода въ отставку 1835 г.; отличался замѣчательнымъ умомъ и добродушіемъ, и принадлежалъ въ лучшимъ Малороссійскимъ писателямъ. «Его Енеида,» перевѣданная на Малороссійскій языкъ—неподражаема; замѣчательны также, на Малороссійскомъ же: опера «Наташка Полтавка,» и водевилъ: «Москаль чирівникъ,» писанныя для Полтавскаго театра, которымъ управлалъ въ ту пору самъ сочинитель ихъ и на которомъ отличался

Присавъ содержитъ и фабрику суконную, на которой работаютъ праздашатающіеся Евреи; рабочихъ же и смирительныхъ домовъ здѣсь нѣтъ. Всѣ таковыя преступники содержатся въ общемъ острогѣ, или по разнымъ распределены руководѣніемъ въ досужественныхъ заведеніяхъ.

Обратимъ теперь взоръ на самое большое изъ нихъ. До сихъ поръ я старался соблюсти правило строгой скромности; далѣе нѣтъ средствъ воздержаться отъ гласнаго порицанія того, что я адѣсь видѣлъ.

Подъ названіемъ «Нѣмецкой слободы,» при самомъ городѣ населена колонія иностранцевъ. Суконныя ткачи свезены сюда по позыву Правительства изъ Эльзаса, Саксоніи, Германіи, и завели здѣсь суконную фабрику. Для помѣщенія ея построено домовъ до 50 изъ плетня, набитаго навозомъ. Каждый такой домъ стоилъ казнѣ до 2 тысячъ, а простоятъ ли пять лѣтъ, сомнительно. Легко разсудить, сколь мало соображено это съ пользами Короны. Въ этихъ карточныхъ домикамъ живутъ ткачи, и при нихъ поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ выстройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ, въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е., въ Полтавской Губерніи, обошлась Казнѣ въ 400 тысячъ; тамъ, однако, дома рублены изъ дерева, здѣсь иныя связи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины одинакія и двойныя, обѣ для прочности разъ на всегда вмазаны въ стѣны и не

первоначально М. С. Щепкинъ. Котляревскій умеръ 29-го Октября, 1838 г., въ отцовскомъ домѣ, и похороненъ на Полтавскомъ кладбищѣ, въ углу, подъ развѣсистымъ деревомъ, при вѣздѣ отъ Кобелякъ. Сочиненія его изданы: Енеида, 3 части. Спб. 1798, въ 8-ку; второе въ 3-хъ же частяхъ и тамъ же 1808, въ 8-ку, въ тип. Глазунова; третье въ 4-хъ тамъ же, въ Медіц. типогр., въ 8-ку. Спб. 1809 (печивеніемъ С. М. Кочубел); 4-ое въ 6-ти частяхъ въ 8-ку. Харьковъ, въ Универс. типогр. 1842, и 5-ое въ Спб. 1862 г., въ «Полномъ собраніи сочиненій И. П. Котляревскаго,» съ его портретомъ и изображеніемъ домика, въ коемъ онъ жилъ. Наталка Полтавка издана въ Харьковѣ, 1838, въ 8-ку, въ Унив. тип. (въ 1-й книжкѣ «Украинскаго Сборника»), но пѣсни изъ этой оперы, положенныя на музыку А. С. Барсицкимъ, приложены были ко 2-й кн. «Утренней Звѣзды,» изд. И. Петровымъ. Харьковъ, 1834, въ Унив. тип., въ 8; Москва Чаровникъ; изд. въ Москвѣ, 1841, въ типогр. Н. Степанова, въ 8 д. О. В.

отворяются ни лѣтомъ, ни зимой; но дышать необходимо: ни какъ власть въ свѣтѣ лишить сего блага природы не можетъ, ниже въ тягчайшихъ узакъ неволи. Что жь дѣлають эти бѣдцы Нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобы пустить къ себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніи домовъ поставленныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето, и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются, и держатся только на угловыхъ столбахъ.

Этого мало: разработка сукна новыя откроетъ намъ причины подвигаться. Каждый станъ долженъ выткать до 800 аршинъ суровья въ годъ; за нимъ сидитъ одна семья. Каждый аршинъ платится отъ Короны по 82 коп., включая тутъ и то, чего стоятъ шерсть; словомъ, не пріемля ни какихъ иныхъ побочныхъ издержекъ. Казалось бы, дешево, но послушайте далѣе! Выписанные иноземцы имѣють 10 лѣтъ льготы, на такомъ основаніи, что все, что имъ ни понадобится, сверхъ платы за сукно, какъ выше видно, уже на всегда опредѣленной, Правительство обязалось давать имъ въ долгъ, и Смотритель для сихъ записокъ имѣеть особую долговую книгу. Вопросъ самый простой и естественный: если кто изъ нихъ умретъ, выбудетъ, сѣжитъ, въ теченіи 10 лѣтъ, кто за нихъ поворотитъ въ Казну долгъ? Эта сумма не входитъ въ раскладку на сукно; это пожертвованіе, къ ободренію промышленности пріемлемое. Сказывали мнѣ на ухѣ, что ежели разложить на вытканное сукно заимообразно розданныя суммы, то оно обойдется по 4 рубля аршинъ; да и за это кто же можетъ ручаться, доколѣ не протекуть 10 лѣтъ льготы? Кто скажетъ удостовѣрительно, сколько наберутъ ткачи въ долгъ денегъ, или потребности, и сколько безъ возврата провадетъ въ сего заемнаго капитала? А до того времени и опредѣлить цѣну сукна нѣтъ возможности: ссуда сія не имѣеть ни какихъ опредѣленныхъ мѣръ. И такъ пусть цѣна, къ общей похвалѣ заводчиковъ, воображается на бумагѣ 82 коп., время откроетъ глаза и покажетъ истину: мишура золотомъ казаться не можетъ.

Впрочемъ, работа сукна очень успѣшна и хороша: она точется аршина въ $3\frac{1}{4}$ ширины; свадявшись, даетъ два аршина слишкомъ. Тутюшію мастера сами дѣлають карды, не какихъ чешуть

шереть, и изобрѣли машину, но она еще не выдержала опытовъ, посредствомъ кой 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ, и довольно скоро мечется съ конца на другой; но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно.

Къ особенной чести нынѣшняго начальника * сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ; поступки осторожны: онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій здѣсь Губернаторъ смѣненъ уже, но еще новаго при насъ не было, ** и ни кто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истребляться, какъ тотъ, кто его смѣна посѣтетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно, и смѣна одного лица никогда труда не стѣитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправляется, а еще труднѣе искоренить его, когда оно наипаче становится предметомъ большаго денежнаго счета. Но это не мое дѣло; скажу и я, воображая себя на большой дорогѣ и странствующимъ по камнямъ, какъ нѣкогда Фонъ Визинъ за слугу изъяснялся: «Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.»

---

* Генералъ-Губернатора Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго. О. Б.

** Преміи: Д. С. С. Алексій Федоровичъ Козачковскій, съ 14-го Марта, 1808 г., по 17-е Мая, 1810; на мѣсто его назначенъ былъ, 17-го Сентября, 1810 г., Д. С. С. Михайло Ивановичъ Бравинъ, оставшійся по 17 Июля, 1812 г. До Козачковскаго было три Губернатора: Тайный Совѣтникъ Александръ Борисовичъ Солнцевъ, съ 8 Октября, 1801, по 22 Апрѣля, 1805, возвращенный на прежнее мѣсто въ Воронежъ. Послѣ него Д. С. С. Александръ Ильичъ Мухомовъ, съ 6-го Юня, 1805, по 17 Марта, 1806, когда назначенъ въ Рязань Губернаторомъ; преемникомъ его былъ Д. С. С. Николай Ивановичъ Брусилловъ, съ 17-го Марта, 1806, по 10-е Марта, 1808, поступившій въ Виленскіе Губернаторы. Послѣ Бравина опредѣленъ, 8-го Ноября, 1812, Тайный Совѣтникъ Павелъ Васильевичъ Тутолминъ, бывшій по 22 Апрѣля, 1828, уволенный по прошенію. Далѣе слѣдовали: Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Могилевскій, переве-

Г Л А В А XIX.

Забава и увеселеніа.

Полтава не щеголяетъ увеселеніями. Мысли каждаго жителя устремлены на одно хозяйство. Въ теченіе трехъ дней, кои я тутъ провелъ, я ознакомился со всѣмъ городомъ, и не могу довольно нахвалиться благоснисхожденіемъ, ко мнѣ Князя Лобанова, который, съ готовностію прямо дружеской, доставилъ мнѣ всѣ средства найти себя самымъ лучшимъ образомъ въ Полтавѣ. Присутствіе такого знаменитаго посѣтителя, какъ Графъ Безбородько, который столь щедро обогащаетъ многія заведенія въ Малороссіи, было поводомъ къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ собраніямъ; при всемъ томъ не было ни чего для веселости.

Въ самый Полтавскій праздникъ Генералъ-Губернаторъ давалъ мужчинамъ большой нарядный обѣдъ; насъ съѣхалось человѣкъ до 50-ти; сѣли за столъ въ 3, встали въ 6 часовъ по полудни; наѣлись, выпили кофе и, по обыкновенію, всѣ съ двора долой. За столомъ играла музыка, принадлежащая одному помѣщику и служащему тутъ Милорадовичу. * Надобно ли сказать, что пили цѣлыми кубками Царское здоровье, и отъ души всякой желали ему многолѣтняго здравія?

денный изъ Чернигова, 13-го Юля, 1828, по 22 Августа, 1840, когда скончался. Д. С. С. Александръ Егоровичъ Авертѣевъ, Тульскій Губернаторъ, съ 9-го Сентября, 1840, по 14-ое Октября, 1843, поступившій въ Директоры Департамента Государственныхъ Дѣлъ въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Съ 8-го Марта, 1845 г., Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобихинъ, умершій 13-го Августа, 1853, въ Переяславѣ. По немъ Д. С. С., въ званіи Камергера, Александръ Павловичъ Волковъ, съ 1-го Сентября, 1853 г., по 1868, савѣнный Д. С. С. Мартыновымъ. О. Б.

* Коллежскому Совѣтнику Михайлу Михайловичу Милорадовичу, сыну Генералъ-Маіора Михайла Александровича, внука Александра Ильича, Оберъ-Капитана въ Сербіи, вышедшаго въ Россію въ 3-ия братьями, Михайломъ и Гавриломъ, Гадяцкими Полковниками. Первый ум. 1725, другой 1727 г. Михайло Михайловичъ былъ съ 1805 по 1809 Губернскимъ Маршаломъ (Предводителемъ) Дворянства. О. Б.

Зять мой, будучи природный Малороссіининъ, * болѣе или менѣе съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родствѣ; онъ меня со всѣми ознакомилъ. Всѣ показали мнѣ отличную благосклонность; напротивъ Графъ Безбородько самымъ привѣтливымъ образомъ со мною обращался. Слѣдствіе такого выгоднаго для меня расположенія ощущалъ я и далѣе въ моемъ путешествіи, о чемъ пріятно будетъ мнѣ въ каждомъ мѣстѣ особенно упомянуть. Вице Губернаторъ, ** правившій тогда должность Губернатора, человекъ не молодой, но добродотный, безъ отягощенія возилъ меня самъ по всѣмъ заведеніямъ.

Послѣ Генераль-Губернаторскаго пиршества, 7 числа, ѣздилъ онъ и мы всѣ провести вечеръ въ здѣшній публичный садъ. Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу; натура обогатила ее плодоносными растеніями и деревьями не вездѣ общими; предмѣстникъ Князя Лобанова велѣлъ исчертить ее дорожками, обвести каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки; примѣчательнѣйшая изъ нихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша (здѣсь ихъ много въ существѣ и безъ подлѣкки); она довольно просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ привлеченія всего общества — Князь Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, по тому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо; онъ неоднократно его осматрѣлъ. Виды отсюда не воспитательны, но изрядны. Мы проходили до сумерокъ. Собраніе было не велико; можно было счесть не больше 50-ти прогульщиковъ. Признайтесь, что такой праздничный день для Полтавы, въ ней самой такое собраніе весьма малолюдно; да и прогулки не сопровождались ни какими замыслами удовольствія: ходили, доходили, сѣли въ кареты и разѣхались.

Но вотъ чему можно подивиться: въ Малороссіи въ саду въ бесѣдкѣ каминъ. «Такъ, стало быть; и здѣсь бываетъ лѣтомъ

---

* Селедцкій, о комъ сказано будетъ болѣе ниже. О. Б.

** Статскій Совѣтникъ Болриновъ? О. Б.

холодно?» спросилъ я кого-то. — «Совсѣмъ нѣтъ; но мы гуляемъ въ нашихъ садахъ и среди Ноября мѣсяца.» — «О! пожалуй и я пойду у себя въ садъ въ Декабрѣ, еслии буду обнадѣженъ найти въ мнѣмъ шалашѣ хорошій огонь въ каминѣ.» Сямъ споръ и возраженія кончились.

Князь Лобановъ увѣрялъ меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть можетъ, но я того не примѣтилъ, и куда меня ни возили, я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ видовъ, какіе въ нашихъ мѣстахъ. Да и по истиннѣ, что можетъ быть величественнѣе той площади, на которой посажемъ Владиміръ? Что для глазъ плѣнительнѣе горъ, его отсюда опоясывающихъ? особливо по дорогѣ, ведущей отъ Александрова къ Троицкой Лаврѣ, можно найти обрацникъ Швейцаріи. Лучшимъ мѣстоположеніемъ подлѣ Полтавою почитается усадьба Г-на Коч.... Ее даже прославляютъ превосходнѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ: я его не видалъ и судить о томъ не могу. Вѣрю одному знаменитому объ немъ преданію, будто Екатерина II, бывъ на этомъ мѣстѣ, изволила отозваться, что она лучше его ни чего не видала. Но еслии его приблизить въ сравненіяхъ съ дачею Г. Милорадовича, которую казали мнѣ за диковинку, со стороны физическаго ея расположенія, я осмѣлюсь признаться, видѣвши сіе послѣднее, что оно для меня даже хорошимъ не казалось.

Есть и театръ въ Полтавѣ: какъ безъ него? Строеніемъ онъ не важенъ, да не хвалятъ и актеровъ. Они при мнѣ были въ разѣздѣ, въ Кременчугѣ, на ярмаркѣ; и такъ я ни одного представленія въ Полтавѣ не видалъ. Вотъ все, что можно замѣтить здѣсь на счетъ забавъ.

Публика уединенна и вообще ни сколько не любитъ шумныхъ увеселеній. Пашня занимаетъ всѣ умственные способности здѣшняго жителя. Нѣтъ вкуса въ удовольствіямъ роскошнымъ, все скупю и каждый сжать въ домѣ своемъ, какъ въ скорлупѣ. Про себя все запасено, но для забаваго въ городѣ нѣтъ ни чего, даже за деньги. Мы нуждались и въ хлѣбахъ и въ слывкахъ; Князь Лобановъ присылалъ къ намъ ихъ изъ вѣжливости; безъ него пришлось бы чай пить по Великопостному. Говядины нѣтъ, по тому что волы на работу надобны, и ихъ не бьютъ;

телятъ нѣтъ, для того что они будутъ волю со временемъ, и ихъ кормятъ и возвращаютъ; сливокъ нѣтъ, для того что теленокъ выпиваетъ всю добычу своей матки; хлѣба нѣтъ, за тѣмъ что пшеницу возятъ въ Одессу и грузятъ на корабли. Вотъ обстоятельства гостиннаго желудка въ Малороссіи!

Потчивали меня здѣшнимъ плодомъ, который въ большой славъ, черешнею, но я не нашелъ его столько вкуснымъ, чтобъ позавидовать тѣмъ, кои съ большими, впрочемъ, пожертвованіями во многихъ отношеніяхъ пріѣзжаютъ по службѣ сюда жить, или, лучше сказать, томиться въ скукѣ.

Свиданіе съ сестрой и письма изъ Москвы, кои во время нашего пребыванія въ Полтавѣ получены, доставили мнѣ пріятнѣйшія минуты. Имъ и благосклонности Князя Лобанова обязанъ я всѣмъ тѣмъ удовольствіемъ, какого нищу ежедневно; ибо скука есть несносный червь, который и самое свѣжее сердце подѣдаетъ. Отправивъ отсюда огромную почту къ моимъ роднымъ и друзьямъ, я собрался ѣхать въ Петровъ день. На канунѣ получена оффиціальная вѣдомость о побѣдѣ надъ Турками. 29 назначенъ молебень, а я, чѣмъ свѣтъ, лечу, чтобъ приблизиться къ тѣмъ мѣстамъ, откуда труба звучитъ во всю Россію такіа пріятныя новости.

Г Л А В А XX.

Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ.

На прощаньи съ сестрой, давши ей слово посѣтить ихъ деревню, поѣхали мы въ 8 часовъ утра, въ Петровъ день, изъ Полтавы. До Кременчуга 120 верстъ. Дорога ровная и прекраснѣйшая для почтовой ѣзды. Мы летѣли, по милости Князя Лобанова, который вездѣ намъ приказалъ безостановочно давать лошадей; нигдѣ безъ собственнаго произволу не ждали минуты; въ 9 часовъ пріѣхали въ городъ; но поговоримъ сперва о дорогѣ.

Съ выѣзда изъ Москвы мы еще въ одни сутки такого пространства не проѣзжали; погода весьма благопріятствовала, жаръ

былъ умѣренный, а вечеръ довольно свѣжъ. Отъ Полтавы разсаживаютъ аллею — тщетный трудъ! Нигдѣ не принимаютъ. Вблизи Кременчуга только на нѣсколькихъ деревьяхъ примѣтна маленькая зелень. На первой станціи такой же почтовый дворъ, какъ и по ту сторону Полтавы, но изъ настоящаго кирпичу. Тутъ попался намъ Засѣдатель Симферопольскаго Земскаго Суда. Я съ нимъ разговаривалъ о Крымѣ, о тамошней благословенной сторонѣ, и онъ укоренилъ во мнѣ желаніе туда съѣздить, которое и Графъ Безбородько въ Полтавѣ съ успѣхомъ уже произвелъ во мнѣ.

Мы обѣдали 40 верстъ отъ Полтавы въ селеніи, называемомъ Решетилровка. Маршрутъ почтовый совсѣмъ другой путь вамъ указать, но онъ уже уничтоженъ; ѣздить всѣ по этому гораздо скорѣй и лучше. Это мѣсто принадлежитъ Попову, но не все; въ немъ имѣеть участіе и другой помѣщикъ, а за Василіемъ Степановичемъ 1800 душъ, ему пожалованныхъ; * сверхъ того, здѣсь же поселено въ послѣдніе военные годы до 5 тысячъ Козаковъ, кои принадлежатъ Казнѣ. Здѣсь 4 церкви деревянныя и одна каменная; ряды кирпичные выстроены очень хорошіе. Самого владѣльца тутъ не было; содержатель почты имѣеть изрядную квартиру:

---

* Известный Правитель Канцелярѣи и любимецъ Князя Потемкина-Таврическаго, р. 1743 г., учился въ Казанской Гимназіи; поступивъ въ Гражданскую службу, отличался искусствомъ въ Канцелярскихъ бумагахъ, потомъ съяскалъ вниманіе къ себѣ Московскаго Главнокомандующаго Князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, къ коему, будучи Премьеръ-Маіоромъ, поступилъ (1780) Правителемъ Канцелярѣи; по смерти Князя перешелъ къ Потемкину, завѣдывая походными его дѣлами; съ 1784 Полюбовникъ; 1785 находился при собственныхъ Ея Импер. Величества дѣлахъ у принятія прошеній; 1787 Бригадиръ; 1788 Генералъ-Маіоръ; послѣ Потемкина находился при Императрицѣ по прежнему у прошеній, управлялъ также Горнымъ Корпусомъ, Кабинетомъ и др.; 1797 Тайный Совѣтникъ и Президентъ Каммеръ-Коллегіи; 1798 присутствующій въ 1-мъ Департаментѣ Сената; по доносу удаленъ отъ службы; при Александрѣ Д. Т. Совѣтникъ и Управляющій Коммисаріатскимъ и Провіантскимъ Департаментами (1807); въ 1808 Членъ Государственнаго Совѣта, 1819 Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, также Коммисіи Прошеній; ум. въ С.-Петербургѣ въ Ноябрь 1822 г. О. Б.

не дасть для праздника онъ накурить ее слишкомъ чеснокомъ, то мы войдемъ въ сараѣ. Лѣтомъ вездѣ крышка.

Вдѣвъ водятся черепахи; къ намъ приносили одну, и мы разными образами терпѣніе ея испытывали: брали ее въ руки, ядали на пальцѣ; зорывали въ носокъ, ояль бросали въ лужу: тутъ только она выходила изъ своей шкатулки, впрочемъ, все выдерживала; сирятавшись очень скромно въ своей табакеркѣ; въ которой пахъ насъ. Обѣими ногами на нее становились и тискали ее всей своею силою, такъ какъ нажимаютъ самыхъ лучшихъ авторовъ мальчишки въ типографіяхъ. Гадкое животное! — только и хрюкало, что ея жилище; выгнавъ напередъ хозяйку, можно нюхать преблагоуханный табакъ.

По степямъ находилъ я цѣлыя полосы земли, и довольно большія, усыпанныя темными синими цвѣтами, такъ что издали онѣ представляли настоящій видъ хонта. Я долго ими любовался, основавъ бѣгъ прыткихъ нашихъ коней.

И тотъ же самый Богъ, что небо сотворилъ,
Живописалъ цвѣты, и ими степь покрылъ;
Далъ жизнь и бытіе малѣйшему листочку,
И травкѣ, какъ звѣздѣ, назначилъ въ мірѣ точку.
Натура отъ него пріяла кисть, рѣзецъ,
И міра красоты суть рая образецъ.

За двѣ станціи до Кременчуга Голова тутошняго селенія непременно хотѣлъ, чтобъ насъ провожали верхомъ два Козака. Я долго отказывался, наконецъ согласился: переѣзду было только 16 верстъ. Лошади насъ весли во весь духъ; Козаки скакали какъ бѣшеные. Я имъ далъ на водку, и они, поблагодаря, сказали: «Этотъ путь намъ игрушка.» Всякая добровольная услуга пріятна признательному сердцу.

Попался намъ Богородской мужикъ, сосѣдъ нашей подмосковной. Онъ ѣхалъ изъ Одессы и везъ сѣру въ Москву. Я его остановилъ, поговорилъ съ нимъ объ Одессѣ; онъ сулилъ мнѣ такъ дешевой хлѣбъ и дорогой фуражъ. «Хорошо, увидимъ; мы сами туда ѣдемъ; поклонись нашимъ, прощай!» — Какъ бы вы

думали? Я этому простому мужику обрадовался. Повторите, что я писалъ выше о роднѣ, и тогда вы безъ труда этому повѣрите.

На послѣдней станціи перевозъ черезъ Песель. * Отдѣсанатр Мурона по всей этой дорогѣ я первый паромъ еще шашетъ; Рѣка хороша. Поднявшись на гору и проѣхавъ первые пески; вы откроете прекрасные виды со всѣхъ сторонъ. Я ѣхалъ въ жоласкѣ, стоя цѣлый часъ, и не смигалъ съ этой картины. Съ хребта горъ довольно продолжительныхъ черезъ многіе озера; видѣ селенія въ долинѣ и въ разныхъ пунктахъ рѣки; издали вамъ въ глаза; по отлогимъ берегамъ ея на той сторонѣ; разбросаны хаты, кои ни чего за собой въ долахъ отъ насъ не прячутъ. Прекрасное мѣстоположеніе! Патура вездѣ играетъ съ жоласкѣ пріятностями. Кто чувствуетъ сальскіе ея дары; тогы. Ближе всѣхъ стоитъ у дверей счастья.

Подъ городомъ проѣхать надобно мѣскольно вертѣ оуащѣтальныхъ пескомъ; избѣжать ихъ пельомъ; естественной; емакъ большихъ рѣкъ. Мы у береговъ Дибра.

Сколько мы имѣли лестныхъ доказательствъ благосклонности къ намъ Полтавскаго Градоправителя въ пути, сколько напутствъ, нашли мы досадныхъ непріятностей для помѣщенія своего въ городѣ: ни одной пустой и прістойщей квартиры; все наполнено народомъ. Въ Ивановъ день едѣсь бываетъ ярмарка, и ни кто еще не уѣхалъ изъ Кременчуга. Мы въ сумерки въ цѣло, попали, и до восхода мѣсячнаго возили насъ по улицамъ; то въ тогъ домъ привезутъ, то въ другой; индѣ звирутся, индѣ не пускатъ. Въ комъ желчи это не разшевелить? Я очень сордана. Я насилу, господинъ Городничій тугошній отвелъ намъ какой-то уголокъ. Я было и спать; но молодые мои товарищи провѣдали, что сегодня въ городѣ балъ въ клубѣ, и меня съ собой туда зовали—

* Въ мѣстечкѣ Омельинѣ, прежде сотенномъ; теперь въ намѣ. 2-й станціи п Почтовая станція; лежитъ на правомъ берегу Песля, въ 23 верстахъ отъ Уѣднаго и въ 90 отъ Губернскаго города. О. Б.

удовольствіе убавляетъ лѣтъ. Я тотчасъ прибрался, одѣлся, выпросилъ у Городничаго дрожки и явился на балѣ. Въ Москвѣ клубъ пропустить не бѣда; можно въ другой попасть: ихъ много; а зима въ нашихъ мѣстахъ такъ строга и велика; но въ Кременчугѣ бала во всю жизнь, можетъ быть, не увидишь, еслии подѣлншься завернуть въ его мимоѣздомъ. Скажутъ: «Да что за радости въ такомъ Уѣздномъ сборищѣ?» — «Все то радость, господа большаго свѣта, чего не видалъ и чего хочется.»

Клубъ содержится здѣсь въ большомъ и опрятномъ домѣ. Залы освѣщены очень хорошо; собраніе, по лѣтнему времени, довольно людное, но въ комнатахъ не тѣсно; музыка Кіевскаго баталіона, который тутъ квартируетъ, — хвастать не чѣмъ, хотя Польскія играли съ хорами; но что нужды до ихъ искусства? было бы весело. Кто на балѣ ѣздитъ вслушиваться въ музыкальную гармонію? Тутъ неутомимый гудокъ — лучшій виртуозъ. Этотъ балъ давался экстраординарно, по случаю съѣзда многихъ на армарку. Я нашелъ съ Дворянами много и иностранныхъ купцовъ съ семьями. Съ ними легко ознакомиться; дамы ихъ привѣтливы, и я Польскихъ съ три прошелъ на свою долю. На насъ глядѣли, какъ обыкновенно вездѣ смотрятъ на заѣзжихъ, во всѣ глаза: новое лице — чудо во всѣхъ собраніяхъ городовъ Россійскихъ, даже и въ самой Москвѣ.

Заслуженный Офицеръ Генеральскаго чина изъ Нѣмцевъ тутъ хозяйничалъ и заправлялъ клубнымъ дѣломъ; въ его рукахъ вертѣлся руль этой плясовой машины; онъ и самъ, приобщившись, прошелъ нѣсколько Польскихъ. Я, глядя на него, воображалъ хорошаго моего знакома, который 17 лѣтъ правилъ одинъ провинціальнымъ редутомъ безъ устали и безъ скуки: я люблю видѣть такихъ старичковъ по городамъ Губернскимъ.

---

* Дуровъ, богатый Тамбовскій Помѣщикъ, поселившійся во Владимирѣ и бывшій Старшиной тамошняго Редута (Благороднаго Собранія)? Онъ выведенъ въ комедіи «Дурюломъ или выборъ Старшины,» Княземъ И. М. Долгорукимъ. См. сочиненіе М. А. Дмитриева: «Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія.» Изд. 2-е. М. 1863, стр. 74—76, 164—267. О. Б.

Они зачнутъ вѣкъ свой тѣмъ, что въ молодости подставятъ глаъ ни будь на проломъ черепъ: пушки его раздробятъ, а лѣкари починятъ, но останется дряхлость, и что потомъ? Ъхать домой, разставить въ деревнѣ въ рамахъ за стекломъ разные патенты, и наѣздомъ зимой въ городъ, военному съ большимъ султаномъ, а статскому съ стразовыми пряжками, щеголять на балѣ, по-пасть въ директоры въ редутъ или клубъ, состарѣться оригиналомъ и умереть подъ музыку.

ГЛАВА XXV.

Описаніе Кременчуга.

Мы здѣсь прожили сутки цѣлыя. Какъ смѣнить Уѣздный городъ, Кременчугъ, съ Губернскимъ, Полтавою, при всѣхъ его затѣяхъ? Днѣпръ даетъ ему и красоту и пользу. Городъ торговой: куда ни пойдешь, вездѣ сыщешь слѣды довольства, которое доставляетъ разумная промышленность. Но такъ какъ добро и худо всегда рядомъ ходятъ, то и Кременчугъ имѣетъ свои невыгоды. Онъ на такихъ сидитъ пескахъ, что отъ пыли ни въ одномъ домѣ нѣтъ убѣжища. Безпокойное положеніе!

Днѣпръ имѣлъ бы видъ величавый и прекрасный, естля бы не пресѣкался мелкими песчаными и островками такъ, что глаза нигдѣ не видятъ большаго пространства воды безъ помѣхи. Края его наполнены судами. Вся Бѣлоруссія сгоняетъ по немъ лѣсъ и уголья въ степи и полуостровъ Крымъ, а оттуда вверхъ отправляется соль. Народу много: онъ весь въ движеніи. Дѣятельность во всякомъ родѣ есть животворный пламень нашей жизни. Берега рѣки и самое ложе ея каменисто. Здѣсь добывается самый твердый камень, на подобіе гранита, и хотя меньшей красоты, но того же рода. Онъ мнѣ показался, какъ я тотъ, изъ котораго сдѣланъ въ Полтавѣ памятникъ Петру.

Ряды каменные огромны; погребовъ множество и за хорошія деньги можно выпить рюмку цѣльнаго вина. Трактирщикъ

городской кормить очень хорошо. Вы найдете согъ до двухъ кузнецовъ и каретные добрые сараи, гдѣ не только всякую повозку, но даже и новую карету на иностранный образецъ, отдалаютъ. Магистратъ и Дума представляютъ одно изъ лучшихъ строеній въ городѣ; на немъ бельведеръ; я входилъ туда, и видъ во всѣ стороны прекрасный. Прочіе дома въ городѣ низки и принадлежатъ къ мазанкамъ.

Соборъ заслуживаетъ пристальный взглядъ. Онъ выстроенъ изъ кирпича; фасадъ его отличается вкусомъ, и онъ чрезмѣрно краситъ Александровскую площадь, на которой увидите вы и гаубтвахту каменную. Въ городѣ, сверхъ обыкновенныхъ Гражданскихъ Мѣстъ, учреждена и Провіантская Коммисія.

Богоугодныя заведенія справедливой похвалы достойны. Они, какъ и въ Полтавѣ, въ общемъ домѣ. Но какая разница въ помѣщеніи! Главный корпусъ въ два этажа каменный, и въ немъ церковь. Она во имя Св. Маріи Магдалины и ни чѣмъ не отличается отъѣннымъ. Священникъ встрѣтилъ меня съ крестомъ, пропѣлъ входную и прокричалъ Императорскому Дому многолѣтіе. Я приложился къ Распятому, и далъ Іерею рубль: тѣмъ все и кончилось между нами въ домѣ Господнемъ. Въ нижнемъ этажѣ живутъ инвалиды; ихъ числомъ до 14-ти, и они не въ праздности хлѣбъ ѣдятъ, а прислуживаютъ въ Лазаретѣ; кровати у больныхъ желѣзныя; чистота въ покояхъ удивительная.

Прочія принадлежности къ дому деревянные, или изъ сырцу. Кухня, прачечная, бани, все въ наилучшемъ порядкѣ. Больные пользуются самымъ чистымъ воздухомъ. Для Евреевъ есть особая больница. Народъ сей вездѣ одинаковъ: нечистъ, сраменъ и отвратителепъ; я говорю о Жидахъ самаго низшаго разбора: что ихъ гаже въ природѣ? Жаль, что они люди! Врачеваніе ихъ здѣсь и приличное содержаніе есть черта чувствительности, по которой должно признаться, что Философія нашего вѣка не на однихъ заблужденіяхъ основана. И подлинно: Жидъ развѣ не человекъ? Оставимъ при немъ его суевѣріе, его нелѣпости, самые его обманъ; вспомнимъ, что онъ также ближній нашъ, и когда онъ страждетъ, отворимъ ему сострадательное сердце. Вотъ какъ

думалъ здѣшній начальникъ, когда онъ обратилъ взоръ свой на нихъ, и особую для Жидовъ устроилъ больницу.

Этотъ домъ сталъ казнѣ тысячъ до 80-ти, но пусть бы сталъ и сто: Приказы Общественнаго Призрѣнія не копятъ, а съ пользой расточаютъ обизаны свои сокровища. Внутреннія убранства и кровати доставлены пждивеніемъ здѣшняго помѣщика Пономарева. Лучше дать больному Еврею на лѣкарство, нежели честному Христіанину проиграть въ запрещенную игру въ трактирѣ.

Кромѣ Нѣмецкой сукошной фабрики, какъ и въ Полтавѣ, о которой также говорено, здѣсь есть, на особомъ положеніи, еще фабрика сукошная же. Она расположена въ большомъ каменномъ домѣ, купленномъ за самую низкую цѣну, или, лучше сказать, это почти подарокъ продавца: въ немъ два большіе этажа. Тутъ школа сукнодѣлія для Евреевъ: ткачи Жидаы обучаютъ своему ремеслу малолѣтковъ, и сами толстое сукно работаютъ на станкахъ казенныхъ. Вердѣ видны доказательства крайней нужды въ сукнѣ, и усмія довольствоваться домашнимъ.

Г Л А В А XII.

Дворцовый садъ. Театръ.

При въѣздѣ въ Кременчугъ покажется вамъ большой садъ: это роца, прочищенная дорожками, кои заросли и все мѣсто пришло въ крайнее запустѣніе. Тутъ нѣкогда былъ дворецъ, въ которомъ изволила останавливаться Екатерина; * одна осталась каменная ограда, и та съ трудомъ поддерживается экономическими крохами. Князь Куракинъ хотѣлъ возобновить его славу, и много къ тому, во время начальства своего, споспѣшествовалъ. Я въ немъ гулялъ съ нѣкоторыми тугошными жителями, кои помнятъ еще и нынѣ, какъ сюда при Шотемкинѣ возили Крымскія расте-

* Въ Путешествіе свое 1787 г., пробывши въ Кременчугѣ по 3-е Мая. О. Б.

Ему, знакомы рѣдъ столичная нравы;
Рядуть и дѣтій садъ то тамъ, то сямъ, торчать;
И кресла захвата, изъ чванства, безъ желанья,
Задумавшися, въ нихъ комедію глядятъ.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди пѣсковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ, музыка зарать * и пѣніе готовы,
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ, кружатся рой.
Нехай же ** Москвичи къ провинціямъ суровы:
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ золотъ.

Какая разница въ доброхотствѣ и обращеніи со многими другими мѣстами, гдѣ мы остановились! Здѣсь всѣ насъ обла-скали, всѣ искали нашего знакомства. Старый дому нашего прі-ятель, Г. Н., живетъ здѣсь осѣдлымъ образомъ и очень обдаскалъ меня; онъ безпрестанно былъ у насъ на квартирѣ. Г. Почт-мейстеръ озаботился доставленіемъ мнѣ лошадей и легкихъ спо-собовъ продолжать путь; словомъ, я былъ бы неблагодаренъ, если бы не сказаѣ здѣсь, вспомяная сутки моего пребыванія въ Кременчугѣ, что я, кромѣ комедіи, былъ совершенно всѣми увеселеніями тамошняго края доволенъ; видѣлъ добронравіе жите-лей, чувствовалъ цѣну ихъ вѣжливыхъ поступковъ, и наипаче никогда не забуду прогулки моей въ дворцовомъ саду съ Г. Пот... съ которымъ такъ много мы о всякой старинѣ бесѣдова-ли. Но мало ли гдѣ хорошо на день, на два? а жить житьемъ гдѣ лучше, какъ дома?

Г Л А В А XXIII.

Путь до Елисаветы.

11 июля, въ 9 часовъ утра, отправились мы изъ Кременчуга. Солнце уже пекло, и пески около Днѣпра дѣлаютъ путь очень утомительнымъ. На томъ берегу рѣки, тотчасъ за мостомъ, Узд-

* Тотчасъ. О. Б.

** Пусть, пускай. О. Б.!

ный городокъ Херсонской Губерніи, Нрюкова. Мы его проехали, и я объ немъ не чего ни скажу, кромѣ того, что онъ не обращаетъ ни какого на себя вниманія: некая его честь за свободу, прилегающую къ Кременугу. Въ немъ есть Комисаріатская Экспедиція, и я слышала, что для каменнаго зданія преекту строится домъ изъ того камня, который добываютъ берега Днѣпровскіе.

Отсюда мы начали странствовать по настоящимъ и про-
страннымъ степямъ: ни полей, ни кустовъ; страшною величиною дачи, ни чѣмъ не населенныя, не воспріявшія ни какихъ смѣнь. Продолжительные жары даже всю траву на нихъ посушили. Версть по 30-ти проѣзжали, не встрѣчая ни малѣйшаго жива. Воды мало, да и та по большей части нехорошая. Одни воды брать шагомъ всякія тягости, а Хохлы въ просонкахъ погоняютъ ихъ длинными своими лозами. Все наводитъ скуку и тоску. По счастью, и тутъ нашли мы дѣчто забавное. Въ степи претъ множество животныхъ, коихъ здѣсь простой народъ зоветъ ев-
рашки: * это маленькая крыса, очень похожая на мастоку. Они живутъ въ норкахъ, выбѣгаютъ оттуда, прыгаютъ довольно рѣз-
во по степи и становятся на заднія лапки, какъ бѣлки: очень смѣшное животное! Чтобы поймать ихъ, надобно залить норку водой: звѣрокъ этого счень боится, и чтобы не утонуть, онъ вы-
скакиваетъ, и тутъ бери его руками; но въ осязани онъ столько же неприятенъ, сколько смѣшонъ въ своихъ скачкахъ.

Подѣзжая къ Александріи, при спускѣ съ горы, порвались нашильники и лошади намъ понесли. Казакъ, выѣхавшій изъ города намъ на встрѣчу и ѣхавшій передъ нами, повернувшись на-
задъ, вѣззая въ нашу четверню, смѣлъ лошадей, и чѣмъ осто-
новилъ коляску. Неприятная минута! Путешествовать люблю, а
сломить шею не хочется.

Въ Александріи мы отобѣдали вѣо Мѣзельнѣ городокѣмъ ни
чего не, амачущій: онъ населенъ наъ пусартъ Александрійскаго плече
ку и принялъ его имя. Тутъ ума считается до 800 душъ и нѣтъ

* Или овражи, т. е., суслики. О. Б.

которые до трехъ сотъ по названію своему выходцевъ, а просто по Русски бѣглыхъ; этииъ средствомъ, къ которому нѣкогда многіе были доажены, мы стали встрѣчать довольно одноземцевъ, вышедшихъ сюда изъ Великороссійскихъ областей и на степяхъ поселившихся. Городомъ править того же Александрійскаго гусарскаго полку Маіоръ, мужикъ немолодой и до сихъ поръ настоящій гусаръ: хотя черные усы его даютъ ему самый свирѣпый видъ, но онъ принялъ насъ охотно, позволилъ намъ занять на часъ свою квартиру. Мы въ ней нашли картинки за стеклами, зеркальце и софу: чего больше для здѣшняго Городничаго? Онъ непременно хотѣлъ мнѣ подать рапортъ; Уѣздный Судья и прочіе Чиновники, узнавъ о пріѣздѣ гостя, сдѣлались также подать мнѣ Вѣдомости о дѣлахъ своихъ: у всякаго изъ нихъ выглядывала изъ кармана огромная тетрадь. Мнѣ много стоило труда упросить, чтобъ они меня отъ такого скучнаго чтенія избавили: я бы охотнѣе согласился имъ цѣлый день читать Телемахиду, нежели утомить зрѣніе на этихъ гражданскихъ стопахъ мелкаго и обыкновенно сквернаго письма, что зовутъ Приказные люди Вѣдомостями. Господинъ Судья помолчалъ минуту, и опять за тетради, а я опять ихъ упрашивать: «Пожалуйте, положите въ карманъ и отнесите домой; мнѣ этого не надобно.»— «Да хоть взгляните!»— «Я лучше на васъ посмотрю.» О, какая убійственная почесты! Насилу они разошлись, и нашъ усатый Маіоръ подаль рюмку водки, потомъ сѣли за столъ, сѣли что Богъ въ степи послалъ, и поскакали.

Продолжая путь, наѣхали на Русскую колонію. 500 душъ казенныхъ крестьянъ, бѣдные землей, переходили изъ Обоянской округи селиться за Орликъ; тамъ имъ нарѣзали по 16 десятинъ на душу, и они съ своими пенатами, съ семьями и домашнимъ скотомъ, бѣгутъ искать новаго отечества. Чего нужда не производитъ! Голодъ все дѣлаетъ несноснымъ, и Аравія, которая кормить, лучше покажется богатой Индіи, естели ни кто не дастъ въ ней пищи. Хлѣбъ—сокровище и животъ поселянина: отступившійся для него и отъ родимаго гнѣзда. Я долго занялся этимъ подвижнымъ селеніемъ. Крестьяне не тужатъ, спѣшатъ быть на новомъ мѣстѣ, распахать землю, и ввѣрить ей обильныя сѣмена свои.

Въ дорогѣ на одномъ часу и плачешь и смѣешься: все зависить отъ ви́шнихъ предметовъ. Очень позабавилъ насъ Іерей въ селеніи, по имени Оджимъ. * Не доѣзжая Елисаветграда за почту, мы остановились тутъ мѣнять лошадей. Подходить къ намъ батюшка, Малороссъ дородный и по виду добродушный, зоветъ насъ убѣдительно къ себѣ въ домъ пополадничать; мы отговариваться: ни что не помогаетъ. «Ну, пойдемъ!» сказала я женѣ; такъ и быть: что за полдникъ? Дорогой онъ безпрестанно болталъ намъ о своихъ подвигахъ. Еслии вѣрить его расскажемъ, онъ былъ въ арміи у Михельсона, ходилъ при немъ со крестомъ на приступъ Измаила, не боится ни какого огня: острѣленъ, какъ старая пушка; словомъ, я зачиналъ обольщаться его простотою и думалъ подъ сѣнью сего Пресвитера найти Авраамово угощеніе. Село Государево; комната у Священника изрядная. Онъ намъ поставилъ хорошую яичницу, которая была бы лучше, еслии бѣ, для позыва на питье, не высыпалъ въ нее владыко всей своей перешинцы; потомъ, выпивши кувшинъ свѣжаго яблочнаго квасу, оставалось сказать ему спасибо, и вспомнить его вездѣ съ признательностію. Но окаинный рабъ Божій изволилъ такія тонкія сѣти намъ поставить для того, чтобъ насъ обобрать; и когда мы сбирались садиться въ повозки, онъ записалъ, подъ видомъ благочестія, имена каждого изъ насъ, для воспоминанія имъ предъ престоломъ Господнимъ, а между тѣмъ противъ каждого имени писалъ опредѣлительную цѣну и требовалъ съ насъ денегъ: съ кого 5, съ кого 10 руб. Такое нахальство меня взбѣсило; я кинулъ ему синенькую бумажку, и бѣжалъ, не оглядываясь. Лицемеріе и корысть подъ благовиднымъ предлогомъ во всякомъ чловѣкѣ отвратительны, а въ Пошѣ что можетъ быть гнуснѣе хитрости и обмана? Послѣ, рассказывая многимъ тамошнимъ этотъ случай, я слышалъ, что онъ всѣхъ проѣзжихъ точно такъ забавляетъ, и многіе, кои повторяли здѣшній путь, уже не останавливаются на этой станціи, или стараются всячески отъ него укрыться. Вотъ сирена новаго рода!

* То есть, Аджимка, Большая Аджимка, Пилиперная, въ 44 в. отъ Александріи, при прудахъ, съ 2 церквами, около 900 дворовъ, и проч. О. Б.

Г Л А В А XXIV.

Елисаветградъ.

Поздно и темно было, какъ мы пріѣхали въ городъ. Намъ отвели хорошую квартиру у зажиточнаго купца: одна комната довольно большая и вся росписана; пестрота ужасная! Живописецъ не щадилъ красокъ, а труда марать такъ, какъ онъ маралъ, немного. Хозяинъ привѣтливъ, потчивалъ насъ вишнями своего сада. Но передъ нами ли ими хвастать? Натура всякому краю дала его преимущества. Хотите ли ѣсть славныя вишни? Поѣзжайте во Владиміръ: тамъ вы сорвете лучшія, а въ Елисаветѣ пусть потчиваютъ арбузами, шелковицею. Здѣшній край славится быть плодовитымъ, по тому что приближенъ къ полуночи; это и правда; но не надобно вдаваться въ крайность. Что дальѣ повезу за собой читателя, то чаще ему это повторять стану. Мы ни въ чемъ не находимъ середины: или все, или ния чего. И здѣсь также, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, всѣмъ пользуется богачъ: у него и арбузы, в виноградъ, и шелкъ, но не у всякаго. Натура не даромъ расточаетъ свои сокровища: потребны къ наслажденію ими и земля, и труды, и средства; мало посягать, надобно воспитать растеніе; погода не всегда благопріятствуетъ. Когда нѣтъ дождя—богатый польетъ; когда наводненіе, богачъ выпуститъ воду въ каналь, а бѣдному гдѣ все это взять, и кѣмъ и какъ сдѣлать? И такъ не заблуждайтесь! Рядовой здѣшній обыватель не подастъ вамъ ни огурца, ни ягодъ, по тому что у него самаго ни чего нѣтъ, ни ирынки молока, ни куска бѣлаго хлѣба.

Здѣсь живетъ знатный какой-то Молдаванъ, котораго всѣ зовутъ Графомъ Филипеско; многіе даютъ ему титуло Господаря. Я ни чего объ немъ не знаю, какъ то, что война съ Турками выбросила на наши берега этого крупнаго осетра. Онъ находится здѣсь со всей своей семьей и домою, и видно много затѣялъ съ собой дукатовъ, по тому что они за все про все изъ широкихъ его рукавовъ, какъ соръ, валяются. Съ нимъ трое сы-

новей, большіе съ женами, и нѣсколько внуковъ; ему лѣтъ 60; жена его еще не совсѣмъ старуха. При немъ всл его дворян, составляющая душъ 70. Все это мотаеть до крайности: они другихъ денегъ не знаютъ, какъ червонныхъ. Лѣкаръ его одинъ стоитъ ему 100 червонныхъ въ мѣсяцъ; онъ развѣзжалъ со старшимъ сыномъ его, который былъ болѣтъ, по окрестностямъ Елисаветы, а меньшій самый, лѣтъ 20, молодой человекъ, въ ту самую минуту, какъ я пріѣхалъ въ городъ, былъ у меня съ визитомъ и отъ отца своего извѣсчялъ Молдаванскіе комплименты. Такъ точно какаду, привезенный изъ Индіи въ клѣткѣ, кланяется сквозь желѣзную рѣшетку и хохломъ машеть предъ всѣми.

При этомъ семействѣ приставленъ Россійскій Офицеръ, съ вѣдома и согласія котораго, я на завтра пошелъ поблагодарить Филипеско за его учтивость. Онъ принялъ меня на крыльцѣ. Сѣдая борода его и длинное Азіятское платье даютъ ему видъ весьма важный. Глаза его горять, и если по нимъ судить о душѣ и разумѣ, то безъ ошибки заключать можно, что онъ небезопасный человекъ въ критическихъ обстоятельствахъ. Домъ у него лучший въ городѣ, но крайне тѣсенъ и малъ, весь состоитъ изъ 9 не комнатъ, а клѣтокъ; тутъ же принимаютъ, гдѣ и спать, а при всемъ томъ за эту квартиру платять они по 250 руб. въ мѣсяцъ: по ихъ деньгамъ все это пыль! Я у нихъ долго сидѣлъ и разговаривалъ съ ними черезъ переводчика. Сноха его старшая, женщина уже немолодая, но весьма образованная, говорила со мною очень чисто и по Русски и по Французски; и передавала свекру мои рѣчи по Гречески. Выговоръ у нея на всѣхъ языкахъ сладокъ и пріятенъ. Въ устахъ женщины, которая всѣ краски большаго свѣта получила въ свое воспитаніе, слышать Греческое нарѣчіе и ново и странно было для моихъ ушей. Я не знаю, какой она породы, но жила долго въ Россіи, была въ чужихъ краяхъ, вышла за Молдавана, и тамъ поселясь, дѣлать съ семействомъ мужа своего судьбу его. Они вообще тужать о родинѣ своей въ Бухарестѣ, не свидаютъ Молдаванскаго платья; и сыновья его вдвое прекраснѣе отъ того кажутся. Старикъ по вечерамъ для забавы играютъ въ карты, мечуть *grande patience*. Что больше и дѣлать, потерявши свободу и родину? Старикъ, кажется, былъ очень утѣшенъ моимъ посѣщеніемъ и проводилъ

меня до моихъ дрожекъ; а можетъ быть, такая вѣжливость происходила и отъ неволи: она дѣлаетъ очень учтивымъ cadaго.

Я ходилъ смотрѣть Раскольничью церковь: она еще не освящена; строеніе каменное и со вкусомъ снаружи; внутри подобіе нашего храма, но Староста, который меня водилъ, называлъ ее часовней, по тому что въ ней не совершается обѣдни; да и антиписа нѣтъ. Престоль на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ; на немъ Евангеліе рукописное подъ титлами на пергаментъ; нѣкоторыя слова различны съ нашими. Ни Царскихъ, ни Сѣверныхъ дверей еще нѣтъ, а въ отверстіяхъ, для нихъ прорубленныхъ, завѣсы. Служба отправляется по старымъ книгамъ. Иконостасъ не что иное, какъ стѣна, обитая бумажками, и на полкахъ въ три ряда разставлены разныя стариннаго письма иконы.

Вблизи города старая обвалившаяся земляная крѣпостца, не заслуживающая примѣчанія: она нѣсколько видна съ большой дороги. При выѣздѣ изъ города каменный выстроенъ острогъ съ желѣзными веревки и заклепами. Архитектура наружная очень хороша, естъли, говоря о тюрьмѣ, можно назватъ что ни будь хорошимъ: каково-то въ ней!

Одинъ обыватель здѣшній разводитъ туковыя деревья. Я къ нему ходилъ; онъ мнѣ съ подробностью весьма снисходительно показывалъ все производство шелковичнаго растенія. На одномъ листѣ до миллиона яицъ оставляютъ бабочки. Ни чего нельзя видѣть любопытнѣе соединенія червячковъ; они поѣдаютъ листъ и обовьются, шелкомъ. Въ этой овальной желтой паутиѣ они ждуть минуты, которую натура имъ назначила выйти оттуда съ крыльями и бытъ бабочками. Безъ всякихъ дальнихъ вымысловъ нѣкоторое число этихъ, такъ называемыхъ, куколъ повѣсятъ на шнуркѣ, какъ баранки, на стѣну; солнце ихъ обогрѣветъ; они продерутъ скорлупу свою и выдутъ наружу. Ихъ возьмутъ, положатъ на листъ, и новый родъ ихъ опять начнется, а прочихъ всѣхъ заморятъ въ этомъ чухлѣ и станутъ изъ него вить шелкъ. Сколько трудовъ натурѣ и человѣку для того, чтобъ модницамъ нашимъ было во что обуться и одѣться! Тутовое дарево само собою ни чего не значитъ; ягоды его очень приторны. Меня чрезвычайно занимали червячки, и я долго не могъ съ ними растаться.

Городъ, впрочемъ, ни чего очень любопытнаго не содержитъ, и хорошимъ его назвать нельзя; довольно, что онъ носитъ громкое имя, чтобъ долго жить со славою въ лѣтописяхъ нашихъ.

Прекрасно жить въ Елисаветѣ:
 Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
 Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
 Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.
 Подъ властью быть Елисаветы
 Прекраснѣй было во сто кратъ,
 Когда ея блага совѣты
 Творили счастье здѣшнихъ чадъ.
 О градъ, Царицѣ сомненный!
 Хоть многихъ меньше ты градовъ:
 Но званью будешь, незабвенный
 Въ сердцахъ Россійскихъ вѣкъ слыновъ!

Г Л А В А XXV.

Николаевская степь. Громоклея.

Въ Елисаветѣ пробыли только утро и отобѣдали. Оставя за собой берега Ингульскіе, орошаемые самой нечистой водой, и старую границу, по тому что все далѣе Елисаветграда покорено Екатериной, мы вѣхали въ Николаевскую ужасную степь. Полвѣка назадъ мы бы думали, что ѣдемъ въ чужіе края и на заставахъ стали бы у насъ спрашивать дипломатическихъ паспортовъ. Время все превращаетъ: наша подорожная почти до Царьграда намъ также хорошо нынѣ служила, какъ бы отъ Петербурга до Москвы, и мы по указу предубѣжденія въ чужой сторонѣ почитали себя дома.

Отѣхавши верстъ 40, мы мѣняли лошадей въ селеніи небольшомъ, разбросанномъ по рѣчкѣ Судаклѣѣ, * которая дала

* Сутоклеѣ. О. В.

ему свое имя. Отсюда стали мы примѣчать большіе камни, бѣлые и дикіе, обросшіе мхомъ и неподвижно тутъ натурой утвержденные; изъ самыхъ мелкихъ строятся низенькія горенки. Природа, кажется, не безъ умысла поставила у источниковъ морскихъ разныя особенныя вывѣски, и ими оградила собраніе водъ для того, чтобъ всѣхъ животныхъ, населяющихъ твердую землю, остеречь, предупредивъ ихъ, что они приближаются не къ своей стихіи. Но нѣтъ! человекъ преградъ не знаетъ; да не отъ того, если, сославшись на стараго и иностраннаго писателя, смѣю и я сказать, чтобъ онъ былъ всего земнороднаго острѣе, а по тому, что онъ всѣхъ испорченнѣе и ни чѣмъ во вѣки не доволенъ. Дай на небѣ престолъ—и тамъ не уиѣстимся.

По всей дорогѣ до Николаева, которая составляетъ 140 верстъ, вы ни чего не видите, кромѣ дикой степи, ни какого растенія: одинъ ковыль, какъ волна вѣется по землѣ. Жаръ и зной палятъ ужасный: здѣсь тепла нѣтъ: или духота, или такой холодъ подъ вечеръ и предъ утренней зарей, что шубы просимъ; переходъ изъ воздуха въ другой быстръ и опасенъ для неосторожныхъ. Однако, чего нужда не дѣлаетъ? И тутъ селятся; мы нашли семей со 100, выѣхавшихъ на одну отведенную имъ равнину, съ семьями, скотомъ и всей своей пажитью. О бѣдныя! Пожалѣлъ я объ нихъ и проскакалъ. А можетъ быть они и счастливыи здѣсь будутъ: желаю, всѣмъ сердцемъ желаю!

Проѣхавъ третью часть степи, пора была помышлять о ночлегѣ. Остановились мы въ селеніи Громоклея: * названіе громкое, а жилища ни какого. Тутъ поселено 44 выходца, кои имянуются Молдаванскими Дворянами; владѣютъ 6-ю тысячами десятинъ земли, по тому что нѣкогда здѣсь ею не дорожили, а отдавали всякому, кто бы ни захотѣлъ; не платятъ ни какой подати, кромѣ поземельныхъ денегъ; скота имѣютъ пропасть; дровъ ни полѣна, топятъ кизикомъ, котораго навалены у нихъ стопы, какъ у насъ скирды съ хлѣбомъ: для насъ подъ чайникъ

---

* При рѣчкѣ Громоклей Елисаветградскаго Уѣзда, въ 16 в. отъ города, съ 126 дворами и станціей; иначе Китросаново, Николаево, Дворянское. О. Б.

сожгли изломанное колесо телѣжное. Противъ нашего огня разложенъ былъ такой же у Хохловъ: они перевозили дубовый лѣсъ на корабли въ Николаевъ; его рубятъ въ, такъ называемомъ, Черномъ лѣсу, 90 верстъ отъ Николаева. На ночлегъ отвѣчалъ прекрасно мнѣ одинъ молодой тутошній мужикъ. Спросилъ я его: «Есть ли у васъ дѣвки въ селеніи?»—«Куда же имъ переводиться? Вѣдь ихъ въ солдаты не берутъ.»

Отвели намъ избу, въ которой, по увѣренію почтара, Военный Губернаторъ останавливается, но нечистота и гадъ насть изъ нея скоро выжили. Мы предпочли поужинать на дворѣ: прекрасная зала, когда вечеръ такъ хорошъ, какъ былъ тогда! Вспомнили Курскую армарку, и легли спать въ каретѣ. Безпробойныя мечты тутъ меня замучили; сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; утренняя заря еще не занималась и одинъ полный мѣсяцъ сквозь темный завѣсъ ночи посылалъ лучи свои на землю; но что сіи блѣдные лучи озаряли? Увы! не излучины Англинскаго сада, не тихой ручеекъ въ долинахъ сладострастныхъ, не боскетъ, гдѣ любовь ищетъ любви и умираетъ въ восторгахъ. Онѣтъ, мѣсяцъ освѣщалъ степь дикую и пространную, горизонтъ пустоты безконечной: небо и сухая земля! Сѣдой ковыль, похваемый зефиромъ, покрываетъ всю степь и уподобляется океану: тотъ же ужасъ въ чувствахъ, что и на водѣ. Я испыталъ всю его дрожь, валяясь въ каретѣ; мало этой картины, чтобъ выразить вамъ тогдашнее мое положеніе. Всѣ около меня уже спали: люди, утомясь отъ жара, храпѣли на сырой землѣ; одна бѣдная жена моя дѣлила мою тоску и унылыя доѣвки. Въ воздухѣ раздавался лай псовъ или, лучше сказать, вой сей неусыпной стражи пустынныхъ жителей: въ одной избѣ замолкнуть, завоютъ въ другой. Лѣнивый волъ, освобожденный на ночь отъ ярма, подошелъ къ нашей каретѣ и, потерявшись около кузова, рогомъ стучалъ въ стекло, противъ котораго я и спалъ; естли не крѣпкаго сна, но крайней мѣрѣ сладостей дремоты, ни что ея не привлекало; духъ и умъ мой съ удивительнымъ напряженіемъ силъ бодрствовали, какъ бы для того, чтобъ разительнѣе чувствовалъ я бѣдствіе тѣхъ, кои не по прихотямъ, но изъ нужды, странствуютъ по морямъ и за морями.

Вотъ какъ мы провели кратчайшую лѣтнюю ночь Іюля 3 числа на степи подъ Николаевомъ. Никогда, никогда Громоклен я не забуду. Вы, которые такъ восхищаетесь луной и ея свѣтомъ, любите читать страшныя повѣсти Г-жи Радклифъ! Хотите ли познать ужасы мѣсячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпречь вашу карету, лягте въ ней соснуть, и повѣрьте, что нѣтъ ни чего тошнѣе, какъ удареніе мѣсячныхъ лучей, когда все, насъ окружающее, пусто, уныло и бесплодно! О! какъ мѣсяцъ тогда противенъ! Сколько тысячъ разъ взглянулъ я въ самую среднюю его точку и—проклиналъ эту, столь очаровательную въ молодости моей, планету!

Лишь только стало разсвѣтать, я выскочилъ изъ кареты, накинулъ куртку и легъ, какъ отчаянный, на голой землѣ. Эта натуральная постель лучше меня успокоила: я часа два забылся, уснулъ. Потомъ спросилъ лошадей; жена напилась чаю, и въ 4 часа утра уже мы считали новыя версты.

Г Л А В А XXVI.

Прїѣздъ въ Николаевъ.

Отъ ночлега нашего въ сторонѣ, не въ дальнемъ разстояніи, селеніе, принадлежащее какому-то Пот... Тужилъ я, да поздно, что мы не знали объ немъ: чайтельно, тутъ мы бы ночевали лучше.

На дорогѣ нѣтъ ни чего завиднаго: мѣста каменистыя и часто горы, но не страшныя. На возвратномъ пути, будучи уже въ той сторонѣ знакомѣе, мы находили и тамъ убѣжище, гдѣ нынѣ просто скакали мимо безъ примѣчанія; такъ, на примѣръ, мы нашли чему подивиться въ деревнѣ одной госпожи Лореновой, у которой маленькая мыза при пути, близехонько отъ почтовой стѣны.

Вскорѣ за ней полубилось мнѣ на всей этой степи одно только положеніе мѣста. При небольшомъ источникѣ построена

каменная низенькая церковь и обсажена ветлами. Здѣсь и это дерево въ диковинку: ни какого нѣтъ! Взглянувъ на церковь, вспомнилъ я, что это былъ воскресный день и съ умиленіемъ вздохнулъ. Кто что ни говори, чувствительность человѣческая есть та гибкая доска въ нашемъ составѣ, на которой врѣзываются всѣ впечатлѣнія ума и сердца. Законъ и богослуженіе есть дѣйствія общества. Натуральный, нами съ восторгомъ выхваляемый, человѣкъ не знаетъ ни буднихъ, ни праздниковъ; въ степи Вторникъ и Воскресенье все равно. Онъ работаетъ, прѣтеть, въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, не видитъ ни чего выше неба; словомъ, онъ живой образецъ Адама, изгнаннаго изъ рая и осужденнаго на рабство, безконечной трудъ и смерть. Восхищайтесь такимъ бытіемъ, господа энтузіасты!

Обѣдали мы въ сараѣ, принадлежащемъ къ помѣстью одного Лѣкаря, и по тому станція, тутъ расположенная, называется Лѣкарева: * она въ 47 верстахъ отъ Николаева. Я въ ней отдохнулъ часа три и доправилъ недоимку съ Морфея, который въ прошедшей ночи не весь суточный доходъ мой мнѣ выплатилъ. Мужикъ тутешній сказывалъ намъ, что ихъ 90 душъ, и 4 помѣщика ими управляютъ, они жъ и не въ раздѣлѣ. Весело, думаю, жить и тѣмъ и другимъ!

На послѣдней почтовой смѣнѣ Кандыбинѣ ** нашелъ я чистый самый и прозрачный ключъ воды, хрусталь не свѣтлѣе: онъ бьетъ изъ пригорка, въ которомъ, подобно искусственному гроту, натура дала глубокую впадину. Родникъ обнесенъ низкой оградой изъ тутешняго камня и представляетъ прохладную ванну. Верхній холмъ отѣняетъ ее отъ зною; отъ него проведенъ жолобъ, гдѣ, пасущіе овецъ и коней, обыватели напояютъ свой домашній скотъ. Какое романическое мѣсто! Я оросился этой благотворной водой, стоя подъ жолобомъ, и съ удовольствіемъ ея напился. ЕСТЬЛИ БЪ ЭТОТЪ КЛОЧЕКЪ ЗЕМЛИ СЪ ВОДОЮ ВЫРѢЗАТЬ

* Иначе Вейландова, при колодецѣ, въ 109 в. отъ своего Уѣднаго города (Херсона), съ 29 л. О. Б.

** Кандыбинъ хуторъ, при ключѣ, въ 86 в. отъ Херсона. О. Б.

и отнести къ богатому барину въ Москву, который его бы убралъ, обогатилъ, отдѣлалъ, то то бы вышла заманчивая прогулка, сокровище! Но здѣсь натура одной постоянной цѣли своей искала—пользы. Она разсыпаетъ дары свои обильно, гдѣ не чають: тамъ даетъ тополи и винограды, здѣсь гонитъ быстрый токъ воды, чтобъ дать прохладу утомленному пѣшеходу и освѣжить жаркую морду отягченнаго вола. Вотъ весь ея предметъ!

Натуру я осмѣлюсь уподобить здоровой и прекрасной женщинѣ, которая еще не одѣлась; а роскошь есть ея туалетъ, ея убранство, пособіемъ котораго получаетъ она сіяніе. Можно ли оспаривать истину, которую, кажется, сами чувства наши безпрестано исповѣдуютъ, что натура, сколь ни хороша въ своихъ твореніяхъ, но предметы, въ коихъ она на насъ дѣйствуетъ, удваиваютъ ея прелести? Изъяснимся: солнце, луна, сіи два превосходныя свѣтила, нигдѣ не теряютъ своего достоинства и славы; но сравните ихъ въ отношеніи къ тѣламъ поднебеснымъ, на коихъ лучи ихъ отражаются, тѣ же свѣтила не вездѣ плѣняютъ васъ, не вездѣ на чувства ваши подѣйствуютъ одинаково. Солнечный лучъ, проникшій въ вашъ уединенный кабинетъ чрезъ отверстое окно, въ которое, вмѣстѣ съ нимъ, входитъ къ вамъ лѣтній вѣтерокъ сквозь тонкой раскрашенной сторъ, что мы прозрачіемъ называемъ, этотъ лучъ не стократно ли пріятнѣе для васъ яркаго огня, подъ которымъ печется несчастный Хохоль среди Николаевскихъ степей? Недавно и луна въ ужасъ приводила меня, отражаясь на земляхъ бесплодныхъ; та же планета въ живописномъ боскетѣ, или въ липовой аллеѣ, ударяя въ чистый фонтанъ и обдѣлывая гранью пущенный изъ него столбъ воды, та же луна въ восторгъ васъ приводитъ, и вы съ возлюбленной возносите ее на зирѣ. Осмѣлимся взять въ примѣръ огонь вещественный, земной: внесемте свѣчи въ богатую комнату: какъ все покажется прекрасно! Внесите въ избу, гдѣ ползаетъ тараканъ, шумитъ сверчокъ, пролита крынка на лавкѣ, и вы изъ нея побѣжите: огонь, однако, и тамъ и тутъ одинъ и тотъ же. Ахъ! признаемся, что роскошь есть лакъ природы.

Кто не бывалъ, какъ я, нигдѣ, кромѣ Москвы и Петербурга, или городовъ вообще, тотъ послѣ такой продолжительной степной

дороги, увидѣвши Бугъ и городъ на немъ, закричить: «Слава Богу! Есть еще для меня и жизнь и люди!» Такъ чувствовалъ я, пріѣхавши въ Николаевъ. Еще было свѣтло. Бугъ меня обрадовалъ; сердце мое забилось; сколько идей различныхъ овладѣло мною! Мое намѣреніе, столь труднымъ въ началѣ казавшееся, почти исполнено: я приближаюсь къ Одессѣ; и ужь въ Николаевѣ, тамъ, гдѣ не было ни чего, кромѣ продолженія степи; тамъ, гдѣ чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себѣ языки. Здѣсь соединяется Ингуль съ Бугомъ. Первая рѣка нехороша, по тому что заплываетъ почти вся камышами; они, какъ стѣна, въ самой водѣ еще издали видны; а Бугъ мнѣ чрезвычайно показался. Протяженіе сей рѣки въ длину невелико: но какъ въ ней много воды! Какъ она идѣ широка, горда, рьяна! Я буду имѣть случай объ ней часто говорить.

Теперь скажемъ только, что мы, по пріѣздѣ въ городъ, не знали долго, куда пристать. Обѣщаны были съ нами письма изъ Кременчуга къ конторщику Г. Перетца, который здѣсь важные торги имѣетъ лѣсомъ и хлѣбомъ, но мы уѣхали безъ нихъ и, какъ иногда случай гораздо лучше догадки, то мы нечаянно подѣхавъ къ Провіантской Г-на Перетца конторѣ, нашли вѣжливаго прикащика, который, по ссылкѣ нашей на извѣстныхъ ему въ Кременчугѣ людей, на обѣщанныя письма, рѣшился насъ принять и отвести намъ всю свою прекрасную квартиру. Домъ каменный, стѣны росписныя, мебель пристойная, комнаты небольшія, да чистыя; а для насъ тогда и хорошая изба показалась бы дворцомъ: усталому вездѣ тамъ рай, гдѣ онъ отдохнуть можетъ. И такъ мы разсудили, оглядѣвъ всѣ прелести нашего жилья, остановиться тутъ дни на три.

ГЛАВА XVIII.

Н и к о л а е в ъ .

Зачнемъ съ хозяина, Г. К., который управляетъ дѣлами Провіантскими по довѣренности Перетца, доставилъ намъ всѣ тѣ удовольствія, какихъ только въ незнакомомъ краю ожидать

можно. Я не назову этого простымъ гостепріимствомъ; нѣтъ, тутъ было добротство, ласка, желаніе угодить, и оно тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я ни чѣмъ его не заслужилъ. Мы имѣли чай, кофе, когда хотѣли, хорошую баню, всякой день столъ готовый, за который Г. К. съ самою тонкою вѣжливостію приглашалъ тѣхъ изъ посѣтителей нашихъ, коихъ замѣчалъ онъ, что бесѣда насъ занимаетъ особливо. Гдѣ жь искать причины такой разборчивости въ уваженіяхъ? Г. К. мнѣ не былъ ни другъ, ни родня. Сколько родныхъ на свѣтѣ, которые охотно кинутъ бѣдному родственнику пять сотъ, тысячу, рублей, для того, что они привыкли сорить деньгами и что для нихъ все равно, какъ и куда ихъ употребить, лишь бы доходы ихъ были расточены пышнымъ образомъ; и какъ мало такихъ ближнихъ, кои бы показали вниманіе безденежное, но стократъ драгоцѣннѣе золота самаго Г. К., угостивъ насъ на чужой сторонѣ, какъ родной, безъ всякихъ видовъ корысти, пріобрѣлъ вѣчное право на мою признательность.

Городъ новъ, выросъ, такъ сказать, изъ земли, но видно, по многимъ примѣтамъ, что онъ назначался быть огромнымъ по здѣшней сторонѣ. Обывательскихъ домовъ довольно, казармъ и слободъ также; улицы широки и правильны, но не мощены; ибо грунтъ песчанъ. Каменные лавки отличаются менѣе своей красотою, чѣмъ своей дороговизною въ товарахъ; все можно достать, но за высокую цѣну. Я купилъ здѣсь сукна, для того только, чтобъ носить Николаевской фракъ. Вотъ первая вывѣска моего пристрастія къ этому городу!

Городомъ управляетъ Военный Губернаторъ. Мѣсто его занималъ въ то время Г. Я., морской немолодой Генералъ и страждущій глазами болѣзнями; онъ ведетъ жизнь самую уединенную; ни кого не принимаетъ безъ дѣла, самъ не бываетъ ни въ какихъ собраніяхъ. Домъ, гдѣ онъ живетъ, великъ и хорошо убранъ; въ немъ предмѣстникъ его, Г. Маркизь де Траверсе, частые давалъ пиры и былъ чрезвычайно любимъ въ городѣ. Никто не произноситъ его имени въ Николаевѣ безъ похвалъ, и похвалъ самыхъ искреннихъ. Не станемъ полагаться на тѣ, кои украшаютъ память его морскіе Чиновники: по главному начальству

его надъ ихъ службой, они могутъ и нынѣ, изъ одной осторожности и политики, объ немъ отзываться выгодно; но Священникъ, приказный, ремесленникъ, торгаши всякаго состоянія и возраста, люди, всѣ его превозносятъ, и естли можно чему ни будь поревновать въ такомъ мірѣ, гдѣ все гибнетъ, такъ, конечно, позавидовать простиительно славѣ, которую Г. де Траверсе по себѣ оставилъ въ Николаевѣ. Онъ никогда не скрывался отъ людей; онъ искалъ ихъ, дѣлалъ для нихъ забавы, сосредоточивалъ ихъ всѣхъ у себя, и былъ обожаемъ. Нелюдимъ можетъ быть достоинъ и почтенъ, но любезенъ никогда. Чтобы быть любиму, надобно любить, или видъ благосклонности показывать; а кто бѣгаетъ отъ людей, тотъ милъ имъ никогда не будетъ.

Здѣсь разныя части управленія. Адмиралтейство учреждено въ большомъ каменномъ и прекрасномъ домѣ съ флигелями, колоннами и галереями; противъ него большая площадь; видъ строения отвѣтствуетъ колоссальнымъ намѣреніямъ того, который кинулъ первыя основанія Николаева: извѣстно, что его заложилъ Потемкинъ. Я со многими Чиновниками морскими ознакомился. Нигдѣ нѣтъ такой пріятливости, какъ въ этой службѣ. Вода сближаетъ всѣ народы, и морскіе Офицеры хотъ кажутся дики въ обществѣ, но можно смѣло ручаться, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не былъ пріятно и полезно образованъ самъ собою и собственнымъ своимъ навыкомъ, а это средство прочнѣе всѣхъ Академическихъ. Г. Леонтовичъ, первый Чиновникъ здѣсь подъ Адмираломъ; онъ женатъ на дочери де Траверсе, воспитанной въ Смольномъ Моѣстырѣ; онъ неоднократно посѣтилъ меня, обласкалъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ здѣшнимъ заведеніямъ. Ихъ много, и Николаевъ большое мѣсто займетъ въ моремъ путешествіи.

Соборъ каменный строенъ при Потемкинѣ и его иждивеніемъ, во имя его патрона, Григорія Армянина, которому празднуется 30-го Сентября. Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать изображенію его видъ Азіятской, и для того списалъ съ одного Турка лицо, которое въ одеждѣ Священномученика поставлено въ иконостасъ: не знаю, правда ли, но отъ него станется: онъ рожденъ былъ для всего необыкновеннаго. Соборъ ни живописью, ни красотой убран-

ства не щеголяетъ; лишь одной огромностью своей важенъ. При немъ Протопопъ изъ Малороссіянь, по прозванію Савурской, пожилой Священникъ, лѣтъ близъ 70, но веселый въ обращеніи и словоохотивый: онъ раздѣляя со мной большую часть моего времени, много видѣлъ, слышалъ и съ догадкой вѣкъ свой прожилъ. Князь его выписалъ сюда подъ кровъ чистаго неба, поставилъ ему камышевый храмъ; въ немъ онъ воскурилъ первое кадило предъ Богомъ: пора была помыслить о безкровной жертвѣ на такой землѣ, которая утучнена была толикими жертвами крови, не агнчей, но человѣческой; 20 лѣтъ слишкомъ онъ при семъ храмѣ и свидѣтелемъ былъ славы и гроба Потемкина, многія воспоминаетъ интересныя событія его жизни. Отецъ Ефимій пристрастился къ Николаеву и тужить о томъ, что Одесса похитила его добычи; такъ точно и Николаевъ вселилъ въ забвеніе Херсонъ. Что вѣчно въ мірѣ? Соборъ обнесетъ оградой; внутри ея близъ стѣнъ церковныхъ воздвигнуть памятникъ изъ бѣлаго камня, надъ извѣстиями и громкимъ, въ свое время Фалеевымъ, который приводилъ все здѣсь въ движеніе, по мановенію Князя Таврическаго. Подлинно, можно время образованія сего края уподобить эпохѣ сотворенія міра, когда Всесильный рекъ—и быша, повелѣ—и создашася! Сверхъ этого собора городъ имѣетъ застроившую церковь и Раскольничій храмъ; въ новыхъ населеніяхъ ихъ охотно терпятъ: гдѣ не было вовсе престола, тамъ и кумиръ поставить можно. Новые люди, пришедъ на землю нову, и тому поклонятся. Чего здѣсь не построили, не развели, не посадили, чтобъ послѣ бросить и показать образчики начатаго, но несовершеннаго, великолѣпія!

ГЛАВА XXVIII.

Верфь. Депо. Штурманская школа.

Главный предметъ вниманія въ Николаевѣ есть корабельная верфь. Здѣсь заложены и строились при насъ одинъ 70-ти пушечный корабль, фрегатъ и канонирское судно. Лѣсъ дубовый ставитъ Церетцъ по подряду съ Казной, цѣною за 40 копѣекъ пудъ

его на корабль идетъ до 300 тысячъ; онъ въ отдѣлкѣ становится въ милліонъ. Какая куча денегъ! какая громада въ строеніи! а на морѣ—игрушка, и волна его кидаетъ изъ стороны въ сторону. На берегу корабль нѣчто страшное, по величинѣ своей и составу. Я сходилъ внутрь до самаго киля, видѣлъ первоначальныя основанія его и могучія ребра этого колосса: 500 работниковъ возятся около его круглый годъ съ топорами. Мачта каждая стоитъ до 2 тысячъ рублей; мнѣ казали, какъ и ихъ дѣлаютъ. При Адмиралтействѣ заведены двѣ мастерскія палаты: одна для кузнечныхъ а другая для всякихъ мѣдныхъ, подѣлокъ.

Особое училище для морскихъ воспитанниковъ, подъ названіемъ Штурманской школы, небогато, но всего имѣетъ поне-много, и книгъ и инструментовъ на нужду довольно. Я не говорю о воздушной и электрической машинахъ: гдѣ жъ ихъ нѣтъ! Сюда выписанъ астрономическій кругъ, но онъ хуже Харьковскаго: тамъ всѣ планеты на одномъ дискѣ, и все движеніе небснаго круга видно вдругъ; а здѣсь каждая изъ нихъ съ своими спутниками привинчивается для классическаго изъясненія. Большой портретъ Петра I въ залѣ изображаетъ его очень живо; предъ нимъ поставлена модель корабля, и онъ будто радуется на свое любимое ремесло. На дворѣ училища выставленъ средняго размѣра корабль, на которомъ дѣти приучаются теоріи мореплаванія и познаютъ систему паруснаго дѣйствія: куда ни обернись, вездѣ мачта и канать.

Рѣдкостью осмѣлюсь назвать два камня нарочитой величины изъ чистаго бѣлаго мрамора. Объ нихъ словарь говоритъ, что они въ соборѣ; такъ прежде и было: одинъ лежалъ при церкви, другой въ алтарѣ; во времени оба они перенесены сюда и здѣсь хранятся. Но надписи на одномъ изъ нихъ судя, онъ отломанъ отъ памятника, сооруженнаго Стратону: это очень явственно видно. На другой доскѣ надпись есть же, но она еще не переведена; ни кто донинѣ въ смыслъ ея не вразумится. Буквы нагладились и не такъ отличительны черты ея. Обѣ этѣ доски вырыты, какъ сказывали мнѣ, въ дачахъ Графа Безбородька, о коихъ буду писать, когда до нихъ дойду; а чтобъ не смѣшивать предметовъ, и чрезъ то не приводить читателей въ излишнее разсѣяніе, и продолжать стану

о Николаевѣ. Еще удивительнѣе двѣ машины, устроенныя при Адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, Англичанина Юнга. Одна, посредствомъ двухъ лошадей, приводитъ въ движеніе до 6 разныхъ станковъ, на коихъ одинъ мѣдъ сверлитъ, другой ее точитъ, и всѣ этѣ разнородныя работы по волѣ каждаго мастеравого могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. Этотъ механизмъ очень любопытенъ. Другой также не изъ самыхъ посредственныхъ изобрѣтеній. Двѣ лошади движеніемъ своимъ приводятъ въ дѣйствіе такія пружины, посредствомъ коихъ желтая краска, для кораблей очень нужная, растирается, просѣивается, отдѣляется отъ постороннихъ своихъ частей въ одно время вдругъ. Изобрѣтателя сихъ машинъ здѣсь уже нѣтъ: онъ взятъ въ другое мѣсто.

Бакаутовое дерево, какъ извѣстно, выводится въ Россіи; Англичане изъ Америки къ намъ его не пускаютъ. Дерево плотное, крѣпкое, необходимое для судовъ. Потребность сію замѣнили мѣдью; но многіе морскіе думаютъ, что ржа, которой металлъ сей подверженъ, и собственная его мягкость, не равняютъ пользы его съ той, какая отъ бакаута получается; ибо сіе дерево легче гораздо металла; оно сдѣлалось чрезвычайно цѣнно. Въ особомъ большомъ сараѣ дѣлаются разной величины блоки.

Предполагали основать здѣсь Морской Корпусъ; но проектъ такой, полезный на краю Имперіи къ Черному морю, не состоялся по тому, что суммы, на то ассигнованныя, печально остановлены. Для начала сего заведенія устроено, подъ названіемъ Адмиралтейскаго Депо, хранилище разныхъ орудій и книгъ, Библиотека, въ которой, между учебными сочиненіями, есть мѣсто и для Изящной Словесности; физическихъ и астрономическихъ инструментовъ довольно, и все въ наилучшемъ состояніи. Любятъ ли кто Естествословіе? Тутъ найдетъ собраніе изрядныхъ чучель. Примѣчательнѣе всѣхъ, по сходству съ живыми и искусству въ отдѣлкѣ, крокодилъ, черепаха и кабанъ. Охотникъ ли кто до Нумизматики? Найдеть изрядное количество медалей. Въ Депо есть большая книга, въ которую вписывается имя всякаго того, кто, при посѣщеніи кабинетовъ, положитъ въ нихъ что ни будь рѣдкое. И я былъ вкладчикомъ, присоединяя къ собранію раз-

ныхъ монеть, золотого Наполеона въ 20 франковъ, котораго у нихъ еще не было. Пусть хоть по самой малости помнятъ меня тамъ, гдѣ я ни кого не забылъ и не забуду. Разныхъ судовъ морскихъ и построеній увидите вы тутъ хорошія модели. Сверхъ того въ особой залѣ приготавлиются къ отдѣлкѣ 2 глобуса отличнаго роста, въ 9 футовъ вышины. Все это заводилъ, ободрялъ и поддерживалъ, Маркизъ де Траверсе. Нельзя не отдать ему большой чести, не смотря на завистниковъ его, естля и онъ гдѣ либо ихъ, какъ ужей изъ травы, противъ себя выгналъ.

При взятіи Анапы найдены въ ней и присланы сюда двѣ доски мраморныя съ надписями Турецкими. Доски хранятся въ этомъ Депо; надписи переведены. Я остановился противъ нихъ, долго разсматривалъ и получилъ списокъ съ перевода, котораго вотъ содержаніе:

СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ МУСТАФА АГА.

1. О Великій Боже!	1. Безъ твоего соизволенія, ни что не колеблется.
2. Султанъ Селимъ имѣеть неограниченную власть.	2. Просить тебя, о Великій Боже, сохранять всѣ грады его во вѣки.
3. Печется о всѣхъ городахъ, ему подвластныхъ, строить и доканчиваетъ новый.	3. Дабы подданные его были всегда покойны.
4. И какъ всѣ города, во владѣніи находящіеся, въ продолженіи жизни его благополучны, то и оный да будетъ таковымъ во вѣки!	4. А враги его тому удивлялись бы.
5. Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ.	5. Жители онаго да будутъ благополучны.
6. Около его сдѣлалъ прекрасныя ворота.	6. И самыя величайшіе исполнны. не могутъ разрушить оныхъ.
7. Поставилъ на берегу Чернаго моря.	7. Отъ лукаваго врага охраняетъ Богомъ.
8. Да будетъ извѣстно каждому, что сія надпись сдѣлана въ память сооруженія города Анапа и въ вѣчное прославленіе Султана Селима.	8. Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапа.

1798 года.

1. Во время царствованія Султана Селима.	1. Сохранителя и покровителя своихъ подданныхъ и законовъ Божіихъ.
2. Сооруженъ имъ сей городъ для его войновъ.	2. Преодоливъ всѣ затрудненія.
3. Въ сооруженіи онаго помощникомъ былъ Богъ.	3. Ибо по соизволенію его и милости многіе люди покорены.
4. Мустафа Паша и Мустафа Ага.	4. Кон употребили великіе свои труды.
5. И въ знакъ памяти сдѣлана надпись.	5. На свѣхъ прекрасныхъ вратахъ прославленъ Ты, о великій Боже!
6. Сей камень положенъ 1796 года.	6. Сія надпись сдѣлана въ память построенія города Анапы Султаномъ Селимомъ.

Переводъ съ Турецкаго языка на Россійскій надписи, высѣченной на мраморной меньшей плитѣ, доставленной изъ города Анапы.

Г Л А В А XXIX.

Кладбище Спаское.

Подъ городомъ отведено кладбище. Ефимій, о которомъ я уже далъ идею, любя это мѣсто и желая положить здѣсь свои кости, назвалъ его «Село Божіе:» подлинно его; ибо наполнено мертвецами. Тутъ выстроены прекрасныя храмы, расписанныя аллегорическими картинами, занятыя въ Священномъ Писаніи; церковь во имя Всѣхъ Святыхъ; Ефимій ежедневно въ ней служитъ. Г. Тулубьевъ, воинъ, оказавшій на морѣ свою храбрость и лишившійся ноги, вспомоцествуетъ своими избытками благоупію церкви. Я съ нимъ познакомился, и сей достойный человекъ удостоилъ меня своей пріязни. Ефимій меня возилъ сюда. При входѣ въ церковь удивленъ я былъ пѣвчими; человекъ до 20 въ синихъ одеждахъ съ палевымъ приборомъ, по Малороссійскому крою, пропѣли концертъ: басы прекрасныя, громъ ужасный, остатокъ старинной роскоши, которую вводилъ во вкусъ Потем-

кинъ. Хоръ принадлежитъ къ Адмиралтейству. Но все имѣетъ свое время; вельможа умеръ—и многія прелести здѣшняго края исчезли. Я съ любопытствомъ ходилъ по могиламъ. И здѣсь уже ихъ пропасть: смерть вездѣ данъ беретъ съ челоуѣчества; на глаза мои не встрѣтили ни стихотворныхъ надписей, ни замысловатыхъ эмблемъ; какъ проста натура, такъ и подробныя: онѣ всѣ изъ дикаго камня, хуже, или лучше, обтесаннаго—готовая и общая на каждомъ надпись. Со мной былъ одинъ знакомый, морской Офицеръ; онъ имѣлъ несчастье потерять на дняхъ малолѣтняго брата лѣтъ 15-ти. Неосторожная молодость! Купавшись, онъ утонулъ и погребенъ тутъ. Проходя мимо его гроба, тронутый братъ кинулъ на прахъ его еще свѣжій дикую гвоздину и валъ на землю. Убийственно зрѣлище печали!

Хозяинъ нашъ, Ефимій, и я съ своими сотоварищами ѣздили смотрѣть недалеко отъ города прекрасный садъ, гдѣ по Воскресеньямъ вся публика гуляетъ. Здѣсь нѣкогда Потемкинъ жилъ самъ и давалъ роскошные праздники; отъ времени его осталась большая галерея и домъ, которые бы пришли уже въ совершенную ветхость, естли бы не обиталъ въ ней по лѣтамъ Маркизь де Траверсе. Послѣ Князя поддерживалъ это мѣсто Мордвиновъ. При смѣнившемъ его садъ пострадалъ отъ небреженія. Маркизь, принявъ начальство, посадилъ всѣ деревья и сдѣлалъ его опять прекраснѣйшимъ для прогулки. Чего тутъ не дала натура? И свѣжіе родники, и кущи тѣнистыя, меланхолическіе овраги, глухія ущелія, все есть, чего воображеніе ищетъ. Мы долго тутъ гуляли, пили воду безподобную, обливались ею, словомъ, мы наслаждались богатствомъ здѣшняго климата. Я видѣлъ въ первый разъ тополь и раину, два дерева прекрасныя: первое имѣетъ сучья и крючковато иногда растетъ, а послѣднее вытягивается, какъ струна и удивительно чисто летитъ до вершины. Оба они, подобно ветлѣ, отъ палокъ безъ корней произрастаютъ и разводятся отѣнно скоро, но не любятъ гористыя и слишкомъ высокія мѣста. Говорятъ, что этотъ садъ, или все мѣсто, названо Спаскимъ по тому, что Князь, живши въ Николаевѣ, катаясь по Бугу, противъ этого берега утоцулъ было, но спасенъ; отсюда и имя дано мѣсту. Утверждаютъ даже, что, по особенному къ нему прилѣпленію Княжему, предполагали здѣсь

поставить монастырь, подъ названіемъ Спасо-Николаевскаго, и что до построения его уже назначенъ былъ въ Архимандриты въ эту обитель, извѣстный по уму и дарованіямъ своимъ, Моисей Гумилевскій, что былъ послѣ Епископомъ въ Феодосіи. * Но умеръ Князь, и замыслы его съ нимъ похоронились.

Въ Николаевъ загнали нѣсколько Турецкихъ Пашей: считаютъ ихъ до 4-хъ; иные плавныя, другіе, наѣздивъ народу своему, перебѣжали къ намъ, и тутъ содержатся впредь до расчета съ Портой. Они стоятъ Казнѣ до 4 тысячъ въ мѣсяцъ; ѣздятъ другъ къ другу въ каретахъ и на дрожкахъ, мотають и дурачатся. Добрый здѣшній Городничій, Г. Воз..... хорошій мой знакомой, весьма забавно шутитъ на ихъ счетъ.

Немало я смѣлся и тому, какъ узналъ, что изъ Триеста и разныхъ другихъ иностранныхъ мѣстъ той же области приходили сюда и прѣзжали на волахъ наши матросы. Матросъ въ походѣ пѣшкомъ, или верхомъ, словомъ, какъ бы то ни было, но не на морскомъ экипажѣ, есть самое смѣшное зрѣлище. Извѣстно ли, нѣтъ ли многихъ, да и я знаю по тому только, что здѣсь слышалъ, что нѣкоторые наши корабли военные были проданы Французамъ, разумѣется, безъ людей; слѣдовательно, люди, сняты бывъ съ морскихъ судовъ, отпущены въ Россію и кучками стали при насъ приходять въ Николаевъ. Многіе изъ нашихъ матросовъ, проживъ тамъ лѣтъ 9-ть, совершенные сдѣлались мастера говорить по Итальянски.

Всего Николаева описать въ одинъ разъ не возможно; останемся на томъ, что сказано уже, и поѣдемъ далѣе. Пробывъ здѣсь часть 3-го и 4-го весь день, выѣхали 5 Юля изъ Спаскаго саду прямо въ путь и простились съ добромъ нашимъ хозяи-

---

* Въ свѣтѣ Михаилъ, р. во Владимірѣ, гдѣ былъ причетникомъ, потомъ обучался въ Московской Академіи, по выходѣ изъ коей былъ Учителемъ Еврейскаго и Греческаго языковъ, потомъ Поэзіи; монахъ, Учитель Риторики, проповѣдникъ и Игуменъ Знаменскаго монастыря, съ 1785; Учитель Философіи и Префектъ; въ началѣ 1788, по вызову Потемкина въ Молдавскую армію, Оберъ-Иеромонахъ ея, далѣе Архимандритъ, съ Юня 1791 г. Епископъ Феодосійскій, Октября 3-го, 1792, убитый въ Крымѣ домашними.

номъ, Городничимъ, и благосклоннымъ Пресвитеромъ, но съ надеждою скоро опять видѣться на возвратномъ пути изъ Одессы. Можно бы взять и другой путь на Тирасполь въ Кіевъ, но насъ все такъ плѣнило здѣсь, что мы рѣшились опять сюда быть. Ефиміи на берегу рѣки въ камилавкѣ, съ крестомъ и лентой на груди и закутанъ шалью, давалъ намъ свое благословеніе. Надлежало переѣхать Бугъ; для насъ готова была уже шлюпка: морской пріятель нашъ, Буд... и хозяинъ дома, гдѣ мы стояли, сѣлъ въ нее прежде насъ; за ними и мы, перекрестясь, сврыгнули съ пристани; матросы кинули веслы, и вотъ уже плывемъ на Бугѣ!

ГЛАВА XXX.

Ижніе Графа Безбородька:

Въ бытность мою въ Полтавѣ Графъ Безбородько убѣдительно требовалъ отъ меня, чтобы я заѣхалъ въ его ижніе недалеко отъ Николаева; и дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское, * въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спаскомъ. На Бугѣ ожидала насъ Адмиральская шлюпка. Пристань отиѣнно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій и до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный; подняли парусы и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялася, тѣмъ болѣе, что мы колыхались, какъ въ люлькѣ. Ефимій, стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Г. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

* По имени Графа Ильи Андреевича названное, собственно же Порутяно, при Бужскомъ лиманѣ, въ 128 верстахъ отъ Одессы, съ 100 дворовъ и церковью. О. Б.

Отъ Николаева та же простирается степь пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается; въ отдаленности видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ взошелъ и изъ за красныхъ облаковъ, наполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга. Опять новый предметъ ужасалъ Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Графское имѣетъ свое тутошнее наименованіе, * и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; и такъ мы съ ямщиками не могли друга друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольвію, они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удваивало страхи; мы боялись, что насъ не туда провезутъ, куда мы хотѣли ѣхать; то же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ: и такъ все насъ безпокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно, почти ночью; однако передовыя насъ возвѣстили: прикащикъ ждалъ; я ему отдалъ Графское письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ Турецкимъ диваномъ. Графъ недавно зачалъ здѣсь строиться, и предпріятіе его поставить, для своихъ наѣздовъ, домъ, идетъ весьма медленно. Да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное; когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что война старое все истребила, а миръ непродолжительный ни чего новаго устроить не допустилъ, то мы и тому подивиться должны, что нашли уже селеніе Русское, Христіанской храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ нея получилъ наименованіе Ольвіополя; ** но естественныя

---

* Порутивно. О. Б.

** *Ὀλβία*, Olbia, *Ὀλβιόπολις*, Olbiopolis, по прозванію *Σαβία*, построена Милесдами около 653 г. (по другимъ 640) до Р. Х. Ее посѣщала и описала Геродотъ, славилась своей торговлей съ окрестными народами. Екатерининъ же Ольвиополь при устьѣ рѣчки Свиноухи, впадающей въ Бугъ: сперва назывался ояъ

открытія заставляють убѣждаться, что Римскій городъ Ольвія не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Графа Безбородька. Сіе доказывается рытвинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; они раскиданы по берегамъ Буга, но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ни чего не видалъ, кромѣ двухъ дудокъ или отверстій въ землю. Въ нихъ опускается человѣкъ сажени на двѣ и на три глубины, и выносить оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Если бъ я былъ антикварій, я бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ одни нравственные измѣненія, не рассматривая вещей неодушевленныхъ.

По большей части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобныя нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепель. Ольвія, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссыльной; еслии вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколькихъ злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ и, обрадовавшись, когда попадетса намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ. Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ.

Графу недавно послали до 2000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полу пуда. Я купилъ себѣ у крестьянъ его 4, и заплатилъ 10 руб. Они въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольвіи. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходять рыть дикой камень, и добываютъ ихъ вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ будто городокъ. Тутъ же открыты разной величины блага мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ Греческія; инныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя

Екатериный Шанцъ, Екатерининская Крѣпость, въ 115 верстахъ отъ Херсона; нынѣ Уѣздный городъ, а крѣпость упразднена. О. Б.

Аполлона. Другой занялся бы ими очень долго, но я взглянул и, виноватъ! прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? Кажите мнѣ людей! Камень найпревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человѣкъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и такъ сказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе «Сто могилъ», самый высокій холмъ открываетъ наилучшіе виды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть, чуть показывается Таврической берегъ. Лиманъ отъ этого холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на 15 верстъ. Въ одну сторону видѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ. Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху; но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ же утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пуд. и 19 фунтовъ.

Въ селѣ выстроена каменная церковь, во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Князя Безбородька. * Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ни чего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго: утварь бѣдная, Евангеліе мѣдное, Священникъ молодъ и не изъ ученыхъ; можетъ быть, это и къ лучшему: богословы нашего времени больше удобны сбить съ пути добрыхъ поселянъ, нежели просвѣтить умъ ихъ и очистить Религію.

И такъ все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

---

* Александръ Пресвитеръ или Іерей, Священномученикъ, 15-го Марта, скончался въ III вѣкѣ, въ Сидѣ. О. Б.

Г Л А В А XXXI.

О ч а к о в ъ .

На пути къ Очакову, который не въ недалекомъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промоины выманили меня изъ коляски; между ими холмъ на водахъ Лиманскихъ. Какая прекрасная точка земли! Тутъ бы поставитъ храмъ, и славить въ немъ Трисвятаго. Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ; * городъ разоренный; донынѣ видны въ немъ еще слѣды Россійской рати: хуже деревни, вездѣ обломки бывшихъ строеній, камня груды. Часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю некогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ: сады все порубили. Что устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ Турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуеъ донинѣ храбрость полковъ и полководца. Она какъ вылита изъ одной штуки; нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря. Я стоялъ неподвиженъ на каменьяхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски Турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и потчивали наши мѣдные лбы: все тщетно было! Орау судило небо смирить гордую Луну.

Цѣль и Гассанъ-Пашинской замокъ: башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней Паша, и мы

---

* Первый 13-го Іюля, 1737 года, по Бѣлградскому договору, 7-го Сентября, 1739, возвращенъ Туркамъ; второй же 6-го Декабря, 1788; съ тѣхъ поръ остался за Россіей. О. Б.

осилили чугунные затворы. Я ходилъ внутри его; тамъ настроено много зданій для артиллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша; около сихъ мѣстъ его пропасть. Меня пустили прогуляться на батарею: на ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100—18-ти и 24 фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ неподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! Надѣво Лиманъ, направо Черное море; противъ глазъ Кинбурнская коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подалѣе въ томъ же морѣ обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ Турецкихъ укрѣпленій, я не смигалъ съ неба и воды. Уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горича встрѣчали мысль мою и напоминали гибельное событіе Очаковскаго штурма; я воображалъ, что я вижу тотъ путь, гдѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, не умѣющаго щадить жертвъ своихъ. * Здѣсь наши знатныя дамы, въ награду сладострастному побѣдоносцу, возили на саняхъ свои прелести, переѣзжали костры мертвыхъ тѣлъ и въ богатыхъ землянкахъ, среди роскоши

---

* На приступъ двинулись Русскіе 5-ю колоннами, въ конѣхъ 3-ю велъ Генералъ-Майоръ Князь С. Волконскій на фланговые реданты, 5-ую Бригадиръ Хрущовъ, который спустился въ ровъ крѣпости и взобрался на валъ на плечахъ непріятельскихъ, овладѣлъ имъ и, вмѣстѣ съ 6-ою колонной Бригадира Горича, взяшаго нижній бастионъ, вошелъ въ крѣпость. Приступъ продолжался всего только часъ съ небольшимъ, и послѣ него городъ отданъ былъ на три дня во власть войска. Взято слишкомъ 300 пушекъ мѣдныхъ и мортиръ, около 200 знаменъ, самъ трехбунчужный Паша, 4 тысячи солдатъ, не считая жителей, убито далеко за 8 тысячъ, въ томъ числѣ около 300 Офицеровъ. Съ нашей стороны убито почти тысяча и 28 Офицеровъ, въ томъ числѣ Волконскій, Горичъ и Корсаковъ (прежде Начальникъ Херсонскихъ строеній). Потемкинъ за Очаковъ получилъ Георгія 1-й степени, денегъ 100 тысячъ рублей и съ браліянтами шпагу. О. Б.

и нѣги, забывали въ объятіяхъ Потемкина всѣ ужасы военнаго ополченія, межъ тѣмъ какъ утомленные войны жгли дома, грабили мужей, насиловали женъ и нещадно рубили богатые вертограды.

Вѣрите, или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ и не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ небесныхъ? Средь глубокихъ моихъ размышленийъ объ Очаковскомъ штурмѣ, войнѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ, среди самаго чистаго воздуха, одно только облако. Что жъ оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными: стройное согласіе идей съ воздушными явленіями! Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролили крови, а за что?—За доскутокъ песчанаго берега при мутной водѣ.

Теперь нѣтъ ни чего въ Очаковѣ, кромѣ самой истинной картины опустошенія. Городомъ правитъ Городничій, а военной командой—Плаць-Маіоръ изъ Нѣмцевъ, человекъ добрый, привыкшій къ Рускимъ обычаямъ; отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него почевали; всѣ крѣпости Черноморскія въ завѣдываніи Д. Де Р. Очаковъ населенъ всякимъ сбродомъ; Греки и Жиды въ маломъ числѣ и самые бѣдные таскаются по городу, какъ бродяги и ищутъ случая пошильничать для пропитанія, одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Грекъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сыраго мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались, и не поймали. Спасибо ему, что вѣренъ своему характеру; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дому, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ 9 канонирскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не видали: онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальной домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору Судебныхъ Мѣстъ, описываютъ

ся отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоятъ лѣтъ по 10 безъ крышъ и починки; и тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, ни кто его ни чинилъ. Незабавный почлегъ! Подъ окошкомъ море, вѣтеръ реветъ, какъ осенью; въ добавокъ весь скарбъ господина хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый, всѣ животныя, безъ коня добрый хозяинъ въ степи обойтись не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты, почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ Плацъ-Маіоръ любилъ голубей: и они тутъ по закоптѣлымъ стѣнамъ летали; сожительница его охотница до котятъ: тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О сладкія награды любопытства въ Россіи! Хозяйки не было дома; она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благоприятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, естли можно такъ назвать старую мечеть, наскоро передѣланную: это та самая, которую на завтра взятія Очакова Потемкинъ велѣлъ освятить и въ которой воспѣтъ Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семь благодарный молебенъ изъ устъ тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня, такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на холстѣ и прибитъ къ стѣнамъ. Бѣдный храмъ! Хотя и хоры тутъ сдѣланы, онъ болѣе похожъ на Магометанское разоренное капище, нежели на Восточную церковь. На самой той башенкѣ, на которую хаживалъ ихъ глашатыи кричать «Алла,» нынѣ колокольня, и Пономарь босый ходитъ въ маленькой колокольчикъ съзывать на молитву кучку Правовѣрныхъ. Башенька эта почти не передѣлана: окропили святой водой, и поганый камень освятился.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова, но не смѣлъ пуститься: я трусь на большой водѣ; переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своей

тутъ побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ его славу въ Европѣ. * Въмѣсто Кинбурна я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ уже былъ ею, но, по нѣкоторымъ, слабымъ остаткамъ въ себѣ романческаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ: колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и тотчасъ уснулъ пришедши.

ГЛАВА XXXII.

Пріѣздъ въ Одессу.

Во всякой квартирѣ, худой и хорошей, мы съ женой съпали на полу безъ дальнихъ причудъ. Въ Очаковѣ цыпленокъ неосторожный далъ намъ почувствовать неудобство такого низкаго положенія: онъ влетѣлъ къ намъ на постель; я проснулся, еще только что разсвѣтало, и поспѣшилъ разстаться съ своей легкой компаніей. Жиды долго на дворѣ спорили; тотъ кричалъ: «Не моя очередь вести барина;» другой: «Я вчера возилъ такого-то;» рубль всѣ споры такого рода прекращаетъ. Заложили намъ лошадей, и мы въ 4 часа утра поѣхали въ Одессу. Прямо до нея оставалось 115 верстъ.

Почтовые дворы называются по дорогѣ трактирами. Отъѣзжавъ 70 верстъ, обѣдали въ помѣстьѣ Г. Коб., Одесскаго Команданта. У него тутъ сарай съ колоннами и большая изба для проезжихъ; домъ господской еще строится. Обыватели живутъ въ каменныхъ избахъ: онѣ безъ половъ и вообще всѣ крыты соломой. Не воображайте, чтобъ подъ названіемъ каменныхъ избъ я разумѣлъ кирпичное строеніе, или изъ тесаннаго камня: совсѣмъ нѣтъ; избы выкладываются изъ дикаго камня, который

---

* Суворовъ, 1787 г., въ Октябрѣ. О. Б.

Послѣдняя станція лежитъ на прекрасномъ мѣстѣ, у самаго берега Чернаго моря; отсюда уже видна Одесса. Представьте наше восхищеніе; но видъ города умѣрилъ восторги; ибо онъ издали не казаетъ и на горѣ до него 18 верстъ объѣзда кругъ моря. Для всѣхъ тѣхъ, кои привыкли къ Русскимъ городамъ, всякой иностранный (и Одесса строится, думаю, на манеръ такой же) покажется съ виду нехорошъ. У насъ что красить города и даже многія села? Церкви, колокольни и башни: гдѣ жъ ихъ нѣтъ? а во многихъ нѣскольکو. Что до этого, что внутри нищета! но Пономарь звонить, издали видѣнъ шпигъ, уши и глаза пѣвняются, и путешественникъ кричитъ: «Ахъ! какой славный городъ!» Въ Одессѣ церковей мало, колоколенъ нѣтъ, ни что не выходитъ изъ кучи равнаго строенія; и такъ первый на нее взглядъ не обворожаетъ.

Поговоримъ напередъ о послѣдней станціи. Когда-то тутъ былъ домъ и въ немъ «Дофине,» Французъ, держалъ трактиръ: осталась одна вывѣска. На поношенной трапкѣ намазанъ будто бильярдъ и подписано: «Дофине.» Подъ окошками насажены были деревья, тополи и райны; но когда господину Дофине не кого было тутъ кормить и самому нечего было кушать, то онъ продалъ домъ подъ почту. Почтари не охотники до меланхолическихъ прозябеній: они срубали всѣ плакучія ветлы на дрова и отняли тѣнь у профѣзжихъ. Не зная всего этого, а увидѣвъ трактирную вывѣску, я бросился въ комнаты, чтобъ чего ни будь поѣсть, по тому что мы крайне худо объѣдали. Не найдя у Г. Коменданта дровъ ни полѣна, ни битыхъ колесъ, ни изрубленныхъ перилъ, поваръ нашъ стряпалъ на кизикѣ, къ которому мы не привыкли; и такъ ни чего душа не принимала. Прибѣжавши къ хозяйкѣ, просилъ молока: нѣтъ; воды? нѣтъ; хлѣба? нѣтъ. «Что жъ у васъ есть, несчастные?»—«Протухлая баранина.» Какой несносный обманъ! Въ избу войти нельзя—твари пропасть; на дворѣ стоять—испечешься; зной страшный, тѣни нигдѣ и ни какой; одна была моя отрада на каждой станціи во всю дорогу въ жаркіе дни выливать на себя ушата по три холодной воды.

Признаться должно, что еслии Правительство хочетъ привлечь въ эту сторону изъ тщеславія путешественниковъ, то над-

лежало бы ему нѣсколько позаботиться о томъ, чтобъ на дорогѣ было, гдѣ выснаться, не собрать до милліона блохъ въ свою одежду, и можно было найти свѣжій рѣшетной хлѣбъ, или пшеничный, для пищи, а для нитя кувшинъ молока и чистой воды ведро; но и этого самаго не роскошнаго подарка природы во многихъ мѣстахъ здѣсь за хорошую плату не достанешь. Жаръ меня томилъ чрезвычайно и я въ коляскѣ часто дремалъ, отъ этого получалъ новый опытъ. Я примѣтилъ, что когда сонъ слабъ, грезы чрезвычайно часто мѣняются и скоро проходятъ. Очнувшись, трудно вспомнить и изъяснить, что снилось: призраки недовольно нажимаютъ воображеніе, чтобъ оставить на немъ глубокую черту своихъ впечатлѣній; не отъ того ли выздоравливающій больной въ слабости своей часто всякой вздоръ мечтаетъ, и вѣрить послѣ видѣніямъ разнымъ, кои, какъ сквозь тонкую плену, трогали утѣвенные органы? Пусть растолкуетъ намъ это Галъ, а мы повернемся къ Одессѣ.

Долго ли проскакать 18 верстъ? Мы тотчасъ пріѣхали. Передъ нашимъ пріѣздомъ поднялась сильная буря; все около города пески: пыль закружилась столбомъ; мы зажмурились въѣхали, и ни чего не могли вдругъ разглядѣть, но радовался, что наконецъ достигли своей цѣли. Кукъ не такъ былъ счастливъ, когда прѣникъ въ островъ Отанти; оставалось всей нашей компаніи сѣсть въ круговеньку и заѣть (къ стати, или нѣтъ) старую Русскую пѣсню: «Желанья наши совершились!»

ГЛАВА XXXIII.

Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.

И такъ мы въ Одессѣ, но не въ благоприятную минуту. Буря пасушила облака; вѣтеръ свищетъ, какъ у насъ на Руси въ Ноябрь; молніи озаряютъ бездну, которая въ глазахъ нашихъ; мы ищемъ тепла, и не согрѣваемся; худо обѣдали, и не знаемъ, у кого ѣсть попросить. Вотъ чѣмъ начинаются удовольствія не-

знакомаго края для иностранца, а Россіянитъ въ Одессѣ, конечно, не дома. Еще, къ частію нашему, мы прямо пристали къ одной Госпожѣ Турчаниновой, дѣвицѣ знакомой сестрѣ моей по сосѣдству деревень: я писалъ къ ней письмо. Она очень охотно насъ приняла, отдала намъ въ домѣ своемъ лучшія комнаты верхняго этажа: онъ построенъ въ два жилья на горѣ, которой ледену омываетъ Черное море. Видѣ съ балкона наполненъ прелестію. Я люблю смотрѣть на воду, и мой взоръ вполнѣ былъ удовлетворенъ ежедневно.

Госпожа Турчанинова писывала стихи и достойна быть извѣстною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености; обширная память ея не черпала всѣ источники Словесности. Иностранныя языки, даже и Академическіе, какъ-то: Греческій и Латинскій, ей не незнакомы. Она пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно; обращеніе ея не смѣшано съ педантизмомъ, который и въ мужчинахъ ученыхъ такъ несносенъ, что жь въ женщинахъ? Она любитъ иногда пошутить. Бесѣда ея занимательна. Вотъ познанія, какія я въ короткое время знакомства моего съ нею дать могу объ ней моимъ читателямъ! Чтобъ довершить портретъ такой, по истинѣ, необыкновенной дѣвушки, я скажу еще, что она до того привязана къ строгому уединенію, что зачинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ, или трехъ, только знакомствъ, ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамъ приобретенныхъ, и называла уже это разсѣянностію. Чтобъ дальѣ ухязть отъ людей, она готовилась, дождавшись спокойнаго времени, сѣсть на корабль, объѣхать Грецію и берегами Средиземнаго моря приблизиться къ Италіи. «Какъ? сказалъ я ей; Вы не боятесь моря и такого отважнаго для вашего пола путешествія?» — «Природа, отвѣчала она мнѣ, не прозвела для меня ни чего страшнаго: это чувство мнѣ не знакомо.» Довольно ли, чтобъ подивиться, вмѣстѣ со мною, такой смѣлости духа? У ней мы расположились, и были гостепріимно обласканы. Узнавъ Одессу, увидѣлъ я, что ея домъ въ наилучшей части города, хотя почти вѣкъ онаго, но тому что въ немъ, хотя и съ маленькимъ холодомъ въ ненастнѣе время, однако есть тѣнь и убѣжище отъ зноя, чего въ другихъ домахъ ни какой цѣной достать не можно. Онъ, впрочемъ, очень хорошо прибранъ: я нашелъ для охотника до чтенія прекрасную, не о-

громкую, но прямо отборную, бібліотеку; любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ предъ нѣкоторыми картинами; словомъ, въ домѣ Госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце, и я сохранию въ памяти моей на всегда пользу и прелесть ея бесѣды.

Пріѣхавши подъ вечеръ, поздно было любопытствовать. Жена осталась дома, а я побужааъ въшкомъ въ городъ, вышелъ въ кофейный домъ. Голодъ меня тянулъ къ съѣстному; я напился шекладу, за который заплатилъ 1 руб. 60 копѣекъ: довольно дорого! По улицамъ мигнулъ тамъ, самъ, и ни чего не разглядѣлъ, поспѣшилъ домой, но ужь добѣхалъ на дрожкахъ, чтобы не потерять пути. Извозчикъ на рубль серебра сдалъ мнѣ какую-то Турецкую монету, и я сталъ немощко ознакомливаться съ иностранными деньгами, да и съ какими же? Съ самыми невѣрными и неприязненными. Что до того за дѣло? Звонкая монета и шъ ругъ злодѣя въ цѣнѣ: серебро для всякаго хорошо, лишь бы выдержало пробу.

Воротаясь на квартиру, вышелъ я въ сертукъ на балконъ. Тучи прошли, но воздухъ былъ еще свѣжъ. Я взянулъ на Черное море, и задумался. Было о чемъ! Исполненіе нашихъ намѣреній есть нѣчто чудесное. Часто самыя легкія предположенія исчезаютъ, когда самыя трудныя и, по видимому, даже не возможныя, совершаются съ удобностію безпримѣрною. Я въ Одессѣ! За полгода до отъѣзда всѣ мои друзья считали предпріятіе мое химерою. Я напоминалъ себѣ ихъ убѣжденія, увѣщанія, противорѣчія, собственную свою нерѣшимость, и мысленно, со вздохомъ, посылая къ родинѣ своей, Москвѣ, мои дружескія объятія. Я кричалъ имъ: «Такъ, друзья мои, я въ Одессѣ! Вѣрьте этому: сбылось мое желаніе; я на Черномъ морѣ, на два дня разстоянія отъ Царяграда!» Ахъ! какъ не подивиться дѣламъ человѣческимъ! Настоящее колесо жизни нашаъ вращается сюду и сюду.

Среди такихъ радостныхъ воспоминаній слуга выводитъ меня какъ изъ усыпленія, сказывая, что купцы Владимірскіе пришли ко мнѣ: это были прикащики зажиточныхъ нашихъ гражданъ, кои по торговымъ дѣламъ пріѣзжали въ Одессу, и узнавъ, что я

тутъ, приходилъ, отправляясь на завтра, узнать, не прикажу ли я чего домой. «Кланяйтесь отъ меня, мои добрые соотчичи, всѣмъ, кто про меня у васъ спроситъ! Скажите роднымъ моимъ, пріятелямъ, сослуживцамъ, словомъ, всѣмъ моимъ искреннимъ, что я, слава Богу! здоровъ и странствую благополучно; скоро увижусь съ ними, и минута возвращенія моего домой, въ мой кабинетъ, къ моимъ портретамъ, книгамъ и перу, будетъ стократъ для меня блаженнѣе всѣхъ мечтательныхъ удовольствій воображенія, которое и у меня, какъ у многихъ, бродитъ еще, какъ пиво, и не скоро, думаю, установится!» Они пожелали мнѣ успѣха въ пути; я съ ними простился, встрѣтилъ ночныя тѣни на балконѣ и вошелъ въ горницу.

Издъ трактира, по заказу моему, принесли намъ ужинать блюдо съ пять: заплатили по рублю мѣдью съ человека. Поѣли незрядно; впрочемъ, для голодныхъ кусокъ лѣба — пиръ. Усталость дала намъ для первой ночи на новомъ мѣстѣ самый хорошій и угомонный сонъ. Завтра, выспавшись, я повезу читателя съ собой по городу, буду его возить цѣлую недѣлю, и постараюсь ему показать на бумагѣ все то, что я на мѣстѣ видѣлъ и, по моимъ мыслямъ, нашелъ достойнымъ того, чтобъ удержать въ памяти съ примѣчаніемъ.

Г Л А В А XXXIV.

Городъ вообще. Строепіе. Улицы.

Одесса вся выстроена камнемъ. Извѣстно, что тутъ была прежде у Турокъ неважная крѣпостьца, называемая Гаджи-бей: теперь въ тутъ насчитаете домовъ до 200 каменныхъ, все это воздвиглось лѣтъ въ 15: какъ не подняться дѣйствию толь скорому и удачному дѣятельной торговли! Ни одного строепія деревяннаго въ цѣломъ городѣ.

Камень для домовъ добывается изъ горъ, ограждающихъ Черное море подъ самой Одессой. Онъ коздреватъ и составленъ

изъ ракушекъ. Его около города пропасть; камень довольно большой величины стоитъ отъ 10 до 12 копѣекъ. Опытъ показалъ, что онъ на воздухѣ твердѣетъ, но при рытвѣ его изъ земныхъ нѣдръ онъ очень мягокъ: его можно рѣзать ножемъ, какъ мѣлъ. Наблюдатели, положиа его на воздухъ, на открытое мѣсто, наши и утверждаютъ, что онъ года въ два много становится легче; слѣдовательно, воздухомъ выжимается изъ него сырость и дѣлаются внутри камня пустоты. Тѣ, кои хотятъ щеголять домами и имѣть прочное при томъ жилище, года чрезъ три по отстройкѣ замазываютъ его снаружи и внутри известью. Говорятъ, будто такой домъ простоятъ лѣтъ сто. Можетъ быть; но еще рано утвердительно о томъ судить: 15-ть лѣтъ далеко отъ столѣтія. Выбѣленный домъ ни какой розницы не кажетъ съ лучшими кирпичными оштукатуренными домами въ столицахъ, а безъ подмазки домъ изъ такого камня похожъ очень цвѣтомъ своимъ и отливомъ мелкихъ его раковинъ на древнія строенія. Таковъ и карантинъ—прекраснѣйшее зданіе!

Желая увѣриться въ томъ, что воздухъ укрѣпляетъ здѣшній камень, я ходилъ смотрѣть одинъ обывательской домъ, построенный лѣтъ за восемь передъ симъ, который хозяинъ разсудилъ сломать, и видѣлъ, что дѣйствительно стѣны этого камня разбивались съ усиленіемъ точно такъ, какъ всѣ кирпичныя, или каменные, строенія, тогда какъ я же видѣлъ, что тотъ самый камень, добываемый въ землѣ, сыръ, мягокъ и подобенъ всякому ломкому тѣлу.

Ходилъ я также смотрѣть новостроеніе въ его производствѣ. Камень идетъ въ стѣну вершковъ осми; закладку съ сажень платятъ по 3 руб. 50-ти копѣекъ. Каждый камень свѣжаго рытья тешется и образуется топоромъ, но съ большою осторожностью, по тому что онъ еще недовольно твердъ и отъ остраго лезвья можетъ превращаться въ пыль: я отломилъ одинъ кусокъ, и имѣю его при себѣ. Всѣ вообще зданія здѣшнія такимъ камнемъ строены. Неискусные хозяева обмазываютъ дома свои глиной, но это средство почитаютъ непрочнымъ. Многіе замѣтили также, что тѣ дома, кои выстроены безъ опытовъ, гораздо прежде, на глянѣ, растворенной морскою водою, ненадежны и сыры, по то-

му что частяцы соленыя морской воды удобны всегда содержать сырость въ камнѣ. Дома изъ него поспѣвають отъѣвно скоро, по тому что онъ не тяжелъ въ разработкѣ. Многіе сквозь него пропускають воду, чтобъ имѣть ее чище: это одно доказываетъ, сколько камень здѣшній пустъ и легокъ.

Чтобъ дать еще лучше понятіе о семъ камнѣ, скажу нѣчто о садѣ какого-то Потоцкаго, который развелъ его для своего прїѣзда, при небольшомъ домѣ, рядомъ съ нашей квартирой, слѣдовательно, на горѣ надъ моремъ. Домъ и садъ его неважны, но онъ для забавы разсудилъ въ самой горѣ выдолбить разныя потребности: гора начянена вся камнями: они торчатъ въ разныхъ смыслахъ. Въ три дня Потоцкій тутъ вырѣзалъ себѣ диванъ, круглый столъ для шести кувертовъ, сдѣлалъ вокругъ его лавки, выдолбилъ подвалъ для винъ, мѣсто для повареннаго котла, и все это въ камнѣ оставилъ тутъ на всегда неподвижнымъ памятникомъ своего здѣсь житія и затѣй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очевиднымъ опытомъ, какъ гибокъ камень и готовъ къ услугамъ. Красиваго въ отдѣлкѣ нѣтъ ни чего. Странно! Видѣ отсюда превосходный.

Внутри города въ рѣдкомъ домѣ можно найти спокойное убѣжище. Естли не палятъ зной, отъ котораго иные охраняють себя красивыми сторами въ окнахъ, то страшная пыль по улицамъ поднимается столбомъ и вселяется облаками въ вашу комнату, по тому что рѣдкой день не вѣтрено въ Одессѣ; или не сказанная тьма мошекъ и мухъ одолѣють васъ такъ, что безъ махалки ни за что приняться нельзя. Вотъ самое безпокойное неудобство здѣшняго мѣста! Я видывалъ во многихъ домахъ среди лѣта, въ самые жаркіе его дни, двойныя окончины еще замазанныя для того, чтобъ не впускать въ комнаты солнца, мухъ и пыли; и такъ ни кто здѣсь не живетъ прежде ночи: жарко, душно, пыльно! Тѣмъ-то самымъ моя квартира и была отлично выгодна, что расположена за городомъ, и Черное море прохладными своими обергаетъ ее отъ сказанныхъ безпокойствъ.

Камень здѣшній на улицы не годится: онъ бы тотчасъ измолося въ пыль отъ тренія колесъ; отъ того и мостовыиъ нѣтъ,

и пыль столбомъ крутится; задумано изъ мелкаго камня сдѣлать тротуары, т. е., тропки для пѣшеходовъ по сторонамъ улицъ, но еще о пользѣ ихъ судить нельзя—предпріятіе новое.

Противъ рядовъ устроивается бульваръ. Градоначальникъ здѣшній, о которомъ пространно говорить буду послѣ, превеликій охотникъ до садовъ и пристрастенъ къ здѣшнимъ растеніямъ: онъ съ особливимъ тщаніемъ требуетъ, чтобъ по нѣкоторымъ улицамъ и передъ домами разсаживали деревья; многія принялись съ успѣхомъ и украшали бы очень городъ, если бы пыль не портила зелени: всѣ листья ея покрыты такъ, что трудно свѣжій цвѣтъ разглядѣть. А какъ при насъ была засуха, то деревья, коя на публичныхъ мѣстахъ не всегда поливать удобно, представляли самый плачевный и жалкій видъ. На площадяхъ средняя часть земли поднята и усажена разными деревьями, вокругъ коихъ, чтобъ не портили ихъ ни люди, ни скоты, сдѣланы балясы и ограды: эти насажденія, или кучки растеній, названы букетами. Мнѣ сказывали, что такъ водится въ Англіи: я тамъ не былъ, и правда ли это, не знаю; но гдѣ бы то ни было оно, вездѣ прекрасно, а здѣсь особенно; ибо всякое дерево въ степи—сокровище. Дюкъ ни за что такъ не сердится, какъ за изломанное, или испорченное, дерево: я самъ такой досады былъ свидѣтель.

Вообще строенія много въ городѣ; есть дома въ два этажа, и нѣсколько зданій весьма примѣчательныхъ: всего вдругъ не перескажешь; станемъ разсматривать постепенно. Жаль только того, что не даютъ домамъ хорошихъ фасадовъ: можетъ быть, желаніе, какъ ни будь, да поскорѣй лишь застроить мѣсто, подъ городъ назначенное, было тому причиной; но видно, что о наружности домовъ частныхъ не думано, и отъ этого съ перваго взгляда на строеніе Одесса можетъ названа быть пространнымъ Гаджи-беемъ.

Г Л А В А XXXV.

Торговля. Гавань. Магазины. Лавки.

Гавани въ Одессѣ, безъ сомнѣнiя, первый предметъ примѣчанiя. Ихъ двѣ: одна военная, другая купеческая; послѣдняя еще не отдѣлана, по тому что городъ ее строить на свои доходы, которые, хотя и велики, однако все еще по разрыву комерціи, не соотвѣтствуютъ потребностямъ, на нихъ лежащимъ. Она отстраивается изъ тутошняго камня и защищена хорошей батареей, но многіе находятъ ее непрочною отъ того, что слишкомъ открыто море. Я не могу опредѣлить своего мнѣнiя на счетъ сей, и никогда не разсуждаю о томъ, чего не смыслю; но знаю достоверно то, что всякой годъ гавань размоетъ, и ее чинить.

Хотя торговля, которая одна и краситъ Одессу, и дѣлаетъ ее подлинно золотымъ дномъ, отняла у нея всѣ свои прелести, бывъ остановлена обстоятельствами; однако и при бездѣйственности ея можно видѣть пользы и красоту сего новаго края. Мы застали тутъ судовъ до 30-ти, по большой части съ Греческихъ острововъ и со всякимъ вздоромъ, какъ-то: изюмъ, винныя ягоды; этотъ припасъ называютъ общимъ именемъ бакалія. Привозятъ и вино Греческое, а отвозятъ отъ насъ ревендукъ, сало, желѣзо и разныя дозволенные статьи, кромѣ пшеницы, которая развѣ украдкой, а иначе выпускаема въ Турцію быть не можетъ. Когда входитъ въ гавань корабль съ значительнымъ грузомъ, тогда ему салютуютъ изъ пушекъ, и весь городъ по тому узнаетъ, что привезено что ни будь новое къ порту. Гавань есть пунктъ соединенiя всѣхъ жителей: по вечерамъ это лучшее гулянье: всѣ тутъ встрѣчаются. Я ходилъ однажды на Греческій корабль, по имени «Константинъ и Елена,» и нашелъ въ каютѣ много нечистоты. Жизнь на морѣ не заманчива.

Все, что привозится сюда изъ за моря (разумея въ торговую пору), отправляется въ Москву, а внутренніе избытки, особенно же пшеница, ждетъ благопріятной минуты пропуска въ Турцію, и до тѣхъ поръ ею всѣ дома и анбары засыпаны. Годы:

1804, 1805 и 1806 были для Одессы годы жизни. Одна пшеница составляет здѣсь частныя фортуны. Вся Польша прибрѣтенная торгуется ею чрезъ Одессу. Хлѣбъ здѣсь не дорогъ, по тому что нигуда не посылается; но, впрочемъ, для самаго города здѣсь нѣтъ ни чего; ибо все проходитъ чрезъ Одессу туда, или сюда. Отъ этого и дороговизна во всемъ, кромѣ винъ Греческихъ, которыя продаются очень низкой цѣной, и съ той еще выгодой, что гораздо чище и непорочнѣе нашихъ винъ. Вы можете здѣсь купить на рубль его столько, сколько и на пять вамъ не дадутъ внутри Россіи.

Вола составляютъ здѣсь богатство жителя. Кто имѣетъ ихъ въ работѣ до 10, или 12-ти, все таки во время открытой торговли, тотъ можетъ, при нагрузкѣ кораблей, получить въ недѣлю отъ 7 до 8-ми сотъ рублей барыша. Но и здѣсь есть также свое неудобство: всякій корабль спѣшитъ нагружиться; малое число воловъ скоро наполнить его не въ состояніи; надобна для сего артель: и такъ у кого одинъ волъ, или два вола, тотъ непременно долженъ ити въ работники къ тому, у кого ихъ болѣе, и часто беретъ не такой пай, какого бы хотѣлъ, но какой дастъ ему хозяинъ большаго гурта. И такъ вездѣ сильный слабого давить; это, кажется, порядокъ самой природы: тѣла тяжкія угнетаютъ попадающіяся подъ нихъ тѣла слабыя.

Домы и лошади также даютъ большой доходъ: первые строятся такъ, чтобъ, при удобномъ случаѣ, сохранять и пшеницу. Наемъ для нея магазиновъ приноситъ значительныя прибитки; а лошади извозомъ сильныя доставляютъ выручки. Эти два предмета, какъ слышалъ я, даютъ, или при хозяйствѣ дать могутъ; сто на сто процентовъ. Домъ въ 20 тыс. построенный, очень скоро приноситъ съ найма до 4000 доходу. Лошадь, вывозя съ гавани на гору товаръ въ городъ, вырабатываетъ до 15 руб. въ сутки. Теперь же, когда и торгу не было, я платилъ за дрожки въ одну лошадь по 5 руб. въ сутки, и еще сказать долженъ, что дрожки безъ ресоръ, слѣдовательно, очень безпокойныя: что же бы стали платить за соблюденіе при томъ хотя маленькой роскоши? Всякой любитъ проѣхать лучше на такомъ экипажѣ, который не трясетъ, нежели на томъ, который душу выгонитъ на толчокъ. . . .

Всякой обыватель долженъ здѣсь запастись всѣмъ, для него нужнымъ, иначе онъ ни чего себѣ не достанетъ, ниже сливокъ, и для путешественника это очень тягостно; телятины вовсе нѣтъ, плодовъ ни какихъ, кромѣ кислыхъ вишенъ. Оранжерей ни у кого нѣтъ: всякой ждетъ плодовъ отъ природы на вольномъ воздухѣ, и получаетъ ихъ не очень много ранѣ нашихъ садовъ, а всегда позже Сѣвернымъ оранжерей. Прошу за эту статью прощенья у всѣхъ любителей тамошнихъ насажденій, но право я ни чего въ этомъ родѣ не нашелъ, ни въ садахъ ни въ погребахъ, среди Юля, для прихоти и вкуса; боялся даже, что уѣду изъ Одессы, не ѣвши апельсиновъ, но, къ крайнему моему счастью, какъ-то нечаянно зашелъ какое-то чужеземное судно, которое привезло въ Одессу нѣсколько тысячъ апельсиновъ, и я, черезъ знакомыхъ моихъ, досталъ ихъ до ста, кои увезъ съ собою. Они были толстокоры, не довольно еще зрѣлы, но видно было, что не лежащие, какъ тѣ, кои у Троицы подъ горой покупаемъ мы такъ часто за самыя дорогія деньги съ зелеными пятнами.

Всѣ заморскіе товары чрезвычайно дороги были. Сахаръ продавался по 2 руб. фунтъ, и кофе также. Дровъ почти нѣтъ; многіе, или лучше сказать, почти всѣ жгутъ на кухнѣ кизикъ, и тотъ почитается зажиточнымъ хозяиномъ, у кого его много. Кизикъ называется землянымъ кирпичомъ, по тому, думаю, что онъ такой же формы и мѣры рѣжется, и когда продается хуторъ, или дача, то въ опись имѣнія входитъ и кизикъ. Мнѣ случилось однажды видѣть въ клубѣ объявленіе о продаваемомъ въ одномъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣніи, и въ немъ, между прочимъ, написано было, что заготовлено на столько-то лѣтъ этого землянаго кирпича: это важный предметъ въ Одессѣ; ибо в тамъ бываетъ холодно. Мы купили для себя на недѣлю, такъ называемыхъ, турбашекъ или столбовъ, какія подъ фундаментъ ставятся, до 11-ти, и заплатили за нихъ 10 руб.; изъ каждаго едва вышло по 7 полѣнъ аршинныхъ.

Послѣ гавани жители города толпятся въ рядахъ. Линія ихъ вытянута большая, каменная и товаровъ разныхъ много. Лавки, въ коихъ торгуютъ, такъ называемые, Караймскіе Жиды, Цареградскіе выходцы, болѣе прочихъ славятся. Я ни какъ не

сѣбю этихъ Жидовъ сравнить съ извѣстными намъ обыкновенными Жидами, кои площадь Русскую топчуть: тѣ гораздо чище и опрятнѣе себя держать; съ ними негнусно быть вмѣстѣ. Нѣкто сдѣлалъ мнѣ примѣчаніе, говоря объ нихъ, что не они ли самыя потомки тѣхъ Евреевъ, кои были возлюбленный Израиль? ибо не вѣроятно, чтобъ такой поганый и прокаженный народъ былъ угоденъ Богу, каковъ Жидовскій, нынѣ намъ извѣстный въ Европѣ. Я почти согласился съ нимъ, или пожелалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ не въ ошибкѣ. Тутъ въ Караимскихъ рядахъ купилъ я множество табаку самаго лучшаго и трубокъ для заочныхъ моихъ пріятелей, диванъ для себя, духовъ для знакомыхъ барынь. Чѣмъ ихъ дарить лучше въ такіе годы можно, какъ мои, когда весь сердечный огонь уже выгорѣлъ? Намѣнялъ разныхъ Турецкихъ монетъ, и золотыхъ и серебряныхъ. Серебряныя ихъ деньги величиною въ нашъ рубль. Зовутъ ихъ левами и узлуками. Серебра въ нихъ очень мало, большая часть мѣди, чеканъ гіероглифической, и монета весьма не хороша на взглядъ, а золотая мелка и незначуща. Турецкія деньги въ Одессѣ ходятъ свободно: ихъ берутъ купецъ, разнощикъ, ящикъ; всякой сдаетъ на нихъ нашими деньгами безъ затрудненія, не смотря на то, что торговля убита. Я не знаю, чего ѣздятъ покупать въ ряды, но всегда въ нихъ народу пропасть: ходятъ, тѣснятся, торгуютъ, и лавки въ Одессѣ пріятное гульбище.

Здѣсь есть Русская книжная лавка: я заглянулъ въ нее, купилъ свои сочиненія, и подарилъ любезной нашей хозяйкѣ: пусть она меня по нихъ помнитъ, а я и безъ книгъ ее не забуду. Французскими книгами торгуетъ иностранецъ въ домѣ своемъ. Я къ нему заѣзжалъ, но лавка его была заперта: онъ уѣхалъ на Бердичевскую ярмарку.

Мода вездѣ имѣетъ своихъ данниковъ: какъ ей и въ Одессѣ отказать отъ своихъ пошлостей? Въ прекрасномъ магазинѣ подъ названіемъ: «Sesag Negri» вы найдете все, что можетъ въ мысль попасть приманчиваго. Я тутъ нашелъ и каррикатуры, коимъ подивился, пожалъ плечами и бросилъ: онѣ гравированы самымъ сквернымъ искусствомъ, ругательны, но ни мало не замысловаты, и, конечно, гдѣ ни будь въ чужой землѣ скуплены. Онѣ свободно

продавались по рублю серебромъ, а право лучше ихъ и острѣе можно достать на Спасскомъ мосту за 10 копѣекъ на превеликомъ листѣ. Но торговля не разбираетъ приличій: ей что ни попалося, лишь бы продать, и дорого.

Г Л А В А XXXVI.

Храмы Греческіе и иновѣрные.

Въ Одессѣ выстроены прекраснѣйшей архитектуры соборъ; онъ, по рисункамъ судя, уподобляется въ маломъ вилѣ обширныя базиликамаъ Европейскимъ, но нѣтъ при немъ соотвѣтственной колоколицы; внутри церкви полъ настланъ изъ дикаго и чернаго мрамора; въ алтарѣ Цареградскіе разноцвѣтные изразцы даютъ ему видъ мозаическаго паркета; приступки между колоннъ, по коимъ входятъ въ храмъ, будутъ намощены лавой. Она уже выписана и ваготовлена. Что можетъ быть въ новомъ вкусѣ этого роскошнѣе? Жаль, что иконостаса нѣтъ хорошаго: онъ писанъ на ширмахъ, натянутыхъ холстомъ, на подобіе полковыхъ церквей. Утвари въ соборѣ богатой нѣтъ; видно, что заботились о наружной красотѣ зданія для города болѣе, нежели о внутреннемъ великолѣпіи дома Господня. Соборный Священникъ, по прозванію Огинскій, изъ ученыхъ Екатеринославской Академіи, чловѣкъ благороднаго поведенія: онъ меня часто посѣщалъ, и я не безъ пользы съ нимъ бесѣдовалъ.

Другая церковь въ городѣ предполагалась, при начальномъ его основаніи, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. Конечно, въ свое время все духовенство, собравшись въ ней, прославляло имя своей Монархини и, полагая камень краеугольный во основаніе новому дому Божію на новомъ мѣстѣ, среди языкъ иноплемennыхъ, конечно, благоговѣйный пастырь призывалъ Духа Божія на сей домъ молитвы. О, какъ времена, да и въ какой короткой срокъ, все истребляютъ! Нынѣ вы тутъ найдете недостроенныя стѣны открытаго со всѣхъ

сторонѣ храма, которая разрушаетъ и вѣтръ глетворный, и морскія непогоды, и нуще еще пренебреженіе челоувѣковъ.

Вокругъ его всюду настроены казармы: тамъ живутъ солдаты; жены ихъ ходятъ выливать въ развалины храма всю домашнюю нечистоту; словомъ, воспѣтая и молитвословіемъ прославленная скинія обратилась въ мѣсто пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храмъ печать свою, обложила его мхомъ и заростила травой, а тѣмъ почтила память соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видѣлъ, но увидѣвши, не могъ смолчать.

Церковь Греческая во всемъ подобна нашей и хорошей архитектуры, имѣетъ своихъ особыхъ священнослужителей. Дьячекъ въ нее меня водилъ и все мнѣ показывалъ; драгоценностей нѣтъ ни какихъ; лишь образъ мѣстной Богородицы обвѣшенъ разными серебряными членами: ихъ дѣлаютъ и въ честь образа приносить тѣ, кои страдаютъ въ какомъ либо недугѣ и приписываютъ исцѣленіе свое чудотворной силѣ той иконы. Тутъ уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католическая Римская Церковь на особомъ же дворѣ внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служатъ Капуцины. Онъ меня водилъ по всему строенію церковному: ходитъ по установленію своего Ордена, босый, въ однихъ туфляхъ, въ сѣромъ капотѣ, съ отложнымъ капюшономъ, опоясанъ ремненнымъ поясомъ и съ четками въ рукахъ. Онъ поминутно, ходя въ церкви, присѣдалъ предъ своимъ престоломъ. Нельзя не сказать, что этотъ знакъ почтенія очень забавенъ: я стократно предпочитаю ему земной поклонъ Христіанна; онъ означаетъ видимымъ образомъ порабощеніе наше предъ Богомъ, а присядка ни чего не значить.

Раскольники (а гдѣ ихъ нѣтъ?) имѣютъ также свой особый домъ молитвы въ Одессѣ. Церковь ихъ во всемъ сходна съ нашими, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что не найдешь въ ней ни новаго письма, ни, сильнаго ихъ антагониста, Дмитрія Ростовскаго.

Жи́ды также имѣютъ свою Синагогу: въ ней столько же нечисто все и гнусно, сколько сраменъ и родъ поклонниковъ. Я зашелъ слишкомъ поздно; уже служба ихъ отошла. Они ежедневно ходятъ молиться; нѣсколько лѣнивыхъ Евреевъ еще тутъ было, закутавши голову въ бѣлыя большія покрывала съ пришитыми на макушкѣ рожками, кои будто бы представлять должны чело Боговидца Моисея: они по книжкамъ своимъ славятъ Бога. Жи́ды всѣ знаютъ грамотѣ: нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы съ отроческихъ уже лѣтъ не читалъ декалога и не наученъ былъ криво, или правильно, въ своемъ Законѣ. Въ школѣ они предъ рѣваннымъ своимъ кивотомъ читаютъ псалмы, распѣваютъ ихъ самымъ дикимъ голосомъ, стараясь даже, что очень примѣтно, избѣгать всякой гармоніи въ тонѣ, не снимаютъ глазъ съ книги, оборачиваются по большей части къ стѣнѣ лицомъ, чтобы ни кого не видать, и, дабы еще меньше развлекать свои мысли, они безпрестанно кривляются, разными дѣлаютъ безобразныя тѣлодвиженія, думая (такъ я отъ нихъ же слышалъ), что работа всѣхъ мускуловъ во время ихъ кривлянья устремляетъ согласно всѣ ихъ способности къ одному предмету, т. е., къ Богу и молитвѣ: но я въ этомъ мало удостовѣренъ. У нихъ двѣ храмины для сборища: одна для лѣта, холодная, другая зимняя, съ печами. Раввинъ ихъ человекъ съ виду самый плохій, и глаза его не обѣщаютъ ни ума, ни смысла. А кагалъ * (такъ называется ихъ расправный судья), по нѣкоторымъ чертамъ лица и выпуклостямъ черепа, соглашаясь съ примѣчаніемъ Лафатера и Галла, долженъ быть плутъ; на табернаклѣ или престолѣ ихъ одно только имя Божіе написано: «Егова», съ изображеніемъ скрижали Завета, а въ ковчегѣ нѣсколько Библий хранятся въ свиткахъ на пергаментѣ. Передъ нимъ Раввинъ отправляетъ молитвы и кричитъ во всю силу гортани. Они щеголяютъ паникадилами: у нихъ много свѣчъ во время Субботы зажигаютъ, а еще болѣе въ праздничные дни. Жи́ды охотники до книгъ церковныхъ, и раскупаютъ ихъ въ великомъ множествѣ. При мнѣ ихъ

* Кагалъ собственно мѣсто расправы Еврейскихъ мірскихъ старѣйшинъ; дагѣ община Еврейская, міръ ихъ; старшина же, въ родѣ Еврейскаго Старосты, Судья, Головы, называется Кагалный. О. Б.

же землякъ, одинъ Жидъ, изъ числа такихъ, кои ѣздятъ по всему бѣлому свѣту обманывать всѣхъ безъ различія, навезъ въ эту сторону изъ Польши возъ цѣлый Еврейскихъ книгъ: и что жь? при мнѣ почти всѣ раскупили.

Всѣ эти церкви я обходилъ въ одно и то же утро; индѣ заставаъ службу, въ другомъ мѣстѣ нѣтъ. Сколько вошло въ умъ мой размышленій, глядя на сіе разнообразное единому существу служеніе! Не одинъ ли Богъ, думалъ я, и Творецъ всей видимой твари? Но сколько разныхъ поклонниковъ! Всѣ призываютъ Его благость, Его одно имя имянують, но всякій языкъ и племя свои вводитъ обряды и почитаетъ ихъ лучшими. Ахъ! для чего не дано человѣку отъ матери его, природы, чтобъ жертва его и возношенія къ престолу Вседержителя были одинаковы повсюду и вдохновенны въ него единственнымъ источникомъ всего добраго въ мірѣ? Для чего разумъ каждаго изъ насъ на такъ простъ, какъ самъ Богъ, какъ истина, какъ душа наша?

Г Л А В А XXXVII.

Правительства военное и гражданское.

Военный Губернаторъ, Дюкъ де Ришелье, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Градоначальникъ Одессы. Новое мѣсто сіе обязано его попеченіемъ всей своей настоящей славой. Онъ, конечно, на всѣ усилія возможные готовъ для возведенія Одессы на тотъ степень славы, какого отъ мѣстоположенія своего она ожидать можетъ. Дюкъ имѣлъ тутъ тогда 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и полкъ Казаковъ, который по берегу Днѣстра держитъ кордонъ вплоть до Херсона: есть чѣмъ оборониться. Дюкъ управляетъ, сверхъ того, Губерніями: Крымской или Таврической, Екатеринославской и Херсонской, и имѣетъ въ завѣдываніи своемъ до 15 крѣпостей. Гаваня обѣ, военная и купеческая, снабдѣны большимъ числомъ орудій: прекрасная на морѣ мебель! Они всегда готовы къ дѣлу, и около нихъ не спятъ.

Уголовныя дѣла производятся или въ Магистратѣ, или въ Тираспольскомъ Уѣздномъ Судѣ; ибо въ Одессѣ самой нѣтъ ни какого Дворянскаго мѣста, и отсюда постунають на ревизію въ Херсонскую Уголовную Палату. Преступники, на работы по крѣпостямъ изъ сердца Россіи присылаемые, тѣмъ же порядкомъ препровождаются, какъ и во внутренности Имперіи, не смотря на то, что здѣсь по большей дорогѣ почти нѣтъ населенія, и едва ли не есть того бояся заселить тамошнія степи, что разныя подобныя повинности слишкомъ были бы тяготительны. Россія слишкомъ велика, чтобъ въ конца и до конца одинакой могъ дѣйствовать распорядокъ.

Полиція городская состоитъ изъ одного Полицейстера, и нѣсколькихъ при немъ Офицеровъ; будто бы нѣтъ; вмѣсто Сотскихъ и Десятскихъ, занятыя Жиды и всякой вольной сбродъ, на коняхъ и утверждаетса благочиніе города и сведоштво обывателя. Комендантъ отпращиваетъ собственную свою должность. Онъ кажется быть человѣкомъ зажиточнымъ: садъ его есть лучшій садъ въ городѣ; всякое дерево тамошнее вы въ немъ найдете; плодовъ и винограду множество.

Коммерческій Судъ имѣетъ рѣшителя, свѣдущаго и весьма достойнаго Президента въ особѣ Графа Сентъ-При. Въ немъ отпращиваются всѣ торговыя дѣла, и рѣшительный его приговоръ приводится въ исполненіе, не смотря на апелляцію, разумѣется, съ утвержденія Градоначальника. Одесса по сямъ дѣламъ подлѣ ревизію 8-го Департамента Правительствующаго Снаата.

Учетная Контора есть мѣсто самое благотворительное для Одессы. Она желающему строиться даетъ въ займы деньги подлѣ залогъ и вѣрныхъ въ городѣ поручителей. Занявъ нѣкоторый капиталъ, вы ставите домъ, и отдаете его тотчасъ въ наймы. Доходъ съ него въ нѣсколько лѣтъ выплачиваетъ долгъ вашъ, и вы вдругъ, пріѣхавши въ Одесу безъ денегъ, но съ удостовѣреніемъ порукъ, дѣлаетесь, лѣтъ черезъ пять, гражданиномъ тутошнимъ, имѣете домъ, и получаете съ него доходъ. Самое полезное заведеніе!

Страховая Контора имѣетъ свое собственное учрежденіе. Она ведетъ дѣла свои слѣдующимъ порядкомъ: отдаваемому на стрѣхъ

судну чинится осмотръ и смѣта. Естьли оно дошло благополучно, хозяинъ платитъ положенную сумму; естьли погнбло, но, разумѣется со всѣмъ экипажемъ и людьми, что весьма рѣдко случиться можетъ, тогда Страховая Контора платитъ по смѣтѣ всю сумму, которой стоило судно. Капиталъ Конторы составленъ изъ внесенныхъ отъ многихъ суммъ, кои приносятъ значительную своимъ хозяевамъ прибыль.

Почта Одесская приноситъ доходу, какъ слышалъ я, съ перевода денегъ и писемъ, всего до 7 тыс. руб. въ мѣсяцъ, и при такомъ сильномъ, можно сказать, сборѣ, ей не отпускаютъ на постройку дома, котораго нѣтъ, 12-ти тысячъ. Въ приходъ записывать и казна любитъ больше, нежели въ расходъ.

Главное правительство въ Одессѣ называется Комитетомъ: въ немъ первое лице самъ Градоначальникъ. Сколько я могъ дознать отъ другихъ, на означенномъ мѣстѣ лежитъ весь распорядокъ города, а ваче городскихъ повинностей. Доходы Одессы, въ сравненіи съ обыкновенными другими городами, конечно, весьма велики; но какъ сравнивать и надобности сего порта съ другими внутренними городами? Государь изволилъ въ пользу ея отдать весь откупной доходъ, что составитъ, сказывали мнѣ, до 200 тыс. капитала ежегоднаго. Сверхъ того, Одесса получила отъ казны заимообразно 400 тыс. рублей, съ условіемъ, что городъ выплатитъ сію сумму въ известное число лѣтъ и съ прибавкой 6 т. процентовъ на годъ. Ни чего этого не жаль!

Одесса сама собою указываетъ выгоды свои настоящія и будущія. Довольно побывать въ ней день, или два, чтобъ удостовѣриться въ пользѣ, которая отъ нея происходитъ удобна. Такъ разсуждая объ ней, не жаль ни какихъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что виды Градоначальника, сколько общая молва то разноситъ, совершенно устремлены на украшеніе Одессы, утверженіе ея пользъ и расширеніе ея выгодъ.

Г Л А В А XXXVIII.

Богоугодныя и полезныя заведенія.

Одесса обязана своему Начальнику многими полезными и увеселительными заведеніями; начнемъ съ перваго.

Здѣсь учреждено училище подъ надзоромъ иностранца, по имени Волсей. Привилегіи сего Института состоятъ въ томъ, что обучившійся въ немъ мальчикъ черезъ 6 лѣтъ отправляется въ Резиденцію и получаетъ, при выпускѣ его отсюда, чинъ Офицерскій въ арміи; а по тому и воспитаніе дѣтей, сюда записанныхъ, основано на правилахъ, сообразныхъ воинскому назначенію. При насъ было 130 человекъ. Тутъ есть Молдаване, Крымскихъ Татаръ и Казачіе дѣти, безъ различія Вѣръ и состоянія. Говорятъ, что надзиратель ихъ, Волсей, очень хорошо съ ними обходится. Видѣвши одинъ разъ этѣ заведенія, я основательно ни согласиться, ни опровергнуть того не могу. Но естли по афишкамъ судить, кои прибиты къ дверямъ покоевъ и гдѣ многія черты грубости Г. Волсея очень видны, то я не думаю, чтобъ онъ былъ кроткихъ нравовъ человекъ. Положимъ, что не мѣшаетъ ему быть съ дѣтьми благосклоннымъ и вѣжливымъ то, что онъ нѣсколько жестко, какъ слышалъ я, обходится съ родственниками и посѣтителями Пансіона, но не пускать ни кого охотно смотрѣть внутренности училища значить уже безнадежность въ порядкѣ.

Тѣ изъ учениковъ, кои хорошо себя ведутъ и лучше прочихъ, отличаются цѣлаю недѣлю особымъ знакомъ: они носятъ на ленточкѣ въ петлѣ вензель Государевъ. Это возвышаетъ духъ, ободряетъ юношество. Черезъ недѣлю передается этотъ знакъ другому. Напротивъ, наказанія ихъ мнѣ не понравились. Когда мальчикъ не послушенъ, его кладутъ въ постелю, и онъ, какъ больной, долженъ цѣлый день пролежать въ ней. Я не думаю, чтобъ это было хорошо. Морально судя, кажется мнѣ, для ребенка лѣниваго это не штрафъ; ибо онъ лежа не учится и ни чего не дѣлаетъ; мысль его свободна отъ занятій полезныхъ, кружится въ пустякахъ и можетъ быть въ затѣяхъ не совсѣмъ безо-

рочныхъ, отъ которыхъ ни какое бдительное око досмотреть своимъ не остережетъ, а отсюда постепенно переходъ къ физическимъ неудобствамъ: мы найдемъ, что ребенокъ, въ свободѣ лежа на постелѣ, Богъ знаетъ, какія опасныя шалости скроетъ отъ самыхъ приставниковъ; да естли и ничего тутъ не предполагать худаго, одно бездѣйствіе въ юношескомъ возрастѣ столь же можетъ быть вредно, сколько напряженныя усилія въ возрастѣ старшемъ. Надобно, чтобъ мальчикъ былъ живъ и рѣзовъ: этого требуетъ натура; но чтобъ онъ не шалилъ, и для этого не столько охранительны штрафы, какъ неусыпность хожатыхъ.

Домъ для сего училища построенъ изъ городскихъ доходовъ. Онъ великъ, опрятенъ и хорошъ; все содержаніе дѣтей отиѣнно рачительно со стороны пищи, одежды и прислуги. За каждаго мальчика платять отдающіе его по 500 руб. въ годъ. Государь извольтъ, какъ я слышалъ, за нѣсколькихъ витомцовъ вносить свои деньги. Учителей содержать за дорогую плату, и лучшихъ, какихъ достать можно, и все, что только прикосновенно къ воинскому состоянію, все тутъ преподается; сверхъ того не лишены они и нѣкоторыхъ пріятныхъ художествъ.

Съ переменной предмета, но на тѣхъ же хозяйственныхъ началахъ, основанъ и женскій Пансіонъ въ другомъ отдѣленномъ домѣ. Тамъ надзирательница—жена Господина Волсея. Дѣвушекъ было при насъ до 30-ти; каждая изъ нихъ платитъ нѣсколько поменьше 500 руб., но выше 400; ихъ обучаютъ 4-мъ языкамъ: Россійскому, Нѣмецкому, Французскому и Англійскому, музыкѣ и танцевальному искусству, и сей Пансіонъ очень хорошо устроенъ.

Одесса можетъ хвастать своимъ городскимъ Лазаретомъ: я до сихъ поръ нигдѣ не видалъ такого хорошаго. Онъ построенъ отъ города; залы для помѣщенія больныхъ превеликія, челоуѣкъ до ста въ одной уложить можно; всѣ средства къ очищенію воздуха приняты; за то и можно гулять по тамошней больницѣ, какъ въ самой чистой большаго барина залѣ: ни что не оскорбляетъ ни взора, ни обонянія. Распорядокъ ея основателенъ и всѣ необходимости столь полезнаго заведенія удовлетворены.

Мнѣ показывали въ больницѣ карету, слѣзанную нарочно для купанья: она закладывается въ одну лошадь сзади и спереди. Въ ней можно въѣхать въ море, и выѣхать изъ него свободно. Польза выдумки, думаю, въ томъ, что дама можетъ одѣться и раздѣться самымъ скрытнымъ образомъ. Но это недостаточно: какая женщина захочетъ въ виду всего города погрузиться въ море и нырять въ немъ, какъ Наада? Кромѣ непристойности, зной прожжетъ черепъ; море открыто, отмели зелены и зловонны; надобно далеко объѣзжать и искать чистаго берега для плаванія. Нигдѣ купальни нѣтъ, ни ванны закрытой; слѣдовательно, всякой любопытный можетъ смотрѣть на васъ въ самую нечаянную минуту; отъ этого, думаю, и карета безъ употребленія, и дамы, да и мужчины, многіе не купаются.

Лѣкари говорятъ, будто садиться въ море очень здорово. Я въ одно утро собрался было попробовать этой пользы, и пошелъ по скаламъ узинькой тропинкой. Слуга передо мною несъ стулъ и нужныя вещи: стулъ изъ рукъ его сорвался и полетѣлъ до края моря съ высокой горы безъ остановки; я шествовалъ за нимъ по крутому камню и, взглянувши на пропасть, въ которую полетѣлъ стулъ, отложилъ намѣреніе повѣрять на себѣ докторскую систему. Долго ли потерять равновѣсіе? Тутъ можно тысячу смертей найти въ рытвинахъ между горъ прежде нежели достигнуть тѣхъ мѣстъ, гдѣ утонуть опасно.

Г Л А В А XXIX.

Общественныя увеселенія.

Для баловъ въ домѣ зажиточнаго купца Repoid есть клубная зала съ гостинными покоями и биллярами: она продолговатой фигуры. По всѣмъ стѣнамъ протянута колоннада, и надъ нею хоры. Видъ галереи сей величественъ: она искусно расписана. Принадлежащія къ ней покои для картъ и стола также хорошо убраны. Зала помѣститъ можетъ человѣкъ до 600, и бываетъ, сказывали мнѣ, иногда полна; лѣтомъ не съѣзжаются. Въ этомъ же

строенія, независимо отъ клуба, кофейный домъ, и при немъ особый бильярдъ. Я тутъ очутился въ первомъ мѣстѣ съ прїѣзда въ Одессу, заходилъ и послѣ очень часто лакомился прекраснымъ мороженымъ изъ абрикосовъ: роскошь не очень обыкновенная въ Губерніяхъ.

Театръ—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ городѣ и на лучшемъ мѣстѣ. Ложи расположены полукругомъ въ три этажа: надъ третьимъ раекъ, партеръ амфитеатромъ; онъ въ нѣсколько уступовъ и подъ нимъ креслы. Все устроено съ наилучшимъ размѣромъ и со вкусомъ. Театръ сталъ въ 40 тыс., въ число конхъ Государь пожаловалъ изъ кабинета 20 тыс., остальные употребилъ городъ. Гардеробъ, какъ слышалъ я, очень достаточенъ, декораціи нѣкоторыя видѣлъ, и нашелъ ихъ изрядными; при мнѣ, какъ я смотрѣлъ театръ, выставлена была «Тюрьма» (мнѣ пришло на мысль, что коммерція сидитъ въ ней и ждетъ развязки своей драмы); одинъ только недостатокъ: ни труппы, ни актеровъ. Иностранный спектакль не поддерживается; хотятъ имѣть Русской: выписывали разные частныя общества актеровъ, предлагали даже Князю Шаховскому переселиться съ своими артистами изъ Нижняго въ Одессу, давали хорошія деньги, но, сказываютъ, охотниковъ не сыщутъ, ни кто не ѣдетъ.

Для публичныхъ прогулокъ лѣтомъ разведенъ садъ внутри города. Въ немъ Итальянка Марья готовитъ славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своимъ мелкимъ серебромъ. По Воскресеньямъ жители города съѣзжаются сюда гулять и видѣться между собою. Я тому не былъ личный свидѣтель. Одно взялъ только Воскресенье, но гроза не выманила ни кого со двора. Весь садъ разбитъ не шире, какъ на 100 саж., но всѣмъ наполненъ. Вы тутъ увидите тополи, рaiны, всѣ тамошнія деревья. Стройный ростъ ихъ и видъ восхищаетъ. Плакучая ветла, любимое мое деревцо, всегда плѣняла взоръ мой. Какая роскошь дать можетъ то, что натура расточаетъ даромъ? Да и Марья такъ добра, такъ услужлива! Она мастерица дѣлать макароны и пуленту Итальянскую. Я въ одинъ вечеръ заказалъ оба этѣ блюда, и въ прїятельской бесѣдѣ любезнаго Сентъ-При, съ его и моимъ семействомъ, насладились Римской сей трапезой.

Кромѣ означеннаго сада, видѣли уже выше, что и у Коменданта здѣшняго есть садъ. Я объ немъ слегка упомянулъ, но нельзя не повторить, что садъ его одинъ изъ рѣдкихъ въ Россіи качествомъ деревъ и вкусомъ плода. Все превосходное тамъ, но не всякой можетъ въ него входить, когда хочетъ. Потребно дозволеніе, приглашеніе, снисхожденіе, и пр. и пр. А къ Марьѣ можно ходить просто, безъ зову и чиновъ; ворота отперты; ветла плакучая тутъ, мороженое готово: чего больше? Еще разъ: чего больше для прогулки въ саду.

Говоря о садахъ въ городѣ, какъ умолчать о хуторѣ самаго Дюка, гдѣ всякой свободно гуляетъ, когда хочетъ, гдѣ и я, съ нимъ и безъ него, былъ, сколько могъ. Онъ его устроилъ въ верствѣ отъ города, въ долину, окруженной горами; тутъ садъ его разросся и очень густъ: онъ его самъ разводилъ. Всѣ деревья посажены только 9-ть лѣтъ тому назадъ, но они даютъ уже изрядную тѣнь. Чего тутъ нѣтъ въ растительномъ царствѣ? Здѣсь отменно скоро земля выгоняетъ всякое растеніе. Тутъ я видѣлъ плодъ, называемый Французами *coing*, по здѣшнему айва, но онъ еще не поспѣлъ. Обычай не велитъ, да и жаръ препятствуетъ, прежде вечера слоняться на воздухъ; а какъ вечеръ и сумерки очень смежны во всѣхъ градусахъ, то я, гуляя по саду Дюка, не могъ разглядѣть качество и родъ деревъ. Я слѣпъ, и худо вижу, когда на дворѣ темно. Для любопытнаго день въ Одессѣ очень коротокъ, не отъ множества предметовъ, — этого я не солгу, — но отъ жару: въ зной не хочется тронуться съ мѣста; а какъ жаръ свалитъ и получишь прохладу, тотчасъ бросишься туда, сюда, но мало уже размотришь. Садъ Дюка есть совершенный образецъ того, что могутъ постоянные и пристрастные труды въ степи; да и въ самомъ палящемъ климатѣ, по крайней мѣрѣ въ Россіи (конечно, въ Африкѣ жарчѣе: кто этого не знаетъ?). Дюкъ такой насадилъ вертоградъ, какого и въ самыхъ удобныхъ для того мѣстахъ не увидишь. Къ тому же здѣсь ключъ самой чистой воды брызжетъ изъ прекраснаго колодца, который Дюкъ отдѣлалъ и убралъ. Здѣсь онъ съ своими короткими приходитъ, или приѣзжаетъ верхомъ, забывать свои недосуги. Глядя на такое милое убѣжище, какой странникъ не пожелаетъ собственности и не вздохнетъ, естли онъ ее не имѣетъ?

ГЛАВА XL.

К о л о н і и.

Быть въ Одессѣ и не посмотреть тамошнихъ колоній—грѣшно. И такъ я въ нихъ отправился въ компаніи Графа Сентъ-При, съ начальникомъ поселенцовъ Г. Р., который съ охотой вызвался самъ удовлетворить нашему любопытству. Лишь выѣдешь изъ Одессы—опять степь: ни лѣсу, ни воды; вездѣ ветлы и вербы для гѣни. Не смотря на зной, лошади мчатъ, и по 15 верстѣ въ часъ безъ принужденія уѣдешь. Въ нашихъ мѣстахъ, особливо гдѣ пески, это животное такой скачки не вынесетъ.

Первая колонія въ 20 верстахъ отъ города и названа Либенъ-Таль. Она населена Лютеранами, вышедшими изъ Швабіи, области Виртембергской и другихъ частей Германіи. Мы къ нимъ пріѣхали довольно рано, лишь только отошли обѣдни, и застали тутъ свадьбу. Молодые выходили съ своей свитой изъ церкви; домашніе встрѣчали ихъ съ пальбой изъ пистолетовъ и мелкихъ фузей; у дому ихъ играла музыка, изъ тутопныхъ мужиковъ составленная; оркестръ состоялъ въ 2 скрипкахъ, 2 валторнахъ, 1 кларнетѣ, 1 фаготѣ и 1 длинномъ барабанѣ; играли не превосходно, но согласно: не драли, по крайности, ушей. Я очень любовался на эту простую сельскую картину. Какъ смѣнить натуральную веселость человѣка довольнаго съ бѣшеннымъ крикомъ нашихъ пьяныхъ мужиковъ, когда они, обрадовавшись чему ни будь, перепьются на кабакѣ и валяются по улицамъ! Хмѣль во всякомъ человѣкѣ досаденъ, а веселость, напротивъ, во всякомъ пріятна.

Молодые позвали насъ къ себѣ; мы вошли въ ихъ покои: тѣсно, но дружелюбно! Тутъ ихъ родные и ближніе; столъ накрытъ приборовъ на 30 безъ тщеславнаго мотовства и непристойной роскоши, но просто, чисто и опрятно. Вотъ въ чемъ состоитъ богатство природы! Первое мѣсто между посѣтителеми занималъ Пасторъ. Я съ нимъ нѣсколько поговорилъ, и онъ мнѣ показался человѣкомъ рѣшительнымъ и отважнымъ.

Полубоовавшись на торжество Гименя, зашли мы къ Волостному Головѣ той колоніи, и у него позавтракали. Онъ раз-

велъ у себя презрядный садикъ, насадилъ подъ окошками деревья Грецкихъ орѣховъ, кои послѣ 4 лѣтъ и плодъ ему давали. Хозяйка его потчивала насъ свѣжимъ хорошимъ масломъ и кофеемъ. Я вспомнилъ напихъ колонистовъ подъ Петербургомъ, и такъ аппетитно, или, по Русски сказать, жадно еще во всю дорогу не ѣлъ, какъ тутъ: чистота въ домахъ около очага и самовара, словомъ вездѣ, совершенная. Здѣсь есть очень хорошаго построенія мельница, которая работаетъ лошадьми и не знаетъ ни въ какое время остановки. Какая полезная механика для жителей безводныхъ!

Отсюда отправились далѣе въ другую сторону, и въ 15-ти верстахъ еще заѣхали въ колонію Іозефсталь, населенную Католиками изъ Эльзаса. Тутъ также только что отпѣли обѣдню, но, вмѣсто свадьбы, ожидалъ насъ хорошей обѣдъ, приготовленный Г. Р., который, какъ хозяинъ заведеній сихъ, имѣлъ учтвое попеченіе объ угощеніи нашемъ. Тотчасъ предсталъ къ намъ Капуцинъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ, описывая городъ. Онъ навѣщаетъ сюда для требъ церковныхъ и обѣдни. Я его все также, какъ и въ городѣ, видѣлъ съ капишомомъ, четками и длинной бородой, босъ и въ сандаляхъ; лице его возвѣщаетъ, что онъ вѣкъ изжилъ не безъ проказъ, хотя и духовный санъ носитъ. Богомолки шли на встрѣчу намъ изъ своей кирии съ церковными книжками и смиренными лицами.

Мы здѣсь прекрасно отобѣдали и пили хорошее вино; Попъ Нѣмецкій отъ своей братьи мужчинъ не отставалъ; послѣ обѣда водилъ онъ насъ смотрѣть кирку, и поселяне многіе уже тутъ собраны были на вечернія молитвы не по наряду какому, а по произволу и обычаю своему. Пасторъ ни чего не служилъ, но они сами пѣли разные стихи и духовныя пѣсни; всякой кричалъ въ свою мочь. Шумъ неугомонный! Кирка небогата, но пристойна. Я бывалъ въ нихъ прежде, и очень дивился, найдя въ этой на престолѣ зеркала, передъ коими высокія горѣли свѣчи. «Для чего это?» спросилъ я?—«У насъ, сказалъ мнѣ одинъ, въ нашей землѣ этого не водится, но прежній Пасторъ завелъ.»—«А на что же, Господинъ Капуцинъ?»—«Пустыя мѣста были на престолѣ: онъ не зналъ, чѣмъ ихъ наполнить, и счелъ красивѣе всего поставить

зеркала.» Изрядная выдумка! Убирать престолъ какъ нахтышъ. Скоро мы увидимъ на немъ и духи и румяна. Къ несчастію, не ввелось ли и у насъ Царскія двери дѣлать изъ зеркалъ? Какія загѣи!

Прогѣвши свои канты, богомольцы вышли изъ церкви очень собой довольны. Я, виноватъ! подумалъ про себя, что они не столько изъ набожности туда ходили, какъ для прохлады: въ тамошнихъ мѣстахъ отрадиѣй было днемъ во всякомъ нежиломъ строеніи, нежели на дворѣ и подъ прямымъ лучемъ солнца.

Г. Р. приказалъ показать намъ овецъ, тутъ же воспитываемыхъ для одного только опыта. Мы видѣли сотъ до 7-ми ихъ въ одномъ стадѣ: смѣсь разныхъ породъ; есть, однако, и мериносы; ихъ стригутъ разъ въ годъ, въ Маѣ, а простыхъ овецъ два и три раза, но та шерсть выгоднѣй и лучше. Меринось перерождается одинъ разъ въ годъ, и когда овца производитъ двухъ вдругъ, то одного изъ простыхъ ягнятъ колютъ, чтобъ сосцы раздѣлать на двухъ хорошихъ, и тѣмъ умножить плодъ добрыхъ овецъ. Я говорю, что слышалъ; прибавлю къ тому, что славный содержатель овчаренъ Г. М. многихъ покупателей обманулъ, и доставлялъ имъ северныхъ овецъ, кои въ одинъ годъ дошли. Это мнѣ сами помѣщики рассказывали. Вотъ все, что я узналъ о сей вѣтви промышленности; впрочемъ, не будучи большой знатокъ въ хозяйствѣ сельскомъ, я не распространю моихъ собственныхъ примѣчаній, кои могутъ быть ошибочны, а по тому не только бесполезны, но и вредны.

Возвращаясь домой еще до заката солнечнаго, я не могъ довольно надивиться окружающимъ меня предметамъ. Что можетъ быть страннѣе, какъ воображать себя въ Россіи и въ степи у береговъ Чернаго моря, ѣздить на почтовыхъ лошадяхъ съ иностранной збруей и упряжкой, слышать разговоръ Нѣмецкой и Французской на козлахъ, и быть въ невозможности изъясниться по Русски ни съ кучеромъ, ни съ форейторомъ? Это для меня очень было ново и дико послѣ нашихъ плечистыхъ ямщиковъ, кои, заткнувъ за поясъ кнутъ, попѣваютъ съвозъ сонъ заунывные свои пѣсенки.

Господа Нѣмцы, однако, ѣздить не мастера: сидятъ на козлахъ чинно, покуриваютъ табакъ, сворачиваютъ круто, правятъ неосторожно, спускаются съ вершинъ быстро, и до смерти было переѣхали нашей коляской бѣдную дѣвчонку, которой едва могли помочь подать. Я отъ этой глупой неосторожности чужаго кучера плакалъ больше, нежели заплачетъ иногда отважный злодѣй отъ умышеннаго преступленія. Какъ тяжело съ удовольствіемъ своимъ хоть и нечаянное соединить бѣдствіе другого! Суди Богъ нашего глупаго Эльзаскаго кучера!

Въ Католицкой колоніи мы были въ 15 верстахъ отъ Овидіополя и въ 18-ти отъ Аккермана, мѣста, изобильнаго виноградомъ; не далеко ужъ и до Царьграда: эхъ насъ куда занесло! Мнѣ хотѣлось спуститься въ Овидіополь: онъ былъ самая нижняя наша крѣпостца, пока вновь другихъ не завоевали; мнѣ вдвѣе по тому хотѣлось въ ней побывать, что Екатерина, вообразивъ тамъ гробъ Овидіевъ, поспѣшила дать и имя его городу; но тогда, бывши съ обществомъ, я не могъ отъ него удалиться, а одному нарочно съѣздить не удалось. Дорога туда лежитъ гладкая и прекрасная; разстоянія не больше 40 верстъ отъ Одессы. Исторія передала намъ, что Овидій точно на берегу Чернаго моря былъ сосланъ и умеръ; но не доказано ни чѣмъ, чтобы это случилось точно тамъ, гдѣ нашъ Овидіополь. Такъ точно и Ольвія, древній городъ Римскій, далъ имя свое городку Ольвіополь, но рытвины и находки древностей въ дачахъ, принадлежащихъ нынѣ Графу Безбородьку, и о которыхъ я писалъ въ своемъ мѣстѣ, удостовѣряютъ, что и въ этомъ была ошибка.

До города оставалось намъ проѣхать 28 верстъ ближайшимъ путемъ. Шампанское Господина Р. меня такъ усыпило, что я не видалъ, какъ мы ихъ проскакали. Въ вечеру я загадывалъ съѣздить въ садъ на гулянье: Воскресный день былъ, а оттуда въ клубъ; но буря, громъ, молнія и дождь ведромъ встрѣтили насъ у Одесской заставы, и мы доѣхали до нашей квартиры, глядя въ весь вечеръ съ балкона на воздушную трескотню и волненіе небесной нашей видимой крышки.

На вопросъ: давно ли и на какомъ основаніи колоніи вокругъ Одессы населены? хотя я не могу дать очень удовлетво-

рительнаго отвѣта отъ многихъ причинъ, однако не могу же чего ни будь не сказать самымъ поверхностнымъ образомъ. Вотъ, какъ я слышалъ; ихъ коренное постановленіе! Вывезено до 16 тысячъ семей Лютеранскаго и Римскаго Исповѣданія изъ всей Германіи и Эльзаса. При водвореніи ихъ въ нашихъ стенахъ, давать имъ предназначено по 60 десятинъ земли и по 355 руб. деньгами на постройку хатъ, покупку рогатаго скота и збруи, со льготой на 10-ть лѣтъ, т. е., съ свободой отъ всякой подушной повинности. Во все это время положено судить ихъ въ общихъ Гражданскихъ Трибуналахъ только по такимъ дѣламъ, кои ведутъ за собой каторжное наказаніе, въ прочихъ же меньшаго рода преступленіяхъ, не таская ихъ по Судамъ и разнымъ инстанціямъ, они подвергаются легкимъ наказаніямъ палками въ своихъ селеніяхъ по приговорамъ Волостныхъ ихъ Правленій, съ утвержденія главнаго начальника, котораго должность при насъ исправлялъ Г. Р. Они дѣлятся на деревни: каждая имѣетъ Выборнаго подъ названіемъ Шульца; а въ нѣсколькихъ деревняхъ установленъ одинъ общій Приказъ, и тутъ, по примѣру нашего Годовы, юстиціей править Оберъ-Шульцъ. О! этѣмъ людямъ очень хорошо жить: у нихъ и свѣжее масло, и кофе для гостей, и славные орѣшники Грецкіе въ садахъ растутъ. Всякой Приказъ имѣетъ Секретаря и нужное число писцовъ для производства дѣлъ.

Я не хотѣлъ дать вѣры всѣмъ тѣмъ предосудительнымъ разсказамъ, которые внушалъ мнѣ садовникъ Французъ, поселившійся въ слободѣ Лютерацъ; по тому что худому я привыкъ вѣрять гораздо позже и съ большой осторожностью, кромѣ того худа, которое увижу самъ; но говоря съ рядовыми колонистами, зная въ ихъ распорядокъ, угадывая изъ двухъ, трехъ, словъ тѣ 20 и 30 рѣчей, коихъ они выпустить не смѣютъ, и на нѣкоторыхъ видимыхъ вещахъ основывая заключеніе, я не думаю быть ни дерзкимъ, ни безразсуднымъ, когда скажу, не распространяя моей догадки, что здѣшніе колонисты не такъ счастливы на мѣстѣ, какъ въ журналахъ нашихъ и вѣдомостяхъ, и что многіе изъ нихъ, если бы могли отдать то, что имъ казна по книгамъ будто выдала впередъ, не остались бы здѣсь и на день. Я охотно вѣрю и тому, что это должно приписать болѣе любви къ родинѣ, по которой всякому скучать естественно, нежели худому содер-

жанію въ новомъ отечествѣ. Больше я ни чего не скажу, да и не у мѣста было бы задерживать на пути моего читателя. Для догадливаго, кажется, я сказалъ довольно.

Г Л А В А XII.

Мои знакомства.

Чтобъ видѣть все то, что заслуживаетъ примѣчанія въ Одессѣ, мнѣ нужны были благосклонныя пособія тамошняго начальства. Къ достиженію оныхъ снабдился я письмами къ Дюку де Ришелье и къ Графу Сентъ-При, и тотчасъ развезъ ихъ по прїѣздѣ самъ.

Дюка еще не было въ городѣ, какъ я прїѣхалъ, но на завтра онъ воротился изъ Херсона, куда отлучался крестить у тамошняго Губернатора. Онъ меня принялъ очень просто и безъ дальнихъ чиновъ, и самъ посѣтилъ меня раза съ два; возилъ меня съ собою по заведеніямъ Одессы и все любопытное съ удовольствіемъ мнѣ показывалъ. Онъ еще не старъ; не имѣя жены, угощеніе его самое холостое. По приглашенію его я у него обѣдалъ. Домъ не обширенъ; услуга не велика; столъ хорошій безъ роскоши. Вообще живетъ очень просто и, не имѣя большаго состоянія, не много, думаю, проживаетъ; охотникъ до садовъ, что свидѣтельствуеетъ его хуторъ, и крайне сердится, когда встрѣтитъ порченное дерево на улицѣ, или при чьемъ либо домѣ. Видно изъ всего, что очень любитъ тамошній край, и особливо Одессу, которая слыветъ его балованнымъ дитятей. Дамы къ нему не приглашаются, кромѣ условныхъ большихъ праздниковъ и торжественныхъ сѣздовъ. Изъ мужчинъ лучшее его общество въ городѣ и за городомъ составляютъ купцы, и не всегда самые знатныя. Торговля требуетъ, чтобъ это сословіе людей было отличено, и отъ этого начала происходитъ короткое его съ нимъ обращеніе. Дюкъ говорить по Русски худо и въ бесѣдѣ остороженъ. Лишняго выпустить мало, по крайней мѣрѣ, при людяхъ стороннихъ: говорятъ, что онъ съ короткими на слова свободнѣе.

Послѣ обѣда обыкновенно у него подадутъ всѣмъ гостямъ длинныя трубки, и всѣ закурятъ табакъ. Я страненъ казался, отказавшись отъ этого угощенія; а самъ видя хозяина и гостей сидящихъ на широкомъ диванѣ, подогнувъ ноги подъ себя и протянувшихъ до полу длинныя чубуки, я, право, думалъ, что я въ Царьградѣ. Дюкъ отменно живъ и скоръ; дѣятельность его неусыпна. Для него ни чего не значить переноситься съ мѣста на мѣсто на самыя большія разстоянія. Ему не нужны излишніе сборы: съѣзъ въ дормезъ и вдругъ узнають, что онъ поскакалъ въ Херсонъ, въ Крымъ. При мнѣ онъ раза три въ 8 дней подобныя дѣлалъ въ городѣ сюрпризы, но къ нимъ уже привыкли. Часто ѣздятъ верхомъ съ однимъ Казаккомъ прямо по молодецки и всюду глаза свои кидаетъ. Вотъ каковъ мнѣ показался Дюкъ, когда я собственными своими глазами на него смотрѣлъ; но много ли увидишь въ 8 дней? Прибавимъ то, что я слышалъ объ немъ отъ разнаго состоянія и пола жителей:

Дюкъ по дѣламъ и правленію вообще всѣми похвалается за справедливость и безкорыстіе. Обѣ Канцеляріи его, военная и гражданская, подвержены большому злословію, и ихъ ни кто не хвалитъ. Говорятъ, что фавориты его все изъ него дѣлаютъ, и это многихъ оскорбляетъ. Дюкъ любитъ преимущественно водиться съ купечествомъ, сравниваетъ его съ собою и не рѣдко сажаетъ выше чиновника гражданского самаго незначащаго курчашку. Для чего не покровительствовать этому состоянію? Но все имѣетъ свои границы. Вотъ разсужденіе многихъ! Праздниковъ онъ не даетъ вовсе, или очень, очень рѣдко. Дамы къ нему не ѣздятъ, по тому что онъ держитъ домъ свой на самой холостой ногѣ; въ пріемахъ холоденъ и недовольно вѣжливъ. Такъ отзывается объ немъ общая молва!

Я, съ своей стороны, выѣхавъ изъ Одессы, остался очень доволенъ его благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ не ласковъ, это правда, но я не за дружбою его такъ далеко и ѣхалъ. Гдѣ найти другого такого милаго и доброхотнаго человѣка, какъ Графъ Сентъ При, сынъ заслуженнаго Француза? Онъ по обстоятельствамъ служитъ въ Россіи и женатъ на Княгинѣ Голицыной. Я уже сказалъ гдѣ-то, что онъ управляетъ здѣшнимъ Коммерческимъ Су-

домъ и произведенъ изъ Камеръ-Юнкеровъ въ Д. С. С.; въ отсутствіе Дюка онъ занимаетъ его мѣсто, по званію Градоначальника. Человѣкъ молодой, любезный, уминый, съ хорошими соображеніями и, что лучше всего, откровенно добрый. Въ семействѣ его находилъ я одни возможные для меня удовольствія въ Одессѣ. Жена его дама, воспитанная въ нашемъ отечествѣ и очень любезная. Они живутъ не громко, но пріятно; нанимаютъ не большой, но изрядный, домъ. Онъ у нихъ прибранъ со вкусомъ, по обычаю лучшихъ домовъ въ столицахъ. У нихъ для ужина не накрываютъ большихъ столовъ: кушанье разносятъ на тарелкахъ, и ни кто не жеманится! Свѣчь на столѣ не ставятъ: вездѣ горятъ кенкеты. Общество у нихъ самое небольшое. Они имѣютъ одинъ въ недѣлю день для съѣздовъ, и именно Понедѣльникъ, но и въ тотъ, слышалъ отъ нихъ, что мало къ нимъ съѣзжаются. При насъ былъ Дюкъ и человѣкъ пять стороннихъ. Впрочемъ, мы, по ихъ къ намъ ласкѣ и откровенному расположенію, всякой день къ нимъ ѣздили и всегда съ ними видались: на гавань ли, въ садъ, въ клубъ всегда вмѣстѣ ѣзжали; безъ нихъ намъ становилось скучно. Они также не рѣдко и насъ посѣщали. Ихъ домъ былъ для насъ, какъ собственный нашъ. Безсовѣстно было бы мнѣ забыть когда ни будь ихъ добротство, и мы, смѣю ласкать себя этой надеждой, разстались съ ними на всегда хорошими пріятелями. Мнѣ не удалось съ Графомъ проститься, по тому что онъ сильно занемогъ почти горячкою въ день, для моего отъѣзда назначенный. Я было отсрочилъ на сутки, надѣясь, что ему будетъ лучше и что мы еще разъ тамъ увидимся, но болѣзнь его разсудила миноваться уже тогда, какъ насъ не было въ Одессѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нынѣ, по возвращеніи моемъ на родину, и изъ нѣсколькихъ писемъ его вижу, что онъ постоянно сохранилъ ко мнѣ свою пріязнь, которая есть лучшее мое пріобрѣтеніе на берегахъ Чернаго моря!

Къ двумъ симъ лицамъ, Дюку и Графу Сентъ-При, прибавимъ достойную нашу хозяйку, Госпожу Турчанинову, * и подругу

---

* Изъ сочиненій ея извѣстны (по «Росписи Россійскимъ книгамъ Библиотеки А. Смрдина. Спб. 1828») слѣдующія: 1) «Отрывки изъ сочиненій Анны Турча-

ея, Госпожу В., сверхъ того заѣзжаго сюда Екатеринославскаго Губернатора, Пр. Алексѣева, родственника сестры моей по мужѣ, и вотъ все мое знакомство въ Одессѣ; болѣе я ни съ кѣмъ не сошелся ни близко, ни далеко.

При мнѣ пріѣзжалъ Таврической Губернаторъ Г. Бор., старый мой знакомый и сослуживецъ. Его я въ новый списокъ не ставлю за тѣмъ, что мы рѣзвились, служили, влюблялись и шалили нѣкогда вмѣстѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ (Ахъ! какъ тяжело это вспомнить и видѣть такое прекрасное время жизни столь далеко позади себя!), лѣтъ 20-ть слишкомъ тому назадъ, говорю я, играли мы вмѣстѣ комедіи. Домъ матери ихъ былъ домъ удовольствія и пріятной свободы. Все это пришло мнѣ на мысль, увидѣвши его, и много напомнило старинки. Благословенно время юности: ни что ея не замѣняетъ!

Г Л А В А XII.

Публичная жизнь въ Одессѣ.

Между значущими жителями города почитаются Господа Консулы, Австрійскій и Французскій: перваго я одинъ разъ видѣлъ въ обществѣ у Графа Сентъ-При, а послѣдняго нигдѣ. Они, слышалъ я, оба мало выѣзжаютъ и занимаются одними торговыми дѣлами.

Многіе богатые купцы, особливо Греки, очень скупы, имѣютъ свои конторы, но сами рѣдко живутъ при нихъ, а насылаютъ прикащиковъ, кои не въ правѣ роскошничать, берегутъ деньги и копятъ ихъ; слѣдовательно, городъ не оживоренъ, а мо-

---

виновой. Спб. 1803, 8; 2) *Натуральная этика или законы нравственности и проч.*, перевела съ Латинскаго Анна Турчанинова. Спб. 1803, 8.» О. Б.

жетъ быть онѣ мнѣ показался скученъ и по тому, что въ лѣтнюю пору всѣ изъ городовъ бѣгутъ въ поле. Иные имѣютъ хуторы, и разводятъ при нихъ сады. Въ публичныхъ мѣстахъ нигдѣ при мнѣ не было ни какого сѣзда: всѣ сидятъ по домамъ, выкладываютъ, считаютъ и сулятъ жить для другихъ тогда, какъ денегъ наживутъ больше; словомъ, всякой въ Одессѣ дышетъ изъ барыша.

Правда, что въ Одессѣ самой нѣтъ еще роскоши столичныхъ городовъ, при всей изящности ея мѣстоположенія, но повторю еще разъ, и съ удовольствіемъ, что натура вокругъ ея все дала изобрѣтательному человѣку: почва плодородная, природа ни у кого не остается въ долгу; былъ бы трудъ и сѣмя для посѣваній. Хозяинъ самаго небольшого хутора можетъ величайшій приобрѣсть доходъ земляной работой. Солнце грѣетъ, роса живитъ, море прохлаждаетъ. Не нужны здѣсь садовники, ни теплицы, ни парники: на вольномъ воздухѣ всякой плодъ спѣетъ, позже искусственного, не спорю; ибо натура насилій не терпитъ, а производить въ свою пору: но можно ли спорить противъ того прищипанія, что плоды свободные гораздо вкуснѣе принужденныхъ? Оранжереи наши въ столицахъ ясно то доказываютъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: иной любитъ хоть не вовся хорошо, изрядно, да по скорѣй, а другой позже, да въ совершенствѣ.

Не должно воображать также, что въ Одессѣ все сыскать за деньги можно, нѣтъ! Даже и за большія не даютъ многого; на примѣръ: еслии нѣтъ знакомаго съ запасомъ, вы на рынокѣ не достанете купить всегда ни яицъ, ни сливокъ, ниже овощей; хотя и привозятъ все это, но рѣдко, всякой поселеникъ знаетъ, что осѣдлый житель города всѣмъ запасся; а на бездомнаго не всегда на такого нападешь, кто бы далъ дорого за дальній привозъ травъ, или овощей. Во всей Россіи, скажемъ смѣло, только два пункта, въ коихъ все и всегда для жизни животной достать можно: Петербургъ и Москва. Москва обязана древности своей и многолюдству тѣмъ, чѣмъ Петербургъ одолженъ постоянному пребыванію Двора, который, какъ солнце, все отвсюду къ себѣ тянетъ. Впрочемъ, вездѣ еще надобно жить съ запасомъ; а на базарахъ артишоковъ и шуфлеровъ долго не купишь.

Изъ рыбъ морскихъ я здѣсь ѣлъ только, такъ называемую, камбалу: она была очень хорошо приготовлена; но признаться, что для меня рѣчной судакъ гораздо вкуснѣе. Устрицъ не видалъ. Фруктовъ не было еще ни какихъ, кромѣ абрикосовъ. Ихъ множество и дешевы. Анпельсиновъ во всемъ городѣ только одинъ оставался десятокъ у Грека, который я купилъ и далъ 4 руб. Все, что подвезено было, еще съ Мая умчали въ Москву. Старушка эта все выкупаетъ со всего бѣла свѣта. Тѣ, кои при отъѣздѣ моемъ приплыли и о коихъ я говорю уже въ другой разъ, какъ о самой значительной рѣдкости, не совсѣмъ лучшаго были вкуса и доброты. Между конфектами искусственными въ первой разъ ѣлъ я здѣсь альву, Цареградское лакомство: очень приторно! Это не что иное, какъ битые орѣхи съ миндалемъ въ патоку, и продается довольно цѣнно въ бурачкахъ, какъ наша икра. Естли залежится, то заплѣсневѣетъ, почернѣетъ и приходится кинуть.

Я удивился, что въ торговые годы капиталисты не оставляли нѣсколько заморскихъ товаровъ въ погребахъ и магазинахъ для распродажи нынѣ въ тѣсные годы, но нашелъ отъ многихъ правильныя возраженія. Въ самой вещи, для кого оставлять такіе запасы? Цѣна, въ которую они, лежа въ амбарахъ, обошлись бы по времени самому хозяину, слишкомъ возвысилась бы, чтобъ выручиться въ городѣ: кто дорого въ состояніи, или, лучше сказать, живучи изъ выгодъ, кто захочетъ дорого заплатить за что либо необходимое? И такъ все, что изъ за моря въ хорошіе годы торговые было доставлено къ Одесскому порту, все услао внутрь Россіи, и теперь вы въ Одессѣ ни чего не найдете купить иностраннаго, кромѣ бездѣлушекъ, залежавшихся печально и не составляющихъ счета капиталисту. Повторимъ еще разъ всѣ выгоды этого прославленнаго края: ни какого общества, всѣ сидятъ по домамъ и живутъ изъ барыша. Съ расчетомъ жить во время торговли—найдешь себя въ обѣтованной землѣ; но для удовольствія еще рано сюда переселяться: скверная квартира 50 руб. въ мѣсяцъ; четверня лошадей 10 руб. въ сутки; ни полѣна дровъ, топи кизикомъ, отъ котораго воняетъ; пыль, мухи, зной, или лодный вѣтеръ: какая мука!

И такъ, отложя всякое пристрастіе, не станемъ заблуждаться и согласимся, что Одесса, по недавнему своему образованію, очень

хороша, но что она еще ни въ сотую долю не доведена до того степени превосходства во всѣхъ частяхъ, до какого назначаетъ ей сама натура и ея точка во вселенной, и долго еще объ ней хвастать надобно будетъ въ журналахъ, чтобъ заманить туда любопытнаго.

ГЛАВА XIII.

Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ.

Вѣжливому Дюку разсудилось предложить мнѣ гулянье: я никогда этой забавы не забуду. Получилъ однажды я отъ него зовную записку строчкахъ въ трехъ, и явился въ пять часовъ по полудни, какъ сказано въ ней было; не видя, впрочемъ, изъ нея ни съ кѣмъ, ни гдѣ, ни какъ будемъ мы забавляться, я не взялъ ни какихъ предосторожностей отъ непогоды. Я воображалъ, что бури и ненастья только для сѣвера, а что въ Одессѣ нѣтъ ни грозъ, ни дождей проливныхъ, ни безпокойной сырости; словомъ, думалъ я, тутъ небо и всѣ преимущества небожителей.

Къ Дюку собралось насъ человекъ съ 6, въ томъ числѣ заѣзжіи Губернаторъ и Губернскій Предводитель, и пошли мы всѣ за нимъ на пристань, а тамъ и въ шлюбку. Я люблю смотрѣть на море въ окошко, и то тогда только, когда оно очень смирно, а плавать по немъ въ лодочкѣ не пробовалъ еще, и пробовать нынче рѣшительно не взлюбилъ на вѣкъ. Разсѣлись мы по лавочкамъ, и гребцы помчали насъ въ чистое море. Что говорить о шлюбкѣ? Разумѣется, прекрасная, но на морѣ, на этой пространной и выской стихіи, взмилится ли не бывалому человеку и корабль, не довольно шлюбка? Она же не совсѣмъ тихо струи раздѣляла, вѣтерокъ обуревалъ поверхность моря; волны раздражались и поигрывали съ нашей лодкой, которая перекидывалась изрядно изъ стороны въ сторону. Такое плаванье наше продолжалось съ часъ, и цѣль прогулки еще далека была отъ нашихъ взоровъ. Алексѣевъ не терпитъ моря, хотя и былъ въ Англій; ему стало

тошниться и мнѣ приходило около того. Но тошнота, самъ обморокъ—бездѣлица въ сравненіи съ боязнію. Кто знакомъ съ этѣмъ сильнымъ трепетомъ, который мы зовемъ страхомъ, тотъ, читая настоящую повѣсть нашей прогулки, войдетъ въ мое состояніе и почувствуетъ, каково было мнѣ глядѣть на бездонное море.

Но наконецъ Дюкъ приказалъ пристать къ матерому берегу; но разъ мы попали на мель, въ другой ударились о камень, и этѣ припятствія продолжали наше водородное странствіе; а между тѣмъ облака сгущались, чернѣли въ воздухѣ тучи, скрывался за ними сводъ небесный, и сильный дождь висѣлъ надъ нами. Какой-то Чинovníкъ, стоя на краю моря, манилъ насъ въ свою сторону. На полугорѣ раскинута была ставка, и я ожидалъ тутъ послѣ нашего похода вѣнковъ лавровыхъ, но еще не конецъ; однако причалили мы къ огромной скалѣ и, выскочивъ изъ шлюбокъ, не успѣлъ я обрадоваться сухому берегу, какъ хляби небесныя отверались и пошелъ на насъ проливной дождь. Безъ капота въ одномъ фракѣ мокнуть незабавно!

Отважный человекъ на моемъ мѣстѣ описалъ бы всѣ прелести того берега, мимо котораго мы крейсировали. Какія горы, ущелины, овраги! Но я занятъ былъ только двумя предметами — собой и моремъ; ни чего не видалъ, кромѣ моря, и мало глазѣлъ на красоты природы по сторонамъ.

Дюкъ въ одномъ мундирѣ велъ насъ въ гору подъ сплывшимъ дождемъ, и иногда останавливался, чтобъ заставить меня примѣтить прекраснѣйшіе абрикосы на открытомъ воздухѣ; но я все еще озирался на Черное море и смотрѣлъ, далеко ли мы отъ него ушли, и чувствовалъ себя часъ отъ часу мокрѣе.

Палатка, обольстившая взоръ мой, была тутъ приготовлена въ предположеніи ведра для одного роздыха послѣ морскаго путешествія; ненастье насъ въ нее не манило: всякому хотѣлось дойти до чего ни будь прочнаго и не сквознаго; всѣ шли на угадъ впередъ; самъ Дюкъ не зналъ прямой дороги до того мѣста, куда съѣздъ былъ назначенъ. Алексѣевъ отсталъ; трое шли мы только: Губернаторъ, Бор. и я, по узенькой тропинкѣ вдоль горнаго хреб-

та, природой тутъ поставленнаго для огражденія бездны. У ногъ его сокрушались волны Чернаго моря. Дождь лилъ безъ чиновъ и уже промочилъ насъ до костей, какъ Дюкъ попотчивалъ меня переждать тучу подъ какимъ-то густымъ деревомъ; присѣли мы подъ нимъ, но вода съ листьевъ еще сильнѣе насъ мочила, и мы скоро, какъ зайцы, поднялись на ноги опять и пустились впередъ.

Наскучило нашему вождю ити все той же травой, гдѣ съ помощію его не одну я уже перескакивалъ морскую промону, и, по мѣстнымъ догадкамъ, свернулъ онъ на право, за нимъ Бор. и я. Новая печаль, да и не шуточная! Мы попали въ камышъ по самую грудь и уперлись ногами въ глинистый кряжъ земли. Во первыхъ, тутъ вода насъ промочила какъ губку, по тому что камышъ, наполненный ею, смочилъ на насъ вдругъ всю одежду; во вторыхъ, глина, пристава къ ногамъ, отягощала шагъ нашъ чрезвычайно и мѣшала скоро ити. Сверхъ того, пусть вообразятъ, каково въ мокромъ платьѣ, увязнувъ въ тростникъ и глину, вырывать то ту, то другую, ногу и шагать впередъ, налегая всей массой тѣла на самые нѣжные грудные органы. Такимъ ходомъ мы еще шествовали съ добрый полчаса, и увидѣвши чей-то хуторъ, я очень обрадовался.

Нѣтъ! не тутъ еще рокъ судилъ намъ пѣсню побѣдную. Отъ этого жилья было уже недалеко до пункта мнимаго увеселенія. Мы бросились сквозь полисадникъ, и очень непріятно встрѣчены были тремя угрюмыми псами, кои, не зная шутокъ, намѣревались насъ принять за фалды. Дюкъ и Бор. имѣли при себѣ шпаги и могли подъ часъ ими оборониться; но у кого нѣтъ защиты, тому одно средство бѣжать, что я и сдѣлалъ. Пріѣхать въ Одессу за тѣмъ, чтобъ дать себя изувѣчить чимъ-то неугоднымъ псамъ, не самой славной кончиной мнѣ казалось. Товарищи мои скоро отъ нихъ также освободились и, соединясь опять всѣ трое, снова замаршировали!

О несказанный восторгъ! Намъ слышится музыка: такъ точно! Мы близки къ удовольствію, къ теплу, къ огню и къ роздыху. Вѣрно, думаю я, домъ, куда мы придемъ, хорошо прибранъ, скутанъ отъ непогодъ; тамъ мы обогрѣмся, напьемся, чаю, высушимся у очага, а, можетъ быть, найдемъ и другое платье,

пока мокрое обсохнетъ. Ахъ, какая ошибка! Г. Рено, зажиточный купецъ, ожидалъ Дюка въ своемъ новоотроющемся хуторѣ. Домикъ прекрасный, съ хорошимъ выпускомъ на берегу Чернаго моря; виды волшебныя, мѣстоположеніе божественное; высоко, величественно все, правда: но увы! ни дверей еще, ни оконницъ: насъ ждали въ хорошую погоду, а мы налетѣли въ сильное ненастье, продрогли до костей, переодѣться не во что, согрѣться негдѣ: музыка огромная, шумъ и звонъ страшный, но что въ ней мокрому пѣшеходу? Очагъ съ хорошимъ пыломъ отъ сосновыхъ сухихъ плахъ превосходнѣе былъ бы для меня всѣхъ прочихъ богатствъ природы на томъ мѣстѣ. Дѣлать было не чего; надлежало всю вечеринку вытерпѣть. Столъ отягощенъ былъ фруктами, но ни что не шло въ душу. Я не выпилъ, а проглотилъ, чашки три чаю съ виномъ, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Компания, кромѣ насъ, состояла изъ пяти, или шести, купцовъ и трехъ какихъ-то Молдаванокъ. Дюкъ, не задумываясь ни мало, началъ вальсировать съ одной, Бор. съ другой, третья нажидала, думаю, меня, но я, обогащенный глиною, какъ золотомъ, не могъ съ такимъ грузомъ пошевелить ногъ и рѣшился лучше показаться невѣжливимъ мужчиной, нежели кружиться, упасть и уронить.

Вечеръ уже приближался. Мы отъ города были въ трехъ верстахъ: пора было подумать о возвращеніи домой. Жена моя, конечно, не могла придумать, гдѣ я дѣвался. Какъ и па чемъ ѣхать: моремъ ни кому уже не хотѣлось, а сухимъ путемъ предстояла крутая гора. Людей съ нами было мало; вести подъ руки нѣкому; ити по размытой глинѣ скользко, и такъ я нѣсколько разъ упалъ и, благодаря одному солдату, маралъ не фракъ свой, а его шинель, которую возвратилъ ему всю въ грязи. Всякой думая, какъ водится, самъ о себѣ, шелъ своей дорожкой, а на горѣ всѣ мы сошлись вмѣстѣ. Въ суетѣ такой я, право, не видалъ, куда дѣвались наши дамы: ни съ кѣмъ въ свѣтѣ такъ скоропостижно я не знакомился, какъ съ ними; видѣлъ тутъ одну минуту, не встрѣчалъ послѣ нигдѣ въ Одессѣ, и, чаятельно, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не съѣдусь съ ними опять.

Взойдя на гору, я ожидалъ коляски, кареты, линѣйки, словомъ, какого ни будь спокойнаго экипажа, чтобы доѣхать въ го-

родъ: опять ошибка! Ни чего не было, кромѣ таратайки парой, въ которой съ нуждой усѣлись бы два человѣка, но необходимость вселила туда троицхъ: Дюка, Бор. и меня. Дюкъ самымъ услужливымъ образомъ уступилъ мнѣ свой плащъ, далъ намъ двоимъ угольные мѣста, а самъ между нами сѣлъ въ серединѣ. Такъ ѣхали мы по чистому и неровному полю три версты. На дворѣ зачинало темнѣть; скакать парой, да и съ такимъ грузомъ, было неспособно; дождь продолжался и по маленьку поливалъ насъ. Голландцы не тѣспѣе набиваютъ сельдей въ боченки, какъ сжало насъ въ этой одноколкѣ; но кое-какъ въ сумерки вѣхали мы въ городъ, и я домой къ себѣ явился, какъ послѣ кораблекрушенія матросъ: сухой не было на мнѣ нитки; я трясся лихорадочною дрожью, и съ трудомъ исправилъ мои силы послѣ горячаго вина и въ сухой одежѣ. Домашніе мои не могли отгадать, гдѣ я такъ позабавился.

Отдохнувъ съ ними и пошутя довольно на собственный свой счетъ, поѣхали мы въ тотъ же день ужинать къ Графу Сентъ-При. Это былъ его вечеръ. Тамъ застали мы уже и Дюка. Хозяинъ тихомолкой пошутилъ надо мной; оба мы дали неудачной прогулкѣ настоящую ея цѣну. Столь сильное безпокойство скоро позабыли въ любезномъ обществѣ добрыхъ хозяевъ. Хорошая бесѣда, остроумныя, но пріятельскія, шутки и откровенность мыслей, сто разъ пріятнѣе для сердца, привязаннаго къ жизни, чѣмъ всѣ потѣхи безпокойнаго любопытства. Вотъ какъ я думалъ тогда, думаю теперь, когда пишу, и думать буду вѣчно. Замѣтимъ теперь вообще, безъ всякаго кому либо предосужденія, что есть чины и лѣта, въ которыхъ не должно ни жить, ни забавляться такъ, какъ позволяется и пристойно мальчику въ 20 лѣтъ.

III

МАТЕРІАЛИ СЛАВЯНСКІЕ

LIT. F.

Uniwersał Kommissyi Porządkowej do obywatelów, in Feb-
ruario 1789 wydany najpierwszy.

(Ten Uniwersał nie wypisuje się co do litery, lecz się tylko wy-
raża w krótkich słowach, co do istoty. Nakazuje Kommissya obywatelom
ku własnej obronie życia przystawić do Łucka milicyantów, w mun-
dury wojewodzkie i broń opatrzonych, tudzież dla nich i dla koni
wiktuały.

Pozmieniony nakaz tę miał w sobie szczególność, aby obywatele
nie posyłałi Rusinów za milicyantów, ile już wszystkich o bunt po-
dejrzanych; a zatem wolno było Lutrów, Kalwinów, w ostatku
Żydów i Karaimów do uformowania tejsze milicyi używać, jednych
tylko wyłączywszy Rusinów!

Dalej wezwala Kommissya szlachtę czynszową i innych, bez służ-
by zostających, o czém drugi przeświadcza Uniwersał.)

Uniwersał Kommissyi Porządkowej drugi, dnia 31 Marca,
1789 wydany.

Komissya Województwa Wołyńskiego.

Gdy zapobiegając nieszczęśliwości wewnętrznej w Województwie naszym końcem zabezpieczenia każdego mieszkańca i obywatela, zobowiązała układem swoim każdego miast i wsiów possesora do wystawienia w czasie najprędzszym ludzi nadwornych podług Uniwersału wydanego. Równy ratunek od współbraci naszych, acz osiadłości żadnej nie mających, jednak równie z nami krwią, ozdobą stanu szlacheckiego zaszczyconych, ile dla ocalenia własnego życia przynależy. Przeto tych wszystkich współbraci naszych, szlachtę, czyli na czynszu mieszkające, czyli bez służby będących, bądź pod jakimkolwiek pretekstem w Województwie naszym bawiących się, miłością braterską obowiązujemy, ażeby nieodwłocznie na ratunek siebie samych w broń, podług przemożności swojej, dla zmocnienia i powiększenia narodowych ludzi, do miast pryncypalnych, Łucka, Włodzimierza i Kamieńca zjeżdżali, a to pod rygorem praw o prerogatywach stanu szlacheckiego opisanych. I ten Uniwersał, aby wszystkich obywatelów łatwiej wiadomości doszedł, po parafiach wszystkich rozsyłamy etc. Dan na sessyi Kommissyjnej w Łucku 1789 r., dnia 31 Marca.

Franciszek Prażmowski, Prezes Kommissyi.

Stefan Załęski, Chorąży Nowogrodzki, pow. Łuck. Komisarz.

Felix Jęto Maliński, Miecznik Wołyński, Komisarz.

Piotr Postrucki, Skarbnik Czerniechowski, Komisarz.

Bonawentura Chamiec, Horodniczy Łucki, Komisarz.

Cyryak Nowowiejski, Szambelan J. Król. Mości, Komisarz.

Dominik Zmigrodzki, Stolnik, Łukowski, Komisarz.

Dyonizy Wiszniewski, Sędzia Grodz. Czerniech., Komisarz.

Piotr Szaława Leduchowski, Komisarz.

Felicyan Radzimiński, Starosta Zeleźnicki, Komisarz.
Kajetan Trzebuchowski, Stołnik Trembowelski, Komisarz.
Piotr Borsza Drzewiecki, Starosta Jezierski, Komisarz.
Kajetan Bobr, Komisarz.
Marcin Sławoszewski, Komisarz.
Tadeusz Błędowski, Rotmistrz kawaleryi narodowej, Komisarz.
Jan Tomaszewski, Podstoli Łomżyński, Komisarz.
Jwon Stecki, Starosta Rudziński, Komisarz.
Kajetan Aksak, Szambelan Jego Królewskiej Mości, Komisarz.
Tadeusz Podhorodeński, M. W. K., Komisarz.
Wincenty Chojnacki, Chorąży Sanocki, Komisarz.
Kajetan Sadowski, Starosta Słonimski, Komisarz.
Felix Hulewicz, Vicesgerent Grodzki Łucki, Komisarz.
Józef Orański, Chorąży Braclawski, Komisarz.

(L. S.)

Zgadza się z orginałem.

Lenkiewicz Sekretarz.

Uniwersał Kommissyi Porządkowej trzeci, dnia 9 Czerwca,
1789 wydany.

Kommissya Województwa Wołyńskiego.

Wszem w obec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć należy, do wiadomości podaje się.

W każdym czynnościach, tyczących się dobra publicznego, duszą jest zgoda i jednomyślność, tém więcej gdzie idzie o całość majątku i bezpieczeństwo życia, łączenie się ku wspólnej obronie obywatelów konieczną zdaje się być potrzebą.

Doświadczyła tego Kommissya, część obywatelów Województwa Wołyńskiego reprezentująca, w początkach, grożących okropnymi skutkami z poburzenia chłopstwa do buntu, nad całym krajem i własnym Województwem wyszącymi, kiedy obywatele, zagrzani własnego życia ocaleniem, w nieznajdowaniu się wojsk na Wołyniu, przejęli zachęcenie Kommissyi względem milicyi, i część jej znaczną, w jakim kto mógł porządku, na nagłąca pozierając potrzebę, wystawili, i co w obcych narodach przymus zwykł zyskiwać na obywatelach, to w wolnym narodzie czułość o bezpieczeństwo kraju, życia i majątku znalazło chwalebne względy.

Nie trzeba więc ustawać w tak cnotliwych i chyba tylko przez uprzedzenie innym duchem tchnących i przeciwnie myślącym nieupodobanych czynach, należy powiększać zabezpieczenie na ukryty, lecz nie zupełnie utłumiony ogień, należy skutkować jednomyślnie, co współbracia celem nie tylko siebie, lecz i innych ocalenia, w ufności podobnego zamiaru każdego obywatela dopełnili, należy znieść równie słodki ciężar miłości braterskiej, który by o nieoddzielnym obywatelów w każdy moment przekonywał myśleniu, niech odgłos idzie

w odległe kraje i w potomności zostanie pamiątka, że Polak, w potrzebie, umie razem myśleć, razem działać i razem czynić.

Niemoże Kommissya spóźnienie od niektórych milicyi brać za skutek odróżnienia się od wypełniających tę potrzebę, przyznaje to niezręczności, a może dla odleglejszych miejsc niewiadomości o tak chwalebnej wielu bardzo obywateli czynności.

Dla tego nie przestaje zachęcać i starać się o równą od wszystkich w dostawieniu milicyi łatwość, bojąc się, aby w jednym razie niełączenie się na zawsze między obywatelami tej nie zatraciło ufności, przez którą znaczniejsze domy, dopieroż Województwo większą część obywatelów składające, zwykły się utrzymywać.

Mógł pierwiej obywatel ulegać prywatnym odgłosom, że ta milicya do najzbawieńniejszego celu umyślona, była na szkodliwy jakowy zbierania zamiar, lecz niech już będzie przekonany, że tak próżny przesąd został obalony, kiedy na czele będący Stanów skonfederowanych i Rzeczypospolitej wielki mąż, JWny Małachowski, R. W. K. sejmowy Marszałek, z dóbr swoich, i na wzor jego JO. Xże Czartoryski, Generał ziem Podolskich, JWny Zamojski Ordynat, i inni, w Województwie Wołyńskiem znaczniejsze dobra mający, choć nieprzytomni, tudzież obywatele klucze, wioski i części posiadający, chęcią, tylko wspólnego ratowania się w zdarzeniach nieszczęśliwych, milicyą dostawili.

Mógł jeszcze kto z zbiegnionych do miast tołecznych obywatelów prywatą nazwać, że ta milicya tamże do zebrania się początkowym wezwana była obwieszczeniem, chociaż przez ucalenie akt miał bezpieczeństwo honoru, szlachectwa i majątku; lecz Kommissya nie dla siebie, tylko dla Województwa sprawując swoje obowiązki, dogodziła chęciom obywatelskim, na parafie dzieląc milicyą, która by nie tylko w miastach stołecznych dla akt, ale też i w parafiach dla obywatelów bliższą stała się obroną.

Nie spodziewa się Kommissya, aby który obywatel utyskiwał na ciężar dobrowolny, przy innych podatkach z milicyi wynikający, bo ten ciężar, przy zapalonym ogniu buntów, przez wszystkich z dobrej woli był przyjmowanym, a kiedy w iskrze początkowej wsparciem ojcowskim Najjaśniejszego Pana, przez nadesłane części wojska i czu-

łością współbraci, został niezupełnie utłumiony, niech wzajemną miłością zagrzani będą ci, którzy nie dostawili milicyi, niech ją dostawia, i zrobią ulgę ratującym siebie początkowie współbraci.

Potrzeba mieć ufność w wojsku krajowem, że nim zasłoniony ostanie obywatel od nieszczęśliwości, lecz znowu względ mieć na to należy, że tegoż wojska nagłe skompletowanie nastąpić nie może, dotąd zaś zebrana liczba dla zasłonienia granic gdy zostanie użyta, a nieszczęścia, które nam zewsząd obiecują, gwałtownie wybuchną, będzie Województwo zaczynało znowu myśleć o ratunku, lecz już będzie po czasie; bo, choć by gmin ludzi gwałtownie zebrać mogło, niezdatne, bez usposobienia do mustry, bez porozumienia się, będzie tylko jedyną pastwą spozierających pokątnie na nas nieprzyjacioł.

Niech więc tylko każdy obywatel, duchem jedności tchnący, cechą poczciwie myślącego człowieka oznaczony, miłością wspólną dobra publicznego zagrzany, o ucaleniu życia i majątku współbraci i swego myślący, ściśle te uważy maxymy, które do dobrego zmierzają celu, zapewne dla ufności jedynej, która by go w spoteczeństwie łączyła, dopełni zamiar pierwszych Uniwersałów, względem dostawienia milicyi, niezwłocznie, dla wrażenia krajom i Wojewadztwom Wołyńskich obywatelów jedności z daleka jej dozierającym.

Uprzątając zaś bojaźń, z nieustannego utrzymywania milicyi pochodząca, że ta od dnia 1 Czerwca, przez miesiący dwa trwać będzie, Kommissya zabezpiecza. Gdyby jednak grożący nam niebezpieczeństwem rozruch nie ustawał, spodziewa się Kommissya, że sami obywatele na przedłużeniu czasu do utrzymania jej poprzestaną.

A lubo Kommissya ufna jest, że WW. kommandanci parafialni lokacją swoją podług myśli urzędzeń po miastach i wsiach, w tychże parafiach będących, przy kościołach parafialnych rozłożywszy, rapporta natychmiast przesyłać nie zaniedbają, jako ma doświadczenie z wielu cnotliwie i chwalebnie dopełniających swoje obowiązki, aby ta jednak niewiadomość obywatelom nie rodziła jakowego podejrzenia; a spokojnymi we wszelkich wątpliwościach zostawiła Kommissya kommanderującym po parafiach uskutecznienie takowego opisu powtarza i przypomina.

Jako zaś obywatele sami żądali przez listy swoje do Najjaśniejszego Pana i Stanów Rzplitej zasilenia wojskiem, ofiarując stosować żywność do żołdu, tak gdy z ojcowskiej Najjaśniejszego Pana troskliwości doznaje Województwo przechodu i konsystencyi wojska, przez co same miejsca przechodu, konsystencyi i wsie poblizsze doświadczają uciążliwości, a odległe wsie i miasta wolne są od wspólnego ciężaru, przeto gdy Województwo wspólnie do wszystkich ciężarów przykładać się powinno, i część tegoż Województwa furaz do magazynu dostawiła, spodziewa się Kommissya, że i inne dobra dostawienia tegoż furazu nie uchybia, ile gdy tego opłata, w generalnej złożona kassie, dotąd nieruszona, do urzędzenia Województwa znajduje się. Inaczej Kommissya dzieląc ciężar na całe Województwo, a ujmując przykrości obywatelom, od początku Kwietnia wojsko utrzymującym, starać się o przyciągnięcie wojska na konsystencyą ode wsi do wsi, aby wszystkie równy uczuły ciężar, będzie przymuszona.

Pewna jest Kommissya, że każdy obywatel, czuły o własne bezpieczeństwo, dziesiątuików przysięgłych po wsiach i miastach ustanowił, warty dzienne i nocne utrzymuje, bez zaświadczenia przejeżdżających, przechodniów zkadkolwiek i dokadkolwiek nie przepuszcza, podejrzanych zatrzymuje, leśnych do najszczególniejszej ostrożności, aby się hultaje po lasach i futorach nie kryli, pod surową karą obowiązuje. Żeby to jednak do czasu zupełnej spokojności nie ustawało, owszem jak najmocniej zachowane było, ile gdy świeże zewsząd o nieuspokojeniu się rozruchów dochodzą wiadomości, Kommissya do utrzymania tego porządku, dla własnego bezpieczeństwa obmyślonego, potrzebą ocalenia się wzajemnego i wspólnego dobra, zachęca i obowiązuje.

Za rzecz pewną donoszą Kommissyi, że niektórych miast i wsiów dziedzice i posiadacze Uniwersałami Najjaśniejszych Stanów Rzeczypospolitej i Kommissyi ostrzeżeni, Piliponów pajnawszy, dotąd bez pilnej sraży u siebie utrzymując, wielu tym sposobem z rąk swych upuścili, przez co daleko większa w obywatelach rodzi się niespokojność, przeto Kommissya, znając swoim obowiązkiem przestrzega bezpieczeństwa publicznego, obowiązuje tych wszystkich, którzy by podobny gatunek ludzi i ich inajątki mieli u siebie, aby onych z inajątkiem, unikając odpowiedzi, dla wybadania i dosłedzenia zamiarów

włóczenia się w tak wielkiej liczbie po krajach Polskim, ile gdy niektórzy po imionach i przezwiskach powołani po miastach stołecznych nie znajdują się, do jurysdykcji przystawieni, onych nieodwłocznie przystawili. Który Uniwersał aby jak najrychlej każdego wiadomości doszedł, po kościołach rozgłaszać, rozsyłać i parafianów uwiadamić miłością obywatelstwa i potrzeby terazniejszej Kommissya zagrzewa i obowiązuje. Dan na sessyi Kommissyjnej w Łucku dnia 9 Czerwca, 1789 roku.

Stefan Hubicz Załęski, Chorąży pow. Nowogrod Komisarz.

Tadeusz Podhorodeński, Komisarz.

Kajetan Aksak, Komisarz.

Jan Krokwa Tomaszewski P. L., Komisarz.

Franciszek Pisarski, Komisarz.

Piotr Borsza Drzewiecki, Komisarz.

Juo Stecki, Komisarz.

Józef Wojna Orański, Komisarz.

Ignacy Jełowicki, Komisarz.

Felix na Drozniach Hulewicz, Komisarz.

Kajetan Trzebuchowski, Komisarz.

Walenty Hubicz Załęski, Komisarz.

(L. S.)

Zgadza się z orginałem.

Lenkiewicz Sekretarz.

List JW. księdza Krasińskiego, Biskupa Kamienieckiego, do
Biskupa Chełmskiego Ruskiego. *

Illustrissime et Reverendissime Domine Frater observandissime!

Mocno ubolewam nad pokrzywdzeniem JWMci Pana, ale w te-
razniejszym prześladowaniu duchowieństwa nie widzę inszego sposobu
do ratunku, tylko cierpliwość. Ta konstytucya stanęła w największym
zapale przeciwko Prymasowi; dla tej więc jednej osoby całe ducho-
wieństwo zostało płomieniem ogarnione. Trzeba jednak mieć nadzieję,
że jak prędko żadna rzecz na świecie nie jest tak gorąca, żeby jej
czas nie oziębił, więc czekać należy, aż też izba poselska cokolwiek
wystygnie. Nie wiem, czyli na złość Prymasowi, który bronil swojego
duchowieństwa, uwolnili więzy Ruskich od wszelkiego gatunku podat-
kowania, czyli przez compassyą nad ich niedostatkiem, ale to wiem,
że ich już jest pełno po więzieniach za to, że namawiali chłopstwo
do buntów, do schizmy i do zarzynania swoich panów. Ta okolicz-
ność powinna teraz wszystkim otworzyć oczy, że czém bardziej
będą im dogadzać, tém prędszej staną się gorszymi. Winszuje, że Wo-
łyń nie należy do JWMci Pana, z kąd piszą do nas, że już niedaleko
Włodzimierza wurznięto Pana Wyleżyńskiego, z całym domem jego,
dla czego Wojewodzka Kommissya wydała uniwersał, ażeby w ośmiu
dniach każdy obywatel przystawiał uzbrojonych ludzi. Tu teraz natu-
ralna stawa w oczach każdego uwaga, że jeżeli duchowni Ruscy
jeszcze nie mogli do tych czas nabyć światła wiary, światła cnoty i
ludzkości, chociaż byli pod rządem Biskupów, cóż to będzie, gdy
Biskupi zfolgują, dozór nie mając tych dochodów, których straż i
pilnowania dyecezyi koniecznie wuciąga? Nie będę ja pisał a ni do
Starosty, a ni do żadnego z przyjaciół moich, póki rzeczy lepiej nie
wyklarują się. W przeciągu wiosny obaczymy, do jakiego końca

---

* Это письмо въ собственноручномъ подлинникѣ приложено къ рукописи Феодосія
Бродовича. Прим. Изд.

zmierzają początki buntów. Jedni mówią, że Syzmatycy odprawują missye, więc wchodzi interes religii, drudzy mówią, że Moskwa podnieca ogień, żeby domową wojną zapalić kraj Polski. Cożkolwiek jest, zawsze duchowni Ruscy nie powinni się przywiązywać a ni do jednego, a ni do drugiego. Jeżeli chcą oderwać się od unii, to jest znakiem niedostatku światła i nauki; jeżeli zaś robić zamieszanie w kraju, wyrzynać ludzi, to jest dowodem zbytecznej złości, zbytecznego okrucieństwa i nieludzkości, do której gdy jeszcze własne owieczki zachęcają, staje się ta bezbożność powszechną zarazą.

Ja się domyślam, że z tego przypadku będą wynikać różne zdania i różne opinije, nie obejdzie się bez tego, ażeby się było hałasu na Biskupów, ale ponieważ na Św. Jana myślę wyjechać do Polski, więc będę się widział ze wszystkimi przyjaciółmi, z którymi łatwiej mi będzie rozmówić się, aniżeli przez listy konwinkować, nie wiedząc co myślą. Zostaje za tem *constanti voto et ditsincto cultu*

*Illustrissimae et Reverendissimae Dominationis Vestrae
adiectissimus frater et obsequentissimus servus*

Krasiński,

Episcopus Camenecensis.

LIT. G.

Uniwersał konfederacyi sejmowej 1789 roku.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Referendarz W. K. Sejmowy i Konfederacyi Koronnej.—Kazimierz Nestor Xiąże Sapieha, Generał Altyleryi Konfederacyi W. X. L. Marszałkowie.

Wszem w obec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć będzie należało, wiadomo czynimy.

Jeżeli cnota i prawe pełnienie obowiązku powołania swego prawdziwą najwyższej władzy przynosi radość, jeżeli najmilej stér rządu trzymającym łask wymiarem swoją wyższość oznaczać, to zapewne zuchwałę przeciw narodowi, prawu i ludzkości zapędy, smutną nader czynią potrzebę ściągnienia na występnych kar ostrości. Widoczne się okazały buntów oznaki w tych nawet miejscach, gdzie do tych czas wierność dla panów powszechnym poddaństwa była odgłosem, gdzie religii i ludzkości prawidła zdawały się wzbraniać zbrodniom wstępu. Nieoświecenie, powodowanie się złym namowom tworzyły i tworzą z gminu rozjuszonyj złości narzędzie, a tak lud to mylnymi nadziei widokami, to współtowarzystwa zwiąkiem uwiedziony, cudzej winy a swojej nierozwagi stawał się i stawać się może ofiarą.

Niechce J. K. Mość, Pan nasz miłościwy, i Rzplitej Skonfederowane Stany niewinnych poddanych z występnyimi mieszać, a wczesnym ostrzeżeniem żądają prostotę od łudzenia ubezpieczyć. Z zlecenia więc najjaśniejszego Pana i prześwietnej Rzeczypospolitej Skonfederowanych Stanów niniejszym uniwersałem obwieszczamy. Każden chłop, w należnym Panu swemu zostając posłuszeństwie, wierność władzy krajowej i Panom swoim zachować powinien. Religia i prawo te uswięca prawidło, a nadzieja ulepszenia losu swego w cud-

zem nieszczęściu tak jest przeciwna uczuciom każdego człowieka, jak jest w swoich widokach mylna, to proste rzeczy objęcie, to smutne przeszłych kaźni okazywać powinny. Gdy by zaś kto o takowej na życie ludzkie umowie był uwiadomiony donieść o twórcy, lub spółnikach, takowego układu dziedzicowi, lub possesorowi, wsi, lub miasteczka, czyli miasta, albo najbliższej komendzie ma obowiązek. Gdy by zaś kto, w takowym spisku będąc, lub o takowym układzie uwiadomionym zostawszy, odkryciem swoim wykonaniu występku przed pojmaniem go przeszkodził, nie tylko że kary na niego ściągnięte nie będą, ale też za ocalenie życia współludzi, uniknienie zamieszania, przyzwoitej nagrody wymiar odbierze, oświadczamy. Że zaś występkі buntu są nadto ważne, a ztąd odkrycie źródeła, lub utłumienie, obojętnym narodowi stawać się nie może, przeto zalecamy wszystkim jurysdykcyom i obywatelom, aby o zbrodnie, namowy, lub spółnictwa buntu powołani, lub obwinieni, nie przed inny sąd, jak grodzki, lub ziemski, byli stawieni, a inne jurysdykcyę takowych spraw sądzić pod żadnym pozorem nie ważyły się.

Słuszną mamy nadzieję, iż każdy poddany unikać będzie, aby ziemia, którą potem czoła skrapia, krwią jego nie była zbroczoną, a ta ufność, którą w ich cnocie pokładamy, przemienioną w konieczność kary nie została. Spodziewamy się także, iż panowie zechcą sami doświadczyć tej słodyczy, która upomyslenie poddanych w szlachetnym utwarza sercu. Którym to uniwersał rękami nas, Marszałków Konfederacyi, podpisany, dla prędszego mieszkańców kraju uwiadomienia po Kancelaryach grodzkich i miejskich rozestany mieć chcemy, zalecając nawet, aby po kościołach i cerkwiach ogłoszonym został, w miastach zaś i miasteczkach publikowanie jego nakazujemy.

Dan w Warszawie dnia 13 Maja, 1789 roku.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Referendarz W. K. Sejmowy i Konfederowanych prow. Koronnych Marszałek (L. S.). Kazimierz Nestor Xiążę Sapieha Generał artyl. i Marszałek konfederowan. W.
X. Litt.

Przystąpienie do aktu powstania narodu obywatelów Województwa Ruskiego, Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego.

Wzwyż wyrażony akt powstania narodu Polskiego, przez Województwo Krakowskie zporządzony i ogłoszony, we wszystkich szczegółach przyjmując, obywatele wolni Województwa Ruskiego Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego podpisujemy. Datum w mieście stołecznem Ziemi Chełmskiej, Chełmie, w kościele JJ. XX. Bazylianów, dnia 6 miesiąca Kwietnia, 1794 roku. — Przytomny takowemu aktowi, w mojej katedrze odprawionemu, z zaręczeniem gorących do Boga zastępów modlitw za pomyślne ojczyzny powodzenie podpisuję:

X. Porfiriusz Skarbek Ważyński, Biskup Chełmski i Bełzki.

Felix Klemens Wereszczyński, Miecznik Chełmski.

Przytomni temu szczęśliwemu aktowi podpisują: Norbert Grzymała Pęczkowski S. J. W. M. J. Nisiecki, Ignacy Gałąziowski, Szymon Koriatowicz Karczewicz, Wojciech Godziemba Węgleński, Jan z Konar Kułaczkowicz Kułaczkowski, Alexander Dombrowski, Kapitan Bricki, Antoni Lisowski, Antoni Ber. Switecki, S. F. Krajewski, Franciszek Zabłocki, Tomasz Paschalski, Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego Exaktor, J. N. Kamiński, N. K. Józef Dybowski, Kazimierz Dzierzanowski, Błażej Gałęzowski, Stefan Sidorowski, Franciszek Andrzejowski, Józef Łastowiecki, Antoni Słowacki, Maciej Bylina, Ignacy Biernacki, Roch Bojanowski, Antoni Borzęcki, Józef Cyprian Szereź, Alexy Tuliszkowski, Józef Czachurski, Franciszek Siemkowski, Paweł Jarzyna, M. Szyligowski, Michał Omiszkiewicz, Józef Wozniński, Paweł Temkaty, K. Brzoszka, K. Przygocki, J. Linciewicz, M. Karol Lisiecki, Antoni Sawicki, Ignacy Kamieniecki, Józef Podolski, J. Piotrowski, Jan Gibiński, Wicenty Witkowski, Wawrzyniec Rzetelski, J. Malczyński, Dominik Wężyk.

Zgodno z oryginałem:

A. Raczyński Gen. Maj.

Jan Grocholski, Podpułkownik zastępca kommandy.

Lista Komisarzów porządkowych:

Ignacy Rulikowski.

Walenty Suchodolski.

Baltazar Pagowski.

Felix Klemens Wereszezyński.

Norbert Pęczkowski.

Stanisław Politalski.

Paweł Bielski.

Alexander Dombrowski.

Ignacy Ołędzki.

Franciszek Zabłochi.

Ciemniewski.

Z Miasta Chełmu:

Wojciech Nowicki.

Józef Boguchwalski.

Jan Krebs.

Jerzy Platon.

Z Miasta Krasnegostawu:

Lewicki.

Sawicki.

Orłowski.

Bielawski.

---

* Этотъ актъ напечатанъ на полулистѣ и присоединенъ къ рукописи Бродовича.
Прим. Изд.

L I T. H.

Uniwersał Biskupi do kleru dyecezalnego przez Kommissyą Łucką, a to na utłumienie ułożonego przez JX Brodowicza gremialnego officyała Łuckiego Uniwersału, za który niby podejrzeniem buntu tehnący prześladowano go.

Stefan Lewiński etc.

Wielebnym dziekanom zadwornym, parochom, ich koadjutorom, wikariuszom i całemu duchowieństwu świeckiemu i zakonnemu dyecezyi naszej Łuckiej i Ostrogskiej zdrowia i błogostawieństwa.

Z niemałym serca naszego Pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek, staraniu waszemu poruczonych, uwiedzione jakimści duchem i prózną uludzone nadzieją, nie tylko winnego swoim, od Boga wyznaczonym, panom uchybili posłuszeństwa i poszanowania, ale do niegodziwych przystąpiwszy, na życie swoich dziedziców pogroźek, * może by je byli i szkaradnym wykonali uczynkiem, gdy by opatrność Boska i czułe względy Pana miłościwego, szczęśliwie panującego, najjaśniejszych Rzeczypospolitej Stanów, tudzież przemyślna obywatelów a razem gorliwa troskiwość, wcześniej nie zapobiegła złemu.

Bojemy się, najmilsi, i mocno według urzędu naszego pasterskiego troskliwi jesteśmy, aby te zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywali nieczułość waszej około powierzonej wam trzodki,

---

* Oto sumienie i poczciwość autora Uniwersału tego wdaje się jawnie! Śmie on, tak czarny występki zmyśliwszy na Rusinów podsuwać go do Biskupiego podpisu, żeby żadnej wątpliwości in publico nie było, iż Ruś sprząsłszy się na wydarciu życia obywatelom. Chwali Pana miłościwego niby za czułe względy, a w sercu warzy przeciwko niemu nieubłaganą nienawiść, sądząc go być sprawcą wszelkich

gdy przecie z wielką usilnością odwoździć ją od tego wam należało, * pomnąć na to, że Bogu za powierzone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.»

Nadgroździć to jednak jeszcze, najmilsi, możecie, jeżeli, według niniejszego zalecenia naszego, przy każdym zgromadzeniu się na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Panów i Rzeczypospolitej jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości Chrześcijańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, ** jeżeli troskliwość około ich dobra, Rzeczypospolitej pomnazającej podatki, bez wkładania na poddanych, im przełożycie, jeżeli sposób pozyskania większych względów, łask i protekcji, tak swoich Panów, jako i całych stanów Rzeczypospolitej, przez wyjawienie i donoszenie pierwszych do buntu podżegających, im wytłumaczycie, jeżeli jeczczcie do takowego ż wyjawienia pierwszych hersztów i winowajców, nawet przy spowiedzi sakramentalnej, obowiązywać będziecie, jeżeli naostatek surowe nawet w tym życiu kary, na buntowników przepisane, prawami, a przed dwudziestu laty od wielu nieszczęśliwych poniesione, im przypominać nie omieszkacie. Ile zaś zaufani jesteśmy, że przez takowe, od nas przepisane, a od was do skutku być przywiedzione powinny środki, powróci dawna Rzeczypospolitej spokojność, tyle uczuli byśmy żalu i boleści, gdy by, uchowaj Boże! uwiadomieni byliśmy, że kto z was, bracia najmilsi, zamiast odwoźdzenia ludu od wspomnianej zbrodni, stał się podżegaczem, albo učeśnikiem wspomnionego występku.

Próżno by on zaiste zaufał w charakteru kapłańskiego świętości, bo pod ów czas, według św. praw cerkiewnych, od przywilejów prawa

nieszczęśliwości krajowych. Ten przecie Uniwersał nie poszedł w dyecezyą, ale poszedł drugi, temu podobny. — Obacz na karcie 250.

* Wiele Uniwersałami Biskupiami, w dyecezyą wysłanemi, aż nadto przełożone są poddaństwu względem ich Panów obowiązki miłości wierności i posłuszeństwa.

** Ale niema żadnego od Kommissyi porządkowej Uniwersału, który by Panom przypomnieć raczył wzajemne ich tak nieszczęśliwemu poddaństwu obowiązki. Pryecznie to są ludzie, nie bestye, a z którymi gorzej się obchodzą, niż z bestyami! Przywykły do nędzy chłopiek mniema, iż mu w niej żyć i umierać trzeba; żeby się więc długo nie męczył, za lada pódjejrzeniem skraca mu życie Pan miłosierny, oddając go na szubienice.

Uwagi nad powyższem wyznaniem Parocha Chorupańskiego,
do akt Magdeburgii podanym.

Ad 1.

1. «Świadek przyzna, że Instygator Konsystorski, będąc na łwanu, mówił, iż wszyscy Polacy będą schysmatykami, Moskał odbierze Konstantynopol od Turczy-
na, Polska nic nie zrobi.»

Wyznanie to jest bardzo niedokładne, bo prócz tego, że świadków do poparcia nie ma, nawet czasu nie wyraża, jak dawno miał to mówić Instygator. Podobne mowy przedtem były pospolite, że Moskał Konstantynopol odbierze, że usilony może się targnąć na Polskę. Wszak rozbiór kraju, przed kilkunastu laty uskutkowany, przekonywa publicum, że oręż jest ultima rerum et regum ratio. To mieli na pilnej uwadze Stany Sejmujące, kiedy jednomyślnie wojsko krajowe do sta tysięcy powiększyli. A zatém mówić przed rokiem lub wyżej, «że Moskał Konstantynopol odbierze, że Polacy będą schysmatykami, że Polska nic nie zrobi,» nie jest to mowa buntownicza, chociaż sama w sobie próżna i nieroztropna.

Ad 2.

2. «Był list, pisany od władzy Konsystorskiej, na zabicie panów swoich niektórych, gdzie widziawszy się X. Instygator ze mną pod czas kontraktów, gadał, abym i ja zezwolił na Polaków, i żebym

To wyznanie już jest w cięższej materji, tym pilniejszego wy-
ciąga szlakowania i rozważgi. Powiada najprzód, «że był list, pisany od władzy etc.»—A nie wyraża, czy widział, czy czytał.

Uniwersał Biskupi, w Dyecezyą posłany, na miejscu Uniwersału, z Kommissyi wydanego.

Stefan etc.

Wszystkiemu duchowieństwu etc.

Z niemałym serca naszego pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek staraniu waszemu powierzonych, jakoby duchem jakimści i próżną ułudzone nadzieją nie tylko winnego swoim, od Boga postanowionym, Panom miały uchybić posłuszeństwa i uszanowania, ale też w wielu miejscach na samo życie Panów, rządców i innych przegrózki czynić odważyło się. Na co opatrzność Najwyższego, ojcowska troskliwość Najjaśniejszego Pana i Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Stanów, tudzież chwalebna staranność prześwietnego Wojewodztwa Wołyńskiego obywatelów, wczesnie swą rozciągnęła czułą ostrożność.

Bojemy się więc, najmilsi, i mocno, według urzędu Naszego pasterskiego, troskliwi jesteśmy, aby te, uchowaj Boże, zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywały nieczułości waszej około powierzonej wam trzodki, gdy od tego z wielką usilnością należy wam ją odwoznić, pomnąc na to, iż Bogu za poruczone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.» Sapient. 6 v. r. 5, 6.

Zabieżyć temu, najmilsi, możecie, jeżeli, według zalecenia terazniejszego, przy każdym zgromadzeniu na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Boga i najwyższej zwierzchności, względem panów i ich rządców, jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości bliźniego i łagodności Chrześcijańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, jeżeli troskliwość o ich dobro Rzeczypospolitej pomnażającej podatki, bez wkładania na nich, ale na samych tylko Panów, im przełożycie,

jeżeli sposób pozyskania większych względów, łask i protekcji zwierzchności i Panów ich tym, do których z urzędu postrzeganie całości dobro powszechnego należy, przez wyjawienie i donoszenie pierwszych do zuchwałości, nieposłuszeństwa i pogroźek, podlegających potrzebę, im wytłumaczycie, jeżeli jeszcze do takowego ż wyjawienia przysięgi, o których by się słyseć dało, za nieważne i niegodziwe im przełożycie, i przez wszelkie sposoby, stanowi waszemu przyzwoite, dobru owieczek, wam powierzonych, w tej okoliczności zapobiegać będziecie, jeżeli naostatek, oprócz kar sądu Bożego, nawet w tym życiu kary na buntowników przepisane prawami, a przed dwudziestu laty na wielu nieszczęśliwych, doświadczone, przypominać nie zaniedbacie. *

Ile zaś zaufani jesteśmy, że przez takowe, od Nas przepisane, a od was do skutku przywiedzione, być powinny środki, powróci dawna do kraju całego spokojność, tyle uczuli byśmy żalu i boleści, gdy by, uchwaj Boże! uwiadomieni byliśmy, że kto z was, bracia najmilsi, zamiast odwodzenia ludu od wspomnianej zbrodni, sam stał się podlegaczem, albo uczesnikiem wspomnionego występku.

Próżno on zaiste zaufał by w charakteru kapłańskiego świętości, bo pod ów czas. według świętych praw cerkiewnych, od przywileju, prawa i sądu takowego oddalić musieli byśmy, i spełniło by się na nim nieszczęśliwym skutkiem, co było przepowiedziane przez Ozeasza: «Będzie, jako pospólstwo, taki kapłan, zwiędłe nad nim drogi jego, według myśli jego oddam jemu.»

Starajcie ż się, najmilsi, przez sprawowanie się według świętego powołania waszego zjednywać sobie poszanowanie tak wysokiego stanu duchownego, a tym sposobem pozyskacie Boskie i nasze pasterskie błogostawieństwo. *

Zalecamy oraz wam, najmilsi, ażebyście nam zupełny i dokładny rachunek wielości dusz, w obojga dyecezyach Łuckiej i Ostrogskiej znajdujących się, pod waszym dozorem będących, z wyrażeniem róż-

---

* Wspomina o rzezi Humańskiej, 1769 roku nastąpionej.

Uniwersał Biskupi, w Dyecezyą posłany, na miejscu Uniwersału, z Kommissyi wydane go.

Stefan etc.

Wszystkiemu duchowieństwu etc.

Z niemałym serca naszego pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek staraniu waszemu powierzonych, jakoby duchem jakimści i prózną uludzone nadzieją nie tylko winnego swoim, od Boga postanowionym, Panom miały uchybić posłuszeństwa i uszanowania, ale też w wielu miejscach na samo życie Panów, rządców i innych przegródki czynić odważyło się. Na co opatrność Najwyższego, ojcowska troskliwość Najjaśniejszego Pana i Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Stanów, tudzież chwalebna staranność prześwietnego Wojewodztwa Wołyńskiego obywatelów, wcześniej swą rozciągnęła czułą ostrożność.

Bojemy się więc, najmilsi, i mocno, według urzędu Naszego pasterskiego, troskliwi jesteśmy, aby te, uchowaj Boże, zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywały nieczułości waszej około powierzonej wam trzodki, gdy od tego z wielką usilnością należy wam ją odwozić, pomnąc na to, iż Bogu za poruczone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.» Sapient. 6 v e r. 5, 6.

Zabieżyć temu, najmilsi, możecie, jeżeli, według zalecenia terazniejszego, przy każdym zgromadzeniu na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Boga i najwyższej zwierzchności, względem panów i ich rządów, jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości bliźniego i łagodności Chrześcijańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, jeżeli troskliwość o ich dobro Rzeczypospolitej pomnażającej podatki, bez wkładania na nich, ale na samych tylko Panów, im przełożycie,

Wypis z protokołu dekretowego spraw Województwa Wołyńskiego.

Roku tysiąc siedmset dziewięćdziesiąt pierwszego, miesiąca Września dwudziestego dnia.

Sąd Trybunału Koronnego Lubelskiego na żądanie strony - Dekret między stronami niżej w komparycyi wyrażonymi roku miesiąca i dnia na akcie wzmiankowanych wypadły z protokołu wyż rzezonego w te słowa: Między Wielebnym Xim. Janem Majowieckim Parochem Czabańskim, i Maryą z Bojarskich małżonkami; oraz W. Xim. Teodorem Wołoszyńskim Parochem Hlibeckim, i Heleną z Mokrzyckich małżonkami, tudzież Wielebnym Xim. Mateuszem Chraszczewskim Parochem Dederkańskim powodami, przez Wielm. Aloizego Orchowskiego opatrzonym Marcinem Drapalskim w assystencyi Wgo Ludwika Dunin Borkowskiego, Sędziego Grodzkiego Krzemienieck., przypowiadającym się przez Wgo Mateusza Karczęwskiego, urodzm. Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim pozwanym przez Wgo Erazma Pruszyńskiego Sądem grodzkim Krzemienieckim, pozwanym przez Wgo Kańskiego; JO. Xięciem Michałem Lubomirskim, Generałem Leutenantem wojsk Koronnych, pozwanym przez Wgo Podhorodyńskiego. — Sad główny Trybunału Koronnego Lubelskiego, w kategorii odrębnej kapłańow obrządku Ruskiego, złączonego przeciwko urodzm. Wojakowskiemu, Instygatorowi grodz. Krzemien. następującej, ponieważ sprawa między temiż stronami kryminalna zwłoki cierpieć nie powinna, a wpisana w rejestr przyzwoity, aby pod wpisem z liczby przypadającym dojść mogła, dla zajszłych spraw pierwszych przeciagnąć się mogących, strony pewności nie mają, i pod wpisem teraz sądzącym się rezolucyą dekretów Grodz. Krzemienieckich otrzymać żądając, zezwolenie swoje sądownie oświadczają. Przeto sąd wpis za należyty uznawszy, sprawę wprowadzić nakazuje. A wprowadzeniu, pozwy stron: jakoto od WWXX. Jana Majowieckiego Parocha Czabańskiego, Teodora Wołoszyńskiego, Parocha Hlibeckiego, Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkańskiego inkarceratów po urodz. Augustyna Wojakowskiego, Instygatora Grodz. Krzemienieck. i sąd grodzki Krzemienieck. JO. JX Mich. Lubomirskiego Gen. Leutnanta wojsk Koronnych i innych o uwolnienie

siebie od zarzutów, uchylenie dekretu w tej mierze Grodzkiego Krzemienieck., bez wszelkich dowodów nastąpionego, zaś od urodz. Instygatora Grodz. Krzemienieckiego po tychże Xięży i innych o zachowanie w mocy swej dekretu 'grodzkiego Krzem. i tego do uskutecznienia przyprowadzenie, powrócenie kosztów prawnych od siebie i nawzajem po sobie do sądu swego wydane rozsądzając, jako też z dopuszczonego przez sąd grodzki Krzemien. do sądu swego odwołania się rozwiązując zachowałość terminu końcem rezolucyi dekretów Grodzkich Krzemien., przeciwko którym wspomnieni kapłani czynią, i któremi sąd grodzki Krzemieniecki Wielebnych Majowieckiego, Wołoszyńskiego i Chraszczewskiego Parochów na śmierć wskazał, urodz. Instygatora Grodzkiego Krzemienieckiego sąd obowiązuje, aby te i innych osob wyznania w rotulach pieczęcią Grodzką Krzemieniecką obwarowanych złożył, tedy do czytania onych sąd przystąpił, z przeczytanych zaś, gdy się okazuje, że wyznania ludzi niektórych przez Kiryła Pundyka o wiązanie się do buntów obwinionych, a najprzód do kommend wojskowych, w Bazalii i Świeńcu stawionych, i tam, żeby się przyznawali, jak świadczą też indagacye wojskowe, mocno ćwiczonych, przez innych zaś widokiem kary ustraszonych, za należyty dowód brane być nie mogą, tym hardziej, że gdy do sądu przystawieni i tam examinowani byli, iż pierwsze ich zeznania z bojaźni kary przez wojskowych zostały wymuszone, sądowi przekładali, i a ni do brania, a ni do rozdawania pieniędzy, nie przyznawali się. Niektóre zaś wyznania przed sądem czynione w innym, a daleko odmiennym i różnym, przypadku w edukcie dekretów przystosowane znajdują się, jako to: Iwana Diaka w sądowej indagacyi twierdzącego: iż Wielebny X. Wołoszyński na cwiartce papieru kilka wierszów, Ruskiemi słowami!zapisanych, obejmującej, których Iwan Diak nie czytał, temuz Diakowi poniżej napisać kazał rotę przysięgi, po Rusku wypisaną dla wykonania onej przez pasiecznika, że gorzałki więcej pić nie będzie, jakoż on potem choć nierychło w Cerkwi przy ludziach wykonał. Ta zaś cała okoliczność dla pasiecznika napisanej roty, i w niej na końcu słowa: «że tego dotrzymam,» przez edukt do innego celu, to jest, do ustawienia buntu nieprzyzwoicie naciągniona została, niektórych zaś osób, coraz to inaczej swoje zeznania mieszejących, a najszczególniej Kiryła Pundyka uważnie roztrząsając, gdy indagacya przez deputacyą sejmową i w sądzie Grodzkim Kryemienieck. ciągnięną, wcale niezgadza się, albowiem deputacya przy powtórzeniu in-

Wypis z protokołu dekretowego spraw Województwa Wołyńskiego.

Roku tysiąc siedmset dziewięćdziesiąt pierwszego, miesiąca Września dwudziestego dnia.

Sąd Trybunału Koronnego Lubelskiego na żądanie strony - Dekret między stronami niżej w komparycyi wyrażonymi roku miesiąca i dnia na akcie wzmiankowanych wypadły z protokołu wyż rzezonego w te słowa: Między Wielebnym Xim. Janem Majowieckim Parochem Czabańskim, i Maryą z Bojarskich małżonkami, oraz W. Xm. Teodorem Wołoszyńskim Parochem Hlibeckim, i Heleną z Mokrzyckich małżonkami, tudzież Wielebnym Xm. Mateuszem Chraszczewskim Parochem Dederkańskim powodami, przez Wielm. Aloizego Orchowskiego opatrzonym Marcinem Drapalskim w assistencyi Wgo Ludwika Dunin Borkowskiego, Sędziego Grodzkiego Krzemienieck., przypowiadającym się przez Wgo Mateusza Karczewskiego, urodzm. Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim pozwanym przez Wgo Erazma Pruszyńskiego Sądem grodzkim Krzemienieckim, pozwanym przez Wgo Kańskiego, JO. Xięciem Michałem Lubomirskim, Generałem Leutenantem wojsk Koronnych, pozwanym przez Wgo Podhorodyńskiego. — Sad główny Trybunału Koronnego Lubelskiego, w kategorii odrębnej kapłańow obrządku Ruskiego, złączonego przeciwko urodzm. Wojakowskiemu, Instygatorowi grodz. Krzemien. następującej, ponieważ sprawa między temiż stronami kryminalna zwłoki cierpieć nie powinna, a wpisana w rejestr przyzwoity, aby pod wpisem z liczby przypadającym dojsć mogła, dla zajsztych spraw pierwszych przeciagnąć się mogących, strony pewności nie mają, i pod wpisem teraz sądzącym się rezolucyą dekretów Grodz. Krzemienieckich otrzymać żądając, zezwolenie swoje sądownie oświadczają. Przeto sąd wpis za należyty uznawszy, sprawę wprowadzić nakazuje. A wprowadzeniu, pozwy stron: jakoto od WWXX. Jana Majowieckiego Parocha Czabańskiego, Teodora Wołoszyńskiego, Parocha Hlibeckiego, Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkańskiego inkarceratów po urodz. Augustyna Wojakowskiego, Instygatora Grodz. Krzemienieck. i sąd grodzki Krzemienieck. JO. JX Mich. Lubomirskiego Gen. Leutnanta wojsk Koronnych i innych o uwolnienie

siebie od zarzutów, uchylenie dekretu w tej mierze Grodzkiego Krzemienieck., bez wszelkich dowodów nastąpionego, zaś od urodz. Instygatora Grodz. Krzemienieckiego po tychże Xięży i innych o zachowanie w mocy swej dekretu grodzkiego Krzem. i tego do skutecznego przyprowadzenie, powrócenie kosztów prawnych od siebie i nawzajem po sobie do sądu swego wydane rozsądzając, jakoteż z dopuszczonego przez sąd grodzki Krzemien. do sądu swego odwołania się rozwiązując zachowałość terminu końcem rezolucyi dekretów Grodzkich Krzemien., przeciwko którym wspomnieni kapłani czynią, i któremi sąd grodzki Krzemieniecki Wielebnych Majowieckiego, Wołoszyńskiego i Chraszczewskiego Parochów na śmierć wskazał, urodz. Instygatora Grodzkiego Krzemienieckiego sąd obowiązuje, aby te i innych osob wyznania w rotulach pieczęcią Grodzką Krzemieniecką obwarowanych złożył, tedy do czytania onych sąd przystąpił, z przeczytanych zaś, gdy się okazuje, że wyznania ludzi niektórych przez Kiryła Pundyka o wiązanie się do buntów obwinionych, a najprzód do kommend wojskowych, w Bazalii i Świeńcu stawionych, i tam, żeby się przyznawali, jak świadczą też indagacye wojskowe, mocno ówiczonych, przez innych zaś widokiem kary ustraszonych, za należyty dowód brane być nie mogą, tym bardziej, że gdy do sądu przystawieni i tam examinowani byli, iż pierwsze ich zeznania z bojaźni kary przez wojskowych zostały wymuszone, sądowi przekładali, i a ni do brania, a ni do rozdawania pieniędzy, nie przyznawali się. Niektóre zaś wyznania przed sądem czynione w innym, a daleko odmiennym i różnym, przypadku w edukcie dekretów przystosowane znajdują się, jako to: Iwana Diaka w sądowej indagacyi twierdzącego: iż Wielebny X. Wołoszyński na cwiartce papieru kilka wierszów, Ruskiemi słowami/zapisanych, obejmującej, których Iwan Diak nie czytał, temuz Diakowi poniżej napisać kazał rotę przysięgi, po Rusku wypisaną dla wykonania onej przez pasiecznika, że gorzałki więcej pić nie będzie, jakoż on potem choć nierychło w Cerkwi przy ludziach wykonał. Ta zaś cała okoliczność dla pasiecznika napisanej roty, i w niej na końcu słowa: «że tego dotrzymam,» przez edukt do innego celu, to jest, do ustawienia buntu nieprzyzwoicie naciągniona została, niektórych zaś osób, coraz to inaczej swoje zeznania mieszających, a najszczególniej Kiryła Pundyka uważnie roztrząsając, gdy indagacya przez deputacyą sejmową i w sądzie Grodzkim Kryemienieck. ciągnięną, weale niezgadza się, albowiem deputacya przy powtórzeniu in-

dagacyi, jak się widzieć daje z uformowanych trzech pytań i na nie zapisanych odpowiedzi, pomieszaną i nierzetelności jego relacji dostrzegła, a ta, którą z niego Gród Krzemieniecki wyciągał, więcej niepodobieństwa do prawdy wystawuje, z takowych zaś powieści, żadnym dowodem, to jest: a ni świadectwy, a ni własnym przy znaniem nie wspartych, owszem przez niesłuchanie i nawet nienakazanie inkwizycji, a ni skrutyniów według prawa 1588 roku, w tak ważnym zarzucie koniecznie potrzebnych, tém więcej gdy na dobrowolnym examinie ciż Xięcia od ludzi bojaźnią kary wytrzymaanej i grożącej przestraszonych, raz o występki powołani, drugi raz o niewinność zaświadczeni, do zarzutów, im czynionych, wcale się nie przyznawali; gadanie zaś przed wojskową komendą w nadziei obiecwanego przedziej uwolnienia, i ujścia kary na innych dopełnianej wymuszone być twierdzili. A za tym przekonania dostatecznego sąd nie mając, dla przedszego zaspokojenia grożących zewsząd postrachów stopnie prawem przepisane ominął, przeto WWXX. powodów jako o występki podjęgania i wchodzenia do buntów przez żaden sposób nieprzekonanych, z więzienia uwolnić, i zaraz po dojsciu terazniejszego dekretu aby z pod straży wypuszczeni zostali, zwierzchności zamkowej Krzemienieckiej, lub innej, pod której dozorem teraz znajdują się, nakazuje, Podobnież Marcina Drapaluka ze wsi Dederkał, w tenże process i zarzuty niesłusznie zamieszanego i w Kamieńcu osadzonego, z tychże, co wyżej przytoczone są, powodów od więzienia dalszego uwalnia, a indagacje czytane do Archiwum swego oddaje. Nakoniec stan rzeczy i okoliczności, pod ów czas zachodzących, a sądu Krzemienieckiego stosowanie się do tychże acz w ukaraniu śmiercią zaostre, lecz przez wstrzymanie exekucyi Kapłanom dogadzające, zważywszy, tak za rozciągnięcie pomienionej kary, jakoteż za wytrzymanie do tych czas więzienia z przyczyny, iż o rezolucyą pomienionych dekretów sami do tych czas nie czynili, na sądzie Grodzkim Krzemienieck., a tym bardziej na urodzonym Instygatorze, z obowiązku prawa i rozkazu sądowego czyniącym, nie móż kapłanów ukarania pozyskać sądzi. Wydać rozkazał i jest pod pieczęcią Wojewodztwa Wołyńsk. wydany. Pisan w Lublinie. Jan z P. Prosowski, K. Z. z Wojewodztwa Wołyńskiego, na Trybunał Koronny Lubelski pisarz. (L. S.) Czytałem z protokołem. Cyryna.

jak się nazywa Biskup i jakiej dyecezyi. Jam, powróciwszy do chałupy, zapytałem tegoż JX. Parocha, który podyktował mi imię i przezwisko w tym sposobie: że Stefan Lewiński. Więcej żadnego nie było dyskursu: które to wyznanie podpisuję w słowa: Antoni Gątkowski. — Drugi świadek, urodzony Jędrzej Dmoszyński, towarzysz znaku pancernego, zeznał, że, będąc przytomny temu dyskursowi wszystkiemu, bo w tenczas leżał na łóżku, jak kolega jego, Antoni Gątkowski, rozmawiał z Kapłanem Chorupańskim, więc całkiem przez kolegę swego zeznanie potwierdza, nie a ni przydając, a ni ujmując, a nawet i przysięgą stwierdzić, wraz z kolegą swoim, też zeznanie przez kolegę swego wyrażone, oświadcza, i na to się ręką własną podpisuje; u którego to powtórnego zeznania podpis w te słowa: Jędrzej Dmoszyński. Które to tak punkta JMX. Jana Głodowskiego Parocha Chorupanskiego, jako też i wyznania wyż wyrażonych towarzyszków, za ustną prozbą WWichmci podawających, a za moim urzędowym przyjęciem słowo w słowo, tak jak się te pisma w sobie mają, ingrossowane i zapisane zostały, i przez tychże JMP. podawających podpisane. — Ignacy Franciszek Xawery Załutyński, Pułkownik wojsk Koronnych swym i JW. Józefa Popiela, Kasztelana Lwowskiego bywszego, orderów Polskich kawalera, imieniem podpisuję się mp. Stanisław Fortunat Nowowiejski, Starosta bywszy Bracł. Antoni Frankowski, Stolnik Wendyński. Felix Wolański, Stłcie Nowosiels. Ignacy Kuczewski, Wojski Krasnostaw. Józef Płonowski, Podstoli Dobrzyński.

---

w te słowa: «X. Jan Głodowski, Paroch Chorupański.»—Następujących zaś wyznań wyraz takowy: «Wyznanie dobrowolne przez urodzonych Imp. Antoniego Gątkowskiego, i Imp. Jędrzeja Dmoszyńskiego towarzystwa kawaleryi narodowej rotmistrzostwa Imp. Antoniego Przeszychowskiego, Rotmistrza kawaleryi narodowej, dnia 1 Maja, roku 1789, w sprawie przeciw Kapłanowi, nazwiskiem Głodowskiemu, Parochowi, pytanie: Dawno, Waspanowie, tego Popa znacie? 2, Pytanie: Czy bywaliście kiedy u tego Popa w Chorupaniach? 3, Coście od niego słyszeli względem chłopskiego buntu i Kapłanów Ruskich? Odpowiedź: Ad primum, secundum et tertium punctum, wyznał urodzony Gątkowski, iż tego Popa dawniej nie znałem, tylko teraz, przejeżdżający z Młynowa, gdyśmy do dworu przyjechali, dwór zlecił, aby dziesiętnik zaprowadził na kwatérę, otóż od dziesiętnika byli zaprowadzeni do Popa tainecznego wsi Chorupań dla popasu na kwatérę, gdzie rozlokowawszy się wraz z W. Namiestnikiem Boryszkowskim, posłałiśmy na wieś, aby dla szeregowych i koni żywności przynieśli, a w tym przeciągu czasu W. Namiestnik, strudzony podróżą, poszedł do stodoły, w bliskości budynku znajdującej się. Ja zaś z moim kolegą, urodzonym Jędrzejem Dmoszyńskim, zostawszy się w chałupie, wraz z Parochem, obydwu wraz z kolegą na łóżko Kapłana położyliśmy się. A gdy tenże Kapłan zaczął się mnie zeznającego pytać, z kąd by jechaliśmy? Ja mego kolegę, leżącego na łóżku, zostawiwszy, sam wstałem i na odpowiedź, czyli zapytanie, tegoż Kapłana odpowiadać zacząłem w tym sposobie: Najprzód Kapłan pytał mię się, czym Rusin? odpowiedziałem żem Rusin, a powodem mu było to pytanie, że po Rusku dosyć dobrze umiem. Potem pytał się, gdzie bywał? Odpowiedziałem: Ze w Ukrainie. Pytał się mnie Xiądz, po Rusku mówiąc: Szczo tam czuty? Odpowiedziałem mu, że ścinają, i wieszają i Popów zabierają. W tém Kapłan odpowiedział: Szczo starszyi robiat, to młodszyi odbuwajut. Ja mu odpowiedziałem: Któż wam winien, że wy sami zle robicie. Odpowiedział: Na czym wozku sydysz, toho pismoczku spiwajesz: szczo starszyi każut, to my toje robyty musymo, i wam kommenda szczoob szczo robyty kazała, to musiły byste robyty.—W dalszym dyskursie, gdym się go zapytał z kąd to macie? Odpowiedział, że od Biskupa. Natychmiast ja zanotowawszy w pigularesie, poszedłem do Namiestnika, o czym temuż, wraz z kolegą swoim przytomnie na łóżku leżącym w tejże izbie, opowiedziałem. Namiestnik rozkazał mi, abym wypytał się,

jak się nazywa Biskup i jakiej dyecezyi. Jam, powróciwszy do chałupy, zapytałem tegoż JX. Parocha, który podyktował mi imię i przezwisko w tym sposobie: że Stefan Lewiński. Więcej żadnego nie było dyskursu: które to wyznanie podpisuję w słowa: Antoni Gątkowski.—Drugi świadek, urodzony Jędrzej Dmoszyński, towarzysz znaku pancernego, zeznał, że, będąc przytomny temu dyskursowi wszystkiemu, bo w ten czas leżał na łóżku, jak kolega jego, Antoni Gątkowski, rozmawiał z Kapłanem Chorupańskim, więc całkiem przez kolegę swego zeznanie potwierdza, nie a ni przydając, a ni ujmując, a nawet i przysięgą stwierdzić, wraz z kolegą swoim, też zeznanie przez kolegę swego wyrażone, oświadcza, i na to się ręką własną podpisuje; u którego to powtórnego zeznania podpis w te słowa: Jędrzej Dmoszyński. Które to tak punkta JMX. Jana Głodowskiego Parocha Chorupanskiego, jako też i wyznania wyż wyrażonych towarzyszków, za ustną prozbą WWichmci podawających, a za moim urzędowym przyjęciem słowo w słowo, tak jak się te pisma w sobie mają, ingrossowane i zapisane zostały, i przez tychże JMP. podawających podpisane.—Ignacy Franciszek Xawery Załutyński, Pułkownik wojsk Koronnych swym i JW. Józefa Popiela, Kasztelana Lwowskiego bywszego, orderów Polskich kawalera, imieniem podpisuję się mp. Stanisław Fortunat Nowowiejski, Starosta bywszy Bracł. Antoni Frankowski, Stolnik Wendyński. Felix Wolański, Stácie Nowosiels. Ignacy Kuczewski, Wojski Krasnostaw. Józef Płonowski, Podstoli Dobrzyński.

Uwagi nad powyższem wyznaniem Parocha Chorupańskiego,
do akt Magdeburgii podanym.

Ad 1.

1. «Świadek przyzna, że Instygator Konsystorski, będąc na Iwaniu, mówił, iż wszyscy Polacy będą schysmatykami, Moskał odbierze Konstantynopol od Turczy-
na, Polska nic nie robi.»

Wyznanie to jest bardzo nie-
dokładne, bo prócz tego, że świad-
ków do poparcia nie ma, nawet
czasu nie wyraża, jak dawno miał
to mówić Instygator. Podobne mowy
przedtem były pospolite, że Moskał
Konstantynopol odbierze, że
usilony może się targnąć na
Polskę. Wszak rozbiór kraju,
przed kilkunastu laty uskutkowany,
przekonywa publicum, że oręż jest
ultima rerum et regum ratio. To
mieli na pilnej uwadze Stany Sej-
mujące, kiedy jednomyslnie wojs-
ko krajowe do sta tysięcy po-
wiekszyli. A zatem mówić przed
rokiem lub wyżej, «że Moskał
Konstantynopol odbierze, że
Polacy będą schyzmatykami,
że Polska nic nie robi,» nie
jest to mowa buntownicza, cho-
ciaż sama w sobie próżna i nie-
roztropna.

Ad 2.

2. «Był list, pisany od władzy
Konsystorskiej, na zabicie panów
swoich niektórych, gdzie widziaw-
szy się X. Instygator ze mną pod
czas kontraktów, gadał, abym i
ja zezwolił na Polaków, i żebym

To wyznanie już jest w cię-
szej materji, tym pilniejszego wy-
ciąga szlakowania i rozważgi. Po-
wiada najprzód, «że był list, pi-
sany od władzy etc.»—A nie
wyraża, czy widział, czy czytał.

gromadę moją namawiał na tę czynność.»

Takowy list gdy by był w istocie, nigdyby się utaić nie mógł. Tysiąc sto kilkadziesiąt cerkwi w diecezyi Łuckiej najduje się! Tak wiele Parochów, Koadjutorów, Administratorów, Wikaryuszów różnej edukacji; tyle Dziekanów po miejscach, nad tymże duchowieństwem przełożonych! Czyliż podobna, żeby się o tym piśmie nikomu więcej, jak tylko Chorupańskiemu Parochowi, wiedzieć dostało? Albo gdy by on tylko o tém wiedział, a drugi Paroch Surazki, którego powołuje, czy można sądzić rozumnie, żeby przez dwóch Kapłanów miał się spisek na zabicie panów wykonać? Powiada powtórnie, «że na zabicie niektórych panów.» Toż samo większego jeszcze zastanowienia się potrzebuje; musi albowiem wiedzieć, którzy to i w jakich miejscach panowie na zabicie wyznaczeni, a którzy i gdzie od tegoż zabicia wyłączeni zostali. Liczba tych i owych, zguba jednych, oswobodzenie drugich, a między tymiż rozpoznanie osobiste, żeby przeznaczeni ku oswobodzeniu nie zginęli, i znowu przeciwnie, żeby wytknięci na zgubę nie byli oswobodzeni, są to okoliczności, nie mogące być jednemu, lub drugiemu, tylko wiadome, a przeto gdyby prawdziwe być mogły, łatwo by przez świadków dowiedzione zostały. Powiada naostatek «że Instygatorz nim o tém gadał podczas kontraktów etc.» Gdy by to prawda była, gadał by toż samo i innym Kapłanom, a przeto miał by świadków Chorupański Kapłan na przekonanie o tém Instygatora,

który tego się zapiera, i że go ni w oczy widział pod czas zesłych kontraktów, statecznie twierdzi.

Ad 3.

3. «Paroch Surazki, tu w areszcie będący, odkrył, że list miał u siebie; łaska Pana Boga, że go spalił, mówił mnie, abym nic nie gadał, gdyż był straszny do czytania i do wykonania.»

Nie wyraża i tu Paroch Chorupański, z kąd wie, że list miał u siebie Paroch Surazki, nie wyraża, czy go sam czytał, w jakim sensie, od kogo i do kogo był pisany, a gdy w ogólnych terminach mówi, «iż był straszny do czytania i do wykonania,» czemuż nie wie, co się w nim zawierało w szczególności? Lecz, zostawiwszy sądowi pana Boga przeniknienie serca tego Kapłana, i co mu powodem było do tak fałszywej i złośliwej depozycyi, obrócić się należy do Parocha Surazkiego, powołanego o jakowys list i spalenie, onego. Nie podobna, aby on, mając list u siebie, nie, wiedział kto, o co i do kogo pisał, i na co go spalił; nie podobna powtórę, żeby, jeśli do niego był pisany, nie powierzył go komu z swoich sąsiadów do przeczytania; nie podobna po trzecie, żeby, w areszcie będąc, o to nie był ściśle wypytywany.

Dopuszcza Bóg czasem, żeby niewinność wiele cierpiała, atoli prędzej, czy później, odkryje się potwarz, na nią rzucona. Non vidi justum derelictum. Psalm. 36.

Dowody z praw Koronnych i Statutu Litewskiego forum odpowiedzi w sprawie kryminału rebellii lub konspiracji przeciwko krajowi tak duchownym, jako i świeckim osobom w sądzie cywilnym, nie duchownym, stanowiące.

Tłómaczenie przepisu praw cytowanych.

1. Statut Koronny r. 1543, vol. I, fol. 578, przepisuje, jakie sprawy, dotyczące się stanu świeckiego, do sądu duchownego należeć mają. Sadowi duchownemu sprawy należące są te: O wierze, heretykach, schyzmatykach, bluźnierstwach, apostatach, dziesięcinach, sakramentach, beneficiach, symoniach, mężobójstwach duchownych osób, o świętokupstwie, także wróżki, czary, czarnoksiężstwa, czynsze kościelne, albo nadania kościelne i poświętne, nowe kupie, rozsądek de natalibus legitimi vel illegitimi thori, item zapisy, sprzedanie dziesięciny, jura patronatus, także rozzwody, testamenta.

Inne zaś wszystkie sprawy, krom wyż mianowanych, do sądu świeckiego należą. ▲.

▲. Jasny prawa tego wyraz, ile po differencyi między stanem duchownym a świeckim o władzę duchowną w kraju Polskim przez komposycyą Bodzanty, Biskupa Krakowskiego, z dokładnością stolicy Apostolskiej zaspojojonej, przekonywać powinien zwierzchność Biskupów utriusque ritus, iż z swojemi namieśniczemi sobie przywłaszczając spraw nie jurydykcyami żadnych więcej sobie przywłaszczając sprawnie powinni nad te, które pomienione prawo pod sąd ich podało, a chociaż przedtém niżeli te concordatum nastąpiło, na mocy rozlicznych ustaw kościelnych, które władzy panującej w Rzeczypospolitej, a ni praw krajowych in politicis nie wiążą, przywłaszczali sobie dawniej różnych spraw i kryminalów, byle by się duchowieństwa cokolwiek tykało, sądzenie, jednak, zawsze ta władza duchowna nie mogąc propter irregularitatem śmiercią nikogo karać, pro extendendis poenis takowych przestępców odsyła. Skrócona tedy ta do dojścia sprawiedliwości

przydłuższa droga przez prawo 1543, którym, wydzieliwszy gatunki spraw, do sądu duchownego należących, na końcu obostrzono: że inne wszystkie sprawy, krom wyż mianowanych, do sądu świeckiego należą.

2. Statut Lit. rozdz. I., art. 11., którym się Wołyń, według konstytucji uniońis 1569, sądzi o obrażeniu majestatu Hospodarskiego mówi: «Też prałatom, xiążętom, panom, radom duchownym i świeckim, panom chorągwanym szlachcie i miastom wszystkich ziem innych, z dawna i teraz do tego państwa W. X. Litewskiego należących, obiecuję słowem Hospodarskim, iż żadnego człowieka z tych stanów wyżej mienionych, którąkolwiek inną pięniężną krwawą alias śmiercią, więzieniem etc. winić i karać nie mamy i nie będziemy, aż pierwej w sądzie jawnym podstępkiem prawa będą pokonani.» **B.**

B. Niech zwierzchność duchowna przekona się tym Statutem, że ten nie tylko do świeckich osób, lecz i do duchownych, ściąga się, a stanowiąc, że żadnego człowieka tych stanów wyżej mienionych, to jest, Prałatów, Xiążąt, Panów, Rady duchowne i świeckie, winą pięniężną i śmiercią karać nie będziemy, aż pierwej w sądzie prawem przekonani będą, oczywiście w sprawie kryminału publicznego criminis laesae Majestatis dla duchownych i świeckich sąd cywilny oznacza, a że występek rebellii i konspiracji w następnym statucie przeczytany pro crimine laesae Majestatis obaczmy, że i to do sądu świeckiego należy.

3. Statut Litewski w rozdz. tymże, artykule 3., tłumacząc obrażenie Majestatu, sąd i karę wyznacza: «Też Majestat nasz obrażony bywa z tej przyczyny: Gdy by się kto buntował, pokoj popospolity wzruszając, przeciw nas, Hospodara, albo ku szkodzie Rzeczypospolitej, a to by słusznie na niego było przewidziano, takowy z prawa i rozsądku naszego cześć i gardło traci, a synowie takowego

C. Wyżej położony Statut Lit., do kryminału obrażenia majestatu napisany, osobom stanu duchownego i świeckiego sąd cywilny i karę przyzwoitą przepisał, ten zaś przez kogokolwiek buntowanie się i pokoju popospolitego przeciwko Królowi, albo ku szkodzie Rzeczypospolitej wzruszenie, biorąc pro crimine laesae Majestatis, gdy w tym samym sposobie mówi: iż takowy występca z prawa i rozsądku naszego cześć i gardło

zdraycy dorosli, i którzy by za dowodem słusznym okazali się być wiadomymi tej zdrady ojcowskiej, także cześć i gardło tracić mają. **C.**

4. Konstytucya 1588 w takim przypadku toż samo pisze, *crimen perduelionis* rozumieć się ma, kto by się z nieprzyjacielem Rzeczypospolitej ku szkodzie onej porozumiał, tajemnice Rzeczypospolitej zwierzone nieprzyjacielowi onej wynosił, zamek na zmwę podał, *pacta foedera* z postronnymi pany *rebelliā* uczynkiem pokazując, albo by którykolwiek inny występek popełnił, który by był właśnie *contra Rempublicam* — Co ma być sądzone *eo processu*, jako *causa criminis laesae Majestatis*, i bez delatora, gdy by go nie było etc. **D.**

5. Konstytucya 1641, vol. IV, fol. 6, titulo Religia Grecka.

Greckiej Religii osobom świeckim i duchownym wszystkim w wszystkich kryminalnych sprawach *ex occasione Religionis* na sejmie *ex registro speciali causarum cri-*

traci. — Zaczęć widocznie te prawa dowodzą, że namieśnicze Królów w kraju jurysdykcyę cywilną o występki buntu i konspiracyę tak duchownych, jako i świeckich sądzić powinny i przekonanych kryminalnie karać mają.

D. Władza najwyższa, nad wszystkimi stanami rozciągająca się, że nie mogła nigdy w stanowieniu praw błędzić, przeczona i tej konstytucyi na przestępstwo publiczne *rebelli* i konspiracyi pokazuje się baczność, gdy nawet i bez delatora tak szkodny uczynek przeciwko Rzeczypospolitej dozwala sądzić takim sposobem, jak *de crimine laesae Majestatis*. Zastanowić się tedy jurysdykcyę duchowną nad Kapłanami Ruskimi moc mająca powinna, jak może przywłaszczając sobie i żądać przeciwko wyraźnym prawom sądenia kryminału, publiczności tyżącego się, kiedy prawa, tu nadmienione, *rebelliā* i każdy występki *contra Rempublicam* przez kogokolwiek popełnione, pro *crimine laesae Majestatis* uznając, nawet formę *processu* do czynienia przeciwko takim gwałcicielom spokojności publicznej, nie dla sądu duchownego, lecz dla świeckiego przepisały.

E. Gdziekolwiek występki dotyczą się publiczności, wszędzie prawa przestępców świeckim i duchownym sąd krajowy do odpowiedzi przeznaczają, uważać tedy należy i te prawa, do osób Religii Greckiej duchownych i świeckich napisane. Że kryminały między

minalium, unitom i nieunitom, forum naznaczono *praevia inquisitione* w własnym grodzie lub ziemstwie. **EE.**

unitami i nieunitami duchownymi i świeckimi, z poróżnienia pod ówczas Religii Greckiej nastąpione, jako statum *Reipublicae* tyżące się, tymże prawem pod sąd krajowy poddane, a zatém nie mogą być pod żadną jurysdykcją duchowną podciagnione, tym bardziej zaś władza duchowna wdać się w słuchanie inkwizycyi, lub w odbieraniu z obwinionych Kapłanów dobrowolnych wyznań, nie ma mocy, gdy mianowane prawo, przytłumiając różnicę między unitami i nieunitami przez ostrzeżoną dyssydentów tolerancją, właśnie dla samych uczynków z tej przyczyny przez duchownych i świeckich, obrządku Greckiego popełnionych, forum *saeculare*, a do słuchania inkwizycyi grody i ziemstwa wyznaczyło, z przyczyn roztropnie pod ów czas dla przypadków podobnych konsyderowanych, które uważajmy.

Kryminały, publicznego tyżące się przestępstwa, przez duchownych Religii Greckiej według nadarzonych doświadczeń spełnione, bez pomocy najgwałtowniejszej pospolitego ludu nigdy być nie mogły. Przeto wpływanie w społeczność tych obydwóch gatunków osób, gdyby oglądać się przyszło na prawo: *Actor sequitur forum rei*—dzieliło by wspólnych występców na dwie jurysdykcyje, duchowną i świecką.

Tak bowiem rzecz uczyńkiem związana dzieląc, było by jedno do chcieć dojścia prawdy i do pełnienia sprawiedliwości zatamo-

wać drogę. Bo w takowej sprawie, która od dowodów z świadectw zależy, lub w której społecznik potajemnie duchowny z świeckim na występku umówił się i porozumiał należnie, jeden przez drugiego wyznaniem w sądzie przekonany być ma, dla oddzielności zaś sądu duchownego od świeckiego czyli karności jego, a ni świecki winowajca, w społeczność z duchownym wchodzący u sądu duchownego, a ni duchowny przeto u sądu świeckiego nie byli by obowiązani stawić się.

Szło by zatém, że wysledzenia występku zamknięte by zostały sposoby, i bez przekonania obwiniony z najszkaradniejszym uczynkiem odszedł by bezkarnie od sądu. Słowem mówiąc, w rządnej Rzeczypospolitej naszej, która najszczególniej za panowania teraźniejszego Króla zarządzać wszystkim okolicznościom potrafi, mieli byśmy jurysdykcyi rozlicznych aż nadto, a sprawiedliwości żadnej.

Nie do tego obłądu wszystkie prawa tu wyrażone i usilność Królewska dążą, aby dla zasady rozciągającego się nad duchowieństwem Ritus Graeci unitorum w dyecezyi Łuckiej zwierzchnictwa w okoliczności przekonanego o bunt na Wołyniu chłopstwa i powołanych do tego Kapłanów Ruskich, mogła się sprawiedliwość jak najprędsza przytłumiać.

Ponieważ nie innym celem prawo, wzmiankowane roku 1641 du-

chownych i świeckich o podobne, choć z innego źródła kryminaly, nie duchownemu sądowi, lecz cywilnemu ziemskiemu, lub grodzkiemu, przez inkwizycyę dochodzić zaleciło.

Służy toż samo prawo, stosowane do niniejszego przypadku, a jako indivisa inter se dividi nequeunt, tak wina nierozdzielnie na Kapłanów Ruskich i chłopów o znowę do buntu przez obywatelów włożona, jednemu tylko sądowi świeckiemu do roztrząśnienia przystoi.

Te dowody my, niżej podpisani, obywatele, składając w ręce JW. IMXa Kaczkowskiego Suffragana Łuckiego i Biskupa, do wdawania się w słuchanie wyznań Kapłanów Ruskich, o konspiracyę do buntu z chłopami oskarżonych, i w aręszcie będących od JW. JMXa Lewińskiego, Biskupa i Administratora Biskupstwa Łuckiego, przeciwko wyraźnym prawom obligowanego, upraszamy, aby, konsyderując prawa tu wymienione, posłusznikiem onych stać się raczył. Dan w Dubnie die 26 Aprilis, 1789 roku.

F. Nowomiejski m. p.
 Antoni Frankowski, Stolnik Un.
 Grzegorz Józef Sobieszczański
 Ł. K.
 Michał Jel. Małiński.

Felix Wolanski, Star. Nowogr.
 Józef Karsza, Podst. Podol.
 Józef Rybicki K. P.
 Isa Niciecki.
 I. Kolumna Czaskowski, Star. Krz

Odpis na to patronów Warszawskich 1789 A., die 22 Maji.

W zdarzonym nieszczęśliwym przypadku, w którym, oprócz osób świeckich, są aresztowane i osoby duchowne, sąd świecki przywłaszcza sobie nad duchownymi jurysdykcją z przepisu prawa i sprawiedliwie, albowiem występki, kryminalne, karę śmierci za sobą ciągnące, chociaż by też prawa krajowego nie było, przez sąd duchowny sądzone być nie mogą.

Lecz każdego prawa myśl rozumieć wyraźnie potrzeba i nad charakterem osoby zastanowić się należy. Sąd duchowny osoby duchownej, chociaż zupełna nad nią mający jurysdykcją, nie może sądzić kryminalnie, bo mu prawa kanoniczne zabraniają.

Lecz wzajemnie sąd świecki osoby duchownej, jeszcze w charakterze będącej, chociaż by w oczywistym kryminalne ujętej, sądzić kryminalnie nie może bez właściwej jurysdykcji, która by gatunek występku poznała, a ten uznawszy za kryminalny, z kryminalisty charakter zdjąć, a dopiero oddać go powinna świeckiej jurysdykcji po wskazanie kary.

Dawniejsze od przywiedzionych statutów i konstytucji prawo duchowne ten sposób przepisało, i nie przyznało, a ni udzielało władzy jurysdykcjom duchownym rozciągania kar kryminalnych, lecz skonwinkowanego, po zdjęciu z niego charakteru, kazało oddawać zwierzchności świeckiej. A przeto choć by i przywiedzionych za jurysdykcją świecką praw by nie było, już były duchowne, i z nich wypływała moc i władza dla jurysdykcji świeckiej sądenia tych osób, przez Biskupa z charakteru ogołoconych, które z tej przyczyny stawały się świeckimi. Religia sama dowodem być powinna, i we wszystkich narodach, chociaż jeszcze nie oświeconych, duchowni pierwszeństwo i swoje otrzymują uszanowanie, tym bardziej w Religii Katolickiej sam przykład tego wymaga.

Kto bezstronnie przeczyta Statut 1543 roki i rozważnie zastanowi się, znajdzie, że ten statut wyszczególnia gatunki spraw, do sądu duchownego należących; sama osnowa tego Statutu rzecz objasnia, aby sądy duchowne nie tak obszerną nad świeckimi przywłaszczali sobie władzę, której przedtym Statutem używały. Ten więc statut wyznacza dla sądu duchownego gatunki, w jakich sprawach stan świecki podlegać i ulegać wyrokowi jego powinien, ponieważ dla duchownych osób tego wyszczególnienia nie było potrzeby, gdy osoba duchowna we wszystkich sprawach osobistych właściwej duchownej podległa być jurysdykcji powinna.

Toż samo w sobie zawiera i Statut Litewski konstytucji 1588, i te ściągają się do osób świeckich, których użyć można i do duchownych, lecz po zdjęciu z nich charakteru.

Zgodna i konstytucja 1641, bo jak Biskup nie może przystać na jurysdykcji sądu świeckiego do degradowania osoby duchownej, tak wzajemnie sąd świecki kary kryminalnej ściągając na degradowanego nie może bez poprzedzonej w sądzie swoim konwikcji.

Lecz jeżeli rzecz idzie o przyspieszenie sądu bez złego i hańby stanu i kraju, łatwo stać się może.

Biskup przeciwko obwinionemu w sądzie swoim niechaj każe proces formować, toż samo sąd świecki, wraz więc examen z obwinionego niechaj będzie uczyniony przez delegowanych od Biskupa i sąd świecki, potem inkwizycja tym sposobem może być odbyta, po której Biskup, uznawszy występki, kary kryminalnej być godny, obwinionego degradować będzie, a potem sądowi świeckiemu odda go, zaś sąd świecki, mając już examen i inkwizycję, które na dwie ręce pisane będą, przez delegowanego od Biskupa i sędziego świeckiego dekret ferować będzie, a tym sposobem dogodzi się i sprawiedliwości, i każda jurysdykcja przy swej władzy nienaruszoną zostanie, a co największa zły przykład z ohydą Religii usunie się.

**Wypis protokołu dekretowego z rejestru inkarceratów są-
dow Grodzkich Łuckich. ***

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Maja pierw-
szego dnia.

Na affektacyą stron rekwirującej Dekret zwyż pomienonego protokołu, między stronami, niżej w komparycyi wyrażonemi, pod dniem, rokiem i miesiącem w gorze wzmiankowanymi, stały i zapadły w sposób następny. Między JWnym Janem Steckim, Starostą Owruckim, orderu S. Stanisława Kawalerem, powodem przez urodz. Michała Pruszyńskiego, tudzież WW. Michałem Pruszyńskim, Felixem Dziusą, powodami oczywisto, a W. JX. Alexandrem Bondarowskim, Parochem Horodyskim, stawionym oczywisto, utściwym Janem Michałowskim, Diakiem Horodyskim, stawionym oczywisto, sąd Grodzki Łucki, rozsądzając propozycyą literalną od JW. Jana Steckiego, Starosty Owruckiego, po WX. Alexandra Bondarowskiego, Parocha Horodyskiego, do sądu swego wyniesioną, za przydaniem Patrona Ur. Stefana Augustynowicza oskarżonym, WX. Alexandrowi Bondarowskiemu i utściwemu Janowi Michałowskiemu, Diakowi Horodyskim, sprawę wprowadzać każe. Odwołała się strona, pozwana do najjaśniejszego Tribunału Koronnego Lubelskiego, sąd tego odwołania nie dopuścił, a w prowadzeniu zawiesiwszy rezolucyą przyznania miejsca

---

Этот акт находится въ подлинной выпискѣ изъ книгъ Гродскихъ, на бумагѣ стемпелевой съ печатью, собственноручною подписью и заглавіемъ на оборотѣ: «Міędzy JWіем. Steckim Star. Owruckim, orderu S. Stanisława Kawalerem, i innymi z jednej, a WX. Bondarowskim, Parochem Horodyskim; i innymi z drugiej strony, laesus inquisitionibus dekret. R. 1789, die 1 Maji, w sądach Grodzkich Łuckich.»

w sądzie swoim w sprawie terażniejszej przez W. Parocha Horodyskiego żadaną, w sprawie postępowaniu potrzebne być stawienie tegoż WXdza Bondarowskiego, jako też utściwego Jana Michałowskiego, Diaka Horodyskiego, niemniej roboczych Kasyana Andrijczuka i Karpa Omelańca ze wsi Horodyszczu, po osądzeniu przez Magdeburę Ostrogską, przez JW. Jana Steckiego, Starosty Owruckiego, do sądu swego stawionych, dla odebrania z tychże z każdego z osobna dobrowolnych zeznań, uznaje, a to natychmiast, a ponieważ stawieni zostali, do słuchania z tychże konfessat przystępuje. Po których odebranych potrzebne być ma wsparcie tychże, wyprowadzenie inkwizycyi, na dowód i odwód, przez strony obie uznawszy, nakazuje, ażeby strony pytania i odpowiedzi, tudzież registr świadków spisali i sądowi swemu podali, a to natychmiast. A ponieważ z strony JWnego Steckiego pytania i registr świadków, prawem zamierzony, a zaś z strony WX. Parocha Horodyskiego odpowiedzi odpisane zostały, i pod świadków z strony JW. Jana Steckiego podanych, tenże WX. Paroch Horodyski poddaje się, przeto do słuchania tychże przystępuje, po których expedyowanych, potrzebne być przypozwanie, lub przez stronę podwodową sprowadzenie W. Franciszka Jasińskiego Z. L. i urodzonego Wojciecha Barańskiego, dla złożyć się mających przez tychże dobrowolnych zeznań sądzi. A ponieważ tak Wny Jasiński, jako i urodzony Barański, przed sądem swym stawili się, przeto, podług podanych do inkwizycyi pytań i odpowiedzi, do odebrania z tychże dobrowolnego zeznania zabiera się, po których odebranych i zaprzysiężonych potrzebne być wykonanie przysięgi na nieujęcie świadków uznaje; a ponieważ urodzony Felix Dziusa jeden z delatorów sposobem praktykowanym na nieujęcie świadków zaprzysiężył, przeto do czytania tak dobrowolnych zeznań, jako i inkwizycyi przystępuje, które przeczytawszy, rozwiązując w górze przyznania miejsca sądu swego, bądź nie uczynione zawieszenie, sąd swój za przynależyty uznawszy. Ponieważ tak z inkwizycyi, jako też dobrowolnych zeznań i dowodów, przez wszystkie okoliczności roztrząsnionych, sądowi swemu okazano jest, iż WX. Alexander Bondarowski w dobrach wsi Horodyszczu, JW. Jana Steckiego dziedzicznych Paroch, nie podług obowiązków, stanowi swemu przyzwoitych, od czasu objęcia parochii swojej, sprawując się, codziennie prawie w karczmie tamejszej z chłopami pijał, i tak w rannej, jak i późnej porze na takowych biesiadach,

wiek swój przepędzał, a obciążony trunkiem do domu powracając, żonę swoją i domowników biciem rozganiał, na matkę własną, bez żadnego uszanowania powstając, one zelżywemi słowami lajał, która częstokroć czynione od tegoż przykrości opłakiwać musiała, a nawet że pomieniony X. Paroch Horodyski na Wielkanoc Polską w roku terażniejszym po pianu mszą św. odprawiać poważył się.—Z tychże zeznań wiadomość odkrywa się, a gdy takowa do pijaństwa skłonność śmielszym onego coraz do gorszego czyniła postępów, do tego nakoniec zuchwałości przyszedł stopnia, który nie tylko charakterowi kapłańszemu, ale nawet samej ludzkości i powszechnemu bezpieczeństwu prawem warowanemu sprzeciwić się powinien, ponieważ roku terażniejszego na dwa tygodnie przed Wielkanocą Polską w niedzielę, gdy ludzie po nabożeństwie we Horodyszczu z cerkwi rozchodzić się zaczęli, WX. Alexander Bondarowski, Paroch Horodyski, roboczym Kasyanowi Andrijczukowi, Omelańcowi i Lewkowi Jabłońskiemu, poddanym Horodyskim, w tojże cerkwi zatrzymać się rozkazał, którzy gdy po rozejsciu się innych ludzi, sami tylko zostali, Paroch Horodyski, że ma onym jakąś rzecz powiedzieć, byle go z sekretu nie wydali, oświadczył, a wyjawiając niebawnie pomieniony sekret, że czas przyszedł do rznienia szlachty i Żydów, opowiedział do którego układu ażeby i oni gotowymi i bezpiecznymi byli, zachęcał, a czas wykonania takowego zamysłu, w czasie Wielkanocy Polskiej, gdy się do kościoła na rezurekcyą zgromadzą, oznaczał. A gdy mu niegodziwość postępku i nieznanowanie się do tego dzieła ludzi i potrzebnego oręża, a ztąd trudność wykonania tego przedsięwzięcia, a jeden z onych niesposobność zdrowia swojego przekładał, WX. Paroch Horodyski, że to nie tylko my zrobimy, ale się toż samo po całej Polsce dzieć będzie, że ochotników dosyć się znajdzie, że kto jaki ma oręż, z takowym iść może, nożów pięć na to kupił, i o lepszy jeszcze oręż starać się nie zaniedba, i że miejsce słabego inny zastąpi, odpowiedział, i aby tylko nikomu o tem nie mówili, a sekret zachowali po kilkakrotnie obowiązywał, którą to upomnienie tak względem gotowości, jako i sekretu powtórnie onym na cmentarzu ponowił, a nawet i w sobotę przed Wielkanocą Polską, gdy ciż ludzie do niego prosząc o spowiedź przyszli, wymawiając się, że dla wyjazdu swego do wsi Zytyńka Wielkiego, dla święcenia chleba Wielkanocnego szlachcie, spowiadać ich nie może, ale że onych na dniu jutrzejszym

wyspowiada, oświadczając, ażeby o tym, co onym dawniej mówił, pamiętali, zalecał, o które przestępstwo niegodziwej namowy tak robocze Kasyan Andrijczuk i Karp Omelaniec do sądu swego stawieni, jakoteż pracowity niegdys Lewko Jabłoński, który przez urząd Magdeburyi Ostrogskiej na śmierć wskazany, WX. Alexandra Bondarowskiego o namawianie się, siebie z pierwszemi, powoławszy, żadnego do samej śmierci wyznań swoich podług wyводу świadectw nie uczynił odwołania, szczególnie tylko tegoż W. Parocha Horodyskiego przekonywają. A chociaż takowy przerażający zamiar żadnego skutku swojego nie wziął, ponieważ lubo nie z tej, lecz z innej okoliczności, bo z przyczyny rozmowy roboczego Kasyana Andrijczuka z Kozakiem Poberezkim, ku Dubnowi przejeżdżającym, który przy karczmach kupieckich o wznawiających się na Ukrainie buntach, i nastąpić mającej, jak dawniej była, szlachty i Żidów rzezi, opowiadał, a pomieniony Kasyan ze wsi Horodyszczca, z roboczymi Karpem Omelańcem i Lewkiem Jabłońskim, poddanymi Horodyskimi, o tym spodziewanym zamieszaniu, co od Kozaka słyszał, rozmawiał, i roboczy Lewko Jabłoński gotowym się do łączenia z buntownikami oświadczył. Podśluchani przez służącego chtëpca Mazura, do zwierchności, i w kajdany okuci, i do urzędu Magdeburyi Ostrogskiej na sądenie oddani zostali, a potem dopiero i W. X. Bondarowskiego, Parocha swojego, o namawianie siebie do tej zuchwalej zbrodni powołali, jednakże tenże W. Paroch Horodyski wewnętrznej przeciwności swojej ku religii Polskiej i szlachcie utaić nie mógł, gdy bowiem we wtorek świąteczny Wielkanocy roku terażniejszego we wsi Żytyнку Wielkim znajdował się, a urodzony Piotr Odyński, dyspozytor tamejszy, zachęcając do jedzenia święconego przybyłych gości żartem z okoliczności rozruchów, na ten czas rozgłoszonych, w poufłym dyskursie, takowe do przyjaciół: «Rznicie teraz proszę, niżeli was rznąć będą,» wyrzekł słowa, WX. Bondarowski, nieco podochoconym będąc, zerwawszy się z miejsca i ręką wskazawszy, że gdybyście takiej Wiary Katolickiej byli, jak my, to by wam ni cnie było, odpowiedział; o co gdy na niego przytomni, przekładając mu jedność Religii Polskiej z Ruską, powstali, WX. Paroch Horodyski, żadnego na to tłumaczenia się nie uczynił.—Przeto sąd, zważywszy pomienione okoliczności, ponieważ WX. Alexander Bondarowski, Paroch Horodyski, a ni na prawa, wszelakie zabójstwa walerianujące, a ni na prawo wrodzonej każdemu ludzkości niemając uwagi, i nie tylko sam z osoby

swojej na odbieranie życia cudzego odważać się postanawiając, ale nawet ludzi, duchownemu swemu dozorowi powierzonych, pomimo przykład od siebie dać się miany, z pogorzeniem mniej oświeconego ludu do wyżej opisanej niegodziwości namową swoją skłaniając, niegodnym być życia tego, które innym odbierać umyślił, przekonany zostaje, i chociaż za takowy postępek, jako powszechną spokojność oburzający, na najhaniebniejszy śmierci zasłużył, jednakże przez wzgląd na charakter, od podlejszego gatunku ludzi onego różniący, karze śmierci tegoż WX. Alexandra Bondarowskiego podlegać uznaje, i ucięciem głowy przez publicznego sprawiedliwości mistrza dopełnić się powinny ukaranymi sądzi, którego natychmiast po nieodwłocznie nastąpić się mającej przez JW. Biskupa miejsca tutejszego obrządku zjednoczonego w mieście J. K. Mści Łucku degradacyi, do urzędu miejskiego tegoż miasta na exekucyą odsyła. Roboczych zaś Kasyana Andrijczuka i Karpa Omelańca, poddanych Horodyskich, przez urząd Magdeburyi Ostrogskiej osądzonych, a z przyczyny powołania przez tychże Parocha Horodyskiego o namawianie siebie do buntu, dla odebrania dobrowolnych zeznań, do sądu swego z dóbr wsi Horodyszczu stawionych, na powrót odsyła, a zaś utściwego Jana Michałowskiego, Diaka Horodyskiego, o ucieczkę tylko z Horodyszczu, wczasie zaczętych rozruchów oskarżonego, która że dla przykrości przez Parocha onemu czynionych, nastąpiła, tłumaczącego się a żadną inną zdrożność nie przekonanego, sąd wolnym czyni.—Odwołał się WX. Alexander Bondarowski, * Paroch Horodyski, do Najjaśniejszego Trybunału Koronnego Lubelskiego. Sąd tego odwołania na mocy prawa nie dopuszcza, indagacyę, zeznania i inkwizycyę w tej sprawie nastąpionę pieczęcią Grodzką Łucką zapieczętowane, w archiwum Kancelaryi Grodzkiej Łuckiej zachowane mieć sądzi. — Wydaje się pod pieczęcią Grodzką Łucką. Pisano w zamku Łuckim.

(L. S.)

Lenkiewicz m. p.,

Vice-Regent Grodz. Łucki.

Legi cum Protocollo Rzeszowski m. p.

* Въ семь актѣ парохъ Городыскій названъ А. Бондаровскіймъ, въ другіи же актѣхъ пишется Бендеровскій. Мы оставили имя это такъ, какъ было въ рукописи.

Прим. Изд.

LIT. L.

№ro. 1.

Stan Kapłanów Ruskich w
Polszcze.

Stan Kapłanów Ruskich w
Moskwie.

Która to Wiara zabijać pozwala?

1-mo. W Polszcze Rusczy Kapłani mają dla siebie winne uszanowanie, z największymi panami do stołu siadają i upoważenie zupełne podług wysokiej wartości charakteru swojego, od wszystkich odbierają, równe z Kapłanami obrządku Łacinskiego.

Ad 1-um. Ciż Kapłani Rusczy w Moskwie żadnego dla siebie i na swój charakter nie mają względu, poszanowania nie odbierają, Sztabs-Oficyer Moskiewski z Kapłanem do stołu nie siedzie.

2-do. W Polszcze żaden pan władzy sobie nad Kapłanami nie przywłaszcza, nie ma onego mocy karania, co więcej, Kapłan o swą siebie wyniknąć mogące krzywdy, może pana i kolatora swego pozwać; nadto gdyby pan i kolator targnął rękę swoją na Kapłana, pozwany o to do sądów duchownych, podpada ekskomunice, w sądach zaś świeckich odbiera kary; wykarczający zaś Kapłan w sądach Biskupskich, Metropolitańskich etc. etc. duchownych, tylko kary odbierać powinien.

Ad 2-dum. W Moskwie wcale przeciwnie dla Kapłanów dzieje się, bo Proporczyk obić Kapłana pałkami może, a po obiciu w ręce na satysfakcyą bólu pocałuje i rzecze: «Proszczaj, batiuszka!»

---

* Сія и слѣдующая статья № 2 напечатаны на полуустѣ и прибавлены къ рукописи съ помѣтою L. Прим. Изд.

3-tio. W Polsce, za pozwoleniem Stolicy Apostolskiej, może się Kapłan z wdową żenić, a po ożenieniu, za pozwoleniem tejże Stolicy, wziąć poświęcenie; gdy mu żona umrze, plebanii nie odbierają, ale do końca życia, gdy się cnotliwie i dobrze na poruczonej sobie parochii sprawuje, zostaje przy tejże.

4-to. W Polsce żaden podatek nie ciąży Kapłanów, katedratyk zupełnie Sejmem, terażniejszym zniesiony, a subsidium charitativum nie którzy tylko do czasu płacić będą.

Ad 3-tium. W Moskwie Kapłanom z wdową żadnym sposobem nie pozwalają żenić się; gdy mu zaś żona umrze, z plebanii wypędzają, iść musi albo do czerców albo do wojska.

Ad 4-tum. W Moskwie przeciwnie, bowiem od siebie, żony i dzieci choć by najmniejszych, od głowy każdej Kapłani po rublowi płacić powinni, i gdy by dzieci wymarły, aż do nowej lustracyi tenże podatek każdy wypłacać powinien.

Nro 2.

Chłopi w Polsce.

1-mo. Chłopi w Polsce mają opisanie, co swoim panom odraabiać, i co odbywać powinni, a dla Króla nic nie odbywają.

2-do. W Polsce podatek jeden tylko chłopom nakazany, to jest, kominowe, i teraz lubo Rzeczpospolita Polska na inne stany ustanowiła podatki nowe, chłopi, prócz dawniej ustanowionego kominowego, żadnego nie mają.

Chłopi w Moskwie.

Ad 1-um. W Moskwie chłopi adnych nie mają dni odrobnych, bo, oprócz pańskich, są dnie Osudarskie czyli Imperatorskie, które nie mają nigdy swego zamiaru, tylko jak każą i wiele, tyle odraabiają.

Ad 2-dum. W Moskwie zaś od każdego chłopca, dziecka i czeladzi po rublowi do skarbu Imperatorowej opłacać powinni.

3-tio. W Polscze werbunek żołnierzy tylko w dobrach Królewskich jest ustanowiony, dziedziczne zaś od tego wyłączone zostały, chyba by który dóbr dziedzicznych za pozwoleniem pana swego, dobrowolnie przystał do żołnierzy, a inaczej w dziedzicznych dobrach rekrutować nie mogą.

4-to. Różna jest cena gorzałek w Polscze przy różnej drogości, lub tanności zboża.

Ad 3-tium. W Moskwie zaś jak i gdzie chcą, gwałtownie biorą, przez co wszędzie tym sposobem jest nieustanny werbunek, jak w państwie Cesar skim (Rzym skim) z najwyższym przymuszeniem i gwałtownym braniem ludzi.

Ad 4-tum. W Moskwie zaś dla tego, że tylko jest gorzałka do szynku, nazywająca się Osudarska, przeto w najobfitszych urodzajach zboża, najtaniej po złotych 4 garniec sprzedają.

Sacerdos volens reconciliari Graeco-Rossiacae Religioni debet stare ante fores Ecclesiae, quem eum in modum percontatur Hegumenus.

Q. Serve aberrationis, quid vis?

R. Volo reconciliari Graeco-Rossiacae Catholicae fidei.

Q. Quam ob causam id optas?

Q. Causa salutis animae.—Hic converti jubet facie ad occasum solis, sicque conversum ulterius interrogat.

Q. Abrenuntis ne execrabili traditioni Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio.—Et sputit singulis vicibus, ad trinam interrogationem respondendo.

Q. Abrenuntias ne tu omnibus nugis Uniaticis?

R. Abrenuntio.—Ter interrogatus respondet, et ter sputit.

Q. Abrenuntias ne haeresi Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio.—Ter interrogatus respondet, et ter sputit. — Postea retroversum facie ad se interrogat.

Q. Appromitis ne fideliter servire et obedire Graeco-Rossiacae Catholicae Ecclesiae?

R. Vere appromito, Pater Reverende! Et tunc porrigit extremitatem stolae in manus introducendi in Ecclesiam, dicens: «Intra in Domum Domini, et adora» etc. Atque ante tetrapodem, in quo quae candelae accensae, crux et evangelium positae sunt, jubet eum recitare: «Credo in Deum Patrem» etc., et postea interrogat.

Q. Doles ne tu, quod ad hoc tempus, in execrabili haeresi Uniatica permansisti?

R. Doleo.

R. Doles ne, quod non solum ipse indigne administrasti mysteria Christi, sed et alios ad id inducebas, administrando sacrilege?

R. Doleo.

Q. Doles ne, quod indigne administrasti mysteria Christi?

R. Doleo.

Hic super genu flectentem manus imponit et legit orationem absolutionis a vinculo excommunicationis, irregularitatis etc. Postea dicit: «Surge, Sacerdos NN., tamquam a somno, ab errore uniatrico!» Tandem Excipit juramentum obedientiae Ecclesiae Graeco-Rossiacae et perpetuae perseverantiae in illa ad extrema vitae suae, et quod usque ad amissionem vitae defendet Fidem Graeco-Rossiacam. Demum inducit in sanctuarium per fores laterales et jubet confiteri; post confessionem factis quinquaginta adorationibus, jubet idem Hegumenus in sui assistentia missam celebrari, informans neoconversum celebrantem in ceremoniis.

Resolutiones Theologorum et Canonistarum in causa degradationis parochi Horodyscensis.

Casus propositus.

1mi. Cajus sacerdos convictus in foro saeculari criminis status judicatus est reus mortis.

Quaeritur. Utrum idem Cajus sine degradatione morte mulctari possit, praesertim si dicta degradatio propter quascumque causas sit admodum difficilis?

Respondeo. Cajus criminis status reus, si degradatio sit admodum difficilis, etiam sine degradatione morte mulctari potest.

Probo. Tunc Cajus etiam sine degradatione morte mulctari potest, quando vel privilegium fori ecclesiastici non habuit, vel amisit; atqui Cajus criminis status reus privilegium fori ecclesiastici vel non habuit, vel amisit; ergo sine degradatione morte mulctari potest.

Ratio majoris. Quia degradatio nihil aliud est, quam privatio clerici privilegio fori et canonis; ergo ubi tale privilegium non datur, vel amissum est, ibi sine privatione ejusmodi privilegio publica, id est, sine degradatione reus morte mulctari potest.—Probatur minor. Ex voluntate et indulgentia Ecclesiae dantur aliqui casus et circumstantiae, in quibus iudex laicus licite et valide procedit contra personas Ecclesiasticas etiam in criminalibus, quos casus recenset p. Pichler Juris. Can. Lib. II. tit. II. §. 22 et inter alios.—2. Quando accedit speciale mandatum iudicis Ecclesiastici.—7. Si sit reus criminis laesae majestatis, v. g., sese immiscendo rebellioni, proditioni, aut conspirationi subditorum in suum principem saecularem, quo casu etiam occidi potest, si in pugna inter perduelles reperiat, non

solum in ipso conflictu, sed etiam, si ratio justı belli exıgat, etiam post illum, imo etiam antequam rebellio erumpat et pugna incipiat, si deprehendatur inter perduelles et res non patıatur moram, atque aliter averti nequeat damnum publicum.»

Ex quo sic, per circumstantiam 7-mam clericus dicitur non habere privilegium fori per circumstantiam 2. dicitur amittere privilegium fori; atqui Cajus in utraque circumstantia positus demonstratur, ergo et privilegium dictum non habere, et illud si habuisset, amittere convincitur.

Ratio minoris quoad 1 partem: Cajus enim dicitur immixtus perduellioni, conspirationi subditorum, ergo antequam rebellio erumpat is deprehendatur inter perduelles, et res non patitur moram, a judice saeculari occidi potest.

Ratio quoad 2 partem: Tunc accedit speciale mandatum judicis ecclesiastici judicandi clericum foro saeculari, quando constitutiones regni assidentibus praesidentibus, et non modo non contradicentibus, verum etiam consentientibus Primate et Episcopis regni, non obstante Roma, delictum quodpiam foro saeculari generaliter judicandum puniendumve committunt, ibique forum unicum crimini cuiuspiam assignatur; atqui tale est crimen perduellionis et status, videantur enim constitutiones anni 1588 et 1593 approbatae in comitiis 1775, ergo adest mandatum judicandi clericum foro saeculari.

Ex quo sic: Si ordinarius loci non fuit forum competens respectu Caji accusati et convicti de crimine status, tunc Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari. Sed revera ordinarius loci ex constitutionibus regni non fuit forum competens respectu Caji accusati convictique de crimine status, cum forum ejusmodi sint unice judicia comitialia, vel a comitiis delegata, ergo Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari.

Cum porro decencia status clericalis exıgat, tum etiam ex degradatione solemnı major terror animis, Cajo similium improborum

sacerdotum, irruat, convenit quatenus, quantum possibile est, degradatio, curetur rogeturque Episcopus, ut ad tuendum in posterum privilegium fori clericorum in aliis causis personalibus ad degradationem omnino procedat. Si enim semel ipso renitente iudices saeculares sine degradatione reum morte affecerint, timendum est, ne in aliis criminibus personalibus similia audeant.

Edmundus Popiel Brzoński,
Prorector Scholarum Luceoriensium.

2di. Certum quidem et apud omnes indubitatum est, quod per privilegium fori quivis clericus ab omni potestate et jurisdictione fori saecularis adeo exemptus sit, ut amplius nequeat a iudice saeculari in iudicium trahi, carcerari et puniri, ut patet ex cap. Si Imperator II. dist. 96, sed tantum privilegio eodem sublato per actualem degradationem a loci ordinario solemniter institutam, prout constat ex cap. Felix 4. cano. 15. quest. 7 cap. Cum non ab homine 10. de judiciis. cap. Novimus 27. de verb. signif. capit. Degradatio 2. de poenis in 6 et concil. Trid. sess. 13. cap. de Reform.

Cajus tamen Presbyter r. g. sicut non expectata degradatione, quod haec admodum difficulter potuit obtineri, absque scrupulo in foro saeculari est convictus de crimine status, et jam neci addictus, sic etiam ad supplicium mortis, quod privilegium fori jam sit extinctum, non indiget degradatione. Neque enim opus est, ut Cajus per degradationem tradatur curiae saeculari, ab eadem juxta leges civiles puniendus, cum ei jam subsit et non subesse nequeat.

Ignatius Drozdowicz,
Canonicus Luceoriensis.

3tii. Cajus Presbyter convictus in iudicio saeculari de crimine status, agnitus est reus mortis.—Quaeritur: Num hic sine degradatione poena capitis plecti potest, ob id vel maxime, quod haec ob quamcumque causam adeo est difficilis?

Ad quaesitum respondeo. Cum degradatio sit privatio executionis officiorum et beneficiorum simpliciter in toto, et absque spe restitutionis, facta cum certa solemnitate, et privatione privilegii clericalis tam canonis, quam fori, ita ut saeculari curiae subdatur, et cum degradatio sit de jure solius Episcopi, presbyterum convictum de quocumque crimine coram judicio saeculari, quo incurrit poenam mortis, non posse sine degradatione ab Episcopo facienda poena capitis plecti, quia prius secundum jura Ecclesiae puniri debet ab Episcopo pro dishonestatione sui characteris sacri per crimen, de quo convictus est, tum demum tradi saeculari potestati ab Episcopo.

Tobias Glinka, Canon. Concionat.
Cathedralis Luceoriensis.

—————

«Hae sunt resolutiones PP. Ex Jesuitarum, et aliae iisdem similes omittuntur; quae vero sequuntur, sunt cleri saecularis Latini »

In proposito casu.

4ti. Statut w prawdzie Litewski odjął moc i wszelką władzę wieczyście Biskupom obojga obrządków sądzenia osób duchownych oskarzonych i obwinionych, bądź o jakiegokolwiek rodzaju występki przeciwko stanom, też moc i władzę na świeckie osoby przenosząc zupełnie i całkowicie; lecz gdy tenże Statut nie daje wyraźnego pozwolenia świeckim sądom i zwierzchnościom którymkolwiek, aby mogły duchowną osobę o występki, przeciwko stanom popełniony przekonaną, na śmierć skazać, czyli raczej z życia wyzuć bez udania się o degradacyą do własnego Biskupa tejeże to duchownej osoby na śmierć wyrokiem swoim wskazanej, przeto wnosi się oczywiście, iż świecka zwierzchność równie w Koronie, jako i W. X. Lit., prawem sobie pozwolonym, a zatym tejeże samej właściwym, może bezpiecznym sumieniem osoby duchowne tego rodzaju nie tylko sądzić, ale nad to o zbrodnię czyli występki, przeciwko stanom popełniony przekonane, na śmierć pewną i nieodwłoczną skazać, ale teje śmierci wykonać na obwinionej osobie bez poprzedzającej degra-

dacy, nie może i nie powinna. Inaczej nie tylko prawa duchowne, ale i przywiedziony Statut Litewski gwałt by oczywisty cierpiał, który to Statut chociaż wyraźnie pozwala świeckiej zwierzchności duchowne osoby przekonane bądź to o bunt, bądź o inną zbrodnię, przeciw stanom popełnioną, karać śmiercią, a wszakże w tym Statucie nie można czytać, żeby wspomniane osoby duchowne mogły być ukarane śmiercią bez ściśle przykazanej prawem duchownym względem takich osób degradacyi uroczystej.

Których to praw dobrze wiadomy będąc Najjaśniejszy Stanisław August niedawnemi czasy pisał list do JW. Biskupa Łuckiego Ruskiego, iż jeżeli by który z duchownych, jego jurysdykcyi podległych został przekonany o popełniony przeciwko stanom występki, aby go degradować natychmiast nie wzbraniał się.

Jakaż więc może zachodzić trudność względem degradacyi Kaja popa? a do tego nie tylko Polskie, ale i zagraniczne praktyki uczą, że ile razy trafiło się, iż duchowna osoba z wyroku przyzwoitego sądu miała podlegać śmierci, tyle razy starano się o degradacyę dla tejże osoby.

Tak ja więc na pytanie zadane odpowiadam, gdy zwłaszcza a ni w prawie duchownym, a ni w świeckim, a ni nakoniec w teologach doczytać się nie mogę, aby można godziwie skazanej na śmierć duchownej osoby bez poprzedniczej degradacyi życie odjąć bądź którymkolwiek rodzajem śmierci.

X. Gabryel Sielecki,
Kanonik Łucki, teologii Professor.

5ti. Zapytanie: Czyli kapłan, znaleziony w sądzie świeckim winnym śmierci, może być nią ukarany bez degradacyi, gdy ta jest bardzo trudna?

Odpowiedź. Degradacya nie innego nie jest, tylko wyrzucenie osoby duchownej z wszelkiej godności i przywilejów na mocy poświęcenia onej służących i oddanie zwierzchności świeckiej, aby po-

dług miary występku od niej karaną być mogła, nie jako już osoba duchowna, ale świecka. Gdy bowiem kapłan lub inny kleryk, mający poświęcenie, tym samym, co do osoby swojej, przez prawo Boskie i Kościelne wyłączony jest od zwierzchności świeckiej, degradacya to czyni, że Kościół, w osobie Biskupa, wyrzuca z liczby uprzywilejowanych sług swoich występnego i deklaruje, iż taki stracił przywilej wyłączenia, od sądu świeckiego sobie służący, i że za tem oddaje się temuż sądowi, jako należący do niego. Idzie za tem, że w takowym porządku prawa kapłan, np., występny w jakimkolwiek rodzaju zbrodni, nie dla tego ma być degradowany, że znaleziony jest winnym śmierci, ale raczej dla tego może już być karany śmiercią, że jest degradowany, jeżeli jednak występek jest godzien śmierci. Degradacya bowiem być może za niektóre występki takie nawet, których prawo świeckie karać śmiercią nie zwykło; idzie za tym dalej, że pospolity tryb, owszem sama natura prawa, co do tej okoliczności, tak każe, że duchowny, obwiniony o jaki, występki, pierwiej sądzony jest od Biskupa, i gdy na to zasłuży, degradowany, a potem od sądu świeckiego, jako mającego już do tego prawo, sądzony podług osobnych praw swoich kryminalnie i karany. Rozsądzać zaś całą sprawę, ferować dekret śmierci i dopiero odsyłać po degradacya, jest w samej rzeczy przewrócić porządek prawa, jest to i przyznawać sobie prawo sądenia i karania, i razem nie przyznawać. Jakiż bowiem koniec będzie tej degradacyi, albo raczej czego by się szukało, domagając si onej? Nie mocy sądenia duchownej osoby, co jest właściwym zamiarem degradacyi: bo w to się już wdał sąd świecki, jak niesie zapytanie, nie mocy ferowania dekretu na śmierć na tęż osobę, bo przyznawszy sobie sąd pierwsze, przyznaje zapewne i drugie, chyba więc tylko żądana degradacya dała by prawo do wykonania w samym skutku pomienionego dekretu. Ale trzeba wiedzieć, że prawo Kościelne, fundując się na prawie Boskim, równie chcemy ec osoby, Bogu poświęcone, wyłączone od sądu świeckiego, osobliwie w sprawach osobistych, co się nazywa w prawie kanonicznym *Privilegium fori*, jak zabrania pod klątwą nawet targać się ręką na ich osoby, co się zowie *Privilegium canonicis*. I owszem, *caeteris paribus*, pierwsze *privilegium* obszerniejsze jest, niżli drugie; w niektórych bowiem przypadkach, jako to obrony życia etc., godzi się bić, skaleczyć, lub zabić kapłana, ale pocią-

gać do sądu świeckiego w sprawach, do niego nienależących, nigdy się nie godzi. Są w prawie niektóre występki, za które sąd świecki duchownego śmiercią i bez degradacyi ukarać może, i takim występkiem jest machinatus, to jest, spisek, zmowa, albo przekupienie na zabicie kogo, z tém wszystkiem i w takowym razie potrzebna jest sententia declaratoria Episcopi, to jest: żeby Biskup dekretem swoim uznał, że ten duchowny takiego występuku prawdziwie stał się winnym, lubo by go nie degradował, bo tym samym już by go za degradowanego ogłosił. Wszakże i w takowym razie, częścią dla względu na stan duchowny, częścią dla tym lepszego tą okropną solennością degradacyi przerażenia innych, ten stopień prawny bez słusznych przyczyn opuszczony być nie powinien. Trudność zaś, która by takowy postępek usprawiedliwiać mogła, chyba by ta jedna być mogła, że periculum było by in mora, jako, np. gdy by kapłan był aktualnie buntownikiem, i już wszczęty przez niego bunt inaczej uśmierzony być nie mógł, jak tylko przez odebranie mu życia. Gdy zaś podobnego nie ma niebezpieczeństwa, a tylko zkaąd inąd zachodzi trudność, nie sądzę być rzeczą przyzwoitą prawem przepisane przestępować kroki. Zwierzchność Kościelna nie może należytej odmówić sprawiedliwości, a w przypadku odmówienia ma nad sobą wyższą władzę, do tej więc udać się należy.

X. Bossakowski V. R. S. Ł.

LIT. Ł.

Copia decreti in ordine ad degradandum Reverendum Alexandrum Bänderowski, Parochum Horodyscensem exactoratus Illustris Mgci Domini Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, ordinis S. Stanislai equitis, die 25, Luceoriae lati 1789.

Anno Domini millesimo septingentesimo octuagesimo nono, die vero Lunae vigesima quinta Maji. Luceoriae.

Coram Illustrissimo, Excellentissimo et Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo Coadjutore et Administratore gnrlı Aplico Luceoriensi et Ostrogiensi, Metropoliae totius Russiae Suffraganeo, ac in publica illius una cum Perillustribus, Reverendissimis ac Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuit personaliter generosus Michael Pruszyński, Illustris Mgnci Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, equitis ordinis S. Stanislai, principalis actoris legitimus plenipotens, in termino ex citatione debite prout a tergo ejusdem apparebat, per intimationem copiae suae ad manus citati incarcerati executae, legitime in diem hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Alexandri Bänderowski, Parochi Horodyscensis, ex carceribus adducti citati, quatenus ad propositionem actoream non respondentis, accusavit, ac in ejus talem contumaciam adhaerendo inquisitionibus testium juratorum, per judicium castrense Luceoriense expeditis, sententiam definitivam ferri, et in scriptis promulgari, qua mediante, memoratum Reverendum Bänderowski horrendi criminis conspirationis, in vitam crudelemque inter necionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum perpatrati, reum plenissime convictum declarari, eundemque, pro tanto crimine, ab ordine presbyteratus, privilegiis et habitu clericali deponi ac degradari, pro summendisque poenis judicio saeculari tradi postulavit, salvo etc. omni etc.

Praesente Reverendo Alexandro Benderowski Parocho Horodyscensi, reo ex adverso accusato et citato, ex carceribus adducto una cum addito sibi defensore, comparante in prolationem publicationemque sententiae definitivae consentiente ac clementiam iudicii implorante.

Illustrissimus, Excellentissimus Dominus Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis supra memoratus, sedens etc., auditis etc., ex concordibus Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum, ad hunc actum invitatorum, votis decisivis, sententiam definitivam tulit, quam per me infra scriptum, actus praesentis assumptum notarium, in scriptis extensam manibusque, tam sua propria, quam et praelibatorum Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum subscriptam, publicandam decrevit, uti quidem relecto per se ipsum dictae sententiae initio, eandem mihi, notario, publicandam commisit, quam etiam publicavi, estque tenoris sequentis:

«Nos, Stephanus Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Eppus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, Metropoliæ totius Russiae suffraganeus.

Concludimus, Christi nomine invocato, pro tribunali sedentes, solumque Deum ac Ejus justitiam sanctam prae oculis habentes, in causa et actione judiciaria, inter Illustrem Magnificum Joannem Stecki, Capitaneum Ovrucensem, ordinis S. Stanislai equitem, principalem actorem ab una, ac Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensis, super nefando crimine conspirationis in vitam ac horrendam interneccionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum partibus ex altera, coram nobis iudicioque nostro intentata et sub die hodierna introducta, visis et lectis inquisitionibus testium juratorum, per iudicium castrense Luceoriense hac in causa expeditis illisque mature perpensis ac rutinatis.

Quando quidem ex ipsis plenissime deducitur, qualiter Reverendus Alexander Benderowski, anno currenti, ante binas hebdomades, festa paschatis, juxta Ritus Latinum celebranda, praecedente die dominico, postquam finita devotione, ex ecclesia villae Horodyszczce populus egredi coepisset, laboriosis Cassiano Andrijczuk, Karp Omelaniec

et Lewko Jabłoński, nuncupatis subditis Horodyscensibus, ut in ecclesia remanerent, mandaverit. Cum autem, post egressum aliorum hominum, ipsi duntaxat in ecclesia remansissent, Reverendus Benderowski, quod haberet illis quid narrandum, dummodo secretum non proderetur, manifestaverit. Ac sine mora ejusmodi secretum revelando, tempus supervenisse ad excindendos nobiles et Hebraeos narraverit, utque ad crudele hocce opus illis quoque essent parati, dictos subditos incitaverit, exequendique atrocis istius sceleris in festis paschatis Ritus Latini, postquam ad ecclesiam Latinam, pro peragenda memoria resurrectionis Dominicae populus congregatus fuerit, tempus designaverit. Dum vero supra memorati subditi Reverendo Benderowski tanti criminis immanitatem ac necessariorum ad iniquum istud opus armorum et hominum defectum, indeque resultantem ad peragendum hocce intentum difficultatem, unus quoque e numero recensitorum subditorum etiam valetudinis suae incapacitatem exponerent, praefatus Reverendus Benderowski hanc internecionem non tantum per se ipsos, ast quoque in tota Polonia effectuantam multosque ad id perficiendum alacres fore, quodve talibus armis qualia habentur, quilibet hocce opus exequi possit, ac quod ipsemet ad eum effectum quinque cultros emerit, et adhuc praestantiora arma procurare non negliget, tum quod hominis debilis locum alius sit occupaturus, certioraverit, et duntaxat ut nemini id narrarent, secretumque servarent, alte dictos subditos aliquoties obstrinxerit, suamque cohortationem ipsis Reverendus Benderowski tam ad servandum secretum, quam ut parati existerent, iterato in coemeterio repetierit. Imo quoque die sabbathi, dominicam Paschatis juxta Ritus Latinum praecedente, cum toti subditi advenissent mentionati ad Reverendum Benderowski, ut eorum confessionem exciperet, postulando, ipse ob praeparatum ad villam Żytynek Wielki, pro benedicendis apud nobiles panibus paschalibus, suum discessum ab excipienda dictorum subditorum confessione se excusans, eandemque crastina die se excepturum promittens praefatis subditis, ut memores essent eorum, quae ipsis prius dixerat, commendaverit. Quinimo insuper saepe fatus Reverendus Benderowski odium suum internum erga religionem Catholicam Ritus Latini propalando, cum feria tertia Paschatis anno currenti in villa Żytynek Wielki apud generosum Petrum Odyński, dispositorem ejusdem villae, hospitaretur, iste vero generosus Odyński hospites ad vescendum carnibus benedictis invitando, ex occasione divulgatorum

sub id temporis motuum, ex joco familiari dixisset: «Scindite nunc percellum, antequam vos scisi fueritis,» Reverendus Benderowski, de loco se proripiens, et manu praesentes ibidem monstrans: «Si vos essetis talis religionis Catholicae, sicut nos, tunc nihil vobis esset,» responderit. Et licet audientes istam responsionem contra eundem Reverendum Benderowski insurrexerunt, unionem Ritus Latini Catholici cum Ritu Graeco exponentes, ipse tamen nullam justificationem suae, ut praefertur, responsionis dederit. Proinde attendita praemissa facti probatione per hanc nostram definitivam sententiam ex concordibus votis decisivis Perillustrium Reverendissimorum Dominorum Floriani Korsak, Abbatis coadjutoris Żydyczynensis, ordinis Sancti Basilii Magni, Martini Olszewski, Canonici Cathedralis et judicis surrogati Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini, Thadaei Iwanowski Luceoriensis, Michaelis Maniecki Smolensciae Cathedralium, nec non Illustrium admodum Reverendorum Gabrielis Sielecki, artium liberalium et philosophiae Doctoris ac in Seminario dioecetano Latini Ritus Theologiae dogmaticae Professoris, tum Ignatii Drozdowicz, Luceoriensium Canonicorum praelibati Latini Ritus, ad hunc actum conjudicum invitatorum, lateri nostro assidentium, supra fatum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, horrendi criminis conspirationis in vitam ac crudelem interencionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum esse declaravimus, considerataque juris canonici dispositione, quae ob crimen valde enorme et reipublicae perniciosum etiamsi non sit inter casus a Ss. Canonibus enumeratos, quale est a moderno reo perpetratum, ad poenam degradationis actualis reum esse condemnandum praescribit ad tradita per Pirhing Lib. 5, lit. 37. Nro. 19. in sua nova Juris Canonici methodo et in Collegio Juris universi apud Engel Lib. 5, tit. 37, de poenis Nro. 16. Quodve propter crimina, pro quibus jus civile solet imponere poenam mortis, clericus actualiter deponi debeat. Felin. in Cap. 24. Nro. 25. de accusat. Perspecta non minus et atrocitate sceleris et statu delinquentis personae spiritulius, quam licet si non in destructionem, sed in exemplum ovibus suis praeesse oportuerat, attamen tanto crimine nedum vitae sacerdotalis puritatem defoedare, ast contra dilectionem quoque proximi noxia publicae securitati machinatione in prostitutionem etiam honoris opprobriumque status clericalis procedere ausus fuerit. Perpensis demum calamitosis praesentis temporis circumstantiis, quae

atrox ejusmodi crimen exemplariter puniendum urgent, saepe dictum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, uti misericordia ob tam grande scelus indignum, ab ordine Presbyteratus, officio, beneficio, privilegiis et habitu clericali deponendum, degradandum, exauthorisandum privandum et exuendum, tum a foro ecclesiastico abjiciendum et potestati saeculari tradendum ac consignandum esse decrevimus. Prout quidem Christi nomine repetito declaramus, deponimus, degradamus, exauthorisamus, privamus, exuimus, abjicimus et potestati saeculari non tamen ad poenam sanguinis tradimus et consignamus. Et ita dicimus, decernimus, declaramus et pronuntiamus hac nostra sententia definitiva ad praemissa accedente. Non solum etc., sed et omni etc. Praesente generoso Michaelae Augustinowicz, Aplico et Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini per nos ad actum praesentem assumpto notario ita pronuntiavimus. Ego Stephanus Lewiński, Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, suffraganeus Metropoliae totius Russiae m. p. (L. S.). Florianus Korsak, ordinis S. B. M. Abbas, Coadjutor Żydyczynensis Conjudex. Martinus Olszewski, Canon. Cathedr. judex Surrog. Consist. Gnlis Luceor. Conjudex. Thadeus Iwanowski, Can. Cathedr. Luceor. Conjudex. Michael Maniecki, Canon. Cathedr. Smolensc., Decanus Torcinensis, Curatus in Wiszenki, Conjudex. Gabriel Sielecki, AALL. et Phiae Doctor, Canon. Luceor. Thiae. Dogmat. in Seminario Dioeces. Professor, Librorum Censor dioecesanus ac Conjudex. Ignatius Drozdowicz Canon. Luceor. Conjudex m. p.

Lata, lecta ac publicata et in ecclesia cathedrali Luceoriensi R. L. servato ritu, ab Ecclesia praescripto, praesentibus alte dictis Perillustribus, Reverendissimis et Illustribus admodum Reverendis Dominis, causae judicibus, executioni est demandata haec sententia. Anno, mense et die, quibus supra.

Ita testor Michael Augustynowicz, Apostolicus et Consistorii generalis Luceoriensis R. L. ac ad actum supra scriptum assumptus Notarius m. p.

Kopia listu X. Szymona Karpowskiego, pisanego z aresztu dnia 5 Maja, 1789, do JXdza Buczyńskiego, Kanonika Katedry Łuckiej, Pisarza Konsystorskiego.

Mój Panie doświadczony Dobredzieju!

Niewolnik, dublowaną najscislejszą zewaząd otoczony wartą, do Ciebie teraz jedyną upatrzawszy zręczność, to co czuję, doświadczają i o czém jest przeświadczony, któremu życie niewinnie wydrzeć usiłują, na piśmie wyraża.

Wystaw sobie stan mój okropny, nędzę, którą ponoszę, prześladowania, które od wszystkich, mnie otaczających, z uraganieiu cierpię, zakwestyonowania, którym nawet trudno wzrącz odpowiedzieć, słowem, że pro crimine status zaskarzony, potwareami, w ooczy sprwadzonymi, którzy przedajne mają sumienie i dusze, w ich rozumieniu przekonany, mogę i życie utracić!—Nie bojaźń atoli niewinnie chcących wydrzeć mi życie, ale samo mie sumienie obowiązało, abym WMPana na duszę, Boga i sumienie kapłańskie obowiązał, abyś to, co niżej wyrażę, lub sam dojechawszy, oznajmił JW Biskupowi, lub przez pewnego o tym wszystkim doniosł.

W sobotę po południu zeszlą kazali mi iść na Ratusz z zwykłą kryminalistom assystencyą, gdzie stanowszy, nim do konfessat dobrowolnych przystapiono, to powiedziałem: «Panowie! na oskarzenie dotąd mi niewiadome, zleceniem prześwietnej Kommissyi Województwa Wołyńskiego przez jednego współkomisarza, ze wszystkimi moimi papierami wzięty etc. (jako jest wyrażono w informacyi, danej W. Mo-szyńskiemu, namieśnikowi, obrońcy mojemu, możesz tam przeczytać).» Na to tyle odpowiedziano: «Sprawa z rejestru incarcerationum.»—Kiedy z rodziców kapłańskich urodziłeś się, teraz opowiedz nam WMPan

swoje grzechy!»—Odpowiedziałem, że żadnych publicznych nie mam, a z potocznych ułomności, wszystkim ludziom zdarzających się, nie widzę tego potrzeby żadnej.—Dalej: Opowiedz nam, WMPan, swój stan, urodzenie, lata, sposób życia, zabawy, etc. — «Wszystko tedy jak najdokładniej opowiedziałem, nie myśląc nawet o tym, co następuje.—Zapytano mnie: «Czyliś był w Chorypaniach, Dubnie, Iwaniu, etc». I na to najdokładnie (jak jest w manifestcie, który prosz u patrona przeczytać) odpowiedziałem. Co jakiś sądowy Komornik czyli Vicesgerent opisawszy, wcale nieporządnie i niestosownie z okolicznościami, bo mnie w tej konfessacie pierwszej ożenił, a potem do szkół wodził, w trzech miejscach moje przemienił zeznanie: 1. Ja mówiłem, że raz w zimie widziałem dwóch markietanów w Rożyszczach, u których akolici kupowali chustki, a on napisał:—widziałem nieraz. 2. Ja mówiłem, że jeździłem w zeszłym roku na komisją jako actor do Szumska, Semenowa, Czeluzowa, Hubowiec etc., gdzie szło o poprawę konieczną Kapłanów, a on napisał: gdzie szło o Katedratyk. 3. Ja mówiłem, że do Dubna za swojemi interessami jeździłem, mając na zbyciu konię i potrzebę różnych kupienia rzeczy, gdzie i przytomnemu JX. officyałowi w jego zleceniu takż usłużyłem, a on napisał: iż wystany byłem w interessie Konsystorskim do Dubna, i gdy to czytając podpisać nie chciałem, mówiąc, przy JMP. Mozyńskim, iż ja tak nie mówiłem, on mówił: «Nic to WMP.anu szkodzić nie będzie, wszak przy swoim interessie i Konsystorski załatwiłeś».—Powiedziałem przy patronie: że to inny jest Konsystorski, a inny ekonomiczny, ale na to kazano mi się podpisać, a ja, od wszystkich opuszczony, inkarcerowany, o życie zakwestyonowany, to musiałem uczynić, co mi kazali ci, w których ręku moje jest życie, i podpisałem.

Ostrzeż więc o tém JW. Biskupa, aby to, co zwierchności nie szkodziło, bo tu publicznie dziwne rzeczy na niego gadają, a jego nadeiagnienie będzie podbiciem skargi, na mnie potwarzliwie uczynionej w tym sposobie.

Xiadz Chorupański, przedawszy duszę, zaparłszy się Boga (z którym nigdy na życiu moim a ni przyjaźni, a ni znajomości, nie miałem, a ni w domu jego postaćem, a ni do niego kiedy pisałem), powiedział im, iż będąc rok temu na Iwaniu, kiedy katedratyk mnie aż przez

mandant zapłacił, mówiłem: «że Moskwa jest silna, odbierze Konstantynopol, my będziemy Schyzmatykami i wszyscy Polacy, inaczej przymuszają ich» i na to świadka Iwańskiego, tylko ten to zeznaje, że ja nie słyszałem, co mówili, tylko Chorupański mówił te słowa: «Na czym wózkę siedzisz, tego pieśń śpiewaj!» Powtóre w czasie kontraktów zdybawszy się jako by z nim, któregom na moje oczy nie widział, powiedziałem: «Czyś odebrał list, od zwierzchności pisany, zalecający, abys namawiał ludzi do rzezi, i wieloś jużnamówiś?» Na to Zyda jakiegos chce stawić.—Proszę uważać skargę i naciągnięcie konfessat. Uprosiłem ja, prawda, sobie trzech patronów, pozwałem świadków, ale nie mam pieniędzy, to co u pana mego jest, niech będzie do wyjścia mego, lub śmierci, a w ten czas tym rozrządę, lub odbiorę. Proszę Cię na miłość Boską, dojeżdź do JWnego, i to mu wszystko opowiedz, aby mnie potem nie obwiniano, od wszystkich teraz odstąpionego, albo do uszkodzenia komu nie nakręcono. Bądź zdrów i Boga prosz, aby mnie od tej oczyścił napaści. Vale, vale, Znany. NB. I to moja jest wina, com jeździł po X. Starosielskiego, i z nim gadał, a z Dziekanem był w przyjaźni.—Wiele jest i innych obiekty, mnie dotąd nieznanych.

«Pro informatione wiedzieć potrzeba, że jakikolwiek list był, od X. Instygatora do kogo pisany, zawsze był pierwiej na Kommissy rozpieczętowany i w akta per extensum wciągniony, a potem oryginał powtórnie pieczętowany i na wierzchu do kogo należał zapisywany. Pozywano potem dó sądu pro repositione takowych listów.»

Los uwięzionego Xdza Symeona Karpowskiego, Instygatora Konsystorskiego unitsk. Łuckiego.

Gdy do aresztu dostał się X. Symeon Karpowski, do fortecy Kamieńca Podolskiego, natychmiast wszyscy zapomnieli o nim. Patronowie Łuccy, przez niegoż zamówieni, wzięwszy honoraria na kilkadziesiąt czerwonych złotych, nie popierali sprawy jego w Trybunale Koronnym Lubelskim. A tak on dwa lata z górą w nędzy zostając, słysząc oraz, że Kapłani w Krzemieńcu na śmierć osądzeni, wywoławszy swą sprawę do tegoż Trybunału, już szczęśliwie z więzienia Krzemienieckiego uwolnieni zostali, przeto z niskąd ratunku nie spodziewając się, sam go dla siebie szukał, i znalazł tym sposobem.

Był w regimencie Kamienieckim IMCPan Baciarelli Kapitan. miał brata przy Królu Jego MCI do ekspedycji Włoskiej Sekretarzem. Ta okoliczność podała aresztantowi prostą drogą supplikowania o najwyższą protekcyą Najjaśniejszego Pana. Napisał więc supplikę w krótkich słowach, wyrażając stan swój nieszczęśliwy, że rozsądzenia w Trybunale doczekać się nie można, a zatem prosi, iżby Najjaśniejszy Pan raczył zalecić Trybunałowi nieodwłocznie tej sprawy rozsądzenie.

Szczęśliwym dla niego trafem znajdował się pod ów czas w Warszawie JMPan Olizar, Podczasy Litewski, Marszałek Trybunalski, właśnie już przy końcu swojej funkcji. Skoro więc oddana była suplika Królowi, Jego MCI, natychmiast zalecił pomienjonemu Marszałkowi, aby nawet po terminie ukończonego Trybunału rozsądził indilate sprawę X. Karpowskiego z rejestru incarcerationum. O czem świadczy odpis wyż rzonego Sekretarza do Kamieńca, die 10, Mensis Decembris, 1794 datowany.

Mon cher Frère!

J'ai reçu la lettre, que vous m'avez écrite en dernier lieu sous la date du 29 Novembre, et avec laquelle vous m'avez envoyé une requête au Roi du P. Karpowski, frère du Rit. Graec-Uni, qui se trouve enfermé à Kamieniec. J'ai remis tout aussitôt cette requête à Sa Majesté, et j'ai le plaisir de vous annoncer, que le Roi a fait appeler le Marechal du Tribunal, Comte Olizar, qui ce trouve ici, et lui a recommandé quelle affaire de cette ecclesiastique soit tout aussitôt jugé encore avant la fin du Tribunal de Lublin. Vous en informerez donc en consequence le P. Karpowski, pour qu'il agisse en consequence, et vous lui témoignerez de ma part, combien je suis charmé d'avoir pu lui être utile à quelque chose. Comme le Tribunal est à sa fin, il n'y a point de tems à perdre, je crois même, qu'à cause de cela son procès ne pourra être jugé, que du registre incarcerationum.

Ja serai charmé d'apprendre l'issue, qu'aura cette affaire.

Frédéric Baciarelli, Secrétaire pour l'expédition d'Italie de S. M. le Roi de Pologne.

Jakoż pomieniony Marszałek Trybunalski, IMCi Pan Olizar, skoro do Lublina powrócił, natychmiast z rejestru incarcerationum rozsądził sprawę X. Karpowskiego, i wyrokiem swoim uwolnił go od aresztu.

Ten późniejszy akt ludzkości umyślnie tu wpisany, iżby wiedziała posteritas, że Najjaśniejszy Król, IMCi Pan nasz miłościwy, nigdy tego zdania o Rusi nie był, aby bunt jaki na Wołyniu podnosić miała, i ile mógł, niewinnie prześladowanych bronił.

11

Dekret Trybunału Lubelskiego, uwalniający Xdza Karpowskiego od wszelkich kar, dekretem Grodz. Łuck. przysądzonych.

Actum Lublini in judiciis ordinariis generalibus Tribunalis Regni feria sexta post S. Luciae virginis et martyris proxima, videlicet die decima sexta mensis Decembris, anno Domini millesimo septingentesimo nonagesimo primo.

Judicium praesens ordinarium generale Tribunalis Regni Lublinese, ad affectationem partis cujus interest decretum infrascriptum inter partes inferius nominandas sub actu suprascripto prolatum et prothocollo decretorum judicii sui tenoris sequentis: inter venerabilem Simeonem Karpowski, Instigatorem Consistorii Ritus Graeco-Uniti dioecesis Luceoriensis actorem, per Mgcum Orchowski, et Generosum Casimirum Sawicki, Instigatorem Castrensem, tum Cancellariam Castrensem Luceoriensem citatos per Generosum Czerniawski. — Sąd potrzebne być w tej sprawie złożenie inkwizycyi nakazuje, a to natychmiast; a ponieważ strona składa, przeto zadosyć czynić ją uznaje i sprawę wprowadzać naznacza, po której wprowadzonej, też inkwizycye przeczytawszy, dekret Grodzki Łucki dnia siódmego Sierpnia tysiąc siednset osmdziesiąt dziewiątego roku roztrząsnowszy, i świadectwa, oraz indagacye przy nim wyprowadzone zważywszy, ponieważ Xdza Karpowskiego, o występek buntów oskarżonego, żadnym dowodem nie przekonano, lecz natomiast z wolnego mniemania, gadania i obcowania, na trzyletne więzienie do fortecy Kamienieckiej, a potem na zamknięcie w klasztorze aż do śmierci osądzono, gdy jednak wolność mówienia i mniemania każdemu prawem jest zachowana, gdy o lubieżne zabawy szczególnie pokrzywdzonej osobie czynić prawa pozwalają, i tej skłonności nie biorąc za publiczny występek, sądów i urzędów do popierania takich spraw nie obowiązują, nakoniec proźba o podanie trucizny, w tenczas gdy by

na niego dekret śmierci niesłusznie ogłoszony został, samobójstwa ne ustanawia: przeto od kar wzmiankowanym dekretem wciągniomych, to jest, więzienia w fortecy i zamknięcia w klasztorze uwalnia, i za okazaniem niniejszego dekretu zaraz go na wolność z więzienia wypuścić sąd nakazuje, eidem parti affectanti extradere permisit.

(L. S.)

Correxit Janiszowski.

Legit Pobikrowski.

Lit. M.

Wypis z protokołu dekretowego rejestru inkarceratów sądów Grodzkich Łuckich.

Roku tysiąc siedmset osmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Czerwca
trzeciego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, dekret zwyż pomienionego protokołu, między stronami niżej w komparycyi wyrażonemi, pod dniem, rokiem i miesiącem w górze wzmiankowanemi, stały i zapadły w sposób następujący. Między W. Jakóbem Kostrzeńskim, Szambelanem J. K. Mci, Instygatorem Województwa Wołyńskiego, powodem oczewisto, a Wnym JMX. Teodorem Borkowskim, Parochem Starosilskim, pozwanym oczewisto. Sąd Grodzki Łucki, rozsądzając propozycyą literalną od W. Instygatora Województwa Wołyńskiego po W. X. Teodora Borkowskiego, Parocha Starosilskiego, do sądu swego wyniesioną, sporów wniesionych wysłuchawszy, potrzebne być złożenie inkwizycyi i konfessat, w sprawie terazniejszej wyprowadzonych, w sądzie swoim uznaje, a to natychmiast, a lubo inkwizycyę i konfessata poprzednicze wyprowadzone złożone zostały, gdy jednak, W. X. Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, osobiście stawający, odebrania powtórnych z siebie zeznań w sądzie swoim żąda, przeto sąd, zawiesiwszy czytanie złożonych inkwizycyi i konfessat, do słuchania powtórnych przystępuje, po których wysłuchanych, do czytania tak poprzedniczych, jako i terazniejszych konfessat, oraz złożonych inkwizycyi, zabiera się, które, przeczytawszy i należytą uwagą rozstrząsnawszy, ponieważ najprzód z dobrowolnego powtórnego W. Xiędza Teodora Borkowskiego, Parocha Starosilskiego, zeznania, sądowi swemu okazano jest: iż gdy roku terazniejszego w wstępny wtorek Wielkiego Postu W. Xiądz Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, po odprawionej Mszy świętej, w dobrach wsi Starosilu, do izby swojej z cerkwi powrócił, a potem, dla opatrzenia ognia, wziąwszy klucze,

napowrót do tejże cerkwi poszedł, drzwi otwierając, Pilipona Rossyjskiego, w opasaniu cerkiewnym stojącego, gdy tenże W. X. Teodor Borkowski, co by robił, zapytał, przerzeczony Pilipon, że Mszy św. słuchał, odpowiedział, a przypatrując się dawniejszym malowaniom, że niektóre stare obrazy konserwowane były, pochwalał, i że w niedługim czasie jedna nastąpi wiara, oświadczał. A gdy W. X. Paroch Starosilski, z kąd o tém miał wiadomość, pytać się począł, pomieniony Pilipon, wzięwszy onego za rękę i za cerkiew w ukryt-szy kąt zaprowadziwszy, że mu się wszystkiego zwierzy, wyraził, jakoż po krótkiej rozmowie, o dochowanie sekretu prosząc, czyli weźmie od niego pieniądze, wiedzieć żądał, a na zapytanie, dla czego by te pieniądze dawać umyślił, iż na powiększenie siły i na rozdawanie onych między podręczników, aby Polaków wyrznać pomagali, objawił; o dalszym W. X., Parocha Starosilskiego, zadosyć czyniąc pytaniom, że był wysłany z kraju Rossyjskiego z Kitajskiego (!) z za Petersburga państwa, razem z drugimi, do trzech tysięcy powozek ściągającami, markietanami, na których wszelaki towar, sukna, chustki, oręż, noże, różne narzędzie i znaczne pieniądze znajdowały się; że przedsięwzięta rzeź w dniu drugim na Wielkanoc Ruską, w miastach Wołyńskich, w Łucku, Krzemieńcu i Włodzimierzu, a potem w mniejszych miasteczkach i wsiach, zaczynać się miała; że znaczna część wojska na pomoc przysłana będzie, byle chłopi gotowymi będąc, nie bronili się, i że na to pieniądze rozdawać postanowili, ażeby do gotowości i pomocy przy zaczęciu roboty chłopów namawiali, tłumaczył, a wiele by chciał tenże W. Xiędz, Paroch Starosilski, na tenże zamiar pieniędzy, tyle dać gotowym się okazał. i na zapowiedzenie W. Xiędza, Parocha Starosilskiego, ażeby mu rubli sto wyliczył, natychmiast, trzos z siebie zdjawszy, rublów sześć-ciozłotowych sztuk sześćdziesiąt odrachowawszy, czternaście czerwonych złotych,, złotem dopłacił, na których odebranie ażeby się W. X., Paroch Starosilski, podpisał, domagał się. A tak W. X., Paroch Starosilski, dopełniając Piliponkie żądanie, przyniosłszy z izby kałamarz, na dobytej przez Pilipona xiążeczce, w której wiele już podpisanych być twierdził, podług woli jegoż w słowach Ruskich: «Ja, Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, wziętem od Semena Brusowa, na jego potrzeby wymagania i zadosyćczynienia, rublów sto,» przerzeczony W. X., Paroch Starosilski, podpisał się, jednakże innych podpisanych na drugiej stronie, którzy by wyrażeni byli, dla niepozwolonego so-

bie widzenia, dostrzedz nje mógł; a po długiej rozmowie, poczęstowawszy się przyniesionym z izby od Xiędza Borkowskiego z dwoma rybami suchemi trunkiem, na rozehodzie pomieniony Semen Brusów, ażeby onego, w mieście Kólkach stojącego, W. Paroch Starosilski odwiedził, ządał; co lubo W. X. Borkowski uczynić, i dopełniając obietnicę swoją, do miasta Kólkow, w bliskości z wsią Starosilem położonego, w późniejszej nieco porze, udał się, jednakże onego w gospodzie, dla uprzedzonego odjazdu, już nie zastał. A tak powróciwszy do domu, gdy W. X., Paroch Starosilski, danych sobie pieniędzy, najwięcej na drugim tygodniu Wielkiego Postu, nieodkrytą przez siebie myślą, z poddanych Starosilskich, do liczby pięćdziesiąt chłopów wynoszącą, tłokę zebrał, i dodawszy tyleż kwart na ucześnie gorzałki, tychże dobrze podpojonych być widział, po różnych z sobą rozmowach, z pomiędzy przerzeczonych poddanych Starosilskich, osobno czterech, to jest, roboczych Zacharka Matyaszowego, Semen a i Kondrata Wasiuchniuków i Chwedora Kołtuna, wybrawszy i do osobnej izby zaprowadziwszy, następnymi słowami: «Pijmy teraz, jest za co,» zachęcał, a zmiierzając do wiadomego sobie układu, co by w tym razie czynili, gdy by Gonta z Moskałami przyszedł (jak teraz słyhać), zapytał, na które zapytanie, gdy, podług wyznania swojego, a ni siebie, a ni tychże poddanych oskarżającego, obojętne odpowiedzi odebrał, jeszcze potem po razy trzy podobne tłoki, jednak coraz w mniejszej liczbie, sprowadzał, atoli wyraźnego tychże chłopów do rzezi namawiania, prócz potocznej do tych okoliczności nieco ściągającej się mowy, nie odkrył. A zaś z tych pieniędzy, które od Pilipona miał sobie dane, to na mianę u przybyłego z kordonu dawonnika, i przejeżdżających Ukrainskich chłopów, to na kupienie futra, tulub zwanego, obawając się onych, u siebie w rublach trzymać, rozporządzenie uczynił; że zaś i wieś osobna, Sitnica zwana, do parochii W. X. Borkowskiego należy, w późniejszym nieco czasie do teje pojechawszy, przed roboczym Sydorem Andryjowym, gumiennym tamejszym, że nie wiesz dla czego Pilipony jeżdzą, będzie wszystkim Polakom, Żydom i nam bięda, rozpowiadał, na co roboczy Sydor gumienny: «Oj gdy by Żydom choć i Polacy niedobrzy,» dał odpowiedź, i że za suchym drzewem i mokre palić się będzie, przydał, na drugim miejscu, w teje wsi Sitnicy, w dniu trzecim na chrzcinach będąc poddanego tamejszego, Ostapem zwanego, że zabiera się na rzezaninę, czyli ty, stary, na konia wsiedziesz, ponieważ Moskałe wszystkich, Szlachtę i Żydów,

wyrznąć pragną, zapytał, roboczy Ostap, po niektórych pytaniach i odpowiedziach, że Połacy, jak przed swoim nieszczęściem rozchodzili się, temi słowy wszczętą rozmowę ukończył, a zaś że Iwanowi Samojczukowi, poddanemu Sitnickiemu, rubli dwa, za połajanie tegoż, dać był umyślił, lecz do tego nie przyszło. W. X., Paroch Starosilski, wyznanie swoje zamieścił, a w takowym sposobie, danych sobie od Pili-pona imieniem i nazwiskiem, Semena Brusowa, dla rozdania między chłopów, na zachęcenie do rzezi Szlachty i Żydów, sto rubli, wiadomość odkrywszy, że tylko wyżej po imionach i nazwiskach wytkniętym Starosilskim i Sitnickim poddanym, okoliczność nastąpić mającej rzezi napomknął, lecz onych datkiem i namową do istotnego skutku nie skłaniał, tłumaczył się. W dalszym zaś wyznaniu, niektóre okoliczności WX. Karpowskiego, Instygatora Konsystorza Rożyszczyńskiego, tyżące się, objawiając, że tenże z W. Parochem Starosilskim z Sitnicy do Rożyszcz na jednym powozie jadąc i o przypadku nakazanego siebie stawienia do Łucka rozmawiając: «iż nie bójcie się, utrzymamy się przy swoim, znajdują się i u nas głowy, to poradzimy sobie,» zapewniał, gdy w tej drodze na brodzie, wywrócić onym zdarzyło się, i W. X., Paroch Starosilski, na szkodę swoją narzekał, W. X. Instygator, że się to wszystko nadgrodzi, obiecywał. A zaś na zapytanie W. X. Borkowskiego, z kąd takie zamieszanie powstało, że to wszystko z Piliponów, z których przyczyny i Paroch Suski wzięty został, odpowiedział; w dalszej zaś potem z Rożyszcz do Łucka drodze, powątpiewającemu o sobie Parochowi Starosilskiemu, co się z nim dzieć będzie, że Pałakom bardziej się mieszać i obawiać potrzeba, i że jedna blahoczestywa w Polsce będzie Wiara, przyrzekał, a ostatnie słowa, aby przez wiozącego furmana zrozumiane nie były, po Słowieńsku wyrzekł; dawniej zaś przedtem w Pilipówkę Ruską roku terażniejszego, na prazniku we wsi Starosilu będąc, przy potocznej rozmowie, iż wyszła od Papieża Bulla, aby nikt z Rusi obrządku Polskiego przyjąć nie mógł, a z Polskiego na Ruskie choćby i wszyscy poszli, uwiadaniał; świadectwa zaś poprzyjężone wiedzieć dają, że tenże W. X., Paroch Starosilski, mając w duchownym dozorze swoim wsie Starosile i Sitnicę i w tych przez uproszonych od siebie Parochów najwięcej nabożeństwa odprawując, częste używanie domowego Trunku ma w zwyczaj, a od ślubów, chrztów i pogrzebów poddanych, w parochii swojej będących, bez pomiarkowania zdzierając, mianowicie za pogrzeby po

złotych czterdzieści i pięćdziesiąt wymusza, u W. X. Dziekana Kołkowskiego w roku terażniejszym bardzo często przebywał, gdzie schadzki z miezczanami Kołkowskimi, sekretne rady, a nawet i jakoweś pieniądze składki między sobą miewali, a zaś do wsi Sitnicy roku terażniejszego, w Wielkim Poście razy kilka przyjeżdżając, z niektórymi gospodarzami piał, gdy zaś razu jednego urodzony Marcin Wieracki, dzieci urodzonego Obryckiego Dyspozytora Sitnickiego Dyrektor, do W. X. Parocha Starosilskiego, we wsi Sitnicy na ten czas będącego, dla przepisania Ruskiego dla służącej pacierza poszedł, i onego przy zabawie trunkowej z roboczym Sydorem, gumienym tamejszym, i dziaczkim zastał, po wydyktowaniu tegoż, że «trzeba wam wszystkim pacierz Ruski umieć, bo wam będzie bieda, gdyż wszędzie jedna nastanie Wiara,» mówić zaczął urodz. Bieracki, iż, nauczywszy się pacierza Ruskiego, bać się nie będzie, odpowiedział, a W. X., Paroch Starosilski, że «ci to nic nie pomoże, bo cię poznają, żeś Polak,» oświadczył; proszącemu roboczemu Iwanowi Samożczukowi, aby brata onego do Sitnicy spowiadać pośpieszył, rozgniewany, że «w waszej cerkwi szatani słyszeć się dają,» bez rozważki powiedział; a zaś gdy szmuklerz Kołkowski przed świętami Wielkanocnymi do tegoż Parocha Starosilskiego przyszedł, i o danie sobie mąki pszennej za robotę na święta prosił, W. X., Paroch Starosilski: «Na co tobie mąka? Wyjdzie wprędce syn Gonty z Moskwy, i was wszystkich ze Szlachtą wyrznie», ogłaszał, lecz w tym przypadku przechowanie u siebie pomienionego szmuklerza deklarował. Prze to Sąd, zważywszy pomienione z dobrowolnego wyznania i wywodu świadectw odkryte wiadomości, ponieważ okoliczność powołanych przez WX. Teodora Borkowskiego, poddanych Stałosilskich i Sitnickich, po imionach i nazwiskach w wyższem miejscu wyrażonych, jeszcze ukończona nie została, tudzież z powodu dowiedzenia się, jeżeli Semen Brusów Pilipon w miejscu, którym między innymi osadzonemi włóczęgami zatrzymany, nie znajduje się, rezolucją w sprawie terażniejszej, z przyczyny zbliżających się Sądów Ziemskich Łuckich, do przyszłej kadencji sądów swoich zawiesza. A zaś W. X. Teodora Borkowskiego, Parocha Starosilskiego, Pod strażą żołnierską, do czasu ukończenia sprawy, zatrzymanego być postanawia. Odwołał się W. X. Borkowski, Paroch Starosilski, do najjaśniejszego Trybunału

Lubelskiego. Sąd tego odwołania nie dopuszcza. Wydaje się pod pieczęcią Grodzką Łucka. *

Pisano w Łucku Łuckim.

(L. S.)

Lenkiewicz mp.

Viceregent Grodzki Łucki.*

Legi cum protocollo. Kawecki mp.

Декретъ сей, равно какъ и слѣдующій, прибавлены въ подлинныхъ Выписяхъ въ штемплю по 1 грошу, съ печатами Гродскими и собственоручными подписами и обыкновеннымъ заглавиемъ на оборотѣ: «Między Wielmożnymъ etc. a Wiel. Xiędzem etc. Dekret. Anno 1789. 3. Junii.»

Wypis z Protokołu dekretowego Sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ósmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii trzeciego dnia.

Na affektacją strony rekwirującej niżej w komparycyi wyrażonej dekret z pomienionego protokołu tenoris sequentis: Między urodz. Augustynem Wojakowskim, Instyg. Grodz. Krzem. z urzędu czyniącyin powodem oczewisto, a Imci X. Justynem Martynowiczem, Parochem wsi Berowicy, inkarceratem, stawionym osobiście, Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycją od urodz. Instygatora sądu swego przeciwko Imci X Justynowi Martynowiczowi, Parochowi wsi Berowicy, utworzoną, potrzebne być spisanie punktów przez urodz. Instygatora W. X. Martynowiczowi Parochowi Borowickiemu, dla odebrania dobrowolnych od tegoż wyznań, i w sądzie swoim złożenia onych, uznaje—a to natychmiast. A ponieważ tenże urodz. Instygator też punkta spisał, i ręką swoją podpisawszy w sądzie swoim złożył, przeto sąd dosyć uczynić wyrokowi swemu, odebrawszy do spisania tychże wyznań przystąpił, po skonotowaniu których, za wprowadzeniem sprawy, lubo jeszcze strona pryncypalnie czyniąca zarzutów w propozycyi umieszczonych inkwizycyaini dowodzić oświadcza, gdy jednak z dobrowolnych wyznań, w sądzie swoim przeczytanych, okazuje się, że Imci X. Martynowicz, słysząc od różnych ludzi w roku przeszłym tysiąc siedmset ósmdziesiąt osмым, na wiosnę po kilkakrotnie, iż wywoływano na mieście w Lachowcach, ażeby najętniejsi ludzie i Żydzi mieli się na ostrożności z majątkiem swoim, ponieważ syn Gouty, z buntu sławnego dawniej, ma wpaść z Siczowymi Kozakami w Polskę, a wpađszy rznąć Polaków i majątki onych zabierać, z tej więc okoliczności, będąc raz przed obiadem u Imci Xdza Kaznodzieji WW. OO. Franciszkanów Szumskich w Kon-

wencie, napiwszy się wódki i głowę trochę zagrzaną tymże trunkiem mając, życzył Imci Księdzu Kaznodzieji, aby obrządek Łaciński odmienił na Ruski, a to dla tego, że Gonta ma wpaść, jak słyszał, z Kozakami do Polski, Polaków rznąć i przesładować powiedział, a Imci X. Kaznodzieją Szumski, nie mogąc znleść takowych wyrazów, jak z celi wyszedł i samego tylko Imci X. Martynowicza w celi zostawił, na ten czas Imci X. Martynowicz, nie wiedząc, gdzie się z celi obrócić, przynaglony potrzebą natury, w szklanke, na oknie stojącą, uryny upuścił, i też pod łóżko postawił, a potem, wyszedłszy z celi Imci X. Kaznodzieji, przyszedłszy do Imci X. Gwardyana Szumskiego do celi tegoż samego dnia, też same słowa powtarzał, lecz w wymówieniu, tych słów żadnego innego zamysłu nie miał, tylko głowę trunkiem zagrzaną mając, dla tego, że słyszenia o synie Gonty, wpaść mającym do Polski, te słowa ponawiał, żeby zaś do spisku i buntu jakiego wchodził, o tém żadnej wiadomości, a ni sam niema, a ni go nikt nie namawiał, wyraża, i nad wyrażone przeciwko sobie punkta dodaje i to jeszcze, iż gdy wyżej wymienione słowa w Konwencie Szumskim kilka tygodniami jeszcze przed Świętami powiedział, a to się potem do żołnierza, na kresach w Szumsku stojącego, Kamińskiego zwanego, od Xięży Franciszkanów doniosło, który to żołnierz na samą Wielkanoc Polską, dopiero przyjechawszy do Berowicy, najpierwej wszystkie kąty domu X. Martynowicza, i w cerkwi nawet rewidował, lecz żadnych podejrzanych rzeczy nie wynalazłszy, potem dopiero zapytany od tegoż żołnierza, jeżeli by słowa wyżej rzeczony w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów wyrażał, gdy się pomienionych słów tenże Imci X. Martynowicz, jak wyżej powiedział, przyznał natychmiast, tenże żołnierz onego do komendy do Świętca wziął, skąd potem do Dubna odesłany, a z Dubna tu do Krzemieńca przywieziony zostaje, opowiedział. Prze to Sąd, zważając wszelkie okoliczności i wyznania tegoż Imci Xdza Martynowicza z propozycją urodz. Instygatora sądu swego, oraz z danym karteluszem i zaświadczeniem od urodz. Boguckiego, w tej samej okoliczności bez daty w sądzie swoim złożonym zgodne, silniejszych nad wyznanie, własne Imci Xdza Martynowicza na przekonanie tegoż w sądzie swoim oświadczonych, nie mając innych dowodów, z własnego wyznania tegoż za niepotrzebne w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów, tak X. Kaznodzieji jako i X. Gwardyana powtarzanie słów, nieprzyzwoitych stanowi

duchownemu, a ztąd dawanie z tego porozumienia o sobie i zgorzenia drugich, oraz nieprzystojne obejście się, winnym onego być osądziwszy, podległego być karze osobistej uznaje, nakazując, ażeby tenże X. Martynowicz, za wyżej dotknięte przewinienie swoje, do fortecy miasta Dubna do więzienia od aktu dekretu na niedziel cztery był oddany, i tamże przez czas wyrażony za własnym kosztem siedział, a po dopełnionej dopiero takowej karze był wolny, oznacza. Pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecką wydaje się.

Correxi Turowski mp.

(L. S.)

Legi cum Protocollo Dobrowolski.

---

wencie, napiwszy się wódki i głowę trochę zagrzaną tymże trunkiem mając, życzył Imci Księdzu Kaznodzieji, aby obrządek Łaciński odmienił na Ruski, a to dla tego, że Gonta ma wpaść, jak słyszał, z Kozakami do Polski, Polaków rznąć i przesładować powiedział, a Imci X. Kaznodzieją Szumski, nie mogąc znieść takowych wyrazów, jak z celi wyszedł i samego tylko Imci X. Martynowicza w celi zostawił, na ten czas Imci X. Martynowicz, nie wiedząc, gdzie się z celi obrócić, przynaglony potrzebą natury, w szklanke, na oknie stojącą, uryny upuścił, i też pod łóżko postawił, a potem, wyszedłszy z celi Imci X. Kaznodzieji, przyszedłszy do Imci X. Gwardyana Szumskiego do celi tegoż samego dnia, też same słowa powtarzał, lecz w wymówieniu, tych słów żadnego innego zamysłu nie miał, tylko głowę trunkiem zagrzaną mając, dla tego, że słyszenia o synie Gonty, wpaść mającym do Polski, te słowa ponawiał, żeby zaś do spisku i buntu jakiego wchodził, o tém żadnej wiadomości, a ni sam niema, a ni go nikt nie namawiał, wyraża, i nad wyrażone przeciwko sobie punkta dodaje i to jeszcze, iż gdy wyżej wymienione słowa w Konwencie Szumskim kilka tygodniami jeszcze przed Świętami powiedział, a to się potem do żołnierza, na kresach w Szumsku stojącego, Kamińskiego zwanego, od Xięży Franciszkanów doniosło, który to żołnierz na samą Wielkanoc Polską, dopiero przyjechawszy do Berowicy, najpierw wszystkie kąty domu X. Martynowicza, i w cerkwi nawet rewidował, lecz żadnych podejrzanych rzeczy nie wynalazłszy, potem dopiero zapytany od tegoż żołnierza, jeżeli by słowa wyżej rzeczony w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów wyrażał, gdy się pomienionych słów tenże Imci X. Martynowicz, jak wyżej powiedział, przyznał natychmiast, tenże żołnierz onego do komendy do Świętca wziął, skąd potem do Dubna odesłany, a z Dubna tu do Krzemieńca przywieziony zostaje, opowiedział. Prze to Sąd, zważając wszelkie okoliczności i wyznania tegoż Imci Xdza Martynowicza z propozycją urodz. Instygatora sądu swego, oraz z danym karteluszem i zaświadczeniem od urodz. Boguckiego. w tej samej okoliczności bez daty w sądzie swoim złożonym zgodne, silniejszych nad wyznanie, własne Imci Xdza Martynowicza na przekonanie tegoż w sądzie swoim oświadczonych, nie mając innych dowodów, z własnego wyznania tegoż za niepotrzebne w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów, tak X. Kaznodzieji jako i X. Gwardyana powtarzanie słów, nieprzyzwoitych stanowi

duchownemu, a ztąd dawanie z tego porozumienia o sobie i zgorzenia drugich, oraz nieprzystojne obejście się, winnym onego być osądzisz, podległego być karze osobistej uznaje, nakazując, ażeby tenże X. Martynowicz, za wyżej dotknięte przewinienie swoje, do fortecy miasta Dubna do więzienia od aktu dekretu na niedziel cztery był oddany, i tamże przez czas wyrażony za własnym kosztem siedział, a po dopełnionej dopiero takowej karze był wolny, oznacza. Pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecką wydaje się.

Correxi Turowski mp.

(L. S.)

Legi cum Protocollo Dobrowolski.

Lit. N.

Kopia manifestu imieniem JW. Biskupa Łuckiego zaniesionego przeciwko JO. Xięciu Kalixtowi Ponińskiemu G. M. W. K., proszącemu w sądzie Grodzkim dla tegoż JW. Biskupa o rok dla explikowania się z wydanego w dyecezya swego uniwersału.

Roku 1789, miesiąca Junii drugiego dnia.

W roczki sądow etc. przede mną, Leonem Hulewiczem, Łowczym Wołyńsk. Podstar. Grodz. Łuck. etc., osobiscie stawając W. Antoni Michałowski, Stolnik Belski, takową imieniem JW. Biskupa etc., pryncypała swego, w pilności zanosi manifestacyą: iż gdy, tak prawa duchowne wieloliczne od samych zaczątków Wiary S. Katolickiej, na fundamencie prawą Bożego ustanowione i ciągiem wieków ośmnastu w nieporuszonym używaniu będące, jako i później mianowicie w Koronie Polskiej i W. X. Litew. różne przywileje najjasniejszych Królów Polskich, dziedziców Xięstw Ruskich, potem konstytucye najjasniejszych Stanów tej Rzeczy Pospolitej, na różnych sejmach uchwalone, stosownie do tychże kanonów duchownych oddały Biskupom utriusque Ritus Catholici zupełną co do rządów duchowieństwa i wiernego ludu w ich dyecezyach jurysdycką, na mocy ktorej JWny wyż pomieniony Biskup Koadjutor Łucki i Ostrogski, uniwersał w dyecezyą swoją do duchowieństwa pod dniem 5, miesiąca Kwietnia W. S. K. w roku terażniejszym wydał, równie jak i inni Biskupi w sąsiedzkich dyecezyach uczynili, z powodu którego, gdy J. O. Xiąże Kalixt Poniński, G. Mar. W. Kor., i W. Dyonizy Dubiecki. Horodniczy Włodzimierski, przez zapozew w Sądzie Grodzkim Łuckim tłumaczenia się żądają, a takowe że w sądzie świeckim na mocy wyż pomienionych praw, władzy duchownej służących być nie powinno, owszem jeśli by co w imaginacyi jakiej przeciwnie zdawało się, to do rozpoznania jurysdykcyi duchownej prawami wykryślonej zawsze należy, aby więc przez takowy zapozew JW. pryncypał stawającego nadwężeniu jakowemu tychże praw nie podadał, tę swoją pilność do akt zanosi.

Lit. O.

Delegacya z Sejmu.

Actum in Curia Regia Varsoviensi die 28, mensis Maji, anno Domini 1789.

Ad officium et acta praesentia Castrensia Capitanealia Varsaviensia personaliter veniens Mfcus Joannes Paulus Łuszczewski, S. R. Mtis et Comitiorum ordinariorum generalium atque Confoederationis generalis Regni Secretarius, eidem officio actisque illius constitutionem infra scriptam obtulit ad ingrossandum etc.

Wyznaczenie Examinatorów w sprawie o bunty oskarzonych:

Z Senatu. Z prowincyi Małopolskiej—Przewielebnego Turskiego, Biskupa Łuckiego.

Z prowincyi Wielkopolskiej—Wielebnego Prażmowskiego, Kasztelana Zakroczymskiego.

Z prowincyi W. X. Lit. W. Felkierzamba, Kasztelana Witebskiego.

Z Stanu Rycerskiego. Z prowincyi Małopolskiej UU. Zaleskiego, Posła Kijowskiego, Strojnowskiego, Podkomorzego Buskiego, Posła Wołyńskiego, Dłuskiego, Starostę Łukowskiego, Posła Lubelskiego.

Z prowincyi Wielkopolskiej UU. Rożnowskiego, Pisarza i Posła Gnieźnieńskiego, Małowiejskiego, Sędziogo Ziemskiego i Posła Wyszogrodzkiego, Szymanowskiego, Regenta Koronnego, Posła Sochaczowskiego.

Z prowincyi W. X. Litewskiego UU. Zaleskiego, Wojskiego Litewskiego, Pośta Trockiego, Grabowskiego, Starostę i Pośta Wolkowyjskiego, Butrymowicza, Podstarostę i Pośta Pińskiego.

Którzy to WW. i UU. examinerowie z Stanów zkonfederowanych wyznaczeni, przysięgę przed nami, Królem i Stanami skonfederowanymi, nieodwłocznie wypełnią w te słowa: «Ja N. przysięgam Panu Bogu, w Trojcy świętej jedynemu, jako stawionych delinkwentów, o bunt oskarzonych, z największą rozwagą i pilnością examinaować będę, dochodząc i wywiadując się wszystkich źródeł i najszczególniejszych okoliczności, tudzież przez jakie osoby okropne buntów zamysły początek swój wzięły, a w tém słuchaniu examinałów, a ni datkiem, a ni obietnicą, a ni niechęcią, lub bojaźnią, nie uwiedę się, lecz same dobro ojczyzny i bezpieczeństwo kraju przed oczyma mając, podług sumienia, sprawiedliwości i każdego z delinkwentów wyznania, wszystko jaśnie, rzetelnie i najściślej indagować i konnotować będę, a co się w tych wyznaniach zawierać będzie, nikomu wcześniej nie objawię, lecz ściśle w tém dochowam sekret, tak mi Boże dopomóż» etc.—Po wykonanej tym sposobem przysiędze ciż WW. i UU. deputowani pod prezydencya UU. Marszałków konfederacyi obojga narodów (gdym znajdować się obadwa, lub który z nich zechcą), w komplecie najmniej osób siedmiu, przejrząwszy wszystkie rapporta, doniesienia i listy prywatne, z kądkolwiek tu o buntach donoszące, z nich punkta do zapytania czyli Interrogatoria ułożą, i podług tych examinaowanie swoje w pałacu Rzeczypospolitej rozpoczną, w czasie którego jeżeli by z wyznania delinkwentów nowe jakie uformowały się wiadomości i kwestye, więc i o to wszystkich przytomnych delinkwentów examinaować obligowani będą, a jeżeli by ci delinkwenci spółników swego występku powoływali, a ci osiadłości ziemskich nie mający i szlachetnością nie zaszczytzeni, jeszcze nie byli arestowani, tedy ciż deputowani, onych arestować, i tu dla examinu sprowadzić, komisją wojskowa zarekwirują, lub na miejscu sądom ziemskim, czyli urzędem Grodzkim, w komplecie prawem przepisany, takowe zeznania odebrać i inkwizycyą wyprowadzić dla przystania sobie, nakażą, a z Słachtą osiadłemi proces, sprawom tego rodzaju właściwy, przedsięwziąć instygatorom narodowym zalecą. Po których wyprowadzonych każdego z osobna arestanta examinał, też wyznania i inkwizycye

od wszystkich examinatorów podpisane i zapieczętowane, do Stanów skonfederowanych Rzeczypospolitej przyniesą, odpieczętują, i semotis arbitris czytać będą, po których prseczytaniu Stany skonfederowane decyzją swoją położą, co dalej w tej okoliczności ma być czyniono. Gdy by zaś który z wyżej wyznaczonych deputowany dla choroby, lub naglących swych interessów, nie mógł znajdować się w tejsze deputacyi, a prze to by komplet upadał, tedy, za doniesieniem Stanowi i przełożonym przyczyny, inny nominowany będzie.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Ref. W. K. sejmowy i konfederacyi prowincyi Koronnej Marszałek.

Kazimierz Xiąże Sapiaha, Generał Artyleryi Litewskiej, Marszałek konfederacyi Wielkiego Xięstwa Litewskiego.

Ignacy Xiąże Massalski, Biskup Wileński; Bazyli Walicki, Wojewoda Generał ziem Rawskich, deputowani z Senatu prowincyi Wielkopolskiej do konstytucyi.

Antoni Giełgud, Starosta generalny Xięstwa Żmudzkiego, deputowany do konstytucyi z Senatu z prowincyi Wielkiego Xięstwa Litewskiego.

Stanisław Kostka Potocki, Poseł Lubelski, deputowany do konstytucyi z prowincyi Małopolskiej.

Franciszek Antoni na Kwilczu Kwilecki, Poseł z Województwa Poznańskiego, deputowany do konstytucyi z prowincyi Wielkopolskiej.

Józef Zabiello, Lowczy Wielki Litewski, Poseł z Xięstwa Żmudzkiego, deputowany do konstytucyi.

Antoni Suchodolski, Poseł Województwa Śmołeńskiego, deputowany do konstytucyi.

Post cujus quidem constitutionis superius praeinsertae in acta praesentia ingrossationem originale ejusdem eidem offerenti praevia officii sui quietatione est extraditum.

Puchała. mp.

Kopia listu imieniem Najjaśniejszej Imperatorowej Jejmi
wraz z Synodem Rossyjskim do Metropolity, w Kijowie
będącego, względem rozruchów, w kraju Polskim wszczętych,
pisanego, tudzież i do Archimandryty Słuckiego.

Rozkaz Najjaśniejszej Imperatorowy Jejmi całej Rossyi, przez
Najświętszy Synod, Wielebnemu Wiktorowi, Metropolicie Kijowskiemu,
i zagranicznego Polskiego Błahoczesywego Słuckiego monasteru
Archimandrycie, niniejszego Marca 12 dnia.

Najświęszemu synowi Synodalny arbiter J. W. Hawrył, Metro-
polita Nowogrodzki, równie i Synodalny ze Ober-Prokurer i Kawaler,
przełożyli, że Najjaśniejsza Imperatorowa Jejmi, dowiedziawszy się,
iż J. W. WM, odebrawszy od Najświętszego Synodu, tyczące się
do publikowania wszystkim Najjaśniejszej Imperatorowej Jejmi wier-
nym poddanym o wojnie z Portą Otomańską i Szwecyą, manifesta,
rozesłał po wszystkich, znajdujących się w dyecezyi WM. Pana
w Polsce monasterach i cerkwiach, i kazał czytać publicznie dla
tamtejszych obywatelów, chociaż ci nie poddanymi Rossyjskiego
Państwa, z czego i urosły w Polskim kraju różne spory, wysoce
tedy rozkazała wszystko to skasować, i dla tego Najświętszy Synod
nakazuje do J. W. WM Pana postać rozkaz z przepisem takowym,
że jako oznaczone manifesta, z których widocznie można poznać,
jedynie należy objawić Najjaśniejszej Imperatorowej wiernym poddanym,
a poddanych obcego państwa nie one nie należały, to J. W. WM Pana
te manifesta i książeczki jektenialne o zwycięztwie przeciwników
we wszystkich dyecezyach WM. Pana zagranicznych monasterach
i cerkwiach skasuj, i nigdy na potem nie publikować, o czém
i Synodalnemu Arbitrowi (tu w przewodzie z Ruskiego musi być
jakaś myłka i nie wyczytanie), jako miejscowemu Archijerejowi,
dać znać, ażeby i od niego w takowym przypadku za granicą pub-
likacyi nie czyniono. Marca 12 dnia, 1789 roku.

Konstytucya 1792 anno pod tytułem: «Deklaracya względem konstytucyi 1764 Sejmu konwokacyjnego pod tytułem: «O Popowiczach.»

Objasniając konstytucyą roku 1764 Sejmu konwokacyjnego pod tytułem «o Popowiczach», przez którą synowie Kapłanów Ruskich prostej kondycyi, którzy by się do nauk, lub rzemiosła, w miastach nie aplikowali, za poddanych własnym kollatorom zostali przeznaczeni, z której to konstytucyi źle zrozumianej, tak sami kapłani w obrządku Ruskim Unitskim, jako też Greckim Nieunitskim, chociaż znajdują się jedni w stanie szlacheckim, drudzy w stanie wolnym miejskim, przyzwoitej kensyderacyi nie mając, a synowie ich wcale w pogardzie będąc, zniechęceni ku własnej Ojczyźnie, w znaczne części z państw Rzeczypospolitej wynosić się zwykli, zaczęm też konstytucyą tak deklarujemy:

1mo. Że charakter duchownego każdego w obrządku Ruskim i Greckim, jako nigdy urodzenia jego nie odmieniał, tak i odmieniać niema, ale jeżeli Kapłan tego obrządku będzie z rodowitości swej szlachec, tedy i potomstwo jego obojej płci Ritus Uniti, podług praw i przywilejów Wiary świętej Katolickiej Rzymskiej panującej, a zaś Ritus Disuniti, podług praw imże pozwolonych, prerogatyw stanu szlacheckiego używać będzie; jeżeli zaś Kapłan będzie tegoż obrządku urodzony w stanie miejskim, tedy podobnież potomstwo jego prerogatyw i zaszczytów wolnym mieszczanom z praw narodowych służących używać będzie.

2do. Gdy by zaś Kapłan tego obrządku był wcale w kondycy rolniczej, a za uwolnieniem od pana wyświęcony, tedy za odmianą

stanu duchownego, i on sam i jego potomstwo płci obojej za ludzi wszelakoż wolnych poczytani będą, i wolno tymże synom Kapłanów Ruskich, bądź samym ich ojcom do obywatelstwa w miastach wolnych się inkorporować, possessyi w miastach nabywać i innych zaszczytów miejskich używać. *

---

* Umyślenie tu późniejsze o Popowiczach wpisało się prawo, czyli deklaracja konstytucyi sejmu 1764 roku, którą ciż Popowicze oddani byli w poddaństwo swoim panom, niżej położyło się haniebne «Laudum» Województwa Wołyńskiego in authenticum, gdzie obywatele usilnie żądają i posłom swoim dopomnieć się zalecają, aby prawo «o tychże Popowiczach z stanu nieszlacheckiego, a mianowicie ostateczne roku 1674, ponowione zostało, przed niedozwoleniem tymże święcenia się».

Tu, łaskawy czytelnik, uważać raczy, jaki to był okrutny zapal obywatelów Województwa Wołyńskiego naprzeciw niewinnej Rusi, że nawet, krwią tak obficie wylaną, zgaszony być nie mógł; i wzajemnie jaka powolność była Stanów sejmujących w Warszawie, kiedy nie zważając na przelóżenia Wołyńskich Posłów, już nie barbarzyństwem tchnące, jak w roku wyżej wymienionym, ale pełne ludzkości o Popowiczach napisali prawo.

Laudum. Wypis z xiąg Grodzkich zamku Łuckiego.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Julii szesnastego dnia.

W roczki sądowe Grodzkie Łuckie od dnia szóstego, miesiąca i roku wyż na akcie wyrażonych przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną, Leonem Hulewiczem, Łowczym Wołyńskim, Podstarostą Grodzkim Łuckim, i xięgami niniejszemi Grodzkimi Łuckimi, przyszedłszy osobicie JW. Kajetan Bobr Piotrowicki, Generał wojsk J. K. Mci, Marszałek koła rycerskiego, tę uchwałę sejmików gospodarskich przez obywatelów Województwa Wołyńskiego w mieście J. K. Mci Łucku urządzoną z podpisem ręki swej i JWW. Assessorów, na papierze szteplowanym grosza srebrnego jednego napisaną, dla zapisania do xiąg niniejszych Grodzkich Łuckich w sposób oblaty, podał w takowej istocie: «My, dygnitarze i urzędnicy, obywatele Województwa Wołyńskiego, na sejmik gospodarski z prawami licznemi w dniu następnym po obraniu na Trybunał Koronny deputata przepisany w miesiącu i roku i dniu niżej wyrazić się mających, do stołecznego miasta J. K. Mci Łucka zjechawszy, obrady nasze od ukorzenia nas przed majestatem Najwyższego Boga zaczawszy, po zagojeniu przez JW. Antoniego z Piętk Sobolewskiego, Chorążego Województwa, naszego pierwszego w urzędzie urzędnika, podług prawa i zwyczajów, do obrania Marzałka przystąpiliśmy, w uskutkowaniu czego JW. Kajetana Bobra Piotrowickiego, Generała wojsk J. K. Mci, męża od całego Województwa ukochanego, darami duszy i serca cnotliwie ozdobionego, jednomyślnymi głosami za rządcę koła naszego obraliśmy, któremu, w pomoc za assessorów WW. Antoniego Szczęsnego Bożenia Jełowickiego, Regenta Grodzkiego Łuckiego, Jerzego Strzelnickiego, Starosty Krasn., Michała Sliwińskiego, Star. Wendeńsk., Komor. Ziemi Czersk, Tomasza Czarnockiego, Podstolego Horodelskiego, Tomasza

Staniewicza, Vices-Gerenta Grodzkiego Krasnostawskiego, Alojzego Szemiotha, Starościca Kulczyck., z równą jednomyślnością przeznaczylismy, a po tak dopełnionym od nas wyborze, najprzód najjaśniejszemu szczęśliwie, a daj Boże najdłużej nam panować mającemu Królowi-Stanisławowi Augustowi, za ojcowską o dobro narodu troskliwość i JWW. i JOO. Marszałków obojga narodów, tudzież JOO. i JWW. Posłom Województwa naszego, na sejm odprawujący się przez nas wybranym, za dzielne i cnotliwe sprawowanie przyjętego charakteru i skutecznie za wolą najjaśniejszego Pana ubezpieczenie, nas od wiszącego już o włos pogromu, czyniąc podziękowanie, a wierność Województwa ulubionemu od narodu Królowi zaręczając i JO. i JW. Marszałkom obojga narodów, oraz Posłom naszym, iednemu za granicą dla całości ojczyzny pracującemu, innym do uszczęśliwienia tejsze w miejscu świątyni praw przykładowym wdzięczność i uszanowanie, oraz słodką pamięć chwalebnych czynów w sercach zapisując, żądania nasze przed tronem najjaśniejszego Pana z konfederowanemi Rzeczypospolitej Stanami i reprezentatami Województwa naszego, JOO. JWW. Posłami, przedstawiamy, miłość narodu, jego potęga jest najpierwszym każdego obywatela, społeczność składającego, celem. Ten by powodem, iż naród, chcąc być silnym, prze to szczęśliwym, zezwolił na ustanowienie wojska, i na utrzymanie jego potrzebne wynalazł podatki, łatwo i z chęcią Województwo przystaje na dobrowolną ofiarę dziesiątego grosza i udzielenia takowej z fortun swoich szczedzić nie będzie. Lecz gdy myśl nowo wypadłego prawa święcie od Województwa naszego przyjętego takową ofiarę z intrat pewnych chciała mieć wyciągnioną, a delikatność JWW. prawem przeznaczonych Komisarzów, ile przysięgą zaręczonych, tak co do podania połowy szarwarków na intrate, które w większej części Województwa naszego całe na utrzymanie grobel i młynów, arędę składających, wydostarczyć nie mogą, jako w oszacowaniu przychodów pszczelnych, najmniej zapewnie rozumianemi być nie mogących, nie wyłączeni ludzie do usługi gruntowej należących pod nazwiskami wojta, gumiennego, leśniczego, polowego, stawniczego, zawsze trzymanyh i podniesienia szacunku zboża w wielu latach w Województwie naszym praktykowanie mniejszą ceną przedawanego, zdaje się uciążać właścicieli; wiec JOO. JWW. Posłowie o zwolnienie przereczonych punktów u najjaśniejszej Rzeczypospolitej skonfederowanej by wystarali się, upraszamy.

A że okropny rozruch łaską najwyższego, a pieczołowitością najjaśniejszego Pana i skonfederowanych Stanów przygaszony da nam rzeczywiście poznać, jak małe oświecenie, podła zwierzchność, różnienie się choć nie w Religii, to w obrządkach, może zostać smutnym teatrem niespokojności krajowej, żądanie tedy jest do JOO. JWW., Posłów Województwa naszego, by u najjaśniejszej Rzeczypospolitej sejmujące, reasumowania prawa, o Biskupach, Opatach, Prałatach katedralnych, z szlacheckiego stanu być powinnych w wyjednananiu, i aby odtąd wszystkie prelatury w katedrze i przy Konsystorzu, dziekanije i przełożęństwo, przez rodowitą stanu duchownego Grecko-Unickiego szlachte, lub w niesposobności znalezienia tyłu osób przez wybranych z równego ż stanu zakonu Sw. Bazylego posiadane były, niemniej aby rodowita szlachta święcenia się na Plebanów parochialnych bez ujęcia prerogatyw, stanowi swojemu szlacheckiemu należnych, wolność utrzymywała, dopraszamy się.

Wiele Województwu naszemu zależy na porównaniu co do Świąt Rzymskiego z Greckim-Unickim Kalendarza, do uskutecznienia czego JOO. JWW Posłów Województwa naszego, aby legacją do świętej stolicy Apostolskiej u najjaśniejszych skonfederowanych Stanów wyjednali, którą legacją by Opaci własnym kosztem, lub jeden z onych za składką bytu w Województwie (podług proporcji korzystających intrat) Opatów odprawili, obligujemy. Nieoświecenie pospolitego ludu największych przestępstw częstokroć staje się przyczyną, z tej więc wagi do zwierzchności duchownej niesiemy żądania, aby Wielobni Xięża Bazylianie, tak dla gorliwego pospólstwa wpojenie ducha, jako też ku pomocy Kapłanom parafialnym do słuchania ludzi obrządku Greckiego po wsiach i miasteczkach poblizszych spowiedzi, a mianowicie Wielkanocnej w opactwach, jako i klasztorach zostający, obowiązani byli, tudzież aby ciż WW. Xięża Bazylianie, przybierając sobie duchownego Kapłana, eżeli być może obrządku Łacińskiego, jeśli nie w każdej wsi i cerkwi, to przynajmniej w każdym poblizszem Dekanacie, dla gruntowniejszego wszczępienia Wiary świętej Katolickiej i oświecenia prostoty, missyę odprawili. Gdy częstokroć kollatorowie w swoich prawach tym sposobem ukrzywdzeni bywają, trudność w instalowaniu od JW. Biskupów, lub zakonów następuje, prze to obligujemy JOO. i JWW. Posłów, z Województwa naszego na sejm obra-

nych, aby łatwość w instalowaniu in utroque ritu przez konstytucyą wyrobili, gdzie by zaś opactwa dawniej były fundowane, a tam klasztory przywłaszczyły sobie ich własność przez prezent kollatorski, do wznowienia takich funduszów obligujemy. Prawo o Popowiczach stanu nieszlacheckiego, a mianowicie ostateczne roku tysiąc siedmset sześćdziesiąt czwartego, aby ponowione zostało pod niedozwoleniem tymże święcenia się, JOO. JWW. Posłowie dopomną się.

Gdy Województwo nasze, w instrukcyi swojej, JOO. JWW. Posłom na sejm danej, ustanowienie podatków na wzmocnienie sił krajowych za najpierwsze podało prawidło, co skutkując dziś chętnie ofiary dziesiątego grosza na wojsko składa; prze to obligujemy JOO. JWW. Posłów, z Województwa naszego na sejm obranych, żeby, dla zabezpieczenia tegoż Województwa doświadczeniem praktykowanych rozruchow przerażonego, lokacyą pewną wojska krajowego po Powiatu uproporcyonowaną, przez konstytucyą wyrobili. Zbiegli poddani i uszczerbek dziedzicom, oddającym ofiare z korzystanej intry, i skarbowi Rzeczypospolitej z posiadanego dymów przynoszący, aby prędzej i pewniej poszukiwanemi być mogli. żądanie nasze do najjaśniejszych Stanów niesiemy, iżby dla każdego o wydanie zbiegłego chłopa miejsce poszukiwania onego (za pozwem w dobrach przesiadywania pod ówczas położyć się i w aktach tegoż Powiatu zeznać się powinniśmy, nie w jurysdykcyi tej, w której uszły poddany znajduje się, lecz własnego Powiatu, z pod którego umknął się), oznaczono było. Sancitą o extradykcyi dla zajszego kominowego i rezolucyi w tej mierze rady nieustającej następiene, aby skassowane zostało. Dobro kraju od wewnętrznego tegoż zawisło rządu, winniśmy dzięki najjaśniejszym Stanom, za urządzenia w wielu przypadkach zmierzające, do tego celu, chwalebny sklonieni przykładem, dodajemy prosby do miasta teraz odprawujących się kontraktów, lub gdzie za wołą najjaśniejszych skonfederowanych Stanów, indeterminowane zostaną Kommissyą policyjną z obywatelów tegoż Województwa, w którym kontrakty wybrać się powinna ustanowiona została, która by s urzędem Wojewódzkim przyzwoić cenę, należyty porządek i bezpieczeństwo w tym mieście obmysliła. Na załatwienie krzywđ, od wojskowych posiadaczom dóbr ich poddanym wynikać mogących, aby Kommissya Powiatowa z

dwóch części stanu cywilnego, trzeciej wojskowej, urządzona była, względem najjaśniejszych Stanów oddajemy. Uchwalono wielolicznymi Województwa naszego Lawdami edukta procedencyi, gdy dotąd popelnionemi nie są, aby one uskutkować nakazy Stanów Rzeczypospolitej przepisały, JOO. JWW. Póśłowie domowią się. Ujęci potrzebą wspólnego bezpieczeństwa i dobrego porządku, a przekonani wielu złąd wynikłemi nieprzyzwoitościami, miłością obywatelstwa obowiązujemy, aby odtąd żaden z poddanych ludzi służących, luźnych, bez służby będących, albo żebractwem bawiących się, jakiej kolwiek kondycyi, bliżej czy dalej jadący, lub idący, bez przyzwoitego od dziedzica, possesora, zwierzchności, albo magistratu, zaświadczenia, przepuszczonym nie był, a niemający przytymanym został, które urządzenie najjaśniejszym Rzeczypospolitej Stanom przedstawiając, aby do konsystujących kommend stosowne wyszło zalecenie, dopraszamy się.

Jako wielolicznymi prawami nie tylko dla domowych, czyli miejscowego, ale też pospolitego bezpieczeństwa, wprawowanie młodzi w miłość obywatelską i obronę ojczyzny, popisy Wojewódzkie ustanowionemi były, taka by dla równego celu i teraz wznowionemi zostały, żądania nasze JOO. i JWW. Pośłowie Stanom sejmującym przelożą. Że edukacya niemato uszczęśliwienia każdego kraju jest pomocą tym bardziej w naszym wolnością zaszczycającym się narodzie nieuchronnie potrzebną, gdy z z niej nabierając młodzię światła wychodzi na użytecznych w czasie ojczyźnie już radą, już dokładnym powinności swoich wykonaniem obywatelów tak dalece, że w rycerskim stanie należytego bez niej czynić nie można urzędzenia; prze to, chcąc jak najmocniej też edukacyę ugruntować, o powrót do stołecznego miasta Województwa naszego szkół publicznych, w innych zaś zalecenia zakonom, iżby powinności Professorów odbywali, które łatwo, jako ludzie, całe życie naukom poświęcający, a ojczyźnie i czyniącym dla nich fundusz obywatelom należyta wdzięcznością wypłacającej się, wykonać zdołają, fundusz zaś do tych szkół dla opłacenia Professorów, z Akademii Krakowskiej przysyłanych aby na wojsko obrócony został, najjaśniejszej Rzeczypospolitej skonfederowanej Stanów dopraszamy się.

Gdy wyraźnie prawo nowo przypuszczonych do indygenatów nie tylko do wyprobowania swojej zagranicznej rodowitości kupna dóbr,

ale też wykonania przysięgi najjaśniejszemu Panu i Rzeczypospolitej obowiązało, tym zaś indygenom i innym nobilitowanym granicę postępowania zamierzyło; że wielu z indygenów i nobilitowanych obowiązków przez prawo na siebie włożonych dotąd nie uisili; więc aby nieuszkodzący ostrości prawa popadł JOO. JWW. Posłowie Stanom sejmującym przelożą. Gdy wyrazy tych praw mieszczanom, chłopom i Żydom dzierżenie za kontraktami dóbr wyraźnie zabroniły, a prywatne zyski, wbrew idąc onym, przestępstwa nieraz widocznemi czynią, żądamy tedy wstawienia się JOO. JWW. Posłów do sejmujących Stanów o napisanie prawa nie tylko kar na takowych ściągającego, ale utratę wdanej summy na dobra przepisującego, niemniej dawne żądania obywatelów względem powrotu Akt Lwowskich, pamięci JOO. JWW. Posłów Województwa naszego oddajemy.

Srogi przypadek, na osobach WW. Wyleżyńskich dopełniony, skłonił nas, iż my wszyscy obywatele pod miłością równości i wzajemnej ufności przyrzekamy sobie nie trzymać w usługach naszych poddanych, tylko rodowitę Szlachtę, prócz w liberyą przybranych i do ordynaryjnej usługi użytych. — Dawne ustanowienia pocztowe zapewniały obywatelów, iż tylko oddający poczcie ekspedycją opłatę skarbowi czynił, odbierający zaś wolnym od niej zostawał; gdy teraz od kilku lat tak podający, jako i odbierający, równie opłacać się muszą, a stosownej do tego ekspedycyi Stanów nie widzimy. raczą więc JOO. JWW. Posłowie Województwa naszego, za czyją uchwałą to znosić obowiązani jesteśmy, najjaśniejszej sejmującej Rzeczypospolitej przelożyć. Nie może Województwo nasze nie czuć najczulszej wdzięczności przeswietnej Kommissyi porządkowej, której pierwotne obwieszczenia, wczesne zapobieggi i doskonałe urządzenie uczyniwszy obywatelów na wiszącą klęskę ostrożnemi do uniknienia je skutecznymi nie oszczędziły środków, mężom tym z pośrodku nas wybranym, a cnotą i chwalebniemi czynnościami znakomitym, za podjętą pracę czyniąc podziękowanie, by od tej do woli najjaśniejszych sejmujących Stanów nie usuwali się, upraszamy. A gdy takowe przeswietnej Kommissyi porządkowej oświadczamy chęci, przepomnieć nie możemy tych obywatelów, którzy pracami swojemi znacznej dla tejsze pomocy instrumentami stali się, W. Franciszkowi Raciborowskiemu, Starościcowi Ulanickiemu, za wzięty dla siebie

miłości obywatelskiej ciężar zaświadczenia magazynem furazowym, dla wojsk przysbosobionym, W. Janowi Julianowi Iphorskiemu, Lenkiewiczowi, Wiceregentowi Grodzkiemu Łuckiemu, Sekretarzowi przeswietnej Kommissyi, za chwalebne, roztropne i przykładne dopełnianie tak pracowitego urzędu, W. Jakubowi Kostrzeńskiemu S. J. K. Mci, względem pokoju współobywatelów, pracowity urząd delatora przeciwno buntowników przyjmującemu, a gdy ciż zacni obywatele nadgrody za swoje trudy nie żądają, my, iż wdzięczną pamięć ich starań w sercach naszych zachowamy, zapewniamy; równą Województwo nasze w sercach swoich zapisuje wdzięczność dla przeswietnej miejsca tutejszego Palestry i mężowie, to grono składający, w obronie honoru i majątków wszystkich nas obywatelów jak zawsze, byli i są pilnemi w tak okropnym, a daj, Boże, nigdy nie slychany rozruchu terazniejszym, w którym o utratę życia nam wszystkim obawiać się przychodziło, czułości swej największe okazali dowody. Umundorowanie się, wzięcie broni z własnego majątku, straż trzymaną, w mieście czynione objazdki i podsłuchy, nieustannie pod bronią czuwane, były to skutku gorliwej onych dla dobra publicznego chęci, za które gdy już i od najjaśniejszych Stanów sprawiedliwe odebrali pochwały, my wdzięcznej zawsze dla nich pamiętki zapewnienie czynimy, a tym sposobem obrady nasze przy pomocy Najwyższego wszystkich układów przewodnika, Bogą, w milej jednomyslności i zgodzie dokonawszy zadania i urządzania nasze, z podpisami rąk JW. Wnych Marszałka i Assesorów, w xięgi Grodzkie Łuckie umieszczonemi być żądamy.

Działo się w mieście stołecznem J. K. Mści, w Łucku, dnia szesnastego miesiąca Lipca tysiąc siedmset osmdziesiąt dziewiątego roku. U tej uchwały podpisy rąk JW Wnych Marzałka i Assesorów temi wyrażane słowy: Kajetan Bobr Piotrowicki Generał wojsk Koronnych, Antoni Szczęśny Bożeniec Jełowicki, R. G. Ł. Assesor; Jerzy Strzelnicki, Starosta Krasnostawski, Assesor; Michał Sliwiński, Starosta Wendeński, Komornik ziemi Czerskiej, Dworzanin J. K. Mci; Tomasz z Czarnocinia Czarnocki, P. H. Assesor; Tomasz Staniewicz, Vice-regent Grodzki Krasnostawski; Alojzy Szemioth, Staroście Kulczycki, Assesor, która że to uchwała wszystka z początku aż do końca, tak jak się w sobie pisana ma, do xiąg niniejszych Grodzkich Łuckich

est zapisana. Z których xiąg i ten wypis pod pieczęcią Grodzką Łucka jest wydany i pisany w zamku Łuckim. *

(L. S.)

Lenkiewicz mp.

Vice-Regent Grodzki Łucki.

Legit cum inducta Podsędkowski mp.

Res. Inducta ad archivum act. Podeski mp.

---

* Этот акт на штемпельной бумаге цѣной въ 1 гр., съ подписями и печатью, приложенъ къ подлиннику, озаглавленному: «Uchwały sejmiku gospodarskiego Województwa Wołyńskiego, w mieście stołecznym J. K. Mści Łucku przez obywatelów Województwa tegoż uczynionej oblaty. Roku 1789, die 16 Julii, in castro Luceoriensi.»

Lit. P.

Wypis z protokołu dekretowego sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset osmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii piątego dnia.

Na affektacją strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażonej, dekret z pomienionego protokołu tenoris talis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a W. JX. Teodorem Wołszyńskim, Parochem ze wsi Hlibek, niemniej pracowitymi Petrem i Chwedkiem, Gumiennikami bracia, i Iskiem Mielnikiem, ze wsi Hlibek poddanemi, niemniej pracowitymi Ilkiem Pasiecznika synem, Tymkiem Muzyką, Andruchem Basistą, Iskiem Kiryjczukiem, Łeskiem synem Pasiecznika krawcem, Tymkiem Żurawlem, Gumiennym z dóbr wsi Indyk, poddanymi, jako też pracowitymi Mykitą Nahurnym z dóbr wsi Pilipów poddanym, stawionymi oczewisto. Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycją od urodzonego Instygatora przeciwko stawionym inkarceratom, o ukaranie tychże Kryminalne za znowność onych przeciwko Szlachcie i Żydom o bunt i niezywienie tychże sprzysiężone, za branie od osób zagranicznych i rozdawanie na tenże bunt pieniędzy innym ludziom, i o inne tym podobne, w aktach Starościńskich Grodu tutejszego w zeznanej propozycyi umieszczone, pretensye, potrzebne być spisanie punktów przez stronę powodową przeciwko stawionym inkarceratom, w zarzutach onym poczynionych, końcem odebrania od tychże dobrowolnych wyznań i onych w sądzie swoim złożenia, a to natychmiast, uznaje. A ponieważ urodzony Instygator też punkta spisał i ręką swą podpisane w sądzie swoim złożył. prze to sąd dosyć uczynić wyrokom swoim onego odebrawszy do skonuotowania onych od stawionych, przystąpił.

Po odebraniu których, potrzebne być osobiste stawienie się pracowitego Iwana Diaka przeszłego Hlibeckiego, na gruncie znajdującego się, sąd uznaje, a ponieważ stawiał się, przeto sąd i od tegoż podobne wyznania odebrawszy, po wysłuchaniu których i onych z poprzedniczymi, przez komendę w Świętcu stojącą, jako i w mieście Bazalii w obecności obywatelów z powołanych o bunty, a teraz stawionych w sądzie więźniów odebranymi wyznaniem, zniesieniu i sprawdzeniu; ponieważ tak z wyznaniem dobrowolnego pracowitego Kiryła Pundyka po trzykrotnie, raz w mieście Bazalii, drugi raz w Warszawie, przed deputowanymi od Stanów Rzeczypospolitej do wybadywania powołanych o bunty, a trzeci raz teraz przed sądem swoim złożonego, i chociaż w pomniejszych okolicznościach odmienność niejaką w opowiedzeniu swoim mającego, w większych atoli, a gruntowność wyznania stanowiących zgodnego, jako też z wyznaniem także dobrowolnego w Bazalii przez WJX. Teodora Wołszyńskiego, Parocha wsi Hlibek, uczynionego, jawnie okazuje się, iż tenże WJX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibeckie, wszedłszy w niegodziwą znowę do buntu i rzezi, celem najmowania i przekupowania do tej zbrodni podobnych sobie złoczyńców, złotych sto u pracowitego Chwedka Czornohuba, poddanego wsi Zapadyniec, wziął, i on różnym osobom stanu chłopskiego, jako to: Petrowi, Gumiennego synowi, starszemu poddannemu wsi Hlibek, w domu jego, z obowiązkiem na niego włożonym a przez niego przyjętym, na tenże bunt werbowania ludzi, dał pieniędzy, a Chwedkowi, bratu tegoż Petra, drugiego dnia przybytemu do JX. Wołszyńskiego, dla poświęcenia wody dla słabej matki, w domu swoim namówionemu, temuż złotych pięć, i Iskowi Mielnikowi, z tejże wsi Hlibek na tenże niegodziwy zamiar, u pasiecznika Suchege w pasiece, jako i pierwszemu złotych pięć, a z dóbr wsi Indyk poddanym, Ilkowi, pasiecznika synowi, w mieście Mikołajowie, na święto Ruskie Teploho Ołexaja, na jarmarku, tąż samą myślą złotych pięć onemu ofiarował, a ten podobnie ż na tymże samym miejscu i od Petra, Gumiennego syna, z Hlibek, na tenże układ złotych cztery i groszy pięć przyjął, i za te pieniądze owsa sobie na tymże jarmarku na mieście kupił, Tumkowi Muzyce i tkaczowi w tymże mieście Mikołajowie na święto inne Ruskie, na Błahowiszczyenje, na jarmarku u Żyda sukiennika w sklepie złotych pięć, a temu także Petro Gumiennik na tymże miejscu złotych cztery bez groszy dziesięciu zaofiarował, i Andruchowi Basisie JX. Wołszyński na tymże jarmar-

ku złotych siedm, za które sobie Andruch pół korca grochu kupił, na tenże koniec dał; Łskowi Kiryńczykowi u młynika w chałupie na Howorach złotych cztery; Łskowi, pasiecznika synowi, na Dębinie w chałupie ojca jego złotych pięć, i Tymkowi Żurawlowi gumienemu w domu u tego, przybywszy do niego, ryby tej zimy z przyduchy kupować, złotych ośm, a na koniec i Mykicie Nahurnemu, z dóbr wsi Pilipów poddanemu, trzeciej niedzieli w Post Wielki wstąpiwszy, koło Czernielowieckiej karczmy zdybawszy się, złotych Polskich siedm, z wziętych od Czornohuba pieniędzy, udzielił, a zachęcając ich do dopełnienia niegodziwego zamiaru swego, onym porozdawał zadatki, a prawie przed każdym, iż wziął od Czornohuba na ten werbunek złotych sto, a przed innymi złotych siedm tysięcy, podmawiając do tego buntu, przy rozdawaniu pieniędzy (jak mu to każdy w wyznaniu swoim naocznie u kommandy dobrowolnie wyraził) szczylił się i tymże najbardziej przygotowania w spisy, w noże na samą Wielkanoc Polską zalecał, a bezbożność takowych zamysłów swoich i współczników swych, chcąc poprzeseżonym pokryć sekretem, pracowitego Kiryła Pundyka do przysięgi na wierność w rznięciu Polaków i Żydów, oraz na dochowanie sekretu, w cerkwi swej Hlibeckiej, kazawszy wprzód Iwanowi, pod ten czas Diakowi onej rotę wypisać (jako tenże Diak, w sądzie stawiony, dobrowolnie onemu naocznie wyznał), przypuścić i onej go wysłuchać poważyl się, nie wzdrygając się tak świętokradzką przysięgą czoi Boskiej poświęconych oltarzów mazać i hanbić. Co wszystko tenże JX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibeki, w wyznaniu swoim teraz u sądu przez siebie złożonym, zupełnie odpiera i w najmniejszym nie przyznaje punkcie, twierdząc pierwsze wyznania swoje, w Bazalii u kommandy i przed innemi obywatelami złożone, postrachem z widzenia bitych niemiłosiernie tamże ludzi, w celu przewiedzenia zarzutów, im uczynionych, na sobie być wymuszone, gdy jednak stawiony u sądu inkarcerat, pracowity Tymko Muzyka, poddany wsi Hlibek, naocznie mu wymawiał, że onemu w Mikołajowie na jarmarku roku terażniejszego na Zwiastowanie Matki Boskiej, po Rusku Błahowiszczenie zwane, złotych pięć dał, i tenże Tymko Muzyka na tymże miejscu od Petra Humiennika z Hlibek złotych cztery bez groszy dziesięciu przyjął, obydwom naocznie wymówił, i Petro onemu, że dał, nie zaparł, oraz w obecności tegoż Tymka Muzyki tenże JX. Wołszyński tamże przed ludzmi w Mikołajowie, że od pracowitego

Chweuka Czornohuba, poddanego wsi Zapadyniec, sto złotych Polskich na ten bez wątpienia niegodziwy zamiar wziął, rozpowiadał; niemniej stawiony także u sądu pracowity Iwan Diak ze wsi Hlibek zeznał, iż rotę przysięgi w tych wyrazach: «Prysiahaju Hospodu Bohu, wo Trojcy światoj jedynomu, i wsim Światym i Światytelu Mykołaju, i Światym werchownym Apostołom, Petru i Pawłu, jak doderżu toho», lubo bez wynowienia osoby i rzeczy, na którą miała być przysięga, bo to sam JX. Wołszyński przed Diakiem że napisze, mówił, na cwiartce papieru z wierzchu kilką wierszami Ruskim charakterem zapisanej, nie dając mu nawet czytać tego pisma Ruskiego, tenże X. Teodor Wołszyński napisać mu kazał, oraz i zaświadczenie na tejże kartce w tych także słowach: «jako złotych sto mają odebraty,» nie wyrażając, jakie pieniądze i kto one odebrać ma, sam podobnie z resztą dopisać, do takowych wyrazów słów przed Diakiem oświadczywszy, pisać mu zlecił. A takowe wyznania stosowność z wyznaniem pracowitego Kiryła Pundyka mające, tegoż JX. Teodora Wołszyńskiego Parocha Hlibeckiego, tak o wzięcie pieniędzy złotych sto od Czornohuba na przekupowanie do buntu i rzezi, i rozdawanie onych tym celem pomiędzy pospólstwo, jako i o wysłuchanie w cerkwi Hlibeckiej pracowitego Kiryła Pundyka na wierność do buntu i rzezi, na dotrzymanie w tym sekretności, dostatecznie onego przekonywają. Prze to sąd, za wyżej określone przestępstwa wszystkie, JX. Teodora Wołszyńskiego, charakter onego niszczące, prawom Boskim i narodowym, oraz własnej naturze przeciwne z pogorszeniem innych duchownych i ludzi prostych, dopełnione, jako też i pracowitego Petra Gumiennika, jednymże duchem z JX. Teodorem Wołszyńskim tchnącego, zabranie i rozdawanie innym na tenże bunt pieniędzy, niemniej za porywanie się przeciwko panom własnym na taki bunt i mieszanie spokojności wewnętrznej krajowej, gromiąc onych takowe niegodziwe układy, winnym obydwóch odebrania kar kryminalnych uznaje; a naprzód sądząc, aby JX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibeckie, natychmiast przez komendę krajową do miasta Łucka do JW. Biskupa obrządku tegoż, czyli w niebytności do jego namiestniczej w tém władzy, podług praw duchownych, w takim przypadku napisanych, dla zdjęcia z niego poświęcenia, był odprowadzony, uznaje. A po zdjęciu poświęcenia z tegoż, ażeby tenże odbierając wymiar sprawiedliwości dla siebie, na rynku miasta J. K. Mości Krzemieńca odprowadzony, na dniu trzydziestym pierw-

szym miesiąca i roku terażniejszych, przez mistrza sprawiedliwości był ścięty, nakazuje, i po exekucyę tegoż do sądu Wójtowskiego Ławniczego J. K. Mości miasta Krzemieńca odsyła, pracowity zaś Petro Gumiennik aby podobnie przez tegoż mistrza sprawiedliwości w mieście J. K. Mości Krzemieńcu na szubienicy natychmiast był powieszony, nakazuje. A urząd tenże miasta J. K. Mości Krzemieńca, dopełnić to wszystko powinien będzie. Ponieważ zaś pracownicy Chwedkó Gumiennik i Isko Mielnik z dóbr wsi Hlibek, oraz Ilko pasiecznika syn, Andruch Basista, Isko Kiryjeczuk, Łesko syn pasiecznika i Tymko Żurawel, gumieny z dóbr wsi Indyk poddani, jedni z potrzeby i ubóstwa, jak ich wyznania zaświadczają, a inni z podmowy tak JX. Wołszyńskiego, jako i Petra Gumiennika, wyżej rzeczony kwoty na tak niegodziwy zamiar i bunt przyjmować poważyli się, lubo i ci równej nad sobą rozciągnięcia wyciągają kary, końcem jednak poprawy dalszego życia ich, onych do fortecy miasta Kamieńca Podolskiego do więzienia na lat trzy, do robienia tączkami, każdego odsyła, a po takowej odebranej przez tychże karze, sąd onych dopiero wolnemi z więzienia mieć chce. Pracowity zaś Tymko Muzyka, chociaż niemniej na równe ukaranie za przewinienie swoje zasłużył, gdy jednak ten dobrowolnie tak u komendy w Bazali, jako i w sądzie swoim nieodmiennie wyznanie swoje stwierdził, i tak J. X. Teodorowi Wołszyńskiemu, jako i Petrowi Gumiennikowi naocznie szczerzej wyrazić prawdy, czując się i sam być winnym, nie wzdrygał się, prze to sąd, nad takim czyniąc wymiar sprawiedliwości, a tę połączając z litością nakazuje, ażeby tenże przez służbę miejskiego na rynku publicznym plag pięćdziesiąt odebrał, i po odebranej karze bydz wolnym sądzi. Co się zaś tycze Mykity Nahornego, poddanego ze wsi Pilipów, inkarcerata, gdy temu a ni Kiryło Pundyk, a ni JX. Wołszyński, Paroch Hlibecki, w sądzie teraz nie dowodzą, prze to sąd, mając uwagę i na kalectwo tegoż wieczne, onego z więzienia natychmiast wolnym czyni. Co się zaś tyczy powieszenia na szubienicy Petra Gumiennika przez mistrza sprawiedliwości, ten aby nieprzerwanie przez tydzień cały wisiął, głosi. Pod pieczęcią grodzką Krzemieniecką wydaje się. Correxit Molski mp. L. S. Legit eum protocollo Korytowski. Die 16 Julii, 1789 anno.

Wypis z protokołu dekretowego sądów Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii szóstego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażony dekret wspomnianego protokołu tenoris sequentis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem sądowym Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczywisto, a pracowitymi: Jakimem synem, Wasylem ojcem Mielnikiem wsi Czerniawy, Wasylem Diaczukiem, Fedkiem Goim, Tymkiem, krewnym Mielnika z Czerniawy, z dóbr wsi Kosznirówki, Andruchem Mochyry, Hryćkiem Marka synem, Dymytrem, Marka zięciem, z dóbr wsi Komanowa, Dymytrem Perebyjnosem, z dóbr wsi Krzywaczyniec, Andruchem Legajem, z dóbr wsi Pótrykowiec, Chwedkiem Kryszczukiem, Chwedkiem Promkowym, z dóbr wsi Chonrynec, Dymytrem Łabanem tkaczem, z dóbr wsi Bachłaj, JMśc X. Janem Majowieckim, Parochem wsi Czaban, i Iwanem Białousem, z dóbr wsi Tretelnik, stawionymi inkarceratami, sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodzonego Instygatora, przeciwko stawionym w sądzie inkarceratom ułożoną, potrzebne być spisanie punktów najpiérwej przez tego urodzonego Instygatora przeciwko stawionym, końcem odebrania w sądzie swoim od tychże stawionych dobrowolnych' konfessat, onych podpisania i w sądzie swoim złożenia. A ponieważ urodzony Instygator, dosyć czyniąc wyrokom sądu swego, też punkta spisał i ręką swą pod, pisane w sądzie swoim złożył, prze to sąd do odebrania i skonnotowania od stawionych dobrowolnych' wyznań przystąpił, z których przeczytanych, tak na gruncie dóbr wsi Święcca u kormendy czynionych z stawionych inkarceratów, jakó też i w sądzie swoim odebranych wyznań, a wyznaniem pracowitego Kiryły Pundyka, po kilkokrotnie w różnych miejscach czynionemi, zniesionych, ponieważ z własnego wyznania Mielnika Wasyla pokazuje się, że w roku przeszłym 1788,

na wiosnę pracowity Wasyl Mielnik, ze wsi Czerniawy inkarcerat, wybierając się w drogę do Brodów, w niedostatku pieniędzy, dla pożyczania onych do pracowitego Steciuka Barwickiego, mieszczanina Bazalijskiego, udał się, i za powrotem z drogi do tegoż wstąpił, na ten czas jako znajomi sobie napijając się, pracowity Steciuk Barwicki o sekretnych między chłopami spiskach na bunty, przeciwko Szlachocie i Żydom czynionych, onemu rozpowiadając, że i sam w tymże związku już jest obrany marszałkiem głosił, a mając zalecenie od podobnych złoczyńców zbierania takowychże buntowników, do podobnych że zamiarów i Wasyla Mielnika z Czerniawy za komendanta podmówiwszy, do domu swego Wasyl Mielnik pojechał, gdzie, krzając się około gospodarstwa, jakiś czerniec Moskiewski do niego przybył, a zważając, że mu Wasyl Mielnik był rad i onego uczeiwie przyjął, te słowa do niego wyrzekł: «Widzę, że jesteś poczciwym człowiekiem, i że masz do nas dosyć przychylności; nie omylę się zatem, gdy cię użyję do interesu, w którym wysłany jestem od swojej zwierzchności do Polski, a to chcemy, aby można jakim sposobem wygubić Polaków i Żydów, i jeżeli podejmiesz się na to, to ci i pieniądze dla powiększenia sił dam», i na takowy zamiar złotych trzysta onemu wyliczył, których tenże Mielnik do wsi Hlibek poddanym, Oleksiukiem zwanym, Mikole i Andruchowi dwom po złotych dwa do wsi Kopaćcówki, Olejnikowi złotych trzy, a do wsi Bubnówki Jaruściekowemu zięciowi, Dawidowemu Semenowi synowi, konowała synom dwom, każdemu po rublu, jednym zadatki porozdawał, a resztę tych pieniędzy trzymając staw przez arendę panu własnemu oddał, w czasie której bytności tegoż czerca u Wasyla Mielnika, iż idzie z Kijowa i wszędzie w Polsce, a za to wielką odbierze nadgrode, ponamawiawszy do tego zdatnych chłopów od zwierzchności swojej z wielką pieczęcią jakoweś pismo, a drugie na kształt listu załamane i zapieczętowane, jako przywilej na wszystko dyspensujący, ukazywał; który przez niedziel ośm u tegoż Mielnika leżąc, na pótym przez Steciuka Barwickiego był odebrany, bawiąc zaś u tego Mielnika dobę całą tenże czerniec, wolność i nierobienie pańszczyzny od Moskwy, przez ośmiu wózkami Polesiem wysłanych na to czerców, ludziom zwiedzonym obiecował, i powracający nazad z Polesia z tymiż czercami na Czerniawę, dopiero broni wszelkiej, spis i nożów przywieźć oświadczał, i że takowa bezbożność rzezi na samych Konfederatów, a nie na panów własnych nastąpić miała w miesiącu Maja, rozgłaszał. Postać

zas swoją wzrostu wysokiego, z twarzy podługowatej, brody czarno zarastającej, w siermiędze podobnej jako Pilipońskie, a pod nią sułtanę mając, w trzewikach i pończochach, w czapce sukiennej okazał. Przyjawszy na siebie takowy obowiązek Wasyl Mielnik z Czerniawy werbowania do siebie ludzi, nie tylko wszyscy wyrażonym osobom w dobrach i wsiach wyżej rzeczonych zadatki dawali, i w samej wsi Czerniawej pracowitemu Michałowi Kuternodze złotych pięć i Petrowi Krussunowi złotych ośm udzielił, a chcąc pomnożyć komendę swoją przybytemu także do młyna w Czerniawie po Bożym Narodzeniu Ruskim, pracowitemu Wasylowi Dziaczkowi, z dóbr wsi Kosznirówki, namówionemu, rozpowiadawszy wprzód bytność i myśl czerca pomienionego, z jakowym pismem u niego znajdował się, wiele już ma zwerbowanych na to ludzi, i jako czerwonych złotych pięćdziesiąt od tegoż czerca na takową bezbożność przyjął, szczylił się, a przez usta tegoż Wasyla Dziaczka mając zachwalonego w tejże wsi Kusznirowce do takowejże czynności Chwedka Goja, tak na siebie, jako i na osobę tegoż Goja, dwa ruble od Wasyla Mielnika przyjął, i za widzeniem się temuż Gojowi wszystko podobnie odkrył, który, dociekając w tym prawdy, lubo do wsi Czerniawy do tegoż Mielnika chodził, jednak w domu onego nie zastawszy, powróciwszy od tegoż Wasyla Dziaczka, wziętego na siebie od Wasyla Mielnika rubla odebrał, a Tymko Mielnik z dóbr wsi Kosznirówki, Wasyla Mielnika z Czerniawy krewny, przyszedłszy raz do Wasyla Mielnika z Czerniawy, dla pożyczenia naczynia, potrzebnego do poprawy kamienia, prosić, od tego natenczas, jako i dawniej, podmawiany do buntu, przyjawszy od tegoż Czerniawskiego Mielnika rubla, łączyć się razem zonym do wyrznięcia Polaków i Żydów na samą Wielkanoc Polską nie odmówił, i najpierwej od panów własnych zacząć, z tymże Mielnikiem ułożyli się, o broni wszelkiej, do takowej niegodziwości, że ta w pasiece u pracowitego Steciuka Barwickiego, mieszczanina Bazyljkiego, za Słuczą ukryta znajduje się, obydwa rozmawiali, i kiedy raz Wasyl Mielnik Czerniawski i Tymko Mielnik Kusznirowiecki, krewny jego, z przybyłym do nich Kiryłem Pundykiem, w Czerniawie w karczmie napijali się, i tak w karczmie, jako i przyszedłszy do domu, wprzód po cichu, a potem głośniejszą mową o rzezi rozpoczęli, a Jakim, syn najstarszy Mielnika Czerniawskiego, nadszedłszy do chałupy, usłyszał i ojcu temi słowy: „Ej, ojczu, nie bierz się do tego, bo ci się to nie uda; widzisz, że się wszędzie wojska rozsypany,

nie dadzą ci przyjść do tego punktu i takowych zamysłów dopełnić,» mówił, na ten czas od tegoż ojca swego groźno i takową odebrał odpowiedź: «Cyt i gotowego patrzaj!» a tak jasne wyznanie swoje chociaż stawiony w sądzie Jakim, syn Mielnika Czerniawskiego, razem z Kiryłem Pundykiem naocznie tak ojcu swemu, jako i Tymkowi Mielnikowi Kusznirowieckiemu i innym obydwu wymawiali, przecież jednak Tymko, Mielnik Kusznirowiecki, i inni, widząc, że i Wasyl, Mielnik Czerniawski, chociaż nie do każdego słowa, tak jak mu syn Kiryło wyraził, przyznał się, jednak równie jako pierwsi, u których Kiryło z wysłania siebie do nich od Mielnika z Czerniawy dla dowiedzenia się, jeżeli już są gotowi, znajdował się, i na takowym przekonaniu siebie widocznym nie przestawali, a dalsze także wyznania stawionych w sądzie swoim inkarceratów własne, jako to Andrucha Mochyrę, mielnika z Kumanowa, gdy się ten za miejscem dla siebie u mielnika we wsi Czabanach znajdował, i na ten czas z JMśc X. Majowieckim, Parochem Czabańskim, na drodze - tylko widział się, JXiadz Majowiecki, mając o nim wiadomość od Czabańskiego mielnika, że tenże Mohyra jest człowiek ubogi i za miejscem chodzi, najprzód tamże na drodze te do niego wyrzekłszy słowa: «Ja bym dla ciebie, synku, znalazł robotę, tylko żebyś był pewny,» a gdy X. Majowieckiego tenże Mohyra zapytał: «Co by to za robota była?» JXdz Majowiecki wyrzekł dalej: «Niechaj no będzie czas na to», a potem później, zaraz gdy tenże Andruch Mohyra do domu swego powrócił i we młynie swoim własnym znajdował się, JX. Majowiecki, powracając z Satanowa z targu w tę porę, zastawszy onego we młynie, idąc do karczmy z onym, i przypominając mu przez siebie namienioną pierwszej robotę, złotych dziesięć dawszy, a zabawiwszy się przy trunku z nim w karczmie, dopiero wywoławszy onego z karczmy, myśl swoją niegodziwą, względem rzezi Polaków i Żydów, otworzył, i onego tamże namówił, i kogo by jeszcze więcej tenże Mohyra mógł zebrać dla niego, upraszał, na którym to miejscu, jak tylko tenże Mohyra JX. Majowieckiemu sam być z nim w takowym związku przyrzekł, i onemu powiedział, że z nim razem w jednej chałupie mieszkający Dymytro, Marków zięć, i Dymytro, Marków syn, do tejże kompanii być mogą zdadni, tak zaraz po nich JX. Majowiecki onego posłał, którym przyprowadzonym podobnież myśl swoją JX. Majowiecki odkrywszy, i tychże, jako i Andrucha Mochyrę, do jedności z sobą skłoniwszy, i onym po złotych dziesięć

podawał, a potem do domu onych własnego przyszedłszy, dla tem większej pewności i ugruntowania w nich bezbożnych zamiarów, na wierność i dotrzymanie tego, co mu przyrzekli, przysięgi onych wysłuchał, a z powracającym także z Felsztyńskiego jarmarku z Dymitrem Perebijnosem gdy tenże JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na drodze zdybał się, po rozmówieniu się z nim, z kąd i co jest za człowiek, i onego do swojej kommendy namówiwszy, dawszy mu także, jako i pierwszym, złotych dziesięć, tamże onemu ż na drodze kazawszy na krzyż złożyć palce i jego na podobną z rotkę przysięgi wysłuchał, i debywszy rejestru z kieżeni, onego sobie zapisał, a jako także Andruch Mobyra, Hryčko, Marków syn, i Hryčko, Marków zięć, równie jako i on do niego należą, przed tymże Perebijnosem powiedział, a powiększając kompanią tak niegodziwą swoją tenże JX. Majowiecki, gdy z tymiż ludźmi w domu swoim napijał się, a do niego Andruch Legaj, z dóbr wsi Petrykowiec, nadeszedł, i temu równie, jako i innym, do siebie namówionemu, w tę perę złotych dziesięć zaoferował, i pieniądze że na to ma od markietanów chwalił się. Chwędko Kryszezuk, z dóbr wsi Chominiec, chociaż zdybawszy się raz na drodze z JX. Majowieckim, na podmowę do buntu nie przystał, gdy jednak potem na chrzciniach u Dymitrowego syna żony on widział się, i ten go podmawiając, na siebie ten grzech przyjął, uwiedziony perswazyami, jako inni równie, chociaż pieniędzy nie wziął, jednak do niego przystał. Fedko Promków z Chominiec, Iwan Białous z Tretelnik i Dymitro tkacz Łaban z Bachtaj, równie jako i pierwsi, z podmowy tegoż JX. Majowieckiego, do niego poprzystawawzy i pieniądze od niego na to pobrawszy, w takowy ż buntowniczy registr wpisać się onemu po różnych miejscach, to w domu jego własnym, to w karczmie, dopuścili. A po tak jasnych i gruntownych wyznaniach więźnia z opowiedzeniem Kiryły po trzykrotnym zniesionych i naocznie, z każdym sprowadzonych, lub JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na wszystkie przewinienia z osoby swej w sądzie swoim zapiera się i w niczem przekonany być nie chce, gdy jednak wyznania wszystkich na niego inkarceratów stosownie do wyznania i opowiedzenia Kiryły przez wszystkie okoliczności i indycya rzeczy przez sąd swój zważane i dochodzone i naoczności Kiryły po dwakrotnie w domu JX. Majowieckiego z kartą od mieśnika z Czermawy obchodzącego, i od tegoż po różnych wsiach, w których wyżej wyrażonych ludzi miał

już JX. Majowiecki ponamawianych będącego, rzetelne i sprawiedliwe widzieć się dają, a nad to takież z dobrowolnego wyznania pracowitego Andrzeja Bednarza, z dóbr wsi Geletyniec, JW. Stadnickiego, orderu Sw. Stanisława Kawalera, dziedzicznych, w Województwie Podolskim leżących; do kommissyj porządkowej Województwa tegoż do Kamieńca przystawionego, na dniu jeszcze 25 miesiąca Kwietnia, przez tą Kommissyą odebranego, w sądzie swoim złożonego, pokazało się, tenże Bednarz wprzód na gruncie, w przytomności wielu osób, przy wyznaniu jego będących, a potem w tejże Kommissyi stawiony, że on wraz z innymi od markietanów Moskiewskich do tegoż buntu namowionymi ludźmi, do kommandy Popa Czabańskiego należeć miał; prze to sąd, oddając wymiar sprawiedliwości każdemu z więźniów, winnymi być odebrania kary śmierci pracowitych Wasyla Mielnika, z dóbr wsi Czerniawy, Tymka Mielnika, z dóbr wsi Kosznirówki, JX. Majowieckiego, Parocha Czabańskiego, Andrucha Mohyrę mielnika; Hryčka, Markowego syna, Dymytra, Markowego zięcia, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytra Perebyjnosa, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za wyżej dotknięte w edukcie wyznań onych przestępstwa i przewinienia uznaje, sądząc, ażeby Wasyl Mielnik z Czerniawy i Tymko Mielnik z Kosznirówki, niegodziwych zamysłów Wasyla Mielnika współniki, za burzenie spokojności krajowej i porywanie się przeciwko własnym panom i usiłowanie koniecznie niezyszenie Szlachty i Żydów, przeciwko prawom Boskim i narodowym wykraczający, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca przez mistrza sprawiedliwości zostali ścięci. Głowa Mielnika z Czerniawy na polu przez tydzień pozostać ma przy szubienicy. A JX. Majowiecki, Paroch Czabański, wprzód przez kommandę krajową do miasta Łucka do JW. Biskupa orbządu tegoż, podług duchownych praw, po degradacyą był odprowadzony uznaje, a po zdjęciu poświęcenia z tegoż aby podobnie i ten, za takowy zły przykład, duchownym z siebie, z pogorszeniem ludu prostego dany, i wyżej dotknięte przestępstwa przykazań Bożych i przewinienia swoje, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, na dniu 31 Julii, roku terażniejszego, powrócony, był ścięty, nakazuje. A pracowici, Andruch Mohyra, Hrycko, Marka syn, Dymytro Markow zięć, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytro Perebijnos, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za podobne przestępstwa swoje i wykonanie przysięgi przed JX. Majowieckim, Parochem Czabańskim, przez mistrza tegoż sprawiedliwości w mieście J. K.

Po odebraniu których, potrzebne być osobiste stawienie się pracowitego Iwana Diaka przeszłego Hlibeckiego, na gruncie znajdującego się, sąd uznaje, a ponieważ stawił się, przeto sąd i od tegoż podobnie wyznania odebrawszy, po wysłuchaniu których i onych z poprzedniczymi, przez kommendę w Świętcu stojącą, jako i w mieście Bazalii w obecności obywatelów z powołanych o bunty, a teraz stawionych w sądzie więźniów odebranemi wyznaniem, zniesieniu i sprawdzeniu; ponieważ tak z wyznaniem dobrowolnego pracowitego Kiryła Pundyka po trzykrotnie, raz w mieście Bazalii, drugi raz w Warszawie, przed deputowanymi od Stanów Rzeczypospolitej do wybadywania powołanych o bunty, a trzeci raz teraz przed sądem swoim złożonego, i chociaż w pomniejszych okolicznościach odmienność niejaką w opowiedzeniu swoim mającego, w większych atoli, a gruntowność wyznania stanowiących zgodnego, jako też z wyznaniem także dobrowolnego w Bazalii przez WJX. Teodora Wołszyńskiego, Parocha wsi Hlibek, uczynionego, jawnie okazuje się, iż tenże WJX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibeckie, wszedłszy w niegodziwą znowę do buntu i rzezi, celem najmowania i przekupowania do tej zbrodni podobnych sobie złoczyńców, złotych sto u pracowitego Chwedka Czornohuba, poddanego wsi Zapadyniec, wziął, i on różnym osobom stanu chłopskiego, jako to: Petrowi, Gumiennego synowi, starszemu poddanemu wsi Hlibek, w domu jego, z obowiązkiem na niego włożonym a przez niego przyjętym, na tenże bunt werbowania ludzi, dał pieniędzy, a Chwedkowi, bratu tegoż Petra, drugiego dnia przybytemu do JX. Wołszyńskiego, dla poświęcenia wody dla słabej matki, w domu swoim namówionemu, temuż złotych pięć, i Iskowi Mielnikowi, z tejże wsi Hlibek na tenże niegodziwy zamiar, u pasiecznika Suchege w pasiece, jako i pierwszemu złotych pięć, a z dóbr wsi Indyk poddanym, Ilkowi, pasiecznika synowi, w mieście Mikołajowie, na święto Ruskie Topłoho Ołexaja, na jarmarku, tąż samą mnyślą złotych pięć onemu ofiarował, a ten podobnie z na tymże samym miejscu i od Petra, Gumiennego syna, z Hlibek, na tenże układ złotych cztery i groszy pięć przyjął, i za te pieniądze owsa sobie na tymże jarmarku na mieście kupił, Tumkowi Muzyce i tkaczowi w tymże mieście Mikołajowie na święto inne Ruskie, na Błahowiszczyenje, na jarmarku u Żyda sukiennika w sklepie złotych pięć, a temu także Petro Gumiennik na tymże miejscu złotych cztery bez groszy dziesięciu zaofiarował, i Andruchowi Basisie JX. Wołszyński na tymże jarmar-

Wypis z protokołu dekretowego sądów Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ósmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii dwu nastego dnia.

Na affektacją strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażonej, dekret wspomnianego protokołu tenoris talis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a W. Imci Xiędzem Mateuszem Chraszczewskim, Parochem wsi Dederkał Nizszych, i Zofią Chraszczewską, małżonką tegoż, tudzież pracowitymi Marcinem Drapalukiem, Stefanem Kondratiukiem, Hryckiem, Maxyma Kotyka synem, i Maxymem Mielnikiem, a dawniej Diakiem będącym, jednymi obwinionymi, a drugimi na świadectwo stawionymi, inkarceratami, Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycją od urodzonego Instygatora, jako to, przeciwko Imci Xiędzu Chraszczewskiemu Parochowi i Marciniowi Drapalukowi poddanemu wsi Dederkał Małych, o ukaranie kryminalne za wzięcie od Markietanów Moskiewskich pieniędzy, za wzniecenie buntu w pospólstwie przeciwko Panom własnym, Szlachcie i Żydom, na nieżywienie onych branych, a zaś przeciwko Zofii Chraszczewskiej, żonie Imci Xiędza Parocha Dederkałskiego, i pracowitym Stefanowi Kondratiukowi, Hryckowi, Maxyma Kotyka synowi, i Maxymowi Mielnikowi, a dawniej Diakiem będącemu, o złożenie dobrowolnych wyznań przeciwko stawionym w sądzie swoim inkarceratom, i o inne też propozycją objęte pretensye do sądu swego wyniesione, potrzebne być, najpierwej spisanie przez urodzonego Instygatora przeciwko stawionym punktów, końcem odebrania dobrowolnych od tychże wyznań, onych podpisania i w sądzie swoim złożenia, uznaje, a to natychmiast. A ponieważ też strona, dosyć czyniąc wyrokowi sądu swego, też punkta spisała i podpisane w sądzie swoim złożyła, prze to Sąd dosyć uczynić też stronę,

odebrał, do skonotowania takowych wyznań przystąpił. Po odebraniu których, z okoliczności sprawy terazniejszej wypływających, potrzebne być osobiste stawienie się Jacka Chraszczewskiego, WW. OO. Bazylianów klasztoru Zahajewskiego zakonnika, w sądzie swoim uznaje, a to natychmiast. A ponieważ stawił się, prze to Sąd dosyć uczynić i w tym punkcie onego odebrawszy i wyznania tegoż naoczne z JX. Chraszczewskim inkerceratem skonotowawszy, do czytania onych zabrał się. Z których przeczytanych tak na gruncie wsi Zahorzec, jako i przez swój wyprowadzonych i wysłuchanych dobrowolnych stawionych wyznań, gdy Sądowi daje się wiedzieć, że WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał Nizszych, z zakłóceniem się z Maxymem Mielnikiem Diakiem od tegoż w kłótni że był nazwany hajdamaką, zostawszy przez milicyantów Powiatowych w parafi Jampolskich spokojność pod bacznością W. Joachima Denyska, J. K. Mości Szambelana, przestrzegających, wziętym wraz z Zofią Chraszczewską, żoną onego, jako i innymi, do wsi Zahorzec tegoż W. Denyska przywiezionym, tamże zaraz w przytomności wielu indagowany, na dniu trzecim miesiąca Czerwca terazniejszego roku wyznał tylko, że Markietanie Moskiewscy w Pilipówkę u pracowitego Marcina Drapaluka, poddanego Dederkałskiego, nocowali i wieczorem u tegoż Parocha z kramem byli, u których kupił chustek dwie i pestry dla dziewczki, o niczem nie mówili, i więcej we wsi onych nie widział, a przypomniawszy sobie dalej indagowany, że i drugi raz Markietanie byli, ale ich dziewczka, mówiąc, iż Paroch już kupił chustki i pestrę, odprawiła. Opowiedział pytany znowu na dniu czwartym tegoż miesiąca, ponowił to, że powtórnie byli Markietanie; a czemu by zaraz tego nie mówił? odpowiedział, że zląkł się, ale aby przyszedł do niego Paroch Zahorecki, wszystko przez niego doniesć oświadczył. Jakoż natychmiast przed przywołanym Xiędzem Szymonem Jakubowiczem Zahoreckim wyjawiał: «Były u mene Markitany, i prawda, szczo mene namawiały, szczo by rizaty Lachow i Żydow, i dawały myni dwistie złotych, ale ja nechotiw braty hroszy, i kazawem, szczo toho ne zrobłu, szczo bym maw rizaty Lachow: holsze niczeho-`ne znaju.» Nocowali u Marcina Drapaluka, i to mówił, iż przed nim powidali, że dałi Drapalukowi rubli pięćdziesiąt, a Popi Łahodynieski i Zapadynieski że podjęli się im ludzi zebrać, i na to wzięli po rubli dwiescie. Na dniu piątym tego miesiąca jeszcze więcej wię a bałamuci; żadał, aby znowu Kapłan Zahorecki przyszedł, a

przed nim wyzna. Przed którym powtórnie przyzwanym mówił, że «wziąłem rubli dwieście. Cóż? Ja ubogi. Dawali mi Markietanie, to wziąłem, ale ludzi nie namawiałem, obiecywałem im ludzi tylko ze trzystu zebrać, ale to Marcin Drapaluk wziął rubli pięćdziesiąt. Powiadali mi, że im jakiś Ruski Hetman kazał to robić i że wszyscy Popi będą wolni, byle ludzi namówili, aby swoich Panów wyrznieć; że Moskwa ten kraj zabierze i my wszyscy będziemy jedno.» Marcin Drapaluk obiecał ludzi czterdzieści Markietanom w sposobie do rzezi. o Popach Łahodynieckim i Zapadynieckim, jak pierwiej mówił, powieść potwierdził. Na wzięte pieniądze podpisał się Markietanom, do przysięgi zaś nie był nagłonym. Powiedział na tym regestrze, na którym podpisał się, że wiele było podpisów innych, przyznał. Wzięta razem Zofia Chraszczewska, żona tegoż Parocha, tamże na dniu siódmym tego czasu wyznała, że w jesieni u męża jej było dwóch Markietanów, którzy dali pieniędzy, na wiosnę także dwóch, częstowani bawili długo iniodem i gorzałką, na ten czas do domu tegoż Parocha nadszedłszy Drapaluk, którego obaczywszy Markietan, rzekł do jej męża: «I ten nam podpisał się, daliśmy mu pieniądze,» ale Marcin, wystrzegając się jej, nic nie mówił; mówiącego Markietana słyszała, że: «Maesz, batku, sto rubli, a Martin od nas wziaw tylko troje te pieniądze»; że były w złocie, rublach i ćwiartkach dane, i do skrzynki przez jej schowane, widziała. A gdy mu Markietanie mówili, że trzeba przysiędz, albo podpisać ię, na to mąż jej odpowiedział, że: «Dosyć myni podpisaty sia, a pryrekaju, że dotrymaju Kapłańskim słowom.» Dalej pytana, czyli obiecywał mąż ludzi przybrać do tego, że «nie uważała tego,» odpowiedziała, tylko jak nóż chciała kupować Markietanie mówili, że takich wiele ludziom zostawili, a ten, który kupiła, był ostry i, robiąc koło buraków, złamała go. A jak mówiła mężowi swemu o tym interesie, zawsze jej odpowiedział groźno: «Szczu do tebe należyt, hlady swoho!» Wyznała i to, że ciż Markietanie przynosili do izby w pęcherzach proch, kule i szrót, lecz mąż jej nie chciał tego przyjąć wybrzegając się żony i mówiąc, że gdy będzie potrzeba, kupię sobie. Czas Markietanie naznaczali być w gotowości na Święta Wielkanocne, lub później, od jej męża zagadnieni. Dodała i to w swojej opowiedzi, że, bawiąc się z sobą, z izby z dzieckiem ją odprawiali. Przystawieni potem do sądu, indagowany najprzód Xiądz Mateusz Chraszczewski wyznał w sądzie, że Markietanie dwa razy u niego byli, nocowali u Marcina Drapaluka; pierwszy raz byli

u niego, u których kupił chustkę, pestrą i cycu na spodnicę; na dopłacenie tego kupna pożyczył u swej dziewczki złotych siedm; a drugi raz gdy byli, tylko pestrą obaczył na stole rozwinioną; gdy mu się zdała drogą, nie kupił, nic z nimi nie mówił o niczym, wyznał, a co mówił w Zahorcach, że obietnicą uwolnienia siebie z detencyi, tamże przyznawał. Opowiedział, to nie było w Sądzie, zaparł się. Stawiona zaś Zofia Chrząszczewska, żona onego, w sądzie swym opowiedziała, że jak nocowało trzech Markietanów w Dederkałach u Marcina Drapaluka, jeden przyszedł do domu Parocha, jej męża, z chustkami i innym towarem, na ten czas sama za piecem siedziała, kądziel przędła, a dziewczka także służąca za piecem w kącie spała, uważała miejscem między piecem a kominem niezabudowanym, że mąż jej u tegoż Markietana chustek dwie i cycu na spodnicę kupił, a gdy tenże Markietan dobył chustek jedwabnych i mówił onemu, aby kupił, Paroch odpowiedział, że na zapłacenie takich chustek nie ma pieniędzy. Rzekł mu na ten czas Markietan: «Kiedy nie masz, ja ci dam więcej, jak na chustki potrzeba.» Zapytał się jej mąż, za cóż ty mnie dasz, a Markietan mówił: «Za to, abys do nas przystał na bunt rznać Lachów i Żydów;» nie słysząc więcej, co z sobą po cichu gadali, uważając tylko nieznacznie z za pieca, widziała, że Markietan dostał worka i mężowi jej na stole odrachowwał rubli sto pieniędzmi różnymi, które pieniądze mąż jej do skrzynki schowawszy, poszedł do alkierza, wziął kałamarz z półki i papier, czyli na nim co pisał, czyli przysiągł, wiedzieć nie można. Nadszedł potem Marcin Drapaluk do izby, a postrzegłszy siedzącą za piecem Parocha żonę, nie mając co innego mówić, słyszała, że do jej męża powiedział: «Jak teje bude sino?» Lecz Markietan zaraz do jej męża mówił: «Ot i toj czołowik przystał do nas i wziaw hroszi tolko troje, szczo ty,» obróciwszy się do Drapaluka tenże Markietan rzekł do niego: «Hlady ż, czy budesz ty bespeczen!» Na co Drapaluk odpowiedział: «Wszak już się raz howoryło,» a wystrzegając się więcej mówić przy tejże, poszedł z chałupy, a mąż jej, wzięwszy flaszkę z gorzałką ze skrzyni, którą miał od brata swego Bazyljana, tegoż Markietana częstował i jeść onemu dać kazał, a tak, zszedłszy z za pieca tegoż Parocha żona, postawiła na stole barszczu i penca-ku, który zjadłszy, do jej męża mówił, aby na wiosnę był gotowym, i wyszedłszy do sieni, chciał przynieść kosz z nożami, ale mąż jej nie kazał nieść do izby, tylko, wyszedłszy za nim na podwórzo

jeden, nóż do izby przyniósł, w biały kościany trzonek oprawiony, ten nóż kiedy dziewczka robiąc koło buraków złamała, i z rozkazu tejże Zofii Chraszczewskiej w śnieg zarzucony został. Dalej wyznała, że za pieniądze, wzięte u Markietana, mąż jej kupił konia, kożuch, suknią wierzchnią sobie sprawił, bekiesze żonie sporządził, a gdy się pytała później, gdzie tych resztę pieniędzy obrócił, powiedział jej, że swemu bratu, Bazyljanowi z Zahajec, rubli trzydzieści pożyczł. Zgodziła się powieść z mężem i w tem, że drugi raz Markietan w Wielkim Poście inny był w domu u nich z pestrą, o którą gdy mąż jej nie mógł się zgodzić, wyszedł Markietan z chałupy, a za nim jej mąż, i na podwórzu z sobą gadali, lecz co? nie wiem; że Xiądz Bazyljan z Zahajec, brat jej męża, często hywał w ich domu, i do cerkwi tylko oba chodzili, jak mąż jej powiadał, dla spowiedzi, wyznała. Wezwany Marcin Drapaluk przyznanie Parocha i jego żony, że Markietanie, idąc do Dubna, tygodniem przed Bożym Narodzeniem, we wsi Dederkałach byli, trzech u niego nocowali, u tych chustek dwie, dawszy za jedną złotych cztery groszy 15, za drugą złotych dwa, kupił, i Hrycko, Maxyma Kotyka syn, na ten, czas odebrawszy złoty sobie winny od Drapaluka, nożyk składany dla siebie od tychże Markietanów zapłacił, potwierdził. A w ten czas, kiedy ci Markietanie u Popa byli, on nie był, pieniędzy od nich nie brał, o buntach z nimi nie mówił, zaparł się. A Hrycko, Maxyma Kotyka syn, że na ten czas, kiedy Markietanie nocowali u Drapaluka tam, że przyszedłszy po dług sobie winny, zastał w izbie Jakuba, zięcia Marcina, i Dembka, jego najemnika, a samego Marcina na piecu leżącego, gdzie Markietanie kram swój rozłożywszy, tenże Hrycko odebrawszy złoty od Marcina Drapaluka, od tychże nożyk mały dla siebie kupił, i zaraz z tamąd odszedł. Podobnie zgadzają się w tem Stepan Kondratiuk, Maxym Mielniczuk Diak, przyznali, że Markietanie we wsi Dederkałach po dwa razy byli, po wsi chustki i pestrę roznosili, Paroch u onych, jako wyżej, chustki, pestrę i cycę pokupował, słyszeli. Po takowych z stawionych odebranych dobrowolnych wyznaniach, WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał, pod strażą będący, gdy, za prośbą komendy, do sądu swego oświadczając prawdę opowiedzieć, został powtórnie przystawionym, wyznał, że był, u niego Markietan, u którego kupił chustki, prosił dla konia o owies, dał dwa pierścionki dziewczce, za to Xiądz Mateusz Chraszczewski Paroch Dederkał, poszedł z nim na humnó, dał mu łamiankę

owsa przy swym parobku, a gdy się parobek oddalił dać bydłu, poszedł Markietan z tym że Parochem do stodoly i, wyjąwszy worek z pieniędzmi, dał mu złotych dwieście w złocie, rublach i sorokowcach, mówiąc onemu, aby ludzi dziesięciu zwerbował do rzezi Lachów i Żydów. Te pieniądze wzięwszy tenże Paroch, dla pewności, złożywszy na krzyż obydwóch rąk palce, jak powiada, tak przysiągł przed tymże Markietanem: «Prysiahaju Hospodu Bohu, w Trojci świętoj Jedynomu, jako za tyi hroszi ludej desiat do buntu zwerbuję.» Po takiej umowie odjechawszy od niego Markietan, te pieniądze wzięte w stodole w słomę schował, tam byli przez noc, dopiero nazajutrz przyniósł je do chałupy i do skrzynki schował, później za nie konia za złotych 60, kozuch za złotych 27 kupił, za suknią wierzchnią złotych 25 gr. 20, za przerobienie sukni starszej 10 złotych i gr. 18 zapłacił. A przysięgając przed Markietanem, miał inną myśl, i tylko dla tego przysięgał, żeby wziął pieniądze i jako ubogi i potrzebny, w swoim wyznaniu dodał. Znowu przerwawszy dalsze swoje opowiadanie, stojąc w Sądzie, wszystkiego żapał się, i że to, co mówił pierwej, nadzieją uwolnienia siebie z detencji wyznawał, bo tak mu żołnierz pilnujący go mówił. Oświadczył natomiast do żony własnej wyznania, gdy mu co na oczy powie, odwołał się. Jakoż przyprowadzona Zofia Chraszczewska żona onego, gdy mu naocznie to wszystko co pierwej w Sądzie opowiedziała, wymówiła, aby sam się nie tait, męża swego reflektowała, mówiąc do niego: «Ze to prawda, skażyte, ne zaperajte sie!» Tenże Xiądz Chraszczewski przyznał się, że tak było wszystko, jak żona mówi, odmiętnijając w tem tylko jej powieść, że nie sto rubli, ale złotych dwieście od Markietana, że na rejestrze nie podpisywał się dla tego, że w kałamarzu nie było atramentu, ale że przysiągł przed Piliponem, co był u niego, złożywszy palce na krzyż, jako wyżej wyznał. Bratu swemu Bazyljanowi 30 rubli nie pożyczał, bekieszę żonie, że dawniej sprawiona i nie za te pieniądze, w oczy onej wymówił, przecież żona onego czas «sprawienia tejże jeden, jak i pierwej, onemu przypominała, i po takowym naocznym z żoną rozhovorze, gdy taż żona z nakazu od Sądu wyjść miała, tenże Xiądz Chraszczewski Sądowi kłaniać się zaczął, prosząc, aby mu życia nie odbierać, bo nie miał myśli ludzi najmywać na bunt, tylko z ubóstwa i potrzeby pieniądze wziął. Do tego stawiony: Xiądz Jacek Chraszczewski, Bazy-

Jian Zahajecki, brat tegoż Parocha Dederkańskiego, że bywał w Dederkałach dla spowiedzi wzajemnie z swoim bratem, nie wyznał, aby od swego brata rubli 30 pożyczył, owszem że brat onemu danych złotych kilkadziesiąt na wyświęcenie się winnym został, i że o wziętych pieniądzech od Markietana nigdy onemu nie zwierzył się, tłumaczył się. Prze to Sąd, uważając, chociaż kilkokrotne, odmienne X. Mateusza Chraszczewskiego Parocha Dederkańskiego, przyznanie się, żadną, jednak, groźbą kary nie wymuszone, a przez żonę onego o dobrym pożyciu między sobą od czasu zaczętego małżeństwa Sądowi swemu z dościgania, a to tak przez męża, jako i żonę opowiedzianą dosyć jasnie, gdy naocznie wyżej opisany postępek okazuje się, gromiąc zamysł tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkańskiego, i podjęcie się werbowania ludzi do rzezi prawu Boskiemu sprzeciwiające się, branie na to pieniędzy, skutek wykonania przysięgi nieprzyzwoitej przed Markietanem stanowi duchownemu na zgorszenie ludu sobie powierzono do uczenia zachowania przykazań Bokich nieprzyzwoite i do niespokojności krajowej zamiar mające, tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkańskiego, winnym być kar kryminalnych wynajduje, aby tenże przez mistrza sprawiedliwości na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, po degradowaniu onegoż przez JW. Imci Xiędza Biskupa Łuckiego, pod którego zostaje zwierzchnością, i uwolnieniu tegoż od obrządków Parocha, na dniu trzydziestym pierwszym miesiąca Lipca w roku terażniejszym, miał głowę uciętą, sądzi, i dla dopełnienia wyroku swego aby urząd wójtowski i ławniczy miasta J. K. Mści Krzemieńca exekucją tegoż dopełnił, nakazuje. A że i Marcin Drapaluk z powyższych wyznał tak Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, jako i żony onego, przekonany, okazuje się, że Markietanów u siebie przechowywał, Markietanowi, będącemu u Parocha, że wziął pieniądze na werbunek ludzi do buntu w słowach, jako wyżej wyrażono, że przyrzeczenie dotrzymać zaręczał, przerywając tego myśl takową niegodziwą, że jednak dokładnie nie wyjawioną, winnym go także być sądzi, aby na sześćioletnie więzienie do fortecy Kamieńca Podolskiego i do roboty tamże był odesłany, uznaje, a po odbyciu takowego czasu więzienia dopiero ma być wolnym, deklaruje. Zofia Chraszczewska, żona Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkał, jako tylko dla opowiedzenia występku mężą swego, Maxyma Mielniczuka Diaka, Stepana Kondra-

podawał, a potem do domu onych własnego przyszedłszy, dla tém większej pewności i ugruntowania w nich bezbożnych zamiarów, na wierność i dotrzymanie tego, co mu przyrzekli, przysięgi onych wysłuchał, a z powracającym takż: z Felsztyńskiego jarmarku z Dymitrem Perebijnosem gdy tenże JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na drodze zdybał się, po rozmówieniu się z nim, z kąd i co jest za człowiek, i onego do swojej kommandy namówiwszy, dawszy mu takż, jako i pierwszym, złotych dziesięć, tamże onemu ż na drodze kazawszy na krzyż złożyć palce i jego na podobną z rotkę przysięgi wysłuchał, i debywszy rejestru z kieżeni, onego sobie zapisał, a jako takż Andruch Mobyra, Hryćko, Marków syn, i Hryćko, Marków zięć, równie jako i on do niego należa, przed tymże Perebijnosem powiedział, a powiększając kompanią tak niegodziwą swoją tenże JX. Majowiecki, gdy z tymiż ludźmi w domu swoim napijał się, a do niego Andruch Legaj, z dóbr wsi Petrykowiec, nadeszedł, i temu równie, jako i innym, do siebie namówionemu, w tę porę złotych dziesięć zaofiarował, i pieniądze że na to ma od markietanów chwalił się. Chwędko Kryszczuk, z dóbr wsi Chominiec, chociaż zdybawszy się raz na drodze z JX. Majowieckim, na podmowę do buntu nie przystał, gdy jednak potem na chrzciniach u Dymitrowego syna żony on widział się, i ten go podmawiając, na siebie ten grzech przyjął, uwiedziony perswazyami, jako inni równie, chociaż pieniędzy nie wzięł, jednak do niego przystał. Fedko Promków z Chominiec, Iwan Białous z Tretelaik i Dymitro tkacz Łaban z Bachtaj, równie jako i pierwsi, z podmowy tegoż JX. Majowieckiego, do niego poprzystawawszy i pieniądze od niego na to pobrawszy, w takowy ż buntowniozy registr wpisać się onemu po różnych miejscach, to w domu jego własnym, to w karczmie, dopuścili. A po tak jasnych i gruntownych wyznaniach więźnia z opowiedzeniem Kiryły po trzykrotnym zniesionych i naocznie, z każdym sprowadzonych, lubż JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na wszystkie przewinienia z osoby swej w sądzie swoim zapiera się i w niczem przekonany być nie chce, gdy jednak wyznania wszystkich na niego inkarceratów stosownie do wyznania i opowiedzenia Kiryły przez wszystkie okoliczności i indycya rzeczy przez sąd swój zważane i dochodzone i naoczności Kiryły po dwakrotnie w domu JX. Majowieckiego z kartą od mielnika z Czermawy obchodzącego, i od tegoż po różnych wsiach, w których wyżej wyrażonych ludzi miał

już JX. Majowiecki ponamawianych będącego, rzetelne i sprawiedliwe widzieć się dają, a nad to także z dobrowolnego wyznania pracowitego Andrzeja Bednarza, z dóbr wsi Geletyniec, JW. Stadnickiego, orderu Sw. Stanisława Kawalera, dziedzicznych, w Województwie Podolskim leżących, do kommissyi porządkowej Województwa tegoż do Kamieńca przystawionego, na dniu jeszcze 25 miesiąca Kwietnia, przez tą Kommissyą odebranego, w sądzie swoim złożonego, pokazało się, tenże Bednarz wprzód na gruncie, w przytomności wielu osób, przy wyznaniu jego będących, a potem w tejże Kommissyi stawiony, że on wraz z innymi od markietanów Moskiewskich do tegoż buntu namowionymi ludźmi, do kommandy Popa Czabańskiego należeć miał; prze to sąd, oddając wymiar sprawiedliwości każdemu z więźniów, winnymi być odebrania kary śmierci pracowitych Wasyla Mielnika, z dóbr wsi Czerniawy, Tymka Mielnika, z dóbr wsi Kosznrówki, JX. Majowieckiego, Parochą Czabańskiego, Andrucha Mohyrę mielnika; Hrycka, Markowego syna, Dymytra, Markowego zięcia, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytra Perebyjnosa, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za wyżej dotknięte w edukcie wyznań onych przestępstwa i przewinienia uznaje, sądząc, ażeby Wasyl Mielnik z Czerniawy i Tymko Mielnik z Kosznrówki, niegodziwych zamysłów Wasyla Mielnika współniki, za burzenie spokojności krajowej i porywanie się przeciwko własnym panom i usiłowanie koniecznie niezyczenie Szlachty i Żydów, przeciwko prawom Boskim i narodowym wykraczający, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca przez mistrza sprawiedliwości zostali ścięci. Głowa Mielnika z Czerniawy na polu przez tydzień pozostać ma przy szubienicy. A JX. Majowiecki, Paroch Czabański, wprzód przez kommandę krajową do miasta Łucka do JW. Biskupa orbządu tegoż, podług duchownych praw, po degradacyą był odprowadzony uznaje, a po zdjęciu poświęcenia z tegoż aby podobnie i ten, za takowy zły przykład, duchownym z siebie, z pogorszeniem ludu prostego dany, i wyżej dotknięte przestępstwa przykazań Bożych i przewinienia swoje, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, na dniu 31 Julii, roku terażniejszego, powrócony, był ścięty, nakazuje. A pracowici, Andruch Mohyra, Hrycko, Marka syn, Dymytro Markow zięć, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytro Perebijnos, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za podobne przestępstwa swoje i wykonanie przysięgi przed JX. Majowieckim, Parochem Czabańskim, przez mistrza tegoż sprawiedliwości w mieście J. K.

Mści Krzemieńcu na szubienciach, z obydwóch stron miasta, byli powieszani, i na tychże przez tydzień wisieli, sędzi, i egzekucją tychże do sądu Wojtowskiego Ławniczego miasta J. K. Mści Krzemieńca odsyła, a to natychmiast. Ponieważ zaś pracowici: Wasyl Działczek i Fedko Goj, z dóbr wsi Kosznrówki, Andruch Legaj, z dóbr wsi Pętrykowiec, Fedko Promków, z dóbr wsi Chominiec, Iwan Białous, z dóbr wsi Tretelnik, i Dymytro tkacz Łaban, z dóbr wsi Buchtaj, podmowieni na takż zły i niegodziwy zamiar, od Wasyla Mielnika pieniądze brać poważyli się, lubo i ci równego ukarania zasłużyli, końcem jednak poprawy dalszego życia ich, sąd onych do fortecy miasta Kamieńca Podolskiego do więzienia do taezek na lat trzy każdego odsyła, a po takowej odebranej przez tychże karze sąd onych dopiero z więzienia wolnymi mieć chce. Ze zaś i pracowity Fedko Kryszczuk z dóbr wsi Chominiec, z własnego wyznania być winnym, jako wyżej jest opisano, okazał się, prze to podległego być karze cielesnej uznaje, sądząc, aby ten na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca pod pręgierzem łóz sto przez sluge miejskiego odebrał, a pracowity Jakim, Wasyla Mielnika syn, ponieważ tylko ojcu swemu, z Tymkiem Mielnikiem z Kosznrówki na bunty układ czyniącym, perswadował i onych od złych zamysłów odwedził, prze to sąd tegoż i w odebranej karze Fedka Kryszczuka natychmiast wolnymi być deklaruje. Pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecką wydaje się. L. S. Correxi Turowski mp.

Legit, cym protocollo Korytowski inp.

Wypis z protokołu dekretowego sądów Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii dwu nastego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażonej, dekret wspomnianego protokołu tenoris talis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a W. Imci Xiędzem Mateuszem Chraszczewskim, Parochem wsi Dederkał Nizszych, i Zofią Chraszczewską, małżonką tegoż, tudzież pracowitymi Marcinem Drapalukiem, Stefanem Kondratiukiem, Hryckiem, Maxyma Kotyka synem, i Maxymem Mielnikiem, a dawniej Diakiem będącym, jednymi obwinionymi, a drugimi na świadectwo stawionymi, inkarceratami, Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodzonego Instygatora, jako to, przeciwko Imci Xiędzu Chraszczewskiemu Parochowi i Marcinowi Drapalukowi poddanemu wsi Dederkał Małych, o ukaranie kryminalne za wzięcie od Markietanów Moskiewskich pieniędzy, za wzniecenie buntu w pospólstwie przeciwko Panom własnym, Szlachcie i Żydom, na nieżywienie onych branych, a zaś przeciwko Zofii Chraszczewskiej, żonie Imci Xiędza Parocha Dederkałskiego, i pracowitym Stefanowi Kondratiukowi, Hryckowi, Maxyma Kotyka synowi, i Maxymowi Mielnikowi, a dawniej Diakiem będącemu, o złożenie dobrowolnych wyznań przeciwko stawionym w sądzie swoim inkarceratom, i o inne też propozycyą objęte pretenzye do sądu swego wyniesione, potrzebne być, najpierwej spisanie przez urodzonego Instygatora przeciwko stawionym punktów, końcem odebrania dobrowolnych od tychże wyznań, onych podpisania i w sądzie swoim złożenia, uznaje, a to natychmiast. A ponieważ też strona, dosyć czyniąc wyrokowi sądu swego, też punkta spisała i podpisane w sądzie swoim złożyła, prze to Sąd dosyć uczynić też stronę,

odebrał, do skonnotowania takowych wyznań przystąpił. Po odebraniu których, z okoliczności sprawy terażniejszej wypływających, potrzebne być osobiste stawienie się Jacka Chraszczewskiego, WW. OO. Bazylianów klasztoru Zahajewskiego zakonnika, w sądzie swoim uznaje, a to natychmiast. A ponieważ stawiał się, prze to Sąd dosyć uczynić i w tym punkcie onego odebrałszy i wyznania tegoż naoczne z JX. Chraszczewskim inkerceratem skonnotowawszy, do czytania onych zabrał się. Z których przeczytanych tak na gruncie wsi Zahorzec, jako i przez swój wyprowadzonych i wystuchanych dobrowolnych stawionych wyznań, gdy Sądowi daje się wiedzieć, że WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał Nizszych, z zakłócenia się z Maxymem Mielnikiem Diakiem od tegoż w kłótni że był nazwany hajdamaką, zostawszy przez milicyantów Powiatowych w parafii Jampolskich spokojność pod baczością W. Joachima Denyska, J. K. Mości Szambelana, przestrzegających, wziętym wraz z Zofią Chraszczewską, żoną onego, jako i innymi, do wsi Zahorzec tegoż W. Denyska przywiezionym, tamże zaraz w przytomności wielu indagowany, na dniu trzecim miesiąca Czerwca terażniejszego roku wyznał tylko, że Markietanie Moskiewscy w Pilipówkę u pracowitego Marcina Drapaluka, poddanego Dederkalskiego, nocowali i wieczorem u tegoż Parocha z kramem byli, u których kupił chustek dwie i pestry dla dziewczki, o niczem nie mówili, i więcej we wsi onych nie widział, a przypomniawszy sobie dalej indagowany, że i drugi raz Markietanie byli, ale ich dziewczka, mówiąc, iż Paroch już kupił chustki i pestrę, odprawiła. Opowiedział pytany znowu na dniu czwartym tegoż miesiąca, ponowił to, że powtórnie byli Markietanie; a czemu by zaraz tego nie mówił? odpowiedział, że załkał się, ale aby przyszedł do niego Paroch Zahorecki, wszystko przez niego donieść oświadczył. Jakoż natychmiast przed przywołanym Xiędzem Szymonem Jakubowiczem Zahoreckim wyjawił: «Były u mene Markitany, i prawda, szczo mene namawiały, szczo by rizaty Lachow i Żydow, i dawały myni dwistie złotych, ale ja nechotiw braty hroszy, i kazawem, szczo toho ne zroblu, szczo bym maw rizaty Lachow; holsze niczego ne znaju.» Nocowali u Marcina Drapaluka, i to mówił, iż przed nim powidali, że dał Drapalukowi rubli pięćdziesiąt, a Popi Łahodynieski i Zapadynieski że podjęli się im ludzi zebrać, i na to wzięli po rubli dwieście. Na dniu piątym tego miesiąca jeszcze więcej wię a bałamuci; żądał, aby znowu Kapłan Zahorecki przyszedł, a

przed nim wyzna. Przed którym powtórnie przyzwanym mówił, że «wziąłem rubli dwieście. Cóż? Ja ubogi. Dawali mi Markietanie, to wziąłem, ale ludzi nie namawiałem, obiecywałem im ludzi tylko ze trzystu zebrać, ale to Marcin Drapaluk wziął rubli pięćdziesiąt. Powiadali mi, że im jakiś Ruski Hetman kazał to robić i że wszyscy Popi będą wolni, byle ludzi namówili, aby swoich Panów wyrzneli; że Moskwa ten kraj zabierze i my wszyscy będziemy jedno.» Marcin Drapaluk obiecał ludzi czterdzieści Markietanom w sposobie do rzezi, o Popach Łahodynieckim i Zapadynieckim, jak pierwiej mówił, powjeść potwierdził. Na wzięte pieniądze podpisał się Markietanom, do przysięgi zaś nie był naglonym. Powiedział na tym regestrze, na którym podpisał się, że wiele było podpisów innych, przyznał. Wzięta razem Zofia Chraszczewska, żona tegoż Parocha, tamże na dniu siódmym tego czasu wyznała, że w jesieni u męża jej było dwóch Markietanów, którzy dali pieniędzy, na wiosnę także dwóch, częstowani bawili długo miodem i gorzałką, na ten czas do domu tegoż Parocha nadszedłszy Drapaluk, którego obaczywszy Markietan, rzekł do jej męża: «I ten nam podpisał się, daliśmy mu pieniądze,» ale Marcin, wystrzegając się jej, nic nie mówił; mówiącego Markietana słyszała, że: «Maesz, batku, sto rubli, a Martin od nas wziaw tylko troje te pieniądze»; że były w złocie, rublach i ćwiartkach dane, i do skrzynki przez jej schowane, widziała. A gdy mu Markietanie mówili, że trzeba przysiądz, albo podpisać ię, na to mąż jej odpowiedział, że: «Dosyć myni podpisyt sja, a pryrekaju, że dotrymaju Kapłańskim słowom.» Dalej pytana, czyli obiecywał mąż ludzi przybrać do tego, że «nie uważała tego,» odpowiedziała, tylko jak nóż chciała kupować Markietanie mówili, że takich wiele ludziom zostawili, a ten, który kupiła, był ostry i, robiąc koło buraków, złamała go. A jak mówiła mężowi swemu o tym interesie, zawsze jej odpowiedział groźno: «Szczu do tebe należyt, hlady swoho!» Wyznała i to, że ciż Markietanie przynosili do izby w pęcherzach proch, kule i szrót, lecz mąż jej nie chciał tego przyjąc wybtrzegając się żony i mówiąc, że gdy będzie potrzeba, kupię sobie. Czas Markietanie naznaczali być w gotowości na Święta Wielkanocne, lub później, od jej męża zagadnieni. Dodała i to w swojej opowiedzi, że, bawiąc się z sobą, z izby z dzieckiem ją odprawiali. Przystawieni potem do sądu, indagowany najprzód Xiądz Mateusz Chraszczewski wyznał w sądzie, że Markietanie dwa razy u niego byli, nocowali u Marcina Drapaluka; pierwszy raz byli

u niego, u których kupił chustkę, pestrą i cycu na spodnicę; na dopłacenie tego kupna pożyczyl u swej dziewczki złotych siedm; a drugi raz gdy byli, tylko pestrą obaczył na stole rozwinioną; gdy mu się zdała drogą, nie kupił, nic z nimi nie mówił o niczym, wyznał, a co mówił w Zahorcach, że obietnicą uwolnienia siebie z detencyi, tanże przyznawał. Opowiedział, to nie było w Sądzie, zaparł się. Stawiona zaś Zofia Chrząszczewska, żona onego, w sądzie swym opowiedziała, że jak nocowało trzech Markietanów w Dederkałach u Marcina Drapaluka, jeden przyszedł do domu Parocha, jej męża, z chustkami i innym towarem, na ten czas sama za piecem siedziała, kądział przędała, a dziewczka także służąca za piecem w kącie spała, uważała miejscem między piecem a kominem niezabudowanym, że mąż jej u tegoż Markietana chustek dwie i cycu na spodnicę kupił, a gdy tenże Markietan dobył chustek jedwabnych i mówił onemu, aby kupił, Paroch odpowiedział, że na zapłacenie takich chustek nie ma pieniędzy. Rzekł mu na ten czas Markietan: «Kiedy nie masz, ja ci dam więcej, jak na chustki potrzeba.» Zapytał się jej mąż, za có ż ty mnie dasz, a Markietan mówił: «Za to, abys do nas przystał na bunt rznać Lachów i Żydów;» nie słyszac więcej, co z sobą po cichu gadali, uważając tylko nieznacznie z za pieca, widziała, że Markietan dostał worka i mężowi jej na stole odrachowwał rubli sto pieniędzmi różnymi, które pieniądze mąż jej do skrzynki schowawszy, poszedł do alkierza, wziął kałamarz z półki i papier, czyli na nim co pisał, czyli przysiągł, wiedziec nie można. Nadszedł potem Marcin Drapaluk do izby, a postrzegłszy siedzącą za piecem Parocha żonę, nie mając co innego mówić, słyszała, że do jej męża powiedział: «Jak teje bude sino?» Lecz Markietan zaraz do jej męża mówił: «Ot i toj czołowik przystał do nas i wziaw hroszi tolko troje, szczo ty,» obróciwszy się do Drapaluka tenże Markietan rzekł do niego: «Hlady ż, czy budesz ty bespeczen!» Na co Drapaluk odpowiedział: «Wszak już się raz howoryło,» a wystrzegając się więcej mówić przy teje, poszedł z chałupy, a mąż jej, wzięwszy flaszkę z gorzałką ze skrzyni, którą miał od brata swego Bazyljana, tegoż Markietana częstował i jeść onemu dać kazał, a tak, zszedłszy z za pieca tegoż Parocha żona, postawiła na stole barszczu i penca-ku, który zjadłszy, do jej męża mówił, aby na wiosnę był gotowym, i wyszedłszy do sieni, chciał przynieść kosz z nożami, ale mąż jej nie kazał nieść do izby, tylko, wyszedłszy za nim na podwórze

jeden, nóż do izby przyniósł, w biały kościany trzonek oprawiony, ten nóż kiedy dziewczka robiąc koło buraków zламаła, i z rozkazu tejże Zofii Chraszczewskiej w śnieg zarzucony został. Dalej wyznała, że za pieniądze, wzięte u Markietana, mąż jej kupił konia, kożuch, suknią wierzchnią sobie sprawił, bekiesze żonie sporządził, a gdy się pytała później, gdzie tych resztę pieniędzy obrócił, powiedział jej, że swemu bratu, Bazyljanowi z Zahajec, rubli trzydzieści pożyczł. Zgodziła się powieść z mężem i w tem, że drugi raz Markietan w Wielkim Poście inny był w domu u nich z pestrą, o którą gdy mąż jej nie mógł się zgodzić, wyszedł Markietan z chałupy, a za nim jej mąż, i na podwórzu z sobą gadali, lecz co? nie wiem; że Xiądz Bazyljan z Zahajec, brat jej męża, często hywał w ich domu, i do cerkwi tylko oba chodzili, jak mąż jej powiadał, dla spowiedzi, wyznała. Wezwany Marcin Drapaluk przyznanie Parocha i jego żony, że Markietanie, idąc do Dubna, tygodniem przed Bożym Narodzeniem, we wsi Dederkałach byli, trzech u niego nocowali, u tych chustek dwie, dawszy za jedną złotych cztery groszy 15, za drugą złotych dwa, kupił, i Hrycko, Maxyma Kotyka syn, na ten, czas odebrawszy złoty sobie winny od Drapaluka, nożyk składany dla siebie od tychże Markietanów zapłacił, potwierdził. A w ten czas, kiedy ci Markietanie u Popa byli, on nie był, pieniędzy od nich nie brał, o buntach z nimi nie mówił, zaparł się. A Hrycko, Maxyma Kotyka syn, że na ten czas, kiedy Markietanie nocowali u Drapaluka tam, że przyszedłszy po dług sobie winny, zastał w izbie Jakuba, zięcia Marcina, i Dembka, jego najemnika, a samego Marcina na piecu leżącego, gdzie Markietanie kram swój rozłożywszy, tenże Hrycko odebrawszy złoty od Marcina Drapaluka, od tychże nożyk mały dla siebie kupił, i zaraz z tamtąd odszedł. Podobnie zgadzają się w tem Stepan Kondratiuk, Maxym Mielniczuk Diak, przyznali, że Markietanie we wsi Dederkałach po dwa razy byli, po wsi chustki i pestrę roznosili, Paroch u onych, jako wyżej, chustki, pestrę i cycę pokupował, słyszeli. Po takowych z stawionych odebranych dobrowolnych wyznaniach, WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał, pod strażą będący, gdy, za prośbą komendy, do sądu swego oświadczając prawdę opowiedzieć, został powtórnie przystawionym, wyznał, że był u niego Markietan, u którego kupił chustki, prosił dla koma o owies, dał dwa pierścionki dziewczce, za to Xiądz Mateusz Chraszczewski Paroch Dederkał, poszedł z nim na humnó, dał mu łamiankę

owsa przy swym parobku, a gdy się parobek oddalił dać bydłu, poszedł Markietan z tym że Parochem do stodoly i, wyjąwszy worek z pieniędzmi, dał mu złotych dwieście w złocie, rublach i sorokowcach, mówiąc onemu, aby ludzi dziesięciu zwerbował do rzezi Lachów i Żydów. Te pieniądze wzięwszy tenże Paroch, dla pewności, złożywszy na krzyż obydwóch rąk palce, jak powiada, tak przysiągł przed tymże Markietanem: «Prysiahaju Hospodu Bohu, w Trojci świętoj Jedynomu, jako za tyi hroszi ludej desiat do buntu zwerbuję.» Po takiej umowie odjechawszy od niego Markietan, te pieniądze wzięte w stodole w słomę schował, tam byli przez noc, dopiero nazajutrz przyniósł je do chałupy i do skrzynki schował, później za nie konia za złotych 60, kozuch za złotych 27 kupił, za suknią wierzchnią złotych 25 gr. 20, za przerobienie sukni starej 10 złotych i gr. 18 zapłacił. A przysięgając przed Markietanem, miał inną myśl, i tylko dla tego przysięgał, żeby wziął pieniądze i jako ubogi i potrzebny, w swoim wyznaniu dodał. Znowu przerwawszy dalsze swoje opowiadanie, stojąc w Sądzie, wszystkiego żapał się, i że to, co mówił pierwiej, nadzieją uwolnienia siebie z detencji wyznawał, bo tak mu żołnierz pilnujący go mówił. Oświadczył naostatek do żony własnej wyznania, gdy mu co na oczy powie, odwołał się. Jakoż przyprowadzona Zofia Chraszczewska żona onego, gdy mu naocznie to wszystko co pierwiej w Sądzie opowiedziała, wymówiła, aby sam się nie tał, inęża swego reflektowała, mówiąc do niego: «Że to prawda, skażyte, ne zaperajte sie!» Tenże Xiądz Chraszczewski przyznał się, że tak było wszystko, jak żona mówi, odmieniając w tem tylko jej powieść, że nie sto rubli, ale złotych dwieście od Markietana, że na rejestrze nie podpisywał się dla tego, że w kałamarzu nie było atramentu, ale że przysiągł przed Piliponem, co był u niego, złożywszy palce na krzyż, jako wyżej wyznał. Bratu swemu Bazyljanowi 30 rubli nie pożyczał, bekieszę żonie, że dawniej sprawiona i nie za te pieniądze, w oczy onej wymówił, przecież żona onego czas «sprawienia tejże jeden, jak i pierwiej, onemu przypominała, i po takowym naocznym z żoną rozhovorze, gdy taż żona z nakazu od Sądu wyjść miała, tenże Xiądz Chraszczewski Sądowi klaniać się zaczął, prosząc, aby mu życia nie odbierać, bo nie miał myśli ludzi najmywać na bunt, tylko z ubóstwa i potrzeby pieniądze wziął. Do tego stawiony: Xiądz Jacek Chraszczewski, Bazy-

lian Zahajecki, brat tegoż Parocha Dederkałskiego, że bywał w Dederkałach dla spowiedzi wzajemnie z swoim bratem, nie wyznał, aby od swego brata rubli 30 pożyczył, owszem że brat onemu danych złotych kilkadziesiąt na wyświęcenie się wianym został, i że o wziętych pieniądzech od Markietana nigdy onemu nie zwierzył się, tłumaczył się. Prze to Sąd, uważając, chociaż kilkokrotne, odmienne X. Mateusza Chraszczewskiego Parocha Dederkałskiego, przyznanie się, żadną, jednak, groźbą kary nie wymuszone, a przez żonę onego o dobrym pożyciu między sobą od czasu zaczętego małżeństwa Sądowi swemu z dościgania, a to tak przez męża, jako i żonę opowiedzianą dosyć jasnie, gdy naocznie wyżej opisany postępek okazuje się, gromiąc zamysł tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkałskiego, i podjęcie się werbowania ludzi do rzezi prawu Boskiemu sprzeciwiające się, branie na to pieniędzy, skutek wykonania przysięgi nieprzyzwoitej przed Markietanem stanowi duchownemu na zgorszenie ludu sobie powierzzonego do uczenia zachowania przykazań Bokich nieprzyzwoite i do niespokojności krajowej zamiar mające, tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkałskiego, winnym być kar kryminalnych wynajduje, aby tenże przez mistrza sprawiedliwości na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, po degradowaniu onegoż przez JW. Imci Xiędza Biskupa Łuckiego, pod którego zostaje zwierzchnością, i uwolnieniu tegoż od obrządków Parocha, na dniu trzydziestym pierwszym miesiąca Lipca w roku terażniejszym, miał głowę uciętą, sądzi, i dla dopełnienia wyroku swego aby urząd wójtowski i ławniczy miasta J. K. Mści Krzemieńca exekucją tegoż dopełnil, nakazuje. A że i Marcin Drapaluk z powyższych wyznań tak Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, jako i żony onego, przekonany, okazuje się, że Markietanów u siebie przechowywał, Markietanowi, będącemu u Parocha, że wziął pieniądze na werbunek ludzi do buntu w słowach, jako wyżej wyrażono, że przyrzeczenie dotrzymać zaręczał, przerywając tego myśl takową niegodziwą, że jednak dokładnie nie wyjawioną, winnym go także być sądzi, aby na sześćoletnie więzienie do fortecy Kamieńca Podolskiego i do roboty tamże był odesłany, uznaje, a po odbyciu takowego czasu więzienia dopiero ma być wolnym, deklaruje. Zofia Chraszczewska, żona Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkał, jako tylko dla opowiedzenia występku mężą swego, Maxyma Mielniczuka Diaka, Stepana Kondra-

tiuka, Hrycka. Maxyma Kotyka syna, jako tylko dla wyznania winy
wyż wymienionych przystawioych, natychmiast wolnymi czyni. Wy-
daje się pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecka.

Legi cum protocollo Korytowski.

Correxi Molski. V. E. C. (L. S. L. S.)

Lit. Q.

Degradacya Xiędza Borkowskiego, Parocha Starosilskiego.

Coram Illustrissimo, Excellentissimo ac Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo coadjutore cum successione et administratore cum plena jurisdictione Luceoriensi et Ostrogiensi, Suffraganeo Metropoliæ totius Russiae, ac in publica illius una cum Perillustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuerunt personaliter Magnifici Joannes Lubliński, Camerarius Vlodimiriensis, et Georgius Chamiec, instigatores Palatinatus Vołhyniae districtus Luceoriensis, actores in termino ex citatione debite prout a tergo ejusdem apparebat, per intimationem copiae suae ad manus citati incarcerati executae, legitime in hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Theodori Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochi, citati ex adverso principalis, ex carceribus adducti, quatenus ad propositionem suorum non respondentis accusarunt, ac in ejus talem contumaciam in causa nefandi criminis conspirationis in vitam horrendamque interneccionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum, per Reverendum citatum perpatrati, ipsi intentata adhaerendo testium juratorum per judicium castrense Luceoriensis expeditis inquisitionibus, non minus propriae oris confessioni (quae de jure sicuti est plenissima, ita omnem probationem superat), per memoratum Reverendum Borkowski coram suprafato judicio castrensi factae, sententiam definitivam ferri, et in scriptis promulgari, qua mediante dictum Reverendum Borkowski horrendi criminis conspirationis in vitam crudelemque interneccionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum perpatrati, reum plenissime convictum declarari, eundemque pro tanto crimine ab ordine Presbyteratus, privilegii et habitu clericali deponi ac degradari, pro summendisque poenis judicio saeculari tradi postularunt. Salvo etc. omni etc. Praesente Reverendo Theodoro Borkowski, Parocho in Starosiele et Sitnica, reo ex adverso accusato, ex carceribus adducto una cum addicto sibi defensore comparente confessionemque suam coram judicio castrensi Luceoriensi uti sub spe eliberationis suae ex carceribus, in quibus detinebatur, ac etiam obtinendae libertatis, a poenis factam judicialiter retractante contentaque illius

per se narrata evocante, hincque confessione asserta convinci suum citatum, ac poenas in ipsum extendi non posse adinveniri, seque ab impetitis partis actoreae absolvi postulante. Salvo etc.

Ex adverso quibus supra Magnificis Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis instigatoribus actoribus principalibus confessionem Reverendi Borkowski uti legitime factam, ac manu illius subscriptam, nunquam antea fuisse retractatam coram iudicio castrensi Luceoriensis, et si jam non a modico tempore subsecutam, perindeque modernam retractationem Reverendi Borkowski nihil valere roburque confessionis dicti Reverendi citati plenissime, tanto magis ac depositionibus testim juratorum sit suffulta subsistere replicantibus et prout in superiori suae instantiae decerni flagitantibus. Salvo etc. Omni etc.

Illustrissimus, Excellentissimus et Reverendissimus Dominus Episcopus coadjutor et administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis alte memoratus sedens etc. auditis etc. Ex concordibus Perillustrium, Reverendissimorum ac Illustrium, admodum Reverendorum Dominorum conjudicum, ad huncce actum invitorum. votis decisivis matura praehabita deliberatione, sententiam definitivam protulit, quam die mercurii quinta mensis et anni currentium publicandam decrevit cum conservatione dicti termini partibus peremptorii decreti praesentis vigore. Praesente me, Michaele Augustynowicz, Apostolico et Consistorii Generalis Luceoriensis Ritus Latini ad causam praesentem assumpto Notario.

Actus Secundus.

Anno Domini millesimo septingentesimo octuagessimo nono, die vero Mercurii quinta mensis Augusti Luceoriae.

Coram Illustrissimo ac Excellentissimo et Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo coadjutore cum successione et administratore cum plena jurisdictione Luceoriensi et Ostrogiensi, Suffraganeo Metropoliae totius Russiae ac in publica illius una cum Perillustribus, Reverendissimis ac Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, compaerunt personaliter Magnifici Joannes Lubliński, Camerarius granitia-

lis Vlodimiriensis, et Georgius Chamiec, instigatores Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis principales actores, in termino ex actis conservato et praefixo, legitime in diem hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Theodori Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochi, citati ex adverso principalis ex carceribus adducti accusarunt, ac in ejus talem contumaciam sententiam definitivam in causa nefandi criminis conspirationis in vitam horrendamque interneccionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum per Reverendum citatum perpetrati, jam alias sub anteriori actu eidem intentata prolatam publicari et in scriptis promulgari, qua mediante Reverendum Borkowski ejusmodi objecti sibi criminis reum plenissime convictum declarari, ipsumque pro tanto crimine ab ordine Presbyteratus, privilegiis et habitus clericali deponi et degradari, pro summendisque poenis, judicio saeculari tradi postularunt. Salvo etc. Omni etc.

Praesente Reverendo Theodoro Borkowski, Parocho in Starosiele et Sitnica, reo ex adverso accusato et citato, ex carceribus adducto, una cum addito sibi defensore comparente innovandoque confessionis suae coram judicio castrensi Luceoriensi emissae retractationem sub anteriori audientia judicium praesentis factam in publicationem sententiae definitivae consentiente. Salvo etc. Omni etc.

Ex adverso suprascriptis Magnificis Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis instigatoribus reassumendo instantiam suam sub anteriori actu hisce in actis expressam replicantibus. Salvo etc. Omni etc.

Illustrissimus, Excellentissimus etc. sedens etc. auditis etc. sententiam definitivam jam alias in anteriori termino, prolatam, ac in seorsiva scheda per me infrascriptum causae praesentis assumptum notarium in scriptis extensam manibusque, tam sua propria, quam et Perelliustrum, Reverendissimorum Dominorum conjudicum subscriptam, publicandam decrevit, prout quidem relicto per se ipsum dictae sententiae initio eandem mihi notario publicandam commisit, quam etiam publicavi, estque tenoris sequentis: «Nos, Stephanus Lewiński etc., concludimus, Christi nomine invocato, pro tribunali sedentes solumque Deum ac ejus justitiam sanctam prae oculis habentes, in causa et actione judiciaria inter Magnificos Joannem Lubliński Camerarium granitalem Vlodimiriensem, et Georgium Chamiec, instigatores

Palatinatus Vołhyniae districtus Luceoriensis, actores principales ab una, ac Reverendum Theodorum Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochum, super nefando crimine conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum conventum, partibus ex altera coram nobis iudicioque nostro intentata et sub actum die lunae tertia mensis et anni currentium introducta, post secutamque sententiae definitivae prolationem, pro publicanda, eadem ad diem quintam mercurii mensis currentis Augusti protracta. Visis et latis inquisitionibus testium juratorum per iudicium castrense Luceoriense hacce in causa expeditis, non minus propri aoris confessione, per eundem reeverendum Borkowski coram praelibato iudicio castrensi Luceoriensi emissa, illisque omnimodo cum diligentia maturaque cum deliberatione ponderatis et discussis, deliberationem ejusmodi prae habitam expediendo. Licet quidem confessionem suam et praesertim iudicalem dictus Reverendus Borkowski tanquam sub liberationis suae a carceribus impunitatisque spe expressam, coram iudicio nostro retractaverit, nihilominus ex quo de retractatione istius confessionis adhuc sub die tertia mensis Junii subsecutae post actum ejusmodi incontinenti iudicialiter coram supra dicto iudicio facta nullo modo docetur, quinimo juratorum testium depositionibus memorata confessio fulciatur, ex iisdem autem conjunctis facti probationibus plenissime concluditur, qualiter suprafactus Reverendus Borkowski saepius cum villano plebe comportare, ac nocturno tempore etiam computationes in consortio exercere solitus, posteaquam cum quodam exotico sectae Philipensis advena, penes ecclesiam suam in loco seorsivo tempore quadragesimali anno currenti, familiares discursus constituerit, quamvis ab eidem improbo homine dictus Reverendus Borkowski de servando secreto aperiendaque mente sua, utrum vellet acceptare pecuniam, rogatus, primo quidem interrogando ad quem finem memorata pecunia sibi offeratur? habitoque responso, quod ad distribuendum subjectis sibi congregandumque illorum robur, cum ulterius Reverendo Borkowski ad quem effectum praefatae pecuniae distributio fieri debeat? interroganti. Philipensis ille distributionem istam pecuniae ad ferendum sibi pro excisione incolarum Ritus Latini auxilium destinatum esse respondisset, continuatoque mutuo sermone, quod feria secunda Paschatis juxta vetus calendarium horribilis ista incolarum internecio in civitatibus Luceoriensi, Cremencensi et Vlodimiriensi inchoanda, in reliquis vero oppidis et villis eodem etiam

tempore sit perficienda, quodve immane hocce crimen exotici militis adventu sit adjuvandum, dummodo plebs ipsa, ne incolae defensionis suae prospicerent, sit ad executionem nefandae hujus conspirationis praeparata, saepe dictus Reverendus Borkowski per alte fatum Philipensem certioratus quinimo ut plebem induceret ad ferendum auxilium, post quam machinatio intenta in vitam incolarum suum exitum sortiretur, etiam pro hocce impio opere pecuniam sibi oblatam habuerit: attamen mentionatus Reverendus Borkowski non modo atrocitate divinis ac naturae legibus damnati sceleris sibi, ut praefertur, manifestati minime perterritus, consortium iniqui hominis non aufugerit, ast quoque turpi avaritiae ductus suggestis, detestabilem cum eodem Philiponensi tractatum iniverit, superque praetio criminis sui ad centum taleros Moschoviticos, vulgo ruble nuncupatos, convenerit, illosque sibi per toties dictum Philipensem illico enumeratos acceptaverit et receperit, suamque iniquam conventionem firmando, ablato ad ecclesiam ex sua residentia atramentario, per subscriptionem manus propriae in libro, quem ipsi praefatus Philipensis porrexerat, factam, quod pro Philipense istius negotii exigentia et satisfactione pecuniam accepisset, recognoverit. Subinde secum hausto cremato protractisque sermonibus invitatus Reverendus Borkowski ad hospicium dicti Philipensis, visitaturum se ejus stationem promiserit, de factoque illam adiverit, sed jam post abscessum Philippensis, ipsum in statione sua non deprehenderit, nec tamen concreditam sibi ab eodem ut praemissum in crudele incolarum excidium conspirationem dictus Reverendus Borkowski ad evitandam istam cladem ex nexu religionis debitoque statui suo sacerdotali erga vitam proximorum amore cuiquam propalaverit, imo quoque et post durante adhuc quadragesimali tempore in frequentibus cum plebe conversationibus crematum comptando, ad mutuam comptationem villanos incitando, adventurum in Poloniam rebellis Cosaci, Gonta nuncupati, filium cum copioso exercitu exotico ad excindendos incolas Ritus Latini et Hebraeos idque imminente protunc vere, quodve ista excisio similis sit futura horrendae Humanensi caedi, nec quisquam ex praefatis incolis ac Judaeis sit hanc perditionem sui evasurus, denunciaverit, et intra eosdem familiares discursus, quia idem faciemus, quid et Gonta est facturum, cum ipsoque incolas Ritus Latini et Judaeos excindemus, quodve dicti incolae ac Judaei, ob defectum sylvarum et arundinetorum, non habeant locum ad se occultandos, coram rusticis manifestaverit; illis

vero a tanto crimine abhorrentibus de servandaque vita sua pertimescentibus, quod nihil mali iisdem sit eventurum, assecurationem fecerit; rustico cuidam protestanti, quod nolit se associari intento sceleri. Reverendus Borkowski magnam miseriam imminentis veris tempore rusticis, qui non associaverint se praefato exoso operi, comminatus fuerit. Cum autem diversi modo istas suggestiones plebi repeteret, villanique homines ex ratione comminatae excisionis in varios sensus abirent, ac unus illorum promptitudinem ad excidendos Judaeos offerret, Reverendus Borkowski protunc non tantum Judaeos, sed et incolas Ritus Latini excindi oportere, responderit, Judaeo quoque oppidano Kolkoviensi artifice petenti a se farinam triticeam pro paschati Judaico, non fore ipsi hanc farinam necessariam, ex quo incolarum Ritus Latini ac Judaeorum omnium ante pascham per Gonta Cosacum secutura sit excisio, Reverendus Borkowski persvadendo, tempore istius calamitatis occultationem apud se dicto Judaeo promiserit. Unde ex frequentatis ejusmodi Reverendi Borkowski discursibus homines villani odium quoddam erga incolas Ritus Latini et Hebraeos conceptum monstraverint, adversum etiam animum ab ecclesiae catholicae Ritu Latino contemptumque ipsius Reverendus Parochus Starosilensis. palam faciendo, generoso Uzaracki petenti, ut pro instructione ancillae dictaret sibi lingua Ruthena orationem dominicam, postquam eandem dictasset: oportet, ut «Omnes sciant lingua Ruthena Orationem Dominicam, nam futurum magnum malum propter Polonos post adventum exercitus extranei, et fore ubique unam fidem Disunitorum,» expresserit, periturosque omnes, tanquam canes, nec orationem dominicam Polonicam daturam ipsis auxilium contumeliose protulerit, symbolum etiam Apostolorum perfectius esse in Ritu Graeco, quam in Latino, narraverit. Ancillae item cuiquam quaerenti globulis precatoriis cum medallio, et osculanti illud, Reverendus Borkowski non nisi ad usum spurcissimum tales globulos adhiberi posse, ac turpe osculum cani melius dari, quam eidem medallio cum impudico contemptu enuntiaverit.

Quociroa praemissis fati probationibus diligenter consideratis, per hanc nostra definitivam sententiam ex concordibus votis decisivis Perillustrium, Reverendissimorum Dominorum Joannis Cantii Bozydar Podhorodeński U. J. D. Archidiaconi Cathedralis Luceoriensis et officialis generalis Latini, Floriani Korsak O. S. B. M. Abbatis Zydy-

czoviensis Nostri in spiritualibus vicarii ac officialis generalis Luceoriensis et Ostrogiensis, Martini Olszewski Canonici cathedralis et iudicis surrogati Consistorii Generalis Luceoriensis Latini, Thadaei Podgurski, Thobiae Glinka Lucroriensium, tum Ignatii Mioduszewski Kijoviensis canonicorum praelibati Ritus Latini, ad hunc actum coniudicum invitatorum, lateri Nostro assidentium, saepe fatum Reverendum Theodorum Borkowski, Parochum in Starosiele et Sitnica, enormis criminis conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum esse declaravimus, insistendoque juris canonici praescripto, quod non tantum in casibus, nominatim in jure expressis, verum etiam in aliis criminibus, valde enormibus et Reipublicae, vel Ecclesiae, damnosis, et generaliter quoties Ecclesia, non habet sufficientem poenam ad vindicandum scelus et terrorem aliis hominibus inferendum, iudici ecclesiastico potestatem inferendi poenam degradationis tribuit. Ad tradita apud Engell: in collegio juris universal L. 5, tit. 37 Nro. 16. et in delictis atrocibus pro iudicis arbitrio poenam hanc degradationis infligi posse, docet in Praxi episcopali Rasceii par. 2. cap. 4. ar. 14. Nro. 13. Ac insuper enormitate sceleris publicae securitati summopere damnosae considerata, ponderatoque non minus personae delinquentis in sacro ordine Presbyteratus constitutae et Parochi munus commissum habentis, statu, cui gregem suum non ad patrandam scelera inducere, ast verbo et exemplo vocationi sacerdotali convenienti ad obtinendam salutem pascere incumbere, nihilominus non modo in opprobrium status spiritualis procedere, ast in scandalum maximum populi, odiosum se etiam sanctis Ecclesiae Latinae ritibus monstrare, ac tam diro conspirationis crimine vitam suam dehonore, ecclesiam, domum sanctam, pietatis erga Deum operibus dicatam, ad improbe Deoque et hominibus exose, conventionis suae cum abominabili sectario concordatae reversalis subscriptione roborandum opus adhibere, Christianamque proximorum dilectionem perniciosissima machinatione protinus exturbare, malevolo animo ausus fuerit; attentis denique moderni temporis adversis circumstantiis, quae ad dirum huiusmodi nefas gravissime puniendum premunt, toties dictum Reverendum Theodorum Borkowski, Parochum in Starosiele et Sitnica, uti misericordia ob tam execrandum scelus indignum, ab ordine Presbyteratus, officio et beneficio, privilegiis et habitu clericali deponendum et degradandum, exauthorandum, privandum et exuendum, a foro ecclesiastico abijciendum

et potestati saeculari tradendum ac consignandum esse, decrevimus. Prout Christi nomine repetito declaramus, deponimus, degradamus, exauthorisamus, privamus, exuimus, abjicimus et potestati saeculari, non tamen ad poenam sanguinis, quam nos nullomodo intendere protestamur, tradimus et consignamus. Et ita dicimus, decernimus, declaramus et pronunciamus hac nostra sententia definitiva ad praemissa accedente. Non solum etc., sed et omni etc.

Ita pronuciavimus: Ego Stefanus Lewiński, Episcopus coadjutor et administrator generalis Luceoriensis et Ostrogiensis, Suffraganeus Metropolitae totius Russiae.

Ego Joannes Cantius Bożydar Podhorodeński, Archidiaconus Cathedralis vicarius et officialis generalis Luceoriensis.

Ego Florianus Korsak, Abbas Żydyczynensis O. S. B. M. officialis generalis Luceoriensis et Ostrogiensis.

Ego Martinus Olszewski, Canonicus cathedralis, iudex surrogatus Consistorii Generalis Luceoriensis.

Ego Tobias Glinka, Canonicus et Concionator cathedralis Luceoriensis.

Ego Thadaeus Podgurski, Canonicus, vicecustos cathedralis Luceoriensis.

Ego Ignatius Mioduszewski, Canonicus Kijoviensis, praepositus Mielnicensis.

Lecta et publicata fuit sub actu diei veneris septimae mensis Augusti anno suprarecensito executioni vero haec sententia in ecclesia cathedrali Latina, per actuaalem degradationem die 8 ejusdem mensis, praesentibus alte dictis Perillustribus, Rererendissimis et Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus demandata. Ita testor

Michael Augustynowicz, Apostolicus et Consistorii Generalis Luceoriensis R. L. ad causam supra scriptam assumptus Notarius.

Mowa JW. Biskupa Łuckiego po degradacyach Kapłanów do
Sądu Grodzkiego miana.

Już się spełniły przepisane prawem smutne obrzędy nad tymi winowajcami, już rozciągniona kara nad tymi Kapłanami wykroczy-
nymi, którą im los czy grzech przeznaczył, kara, jakowa tylko
najsurowszą miecz duchowny rozciągnąć może; już nie są Kapła-
nami więcej, ale jedni z ludu, wyzuci z wszelkiej władzy, powagi,
urzędu, przywilejów, praw i własności, jakiegokolwiek w duchownym
Kościśle dziedzictwie mieli z powołania i stanu swego aż dotąd.

Świadcami jesteście sami, przeświecni sędziowie, tej dla nich
okropnej kary, a łzy tych nieszczęśliwych przekonywają was o boles-
ci i smutku, które wewnątrz czują. Mieście ż już dosyć na tem, nie
każcie reszty krwi ich rozlewać, której długociągłe więzienie i zwy-
czajne w niewoli udręczenia jeszcze w ich żyłach nie wysuszyły. Nie
odejmujcie życia, którego i Bóg im nie odejmuje. Raccie się za
nimi wstawić do swoich w urzędzie Powiatu Krzemienieckiego rówień-
ników, których tu nieprzytomność ustnie za tymi nędznymi prosić
mi o miłosierdzie nie dozwala: wspomnijcie na to, przeświecni sędzio-
wie, iż władza, którą nad nimi macie, jest w was udziałem wszech-
mocności Boskiej, a jako Bóg sam, lubo wszechmocną i sprawie-
dliwą jest Istotą, więcej jednak miłosierdzia ku ludziom nad ich
ułomnością i upadkiem daje dowodów, tak i wy, którzy obrazem
wszechmocnego jesteście co do władzy, bądźcie naśladowcami jego
w litości i miłosierdziu; tento sam jest miecz sprawiedliwości w
ręku waszych, który jest w samym Bogu, w Bogu przez istotę, a w
was przez uczesnictwo. Jeżeli ż tego Bóg miecza nie używa, tylko z
łaskawą cierpliwością, z wymiarem czasu do poprawy i z miłosierd-
ziem, stokrotnie wprzód przebacząc, niżeli raz karząc, miejcie ż i
wy podobnie litość nad nędznymi, wspomnijcie, że będąc sędziami,
ludźmi razem jesteście, czekającymi równie, jak oni, sądu najwyż-

szego, a ile zwierzchnicy sądu surowszego nad innych *judicium durissimum his, qui praesunt.*» Ile zwierzchnicy, słyszycie głos Pański: «*Potentes potenter judicabuntur*», a ile ludzie, wzdychacie do Ojca niebieskiego: «*Odpuść nam winy nasze!*» Chcecie ż sąd mieć dla siebie maskawy i winy w miłosierdziu przebaczone? Przebaczajcie innym, miejcie politowanie nad upadkiem i nieszczęściem już wpółumarłych, a reszta śmierci darujcie im! Wszak nie dla czego dopuszcza Bóg nieszczęście na jednych, tylko aby drudzy mieli nad kim okazywać litość i miłosierdzie. etc. etc. etc. *

---

* Жаль, что Феодосій Бродовичъ окончилъ на сихъ словахъ и не привелъ цѣлой трогательной рѣчи, которая, какъ видно, не произвела ни какого, однако, дѣйствія на каменные сердца судей. Прим. изд.

Zakończenie.*

Jeszcze ślęczał nad czytaniem rozmaitych pism Targowickiej Konfederacyi, w Grodzieńską zamienionej, i powtórny podział Polski r. 1793 pod łaską Stanisława Potockiego, Generała artyleryi, między trzy potencye nastąpionym; jeszcze rozumiał, że Sarmacki Orzeł, utraciwszy skrzydła, przynajmniej w głowie i tułobie swoim, pod zastępstwem tychże mocarstw, znajdzie bezpieczeństwo; jeszcze mi się zdawało, że, za wylew krwi niewinnej ukarawszy Bóg drugim rozbiorem kraju, przestanie już na tej karze: aliści czytam in Martio 1794 roku, w Krakowie nowe powstanie narodu pod Naczelnikiem Tadeuszem Kościuszką. Widzę, że na utłumienie tej burzy sypią się zewsząd Rossyjskie, Austryackie w Ruskich Województwach, a zaś w Wielko-Polskich Pruskie wojska. Tu, pomyślałem, już koniec Ojczyźnie mojej! Krwi niewinna! Nie długoś z pod ołtarza o pomstę wołała! Rozbite wojska Polskie pod Maciejowicami, wzięty Naczelnik w areszt i do Petersburga zaprowadzony. Zagnani tamże po większej części Oficerowie i żołnierze, Praga pod Warszawą wyrznięta, kraj cały rozebrany, nie masz imienia, nie masz exystencyi Polaka!

---

* Послѣ этихъ актовъ, въ концѣ Сборника, помѣщены двѣ статьи Богословскаго содержания, именно, на стр. 315-ой: «Уваги о вѣчеры Паńskiej, свидѣства четырехъ Евангелистовъ выцѣagnione, które здаіа сѣ ясно доводить, на jakimъ хлѣбѣ Jezus Christus ustanowilъ sacramentъ Eucharystyi;» а на стр. 339: «Gdy w teraźniejszymъ wieku najczęściej takie bywaią w publiczności zapytywania: Bog (mówi), przewidzającъ grzechъ człowieka, czemu Ź nie uchronilъ go odъ grzechu? czemu grzechъ dopuscilъ? Na takowe prze to zapytywania daią сѣ odpowiedzi następujące, etc.» Такъ какъ статьи эти писаны рукою самого Θεодосія Бродовича, то онѣ, вѣроятно, и сочинены имъ же. На послѣднемъ же листѣ, стр. 366, уже самое «Законченіе.» Я. О. Г.

О П Е Ч А Т К А.

Напечатано:

Стр. Стр.
332, 7 сшызу Podleski

Чытайце:

Podleski.

K O N S P E K T

ARTYKUŁÓW, W SUMMARYUSZU ZAWARTYCH.

	Str.
Lit. A. Wypis z xiąg Grodzkich Województwa Kijowskiego 1768, 22 Decem- bra.....	98
List J. X. M. Prymowicza, Officyała Kijowskiego, 11 Marca, 1769, do JX. Sylwestra Rudnickiego, Biskupa Łuckiego.....	119
Lit. B. List okólny Marszałków Konfederacyi Barskiej 1769, do Biskupów Ruskich.....	122
Lit. C. Protestacya Biskupów Ruskich z okoliczności naniesionej na nich po- twarzy, uczyniona we Lwowie 1769 roku.....	123
Lit. D. Epistola incarcerationum Presbyterorum Berdyczoviae ad Ex. J. D. Jo- sephum, Comitem Garampi, Nuntium Aplicum, 28 Octobris, 1772, Varsaviam data.....	125
Alia Epistola eorundem incarcerationum die 1 Martii, 1773, ad eundem Ex. Nuntium Aplicum e carberibus Berdyczoviae.....	128
Responsoriae Illmi Ex. D. Jos. Garampi, Nuntii Aplici, ad incarcera- tos Berdyczowiaę, Presbyteros Ruthenos, 4 Martii, 1773.....	131
Tertia Epistola ejusdem ad eosdem 8 Aprilis, 1773.....	138
Responsoriae incarcerationum 23 Julii, 1773.....	140
Epistola ultima Excell. Nuntii Aplici ad eosdem Presbyteros 2 Sep- tembris, 1773.....	142
Uwagi z tego wszystkiego.....	145
Epistola dogmatica, scripta a Rmo Dno Abbate Nicolao Comneno Pa- padopolo, publico canonum lectore, ad quemdam religiosum Oratorii Romani.....	152
Memoriale ad s. Congregationem de propaganda fide ratione varia- rum cleri Rutheni Cath., imo et Episcoporum unitorum oppressionum.	178

II

	Str.
Informatio Jos. Velamini Rutski, Metropolitanae Rutheni, cum enarratione variarum injuriarum, quas experiuntur Episcopi et Clerus Unitus a Latinis, data Romam s. Congregationi praepositae negotiis Rutheno- rum	183
Superscribuntur hic resolutiones Theologorum Ritus Latini de transitu a Ritu Graeco, praecipue vero patrum Soc. Jesu, ut vel post mortem celeberrimi hujus instituti sciant Rutheni, cui integritatem jurium suo- rum immortalibus in gratiis referendam debeant	189
List Prezesa Kommissyi Porządkowej do X Biskupa Lewińskiego ...	194
List Prezesa Kommissyi Porządkowej do Officyała Brodowicza i Kan- clerza Ochrymowicza	195
Projekt na zniszczenie Rusi zjednoczonej roku 1717	196
Głos obywatelów Województw i Powiatów Ruskich do zgromadzonych obywatelów na Sejmiki przedsejmowe i do Stanów na sejm zebranych r. 1786	211
Odpowiedź na pismo pod tytułem «Głos obywatelów etc.», wydana 1786	215
Uwagi JW. Smogorzewskiego, Metropolity całej Rusi, nad pismem pod tytułem «Głos obywatelów etc.», 1786, wydany	223
Uniwersał sejmujących Stanów pod Konfederacją r. 1790 do Woje- wództw, Ziemi i Powiatów w Koronie Polskiej i W. X. Litewskim wydany	227
Lit. E. Privilegium distinctiorum pro Clero Unito Rutheno	234
Podziękowanie od kleru za włożenie dystynktoryów JW. Stanisławo- wi Szczęsnemu, Wojewodzie Ruskim, który oraz pierwszy kamień na fundamenta Archikatedry w Radomyślu 23 Maja, 1785, zaniósł ...	239
Lit. F. Uniwersał Kommissyi Porządkowej do obywatelów, in Februario 1789 wydany najpierwszy	241
Uniwersał Kommissyi Porządkowej drugi, dnia 31 Marca, 1789 wy- dany	242
Uniwersał trzeci Kommissyi Województwa Wołyńskiego, 9 Czerw- ca, 1789 wydany	244
List JW. Księdza Biskupa Kamienieckiego, do Biskupa Chełmskiego Ruskiego	249
Uniwersał Stanisława Nałęcz Małachowskiego i Kazimierza Nestora X. Sapięhy, 13 Maja, 1789	251

III

	Str.
Lit. G. Przystąpienie do aktu powstania narodu obywatelów Województwa Ruskiego, Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego.....	253
Uniwersał Biskupi do kleru dyecezalnego, poprawiony przez Kommissją Łucką.....	255
Lit. H. Uniwersał Biskupi, w dyecezyą posłany, na miejscu Uniwersału, z Kommissyi wydanego.....	257
Wypis z protokołu dekretowego spraw Województwa Wołyńskiego...	261
Lit. J. Wypis z ziąg miejskich Magdeburyi Dubieńskiej, 6 Maja, 1789....	264
Uwagi nad powyższem wyznaniem Parocha Chorupańskiego, do akt Magdeburgii podanym	267
Lit. K. Kopie listów JW. Lewińskiego, Biskupa Łuckiego, w interesie więzionych Kapłanów. anno 1789.....	270
Dowody z Praw Koronnych i Statutu Litewskiego, forum odpowiedzi w sprawie kryminału rebellii lub konspiracyi przeciwko krajowi, tak duchownym, jako i świeckim osobom, w sądzie cywilnym, a nie duchownym, stanowiące	272
Odpis na to patronów Warszawskich, 22 Maja, 1789	278
Wypis protokołu dekretowego z rejestru inkarceratów sądów Grodzkich Łuckich.	280
Lit. L. Stan Kapłanów Ruskich w Polsce i w Moskwie.....	285
Chłopi w Polsce, chłopi w Moskwie.....	286
Sacerdos volens reconciliari Graeco-Rossiacae religioni, debet stare ante fores Ecclesiae etc.....	288
Resolutiones theologorum et canonistarum in causa degradationis Parochi Horodyscensis.....	290
Lit. Ł. Copia decreti in ordine ad degradandum H. Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, die 25 Maji, Luceoriae, 1789 anni, lati.	297
Kopia listu X. Szymona Karpowskiego, pisanego z aresztu dnia 5 Maja, 1789, do JX. Buczyńskiego, Kanonika katedry Łuckiej, Pisarza Konsystorskiego.....	302
Los uwięzionego X. Szymona Karpowskiego, Instygatora Konsystorskiego Unitskiego Łuckiego.....	303
Dekret Trybunału Lubelskiego, uwalniający X. Karpowskiego od wszelkich kar, dekretem Grodzkim Łuckim przysądzonych.....	307

IV

	Str.
Lit. M. Wypis z protokołu dekretowego rejestru inkarceratów Sądów Grodzkich Łuckich, dnia 3 Czerwca, 1789.....	309
Wypis z protokołu dekretowego Sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich, dnia 3 Czerwca, 1789.....	315
Lit. N. Kopia manifestu imieniem JW. Biskupa Łuckiego, zaniesionego przeciwko JO. Xięciu Kalixtowi Ponzińskiemu, G. M. W. K., proszącemu w Sądzie Grodzkim dla tegoż JW. Biskupa o rok dla explikowania się z wydanego w dyecezyą swego uniwersału.....	318
Lit. O. Delegacya z Sejmu. Actum in Curia Regia Varsoviensi die 28, m. Maji, a. D. 1789.....	319
Kopia listu imieniem Najjaśniejszej Imperatorowej Jej mci, wraz z Synodem Rossyjskim, d. Metropolity, w Kijowie będącego, względem rozruchów, w kraju Polskim rozszczętych, pisanego, tudzież i do Archimandryty Słuckiego.....	322
Konstytucya 1792 anno pod tytułem: «Deklaracya względem konstytucyi 1764 Sejmu Konwokacyjnego» pod tytułem: «O Popowiczach» ..	323
Laudum. Wypis z ksiąg Grodzkich zamku Łuckiego, 16 Julii, 1789.	325
Lit. P. Wypis z protokołu dekretowego Sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich, 5 Junii, 1789 r.....	333
Wypis z protokołu dekretowego Sądów Grodzkich Krzemienieckich, 6 Junii, 1789.....	338
Wypis z protokołu dekretowego Sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich 9 Junii, 1789.....	345
Wypis z Protokołu dekretowego Sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich 12 Junii, 1789.....	34
Lit. Q. Degradacya X. Borkowskiego, Parocha Starosiłskiego.....	353
Mowa JW. Biskupa Łuckiego po degradacyach Kapłanów do Sądu Grodzkiego miana.....	361

IV

МАТЕРІАЛЫ ІНОСТРАННЫЕ

1637-й годъ по Р. Х.

ГЛАВА XIX.

Какъ мы жили въ Шемахъ, что тамъ видѣли, и объ отправленіи нѣкоторыхъ праздниковъ.

Первое, что мы видѣли въ этотъ Новый Годъ, были похороны Персидскаго Дворянина, который третьяго дня у Хана на пиру, по случаю нашего прибытія, напился до смерти. Тѣло несли съ почетными проводами и особыми обрядами (о которыхъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи похоронъ Персовъ вообще) въ мечеть (Mestzit) или церковь, откуда оно долженствовало быть перенесено въ Вавилонъ, или Куфу (Kufa), и погребено тамъ при Нечешѣ (Netschess), т. е., при гробницѣ Аали и другихъ Имамовъ или великихъ святыхъ.

2-го Генваря Ханъ и Каленгеръ, съ нѣсколькими дворскими слугами, посѣтили Посланниковъ, принесли конфетъ и вина и пожелади послушать нашу музыку, которую исполнили наши музыканты на скрипкѣ, бандурѣ, на виоля ди гамбѣ, и одинъ пѣвецъ дискантъ. Персіянамъ очень понравилась наша музыка и пѣніе, и они настоятельно просили Посланниковъ пріѣхать въ тотъ же вечеръ съ ними въ замокъ, на вечернюю пирушку, чтобы послушать ту же музыку въ залахъ Хана. Но неуступной просьбѣ имъ сдѣлано было удовольствіе, и этотъ вечеръ мы вторично провели въ большомъ удовольствіи и весельѣ, при чемъ Ханъ приказалъ привести къ себѣ въ залу 27 любимѣйшихъ лошадей своихъ, одну за другой, изъ которыхъ три лошади, какъ выдавалъ Ханъ, присланы были ему, недавно Шахомъ, въ знакъ его милости къ нему. На каждой лошади садился прислужникъ, который и объѣзжалъ вокругъ залы, не смотря на то, что она была устлана вѣкрасными коврами.

5-го числа Ханъ прислалъ извѣстить Посланниковъ, что на слѣдующій день Армяне справляютъ свой праздникъ: Хаче Шуранъ, т. е., погруженіе въ водѣ креста, виѣ города, у

Пули Амбери (Puli Ambegi): такъ называется особый мостъ черезъ рѣку. Самъ Ханъ желалъ присутствовать на торжествѣ, и по тому, если Посламъ угодно будетъ также поглядѣть на праздникъ, то онъ приготовитъ мѣсто для нихъ. Армяне справляютъ также, какъ и Русскіе, 6-го числа день Крещенія съ водоосвященіемъ, начиная этотъ праздникъ рано утромъ еще до свѣту служеніемъ обѣдн и проповѣдью. Такъ какъ помѣщеніе Посланиковъ было близъ Армянской церкви или часовни, то они пошли, съ нѣкоторыми изъ насъ, въ нее посмотреть на Армянское Богослуженіе и обряды, которые сходны были съ Римско-Католическимъ. Тамъ, Епископъ, человѣкъ уже пожилой, пріѣхавшій ради праздника изъ другой мѣстности, по окончаніи длиннаго слова объ откровеніи Христа язычникамъ, приблизился къ Посланикамъ, ласково разговаривалъ съ ними черезъ толмача, и сердечно радовался, что такіе знатные люди и также Христіане, прибывшіе изъ такой дали, удостоили присутствовать при ихъ Богослуженіи, въ утѣшеніе ему и всей ихъ общинѣ, чего прежде никогда еще не бывало. Между прочимъ онъ сказалъ также, что хотя Гг. Посланики и не знаютъ еще его, кто собственно онъ такой, но онъ можетъ открыть имъ это въ другое, болѣе удобное, время. Мы догадывались, впрочемъ, что Епископъ этотъ, также какъ и монахъ, встрѣченный нами въ Астрахани, посланы были въ этѣ мѣста подъ другимъ предлогомъ, Римскимъ Папою, для посѣщенія Восточныхъ Церквей. За тѣмъ Епископъ, вмѣстѣ съ Священниками, убѣдительно просили Посланиковъ, приложить, съ своей стороны, ходатайство у Хапа, чтобы онъ дозволялъ достроить безпрепятственно, начатый ими незадолго передъ симъ, монастырь, который Персіане почему-то не позволяютъ доканчивать.

Въ полдень Армяне, по приказанію Хапа, привели къ намъ 15 лошадей, на которыхъ мы и отправились къ рѣкѣ, находящейся въ полумили, по ту сторону города. Туда-то собрались Армяне изо всѣхъ, вокругъ лежавшихъ, селеній, въ великомъ числѣ, со множествомъ образовъ, крестовъ и хоругвей торжественнымъ шествіемъ, съ пѣніемъ и звономъ, и въ сопровожденіи большаго числа Персидскихъ солдатъ, для того, чтобы предохранить Армянъ отъ оскорбленій и брани, могшихъ

послѣдовать со стороны празднои черни Музульманъ или Магометанъ. Ханъ приказалъ на другой сторонѣ рѣки, прямо противъ того мѣста, гдѣ совершалось водосвятіе, раскинуть прекрасную просторную палатку, разукрасить ее коврами и вообще приготовить ее, для совершенія въ ней почетнаго пиршества, причѣмъ всякаго рода скоморохи и фокусники должны были забавлять народъ своими играми и штуками. Въ палаткѣ этой, подлѣ Хана, по лѣвую руку помещенъ былъ Русскій Посланникъ, кругомъ же около него (Хана), его Дворяне и Дворскіе люди, а по правую отъ него руку были оставлены мѣста для нашихъ Посланниковъ и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Дружески принявъ насъ, Ханъ далъ приказаніе Армянамъ совершать водосвятіе, которое начинается обыкновенно по волѣ и усмотрѣнію Хана, а не Армянъ.

Когда на берегу начали читать молитвы, то 4 Армянина, раздѣвшись до нага, бросились въ воду, чтобы освободить и очистить часть рѣки отъ слоя льда, которымъ въ это время была покрыта рѣка. Бросившіеся въ воду Армяне поплавали въ ней нѣкоторое время; тогда бывшая съ нами собака, привыкшая вытаскивать утопающихъ, увидѣвши плававшихъ Армянъ, бросилась къ нимъ въ воду и тоже начала тамъ плавать съ ними. Это произвело между Персіянами великій смѣхъ и доставило имъ сдѣсь первую потѣху, тѣмъ болѣе, что собака считается у нихъ такимъ нечистымъ животнымъ, до котораго охотно никто и не дотронется, а воду Армяне пришли святить. Ибо вообще, по всей видимости, Персіяне о такой торжественности и священнѣхъ дѣйствіяхъ Армянъ думали не иначе, какъ о своихъ скоромошествахъ, которыя они тутъ же и продѣлывали, и Армянскіе Священники для Персіянъ были тоже, что Самсонъ для Филистимлянъ на ихъ пиршествахъ, не смотря на то, что за дозволеніе Армянамъ такого празднества и за то, чтобы своимъ присутствіемъ Ханъ оказывалъ Армянамъ надежную защиту, Церковь всякій разъ даритъ ему по 1000 талеровъ.

По окончаніи чтенія Епископомъ, продолжавшагося съ добрый часъ, послѣ пѣнія общины и игры на кимвалахъ, которы-

ми ударили одинъ о другой, Епископъ влилъ не много освященнаго елѣя въ воду, погрузилъ въ нее небольшой, серебряный, обдѣланный драгоценными камнями, крестъ, простеръ за тѣмъ посохъ свой надъ водою и благословилъ ее. Въ слѣдъ за тѣмъ община тотчасъ же начала черпать, пить воду и умывать ею лице. Нѣсколько молодыхъ людей бросились даже въ воду, большая же часть общины только окропляла себя ею. Въ это же время, нѣкоторые изъ придворной челяди Хана начали лопатками черпать воду и плескать ее на Священниковъ и предстоявшій народъ, такъ что измочили ихъ всѣхъ, особенно женщинъ, которыя съ великимъ страхомъ приступали черпать воду, и потѣха эта была до того груба, что Ханъ долженъ былъ воспретить ее. Не смотря на то, когда Священники приступили къ совершенію наиболѣе благоговѣйнаго дѣйствія, самъ же Ханъ приказалъ музыкантамъ своимъ затрубить въ самыя большія трубы, и когда музыканты этѣ, образовавъ кругъ около духовенства, пустились плясать съ пѣснями и крикомъ, Ханъ приказалъ также поплясать передъ Священниками и своему шуту, а за этѣмъ послѣдовалъ Подмаршалъ, и такимъ образомъ Персіане издѣвались надъ Армянами. Во время совершенія торжества, Лейбъ-Медикъ Хана, родомъ Арабъ, человѣкъ весьма легкомысленный, довольно нагло спрашивалъ Посланниковъ нашихъ: думаютъ ли они о Христѣ, что Онъ былъ сынъ Бога? Ему отвѣчали на это утвердительно, и такъ какъ вопросъ этотъ предложилъ онъ какъ бы въ насмѣшку, то съ нимъ и не вступали въ дальнѣйшія о томъ прѣнія.

Послѣ всего описаннаго пошла кругомъ сильная попойка, и когда Ханъ шибко уже захмѣлѣлъ, то молча всталъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ прочь, а за нимъ послѣдовали и другіе Персы. Не привыкшіе къ такого рода разставанью, мы не знали, какъ понимать его, и по тому и сами пошли и сѣли на лошадей и увидали тутъ, что не вдалекѣ отъ палатки Ханъ остановился, поджидая Посланниковъ. Въ послѣдствіи, по опыту и по собраннымъ свѣдѣніямъ, мы узнали, это это общій обычай Персовъ, когда они принимаютъ участіе въ угощеніяхъ Хановъ, или Шаха, то есть, молча встаютъ и уходятъ съ явря, не прощаясь, какъ

самъ хозяинъ, такъ и гости, какъ это нѣсколько разъ видѣли мы за столомъ Персидскаго Царя.

8-го Генваря Армянскій Епископъ, съ полнымъ торжественнымъ шествіемъ, посѣтилъ Пословъ. Впереди его шли, въ церковномъ облаченіи, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, Священники въ большомъ числѣ. При входѣ въ домъ они заигъли и ударили въ кимвалы, колокольчики и бубны и принесли въ подарокъ 2 кружки вина и большое блюдо, полное яблокъ, среди которыхъ вставлена была большая горящая восковая свѣча. Они разговаривали съ нами о своей Вѣрѣ около 3 часовъ, и еще разъ убѣдительно просили нашего ходатайства у Хаана относительно постройки монастыря, что было обѣщано имъ, и исполнено.

10-го числа Шаховъ Калентеръ великолѣпно угощалъ Посланниковъ, со всѣми, сопровождавшими ихъ, въ его палатахъ. Первымъ удовольствіемъ нашимъ было здѣсь обзорніе изящной постройки этѣхъ палатъ, чрезвычайно красивыхъ и въ порядкѣ расположенныхъ въ нихъ покоевъ и увеселительныхъ ходовъ, или мѣстъ для прогулки, наполненныхъ всякаго рода украшеніями.

Особенно понравился намъ внутренній залъ, въ которомъ давался пиръ: онъ былъ съ отдѣльными сводами, искусно отдѣланными известковой рѣзной работой, совершенно иностраннымъ способомъ. Съ одной стороны зала былъ прекрасный видъ на близъ лежащій веселый садъ, тѣмъ болѣе, что залъ стоялъ довольно высоко, а садъ, напротивъ, лежалъ довольно глубоко. Изъ одного увеселительнаго хода въ этомъ залѣ былъ ключъ, сперва вверхъ, и оттуда съ приятнымъ шумомъ низвергался въ другой водометъ, бывшій подъ заломъ, передъ другимъ покоемъ; этотъ же другой водометъ опять ниспадалъ въ третій, который расположенъ былъ уже въ сказанномъ саду. На все это, сидя у окна, просто не налюбуйешься: такъ это было хорошо. На это пиршество явился и Ханъ, съ важнѣйшими изъ своихъ придворныхъ, и Маршалъ Персидскаго Шаха, только что прибывшій изъ Испагани. Позднимъ вечеромъ, когда гости и хо-

завишь въ добромъ веселіи и дружбѣ порядкомъ выпили, насъ проводили домой на лошадяхъ, со множествомъ факеловъ.

13-го числа, я, вмѣстѣ съ нашимъ Маршаломъ и Гофмейстеромъ, посланъ былъ къ Хану, по обыкновенію, съ подарками, состоявшими изъ 10 Русскихъ аршинъ (Argin) или длинныхъ локтей тонкаго краснаго сукна, 5 аршинъ синяго атласа, одного боченка водки, погребца флягъ съ сладкою водкой и 4 ножей съ изящно отдѣланными янтарными ручками. Когда мы замѣтили, что подарки наши понравились Хану, то начали свое ходатайство у него по просьбѣ Армянъ. Ханъ далъ слѣдующій на это отвѣтъ: «Хотя въ Шемахѣ, странѣ Магометанской, до сихъ поръ не было еще никогда Христіанской церкви, или монастыря, и хотя онъ ни какъ не думалъ, чтобы не однократно уже повторяшіяся домогательства Армянъ когда ни будь увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ не менѣе онъ желаетъ теперь удовлетворить почетное предстательство Гг. Посланниковъ, и не будетъ уже болѣе препятствовать окончанію постройки Армянскаго монастыря; при чемъ Ханъ далъ намъ и письменное удостовѣреніе въ дальнѣйшемъ исполненіи такой уступки его. Армяне чрезвычайно обрадовались успѣху нашего ходатайства, сердечно благодарили насъ за него, и просили дозволить имъ начертать имена Гг. Посланниковъ и то благодарѣніе, которое они оказали Христіанству, въ будущемъ монастырѣ, на вѣчную память.

20-го числа изъ Испагани возвратился гонецъ, котораго Ханъ посылалъ къ Шаху еще тогда, когда мы стояли въ Нізабатѣ. Мы надѣялись съ удовольствіемъ, что гонецъ этотъ можетъ быть привезъ распоряженіе о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ; по этому нѣкоторые изъ насъ пошли къ Хану освѣдомиться, что сообщаетъ, между прочимъ, письмо Шаха. Но Ханъ объявилъ, что объ отъѣздѣ нашемъ ни чего еще не упоминается, въ доказательство чего мы сами можемъ прослушать Шахово письмо. Гакиму (Наким) его или врачу подано было Шахово письмо, которое тотъ прежде поцѣловалъ, приложилъ ко лбу, и за тѣмъ прочиталъ въ немъ слѣдующее: «Отъ Дербентскаго Султана прибылъ гонецъ прежде гонца отъ Хана Шемахинскаго, съ извѣстіемъ, что къ нему, Султану, пріѣхалъ Русскій Посолъ, который объявилъ, что

слѣдомъ за нимъ ѣдутъ также и Нѣмецкіе Посланники. По этому, когда этѣ Нѣмецкіе Посланники пріѣдутъ, то ихъ должно продовольствовать, согласно данному на это приказу Султану, и за тѣмъ доставить далѣе въ Шемаху. Когда же они прибудутъ въ Шемаху, то Ханъ долженъ немедленно прислать новаго гонца и ожидать дальнѣйшаго приказанія и проч. Впрочемъ, Шахъ пребываетъ къ Хану съ своею великою милостію.» За тѣмъ Ханъ просилъ доставить ему списокъ всѣхъ насъ, сопутствовавшихъ Посланникамъ, и желалъ, чтобы въ немъ обозначены были званіе, знаніе и занятіе каждаго отдѣльно, такъ какъ при насъ состояли одинъ врачъ, цирюльникъ, живописецъ и музыканты. Но ему доставленъ былъ только списокъ именъ, съ обозначеніемъ чиновъ, служившихъ въ числѣ спутниковъ Посольства. На слѣдующій день мы звали тайкомъ гонца къ себѣ и спросили его о причинѣ такой продолжительности его поѣздки и нашего задержанія. Получивши прежде отъ насъ кой-что въ подарокъ, онъ за тайну сообщилъ намъ, что недавно братъ Хана, состоящій въ должности Шахскаго полицейскаго Коммисара (Constable) былъ обезглавленъ за какое-то преступленіе, отъ чего, по обычаю Персовъ, и весь родъ считался въ немилости, и никто не осмѣливался доложить Шаху письмо Хана, не зная его содержанія, пока наконецъ, по прошествіи нѣска времени, одинъ Мегетеръ (Meheter) или Шаховъ Каммергеръ не дерзнулъ положить то письмо къ ногамъ его. Но Шахъ самъ все таки не хотѣлъ отвѣчать Хану, а приказалъ отвѣчать другому придворному. И при отъѣздѣ гонца было положено, что на письмо Хана ни какого другого отвѣта не нужно, кромѣ того, который получилъ Дербентскій Султанъ и который именно и приказалъ Ханъ прочесть намъ. При этомъ Шахъ приказывалъ еще, что если между тѣмъ кому либо изъ Нѣмцевъ будетъ нанесено какое оскорбленіе кѣмъ ни есть изъ Персовъ, то такого преступника Султанъ, или Ханъ, должны приказать изрубить передъ своими глазами. Такимъ образомъ мы должны были прожить съдѣсь еще нѣсколько времени, пока не воротится гонецъ, посланный снова Ханомъ.

25-го числа посѣтили Посланника Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ людей, и Русскій Посланникъ, также съ

и некоторыми изъ своей прислуги. При входѣ, равно какъ и при отъѣздѣ Хана, привѣтствовали его выстрѣлами изъ 3-хъ каменно-метныхъ орудій. По причинѣ наступившаго у Персовъ поста, Ханъ ни чего не ѣлъ и не пилъ въ этотъ разъ, но наслаждался только нашею музыкою, которую исполнили мы, по его просьбѣ.

28-го Генваря Русскій Посланникъ, Алексѣй, выѣхалъ изъ Шемахи и некоторые изъ насъ провожали его цѣлую милю. Онъ былъ очень сердитъ на Хана и Калентера, такъ какъ они недостаточно угощали его, какъ бы онъ желалъ, и по тому всѣчески бранилъ и сердилъ своего Мегемандаря.

5-го Февраля прошелъ я, съ некоторыми изъ нашихъ, на одинъ, весьма хорошо выстроенный и близъ торго лежавшій, дворъ, который, на подобіе какой ни будь философской Коллегіи (Philosophisch Collegium), устроенъ былъ со множествомъ ходовъ и покоевъ. Увидѣвши въ нѣсколькихъ мѣстахъ ходившихъ и сидѣвшихъ съ книгами взрослыхъ и дѣтей, мы спросили: что это за мѣсто? и узнали, что это была Мадреса (Madresà), то же что Гимназія, или Академія, которыхъ въ Персіи есть нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ и о которыхъ скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Когда мы остановились, разсматривая зданіе, насъ подозвалъ къ себѣ одинъ Персіанинъ, котораго они зовутъ Мадерисъ (Maderis), Профессоръ или Учитель, учившій тамъ въ одномъ открытомъ покоѣ. Увидавши на моей палкѣ изъ Персидскаго тростника, между прочимъ, и Арабскую выжженную надпись, заключающую договорку или желаніе, которое Персы постоянно почти произносятъ: *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*, *bis millallahman rachim*, онъ попросилъ у меня палку, внимательно осмотрѣлъ ее и хотѣлъ было взять ее себѣ, съ предложеніемъ завтра принести мнѣ гораздо лучшую. Когда же я не согласился уступить ему палку, то онъ тщательно вырѣзалъ изъ надписи слово *الله*, *Allà*, означающее по Арабски имя Бога, собралъ всѣ обрѣзки и стружки срѣзаннаго и соскобленнаго тростника и, завернувъ ихъ въ бумагу, сказалъ: «Не слѣдуетъ носить названіе Бога на палкѣ, которою опираются въ грязь.» На слѣдующій день я опять пошелъ въ Мадреса, взялъ съ собою небесный глобусъ, величиною въ 8

дюймовъ въ діаметрѣ, и отправился въ другую аудиторію, въ которой принять былъ очень дружелюбно. Тамъ Профессоры радостно удивлялись, что у насъ, Нѣмцевъ, также уважаются астрономическія знанія и что они имѣютъ случай видѣть глобусъ, какіхъ и у нихъ найдется развѣ немного. Ибо они также знаютъ приемы обращенія съ астролябіей и обучаютъ по ней учениковъ своихъ. Они взяли мой глобусъ въ руки и по фигурамъ на немъ отыскиали одно за другимъ и называли по Арабски созвѣздія, особенно 12 знаковъ Зодіака.

Приведу здѣсь этѣ названія ихъ:

برج لـرمانъ Небесные знаки (Signa caelestia):

- ♋ حمل Hamel, Овенъ.
- ♌ ثور Sour, Телецъ.
- ♍ جوزا Tschusa, Близнецы.
- ♎ سرطان Serthan, Ракъ.
- ♏ اسد Eset, Левъ.
- ♐ سنبله Sunbile, Дѣва.
- ♑ میزان Misan, Вѣсы.
- ♒ اقرب Agrab, Скорпионъ.
- ♓ قوس Kus, Стрѣлецъ.
- ♈ جدی Tzedi, Козерогъ.
- ♉ دار Delu, Водолей.
- ♊ حود Hud, Рыбы.

Въ этѣ же дни ходилъ я въ другое мѣсто, въ одну мечеть (Mestzid) или храмъ, лежавшій не далеко отъ моей гостиницы, посмотрѣть, какимъ родомъ и способомъ обучаютъ тамъ Персы свое юношество и учениковъ. Мальчики сидѣли тамъ кругомъ по стѣнамъ, Мулла же (Molla), съ нѣсколькими взрослыми людьми, по срединѣ, на просторномъ мѣстѣ. Увидавши меня, этѣ послѣдніе пригласили меня сѣсть подлѣ нихъ. Мулла держалъ въ рукахъ Ал-

коранъ, писанный прекрасными буквами, дозволялъ мнѣ нѣсколько перелистовать его, и, взявъ его наконецъ у меня, поцѣловалъ писаніе въ началѣ, предложилъ и мнѣ также поцѣловать буквы Алкорана. Но я взялъ свою записную книгу, которую принесъ съ собою для записки въ ней именъ поучавшихъ, поцѣловалъ въ ней гербъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя моего, и сказалъ: «Это я знаю, ваша же книга мнѣ не извѣстна.» Они засмѣялись на это и отвѣчали, что я дѣльно поступилъ. Тамъ былъ также одинъ старый Арабскій астрономъ, по имени Халилъ Минаджимъ (Chalil Minatzim) изъ Геджаса (Hetzas), лежащаго у Мекки, человекъ лѣтъ 65. Онъ читалъ и училъ нѣкоторыхъ учениковъ по Евклиду, на Арабскомъ языкѣ. Когда я узналъ это сочиненіе, по имѣвшимся въ немъ изображеніямъ, и высказалъ нѣкоторыя замѣчанія на довольно не знакомомъ мнѣ еще Персидскомъ языкѣ, то это очень понравилось старику, и онъ вынулъ изъ за пазухи небольшую мѣдную астролябію и спросилъ: «Имѣю ли я о ней понятіе?» Я объяснилъ нѣкоторыя ея части и сказалъ, что подобная вещь есть и у меня, и старикъ очень просилъ меня показать ее ему. Я сходилъ домой и принесъ мою астролябію и глобусъ, которымъ всѣ немало удивлялись. Когда они узнали, что я самъ сдѣлалъ астролябію, то старый Минаджимъ просилъ меня показать ему, какъ это я такъ хорошо и вѣрно все могъ вырѣзать; ибо ихъ циркулярныя черты и градусы были довольно грубо вырѣзаны, отъ руки. Когда же я научилъ его нѣкоторыми приѣмами вырѣзывать и распределять градусы скорѣе и тоньше, то старикъ не зналъ, какъ и благодарить меня, часто посѣщалъ меня въ моей гостинницѣ, а однажды приказалъ принести за собою ко мнѣ плоды и изготовленные всѣ кушанья, вмѣстѣ со скатертью, и сдѣлалъ такимъ образомъ пирушку у меня. По его просьбѣ былъ я нѣсколько разъ и у него въ гостяхъ, при чемъ онъ только того и желалъ, чтобы я поскорѣе могъ изучить его языкъ, или онъ мой, чтобы мы достаточно могли понимать другъ друга; охотно предлагалъ далѣе, съ своей стороны, все, чего только я могъ пожелать и что только онъ былъ въ состояніи сдѣлать, или сообщить мнѣ. Въ слѣдствіе такой своей готовности онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о долготѣ и широтѣ мѣстъ почти по всей Азій, а также нѣсколько кусочковъ, начертанныхъ на бумагѣ, частныхъ ландкартъ, и свѣдѣнія

этѣ, повѣренныя отчасти собственными моими наблюденіями, я нашелъ вполне вѣрными, по чему часть ихъ и прилагаю при этомъ изданіи.

Мулла того же училища, по имени Магебъ Аали (Магевъ Аали), молодой, веселый и набожный человекъ, оказалъ мнѣ въ изученіи языка добрую услугу и дружество. Подобно ему и одинъ Онбаша (Onbaschi) или Капитанъ, по имени Имамъ-Кули (Imam-culi), хороший пріятель Магеба Аали, которые каждый день попеременно приходилъ ко мнѣ, чтобы поучить меня ихъ языку, и поучиться моему, и когда они увидали, что могутъ подать на себя подозрѣніе относительно Вѣры (къ чему нѣкоторые изъ нашихъ подали немалое основаніе), то приходили даже по ночамъ. Такъ, однажды, именно 11-го Февраля, когда я сидѣлъ и занимался изученіемъ языка, въ поманутой выше мечети, пришелъ одинъ Персидскій слуга, говоря, что Ханъ будто бы прислалъ его туда изъ замка и приказалъ спросить: что дѣлаетъ Мулла въ церкви съ Нѣмецкимъ Христіаниномъ? Что онъ долженъ прекратить ихъ бесѣду и попросить Муллу выйти вонъ. Хотя сначала Мулла былъ озадаченъ такимъ требованіемъ, но скоро догадался, что посланный этотъ, должно быть, былъ не отъ Хана, а отъ кого ни будь другого; ибо Персамъ никогда не запрещается обращаться съ иновѣрцами, которыхъ допускаютъ они даже и въ храмъ свой. По этому, когда Магебъ Аали распросилъ потомъ потихоньку сказаннаго слугу, то этотъ послѣдній признался, что онъ присланъ былъ не Ханомъ, а толмачемъ нашимъ. На слѣдующій день явился другой посланный, съ такимъ же запрещеніемъ. Но такъ какъ мы знали уже, откуда онъ пришелъ, то ни мало не обращали вниманія на его запрещеніе. Спустя немного времени послѣ этого, когда Рустамъ или Георгій, нашъ Персидскій толмачъ, не поладилъ о чемъ-то съ Посланникомъ Бругманомъ, то онъ высказался, что Бругманъ приказывалъ ему послать отъ имени Хана Персидскаго слугу къ Муллѣ, въ то время, когда я былъ съ нимъ въ мечети, съ сказанною выше угрозою или запрещеніемъ, собственно для того, чтобы помѣшать мнѣ въ изученіи Персидскаго языка. По этой же причинѣ, именно, желая отнять у меня время для сказаннаго изученія, Бруг-

манъ задалъ мнѣ скучную работу, именно: карты Персіи и Турціи соединить въ одну общую карту.

Въ этѣ дни многіе изъ нашего простаго народа стали жаловаться и даже слегли въ постели отъ воспалительныхъ болѣзней, безъ сомнѣнія, отъ горячаго вина, которое, послѣ долгаго употребленія воды, они пили такъ неумѣренно, что, для обузданія ихъ, нужно было дать начальственное строгое приказаніе Посланниковъ. У нашего врача разомъ было 22 челоѣка больныхъ, которыхъ, впрочемъ, съ Божіею помощію и старательнымъ уходомъ, онъ скоро всѣхъ поставилъ опять на ноги.

7-го Февраля или, по Персидскому Мѣсяцеслову, 21-го Рамезана (Ramesan), празднованы были Ашуръ (Aschur) или ежегодныя поминки по Али (Aalij), великомъ святомъ и покровителѣ Персовъ, при сборищѣ цѣлаго города, съ особою торжественностію и великимъ благоговѣніемъ, за городомъ, около дома, нарочно для того построеннаго. Когда нѣкоторые изъ насъ явились туда же посмотреть на торжество, то, по приказанію Хана, стоявшаго въ сказанномъ домѣ, вмѣстѣ съ Калентеромъ и другими знатными вельможами, намъ дали мѣсто, чтобы мы подошли ближе и могли все хорошо видѣть; и сдѣсь мы увидѣли слѣдующее: подъ раскинутымъ полотномъ, на возвышенномъ стулѣ, вышиною болѣе двухъ сажень, сидѣлъ Хатибъ (Chatib) или Parentator, совершитель поминокъ, въ синей печальной одеждѣ; какъ у насъ въ печальное время носятъ обыкновенно черныя одежды, такъ у нихъ одежды синяго цвѣта. Хатибъ читалъ на распѣвъ, звонкимъ и чистымъ голосомъ, съ оживленными тѣлодвиженіями, около двухъ часовъ, книгу Machtelnamae, въ которой описывается жизнь и кончина Алиа. Вокругъ стула Хатиба, на землѣ, сидѣло множество Священниковъ, всѣ въ бѣлыхъ повязкахъ или менделинахъ (чалмахъ) на головахъ, и въ продолженіе чтенія всѣ они нѣсколько разъ начинали подпѣвать; подпѣваніе это совершалось такъ: когда въ помянутой книгѣ встрѣчались, тамъ и сямъ, разумныя и достойныя замѣчанія поговорки и изреченія, въ родѣ стиховъ, то чтець обозначалъ ихъ, произнося только первыя слова этѣхъ изреченій и замолкалъ, тогда всѣ остальные подхватывали и продолжали пѣть, какъ знакомую уже пѣсню (или оду). За тѣмъ,

всякій разъ послѣ пѣнія одинъ изъ сидящихъ Священниковъ провозглашалъ громкимъ голосомъ:

«Laanet Chudai ber kuschendi Aalij bad! Т. е., Да будетъ проклятъ тотъ, кто убилъ Алія!»

На это весь народъ отвѣчалъ: «Bisch Bad, kem bad! Т. е., И пусть онъ будетъ проклятъ, лучше болѣе, чѣмъ менѣе!»

Когда чтеніе дошло до того мѣста, какъ Алій заранѣе предсказывалъ своимъ дѣтямъ о своей кончинѣ (о которой онъ узналъ, какъ говорятъ нѣкоторые, изъ астрологическихъ свѣдѣній, въ которыхъ былъ очень опытенъ), и при этомъ указалъ на своего слугу Абдуррамана Ибни Мельджема (Abdurraman İbni Melizem), который наложитъ на него руку, и какъ дѣти съ горькими слезами умоляли отца своего, чтобы онъ остерегся и убилъ бы лучше самаго Абдуррамана, для того, чтобы такимъ убійствомъ отца не сдѣлать ихъ бѣдными сиротами, тогда всѣ Персы начали плакать. Плачь этотъ продолжался и тогда, когда читалось о самомъ убійствѣ, которое совершилось въ мечети, во время моленья Алія, и о томъ, какъ глубоко сокрушались дѣти по смерти отца своего; въ это время большинство Персовъ рыдало. По окончаніи чтенія Хатибъ получилъ въ подарокъ отъ Хана новый шелковый кафтанъ, который онъ тотчасъ же и долженъ былъ надѣть на себя. За тѣмъ круговымъ шествіемъ везли (на верблюдахъ) 3 гроба, покрытыхъ чернымъ сукномъ, означавшихъ гробы Алія и его 2-хъ сыновей: Гассана (Hassan) и Госсейна (Hossein), и 2 продолговатые ящика, покрытые синимъ сукномъ, означавшіе хранилища (Repositoria) оставшихся духовныхъ книгъ Алія. За тѣмъ вели двухъ прекрасныхъ лошадей, на которыхъ лежали лукъ, стрѣлы, дорогія головныя повязки и множество побѣдныхъ знаменъ. Далѣе, одинъ человекъ на шестѣ несъ маленькую круглую башню, называемую у нихъ Нахалъ (Nachal), въ которую воткнуто было 4 сабли, едва видныя изъ подъ навѣшанныхъ украшеній. Наконецъ, нѣсколько человекъ несли на головахъ небольшія часовеньки или ковчегцы, Зелле (Selle) называемые, украшенные и увѣшанные перьями, лентами, цвѣтами и другими украшеніями, и въ каждомъ изъ нихъ лежалъ раскрытый Алкоранъ. Этѣ по-

слѣдніе поплясывали и прыгали подъ печальную музыку, которую играли на большихъ кимвалахъ, дудкахъ, бубнахъ и барабанахъ. Нѣсколько партій мальчиковъ, съ длинными шестью, прыгали кругомъ въ раздѣльномъ кружкѣ, хватали другъ друга за плечи и кричали одинъ за другимъ: «Гейдеръ, Гейдеръ» (Heider, Heider) (это имя Алія), Гассанъ, Госсейны! Въ такомъ торжественномъ шествіи всѣ отправились въ городъ. Это 21 Рамезана, въ которое Алія отдалъ свою душу, празднуется во всей Персіи въ глубокой печали, описаннымъ сейчасъ образомъ. Въ память же Магомета, ихъ великаго Пророка, нѣтъ у нихъ ни какого праздничнаго дня.

14-го Февраля утромъ праздновали мы день рожденія Посланника Бругмана выстрѣлами изъ большихъ пушекъ и игрою на трубахъ и барабанахъ, послѣ чего за обѣдомъ было великолѣпное угощеніе.

Въ нынѣшній же день, какъ въ новолуніе, Персы заканчиваютъ обыкновенно свой постъ, начинающійся 16-го Генваря или, по ихъ счету, съ 1-го Рамезана; но такъ какъ до ихъ Субботы (или Праздника), которую они празднуютъ въ Пятницу, оставалось только всего два дня, то Священники заблагоразсудили продолжать постъ до этого дня. Въ слѣдующій за тѣмъ день, именно 17-го Февраля, Ханъ давалъ большой пиръ для своихъ придворныхъ и знатныхъ господъ, пригласивъ на него и Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими имъ; пиръ этотъ опять былъ чрезвычайно веселый.

27-го числа возвратился Ханскій гонецъ, который посланъ былъ къ Шаху по нашему дѣлу, съ письмомъ Шаха и приказомъ: найскорѣе отправить насъ въ путь.

Обрадованные такою доброю вѣстью, Посланники поѣхали съ нѣкоторыми изъ насъ на охоту. Ханъ извинялся, что, за множествомъ дѣлъ, онъ не можетъ раздѣлять нашего общества, и прислалъ съ нѣсколькими своими охотниками собакъ, соколовъ и одного леопарда. Этотъ леопардъ, чрезвычайно ручной и хорошо выученный, доставлялъ намъ наилучшее удовольствіе, по тому что,

опередивъ всѣхъ собакъ, онъ ловко ловилъ зайцевъ, и по зову охотника послушно садился снова позади его на крупъ лошади. Пока мы охотились, Ханъ, съ заготовленнымъ столомъ, отправился въ загородный садъ свой, въ надеждѣ перехватить насъ на обратномъ пути и угостить. Но какъ мы возвращались другою дорожкой, и не пожелали возвратиться къ нему, по приглашенію его, посланному имъ къ намъ съ гонцомъ, котораго мы встрѣтили уже у городскихъ воротъ, то онъ прислалъ въ жилище Посланниковъ нѣсколько большихъ блюдъ, полныхъ разныхъ кушаній, съ просьбою благосклонно принять ихъ и скушать на здоровье, такъ какъ онѣ изготовлены были собственно для насъ.

1-го Марта Персы праздновали другой свой праздникъ, называемый ими Хуммекадеръ (Chumtekader), который бываетъ у нихъ 14-го Шеваля (Schewal), по ихъ Тагвиму (Tagwim) или Мѣсяцеслову. Въ этотъ день Алій вступилъ въ наслѣдство своего отца и тещи Магометова. На праздникъ этомъ Ханъ опять великолѣпно угостилъ насъ въ палаткѣ, раскинутой на веселой площадкѣ, близъ выше помянутой рѣки. Тамъ были всякаго рода потѣхи: одни прыгали, другіе плясали, или продѣлывали искусныя скоморошества; особенно не дурна была пляска, которую съ быстрыми тѣлодвиженіями исполнилъ взрослый малый, съ двумя кимвалами, увѣшанными длинными шелковыми хвостами. Хорошо былъ также и другой плясунъ, съ навѣшанными вокругъ тѣла нѣсколькими кимвалами, который проворно плясалъ совсѣмъ новымъ образомъ, чѣмъ на пирушкѣ у Хана. Далѣе черный Арабъ, легкій и проворный, представлялъ всевозможными движеніями обезьяну, прыгалъ и скакалъ вездѣ кругомъ между разставленными конфетами, взбирался на плечи гостей и даже къ одному изъ Посланниковъ, и въ ту же минуту прыгивалъ долой. Еще одинъ скоморохъ выдѣлывалъ штуки съ покрываломъ, представлялъ сцену изъ камковаго покрывала, которое одной стороною обвязывалъ около своего пояса, а другую приподнималъ вверхъ, и съ такою кукольною комедіей ходилъ кругомъ, точно какъ это дѣлаютъ Русскіе комедіянты, о коихъ упомянуто было выше, въ своемъ мѣстѣ.

Внѣ палатки простой народъ также веселился, каждый, кто какъ умѣлъ и могъ, велъ игры между собою съ плясками, пры-

гали, бѣгали въ запуски и стрѣляли въ цѣль. Самъ Ханъ пожелалъ опять испытать мѣткость стрѣльбы своей и сказалъ, что въ юности онъ попадалъ даже въ волосъ, и теперь, будучи 45 лѣтъ, хочетъ узнать, можетъ ли онъ это сдѣлать. Онъ подзвалъ для этого одного изъ своихъ мальчиковъ, и далъ ему поддержать лошадиный волосъ, къ которому привязанъ былъ Sche-khig или перстень (употребляемый Персами при стрѣльбѣ изъ лука и всегда почти носимый ими на большомъ пальцѣ), и въ шести шагахъ онъ дважды пересѣкъ стрѣлою волосъ на двое. Онъ приказалъ также подбросить вверхъ яблоко, и когда оно уже падало, прострѣлилъ его изъ длинноствольнаго ружья.

Послѣ шести часоваго добраго угощенія насъ Ханомъ, мы поѣхали съ нимъ верхами обратно въ городъ. На дорогѣ, когда мы вѣѣхали на широкую площадку, на которой Персы объѣзжаютъ своихъ лошадей, намъ показывали, къ какой быстрой ѣздѣ приучены ихъ лошади (о другомъ обученіи лошадей, кромѣ быстроты бѣга, они ни чего не знаютъ). Сдѣсь же показывали намъ ихъ способъ вступать въ схватку съ непріателемъ. Между прочимъ, хорошо было смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ другъ друга метательными копьями или дротиками, при чемъ Персы не только мастерски бросали на всемъ скаку и издалека попадали въ преслѣдуемаго палками, которыя они употребляли сдѣсь вмѣсто копій, но также ловко схватывали рукою, пущенные въ нихъ дротики и, быстро оборачивая ихъ, бросали обратно въ своихъ преслѣдователей. На такихъ упражненіяхъ конюшіи Ханскіи получили награду, и Ханъ подарилъ ему прекрасную Арабскую лошадь.

3-го числа Персы праздновали день, который они называютъ Tzar schembe sur, т. е., печальный четвертый день недѣльный, который всегда бываетъ у нихъ въ ближайшую среду передъ весеннимъ равноденствіемъ (Aequinoctio vernali), или передъ ихъ Новымъ Годомъ. День этотъ они считаютъ несчастнѣйшимъ въ цѣломъ году. Персы увѣряютъ, что они не только знаютъ отъ своихъ предковъ, но и собственнымъ опытомъ дознали, что въ этотъ день со всѣми ими вообще случается только нехорошее, въ слѣдствіе чего они на цѣлый

день оставляютъ свои занятія, запираютъ лавки, даже немного выходятъ изъ дому, мало говорятъ, воздерживаются отъ брани и клятвъ, также какъ и отъ пьянства, главнымъ же образомъ никто въ этотъ день не платитъ денегъ; ибо они полагаютъ, что если что сдѣлаешь въ этотъ день, то то же будешь дѣлать и цѣлый годъ. По этому нѣкоторые богачи сидятъ въ этотъ день дома и считаютъ свои деньги. Иные же ходятъ съ кружкой за городъ къ рѣкѣ, потихоньку, молча и не озираясь, зачерпываютъ тамъ воду и обрызгиваютъ ею свои дома и комнаты, полагая, что такъ какъ вода свѣтлая, то она до нѣкоторой степени смываетъ и отклоняетъ несчастье; если же при этомъ встрѣчаютъ на дорогѣ добраго пріятеля, то стараются и его обрызнуть водою, или же всю кружку вылить ему въ лицо и на голову. Когда это случается неожиданно для этого пріятеля, то это хорошій знакъ для облигаго, и онъ долженъ крѣпко благодарить за это. Дѣти и юноши, не состоящіе еще въ бракѣ и на которыхъ, по ихъ мнѣнію, не лежатъ еще ни какія домашнія заботы, также продѣлываютъ при этомъ свои штуки и причудливыя забавы. Такъ, одни изъ нихъ ходятъ по улицамъ и на рѣку съ барабанами, которые они называютъ *Tuphek* и которые дѣлаются изъ горшечной глины, съ длиннымъ открытымъ отверстіемъ; такіе барабаны берутъ они подъ мышку, обращая отверстие назадъ и бьютъ по нимъ руками. Другіе же ходятъ съ прутьями, заходятъ въ рѣку по колѣна и выше, брызжутъ водою на проходящихъ за нею, или же вѣшаются на нихъ въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, иногда же втаскиваютъ ихъ совсѣмъ въ воду, или разбиваютъ кружки у нихъ. Этѣ мальчуганы означаютъ у нихъ приносящихъ несчастье, и если кто уйдетъ отъ нихъ не тронутый ими и сможетъ проворно, зачерпнувъ воду, уйти съ кружкой, благополучно домой, тогъ и въ теченіи года избѣжитъ многихъ несчастій. По этому, Персы большею частію ходятъ въ это время за водою еще до свѣту, или же, если съ ними уже повстрѣчается такой вѣтренникъ, то прячутъ кружку свою отъ него подъ кафтанъ. Всѣ этѣ продѣлки совершаются большею частію до обѣда; когда же солнце переступитъ за полуденную черту, большинство Персовъ выходитъ и выѣзжаетъ прогуляться. Передъ обѣдомъ же никто не садится и на лошадей.

Вильгельмъ Шикгартъ (Schickhart), въ предисловіи къ «Клююстану или Розовому саду,» изданному Іоанномъ Фридрихомъ Оксенбахомъ (Ochsenbach), полагаетъ, что праздникъ этотъ установленъ Персами въ память Св. Іоанна Крестителя и его крещенія. Весьма можетъ быть, что древніе первоначально имѣли эту цѣль; ибо Іоаннъ очень славится у Персовъ, какъ весьма святой мужъ и гробъ его въ Дамаскѣ посѣщается и читается и понынѣ, какъ это видно изъ 12-й главы 1-й книги моеѣ Персидской «Долины розъ,» въ послѣдствіи же воспоминаніе это перешло въ описанное сейчасъ злоупотребленіе.

7-го Марта посѣтилъ Пословъ одинъ Католическій монахъ, Амвросій досъ Аніосъ (Ambrosius dos Anios), родомъ Португалецъ изъ Лисабона. Онъ сообщилъ намъ, что прибылъ изъ Тифлиса, что въ Грузіи (Georgia), въ 10-ти дняхъ пути отъ Шемахи, изъ одного монастыря Августинскаго ордена; что хотя онъ пришелъ только по дошедшему до него слуху о прибытіи въ этѣ мѣста почетнаго Посольства отъ одного важнаго Христіянскаго Государя Европы, но онъ не сомнѣвается, такъ какъ дѣло это уже много лѣтъ сдѣсь неслыханное, что Посольство это имѣетъ нѣчто важное и по отношенію къ распространенію Христіянства; по этому онъ надѣялся, что Гг. Посланники не сочтутъ за непріятное, если онъ явился не только для того, чтобы пожелать имъ счастья ради благополучнаго ихъ прибытія, но и предложить имъ свои услуги сообщеніемъ, какихъ имъ будетъ угодно, свѣдѣній о той, или другой, странѣ, или народахъ, среди которыхъ онъ живетъ теперь уже 27 лѣтъ. Хотя сначала, какъ и естественно, мы не совсѣмъ довѣряли ему, но въ продолженіи 10 ежедневныхъ свиданій, откровенныхъ бесѣдъ и вѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ намъ имъ, мы такъ познакомились и сошлись съ нимъ, что имѣли достаточное основаніе заключать, что онъ явился къ намъ съ честнымъ и добрымъ къ намъ расположеніемъ, за которое мы были ему благодарны, и такое заключеніе въ послѣдствіи мы могли провѣрить и на дѣлѣ. Кромя своего роднаго и Латинскаго языковъ, на которыхъ онъ объяснялся съ обоими Посланниками, онъ зналъ Грузинскій, Турецкій, Персидскій, къ изученію которыхъ онъ сообщилъ мнѣ особыя, болѣе разумныя и облегчающіе, приемы.

10-го Марта Персы съ великимъ веселіемъ праздновали свой Новый Годъ, который они называютъ *Naigus*, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе. По этому случаю нѣкоторые изъ насъ посланы были къ Хану, Калентеру и другимъ господамъ, съ желаніемъ счастія. Мы застали ихъ въ большомъ великолѣпнн, сидящихъ за столомъ, и приглашены были остаться за ихъ ннромъ. Прямо противъ Хана сидѣлъ одинъ говорунъ, котораго они называли *Kasieschuan*; съ страшными тѣлодвиженіями онъ прославлялъ славные подвиги своихъ Царей, какъ они богатырски сражались и побѣждали Турокъ, Узбековъ и другихъ непріятелей. Между тѣмъ Астрологъ вставалъ часто изъ за стола, бралъ съ своей астролобіей высоту солнца, часы, и такимъ образомъ наблюдалъ мгновение, когда солнце достигнетъ равноденственника, и какъ только желанная минута настала, онъ громко провозгласилъ Новый Годъ. Тотчасъ за тѣмъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ и полевыхъ пушекъ, заиграли въ трубы вездѣ на городскихъ стѣнахъ и башняхъ, забили въ барабаны, и такимъ образомъ праздникъ начался великимъ ликованіемъ, и день прошелъ въ доброй попойкѣ.

На слѣдующій день Ханъ продолжалъ тоже веселіе, пригласилъ къ себѣ Гг. Посланниковъ, съ помянутымъ выше монахомъ, и былъ съ нимъ такъ любезенъ и откровененъ, какъ никогда прежде.

20-го числа, къ вечеру, Ханъ и Калентеръ, сильно выпившіе, посѣтили уже въ послѣдній разъ Посланниковъ; ибо, говорили они, отъѣздъ нашъ долженъ послѣдовать скоро, а Ханъ, имѣя надобность ѣхать куда-то, не могъ дожидаться отъѣзда нашего. Когда они вступили въ дворъ, то Гахимъ или врачъ Ханскій, выдававшій себя также за звѣздочета, посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «Этотъ часъ, Ханъ, не хорошъ для того, чтобы ты вступилъ въ покои *Frenk Eltzi*, т. е., Нѣмецкихъ Посланниковъ.» По этому всѣ расположились на дворѣ и пили сдѣсь подъ открытымъ небомъ. Увидавши одного изъ пажей Посланника Крузе, мальчика весьма благаго и красиваго лицомъ, Ханъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ Гакима: «Какъ нравится ему этотъ мальчикъ? Онъ бы, Ханъ, желалъ, чтобъ это былъ сынъ его.» Гахимъ опять

возвелъ глаза къ небу и предсказалъ, по созвѣдіямъ, которыя онъ захотѣлъ увидѣть среди бѣлаго дня и на облачномъ небѣ, что если Ханъ пристально взглянется въ мальчика, такъ что образъ его хорошо напечатлѣется въ его воображеніи, и за тѣмъ пойдетъ къ женамъ, то у него можетъ родиться такой же сынъ. Этому совѣту Ханъ повѣрилъ, какъ бы оракулу (прорицателю), и онъ, поглядѣвши нѣсколько времени на мальчика, не сводя глазъ съ него, распростился потомъ и уѣхалъ.

Въ Шемахѣ былъ одинъ Персидскій невольникъ, по имени Фаррухъ (Farruch), родомъ изъ Русскихъ, но въ юности взятый въ плѣнъ, проданный въ Персію и обрѣзанный. Фаррухъ этотъ, обращаясь часто съ нашими людьми, съ которыми говорилъ по Русски, пришелъ къ намъ въ тотъ же вечеръ и предостерегалъ Посланниковъ, чтобы они не очень довѣряли нашему Персидскому толмачу, Рустаму. Ибо онъ писалъ въ Испагань къ друзьямъ своимъ и извѣщалъ ихъ, что хотя онъ довольно долго уже время живетъ между Нѣмцами, какъ язычниками, но онъ все таки не сдѣлался отступникомъ отъ Магометанской Вѣры, какъ они это воображаютъ себѣ, и крѣпко держится ея, чему онъ по прибытіи представитъ и достаточныя доказательства. Рустамъ этотъ, иначе Георгіемъ именуемый, былъ родомъ Персъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъ въ Англію, съ Посломъ Персидскаго Шаха; но такъ какъ господинъ его обращался съ нимъ довольно строго, то онъ ушелъ отъ него, передался Англичанамъ, окрестился по ихнему и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ. Въ наше время онъ находился въ Москвѣ, у Резидента Англійскаго Короля, какъ у своего крестнаго отца; узнавши, что мы ѣдемъ въ Персію, онъ употребилъ всевозможныя средства и просьбы выхлопотать себѣ дозволеніе отправиться съ нами въ Персію и обратно, для того, будто бы, чтобы получить тамъ отцовское наследство, съ помощію котораго онъ желалъ бы торговать въ Москвѣ, такъ что наконецъ, къ сожалѣнію, онъ былъ отпущенъ, давши обязательство, что воротится съ нами назадъ, и такъ какъ онъ намъ обѣщалъ оказать великую, вѣрную услугу и службу, то мы охотно взяли его къ себѣ въ качествѣ толмача. Когда же онъ пріѣхалъ въ Ардебиль, то мы начали замѣчать, что Фаррухъ правду говорилъ намъ о немъ; ибо Рустамъ пошелъ къ гробницѣ

великаго святаго Персидскаго, Шихъ-Сефи (Schich Sefi), палъ тамъ ницъ, молился и вообще заявилъ себя истымъ Магометаниномъ, въ чемъ далъ тѣмъ открытое доказательство. Когда же онъ былъ въ Испагани и сдѣлался намъ подозрительнымъ до нѣкоторой степени, въ обѣщанной имъ намъ вѣрности и вѣрѣ, то мы взяли его подъ стражу, но онъ тайно бѣжалъ изъ подъ стражи, скрылся въ Алла сарі или домъ свободныхъ, бросился въ ноги Шаха и Сетера (Seter) или главнаго Начальника ихъ Вѣры съ слезами разсканія и прощенія, отдался подъ ихъ защиту, и такимъ образомъ и остался въ Персіи.

22-го числа отецъ Амвросій, съ слезами на глазахъ, распростился съ нами и поѣхалъ обратно изъ Шемахи въ Тифлисъ, къ своей братіи.

24 го Ханъ, по обыкновенію, отсылалъ Шаху подарки къ Новому Году, тѣмъ болѣе дорогіе на этотъ разъ, что онъ считалъ себя въ немилости по дѣлу брата; недавно же онъ получилъ Шахово письмо, завѣрявшее въ возвращеніи ему всей Шаховой милости. Подарки состояли изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ лошадей, головныхъ ременныхъ для нихъ сбруй или уборовъ, верблюдовъ, навьюченныхъ 30-ю подушками, набитыми лебединымъ пухомъ, и множествомъ Русской юфти; кромѣ того изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Самъ Ханъ отправился тоже съ подарками, сказавши намъ, что проводить подарки за нѣсколько миль; но между тѣмъ онъ остался только внѣ города нѣсколько дней, а въ это время распоряженіями Калентера сдѣланы приготовленія къ нашему отъѣзду, и Посланникамъ нашимъ на домъ присланы были 60 туменовъ или 460 рейхсталеровъ за то, что во все время они жили на свои деньги. Но такъ какъ сумма, назначенная на наше содержаніе по прежнему распоряженію и обѣщанію, должна была простираться до 120 туменовъ, то присылка только сказанныхъ 60 туменовъ казалась нѣсколько подозрительною; по чему Посланникъ Бругманъ приказалъ намъ, посланнымъ для переговоровъ съ Калентеромъ по другимъ дѣламъ, касавшимся нашего путешествія, мимоходомъ разузнать: по распоряженію ли Шаха, или по усмотрѣнію только Хана и Калентера, выданы были Посламъ сказанныя только 60 туменовъ?

При этомъ намъ велѣно передать Калентеру, что хотя наши Посланники пріѣхали въ Шемаху не съ тѣмъ, чтобы получать съдѣсь деньги, но все таки они хотятъ взять ихъ съ собою въ Испань, и за печатью Калентера, за которой онѣ присланы были и Посланникамъ, предъявить ихъ Шаху. Что, во всякомъ случаѣ, Гг. Посланники въ высшей степени были стѣснены тѣмъ, что такъ долго должны были прожить съдѣсь, тогда какъ хорошо было извѣстно, что приказаніе отправить ихъ далѣе давно уже было отъ Шаха получено. Калентеръ отвѣчалъ на это: «Мы ни чего не можемъ дать вамъ; деньги даны вамъ были не отъ насъ, но отъ Шаха, и что Шахъ приказывалъ, то мы и дѣлали для васъ, и даже болѣе ибо, пока не приходило Шахово приказаніе, все, что мы давали вамъ, давали изъ собственнаго кармана.» При этомъ онъ добавилъ, что «можемъ доносить, или не доносить, Шаху, говорить ему то и другое: они на это вниманія не обращаютъ; они и сами будутъ писать Шаху и пошлютъ ему нашу росписку. Что же касается до неудовольствія за долгое задержаніе, то случилось это не по ихъ съ Ханомъ волѣ: надо было не мало употребить времени для того, чтобы доставить достаточное количество подводъ и другихъ принадлежностей и вещей для такого большого числа людей и поклажи.» Въ заключеніе онъ просилъ неотступно, чтобы мы были такъ добры, оказали ему дружбу передъ отъѣздомъ, еще разъ пожаловать къ нему въ гости. Мы исполнили эту просьбу Калентера, посѣтили его въ послѣдній разъ, и, кромѣ прекрасной пирушки, хозяинъ угостилъ и всякаго рода дѣльными и забавными, увеселительными разговорами и вполне радушнымъ пріемомъ.

27-го Марта присланы были намъ 60 повозокъ для клади и 130 лошадей для ѣзды верхомъ. Уложенную кладь, и 9 человекъ больныхъ людей, уже позднимъ вечеромъ Дворецкій (Гофмейстеръ) нашъ послалъ впередъ.

Прежде чѣмъ послѣдуемъ и мы за ними, обозримъ немного городъ Шемаху и лежащую кругомъ страну.

ГЛАВА XX.

О городѣ Шемахѣ и горахъ, лежащихъ около нея.

Городъ Шемаха различными писателями называется различно и помѣщается даже въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые, какъ на примѣръ: Бизаро, Барбаро и другіе, называютъ его: Sumachia, Summachia и Samachia; Испанцы же пишутъ его Hamachi. На картахъ одни помѣщаютъ его выше, другіе ниже Дербента, а нѣкоторые даже въ обоихъ сихъ мѣстахъ. Туземцы же и Персы называютъ его по нашему произношенію Schamachie; лежитъ же онъ, считая по извиистой дорогѣ, идущей черезъ горы и между горами, въ 40 добрыхъ миляхъ или въ 6-ти дняхъ пути за Дербентомъ, или по ту сторону Дербента. Отъ Каспійскаго же берега, если ѣхать на лошади, или ити пѣшкомъ въ Баку (Bakuje), черезъ горы на Lahatz, гдѣ находится таможня, два дня пути, а тою же дорогою, на верблюдахъ, 4 дня, и 6 дней (какъ нѣкоторые пишутъ безразлично), когда съ тяжелымъ грузомъ на верблюдахъ, обходятъ горы долиною, при рѣкѣ Араксѣ (Aras). Долгота въ Шемахѣ 84° 30' и широта 40° 50'. Онъ есть главный городъ значительной области, которая въ древности называлась Media Atropatia, теперъ же Ширваномъ (Schirwan), хотя нѣкоторые писатели помѣщаютъ его въ Гирканіи другой пограничной области. Построенъ онъ, какъ говорятъ Персы, Шахомъ Ширваномъ; лежитъ же въ горахъ, по чему только тогда и увидишь его, когда подъѣдешь къ нему уже довольно близко. Въ прежне время онъ былъ гораздо обширнѣе, имѣлъ до 5000 домовъ, но при Шахѣ Абасѣ (Abas), въ слѣдствіе войны съ Турками, значительно уменьшился. Онъ раздѣлялся на 2 особыя части, и обѣ этѣ части обнесены были каменными стѣнами. Но когда Шахъ Абасъ увидѣлъ, что Турки нападаютъ большею частію на защищенные и укрѣпленные мѣста и стараются взять ихъ, открытыя же поселенія оставляютъ безъ вниманія, и когда онъ такимъ образомъ пришелъ къ заключенію, что крѣпости, сооружаемыя не на границахъ и дорогахъ, а внутри страны болѣе вредны, чѣмъ полезны, то онъ приказалъ срыть стѣну въ южной части, имѣвшей

наиболѣе крѣпкую стѣну, такъ что теперь часть эта представляетъ совершенно открытое мѣсто. Такимъ же образомъ поступлено было и съ большими городами: Таврисомъ (Tabris или Tauris), Нахичеванью (Nachtzuan) и Кенчемъ (Kentzæ).

Турки, отнявъ у Персовъ однажды городъ Шемаху, и желая укрѣпить его, воздвигли эту стѣну изъ однихъ надгробныхъ камней, которые они расхитили съ Персидскихъ могилъ и свезли сюда отовсюду.

Сѣверная часть города нѣсколько меньше, лежитъ на холмѣ, въ окружности также велика, какъ, на пр., Лейпцигъ, и окружена хотя каменной, но плохой, безъ рововъ, стѣною, черезъ которую, даже при запертыхъ воротахъ, легко проникнуть въ городъ. Тамъ не менѣе эта часть города имѣетъ 5 воротъ. Улицы въ обѣихъ частяхъ города очень узкія, съ низкими изъ камня, глины и земли выстроенными, домами, населенными Персами, Армянами и нѣсколькими Грузинцами, которые всѣ, хотя каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свой особый языкъ, обыкновенно говорятъ по Турецки, равно какъ и въ цѣломъ Ширванѣ. Главнѣйшія занятія ихъ составляютъ: пряжа, тканье шелка и шерсти и разные вышиванья.

Въ южной сторонѣ города есть большой торгъ или базаръ, съ нѣсколькими крытыми улицами, въ которыхъ Персы имѣютъ свои лавки со всякого рода товарами: пестрой камкой, шелкомъ, серебряными и золотыми вещами, луками, стрѣлами, саблями и другими рукодѣльями, каковыя товары можно купить здѣсь довольно дешево. На этомъ же торгѣ есть еще два складочные или торговые дома (гостинныхъ двора), съ разными ходами и покоями, которые занимаютъ иностранные купцы, ведущіе здѣсь оптовую торговлю своими товарами. Одинъ изъ этихъ домовъ или подворій называется Шахъ Каравансерай (Schach Carwanserai), гдѣ помѣщаются Русскіе купцы и торгуютъ оловомъ, шѣдью, юфтью (кожей) и соболями, другой же называется Лозги (Лезгинъ) Каравансерай (Losgi Carwanserai), въ которомъ находятся Черкаскіе Татары и ведутъ тамъ свою торговлю, именно: лошадьми, женами, мальыми и взрослыми дѣвками, служанками и

мальчиками, которыхъ они частью вымѣняли, или купили, частію же понакрали съ Русскихъ границъ и другъ у друга. Когда мы были сдѣсь на обратномъ пути, то Русскій Посланникъ, Алексѣй, человекъ весьма веселый, любящій забавы и еще молодой, пошелъ въ этотъ послѣдній каравансерай, изъ желанія поглядѣть на живой товаръ и, между прочимъ, за одного мальчика, довольно красиваго лицомъ и хорошо сложеннаго, за котораго просили 6 туменовъ, предложилъ 2 тумена, т. е., 32 рейхсталера, но такая цѣна такъ обидной показалась Черкасскому торговцу людьми, что онъ, ударивъ мальчика по задницѣ, съ полнымъ безстыдствомъ сказалъ: «Одною этою частью ты можешь въ своей жизни наслаждаться на гораздо большую сумму!» Въ этомъ же каравансераѣ пристають Евреи, которые привозятъ сюда изъ Тессерана (Thesserahn) превосходнѣйшіе шерстяные ковры.

Въ городѣ находится 3 бани, называемыя ими Гамамъ (Намамъ); онѣ у Персовъ въ особенномъ ходу, какъ и у Русскихъ, ежедневно посѣщаются, и въ двѣ изъ нихъ ходятъ днемъ женщины, а ночью мужчины, въ 3-ю же, которая находится недалеко отъ замка и называется Гамамъ Шихъ (Намамъ Schich), ходятъ только одни мужчины. Передъ этой послѣдней баней стоятъ два большія дерева, которыя Персы высоко и дорого чтутъ, по тому что они посажены и взрощены сдѣсь ради одного святаго, по имени Шихъ Мурита (Schich Murith), погребеннаго подлѣ этой бани въ одной мечети. Доходы съ этой бани идутъ на содержаніе гробницы святаго, на свѣчи, полотно и проч., а остальное на бѣдныхъ. Въ сказанную мечеть народу стекается гораздо болѣе, чѣмъ въ другія мечети, которыхъ въ городѣ Шемахѣ и внѣ его всего шесть.

Городъ, равно какъ и вся область Ширванъ, управляется однимъ Ханомъ и Калентеромъ, какъ управителемъ и градоначальникомъ, которые мѣстожителство свое имѣютъ въ сѣверной части онаго. Ханъ завѣдываетъ правосудіемъ, имѣетъ постоянно бдительный надзоръ надъ цѣлою областью для защиты и отъ непріятеля, и съ 1000 воинами, содержимыми самою областью, всегда долженъ быть на готовѣ къ бою. Калентеру же поручается казна, именно сборъ доходовъ и извѣстныхъ расплаты; но онъ

не можетъ съ Шахомъ выступить въ поле, по тому что городъ долженъ быть снабженъ постояннымъ защитой.

Знакомый нашъ Ханъ назывался Аребъ (Areb), держалъ при себѣ великолѣпный придворный штатъ, хотя по роду и былъ происхожденія низкаго (на что въ Персіи, впрочемъ, мало обращается вниманія), именно, онъ былъ сынъ одного крестьянина и родился въ области Серабъ (Sserab), лежащей между Ардебилемъ и Таврисомъ. Онъ прославился своею храбростію до того, что когда Шахъ Сефи пошелъ осаждать крѣпость Эрванъ (Erwan) (Эриванъ), которую онъ вознамѣрился снова отнять у Турокъ, то назначилъ его, Ареба, главнымъ начальникомъ надъ орудіями (Цейгмейстеромъ), и такъ какъ въ этой осадѣ онъ сражался съ такимъ мужествомъ, что не только получилъ множество ранъ, которыя онъ намъ однажды на пиру показывалъ на головѣ и рукахъ, но и представилъ Шаху нѣсколько отрубленныхъ имъ Турецкихъ головъ, то онъ и сдѣланъ былъ Ханомъ, на мѣсто прежняго, называвшагося Феррухъ Ханъ и погубшаго во время этой самой осады. Онъ былъ, также какъ и Калентеръ Яябекъ (Jajabek), высокаго роста и съ величавымъ лицомъ, только не во время попойки, которой оба они весьма преданы, и Аребъ Ханъ даже болѣе, чѣмъ Яябекъ, вообще же оба очень любезные люди.

Изъ древностей въ Шемахѣ мы не нашли ни чего достопамятнаго. Никто ни чего не знаетъ объ отвратительной башнѣ, которая, какъ свидѣтельствуегь Англичанинъ Іоаннъ Картрайтъ (Cartwright), въ своемъ описаніи путешествія, была возведена изъ булыжника и плитняка, между которыми вмазано множество головъ бывшаго когда-то сдѣсь благороднаго населенія. Хотя я и нашелъ въ городской стѣнѣ втиснутыя въ камень двѣ мужскія головы, но никто не могъ объяснить мнѣ, что онѣ означали. Въ остальномъ же все обстоитъ сдѣсь такъ, какъ упомянутый сейчасъ Англичанинъ пишетъ объ одной древней разрушенной крѣпости, лежащей недалеко отъ Шемахи. Такъ, въ полу-мили на сѣверъ отъ города, находится довольно высокая крутая гора, которую Персы называютъ Кале Кюлустанъ (Kalaе Külüstahn); у этой горы и на ней видна еще бездна обломковъ стѣнъ бывшей сдѣсь когда-то сильной крѣпости. На вер-

шинѣ глубокой погребѣ, выложенный прекрасными большими четверугольными камнями, и подлѣ погребѣ колодезь. Намъ рассказывали, что крѣпость эту построилъ сдѣсь когда-то Ширванъ Шахъ (ибо въ древности страна эта имѣла собственныхъ своихъ Царей), въ память имени одной изъ своихъ наложницъ или хассе (Chassa), которую онъ любилъ болѣе прочихъ и которая называлась Külüstahn, но Александръ Великій разрушилъ будто бы эту крѣпость. Внизу, въ долинѣ, течетъ рѣка, по обѣимъ берегамъ которой идетъ плодородная земля, весною покрывающаяся множествомъ прекрасныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ тюльпановъ, которые сдѣсь растутъ въ дикомъ состояніи; полагаю, что отъ этого и гора получила свое имя; ибо Külüstahn значитъ долина розъ, или мѣсто, гдѣ растеть много розъ и цвѣтовъ, а Kalae означаетъ крѣпость. Недалеко отъ Кале Кюлустана, въ сторону къ Шемахъ, есть другая, еще высшая гора, на которой стоятъ двѣ часовни, изъ коихъ въ первой и важнѣйшей изъ нихъ, выстроенной въ видѣ паралелограмма, былъ высокій, изъ камня сложенный, гробъ, увѣшанный множествомъ пестрыхъ лоскутковъ, тряпочекъ, согнутыхъ тростниковъ, перевязанныхъ шелкомъ на подобіе луковъ; въ другой же часовнѣ стояло два гроба, увѣшанныхъ подобными же украшениями. Въ обѣихъ этихъ часовняхъ покоятся святые мужи; по чему Персы часто приходятъ сюда и молятся у гробовъ ихъ.

Сдѣсь же, спустясь только на нѣсколько ступеней, можно войти въ глубокой со сводами склепъ, въ которомъ погребена Амелекъ Канна (Amelek Kanna), дочь одного Царя. Дочь эта имѣла особое расположеніе къ одиночной, дѣвической жизни; отецъ же ея хотѣлъ силою принудить ее выйти замужъ за одного Татарскаго Князя, въ слѣдствіе чего она и лишила себя жизни. Весьма можетъ быть, какъ свидѣтельствуешь это, часто уже упоминаемый выше, писатель, что нѣкогда дѣвицы этихъ мѣстъ, въ известное время года, собирались сюда для оплакиванія смерти Амелекъ Канны, но теперь Персы ровно объ этомъ ни чего не знаютъ. Если же жители города Шемахи и окрестъ лежащихъ селеній, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лѣтомъ, посѣщаютъ въ великомъ множествѣ эту гору, равно какъ и гору Кюлустанъ, то случается это не ради помянутой дѣвицы, но по другой причинѣ, именно, въ слѣдствіе

прохладнаго воздуха, бывающаго на вершинахъ вѣхъ горъ; ибо въ равнинѣ, внизу, настаетъ въ это время сильная и невыносимая жара. При такихъ-то обстоятельствахъ и случается, что Персы, по обыкновенію своему, поклоняются при гробахъ покоящихся тамъ ихъ святыхъ (Pug) чаще, чѣмъ въ другое время. Нѣкоторые ремесленники и бѣдные люди проводятъ тамъ только время дня, ночью же они спускаются съ нихъ въ дома свои. Ханъ же, Калентеръ и другіе вельможи остаются тамъ постоянно въ своихъ палаткахъ почти цѣлые три мѣсяца, въ которые бываетъ сильный жаръ. Скотъ свой Персы гоняютъ на это время на гору Эльбурсъ (Elburs), гдѣ находится не только сносный воздухъ, но и хорошія пастбища: Эльбурсъ есть часть Кавказскихъ горъ, въ области Табесеранъ (Tabeseran), граничащей съ Грузіей, и высоты его очень хорошо видны съ описанныхъ сейчасъ горъ. На этомъ Эльбурсѣ Персы нѣкогда держали свой неугасаемый огонь и поклонялись тамъ ему; но теперь этого огня и его поклонниковъ нѣтъ, какъ нѣтъ и у Еше (Jesche), гдѣ Тейксера (Teixera) неправильно еще поощряетъ ихъ, а за нимъ повторяютъ и другіе писатели это извѣстіе, да и нигдѣ въ Персіи, и они удалились оттуда въ Индію, въ которой и теперь еще осталась особая секта такихъ огнепоклонниковъ, о чемъ подробнѣйшее свѣдѣніе можно найти въ описаніи путешествія Высокороднаго Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло.

Г Л А В А XXXI.

Путешествіе отъ Шемахи до Ардебилъ.

Возвратимся опять къ нашему путешествію. Отославши, какъ сказано, 27-го Марта, вечеромъ, наши вещи впередъ, Гг. Посланники, на слѣдующее утро, за два часа до разсвѣта, и сами отправились за ними. Такъ какъ Ханъ и Калентеръ Шемахинскіе не такъ уступчиво заявили себя относительно вознагражденія издержанныхъ нами на продовольствіе денегъ, какъ мы надеялись, то Посланникъ Бругманъ не хотѣлъ, чтобы Калентеръ,

или какой ни будь другой Персиянинъ, провожали насъ изъ города; по этому Посланники, взявъ свои пистолеты подъ мышку, вышли еще затѣжно изъ города, сѣли тамъ на лошадей и поѣхали въ путь съ нѣсколькими изъ прислуги; остальные также послѣдовали потомъ за ними. Остановившись въ двухъ миляхъ отъ города покормить лошадей, нашли мы одного изъ солдатъ своихъ, именно Александра Чамерса (Schamers), Шотландца, который хоть и былъ боленъ, но уже почти выздорѣвъ, сидящимъ въ повозкѣ мертвымъ; мы похоронили его тутъ же, на веселомъ холмѣ, поросшемъ множествомъ гяцинтовъ, на лѣво отъ дороги, и послѣ обѣда поѣхали еще съ полмили далѣе, до гробницы одного Персидскаго святаго Мардехана (Pur Mardechan), находящейся въ краѣ Факерлу (Fakerlu), расположились тамъ на голомъ полѣ подъ повозками и вообще имѣли пресквернѣйшій ночлегъ, по тому что цѣлую ночь была чрезвычайно бурная погода, съ сильнымъ громомъ, молніей, вѣтромъ, дождемъ, снѣгомъ и морозомъ, и ко всему этому Посланникъ Бругманъ приказалъ еще стрѣлять изъ большихъ пушекъ. На слѣдующій день Бругманъ жестоко разсердился на Персовъ, за то, что нѣсколько металлическихъ пушекъ оставлено было въ Шемахѣ, по тяжести ихъ для лошадей, не могшихъ ихъ везти на сдѣланныхъ для того ставкахъ; укорялъ въ томъ Мегемандаря, осыпая его бранными словами, плевалъ на Хана, Калентера и даже на самаго Мегемандаря, говоря, что все, что они обѣщали сдѣлать, была чистая ложь, и приказалъ сказать Хану, что или Ханъ заплатитъ за это головою, или онъ, Бругманъ, положитъ свою собственную. Сначала мы думали было остаться въ этомъ мѣстѣ и ждать, пока не привезутъ наши пушки, но увидавши и сообразивши неудобность мѣста, въ которомъ не было ни человѣка, ни скота, ни огня, ни дровъ, ни пищи, ни топлива, и имѣя при томъ въ виду, что и погода стояла чрезвычайно холодная и мы почти всѣ дрогли въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, чего, конечно, не могли на долго вынести ни больные, ни молодые люди наши, мы порѣшили продолжать путь далѣе, и черезъ двѣ мили, миновавъ лежащій на право каравансерай Тахтши (Tachtschi), поѣхали еще двѣ мили далѣе, до конца Шемахинскаго горнаго гребта.

Вершина этого хребта идетъ низкими холмами и чрезвычайно плодородна; зимой же и весной сдѣсь большею частію падаютъ дожди, снѣгъ и вообще бываетъ сырая погода. Съ края этой горы открывался внизъ восхитительный видъ, по тому что страна, растилавшаяся внизу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляла на цѣлыя 10 миль, а въ иныхъ и болѣе, совершенно гладкую равнину, всю въ зелени и веселую подъ яснымъ небомъ и при солнечномъ освѣщеніи, тогда какъ наверху, напротивъ, мы окружены были дождемъ и снѣгомъ. На этой равнинѣ, точно на разостланной картѣ, видны были также чрезвычайно красиво изливающіяся и сливающіяся вмѣстѣ двѣ, прославленные писателями рѣки, Араксъ и Куръ (Aratzin, Cugum).

Нѣкоторые изъ насъ, ѣхавшіе впереди, проѣхавъ гору, которая хотя и была длиною въ полмили, но удобно проходима и не крута, спустились внизъ и вышли на прекрасный ясный воздухъ; оглянувшись назадъ на остальныхъ, ѣхавшихъ позади, они представлялись намъ, какъ бы выходившими изъ облаковъ длинными рядами и спускавшимися внизъ; ибо верхняя часть хребта одѣта была густымъ туманомъ и какъ бы укутана въ облака. Мы остановились внизу, у подошвы горы, направо, въ нѣсколькихъ отакахъ (Ottak) или Татарскихъ лачужкахъ, которыя раскинули сдѣсь пастухи, живя тутъ отдѣльными обба (Obba) или ордами, при своихъ стадахъ.

30-го Марта мы проѣхали равниною 4 мили до селенія Казилю (Kasilü). По дорогѣ намъ повстрѣчались нѣсколько пастуховъ, съ своими стадами, домою, дворомъ, женами, дѣтьми и со всѣми принадлежностями ихъ хозяйства, ѣхавшихъ на повозкахъ и верхами на лошадяхъ, на которыхъ, равно какъ на быкахъ, коровахъ и ослахъ, были нагружены ихъ пожитки; встрѣчи эѣ представляли довольно забавное зрѣлище. Въ этотъ день, равно какъ и послѣ, во все время дальнѣйшаго пути, мы большею частію имѣли чистое ясное небо и прекрасную погоду, и нигдѣ, развѣ иногда только около и у вершинъ горъ, не видали пасмурнаго неба.

Послѣдняго Марта проѣхали мы двѣ мили далѣе, по направленію къ морскому берегу, до селенія Джаватъ (Tzawat),

лежащаго при рѣкѣ Куръ (Kür) и состоящаго изъ тростниковыхъ и камышовыхъ хижинъ, обмазанныхъ глиною. Четверть мили далѣ Араксъ, называемый нынѣ Персами Арасъ (Aras), впадаетъ въ Куръ (Sugum) или въ Кюръ (Kür), подъ 39°, 64' высоты полюса; до ссоединенія этѣхъ рѣкъ Араксъ течетъ съ юго-запада, а Куръ съ запада-сѣверо-запада. Каждая изъ нихъ, шириною въ 140 шаговъ, датишь своя темныя, тихія и глубокія воды въ довольно крутыхъ берегахъ. По берегамъ ихъ, также какъ и по всему Мокану (Mokan), въ лугахъ, растетъ Glucygniza или солодковый коренецъ въ большомъ изобиліи и иногда толщиною съ руку. Вываренный сокъ изъ него гораздо слаще и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ у насъ въ Германіи.

Рѣка Куръ составляетъ границу между Ширваномъ и Моканомъ; у селенія Джавать черезъ нее перекинутъ фашиный изъ тростника мостъ, черезъ который мы перебрались 2-го Апрѣля, и на другой сторонѣ рѣки, въ Моканѣ, встрѣченны были новымъ Мегемандаремъ или проводникомъ, котораго прислалъ къ намъ Ханъ Ардебильскій. Для дальнѣйшей ѣзды нашей верхомъ и для возки клади, намъ дали сдѣсь 40 верблюдовъ и до 300 лошадей; ибо по причинѣ высокыхъ горъ и глубокыхъ долинъ, черезъ которыя шла дорога, на повозкахъ ѣхать было не возможно. Кромѣ обильныхъ для возки средствъ, мы начали получать сдѣсь и достаточное продовольствіе, а именно: ежедневно по 10 овецъ, по 30 жбановъ вина, рису, масла, яицъ, миндаля, изюма, яблокъ и проч., сколько было угодно. Такимъ образомъ, въ Воскресенье, отслушавъ проповѣдь, пустились мы далѣе, и дорога наша шла почти постоянно въ миль отъ Аракса. Ночной привалъ имѣли мы въ полумилѣ отъ берега, въ рощѣ, въ круглыхъ пастушьихъ шалашахъ, которые Мегемандаръ нарочно велѣлъ устроить для насъ.

3 го числа мы прошли въ той же рощѣ далѣе 4 ферзанга (ferzang) или мили и ночевали опять въ тѣхъ же шалашахъ, посланныхъ впередъ. Въ этотъ день мы видѣли нѣсколько большихъ стадъ дикихъ животныхъ, которыя по Турецки называются Джейранъ (Tzeigian), по Персидски Агу (Ahu), и которыя видомъ похожи на серну, но имѣютъ красноватую шерсть, рога безъ отрост-

ковъ, загнутыя назадъ, какъ у дикой козы, и бѣгаютъ весьма быстро. Этотъ родъ дичи водится только въ Моканѣ, также около Шемахи, Карабаха и Мерраге (Kartabach, Merrage).

4-го числа проѣхали мы еще 6 миль далѣе и остановились у рѣки, называемой Балгару (Balharu); хотя разстояніе это мы могли проѣхать по кратчайшей дорогѣ, рощею, но, по причинѣ бывшей сдѣсь грязь, должны были сдѣлать такой обходъ къ рѣкѣ. Сдѣсь мы нашли множество черепахъ. Животныя этѣ на высокому берегу, а также и внутри страны на холмахъ, вырываютъ въ песокѣ норы, и кладутъ въ этѣ норы свои яйца, въ сторонѣ, обращенной къ полудню, для того, чтобы онѣ наиболѣе пригрѣвались солнцемъ. Увидѣвъ на другомъ берегу рѣки людей, жившихъ тамъ въ хижинахъ, нѣкоторые изъ насъ, желая узнать, что это за народъ, перебрались къ нимъ и разговаривались съ ними. Дѣти этѣхъ людей бѣгали совершенно голыя; взрослые же люди были въ грубыхъ выбойчатыхъ кафтаныхъ; они обращались съ нами ласково и добродушно и принесли намъ напитокъ молока. Они думали, что мы были солдаты и пришли сюда для того, чтобы помочь ихъ Шаху противъ Турокъ, по чему и желали намъ, чтобы Богъ помогъ намъ прогнать непріятеля до самаго Стамбула, какъ называли они Константинополь.

5-го Апрѣля мы проѣхали до конца Моканскую рощу (боръ), къ хребту и странѣ Беджирванъ (Betziguan), переправлялись черезъ одну небольшую рѣчку, по причинѣ ея извилистаго теченія, 12 разъ, и остановились на ночлегъ въ селеніи Шехмуратъ (Schechmurat), отстоявшемъ въ 5-ти миляхъ отъ вчерашняго ночлега. Дома въ этомъ селеніи были пристроены къ горѣ и въ горѣ, такъ что только передняя ихъ часть сложена была изъ плети, а задняя входила въ гору, и жилья этѣ покрыты были тростникомъ. Всѣ этѣ жилища были пусты. Причиною тому было то, что люди Аребъ Хана, которыхъ онъ послалъ прежде насъ къ Шаху съ подарками къ Новому Году, прошли сдѣсь впередъ насъ и распространили о насъ ложный слухъ, будто мы такой страшный и ненавистный народъ, что куда ни придемъ, все разграбимъ, расхитимъ, а людей перебьемъ; по этому, поселяне сдѣшніе отъ страха всѣ бѣжали отсюда и ушли въ горы.

Сдѣсь нѣкоторые изъ насъ взошли на чрезвычайно высокую и скалистую гору, поискать травъ и обозрѣть страну; но мы не нашли тамъ ни чего особеннаго, а вокругъ лежащій горный хребтъ закрывалъ отъ насъ все кругомъ. На вершинѣ горы на одной разсѣлины скалы билъ чистый прекрасный ключъ, въ которомъ, въ трещинѣ одного камня, черезъ которую бѣжала вода, мы нашли морскаго рака; для тѣхъ изъ насъ, которые не видывали подобныхъ животныхъ, ракъ этотъ былъ чудомъ и животнымъ ядовитымъ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ могъ зайти ракъ въ это мѣсто, находящееся болѣе чѣмъ въ 2 миляхъ отъ моря и на такой высокой горѣ; тѣмъ не менѣе это былъ дѣйствительно морской ракъ. Мы сѣли у ключа, съ грустными мыслями вспомнили о любезномъ нашемъ Отечествѣ, сожалѣли о счастіи и удовольствіяхъ въ Германіи, которую мы должны были оставить и влечь жизнь нашу въ такихъ дикихъ мѣстахъ, среди нехристіанскихъ народовъ, выпили водою здоровье добрыхъ нашихъ друзей въ Германіи и спустились опять внизъ, не безъ опасности, такъ какъ гора была крайне крутая.

6-го числа проѣхали мы черезъ горы и между горъ всего только двѣ мили, видѣли въ разныхъ мѣстахъ фиговія деревья, росшія въ дикомъ состояніи, и заѣхали наконецъ въ одно вымершее селеніе Дизле (Disle). Только что расположились было мы въ этомъ селеніи на прескверное помѣщеніе, какъ извѣстившись, что въ минувшую осень всѣ дома опустѣли сдѣсь отъ мора; по этому Посланники, съ большею частью сопутствовавшихъ имъ, тотчасъ же выѣхали изъ селенія въ открытое поле, гдѣ разбили палатку для себя, около которой остальной народъ расположился, сначала подъ открытымъ небомъ, а позднимъ вечеромъ въ нѣсколькихъ круглыхъ шалашахъ, которые, по приказанію Мегемандаря, привезены были на волахъ. Этотъ родъ шалашей дѣлается изъ длинныхъ жердей или рогуль, соединенныхъ верту въ одинъ кружокъ, такъ что они быстро могутъ быть раскинуты и опять собраны и сложены. Случилось, что благородный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ, замѣшкавшись нѣсколько въ селеніи, пришелъ къ Посланникамъ въ палатку; Посланникъ Бругманъ сдѣлалъ ему за это такой грубый выговоръ, говоря, что онъ пришелъ изъ домовъ, зараженныхъ язвою, и заразить,

пожалуй, и ихъ, Посланиковъ, что бѣдный Ухтерицъ сильно перепугался и отъ испугу впалъ въ продолжительную лихорадку. Нѣкоторые же изъ насъ, видя, что воздухъ наполнялся густымъ вонючимъ туманомъ и стало холодно, собрались вмѣстѣ въ оливъ дождь, наносили себѣ дровъ, развели посреди дома большой огонь, усѣлись около него, повеселили себя добытымъ въ прошломъ ночлегѣ виномъ, бывшимъ у каждого въ своей флягѣ и такимъ образомъ провели эту ночь, разгоняя страхъ лавы всякаго рода веселыми разговорами и шутками. Въ этомъ селеніи Восточно-Индійцы, торгующіе въ Шемахѣ, начали строить большой каравансерай, который былъ уже готовъ болѣе половины.

Отсюда до каравансерая Аггисъ (Aggis) 5 миль; по дорогѣ растеть множество полыни, и путешественники никогда не дають ѣсть травы по этой дорогѣ своимъ верблюдамъ и лошадямъ; ибо они по опыту знаютъ, что подножный кормъ сдѣсь ядовитъ и скотъ отъ него околѣваетъ. По этому, 7-го числа выпало намъ довольно трудное путешествіе; ибо мы должны были сдѣлать 10 миль, чрезъ довольно высокія горы, которыя и проѣхали большею частью рысью и покормивъ всего только одинъ разъ. И такъ какъ и погода была предурная, съ рѣзкимъ вѣтромъ и снѣгомъ, то не только прислуга наша, ѣхавшая цѣлый день не ѣвши, измучилась вся и заболѣла, но и верблюды одни стали, а другіе просто пали подъ тяжестію владн. Въ полдень мы миновали помянутый сей часъ каравансерай Аггисъ, оставя его съ правой стороны; онъ былъ довольно великъ и построенъ отлично, такъ что подобнаго мы нигдѣ еще не встрѣчали. У этого каравансерая встрѣтилъ насъ хорошо разодѣтый Персіанинъ, съ двумя слугами, который объявилъ, что онъ присланъ Шахомъ намъ на встрѣчу, съ приказаніемъ быть нашимъ Мегемандаремъ и имѣть доброе стараніе о томъ, чтобы Гг. Посланики были хорошо продовольствуемы и поскорѣ доставлены къ Шаху. Вечеромъ прибыли мы въ селеніе Джанлю (Zanlū), лежащее на одной горѣ. Хотя въ немъ были прекрасныя большіе сады изъ плодовыхъ деревьевъ, но не было ни какого дерева для топки, по чему мы принуждены были жечь коровій, верблюжій и конскій пометъ, чтобы обогрѣться. Въ эту ночь нашъ Квартирмейстеръ посланъ былъ впередъ въ Ардебиль, чтобы приготовить тамъ помѣщенія для насъ.

8-го числа, послѣ завтрака, пустились мы далѣе, черезъ гору Джицетлу (Tzizetlu), и проѣхали 3 добрыхъ миль. Внизу, въ концѣ горы, течетъ рѣчка Карасу (Karasu), идущая изъ Гилянскаго хребта Бакру (Bakru) и впадающая въ Арасть; здѣсь, у селенія Самьянъ (Samian), черезъ эту рѣчку довольно искусно устроенъ, на 6 сводахъ, каменный мостъ, длиною въ 90 шаговъ, черезъ который мы и переѣхали.

Полмили далѣе за этѣмъ мостомъ лежитъ селеніе Джабедаръ (Tzabedar), находящееся въ 2-хъ небольшихъ миляхъ отъ Ардебиля; мы въѣхали въ это селеніе, и остались въ немъ на слѣдующій день, бывший праздникомъ Пасхи. Здѣсь жители собираютъ коровій и конскій пометъ въ большія остроконечныя кучи, частію складываютъ его по стѣнамъ, чтобы просушить на воздухѣ и солнцѣ и сдѣлать годнымъ топливомъ. Дома и покои здѣсь полны были насѣкомыми, вшами и блохами, которыя крѣпко осаждали и помучили насъ.

9-го Апрѣля мы праздновали наше Свѣтлое Воскресеніе, съ восходомъ солнца трижды стрѣляли изъ пушекъ и ружей, и затѣмъ отправили Богослуженіе съ проповѣдью.

Въ полдень къ намъ пришелъ нашъ новый, присланный отъ Шаха, Мегемандаръ, по имени Неджестъ-Бекъ (Netzestbek), умный и веселый господинъ, посѣтитъ Посланниковъ и поздравитъ ихъ съ праздникомъ; онъ принесъ съ собою и подарки, именно: 5 вяленыхъ рыбъ, блюдо полное хлѣба, гранаты, яблока, особый родъ грушъ, похожихъ видомъ на лимоны, весьма сочныхъ, съ страннымъ, но пріятнымъ, запахомъ и вкусомъ, также огурцы, соленой лукъ и Шираское вино, которое въ Персіи считается самымъ лучшимъ.

ГЛАВА XXII.

Какъ встрѣтили насъ передъ Ардебилемъ, какъ ввели въ него и угощали насъ.

10-го Апрѣля, т. е., въ Понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ, мы были торжественно введены въ Ардебиль, что совершилось еще съ большимъ оживленіемъ и съ болѣе страннымъ поѣздомъ, нежели какъ это было въ Шемахѣ. Такъ, когда въ полдень мы медленно ѣхали въ своемъ обычномъ порядкѣ, насъ встрѣтили сначала нѣсколько сильныхъ отрядовъ отлично разодѣтыхъ конниковъ, которые, повидавшись съ нами и сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, вернулись и поѣхали впереди насъ.

По сую сторону прекраснаго большаго селенія Кельгеранъ (Kelheran), которое, по его краснымъ пестрымъ башнямъ, мы приняли было сначала за городъ, но которое лежитъ еще въ полумиліи отъ него, подѣхалъ Ардебильскій Калентеръ, по имени Талевъ Ханъ (Talebchan), худощавый старикъ, съ сильнымъ отрядомъ всадниковъ, принялъ насъ и поѣхалъ подлѣ Посланниковъ. Когда мы оставили селеніе уже позади себя, то увидали громадное множество народу, коннаго и пѣшаго, который разступился по срединѣ и далъ намъ свободный проѣздъ. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ и Ханъ Кельбеле (Kelbele), небольшой, но привѣтливый, господинъ, въ сопровожденіи отряда всадниковъ въ 1000 человекъ; онъ пріѣхалъ со стороны поѣзда, принялъ и ласково привѣтствовалъ Посланниковъ, по просьбѣ которыхъ и поѣхалъ между обоими ими. За тѣмъ пошли разныя забавы. Два мальчика въ бѣлыхъ рубашкахъ, покрытые выкрашенной овечьей шкурой, каждый съ длиннымъ шестомъ изъ финиковаго дерева, на которыхъ воткнуты были померанцы, шли передъ Посланниками, читали и пѣли по развернутымъ книгамъ какія-то пѣсни (Oden), сочиненныя въ честь Магомета, Алія и Шихъ Сафи. Мальчики эти были дѣти и ученики одного Абдаллы. За тѣмъ явились тутъ нѣсколько мальчиковъ въ совершенно бѣлыхъ одеждахъ, которые пѣли по птичьему и весьма искусно ртомъ подражали пѣнью соловья и другихъ птицъ. По сторонамъ шли барабанщики и ду-

дочники. Нѣкоторые пѣли и плясали, схватившись другъ съ другомъ, въ одномъ кругу; на другомъ мѣстѣ другіе прыгали со всѣмъ инымъ образомъ, бросали вверхъ шапки и опять подхватывали ихъ съ радостными криками. Нѣкоторые прыгали кругомъ съ ковчезцами на головахъ (Sellen), точно также, какъ было это при поминкахъ Алія. Ближе уже къ городу, по обѣимъ сторонами, стояло множество стрѣльцовъ изъ лука, одѣтыхъ въ кольчуги, въ низкихъ шапочкахъ, на подобіе купальныхъ, которые называются Аракджинъ (Araktzin); шапочки этѣ утыканы были перьями. У нѣкоторыхъ перья этѣ были прямо на открытой головѣ и на лбу, воткнуты въ кожу. Далѣе стояло нѣсколько человѣкъ, съ совершенно обнаженною верхнею частью тѣла, съ кинжалами, воткнутыми въ мясистыя мѣста рукъ и груди. Говорили, что дѣлается это напущеніемъ чародѣевъ, которыхъ въ Персіи множество. Были тутъ и нѣсколько человѣкъ Восточныхъ-Индійцевъ, которые, наклоня головы и ударяя себя въ грудь, дружески раскланивались намъ. По страшной тѣснотѣ отъ множества народа, бывшаго кругомъ и толпившагося передъ нами, мы часто должны были пріостанавливаться, пока не разгоняли народъ кнутами и прутьями. Въ самомъ городѣ народъ толпами сидѣлъ на домахъ, стѣнахъ, башняхъ и деревьяхъ, глядя на наше вшествіе.

Ханъ провелъ насъ по 10-ти ступенькамъ въ прекрасную увеселительную бесѣдку, находившуюся въ большомъ саду, расположенномъ въ городѣ, роскошно угощалъ насъ плодами и яствами; но сначала самъ подалъ каждому изъ насъ вошедшихъ, въ домъ, по золотой чашѣ вина, выпить ради счастливаго прибытія. Низшіе чины наши пировали особо внизу, въ палаткѣ. Въ продолженіи пиршества гремя постоянно ихъ музыка. Подлѣ бесѣдки плясала толпа Охджи (Ochtzi) или стрѣльцовъ изъ лука, которые держали луки свои вверхъ и какъ въ балетѣ, довольно искусно, подъ музыку и въ тактъ, помахивали этѣми луками и опять оставляли ихъ въ прежнемъ положеніи. Сюда же пришли и помянутые выше два мальчика Абдаллы, съ своими померанцами и съ важными тѣлодвиженіями читали свои пѣсни передъ Посланниками.

Объ этой бесѣдкѣ, такъ какъ она роскошно устроена, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Построена она бывшимъ Ардебильскимъ Ханомъ, Сульфгаръ-Ханомъ (Sulfagar chan), человѣкомъ очень богатымъ, на его собственный счетъ, который выписалъ образецъ для нея изъ Турціи. Она представляла восьмиугольникъ, въ которомъ три покая возвышались одинъ надъ другимъ, съ изящными водометамъ, которыхъ вода была въ 3-й верхній покой, и даже выше самой бесѣдки. Стѣны выложены были синими, красными и зелеными поливанными камнями (кахлями), весьма искусно особыми фигурами, пригнанными другъ къ другу, и полы въ комнатахъ покрыты были дорогими коврами. Вокругъ всей бесѣдки шла широкая, мраморная галерея, украшенная цвѣтниками. На галереѣ этой, въ одномъ изъ угловъ, было мѣстечко, въ 4 квадратныхъ фута, покрытое вышитымъ ковромъ, на которомъ стоялъ мягкій стулъ, или подушка, шитая золотомъ и шелкомъ. На этомъ мѣстѣ сидѣлъ однажды Шахъ, проѣзжая черезъ Ардебиль, и по тому оно содержится въ великомъ почетѣ: никто другой не смѣетъ касаться до него, для чего оно и окружено небольшою решеткой. Тотъ же помянутый Сульфгаръ-Ханъ имѣлъ также, по сую сторода города, подлѣ каменнаго моста, особый большой садъ, и въ немъ громадную, великолѣпную бесѣдку, которая въ наше время стояла большею частію брошенная и пустая. Когда Сульфгаръ-Ханъ, по происканъ Шахскаго Главнокомандующаго, Каджагаръ-Хана (Katzagar chan) былъ убитъ (о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ), Шахъ отобралъ себѣ оба описанные сады и бесѣдки, и первый изъ вѣтхъ садовъ отдалъ, для жительства въ немъ, Келбеле-Хану (Kulbele chan), въ пожизненное владѣніе.

По окончаніи стола и всякаго рода забавъ, Ханъ приказалъ отвести и помѣстить Посланниковъ, на прекрасномъ мѣстѣ въ городѣ, въ отличный, просторный и удобный, домъ, принадлежавшій прежде Шахскому Канцлеру, Сару Ходжѣ (Saru Chotzae), сонутствовавшихъ же имъ въ лежащія подлѣ дома, въ которыхъ, кромѣ добрыхъ хозяевъ, мы нашли все хорошо и въ надлежащемъ порядкѣ приготовленнымъ.

На другой день нашего прибытія Посланникамъ принесли Таберикъ (Thabegik) изъ кухни Шихъ-Сефи. Въ Ардебилѣ есть многоцѣнная великолѣпная гробница Шихъ-Сефи, основателя и

перваго учредителя теперешней Персидской Вѣры, и другая гробница одного изъ послѣднихъ Шаховъ; гробницы эти окружены и украшены площадкой и зданіями, какъ бы Царскій дворъ или замокъ, описаніе котораго будетъ ниже. Между прочими установленіями въ Ардебилѣ существуетъ и слѣдующее: чтобы всѣ чужестранные Послы, или другіе знатные господа, пріѣзжающіе въ Ардебиль, дважды, или трижды, кушали отъ стола изъ этого дворца. Такія поминальныя кушанья Персы называютъ Таберикъ (Thaberik), что значить то же, что кушанья благословенныя.

Намъ принесены были 32 большихъ блюда, полныя кушаній, которыя большею частію состояли изъ развареннаго и разнотѣннаго рису, поверхъ уложеннаго варенымъ и жаренымъ мясомъ и разными изъ яицъ печеньями. Сказанныя блюда принесены были на головахъ, и, по принесеніи ихъ, накрытъ былъ столъ на полу, за который мы должны были уѣсться по Персидски, хотя это нѣсколько и трудновато было для насъ, и ѣсть кушанья, по закону ихъ, не пивши въ то же время ни какого вина. Посланники приказали во время этого стола играть на трубахъ и выстрѣлять изъ нѣсколькихъ пушекъ. Принесшіе намъ кушанья не хотѣли принять отъ насъ ни какого подарка, какъ мы ихъ ни упрашивали о томъ; они говорили, что не смѣютъ принять подарковъ, подлѣ страхомъ строжайшаго наказанія.

Остальное время наша стряпня и погребъ изобильно снабжаемы были кушаньями и напитками. Ежедневная выдача продовольствія состояла изъ 16 овецъ, 200 яицъ, 4 батмана масла (батманъ равняется $6\frac{1}{2}$ фунтамъ), два батмана изюму, 1 батманъ миндаля, 100 батмановъ винограду (или вина), 2 батмана душабу (Duschab) или сиропу, муки, рису, куръ, и другихъ вещей, кромѣ того, что присылалъ въ подарокъ нѣсколько разъ Ханъ Посланникамъ, изъ особаго къ нимъ расположенія. Такимъ образомъ во все время стоянки нашей сдѣсь мы получили на продовольствіе 1960 батмановъ хлѣба, 6250 батмановъ винограду, 9300 яицъ, 477 овецъ и 472 ягненка.

ГЛАВА XXIII.

Что особаго случилось въ Ардебилѣ во время нашей тамъ стоянки, и что мы тамъ видѣли.

12-го числа Келбеле-Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ, посѣтилъ Посланниковъ, и предлагалъ имъ, съ своей стороны, всякую дружбу и услугу, что онъ исполнялъ и на самомъ дѣлѣ. Въ этотъ же день онъ послалъ гонца къ Шаху съ извѣщеніемъ о нашемъ прибытіи въ Ардебиль, и выразилъ намъ надежду, что скоро получить приказъ отправить насъ въ дальнѣйшій путь. Но за медленностію полученія этого приказа мы должны были простоять здѣсь еще цѣлые два мѣсяца.

22-го числа того же мѣсяца Пословъ посѣтилъ Армянскій Епископъ, прибывшій изъ пограничной крѣпости Ерванъ (Eruan); онъ весьма ласково разговорился съ Посланниками, сообщилъ намъ, что въ двухъ миляхъ отъ этой крѣпости у нихъ есть монастырь, въ которомъ 400 монаховъ, и что недавно Турки, во время схватки въ этѣхъ мѣстахъ, увели 1500 Армянскихъ Христіанъ. Онъ выхвалялъ Персидскаго Шаха за то, что тотъ оставилъ имъ ихъ преимущество, и не обременялъ ихъ податями такъ тяжело, какъ Турки. Что, далѣе, Христіанская община въ Азін довольно велика; что они, въ одной своей мѣстности, между двумя рѣками, Куромъ и Арасомъ, въ горахъ, имѣютъ до 1000 селеній, а у городовъ Касвина и Тавриса, болѣе 2000 домовъ и 500 церквей. Онъ просилъ, въ заключеніе, чтобы Посланники замолвили объ ихъ общинѣ Шаху доброе слово.

25-го Апрѣля или по Арабскому счисленію 10-го Зильгодже (Silhotzae) Персы праздновали большой свой Байрамъ или праздникъ, который они называютъ Курбанъ (Kurban), т. е., жертва, установленная въ память жертвоприношенія Авраама, которое онъ хотѣлъ совершить надъ сыномъ своимъ, Измаиломъ (какъ Персы называютъ его сына, а не Исаакомъ). Въ этотъ день всѣ, кто только имѣлъ хоть какую ни будь возможность, до восхода солнца, передъ дверьми дома, или передъ дворомъ, убивалъ ягненка, или

овцу, разрубалъ ее на куски и одѣлялъ ими бѣдныхъ, которые обыкновенно большими толпами стекаются и ходятъ всюду въ это время. Изъ этой жертвы никто не смѣетъ оставлять у себя и брать въ домъ ни чего, ни даже шкуры; ибо, говорятъ они, Авраамъ также ни чего не взялъ домой отъ убитаго имъ и принесеннаго, вмѣсто сына, въ жертву козла.

Въ это же время изъ Персіи, также какъ и изъ другихъ Магометанскихъ странъ, бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ, идущихъ въ Мекку, для жертвоприношеній, о чемъ подробнѣе скажу ниже сего.

Кромѣ того, въ тотъ же день, въ Ардебилѣ, мы видѣли, передъ восходомъ солнца, болѣе 500 Персидскихъ женъ на кладбищѣ, расхаживавшихъ между могилами, или сидѣвшихъ и оплакивавшихъ своихъ покойниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ Персіянокъ сидѣли на могилахъ и ѣли; подлѣ другихъ стояли мальчики, которые за деньги читали имъ одно, или два, изреченія изъ Алкорана. Другія жены, познатнѣе, разбивали около могилъ палатки, чтобы никто сторонній не видалъ ихъ. Такое оплакиваніе покойниковъ бываетъ у нихъ и во время ихъ Оруджа (Orutz) или поста, о чемъ выше было уже упомянуто.

Посланники сегодня въ другой разъ угощаемы были съ поварни Шихъ-Сефи: конфектами въ 9-ти большихъ фарфоровыхъ чашахъ и разными кушаньями въ шести ленкерахъ (Lenker) или мѣдныхъ вылуженныхъ сосудахъ.

На слѣдующій день Ханъ давалъ большой пиръ, на который пригласилъ Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими, и великолѣпно въ другой разъ угостилъ насъ въ другой увеселятельной бесѣдкѣ.

27-го числа вечеромъ Келбеле-Ханъ сообщилъ Посланникамъ пріятное извѣстіе, что ему писалъ Главный Военачальникъ, Рустамъ-Ханъ, будто великій Турокъ убитъ въ Константинополѣ избутовавшимися Янчычарами, и многіе важные Турецкіе начальники при этомъ захвачены въ плѣнъ. По этому поводу у Персовъ было великое ликованіе. Ханъ приказалъ зажечь потѣшныя огни,

пускать ракеты и играть на барабанахъ и флейтахъ. Нѣкоторые играли въ войну, нападали другъ на друга съ деревянными саблями, палками и другими оружіями, въ каковомъ упражненіи мы видѣли Персидскую молодежь не разъ и въ другое время въ разныхъ мѣстахъ.

Наши Посланники, сочувствуя радости Персовъ, приказали выстрѣлить разомъ изъ 3-хъ пушекъ 6 разъ, сами же вошли на крышу, съ которой могли видѣть всю эту потѣху. Они велѣли также на этой крышѣ бить въ барабаны и играть на трубахъ, что до того пріятно было Хану, что онъ прислалъ намъ двѣ флаги Шираскаго вина (Schyrasser), любимѣйшаго въ Персіи, и два большихъ стакана, полныхъ сахарнаго леденцу.

1-го Мая справлялись рожденіе и именины Посланника Крузе, съ музыкой, пушечными выстрѣлами и другими привѣтствіями и пожеланіями счастья, а вечеромъ былъ великолѣпный пиръ, на которомъ изобильно угощали всевозможнымъ продовольствіемъ. Бывшій на этомъ пиру Шаховъ Мегемандаръ, Неджестъ-Бекъ (Nedjestbek), былъ съ нами весьма любезенъ, веселъ и очень вывалялъ нашъ способъ готовить кушанья.

4-го числа пришелъ къ намъ сынъ Государственнаго Канцлера, Сару Таки (Saru Taki), въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ Испагани, повидаться и посѣтить Гг. Посланниковъ; онъ былъ очень любезенъ и ласковъ, говорилъ, что ему у насъ все нравится, особенно же наша музыка. Выпито было много здравныхъ чашъ, при чемъ всякій разъ стрѣляли изъ большихъ пушекъ.

14-го Мая Персы начали отправлять свой праздникъ печали, который продолжается 10 дней, и который по этому они называютъ Арабскимъ словомъ Ашуръ (Aschur), что означаетъ десять. Праздникъ этотъ ежегодно празднуютъ одни только Персы и ни какой другой народъ Магометанскаго Исповѣданія, и именно въ началѣ мѣсяца Магерамъ (Maheram). Въ этотъ Ашуръ Персы празднуютъ память Гуссейна, младшаго сына Алія, котораго они считаютъ за великаго Имама своего или святаго. По сказаніямъ

Персовъ, во время войны съ Калифомъ Езидомъ (Jesied), Гусейна прежде мучили жаждою, не давая ему воды, за тѣмъ ему нанесли раны 72-мя стрѣлами, а Сенапъ-бенъ-Анеси (Senap ben Anessi), прободъ его насквозь, окончательнo же убилъ его Шемръ Сюльдрузенъ (Schemr Sültzausen).

10 дней празднуется у Персовъ праздникъ этотъ по тому, что непріятель преслѣдовалъ Гусейна 10 дней, когда онъ ѣхалъ изъ Медины въ Куфу, и въ этомъ преслѣдованіи наконецъ добилъ его. Во все время поминокъ этѣхъ Гусейна Персы ходятъ въ печальныхъ одеждахъ, бываютъ мрачно настроены, не касаются головы бритвой, которую обыкновенно они употребляютъ каждый день, живутъ воздержно, не пьютъ ни какого вина, а довольствуются только водою.

Въ это время весь Ардебиль находился въ постоянно неутомимомъ движеніи, совершая довольно странные обряды. Днемъ по разнымъ улицамъ большими толпами собирались мальчики съ длинными знаменами, на верхнемъ концѣ древка которыхъ было изображеніе двухъ змѣй, перевившихся другъ съ другомъ; это украшеніе знамени называется у нихъ Эшдеръ (Eschder). Мальчики этѣ сидѣли въ дверяхъ мечетей (Mestziden) и кричали другъ передъ другомъ: «О Гусейнъ!» Каждый вечеръ, особенно же въ послѣдніе 3 дня праздника, по захожденіи солнца, собирались въ извѣстныхъ мѣстахъ въ палатки и старые люди, въ большомъ числѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли по сотнѣ свѣчей и свѣтильниковъ; они держали также, подобно дѣтямъ Абдаллы, на длинныхъ, гибкихъ палкахъ померанцы, сходились, составляли изъ себя кругъ, выли и кричали всѣ съ широко разинутыми ртами и съ важными тѣлодвиженіями, и такъ сильно, что совершенно измѣнялись въ лицѣ.

Нѣкоторымъ изъ насъ, пришедшимъ поглядѣть на ихъ празднованіе, Персы дали мѣсто и вручили намъ также зажженныя восковыя свѣчи. Попѣвши и покричавши сказаннымъ образомъ съ добрымъ часъ времени, Персы пошли съ своими знаменами и свѣтильниками по главнымъ улицамъ города.

Послѣдній день этого праздника Персы заключили до обѣда открытыми поминками, а вечеромъ многими странными обрядами. Поминки совершались также, какъ и описанные поминки Алія. Сборище было на переднемъ дворѣ Месара Шихъ-Сефи (Schich Sefi Mesars). Тамъ, у Канцеляріи, держали длинное знамя, сдѣланное Фатимою, дочерью Магомета, а конецъ древка его выкованъ изъ желѣза, бывшаго на подковѣ лошади, принадлежавшей отцу брата Магометова, и это-то знамя, переходя въ разныя руки, было наконецъ принесено изъ Медины въ Ардебиль Шихомъ Седредипомъ (Schich Sedredin), сыномъ Шиха Сефи. Знамя это, какъ рассказывали намъ Персы, при произнесеніи, во время поминокъ, имени Гусейна, начинало, будто бы, сильно колыхаться; когда же въ поминкахъ читалось о томъ, что Гусейну нанесено было 72 раны и что онъ упалъ съ лошади, то оно, яко бы, стало колыхаться до того крѣпко, что наконецъ оторвалось совсѣмъ отъ древка и упало наземь. Хотя самъ я при этомъ не былъ, и по этому происшествію этого не видѣлъ, но Персы хотѣли увѣрить меня въ справедливости такого рассказа ихъ. Дьяволъ иногда сильно вмѣшивается въ дѣла дѣтей невѣрнаго.

Въ полдень Ханъ прислалъ извѣстить Гг. Посланниковъ, что они, Персы, нынѣшнимъ вечеромъ (т. е., 24 Мая), заканчиваютъ свой Ашуръ, и что если имъ, Посламъ, угодно поглядѣть съ нимъ на ихъ обряды, то онъ дружески приглашаетъ ихъ, но съ увѣдомленіемъ заранѣе, что, согласно Магометанскому закону, онъ не можетъ предложить имъ при этомъ ни какого вина для питья, но только одну воду. По захожденіи солнца, Послы, вмѣстѣ со всѣми сопутствовавшими имъ, отправились по приглашенію Хана. Ханъ встрѣтилъ насъ передъ своимъ домомъ, дружески принялъ и пригласилъ сѣсть передъ воротами, по лѣвую ихъ сторону (такъ какъ сдѣсь же, на торговой площади, должно было совершаться самое зрѣлище), на уставленные по порядку и прекрасными коврами покрытыя стулья. Самъ онъ, совершенно одинъ, сѣлъ по правую сторону воротъ, на землѣ. Передъ нами, по Персидскому обычаю, на землѣ, приготовленъ былъ длинный столъ, уставленный множествомъ фарфоровыхъ чашъ, подлыхъ сладкой благоуханной водой. Передъ столомъ стояли большіе, вышиною въ 4 фута, мѣдные подсвѣчники, уставленные толстыми во-

сковыми свѣчами, также и лампы, въ которыхъ горѣли ветхія, пропитанныя саломъ и нефтью, тряпочки. Передъ нашими же простыми спутниками стояли большіе деревянные подсвѣчники, и въ каждомъ изъ нихъ горѣли по 20 и по 30 восковыхъ свѣчей. По стѣнамъ домовъ налѣплено было нѣсколько сотенъ лампъ изъ извести, которыя полны были сала и нечти и давали отъ себя высокое пламя. Поперекъ черезъ площадь на длинныхъ шнурахъ развѣшано было множество фонарей изъ цвѣтной бумаги, черезъ которую разными огнями красиво играли огнемъ горѣвшія въ фонаряхъ свѣчи.

Жители города въ огромномъ числѣ толпились здѣсь, одни сидя на землѣ, другіе держа въ рукахъ горѣвшія свѣчи и палки съ померанцами, ходили, собирались въ кружокъ и пѣли. Этѣ послѣдніе дѣлали слѣдующее: такъ какъ въ Ардебилѣ 5 главныхъ большихъ улицъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый цехъ (общину), то горожане раздѣляются отдѣльными толпами, поручаютъ сочинить разнымъ своимъ поэтамъ (которыхъ у нихъ множество) нѣсколько пѣсень въ честь Алія и Гусейна, и тѣ изъ горожанъ, у которыхъ хорошіе голоса, поютъ этѣ пѣсни передъ Ханомъ. Какая улица наиболѣе отличится лучшимъ сочиненіемъ и пѣньемъ пѣсень, ту прославляютъ и дарятъ сладкой водою. По этому-то отдѣльныя толпы горожанъ приходили одна послѣ другой, устанавливались передъ Ханомъ и Посланниками въ стройный кружокъ, пѣли, или скорѣе, кричали изо всѣхъ своихъ силъ, почти цѣлые два часа. Наконецъ, по приказанію Хана, они заявили свои добрыя пожеланія и Посланникамъ, чтобы Богъ помогъ имъ счастливо прибыть къ Шаху и удостоиться его милостиваго приѣма. Между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ, въ особомъ кружкѣ, плясали семеро молодыхъ парней, совершенно нагихъ, которыхъ Персы называли Джакджаку (Tzaktzaku). Все тѣло этѣхъ плясуновъ съ головы до пятъ вымазано было нефтью съ черною сажею, и все блестяло, но срамныя части тѣла были у нихъ завѣшаны, и вообще они представляли довольно противный видъ, точно размалеванные чертенята. Они постукивали камнями, которые держали въ рукахъ, и кричали: «О Гусейнъ! О Гусейнъ!» Они выражали собою великую печаль о безвинной смерти Гусейна, въ слѣдствіе чего, по временамъ, ударяли себя камнями въ грудь:

Бѣдники эѣ, представляющіе описанное зрѣлище, во все время Ашура бѣгають вездѣ на базарѣ передъ лавками, собирая подавнїя во имя Гусейна; по ночамъ они не ходять даже и спать къ себѣ домой, но, въ знакъ своей печали, ложатся и спать въ золѣ и пыли передъ поварней харчевни.

Нѣкоторые изъ подобныхъ молодцовъ, вмѣсто черной, мажутъ себя красной, краской, которая какъ бы обозначала кровь убитаго Гусейна. Такихъ, впрочемъ, когда мы смотрѣли на зрѣлище, мы не видали.

ГЛАВА XXIV.

Объ увеселительномъ огнѣ въ Ардебилѣ.

По окончанїи всѣхъ описанныхъ зрѣлищъ и обрядностей, Ханъ Кельбеле приказалъ пустить нѣсколько увеселительныхъ огней, для удовольствїя Посланниковъ, хотя и къ неудовольствїю нѣкоторыхъ Персіянъ, которые говорили, что неприлично въ такой высокій печальныйъ праздникъ пускать такіе потѣшныя огни, употребляемые только въ дни веселїя и радостей, особенно же пускать ихъ ради Невѣрныхъ, которые и безъ того не очень-то уважають ихъ святыхъ.

Въ потѣшныхъ огняхъ мы видѣли всякаго рода веселыя выдумки, состоявшїя въ представленїи маленькихъ крѣпостей, башенъ, огненныхъ колесъ, висящихъ и бѣгающихъ кругомъ звѣздъ, фонарей, лягушекъ, змѣекъ, восходящихъ вверху и другихъ ракетъ. Крѣпость, которая представлена была прежде всего, окружена была стѣнами изъ разноцвѣтной бумаги. Сперва зажглись въ ней кругомъ небольшїя свѣчки, такъ что ясно были видны всѣ изображенїя, искусно нарисованныя на бумагѣ; за тѣмъ изъ крѣпости этой, въ продолженїи полутора часа, вылетало безчисленное множество разныхъ, но въ порядкѣ слѣдовавшихъ, ракетъ и взрывовъ, пока наконецъ вся она разомъ не исчезла въ огнѣ и съ огнемъ.

Послѣ этого началась другая штука, которую Персы называютъ Дебенде (Debende): это была круглая вещьца, толщиною въ полторы четверти локтя и длиною въ три четверти, съ двумя отверстіями, изъ которыхъ извергались и сыпались большія искры. За тѣмъ вещьца эта поднялась въ видѣ небольшой звѣйки и бросилась въ народъ, между которымъ бѣгала всюду, не безъ вреда для его одежды, которая, какъ бумажная, легко загоралась. Между тѣмъ пущено было множество восходящихъ вверхъ ракетъ; ракеты этѣ, длиною съ руку, заканчиваются въ верху остриемъ, въ видѣ рога (или конусообразнаго свертка бумаги), и зажигаютъ ихъ, держа ихъ въ рукахъ, на небольшихъ палкахъ; онѣ взлетаютъ быстро, какъ стрѣлы, и весьма высоко, но безъ удара, вмѣсто котораго на верху вспыхиваетъ отъ нихъ огонь, въ родѣ молніи, и разсыпается мелкими звѣздочками, которыя, словно горячія свѣчки, ниспадають на землю.

За тѣмъ былъ тамъ еще большой шаръ, на которомъ стояла труба, будто маленькая башенька; весь этотъ снарядъ прикрѣпленъ былъ цѣпями и длинными гвоздями къ землѣ, и извергалъ изъ трубы огонь и крупныя искры съ такою силою и страшнымъ шумомъ, что шумъ этотъ казался какинъ-то ревомъ. Этотъ потѣшный огонь называется у Персовъ Кумбара (Kumbara).

Нѣсколько Персіянъ носили въ рукахъ на длинныхъ гибкихъ шестахъ фонари, сдѣланные изъ бумаги; фонари этѣ, во время бѣганія людей, которые ихъ держали, воспламенялись, и когда горѣла бумага, изъ которой они были сдѣланы, издавали множество взрывовъ. За тѣмъ, изъ этѣхъ же фонарей выпадали тряпочки, на которыхъ висѣло множество ракетъ и звѣекъ, которыя, стремясь въ разныя стороны и не отрываясь отъ шнура, на которомъ онѣ держались, представляли такимъ образомъ довольно забавное зрѣлище. Подобно этому пускались всякія звѣады и многія другія рѣдкостныя штуки изъ огня.

Между прочими недурна была и слѣдующая потѣха. Нѣсколько человѣкъ были въ передникахъ, въ которые какъ бы печально другой человѣкъ бросалъ огонь, и тогда изъ сказанныхъ передниковъ сыпалась на площадь бездна маленькихъ ог-

ней, которые горѣли нѣсколько времени, будто звѣзды. Огни этѣ дѣлаются изъ хлопчатой бумаги, свернутой, или скатанной, въ шарики и напитанной нефтью, и нѣкоторые изъ этѣхъ шариковъ вкладываются въ трехъугольные бумажные домики.

Бѣлая нефть составляетъ въ Персидскихъ потѣшныхъ огняхъ лучшій составъ и украшеніе. Это не что иное, какъ Petroleum или каменное масло, подобное которому можно найти и въ нашихъ аптекахъ, хотя у насъ оно не такъ богато газомъ. Вмѣсто него я употреблялъ въ самыхъ мелкихъ мѣрахъ Spiritum Terebenthini, и оно дѣйствовало также, и даже лучше еще.

Вдали видѣлись также возникавшіе вдругъ въ воздухѣ и падавшіе опять огни, и мы догадывались, что огни этѣ были изъ Русскаго плауна (Plauu), который весьма годенъ для этого. Объ этомъ плаунѣ я нахожу нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это не что иное, какъ желтый порошокъ, выколачиваемый изъ землянаго мха (*musco terrestri*). Этотъ мохъ, называемый въ травникахъ медвѣжья лапа или чертовъ коготь (*Beerlap, Teuffelsklawen*), растетъ обыкновенно въ лѣсахъ, гдѣ много елей и березъ, а тоже и въ сухихъ степяхъ. Мы часто и во множествѣ встрѣчали этотъ мохъ въ Русскихъ и (частію въ Ливонскихъ лѣсахъ). Онъ пускаетъ вверхъ два ростка, которые въ Августѣ мѣсяцѣ, когда они созрѣваютъ, Русскіе собираютъ въ громадномъ количествѣ, просушиваютъ ихъ въ печи, толкутъ ихъ въ порошокъ и въ такомъ видѣ продаютъ его фунтами; нѣсколько бычачьихъ пузырей, полныхъ такимъ порошокомъ, я самъ купилъ у Русскихъ и вывезъ съ собою домой. Кромѣ пользы, которую приносить этотъ порошокъ въ свѣжихъ ранахъ, мокрыхъ сыпяхъ, подопрѣлыхъ мѣстахъ, или дѣтскихъ чесоткахъ, въ какихъ случаяхъ онъ сушитъ и излѣчиваетъ, какъ ни какое другое средство, онъ употребляется еще Русскими въ ихъ Халдейскихъ огняхъ, какъ это описано мною выше. Для этого они кладутъ порошокъ въ жестяную, пирамидальнаго вида, коробочку, длиною въ полъаршина и короче, берутъ ее въ руку, и сверху у отверстія держатъ горящую свѣчу, или свѣтильникъ; за тѣмъ встряхиваютъ коробочку снизу вверхъ, чтобы часть плауна вылетѣла изъ ея отверстія, и тогда, улетая въ воздухъ, тѣ частицы его, которыя

попадутъ на горящую свѣчу, вспыхиваютъ и выходятъ пламенемъ. Если такое сотрясеніе и вынисканіе плауна продолжать извѣстное время, такъ что вспыхиваніе его и пламя будутъ слѣдовать одно за другимъ, или если такое пламя бросать вокругъ себя, то представляется удивительно пріятное зрѣлище. Плауномъ этѣмъ въ веселой бесѣдѣ можно продѣлывать также забавныя штуки; можно, на примѣръ, потихоньку наполнить имъ табачную трубку, потомъ поднести ее къ свѣчѣ и подуть и, къ удивленію предсѣдѣющихъ, изъ трубки будетъ вылетать сильное пламя; для того же, чтобы при этомъ былъ и большой шумъ, въ плаунъ примѣшиваютъ истолченный въ порошокъ березовый листъ. Этотъ плаунный порошокъ имѣетъ такое свойство, что воспламеняется только тогда, когда, носясь пылью въ воздухѣ, попадетъ на пламя; иначе онъ не воспламеняется, хотя бы всунули въ него огонь, или горящую свѣчу, или если бы его сыпали на горячія уголья. За недостаткомъ плауннаго порошка, можно употребить для потѣшнаго огня мелко растолченный въ порошокъ благоуханный гумми или смолу, и въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ потѣхой, въ комнатѣ распространяется и благовоніе. Плаунъ же не имѣетъ ни какого запаха и не даетъ также и ни какого дыму.

Послѣдняя забава Ардебильскаго потѣшнаго огня состояла въ огненной башенкѣ, которая съ безчисленнымъ множествомъ ракетъ и взрывовъ, пущенныхъ разомъ въ одну минуту, взлѣтѣла на воздухъ и разсыпалась.

По окончаніи всего описаннаго веселаго зрѣлища, продолжавшагося до полночи, отправились мы опять въ свои гостиницы. Хотя въ этотъ вечеръ мы и услаждали свое зрѣніе всевозможнаго рода веселыми потѣхами, и въ надеждѣ, что Ханъ пригласитъ насъ послѣ откушать, не готовили себѣ дома ни чего; но мы оттуда пошли не ѣвши, и наши надежды на Ханское приглашеніе не оправдались, въ слѣдствіе чего мы должны были лечь въ постель на голодный желудокъ и каяться опять за полученное передъ тѣмъ удовольствіе.

На слѣдующій день, передъ солнечнымъ восходомъ, Персы совершали по городу кругомъ погребальное шествіе Гусейна,

несли обыкновенные свои эшдеръ и знамена, и вели верблюдоу и лошадей, покрытыхъ синими покрывалами или попонами. Въ покрывала этѣ воткнуты были стрѣлы такимъ образомъ, какъ будто ими стрѣляли, и онѣ обозначали тѣ стрѣлы, которыми непріятель стрѣлялъ въ Гусейна. На верху, на лошадяхъ и верблюдахъ, сидѣли мальчики, и жившіе передъ собою пустые гробы, осыпанные соломой и сѣномъ; мальчики этѣ обозначали въ великой скорби сидѣвшихъ дѣтей Гусейна. На нѣкоторыхъ лошадяхъ лежали прекрасныя головныя повязки (чалмы), сабля, лукъ и колчанъ, полный стрѣлъ, представляя какъ бы оружія Гусейна.

Когда солнце взошло, множество народа отправилось на передній дворъ Шихъ-Сефи, и тамъ этѣ люди надрѣзали себѣ ланцетами, употребляемыми у нихъ, руки повыше локтя, въ якости, другіе же пускали изъ ручной жилы кровь, и такихъ было такъ много, что къ полудню весь дворъ былъ улитъ кровью, какъ будто тамъ убито было бездна быковъ. Нѣкоторые мальчики также надрѣзали себѣ руки, повыше локтя, ударяли и ратировали себя по этѣмъ надрѣзаннымъ ранамъ такъ, что вся рука окрашивалась кровью, и сами они были всѣ ею обрызганы, и въ такомъ видѣ они бѣгали по всѣмъ улицамъ. Дѣлали они это въ воспоминаніе невинно пролившаго кровь Имама ихъ, и при этомъ вѣрують, что такое ихъ пролитіе крови снимаетъ съ нихъ многіе грѣхи. Они вѣрують также, что кто умретъ въ продолженіи описанныхъ 10 дней, также какъ и во время поминокъ Алія, или въ праздникъ Курбанъ (Kurban), или въ постъ ихъ, и кто отпразднуетъ сказаннымъ образомъ этѣ праздники ихъ, тотъ непременно будетъ блаженъ.

Г Л А В А XXV.

О городѣ Ардебилѣ и его особенностяхъ.

Ардебиль, Турками Ардевилъ (Ardevil) и на картахъ, по ошибкѣ, Ардониль (Ardonil) называемый, лежитъ въ области Адирбеджанъ (Adirbetzan), въ древнія времена извѣстной подъ названіемъ Сатрапене (Satrapene), какъ это видно изъ Квинта Курція, въ 5-й книгѣ, § 2-й. Къ этой области принадлежатъ: Ардебиль, Табрисъ или Таврисъ (Tabris, Tauris), Меррага (Марака), Нахичеванъ (Nachtschuan), Мерендъ (Маранда), Румія (Rumiae), Хой (Choui) и Сельмасъ (Selmas). Ардебиль есть древній и славный у Персовъ городъ, частію по тому, что тамъ жили древніе Цари и въ особенности основатель ихъ религіи, Шихъ-Сефи. Полагають даже, что Александръ Великій, въ походъ свой въ Персію, держалъ тамъ нѣкоторое время свой дворъ, что до извѣстной степени можно вывести и изъ помянутаго сейчасъ мѣста К. Курція. Частію же онъ славенъ у Персовъ и по тому, что въ немъ находятся гробницы ихъ Царей, а наконецъ и по довольно значительной торговлѣ, которую ведутъ въ немъ туземцы съ иностранцами. Жители Ардебиля обыкновенно говорятъ на Турецкомъ языкѣ.

Высоту полюса, часто повторенными наблюденіями моими, я нашелъ здѣсь $38^{\circ} 5'$, широту же $82^{\circ} 30'$.

Городъ лежитъ въ совершенно гладкой круглой равнинѣ, въ 3 мили въ поперечникѣ, которая кругомъ обставлена высокими горами. Самая высокая изъ этихъ горъ лежитъ на западъ, называется Себеланъ (Sebelahn) и всегда покрыта снѣгомъ; на юго-востокъ же тянется Гылянскій хребетъ Бакру (Bakru). По причинѣ этихъ горныхъ хребтовъ кругомъ, въ Ардебилѣ непостоянный, то жаркій, то холодный, и по тому нездоровый, воздухъ, и часто, особенно въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда бываетъ особенно суровый осенній воздухъ, тамъ бываетъ множество больныхъ, и многіе даже умирають въ это время. Нѣкоторые и изъ насъ, именно: Посланникъ Бругманъ, и даже самъ Гартманъ Гра-

манъ, заболѣли жестокой лихорадкой и были опасно больны, особенно Врачь, такъ сильно, что мы отчаялись уже за жизнь его. Удивительно, что ежедневно, въ полдень, когда солнце стояло на своей большей высотѣ, постоянно поднимался вихрь, производившій страшную пыль, и, продолжаясь около часу, стихалъ, а за тѣмъ остальную часть дня и ночь бывало опять совершенно тихо. По этой особенноти Персы сложили здѣсь слѣдующую пословицу:

«Saba Ardebil, Nimrus Kardehil,» т. е., По утру Ардебилъ, а въ полдень одна пыль.

По причинѣ такого холоднаго воздуха въ Ардебилѣ, въ немъ не разводятъ ни винограда, ни дынь, ни гранатовъ, ни лимоновъ, ни померанцевъ; но яблокъ и грушъ тамъ вдоволь. Деревья начинаютъ впервые распускаться только въ исходѣ Апрѣля; впрочемъ, подъ горами, гдѣ вообще теплѣе и воздухъ умѣреннѣе, растутъ и такіе плоды, которые любятъ жаръ; такъ, подъ горою Бакру, въ селеніи Алару (Alaru), поспѣваютъ превосходныя дыни, а въ Бару (Baru) лучшіе огурцы. Вообще же здѣсь плодородныя воздѣланныя поля и прекрасныя пастбища. По этому-то около Ардебиля, въ зеленыхъ поляхъ насчитывается до 60 селеній. Пастбища для скота въ тѣхъ мѣстахъ ежегодно приносятъ Шаху огромный доходъ; ибо богатые Арабскіе и Турецкіе обладатели стадъ, которые, ради прокормленія своего скота переходятъ даже въ Персидскую Вѣру, или только предаются подъ защиту и покровительство Шаха, стараются въ этой странѣ пасти стада свои и вести торговлю скотомъ. Намъ рассказывалъ одинъ писецъ, приставленный для счета скота, что въ продолженіи 14 дней, черезъ мостъ тамошній перешло до 100,000 овецъ. За пастьбу каждой овцы берется пошлины одинъ Казбеки (Kasbeki), или, на Голстинскія деньги, 9 пфеннинговъ, а на Мишенскія 4½ пфеннинга деньгами, или скотомъ, и при продажѣ хозяиномъ овцы берется столько же, и такая пошлина называется у нихъ Джубанбеки (Tzaubanbeki); за право же пастьбы пошлина называется Ашуръ Елешуръ (Aschur Eleschur), т. е., за пользованіе водой и травой, что у Турокъ выговаривается однимъ словомъ Отбашъ (Othbasch).

Самъ городъ нѣсколько обширнѣе Шемахи, безъ стѣны кругомъ, при каждомъ домѣ есть плодovатый садъ, отъ чего издали онъ походитъ скорѣе на лѣсъ, чѣмъ на городъ. Строевыхъ деревьевъ сдѣсь нѣтъ и добываютъ ихъ тутъ изъ Гидяна, лежащаго въ 6-ти дняхъ пути отсюда. Черезъ городъ течетъ небольшая рѣчка, называемая Балухлу (Baluchlu), черезъ которую устроено нѣсколько каменныхъ мостовъ. Рѣчка эта идетъ сюда изъ селенія Шамасбю (Schamasbü), лежащаго въ одной миле на югъ отъ города. Передъ городомъ она раздѣляется на два рукава, изъ коихъ одинъ протекаетъ черезъ городъ, а другой, поворачивая влѣво, течетъ позади города и впадаетъ за городомъ въ рѣку Карасу (Karasu). Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ на горахъ и между горами растаетъ, рѣчка эта дѣлается громаднымъ потокомъ, такъ что если заблаговременно не сдѣлать отвода ея передъ городомъ, то самый городъ, какъ увѣряли его жители, будетъ затопленъ. Такъ случилось однажды во времена Шаха Абаса, когда вода разлилась по городу, смыла и разрушила большую часть домовъ, сложенныхъ изъ земли, глины и кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, увлекла собою дѣтей въ качалкахъ, и вообще потопила бездну народа и скота. По этому-то, въ наше время, 12-го Апрѣля, тысячи людей, съ кирками, заступами и лопатами, высланы были за городъ, для устройства, передъ теченіемъ рѣки, плотины, чтобы отвести воду мимо города, въ открытыя поля.

Въ городѣ, кромѣ множества малыхъ, есть пять главныхъ улицъ, а именно: Дерване (Derwane), Табаръ (Tabar), Ниардoверъ (Niardower), Кумбаланъ (Kumbalan) и Касиркудже (Kasirkutze): всѣ онѣ довольно широки, усажены зелеными и ивами, которыя въ большіе жары доставляютъ горожанамъ порядочную тѣнь.

Въ городѣ есть довольно просторный и хорошій Майданъ (Maidan), мѣсто для прогулки, или площадь, длиною въ 300 и шириною въ 150 шаговъ, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ прекрасно и въ извѣстномъ порядкѣ устроенныя лавки, въ которыхъ работаютъ ремесленники, каждаго цеха особо. У входа на эту торговую площадь, къ правой рукѣ, позади гробницы Шиха-Сефин, стоитъ мечеть (Mestzid), въ которой погребенъ одинъ Имамъ Саде

(Imam Sadae): такъ называютъ Персы дѣтей одного изъ 12-ти своихъ святыхъ. Если какой ни будь преступникъ укроется въ эту мечеть, то на известное время онъ свободенъ отъ преслѣдованія; но отсюда онъ можетъ перейти въ гробницу Шиха-Сефи, которая доставляетъ ему большое Asylum (убѣжище), или свободу. За Майданомъ приходишь на базаръ (Basar), и сперва въ четырехугольное со сводами зданіе, называемое у нихъ Кайзеріе (Kaiserie), въ которомъ торгуютъ золотыми и серебряными вещами, драгоценными каменьями, лучшими шелковыми и другими дорогими товарами. Изъ этого зданія, тремя воротами въ разныхъ мѣстахъ выходишь въ крытыя улицы, въ которыхъ торгуютъ уже всякаго рода простыми товарами. За тѣмъ, тамъ и сямъ находится много каравансераевъ, въ которыхъ помѣщаются съ своими товарами иностранные купцы, каковы, на примѣръ: Турки, Татары, Восточные Индійцы; сдѣсь намъ показывали двухъ купцевъ изъ Китая (Tzina), торговавшихъ фарфоромъ. Но ихъ особымъ одеждамъ тотъ же часъ было видно, что то были чужестранцы.

Есть также въ городѣ много гамамовъ (Hammam) или бань, равно какъ мечетей и церквей, изъ которыхъ наибольшая и самая красивая есть мечеть Адине (Adine), лежащая на холмѣ, почти въ срединѣ города, съ довольно высокою круглою башнею; мечеть эта посѣщается только въ праздничный день, или въ Пятницу, отъ чего она получила и свое имя. Передъ мечетью находится колодезь, построенный по распоряженію бывшаго Царскаго Канцлера, Сару-Ходжи (Saru-Chotze), иначе Магометомъ Риза называвшагося, и вода въ этотъ колодезь проведена подземными трубами изъ одной горы, лежащей въ милѣ съ лишкомъ на юго-западъ отъ города. Изъ этого колодца умываются Персы, желающіе ити и молиться въ мечети.

Г Л А В А ХХVI.

О гробницѣ Шихъ-Сефи.

Не вдалекѣ отъ Майдана находится уже, нѣсколько разъ упомянутая, богатая Месаръ (Mesar) или гробница Шихъ-Сефи и новѣйшихъ Шаховъ Персидскихъ. Келбеле-Ханъ водилъ насъ въ нее однажды, именно на другой день Троицына дня, осмотрѣть ее. Но прежде онъ предувѣдомилъ насъ, что если мы хотимъ ити къ гробу святаго, то вечеромъ, когда принесутъ намъ въ 3-й разъ угощеніе изъ Месара, мы должны будемъ, по обычаю ихъ, воздержаться отъ употребленія вина.

Послѣ обѣденнаго стола Посланники, въ сопровожденіи всѣхъ сопутствующихъ имъ и солдатъ, отправились въ должномъ порядкѣ къ гробницѣ. Первые ворота, которыя ведутъ на передній дворъ, были огромной величины и на верху украшены большою серебряною цѣпью, висѣвшею поперекъ, на которой другая цѣпь висѣла уже отвѣсно внизъ; цѣпи этѣ были даромъ Хана Меррагскаго (Merraga), Ага-Хана (Aga chan), по особому его благочестію и благоговѣнію къ сдѣшней святыни. Персидскій дворъ весьма просторенъ, выложенъ большими четырехугольными камнями; и по обѣимъ сторонамъ его идутъ два высокіе своды, подъ которыми находится нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Въ глубинѣ же двора большой открытый садъ, въ который можетъ входить всякій прогуляться.

Принявъ на переднемъ дворѣ, Ханъ повелъ насъ черезъ другія ворота, на которыхъ вверху также висѣла крѣпкая серебряная цѣпь, въ видѣ трехугольника. Цѣпь эту повѣсилъ туда Магумедъ-Ханъ, Ханъ Кенджа. У этѣхъ воротъ отъ насъ отобрали наши оружія и шпаги; ибо ни кто въ нихъ не смѣетъ входить съ смертоноснымъ оружіемъ, и если запрещеніе это нарушить Персіанинъ, у котораго найдутъ хоть ножъ, того казнятъ смертію. Порогъ въ этѣхъ, равно какъ и въ слѣдующихъ, воротахъ, высѣченъ былъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ круглаго цилиндра, и, переступая черезъ него, намъ не дозволено было ка-

саться его ногами; ибо тысячи народа, приходящіе сюда поклониться святому, цѣлуютъ этотъ порогъ. По этому мы должны были перешагнуть черезъ него и при томъ сперва правою ногой. Черезъ этѣ вторыя ворота вошли мы въ широкій, но болѣе длинный, дворъ, также выстланный большими плитами, и по обѣимъ сторонамъ также украшенный сводами. Въ этомъ дворѣ, на правой сторонѣ, есть прекрасный чистый источникъ, вода котораго бѣжитъ изъ стѣны черезъ большой мѣдный кранъ, и проведена сюда также подземными трубами изъ одной горы, лежащей болѣе мили отъ города; она доставляетъ питье тѣмъ, которые ѣдятъ здѣсь. Въ концѣ этого двора, тоже на правой сторонѣ, стоитъ изящный, большой и круглый, дворъ, снаружи обложенный зеленымъ и синимъ поливаннымъ камнемъ (кахлами), а внутри коврами, и посреди этого свода стояли два большіе мѣдные подсвѣчника. Кругомъ по стѣнамъ сидѣли духовные въ бѣлыхъ одеждахъ, иѣли и кричали громкими голосами. Во время пѣнія своего духовные покачивались и наклонялись всѣ одновременно съ одной стороны на другую, какъ будто ихъ тянули шнуромъ, на которомъ они были навязаны, что представляло довольно странное зрѣлище; этѣми движеніями они выражали свое особое религіозное настроеніе и благоговѣніе. Въ этомъ покоѣ Шихъ-Сефи ежегодно сиживалъ по 40 дней сряду, постился, ѣвши въ день только по одной миндалникѣ съ водою, и молился; отъ чего и самый покой этотъ, по этѣмъ 40 днѣмъ, названъ Чилла-хане (Tschilla chane). Изъ этого двора пришли мы въ 3-й, также черезъ ворота, на которыхъ опять висѣла серебряная цѣпь, подаренная Алли-Ханомъ, Ханомъ Капанскимъ (Карпан).

Въ этомъ дворѣ, который хотъ нѣсколько менше, но разукрашенъ разноцвѣтными изразцами лучше другихъ, была гробница. Но входъ въ гробницу шелъ подъ довольно большимъ адуномъ и круглой башней; дверь входа этого обита была плотнымъ листовымъ серебромъ, и толстыя кольца въ ней были тоже серебряныя. Полъ передъ дверью устланъ коврами, и мы должны были снять здѣсь нашу обувь, хотя Посланники наши сначала не хотѣли этого сдѣлать, но должны были уступить, и въ этомъ случаѣ поступили согласно желанію Персовъ. Намъ говорили, что когда Шахъ Абасъ прѣбывалъ въ Ар-

дебиль, для посѣщенія этого гроба, то часто, за полъ мили еще отъ города, снималъ свои туфли и шелъ сюда въ однихъ чулкахъ; но это дѣлалось имъ изъ чувства благоговѣйной Вѣры и уваженія къ сему святому, чего Персы ожидать отъ насъ не могли. Насъ ввели въ длинный, дорогими коврами устланный, крытый ходъ, и за тѣмъ, на право, черезъ дверь, обитую листовымъ золотомъ, въ богатый со сводами склепъ. Эта дверь, также какъ и другая, подобная ей, въ одной мечети въ Хорасанѣ, при гробницѣ Имама Ризы (Risa), приказалъ сдѣлать Шахъ Абасъ, по случаю обѣта, даннаго имъ въ то время, когда отправлялся на войну противъ Узбековъ въ Хорасанъ, а именно, онъ обѣщалъ, если этѣ святыя помогутъ ему выгнать непріятеля изъ Хорасана, то каждому изъ нихъ онъ принесетъ въ даръ по золотой двери. Такъ какъ побѣда была на сторонѣ Шаха Абаса, то онъ съ удовольствіемъ исполнилъ обѣтъ свой.

Сказанный склепъ длиною былъ восемь и шириною пять сажень, на верху увѣшанъ множествомъ золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, изъ коихъ нѣкоторыя были до $\frac{3}{4}$ локтя въ поперечникъ. По обѣимъ сторонамъ склепа сидѣли 12 главныхъ духовныхъ, называемыхъ Гафизанами (Hafisahn), передъ которыми стояли маленькіе, одинъ за другимъ, столики, а на нихъ большія пергаментныя книги, въ которыхъ большими Арабскими буквами написано было нѣсколько главъ изъ Алкорана; духовные этѣ пѣли, какъ у насъ поютъ хоромъ монахи, сперва одинъ Гафизъ, за нимъ другіе, съ такими же движеніями, какія дѣлали и сидѣвшіе въ Чилла-ханѣ духовные. Прошедши это помѣщеніе, нужно было ити въ особый, отдѣленный длинной серебряной рѣшеткой, покой, возвышавшійся передъ прежнимъ тремя серебрянными же ступенями. Ханъ и нашъ Персидскій толмачъ, Рустамъ, о которомъ уже упоминалось выше, поцѣловавши этѣ ступени, повели Посланниковъ, съ 4-мя лицами изъ сопутствовавшихъ имъ, въ сказанный покой. Онъ былъ убранъ весьма богато, и въ глубинѣ его опять было возвышеніе на одну ступеньку, снова обнесенное прочною рѣшеткой, круглая рѣшетины которой были изъ чистаго золота. За этой-то рѣшеткой и видѣнъ былъ собственно гробъ Шиха-Сефи. Онъ былъ изсѣченъ изъ прекраснаго мрамора, а не золотой, какъ писали нѣкоторые

изъ нашихъ. Высота его отъ полу, какъ я полагаю, была въ 3 фута, длина около 9 и ширина въ 4 фута, и покрытъ онъ былъ краснымъ бархатнымъ покрываломъ. Надъ самымъ гробомъ висѣло нѣсколько золотыхъ лампадъ, а по сторонамъ стояли два большіе, высокіе, золотые же подсвѣчника, которые, какъ и остальные лампы, горятъ всю ночь, уставленные свѣчами.

Дверца въ золотой рѣшоткѣ была заперта, и не отворяется, хотя Посланики и просили было отворить; ибо, какъ говорили Персы, изъ свѣтскихъ людей ни кто, даже самъ Шахъ, туда не впускается. На лѣвой сторонѣ этого покоя, въ которомъ мы теперь стояли, былъ особый со сводомъ склепъ, въ которомъ погребены Шахъ-Измаиль (Schach Ismael), первый называвшійся этѣмъ именемъ, и супруги Шихъ-Сефи и нѣкоторыхъ Персидскихъ Шаховъ. Одну изъ этѣхъ гробницъ видно было черезъ дверь, завѣшанную только занавѣсью, и она было не особенно украшена. Съ нами постоянно ходилъ одинъ старичекъ, съ золотою курильницей, который курилъ все время позади насъ.

Осмотрѣвъ сдѣсь все и побывъ нѣкоторое время, мы, упомянутымъ выше крѣтымъ ходомъ, прошли опять на право и вступили въ очень просторный, со сводами и золотомъ расписанный, покой, похожій на мечеть. Первое, что показалось намъ сдѣсь удивительнымъ, это было искусно сведенные своды, со множествомъ длинныхъ, ниспадающихъ внизъ, уступовъ, именно удивительно было, какъ могъ быть сведенъ этотъ громадный сводъ и какъ онъ могъ держаться, ни имѣя ни одного столба. Загъ этотъ назывался Дженечера (Tzenetsera), и въ немъ помѣщалась библіотека. Книги у нихъ лежали запертыя въ нѣсколькихъ шкафахъ, не въ порядкѣ, а одна на другой, большею частію на Арабскомъ, но нѣкоторыя на Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ, частію на пергаментѣ, частію же на бумагѣ, писанныя весьма чисто; историческія книги разрисованы картинками. Переплеты были изъ краснаго сафьяна, украшенные литыми изъ золота изображеніями цвѣтовъ и листьевъ. Въ углубленіяхъ свода этого же покоя видно было нѣсколько сотенъ фарфоровой посуды, изъ коей нѣкоторыя могли вмѣстить въ себѣ 10 кружекъ воды. Изъ этой посуды кушаютъ только Шахи и другіе знатные

люди, приѣзжающіе сюда. Такъ какъ это мѣсто и эти учрежденія считаются священными, то по этому тамъ не должны быть употребляемы ни серебряная, ни золотая, посуда; по этому-то, при помянутомъ выше Таберикѣ, также и во время празднованія Гусейна, у Хана Кушанья и наивѣки все подавались только въ фарфоровой посудѣ и чашахъ, съ длинными деревянными ложками. Намъ говорили, что Шихъ-Сефи, по своей великой святости и благочестию, ѣлъ только на деревянныхъ блюдахъ. Изъ сказанной сейчасъ Дженахера, насъ довели въ дворцовую поварню, лежащую на главной площадкѣ, и двери въ нее изживленіемъ Шаха Абаса тоже были обиты серебромъ. Въ поварнѣ все было разставлено и расположено въ чрезвычайномъ порядкѣ, весьма удобно и хорошо; большой котелъ, къ верху служающійся и закрывающійся крышею, вблизи былъ въ камень. Вода, проведенная вездѣ кругомъ трубами въ поварню, выпускалась, черезъ большіе медные краны, къ горшкамъ, которые стояли подъ этими кранами. Повара и прислужники ихъ въ разныхъ мѣстахъ занимались разными дѣлами по своему управленію. Изъ этой поварни ежедневно кормится болѣе тысячи человекъ, служащихъ при Месарѣ и бѣдныхъ, но 3 раза въ теченіи дня, сперва утромъ, рано въ 6 часовъ, потомъ въ 10, и послѣ обѣда въ 3 часа. Первые два раза на счетъ Шиха-Сефи (на что ежедневно расходуется 150 абасовъ, или 3 тумана, или составляетъ 50 рейхсталеровъ). Въ 3-й же разъ на счетъ Шахскихъ доходовъ. Когда настаетъ время кормленія и одѣленія яствами, всякій разъ начинаютъ бить въ два воинскихъ барабана, которые употреблялъ Магометъ, и которые Шихъ-Седреденъ, вмѣстѣ съ медманутымъ выше знаменемъ, перенесъ сюда изъ Медины. Дузы (блюда) слышатся звуки этихъ барабановъ, всякій бѣжитъ къ тому, или другому, раздавителю, которые выдаютъ каждому, рисомъ, въ ихъ собственную посуду, и каждому выдается еще яствъ такъ много, что получили сами не въ силахъ бывають съѣсть всего и могутъ чисты продавать другимъ, которые стѣдуются сами получать милостыни.

Изъ поварни насъ провели въ большой прекрасный садъ, въ которомъ намъ показывали могилы Султана Абдера (Adef);

Шаха Тамаса (Tamas) и другихъ Шаховъ: могилы эти находятся сабсь подь открытымъ небомъ, безъ всякихъ украшеній.

Важнѣйшія лица, тѣла которыхъ погребены въ этой Мешайт (Meschaich), по разнымъ мѣстамъ, въ нашу бытность тамъ, были слѣдующія:

1. Шихъ Сефи, сынъ Сеида Джейбраля (Seid Tzeilbrail).
  2. Шихъ Седрединъ (Sedredin); сынъ Сефи.
  3. Шихъ Джинидъ (Tainid), сынъ Седредина, котораго Европейскіе историки по ошибкѣ называютъ Гвинедомъ (Guined).
  4. Султанъ Айдеръ (Aider), съ котораго Турки содрали кожу, сынъ Джинида.
  5. Шахъ Айдеръ, сынъ Султана Айдеръ.
  6. Шахъ Измаиль, сынъ Шаха Айдеръ.
  7. Шахъ Тамасъ (Tamas), сынъ Шаха Измаила.
  8. Шахъ Измаиль II-й; сынъ Шаха Тамаса.
  9. Шахъ Мэгумедъ Ходдабенде (Ghoddbende), сынъ Измаила.
  10. Измаиль Мирза
  11. Гемза Мирза
  12. Шахъ Абасъ.
- } Всѣ братья между собою и сыновья
} Царя Ходдабенда.

Сказанную гробницу Шиха-Сефи, такъ богато построилъ сынъ его, Шихъ Седрединъ, по смерти отца, съ помощію искуснаго архитектора котораго онъ пригласилъ изъ Медины. Персы говорятъ, что чертѣжъ и образецъ этого зданія данъ былъ самимъ Шахомъ Седрединомъ, посредствомъ одного чуда, котораго онъ творилъ также будто бы, какъ и отецъ его. Такъ, онъ велѣлъ, будто бы, сказанному строителю закрыть глаза и въ ту же минуту привелъ его въ восторженное состояніе и представилъ ему видѣніе зданія, по которому строитель заложилъ

и устроилъ гробницу. Шихъ-Джинидъ, далѣе, распространилъ дворъ, прибавилъ передній дворъ и повыстроилъ еще нѣсколько домовъ тамъ, такъ что теперь всѣ эти строенія составляютъ какъ бы широко-раскинутый заокъ, и въ немъ ежедневно совершается столько же дѣлъ и движенія, какъ бы въ какой либо знатной столицѣ.

По множеству Царскихъ вкладовъ, обычныхъ доходѣвъ и ежедневныхъ приношеній, Месаръ этотъ имѣетъ огромныя богатства въ нѣсколько милліоновъ, и полагаютъ, что въ случаѣ войны онъ имѣетъ гораздо большія средства и наличныя деньги для снаряженія войска, чѣмъ самъ Шахъ. Ибо, кромѣ громаднхъ его суммъ чистыми деньгами, ему принадлежатъ еще въ разныхъ мѣстахъ имотѣ дома, имѣнія и люди, которые ежедневно увеличиваютъ его казну; а именно: въ Ардебилѣ 200 домовъ, 9 гамановъ или бань, 8 каравансераевъ. Большое со-сводами зданіе для лавокъ, Kaiserid (гостинный дворъ), цѣлый майданъ; со всѣми выстроенными по сторонамъ подвалами и лавками, также 100 другихъ лавокъ на базарѣ, скотный, хлѣбный, соляной и масляный рынки; афравнишины (Afravnischin); т. е., тѣ, которые подъ открытымъ небомъ, а не въ лавкахъ, сидятъ и торгуютъ, и которые всѣ должны платить извѣстную пошлину въ этотъ Месаръ, (у насъ пошлины эти называются Licenten). Изъ множества селеній, лежащихъ вокругъ Ардебиля, этому Месару принадлежатъ 33 селенія. Въ Серабѣ (Serah) 5 селеній; въ городѣ Таврисѣ 60 домовъ, 100 мелочныхъ лавокъ и 2 селенія, лежащія подъ городомъ. Въ городѣ Касвинѣ также нѣсколько каравансераевъ и бань, точно также и въ краяхъ Гилянѣ и Асторѣ. Въ Мокатѣ Ашурѣ (Aashur) и Елешурѣ (Elesohur). Въ областяхъ: Хальхалѣ (Chalchal), Кермерутѣ (Kermeruth) и Гаштерутѣ (Haschteruth), принадлежитъ этому Месару также половина, кромѣ владѣній Татаръ и Индійцевъ, въ которыхъ также нѣкоторыя мѣста доставляютъ доходъ, именно исповѣдающія Персидскую Вѣру. Кромѣ того у Персовъ въ большомъ употребленіи обычай, когда они предпринимаютъ отдаленную поѣздку, или какое важное предпріятіе, также когда ихъ постигнетъ болѣзнь, или другая какая бѣда, давать большіе обѣты Шиху-Сефи, и обѣты эти, когда желанія ихъ осуществляются, исполняютъ они точно и

добровольно, дорожа своимъ благоподушемъ и блаженствомъ, и многіе изъ нихъ, приходя на богомолье, изъ особаго благоговѣнія, приносятъ добровольныя дары, иногда даже отказываютъ Месгару своимъ имуществомъ, по завѣщанію. По этому-то, туда, ежедневно поступаютъ въ даръ деньги, лошади, ослы, верблюды, овцы и другіе товары.

Али

„... Принесшія подарки дается полная горсть анусу, въ знакъ того, что души ихъ должны быть исполнены особою сладостью. Для принадлежн подарковъ, приставляются особыя два присажные чедовѣка, называемые Несюрджанъ (Nesürdzian), отъ Арабскаго слова: Несуръ, означаящую обить. Приемщики эти ежедневно сидятъ въ домѣ, лежащемъ въ лѣвой сторонѣ, противъ мечети Джиллакана, и между ними стоитъ круглый децехный сундукъ, покрытый краснымъ бархатомъ, въ который они бросаютъ жертвуемыя деньги, сквозь отверстие, на верху. Дарныя же верблюды, лошади, ослы, тутчасъ же продаются, и обращаются въ чистыя деньги, а овцы и быки, убиваются, и продаются бланымъ... Для богатого содержанія сказанныхъ приемщиковъ Шихъ, Цамакъ, пожертвовалъ болыное селеніе, Судганабадъ (Sul-tanabath), лежащее въ милѣ отъ города.

Г Л А В А XXVII.

Гробница Сейда-Джейбраля (Seld-Tzelbrail) и другіихъ Селдоцъ, въ селеніи Кельгеранъ (Keltgeran); что сѣю видѣнъ имъ около Ардебля.

Гробница Сейда-Джейбраля, отца Шиха-Сефи, находится въ селеніи Кельгеранъ, въ полумилѣ отъ Ардебля, по эту его сторону. Джейбраиль въ этомъ селеніи былъ обыкновенный, и простоватый человѣкъ, и сперва былъ погребенъ одѣсь между другими крестьянами; но когда Седраинъ увидалъ, что во всей Персіи не только отца его, но и его самого, считали за такого святаго и вышшаго духомъ одремнаго мужа, то пожелалъ, не смерти своего отца, и не сооруженіи ему гробницы, возвѣстивъ и празъ

своего дѣда передъ прешившею люлькой, и по тому приказавъ вырыть тѣло своего дѣда и похоронить его слѣбо, воздвигнувъ надъ нимъ великолѣпную гробницу и зданіе. Нѣкоторые Персы говорили, что вѣстѣ снѣ Джеббранамъ слѣбо погребены и двое другихъ изъ того же рода, а именно: Сендъ Сала (Sala), отецъ Джейбранда и Сендъ Кудбединъ (Kudhedin), слѣбо его; но другіе, желавшіе предоставить знестъ погребенія слѣбо, одному, отцу Шиха-Сефи, отвергаютъ это иніе. Могутъ быти, въ этой гробницѣ не найдется ни одного изъ насъ этихъ тѣлъ, ибо сомнительно, чтобы кости, такъ долго лежашія въ землѣ съ костями другихъ простыхъ крестьянъ, и уже сгнившія, можно было распознати, и отдѣлать безошибочно.

Гробница эта выстроена въ большомъ саду, въ видѣ круглаго зданія, съ длинными, кругомъ быстро раскрашенными стеклянными окнами, обнесена впрочемъ желѣзною огородью, вверху заканчивающаяся круглою башнею, обложенною синими и зелеными маразмами (полымяными дамьями). Основаніе этой гробницы было такъ высоко, что нужно было войти на него по 10 ступенькамъ. Нѣкоторые изъ насъ, пришедшіе осмотрѣть, были остановлены у двери; у насъ потребовали шагаи и пакки, и просили, чтобы они сняли башмаки и сапоги и чтобы шли туда безъ обуви. Сводъ въ этомъ зданіи искусно сведенъ былъ ирраціональными дугами (съ пролѣтами), разукрашенъ золотомъ и синей краской, а полъ устланъ прекрасными коврами. Въ стѣнахъ вездѣ ослами находились небольшія нишечки, въ которыхъ обучали юношей пѣнію изъ Алкорана, и такимъ образомъ приготавливали, изъ нихъ Гафарагокъ или стражей гроба святаго. Какъ и въ гробницѣ Шиха-Сефи, на маленькихъ столѣнкахъ разложены были прекрасно написанныя Арабскія книги, по которымъ совершалось пѣніе отъ времени до времени. Посреди часовни этой, столѣ деревянный гробъ, прекрасной рѣзной работы, промежъ связей которой видѣлась листовая мѣдъ желтая, длиною въ ростъ человека и шириною въ 3 локти и покрыта вездѣ кругомъ зеленымъ бархатомъ. Надъ гробомъ висѣли двѣ серебряныя и двѣ золотыя лампы, которыя горятъ каждую ночь, и смотрѣше за тѣмъ, чтобы лампы эти горѣли, поручается двумъ Джирагчиганамъ (Ziragtschigan) или смотрителямъ за свѣтильниками. Противъ этой гроб-

ищцы находилась еще небольшая часовенка, въ которой погребены также нѣсколько знатныхъ людей изъ того же рода.

Такъ какъ въ Ардебилѣ находится гробница этого святаго, то Ханъ Ардебильскій пользуется тѣмъ же влияніемъ въ духовномъ отношеніи, какъ и самъ Шахъшидъ, кромѣ свѣтскаго права; завѣдываетъ и духовными. Но онъ не можетъ держать столько воиска, какъ Ханъ Шемахинскій; ибо Ардебилъ не есть пограничный городъ; и по тому не можетъ опасаться быстрого и неожиданнаго нападенія Турокъ. Всего на все онъ имѣетъ только 50 человекъ, изъ которыхъ есть и устроенная своей придворной штатъ. Вообще вся придворная обстановка у него все не такъ великолѣпна, какъ у Хана Ареба. Онъ велъ даже скромнѣе, трезвую жизнь; на пирушкахъ, которыхъ есть одѣла въ 3' ради насъ; употребляетъ множество табаку, который, по обычаю Персовъ, онъ куритъ изъ деревяннаго, длиною въ два фута, чубука, сквозь воду въ стеклянномъ сосудѣ, при чемъ есть также много Кагавы (Kahawae) или кофе; напитки этотъ весьма осѣждаетъ и умиротворяетъ всякаго рода страсти.

Все, что еще было замѣчательнаго около Ардебилан, состояло въ нѣсколькихъ теплыхъ источникахъ, находившихся въ горахъ, и въ источникахъ, которыми пользуются ради удовольствія и здоровья; Ханъ предлагалъ было намъ свои услуги проводить насъ и туда, но мы не поѣхали, по слабому еще здоровью Посланника Вругмана. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ Персами объ этихъ водахъ, были слѣдующія: вѣстну, у подошвы горы Себеланъ (Sebelan), есть источникъ, Сердебе (Serdebe); съ теплою и чистою водою, въ которомъ многіе охотно купаются. Онъ проведенъ сюда трубою подъ сводами изъ Сульфакархана (Sulfakarshan), о которомъ упоминалось выше. Въ трехъ миляхъ отъ этого источника, на правой сторонѣ горы еще теплый источникъ, издающій сѣрный запахъ такой, что воздухъ во всей этой странѣ пахнетъ сѣрой; онъ очень полезенъ противъ разныхъ на-кожныхъ болѣзней: парши, разныхъ прыщей и проч., и по тому называется Abkotur, т. е., вода отъ телудей или паршей. Въ другомъ мѣстѣ этой же горы еще есть 3 источника, называемые: Меуль; Даудай и Рандай (Meul; Daudau, Randau), и въ 3

нѣють горячую до кипѣнія воду. Меуль вытекаетъ надъ небольшо-
шаго холма, у котораго по обѣимъ сторонамъ холодныя и глупо-
бокіе источники; Даудау, въ четверти мили отъ Меула, бьетъ дру-
мя ключами, и подлѣ него есть также холодный, источникъ. Пе-
редъ обоими этими источниками выкопанъ прудъ, въ который
прорылены оны оба, т. е., теплый и холодный, и такимъ обра-
зомъ воды отъ умѣряють другъ друга и дѣлаются годными для
купанья. Раидау по временамъ оказываетъ сильное дѣйствіе, и
иногда не приноситъ ни какой пользы. Цереры, рассказывая,
если больной долженъ выздороветь, то онъ видитъ въ этомъ
источникѣ змѣю, у которой на головѣ колдееобразно держущая-
ся лежитъ другая, маленькая бѣлая змѣйка, въ родѣ короюки.
Если же этого больной въ источникѣ не увидитъ, то и купанье
ему будетъ безъ пользы. Въ полумили по одну сторону отъ города,
у дороги, на правой сторонѣ, лежитъ прудъ, или дужа, называе-
мая Шеркѣль (Scherköl), покрытая твердыми слоями селитры
и соли, обудто льдомъ, или льдицами, какъ мы сами видѣли
это, проѣзжая. Страдающіе варивами съ пользою лечются во-
дою изъ него. Что сообщали намъ Цереры замѣчательнаго о
горѣ Бакру, будетъ сказано въ одномъ мѣсяцѣ съ тремя баснями,
которыя они рассказываютъ о горѣ Эльвендѣ (Elwend).

ГЛАВА ЖЕВІІІ.

Путешествіе изъ Ардебилъ въ Султанію.

Когда мы прожили такимъ образомъ, какъ сказано, цѣлыхъ
два мѣсяца въ Ардебилѣ, то 1-го Іюня прибыли къ намъ новый
Мегемандаръ, назначенный Шахомъ, по имени Абасъ-Гуль-Бекъ
(Abas-Gul-Bek), съ извѣстіемъ, что въ сеченіи Афидней онъ дол-
женъ доставить насъ къ Шаху, который очень желаетъ видѣть
насъ поскорѣе. Такъ какъ самъ онъ былъ уже старый человекъ,
то, чтобы усилить службу намъ, онъ привезъ съ собою своего
сына, одерованаго взрослаго малпо. Поелъ этого прежній Меге-
мандаръ, Неджеъ-Бекъ, ошвелъ отъ насъ, и за свои пруды и

хлопочеть у Шаха поведѣніе Хану Ардебильскому, немедленно доставить пушки въ слѣдъ за нами. Когда наконецъ мы и сами убѣдились въ невозможности везти пушки съ собою, то порѣшили оставить самыя большія изъ нихъ слѣсь, но прежде, до приказанію Посланника Бругмаца и, въ присутствіи Мегемандаря, измѣрили ихъ длину и толщину и жирчицею нашъ снялъ съ нихъ рисунки; съ собою же взяли только двѣ самыя малыя пушки, вѣсившія по 300 фунтовъ каждая и 4 каменнометницы, навьючивъ ихъ на верблюдовъ, и 14-го числа пустились далѣ, почти постоянно черезъ скалистыя горы и, между ними, до узкой, опасной дорогѣ, такъ утр въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли быти принуждены быти съ великимъ трудомъ нести на себѣ болѣе сильные люди. Въ долинахъ, тамъ и слѣмъ видѣлись селенія и жилища, около которыхъ паслись прекрасныя стада. Къ вечеру, проѣхавши 5 миль, мы прибыли въ большое село Сенгоа (Sengoa), въ которомъ живетъ Melik или областной управитель, собирающій доходъ съ области, Халхаль (Chalchal), которая начинается слѣсь и простирается до рѣки Кизильозейнъ (Kisilosein). Управитель атотъ, по имени Байндуръ (Baindur), очень любимый Шахомъ Абасомъ, постаранъ въ эту должность на мѣсто своего отца, и, женившись на одной изъ Шахскихъ прислужницъ, получилъ, вмѣстѣ съ нею въ подарокъ, и приданое многія цовѣстья.

14-го числа мы опять вѣхали по высокимъ горамъ, и проѣхали черезъ 3 селенія, изъ которыхъ Мегемандаръ (по обычаю Персовъ) забиралъ по нѣскольку лошадей, какъ бы для насъ, но за тѣмъ опять отдавалъ ихъ крестьянамъ, за деньги, которыми они выкували себѣ этѣхъ лошадей. Слѣдующи 4 феразга или мили, мы проѣхали въ прекрасную долину, съ чистымъ источникомъ, и расподжились въ ней подъ нашими чалтакми. Мы нашли слѣсь огромныхъ зеленыхъ стрекозъ, или сараччу, длину въ 3 и толщину въ полтора дюйма. Такъ какъ мы простояли слѣсь до послѣ обѣда слѣдующаго дня, то я наслѣдовалъ слѣсь высоту солнца, и нашелъ, что мѣсто это лежитъ въ 37° 28' отъ равноденственника.

15-го числа, послѣ обѣденнаго стола, устроено на чайную выдворенію Посланника Бругмаца, слѣщаго уже слѣсь на

впередъ, вмѣстѣ съ 6 металлическими пушками и солдатами, а 12-го Юня и сами отправились въ путь за ними. Но такъ какъ Посланникъ Бругманъ былъ еще нѣсколько слабъ и не могъ ѣхать на лошади, то онъ приказалъ везти себя въ носилкахъ на мулахъ, и такимъ образомъ рано утромъ, въ 5 часовъ, отправился впередъ, въ сопровожденіи 30 человекъ изъ нашего народа.

Нѣсколько Персіянъ, не знавшихъ ни чего о нашемъ отъѣздѣ и никогда еще не видавшихъ носилокъ, увидѣвъ теперь ихъ завѣшанными сукномъ и выносивыми за городъ въ сопровожденіи множества народа, говорили: «Нѣмцы, должно быть, хотятъ справлять за городомъ какой ни будь праздникъ и несутъ туда свою святыню.» Посланникъ Крузе отправился позднее съ своими спутниками, именно въ 8 часовъ. Келбеле-Ханъ, побѣхавъ верхомъ еще прежде, тоже за городъ, въ одинъ садъ, прислалъ сказать Гг. Посланникамъ, что онъ подождетъ ихъ тамъ и еще разъ простится съ ними; ибо у Персовъ не въ обыкновеніи, принявши однажды кого либо, выпроваживать еще его, и они говорятъ: «Не прилично гостей выводить изъ дому.» Когда мы проѣхали съ илю, къ намъ присоединился Ханъ, который пригласилъ Посланника Крузе въ Татарскія хижины или отаки (Oaken), стоявшія не далеко отъ дороги, гдѣ и угостилъ насъ холоднымъ кушаньемъ. При немъ находился и Султанъ Тавриса (Tavris), обязанность котораго во время войны та же, что и нашего главнаго Rumpmeisterъ (блюстителя порядка и исполнителя). Слуги его всѣ имѣли на плечахъ накиннутыя тигровыя и рысьи шкуры, подходили видомъ на прислужниковъ палача и, вѣроятно, и въ дѣйствіяхъ своихъ были не далеки отъ нихъ, если бъ только имъ это дозволяли. Распростившись дружески съ Ханомъ, мы продолжали наше путешествіе по неровной, жесткой, скалистой дорогѣ и въ вечеру прибыли въ большое селеніе, Бузюнъ (Busün) называемое, лежащее на гѣзѣ въ долинѣ, въ 4 миляхъ отъ города. Сдѣвъ мы нашли отправленные впередъ наши пожитки и пушки, колеса которыхъ почти всѣ уже разбились. Мегемадаръ очень сожалѣлъ, что рѣшительно не имѣлъ сдѣсь возможности распорядиться устройствомъ новыхъ колесъ, равно положительо не соглашалъ везти пушки далѣе, чего и нельзя сдѣлать безъ великихъ препятствій, и предложилъ, съ своей стороны, что онъ вы-

хлопочеть у Шаха повелѣніе Хану Ардебильскому немедленно доставить пушки въ слѣдъ за нами. Когда наконецъ мы и сами убѣдились въ невозможности везти пушки съ собою, то повѣрили оставить самыя большія изъ нихъ слѣсь, но прежде, до дѣлканію Посланника Бругмаца и въ присутствіи Мегемандаръ измѣрили ихъ длину и толщину и живописцевъ нанявъ сналъ съ нихъ рисунки; съ собою же взяли только двѣ самыя малыя пушки, вѣсившія по 300 фунтовъ каждая и 41 каменнометницы, навѣсивъ ихъ на верблюдовъ, и 14-го числа пустились далѣе, почти постоянно черезъ скалистыя горы и между ними до узкой опасной дорогѣ, такъ что въ некоторыхъ мѣстахъ носилки принуждены были съ великимъ трудомъ везти на себѣ болѣе сильныя люди. Въ долинахъ тамъ и сямъ видѣлись селенія и жилища, около которыхъ паслись прекрасныя стада. Къ вечеру пробѣжавши 5 миль, мы прибыли въ большое село Сенгра (Sengra) въ которомъ живетъ Melik или областной управитель; съобирающій доходъ съ области Халхаль (Chalchal), которая начинается слѣсь и простирается до рѣки Кизильозейнъ (Kizilosein). Управитель этотъ, по имени Байндуръ (Baindur), очень любимый Шахомъ Абасомъ поставленъ въ эту должность на мѣсто своего отца и, женившись на одной изъ Шахскихъ преемщицъ, получилъ вмѣстѣ съ нею въ подарокъ и приданое многія имѣнья.

14-го числа мы опять вѣли по высокимъ горамъ и проѣхали черезъ 3 селенія, изъ которыхъ Мегемандаръ (по обычаю Персовъ) забиралъ по нѣскольку лошадей, какъ бы для насъ, но за тѣмъ опять отдавалъ ихъ крестьянамъ за деньги, которыми они выкупали себѣ этихъ лошадей. Слѣдуя 4 фелдарага или миль, мы проѣхали въ прекрасную долину съ чистымъ источникомъ, и расположились въ ней подъ нащипи чалдками. Мы нашли слѣсь огромныхъ зеленыхъ стрекочъ, длиною длиною въ 3 и толщиною въ подгору дюйма. Такъ какъ мы стояли слѣсь до послѣ обѣда слѣдующаго дня, то я насчитовалъ слѣсь высоту солнца, и нашелъ, что мѣсто это лежитъ въ 37° 28' отъ равноденственника.

15-го числа, послѣ обѣденнаго стола, исторически въ слѣсь выздоровленія Посланника Бругмаца, слѣщаго уже слѣсь на

лошадь, мы отправились далѣе и подъѣхали къ громадной горѣ Тавру (Taurus), которую Персы называютъ здѣсь Pergelis. Сперва мы спустились въ чрезвычайно глубокую долину, какъ бы въ страшную бездну, которая съ этой стороны почти цѣлую милю шла внизъ, а на другой сторонѣ поднималась вверхъ милю полторы; высоты же обѣихъ горъ казалось стояли въ полумиле другъ отъ друга. Мѣсто это—чистѣйшая воровская и разбойничья пропасть, въ которой путешественникамъ, не имѣющимъ достаточной силы для отпора, представляется не мало опасностей; ибо съ одной стороны въ точности можно наблюдать за людьми, входящими въ эту пропасть. Разбойники, увидѣвъ, что будутъ имѣть недостаточное сопротивление, выбираютъ мѣстечко поудобнѣе для нападенія, и бросаются на проезжающихъ.

Въ глубинѣ долины течетъ рѣка Кизильозейтъ (Kisilosein), которая съ страшнымъ шумомъ и быстротою стрѣлы прорываетъ черезъ скалы, несетъ воду бѣловатаго цвѣта, по чему, въ Гиланѣ, гдѣ она изливается въ Каспійское море, ее и называютъ: «aui Tafisch Isret ufi.» Черезъ рѣку эту Шахъ Тамасъ построилъ довольно изрядный мостъ изъ обожженного кирпича на 9 сводахъ. Подлѣ дороги по горѣ расло множество горькаго миндаля, кипарису и Казацкаго можжевельнику. По ту сторону рѣки дорога поднималась вверхъ очень круто и извѣдинами, словно змѣи, такъ что мѣстами взбирались мы точно по ступенькамъ. Какимъ бы образомъ провозили мы здѣсь наши большія дѣшки на лафетахъ? На лѣвой сторонѣ у самой дороги, обрывистыя и какъ бы расщепленныя другъ отъ друга скалы представляли огромныя глубокія пропасти и бездны, въ одну изъ которыхъ, не много лѣтъ тому назадъ, мулъ одного Русскаго Посланника, навьюченный кладью, низвергся и исчезъ безслѣдно. Такъ какъ по такой дорогѣ нельзя было безъ опасности вѣхать верхомъ, то мы принуждены были вести лошадей нашихъ позади себя. Такъ взбирались мы до самой ночи. Взобравшись наконецъ съ великимъ трудомъ на вершину, и не имѣя съ собою ни Мегемандра, ни проводника, оставшихъ отъ насъ, мы прошли далѣе, блуждая въ темнотѣ черезъ многія каменистыя долины и холмы. Весьма холодный и рѣзкій вѣтеръ дулъ намъ напротивъ и былъ невыносимо тягостенъ для насъ, изнеможенныхъ уже отъ восхожде-

небольшой отряд из десяти человек, и готовясь отъехать из Эривани. Среди отряда были два чинахы и несколько солдат. Увидев, что разбойники отступают, и что высадка азербайджанцев не грозит им, большой отряд, послышавши удалиться. Посланные снарядили охоту. Доручившаяся в 20-ю войскам, преследовать разбойников, отсталым же приказали расположиться в окрестных местах.

19-го Июня мы оставались в селении, разбившись под раскинутою в немъ нашей палаткою. Сдѣсь со мною случилась весьма неприятная болѣзнь, отъ которой я сильно ослабѣлъ и, не смотря на то, долженъ былъ продолжать путешествие. 20-го числа, рано утромъ, часа въ два, мы пустились снова въ дорогу. Бѣжали почти весь день въ страшную жару по ровной, красноватой, песчаной и выжженной странѣ, и, проехавши 6 миль, въ полдень прибыли въ открытый городокъ, Сенканъ (Senkan). За полмили передъ этимъ городкомъ, Правитель Султани (Sultanie), Севиндюкъ - Суланъ (Sewindük Sulian), находившійся тогда въ Сенканѣ, выслалъ на встрѣчу Посламъ 4 блюда прекрасныхъ большихъ абрикосовъ и огурцовъ, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться этими плодами въ сильный жаръ. Передъ самымъ мѣстечкомъ или городкомъ привали насъ, высланные на встрѣчу намъ Суланомъ, 30 вооруженныхъ всадниковъ, между которыми одинъ былъ безъ рукъ и безъ ногъ, жившій, вмѣсто рукъ, остроконечными поручнями съ крючками; съ помощью этихъ поручней онъ ловко управлялъ своею лошадию, которую, на удивление намъ, безпрестанно гналъ передъ нами туда и сюда. Этому Персиянину Шахъ Абасъ (дѣдъ Шиха Сефи), за то, что онъ бѣгалъ по домамъ простолюдиновъ и насилуовалъ въ нихъ молодыхъ женъ, приказалъ отрубить руки и ноги, и за тѣмъ обрубленными ногами поставить его въ кипящее масло. Отецъ этаго Персиянина, знатный и богатый житель Сенкана, очень подумился Персидскому Шаху за свой отъѣзныи разумъ и стихотворныя произведенія, которыми онъ прославился; онъ написалъ нѣсколько остроумныхъ эпиграммъ, направленныхъ на случай, постигшій его сына, и съ помощью ихъ снова выходялъ себѣ и сыну своему Шахову милость и, кромѣ того, получалъ еще и подарки.

— — — — —
• Сиджани. Ф. Б.

Ваше Селманъ, Хозини, вашъ дружелюбно пожеланье (какъ вы
 чистота помыслы; убранныкъ прекрасными коврами, и шёлкъ, какъ
 больше, уломилъ на шельмовыхъ подушкахъ. Селманъ Султанъ
 ловкѣ и смелый человекъ, и не легко обидитъ. Присловье въ
 вивать перёдъ нами, что лично не могъ выжить къ нимъ на
 встрѣчу. При взятіи крѣпости Эрвана (Erwan), онъ получилъ въ
 плечо довольно тяжелую рану, которая хотя и зажила было, но
 въ послѣднее время снова открылась и помѣшала ему встрѣтить
 насъ. Когда же Посланники отправили къ нему своего Лѣкаря и
 Фельдшера, для подаіія ему совѣта и лекарства, то это такъ попра-
 вилось ему, что, въ благодарность, онъ приказалъ доставить намъ,
 кромѣ множества дорогихъ плодовъ, и двойное продовольствіе.
 Сенканъ былъ некогда большой и богатый городъ, но сталъ ни-
 чтожный въ слѣдствіе вторженія Тамерлана и Турокъ.

Вокругъ города въ той странѣ нѣтъ ни чего, (кромѣ ровнаго
 поля жгучаго песка, на которомъ изрѣдка растутъ стабильныя не-
 большіе кустарники, вышиною съ руку. Въ полумили отъ города
 въ правой сторонѣ, простирается отрасль горы Тарра съ сѣвера на
 югъ, идущая въ Курдистанъ (Kurdethan) и называющаяся Кейдеръ
 Пейлмберъ (Keider Peijamber); на ней, какъ полагаютъ Персы,
 погребенъ древній пророкъ ихъ носившій это имя. Подходя го-
 ры все усѣяна зелеными полями и селениями.

21-го Іюля, не рѣшаясь продолжать путь въ страшный днев-
 ной жаръ, мы только вечеромъ, по заходѣмъ солнца, пустились
 снова въ дорогу, проѣхали ночью, при мѣсячномъ свѣтѣ, 6 миль
 въ ровной странѣ, и передъ восходомъ солнца прибыли въ городъ
 Султанію (Sulthanie). Отъ сильной ночной стужи люди наши до та-
 кой степени прозябли и окоченѣли, что на силу слѣзли съ лошадей
 едва ходили; но за тѣмъ днемъ, опять настала такой сильный
 жаръ, что почти не было возможности, какъ ни будь, укрыться
 отъ него. Въ слѣдствіе такого рѣзкаго перехода въ тотъ же день
 человекъ изъ спутниковъ Посольства разомъ начали жало-
 ваться на нездоровье, и вселамъ въ постели, съ тѣмъ содѣлался
 такой жаръ, и расслабленіе, такъ что, общиномъ предѣлавъ
 истинно не имѣя, какъ на лошадей, мулахъ и верблюдахъ,
 ни на мѣсяцъ, болѣе не могли по ночамъ, съѣсть, ни даже ложиться

идиъ, спутниковъ поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ, Томаъ Крайгъ (Craig), Шотландецъ, получилъ на последнѣхъ опасную рану въ легкое, не далеко отъ сердца, такъ что мы принуждены были довольно долгое время носить его на носилкахъ, хотя онъ и выздоровѣлъ подъ конецъ, но съ продолжительнаго леченія.

ГЛАВА XXIX.

О городѣ Султаніи.

Городъ Султанія (Sulthanie) лежитъ подъ 84°, 5' долготы и подъ 36°, 30' широты, на гладкомъ полѣ; съ двухъ сторонъ его, а не вокругъ него, какъ пишетъ Картрайтъ (Kartwright), видуть довольно высокія горы, особенно съ правой стороны, именно гора Кеидеръ (Keider). По нѣсколькимъ высокимъ домамъ, башнямъ и колоннамъ онъ имѣетъ снаружѣ довольно красивый видъ, но внутри очень ветхъ, и самыя городскія стѣны его почти всѣ разрушены. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ сихъ краяхъ и простирался въ длину болѣе, чѣмъ на полмили; ибо и теперь еще, въ большой полумилѣ отъ города, на правой сторонѣ, по пути въ Намеданъ (Nemedan), стоятъ высокія каменные ворота и башня, принадлежавшія городу. Городъ построенъ былъ Султаномъ Магумедомъ Ходдабенде (Chodda-bende) изъ развалинъ опустошеннаго города Тигранокерта (Tigranocerta), о которомъ Тацитъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, былъ возведенъ на степень Царской столицы, какъ означаетъ это и самое имя его Султанія; ибо древніе Цари не именовались Шахами, но, какъ и нынѣшніе Турки, назывались Султанами. Но городъ этотъ очень разоренъ и опустошенъ, частью Тамерланомъ, частью же нѣхъ собственнымъ Княземъ, Ходжей Решидомъ (Chodza Reshid), за то, что жители его возмущались противъ него.

Самое замѣчательное, что можно видѣть здѣсь, было древнее Царское мѣстопребываніе, которое, словно крѣпость, окружено было четырехугольнымъ крѣпкою стѣной, сложенной изъ большихъ четырехугольныхъ камней и четырехугольными же

блещущимъ, съ историческимъ памятникомъ, еще и некоторые обломки. Наибольшаго адане или Епата! Сала! мечеть, въ которой погребены Султанъ Махмудъ Ходдабаде (Choddahade). Все это здание устремлено на югъ, съ 3 воротами, высота которыхъ превосходить высоту воротъ Св. Марка въ Венеции; но обломки они не изъ бронзы, или жѣла, какъ пишутъ другие писатели, и не изъ позолоченной и эмальерованной или буазной стали и желѣза. Одинъ изъ этихъ воротъ, самая большія, которая стоитъ противъ Майдана (Maidan), какъ разсказываютъ Персы, не только отворить, сколько бы людей ни трудилось надъ отворить. Но если при этомъ произнести слѣдующія слова: «Вази Аллѣ Бекъ» т. е., «Отворись въ любви къ Аллу!» то ворота эти дѣлаются такъ легко подвижны на петляхъ и крюкахъ своихъ, что ихъ можно отворить даже дѣтя. Сводъ здания выложенъ бѣлыми и синими керамическими плитками, на которыхъ выжжены большія надписи и разныя рода красивыя изображенія; онъ поднимается очень высоко и по срединѣ сходится или заканчивается какъ бы круглою шишкою. На верху свода раздѣляется металлическою рѣшеткою, которая образуетъ какъ бы отдѣльные хоры. На хорахъ этихъ лежатъ множество древнихъ Арабскихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя были длиною въ 3 четверти фута и шириною въ локоть; буквы въ нихъ величиною съ палецъ и стѣжки весьма старательно писаны золотомъ и чернилами. Ихъ этихъ книгъ мнѣ удалось добыть нѣсколько листовъ, которые я и теперь еще храню въ Библиотецѣ Милостивѣйшаго Государя моего. Это отрывокъ изъ Аллѣана, въ которомъ содержится начало одной забавной басни дѣтскою дѣвочкамъ. Для потѣхи я приведу здѣсь вкратцѣ содержание этого отрывка изъ Персидскаго Paraphrase Alcoran, который Персы называютъ Seratz elkulub, т. е., Canale e. Свѣча сердца. Вотъ оно:

Когда Богъ изгналъ дьяволовъ съ неба и крѣпко заперъ небо, дѣти, то нѣсколько дьяволовъ, желавшихъ очень знать, что делается на небѣ, собирались по ночамъ, вѣсть и, становясь одинъ другому на плечи, взбирались такъ по одному все выше и выше, такъ поръ, пока находившійся на самомъ верху не достигъ неба. Сдѣвъ эти обыкновенно, прислушивалъ, все, что говорилось о людской жизни и счастіи, и подслушавъ такимъ

Камней орудія, лежала на четырехугольной скамьѣ; въ четырехъ углахъ орудія были полукартауши, (короткія пушки), остальные жъ составляли орудія (бѣлье дѣланыя пушки). Ядра для нихъ были мраморныя. Орудія эти, употреблялись для нашихъ бѣдшей, сѣдса крѣпости. На маршрѣ стояла двойная ограда, и надъ нею буквы А. З. и надпись: А. 7.

Башня надъ этомъ замкомъ была, восьмизубчатая, и вверху, окружена широкой галерей, вѣвходящею на которомъ стояло 8, или 9, маленькихъ башенокъ, съ витыми лѣстницами, для восхода на нихъ. Передъ, драмочею, находилась большая, выкопанная камнемъ, четырехугольная, водонѣ, для колодезя, въ которой вода проведена, изъ горы Кейлеръ (Keiler). Позади же храма раскинутъ прекрасный, большой садъ, со множествомъ, въ порядкѣ, рассаженныхъ, въ немъ, большихъ, и малыхъ, деревьевъ, и съ высокою изящною бесѣдкою.

Въ этомъ же городѣ, не менѣе достойна, обзрѣнія, другая большая мечеть, которую воздвигъ, сѣбѣ, Шахъ Измаиль I-й. Входъ въ нее виденъ, весьма высокими воротами, надъ которыми стоитъ, круглая, башня. Пройдяши, ворота, первое, что встрѣчается, за ними, это, высокая пирамида, въ верхней части, уже разрушенная, и вокругъ нея 8, тоже, довольно, высокихъ мраморныхъ, столбовъ. Миноравъ, эту пирамиду, и столбы, входишь, собственно въ мечеть, въ весьма просторное и высокое со сводомъ зданіе, украшенное кривою, множествомъ, сложныхъ, изъ камня столбовъ, а колоннъ, и коловъ, для галерей, въ серединѣ мечети, стоятъ, возвышенная, каедрa. При этомъ, зданіи, также, есть, предвходный, большой, садъ, и въ немъ, башня, которая, сверху, ифска, и въ, узорами, заканчивается, въ видѣ, пирамиды.

Жители, не отрицаютъ, да и сами мы, очевидно, нашли, сра, величественна, что пишутъ Ювій (Jovius), въ 14-й книгѣ, стр. 282, и Петръ Перондизъ (Petrus Peronius), въ своемъ, сочиненіи, De vita, Tamerlania. (Basilae, 1551, cap. 23, pag. 24), а имен- но: Ab hoc loco Scythico, impie profano Tamerlanis ingenio, quic credit mirum religionis exemplum prodiisse. Nam Sulthaniam Persarum olim Regiam cuncta; obvia inter meridiem et occasum imma-

niter evertens ac inexorabili mentis feritate distans atque ascendens passim urbes et oppida, et religione factus, seu potius sacro quodam (uti fossan credi par erat) afflatus nomine Mahumetorum delabris periret, quas adhuc praecellentis structura pulcherrima visuntur. То есть, что страшно свирепый Тамерланъ когда разрушалъ все, что ему попадалось, равно какъ и прекрасный городъ Султаню, но изъ особаго уваженія къ находившимся въ немъ гробницамъ Магометовскихъ повелителей и къ тамошнымъ мечетямъ, онъ оставлялъ ихъ неприкосновенными.

Не далеко отъ помпуптой сейчасъ мечети стоить еще весьма высокія и широкія ворота, изъ вытѣченныхъ камней, искусно сложенныхъ, между двумя башнями, вышины которыхъ считается по 27 сажень; это, по видимому, были какія ни будь торжественныя (триумфальныя) ворота; въ бытность нашу они были уже довольно разрушены.

Жители города Султаня, которыхъ считается теперь едва около 6000 душъ, не дерзаютъ, будто бы, какъ увѣряютъ некоторые писатели, въ зимнее время отправляться въ какое ни будь другое мѣсто, по причинѣ великой стужи; но жители эти высказывали намъ свое удивленіе, что о нихъ сообщаются подобныя чуждыя свѣдѣнія; ибо въ цѣлой Персїи нѣтъ ни малега мѣста, изъ котораго бы выгоняла ихъ стужа, или жарь.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на горахъ и межъ горъ, гдѣ мало лѣсу, холодъ бываетъ довольно чувствителенъ, въ свѣдѣніе чего жители на время перебираются, не вовсе не изъ страны, а только изъ обыкновенныхъ своихъ жилищъ, въ теплыя погреба. Подобное мѣсто находится близъ области Эрзакъ (Erzerum), и называется оно Дералекесъ (Deralekes), по тому что лежитъ между двумя высокими горами. Важнѣйшее селеніе въ этой мѣстности есть Арпа (Arpa), и какъ сдѣсь въ зимнее время холодъ бываетъ довольно великъ, то жители перебираются въ глубоко вырытые въ горахъ погреба, которые и служатъ имъ приблѣженіемъ, зимою отъ большой стужи, а лѣтомъ отъ сильнаго зноя.

Простоявши въ Сулеймахъ Заднихъ, получивъ свѣжихъ лошадей и верблюдовъ, 26-го Юня мы снова пустились въ дорогу. Такъ какъ много изъ сулеймовъ нашихъ, по болѣзни и слабости, не могли взять верховъ на мечахъ, то Мегемандаръ довелъ намъ нѣсколько ящичковъ, называемыхъ у Персовъ кедавега (Kedavégha), въ которыхъ они обыкновенно перевозятъ при случаѣ своихъ вещи отъ-то ящички уложенны большахъ и разложены ихъ на верблюдахъ. Я и Вратъ наши также улеглись въ подобныя отдышки кедавеги, наши пельоманъ въ отъхъ ящичкѣ на одного верблюда и въ такомъ положеніи мы совершили путь нашъ. При такомъ способѣ путешествія, мы, кромѣ болѣзни, должны были терпѣть еще два больша неудобства, а именно: во 1-хъ отъ колеблющагося крѣста высокая животнаго насъ постоянно хотало куда и куда, и отъ этой качки кружилась голова; во 2-хъ, верблюды шли привязанные одинъ за другимъ, итукъ по 10 и болѣе (въ такомъ только порядкѣ идущій впереди вождь можетъ управлять равномъ нѣсколькими животными), и мы постоянно ощущали отъ отъхъ животныхъ отвратительную и досаждавшую намъ вонь.

Мы выѣхали изъ города за два часа до рассвѣта, и вѣдали въ прекрасной, веселой странѣ; ибо повсюду видѣли въ ней множество зеленыхъ луговъ, хлѣбныхъ и другихъ засаженныхъ плодами полей и хорошо обстроеныя селенія; на лѣво отъ дороги возвышался холмъ, называемый Джикиджикъ (Tchikitziki), гдѣ находится лучший Шаховъ конный заводъ. Къ полудню мы прибыли въ селеніе Хорамдегъ (Choramdeh), весело раскинутое среди высшихъ деревьевъ и садовъ; у одной рѣчки, катящей свѣжую воду. По своему пріятному мѣстоположенію село и носитъ свое имя, означющее селеніе удовольствія (или веселья).

26-го Юня, въ ночь, мы проѣхали еще добрыхъ 5 миль, перебравшись черезъ множество холмовъ и горъ посредственной высоты.

27-го Юня, въ полночь, пустились мы снова далѣе и ѣхали до славнаго города Касвина (Caswin).

Былъ днѣ. ХХХ.

Прибыли въ Касби, въ началѣ города, и тамъ, что днѣ, тотъ же день, всталъ
рано; събѣдѣ.

Смолотата въ этотъ день, прохладно, вѣтѣ днѣ, и днѣ
востало, едина, днѣ вѣтѣ вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
ржаной, Меломандра, изобилъ, въ блондѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
ни, (Белая прашка, две, красная, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
наотъ вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
столицей, та, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
га, (Dongu) и вѣ, Чинуватъ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
не, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
тотъ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
пѣшкы, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
днѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
киты, Днѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
до города. Колесница этого князя, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
особеннымъ, страннымъ, образомъ: она лежала надъ двумя низ-
кими креслами, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
довольно толстой желѣзной, подставкѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
жду, колесами, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
покровъ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
протнѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ, вѣтѣ,
ли, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
ше, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
пнѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
гомъ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
ми. На передѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
ками, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
быки, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
выбужденная доша.

Когда мы были на добрый ружейный выстрѣль отъ города,
цѣль, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
15, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ, вѣ,
бо-

↑ Иначе Касбия. О. Б.

въ "красной" окраскѣ на зданияхъ; итакъ поется въ одной "персидской" пѣснѣ Эльвандъ (Шрванъ), "престарѣвшійся на чужбѣ-спадъ-къ Багдаду" или: Великому! Окружность "города" въ оманѣ-берманъ или добрый Шивандка "маня" въ "полѣ" вѣтъ... (и) "краснѣ" городъ иль стѣнъ; "на стѣнахъ; вѣтъ" "постояннаго" вѣтра, "Самовандо" "едкъ" только "ранѣе" во время "пробы" вѣтъ; но "онъ" "называется" вѣтъ отъ "непріятеля". Въ "полѣ" "постояннаго", "вѣтра", "бѣды" 100,000 душъ жителей; но "вѣтра", въ "случай" "вѣтра", "нежность" "бѣтъ" тогда же "выбрано" "опытно" "вѣтра". "Вѣтъ" "вѣтра" "и Персидскій", но "особенно" "вѣтра" и "помощью" "другихъ" / "Персидскій" точно "также", какъ "Голландскій" "вѣтра" "Персидскій" "дома" ихъ "вообще" "построены" по "обычному" "образу" "Персидскій" изъ "кирпича"; "высшій" "только" "на" "сѣнцахъ", и "спереди" "не" "имѣютъ" ни "чего" "привлекательнаго", но "внутри" "се" "вѣтра" "вѣтра" "сладкая", "высшій" и "разукрашена" "рѣкою", "и" "лѣтъ", "работой". Ни "одной" "улицы" въ "полѣ" "вѣтъ" "вѣтра", и "вѣтъ" "вѣтра" "вѣтра", отъ "чего", "туть" "подуть" "хоть" "небольшой" "вѣтра", "нежность" "страшны" "и" "вѣтра" "города". Тамъ "вѣтъ" и "краснѣ" "колдѣвъ", и "жители" "принуждены" "подъ" "сѣнцахъ" "вѣтра" "воду" изъ "горы" "Эльвандъ" въ "города", въ "особенно" "погрѣба" "и" "вѣтра" "вѣтра", изъ "которыхъ" и "продовольствуются" "водою". Они "также" "имѣютъ" множество "глубокихъ" "погрѣбовъ" со "льдомъ", въ "которыхъ" "сберегаютъ" "ледъ" на "все" "лѣтъ". Погрѣба "примѣны" "очень" "не" "вѣтра" "вѣтра" изъ "насъ", когда "мы" "были" въ "силѣ" "вѣтра" "проходили" "мимо" "ихъ" и, "завернувъ" въ "нихъ", "прохлаждали" тамъ.

Нѣкогда Персидскіе Цари жили въ этомъ городѣ въ свое stopping. Пишутъ, что Шахъ Тамасъ (Tamas) былъ первый, перенесшій свое stopping въ Табриза въ Каспійскъ, какъ говоритъ объ этомъ Визаръ (Vizarrus), въ своемъ "Persicae Regum Historia" (Frankfurt, 1601), въ книгѣ "12-й", на стр. 330; Персы же приписываютъ это отцу Тамаса, Шаху Наванду; хотя этотъ послѣдній, ведя постоянно ожесточенныя войны, рѣдко проживалъ долгое время на одномъ мѣстѣ. Но всѣ писатели согласны въ томъ, что Изма лъ, а не Тамасъ, основалъ и соорудилъ здѣсь огромныя и весьма дорогія Царскія палаты, которыя и теперь еще существуютъ на большомъ торжищѣ, подлѣ обширнаго сада. Ворота вѣтъ палатъ и наружная сторона свода "сѣнцахъ" были

предела въ вышиванья, разноцвѣтныни, золотомъ расшитыи, паразитыни шашмыни (паранджи). Комнаты же внутри украшены залоченою и лакомъ покрытою, вышитою рѣною работою и картинами, которыя, впрочемъ, по обыкновенному Персидскому способу, шарисованы. Есть соблагоденія живописи изображенія и раскраски.

Напротивъ этого дома былъ еще другой садъ обширный, на пространствѣ четверти мала, украшенный множествомъ цвѣтучихъ бесѣдокъ и въ порядкѣ рассаженныхъ деревьевъ; тамъ росли: абсоки, груши, персики, абрикосы, гранаты, миндалы и подобныя тому деревья; особенно красивый садъ представляли арабскообразно проложенныя дорожки, усаженныя стройными кипарисами и высокими чинарами, равно, словно по ниточкѣ, такъ и по ниткѣ оставались длинныя, чрезвычайно пріятныя, поточерпчивыя аллеи, лѣсныя.

Въ городѣ есть два большыя Майдана (торжища), и важнѣйшій изъ нихъ, Картрайтъ, не извѣстно на какомъ основаніи, называется Атиқиданъ (Atiqidan). Атмъ въ Турецки значитъ лошади; но Персы нигдѣ не любятъ особахъ конныхъ рынковъ, и какъ Mайданъ (слово Арабское) означаетъ вообще мѣсто для всякой торговли, то и на этомъ главномъ торжищѣ покупаются всякаго рода вещи. Я полагаю, что этотъ писатель, не познавша война, проникнулъ по Латыни съ мѣсто і; мбд А) на Арабскомъ языкѣ есть членъ (Atiq), который Турки превращаютъ, и говорятъ: Almaidan. Майданъ этотъ длиннѣе, чѣмъ Майданъ въ Ардебилѣ, хотя и не столь широкъ. На южной сторонѣ его стоятъ великолѣпныя и огромныя дворцы или палаты, которые соорудили тамъ въ разное время Персидскіе Князья или Хань, а именно: Алаверди-Ханъ, (Alawerdi chan), Ханъ Шарасмій; Алликули-Ханъ (Alliculi chan), Земскій Судья; Магомедъ-Ханъ (Mahomed chan), Ханъ Канджа (Kandze), и Шихъ Амалъ-Ханъ, бывшій во время Абаса Главнымъ Судебнымъ Начальникомъ. На этомъ Майданѣ и на другомъ, лежащемъ на западной сторонѣ и называемомъ Сенке Майданъ (Senke Mайданъ), равно какъ и на всѣхъ другихъ торжищахъ, которыя помѣщаются по многимъ покрытыхъ улицахъ и представляютъ довольно веселый и пріятный видъ, производится весьма значительная

торговля; и всевозможные товары можно тамъ найти и купить весьма дешево. Я купилъ тамъ, на примѣръ, нѣсколько пудовъ сахарной бирюзы, которую Персы называютъ Бигуе, или которую мы называемъ у насъ Нисабуръ (Nisabur); а иногда и шри-Фируску (Firuski), и то множествѣмъ доставляютъ въ сюда на продажу. Впрочемъ, эта была крупнѣе горошинъ, а нѣкоторые камышки величинаю съ зерно Турецкаго боба, отличнаго цвѣта, и за штуку я платилъ одинъ абасъ или 8 грошей; а самое большее полгалерами Турецкаго такта тамъ можно купить очень дешево рублемъ и гривенникомъ.

По захожденіи солнца, на восточной сторонѣ Майдана, встречаются другіе торговцы, предлагающіе свои пареры, а именно: множество Сафена или непотребныхъ монетницъ, которыхъ съ закрытыми лицами длиннымъ рядомъ стоятъ одна за другою и предлагаютъ въ продажу свой пострядный товаръ. Позади каждой изъ этихъ женщинъ находится обыкновенно старуха, называемая Делаль (Delal), съ постельною принадлежностію на спинѣ, то есть, съ подушкой и покрываломъ, подобнымъ тому, и съ цесманскою свѣчей въ рукѣ. Когда являетея сюда люди изъ ряда за покупкой, Delal зажигаетъ свѣчу, которой она послѣдуетъ и показываетъ вещь, а старуха, взглянувъ на лицо, такая быстрое возвратитъ, той и валитъ шты за себя.

На восточной сторонѣ города находится кладбище, вождѣ котораго, въ южной мечети, погребены Шагесаде Гусейны (Schahesade Hosseini), одинъ изъ сыновей Гусейна; такъ какъ этотъ Шагесаде считается однимъ изъ важнѣйшихъ святыхъ, то у него, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ, дѣлается это у него и другихъ святыхъ, Персы, для дознанія правды, совершаютъ свои клятвы. По этому, если кто сомнѣвается въ дѣйствіи, или рѣчахъ, другого, то немедленно призываетъ его къ сказанной могилѣ и говоритъ: «Schahesade Hosseini, rife Misale». Что значить: «Можешь ли ты подтвердить это у этой священной могилы и при великомъ Алкоранѣ?»

Кромѣ того, въ городѣ есть еще до 50 мечетей, въ которыхъ Персы ежедневно ходятъ на молитву; изъ нихъ важнѣйшая мечеть «Джаме» (Tzame), принадлежатъ Майдана, въ

которую Персы собираютъ въ праздничные дни. Слѣсь называетъ ся: въ вѣжливомъ, прекрасно устроенныхъ парадныхъ залахъ, многоземель, и кушавъ, а также много и общественныхъ бань, ажеп дивно, кофейницъ.

Позады Царского Дворца и сада находится еще древняя разрушенная башня, которую Персы называютъ Гамизъ Хараба (Hammam Sagarah), и рассказываютъ о ней, какъ за вѣрно, ослѣдующее происшествіе. Нѣкогда въ Каспій, прожилъ, происходившій врачъ, по имени Локманъ (Lokhman), родомъ черныи Арабъ, котораго Персы не ачали какъ и прославить, а дождино, не только, за его древнее искусство, о которомъ онъ написалъ много книгъ, но и вообще, за его отличной разумъ; по этому они видоли, его въ свой Куддатаhn, какъ говорится, объ этомъ въ наданней мною. Долгий Родъ, во 2-й книгѣ Hist. 16-й, на страницѣ 53-й, а также въ 8-й книгѣ, на страницѣ 172.

Этотъ Локманъ, рассказываютъ Персы, будучи уже въ глубокой старости, лежалъ на своемъ болѣзненномъ одрѣ, и почувствовавъ, что конецъ его близокъ, передалъ сыну своему три стеклянки съ драгоценной водою, крѣпко закупоренныя, и объяснилъ ему, что этою водою можетъ быть снова возвращена жизнь въ тѣлѣ умершаго, не подвергшемся еще разложенію, именно, если умершаго опрыскать водою изъ первой стеклянки, то онъ снова получитъ душу и станетъ двигаться; изъ другой онъ приподнимется; изъ третьей онъ встанетъ на ноги, пройдетъ ходить, и вранѣ снова получитъ свое живнѣ. При этомъ старецъ добавлялъ: такъ какъ предпринимать то, что собственно только Богу, и живнѣ, воскреснѣ умершихъ, если грѣхъ, те они и принадлежатъ ему, ему, ну своему, не часто приближати къ этому искусству, а вѣннѣвать эта только ради искудова, и въ случаѣ надобности, для иволгодиванія природы: что можетъ она въ такомъ случаѣ? Сынъ же заботилъ испытать это искусство надъ умершимъ старикомъ, и цонѣ свонѣ, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ ему, что это грѣхъ, и онъ, наконецъ, былъ, искренно желалъ ему вѣчнаго покоя; но дѣлавшись болѣе самъ, онъ приказалъ слугѣ своему пройтъ, и предѣлнствіе это надъ нимъ, когда онъ умретъ, опредѣлнствіе сказавшею водою его мертвое тѣло въ тѣло банѣ. Когда же

тѣмъ сынъ Локмана умеръ, слуга его, исполнивъ приказаніе своего господина, положивъ тѣло его въ выше помянутой банѣ (Намаш), и подаль его выше описаннымъ образомъ изъ двухъ первыхъ сткланокъ водою, отъ чего мертвый сталъ двигаться и приподниматься. Когда же слуга взялся уже за третью сткланку и нѣсколько замѣшмался, то полуживой уже сынъ Локмана закричалъ ему: «Bris, bris!» т. е., «Лей, лей!» Этотъ неожиданный крикъ такъ испугалъ слугу, что онъ выронналъ изъ рукъ сткланку, и она разбилась въ дребезги. Такимъ образомъ Локманъ Саде снова упалъ за мертво, сочтенъ за умершаго и погребенъ. Нѣкоторые говорятъ, что сткланку изъ рукъ слуги вышибъ, будьто бы, Ангелъ. Персы утвердительно также рассказываютъ, что крикъ: «Bris, bris!» и теперь еще слышится въ синагожнѣ Намаш-Садара. Такъ какъ событіе это впервые рассказано намъ было уже по выгзвдѣ нашимъ изъ Касвина, то я и не имѣлъ возможности удостовѣриться въ дѣйствительности этого крика.

Г Л А В А XXXI.

О Шихъ-Ризѣ, Мирзѣ Нолаги и другіихъ Индѣйскихъ Книзьяхъ.

Не такъ давно, при Царѣ Абасѣ, въ Касвинѣ явился человѣкъ, по имени Риза (Riza), который выдавалъ себя за некаго Шиха или святаго чудодѣя, началъ было открыто проповѣдывать и вводить новыя ученія въ Вѣрѣ, въ надеждѣ, что ему въ этомъ такъже, какъ и Шихъ-Сефи, повезетъ и онъ удостоится такой же высокой чести; размыгивая святаго, онъ успѣвалъ уже приобрести себѣ въ престомахъ народѣ, который въ Персіи, по природѣ своей, легко поддавался на все новое, до 30,000 приверженцевъ. Когда же Шахъ Абасъ увидѣлъ, что отъ такихъ нововведеній и значительнаго скопища послѣдователей Ризы, ежедневно возрастающаго, легко можетъ произойти что ни будь новое и непріятное въ его собственномъ управленіи, то онъ призвалъ къ себѣ Шиха-Ризу и погребовалъ отъ него, чтобы онъ, въ подтвер-

жденіе своего ученія, сдѣлалъ такое, ни буда чудо. Не могли представить такого удостовѣренія, Шихъ-Риза былъ зарубленъ мечами, какъ возмутитель:

О причинѣ пребыванія въ Касвинѣ коншутаго вельмо Индійскаго Князя, въ нашу бытность тамъ, говорили разное. Вѣрное же свидѣніе объ этомъ слѣдующее: Великій Моголь (Mogul) или Индійскій Царь, умершій во времена Шаха Абаса, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: старшій изъ нихъ, наследовалъ въ управленіи отцу, воспитывалъ младшаго, этого Мирзу Полаги (Polagi), но вскорѣ умеръ, и управленіе Царствомъ принялъ братъ бывшаго Царя, по имени Хорамъ (Choram), который и теперь еще Царемъ въ Индостанѣ. Но такъ какъ Хорамъ былъ жестокъ съ Индійцами, а возросшій между тѣмъ Мирза Полаги былъ со всѣми кротокъ и ласковъ, то подданные порѣшили было низвергнуть Хорамъ и возвести на Царство Мирзу Полаги, какъ истиннаго наследника Царскаго престола. Провѣдавши объ этомъ, Хорамъ сталъ замышлять, какъ бы отдѣлаться отъ племянника, въ слѣдствіе чего Мирза Полаги бѣжалъ въ Персію, подъ покровительство Шаха Абаса, которымъ былъ принятъ радушно, и послѣ Абаса, уже въ наше время, также радушно принятъ и содержался Шахомъ Сеѣмъ. Такъ, намъ рассказывали, что на ежегодное содержаніе ему выдается отъ Шаха Сеѣмъ по 12,000 рейхсталеровъ. Кромѣ того, въ Испагани онъ имѣлъ и свое мѣсто-пребываніе при Царскомъ дворѣ; но такъ какъ въ то время въ Испанию присланъ былъ Индійскій Посланникъ отъ Хорамъ, между прочимъ и по дѣлу Мирзы Полаги, и Посланникъ этотъ проживалъ въ Испагани уже 3-й годъ, то Полаги и долженъ былъ на это время удалиться въ Касвинъ.

Персіяне принимаютъ такимъ образомъ и содержатъ такъ богато гонимыхъ Индійскихъ Князей Царской крови не только ради сосѣдства и значительной торговли, которую они ведутъ съ Индійцами, но и по причинѣ границъ Кандагара, за которыя они постоянно спорятъ съ Индійцами, точно также, какъ съ Турками спорятъ за Вавилонъ и Эрванъ. Подобные примѣры бывали во времена Шаха Измаила и Шаха Тамаса. Въ царствованіе Шаха Тамаса былъ именно слѣдующій случай: изъ двухъ Царственныхъ

братрего, наемавшися Салмиа, Джаладединъ Диберъ (Djalaledin Biber), старшій Салмиа, который, цривиль Царство, днеръ, оставивъ по себѣ молодого сына, Гюмаюна (Hümaýn), Джаладединъ силою присвоилъ себѣ скипетръ и корону и сталъ замышлять какъ бы извести племянника. Близкоша Шехъ къ Шаху Тамасу и просилъ его о защитѣ. Узнавъ объ этомъ, Джаладединъ Диберъ послалъ къ Шаху Тамасу. После съ требованіемъ, чтобы Тамасъ добровольно выдалъ ему племянника, иже онъ, дробуетъ его воинского еской. Тогда Шехъ Тамасъ приказалъ на то время, когда принималъ Индійскаго Посла, послать Гюмаюна въ каранну и повѣситъ на дерево, вощь чего Тамасъ какъ бы съ сожалѣніемъ сказалъ Послу: «Hümaýn, mist der chakimes,» т. е. «Гюмаюна нѣтъ на моей землѣ,» и съ отъимъ отъѣтомъ, отпустилъ. После домой. Спустя немногое время послѣ того, Тамасъ заключилъ миръ съ Турками и послалъ съ Гюмаюномъ войско, вощь началствомъ Мегеди-Кула Султана (Mehedi cül), противъ Джаладедина. Застыгнутый въ расплотъ немощной войной, Джаладединъ, былъ извергнутъ и убитъ, а Гюмаюна посаженъ на Царство. Въ благодарности за услугу, Мегеди-Кула Султана, детавошь былъ, онъ дозволеніа Персидскаго Царя, въ Индію, и ему подарены, какъ огромна помѣстья и богатства въ области Кюлькенда (Külkende), гдѣ цотомки его живутъ и нанынѣ въ большомъ богатствѣ и дроводствѣ.

Однажды Посланники наши, отправиди нѣкоторыхъ изъ насъ привѣтствовать и навѣстить Мирзу Полаги. Посланные наши его въ саду, у водомета, обложеннаго дорогими коврами, сидящаго на красной бархатной подушкѣ и окруженнаго множествомъ слугъ. Привѣтствіе нашихъ Посланиковъ такъ было пріятно ему, что, виствъ съ дружеской благодарностью, онъ цѣдый день щедро угощалъ посѣтившихъ его плодами и виномъ. Онъ безпрестанно просилъ насъ наслаждаться угощеніями Царя, такъ, какъ мы были не его гости, но гости Персидскаго Царя, до мидости котораго онъ только и живетъ. Посланники наши сами посѣдили бы Мирзу, если бы не встрѣтили препятствія въ томъ со стороны Персовъ, которые говорили, что у нихъ не въ обычаѣ, чтобы чужестранные Послы, посланные къ Шаху ихъ, посѣщали чуждыхъ господъ прежде, чѣмъ они будутъ у его, Шаха, руки.

Г Л А В А XXXII,

Въ некоторыхъ зрѣлищахъ въ Каспийѣ,

Даруга (Даруга), желая доставить Посланникамъ возможность провести съ удобностію время, закарадь, 2-го Юди, зрѣлище, прибивъ съ мѣско-какими лошадками, пригласилъ и повозъ, насть на большой Майданъ, гдѣ въ открытой падачкѣ устроены были для Посланниковъ мѣста на возвышеніи. Чтобы прибить пылъ, часть Майдана цолита была водою и разставленъ народъ широкимъ кругомъ. Мы, полагали, что увидимъ, что ни будь, особенное, какое не есть, большое представленіе. Но, вмѣсто того, сначала явидось нѣсколко фигуровъ, которые обыкновенномъ образомъ, какъ и въ Германіи, заняли зрѣтелей прыжками; за тѣмъ пришли фокусники, и продавали нѣсколко своихъ штукъ, а за ними вышли три пары борцовъ (скакуновъ), совсѣмъ голыхъ и, только для приширшія орамца, гдѣ, имѣвшихъ короткія, наваченныя и ма-сломя намазанныя кожаныя штаны. Этѣ послѣдніе упражнялись въ ловкой борьбѣ и поединкахъ между собою.

Послѣ того выпущены были два огромныхъ, сильныхъ барана, съ большими закрученными рогами: они яростно бросались другъ на друга и бились. За тѣмъ принесли двухъ большихъ пестрыхъ какихъ-то птицъ, величиною больше попугая, каждую въ особій клеткъ. И тѣ также выпускали на бой, и онѣ кофико бились, не уступая въ ярости другъ другу. Наконецъ, съ бубнами, великими крикомъ и гимномъ, привели на площадку 8 огромныхъ волковъ: на длинныхъ веревкахъ ивъ вышусали одиоко на другіи въ стоявшій, кругомъ народъ, и снова притягивали веревкой же назадъ. При этомъ одинъ володецъ, одѣтый нарочно для этого случая, съ зашпеннымъ въ особенности лицомъ, которое укутанно было у него толстою наваченною и мабитою доушкою, выбѣжалъ волку на встрѣчу, и въ то время, когда волкъ бросился ему въ лицо, онъ обхватилъ его обѣими руками и утащилъ прочь съ площадки. Крошѣ того, назначено было привести на зрѣлище и слона, принадлежавшаго Миріѣ Полэги; но такъ какъ онъ пасся еще на лугу, а мы далѣе на жару сидѣть были не въ

силахъ, то не дождавшись его, поѣхали къ себѣ обратно въ жилища. Этого слона мы видѣли, впрочемъ, на дворѣ Индостанскаго Князя; это было огромнѣйшее и непомерное животное, какого не встрѣчали мы и въ Империі, гдѣ видѣли ихъ множество; вышиною онъ былъ болѣе длинны двухъ человекъ, ноги толщиной въ человека, уши висѣли въ локоть длиною. Онъ былъ приученъ къ разнаго рода штукамъ, охотно подчинялся управленію мальчика, сидѣвшаго у него на шеѣ и управлявшаго имъ посредствомъ остроконечнаго молоточка, которымъ мальчикъ слегка дотрогивался до лба животнаго (въ это мѣсто стараются не попадать, когда и убиваютъ слоновъ): ложился и снова вставалъ. Слонъ этотъ опровергалъ по этому глѣхъ, которые пишутъ, что если животное это ляжетъ на землю, то уже не встанетъ, и что ловятъ его будто бы посредствомъ подпленныхъ на шоловину деревьевъ, о которыхъ слонъ облокачивается, когда спитъ: деревья не выдерживаютъ, падаютъ, а за ними и слонъ, котораго ако бы и ловятъ такимъ образомъ. О томъ же, какъ ловятъ слоновъ на большіе Индійскіе орѣхи въ прикрытомъ рѣѣ и еще многое, подробнѣе писать здѣсь нахожу неумѣстнымъ.

Г Л А В А XXVIII.

О горномъ хребтѣ Эльвендѣ (Elwend) и о Царѣ Сугакѣ (Subak).

Близъ Касмина на юго-юго-востокъ лежитъ горный хребтъ Эльвендѣ (Elwend), оторыскъ горъ Таврскихъ, съ богатѣйшими каменоломнями всякаго рода каменныхъ породъ, преимущественно же бѣлаго мрамора, который развозится и обрабатывается вездѣ по всей странѣ. О томъ, что въ древности случилось на этой горѣ, по сказаніямъ Персовъ, я хочу привести здѣсь, ради забавы, хотя событіе это чисто баснословное.

Въ древнія времена, пишутъ Персы, жилъ въ Персіи Царь, но имени Сугакъ Маранъ (Subak Maran), который постоянно и много путешествуя, весьма жалалъ изобрѣсти способъ печь на

дорогѣ, во время пути, извѣстнаго Юха (Jucha, печенѣя, употребленнаго за стодономъ вмѣсто салактоу); но такъ какъ никто изъ его подданныхъ не могъ представить ему такого изобрѣтенія, то явился злой врачъ (дьяволъ), подѣ видомъ чужестранца, и устроилъ ему такую печь, которую можно было употреблять на верблѣдѣ, во время пути, за что не пожелалъ себѣ ни какого другаго вознагражденія, кромѣ того, чтобы Царь дозволялъ ему пощипывать себя въ плечо. Когда это было ему дозволено, онъ укусылъ Царя въ плечо и исчезъ. Изъ раны отъ этого укушенія тотчасъ выросли двѣ змѣи, которыя постоянно стремились къ ушамъ и къ макушкѣ черепа Царя, и хотя змѣи этихъ часто срѣзывали, но на мѣста ихъ тотчасъ же выростали другія. Такъ какъ противъ такого несчастія не находилось ни лѣкарствъ, ни лѣкаря, то явился опять дьяволъ въ видѣ гакима (Hakim) или врача, и предложилъ лѣкарство, которое было злѣе самой болѣзни. Такъ, онъ приказалъ: поедку уничтожить змѣй совсѣмъ не возможно, и онѣ ни чѣмъ другимъ насыщены быть не могутъ, какъ только человѣческими мозгомъ (вотъ и причина, по чему онѣ постоянно стремились къ головамъ), то слѣдуетъ ежедневно убивать двоихъ подданныхъ и мозги ихъ давать въ пищу змѣямъ. Но Дворецкій Царскій, не только тронутый сожалѣніемъ къ пролитію такого множества неповинной крови, но побуждаемый и тѣмъ, что черезъ это и число подданныхъ уменьшится значительно, измыслилъ средство хоть отчасти устранить такое возмутительное избиеніе. Въ продолженіи извѣстнаго времени онъ хотя и приказывалъ доставлять себѣ на убой ежедневно по два человѣка, но убивать изъ нихъ велѣлъ только одного, мозгъ котораго смѣшивалъ съ мозгомъ овцы, и этихъ кормилъ змѣй; подѣ конецъ же, довольно долгое время онъ кормилъ змѣй и однимъ бараньимъ мозгомъ, а людей, присылаемыхъ на убой, скрывалъ. Въ числѣ прочихъ подданныхъ Сугака былъ одинъ дузнецъ, по имени Хурдекъ (Churdek), такъ какъ у него изъ 76 сыновей взаты были на сказанный убой почти всѣ, кромѣ двухъ, то онъ пришелъ на конецъ въ негодованіе и началъ убѣждать своихъ сотоварищей, что если они далѣе будутъ безмолвствовать противъ такого злодѣйства, по которому всѣхъ ихъ считаютъ за овецъ, назначенныхъ на убой, то скоро изъ нихъ не останется ни кого; а онъ, Хурдекъ, не думаетъ, однако жъ, чтобы природа проназвала ихъ

всѣхъ на свѣтѣ только для одного человѣка. По этому совѣтъ его таковъ: противъ такого управленія нужно дѣйствовать кулаками и всѣми мѣрами стараться отдѣлаться отъ него. Но такъ какъ жить совсѣмъ безъ начальства или главы то же не подобаетъ, то слыдуется снова возвести на Царство стараго ихъ Царя, Кехосрова Бенъ-Фридуна (Kehosrow ben Fridun), котораго изгналъ Сугакъ и который и теперь еще скитается на горѣ Эльвендѣ. Предложеніе это одобрено было всѣми, такъ какъ всѣмъ имъ съ кузнецомъ угрожала одна опасность. Хурдекъ сдѣлался такимъ образомъ начальникомъ и предводителемъ (Fendtsch), привязавъ свой кузнечный передникъ на длинный пожарный крюкъ, пошелъ впередъ; за нимъ послѣдовали всѣ другіе, захватили змѣинаго Царя, добыли Кехосрова, котораго нашли валяющимся среди дикихъ звѣрей, привели его съ великими радостными кликами и возложили на него вѣнецъ. Царю Сугаку хотя и подарили жизнь, по приказанію Кехосрова, но отвели его на гору Демавендъ (Demawend), которая отраслѣваетъ отъ Эльвенды и уходитъ къ Тегерану, и тамъ, въ глубокой безднѣ, повѣсили его за ноги, гдѣ онъ живетъ и понынѣ и издаетъ отъ себя сильный сѣрный запахъ. Если и теперь бросить камень въ эту бездну, то оттуда слышится голосъ: «Tziga miseni tēra? t. ē. «За чѣмъ бросаешь ты въ меня?» Что касается до Кехосрова, то своимъ мудрымъ и кроткимъ управленіемъ онъ приобрѣлъ такое богатство, что положилъ громадныя сокровища въ глубокомъ высѣченномъ на Гилянскомъ хребтѣ Бакру подвалѣ, и сокровища эти, посредствомъ таисмана, какъ называютъ это Персы, или, какъ говорятъ нѣкоторые, посредствомъ известнаго вліянія небесныхъ знаковъ, сокрылъ такимъ образомъ, что ни ктѣ ихъ найти не можетъ. На встрѣчу тѣмъ, которые желаютъ достигнуть до нихъ, тотчасъ поднимается вѣтеръ и паръ, и свѣтильникъ гаснетъ. По этому-то, говорятъ нѣкоторые, хотя сами и не всѣ вѣрятъ этому, въ полдень въ Ардебилѣ всегда поднимается такой сильный вихрь, какъ объ этомъ разсказано было уже выше.

Я полагаю, что это одно изъ тѣхъ мифологическихъ произведеній древнихъ Персовъ, въ которыхъ они изображали обыкновенно добродѣтель и пороки, бывшія иногда въ ходу при разныхъ Царскихъ и Княжескихъ Дворахъ, гдѣ какой ни будь обманщикъ, какими ни есть новыми изобрѣтеніями, хитро завладеваетъ

расположеніемъ Царей, вводитъ ихъ въ опасное дѣло и предлагаетъ за тѣмъ еще болѣе опасное средство выйти изъ него, и все зло обрушается на странѣ и народѣ, на имущество и крови подданныхъ, а наконецъ и на самихъ Государяхъ; такихъ Царей, а по смерти ихъ, извиненіе, что они вовлечены были обманщикомъ, не освобождаетъ отъ дурной славы и недоброй памяти. Подобное значеніе могло имѣть и приведенное выше сказаніе.

Г Л А В А XXXIV.

Путешествіе отъ Касвина, черезъ Сабу, до города Кома.

Изъ Касвина вся поклажа и больные отправились далѣе, 13-го Іюля, вечеромъ, Посланники же выѣхали слѣдомъ за ними тою же ночью. Ѣхали мы по гладкой равнинѣ и къ утру прибыли къ довольно порядочному селенію, лежащему въ 3-хъ миляхъ отъ города, Мембере (Membere), дома котораго всѣ выведены были круглыми сводами и издали походили на печи, въ которыхъ пекутся хлѣбы. Здѣсь Посланикъ Крузе почувствовалъ себя нездоровымъ, ослабѣлъ до такой степени, что не могъ сидѣть на лошади, и его принуждены были нести на носилкахъ. Подобно ему заболѣлъ и нашъ Пасторъ, и еще нѣсколько человекъ, которые частію были помѣщены въ описанныя выше корзинки, для перевозки женщинъ, частію же, за недостаткомъ корзинокъ, принуждены были продолжать путь на лошади. Добрый Пасторъ нашъ до того страдалъ и обезсилѣлъ, что въ эту ночь, въ которую мы сѣлали 7 миль, онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ слезти съ лошади, чтобы прилечь головой къ землѣ. Путешествіе было очень тяжелое. Фонъ Мандельсло былъ постоянно крѣпче всѣхъ насъ, никогда не жаловался на слабость, въ слѣдствіе чего онъ былъ и болѣе ревностенъ въ наблюденіяхъ и описаніи путешествія, къ чему имѣлъ особенную страсть. Описаній этѣхъ онъ оставилъ тогда цѣлую толстую книгу, написанную его собственной рукой.

15-го Іюля, къ утру, прибыли мы въ превеселое селеніе Арасенгъ (Агасенг), въ которомъ нашли рѣчку съ чистой водою, подобной которой встрѣчали мы немного, и прекрасный садъ, полный гранатовыми и миндаляными деревьями. Вечеромъ мы опять пустились въ путь, проѣхали 6 миль сплошной горой, и 16-го утромъ прибыли въ каравансерай, называемый Хоскеру (Chosketu). Каравансерай этотъ довольно обширенъ, весьма хорошо и въ известномъ порядкѣ построенъ изъ 4-хъугольных камней, съ множествомъ покоевъ со сводами и конюшенъ. Въ среднѣй его просторный дворъ и выложенные колодцы. Каменный помостъ въ главномъ зданіи нѣсколько возвышенъ, такъ что взойти на него можно только по нѣсколькимъ ступенькамъ. Намъ рассказывали, что какой-то богатый Хангъ, провинившійся при Шахѣ Абаскѣ, чтобы спасти жизнь свою, долженъ былъ построить этотъ каравансерай самымъ наилучшимъ образомъ для путешественниковъ. Въ комнатахъ по стѣнамъ тамъ и сямъ видны разные надписи, вырѣзанныя на извести (штукатурѣ) путешественниками различныхъ народностей, между прочимъ на передней сторонѣ зданія слѣдующія имена и надписи: Benedictus Oxenstern. Также: Johan Warder 1600. Aug. 10, при чемъ: «Olim meminisse juvabit.» Позади на стѣнѣ: Janus Docosius 1602. Aug. 11, и при томъ слѣдующій стихъ:

«Noli homines blandos nimium sermonē probare,
Fistula dulce canit, volucrum dum decipit aures.»

Кромѣ того: A. D. 1602. 19 Aug., и оный стихъ:

«Fata si miseros juvant, habes salutem,
Fata si vitam negant, habes sepulcrum.»

Изъ этого каравансерая, вечеромъ, за три часа до захода солнца, мы снова пустились далѣе, и проѣхали въ ту ночь 9 миль до города Сабы (Saba).¹ Такъ какъ мы достигли города еще до свѣту, то остановились и подождали въ полѣ, пока, по восходѣ солнца, не вышли къ намъ и не приняли насъ городскія

¹ Иначе Сава. О. Б.

ласти. Городъ Саба Персы считаютъ лежащимъ подъ 85° долготы, 35° широты; я же нашелъ широту сдѣсь въ 34° 56'. Лежитъ онъ на гладкомъ полѣ, имѣя только въ правой сторонѣ гору Эльвендъ, сдѣсь довольно высокую, и множествомъ различныхъ башенъ и остроконечныхъ зданій представляетъ довольно красивый и веселый видъ.

Самый городъ, впрочемъ, вовсе не великъ и хотя обнесенъ кругомъ изъ глины слѣпленной стѣной, но дома въ немъ весьма ветхи. Самое лучшее при этомъ городѣ составляютъ сады, изобилующіе превкусными и прекрупными гранатами и миндалямъ. За городомъ и у подошвы горы воздѣлывается множество хлопчатника и риса, который составляетъ главную пищу жителей.

Подъ одною параллелью съ этимъ городомъ на востокъ, на разстояніи отъ него полутора дня пути, лежитъ разрушенный городъ Рей (Rhei), гдѣ почва земли совершенно красная и неплодная. Причина тому, говорятъ Персы, была слѣдующая: во время часто уже упоминавшагося великаго святаго Гусейна, жилъ одинъ славный военачальникъ, по имени Омаръ-Саадъ (Omarsaad), бывший прежде преданнымъ другомъ Гусейна. Когда же Іезидъ-Песеръ (Isid Paser) пошелъ войной на Гусейна, то изъ всѣхъ витязей въ Мединѣ не нашлось ни кого, кто бы рѣшился пойти противъ Гусейна, принадлежавшаго къ роду Магомета и мужа высокой святости, кромѣ сказаннаго Омара, которому, въ награду за то, обѣщаны и отписаны въ наследственную собственность городъ и область Рей, обладаніе которыми давно уже составляло предметъ его желаній. Такъ какъ въ этой войнѣ Гусейнъ былъ разбитъ и убитъ именно отрядомъ, начальникомъ котораго былъ Омаръ, то, въ наказаніе ему, эта страна его сдѣлалась кроваво-красною и неплодною. Явленіе это и нынѣ обозначаетъ непоправимо пролитую кровь Гусейна.

Въ городѣ Сабѣ мы простояли только въ теченіи дня, а вечеромъ снова отправились въ путь, и 18-го числа, рано утромъ, прибыли въ каравансерай, называемый Шахъ-Ферабатъ (Shah Ferabath) и отстоящій въ шести миляхъ отъ Сабы. Стояла постоянно страшная жара, отъ которой мы ни какъ не могли изъ

бавиться, не смотря на то, что раздѣвались до рубашки, Земля, состоявшая изъ голаго песку и пыли, была такъ горяча, что нельзя было пройти по ней босикомъ и шести шаговъ, не обжегши ногу. Нѣкоторые изъ насъ раскинули палатки въ открытомъ полѣ, въ надеждѣ, что въ нихъ будетъ хоть нѣсколько прохладнѣе отъ продувающаго сквознаго вѣтра; но когда солнце возшло на полдень, то вѣтеръ сдѣлался такой горячій, что выходили точно изъ огненной печи, и мы принуждены были спастись отъ него изъ палатокъ въ каравансерай, въ разные покои, гдѣ жаръ оказался нѣсколько сноснѣе. Оба Посланника въ этотъ день были больны, попеременно то одинъ, то другой изъ нихъ былъ слабѣе; и такъ какъ у насъ были только одни носилки, сдѣлать же другія на дорогѣ не было ни дѣсу, ни времени, то одинъ изъ Посланниковъ, который оказывался покрѣпче, по неволѣ долженъ былъ вѣхать верхомъ.

ГЛАВА XXXV.

Въѣздъ въ Комъ; путь отъ этого города до Кашана (Kaschan).

19-го Юля мы проѣхали пять миль далѣе до города Кома (Kohm). На встрѣчу намъ, для принятія насъ, выѣхалъ, живущій въ этомъ городѣ, Даруга, съ 50-ю лошадьми. Сдѣсь также встрѣтили насъ нѣсколько плясуновъ и одинъ на высокихъ ходуляхъ, прыгавшій передъ Посланникомъ Бругманомъ, который на этотъ разъ вѣхалъ только одинъ; плясуны этѣ выдѣлывали свои штуки вплоть до нашего помѣщенія. На Майданѣ, тамъ и сямъ на газереаль, стояло множество барабанщиковъ, флейтчиковъ и дудочниковъ, весело игравшихъ, когда мы проѣзжали мимо ихъ. Чтобы не было пыли, горожане всѣ улицы полили водою; ибо сдѣсь также, какъ въ Касвинѣ и въ другихъ слѣдующихъ городахъ, нѣтъ ни одной улицы мощеной.

Мѣсто это Персы полагаютъ подъ $85^{\circ} 40'$ долготы и подъ $34^{\circ} 45'$ широты. Я же, въ полдень 20-го Іюля, по точному наблюденію, нашелъ солнце возвышеннымъ надъ небосклономъ на $74^{\circ} 18'$. Склоненіе же, считая по тому же полуденнику, было: $18^{\circ} 35'$; слѣдовательно, высота полюса должна быть здѣсь въ 34° и $17'$.

Комъ есть древнѣйшій городъ, извѣстный у Птолемея подъ именемъ Гуріана (Guriana), и въ древности былъ онъ очень великъ и обширенъ, какъ это можно видѣть и теперь еще по нѣсколькимъ развалившимся городскимъ и домовымъ стѣнамъ. Лежитъ онъ также на ровномъ мѣстѣ, справа имѣетъ хребтъ Эльвендъ, который виднѣтъ здѣсь съ своими обрывистыми, бѣлыми песчаными, вершинами. Изъ этого хребта выходятъ двѣ рѣки, которыя, соединившись въ одну, протекаютъ черезъ городъ. За 3 года передъ симъ, весною, рѣка эта, отъ растаявшаго на горѣ снѣга, обратилась въ такой громадный потокъ, что размыла и снесла болѣе 1000 домовъ.

Внутри и вѣкъ города находится множество садовъ, со всякаго рода прекрасными плодами, между которыми есть особый родъ дынь, величественнѣе помаранца, и такія же круглыя, съ красными крапинками разнанныхъ цвѣтовъ; хотя они вѣдутъ пріятный запахъ, но которому и называются Schamshamъ и нѣтъ несутъ въ рукахъ, ради этого запаха, колыханья онѣ не имѣютъ хороши, какъ другія тамошнія же дыни: сладкія, какъ сахаръ. Подобныя маленькія дыни мы видѣли и въ Ардобнѣ, куда привозятся онѣ изъ селенія Алару (Alaru), въ которомъ собственно и растутъ онѣ. Объ этомъ родѣ дынь, а также и о названіи ихъ, упоминаетъ и Г. Яковъ Голій (Gollis), въ своемъ Арабскомъ лексіконѣ, на 1309 страницѣ, заимствуя, впрочемъ, это извѣстіе у Giesbregt или по Нѣмецки Tzeucherl, и Камуса (Camus) M. S. S.

Здѣсь попадаются еще чуждые и довольно, странный родъ огурцовъ, длиной въ три четверти локтя, кривые и толстые въ руку чедовѣка, по чему онѣ и называются Schunchiar, т. е., кривыми огурцами; огурцы этѣ, какъ и другіе виды огурцовъ, заготавливаютъ здѣсь въ прокъ въ уксусъ, а не солятъ, какъ у насъ; сырые же ѣдятъ съ солью, но они имѣютъ вовсе непріят-

ный вкусъ. Кромѣ того, около города находится множество полей, на которыхъ туземцы воздѣлываютъ всякаго рода хлебныя растенія и хлопчатую бумагу. Изъ промышленниковъ здѣсь важнѣйшіе сабельные мастера и гончары. Туземцы считаютъ, что здѣсь дѣлаются лучше клинки, которые продаются отъ 4-хъ и до 20 рейхсталеровъ за клинокъ. Лучшая сталь въ цѣлой странѣ считается та, которую они получаютъ изъ города Нариса (Naris), лежащаго въ 4-хъ дняхъ пути отъ Испагани, правдѣ Ешта (Jesch); ибо тамъ, въ горѣ Демавендѣ (Demawend), находится весьма богатое мѣсторожденіе стали и желѣза. Горшечники же (гончары) обжигаютъ здѣсь всякаго рода посуду, въ особенности каменные кружки для воды, которыми развозятся кругомъ по всѣмъ городамъ. Кружки эти замѣчательны, будто бы, тѣмъ, что если вода, хотя бы въ жаркое лѣто, постоитъ въ нихъ нѣсколько времени, то дѣлается весьма свѣжею и даже холодною.

Но ни въ какомъ другомъ городѣ не встрѣчали мы такого воровскаго народа, какъ здѣсь; ибо у насъ не только тотчасъ же во время нашего прибытія украли съ лошадей пистолеты, но потомъ и въ жилѣ изъ подъ рукъ утащили нѣсколько вещей.

Здѣсь начали многіе изъ нашихъ прислужниковъ заболѣвать кровавымъ поносомъ, мазать боль, въ слѣдствіе неузнреннаго употребленія сладкихъ дынь и другихъ плодовъ, послѣ которыхъ они пили воду, и отъ этой болѣзни одинъ изъ нашихъ моряковъ, Матвій Мансонъ (Matthias Manson), парусный мастеръ, умеръ тутъ и похороненъ на дорогѣ.

21-го Іюля, вечеромъ, мы опять пустились въ дорогу, прошли въ эту ночь дадѣ пять миль, и въ слѣдующій день отдышались въ большемъ селеніи Космабатъ (Kosmabath), дома котораго большую часть соединены между собою арками, въ верху же заканчиваются круглыми сводами.

23-го числа прошли мы дадѣ 7 миль, до красиваго селенія Сенсенъ (Sensen), * гдѣ получили хорошія помѣщенія и роскошное продовольствіе, доставленное туда изъ города Камана.

* Дяде Сенсенъ. О. Б.

Вечеромъ, когда мы хотѣли уже ѣхать далѣе, у насъ умеръ одинъ изъ Персидскихъ нашихъ толмачей, Григорій (Gregori), который, напившись передъ городомъ Сабой пьянъ, упалъ съ лошади и разшибъ себѣ грудь. Хотя родомъ онъ былъ Русскій, но перешелъ въ Магометанскую Вѣру, по чему мы оставили тѣло его и поручили Магометанамъ похоронить его.

Въ ту же ночь умеръ у насъ, также въ дорогѣ, отъ кроваваго поносу, Русскій слуга Иванъ, Ивановъ сынъ (Ivan Ivanof sin), вмѣстѣ съ другимъ Русскимъ прислужникомъ, умершимъ отъ той же болѣзни черезъ 3 дня послѣ него, въ Кашанѣ; онъ былъ похороненъ въ этомъ городѣ, въ который прибыли мы утромъ слѣдующаго дня, т. е., 24 Іюля.

Г Л А В А XXXVI.

Въздъ въ Кашанъ, особенности этого города и что въ немъ есть замѣчательнаго. Также дальѣйшее путешествіе до столичнаго города Шенагани.

Когда въ помянутый сейчасъ день мы приблизились къ городу Кашану (Kaschan), и было еще очень рано, то мы должны были прождать, въ четверти мили передъ городомъ, слишкомъ два часа, пока Даруга не выѣхалъ къ намъ для принятія насъ. Онъ явился въ сопровожденіи 50-ти всадниковъ и, по его приказанію, для насъ приведено было множество прекрасныхъ лошадей, которыя всѣ покрыты рысьими шкурами. Когда мы были приняты такимъ образомъ, заиграли барабанщики и дудочники, которые ѣхали впередъ. У самаго города, на встрѣчу намъ вывели на показъ два черные почетные Индійскіе быки, убранные колокольчиками и убранные множествомъ пучковъ изъ перьевъ. Въ городѣ привели насъ и разиѣстили въ отлчно построенныхъ домахъ, и весьма хорошо убранныхъ покояхъ. Сдѣланнаго Даруга Шахъ Сефи, бывши еще ребенкомъ и когда принужденъ былъ укрываться у дѣда своего, Шаха Абаса, имѣлъ при себѣ въ качествѣ прислуживающаго мальчика, и, за недо-

статкомъ денегъ, продалъ его за 15 туменовъ или 350 марокъ. Когда же Шахъ Сефи сдѣлался Царемъ, то онъ снова выкупилъ этого мальчика, возвелъ его въ званіе Султана и посадилъ на должность Даруги въ Кашанѣ.

Персы считаютъ Кашанъ подлѣ 35° долготы, разстояніемъ же отъ равноденственника 34°; я же троекратными наблюденіями нашелъ послѣднее въ 33° и 51', слѣдовательно, только 9-ю минутами менѣе,

Городъ построенъ въ длину и съ востока на западъ простирается на полумилю съ лишнимъ; окруженъ глиняной стѣной и круглыми башнями, а внѣ стѣнъ вездѣ вокругъ поле ровное и хорошія пажити. Въ правой сторонѣ вдали виднѣется гора Тавръ или, какъ ее здѣсь называютъ, Ельвендъ. По сию сторону города, передъ воротами, устроено большое и широкое ристалище, установленное пилястрами (колышками), а посреди шесть съ птицей на верху, для стрѣльбы въ цѣль. На лѣво отъ этого ристалища раскинутъ прекрасный Царскій садъ, съ двумя изящными бесѣдками, изъ которыхъ одна на дорогѣ, идущей къ городу, а другая среди самаго сада, какъ представлена она здѣсь на особомъ изображеніи. ¹ Въ этой послѣдней считаютъ до 1000 дверей, полагая въ числѣ ихъ и всѣ окна, которыми можно выходить на открытыя галереи и увеселительные ходы, при чемъ, такъ какъ стѣны въ этой бесѣдкѣ толщиною болѣе локтя, то каждая дверь, продолженная въ нихъ на обѣихъ стороны, считается за двѣ двери. Въ этомъ саду Шахъ охотно останавливается отдыхать, когда бываетъ въ этихъ мѣстахъ.

Кашанъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ и важнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ Персіи, и по тому въ немъ, кромѣ множества прекрасныхъ большихъ домовъ, находится и много великолѣпныхъ каравансераевъ съ богатѣйшимъ торжищемъ и Майданомъ, который такъ хорошо обстроенъ громадными сводами внизу и вверху, съ разными галереями и покоями, что подобнаго мы ни

¹ Въ подлинникѣ стр. 494. О. Б.

гдѣ не видали. Кромѣ Персовъ, въ немъ пошѣщаются купцы всѣхъ народовъ, особенно же много Индійцевъ, и всѣ они въ особыхъ мѣстахъ ведутъ здѣсь свою торговлю. Здѣсь же находятся и разнаго рода ремесленники, но преимущественно золотыхъ дѣлъ мастера и ткачи шелковыхъ матерій, которые тутъ во множествѣ работаютъ въ открытыхъ помѣщеніяхъ, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть. Плоды земледѣлія, винодѣлія, садовыя и вообще всѣ произведенія, служащія не только для удовлетворенія потребностей, но и для услажденія жизни человѣка, находятся здѣсь въ изобиліи; по этому я нашелъ справедливымъ, что въ этомъ отношеніи Англичанинъ Картрайтъ пишетъ объ этомъ городѣ, за исключеніемъ того, что теперь тамъ нѣтъ ни какихъ освѣжающихъ водометовъ; напротивъ, жители принуждены добывать тамъ воду, глубоко роаясь въ землѣ, и вода вообще въ наше время была довольно гнилая. Часть воды, впрочемъ, доставляется и проведена въ городъ изъ другихъ мѣстъ, посредствомъ водопроводовъ. Я нашелъ также, что теперь тамъ во всемъ не такой добрый полицейскій порядокъ, какъ выставляетъ его этотъ Англійскій писатель, въ которомъ, будто бы, болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, обращается вниманіе на молодежь, чтобы она съ измала приучалась къ труду, и чтобы огнюдь не было ни какихъ праздныхъ, бездѣльныхъ людей. Хотя нужда и учить Персовъ, имѣющихъ, по причинѣ многоженства ихъ, множество дѣтей, обращать на нихъ побольше вниманія, но они все таки являются въ этомъ отношеніи тѣмъ, что Аристотель сказалъ о человѣкѣ вообще, именно, что они суть главнымъ образомъ общественныя (стадные) животныя, которыя охотнѣе будутъ шататься въ обществѣ на Майданѣ (площади), или въ лавчонкѣ, чѣмъ сидѣть въ мастерской, за тяжелой и невеселой работой, на которую они употребляютъ рабовъ, тѣмъ болѣе, что простой народъ не привыкъ къ дорогому, но къ простому, корму, и содержать его не трудно. По этому въ средѣ свободныхъ людей здѣсь также множество праздношатающихся и нищихъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, какъ сознаются въ томъ сами Персіане. За тѣмъ, совершенно справедливо то, что Картрайтъ пишетъ о скорпіонахъ, и во всей Персіи нѣтъ города, который бы страдалъ такъ, какъ городъ Кашанъ, отъ разныхъ гадовъ, въ особенности же отъ скорпіоновъ. По этому, жители Кашана, если хотятъ пожелать кому что ни будь недоброе, обык-

воденцо говорятъ: «Akıab Kasıkan de beşer senet,» т. е., «Чтобъ тебя (вора) ужалилъ въ руку Кашанскій скорпіонъ!» Въ нащихъ помѣщеніяхъ мы находили нѣсколькихъ скорпіоновъ, какъ уголь черныхъ, длиной и толщиной въ палець, и этѣ были самыя ядовитыя; одного изъ нихъ я представилъ сохраннымъ въ маслѣ въ Готторфскую палату рѣдкостей. Скорпіонъ похожъ на рака, только голова у него нѣсколько туше и тѣло гораздо уже; онъ быстро бѣгаетъ и держитъ вверху хвостъ, на которомъ находится загнутое жало. Для обезпеченія себя отъ этого гада Кашанцы кладутъ свои постели не на землю, а на Джарпай (Tzagrai), т. е., на четвероногіе высокіе станки. Они разсказываютъ, что если чужестранецъ, захватившій въ Кашанъ, произнесетъ нѣсколько разъ: «Mer Karişem!» «Я чужестранецъ,» то ни какой скорпіонъ не ужалитъ его. Я полагаю, однако жъ, что всякій иностранецъ, кромѣ этѣхъ словъ, изъ опасенія къ гаду, всегда постарается предохранить себя отъ него самымъ лучшимъ образомъ, и по тому-то бываетъ невредимъ. Не слышно, впрочемъ, чтобы много умирало отъ ужаленія скорпіономъ. Средство туземцевъ отъ этого ужаленія заключается въ томъ, что они тотчасъ же привязываютъ къ рацѣ кусочекъ мѣди, для чего обыкновенно служитъ имъ ихъ мѣдная монета, которая называется пулъ (Pul), которую они постоянно и носятъ при себѣ; за тѣмъ прикладываютъ на рану медъ и уксусъ, и такимъ способомъ излѣчиваютъ ее.

Я одинъ изъ всѣхъ при Посольствѣ нашемъ имѣлъ неудовольствіе испытать ужаленіе скорпіона, именно: въ Шемахѣ, на обратномъ пути, въ одну ночь, скорпіонъ ужалилъ меня въ шею, подлѣ глотки; на ужаленномъ мѣстѣ тотчасъ же вздулся пузырь, въ полпалець величиной, и я ощущалъ такую жгучую боль, какъ будто у меня лежалъ на шеѣ раскаленный уголь. Нашъ врачъ, спавшій, на мое счастье, въ одной комнатѣ со мной, сейчасъ же приложилъ мнѣ скорпіоннаго масла, далъ мнѣ Тиряку (Turiak) и возбудилъ во мнѣ испарину, отъ чего, хотя черезъ три часа сильная боль и прошла, но покальваніе, какъ бы вглой, оставалось еще болѣе двухъ дней. Такое покальваніе ощущалъ я и послѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ осеннее время, именно около Михайлова дня; я не думаю, впрочемъ, чтобы это происходило отъ того, что въ это время солнце вступаетъ въ знакъ скорпіона.

Такъ какъ излѣченіе отъ ужаленія скорпіона весьма трудно, то Персы разсказываютъ, что если кто будетъ ужаленъ скорпіономъ и услышитъ при этомъ крикъ осла, которыхъ въ Персіи бездна, то ужаленный не почувствуетъ ни какой боли и страданія. Нѣкоторые изъ нашихъ сдужащихъ при Посольствѣ обратили это повѣрье въ шутку, говоря, что если кого изъ нихъ, ужалитъ скорпіонъ, то, за недостаткомъ Персидскаго осла, пусть одинъ докричитъ другому для облегченія его.

Около города Кацана есть еще другой родъ вредныхъ гадовъ, видомъ похожихъ на пауковъ, и нѣкоторые изъ нихъ величійною бываютъ до двухъ дюймовъ, съ крапинами и полосками, какъ это можно видѣть на изображеніи или, приложенномъ на рисунокѣ, представляющемъ ядъ Капана.¹ Гады эти водятся въ каменистыхъ мѣстахъ и гнѣздятся въ низкоросломъ кустарникѣ, который походитъ на подынь, только съ болѣе широкими листьями и сильнымъ запахомъ. Здѣе это называется по Персидски Тгеппе, по Турецки Jauschan, а насѣкомое Еркукек, и это послѣднее есть не что иное, какъ Stello, которое Итальянцы и Испанцы называютъ Tarantula, тарантулой. Когда эта гадина вполздетъ на тѣло человѣка, то выпускаетъ ядъ, въ видѣ капли воды, который причиняетъ сильную боль, всасывается въ поры и тотчасъ устремляется на желудокъ; охватываетъ за тѣмъ голову и проникаетъ во всѣ члены, отъ чего человѣкъ впадаетъ въ глубокій сонъ, изъ котораго довольно долгое время не возможно разбудить соннаго ни толчками, ни какимъ другимъ способомъ, и за тѣмъ, во все время, пока ядъ остается еще въ человѣкѣ, этотъ несчастливый ни какъ не можетъ воадержаться отъ сна и прийти въ свой естественный разумъ. Лучшее средство противъ этого яда состоитъ въ томъ, что паука убиваютъ и прикладываютъ его къ мѣсту, гдѣ упала капля его яду, тогда ядъ всасывается опять этѣмъ убитымъ паукомъ; но когда гада на лицо мѣтъ, то надъ больнымъ принимаютъ довольно странный способъ лѣченія. Прежде всего его кладутъ навзничъ и вливаютъ въ горло ему прѣснаго молока, сколько только можетъ войти, не смо-

¹ Въ подлинникѣ между 492 — 493 стр. О. Б.

тря на то, если часть молока и не останется въ немъ. За тѣмъ укладываютъ его въ неглубокой ящикъ, или корыто, которое въ четырехъ веревкахъ привѣшиваютъ гдѣ ни будь на высотѣ, и начинаютъ поворачивать ящикъ до тѣхъ поръ, пока веревки не скрутятся между собою до пельзя и ящикъ не поднимется на нихъ до самого верху, гдѣ онъ привѣшаны. За тѣмъ ящикъ пускаютъ свободно, такъ чтобы веревки раскручивались, а съ нимъ вертѣлся бы и самый ящикъ, спускаясь внизъ; отъ такого вращенія у больного дѣлается такое головокруженіе, что онъ извергаетъ изъ себя все, что было у него въ желудкѣ, именно, большіе куски скисшагося молока, которое извергается зеленоватымъ: при этомъ и мочею совершается, съ болью и поврежденіемъ вѣстудлы выдѣленіе какого-то бѣловатаго стуска. Такой способъ лѣченія хотя и помогаетъ больному, но онъ и послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, по временамъ, ощущаетъ возвращающіяся боли отъ оставшагося въ немъ яда. Удивительно, что овицы тамошнія сами гоняются за этими гадами и пожираютъ ихъ съ удовольствіемъ и безо всякаго для нихъ вреда. Такъ какъ гадина эта гнѣздится только въ поляхъ, то особенно страдаютъ отъ нея только тѣ туземцы, которые, по своимъ занятіямъ, должны находиться и спать въ полѣ, но не горожане, которымъ случается испытывать дѣйствіе яда ея только тогда, когда они печально захватятъ пасѣкомое, загребая кустарникъ, въ которомъ оно живетъ и который употребляется ими частію для топки, частію для подкладки на домовыхъ крышахъ.

Желающій имѣть болѣе подробное свѣдѣніе объ этомъ вредномъ насѣкомомъ можетъ прочесть въ книгѣ Аванасія Кирхера «De Arte magnetica» (Romae, 1641), именно въ третьей книгѣ, восьмой части 2 главу, гдѣ о немъ пишется обстоятельно. Сочинитель говоритъ, что насѣкомое это во множествѣ встрѣчается въ Апуліи, при городѣ Фарентѣ, отъ котораго оно получило и свое названіе, также въ Калабріи, Сициліи и около Рима, въ жаркое лѣто, и своимъ ядомъ въ зараженномъ человѣкѣ производитъ чрезвычайно страшныя дѣйствія и явленія. Такъ, одни начинаютъ постоянно бѣгать отъ его дѣйствія, другіе смѣются, третьи плакать, иные кричать, нѣкоторые спать (это дѣйствіе оказываетъ оно въ Персіи), нѣкоторые же начинаютъ безпрестанно плясать и выдѣлывать дру-

гія удивительныя и фантастическія штуки, не смотря на то, что это важныя и разумныя люди, о которыхъ, не видѣвшему ихъ лично, но слышавшему только, что съ ними такое дѣлается, рассказъ этотъ покажется невѣроятнымъ. Кирхеръ упоминаетъ также о лѣченіи этого рода отравленія и говоритъ, что самое лучшее средство въ такомъ случаѣ — хорошая музыка, и именно такая музыка, которой звуки сообразны были бы съ состояніемъ отравленія; подѣ въ-то звуки зараженные протмѣ воли начинаютъ писать, съ такими сильными и продолжительными движеніями, что подѣ коонецъ совершенно нацмогають и падаютъ, какъ бы въ обморокѣ, или да мертво, и тогда-то, выстѣ съ сильной испариной, извлекается изъ больныхъ и самый ядъ. Но излѣченіе такихъ больныхъ, по причинѣ глубокаго видѣренія яда во всѣ члены ихъ, совершается обыкновенно не въ одинъ годъ.

Особенно достопамятнымъ событіемъ здѣшнихъ жителей, считаютъ происшествіе, бывшее здѣсь въ времена Аали съ однимъ мельникомъ. Однажды Омаръ-бей-Алхитабъ (Omar ben Alchitab), третій наслѣдникъ Магомета, въ Мединѣ, пришелъ на свою мельницу, осмотрѣлъ ее; бывший же при этой мельницѣ мельникъ, по имени Шуджа Адигъ (Schuzza Adin), уговорилъ его, чтобы онъ, какъ высокосвященный отецъ, простеръ свои блаженныя руки подѣ поднятый на то время мельничныи камень, ради благословенія его, и за тѣмъ мельникъ тотчасъ же опустилъ камень, приложивъ имъ руки Омара; для того же, чтобы еще болѣе угодить Аалию, который, съ смертію Омара, скорѣе достигалъ наслѣдства, онъ и совѣтъ убилъ здѣсь Омара, Арабскій же летописецъ Шурцей Елмакинъ (Szugzei Elmakin), говоритъ, что Омаръ заколотъ былъ во время молитвы прислужникомъ Абулюлю Мукиромъ (Abululu Mukirs), за тяжкія подати, наложенныя имъ на подданныхъ. За тѣмъ мельникъ пришелъ къ Аали, бывшему врагомъ Омара, и спросилъ его, какую награду дастъ онъ ему за совершенное имъ убійство? Аали далъ мельнику письмо къ Кашанскому Каси (Kasi) или Судѣ, и сказалъ при этомъ: «Какъ только ты доставишь это письмо, то Судѣ отдастъ тебѣ въ жены дочь свою.» Хотя такое предложеніе и очень понравилось мельнику, но не по сердцу ему была дальшій и опасный путь въ Кашанъ; по

этому Аали далъ ему для проѣзда своего чудеснаго коня, Дюльдюля (Duldül) (о которомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ). Этотъ конь въ одну ночь перенесъ мельника изъ Медины въ Кашанъ, болѣе чѣмъ за 200 миль; и за тѣмъ тотчасъ же исчезъ. Мельникъ сдѣлался зятемъ Каси, какъ и говорилъ Аали, но вскорѣ за тѣмъ умеръ и похороненъ передъ городомъ, противъ горы, гдѣ и теперь еще видно множество песчаныхъ холмовъ. Туземцы говорятъ, что холмы эти нанесены здѣсь вѣтромъ, по соизволенію Бога, вскорѣ по смерти мельника, для того, чтобы потомки Омара, хотѣвшіе вырыть и сжечь тѣло мельника, не могли найти его. По поводу этого событія, писатели: Молла, Гасанъ и Кашанъ (Molla, Hassan, Kaschi); описывавшіе оное, сложили духовное изреченіе, которое Персы часто произносятъ: «Я служу Царю, котораго Дюльдюль въ одну ночь привезъ мельника изъ Медины въ Кашанъ!»

По причинѣ большаго жара мы должны были еще прѣсто-
ять въ Кашанѣ, хотя большая часть больныхъ нашихъ начали
уже выздоравливать и могли садиться на лошадь. 26-го Іюля мы
пустились снова въ путь и съ восходомъ мѣсяца, свѣтлѣвшаго тог-
да въ полночь блескъ, выѣхали изъ города. Въ эту ночь мы
сдѣлали шесть миль до каравансерая Ходжа Касимъ (Höftza Kas-
im). Такъ какъ каравансерай этотъ былъ нѣсколько тѣсенъ и
грязенъ; то мы расположились въ прекрасномъ большомъ саду,
находящемся при немъ, и отдыхали тамъ въ тѣни высокнхъ ки-
парисовыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, между которыми, проведен-
ный гудъ чистый ручей, протекалъ нѣсколькими уступами и поро-
гами, производилъ пріятный шумъ. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь
мы проѣхали далѣе еще шесть миль, по выжженной пустынной
странѣ, и 28-го числа прибыли къ небольшому, но веселому, го-
родку Натенсъ (Natens) (въ Кинег. Contagein онъ названъ Netnas),
гдѣ мы остановились, въ лежащемъ передъ городомъ, большомъ
каравансерая. По хорошему въ этой мѣстности водъ здѣсь растетъ
множество овощей и виноградныхъ садовъ. Противъ города на
право поднимаются двѣ довольно высокія островерхія горы, и на
болѣе высокой изъ нихъ стоитъ древняя башня, которую при-
казалъ построить Шахъ Абасъ, въ память одного сокола, одо-
лѣвшаго здѣсь орла. Однажды этотъ Царь, проѣзжая въ снѣ

мѣстахъ, расположился сдѣсь на отдыхъ, и въ это время, одинъ изъ его соколовъ, завидя лѣтавшаго орла, сорвался и бросился на него. Противники долго бились на воздухѣ и наконецъ соколъ низложилъ подъ себя орла на этой самой горѣ. Такъ какъ всѣ мы были еще довольно слабы, то изъ насъ одинъ только Фонъ Мандельсло всходилъ на эту гору. Я привожу сдѣсь свѣдѣніе о ней изъ его дневника: «Противъ веселаго городка Натенса лежатъ двѣ высокія островерхія скалы. Такъ какъ на болѣе высокой изъ нихъ видна была башня, то я одинъ, съ двумя моими слугами, не безъ опасности вскрабкаясь на эту гору, въ надеждѣ найти на ней что ни будь замѣчательное. Но я не нашелъ тамъ ни чего, кромѣ простой башни, сложенной изъ обожженнаго камня (кирпича); внизу восьмиугольникомъ, а въ верху круглая, съ голубою изразцовою (поливанною) крышей, вокругъ которой устроены ходы. Зданіе внизу имѣло въ поперечникѣ 8 шаговъ, и по множеству оконъ и дверей было совершенно прозрачно. Кромѣ того, на горѣ было нѣсколько деревьевъ, нѣмъ неизвѣстныхъ. Ни чему я не подивился такъ, какъ труду, который положенъ былъ на то, чтобы встать на такую громадную высоту бездну кирпичей; ибо гора кругомъ совершенно отвѣсная. Я употребилъ для восхода на нее цѣлые три часа, и въ другомъ уже мѣствѣ спустился съ нея съ такою же опасностію.» Этѣмъ и ограничиваю я выписку изъ Фонъ Мандельсло.

29-го числа проѣхали мы по горамъ 4 мили далѣе и остановились въ каравансераѣ, называемомъ Домби (Domby). Сюда явилось къ намъ изъ Испании нѣсколько Персовъ, посмотреть и посѣтить насъ, говоря намъ, что они посланы были будто Государственнымъ Канцлеромъ. Съ ними были и нѣсколько Голландскихъ купцовъ, одѣтыхъ по Персидски, такъ что въ нихъ и нельзя было узнать Голландцевъ. Последняго числа Іюля проѣхали мы еще далѣе 4 мили, до селенія Рукъ (Ruk), гдѣ остановились въ одномъ прекрасномъ большомъ домѣ, принадлежащемъ Каухъ (Kaucha) или сельскому начальнику. Сдѣсь простояли мы весь день и слѣдующую за тѣмъ ночь.

2-го Августа, рано утромъ, еще при свѣтѣ мѣсяца, мы отѣхали еще далѣе двѣ мили и остановились въ Царской бесѣдкѣ,

находившейся въ саду. Въ низу черезъ зданіе протекалъ тутъ ручей въ глубокомъ рвѣ, выложенномъ четырехъугольными камнями, и спускаться къ этому ручью нужно было по нѣсколькимъ ступенькамъ. Сдѣсь былъ нашъ послѣдній ночлегъ на пути въ Царскію.

Г Л А В А ХХХVII

Въѣздъ въ Царскій столичный городъ Исаганъ; о кровавой схваткѣ, выдержанной нами съ Индіидами, и объ Индійскомъ Посланникѣ.

3-го Августа мы достигли наконецъ, съ Божіей помощью, давно желанной и цѣломой цѣли нашего путешествія, и вступили въ Царскій столичный городъ Исаганъ (Israhan). Для въѣзда намъ выслано было на встрѣчу нѣсколько лошадей. Въ разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ стрѣлой передъ городомъ выѣхалъ къ намъ одинъ знатный Царскій чиновникъ, по имени Исаханъ-Бекъ (Isahan bek), съ сопровожденіемъ 200 спутниковъ, и ласково принялъ насъ. Съ нимъ прибыли и два брата, большіе Армянскіе вельможи, Сеферасъ-Бекъ (Seferas bek), и Еліа-Бекъ (Elias bek), изъ которыхъ старшій былъ Начальникомъ (Comendant) надъ важнѣйшими Армянами. Въ сопровожденіи этихъ-то особъ двинулись мы къ городу. Но страшной повсюду пыли, не дозволявшей видѣть что либо въ шести шагахъ передъ собою, не было ни какой возможности опредѣлить количества всадниковъ и народа, находившагося тамъ. Насъ провели городомъ черезъ множество улицъ, въ которыхъ народъ, кучами лежа на домовыхъ крышахъ, глазѣлъ на насъ, потомъ черезъ Майданъ, мимо Царскихъ палатъ, и размѣстили въ предмѣстьѣ Джудъфа (Djulfah), населенной богатѣйшими Армянскими купцами. Едва успѣли мы разложиться, какъ пришли съ Царскими угощеньями, которыми Царь привѣтствовалъ прибытіе Посланниковъ. Посланные, разстлали на полу въ комнатахъ Посланниковъ прекрасную шелковую скатерть, и разставили на ней варенья изъ дыни, лимона, айвы, грушъ и еще нѣсколько неизвѣстныхъ намъ вареній, и сдѣжили

плодовъ, все это въ 31 золотыхъ сосудахъ и блюдахъ. Черезъ нѣсколько часовъ явились другіе посланные, въ другой разъ накрыли столъ, и устали его кушаньями, подкрашенными разными красками, изъ розварнаго рису, вареной и жареной баранины, куръ, рыбъ, яицъ и множества разныхъ печеній, все это на большихъ тяжеловѣсныхъ золотыхъ блюдахъ, которыхъ было до 50 штукъ, кромѣ другихъ маленькихъ сосудовъ и прочихъ столовыхъ принадлежностей.

Послѣ обѣда Голландскій Повѣренный, по имени Николай Яковъ Оверши (Overschi) (въ послѣдствіи Комендантъ крѣпости на Сейланѣ, Seilan), имѣвшій мѣстопробываніе свое въ Испани, прислала сказать намъ, что онъ желалъ бы прійти поздравить Гг. Посланниковъ съ благополучнымъ прибытіемъ и учинить съ нами выпивку. Хотя Посланники и оговаривались, что заняты раскладкою своихъ вещей и желали бы отложить пріемъ его до слѣдующаго дня, но онъ все таки пришелъ довольно грубымъ образомъ, позволялъ себѣ разные рѣзки и натлыя рѣчи и, между прочимъ, сказалъ, что онъ имѣетъ отъ своего Начальника (Prinçipal) приказаніе противодействовать намъ въ дѣлѣ, по которому мы пріѣхали; что онъ желалъ быть другомъ всѣхъ насъ, находящихся въ Посольствѣ, но будетъ врагомъ нашему дѣлу. Говоря все это, онъ и шель очень много. Когда онъ и слуга его, достаточно напьюшіеся, распростлались, и передъ пребываніемъ Посланниковъ начали говорить дерзости нашему Маршалу и Гофмейстеру, которые провожали ихъ, то оба отъ гостя получали дальнѣйшее угощеніе, каждый по своему достоинству, и были спрошены ворадиномъ.

Вскорѣ за тѣмъ между нашимъ народомъ и нѣсколькими Индійцами завязался жестокій споръ, вызвавшій даже провазую скватку. Дѣло это было такъ: противъ насъ помѣщался помѣнутый выше Индійскій Посолъ, съ 300 человекъ спутниковъ, которые большею частію были Узбеки (Usbeken), гости отчаянные. Однѣ изъ этѣхъ послѣднихъ, стоя противъ жилья нашихъ Посланниковъ, смотрѣлъ изъ любопытства, какъ разбирали и вносили нашу поклажу; а въ это время слуга нашего толмача, по имени Веллиханъ (Wellichan), тоже голова смѣлая, видя, что Индіецъ

привело гвардію, обратясь къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ также взялся даскать воени и домогъ быти. Когда же Индіецъ, будучи самъ какимъ-то важнымъ прислужникомъ у знатнаго своего Посла, отащавъ на такое предложеніе браню, Ведиханъ, всылавъ двѣ удары въ его пахъ до гробъ. Индіецъ тотчасъ же обжалъ пожаловался на обиду его своимъ товарищамъ, которые не дающе туль же снамъ полъ деревьями, дѣто товарищи бросились на Велихана, избили его, а камнями, схваченными ими на улицѣ, пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову. Увидавши это, услышавши, что Ведиханъ зоветь на помощь нашихъ Маршалъ съ слугой своимъ (якъ) нашими воинами и нѣсколькими другими прислужниками, выскочили на улицу, бросились на Индіеца, которыхъ было человекъ 30, разогнали ихъ, нѣкоторыхъ переранили, а нѣкоторо убили до смерти. Но при этомъ Индіецъ даже озааивали сначала допротівленіе саблями, ишичалами и камнями, сиравили и тѣмъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ, но наконецъ, не имавшегхъ оружія оакъ, какъ большинство ихъ было безъ сабель, вышавши на улицу только для пречулки, должны были отступити. Наше отъ этой срааіе получавъ въ добычу одну отливную саблю ишичалъ, на которыхъ привѣсамъ была коммандъ съ денщиками они съ радостію привѣсали, и показывали завоеванную ими добычу, но эта добыча была причиной большаго несчастія. Индіецъ распустили слова и объявили, что они отомстятъ намъ за потерянныиши уроки и поруганіе въ удобное для того время и потребуютъ кровн камировъ. Но за дѣль все было тако до 3-го дня сего и отомстятъ.

и

и отомстятъ намъ за потерянныиши уроки и поруганіе въ удобное время

Наши Посланники, увидѣвши, что по причинѣ отдаленности помѣщеній, на которыхъ мы размѣщены были тамъ и сямъ въ нѣсколькихъ отдаленныхъ улицахъ, они (наши) могли всегда пользоваться своею прислужаіе съ какимъ удобствомъ, какъ это ишъ было нужно, просили въ лучшемъ и болѣе удобномъ мѣстѣ, которое и означены были намъ уже съ геродѣ, въ одномъ обширномъ подворьи. 7-го (Августа) мы стали перешиваться на это мѣсто жило, и часть нашихъ жилищъ и кладъ послани: впередъ на верблюдакъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ изъ просовъ и Маршалскаго нашего слуги. Оттуда слуга нѣсколькхъ побѣсталъ отъ мѣста и вѣлъ въ слѣдъ за верблюдами въ

нѣкоторыхъ отдаленіи отъ нихъ, забывши это, нѣсколько Индійцевъ, лежащихъ подъ стѣпными на пути палатками и сторожившихъ тамъ лошадей своего господина, выскочили на дорогу (которая была едѣсь въ четверти мили отъ города); съ утробами напали на сказаннаго слугу, признавши въ немъ одного изъ участниковъ съ нашей стороны въ бывшей недавно схваткѣ; и хотя, по собственному признанію Индійцевъ, онъ храбро защищался отъ нихъ случившимся при немъ пистолетомъ и шпагой, но пораненный нѣсколькими стрѣлами и ружейными пулями, палъ мертвымъ на мѣстѣ. Но охотниковъ Индійцевъ оторвали ему голову, и одинъ изъ нихъ, схвативъ эту голову за волосы, поднялъ ее высоко вверхъ и потрясалъ въ воздухѣ; о чемъ толковали при этомъ побѣдители, понять было не возможно. Трупъ несчастнаго Индійца привезли къ моему лошадиному возу какой-нибудь посылкой добраго мастера Петра Волтера (Peter Wolter, таинъ звалъ слугу); всегда скромнаго и тихаго челоѣка, въ свѣдѣніи недавняго убійства Индійца. Трупъ его, безъ сомнѣнія, растерзанъ былъ собаками.

1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000

Когда слухъ объ убійствѣ Волтера, дошелъ до насъ, то поставилъ насъ подумать о своей защитѣ, для чего признано лучшее, въ Корнѣе вознать весь народъ нашъ и обратиться въѣзъ на дворъ Посланниковъ. Но не успѣло еще это распоряженіе Посланниковъ дойти до всѣхъ насъ, какъ уже вся уллица, на которой помещались Посланники, была завята и заперта враждебными Индійцами, такъ что никто не могъ безъ опасности пройти къ дому; выходящему Посланникамъ. Тѣмъ не менѣе, не находя полезнымъ оставаться врознь другъ съ другомъ, и пребывать такъ между страхомъ и надеждою, нѣкоторые изъ насъ рѣшились, въ то бытѣ ни старъ, достигнуть до дома Посланниковъ; приходяшагося въ одномъ закоулкѣ переулкѣ; черезъ этоѣ то переулочкѣ побѣжали мы; посадивши обогнули дугою и двинулись въ сказанномъ домѣ; но при этомъ нѣкоторые изъ насъ были смертельно ранены; а мнѣ между въ ту минуту когда добѣжала до двери дома, пролетѣла стрѣла у параднаго моста и воткнулась въ стѣну; стрѣла эту, вѣдь, събѣжала память объ этомъ происшествіи. Стрѣлы отъхъ Индійцевъ слышаны были изъ тоннаго, легкаго Индійскаго тростника, въ, небольшомъ обрѣду

острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; онѣ быстры на лету, легко вонзаются въ тѣло и дѣлають глубокую рану. Описание Квита Курція Индійскихъ стрѣлъ, бывшихъ въ употребленіи во времена Александра Великаго, не имѣетъ сдѣсь мѣста; ибо онъ говоритъ, въ 8-й книгѣ: «*Vinum subitorum sagittae sunt (Indorum, scilicet), quas emittunt majore nisu, quam effectu; quippe telum, cujus in levitate vis omnis est, inhabili pondere oneratur.*»

Кромѣ этѣхъ легкихъ стрѣлъ, у Индійцевъ были простыя ружья и длинныя Персидскія, изъ которыхъ они бойко и жѣтко стрѣляли маленькими пулями.

Постигнутые такой неожиданной войной, наши Поручики, съ воинами и съ нѣсколькими людьми изъ прислуги нашей, нестремясь къ оборонѣ передъ воротами и открыли во Индійцамъ сильный огонь изъ ружьевъ, а также выставили противъ нихъ в одну каменнометцу. Но Индійцы находились въ болѣе выгодномъ противъ насъ положеніи, укрывшись за стѣны лежащаго кругомъ сада; въ этѣхъ стѣнахъ они продѣлали себѣ отверстія для стрѣльбы, и стрѣляли черезъ этѣ отверстія къ намъ, подъ защитой стѣнъ, такъ что мы не могли наносить имъ такого вреда, какой они наносили намъ. У нашихъ же людей стѣною была собственная ихъ грудь, и они стояли открытые, хотя могли бы сдѣлать себѣ хорошіе брустверы и защиту изъ бывшихъ передъ домомъ боченковъ, ящиковъ и другой клади, если бы только Офицеры спохватились и дали на то свое приказаніе; но этого не сдѣлали, и наши падали одинъ за другимъ, и прежде всѣхъ Констабль Клаусъ Клаузенъ, морякъ, который застрѣленъ былъ прямо въ лобъ въ ту самую минуту, когда онъ направлялъ на непріятеля каменнометцу. Сержантъ Moughtoi совершилъ въ этой схваткѣ достохвальный подвигъ. Ревность по унадашемъ товарищѣ своемъ и ненависть къ дерзости врага до такой степени возбуждали этого храбраго удалца, что онъ схватилъ ружье одного изъ павшихъ на землю воиновъ, и убилъ нѣсколькихъ Индійцевъ изъ числа тѣхъ, которые стояли открытыми и не могли, по многочисленности своей, помѣститься за стѣной. Но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ еще выстрѣлить въ одного изъ непріятелей, стрѣла пронзила его грудь, и хотя онъ тотчасъ же

вырвалъ ее вонъ изъ раны, отбросилъ отъ себя и все таки послѣ этого сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, но тутъ же и самъ упалъ мертвымъ съ оловянъ ружьемъ.

Армянскіе Христіане, жившіе напротивъ и видѣвшіе въ окна и съ крыши тамъ зрѣлища, изъ состраданія къ намъ, проливали обильныя слезы не менѣе того, какъ люди наши проливали свою кровь. Когда же наконецъ стрѣлы и пули непріятеля будто градъ полетѣли на нашихъ, и мы увидали, что ни чего не можемъ сдѣлать противъ такой великой силы, то не захотѣли далѣе терять по напрасну народъ, позвали его въ дворъ и заперли двери. Пользуясь этѣмъ, Индійцы бросились на наши пожитки, разграбили ихъ и растащили все, что только нашли. При этомъ разграбленіи я, вмѣстѣ со многими изъ нашихъ, потерпѣлъ такой убытокъ, что у меня рѣшительно не осталось изъ пожитковъ моихъ ни чего, кромѣ только того, что было на мнѣ и со мною.

Но ружья враговъ этѣмъ не удовлетворялись. Нѣкоторые изъ нихъ взлезли въ высокій домъ, лежащій на сосѣдству съ дворомъ Посланиковъ, отрубивъ хозяину этого дома руку за то, что онъ не хотѣлъ было впустить ихъ, а повѣсы и соловьи выбродявъ его изъ дому, сами же вообразили на крышу, съ помощью слободнаго мела обстрѣлывать весь Посольскій дворъ, такъ что ни кто безопасно не могъ и показаться на этомъ дворѣ. Часть нашихъ, слѣдуя выводу прамѣру непріятеля, также вообразилась на свою крышу, съ покорой и нанесли ему опротивѣшій вредъ. Оттуда-то Фанъ Мандельсо убилъ изъ пистолета главнѣйшаго вождя Индійцевъ, бывшаго близкимъ другомъ Индійскому Цесю. Густою толпою непріятеля бросились наконецъ осадить самый домъ Посланиковъ, нападъи кокетать къ нему, и по всему было видно, что Индійцы яростно жаждали крови всѣхъ насъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи Посланики наши не могли найти ничего лучшаго, какъ последовать совету Армянъ, именно: они пробѣли стѣну въ своей комнатѣ на сосѣдній дворъ, гдѣ этѣ Армяне представили лѣстницу къ высокой оградѣ, которою было обнесено лежавшее тамъ кладбище ихъ, и на этомъ-то кладбищѣ, по предложенію Армянъ, Посланики, въ случаѣ

нужды могли укрыться даже въ ихъ церквяхъ. Такимъ образомъ добрые люди помогали и послужили намъ, такъ только могли, въ нашемъ бѣдственномъ тогда положеніи. (Наконецъ въ рокомствомъ и преслѣдованіемъ со стороны Отто Бругмана была отлучена эта услуга изъ на Армянскій Бригадъ, по совершеніи Посольства въ Готторгъ и Самбургъ, о томъ достаточно извѣстно въ этихъ городахъ.)

Когда мы перебрались сказаннымъ образомъ черезъ проломленную стѣну, то очутились въ прекраснѣйшемъ, мастерски раскинутомъ, увеселительномъ саду, который, впрочемъ, доставилъ намъ удовольствіе не болѣе того, какое могла доставить золотая башня человѣку, осужденному сейчасъ же на смерть. Въ то время, когда мы стояли въ этомъ саду, пораженные, въ ожиданіи, что пошлетъ намъ судьба еще далѣе, явился на мѣсто брани Царскій Маршалъ, посланный Шахомъ, и водворилъ миръ.

Когда слухъ объ этой схваткѣ и, какъ водится, съ равными измѣненіями и преувеличеніями, достигъ до города, то произвелъ такой ужасъ и потрясеніе въ жителей, которые никогда и не слыхивали у себя о какомъ ни будь возмущеніи, что весь городъ пришелъ въ воиженіе. Сначала Шахъ приказалъ было, черезъ своего Маршала, уговорить Индійцевъ успокоиться; но когда ни Индійцы, ни самъ Посолъ ихъ, не послушали Маршала, то Шахъ послалъ его въ другой разъ уже съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ воиновъ, разогнать Индійцевъ; а за воиновъ послѣдовала и цѣлая полосуна города. Увидѣвши такое множество народа, стремившагося словно громадный приливъ, Индійцы тотчасъ же отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и оставили насъ. Въ послѣдствіи намъ рассказывали, что Шахъ, услышавши о провалѣ нападенія на насъ Индійцевъ и о томъ, что Посолъ ихъ своимъ желаніемъ, какъ бы сообразовывая на это нападеніе, въ гнѣвѣ приказалъ было снять и принести ему голову этого Падана; но его уговорилъ будто бы отъѣхать это приказаніе Государственный Канцлеръ, поставивъ ему на видъ именно то обстоятельство, что оба Посольства и Посланники суть только гости Шаха, и наказывать ихъ за ихъ преступленія могутъ только ихъ собственные Государя.

ГЛАВА XXXVIII.

Какъ перебрались мы въ городъ и какъ продовольствовались насъ тамъ.

Когда описанная свалка миновалась и мы могли безопасно выйти за двери, то изъ нашихъ вещей мы не нашли ни чего, кромѣ разбитыхъ кадокъ (или боченковъ) и нѣсколькихъ конченыхъ языковъ, колбасъ и окороковъ, которыя Узбеки, будучи Магометанами, считали нечистыми и повыбросили вонъ. Нѣсколько дней спустя одинъ Персiанинъ принесъ еще и продалъ мнѣ, изъ бывшихъ и похищенныхъ у меня Эфемеридъ Оригана (*Ephemeridibus Origani*), только одну 3-ю часть. Убытку всего въ вещахъ и пожиткахъ мы потерпѣли отъ разграбленія около: 4000 рейхсталеровъ. Хотя Шахъ и пожелалъ узнать стоимость всего у насъ расхищеннаго, съ предложенiемъ доставить намъ вознагражденiе за все, но изъ этого не вышло ни чего по нѣкоторымъ, хорошо извѣстнымъ намъ, причинамъ.

Во время побѣдъ, продолжавшагося около 4-хъ часовъ, изъ нашихъ убито было на мѣстѣ пять человекъ и ранено 10, изъ коихъ нѣкоторые тоже послѣ умерли. У Индiйцевъ же, по показанiямъ Персовъ, на мѣстѣ пало 24 человека, а раненыхъ еще больше. Это было самымъ великимъ несчастiемъ, какое издалека только мы во все время нашего путешествiя. Проѣхавши безъ особаго ущерба по пути черезъ всякiя опасности отъ различныхъ враговъ, мы должны были понести наибольшую потерю и въ людяхъ и въ имуществѣ именно въ Царскомъ стольномъ городѣ, въ которомъ считали себя болѣе всего безопасными.

Индiйскiй Посолъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ этого получилъ свое обратное отправленiе и долженъ былъ выѣхать въ теченiе нѣсколькихъ дней.

Скажу сдѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ. Этотъ Индiйскiй Мирза или Князь былъ отъ Царя Индiйскаго, называе

¹ Origani Ephemerides Brandenburgicae. Francofurti, 1609. O. B.

наго имя Великій Могуль (а ча Могаръ, какъ пишетъ Ботеръ, Botegia, (въ «Politia Regia. Marpurgi, 1620»), и былъ посланъ сюда тогдашнимъ Могулемъ Жорамшею (Choramacha); держалъ себя этотъ Князь съ великою пышностію и обыкновенно приказывалъ носить себя нѣсколькимъ невольникамъ на Индійскихъ носилкахъ, утвержденныхъ на высокомъ изогнутомъ желѣзномъ шестѣ и устроенныхъ такъ; что въ нихъ скорѣе можно лежать, чѣмъ сидѣть. Такъ какъ Персы легко могли догадаться о просьбѣ, съ которой онъ прибылъ, то онъ долженъ былъ прожить въ нихъ цѣлыхъ 3 года, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ представленію, но во все это время, впрочемъ, его содержали превосходно. Не задолго еще до нашего прибытія Персидскій Шахъ прислалъ ему 3000 туменовъ на содержаніе, такъ какъ Посолъ понукалъ продовольствіе на свои деньги.

... ..

При представленіи своемъ Посолъ этотъ цѣлые 3 дня одинъ за другимъ доставлялъ все Шаху подарки: въ первый день отъ своего Могуля, во 2-й отъ сына его, молодого Князя, и въ 3-й уже отъ себя самого. Всѣ эти подарки стоимостію считались болѣе бочки (Топле) золота. Просьба же или ходатайство его заключалось въ слѣдующемъ: онъ желалъ, чтобы ему выданъ былъ Персидскимъ Шахомъ двоюродный братъ Могуля, Мирза Полагн. Шахъ далъ на эту просьбу такое рѣшеніе: «О томъ, чтобъ выдать Мирзу Полагн, онъ, Шахъ, много размышлялъ, и пришелъ къ такому заключенію, что сдѣлать это значитъ поступить вовсе не по дружбѣ, тогда какъ Полагн прибылъ какъ другъ въ страну, которая свободно открыта каждому другу, и до сихъ поръ онъ и валъ себя въ этой странѣ не иначе, какъ добрый другъ и гость; по чему онъ, Шахъ, полагаетъ, что инымъ образомъ съ Полагн не прилично и поступать; какъ предоставить ему пользоваться правдами дружбы и гостепріимства; по этому-то и дозволяется ему, Полагн, по его желанію, оставаться у него, Шаха.» Съ такимъ рѣшеніемъ и поѣхалъ Посолъ обратно домой.

... ..

Посолъ этотъ накупилъ было отличныхъ Персидскихъ лошадей (ибо въ Индіи водятся только малыя и невзрачныя лошади), и выслалъ ихъ по частямъ впередъ. Персіане же втайнѣ очень недовольны были тѣмъ, что изъ ихъ земли увозятся такія

прекрасныя лошади, и по тому Правителю Герата (гдѣ былъ главный проходъ въ Индію), по имени Гасамъ-Хану, дано было, подѣ рукой, приказаніе, чтобы онъ отнюдь не выпускалъ за границу ни одной изъ купленныхъ лошадей, что и было исполнено. Когда же Посоль, встрѣтивъ пренатствіе въ пропускѣ лошадей, ссылался на права Посольства и на соизволеніе Шаха, отъ котораго не было ему запрещенія въ покупкѣ лошадей, и угрожалъ Хану Царской немилостью, то Ханъ отвѣчалъ: «Покупка эта не имѣетъ ни чего общаго съ посольствомъ; что Шахъ соизволялъ на нее, то было его дѣло; теперь же онъ, Ханъ, сдѣсь, въ Гератѣ, самъ Шахъ, и долженъ оберегать эту страну, какъ свою собственность, подѣ опасеніемъ лишенія жизни его и всѣхъ его родичей; по этому онъ и не можетъ дозволить, чтобы такое воинское средство, какъ лошади, которыя могутъ быть употреблены непріателемъ противъ его Отечества, были выведены изъ этого Отечества. По всему этому онъ отваживается на немилость Шаха, но не пропуститъ ни одной лошади, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Послу Шахомъ.» Такимъ образомъ Посоль принужденъ былъ отослать назадъ купленныхъ имъ лошадей, и распродать ихъ.

Сами по себѣ Индійцы отъ природы ласковые, дружедлюбные люди, и съ ними пріятно находится въ дружественныхъ отношеніяхъ; но если ихъ разсердить и начать съ ними ссору, то они до того распаляются, что гнѣвъ ихъ ни чѣмъ инымъ, утѣшить не возможно, какъ кровью, какъ это мы не только слышали отъ другихъ, но дознали и на себѣ нашимъ приѣздомъ и потерями.

Когда мы на другой день, послѣ бывшей съ ними схватки, именно 8-го Августа, перебрались въ новое помѣщеніе, то всѣмъ Индійцамъ, какъ купцамъ, которыхъ въ Испагани находилось тогда 12,000, такъ и прислугѣ Посла, было строго наказано, подѣ опасеніемъ потери головы, чтобы ни кто изъ нихъ, во время нашего переѣзда, не былъ на улицахъ. Такимъ образомъ мы переѣхали въ городъ подѣ прикрытіемъ сильнаго отряда.

Посольскій дворъ былъ чрезвычайно обширенъ и кромѣ 4 отдѣльныхъ въ немъ дворовъ, имѣлъ множество покоевъ и ком-

ветокъ, въ которыхъ мы могли размѣстить всю нашу прислугу. Черезъ два его двора, нѣсколько бесѣдокъ и покоевъ, протекала рѣчка, шириною въ 25 футовъ, по обѣимъ берегамъ усаженная высокими яворами (чиннарами) и другими болѣе низкими деревьями, которыя представляли весьма удобное мѣсто для пріятной прогулки; за тѣмъ рѣчка эта шла далѣе, протекая подъ главнымъ зданіемъ. Посреди зданія, гдѣ помѣстились Посланички, была большая высокая восьмугольная зала, и въ ней, подобной же формы, выложенный большими четырехъугольными камнями, водометъ, черезъ который можно было по желанію проводить рукавъ упомянутой сейчасъ рѣчки. По всѣмъ стѣнамъ залы находились двери и нѣкоторыя изъ нихъ вели въ другіе покои. На верху, во 2-мъ ярусѣ, вездѣ кругомъ размѣщены прекрасные балконы, окна которыхъ будто двери выходили въ дворъ черезъ открытыя галереи или ходы, частію же обращены въ залъ, такъ что изъ всѣхъ покоевъ цѣлаго зданія, сказанную залу можно было видѣть насквозь. Стѣны вездѣ, особенно же внизу, въ залѣ, разукрашены были рѣзбой по извести, съ выпуклыми золочеными и покрытыми лакомъ изображеніями разныхъ цвѣтовъ и птицъ, болѣе, впрочемъ, богато, чѣмъ изыщно сдѣланными, такъ что мы имѣли такимъ образомъ весьма пріятное помѣщеніе. Но такъ какъ мы все таки опасались новаго нападенія Индійцевъ, которые грозили перебить насъ всѣхъ, то, по доброму совѣту Персіанъ, мы распорядились всѣ мѣста въ нашемъ жилѣ, не крѣпко защищенныя, частію укрѣпить, частію же защитить каменнометицами и надежною стражей, постоянно, на все время, пока не уѣхалъ Индійскій Посоль.

Во все время пребыванія нашего въ Испагани, по приказанію Шаха, намъ выдавали ежедневно по 16 овецъ, 100 куръ, 200 батмановъ (мѣшковъ?) вина и всякаго рода плоды и коренья, такъ что на поварню и погребъ всегда доставлялось намъ продовольствіе богаче и обильнѣе того, чѣмъ сколько мы могли съѣсть; если бъ, впрочемъ, тѣ люди, которые принимали и сберегали это продовольствіе, добросовѣстнѣе распоряджались имъ, а не спроваживали бы часть его въ ненужныя мѣста, къ Армянамъ, говоря правду, въ слѣдствіе потачки, сонзволенія и даже по приказанію одного изъ главнѣйшихъ въ нашемъ Посольствѣ (раз-

умѣю сдѣсь 'того, (который изъ Гамбурга), го по причинѣ такой не надлежащей траты не пришлось бы до того мажорантъ, что мы должны были ѣсть только по одному разу въ день, а иногда и совсѣмъ не хватало продовольствія на всѣхъ людей, бывшихъ у насъ въ Посольствѣ.

10-го числа нѣкоторые изъ насъ посланы были по нужному дѣлу къ Русскому Посланнику, Алексѣю Савиновичу, и отправились они одѣтые въ Русскія платья, такъ какъ Индійцы не могли видѣть Нѣмцевъ безъ озлобленія. Въ этотъ день умерло у насъ еще нѣсколько человекъ, раненыхъ въ сраженіи съ Индійцами, и съ особенно сильными страданіями умеръ одинъ тѣлохранитель, который, во время нападенія на насъ Индійцевъ, желая вбѣжать въ слѣдъ за мной въ Царскій домъ, былъ раненъ отравленною пулей въ колѣно, отъ чего съ нимъ сдѣлалось смертельное. 15-го же числа умеръ также и нашъ Квартирмейстеръ, Николай Гоше, уроженецъ Стапельгольмскій, бодрый и крабрый человекъ. Еще въ дорогѣ нѣсколько недѣль у него была ангорка, и только что она прошла, съ нимъ сдѣлался кровавый поносъ, который и свелъ его въ могилу. Онъ погребенъ въ Джульфѣ (Zulfa), на Армянскомъ кладбищѣ, подлѣ могилъ другихъ, покоящихся тамъ, нашихъ людей.

Г Л А В А XXXIX.

О нашемъ открытомъ представленіи и передачѣ подарковъ.

16-го Августа Шахъ потребовалъ Гг. Посланниковъ къ открытому представленію и въ тоже время къ столу, при чемъ прислалъ для поѣзда нашего 40 препосланныхъ, красиво убранныхъ, лошадей, на которыхъ сѣла и нѣсколько головныхъ приборовъ обиты были толстымъ золотомъ. На этихъ лошадяхъ ѣхали верлами Посланники съ важнѣйшими изъ спутниковъ. Простая прислуга шла пѣшкомъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Подарки Его Свѣтлости, Князя Голштинскаго.

Когда самый дорогой и превосходнѣйшій подарокъ, именно: большое мастерское произведеніе, часы, пропали во время круше-

нія на Балтійскомъ морѣ, то безъ нихъ переданные Шаху подарки были слѣдующіе:

1. Два доспѣха (Kūgiss), отличной работы, обдѣланные золотомъ, одинъ полный, а другой половинный; везли ихъ впередъ трое всадниковъ.

2. 40 паръ отличныхъ пистолетовъ съ разукрашенными футлярами и прочими принадлежностями; везли ихъ 40 человекъ.

3. Двѣ сабли, пожныя которыхъ были изъ изящно обдѣланнаго янтара (который Персы цѣнятъ весьма высоко), взрѣзаннаго въ чистое золото; сабли эти, вмѣстѣ съ разукрашенными футлярами, везли четыре человека.

4. Еще 4 сабли, съ серебряными позолоченными, обдѣланными тоже янтарею, ножнами, безъ футляровъ, везли ихъ тоже четыре человека.

5. Два посоха, покрытые янтарею, изящной работы, съ прекрасными футлярами; ихъ везли еще четыре человека.

6. Два янтарныхъ прекрасныхъ подсвѣчника; везли тоже четыре человека.

7. Два изящныхъ ящика (поставца), изъ бѣлаго и желтаго янтара; везли два человека.

7- Драгоценная химическая Аптека; банки которой большею частію изъ чистаго золота; сверху обдѣланныя дорогими камнями, означавшими тѣ минеральныя порошки, которые заключались въ банкахъ. Самый ящикъ былъ изъ чернаго дерева, обитаго вызолоченнымъ серебромъ, на крѣпкихъ серебряныхъ ножкахъ. Везли четыре человека.

Такъ какъ, по обычаю Персовъ, ни кто, а также и чужестранные Посланники, не могутъ являться къ Шаху безъ собственныхъ подарковъ отъ своего лица, то отъ Посланника Крузе были слѣдующіе подарки:

1. Превосходное ружье изъ брашмьскаго дерева, курокъ котораго ввезенъ самъ сробомъ.

2. Хрустальная кружка, обитая золотомъ и украшенная бризвой и рубинами.

3. Прекрасный янтарный ящичекъ.

4. Небольшіе, боевые часы.

Подарки же Г. Посланника Вругмана были:

1. Большой мѣдный, весь вызолоченный, подсвѣчникъ, съ 30-ю отростками, которые въ три яруса расположены одна надъ другою и которые всѣ были изящно изукрашены разными изображениями и цвѣтами изъ серебра. На верхній подсвѣчникъ адламы были часы, бившіе часы и четверти.

2. Пара позолоченныхъ пистолетовъ въ прекрасныхъ футлярахъ.

3. Боевые часы, устроенные въ видѣ башни съ шпалтрами, вышнюю въ подѣ локтя.

4. Еще часы, вмѣстѣлице которыхъ адламо въ топазъ.

5. Превосходный большой бриліантъ, обложенный крупными рубиномъ и множествомъ мелкихъ драгоценныхъ камней.

6. Записка, объясняющая, что въ число подарковъ назначаются и большія металлическія пушки, оставленныя въ Ардебидѣ, на которыхъ высѣчены были имя и гербъ Многостѣпшаго Китая нашего и Государя

Всѣ эти подарки несли впередъ, отряженные для того; Персіане, и хотя имъ наказано было ити въ известномъ порядкѣ, но они не исполняли этого, а шли всѣ толпой; ибо Персіане въ торжественныхъ своихъ ходатахъ не соблюдаютъ ни какого порядка. За ними слѣдовали Господа Посланники, со всѣми спутниками своими, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Три сержаанта съ своими короткими ружьями, 15 мушкетеровъ, одѣтыхъ въ красныя ливрен, по три въ каждомъ ряду.

Маршалъ.

Гофъ-Юнкеры, по трое въ каждомъ рядѣ.

Три трубача съ серебряными трубами.

Восемь тѣлохранителей, шедшихъ до два.

За тѣмъ Гг. Княжескіе Посланники, оруженныя 8-ю тѣлохранителями.

За ними два толмача.

Потомъ ѣхали 8 пажей въ особыхъ красивыхъ ливреяхъ, а за ними уже слѣдовала остальная низшая наша прислуга, по три въ каждомъ изъ 8-ми человекъ.

Прибывши въ такомъ порядкѣ, въ сопровожденіи множества Кизилябашей и Царскихъ конниковъ, черезъ Майданъ, передъ Шаховъ дворець, люди съ подарками постороились, дали мѣсто Посланникамъ, которые и были слѣсъ, у переднихъ воротъ, вринаты Шахскимъ Есаудомъ, Сонгѣбетъ (Jesaul Souhobei) или Гостиннымъ Маршаломъ, сопровождаены нивъ далѣе въ одинъ покой со сводами, бывшій у воротъ, гдѣ Диванъ-Беки или Судья обыкновенно производятъ свой судъ, и въ этомъ покоѣ сказанный Маршалъ просилъ пріеѣтъ отдохнуть Гг. Посланниковъ. Между тѣмъ вѣстникъ пошелъ доложить Шаху о нашемъ прибытіи, и вскорѣ послѣ того нѣсколько знатнѣйшихъ Персіанъ пришли и объявили намъ, что Шахъ проситъ Гг. Посланниковъ къ себѣ. Намъ повели длиннымъ узкимъ дворомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, кромѣ высокыхъ главныхъ стѣнъ, шли болѣе низкія, за которыми въ порядкѣ и по прямой чертѣ росли большіе высокіе яворы, словно высокія ели. Вдоль этихъ низшихъ стѣнъ стояло нѣсколько тѣлохранителей, отчасти въ высокыхъ, остроконечныхъ и жесткихъ, шапкахъ, украшенныхъ пучками

перевезъ, и множество мушкетеровъ стройными рядами, черезъ которые мы проходили. Все это представляло приятный для глазъ видъ вдаль. Этотъ ходъ, равно какъ и подобные ему увеселительные ходы, называются у Персіянъ Хейванами (Cheiwan). Въ концѣ этого двора поперекъ или прямо въ упоръ находился открытый покой, въ коемъ Шахъ слушаетъ разныя дѣла по управленію страной, или производитъ судъ; онъ называется Diwanchané или Судебнымъ домомъ; ибо Шахъ не держитъ, подобно Московскому Царю, особой палаты для приѣма Писловъ, но употребляетъ для этого разныя палаты и увеселительныя бесѣдки. Не подальку отъ этого Diwanchané, за деревьями, стояло до 50 Шахскихъ лошадей, покрытыхъ дорогими попонами, изукрашенными золотой парчей и вышивной работой; ближе же къ дому стояло нѣсколько осѣдланныхъ прекрасныхъ Арабскихъ лошадей, сѣдла и сбруя на коихъ обдѣланы были чистымъ золотомъ и обложены драгоценными камнями. Всѣ онѣ стояли подъ открытымъ небомъ, привязанныя за заднія ноги веревкой къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Большая часть ихъ на бедрахъ и брюхѣ выкрашены были желтою, какъ померанецъ, краской. Сдѣсь же подлѣ стояли большія золотыя чаши, изъ которыхъ пьютъ этѣхъ лошадей. Не вдалекѣ отъ этѣхъ чашъ стояло еще два большіе золотыя же сосуда; нѣвшіе локоть въ поперечникѣ; въ нихъ былъ ледъ, употребляемый Персіанами для охлажденія вина.

Самый увеселительный покой (или бесѣдка) былъ возвышенъ на три ступени противъ двора, имѣлъ въ длину 12 сажень, въ ширину 8 и въ вышину около шести сажень, и спереди закрытъ былъ занавѣсомъ изъ красной камки, который поднимался и спускался на шнурахъ. Столбы (пилястры), на которыхъ покоился занавѣсъ, были деревянныя, восьмигранныя, расписанныя съ позолотой и украшены, также какъ и весь покой, золотыми изображеніями разныхъ цвѣтовъ. Слѣва на стѣнѣ висѣли три большія картины Европейской работы, изображавшія разныя исторіи. Полъ устланъ былъ дорогими коврами. Посреди палаты находился четырехугольный водометъ, въ которомъ плавали всякаго рода цвѣты, лимоны, померанцы, гранаты, яблоки и другіе плоды. Вокругъ водомета стояло великое множество

золотыхъ и стеклянныхъ виницъ, флаговъ съ динными узлами горлышками, которыхъ въ, или только вверху, удыками, были пушистыми букетами, или обложены вѣнками, на горлышкахъ, такъ что при этомъ случаѣ, мы увидѣли здѣсь то, какъ, по описанію Вергилія, было на шествіи Дидоны:

«Crateras magnos statuant, et vina coronant»¹

За водометомъ у стѣны, на полу, сидѣлъ Шахъ на шелковой подушкѣ, поджавши подъ себя ноги по обыкновенію простонародья Персидскаго. Это, былъ человекъ, 27 лѣтъ, благообразный, бѣлый и свѣжій лицомъ, съ ястребинымъ, съ кербинною носомъ, какъ и у всѣхъ почти Персіанъ, ж. съ небольшими усами, но не висящими внизъ, какіе носятъ обыкновенно другіе Персы. Одежда его изъ золотой парчи ни, чѣмъ особенно не отличалась отъ обыкновенной Персидской одежды, и единственнымъ отягачемъ въ уборѣ Шаха были: превосходный алмазъ на его мандаи (Mendil) или чалмѣ, съ журавлинымъ перомъ, и пара дорныхъ соболей, висѣвшихъ у него вокругъ шеи. Дворецъ Kürdi или верхняго кафтана, который Персіане носятъ безъ рукавовъ. Познѣе, такіе же Kürdi видѣли мы и на другихъ знатныхъ дельмажахъ Персіи. Сабля Шаха на боку, блестяща золотомъ и дорогими камнями, а лукъ и стрѣла лежали передъ его. По правую его руку стояло 20 прекрасныхъ юныхъ мальчиковъ, пажи его, которые большею частію были дѣти Хановъ и Султановъ, состоявшихъ управителями въ областяхъ: нѣкоторые изъ этихъ юношей были оскотлены. Одинъ изъ пажей, весьма нѣжный лицомъ, держалъ вѣеръ или опахало, сдѣланное изъ хвоста одного морскаго животнаго, называемаго Maheri kutās, и привезенное изъ Индіи; видомъ оно походило на хвостъ изъ перьевъ, и имъ-то мальчикъ прохлаждалъ Шаху воздухъ. Подлѣ пажей находился Meheter или камердинеръ. Прямо передъ Шахомъ въ отдаленіи стоялъ Эйшикъ-Агастъ-Баши (Eischik agast baschi) или Великій Маршалъ, державшій въ рукѣ посохъ, весь обдѣланный золотомъ и вверху съ большимъ круглымъ набадашникомъ. Влѣвѣ отъ Шаха, шагахъ

¹ Aeneid. lib. 1, vers. 728. O. B.

въ 4-хъ, сидѣвъ Государственный Канцлеръ, котораго Персіане зовутъ Entemad' d'owlet, а за ними, одинъ за другимъ, Ханъ и Князь, Царскіе Советники (Засѣдатели). Впереди у входа въ залъ, на лѣвой рукѣ, сидѣли: Арабскій Посолъ изъ Емана (Jeman), котораго Государь отдалъ подъ защиту Персидскаго Шаха отъ Турокъ, а подлѣ него Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ. Далѣе внизу, находились уже музыканты.

Когда, по приглашенію нѣсколькихъ вельможъ, наши Посланники вступили въ залъ, ихъ встрѣтили тамъ Князь Джани-Ханъ Курджибашъ (Tzani shaw Kurtdjibaschi) (о комъ было упомянуто выше въ Sijarety и Али-Кули-Бекъ (Ali-culi-bek), Diwanbek, взяли ихъ за руки, и повели одного за другимъ къ Шаху. Это взятіе за руки, совершаемое сопровождающими обѣими руками и употребленіе тамъ съ волею Посланникамъ, кромѣ того, что сими оказывается высокая честь. Посламъ, дѣлается, какъ надо полагать, и для охраны Шаха; чтобы, въ случаѣ какого либо злаго умысла противъ него, какъ это случилось при Шахѣ Абасѣ со стороны одного Турецкаго Посла, онъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе самими являющимися къ Шаху. Я полагаю, что по той же причинѣ Шахъ дасть цѣловать не руку, но чужестраннымъ господамъ колѣно, и подданнымъ своимъ ногу.

Представши предъ Шаха, Посланники наши поклонились ему съ достоюимымъ уваженіемъ; а Шахъ, въ отвѣтъ, ласково кивнулъ имъ съ любезнымъ видомъ. За тѣмъ тотчасъ же ихъ отвели въ сторону и посадили на цѣпкіе стулья подлѣ Хановъ или Князей. 15 человекъ изъ важнѣйшихъ спутниковъ Посольства приглашены были сѣсть въ той же залѣ; нажи же и остальная наша прислуга помѣщены были въ покоя, подлѣ 13 богато разодѣтыхъ танцовщицъ, сидѣвшихъ на коврахъ, съ открытыми лицами. Танцовщицы эти не были; какъ полагали и писали нѣкоторые изъ нашихъ, Шахскими, но были обыкновенныя, хотя и лучшія, изъ ненотребныхъ жвищницъ города, которыя платили Шаху извѣстную подать и должны были прислуживать у него.

Когда Посланники, посидѣвъ цѣлаго, Шахъ приказалъ Маршалу спросить ихъ, объ имени Государя, пославагого ихъ, и чего

излагаютъ оныя Отвѣтныя приличнымъ образомъ на это, оба Посланника, вибѣтъ съ толмачемъ, поднялись къ Шаху съ краткою рѣчью (съ длинной рѣчью обращаться къ Шаху не въ обычаѣ), передали вѣрительныя грамоты его Княжеской Свѣтлости, которыя и принялъ отъ нихъ Государственный Канцлеръ; послѣ этого Посланниковъ снова пригласили сѣсть, и Палатскій Секретарь или *Wakaenpis* возвѣстятъ имъ, что Шахъ прикажетъ перевести ихъ вѣрительныя грамоты и выслушать далѣе Гг. Пословъ, въ какое угодно имъ другое время; теперь же они должны только веселиться. За тѣмъ принесены были, одинъ за другимъ, подарки и отнесены въ сокращенную палату (казначейство), находившуюся при входѣ на правой рукѣ *Diwalchanae*. Между тѣмъ столъ, который былъ собственно вся зала, устали для всѣхъ гостей разными сладостями (конфектами) и ягодами, въ сосудахъ изъ чистаго тометаго золота, и сосуды эти разставлялись одинъ подлѣ другого, а иногда и одинъ на другой, а между ними тоже тяжеловѣстные золотыя флаги, впрочемъ, пустыя и поставленныя только для украшенія, числомъ болѣе 300, такъ что куда ни поворотиться, вездѣ блистало только чистое золото, хотя вся эта посуда, однако, была совѣтъ плохой работы, гладкая, безъ рѣзьбы, или выпуклости, за исключеніемъ Царской посуды для питья, именно: винной флаги и чарки *Sugahi* и *Piali*, которыя всѣ были усыпаны бирюзой и рубинами. За кушаніемъ плодовъ нѣсколько разъ принимались пить всѣ кругомъ хорошее Шираское вино, и между тѣмъ явился скоморохъ, который въ своей сумки выдѣлывалъ разнаго рода ловкія и забавныя штуки. По прошествіи добраго часа времени сласти принимали, начали готовить столъ собственно къ обѣду и разстлали парчевую скатерть. Десять человекъ явились и принесли кушанья въ огромныхъ золотыхъ сосудахъ, видомъ похожихъ на горшки, одни на годовыхъ, другіе на обитыхъ толстымъ листовымъ золотомъ носыакахъ, похожихъ на наши навозныя носыаки.

Царскій Кравчій или *Suffretzi* расположился съ кушаньями въ срединѣ стола или залы, одѣлалъ и раскладывалъ кушанья на множества различнѣйшихъ блюдъ, и прежде всѣхъ подаль ихъ Шаху, потомъ Посланникамъ и другимъ Господамъ по порядку. Всѣ блюда наполнены были варенымъ рисомъ, поверхъ котораго

жареныя баранины, жареныя куры, яичицы, цыреня, жареный шпинатъ и щавель и густое кислое овечье молоко для Кофры, какъ называютъ его въ Дейцидгѣ. Въ нащентъ ряду часто на одномъ блюдѣ было по пяти такихъ кушаньятъ. Такой способъ кладки кушаній у нихъ почти необходимъ; ибо за столомъ у нихъ не сидятъ одинъ противъ другого, какъ это у насъ въ обычаѣ, но располагаются все въ одинъ длинный рядъ, одинъ за другимъ, и такъ какъ при этомъ, двумъ, или тремъ, гостямъ едва достать изъ одного блюда, то было бы неудобно множество кушаній подавать въ отдѣльныхъ блюдахъ. Къ тому же у нихъ также не въ обычаѣ, какъ у насъ, излишняя бѣготня прислуги при подачѣ кушаній. Кромѣ сказанныхъ кушаній, кому какое угодно, выставлены были также особыя блюда съ рисомъ различнаго цвѣта.

Обѣдъ прошель въ совершенномъ молчаніи, безъ особыхъ разговоровъ. Самъ Шахъ раза три, четыре, только заговаривалъ съ Государственнымъ Канцлеромъ, и то только по нѣскольку словъ. Въ слѣдующее же представленіе и обѣдъ Шахъ вступилъ съ нашими Посланниками въ довольно дружескій разговоръ. Съ тѣмъ также во время ирушки потѣшались музыкой и нѣкоторыми зрѣлищами. Инструменты, на которыхъ игралась Царская музыка, были: бубны, свистѣлки или флейты, лудки, лютин и скрипки; изъ нихъ бубны поражали наши уши самымъ убійственнымъ образомъ. Помянутыя выше танцовщицы весело прыгали кругомъ чудными способомъ, и нѣсколько ловкихъ борцовъ показывали искусство и проворство въ разныхъ схваткахъ точно также, какъ это было и въ Каслинѣ.

Въ то время, какъ все это происходило позади Посланниковъ, въ одной двери, ведущей въ смежный покой и завѣшанной покрываломъ, посадили потихоньку одного Персіянина, знавшаго Португальскій и Итальянскій языки, для того, чтобы онъ подслушивалъ, что будутъ говорить Посланники между собой и съ своимъ толмачемъ и каѳе они выскажутъ при этомъ мнѣніе о Персіянахъ. Толмачемъ нашимъ тамъ былъ Португальскій Августинскій монахъ, Отецъ Іосифъ а Rosario (весьма набожный, разумный, привѣтливый и ласковый человекъ, лѣтъ сорока), ко-

горьки; своимъ обращеніемъ между Персами въ теченіи 24-хъ лѣтъ, хорошо изучилъ ихъ природу, нравъ, живныя и поступки, и по тому могъ сослужить намъ добрую услугу. Съ Нобланциномъ Крузе онъ разговаривалъ по Латыни, а съ Г. Бругманомъ по Португальски. Мнѣніе, какое высказывалъ при этомъ Бругманъ о томъ и другомъ, въ особенности же объ Европейскихъ картинахъ и о Персидскомъ способѣ сидѣть и ѣсть, конечно, не понравилось Шаху. Послѣ полуторачасоваго сидѣнья за купаньями, столъ былъ убранъ и подана всѣмъ кругомъ теплая вода, для умованія рукъ, въ золотой кружкѣ, и за тѣмъ Великій Маршалъ возгласилъ по Турецки:

قوته الله ديلم
الله الله

«Suffre Makine! Sehane obvletine,
Kasiter kuvvetine. Alla diehh.»

«Возврати, Боже, этотъ обѣдъ, умножь Царское добро и солдай Сильными его воиновъ (или слугъ)! Боже, я желаю этого!»

За тѣмъ всѣ другіе закрили: «Алла, Алла! Боже, Боже!»

Вскорѣ за тѣмъ гости поднялись, одинъ за другимъ, и молча, по ихъ обыкновенію, разошлись по домамъ. Пришелъ и нашъ Мегемандаръ и сказалъ Посланникамъ, что уже время прощаться. Мы поднялись съ своихъ мѣстъ, поклонились, уходя, Шаху, и побѣжали обратно домой.

Г Л А В А XL.

Что происходило въ Испании послѣ перваго открытаго представленія, особенно о первомъ и второмъ тайномъ представленіи. Также какъ пошла на насъ и какъ пригласили въ гости.

Послѣ открытаго представленія насъ стали навѣщать разные чужестранцы, проживавшіе въ Испании; именно: Англичане, Порту-

галльцъ, Итальянцъ и Французъ. Мы такъ хорошо перезнакомились съ ними, что доселѣ уже, во все время пребыванія нашего въ Испанаго, часто посѣщали другъ друга, и состояли съ ними въ большой дружбѣ.

Начало сдѣлали Англійскіе купцы, пришедшіе навѣстить Посланниковъ 18-го Августа, въ Поддиреннѣмъ (факторомъ) своимъ Французскіи Гайнотъ (Надвог), умнымъ и любезнымъ человекомъ. Такъ какъ обыкновенно они ходили въ Персидскомъ платьѣ, то для того, чтобы поправиться намъ, всё они надѣли Нѣмецкія одежды, привезенныя въ нашу столицу цѣлымъ днемъ. Предлагали намъ свои дружба и услуги, которыя и оказали намъ въ многостранствѣ въ многіхъ случаяхъ.

28-го числа Шехъ пригласилъ Посланниковъ всякаго рода плоды: дини, яблоки, груши, виноградъ, айву и проч., а каждому 30 башкичекъ ставкиномъ чашекъ съ Шираскнхъ виномъ.

24-го Августа Посланниковъ потребовали на первое тайное представленіе, на которомъ самъ Шехъ присутствовалъ такимъ же образомъ, какъ и въ стиринскомъ представленіи, съ Государственнѣмъ Канцлеромъ и многими важнѣйшими вельможами. Но представленіе это было ужасно не въ Диванѣ-Ханѣ, а въ другой палатѣ, часть пошла черезъ красную галерею и садъ къ открытой, восточной на видъ палатѣ, равнооконной на нѣколько восточнѣй, но впускной туда жъ Шеху только одного Посланниковъ и толмача; остальные Посольскіе посланники остались въ томъ же зданіи, въ другомъ покоѣ, съ другими вельможами и придворными людьми. Послѣ совѣщаній, продолжавшихся два часа, приготовлено было это, къ которому пригласили и насъ всѣхъ. Просидѣвши часъ съ двумя обѣдомъ, мы по прежнему распространились и поѣхали къ себѣ домой въ Шалокнхъ мошадатъ.

29-го Августа, въ день Рождества Богородицы Маріи по повелію счисленію, Посланники, со всѣми спутниками своими, приглашены были однимъ Кахедическимъ Испанскимъ монахомъ, Паперомъ Августинскимъ Ордена, для отправленія съ ними къ ирадвика, и за тѣмъ къ обѣду. Такъ какъ монастырь, въ который приглашали

насъ, находился хоть и въ городѣ, но болѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ Посольскаго двора, то Мегемандарь доставилъ намъ лошадей для поѣздки туда. Кромѣ насъ, тамъ были также: Русскій Посланникъ, Алексѣй, Армянскій Архіепископъ, съ нѣкоторыми своими Священниками, и Англійскіе купцы. Хотя этѣ послѣдніе въ Отецествѣ своемъ рѣшаются въ Христіанствѣ и неохотно терпятъ другъ друга, по причинѣ нѣкоторой разницы въ Вѣрѣ, однако здѣсь Христіане сближаются, ради общаго ихъ Христіанскаго имени, и стараются жить другъ съ другомъ въ добромъ согласіи.

Зданіе монастыря было довольно обширное, заключало въ себѣ прекрасную церковь, съ такими башнями, хорошо устроенныя крестообразныя галереи и удобныя кельи. Мы дружески были приняты монахами, которыхъ было только 6 во всемъ монастырѣ, и прежде всего приглашены въ церковь, для присутствія при ихъ Богослуженіи. Церковь была хоть и не велика, но изящно выведена круглымъ сводами и повсюду украшена золоченой рѣзбой и живописью; вверху у алтаря, также обделаннаго фигурами и большею частью вызолоченнаго, было искусно изображено Успеніе Богородицы. Во время службы, на хорахъ, находившихся на возвышеніи противъ алтаря, игралъ оркестръ, вмѣстѣ съ нашими музыкантами, приглашенными въ тонъ. По окончаніи Богослуженія пошли мы въ прекрасный увеселительный садъ, гдѣ, между прочими, было одно большое дерево, которое, множествомъ вѣтвей раскинувшись и повисшимъ внизъ и густою листвою своею, приятно отбѣляло находившіяся тамъ прудъ и устроенныя кругомъ стулья.

Изъ саду повели насъ въ комнату; въ передней на трехъ сторонахъ стояли накрытые столы, съ передней стороны, во всю длину; уставленные разнаго рода плодами въ фарфоровыхъ чашкахъ и усыпанные цвѣтами; за вѣтви по плодамъ мы и уѣли такимъ образомъ, что столы съ передней части были свободны отъ людей, отъ чего прислужъ было удобнѣе прислуживать гостямъ. Кушанья, которыя подавались на множество маленькихъ блюдъ, одно послѣ другого, и каждому отдѣльно, приготовлены были очень хорошо. Я никогда не ѣдалъ лучшей и болѣе вкусной, чѣмъ съѣлъ, кашу съ саженой; которая была совершенно

зеленая и кудреватая. По окончаніи обѣда, мы стали продолжать жительство у духовныхъ, какъ у мірянъ, имѣющихъ обширныя сады, подъ наше прекрасное дерево, и оставшееся время дня провели въ приятныхъ разговорахъ, а подъ вечеръ и съ веселомъ музыкой.

Въ началѣ Сентября мѣсяца большіе жары въ Испаніи начали спадать и наступили при томъ такіе холодныя ночи, что кто не заахалъ хорошей постельной принадлежностью, чувствовалъ это на себѣ довольно сильно.

Въ атѣ дни прѣѣхалъ Посланниковъ Армянскій Правитель (Губернаторъ) Селерасъ-Бекъ (Seleras bek), съ двумя своими братьями, желая познакомиться съ Гг. Посланниками. Это были предаскорые и добросердечные люди. Замѣтивши это, Посланникъ Бругманъ (который, я долженъ сказать это къ чести его, по природѣ своей, и въ особенности къ такого рода людямъ, быть всегда щедръ), тотчасъ же подарилъ старшимъ двумъ братьямъ, каждому по одно красному ружью, а младшему пару пистолетовъ, что имъ было чрезвычайно приятно. Въ изъявленіи своей благодарности и признательнаго сердца, они дали, 18-го Сентября, великолѣпную парашку, на которую пригласили Посланниковъ, со всеми ихъ спутниками. Черезъ нѣсколькихъ вѣдѣвшихъ Армянскихъ купцовъ, они достали намъ лошадей для поѣздки къ нимъ. Съ нами поѣхали туда верхами и два Испанскіе монаха, Пріоръ и отецъ Іосифъ, нашъ главный толмачъ. Насъ проводилъ въ предмѣстьѣ Джульва (Tzulva), гдѣ находилось ихъ жилище, и прежде всего въ церковь, чтобы посмотреть на ихъ Богослуженіе, которое на этотъ разъ состояло въ отправленіи ими обѣдни. Церковь украшена была довольно изрядной живописью, полы покрыты были коврами, а по стѣнамъ кругомъ разставлены стулья для насъ. Обѣдню служилъ самъ Патріархъ. Церковное облаченіе было изъ серебряной парчи, вышитой золотыми цвѣтами и жемчугомъ; такая же была и Епископская митра, бывшая на немъ. Между пѣніемъ игралъ небольшой органъ (Positiv), который бѣлѣе ревѣлъ, чѣмъ издавалъ хоть сколько ни будь согласные звуки. По окончаніи обѣдни всѣ мы поѣхали въ гостиницу, гдѣ ласково приняли насъ и повели, черезъ прекрасную со сводами

галерею и веселый садъ; въ покой, весьма хорошо разукрашенный на Персидскій образецъ, и пригласили въ немъ' усться на полу. Разостлали скатерть изъ водотой парчи, и устали ее всевозможными плодами и сластями (конфетами). Первая чаша, предложенная Сеферасъ-Бекомъ, была отлично изготовленная дорогая водка, похожая на Aquavit (Aqua vitae). По принятии сластей разоотлали пестрыя ошцевыя скатертн Индiйской работы; нботорая считается наилучшею, и привесли множество отлично приготовленныхъ кушанiй изъ говядины, солонины, баранины, куръ и проч. Когда мы поѣли вдоволь, то хотя блюда и оставались еще на столѣ, но насъ всѣхъ позвали и провели черезъ другую, отлнчно убранную, комнату въ открытый залъ, разбложенный въ саду. Залъ этотъ искусно устроенъ сводомъ вверху и вызолоченъ, а по стѣнамъ висѣли вездѣ картины, изображавшiя женщинъ въ различныхъ народныхъ одеждахъ. Посреди зала былъ водометъ, выложенный мраморомъ, и вода въ немъ усыпана была цвѣтами, а окранны усталиены множествомъ серебряныхъ, водѣтыхъ и стеклянныхъ флагъ съ виномъ. На полу кругомъ, на прекрасномъ коврѣ, разложены были бархатныя подушки всевозможныхъ цвѣтовъ, вышитыя золотыми и серебряными цвѣтами, и на нихъ-то пригласили насъ сѣсть. Сласти и плоды снова были принесены и приведены музыканты и плясуны. Во время такого веселья явился къ намъ и Патрiархъ, съ Архiепископомъ и двумя другими Священниками: Патрiархъ въ камлотовой, пурпурнаго цвѣта; расѣ, остальные въ черныхъ длинныхъ плащахъ съ скуфьями на головѣ; они сѣли подлѣ насъ и весело и дружески бесѣдовали съ нами: Братъ Правителя (Губернатора), чтобы доставить удовольствiе Посланникамъ; сами начали упражняться въ музыкѣ, и среднiй братъ; Илiя-Бекъ (Elias Bek); человекъ веселый, отъ чего онъ былъ хорошо принимаемъ у Шаха, но и лишился черезъ то своей передней плоти (Vorhaut) (о чемъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ), сначала игралъ на Тамега (такъ называютъ Армяне Персидскую лютню), потомъ взялъ 7 фарфоровыхъ чашъ, согласовалъ ихъ водою въ стройные звуки и наигрываетъ на нихъ двумя маленькими палочками подъ звуки лютни. Старшiй же братъ, Сеферасъ-Бекъ, сказавши, что принесетъ нную музыку, всталъ и велѣлъ подать на двухъ большихъ деревянныхъ подносахъ множество хрустальныхъ стакановъ; съ этии

подносили два мальчика обходили кругомъ гостей, и Сеферась-Бекы каждому изъ нихъ предложили стаканы съ виномъ выпить за здоровье Шаха Севи.

Проведши въ триномъ веселье до конца дня, съ окончанiемъ солнца мы распространили было съ колеснами, но, провозимъ насъ, они повели насъ въ другое увеселительное мѣсто въ саду, гдѣ вторично приготовлены были для пирושки столы и угощенья множествомъ кушанiй: изъ жареныхъ куръ, вареной и печеной рыбы, короваевъ (яичныхъ печенiй или яичницы), изъ садовыхъ и полевыхъ плодовъ и другихъ лакомыхъ вещей. Ни отъу рабы, между прочимъ убранствомъ, однимъ не изъ послѣднихъ было то, что надъ нами, на длинномъ шнурѣ, висѣло множество лампъ, одна подлѣ другой, а въ саду въ разныхъ мѣстахъ разставлено было также не мало свѣчей и факеловъ, которые отозвучи освѣщали, какъ комнату, такъ и садъ. Хотя мы и здѣсь присѣли за столъ, но, по недостатку позова къ ѣдѣ, большая часть кушанiй осталась нетронутой. Когда мы наконецъ послѣ сытнаго и даже шипшиного угощенiя поѣхали верхами домой, то насъ провожалъ Илия Бекъ, съ нѣкоторой прислугой и множествомъ фонарей и факеловъ, до самаго Посольскаго мншля, гдѣ порядочно тамъ были выданы хлѣбъ отъ горячей сладкой водки. Такимъ образомъ этого числа въ описанномъ мѣстѣ насъ угостили и повеселили такъ великолѣпно, какъ не бывало еще прежде никогда, и не да же на пиршествѣ у самаго Шаха.

19-го числа было второе тайное представленiе, и Шахъ двинулъ его опять въ новую палату, въ одну комнату. Такъ какъ въ этотъ разъ Посланники представили нѣкоторые письменныя сообщенiя, то переговоры велись не долго, и скоро наврѣтъ были столы и стали обѣдать, при чемъ были опять и музыканты изъ Узнашмы, что Посланники привели въ Мопаганъ и музыкантовъ съ собою, Шахъ пожелалъ послушать ихъ, но чему изъ нашей музыки мы ссудили на этотъ разъ одну Виолу да гамбу (Viol' de gambe), бандуру (Bandar) и скрипку (Discant Viole); на которыхъ наши музыканты играли около часу; но хотя наша музыка очень понравилась Шаху, однако же онъ не желалъ промѣнить на нее свою музыку, къ которой привыкъ.

д. н. 25-го числа. Присланныи, со всѣми спутниками своими, приглашаны были Англійскими купцами на пиръ, который, если не превосходилъ другіе, то ни въ чемъ не уступалъ ни какому другому пиршеству. Дворъ этѣхъ купцовъ, находившійся недалеко отъ Майдана, у базара, было прекрасное, обширное зданіе, со множествомъ комнатъ и веселымъ садомъ. Сначала насъ отлично угощали въ открытой, убранной, на Персидскій образецъ, залѣ, разными блюдами, плодами и сладкой водкой, а вскорѣ за тѣмъ въ другой комнатѣ, ме на полу уже, а на возвышенныхъ стовахъ, по Нѣмецкому образцу, при чемъ немало пила здоровья Великихъ Государей и Владѣтельныхъ особъ (Европы). Между тѣмъ одинъ изъ слугъ искусно игралъ на клави-килавѣ (Clavi-Symphel). Послѣ стола, чтобы даѣе повеселить насъ, Англичане доставили другое удовольствіе. Они повели насъ въ открытую галерею, въ садъ, гдѣ опять другомъ разставлены были великолѣпно и роскошно выгортаенныя разныя бласти (комменты) в самыя лучшія вина. Такъ какъ на другихъ пирушкахъ мы часто уже видѣли Персидскихъ танцовщицъ, то Англичане угощили насъ пляскою Индійскихъ танцовщицъ. Танцовщицы этѣ явились въ числѣ шести Индіянокъ, нѣкоторыя съ мужьями своими, которые тоже были танцовщики и музыканты. Индіянки хотя были лицомъ темножелтыя, но благообразныя и нѣжнаго сложенія. Онѣ носили на шеѣ множество жемчугу и золота, равно какъ и въ ушахъ, съ серебряными застенками и большими золотыми блестками; запястья у нихъ были частію серебряныя, частью жемчужныя, и всѣ пальцы ихъ унизаны были множествомъ колецъ. Между прочимъ, на большомъ пальцѣ у нихъ были большія серебряныя кольца, въ которыхъ вѣдланы ясно отполированныя куски стали, величиною съ рейхстагерь, и такіа кольца онѣ употребляли вмѣсто зеркала. Платья ихъ сдѣланы были совершенно особымъ образомъ и изъ такой тонкой шелковой ткани, сквозь которую можно было видѣть почти все тѣло; но въ этѣмъ платьѣ, впрочемъ, на нихъ были гладкія въ обтяжку митаны. У однихъ на головѣ были особыя шапочки, другія покрыты были только флеромъ. На плечахъ у нихъ висѣли длинныя, золотомъ вышитыя, изящныя, шелковыя платки, спускавшіяся до ногъ; во время танцевъ онѣ обвивали иногда этѣ платки вокругъ себя. Кругомъ ногъ, надъ лодыжками, на красивыхъ лентахъ у нихъ привѣшаны были нѣсколько мѣд-

выхъ погрешахъ; некоторыя оны во время пляски приводятъ, извѣстными движеніями ногъ, въ такое содрожаніе, что, въ случаѣ нужды, погрешахъ эти невѣрными звуками, своими могутъ задержать или музыку. Для этого оны употребляютъ также и Тизграю (кастаньоны, ружья, погрешахи), которыя оны держатъ въ рукахъ, и двѣтными образомъ ударяютъ ими одну о другую. Нѣкоторые изъ танцовщицъ было бѣсы, другія же въ какихъ-то странныхъ башмакахъ. Музыкальные инструменты или были Индійскій барабанъ, Персидскій Симъ или ручной бубенъ и Флейта. Индійскіе барабаны узкіе, данною въ ложоть и видомъ похожи на бочечки, у которыхъ оба дна не одинаковой величины, такъ что если бить въ то и другое дно, то ихъ тонъ различается на одну кварту. Бьютъ въ эти барабаны съ обѣихъ сторонъ голыми руками, для чего изъ нихъ вытасуютъ на ремнѣ на шею. Въ пляскахъ своихъ танцовщицы эти выдвигали ногами, руками и вслѣдствіемъ, разными чудными и страстными движеніями и ловкими шутокъ, иногда плясали передъ однимъ какимъ либо зрителемъ отдѣльно съ гавни и безъ движеніями, при чемъ особеннымъ образомъ оны протягивали къ зрителю этому руки, для полученія отъ него подарка. Такимъ образомъ вообще пляска Индійцевъ показывается намъ гораздо живѣе, красивѣе и веселѣе, нежели пляска Персидцевъ.

Мнѣ рассказывали, что Индійскія танцовщицы и музыканты, какъ народъ вообще безпутный, отплясываютъ и иные соблазнительныя пляски и совершаютъ другъ съ другомъ другія страстныя представленія, безъ всякаго стыда, въ присутствіи гостей, если иногда этого потребуютъ отъ нихъ на тайныхъ разгульныхъ пирушкахъ. О такихъ соблазнительныхъ представленіяхъ свѣдѣтельствовали и показавшія мнѣ въ руки нѣкоторыя Индійскія изображенія, которыхъ нельзя и показать въ порядочномъ обществѣ, не возбудивъ въ немъ чувства омерзенія. Пишу же объ этомъ для того, чтобы показать, какъ силенъ демонъ разврата въ дѣтяхъ невѣрныхъ, и какое легкомысліе господствуетъ въ такихъ людяхъ.

Уже позднимъ вечеромъ Англичане проводили насъ въ наши жилища со множествомъ лошадей и ослей.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ насъ были приглашены Французскими купцами въ одинъ каравансерай, гдѣ и были отлично угощены вмѣстѣ съ Англичанами.

1-го Октября сами Посланники дávalи Княжескій пиръ, на который по приглашенію и прибыли: Русскій Посланникъ, Арминскій Правитель, съ двумя своими братьями, важнѣйшія лица изъ Англійской Компаніи; нѣсколько Французовъ; Испанскіе Аугустинцы; и нѣсколько Итальянскихъ Кармелитскихъ монаховъ. На обѣдъ, изготовленный по Нѣмецки, выставлено было множество кушаній, въ двѣ перемѣны, по 40 блюдъ въ каждой, и послѣ этихъ кушаній поданы были богатѣйшія сласти (пирожныя, конфекты). Игравшая при этомъ музыка состояла изъ скрипокъ, трубъ и барабановъ, которыя, всякій разъ при пѣніи за одоровье, весело раздавались, вмѣстѣ съ выстрѣлами изъ большихъ пушекъ. Послѣ стола забавлялись метаніемъ въ цѣль копій (игрой въ карусель), при чемъ выигрышными наградами были: большой позолоченный бокалъ и серебряная чарка. При каждомъ метаніи, попавшемъ въ цѣль, стрѣляли изъ пушки. Первый выигрышъ получилъ Мандельсло, второй Посланникъ Бругманъ.

Когда Шахъ узналъ отъ Сеферасъ-Бека, какія особаго рода блюда были на пиру у Посланниковъ, на примѣръ: разные пастеты, торты и блюда, изготовленные только для виду, то онъ очень желалъ увидѣть ихъ; для чего, ради удовлетворенія желанія Шаха, Посланники приказали изготовить нашимъ поварамъ нѣсколько прекрасныхъ кушаній для виду, пастетовъ и тортовъ, и все это тотчасъ же послали въ покои Шахскихъ женъ, гдѣ, съ удивленіемъ и удовольствіемъ, разсматривали эти кушанья, но были ихъ, не знаю.

Въ этотъ день Секретарь нашъ, въ слѣдствіе жестокаго преслѣдованія со стороны одного изъ представителей Посольства, ушелъ въ монастырь Испанскихъ монаховъ Аугустинскаго Ордена, гдѣ радушно былъ принятъ отцами и братьями этого Ордена и пробылъ тамъ цѣлыя 13 дней. Отсюда онъ хотѣлъ было отправиться, черезъ Вавилонъ и Алепо, чтобы обозрѣть эти мѣста, славныя въ древней Исторіи, но по нѣкоторымъ причинамъ это намѣреніе его было отложено, и Секретарь снова возвратился въ Посольство.

ГЛАВА XLII.

О свадьбѣ, крещеніи и Св. причащеніи Армянъ.

Въ тотъ же день я ходилъ въ Джульфа; именно въ то предмѣстіе, гдѣ мы имѣли кровавую схватку съ Индійцами, и посетилъ тамъ Армянскую церковь. Увидѣвши, что Армяне провожаютъ одного жениха въ церковь, я пошелъ въ слѣдъ за ними, и видѣлъ тамъ обрядъ вѣчанія. Впереди играли барабаны и мѣдными кимвалами, за тѣмъ слѣдовалъ мальчикъ съ горящею восковою свѣчею. Потомъ ѣхалъ верхомъ женихъ, въ прекрасной разноцвѣтной (пестрой) одеждѣ, между двухъ мужчинъ, также богато одѣтыхъ, и за ними еще двѣ пары поѣзжанъ. Позади шли прикомъ нѣсколько человекъ съ блюдами, полными кушаній, съ двумя кружками съ виномъ, и еще съ двумя блюдами съ яблоками. Вошедши въ церковь, женихъ сѣлъ, вмѣстѣ съ своими гостями. Передъ ними поставлены были кушанья и плоды, изъ которыхъ гости поѣли немного, а женихъ не ѣлъ ни чего; оставшееся все составляло приношеніе Священнику. Вина, впрочемъ, выпили всѣ круговую. При этомъ женихъ асталъ, подошелъ ко мнѣ, въ сопровожденіи одного мальчика по правую, и взрослого мужа по лѣвую, руку, приветствовалъ меня, налилъ самъ вина въ глиняную чарку и предложилъ мнѣ выпить ее; самъ же онъ не пилъ при этомъ. Между тѣмъ пришла и невеста, покрытая, въ сопровожденіи дѣвочки и взрослой женщины, тоже покрытыя. Священникъ долго читалъ надъ молодыми брачующимися людьми, передъ алтаремъ, и благословлялъ ихъ. Молодые подали при этомъ другъ другу руки и держали головы свои вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы голова жениха была выше. Надъ обими молодыми Священникъ держалъ крестъ, подъ которымъ они и вѣчались. Въ такомъ положеніи они давали другъ другу, подъ крестомъ, клятву въ вѣрности и взаимной любви. За тѣмъ Священникъ далъ имъ Св. Причастіе, в томъ и другой по кусочку освященнаго хлѣба (Hostia), погруженнаго тоже въ освященномъ винѣ.

Этотъ освященный хлѣбъ, не такой, какъ у Русскихъ и Грековъ, квасной, но прѣсный, круглый, величиною и толщиной

немного болѣе рейхсталера. Принятіе Св. Причастія сопровождалось пѣніемъ и игрою на кимизлѣ, который по Армянски называется Намбагзон. Во время причащенія и служенія обѣдни у Армянъ считается необходимымъ играть на кимизлѣ, или бить въ чаши; ибо они говорятъ, что Христось, передъ тѣмъ, какъ онъ пожелалъ насытить 4000. людей, ходилъ прежде на гору, и тамъ, въ молитвѣ къ своему Небесному Отцу, какъ бы совершалъ жертвоприношеніе, при чемъ, будто бы, два Ангела играли на такихъ кимизалахъ. Послѣ такой музыки невѣсту и жениха, равно какъ и дружку, окропили розовой водою. Подошли и ко мнѣ, и окропили и меня, также и дали мнѣ плодомъ. Послѣ множества другихъ обрядностей, невѣста навязала на правую свою руку Флеръ, за который женихъ и вывелъ ее изъ церкви. За тѣмъ молодые усѣлись на лошадей и поѣхали съ прежнею торжественностью въ брачный домъ. Въ первые три дня и три ночи женихъ и невѣста не смѣютъ спать вмѣстѣ, на этотъ обычай, впрочемъ, въ Польсѣ Армяне обращаютъ мало вниманія.

Послѣ этого я пошелъ въ другую церковь, гдѣ на колокольнѣ, вмѣсто колоколовъ, которыхъ Армяне не видѣютъ, висѣла Персовъ, повѣшена была толстая доска, въ которую я кропотливо вбилъ во время отпращенія Богослуженія. Въ этой церкви я видѣлъ, какъ Армяне крестили одно дѣтя, что совершалось слѣдующимъ образомъ: мальчикъ, лѣтъ 18-ти, держалъ передъ Священникомъ на рукахъ дѣтя, и въ церкви больше ни кого не было, кромѣ этого мальчика и одной старухи, которая принесла дѣтя и принесла его въ церковь. Старушка эта стояла въ отдаленіи и не дѣтѣла, или и не смѣла, подойти ближе; мальчикъ самъ долженъ былъ отнести потомъ къ ней дѣтя. Священникъ болѣе получая читалъ, молился и совершалъ другія обрядности, обращая часто съ какими-то вопросами къ мальчику, который иногда отвѣчалъ ему. Потомъ пошли они въ ризницу, гдѣ въ стѣнѣ видѣланъ былъ камень, на подобіе маленькаго корытца, въ длину длиною и въ ширину ширину; въ этомъ-то камнѣ Священникъ освятилъ воду, влилъ туда священнаго масла (мура).

¹ Крестильница, купель. О. Б.

и все это время пѣлъ, съ своимъ помощникомъ. Потомъ Священникъ взявъ нагое дѣтя, посадилъ его въ скажаный каменъ, какъ бы въ кушѣль, благословилъ его Евангеліемъ и Крестомъ, трижды полилъ ему пригоршней воду на голову, во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, и за тѣмъ полилъ водою и все тѣло дѣтати и закончилъ тѣмъ, что освященнымъ масломъ (муромъ) помазалъ ему лобъ. Подобные же обряды мы видѣли также и въ Шамахъ при крещеніи одного ребенка. Армяне не крестятъ своихъ новорожденныхъ прежде 8 дней, развѣ заболѣетъ ребенокъ. Если же ребенокъ умретъ до крещенія, то его не считаютъ святымъ и на кладбищѣ не хоронятъ. Точно тоже не хоронятъ на кладбищѣ у нихъ и тѣхъ, которые цѣлый годъ не были у Св. Причастія.

Г Л А В А X L I I .

Какъ Шахъ Персидскій приказалъ изрубить саблями часовыхъ дѣлъ мастера, Рудольфа Стадлера.

3-го Октября Персіане схватили и изрубили саблями одного Нѣмецкаго часовыхъ дѣлъ мастера, Шахскаго слугу, котораго нашли мы въ Испагани, жившимъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ до нашего прибытія туда. Происшествіе это было такого рода: Нѣмецъ этотъ былъ Іоаннъ Рудольфъ Стадлеръ, Цюрихскій уроженецъ изъ Швейцаріи, человекъ 33 лѣтъ, женатый на сестрѣ помянутой выше Туллы (Tullae), и, слѣдовательно, былъ своимъ Бругмана. ¹ Прослуживши у Шаха Сефи часовыхъ дѣлъ

---

¹ Хотя сочинитель и говоритъ здѣсь о Туллѣ, какъ о женщинѣ, о которой упоминалось уже выше, но въ 3-мъ изданіи, съ котораго дѣлается настоящій переводъ, о ней, до этого мѣста, нигдѣ выше не упоминалось; онъ упоминаетъ о ней въ 1-мъ своемъ изданіи 1647 года, именно: на страницѣ 396, въ разсказѣ о причинахъ, по которымъ Секретарь Посольства, т. е., самъ Олеарій, принужденъ былъ удалиться отъ Посольства въ монастырь Августинскихъ монаховъ. Въ 3-мъ изданіи разсказъ этотъ долженъ бы быть помѣщенъ въ 40-й главѣ, но онъ имъ выпущенъ, и по тому на упоминаемое въ немъ имя Туллы ссылка, очевидно по недосмотру, сдѣлана тутъ, какъ уже на из-

мастеромъ цѣлые пять лѣтъ, Стадлеръ очень желалъ возвратиться снова въ Германію, полагая воспользоваться удобнымъ къ тому случаемъ отправиться вмѣстѣ съ нами при обратномъ нашемъ путешествіи и ходатайствуя по этому о своемъ увольненіи. Но Шахъ, не желая отпустить его, предложилъ ему, что если онъ останется у него еще на два года, то получить вознагражденіи 400 рейхсталеровъ. Не смотря на такое предложеніе, часовщикъ все таки продолжалъ хлопотать объ увольненіи его черезъ нашихъ Посланниковъ. Въ то время, когда велись еще этѣ хлопоты, въ одну ночь къ Стадлеру забрался воръ, можетъ быть, предполагавшій, что часовщикъ получилъ уже обѣщанное ему Шахомъ вознагражденіе. Увидѣвъ вора, часовщикъ поймалъ его, нѣсколько времени боролся съ нимъ, наконецъ одолѣлъ его, нанеся ему нѣсколько ранъ и вытолкалъ его изъ дому. Но подъ вліяніемъ гнѣва, считая, что еще мало наказалъ вора, онъ выбѣжалъ въ слѣдъ за нимъ на улицу и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ его на мѣстѣ.

вѣстное читателю. Для устраненія происшедшей отъ того неясности, нужнымъ считаемъ привести здѣсь вкратцѣ сущность вышеизложеннаго разсказа, извлекая ее изъ сказаннаго въ 1-мъ изданіи. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда Голштинское Посольство прожило уже нѣсколько времени въ Испаніи, то 1-го Октября пришелъ къ Секретарю Посольства (Олеарію) Пріоръ Августинскаго монастыря съ заявленіемъ, что находящіеся въ Посольствѣ люди, и даже одинъ изъ представителей онаго, Посланникъ Бругманъ, какъ ходятъ о томъ слуха между Армянами и Персами, вступаютъ въ неопозволительныя связи съ нѣкоторыми изъ Армянскихъ дѣвицъ, что унижаетъ званіе Христіанъ въ глазахъ Маиометанъ и Армянъ и подаетъ дурной примѣръ вѣднмъ послѣднимъ, и безъ того уже достаточно совратившимся, въ слѣдствіе постоянного обращенія среди Маиометанъ. По этому заявленію Секретарь Посольства явился къ Бругману съ просьбой, чтобы онъ обратилъ вниманіе на такое недостойное поведеніе служащихъ въ Посольствѣ; но, пришедши къ нему, у самаго Бругмана въ комнатѣ нашелъ Армянку Туллу, съ которою Бругманъ, какъ оказалось теперь, былъ въ связи. Подозрѣвая, что Секретарь съ умысломъ пришелъ въ такое время, чтобы уличить въ преступленія Бругмана, этотъ Посланникъ до того озлобился на Олеарія, что угрожалъ ему даже смертію; по чему Олеарій и убѣжалъ въ монастырь Августинскихъ монаховъ, гдѣ, какъ извѣстно уже читателю, онъ и пробылъ цѣлые 13 дней. Послѣ этого понятію, по чему Олеарій часовщика Стадлера, женатаго на сестрѣ Туллы, о которомъ говорится въ настоящей главѣ, называетъ своимъ Бругмана. Перев.

Увидѣвъ это, пріятели убитаго тотчасъ же побѣжали къ духовному судѣ, съ жалобой, что Нѣмецкій часовщикъ, будучи Невѣрнымъ, убилъ Правовѣрнаго, по чему и требуютъ, чтобы виновный былъ приговоренъ къ смерти и выданъ имъ. На другой день, въ то время, когда часовщикъ этотъ, по обыкновенію своему, ѣхалъ на службу ко Двору, его схватили на улицѣ, бросили въ темницу, набили ему на шею и руку колоду, по Персидскіи паленкъ (Palk), и содержали его вообще самымъ сквернымъ образомъ.

Хотя Посланники наши нѣсколько разъ просили за несчастнаго Стадлера, но все таки, по неотступнымъ жалобамъ близкихъ убитаго и по требованію Седдера (Sedder) или главнаго духовнаго судьи (котораго Турки называютъ Mufti), онъ былъ осужденъ на смерть, съ такою, впрочемъ, милостію Шаха, что если онъ совершитъ надъ собой обрѣзаніе и приметъ Персидскую Вѣру, то ему будетъ дарована жизнь. Но Рудольфъ избралъ лучше смерть. Въ слѣдствіе такого рѣшенія его, Ханы и другіе знатные вельможи, охотно желавшіе сохранить ему жизнь, ради нужды въ его искусствѣ, тоже убѣдительно уговаривали его согласиться на предложенную ему великую милость Шахскую, обѣщая ему почести и богатства, если онъ, хотя не отъ сердца, но для того только, чтобы сдѣлать угодное Шаху, совершитъ надъ собой обрѣзаніе; но и этѣ убѣжденія ихъ были безуспѣшны. Твердый въ Вѣрѣ, Рудольфъ отвѣчалъ имъ: «За Шахскую милость онъ не желаетъ продавать милость Христа. Тѣло, которое онъ отдавалъ на службу Шаху, можетъ достаться Шаху, но душа нѣтъ. Душа же его отойдетъ ко Христу, который искупилъ ее своею кровью, и которому онъ, Рудольфъ, въ неколебимой вѣрѣ своей, хочетъ принести ее въ жертву пролитіемъ своей крови.» Послѣ этого его дважды выводили за ворота замка, на Майданъ, къ мѣсту казни, и снова вводили въ темницу, полагая, что въ слѣдствіе этого зрѣлища онъ пообдумаетъ свое рѣшеніе толковѣе и, можетъ быть, изъ страха измѣнитъ его. Между тѣмъ Католическіе монахи также старательно утѣшали его и уговаривали перейти въ ихъ Исповѣданіе; но Рудольфъ былъ твердъ и не хотѣлъ пошатнуться ни на правую, ни на лѣвую, сторону.

Наконецъ, когда Персіане увидали, что они ни чего не ждутся отъ Рудольфа, и когда, къ тому же, Посланникъ Бругманъ, въ гнѣвѣ на произнесенный приговоръ, заявилъ себя довольно неистово, и приказалъ даже передать Двору свои гнѣвные слова, Стадлеръ, по обычаю Персовъ, выданъ былъ друзьямъ убитаго, которые прежде всего нанесли ему 4 сабельные удара, одинъ въ затылокъ, другой въ лобъ и два остальные въ самое лицо. Весело и бодро Рудольфъ принялъ смерть и, падая на колѣни, сказалъ: «Рубите только смѣлѣе во имя Христа!» Послѣ этого одинъ изъ Персіанъ, подскочивъ съ озлобленіемъ и желая ударить несчастнаго саблей, далъ промахъ и поранилъ въ ногу своего сосѣда; другой ударилъ саблей по колодкѣ, которая, какъ ярмо, была надѣта на шею Рудольфа. Наконецъ третій ударъ попалъ въ шею несчастнаго, послѣ чего онъ упалъ, и тутъ уже на него посыпались сабельные удары. Такимъ-то образомъ добрый Швейцарецъ испустилъ духъ съ твердою неколебимую вѣрою во Христа.

Въ тотъ же день Посланникъ Бругманъ, съ досады и неудовольствія на казнь, совершавшуюся надъ его своякомъ, велѣлъ сдѣлать на ристалищѣ, устроенномъ имъ для себя одного, болѣе 100 выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ; на ристалищѣ этомъ, кромѣ него, его прислужниковъ и констабля, не было ни кого, и всякій разъ, когда онъ совершалъ извѣстный кругъ бѣга, стрѣляли изъ пушки.

Иарубленное описаннымъ образомъ тѣло Рудольфа, съ колодкой на шеѣ, цѣлый день пролежало на площади, вечеромъ же Посланникъ Бругманъ, съ дозволенія Шаха, велѣлъ перенести его на Посольскій дворъ, и только 22-го числа, съ торжественными проводами и обрядностію, на которыхъ присутствовали Русскій Посланникъ, Сеферастъ-Бекъ, съ своими братьями, множество Армянъ и другихъ иностранцевъ изъ Европейскихъ Христіанъ, предано было землѣ.

О такой смерти и стойкости въ Христіанской Вѣрѣ Павелъ Флемингъ написалъ въ воспоминаніе и похвальное стихотвореніе, которое находится въ собраніи его сонетовъ.²

² Сочинитель приводитъ здѣсь самое стихотвореніе Павла Флеминга, на Нѣмецкомъ.

Посланники хотѣли было справить похороны Рудольфа скорѣе (до 22-го числа), для чего уже 16-го числа все было изготовлено къ тому; но именно въ этотъ самый день, позднимъ вечеромъ, Шахъ, черезъ нашего Мегемандаря, прислалъ сказать намъ, что, для удовольствія Посланниковъ, онъ заказалъ охоту на нѣсколько дней, и завтра же утромъ отправляется на нее; по этому, если Гг. Посланники желаютъ участвовать въ этой охотѣ, то чтобы рано утромъ отправились вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые полагали, что Шахъ спѣшилъ охотой для того, чтобы отнять у нихъ время и помѣшать имъ присутствовать на похоронахъ Рудольфа, каковымъ присутствіемъ Посланники могли придать этѣмъ похоронамъ особую торжественность. Но, тѣмъ не менѣе, тѣло Рудольфа, послѣ того, какъ его ошлакали, по обычаю, родственники его, было поставлено въ особомъ покоѣ, и похороны отложены до возвращенія Посланниковъ съ охоты.

ГЛАВА XLIII

Объ охотѣ, на которую Шахъ возигъ Посланниковъ.

17-го Октября, рано утромъ, на Польскій дворъ привели верховыхъ лошадей для поѣздки и верблюдовъ для клади, и такимъ образомъ Посланники наши, съ отцомъ Юсифомъ и нѣкоторыми изъ прислуги, въ числѣ 30 человекъ, отправились въ путь на охоту. Мегемандаръ провелъ насъ на широкую площадь передъ городомъ, на которую тотчасъ же прибылъ и Шахъ съ своими Ханами и знатными вельможами, ѣхавшими на нѣсколькихъ богато убранныхъ, сотняхъ лошадей; самъ Шахъ былъ въ одеждѣ изъ серебряной парчи, и на менилѣ (чалмѣ) у него воткнуто было нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Кромѣ лошадей со всадниками, въ этомъ поѣздѣ вели еще множество лошадей безъ

языкѣ, а за нимъ еще 2 небольшія стихотворенія, на тотъ же случай, на Латинскомъ языкѣ. См. подл. стр. 523. Перев.

всадниковъ, покрытыхъ попонами изъ золотой парчи, униженной дорогими камнями и снаряженныхъ такой же золотою сбруей. Шахъ ласковымъ поклономъ привѣтствовалъ Пословъ и пригласилъ ихъ ѣхать рядомъ съ собою, по лѣвую его сторону.

Въ поѣздѣ Хановъ, вельможъ и слугъ, слѣдовавшихъ за Шахомъ, не соблюдалось ни какого порядка, но всѣ ѣхали перемѣшанные, какъ попало, другъ съ другомъ и въ кучѣ. Тутъ же находился и Шахскій Минаджимъ или астрологъ, который почти постоянно обязанъ былъ находиться при Шахѣ и, какъ оракулъ, обозначать счастливые и несчастливые часы. Путешествіе въ этотъ день простиралось только на 3 мили, до одного Армянскаго селенія. Во время пути Шахъ нѣсколько разъ перемѣнялъ лошадь, а однажды и одежду свою. Такъ дѣлалъ онъ ежедневно, въ продолженіи всего времени охоты.

Охота и забава въ этотъ день заключались только въ спускѣ соколовъ, которые преслѣдовали и били цапель, журавлей, утокъ и воронъ, частію попадавшихся въ полѣ, частію же выпускаемыхъ для того самими охотниками. Къ полудню мы достигли до назначеннаго селенія, гдѣ было уже раскинута множество палатокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, что представляло довольно пріятное зрѣлище. Шахъ, въ сопровожденіи Хановъ, отправился въ особую бесѣдку, въ которую немного спустя приглашены были къ столу и наши Посланники, съ важнѣйшими изъ спутниковъ своихъ. Обѣдали, по обыкновенію Персіанъ, начавъ съ плодовъ и сластей, а за тѣмъ уже всякія кушанья, которыя принесены были на большихъ, похожихъ на наши навозныя, носилкахъ, обитыхъ золотомъ, и за тѣмъ уже съ этѣхъ носилокъ передъ каждымъ ставилось особое кушанье на отдѣльныхъ блюдахъ, которыя всѣ были изъ чистаго золота.

Послѣ обѣда Мегемандаръ повелъ Посланниковъ на ночлегъ въ другое, недалеко отъ сказаннаго лежащее, селеніе. Жители этѣхъ обоихъ селеній назывались: Desach и Werende, по мѣстности, которую они нѣкогда населяли, не вдалекѣ отъ Ируана (Iruan) и изъ которой переселилъ ихъ сюда Шахъ Абась, и были они Армяне. Узнавши, что мы Христіане, они не знали, какъ и

угодить намъ, надавали намъ въ подарокъ множество прекрасныхъ плодовъ и дорогаго вина. Армянскій Правитель, Сеферасъ-Бекъ,¹ съ нѣсколькими знатыми вельможами, также посѣтили сдѣсь Посланиковъ, были очень имъ рады и подарили имъ двухъ козловъ, козуль, у Персовъ Ани называемыхъ, и нѣсколькихъ цапель, и все это Посланики велѣли отправить въ Испагань на поварню.

Когда Шахъ узналъ, что Мегемандаръ увелъ насъ отъ него и помѣстилъ въ другомъ селеніи, то сильно разгнѣвался на него, велѣлъ въ тотъ же вечеръ воротить насъ назадъ и помѣстить въ домъ, близъ его покоя. Только что прибыли мы въ это новое помѣщаніе, какъ принесли къ намъ множество плодовъ и кушаній на золотыхъ блюдахъ, присланныхъ отъ Шаха.

18-го числа, рано утромъ, еще до восхода солнца, Шахъ приказалъ объявить, что онъ отправляется на ловлю журавлей только съ немногими лицами, при чемъ Посланики могутъ прибыть на охоту только самъ третей, чтобы большимъ шумомъ не распугать птицъ. Посланики поѣхали верхами одни съ отцомъ Юсифомъ; но вскорѣ за тѣмъ, когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народъ на мѣсто ловли. На мѣстѣ этомъ устроены были въ землѣ крытый ходъ, и въ концѣ его птицеловный токъ, усыпанный зерномъ, на который налетѣло множество журавлей и изъ нихъ поймано было до 80 штукъ. Шахъ воткнулъ въ свою чалму нѣсколько перьевъ изъ этѣхъ наловленныхъ журавлей, и каждому Посланнику далъ по два пера, чтобы они ихъ также воткнули въ свои шляпы. За тѣмъ до обѣда мы еще объѣхали кругомъ поле и поймали соколами тоже нѣсколько птицъ. Обѣдали мы опять въ прежнемъ селеніи, при чемъ играли Шахскіе музыканты и Шахъ былъ чрезвычайно веселъ.

Вечеромъ Шахъ пригласилъ Гг. Посланиковъ, съ 6-ю изъ спутниковъ ихъ, на охоту на утокъ и дикихъ гусей, которая назначена была въ полумили отъ селенія. Когда прибыли на назначенное мѣсто, Шахъ, Посланики и остальной народъ сошли съ лошадей и прошли разстояніе въ 2 выстрѣла изъ лука къ длинной землянкѣ, набросанной изъ земли, позади которой, на берегу небольшой рѣчки, разложены были скрытно тенета; на этой рѣчкѣ

слеталось обыкновенно множество разной пернатой дичи. Всѣ присутствовавшіе на охотѣ приглашены были къ Шаху въ землянку, гдѣ, усѣвшись по стѣнамъ вокругъ, распили съ нимъ нѣсколько флагъ вина. Посидѣвши такимъ образомъ до поздняго вечера и не дождавшись ни одной птицы, охотники побѣжали назадъ, на почлегъ. Къ ужину Шахъ вторично прислалъ Посланникамъ нѣсколько большихъ золотыхъ блюдъ съ холодной бараниной, огромную чашу кислаго овечьяго молока, сыру, нѣсколько чашъ лимоновъ и другихъ свѣжихъ и вареныхъ плодовъ.

На слѣдующій день Шахъ назначилъ звѣриную охоту, пригласилъ на нее Посланниковъ, со всѣми спутниками ихъ, и приказалъ взять множество соколовъ, три ученыхъ леопарда и нѣсколько собакъ. Проѣздивши довольно порядочное время и не встрѣтивъ въ полѣ ни чего, Шахъ повелъ насъ въ огромный звѣринецъ, имѣвшій въ окружности добрую милю. Звѣринецъ этотъ Персіяне называли Гасарджиривъ (Hasartzirib), такъ какъ онъ представлялъ собой площадь, на которой высѣвается тысяча четвериковъ зерна, обведенъ высокими каменными стѣнами и раздѣленъ на 3 отдѣльныя части. Въ 1-й содержались олени, зайцы и лисицы; во 2-й помянутыя выше козули Абу (лани), и въ 3-ей дикіе ослы, которыхъ Персіяне называютъ курганамъ (Khurhan). Прежде всего Шахъ велѣлъ спустить леопардовъ на Абу, и три изъ этихъ козуль были пойманы. Когда мы пришли въ отдѣленіе дикихъ ословъ, и увидѣли одного изъ нихъ, стоявшаго спокойно на одномъ мѣстѣ, Шахъ предложилъ Посланнику Бругману выстрѣлить въ него изъ пистолета. Выстрѣлъ этотъ оказался неудачнымъ; тогда Шахъ съ улыбкой взялъ лукъ свой и стрѣлу, пустилъ въ бѣжавшаго на всемъ скаку осла, и попалъ ему прямо въ брюхо. Другого за тѣмъ осла онъ убилъ, понавши ему стрѣлой въ середину лба, и послѣ того онъ положилъ еще нѣсколько ословъ.

Видно было, что Шахъ отлично стрѣлялъ изъ лука и рубилъ саблѣй. Онъ ни разу не стрѣлялъ иначе, какъ сидя на лошади и когда дикій звѣрь и лошадь его скакали во всю прыть. и при этомъ ни одного выстрѣла не было сдѣлано мимо. Увидѣвши одного осла, совершенно смирнаго, ходившаго спокойно и не бѣгавшаго отъ людей, Шахъ сошелъ съ лошади, нанесъ ему

ударъ саблей по ошнѣ; и разсѣкъ: вѣтъ ударомъ животное до половины брюха; другой ударъ онъ сдѣлалъ на шеѣ этого осла; и нечего только не отрубилъ имъ совершенно шею отъ туловища. Послѣ этого одинъ изъ Хашовъ принялъ потъ него, окропившую саблю, вытеръ ее и снова вложилъ къ ножны. За тѣмъ всѣ мы вѣстѣ поѣхали на шибонико, выстрѣловъ изъ лука да въ, къ малому вѣтринцу, находившемуся въ срединѣ того же сада.

Въ то время когда мы ѣхали такимъ образомъ, между двумя изъ Шахскихъ оруженосцевъ, носившихъ за нимъ его длинный ружья, произошла слѣдующая неприятность. Шахъ приказалъ младшему и менѣ значительному изъ нихъ, выстрѣлить въ одного осла, раненаго уже стрѣлой; старшій же и болѣе знатный не хотѣлъ уступить эту честь младшему, тотчасъ погнался за животнымъ, выстрѣлилъ по немъ, но далъ промахъ, и по тому былъ поднятъ на смѣхъ. Разсерженный своею неудачей, онъ пропустилъ Шаха проѣхать нѣсколько впередъ, налетѣлъ на младшаго и отрубилъ ему на рукѣ большой палецъ. Этотъ бросился къ Шаху съ жалобой, и тотъ велѣлъ было уже отрубить виновному голову, но, по ходатайству находившихся на охотѣ, оставилъ ему жизнь, но приказалъ отрезать ему оба уха. Персѣвинъ, которому поручено было исполнить наказаніе, прокричалъ душею, и оставилъ было по половинѣ уха на каждой сторонѣ; но замѣтивъ это, Великій Маршалъ, Мортуса-Кули-Ханъ, воротился назадъ къ наказанному, сошелъ съ лошади и самъ своими руками обрѣзалъ остатки ушей гладко до самой головы. Мы только удивлялись, кто въ Персїи Ханъ и Кидая не стыдятся оправдать обязанности далачей.

Въ упомянутомъ сейчасъ маломъ вѣтринцѣ было обнесено каменное стѣною пространство или театръ, въ которомъ Шахъ и расположился теперь съ нами. Сдѣсь сначала принесли и представили ослани; и нѣсколько разъ мы выпили по кружовой чашѣ вина; за тѣмъ сюда привели 29 головъ дикихъ ословъ, по которымъ Шахъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ лука и ружья, а послѣ него стрѣляли и остальные, всякій, кто только хотѣлъ. Это было доизительное зрѣлище: нѣкоторыя ослы

гали, шибъ въ тѣлѣ своемъ по 10 и болѣе конченыхъ стрѣлъ, прошедшихъ иногда на сивозъ живогнаго, и когда они тѣснились въ кучу между собой и кололи другъ друга стрѣлами другъ, здоровыхъ, оснвъ, то начинали биться и грызться другъ съ другомъ: Когда въ 32 осла¹ всѣ были перестрѣланы, или зарублены саблями, и ригнаны были козуди Абу, и изъ нихъ также убито было до 30 головъ: всѣ они рядомъ разложены были передъ Шахомъ, и потомъ отосланы въ Испань, на Шахскую поварню.

Кибг или дикаго осла Персы считаютъ за чрезвычайно деликатное, Царское, кушанье, по чему въ нихъ «Долгнй розъ» есть слѣдующе, изреченіе:

اکر بریان کند بهرام کوبنی
نه چون پای ملخ بلسد زموری

Eger birjan kuned Bahram kuri,
Netzun pai malahh basched semuri.

Что значить:

«У Барамъ (Bahram) есть жареная ослатина, и пусть она будетъ годной для него; на твой же слава она должна быть ничтожнѣе лапки саранчи!»

Bahramъ былъ Царь Персидскій, очень высоко цѣнилъ жареное изъ дикаго осла, и часто заказывалъ это блюдо къ своему столу. Приведеннымъ сейчасъ изреченіемъ Персіане хотѣли выразить, что не слѣдуетъ очень пускать слюни на столъ великихъ господъ и лакомыя кушанья, но каждый долженъ также высоко ставить, и даже еще выше отъихъ яствъ, вынавшую ему собственную часть.

Но окончавъ описанной охоты, Шахъ приказалъ приготовить въ томъ же дворѣ обѣденный столъ, за которымъ Посланникъ

¹ Въ подлинникѣ значится 22, очевидная опечатка. Черев.

Бругманъ отъ своего лица подарилъ Шаху портретъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя Нашега, вѣнчанный въ ящикѣ, выложенномъ множествомъ брилліантовъ, застѣтъ съ особымъ брилліантомъ и прекраснымъ стальнымъ зеркаломъ, вышліфованнымъ и выполированными съ обѣихъ сторонъ. После обѣда разошлись мы изъ сада на полдневный отдыхъ въ нѣсколько домовъ, не вдалекѣ лежавшихъ. Въ слѣдъ за нами Шахъ тотчасъ же прислалъ намъ 10 козуль (Абу) и одного чрезвычайнаго большаго оленя, у котораго рога были съ 12-ю отростками. Не много спустя пришелъ и вѣстникъ съ извѣстіемъ, что Шахъ опять поднялся уже на охоту; мы тотчасъ же поѣхали въ садъ за ними, и нашли его на соколиной охотѣ.

Шахъ взялъ съ собою 9 человекъ изъ своихъ спутниковъ и Посланниковъ самъ-шесть съ Посольскими, и повелъ насъ въ длинную, низкую со сводами, галерею. За этой галереею опять около рѣки устроена была прилавка для дикихъ утокъ и усовъ. Мы расположились и усѣлись въ галереѣ, гдѣ Шахъ припала вдругъ охота выпить, и онъ приказалъ подчивать всѣхъ крутомъ виномъ; онъ до того развеселился съ нами, что забылъ объ удовольствіи ловить птицъ; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присѣла на приманку.

Фонъ Мандельсло удостоился сдѣловъ чести налить и поднести Шаху чашу вина. Когда Шахъ выпилъ эту чашу, и Мандельсло поцѣловалъ его въ ногу, то, въ знакъ особой милости, Шахъ далъ Мандельсло яблоко, что и возбудило къ нему потому великую дружбу знатныхъ вельможъ и придворныхъ людей, какъ это обыкновенно бываетъ при дворѣ.

Кегебѣракъ или Шахскій Гофмейстеръ, по имени Магумадъ Али-Бекъ (Mahimed Ali bek), угощаясь и попивая въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ передъ Шахомъ, напнулся до такой степени, что пьяный усѣлся на полу у двери и началъ шумѣть. Шахъ приказалъ двумъ изъ своихъ приближенныхъ вывести его и отправить на лошади; по этому приказанію Гофмейстеръ хотя и дозволилъ вывести себя вонъ, но за тѣмъ ни какъ не хотѣлъ сѣсть на лошадь и сталъ бранить и проклинать проводниковъ своихъ, укрѣ-

направлявшихъ его къ тому. Увидя это, Шахъ вывелъ сечь на дворъ, схватилъ Гофмейстера за руку, и повелъ его къ лошади; но Гофмейстеръ и его тоже началъ обносить бранью. Шахъ приказывалъ сначала Гофмейстеру усесться на лошадь добрыми словами; но видя, что этотъ послѣдній и не думаетъ совсѣмъ послушаться его, обнажилъ свою саблю и замахнулся ею на неповадливца. Полагая голову свою уже пропавшею, Гофмейстеръ подилъ такой жалобный крикъ, что другіе также перепугались за него и сочли его погибшимъ; ибо хотя Магумедъ Али-Бекъ находился у Шаха въ большомъ почетѣ и милости; но, по многимъ бывшимъ уже кровавымъ примѣрамъ, имъ также хорошо были извѣстенъ и вспыльчивый нравъ Шаха, пересиливавшій часто подобную милость. На этотъ разъ, впрочемъ, это была только шутка. Когда кираль сдѣлалъ ноги Гофмейстера легче, нежели на сколько имѣлъ сдѣлать ихъ тяжелыми, то оцъ на медлитель уже исполнилъ Шахское приказаніе, тотчасъ вскончалъ на лошади и уѣхалъ отсюда домой. Шахъ съ удивленіемъ возвратился опять къ дивану, но вскорѣ за тѣмъ и самъ отправился на ночлегъ, а за нимъ и мы также.

На слѣдующее утро, именно 20-го Октября, Шахъ опять приказалъ просить насъ къ своему столу, который назначался въ одномъ прекрасномъ саду, подлѣ бесѣдки и рѣки. Во все время стола, кругомъ стояли и прислуживали около сотни храбрыхъ и разсвѣдлыхъ молодыхъ Персидцевъ. На этомъ обѣдѣ и многіе другіе всѣ охотнѣе бы: постояли, чѣмъ посадили съ такою пышностію; ибо Персидскій способъ сидѣть за столомъ очень тягостенъ былъ для нашихъ Нѣмецкихъ ногъ. Подлѣ стола, поѣхали мы верхомъ всѣ вмѣстѣ въ одно селеніе, за полторы мили отъ города, и на дорогѣ одинъ изъ спущенныхъ соколовъ поймалъ бѣлую цаплю. 21-го числа, ранехонько утромъ, Шахъ прислалъ предъ насъ на голубиную охоту. Онъ повелъ насъ на одну круглую высокую башню, которая внутри кругомъ вся была усеяна выложенными въ нѣжныя перами для голубей, гнѣздившихся тамъ болѣе тысячи штукъ. Каждому изъ присутствовавшихъ дано было въ руки по палкѣ; въ видѣ вѣлъ, и съ такою-то цалкой Шахъ и всѣ мы стали вокругъ башни у оконныхъ отверстій. Расположившись такъ, трубачамъ нашимъ велѣно было затрубить погромче въ

трубы, отъ чего, спугнутые голуби, въ нѣсколько сотенъ, полетѣли вонъ изъ башни, гдѣ и были перебиты болѣею частью самимъ Шахомъ и нами. Такимъ избіеніемъ голубей и Царской потѣхой охота закончена; и мы отправились обратно въ городъ Испагань. Передъ городомъ Шахъ пригласилъ насъ еще въ великолѣпнѣйшій и обширный садъ, называемый Тзагбашъ, какого не видали мы въ цѣлой Персіи. Въ этомъ саду насъ угощали еще разъ. Только что возвратились мы домой на Посольскій дворъ, какъ, въ слѣдъ за нами, Шахъ прислалъ намъ 20 динныхъ утокъ и 20 голубей, привезенныхъ съ охоты. Но птицы эти полетѣли сейчасъ же на крыльяхъ любви въ Армянскіе и Небеса дома.

Г Л А В А ХЛІV.

Объ особенной Шахской охотѣ, при которой находились и жены Шаха. Также о щедрости Шаха Сеен.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго Шахъ снова отправился на охоту съ своимъ сералемъ. За нѣсколько часовъ передъ походомъ вѣтъ, Тзагбашъ или глашатай дѣлалъ громогласное о томъ возвѣщеніе, на тѣхъ улицахъ, по которымъ долженъ былъ совершаться похідъ, для того, чтобы люди сидѣли по домамъ и не показывались на вѣтъ улицахъ, пока не пройдетъ похідъ. У Персіанъ такой обычай: когда Шахъ выезжаетъ куда ни будь съ своимъ сералемъ, то чтобы ни кто по улицамъ, или на равстояннѣ ружейнаго выстрѣла, не было видно; иначе великаго стрѣляютъ, какъ собаку, не смотря на то, что всѣхъ женъ возитъ на верблюдахъ обыкновенно въ незнакомыхъ мѣстахъ, такъ что ни одной изъ женъ и увидѣть нельзя. Шахъ обыкновенно выезжаетъ съ своими придворными за полчаса впередъ, а потомъ уже ѣдутъ за нимъ и жены съ внуками или оскотленными прислужниками. Выѣхавъ въ поле, жены садятся на лошадей; забавляются лукомъ, стрѣлами и соковыми также, какъ и мужчины; но при этомъ всѣ вѣлможныя слуги не должны показываться на вѣлкую четверть миль отъ нихъ. Мужчины въ это

время потѣшаются отдѣльной охотой, и ждутъ, пока не попрячутъ Царскихъ жень, которыхъ съзываетъ Шахъ черезъ одного изъ евнуховъ, прислуживающихъ сдѣсь во множествѣ. Съ такой-то охоты Шахъ возвратился домой 6-го Ноября и, вмѣстѣ съ своими придворными, до того былъ пьянъ, что всѣ они едва держались на лошадяхъ. Возвращаясь домой, Шахъ у сада Джарбаха (Tzarbach) усѣлся на длинномъ мосту съ своими Ханами, порядкомъ выпилъ сдѣсь, и когда вино начало дѣйствовать, онъ обнажилъ свою саблю и началъ ею размахивать надъ головою своею; Ханы же пѣли при этомъ пѣсни, плясали передъ Шахомъ, и это ему такъ понравилось, что онъ тутъ же одѣлилъ нѣкоторыхъ богатыми подарками. Будучи вспыльчивымъ и кровожаднымъ Государемъ, Шахъ, когда бывалъ въ духѣ и веселъ, особенно выпивши, былъ и весьма щедръ, дарилъ иногда такъ много, что потомъ самому становилось жалко. Черезъ восемь дней послѣ описанной попойки, случилось, что Шаху опять припала охота выпить; послѣ стола, когда всѣ его собесѣдники, кромѣ Eabtemad dōwlet и нѣсколькихъ главныхъ евнуховъ, поразошлись, Шахъ, уже выпившій, приказалъ налить большую чашу вина и предложилъ ее Канцлеру выпить за его Царское здоровье. Канцлеръ, не бывши охотникомъ до выпивки, отговаривался, что онъ пить не можетъ, и что это положительно вредно для его здоровья; въ слѣдствіе этого Шахъ обнажилъ свою саблю и положилъ ее подлѣ чаши съ виномъ, угрожалъ, что Канцлеръ долженъ или выпить вино, или пролить кровь свою. Канцлеръ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, рѣшился выпить вино, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и попросилъ отдыху; воспользовавшись же случаемъ, что Шахъ отвернулся отъ него и заговорился съ другимъ, онъ ушелъ тихонько и скрылся. Шахъ хоть и разгнѣвался было, но когда ему доложили, что нигдѣ не нашли Канцлера, усмирися и предложилъ выпить чашу одному Ахта (Achta) или евнуху. Когда же и этотъ началъ отказываться, говоря, что уже давно не употреблялъ вина, совершенно отвыкъ отъ него, и что, пожалуй, если выпьетъ теперь предлагаемую чашу, то помретъ, Шахъ какъ сидѣлъ, такъ и разсѣкъ ему саблей ногу, а Мегетеру (Meheter) или камердинеру своему, который рѣшился не допустить Шаха совсѣмъ зарубить евнуха, нанесъ рауу въ руку. Когда оба этѣ прислужники удалились,

Шахъ все таки хотѣлъ, чтобы чашка, назначенная имъ... къ выпивкѣ, не осталась не выпитой; и по тому повелѣлъ къ себѣ одного изъ своихъ нажей, Алиммердавъ-Хана (Alimerdanhan), сына Хана Кандагарскаго, красиваго мальчика, и спросилъ его: «Вѣрный ли онъ слуга ему, и не можетъ ли онъ вынуть омазанную чашу?» Пажъ отвѣчалъ: «Онъ не знаетъ, что будетъ по его силамъ, но сдѣлаетъ все, что можетъ;» при этомъ онъ сталъ передъ Шахомъ на колѣни и нѣсколько разъ отпилъ изъ чаши; такъ какъ ему дозволено дѣлать передышку. Ване и ласковая рѣчь Шаха придали мальчику откровенности и смѣлости; онъ приводился на ноги, обнявъ вокругъ шеи Шаха, поцѣловалъ и сказалъ ему по Турецки: «Patacahâimâe, Alla taahî melim itzûn tsohok jâsch wegun!» т. е., «Боже, продли для меня жизнь Царя на многія лѣта!» Это такъ понравилось Шаху, что онъ тутъ же приказалъ достать изъ своего казнохранилища саблю, усѣянную на рукояткѣ, ножнахъ и поясѣ драгоценными бриллиантами, и стоящую нѣсколько сотъ туменовъ, и подарилъ ее мальчику. Другому мальчику, который, по соизволенію Шаха, также помогалъ нить вино Бенъ-Алимендару (Ben Alimerdan), темъ подарилъ богатую саблю; а третьему, бывшему тутъ же, золотую чашу. На другой день послѣ этого Шахъ былъ очень печаленъ, побѣжалъ верхомъ въ большой садъ и сидѣлъ на лошади въ такой глубокой задумчивости, что предоставлялъ ей свободный ходъ, опустивъ поводья. Когда же догадались, что причиной такого печальнаго настроенія Шаха могли быть, между прочимъ, весьма цѣнные подарки, сдѣланные имъ на казунѣ, то выкупили большими деньгами и прекраснѣйшія сабли и чаши, точно также, какъ это было въ другой разъ съ раздаренными золотыми чашами.

Г Л А В А XLV.

О двухъ ихрахъ Государственнаго Канцлера; что мы видѣли на этихъ ихрахъ, и о самомъ Государственномъ Канцлерѣ. Также объ обрѣзаніи Армянскаго Князя.

19-го Ноября Kahtomad döwlet или Государственный Канцлеръ давалъ нашимъ Посланникамъ большой ихра, въ велико-

лѣпнои залѣ, который тотчасъ же при входѣ представлялъ восхитительное зрѣлище: Посреди передней комнаты находился огромный водометъ, который нѣсколькими трубами металъ воду вверхъ, на высоту взрослога человека. Главный залъ, уйдшій по стѣнамъ наверху, какъ и въ домѣ Сеферастъ-Бака, множественно картинъ Европейской работы, изображающихъ женскія одежды различныхъ народовъ, внизу украшенъ былъ множествомъ большихъ и нѣсколькими сотнями маленькихъ зеркалъ, которыя всѣ вѣшаны были въ стѣнахъ въ известномъ порядкѣ, и такъ искусно расположены, что, стоя посреди залы, можно было видѣть нѣсколько своихъ изображеній въ одно время и со всѣхъ сторонъ. Подобный же, но еще болѣе прекрасный, зеркальный покой, въ которомъ по стѣнамъ и на потолокъ не было и на ладонь пространства, не занятаго зеркалами, есть и въ Царскихъ палатахъ, подлѣ помѣщенія женъ его.

Утощенія, вкусно изготовленные, рабащенныя были на серебряныхъ блюдахъ. Во время пира играли Царскіе музыканты и пѣсели танцовщицы, тѣ самыя, что и прежде, въ присутствіи Шаха. Танцовщицы отъ во время плясокъ представляли разные забавныя фокусы. Такъ, одна изъ нихъ поставила на преду горшокъ, вышиной почти съ локоть, прыгала вокругъ него, и прежде чѣмъ она успѣла зайти, схватила его, между дождь, продолжала прыгать и пориать съ такою легкостью, какъ будто у нея не было ни чего, и за тѣмъ, съ особенною ловкостью, все танцую, поставила опять горшокъ на прежнее мѣсто, съ котораго она взяла его, и продолжала свою пляску, не останавливаясь ни сколько.

Такія Кашбега должны угождать и служить гостямъ не только пляской, но и для удовлетворенія иныхъ пожеланій ихъ. Ибо хозяинъ предлагаетъ обыкновенно гостямъ всякаго рода удовольствія и наслажденія, какими только онъ въ состояніи угостить ихъ; между прочимъ, это плотское наслажденіе. Персіяне считаютъ непослѣднимъ и дозволительнымъ. По этому, на всѣхъ знатныхъ пирушкахъ, кромѣ музыкантовъ, непремѣнно бываютъ и такія плясуньи звездъ, изъ исключеніемъ Ардебила; изъ котораго, какъ изъ священнаго мѣста, Шахъ Абасъ изгонялъ

всѣхъ непретребныхъ женщинъ. За попойкой хозяинъ обыкновенно предлагаетъ гостямъ своимъ сказанныхъ женщинъ употребить для дальнѣйшихъ наслажденій, какую угодно. Желающій отправляется съ избранною имъ въ особую, нарочно для того приготовленную комнату, и затѣмъ, безъ всякаго стыда, возвращается снова гость на свое мѣсто, а танцовщица къ своимъ танцамъ. Если же кому не нравится такая пошлость, тотъ откланивается хозяину съ благодарностію за его предложеніе.

Послѣ обѣда музыканты и танцовщицы разошлись по домамъ, Посланники же, долженствовавшіе имѣть еще тайное совѣщаніе съ Канцлеромъ, остались тамъ, а насъ повели тѣмъ временемъ въ садъ, гдѣ продолжали еще угощать плодами и виномъ.

Названный *Eahtemad dowlet* или Канцлеръ, по имени *Tagge* (*Tagge*), былъ челоѣкъ лѣтъ 60, съ однимъ голубымъ и другимъ чернымъ глазомъ, помятый лицомъ, желтоватаго съ примѣсю краснаго цвѣта. Его по этому и прозвали по Турецки *Sargi Tagge*; у него не было бороды, по тому что онъ былъ *Achta* или оскопленный, и случилось это съ нимъ такъ: онъ былъ при Шахѣ Абасѣ писаремъ въ *Kentze*, и запримѣтивъ одного красиваго мальчика, возгорѣлъ страстью къ нему, завлекъ его и изнасиловалъ. Мальчикъ этотъ съ отцомъ своимъ обратился къ Шаху съ жалобой на такое безчестіе, и Шахъ далъ приказъ: отрѣзать Сарю *Magge Sijk* (такъ называютъ они мужской дѣтородный уды), со всеми принадлежностями, въ гландъ съ брюхомъ. Другіе же рассказывали это иначе, а именно: когда слухъ о такомъ строгомъ наказаніи Царскомъ, съ добавленіемъ, еще, что виновный долженъ лишиться при этомъ и головы, дошелъ до Сарю *Tagge*, то, изъ страха смерти, онъ самъ поднялъ на себя руки, вырѣзавъ себя бритвою свой членъ и представилъ его Шаху съ просьбой, пощадить его голову, безъ которой онъ не можетъ сослужить Шаху ни какой службы; безъ члена же, на противъ, онъ можетъ оказать Шаху добрую службу; при томъ же, что согрѣшило, то и потерпѣло наказаніе. Шахъ Абасъ удивился такому мужеству, приказалъ вылѣчить оскопившаго себя, и возвысилъ его, за его свѣтлый умъ, сдѣлавши его Секретаремъ въ своей Канцеляріи. А Шахъ Сеѣм, послѣ того, какъ за-

рубилъ саблей своего стараго Государственнаго Канцлера, прислалъ Сарю Тагге, по обычаю Персовъ, золотую *Dawat* или чернилицу, и возвелъ его въ эту высокую должность Канцлера.

21-го Ноября *Еаhtemat döwlet*, по Шахскому приказу, вторично пригласилъ Посланниковъ къ себѣ, для тайныхъ совѣщаній, чтобы постановить окончательное рѣшеніе по нашему дѣлу. Насъ опять угощали сдѣсь отлично, хотя и не такимъ, какъ прежде, образомъ.

29-го числа, двое братьевъ знакомыхъ нашихъ Армянъ, Сеферасъ-Бекъ и Илія-Бекъ, посѣтили Посланниковъ и, между прочимъ, рассказывали намъ, что хотя они и пользовались добрымъ расположеніемъ къ нимъ настоящаго Шаха Сефи, равно какъ бывшаго отца его, Шаха Абаса, но что тѣмъ не мене, съ Шахомъ Сефи шутить опасно, и надо хорошо обдумывать, что говоришь съ нимъ. Однажды, въ веселый часъ, Шахъ этотъ, желая выразить особую милость свою къ Илію-Беку, сказалъ ему, что если бъ онъ совершилъ надъ собой обрѣзаніе и принялъ Магометанскую Вѣру, то заслужилъ бы тѣмъ вдвое большее къ себѣ расположеніе. Илія-Бекъ въ шутку отвѣчалъ ему на это, что можетъ быть это и случится когда ни будь, но что теперь не время думать объ этомъ и Шаху надо веселиться. На этомъ дѣло пока и осталось. Но въ послѣдствіи времени, когда производился судъ надъ Рудольфомъ Стадлеромъ, и ему, для спасенія жизни и пріобрѣтенія Царской милости, предлагали принять Магометанскую Вѣру, а онъ, Стадлеръ, отвергъ такое предложеніе, Шахъ вспомнилъ и прислалъ также къ Илію-Беку, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе, сказанное въ шутку, и чтобы совершилъ надъ собой обрѣзаніе; когда же Илія-Бекъ не соглашался на это, то его обрѣзали насильно. Будучи такимъ образомъ обрѣзаннымъ, онъ въ душѣ все таки оставался истиннымъ Христіаниномъ; однако, хотя онъ и старался казаться веселымъ, по своему обыкновенію, но веселость эта уже не была въ немъ такою сердечною и непринужденною, какъ прежде.

Г Л А В А XLVI.

О подаркахъ Шаха и другихъ Великихъ Посланникамъ и въ которыхъ изъ вещей. Также о послѣднемъ открытѣи представлеши и прощаніи.

2-го Декабря пришелъ нашъ Мегемандаръ, Абасъ-Кули-Бекъ, и принесъ намъ отъ Шаха подарки, которые были слѣдующіе:

1. Для каждого Посланника по лошади, съ сѣдлами и упряжью. Сѣдла обтянуты были плотнымъ листовымъ чистымъ золотомъ, а упряжки и головные приборы густо обиты толстыми золотыми же шпиками. Лошадь Бругмана оказалась, впрочемъ, больной.

2. Двѣ Персидскія одежды изъ самой лучшей золотой парчи, съ прекрасными, принадлежащими къ нимъ, Мандіеи и Міандіеи, т. е., головными повязками (чалмами) и поясами.

3. Сто пять кусковъ всякаго рода шелковыхъ тканей, атласу, нанки, Дагаи или двойной тафты, тафты выбойки, и тому подобныя матеріи, пятнадцать разборовъ.

Кромѣ того, обимъ Посланникамъ, на путевое продовольствіе присламо было 200 туменовъ или 3,333 рейхсталера, которые всѣ взялъ одинъ Бругманъ, и часть изъ нихъ выдалъ на продовольствіе Посольскимъ людямъ, а часть подарилъ своимъ Армянскимъ пріятелямъ.

Царскіе подарки для другихъ Посольскихъ Чинѣвъ были: пяти Чинамъ, важнѣйшимъ послѣ Посланниковъ, каждому по одному кафтану атласному и по одному изъ двойной тафты; и тѣ и другіе вышитые золотыми и пестрыми цвѣтами.

Остальнымъ Гофъ-Юнкерамъ каждому по кафтану изъ обляри (волнистой тафты), вышитому золотомъ. Нижнимъ же чинамъ или чего.

На слѣдующій день, т. е., 3-го Декабря, Шахъ приказалъ просить къ себѣ и къ столу уже въ послѣдній разъ Гг. Посланниковъ, вмѣстѣ со всѣми Посольскими людьми. При этомъ Мегемандаръ объявилъ намъ, чтобы мы, согласно обычаю ихъ, свергъ нашихъ одежды надѣли на себя лучшие подаренные намъ Шахомъ, кафтаны, и въ такомъ видѣ явились съ къ Шаху. Сначала Посланники воспротивились было этому, но когда Мегемандаръ настоятельно просилъ исполнить его предложеніе, поставляя на видъ (что, подтвердили и другие Персіане), что не соблюденіе этого обычая не понравится Шаху, ибо и всѣ другіе Персы тоже дѣлаютъ это, Посланники согласились наконецъ, накинули на плечи себѣ, также какъ и въ вой намъ, самые лучшие подаренные кафтаны, и такъ и поѣхали на представленіе къ Шаху.

Шахъ сидѣлъ опять въ описанной выше залѣ, Диванъ-Ханѣ, съ прежнею пышностію, и все было съ тою же обрядностію; какъ въ первое представленіе наше и мы въ немъ ни какого примѣненія

Когда сласти стояли еще на столѣ, Eahtemad döwlet или Государственный Канцлеръ, Сарю Татге, во обычаю своему, приказалъ привести и принести Шаху богатѣйшіе подарки; а именно: 12 прекрасныхъ лошадей, съ доросшими помочами; 49 верблюдовъ, съ Турецкими коврами и прекрасными войлоками, называемыми Кеббе (Kebbe) и одѣланными изъ шерсти весьма чисто: 15 муловъ; 1000 туменовъ чистыми деньгами, и каждый тумень по себѣ былъ особымъ человекомъ ма-руль, въ раскрашенномъ кофлѣ; 40 штукъ золотой парчи, множество шелковыхъ товаровъ и другихъ вещей, что все одно за другимъ, цѣлое полчаса проносилось мимо палатъ въ Царское казнохранилище. Такіе подарки Государственный Канцлеръ обязанъ доставлять Шаху однажды, а иногда и дважды, въ годъ. Оттуда же беретъ онъ и для чего онъ дѣлаетъ, о томъ не заведливо сказать никакъ.

Послѣ стола Великій Маршалъ и Курджибаша (Kurtzibaschi) опять подвѣлъ Посланниковъ къ Шаху; для прощанія съ нимъ. Вручая вѣрительныя грамоты, Шахъ приказывалъ передать свой дружескій привѣтъ Его Княжеской Милости, Герцогу Шлезвигъ-

Голландскому и проч.; и высылал, что отплатить ему подобно
 немъ его собственнѣй. Посланныкъ. Наши Посланныки съ по-
 добавочныи почтеннѣи отблагодарилъ его за это и за выучен-
 ный ими отъ него выскочки и лести; за тѣмъ, всѣмъ своимъ отпускъ;
 мы побхали ипать дождь, въ своихъ даренныхъ настаняхъ.

Въ 4-е число Русскій Посланныкъ, Алексѣй Самойловичъ, бывъ

у Государственнаго Канцлера, и черезъ него также учинилъ про-
 щенье на имя Шаха, такъ что онъ, выѣтъ съ нами, опять до-
 ждѣ былъ возвратиться домой. Въ слѣдующе за тѣмъ дни внач-
 ные придворные вельможи, которые уже прежде получили подарки
 отъ нашихъ Посланныхъ, прислали намъ ихъ отъбитые подар-
 ки; именно: 5-го числа Ховровъ Султана (Chorow-Sultan) при-
 слалъ двѣ лошади; 6-го числа Джани-Ханъ (Dzani-Khan
 Kuridzban) прислалъ свои подарки; но такъ какъ подарки отъ
 дождѣ были переданы Посланнику Рустамъ, иркъ, бывшій
 Персидскій толмачъ и Мамомъ, котораго держалъ при себѣ
 Курдизбанъ, то Посланныки наши не заочѣи прицты имъ, сто-
 слалъ ихъ обратно: назадъ и велѣли сказать черезъ Могоманд-
 ря: «Если Джани-Ханъ хотѣлъ почтить насъ, Посланныхъ, своими
 подарками, то не умно ли для передачи ихъ послать къ кому-
 другому; иркъ весьма нечестивъ, съ которымъ ионъ говорилъ
 намъ, что не хотѣлъ». Въ слѣдствіе этого Джани-Ханъ съ 3-хъ деви
 прислалъ уже съ другими подарками: двѣ лошади, однова мула
 и 18 кусковъ разнога рода шелковыхъ тканей; что все явство
 было намъ съ благодарностию, а пришедшему съ подарками джани
 былъ тумень въ подарокъ.

Въ 10-е число Великій Маршалъ подарилъ Посланнику двѣ

лошади, а Государственный Канцлеръ также двѣ лошади, однова
 мула и 45 кусковъ шелковыхъ и золотыхъ тканей.

Въ тотъ же день пришелъ къ намъ Могомандръ съ вѣст-

щеньемъ, что черезъ 8 дней Шахъ собирается въ путь и отпра-
 вляется въ Кашанъ, и что если Гг. Посланныки будутъ зде-
 по, онъ приметъ ихъ въ число своихъ спутниковъ до того же
 рода, на который намъ должно было ѣхать въ Кашанъ, обрат-
 номъ путешествіи. Въ слѣдствіе этого мы начали готовиться къ

огажданъ, и 12-го числа на прощанье задалъ еще одну дивизию, въ которой присутствовали тѣ же гости, что были и прежде, кромѣ Армянъ, которыхъ поцаждадо теперь порядочное число. Послѣ стола гости отирались на ристалища (карусели), куда пришли также одинъ Испанскій Цовѣренный (Агентъ), котораго имѣеть съдѣсь изъ Индiи Вице-Король Гоа, и одинъ богатый Еврей, везущiй торговлю изъ Индiи съ Константинополемъ. Музыка, трубы и барабаны, весело оглашала воздухъ. Нѣсколько сотъ Персiанъ, Армянъ и Армяцкихъ барынь, стояли по стѣнамъ и въ кругомъ лежащихъ домахъ, глядя на нашу потѣху. Устроено было опять два круга, только безъ награды за выигрышъ, такъ что всякій, кто только хотѣлъ, могъ участвовать въ бѣгѣ. При каждой побѣдѣ въ состязанiи, а также при всякой выпивкѣ за адороме, по приказанiю Посланника Бругмана, стрѣляли изъ большаго пушекъ. Толмачъ Шахскiй, отецъ Юсифъ, опасаясь, что такъ какъ стрѣльба эта, совершаемая въ столицѣ Шаха, слышна была во Дворцѣ, то она легко могла не понравиться Шаху, какъ не понравилась ему и прежде бывшая; Шахъ же былъ страшный тиранъ; прогнѣвать его этѣмъ было легко, и по тому толмачъ очень боялся, что, по оглѣбдѣ нашемъ, гнѣвъ Шаха обратится на него, какъ на нашего толмача, и при томъ присутствовавшаго при стрѣльбѣ. Ему хорошо были извѣстны подобныя страшныя прииѣры Шахскаго гнѣва, въ особенности изъ того, какъ нарубленъ былъ прежнiй Государственный Канцлеръ; а по тому онъ, ради Христа, пресмѣлъ веселиться потише. Но, не смокра на просьбы этѣ, по приказанiю Бругмана, который предавался веселью, словно безумный, потѣха продолжалась еще нѣсколько времени. Въ послѣдствiи же мы узнали, что Шахъ, по случаю этой шумной потѣхи, а также и по другимъ причинамъ, до такой степени сердитъ былъ на Бругмана, что даже высказывалъ, что если бѣ только онъ не хотѣлъ падать Герцога Голштiнскаго, который, какъ онъ слышалъ, былъ не только Великiй Государь, но и честный и добродѣтельный человекъ, то непременно велѣлъ бы отрубить голову Посланнику Бругману. Шахъ считаетъ себя въ высшей степени оскорбленнымъ слѣдующею еще предѣлкою этого Посланника. Въ этѣ дни случилось, что одинъ изъ послѣднихъ вицеовъ Цесовства, уроженецъ Брабантскiй, по имени Лионъ Бергольди (Lyon Bergoldi), за то, что былъ позволенiемъ Цесовникомъ ходить къ Голландскому

Повѣренному и получалъ отъ него подарки, закованъ былъ Бругманомъ въ цѣпи, въ которыхъ и долженъ былъ содержаться во все время, пока мы пробудемъ въ Испагани. Этотъ же Ліонъ Бернольдъ разбилъ оковы и бѣжалъ въ Атласарі или домъ зачѣты, который находился на Шахской дворцѣ. Посланники сначала послали было къ Шаху съ просьбой выдать бѣжавшаго, но Шахъ отбѣчалъ, что ни въ его и ни въ чьей другой власти не зависить, сказать въ сказанномъ мѣстѣ виновнаго, хотя бы за преступленіе противъ самаго его, Шаха; что если бѣглець укралъ что либо, (какъ несправедливо тогда выдавали Посланники наши), то покраденное можетъ еще быть выдано, но преступникъ самъ отнюдь нѣтъ. На это Посланникъ Бругманъ открыто объявилъ, что онъ хочетъ получить самаго Ліона, и что онъ добудетъ непременно и застрѣлитъ его, хотя бы онъ былъ въ объятіяхъ самаго Шаха. Въ такомъ намѣреніи Бругманъ нашелъ одного Армянина, который согласился хитростію выманить Ліона изъ мѣста его укрывательства, обѣщая ночью выпроводить его въ другое, будто бы болѣе безопасное, убѣжище; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ назначенное для бѣгства время, Бругманъ отрядилъ двадцать конныхъ изъ нашихъ людей, съ зажженными фитилями и пищалями, къ воротамъ Шахскаго Дворца, съ приказаніемъ представить бѣглеца живаго, или мертваго. Всѣ представленія, какія дѣлалъ Бругману товарищъ его противъ такихъ распоряженій его, въ виду великихъ опасностей, которыя могли произойти отъ того для всѣхъ насъ, не привели ни къ чему. Отрядъ былъ посланъ, и когда онъ приблизился къ воротамъ Дворца, то надѣлалъ такого шума, (можетъ быть болѣе, чѣмъ было ему приказано), что не хотѣлъ слушаться Шахской стражи, не пропускавшей его въ ворота; по чему стража эта, по приказанію проснушагося отъ шума Шаха, и въ отвращеніе дальнѣйшей бѣды, заперла ворота, которыя на памяти человѣческой никогда не запирались, такъ какъ черезъ нихъ всякій могъ пройти въ безопасное для себя убѣжище. Все это разгнѣвало Шаха до такой степени, что на другой день онъ жаловался своимъ Совѣтникамъ и сказалъ, что при Нѣмцахъ онъ не можетъ болѣе и спать безопасно, и что если не слѣдуетъ принять противъ нихъ какихъ ни будь рѣшительныхъ мѣръ, то или онъ, или они должны оставить городъ. Кромѣ того, немаловажной причиною гнѣва Шахскаго на Бругмана было еще

в наѣзженіе этого послѣдняго воспріятствовать нѣкоторымъ Шахскимъ уполномоченнымъ, которымъ поручено было достать до ма Армякъ и набирать въ нихъ молодыхъ дѣвицъ для Шахскаго Сераля; (подробнѣе объ этомъ обыкновеніи я не замедлю сказать ниже); такъ какъ Армяскій толмачъ, по имени Шуанъ (Schwan) (чадоръкъ руской), горько жаловался Бругману, что въ одно изъ предстоящихъ такихъ посѣщеній, сказанныхъ уполномоченныхъ срозидъ опасность его любезной, которую могутъ у него отнять, и Бругманъ далъ толмачу опасное обѣщаніе и предложеніе обзаводать такихъ Шахскихъ посѣтителей. Но если бы такое обѣщаніе дошло до дѣла, то мы подверглись бы дедичайшей опасности. Однимъ словомъ, если бы отъ атого, а также и отъ другихъ опасныхъ предпріятій Бругмана не воздерживалъ его, часто Государственный Канцлеръ, то едва ли бы этотъ Посланникъ, а можетъ быть и все мы, выѣзали живые изъ Персіи,

---

Г

СМЪСЪ

ГРАМОТА

ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА, СЕРПУХОВСКОМУ
ПРОТОПОНУ СЪ БРАТИЕЮ У СВ. ТРОИЦЫ И ПО НЕИЪ О ПРИДАНЫХЪ
ПОШЛИНАХЪ СЪ ПОМЪРНАГО, ВЪСЧАГО, ГОСТИНАГО, ПРАВАГО
ДЕСЯТКА, НАДЪВСТНИЧА И ТИУНА СУДА И ВЪИЦОВЪ ЖЕНИТВЕН-
НЫХЪ, 7132 ГОДА (1624), МАРТА 7 ДНЯ,

Вожітею милостію Мы; Великій Государь, Царь и Великій
Князь, Михайло Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, пожаловали
смы Богомольцовъ своихъ, Протопопа Козму з братиею, что слу-
жать у Святыхъ Живоначальныхъ Троице въ Серпухове внутри го-
рода, или кто по немъ иные Протопопъ і братия у Живоначаль-
ныхъ Троицы будутъ. Въ нынѣшнемъ во 132 году положили они
передъ Нами жаловальную уставную грамоту прадеда Нашего, бла-
женныя памяти, Великаго Князя, Василея Ивановича, всеа Русіи,
лѣта 7022 и въ 43 и въ 59 годахъ блаженныя памяти дѣда
Нашего, на Государево, Царево и Великаго Князя, Івана Василье-
вича, всеа Русіи, имя, и въ 98 году дяди Нашего, на Государево,
Царево и Великаго Князя, Федора Ивановича, всеа Русіи, имя, и
во 118 году на Царя Василія Ивановича, всеа Русіи, имя. И во
123 году на Наме, Государево, Царево и Великаго Князя, Михай-
ла Федоровича, всеа Русіи, имя, та грамота подписана і рудити
ей никому ни въ чемъ не велено, а о всемъ велено ходити по
тому, какъ въ грамоте писано. А у подписей приписи Діаковъ,
Федоръ Мишурина, Юда Сидорова, Петра Ткунова, Филиппа Го-
ляницевъ, Богдана Тимофѣева. А въ той грамоте написано, что
за ними въ Серпухове придана пошлина къ Живоначальной Трои-
це помѣрное, да вѣсчее, да гостиное, да правой десятокъ с На-
дѣстнича и с Ткуня суда, да вѣщмъ женитвенные. И Протопопъ
з братиею беруть той пошлину по старинѣ. Кто приѣдетъ зѣ-
мою на саняхъ, а лѣтомъ на телегахъ, въ Серпуховъ, или кто въ

2 ГРАМОТА ЦАРЯ МИХАЙЛА ФЕДОРОВИЧА СЕРПУХОВСКОМУ ПРОТОПОПУ.

судне жито привезеть, и они емлют помѣрное с окова по денге. А буде котораго жита больши, или меньши, и они емлют по тому жъ росчету помѣрно. А въсчѣе и гостинное емлют з гостей и с торговыхъ людей. Кто учнетъ въ Серпухове торговати какими товаромъ ни буди, с рубля по двѣ денги, а будетъ товару больши рубля, или меньши рубля, и они емлют пошляну всвою церковную по тому росчету. А хто что продасть, Протопопу з братнею не явивъ, и на ково въ томъ доведуть передъ Намѣстникомъ, и они въ томъ возмутъ заповеди два рубля, рубль Намѣстнику, а другой рубль Протопопу з братнею. А правой десятокъ с Намѣстнича и с Тиуня суда емлют по старинѣ. А венцы женитвенные емлют по старинѣ с Серпуховичъ и со всего Серпуховского Уѣзда, да с волости Козлова броду, с первоженца по алтину. А хто женится безъ Протопова знамяни, и ново в томъ уличать, и они на томъ возмутъ заповеди два рубля. А яс тоѣ пошляны изо всеѣ у Протопопа з братнею Попу Дмитриевскому, что Дмитрей Святый нѣ Серпухова же, внутри города, третья выть, по старинѣ, какъ напередъ сего ишло. А руги нѣ велено давати з году на годъ на Рождество Христова Протопопу два рубля, а Диякону рубль. Да имъ же пять гривенокъ воску на поставную свѣчу, да пятнатцать гривенокъ на малыя свѣчи. А Проскурницѣ Троецкой велено давати на проскуры на годъ оковъ пшеницы да полтора пуда соли. Да на канунъ пудъ меду пресново, да ей же восемь четвертей ржи за стряпню. А Пономарю Троецкому полполтины денегъ да четыре четверти ржи. А емлют тоѣ ругу на Москвѣ, в Приказѣ Большого Дворца, на Рождество Христова. Да за Протопопомъ же Троецкимъ з братнею въ Серпуховскомъ Уѣздѣ деревня Демьяновская. Да они жъ положили передъ Нами грамоту, послушную блаженныя памяти, дяди Нашего, Государя, Царя и Великого Князя, Федора Ивановича, всеа Русии, 104 года, за придицью Дияка Гаврила Михайлова. А въ той грамотѣ написано: Которые Серпуховичи и конюшенныя слободы торговые люди учнутъ торговати какими товары ни буди, и Троицкому Протопопу з братнею велено на нихъ таможенные пошляны имати, по уставнымъ грамотамъ. А которые люди какими товары учнутъ торговати не являсь, и на нихъ велено Серпуховскимъ Вреводамъ збирати протаможья по два рубля, рубль на Настъ, а другой рубль Протопопу з братнею. Да они жъ по-

лежали передъ Намъ Нашу послушную грамоту, а записаны Дикашка Нашего, Добрыни Семенова, 123 года. А въ той грамоте написано: «Были Намъ челомъ Троецкий Протопопъ Ирокопей в братнею, чтобъ Намъ что пожаловать, в денежные и в хлебные руги и вето, и на свѣчи, и на ладанъ, и на Церковное строение, таможную пошлину велѣти бы избрати по прежнему, и будетъ отъ избрати до разоренья и послѣ разоренья и по 123 годѣ. И Серпуховскій Воевода и приказныи людьми на Серпуховичехъ, на посацкихъ и на великихъ торговыхъ людехъ, кто чемъ учтетъ торговати, таможную пошлину и съ хлеба по мѣрѣ по уставной грамотѣ велѣно, доправлявая, отдавать Троецкому Протопопу в братнею, а в тѣхъ пошлинахъ тѣмъ людямъ, на комъ та пошлия доправлятъ, велѣно Протопопу в братнею давать отписи впереди для спору. И Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь, Михайло Федоровичъ, всеа Русіи, и Отець Нашъ, Великий Государь, Святѣйшій Патріархъ, Силаретъ Никитичъ, Московскій и всеа Русіи, Живоначальные Троицы, что в Серпухове, внутри города, Протопопа Козму в братнею, пожаловать велѣли, тѣ прежніе грамоты переписать вновь на Наше, Государское, имя, по Новому Уложению, и что ихъ монастырская деревня Демьяновская, в тоу имъ деревнею велѣли клдѣти по прежней и по сей Нашей Государской жалованной грамотѣ. И по Нашему, Государскому, по Новому Уложению, с тоѣ церковной деревни Демьяновской ихъ, церковныи, людямъ и крестьяномъ Нашимъ, ни какихъ податей и денежных всякихъ поборовъ и Назачыиъ хлебныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давать, опречь ямскихъ денегъ и стрелецкихъ хлебныхъ запасовъ, и городового и острожного дѣла, а ямскіе имъ деньги и стрелецкіе хлебные запасы давать, и городовое и острожное дѣло дѣлать, по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ с живущего с сошными людьми вѣсте. Также еси ихъ пожаловали: Болря Наше и Намѣстницы ихъ и Тиуны, ихъ церковныхъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опрочъ душегубства, и разбоя, и татбы съ помѣщныи, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всидаютъ къ нимъ ни по что. А праветчики и довтчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не вьезжаютъ къ нимъ ни по что. А вѣдасть и судить тѣмъ своихъ людей, да и причетъ церковный, Протопопъ в братнею самъ во всеи, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣстной церковныи, людямъ в городцкии, или с волостыи

людми, и Бояря нашии и Наместники, и иже Титуны, державныи и городичкии, людей судяты, а Протопопу, или мѣхъ прикасащиму, съ нами жь судити, а право будетъ, или вымотать, державной человѣкъ ковати, правдѣ и въ видѣ, Протопопу, з братцею, а городичкой и волостной человѣкъ въ драмѣ и въ видѣ. Воеводамъ Нашимъ и приказнымъ людямъ. А кому будетъ чего искати на Протопопу з братцею, и иже судити отецъ Нашъ, Великій Государь, Святѣйшій Патриархъ, Оцларетъ Никитичъ, Московскій и всеа Русіи, или кому оцъ, Великій Государь, повелити ихъ судити, А церковныхъ людей и крестьянъ оужу Я, Царь і Великій Князь, Михайло Федоровичъ, всеа Русіи, или Азъ кому прикажу ихъ судити. А по Нашему, Государскому, Указу отъвечати имъ и искати въ году на три сроки: на Рождество Христово, да на Троицынъ день, да на Семяць день лѣтопроводца. А опрочѣ тѣхъ Нашихъ указныхъ трехъ сроковъ, на иныи сроки ихъ судити и на поруки не давати. Также есми Протопопа з братцею пожаловали по прежнимъ, и по сей Нашей, Государской, жаловальной грамоте, тамошнюю имъ пошлину, и въсече, и гостинце, и помѣрное, и правой десятокъ, и венцы жежитвенные, ведѣти съ Серпуховскихъ съ посалцкихъ и съ Убавиныхъ людей, и коношенныи слободы с тягловъ и со всякихъ торговыхъ людей, збрати ко святой Троице по тому, какъ у нихъ, в прежней уставной Великого Князя, Василья Ивановича, всеа Русіи, грамоте указано. А которые люди Серпуховичи, и иныи городовъ, и коношенныи слободы тягловы, и всякие торговые люди, и какими товары учнутъ торговати, а Протопопу з братцею по прежней уставной и по сей Нашей жаловальной грамоте пошлину платити не учнутъ, і Воеводамъ Нашимъ и приказнымъ людямъ, которые будутъ в Серпухове, ведѣти на тѣхъ людяхъ тѣ Протопоповы тамошныи пошлину допрашивать, да отдавати Протопопу з братцею. Также есми ихъ пожаловали, которые люди такими товары учнутъ въ Серпухове торговати хлѣбомъ, или какими весовыми товары, а Протопопу з братцею по денежъ, и на тѣхъ людяхъ имати протаможья по два рубли, рубль на Насъ, Государя, Царя і Великого Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи, а другой рубль Протопопу з братцею. Также есми Протопопа, з братцею пожаловали: хто женится бевъ Протопопова, ани мѣни, и на томъ велити Протопопу з братцею заповеди два рубли. А ис тѣхъ, исо всехъ пошлину, и ис протаможныхъ, и изъ заповедныхъ, і изъ помѣрныхъ денегъ,

и мана Димитровскому Целу, что Димитрей Святый въ Серпухове же, внутри города, у Протопопа з брателью по старинѣ, какъ они напередъ сего инали. Также еси ихъ пожаловали: на пиры и на братины въ Протопопу и въ брателью, и къ церковнымъ людемъ, и ко крестьяномъ, Княженецкіе, и Боярские, и Дворянские, и Детей Вопреханъ люды и крестьяни, не званы пити не ѣдятъ. А кто къ нимъ на братину приѣдетъ пити не звань, а учинится у нихъ при томъ чужбаномъ камаи гибель, и тому не званому та гибель платити: двое безъ сума. А кто черезъ сие Нашу Государскую жаловальную грамоту Протопопа, и брателью, и церковныхъ людей, и крестьянъ, чѣмъ изобидитъ, и тому отъ Насъ, Великаго Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи, быть в ошале. Дана сія Наша, Государская, жаловальная грамота на Москвѣ лѣта 7132, Марта въ 7 день:

Прокофей Пахиревъ.

У грамоты печать изъ краснаго воску прѣвѣшена на красномъ шелковомъ шнурѣ. На сей, съ одной стороны: Св. Георгій Побѣдоносецъ, поринающій змѣя, и кругомъ этого герба надпись: «Божіею Милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайло Федоровичъ, всеа Русіи.»

На другой сторонѣ печати орелъ двуглавыи и кругомъ его надпись: «всеа Русіи Самодержецъ і многихъ Господарствъ Господинъ и Обладатель.»

На оборотѣ: «Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ.»

Ниже: «Лѣта 7160, Октября въ 9 день. Божіею милостию Мы, Великій Государь, Царь і Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи Самодержецъ, сеѣ грамоты слышали, і выслушавъ, изъ Серпухова Соборные церкви Живоначальные Троицы Протопопа Козьму з брателью, и хто по немъ у тое соборные церкви ипрядъ Протопопы и брателья будутъ, пожаловалъ, велѣти имъ сеѣ грамоту подписать на свое Государство, Цареву и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всеа Русіи, имя, и сеѣ у нихъ грамоты рудити ни кому не велѣлъ. А что въ сей грамоте написано, велено ихъ судити въ году

на три строки, и иные которые спорные статьи в оном переименованы, и тому быть по нынешнему нашему Новому Уложению.

Діакъ Смирноѣ Богдановъ, л.

Еще ниже: «Лѣта 7187, Декабря мѣсяца 20 день. Божіею милостию Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Федоръ Алексѣевичъ, всея Великія, і Малыя, і Бѣлыя Росіи Самодержецъ, сей жалованной грамоты слушаемъ, пожелавши изъ Серпухова, Соборныя церкви Живоначальныя Троицы Протопопа Василія, братаго, велѣвши имъ і кто по нихъ впрядь иныя будутъ, въ Серпуховскомъ Уезде деревнею Демьяновою со всеми угоды владѣти по дворянскимъ и по переписнымъ книгамъ по правденію, будетъ тѣмъ спору мѣтъ, а о Нашихъ, Великого Государя, доходахъ, и о всякихъ поборехъ, и о судныхъ и о дошлиныхъ статьяхъ, быть по тому, какъ въ Указе Отца Нашего, Государева, блаженные памяти, Великаго Государя, Царя і Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія, і Малыя, і Бѣлыя Росіи Самодержица, і въ Соборной Уложеньи, напечатано, і после Соборнаго Уложенья въ Уставныхъ Грамотахъ, і в Новыхъ Статьяхъ написано.

Діакъ Семенъ Комсидъ, л.

Грамота написана на трехъ склеенныхъ листахъ, На оборотѣ оной, на первой склейкѣ, написано:

«А подписалъ Государевъ Царевъ, и Великаго Князя, Михайла Федоровича, всея Русіи

На второй склейкѣ:

«Діакъ.»

Въ концѣ грамоты:

«Справилъ Кирило Нещовъ.»

Совѣщ. Ш. Раздѣлъ.

ПАТРІАРШІЕ ВЫХОДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московская Патріаршая Библіотека не даромъ именовъ это названіе; ибо составленіе оной и приумноженіе хранящихся въ ней драгоценныхъ матеріаловъ несомнѣнно относится ко времени Патріаршества, и въ особенности ко времени Патріарха Никона, обогатившаго эту Библіотечу собраніемъ драгоценныхъ памятниковъ древней письменности.

Въ числѣ Славянскихъ рукописей, хранящихся въ Патріаршей Библіотекѣ, находится нѣсколько записныхъ книгъ Патріаршаго служенія и Патріаршихъ выходовъ (см. Указат. Архимандрита Сарва, стр. 219), въ которыхъ съ мельчайшими подробностями записаны всѣ, такъ называемыя, дѣйства Патріаршаго служенія, а также выходы Патріарховъ и Царей въ дни торжественныхъ праздниковъ къ церковному Богослаженію и въ крестные ходы. Этѣ записныя книги замѣчательны тѣмъ, что онѣ знакомятъ насъ не съ одними только обрядами Патріаршаго служенія, но и съ бытомъ нашихъ Вѣнценосцевъ, а по тому обнаруженіе подлинныхъ документовъ, какъ мы думаемъ, не только принесетъ несомнѣнную пользу исторіи нашей Церкви, но значительно пополнитъ и описаніе быта Русскихъ Царей и ихъ отношенія къ властямъ духовнымъ.

Въ прежнее время наши Цари почти постоянно участвовали во всѣхъ церковныхъ празднествахъ и ходахъ. Высшая духовная власть, каковы были у насъ Митрополиты и Патріархи, почти никогда не являлись народу безъ его Вѣнценосца, и Русскій Царь, всегда и вездѣ, являлъ свое главенство народу, и только изрѣдка,

желая показать свое Христианское смиреніе, онъ, въ Цѣтную Недѣлю, во время бываемаго въ то время хода, велъ за конецъ повода осля, на которомъ возсѣдалъ Патріархъ. Мѣсто Государю, на которомъ возсѣдалъ Государь, ставилось и на Лобномъ Мѣстѣ, въ Цѣтную Недѣлю, и въ другіе годы, и украшалось золотыми атласами и бархатомъ. Самый обиходъ Царской жизни тѣсно былъ соединенъ съ обиходомъ Митрополитовъ и Патріарховъ старой Руси, жившихъ почти подъ одной кровлей съ своими Вѣнценосцами; ибо палаты Патріарховъ были въ одной связи съ комнатами Царскими. Ни какого Государственного дѣла не начиналось безъ благословенія Святѣйшаго Патріарха и безъ его совѣта; Патріархи были постоянными свидѣтелями всякой домашней радости Царя и всякаго домашнего его горя. Не смотря на могущество и на величіе Царскаго сана Московскихъ Государей, власть нашихъ Митрополитовъ и Патріарховъ была, въ свое время, довольно сильна и самобытна; у нихъ было свое управленіе, которое не подчинялось гражданской власти; были свой дворъ, свои Дворяне и Боляре, а сами они величались «Великими Господами, Государями.» Были примѣры, что наши смиренныя Митрополиты и Святѣйшіе Патріархи вступали въ открытую борьбу съ своими могущественными Царями, и хотя не оставались побѣдителями; но смѣло порицали ихъ поступки, которые не согласовались съ ихъ убѣжденіями. Кому не извѣстна борьба Митрополита Филиппа съ Иваномъ Грознымъ и Патріарха Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ?

Патріархъ Никонъ былъ послѣднимъ борцомъ за духовную власть; съ паденіемъ Никона, обладавшаго несокрушимой силой воли, пала и Патріаршая власть, а вмѣстѣ съ нею и перемѣнились отношенія къ ней Государей. Петръ, I-й уничтожилъ Патріаршество, а вмѣсто его учредилъ Св. Синодъ, въ которомъ въ послѣдствіи значительное вліяніе на распоряженія по управленію Духовнымъ Вѣдомствомъ было предоставлено человѣку свѣтскому. ¹

¹ Синодъ учрежденъ 25 Января 1721 г.

Цѣль учрежденія Синода была исправленіе духовнаго чина, въ которомъ, по

По обратились къ главной цѣли нашей статьи, — къ записнымъ книгамъ Патриаршескихъ выходовъ.

Тѣхъ книгъ нѣтъ, хранящихся въ Патриаршей Библиотекѣ, только одна, веденная пѣвичей, Федоромъ Константиновымъ (годы 1667—1669, 1671, 1672 и 1674, по описи № 423), напечатана въ полномъ ея составѣ, въ V томѣ «Приб. къ актамъ истор.», № 26, стр. 98—154, и то по другому списку, списанному изъ сборника исхода XVII вѣка (въ четвертку на 358 листахъ), хранящагося въ Визниковскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

Но при проверкѣ нами печатнаго изданія этой книги со спискомъ Синодальной Библиотеки оказалось, что списокъ, изъ котораго произошло печатаніе, не во всемъ сходенъ съ подлинникомъ.

Въ началѣ упомянутой нами книги говорится о прибытіи въ Москву въ лѣто 7175, Ноября во 2 день, въ пятокъ, Греческихъ Патриарховъ: Пансія, Папы и Патриарха Александрійскаго и Архіепископа, и Святѣйшаго Макарія Антиохійскаго, — судей Патриарха Никона.

Упомянуется о томъ, что Патриархъ Никонъ былъ развѣчанъ (такъ въ подлинникѣ) изъ Патриаршаго сана, у Благовѣщенія Пречистой Богородицы, что на святыхъ вратахъ Чудова монастыря, и на другой день, 13-го Декабря, пѣхалъ съ Москвы въ Оеронимовъ монастырь, на Белоозеро.

Изъ этой же книги мы узнаемъ, что новопоставленные Епископы, при посвященіи ихъ въ этотъ санъ, ѣздили около города Кремля на ослати.

словамъ Указа, усматривалось много нестроенія и великая въ дѣлахъ его скудость. Составъ Синода состоялъ: изъ Президента, Вице-Президентовъ, Совѣтниковъ и Ассессоровъ. За учрежденіемъ Синода слѣдуютъ грозные Указы Петра противъ раскола и отщепенцовъ Церкви; но Указы эти не достигали своей цѣли и только служили къ увеличенію раскола, который все болѣе и болѣе разливался по всей Руси. Ни какія гоненія не ужасали поборниковъ раскола; и тѣмъ бодрѣе съ ними мотучій и грозный Петръ, и, не одолевъ Русскаго старовера, оставилъ эту борьбу въ наследіе своимъ преемникамъ.

Сдѣсь мы, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ уничтоженномъ обрядѣ.

Обрядъ шестива, на ослати, былъ учрежденъ, безъ сомнѣнія, не прежде половины XVI столѣтія, что подтверждается Соборнымъ Дѣяніемъ 1678 года,² въ которомъ, между прочимъ, говорится: «что шестива, на ослати, учреждилось не отъ древнихъ дѣлъ, но мало прежде нашего житія, во время малолѣтства бывшаго Государствѣ семъ смяренію великому, сіе дѣйство введеса въ Церковь.» Несомненно также, и то, что, учрежденіе этого обряда имѣло цѣлю возвысить санъ Русскихъ Іерарховъ предъ народомъ. Надо замѣтить, что шестива или хожденіе на ослати въ свѣтлый день цвѣтносія или въ Недѣлю Ваіи (по нынѣшнему Верное Воскресенье), не было исключительно принадлежностію Патріаршаго сана; ибо изъ того же Соборнаго Дѣянія видно, что «ишии Архіереи тожде дѣйствіе совершати обыкоша, и по инымъ градомъ творити то дерзають, идеже Царское лице образующе, и не великіе чести начальницы ослати предводителіе сотворяются; следовательно, хожденіе на ослати въ Верное Воскресенье было исполняемо и въ другихъ городахъ Русскаго Царства, гдѣ лицо Патріарха заступалъ Архіерей а лицо Царя — Вождя, даже и при великой чести, и въ возназачку, происхожденія.» Это же обстоятельство, и послужило, главнымъ образомъ, къ созванію помлнутаго чана Собора, который, въ видахъ, сохраненія высокой чести Самодержца, постановилъ: «отмѣнивъ хожденіе на ослати въ Цвѣтную Недѣлю въ другихъ городахъ, оставить оное только въ Москвѣ.»³

Наконецъ хожденіе на ослати входитъ въ обрядъ, постановленія или посвященія духовныхъ лицъ въ высшій духовный санъ.

² См. Сборникъ Московской Патріаршей Библіотеки, по Указателю Архидіаконата Саввы, № 684, стр. 235 и 236.

³ Т. е., не задолго до рожденія тѣхъ лицъ, которые были призваны на этотъ Соборъ Патріархомъ Тобиткомъ, для сужденія объ обрядѣ, бываемомъ въ свѣтлый день цвѣтносія.

⁴ Предъ означеннаго Собора, обрядъ хожденія на ослати не всегда соблюдался даже и въ Москвѣ (см. прилож. Цвѣтная недѣля 202 года).

Патріархи чина, входи на Патріаршій престолъ; заявили свое востество народу, являя предъ нимъ на ослати, окруженные духовенствомъ, и съ торжественнымъ ходомъ оббъзжали весь городъ; какъ бы прѣобразуя гымъ самого Исуса Христа, явившагося народу на ослати во время входа въ Иерусалимъ.

Тотъ же самый обрядъ, исполнялся, во время Патріаршества, и новопоставленными: Архіереями, Епископами, и Архіепископами.

Съ уничтоженіемъ Патріаршества уничтожился и обрядъ шествія на ослати, какъ въ Недѣлю Ваи или Вербное Воскресенье, такъ и при посвященіи духовныхъ лицъ въ высшій Іерархическій санъ.

Теперь обратимся къ остальнымъ книгамъ.

На оставшихся книгахъ Патріаршескаго служенія и выходовъ, кажется, до сихъ поръ еще ни кѣмъ не было обращено должнаго вниманія, тогда какъ въ нихъ находятся, какъ выше упомянуто, драгоценнѣйшіе матеріалы для исторіи нашего Патріаршества, и, кроме того, онѣ съ отчетливою подробностію изображаемо живописуютъ прежніе обряды.

Книги эти, кроме Патріаршаго служенія и Патріаршихъ выходовъ, заключаютъ въ себѣ повѣсти о смерти и мучищеніи Русскихъ Великихъ Князей, писки съ Патріаршихъ грамотъ Митрополитамъ, Чинъ Патріаршаго служенія въ Страстную и Сѣдлную Недѣлю, Уставъ когда и гдѣ быть крестнымъ ходамъ и Патріаршаго служенію и проч.

Станнымъ кажется, по чему наши изслѣдователи Русской старины до сихъ поръ не обратили вниманія на жизнь нашихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, и, трудясь надъ выходами Царей, позабыли о выходахъ Патріарховъ которые могли бы послужить самымъ блестящимъ и самымъ живописнымъ дополненіемъ къ изданнымъ уже Царскимъ выходамъ.

Изданіемъ Патріаршихъ выходовъ и описаніемъ домашняго обихода ихъ жизни вполне воспроизведется типъ нашихъ Патріарховъ; а типъ этихъ личностей столько же знаменателенъ для нашей исторіи, сколько и типъ Государя Самодержца.

Будемъ надѣяться, что новый нашъ Митрополитъ Московскій, Высокопреосвященнѣйшій Иммогеній, докажетъ, и въ этомъ дѣлѣ неутомимую свою дѣятельность на пользу науки и Русской Церкви, и не заставитъ эти многоцѣнные матеріалы еще надолго пребывать въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе, что печатаніе Патріаршскихъ выходовъ едва ли потребуетъ значительныхъ издержекъ, если только трудъ этотъ будетъ порученъ такимъ людямъ, которые станутъ трудиться для пользы науки и самаго дѣла.

Чтобы болѣе ознакомить читателей съ разсматриваемыми нами памятниками, мы, съ своей стороны, предлагаемъ при семъ болѣе занимательныя, по нашему мнѣнію, изъ нихъ выписки.

При этомъ нельзя не упомянуть, что для описанія домашняго житія-бытія нашихъ Патріарховъ, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи лежатъ еще непочатымъ угломъ дѣла бывшаго Патріаршаго Приказа, заключающихъ въ себѣ богатый матеріалъ для знатока-ислѣдователя, который бы пожелалъ основательно заняться симъ дѣломъ.

За тѣмъ не излишнимъ также считаю замѣтить, что выдержки изъ Патріаршскихъ выходовъ напечатаны въ «Древней Русской Вивлюснѣ», Николая Новикова, а именно: въ VI части: 1) Чинъ нареченія и постановленія на Патріаршій престолъ Преосвященнаго Филарета Никитича (1619 г.), стр. 125—162; 2) Чинъ избранія на Патріаршій престолъ Архимандрита Симонова монастыря Юсифа, происходившее 20 Марта, 1642 г., стр. 223—245; 3) Чинъ Патріаршаго круга города на ослати шестая, бываемаго въ день постановленія Русскихъ Патріарховъ, и слѣдующіе потомъ обряды, 1642 г., стр. 245—261; въ XI части: Выходы на освященіе церквей, съ 193 по 197 (1685—1689 г.), стр. 269—274, и Выходы на погребеніе и панихиды съ 194 по 196 (1686—1688 года), стр. 331—335.

Николай Дубровскій

Москва.

28 Января, 1869 года.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ

ПАТРИАРШИХЪ ВЫХОДОВЪ.

(Книга записная облаченіемъ и дѣйствию, № 51 (93), 1655—1658 и 1691—1693 годовъ).

Цвѣтная Недѣля.—Ходъ въ Преполовене.—Походъ Царя Алексѣя Михайловича на Шведскаго Короля.—Новогѣтіе.—Ходъ въ Казанскую.—Кончина Царевны Анны Михайловны.—Цвѣтная Недѣля 201 и 202 года.—Освященіе елей и служба на четверть Свѣтлыя Недѣли и сѣдующіе дни.—Пѣніе: «Съ Моровардана».—Служба на Сырной Недѣлѣ.—Объясненіе дѣйствъ Страшнаго Суда и Довѣда.

Цвѣтная Недѣля.

164 (1656) года.

Л. 29—32. Въ недѣлю Цвѣтную у всенощнаго Святѣйшій Государь Патріархъ былъ въ соборѣ, и Государь Царь былъ же; а на благословеніе хлѣбовъ молитву говорилъ въ облаченіи Греческомъ, меньшомъ; а на величаніи облачалъ стихарь обьяринной, серебряной, епитрахиль, и поясъ, и поручи, и палица рядовая, сакошь Спаской, омофоръ средній, обьяринной, и митра средняя, панагія черная; и,

¹ Приписка съ боку: «А въ 165 году въ Греческомъ облаченіи и митрѣ средней, и вышедъ на величаніи, сталъ на коврѣ, на мѣсто не, всхода; а свѣщи не раздавалъ въ то время, только кадилъ церковь; и потомъ вшедъ во олтарь, и разоблачился.

по величанин, вшедь въ олтарь, разоблачился и сталъ на своемъ Святительскомъ мѣстѣ, у стола. А по прочтеніи Святаго Евангелія, поставленъ среди церкви нагой, и положено бысть Евангеліе на нагой, а Ключари поставили вербу по лѣвую сторону нагой; и Государь Святѣйшій Патріархъ, говоритъ молитву надъ вербою въ Троици, въ Греческомъ меньшомъ облаченіи; и, по молитвѣ, Государь Царь и Св. Патріархъ Св. Евангеліе цѣловали, и Св. Государь Патріархъ, по цѣлованіи Евангелія, Государю Царю подносили вербу (ваю) ² и свѣщу; и потомъ Власти цѣловали Св. Евангеліе и Боляры; и Государь Св. Патріархъ цѣловалъ вербу и свѣщи Властемъ и Болярамъ. А ко всенощному провожали Святѣйшаго Государя Патріарха изъ Крестовыя палаты Подъяконы и Подъяки, въ красныхъ стихаряхъ, и цѣли стихи разные всѣ вмѣстѣ; и отъ всенощнаго также въ тѣхъ же стихаряхъ; а на величанин на Архидьяконѣ и на Дьяконѣ стихари золотные были, а на Подъяконахъ и на Подъякахъ красные.

Въ ту же Цвѣтную Недѣлю благовѣстъ былъ валовой, и, какъ приходъ время, Государь Св. Патріархъ шедъ въ соборъ изъ своей Государевей Крестовей палаты, а предъ нимъ Государевъ или Подъяконымъ и Подьяки въ золотыхъ стихаряхъ и цѣли и цѣли всѣ станицы разные стихи. И вшедь въ соборную церковь, оствѣля троесвѣщеніемъ и цѣловалъ Св. иконы. А на мѣстѣ его Государевъ, среди церкви, поставленъ былъ коверъ большой, и стулъ, и подушка большая, и орлецы золотніи; и тако облачался въ большое облаченіе: стихарь обьяринной бѣлой; епитрахиль низаная, поясъ большой съ каменемъ яшмовымъ, и поручи большія, ракосъ аксамитной большой, омофоръ большой, новой, и митра большая, панагія Цареградская и другая келейная и крестъ яхонтовые. И тако пришелъ Государь Царь въ соборную церковь, и Государь Св. Патріархъ, его, Государя, благословлялъ; и пошелъ Государь Патріархъ во олтарь и сталъ предъ престолъ, а Власти ³ округъ пре-

² Ваю, пальмовая, финиковая и тѣль.

³ Т. е., высшее духовенство.

⁴ Другой рукой и чернилами приписано: «два часа прошло.»

ятравъ. Така присыпавши елика стѣна и разбоиши по чочу и въ Кресты.
 О попу и чинахъ: сука и вербу Алмаи пурако, отъ Пондеса и на рабъ
 рюсскихъ и чужихъ около посадовъ, разныи дѣлаи. И при началѣ вѣкъ собору
 ему вѣрнати. Архидьякони, причащае на вѣдѣи въ годъ Св. Панагеи,
 ме, и въ прогнѣ елика; а въ вѣдѣи прогнѣ елика Государя, Патри
 арха и Государя Царя въ деревни и елика; и въ округѣ елика, а въ
 округѣ Государя Патриарха Государю Царю, здравствовать а гово
 рить и вѣдѣи болыио, а вѣдѣи и вѣдѣи. Подьячь и вѣдѣи Государя
 Царю и вѣдѣи болыио, а вѣдѣи деревни. И вѣдѣи и вѣдѣи
 вѣдѣи и вѣдѣи. Священникъ и вѣдѣи вѣдѣи. И вѣдѣи и вѣдѣи себѣ
 себѣ. И вѣдѣи, и вѣдѣи и вѣдѣи сакъ Сваской, и вѣдѣи, и
 сефора, и вѣдѣи, и вѣдѣи, и вѣдѣи, и вѣдѣи, а вѣдѣи, и та
 ко вѣдѣи. Часы и вѣдѣи и вѣдѣи Литургия. А въ службѣ въ вѣдѣи, Го
 сударя, былъ: 33. Молодѣи. И вѣдѣи и вѣдѣи, челя и вѣдѣи въ
 соборной и вѣдѣи и вѣдѣи Св. Государя Патриарха въ вѣдѣи въ церк
 вѣ, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи въ вѣдѣи Три
 да. И вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи: бывало. И въ
 то время западными дѣлами, Государя Царя вѣдѣи, и вѣдѣи, Го
 сударя: въ хоромы. И вѣдѣи вѣдѣи, вѣдѣи Государя Св. Патриарха во
 елгарь, и вѣдѣи вѣдѣи. И вѣдѣи въ, вѣдѣи Государю, Крестоу и вѣ
 лету и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи въ Кресто
 у, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи. И
 и вѣдѣи. И вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи.
 въ Стогъ былъ у Государя Патриарха въ Крестовой палатѣ, а
 Государя Царя въ олодѣи былъ, въ Царевича и вѣдѣи вѣдѣи
 въ вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи. А вѣдѣи вѣдѣи
 вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи.
 и вѣдѣи 36. Вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи,
 вѣдѣи, вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи,
 Государя Патриарха въ соборномъ церквѣ и вѣдѣи вѣдѣи. Св. вѣдѣи,
 облачили вѣдѣи, облачение, дрябл, церквѣ, на вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи
 облачении, и вѣдѣи, манати, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи
 убо и Св. иконамъ со Священницы, средн церквѣ. И тако поидоша
 во входъ къ Тайнинскимъ воротамъ и уготовленному Юрдану подъ
 Всевятскими вороты, подъ Алексеевскимъ монастыремъ, по

* Тагъ въ подлинникѣ, а надо почитать, а вѣдѣи вѣдѣи, и вѣдѣи вѣдѣи.

старому чину, на Москвѣ рѣкъ. И ту Государь Св. Патриархъ святилъ воду, по чину; и по освященіи воды поше въ входъ до Иаи Пророка Обыденнаго, до улицы, и ту, ставъ и кадя Святыхъ Иконы и цѣловавъ, и Властей Св. Государь Патриархъ благословилъ и отпустилъ ихъ со Святими иконами во входъ кругомъ Благо Города. А самъ Государь Св. Патриархъ служилъ Божественную Литургію у Пророка Иаи, зовомой Обыденнаго, за Чертольскими вороты; а служащихъ съ нимъ, Государемъ, было 15-ть человекъ и со ставленники.

Ходъ въ Преполовеніе.

1656 года.

Л. 55. Апрѣля въ 29 день, во Вторникъ, къ Вечерни благовьсть былъ въ реутъ. Противъ Преполовенія Пятдесятницы на Вечерни и на Заутрени облаченія не было.

Въ Среду Преполовенія къ Литургіи и ко входу благовьсть былъ валовой, въ полчаса дни. И какъ пошли по благовьсту въ соборную церковь съ Иконами, и Попы, и Дьяконы, и потомъ, пришедъ Государь Патриархъ въ соборную церковь, по чину облачалъ облаченіе ходовое: сакъ (сакось) полосатой, митра меньшая, омофоръ меньшей, панагія черная. И по облаченіи начали чинъ литійному исхожденію. И тако пошелъ Государь Патриархъ во входъ со Кресты и со всѣмъ соборомъ. И пришедъ на Лобное Мѣсто, начавъ паки вторую статью литіи, Евангелія не челъ и осѣненія не было. И шли на рѣку въ Москворѣцкіе врата; и у живаго моста устроены бывши Иордани, и ту поставляютъ мѣсто Государю Патриарху съ ковромъ, Ключари и Поддѣяки, стулъ меньшій и подушку и орлець меньшей, и коврикъ меньшій, и подушка ветхая, и полотенце къ погруженію Честнаго Креста. И пришедъ Государь Патриархъ на Иордань, повелъ начати водоосвященіе. И, освятя воду, пошелъ Государь Патриархъ, со Кресты и со всѣмъ соборомъ паки во входъ возлѣ градскія стѣны, кругъ Кремля города, и пришедъ къ Каменному мосту, у церкви Николая Чудотворца, отпустилъ во входъ Ростовскаго Митрополита съ Властями; и для Поновъ указалъ Государь Патриархъ ити двумъ Поддѣякономъ въ

когда А. Великий Государь, Св., Патриархъ, служилъ у Николая Чудотворца у Кожеваго моста. А на Архидьяконъ и на Дьяковъ стихари были божшше, на Подьяконъ и на Подьякиа стихари Иосифовскы, камчатые.

Походъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, на Швецкаго Короля.

1656 года.

Л. 63—65. 164 года, Мая 15 день, на самый праздникъ Вознесения Господа нашего, Исуса Христа, походъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, и всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержца, и Великаго Князя Литовскаго, на Швецкаго Короля.

Въ 10-мъ часу дня благовѣсть была вѣстовой на Иванъ Великомъ, въ среднемъ поясу, въ сполохъ, въ три колокола прибойныхъ, премѣняя часа на два; и потомъ велѣно благовѣстити въ новой большой колоколъ, и въ старой, и въ реугъ, и во всядневный, перемѣняя. И потомъ Государь Патриархъ, пришедъ въ соборную церковь со Антиохійскимъ Патриархомъ, Макаріемъ, и съ Никейскимъ и съ Молдавскимъ Митрополиты, и съ своими Митрополиты, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и вшедъ во олтарь, облачалъ Греческое меньшее облачение и корону, тако жъ и все бѣлыя Власти въ епитрахидяхъ, и въ омофорахъ, поручахъ и въ шапкахъ. И облачаясь, вышелъ, сталъ на свое Святительское мѣсто, среди церкви. И въ то время Государь Царь пришелъ въ соборную церковь, и по чину цѣловалъ Св. иконы и Чудотворныя мощи; и сталъ Государь Царь у задняго праваго стола на своемъ Царскомъ мѣстѣ. И Государь Патриархъ повелѣ Архидьякону говорить ектенью большую, и по ектени, среди церкви, Государь Царь преклонилъ главу, и Государь Святѣйшій Патриархъ надъ главою его, Государевою, говорилъ молитвы отпусканыя, въ Чиновникъ, по выписанной тетради. А Святыя Иконы и Кресты въ то время были устроены, какъ и въходы ходятъ. И по молитвахъ пошли изъ соборныя церкви со Кресты; а пѣвчіе и Подьяки, идучи, пѣли разные стихи, въ ярскихъ стихаряхъ, до Лобнаго Мѣста. А Лобное Мѣсто было украшено

бархаты золотыми и сукны красными, а посыланы были и цари больше, что всему Лобному Мѣсту и по отенцамъ. И пришли на Лобное Мѣсто Государь Царь и Государь Св. Патриархъ изъ Честныи Кресты, и говорили Архидьякомъ сѣдѣвъ среднюю. И кончили, Государь Царь, пришелъ къ Антиохійскому Макарію Патрѣрху, тако жъ преклонилъ главу, и Антиохійскій Патриархъ по своему Чиновнику, тако жъ ему, Государю, говорилъ отиухскимъ молитвы, и по окончаніи молитвъ и отпусти. По отпустѣ Государь Св. Патриархъ Государю Царю титулу говорилъ, и его, Государя Царя, благословлялъ Животворящимъ Крестомъ и ручнымъ, и другъ друга цѣловаста о выи; и потомъ Государь Царь Государя Патриарха цѣловалъ въ руку, а Государь Патриархъ его, Государя, цѣловалъ во главу, въ темя, объеъмъ своимъ Святительскими руками его, Царскую, главу. И потомъ Государь Патриархъ на Лобномъ Мѣстѣ разоблачился, и Антиохійскій Патриархъ Макарій и Никейскій и Молдавскій Митрополиты; а своихъ бѣлыхъ Властей посла ко градскимъ вратамъ на рундуки крпнати Святою водою Государя Царя и его, Государево, воинство. А рундуки всѣ обиты сукны красными и зелеными. Новгородскаго Митрополита, Корнилія, послакъ къ Фроловскимъ вратамъ нацредъ изъ соборной церкви, а къ Москворѣцкимъ вратамъ Ростовскаго Митрополита, Іону, да Тверскаго Архiepископа, Даврентія, а на болото послакъ Псковскаго Архiepископа, Макарія, на рундуки, да Коломенскаго Епископа, Александра, а къ Серпуховскимъ Землянаго Города вратамъ Чудовскаго Архимандрита да Спаскаго монастыря, что на Новомъ; а Астраханскому Архiepископу, Іосифу, повелѣ Государь Патриархъ ити съ Лобнаго Мѣста за Кресты, съ Архимандритыи Игумены, во градъ, въ соборную церковь, Никольскими враты. А Государь Царь, и Государь Св. Патриархъ, и Антиохійскій Патриархъ, и Никейскій и Молдавскій Митрополиты, стояли на Лобномъ Мѣстѣ, отпусти Св. Иконы. А въ это время Государь Царь повелѣлъ воинству ити изъ Кремля града Фроловскими враты, стрѣльцомъ вооруженнымъ, со двory своими, и прочему всему воинству. А Посоль Цесарскія Земли въ то время стоялъ на уготованномъ ему мѣстѣ, отъ Покровскаго собору, близъ большія дороги, что подъ гору. И какъ пройде съ Лобнаго Мѣста, пакы благословлялся у Государя Патриарха. И близъ церкви Пятницы, на мосту, жъ, уготованъ ему, Государю, приступъ, какъ на конь сѣсти, обить бархатомъ краснымъ. И возшедъ Государь Царь

на приступъ, жаловалъ къ своей, Государевой, руке Цесарскаго Посла, и своего, Государева, Боларина; Князя Григорія Семеновича Курадия, и Окольничихъ, и Думныхъ, которыхъ оставаться на Москвѣ. И тако оны, Государь Царь, воше на уготованный ему конь свой и поиде въ путь; а Государь Патриархъ, сгод на Лобномъ Мѣстѣ, освящалъ Государя Царя, ручнымъ крестомъ; а Государь Царь, снявъ шапку, Государю Патриарху поклонился, и поиде въ путь о Христѣ Богородицѣ съ миромъ.

Новогѣтіе.

1691 г. (199 г.)

Л. 131.—199 году, Сентевріа 1-й день, въ Понедѣлокъ, ко Всенощному благовѣсть былъ въ соборъ въ старой Успенской колоколь, а нынѣ зовутъ воскреснымъ, за семь часовъ до дни, четыре часа ночи пробла. У Всенощнаго въ соборъ Св. Патриархъ самъ былъ со всеми Властьми; на литии не облачался; на величаницъ облачался. И вышли изъ церкви безъ четверти за два часа до дни.

Въ той же день, въ Понедѣлокъ, въ часъ дни, позванывали на выходъ къ дѣйству Новаго Лѣта.

И въ третьемъ часу, въ послѣдней четверти, по указу Св. Патриарха, ходили изъ собора по новопоставленнаго Митрополита въ Кіевъ, по Варлаамъ Ясинскаго, на подворье Князя Григорія Ромадановскаго, что на Тверской, Протопопъ да Протодіаконъ, безъ пламенщиковъ; и привели въ Крестовую Палату въ четвертомъ часу дни, въ третьей четверти. И дѣйство было по Чинovníкку, и пѣвчіе многогѣтіе Государемъ Царемъ пѣли, и Св. Патриарху, и новопоставленному Митрополиту Кіевскому, и посадилъ его Архіерей въ степени его въ мѣсто, и, мало посидѣвъ, пошли въ соборъ къ Литургіи. И Св. Патриархъ со всеми Властьми пришелъ въ соборъ въ пятомъ часу дни, въ началѣ; и Архидіаконъ съ Протодіакономъ встрѣчалъ во дверяхъ съ кадильи и пѣвчіе «Достойно» входное

изли; и протворя входъ, знаменался Святими знаменъ, и какъ бываетъ въ прочіе дни предъ Литургією, и пришедъ ко амвону, проговорилъ молитву, осѣнилъ на церковь и на народъ съ посохомъ, и взошелъ на мѣсто свое, гдѣ облачается, вѣдь церкви, и сѣлъ въ стулъ. И Власти всѣ благословлялись облачатъ во освященную одежду, и давалъ имъ цѣловать руку; и потомъ облачался самъ во всю Архіерейскую одежду; Архидіакръ съ Протѣпопомъ кадиль; и ко облаченію стлхи говорилъ по обычаю. И одѣлся, обвѣн три свѣщны, велѣлъ начать Часы и по ряду Божественная Литургія. Отсужа, вышелъ на олтарь по отпустъ, и разоблачился и отиѣлъ; и вышши изъ церкви шесть часовъ пробилъ въ Крестовую Палату до всѣхъ Властямъ, и дожидавшъ въ Крестовой дѣль Преображенскаго походу Гсударя Царя Петра Алексѣевича всеа Россіи къ дѣйству. А какъ Св. Патріархъ со всѣми Властями пошелъ изъ Крестовой въ соборъ къ Литургіи, и перестали позванивать въ колошье, и благовѣстили въ одинъ большой; новой колоколь. И какъ проговорили Часы, и къ Литургіи звонили три часа, по обычаю, и престалъ. И такъ Св. Патріархъ причастися Пречистыхъ Тѣлъ и Власти всѣ, и велѣлъ пакы позванивать къ дѣйству, прѣвнннхъ колокола.

И какъ пробилъ во всемъ часовъ дни, Благовѣрный Гсударь; Царь, Петръ Алексѣвичъ, всеа Россіи, пришелъ изъ похода изъ Преображенскаго въ хорошы. И въ то время заблаговѣстили въ большой колоколь, и все въ одинъ благовѣстили безъ прѣмвны. И Св. Патріархъ пришелъ со всѣми Властями изъ Крестовой малою лѣстницею въ стороннія, въ Сѣверныя двери въ соборъ по просту; и Архидіаконъ со Діаконы во дверяхъ съ кадиль не встрѣчали. Пришедъ въ церковь, у амвона стоя, помолясь и осѣня съ посохомъ на церковь, и вшелъ во олтарь, и облачился во всю Архіерейскую одежду, и Власти всѣ у горняго мѣста; и облачась; пришедъ, предъ престоломъ стоя, отъ Царскихъ вратъ, взявъ у Архидіакона кадиль, и покадилъ сопреди престола трижды и на стороны Властей, и отдалъ Архидіакону кадиль, и велѣлъ Протодіакону начать; и Протодіаконъ вышелъ изъ олтаря, стоя предъ Царскими дверьми, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ, стоя во олтарь, предъ престоломъ, началъ: «Благословенно царство;» и Протопопы и Попы, стоя, пѣли: «Аминь!» и Протодіаконъ говорилъ ектенію большую: «Ми-

роль Госю оду помогаше!» И поелъ ектеній Св. Патріархъ творилъ двѣ молитвы; и послѣ молитвы Св. Патріархъ взялъ съ престола въ руки Животворящій Крестъ, а Діаконы взяли два Евангелія съ престола, и пошла изъ олтаря со Св. Патріархомъ, по обѣ стороны; и Св. Патріархъ, вышедъ изъ олтаря, у постопапа взявъ въ другую руку посокъ, и пошла къ мѣсту; среди церкви, гдѣ облачался къ Литургіямъ; Архидіаконъ со Протодіаконъ, собореди пдуни, кадиль; въ рукахъ у Св. Патріарха Животворящій Крестъ и по сторонамъ Евангелія. И пришедъ оны среди церкви къ мѣсту, обратя на востокъ лицю, къ Царскимъ дверямъ, вель Архидіакону начинать. И Архидіаконъ возглашашъ «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенно слово, и пѣше: «Аминь» и пѣши влучи, прелари: «Симъ людѣмъ на съ, Гбъ осподи, овозмоуи на съ, и поши изъ церкви. И вышедъ изъ церкви, у Западныхъ дверей, по Нижевнику, Архидіаконъ, говоритъ: съ кадилью ектенію, и на каждой ектеніи: Власти и Протопопы и съ штемъ, по ступу: «Господи, помилуй!» И поелъ ектеній Св. Патріархъ говорилъ молитву, въ Нижевникѣ, и по молитвѣ гвѣрля възглашъ. И пѣши къ уренанному мѣсту, уготованному между соборомъ Благовѣщенія и Архангела Михаила; а въ то время все звонили во вся. А Св. Патріархъ, влучи, несъ въ рукѣ, въ правой Животворящій Крестъ, и народъ виъ остиаля, а въ лѣвой рукѣ посокъ; Архидіаконъ съ Протодіакономъ, влучи, кадиль, по обычаю, въ рукахъ Животворящій Крестъ, и по сторонамъ Евангелія, дрщили къ мѣсту Патріаршу; Евангелія Діаконы, однеся, положили на надой у Иконъ, а Св. Патріархъ возшелъ на мѣсто свое и положилъ Крестъ на мису, не остиа народъ. А потомъ отъ Благовѣщенія съ верху пришла Великіе Государи Цари, ко уготованному ихъ Царскому мѣсту и, помогашъ Господнимъ Св. Образамъ, благословились у Св. Патріарха, и Св. Патріархъ благословилъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ и рукою, сощедъ съ мѣста своего, и вопрошалъ о ихъ Царьскомъ многолѣтнемъ здравіи; и вотомъ вошли на мѣста свои. И Св. Патріархъ, возшелъ на мѣсто свое, взявъ Крестъ съ мисы въ руки, остиа на всѣ стороны, Царей и народъ, крестобразно, и раки отдадъ на мису; и пѣше, рѣли въ то время антлеоны, по Чиновнику, а Власти поклонялись Великимъ Государемъ, по дважды, а Св. Патріарху по однажды; и какъ обошлись всѣ, потомъ Св. Патріархъ кадиль Св. Иконы на надовъ жъ, и Великихъ Государей,

а по сторонамъ Властей, в Дьяконствѣ: и ерманы, и Беаръ, и ша-
родъ, и паки Иконы и Царей; и дванадцать на мѣста свое, и отдавъ
кадилло Архидіакону, и кадилло его Архидіаконъ; и по Чинловнику
было все по ряду, какъ напечатано. Архидіаконъ прочелъ Патриарха не
кадилло. И послѣ антифоновъ было оспение Крестомъ, и потомъ ша-
ремь, а послѣ дарений прокимень и Аяскость. И Евангеліе читалъ
Св. Патріархъ, и по немъ читалъ Архидіаконъ. «Вонемъ!» говорилъ
одинъ Св. Патріархъ Архидіаконъ не говорилъ. И послѣ Евангелія
Архидіаконъ говорилъ сугубую ектенію, и послѣ ектеніи Св. Па-
тріархъ говорилъ молитвы и отпустъ. И послѣ отпуста оспение
было крестомъ, и Архидіаконъ кадилло. И послѣ оспения Св. Па-
тріархъ, сошедъ съ мѣста своего, поздравлялъ Благочестивымъ Го-
сударемъ многолѣтнее здравіе, и Крестомъ благословлялъ и святою
водою кропилъ. * И Великіе Государи пошли къ Благовѣщенію па-
пертью и краснымъ крыльцомъ въ хоромы; а Св. Патріархъ, со
Святыми Иконами и со Властями, пошелъ въ соборную церковь. И
пришедъ въ церковь, Св. Патріархъ покропилъ на церковь на четы-
ре страны святою водою, и вшедъ во олтарь, и разоблачился; а
Св. Иконы велѣлъ проводить Тверскому Архіепископу. Вышли изъ
церкви въ одиннадцатомъ часу, въ другой четверти.

134 г. обор. Сентября въ 1-й день, въ полчасѣ дни, позва-
ннвали въ соборъ, перемѣняли колокола. Св. Патріархъ со Властями
Литургію служилъ до дѣйства въ соборъ. Изъ Крестовой Палаты въ
соборъ шелъ къ Литургіи съ провожаніемъ, пѣвчіе были и пѣли
пучи во облаченіи. И пришедъ Св. Патріархъ въ соборъ, Архидіа-
конъ со Діаконъ во дверяхъ встрѣчали съ кадилломъ, и входъ гово-
рилъ; и пѣвчіе входное пѣли. И облачался во всю Архидіаконскую
одежду по обычаю, и потомъ началъ Часы, и по ряду былъ Литур-
гія. И какъ причастились Пречистыхъ Тайнъ; Благочестивый Госу-
дарь Царь, Петръ Алексѣевичъ, всеа Росіи, пришелъ къ Москвѣ въ
хоромы изъ Преображенскаго. И паки стали позванивать, а въ Ли-
тургію позвону не было. Какъ отпустилъ Св. Патріархъ Литургію,
и по отпустѣ, вшедъ во олтарь и перемѣнилъ облаченіе; и ве-
лѣлъ начать ко дѣйству Ризничью передъ дверьми. И все было

* Иришска съ боку: «и вѣвчіе Государемъ многолѣтне пѣли, и Св. Патріарху, и
всѣмъ Проврежденнымъ Христіаномъ.»

дѣйство по Чиновнику, по прежнему, на уреченномъ мѣстѣ, между соборами Архангела и Благовѣщенія; а Благочестивые Государи у дѣйства были оба. И послѣ отпусту пришли въ соборъ, и во алтарь разоблачилися; и въ Крестовую шли пакѣ съ провожаніемъ. А какъ отъ дѣйства пришли въ соборъ, ектеніи не говорили, ни отпуста, такъ просто во алтарь вошли и разоблачилися.

Въ той же день къ вечерни благовѣсть былъ; какъ Св. Патриархъ вышелъ изъ церкви въ Крестовую Палату, такъ и стали благовѣстити, и по девятомъ часѣ звонить. Пѣли Вечерню въ соборѣ одни соборяне, безъ расходу, а Св. Патриарха не было: слушалъ у себя.

Ходъ въ Казанскую.

1691 г. (199)

Л. на оборотѣ 213—215. Октоврѣ въ 22 день, въ Среду, ко Всенощному въ соборѣ благовѣсть былъ въ воскресной колоколъ, за полъ осма часа; праздновали Богородицѣ Казанской. Св. Патриарху выходы со Властями въ соборѣ былъ большею глѣстницею. А Властей было: два Архіерея, Крутицкій Митрополитъ да Тверской Архіепископъ, трое Архимандритовъ: Чудовской, Новоспаской, Знаменской, да Протопопъ съ братьемъ. На крылосахъ пѣли пѣвчіе и соборяне. На литіи Св. Патриархъ не облачался; на величаніи облачался. Всенощное, во облаченіи, отлускалъ Протопопъ да Дьяконъ Пахратъ. Отпѣли и вышли изъ церкви безъ четверти за три часа до дня.

На «Господи возвахъ» стихиры пѣвчіе пѣли знаменемъ и на стиховнѣ, а славники пѣли Греческой расцѣдъ. На девятой пѣсли благовѣсть для ходу.

Въ той же день, четверта часа дни, позванивали ко ходу, перемѣняя колокола. Св. Патриархъ со Властями пришелъ въ соборъ изъ Крестовой Палаты въ пятомъ часу дни, въ исходѣ; Архи-

Діаконъ со Діаконъ, съ кадиль, встрѣчалъ въ Западныя дѣрзвѣ въ входѣ: говоридъ, и дѣлѣе цѣли входное, «Достойно». И Св. Патріархъ знаменадся у Св. Иконъ, какъ бываеы въ Антуріа, и вошедъ на мѣсто, облачидся до вою Архіерейскую одесду; Архидіаконъ, идя, говоридъ ко облаченію стыхъ, и какъ облачидся, остана: триевнрідемъ, сидѣлъ на стулѣ, дожидадся съ верху Св. Иконъ и Государей. А въ то время, какъ вошелъ въ соборъ, все благоговѣстид въ одинъ воскресный колокодъ, и какъ вошли съ верху отъ Благовѣщенія со Святими Иконами и за ними Государи, такъ и зазвонид: на вся; и Св. Патріархъ вышелъ изъ церкви, а передъ нимъ Діакони носид благоговѣщій Крестъ на мисъ; встрѣчалъ съ кадилью Св. Иконъ и Великихъ Государей, противъ Грановитой Палаты, на ковръ, и знаменадся у Св. Иконъ, и благословидъ Великихъ Государей Животворящій Крестомъ и рукою. И пришли въ соборъ, и пѣвчіе Великихъ Государей пѣли многолѣтіе приходное, какъ бываеы пѣютъ въ иные проше большіе ходы. И Благоговѣстиде Великіе Государи, прошедъ въ соборъ, знаменадлись у Св. Иконъ и прикладывадлись къ Чудотворцовымъ мощамъ; и обошедъ, по обычаю, церковь всю, и пришедъ къ Патріаршу мѣсту, а Св. Патріархъ остана у мѣста дѣе своего, отъ крмесоу на ерлцы, и благословидъ ихъ, Государей, Крестомъ, рукою, и по благословенію, вошли на мѣста свои, по обычаю. И Св. Патріархъ Архидіакону велѣлъ начать ко ходу молебень. И Архидіаконъ возглашадъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ говоридъ: «Аминь», «Царю Небесный,» и проч., какъ бываеы молебень въ иные ходы. И какъ стали говорить псаломъ: «Помилуй мя, Боже,» и пошли изъ церкви со Кресты и съ Иконами въ Западныя дѣрзвѣ, въ шестомъ часу дни, въ исходѣ. И пришли на Лѣсное Мѣсто, ударило шесть часовъ дни; и Діаконъ соборной говоридъ малую ектеню, и самъ Патріархъ говоридъ возгласъ, и потомъ пѣли кондакъ; и послѣ кондака Св. Патріархъ челъ Евангеліе; и послѣ «Спаси, Боже,»—ектеня. Св. Патріархъ остана Иконою, съ верху дпрнесанной, Казанской, явленіе Богородицы, а не Крестомъ; и какъ остана, въ то время Архидіаконъ двидъ въ говоридъ: «Господу помолимся!» и пѣли все на обоніи крмесоуцаи «Господи, помилуй!» по трижды; и остана на все стороны, поднесидъ Великихъ Государей Икону цѣловать, и одалъ Кашпарю, и гешаригъ возгасъ: «Милостію и щедротами.» И указадъ Св. Патріархъ

съ Лобнаго Мѣста ити въ Москворѣцкихъ воротахъ, по Китаю Городу, Рязанскому Митрополиту со Властью, какъ росписано было у Князя у Белоу Городу ити вѣдѣи, отъ Москворѣцкихъ же воротъ, Архимандриту Петровскому до Тверскихъ воротъ; а надо всякими вороты указалъ шовѣишь говорить молитву о сохраненіи града, какъ бымасть говорятъ новопоставленные Архіереи; около граду вѣди (на ослати) значалъ. А возиши на Городъ на Китаи вѣди, вѣди у Ирины. А Литургію слушалъ всякой у себя раниши.

А начальные мѣстныя Св. Иконы Благодѣиши, повелѣи; и пошедъ съ Кресты съ Лобнаго Мѣста въ седимомъ часу дня; въ другой четвѣрти, къ празднику въ соборъ Казанской Богоматери. И какъ дошли до деревни, Св. Патриархъ указалъ ити съ Диковаи по Кремлю, Городу Крутицкому Митрополиту со Властью черниши, какъ росписано у Князя, тому едѣиши. А мѣщѣи, Амостога Андрея, Первовазданаго ружки и Злагоуста Иоганна главы, по граду, не держа, какъ въ мѣшошедшия лѣта; нащѣвали; столы въ ковчегехъ у праздника во всю Литургію на престолѣ. А возиши во вратѣхъ на Никольскую башню и вѣдѣи надъ всеми вратами творить погуженіе Кресту и молитву говорить.

Да тутъ же отъ собора, отъ праздника отпустилъ и указалъ ити съ иконами Архимандриту Андроньевскому до Тверскихъ воротъ улицею, а у Тверскихъ вратъ взойти на Бѣлой Градъ, ити до Москвы рѣки по Бѣлому Граду и сойти въ Тресвяцкіе ворота, а молитву говорить указалъ надъ всеми вратами.

И около Землянаго Города, по прошлыхъ лѣтѣхъ Ключарской записки, указалъ Протопопомъ и Священникомъ всемъ также, кругомъ обйти вѣдѣи Земляной Градъ и за Москвою рѣкою, какъ бывало хаживалъ въ мѣшошедшия лѣта.

А Великіе Государи указали провожать Св. Иконы по всемъ Градемъ, во Иерусалимъ, и по Китаю, и по Бѣлому, и по Земляному, прѣгнавъ прѣшлыхъ мѣшошедшихъ лѣтъ, по запискѣ и по наряду, Воаршину, и Окольнічѣи, и Думнымъ Дворяномъ, и Думнымъ Дьякомъ, и Подполковникамъ, и Подполковничкамъ, и стрѣльцамъ, по скольку гдѣ бывало.

А отпусти въѣзъ, Св. Патріархъ и Великіе Государи, вшеде у праздниа въ соборъ у Казанской Богородицы; знаменали Св. Иконы, по обычаю, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ, и зрѣмалъ Св. водою, и велѣлъ начать Часы, и потомъ началъ Са. Литургію, по ряду.

И нацъ отѣлъ Св. Литургію, и отпусти, пошелъ изъ церкви прямо въ Никольскіе ворота, и предъ враты, на мѣсту, Св. Патріархъ молитву говорилъ о сохраненіи града, просто на одномъ орлецѣ, безъ ступеней, — а надобно было ступень, — и впрѣдъ указалъ въ иные лѣта подносить ступень, — кручинился за то, и послѣ молитвы кропилъ на враты, образъ, и башню, и градъ. А въ то время сошли со градовъ, съ Кремля и съ Китая, Митрополиты, и Архимандриты, и Игумены, которые ходили съ Иконами по градамъ, и пришли въ соборную церковь, и которые ходили по Бѣлому Городу то жъ пришли видѣть. И пришедъ въ церковь, командирствъ¹⁰ говорилъ: «Святый Боже!» митропарі: «Помилуй насъ, Господи, помилуй!» и Архидіакоузъ, послѣ тропарей, говорилъ ектенію сулубшю, и прочіе ектеніи. Св. Патріархъ говорилъ послѣдъ и читалъ молитву предъ иконою Владимірскою; оредъ церкви, а послѣ молитвы отпусти. И по отпустѣ кропилъ Св. водою на церковь, и потомъ благословлялъ Великихъ Государей Животворящимъ Крестомъ, и кропилъ Св. водою, и потомъ благословлялъ Архіереевъ, и Боларъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Протопоповъ. И потомъ Св. Патріархъ, вышедъ изъ церкви въ Южныя двери, проводилъ съ кадилью Св. Иконы, и знаменался у Св. Иконъ благословлялъ рукою Великихъ Государей, и отпустилъ въ хоромы; и вшеде въ церковь, во олтари и разоблачился. Вышли изъ церкви въ девятомъ часу, въ третьей четверти.

Въ соборъ Литургію служилъ Архіепископъ Тверской, а съ нимъ служилъ Архимандритъ Знаменской, Игумень Срътенской, да соборный Попъ, да Дьяконъ. Да они жъ изъ ходу Св. Иконы, и Св. Патріарха, и Великихъ Государей, послѣ Литургіи, встрѣчалъ съ кадилью.

¹⁰ Чтець канцеровъ, тропарей, стихиръ; правильно командирствъ.

А у праздника, у Казанской въ соборѣ, Интургію служилъ Св. Патриархъ, а съ нимъ служилъ Чудова монастыря Архимандритъ, да Садаса Новога монастыря Архимандритъ, да Воздвиженской Нгумена; да двое Протепоповъ, соборной да тутошній, да третій Духовникъ, отъ Благовѣщенія, Протепопъ же, да Попъ тутошній.

Въ додлинной книгѣ на оборотѣ 217 и 218 л. оставшая пробѣла, а въ концѣ 218 листа написано:

«Въ той же день въ Вечернѣ въ соборѣ благовѣстили за часъ съ четвертью. Цѣли въ соборѣ одинъ соборяне.

Святѣйшему Патриарху къ Вечернѣ выходу не было и нигуды.»

Въ этой же книгѣ на стр. 224-й записано:

«201 года, Въ сей день (26-й Октовріа) въ ноци, три часа пробѣло, со Среды на Четвертокъ, преставноа раба Божія, благородная Царевна, схимонахиня, Анекса Михайловна, въ Вознесенскомъ монастырѣ, и посихмлена десять дней; и погребли въ томъ же монастырѣ въ двадесять осьмый день, въ Пятокъ.»

Цвѣтная Недѣля.

(201—1693 года.)

Л. 300—305. Апрѣля въ 9 день, въ Недѣлю Цвѣтную Ваія, ко Всенощному благовѣсть былъ въ соборѣ въ большой колоколъ за полъ осма часа. Святѣйшій Патриархъ со всеми Властями изъ Крестовой Палаты шелъ съ провожаніемъ: лампадщики въ стихаряхъ несли передъ Святѣйшимъ Патриархомъ лампаду со свѣщею, а два малыя Подъяіака въ стихаряхъ несли двѣ ослопныя свѣщи, по обѣ стороны лампадщика; а пѣвчіе и Подъяіаки идучи, цѣли безъ стихарей и шли въ соборъ большою лѣстницею. И пришелъ Святѣйшій Патриархъ въ Соборъ къ мѣсту своему, и отдалъ изъ рукъ Подъяіакоу посохъ держать въ рукахъ, и Подъяіакоу, принявъ

посохъ, стоя, держалъ отъ крылосовъ въ стихарѣ; и возшедъ на мѣсто, помолясь, обѣнилъ руками на церковь и велѣлъ начать. И Протодьяконъ возглашалъ передъ дверьми, стоя у подосвѣчника, и говорилъ: «Возстаните!» И Протопопъ по обычаю кадиль во олтарь престола и олтарь. И вышедъ изъ олтаря съ кадиломъ Царскими врата, а двери отворены были; какъ пришелъ Святѣйшій Патріархъ въ соборъ, въ то время, и поклонясь Св. Патріарху, Протопопъ съ кадиломъ, а Протодьяконъ предъ нимъ ходилъ съ подосвѣникомъ, со свѣщою, и кадиль надъ дверьми, и мѣстные и наложные образы по обѣ стороны дверей, и Св. Патріарха, и посохъ; и Протодьякономъ подосвѣникъ поставя предъ дверьми, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Протопопъ, стоя во олтари предъ престоломъ съ кадиломъ и кадя говорилъ: «Слава Святѣй,» и Св. Патріархъ, на мѣстѣ стоя, говорилъ: «Аминь.» Приндите поклонимся Господу,» а въ четвертые пѣніемъ запѣвалъ: «Приндите поклонимся и припадемъ ему;» и Поддѣакъ въ стихарѣ среднемъ, Псаломщикъ сказывалъ: «Благослови, душе моя, Господа!» съ припѣмъ, и пѣвчіе на крылосахъ пѣли псаломъ строгильной; а по ектеньѣ кафизму пѣли: «Блаженъ мужъ, — Кіевской распѣвъ; и послѣ кафизмы пѣли стихиры знаменныя въ четыре голосныя, и потомъ выходъ и переміи читалъ, и потомъ ектенья, и «Сподоби, Господи,» говорилъ самъ Св. Патріархъ; и на литіи облачался въ епитрахиль въ новую, изурбанную, въ поручи въ новые, шитые, узенькіе, во ошооръ крещатой. На литіи соборяне пѣли знаменемъ первой стихъ до слова: «и вынь.» И надъ хлѣбы Св. Патріархъ молитву самъ говорилъ, и потомъ разоблачался; и шестопсалміе самъ говорилъ, и къ величанію паки облачался; и свѣщи раздавалъ и кадиль, и по кажденіи, вшедъ во олтарь, и сидѣлъ, не разоблачался; и послѣ антиононъ Протопопъ чель Евангеліе предъ престоломъ, а Св. Патріархъ стоялъ за престоломъ у горняго мѣста во облаченіи. И послѣ Евангелія вышли изъ олтаря въ Царскія врата; Протопопъ со Евангеліемъ шель, а Протодьяконъ со свѣщою предъ Св. Патріархомъ наперед; и пришедъ къ вербѣ, гдѣ уготована и поставлена осреди церкви, межъ крылосовъ, подъ паникадиломъ, и Протопопъ со Евангеліемъ и Протодьяконъ со свѣщою, и сталъ отъ мѣста Царицына, отъ лѣваго крылоса, а Св. Патріархъ ва нимъ шель, и сталъ повади вербы на орлецъ, и взявъ у Архидьякона кадиль, и кадиль вербу однажды, и на орлицы ставъ, и на стороны

Властей, и оглаша пакы Архидьякону, и Архидьяконъ повелѣлъ его трижды, и говорилъ: «Господу помолимся!» И Св. Патріархъ говорилъ молитву, и послѣ молитвы цѣловалъ Св. Евангеліе, и сталъ отъ мѣста своего, отъ правого крылоса, на орлицы, и раздавалъ вербу всѣмъ: Архіереомъ, и чернымъ Властямъ, и всему народу; а послѣ Св. Патріарха Архіерей и весь народъ цѣловалъ, прешю Св. Евангеліе, и потомъ отъ Патріарха принималъ вербу. И какъ обошлась всѣмъ и раздавъ вербу во всю церковную мѣрду, вышелъ во олтаре, и разоблачился. И вышедъ изъ олтара, и стоялъ на мѣстѣ своемъ до отпуста; канонъ говорилъ, какъ въ Троицѣ навѣчано. Ирмосы, пѣль и къ тропарямъ заѣвали во крылосахъ соборные; а первую пѣснь и трогію пѣли и покрывали на сходы пѣвчіе, — Греческій распѣвъ; а потомъ четвертую пѣснь даже до девятой покрывали соборные знаменемъ, а десятую пѣснь, ирмосъ и псалмъ тропарей, пѣвчіе пѣли, — Греческій распѣвъ; а другую половину тропарей конерхнеть говорилъ говоромъ; и потомъ до отпуста, все было радомъ, какъ бываетъ и въ прочія недѣли. И по отпустѣ говорилъ и Часъ первый, и по отпустѣ Часа, Св. Патріархъ, сошедъ съ мѣста своего, сѣлъ у амвона на орлицѣ, и помогалъ; обѣмалъ руками на церковь и на народъ крестикъ, и пошелъ изъ церкви пакы съ провожаніемъ безъ стихареви или пѣвчіе и пѣли, толмо во стикерѣхъ троа лампадишниковъ, да малыхъ двое Подьяіаковъ съ ослонными пѣвцами; Архіерей, проводилъ до большой гѣтницы, и отпустилъ въ дома ихъ, а прочія Власти, Архимандриты и Игумены, подъ руки вели и провожали въ Крестовую. Отпѣвая и вышши изъ церкви въ протора часа до дни.

Благочестивымъ Государемъ по военному въ Соборѣ выводу не было.

А. 302. Апрѣля въ 9 день въ Недѣлю Ваія, ко ходу въ полчаса дни стали благовѣщать и проваживать. И въ третьемъ часу дни, въ другой четверти, Св. Патріархъ пришелъ въ соборъ съ провожаніемъ, пѣвчіе и Подьяіаки предъ нимъ шли и пѣли всѣ въ стихаряхъ, а Власти всѣ шли за нимъ большою гѣтницею, и Архидьяконъ и Протодьякоу съ каждаи встречали въ Западныхъ дверяхъ, и Діаконы были всѣ во облаченіи, и вѣрши, по обычаю, въ церковь; и сѣла у амвона на орлицѣ, и пѣвчіе пѣли входное;

Архидьяконъ; покая, говорилъ входъ. И потомъ Св. Патріархъ и Власти всѣ знаменались у Святыхъ Иконъ, и потомъ, пришедъ ко звону, говорилъ молитву: «Господи, низпосли,» и, по молитвѣ возшедъ на мѣсто свое и сѣлъ на стулъ, гдѣ къ Литургіямъ облачается; среди церкви, и въ руки ищуща посохъ; и Власти благословлялись; по обычаю, облачаться къ Литургіи, и самъ облачался во всю Архіерейскую одежду; Архидьяконъ говорилъ ко облаченію стихи съ кодилы, а Протодьяконъ приговаривалъ: «Господу помолимся!» и гадилъ ко всякому стиху; а Подьяки, — малая станица, — пѣли на мѣрѣ: «Днесь благодать Святаго Духа,» и какъ облачился и освятилъ трисвѣщіемъ и двосвѣщіемъ на церковь и на народъ, и началъ начать Часы и по ряду Божественную Литургію. А какъ Св. Патріархъ пошелъ изъ Крестовой большой лѣстницею, и тогда позванивать перестали, и благовѣстили въ одинъ большой колоколъ до звону; и какъ стали говорить на Шестомъ Часу «Аллилуія,» такъ и стали звонить, и звонили до начала; и какъ Архидьяконъ началъ и возгласилъ «Благослови, Владыко!» такъ и перестали звонить, и по ряду была Божественная Литургія, и въ Литургію ни звону, ни благовѣсту не было. Какъ Св. Патріархъ причастился, и сталъ позванивать ко ходу безъ престаку. А Благочестивымъ Государемъ къ Литургіи выходу не было въ соборъ, Литургію у себя слушали въ верху. И какъ отпустили Литургію, и Св. Патріархъ переоблачился: облаченіе, въ которомъ служилъ, все снялъ, а въ ходъ облачили въ малое облаченіе, въ епитрахиль, въ поручи, во омофоръ и въ митру, а не во все облаченіе. И потомъ Благочестивые Государи пришли въ соборъ оба, а звону имъ не было; какъ пошли съ крабнаго крыльца, такъ перестали позванивать и благовѣстить въ большой колоколъ въ одинъ безъ престаку. И какъ пришли Государи въ соборъ и знаменались у Св. Иконъ, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ рукою безъ Креста; и возшедъ среди церкви, ста на мѣсто свое, и Царіе на мѣсто свое Царское стали. И велѣлъ Архидьякону начать къ молебну; и Архидьяконъ возгласилъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ говорилъ: «Аминь!» и «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» «Царю небесный,» и прочая, и возгласъ, и «Аминь,» и «Приндите поклонитися Господу!» и «Господи, услиши молитву мою!» и сказывалъ: «Богъ Господи,» а пѣли тропарь: «Общее воскресеніе,» трижды, по крыскамъ, пѣвчіе;

и говорилъ Поддѣакъ конархистъ: «Помилуй мя, Боже! И пошли изъ церкви со Кресты и со образы, и Св. Патріархъ, и по сторонамъ несли соборные Діаконы Св. Евангеліе и на мѣстѣ Крестъ; и за Св. Патріархомъ шли всѣ Власти въ Западныя двери съ посохами; и Благочестивые Государи вышли изъ церкви отъ Архангела въ Южныя двери,—въ стороннія,—и шли опослѣди всѣхъ, кои были во облаченіи. Идучи Архидьяконъ и Протодьяконъ надъшли по сторонамъ Евангеліе и Крестъ, и потомъ Св. Патріарха; и пришли до Троицы, что на рву, и Ключари остановили Св. Иконы на мосту, у крыльца, по сторонамъ; а въ то время встрѣчили Св. Патріарха со Кресты и съ кадиль, у схода нижняго церковнаго, Знаменскій Архимандритъ да тутошній Протопопъ съ братьею. И Св. Патріархъ, принявъ у Архимандрита съ мѣсы Крестъ, цѣловалъ, и послѣ его цѣловалъ Крестъ въ рукахъ у Св. Патріарха Архіерей да трое Архимандриты: Чудовскоя, да Іерусалимскоя, да Спаса Новаго монастыря, и пакы Крестъ положилъ на мѣсу; и Св. Патріархъ, вшедъ въ придѣлъ Входа Іерусалима, знаменался у Св. Иконъ, и облачался во всю Архіерейскую одежду; Архидьяконъ и Протодьяконъ кадиль и ко облаченію стихи говорилъ, какъ облачается ко службѣ Св. Литургіи; и облачась, осѣнилъ тридцатицѣмъ и двое-сѣтцѣмъ на церковь и на народъ, на четыре стороны, креститъ. И потомъ пришли Благочестивые Государи и обошли папертью въ другой придѣлъ, и облачась во Царскія одежды, въ пореяры и въ вѣнцы, вошли въ церковь Входа Іерусалима и знаменались у Святыхъ Иконъ, а пѣвчіе въ то время пѣли многолѣтіе имъ и Св. Патріарху,—большой распѣвъ. И послѣ знаменанія Св. Патріархъ благословилъ ихъ, Государей, Честнымъ Крестомъ, и пропилъ Св. водою, и потомъ рукою, и дожидаясь пѣнію конца многолѣтнаго; и какъ пропѣди, пошли изъ церкви на Лобное Мѣсто; а въ то время, какъ облачались, Ключари отослади въ соборъ Св. Иконы. И пришедъ на Лобное Мѣсто, осѣня руками на народъ, на всѣ четыре страны, и потомъ Архіерей и Власти всѣ поклонались Государемъ по два, а Св. Патріарху по однажды; и потомъ Св. Патріархъ подносилъ Благочестивымъ Государемъ ваія и вербу, и раздавалъ вербу Архіереемъ, и Бояромъ, и всему Царьскому Служителю, а по сторонамъ Властемъ раздавали вербу Архіерей. И послѣ раздачи вербы Архидьяконъ, пришедъ со Св. Евангеліемъ ко Св. Патріарху, благословлялся читать и, принявъ благосло-

съ Протопопомъ и съ братьею; и раздавалъ опослѣ вербу остальную Архіереомъ и прочимъ чернымъ Властемъ и народу. И вышли изъ церкви, паки съ провожаніемъ, въ Крестовую, восемь часовъ дня приблидо.»

П р и п и с к и.

Л. 305. 202 году, Апрѣля въ 4-й день, въ сію Недѣлю Ваинъ въ соборѣ къ Литургіи благовѣсть былъ въ два часа дни въ большой колололъ. Св. Патріархъ со всеми Властями изъ Крестовой Палаты пришелъ въ соборъ съ провожаніемъ, въ началѣ четвертаго часа дни; Архидіаконъ и Протодіаконъ со Діаконы встрѣчали съ кадиль, и вѣвчѣ входное пѣли, и Архидіаконъ вхождь гогорилъ; и Св. Патріархъ у Св. Иконъ знаменался, и Власти; и облачался во всю Архіерейскую одежду, по обычаю, какъ бывасть и въ прочихъ службахъ, и Власти воѣ; Архидіаконъ и Протодіаконъ кадиль и ко облаченію гогорилъ. И облачася, велѣлъ начать Часъ и по ряду Божественную Литургію Златоустову отпѣлъ. И вышли въ церковь въ Крестовую, съ провожаніемъ, въ шестомъ часу дни, въ исходѣ.

А дѣйства надъ вербою и на жеребяти ѣзды не было, и Благочестивымъ Государемъ выходу въ соборъ ни ко Военщному, ни къ Литургіи, ни къ чаму не было.»

Служба въ Четвертокъ Страстныхъ Недѣли и слѣдующіе дни.

Л. 310. 201 году, Апрѣля въ 13 день, въ Четвертокъ Страстныхъ Недѣли Святаго Поста благовѣсть былъ за четыре часа до дни. Св. Патріархъ Утреню слушалъ въ соборѣ; началъ Священникъ Никифоръ передъ дверьми, и возгласъ: «Яко твое есть,» тутъ же гогорилъ; а Протопопъ гогорилъ псаломъ, «Амины!» и «Приндите поклонимся,» и «Услышитъ мя,» а Священникъ, вшедъ во олтарь, взявъ у Пономаря кадило, и кадиль олтарь и церковь всю, какъ и въ дные дни бывасть; и какъ откадилъ, а Протопопъ въ то время прогогорилъ два псалма и «Триꙗсвятное,» и Священникъ возгласъ и «Амины!» и гогорилъ тропарь; и послѣ тропарей Священникъ гогорилъ ектенью съ кадиломъ во олтари и предъ престоломъ; и по-

томъ Протопопъ, но возгласъ, говорилъ шестой псаломъ; и послѣ Священникъ говорилъ великую ектенію, передъ дверми, и возгласъ, и пѣлъ: «Богъ Господи,» и тропарь: «Егда славнии ученицы.» И діаконъ, облачась, говорилъ: «Премудрость прости,» и Священникъ чель Евангеліе, что положено въ Трїоди на ряду, и прочеть Діаконъ, и разоблачился. И потомъ пѣлъ рядомъ, какъ напечатано; и на Первомъ Часу была паремья. Отпѣли и вышли изъ церкви за полтора часа до дни.

А Полунощницы въ соборъ не говорили.

Л. 314. Апрѣля того жъ 13 дня, въ той же Четвертокъ Страстныхъ Недѣль Святаго Поста, по утру, ко освященію святаго елея въ соборъ благовѣсть была въ полтора часа дни. Св. Патріархъ со Властями пріехалъ въ соборъ въ третьемъ часу вполды, въ Западныя двери; Архидіаконъ со Діаконъ съ кадильи не встрѣчались, просто осреди церкви у мѣста поклонилась; и Св. Патріархъ, помолился у амвона, и осѣнилъ на церковь и на народъ крестнѣ, и, вшедъ во олтарь, облачился въ малое облаченіе. И вышедъ, и сталъ осреди церкви на мѣстѣ, гдѣ къ Литургіямъ облачается, и Власти всѣ во облаченіи, и Протопопъ и соборяне по сторонамъ; и Архидіаконъ возгласалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» «Царю небесный» и «Трисвятое», и «Отче нашъ,» возгласъ и «Аминь!» «Господи, помилуй!» 42-ть (рѣзъ); и «Слава;» и нынѣ,» и «Прїидите поклонимся,» и говорилъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою,» и «Аллилуія,» и Архидіаконъ говорилъ малую ектенію; и возгласъ Св. Патріархъ; и молитву надъ виномъ и елеемъ; и сказывалъ конархистъ: «Аллилуія,» возгласъ и тропари. А въ то время Св. Патріархъ раздавалъ свѣщи, и, раздавъ всѣмъ Властямъ, кадиль о-крестъ елея на столъ, и олтарь, и мѣстныя Иконы, и накойныя, и Властей, и соборянъ, и церковь всю; а въ то время конархистъ говорилъ канонъ; а на крылосахъ запѣвали къ тропарямъ. И какъ окадилъ, отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадиль его; и послѣ канона и тропарей говорилъ Архидіаконъ ектенію великую, и Св. Патріархъ говорилъ молитву, и потомъ конархистъ говорилъ тропари. И предъ Апостоламъ Архидіаконъ говорилъ: «Вонемъ!» и

вснїе, говорилъ: «Премудрость прости,» и Св. Патріархъ подальъ «Миръ всѣмъ,» и на крылеса пѣли: «и духовнѣ тѣбѣ оубо,» и потомъ Архидіаконъ возглаголаше: «Отъ Марна Св. Бвннгеліа: чтеніе,» и пѣли пѣвчіе: «Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!» и говорили днѣ же: «Вонѣмъ,» и чель Св. Бвннгеліа: «Во время оное: приближшася Іисусъ до Іерусалима и прииде во Вифарію и Вифамію: къ горѣ Елефнстѣй, посла два отъ ученикъ своихъ,» и чель сіе трижды, и: «слагола имъ,» и сіе трижды; и пришли два ученика ко Святѣйшему Патріарху: Протопоиъ да Ключарь, и Св. Патріархъ глагола имъ и посла: «идита въ ябѣю, яже есть прѣма нама; и абіе входяща въ ню, обрящета жребя привязана, ма неже никто же отъ человекъ вѣде, отрѣшша е, приведита. И аще кто вама речеть: «Что творите сіе?» рцита: «Яко гоярѣа требуетъ е;» и поцѣловавъ у Св. Патріарха десниду, и пошли по уготованнаго жребя, у отолна привязанаго. И въ то время Архидіаконъ читалъ во Евангеліа: «и абіе послеть е рѣмо,» трижды и больше, и досмотра по дѣйстви; и паки читадъ: «идоста же и обрѣтоста жребя, привязано при дверѣхъ вѣн, на раздутіи, и отрѣшнста е,» трижды; и потомъ читалъ: «и нѣцыи отъ стоящихъ ту; глаголашу има: «Что дѣста, отрѣшающа жребя?» Они же рѣста имъ, яко же заповѣда има Іисусъ, и оста вша я,» однажды читалъ сіе, или смотря по дѣйстви; и потомъ читалъ: «и приведоста жребя ко Іисусови,» трижды; и больше, какъ привели; и потомъ читалъ: «возложиша на не ризы своя; сіе читалъ многожды, докодъ вся устроиша, кадъ сѣсть. И Св. Патріархъ, взявъ Крестъ съ мисы въ руки своя, и осанна, Государей и народъ крестомъ, и возшедъ на степені, и сѣлъ на жребя; Архидіаконъ читалъ: «и всѣде на не,» сіе читалъ многожды, докодъ уготоваша все. И какъ сѣлъ Св. Патріархъ на жребя, и Благочестивые Государи поводъ ваявъ, а Болгаринъ Князь Алексѣй Андреевичъ, Голицынъ поводъ за ними несъ, и вѣдъ жребя; и пошли въ городъ по поставленнымъ сукнамъ; а въ то время Архидіаконъ дочитадъ Евангеліе: «мнози же ризы своя постлаша по пути, друзіи же ваія рѣзаху отъ древіа, и прѣстидлаху по пути, и предходящіе и въ слѣдъ грядущи вопіяху, глаголюще: «Осанна, благословенъ грядый во имя Господне!» ту возглаголаше и конецъ. И какъ Св. Патріархъ вхалъ на ослати, и сѣдъ крестомъ; народъ осѣнялъ, Архидіаконъ и Протодіаконъ идучи,

кадила. А сукна стланы были половинками, безъ подъему, отъ самаго Лобнаго Мѣста до собору, и малыя сукна были жъ постланы. И какъ пришли къ собору, къ Западнымъ дверямъ, къ ступенямъ, и Св. Патріархъ, отдавъ изъ руки Крестъ на мѣсу, и сошелъ со оселти и съ приетушу, паки взявъ Крестъ въ руки, и осѣнилъ Крестомъ на хоромы, и вшелъ въ церковь, и ста у мѣста своего, на орлецы, осреди церкви, а Благочестивые Государи у столпа стали на ковръ и на подножникахъ. Архидіаконъ возшелъ на амвонъ, обратясь на западъ, и аналой поставленъ, и Евангеліе положено на амвонѣ на западъ же, и дочиталъ Евангеліе отъ Матеев, въ зачалѣ 83, въ концѣ: «и вшедшу ему во Іерусалимъ, по тресесея весь городъ, глаголя: «Кто есть сей?» народъ же глаголаху: «Сей есть Іисусъ, пророкъ, иже отъ Назарета Галлейска;» видѣвше же Архіерен и книжницы чудеса, аже сотвори, и отроки зовущія въ церкви и глаголющія: «Осанна сыну Давидову!» негодоваша и рѣша ему: «Слышиши ли, что сіи глаголютъ,» Іисусъ же рече имъ: «Ей, нѣсте ли чли николи же, яко изо устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу,» и оставя ихъ, и выде вонъ изъ города въ Виванію, и водворися ту,» и возгласилъ ту конецъ. А чель Евангеліе съ начала на Лобномъ Мѣстѣ, и въ церкви дочиталъ безъ камилавки, и прочель, воздѣвъ камилавку, сошелъ съ амвона по ступенямъ къ Западнымъ дверямъ со Св. Евангеліемъ, и поднесъ Св. Патріарху, и Св. Патріархъ подносилъ цѣловать Благочестивымъ Государемъ, и потомъ, отдавъ Евангеліе Архидіакону, и цѣловалъ самъ; и конархистъ говорилъ: «Святый Боже,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ, и конархистъ говорилъ тропари: «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!» и послѣ тропарей Архидіаконъ говорилъ ектенію: «Помилуй насъ, Боже;» «Еще молимся о милости жизни,» и проч., и потомъ: «и о еже сохранитися,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Услыши ны,» и Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость,» и Св. Патріархъ отпустилъ; и по отпустѣ Благочестивые Государи благословились у Св. Патріарха и вышли изъ церкви въ хоромы. А Иконы отпускалъ Нижегородской Митрополитъ; а Св. Патріархъ, отпустя Государей, взявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ на рукахъ вербу у амвона, и отдавъ кадило, и говорилъ молитву надъ вербою, и вшедъ во олтарь, и разоблачился. И вышелъ изъ олтаря и отпустилъ въ верхъ вербу ко Государемъ

Митрополитъ помазывалъ народъ у мѣста Патріарша, осреди церкви, на степени; Нижегородской Митрополитъ за правымъ столпомъ, межъ мѣстъ Великихъ Государей и Св. Патріарха, ту стоя, помазывалъ; Архіепископъ Колмогорской позади лѣваго столпа, тутъ стоя, помазывалъ; Чудова монастыря Архимандритъ позади задняго праваго столпа стоялъ отъ ризы Спасителя, тутъ помазывалъ; Спаса Новаго монастыря Архимандритъ позади перваго столпа задняго, отъ рака Чудотворца Іоны, стоя тутъ, помазывалъ. И послѣ всенароднаго елеосвященнаго помазыванія, у Протодіакона, принявъ Евангеліе, розогнувъ, велѣлъ надъ собою держать, обратя къ себѣ словами, и держали всѣ Власти на рукахъ; и говорилъ молитву въ слухъ одинъ Св. Патріархъ, — напечатана въ требникѣ «Царю небесный,» а Власти по немъ всѣ тихо про себя говорили, а не вслухъ; и послѣ молитвы Архидіаконъ говорилъ ектенію: «Помилуй насъ, Боже,» и проч., и послѣ ектеньи Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Яко милостивъ,» и послѣ возгласа конархистъ говорилъ: «Слава,» «Источникъ,» и «нынѣ,» и «Призри на молитву!» И послѣ Богородична Архидіаконъ говорилъ «Премудрость,» и Св. Патріархъ говорилъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и на крысоѣ: «Честнѣйшую,» и «Слава, и нынѣ,» «Господи, помилуй;» «Господи, Владыко благослови!» и Св. Патріархъ говорилъ: «Владыко многомилостиве,» — молитву. Ту и конецъ. Аминь.

Отпѣли и вышли изъ церкви въ полы шестаго часа дня.

Л. 314. Апрель 13-го того жъ дня, въ Четвертокъ Страстныхъ Недѣли Святаго Поста, благовѣсть въ соборѣ къ Литургіи съ Вечернею былъ за семь часовъ до ноши, а пробіло семь же часовъ дня. Святѣйшій Патріархъ изъ Крестовой Палаты въ соборъ иршелъ со Властями въ осмомъ часу, въ третьей четверти; Архидіаконъ со Дьяконы встрѣчали въ Западныхъ дверяхъ съ кадила и пѣвчіе входное пѣли. И Св. Патріархъ у амвона стоялъ на орлецѣ, и помолился Господу, и Архидіаконъ входъ говорилъ, и Св. Патріархъ, проговоря тропари, знаменался у Св. Иконъ и къ Чудотворцовымъ прикладывался мощамъ; и пришедъ ко амвону и проговоря молитву: «Господи, низпосли,» и осѣнилъ руками съ посохомъ на церковь и на народъ креститъ, и возшелъ на мѣсто

свое среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ; сѣда на стулѣ, давалъ руку правую цѣловать, Архіереомъ, и Архимандритамъ. и Игуменомъ, и Протопопомъ, и соборнымъ чреднымъ, Попу и Діакону, облачаться во священная одежда ко слушанію святаго Литургіи повелѣвшу, какъ обычай надлежитъ, а въ лѣвой рукѣ имѣвшу посохъ. И кадъ всѣ служащіе перешлись, воставъ и посохъ отдавъ Поддьяку посошнику, и велѣлъ держать позади себя, и потомъ облачался во всю Архіерейскую одежду. А облачали Св. Патріарха Рязничій да два черныя Діакона, Архидіаконъ и Протодіаконъ съ кадила, и, кады, но облаченію стихи говорили, и Поддьяки малыя, во стихаряхъ, на мѣртъ пѣли. И какъ облачился и осѣнилъ трисвѣщіемъ и двресвѣщіемъ на церковь и на народъ, и велѣлъ начать Часы, а самъ, принявъ у посошника посохъ, сошелъ съ мѣста и вшелъ во олтарь, и принявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ престолъ сопреди трижды, и на стороны Властей, и кадило отдалъ Архидіакону, и Архидіаконъ покадилъ его трижды. И велѣлъ было Властямъ съ престола снять индитію,¹³ для омытія срачицы, и немогши снять, по тому что сшита индитія новая въ бархатъ золотномъ, а на швахъ пугорницъ съ застѣжками, не учинено и не пришито, зашто на глухо, такъ бархатъ пососедся и стаде тугъ, и окрѣпился около престола накрѣпко; а у старыхъ одѣяніяхъ были пришиваны пугорницы, до швамъ, для нынѣшнихъ случаевъ и сему; построивъ и крылы поочистилъ со индитіи, крохи и пыль, и покропя святою водою и губами поотерши, и положилъ на престолъ антиминсъ, и Св. Евангеліе, и Крестъ, и покрылъ пеленою; и покрывъ, прима у Архидіакона кадило, и кадилъ окрестъ престолъ однажды, и жертвенникъ, и олтарь, и пакы отдалъ кадило, ему жъ, и Архидіаконъ покадилъ его, Святѣйшаго Патріарха, трижды, и по каженіи Св. Патріархъ говорилъ въ Требникѣ молитву, что напечатана на омытіе жертвенника и трапезы; и проговоря молитву, принявъ у Поддіакона двресвѣщіе и трисвѣщіе въ рукѣ, и осѣнилъ на престолъ и на стороны Властей, а Власти въ то время пѣли: «Нespoлазтл деснота!» И отдавъ двресвѣщіе и трисвѣщіе Поддіакономъ, и раздавъ губы Великимъ Государемъ, отсылалъ и Властямъ и церковникамъ; а въ церкви въ то время говорили всѣ Часы рядомъ, до

¹³ Индитія—шапестольная одежда.

Св. Патріархъ: «Миръ всѣмъ!» и Протодьяконъ сказывалъ прокимень и чель Апостола, а каженія въ Апостола не было; и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія», и Архидяконъ говорилъ по всѣмъ Евангеліямъ: «Премудрость прости,» а не «о сподобитиси,» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и чель напередъ самъ Св. Евангеліе. И послѣ Евангелія Архидяконъ говорилъ ектенью: «Помилуй насъ, Боже, по величій милости твоей,» о всѣхъ Православныхъ Христіанахъ, что какъ напечатано въ Требникѣ; и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Яко милостивъ,» и, по возгласѣ говорилъ молитву первую въ Требникѣ, по Евангелію, а другую: молитву: «Отче святыи, врачъ душъ и тѣлесъ,» не говорилъ, и прочія Власть сей молитвы ни кто не говорилъ, и не помазывалъ; Св. Патріархъ ни себя, ни иныхъ елеемъ. И пакы Протодьяконъ сказывалъ къ другому Апостолу прокимень, и чель второй Апостола, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И чель Евангеліе Крутицкой Митрополитъ, и послѣ возгласъ и, по возгласѣ, онъ же, Крутицкой, говорилъ молитву, первую послѣ Евангелія, а «Отче святыи, врачъ душъ и тѣлесъ,» не говорилъ; и, по молитвѣ, соборной Дьяконъ Пахкратъ¹¹ сказывалъ прокимень ко третьему Апостолу, и Апостола чель, и послѣ Апостола пѣлъ на крыло: «Аллилуія» трижды; и Архидяконъ говорилъ ко всѣмъ Евангеліямъ: «Премудрость прости!» И Евангеліе третіе чель Митрополитъ Нижегородскій, и послѣ Евангелія Дьяконъ его, Нижегородскаго, говорилъ ектенью, и послѣ возгласъ, и по возгласѣ говорилъ молитву той же Нижегородской Митрополитъ, а той молитвы: «Отче святыи,» не говорилъ же; и Дьяконъ Пахкратъ сказывалъ прокимень къ четвертому Апостолу и чель Апостола, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И чель четвертое Евангеліе Архіепископъ Коломорскій; и послѣ Евангелія Дьяконъ его, Коломорскаго, говорилъ ектенью, и послѣ ектеньи возгласъ, и, по возгласѣ молитву говорилъ онъ же, Коломорской; а другой молитвы: «Отче святыи,» не говорилъ же. И послѣ молитвы соборной Дьяконъ Гавриль, сказывалъ прокимень къ пятому Апостолу, и чель Апостола, а послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И чель Евангеліе пятое Чудова Монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія Дьяконъ его говорилъ ектенью; и воз-

¹¹ Т. е., Пахкратъ.

гласъ говорилъ онъ же, Архимандритъ, и молитву первую читалъ, а другой: «Отче святой,» молитвы, не говорилъ; а послѣ молитвы сказывалъ прокимень къ шестому Апостолу онъ же, Дьяконъ Гавриль. И челъ шестое Евангеліе Спаса Новаго монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія Дьяконъ его говорилъ ектенью, и по ектеньи говорилъ возгласъ онъ же, Новоспаской Архимандритъ, и по возгласѣ говорилъ молитву, а другой молитвы: «Отце святой,» не говорилъ; и послѣ молитвы соборной Дьяконъ, Лука, сказывалъ прокимень къ седьмому Апостолу, и челъ Апостолъ, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія,» трижды; и Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость дрести, услышимъ Св. Евангелія!» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ,» да и ко всѣмъ Евангеліямъ и Апостоламъ и къ молитвамъ все говорилъ въ зачалъ Архидіаконъ. И по семъ челъ седьмое Евангеліе Симона монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія ектенью говорилъ Дьяконъ его, а послѣ ектеньи возгласъ говорилъ онъ же, Симоновской Архимандритъ, и по возгласѣ говорилъ молитву и возгласъ. И послѣ молитвы Св. Патріархъ сѣшелъ съ мѣста своего къ столу и говорилъ молитву со всѣми Властями: «Отче святой, врачъ душъ и тѣлесъ,» самъ вначалѣ говорилъ, и послѣ его за нимъ говорили Власти всѣ надъ елеемъ, и, проговоря молитву, изъ кратира ¹² укладывалъ ложкою въ малые стаканцы святой елей, и отдавалъ Архіереомъ тремъ и двумъ, и Архимандритомъ по стаканцу и по спичкѣ, для народнаго помазыванія, и себѣ жъ тожъ стаканецъ велѣлъ Дьякону держать; и отшедъ ко амвону, и ставъ на стѣпени на орлецъ, и взявъ спичку, вначалѣ свѣтымъ елеемъ помазывалъ себя, Св. Патріархъ, на челѣ, и на ноздряхъ, и на ланитахъ, и на устахъ, и на перстѣхъ, и на рукахъ; и послѣ себя помазывалъ Архіереовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Протопоповъ, и Соборянъ, и Архидіакона со Діаконы, и Боляръ, и народъ, также по тѣмъ же удѣсамъ. И какъ помазалъ Архіереовъ и Архимандритовъ, указалъ имъ, за умноженіемъ народа, помазывать народъ; а церковь и церковныя двери велѣлъ припереть, чтобы народъ изъ церкви до отнуста не выходилъ, и съ площади вновъ, и не бывъ у молебнаго пѣнія и елеосвященія, не входилъ въ церковь и не помазывались. Крутицкій

¹² Слово Греческое, чаша, кубокъ.

«Благословлю Господа.» И какъ во олтари устроили все, и Св. Патриархъ со Властью и вышелъ изъ олтаря на мѣсто свое, посреди церкви, и по сторонамъ Власть. И Архидіаконъ ста у мѣста на степенн, близъ Св. Патриарха, говорилъ: «Царю небесный;» и сошеде со степенн, ста со Діаконы, по конецъ ковра, среди церкви, говорилъ, молясь: «Слава въ вышнихъ,» и прочея, какъ бываетъ предъ началомъ святыя Литургіи; и пришедъ ко Св. Патриарху и говорилъ, главу преклоня: «Время сотворити Господевн: благослови, Святѣйшій Владыко!» и проч. И принявъ благословеніе и предъ Царьскими вратами стоя, возглашалъ ко началу Вечерни и святой Литургіи: Благослови, Владыко!» И во олтарѣ, стоя предъ престоломъ, Чудова монастыря Архимандритъ началъ: «Благо словенно царство,» надъ антиминсомъ Крестъ сотворшу святымъ Евангеліемъ, я (недописка) Патриархъ, стоя на мѣстѣ своемъ, среди церкви, говорилъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» Царю небесный,» «Три святое» и «Отче нашъ,» и Архимандритъ возгластъ, и Св. Патриархъ: «Аминь!» «Господи, помилуй», 12 разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Придите поклонимся» трижды, и посаломъ: «Благослови, душе моя, Господа,» и «Слава, и нынѣ,» и «Аллилуія.» И Архидіаконъ говорилъ ектенію великую и пѣвчіе пѣли на крылосахъ: «Господи, помилуй» и, по возгластѣ, пѣли: «Господи воззвахъ,» и стихиры пѣли на гласъ, токмо пѣли «Слава, и нынѣ» знаменомъ, четвероголосное. И потомъ со Евангеліемъ выходъ былъ, и Архидіаконъ возглашалъ: «Премудрость прости!» И Св. Патриархъ, принявъ въ ругѣ у Поддѣяконовъ троеосвѣщеніе и двоеосвѣщеніе, запывалъ самъ: «Свѣте тихій святыя славы,» и съ нимъ пѣли всѣ Архіерои, и Архимандриты, и Игумены, и Архидіаконы, со Діаконы, и пѣвчіе на сходѣ, оба крылоса, всѣ во облаченіи. И Св. Патриархъ, оствя на церковь крестаѣ, и вшеде во олтарь, пѣловалъ на вратахъ Благовѣщеніе и престолъ, и кадило у Архидіакона принявъ, кадиль окрестъ престолъ и весь олтарь, и вышелъ изъ олтаря надъ дверьми стѣн, а на стороны Спасителявъ образъ и Богоматери, и крылосы, и народъ; а въ то время малые Поддѣяки пѣли, стоя за престоломъ: «Исполаети деспота.» И Архидіаконъ къ прокимену говорилъ: «Вонмемъ, премудрость вонмемъ!» и конархность сказывалъ прокимень и челъ паремьи, и послѣ паремій Діаконъ говорилъ малую ектенію; и Архидіаконъ по ектеніи возглашалъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны,» и проч. Про-

кнѣзь, и Апостолъ, и каженіе, и Евангеліе, и по ряду Божественную Литургію: Великаго Василія была. И по заамвошной молитвѣ, по Чиновику, умовеніе ногамъ было также, какъ и въ мимошедшемъ 200 году.

Благочестивымъ Государемъ въ соборъ къ Литургіи и ко умовенію выходу не было.

Отпѣли и вышли изъ церкви въ двенадцатомъ часу въ исходѣ.

Апрѣля въ 13 день, въ сей же Четвертокъ Великій, въ вечеру благовѣсту въ Соборѣ не было; пѣнія ни какого не было, ни Повечерія, ни Полунощницы, — по келіямъ говорили.

Апрѣля въ 14 день, въ Пятокъ Страстныхъ Недѣли Святаго Поста, въ соборѣ къ Утрени благовѣсть былъ за шесть часовъ. Святѣйшій Патріархъ Утрени въ соборѣ слушалъ; Властей ни кого не было, одни соборяне; Полунощницы не говорили. Какъ пришелъ Св. Патріархъ изъ Крестовой въ соборъ, Протопопъ и Протодьяконъ во облаченіи вынесли Св. Евангеліе и положили на налои, на амвопъ, и поставили предъ нимъ подсвѣчникъ со свѣщю, и Протодьяконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» а Протопопъ съ кадиломъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и Ключарь Провъ говорилъ: «Аминны!» «Слава тебѣ, Боже нашъ; слава тебѣ!» «Царю небесный,» «Трисвятное» и «Отче нашъ;» возгласъ, и по возгласъ «Аминны!» «Господи, помилуй,» 12 разъ, «Слава, и нынѣ,» и «Приидите поклонимся,» трижды, и целемъ. И Протопопъ кланялъ олтарь, и вышедъ изъ олтаря, поклоняся Св. Патріарху съ кадиломъ, и кадилъ на налои на амвопъ Св. Евангеліе окрестъ, и надъ дверьми сѣнь, и мѣстныя и налойныя Иконы, и Св. Патріарха, и крылосы, и народъ и всю церковь, и Протодьяконъ предъ нимъ ходилъ со ослобною свѣщю. И какъ окладили всю церковь до возгласу, и пришедъ Протопопъ, проговоря возгласъ, пакы кадилъ сопреди Св. Евангеліе и надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителя образъ и Богоматери, и передъ мѣстомъ на налои Влахерскую и Св. Патріарха; и Протодьяконъ, отдавъ свѣщу, говорилъ ектенью передъ дверьми, а Протопопъ во олтарѣ говорилъ возгласъ,

и Ключарь: «Аминь!» и началъ: «Слава святѣй.» И Ключарь говорилъ шестопсалміе, и послѣ шестопсалмія «Слава, и нынѣ,» «Агглыуія;» и Протодьяконъ ектеню и возгласъ; и конархистъ сказывалъ возгласъ: «Богъ Господь,» со стихи и тропарь; а въ то время Архидіаконъ подавалъ Св. Патріарху свѣщи, и собориномъ всѣмъ, и народу, кто былъ. И Протодьяконъ по тропарю говорилъ: «И осподобиться намъ,» и «Премудрость прости!» и Св. Патріархъ сказалъ «Миръ всѣмъ!» И Протопопъ чель на амвонѣ одно Евангеліе, а не два, а бывало читывалъ по два сряду. А къ тѣмъ Евангеліямъ кадиль все Протодьяконъ, Евангеліе да иѣстныя и наложныя иконы, и Св. Патріарха, и крылосы, а въ церкви всей и людей не кадиль; и ко Евангеліямъ ко всѣмъ говорилъ: «И о сподобиться намъ,» и «Премудрость прости!» Второе чель Евангеліе Ключарь Яковъ, и третіе онъ же чель. И четвертое Евангеліе чель Ключарь Провъ; пятое чель Евангеліе Василій старикъ; шестое Евангеліе чель Никифоръ, седмое Евангеліе чель Іаковъ Коломня; осмое Евангеліе чель Василій молодой; девятое чель Евангеліе Іоаннъ Попъ; десятое Евангеліе чель придѣльный Попъ, Гаврилъ; первое надесять Евангеліе чель другаго придѣла Попъ Петръ; второенадесять Евангеліе чель паки Протопопъ, а кадиль Протодьяконъ до осмаго Евангелія, а не до конца; и малыя ектеніи передъ Евангеліями онъ же, Протодіаконъ, говорилъ, а въ прошлые годы бывало говаривалъ чредной Попъ. И какъ Протопопъ прочелъ послѣднее второенадесять Евангеліе, и замкнувъ и снявъ съ налож, и поднесилъ ко Святѣйшему Патріарху, а Протодьяконъ передъ нимъ съ подсвѣтникомъ, и Св. Патріархъ цѣловалъ Св. Евангеліе; и по цѣлованіи, поклоняся, оцѣнилъ ихъ рукою; и Протопопъ вшедь въ алтарь, и положилъ на престолъ и разоблачился. А отпуская чредной Попъ Іаковъ. Часу перваго не говорили. Отпѣли и изъ церкви вышли за часъ до дни.

Въ лицѣ 318 стр. оставлень пробѣлъ.

Стр. 318. Апрель въ 14 день, въ сей же Пятокъ Страстныхъ Недѣли Святаго Поста, къ Часамъ благовѣсть въ соборъ былъ три часа дни пробило. Св. Патріархъ изъ Крестовой въ соборъ пришелъ со Властьми, въ четвертомъ часу дни, въ исходѣ Архидіаконъ со Дьяконы въ стихаряхъ безъ кадиль, поклонялись среди

церкви, а съ кадила не встрѣчали. И вшедъ въ церковь, Св. Патріархъ сталъ у амвона, на орлецѣ, и, помолясь, оѣнилъ руками съ посохомъ на церковь крестнѣ; и отдавъ посошнику посохъ и вшедъ въ алтарь, и облачился во всю Архіерейскую одежду; а облачали Ризничій да черныя Дьяконы, также и Архіереи во все облачились; а двое Архимандритовъ, Чудова монастыря да изъ Іерусалима, во все жъ облачились, и Новоспаской; а прочіе Архимандриты и Игумены въ клобуки. А какъ облачились, по обычаю, что въ прошлые годы напивали съ собою хрустальные изъ за престола Кресты, хоругви, и Архидіаконъ со Діаконы, съ кадила; и вышедъ изъ алтаря Св: Патріархъ, взявъ посохъ, и пошли ко Благовѣщенію въ соборъ по мощи Святыхъ, и запрестольная Богородичная была икона. И какъ пришли въ паперть ко Благовѣщенію, и вошли въ церковь въ Западныя двери, и Св. Патріархъ ста у мощей, у стола, на орлецѣ, помолясь, и знаменался у св. Иконъ по обѣ стороны Царьскихъ вратъ; и потомъ, взя у Архидіакона кадило, и кадилъ мощи Святыхъ окрестъ стола; и охода мощи, каки ста на орлецѣ передъ Животворящимъ Древомъ, и покадя, ту стоя, надъ дверьми сѣни, и Спасовъ образъ, и Богородиченъ и на стороны Властей, и отдалъ кадило Архидіакону. И подавалъ мощи Святыхъ Архіереомъ, Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Попомъ, и Діакономъ; и, раздавъ уготованныя мощи всѣ, самъ поднялъ на главу Животворящее Древо. А подъ руки вели Ризничій да черной Діаконъ; и каки изъ церкви пошли въ соборъ тѣми же Западными дверьми и папертью. А передъ несли митру на мисѣ двое Діаконовъ, и лампащикъ съ лампадою, со возженною свѣщю да съ двумя свѣщами съ ослопными двое малыхъ Подъяковъ, въ стихаряхъ; Архидіаконъ и Протодіаконъ, идучи, кадилъ, на главѣ у Св. Патріарха Крестъ, а въ немъ Животворящее Древо; а Діаконы, четверо, надъ главою и надъ Крестомъ несли рипиды; и пришли въ соборъ во двери Южныя, и шли около столпа; и снявъ со главы, и на столѣ полагалъ Крестъ, и у Властей у всѣхъ принималъ мощи и полагалъ; и какъ у всѣхъ принялъ, и воздѣвъ митру, и пошли по ризу Спасителеву, и распечатавъ и выложя изъ ковчега на гробъ Господень, и покадилъ трижды, и на стороны Властей, и отдалъ кадило Архидіакону, и подыавъ на главу, а подъ руки вели два Митрополита. И пришедъ къ налою, и положилъ на налою, и взявъ кадило у Архидіакона, и кадилъ окрестъ Спасите-

левы ризы и мѣщей, и распятіе. И пришедь къ мѣсту, ота на орлець, и кадиль на стороны Властей, и отдавъ кадиль Архидіакоу, и возшелъ на мѣсто, и Архидіаконъ покадиль его трижды, и возглашалъ: «Благослови, Владыко!» И Св. Патріархъ началъ: «Благовенъ Богъ нашъ,» и Соборной Діаконъ: «Аминь!» и говорилъ поамы; а стихиры сказывалъ конархистъ по крылосамъ, а прокимены передъ паремьей сказывалъ просто Архидіаконъ, ни чего къ нимъ не говорилъ, токмо къ паремьямъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмемъ!» А въ паремьи Св. Патріархъ и Архіерей сидѣли, Архимандриты и Игумены стояли. И къ Апостолу Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость, Вонмемъ!» И Св. Патріархъ во Апостолъ стоялъ, а не сидѣлъ, а прежь сего ожививалъ. И послѣ Апостола Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость прости,» ко Евангеліямъ ко всѣмъ. На Цервномъ Часу Евангеліе четь оамъ Св. Патріархъ, а на тѣхъ Часѣхъ Евангеліе читали Архіереи по степенямъ своимъ; и прочеть Евангеліе, ко Св. Патріарху цѣловать не носилъ; кто прочтеть, тотъ и цѣлуеть. И какъ Часы проговорили всѣ, а въ то время Властелинскіе Діаконы нѣз оловенниковъ налили воду въ обѣ чаши къ водоосвященію; и на всѣхъ Часахъ читали соборно въ Торжественникѣ о страстѣхъ. И какъ проговорилъ Соборной Діаконъ поаломъ: «Благословлю Господа,» и Архидіаконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ: «Аминь!» и сказывалъ малогоосвященія стихиры по крылосамъ. И Св. Патріархъ въ то время кадиль окрестъ въ чашахъ воду, и Спасову ризу, и на столѣ мощи Святыхъ, и у стола Распятіе, и возшедь на мѣсто и на стороны Властей на обѣ стороны, и отдавъ кадиль Архидіакоу, и Архидіаконъ его покадиль трижды, и говорилъ: «Господу помолимся!» И Св. Патріархъ говорилъ возгасъ: «Яко святъ еси, Боже нашъ;» ликъ: «Аминь.» И конархистъ сказывалъ тропари: «Нынѣ ста время.» И послѣ тропарей на крылосахъ пѣли: «Святый Боже,» трижды, и «Вонмемъ,» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и конархистъ говорилъ: и «Духови твоему,» и «Премудрость,» и сказывалъ прокимень: «Господь просвѣщеніе мое.» И Архидіаконъ говорилъ ко Апостолу: «Премудрость,» и Апостолъ четь соборной Діаконъ, ко Евреемъ зач. 308, и «Вонмемъ;» во Апостолъ Архидіаконъ не кадиль ни мѣщей, ни воду; и послѣ Апостола говорилъ Архидіаконъ: «Премудрость прости;» и Св. Патріархъ ска-

залъ: «Миръ всѣмъ!» и чашь Евангелію, зач. во Іоаннѣ 14. И послѣ Евангелія Архидіаконъ съ кадиломъ говорилъ молитву, по возгласѣ: первая молитва: «Господи Боже нашъ Великій въ совѣтъ.» И въ то время въ соборъ изъ хоромъ пришелъ Благочестивый Государь, Іоаннъ Адектѣвичъ, всеа Россіи Самодержецъ, одинъ, и сталъ, помычась, у столпа, у задняго праваго, на коврѣ и на подножнѣхъ, а на мѣсто не восходилъ; и Св. Патріархъ ни Крестомъ, ни рукою его, Государя, не благословлялъ, по тому что до отпуска немного времени было. И по молитвѣ Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Архидіаконъ говорилъ: «Главы ваша Господеви преклоните!» И пакъ другую молитву говорилъ преклонную: «Приядони, Господи ухо твое;» и Подіаконы принесли въ то время логанъ (лохань) съ рукоюемъ. И послѣ молитвы Св. Патріархъ умывалъ руки для погруженія, и потомъ погружалъ Крестъ въ чашу, и зашъвалъ тропарь, и омывалъ мощи Святыхъ, и въ то время конархистъ договаривалъ тропари: «Источникъ исцѣлешія,» и прочая. И послѣ тропарей Архидіаконъ говорилъ: «Помилуй насъ, Боже!» «Еще молимся о державѣ, побѣдѣ и о еже охранитися царствующему граду сему.» И послѣ «сктеми» Св. Патріархъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ; отпустъ, молитву: «Владыко многомилостиве;» ту и отпустъ. И благословлялъ Благочестиваго Государя Крестомъ и кропилъ Святою водою, и потомъ благословилъ рукою; и Престоль благословлялъ, Архіереовъ, и Бояръ, и прочихъ Властей, и народъ. И Благочестивый Государь потомъ цѣловалъ Спасителю ризу и мощи Святыхъ, и отшелъ въ придѣлъ, къ Дмитрію мученику, дождался, какъ къ Спасителевѣ ризѣ и мощамъ обойдутся весь народъ. А какъ всѣ перешлись, ввѣвъ на главу Св. Патріархъ Спасителю ризу, въ ковчегъ, и отнесли за омыду ко гробу Господню, и поставили въ ковчегъ и запечатали; и Св. Патріархъ принявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ Спасителю ризу, и Царя, и Властей, и пакъ отдалъ кадило ему жъ. И приняли къ мощамъ Святыхъ къ столу, отдавалъ нести мощи въ ковчегѣхъ всѣмъ, кто былъ во облаченіи; и самъ, подывъ на главу Животворящее Древо въ Крестъ, и пошли изъ собора ко Благовѣщенію. И пришедъ въ церковь, принималъ у всѣхъ, и ставилъ на столъ Святыхъ мощи, и принявъ кадило у Архидіакона, и кадилъ на столъ мощи окрестъ, и Св. Иконы, и Благочестиваго Государя, и Властей, и отдалъ кадило. И помолясь, Благочестивый Государь знаменался

у Св. Иконѣ, и принявъ благоговеніе, и вышелъ въ хоромы. А Св. Патриархъ; помолясь и обоохъ ваявъ въ руки, и пошелъ изъ церкви отъ Благоищенія въ Западныя дѣрзи, пацвртью въ соборъ. И вришии въ соборъ, и вшедъ во олтарь, и разоблачима, и Власти все тожъ разоблачилися. Ошѣли и вышли изъ церкви въ оменъ часу в. полы.

Апрѣля въ 14 день, въ сей же день въ Пятокъ Страстныя Недѣли, въ вечеру, къ Вечернѣ благовьсть былъ въ соборъ за три часа. Св. Патриархъ изъ Крестовой въ соборъ пришелъ со всеми Властями, за два часа съ четвертью. Архидіаконъ со Діаконъ, съ кадила, встрѣчали въ Западныхъ дѣрзахъ; и пришедъ въ соборъ, и ста у амвона; на орлець, и помолясь, ошѣвалъ руками съ посохомъ на церковь крестнѣ. И возшелъ на мѣсто среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ, и сядѣвъ въ стулѣ; и въ лѣвую руку имуще посохъ. И Власти, по обычаю, поклонились, и, восходя на мѣсто, цѣловали руку. И во олтари облачались во всю одежду священную; и самъ Св. Патриархъ, отдавъ посожнику посохъ, облачался во всю Архіерейскую одежду, какъ и къ Литургіи бываесть. облаченіе; Архидіаконъ и Протодіаконъ кадила и ко облаченію стихи говорили, какъ и предъ Литургією. И какъ облачались и ошѣвалъ триовѣщнѣмъ и двоевѣщнѣмъ на церковь крестнѣ, и Архидіаконъ со Діаконъ цѣловали въ руку; и взя въ руку посохъ, и сошелъ съ мѣста, и пошелъ по гробъ Господень, за ялуду, въ уголъ. И пришедъ, приня Св. Патриархъ у Архидіакона кадило, и кадилъ гробъ Господень трижды, и на стороны Властей, и отдалъ кадило, и Архидіаконъ покадилъ его трижды. И снявъ митру, одѣлалъ гробъ Господень на главы со всеми Властями, и; принеся; поставилъ среди церкви, гдѣ бываесть амвонъ, у Царскихъ вратъ; и, поставя, вшедъ во олтарь и покая копреди на престолѣ плащаницу трижды, и отдалъ кадило; и поднявъ на главы, и вынесли въ Царскія врата; и положили на гробъ; и митру воздѣвъ и принявъ кадило, и кадилъ около гроба и плащаницу на немъ трижды; а передъ нимъ Архидіаконъ ходилъ съ ослобною свѣцею, лампадникъ съ лампадою, со возжannoю свѣцею, да четверо Инодіаконъ съ подсвѣчниками; и оходя на стороны Властей, и отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадилъ его трижды. И возшелъ среди церкви на мѣсто свое; и Архидіаконъ со Діаконъ, помолясь,

и примаєть благословеніе у Св. Патріарха, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» предъ гробомъ стоя, отъ лѣвыя страны, отъ мѣста Царицына. И Чудова монастыря Архимандритъ, тутъ же передъ гробомъ стоя, по правую сторону отъ мѣста Патріарша, начиналъ: «Благословенъ Богъ нашъ;» и Св. Патріархъ говорилъ, на мѣстѣ стоя, «Амины!» и говорилъ: «Царю небесный,» «Трисвятое,» и «Отче нашъ!» Архимандритъ возгласъ, и Св. Патріархъ: «Амины!» и говорилъ: «Госпеди, помилуй!» 12 разъ, «Пріяйте поклонимся!» трижды, и поеломъ: «Благослови, душе моя, Господа!» и «Слава и нынѣ,» «Аллилуія!» И потомъ Архидіаконъ говорилъ ектенію великую: «Миромъ Господу помолимся!» и прочая, и возгласъ; и на крылосахъ пѣвчіе пѣли во гласъ: «Господи воззвахъ,» и стихиры; и Власти поклонились Св. Патріарху по два раза. А какъ пѣвчіе запѣли послѣднюю стихіру, на скопѣ, и Архидіаконъ со Діаконы, по обычаю, поклонясь Св. Патріарху, и вошли во олтарь, и взяли Св. Евангеліе со престола и Царскія врата отворя, и пошли въ церковь Сѣверными дверьми; и пришедъ, осреди церкви, позади гроба сташа. И какъ пѣвчіе стихиры и «Слава и нынѣ,» прочѣли, Архидіаконъ говорилъ: «Господу помолимся!» и Св. Патріархъ входную молитву говорилъ, и входъ благословилъ, и Евангеліе цѣловать подносилъ; и отшедъ, Архидіаконъ возглашалъ: «Премудрость прости!» И запѣлъ самъ Св. Патріархъ: «Свѣте тихій святыхъ славы,» и всѣ Власти, и Діаконы, и пѣвчіе вообще пѣли. И Св. Патріархъ освѣтилъ троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковъ и на народъ; и вшедъ во олтарь, въ Царскихъ дверяхъ отдалъ Архидіакону изъ рукъ троесвѣщіе, Иподіакону двоесвѣщіе, и цѣловалъ на дверяхъ Благовѣщеніе, и, вшедъ, престолъ; и взя у Протодіакона кадило, и кадилъ окрестъ престолъ и весь олтарь и, вышедъ, надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителей образъ и Богоматери; и крылосы и народъ; а въ то время Иподіаконъ пѣлъ: «Исполаети деспота;» и Архидіаконъ, какъ прочѣли, говорилъ къ прокнину: «Вонмемъ, премудрость вонмемъ!» и конархность сказывалъ, у амвона стоя, прокнимень и читалъ паремьи. И послѣ паремій Св. Патріархъ, взявъ въ руку двоесвѣщіе, и вошелъ отъ дверей на горнее мѣсто просто, идучи освѣталъ, ни чего не говорилъ; и какъ возшелъ на горнее мѣсто, Архидіаконъ къ прокнимену говорилъ: «Вонмемъ!» Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» Иподіаконъ сказывалъ прокнимень, и въ прокнимень снѣ-

мали со Св. Патріарха омофоръ, и держалъ Протодіаконъ, Архидіаконъ, въ то время кадиль, престолъ и олтарь, весь, и въ церкви, крылосы и народъ; а какъ кадиль, Иподіаконъ читалъ въ то время Апостолъ; и Св. Патріархъ во олтарѣ, кадиль, и Властей, какъ и на Литургіи каженіе бываетъ. И послѣ Апостола, со престола Св. Евангеліе Чудова монастыря Архимандритъ снявъ, отдалъ Архидіакону, и, взявъ Архидіаконъ Евангеліе, пришедъ ко Св. Патріарху къ горнему мѣсту, благододаяся чести, какъ приходятъ со Евангеліемъ на Литургіяхъ; и вышедъ изъ олтаря Царскими вратами, и сталъ за гробомъ, осреди церкви, и читалъ на коврѣ и на намогъ; а Поддѣяки шли передъ нимъ съ подсвѣщниками, а Иподіаконъ съ трисвѣщіемъ и съ двосвѣщіемъ, а Протодіаконъ со омофоромъ шедъ. И прочетъ Евангеліе, и вышелъ во олтарь. И Св. Патріархъ, вышедъ изъ олтаря, принявъ у Поддѣякона трисвѣщіе и двосвѣщіе, оствѣдъ и на церковь и на народъ, и пѣвчіе пѣли: «Исподѣзти деспота.» И Протодіаконъ говорилъ ектенію, за гробомъ; «Рцемъ вси,» и прочая. И Св. Патріархъ говорилъ возгласъ; и Діаконъ Властѣянской по очереди говорилъ, какъ Ключарь проговорилъ: «Сподоби, Господи,» ектенію: «Исполнимъ вечернюю молитву нашу Господеви,» а въ то время наложили на Св. Патріарха омофоръ. И какъ Діаконъ проговорилъ ектенію, и возгласъ говорилъ Митрополитъ Сарской; и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всемъ!» и Діаконъ говорилъ: «Главы наша Господеви,» и возгласъ говорилъ Нижегородской Митрополитъ, и пѣвчіе пѣли: «Аминь!» и стиховну. И Св. Патріархъ, по возгласъ, вышелъ изъ олтаря и сошелъ со степеней за гробъ, и ста на орлець, и цюмлась, трижды цюловалъ плащаницу, по обычаю, въ раны, и ста отъ Царскихъ вратъ соpredи гроба, на орлець. И послѣ его цюловали Власть, Архіереи, Архимандриты, Боляры и Игумены, и Протоподы, и Соборяне, и Архидіаконъ и съ Протодіакономъ и со Діаконъ, и Даредворны и Приказные, и весь народъ; и пѣвчіе пропѣли стиховну и «Славу, и нынѣ.» И Ключарь говорилъ: «Нынь отпущаеши!» Иподіаконъ говорилъ «Трисвятное, и «Отче нашъ.» И во олтарѣ Св. Патріархъ возгласъ говорилъ: «Яко твое есть царство,» и пѣвчіе: Аминь!» и пѣли тропари. И Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость!» и пѣвчіе пѣли: «Благослови!» и Св. Патріархъ говорилъ: «Сый, Благословенъ, Богъ нашъ;» и пѣвчіе пѣли: «Аминь!» «Утверди, Боже!» И Св. Патріархъ говорилъ: «Пре-

святая Богородице, спаси насъ!» «Слава тебѣ Христе, Боже нашъ, слава тебѣ!» и отпусти, съ трисвѣщенъ и со двоесвѣщенъ; и пѣвчіе пѣли: «Исползати деспота;» и многогѣтны; и вшедь во олтарь, и разоблачился.

Отпѣли и вышли изъ церкви за полчаса до ночи.

Благочестивымъ Государемъ къ Вечернѣ и къ выносу гроба Господня въ соборъ выходу не было.

Л. 325. Апрѣля въ 15 день, въ Субботу Страстныхъ Недѣль Святаго Поста, въ соборѣ къ Утреннѣ благойбѣсть былъ за шесть часовъ. Св. Патріархъ изъ Крестовой Палаты пришелъ въ соборъ со всеми Властями, и ста на мѣстѣ, и помолясь, велѣлъ Утренню начать. Протодьяконъ возглашалъ, за гробомъ стоя: «Благослови Владыко!» и Протопопъ, тутъ же стоя, началъ, за гробомъ же: «Благословенъ Богъ нашъ,» и Ключарь Провѣ говорилъ: «Амины!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ,» «Царю небесный, «Трисвятное», и «Отче нашъ,» и Протопопъ говорилъ возгласъ, и Ключарь: «Амины!» «Господи, помилуй!» 12 разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Придите поклонимся,» трижды. И Протопопъ, взявъ у Нономара кадило, и Протодьяконъ ослопную свѣцу, и, поклонясь Святѣйшему Патріарху, кадилъ гробъ Господень окрестъ, и олтарь весь, и, вышедъ изъ олтаря, надъ дверьми сѣнь, и мѣстныя и наложныя Иконы, и Св. Патріарха, и Архіереевъ, и крылосы, и церковь, и по всей церкви народъ; а въ то время Ключарь говорилъ псалмы канона: «Услышитъ тя Господь,» и «Господи, силою твоею,» и «Трисвятное,» и «Отче нашъ.» И Протопопъ говорилъ возгласъ, за гробомъ стоя, и по возгласѣ пакы кадилъ гробъ сопреди, и Св. Патріарха, а Ключарь говорилъ: «Амины!» и тропари: «Спаси, Господи,» и «Слава,» «Вознесыйся на крестъ,» и «Нынѣ предстательство Христіанъ непостыдное.» И Протодьяконъ, стоя за гробомъ, отъ лѣвыя страны, говорилъ ектеню: «Помилуй насъ, Боже!» и прочая. И послѣ ектеніи Протопопъ говорилъ въ среди церкви, тутъ же за гробомъ, съ кадиломъ, возгласъ: «Яко милостивъ,» и на крылосъ: «Амины!» и Протопопъ говорилъ: «Слава святѣй и единосущнѣй,» и Ключарь говорилъ: «Амины!» и шестопсалміе. И послѣ шестопсалмія Протодьяконъ говорилъ великую ектеню: «Миромъ Господу

помогающаі. И во облаченіи вышши наъ олтаря Архидіаконъ да Ршавнцій, и съ мѣста вашии подъ руки Св. Патріарха, и, ишедь въ Царскія врата, во олтарь, Св. Патріархъ и облачылся въ епитрахию, въ поручи, во омофоръ, въ митру, и Архіереи, и Архимандриты, и Игумены всѣ. И вышедъ изъ олтаря, поднявъ на главы свои гробъ Господень и отнесъ, поставилъ среди церкви, подъ большимъ наизвѣстникомъ. И потомъ поднесъ Благочестивому Государю свѣцу, и отшедъ къ мѣсту овсему; и Архидіаконъ поднесъ ему свѣцу и прочимъ Архіереомъ, и Боларомъ, и всему Служащюму и своимъ Приказнымъ. Архіереи, на правой странѣ и на лѣвой, раздавали свѣщи Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Соборнымъ; и раздавъ свѣщи и принявъ кадило у Архидіакона, в кадиль гробъ и плащаницу на немъ окрестъ, кругомъ, трижды. И запѣвалъ Св. Патріархъ самъ, со Діаконы: «Блаженъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ!»—Греческій распѣвъ; а передъ нимъ Архидіаконъ ходилъ со свѣщю его, а лампадищикъ съ лампадою, да четверо Иподіаконовъ съ подсвѣщниками. И оходя гробъ трижды, и кадиль олтарь весь, и въ церкви мѣстныя Иконы и наойцы, и Благочестиваго Государя, и Властей, по сторонамъ, и крылосы, и всю церковь; а въ то время пѣвчіе пѣли каждаму: «Блаженъ непорочнѣи!» съ припѣвы,—Греческой распѣвъ, первую треть; и паки говорили Діаконы соборные, и возгласы Архіереи, по отеченямъ. И какъ окадилъ всю церковь, и паки кадиль надъ Царскими вратами сѣнь, и на стороны Спасителевъ образъ и Богоматери, и паки Благочестиваго Государя. И возшедъ на мѣсто свое, и покадилъ на стороны Властей, и Діаконовъ, Иподіаконовъ, и Архидіакона, и отдалъ ему кадило, и Архидіаконъ пожедилъ трижды. И какъ допѣли пѣвчіе третію долю каензмы, и «Слава, и нынѣ», и покрывали первымъ припѣвомъ въ началѣ каензмы. И соборной Діаконъ говорилъ: «Паки,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ на мѣстѣ стоя, и, по возгласъ, сошелъ съ мѣста своего и принявъ у Архидіакона кадило, и запѣвалъ самъ припѣвъ: «Достойно есть величати тя, жизнедавца;» и паки также кадиль гробъ, а на немъ плащаницу окрестъ трижды; а со свѣщю его Архидіаконъ и лампадищикъ съ лампадою, Иподіаконъ съ подсвѣщникомъ, предъ нимъ напередъ ходили; и окая гробъ, паки возшедъ на мѣсто свое, и отдалъ кадило Архидіакону, и Архидіаконъ покадилъ его, Св. Патріарха, трижды, и посохъ. И новелъ кадить гробъ и,

по обычаю, Иконы и Царя, — какъ бываетъ на погребеніи кадятъ, — двумя Митрополитами, Крутицкому да Нижегородскому; а кадила, поклонясь съ кадила съ Патріарху, въ началѣ гробъ Господень и плащаницу на немъ однажды, кругомъ, и потомъ надъ Царскими братьи сѣнь и на стороны мѣстныхъ и вѣлѣнныхъ Иконъ, и Благочестиваго Царя, и Св. Патріарха; и на стороны Властей, и Діаконовъ, и крылосы, и пски надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителя въ и Богоматери образъ, и Царя, и Патріарха; и гробъ сопрѣди, и сами себя, и отдавъ Діакономъ кадила, и, помолясь, и Св. Патріарху поклонились, и Діаконы ихъ поклали: И какъ пѣвчіе проишли вторую треть каензмы, и «Слава, и нынѣ,» и покрыли первымъ стихомъ, какъ и въ начальной трети покрывали, Діаконъ соборной говорилъ ектенью малую: «Пани,» и возгласъ говорилъ Крутицкой Митрополитъ. И, по возгласъ, Св. Патріархъ, взявъ кадило у Архидіакона, и сошедъ съ мѣста, кадилъ гробъ Господень и плащаницу на немъ, также, какъ и на прежнихъ трегахъ, и заивалъ самъ со Діаконы: «Роди вси пѣснь погребенію Твоему приносятъ, Христе мой,» и кадилъ около трижды; и со свѣщю, и съ лампадою, и съ подсвѣщниками, предъ нимъ также ходили. И окая, возшелъ на мѣсто, и отдавъ кадило Архидіакону, и кадилъ Архидіаконъ Св. Патріарха трижды и посохъ. И повелѣлъ Св. Патріархъ кадить Козмогорскому Архіепископу да Чудова монастыря Архимандриту; и кадили по тому жъ, какъ и первые Архіереи; и окая, и пѣвчіе проишли: «Благословенъ еси, Господи.» И соборной Діаконъ говорилъ ектенью малую; и Архіерей по степени возгласъ говорилъ, и по возгласъ конархистъ сказывалъ «Сѣдаленъ,» и «Слава, и нынѣ,» «Богородиченъ.» И по семъ Протопопъ читалъ въ ризахъ Евангеліе толковое, а Св. Патріархъ у гроба, сошелъ стоялъ, какъ пѣловалъ плащаницу Благочестивый Государь, и послѣ самъ Св. Патріархъ, и послѣ его Архіереи, и Боляры, и Архимандриты, и Думные, и Игумены, и Протѣпопы, и Соборяне и Архидіаконъ со Діаконы, и Приказные, и весь народъ. Св. Патріархъ возшелъ на мѣсто свое, до чтенія стоялъ, а какъ сталъ читать Протопопъ Евангеліе, такъ, все сидѣлъ. И какъ прочелъ и народъ весь обошелся цѣлованію, и Св. Патріархъ сошелъ съ мѣста, поднявъ гробъ Господень съ плащаницею на главы своя, со всеми Властями, и поставили тутъ же, у Царскихъ братьи, гдѣ былъ амвонъ; и онъ стоялъ. И пошли во олтарь, и разоблачилися вси.

И вышелъ изъ олтаря Св. Патріархъ и Власти вси, и стояхъ на мѣстѣхъ своихъ несъ канонъ до Животныхъ стѣхъ; также и Архіереи стояхъ на своихъ мѣстахъ по степенямъ. А какъ Соборяне на прилобахъ стихъры Животные стали пѣть, вса Патріархъ съ мѣста сошелъ, и Архідиаконъ и Ризничій: въ стихаряхъ приняли подъ руки; и вшедъ во олтарь; облачался во всю Архіерейскую одежду. И облачали Ризничей да черные Діаконы. И Власти вси также облачились, Архіереи во всю Архіерейскую одежду. Архимандриты двое во всю обвѣщенную облачались одеждою. Чудова монастыря да Спаса Нового монастыря, а прочіе Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и Соборные Священники, облачались не во всю одежду, токмо въ епитрахиль, въ поручи, въ ризы, Архимандриты въ шапки. И какъ Св. Патріархъ вовсе облачился, вшедъ изъ олтаря, и поднеслъ свѣщу Благочестивому Государю, и пакы вшелъ во олтарь. И Архідиаконъ поднеслъ ему, Св. Патріарху, свѣщу, и подавалъ свѣщи Архіереомъ однимъ Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Соборнымъ, во олтаря, велѣлъ свѣщи раздавати Митрополитомъ Крутицкому да Нижегородскому, а самъ Св. Патріархъ, вышелъ изъ олтаря свѣщи раздавалъ, на степеняхъ стоя, Болярамъ, и Думнымъ, и всему Свѣтлиту, и Приказнымъ своимъ. И взявъ у Архідиакона кадило, и покادилъ со преди гробъ Господень, и плащаницу на немъ трижды, и отдалъ кадило; и сдѣвъ митру съ себя, и плащаницу взявъ со всеми Властями на главы своя, и внесли въ Царскія врата во олтарь; и положили на престолъ. А въ то время Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и соборные Попы, поднимъ гробъ Господень на главы своя, и отнесли на мѣсто ко Спасителевой ризѣ, а Коломогорской Архіепіскопъ провожалъ, а Діакони кадили со всехъ странъ гробъ Господень; а пѣвчіе въ то время пѣли Славословіе до «Святый Боже!» И со престола плащаницу Св. Патріархъ, поднимъ на главы своя, со всеми Властями, а въ правую руку взявъ Евангеліе малое; въ переметъ висаметномъ, и понесли около престола въ Сѣверныя дѣвери; а передъ нимъ несли на мѣстѣ митру два черные Діаконъ, а Поддіаконъ несъ свѣщу его; Архідиаконъ и Протодіаконъ шли напередъ съ кадилью и кадилью плащаницу; а около плащаницы Властелинскіе Діаконъ шли съ ризиды, а Поддіаконъ съ подсвѣщниками и со остопными нареди шли съ свѣщамъ, а Діаконъ соборные съ кадилью, и кадилью со сторонъ и позади пла-

щаницу. А какъ подняли со престола плащаницу и вошли въ Сѣверныя двери, и пѣвчіе въ то время пѣли, идучи и около церкви: «Святый Боже!» — надгробное большее, троестрочной распѣвъ. И какъ изъ алтаря вышли въ Сѣверныя двери, лампадицы шель съ лампадою напредѣ, а хорощицы съ посохомъ шель позадѣ плащаницы. И шли церковію около столповъ къ Чудотворцовымъ Ионинымъ мощамъ прямо, и вышли въ Западныя двери, и пошли кругомъ церкви ко Грановитой Палатѣ; и въ церковь пакѣ вошли въ тѣ жъ Западныя двери, и прямо около мѣста шли, и внесли во алтарь въ Царскія врата. И Св. Патріархъ плащаницей сотворшу надъ престоломъ Крестъ, и говорилъ: «Премудрость прости!» и положилъ на престолъ. И Св. Патріархъ, принявъ у Архидіакона кадило, и Архидіаконъ, взявъ въ руку свѣцу его, и четверо соборныхъ Діаконовъ, взявъ четыре подсвѣщника со свѣщами, и кадили престолъ и плащаницу на немъ, около, трижды, и запѣвалъ самъ тропарь: «Благообразный Іосифъ со древа снемъ,» — Греческій распѣвъ, трижды пѣли; а съ нимъ пѣли: Архидіаконъ, и Протодіаконъ, и соборные Діаконы, ко всякому каженію пѣли. И какъ окадилъ и тропарь пропѣли, вышелъ Св. Патріархъ изъ алтаря въ Царскія врата, кадилъ Благочестиваго Государя трижды, по обычаю, и державу; и вшедъ во алтарь кадилъ на стороны Властей, обще, предъ престоломъ стоя, и отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадилъ его трижды. И конархистъ сказывалъ прокимень передъ паремією просто, и къ пареміи Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмемъ!» И послѣ пареміи Архидіаконъ говорилъ къ прокимну: «Вонмемъ!» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Поддѣяконъ говорилъ: «и духови твоему;» и Архидіаконъ: «Премудрость!» и Поддѣяконъ сказывалъ прокимень, и послѣ прокимена челъ Апостолъ. Св. Патріархъ стоялъ у дверей въ Апостолъ во всемъ, не свѣдали ни чего, ни митры, ни омофора, ни на горнее мѣсто не восходилъ. Архидіаконъ въ то время кадилъ престолъ и весь алтарь, и вышелъ изъ алтаря, надъ дверьми стѣн, и на стороны Спасителя и Богоматери образы, и Благочестиваго Государя, и вышелъ во алтарь, Св. Патріарха и Властей по сторонамъ; и вышелъ пакѣ изъ алтаря, кадилъ крылосы и народъ, и пакѣ вшедъ во алтарь, кадилъ престолъ со предѣ и Св. Патріарха. И послѣ Апостола, какъ на крылосѣ пропѣли «Аллилуія!» Архидіаконъ говорилъ ко Евангелію: «Премудрость прости!» и Св. Па-

тріархъ сказалъ: «Миръ веѣмъ!» и на крылосѣ: «и духови твоему!» И чель Евангеліе Св. Патріархъ въ Царскихъ вратахъ, обратася лицомъ къ Западнымъ дверямъ, къ народу, во всемъ,—ни чего не снимали. Евангеліе держали на рукахъ Архидіаконъ да Протодіаконъ, а соборные двое Діаконовъ въ рукахъ держали ослепшия свѣща, Поддѣяconi стояли съ трисвѣщіемъ и со двоесвѣщіемъ. И какъ Св. Патріархъ Евангеліе прочелъ, подносилъ Благочестивому Государю цѣловать, и отдалъ Діакону Св. Евангеліе, и освѣнилъ троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь, на крылосы, крестивъ, у Царскихъ вратъ стоя; и на крылосѣ пѣвчіе пѣли: «Исполаети деспота!» И вшедъ во олтарь, поцѣловалъ Св. Евангеліе и поставилъ на престолѣ. А Протодіаконъ въ то время говорилъ ектенію: Рцемъ вси» и проч. И возгласъ Св. Патріархъ говорилъ, и по возгласѣ паки Протодіаконъ говорилъ: «Исполнимъ утреннюю молитву нашу Господеви.» И Крутицкій Митрополитъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ веѣмъ!» и Протодіаконъ говорилъ: «Главы наша Господеви приклонимъ!» И паки Нижегородской Митрополитъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ Протодіаконъ говорилъ: «Премудросты!» и на крылосѣ: «Благослови!» И Св. Патріархъ говорилъ: «Сый благословенъ Богъ!» и на крылосѣ: «Аминь!» «Утверди, Боже» и проч. И Св. Патріархъ говорилъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и на крылосѣ говорили: «Честнѣйшюу,» и «Слава тебѣ, Христе, Боже нашъ,» и «Слава, и нынѣ,» и отпустъ. И освѣнялъ трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ, и пѣвчіе пѣли: «Исполаети деспота,» и многолѣтны пѣли, и отпустъ. И вшедъ во олтарь, Св. Патріархъ и разоблачился.

А въ то время Поддѣякъ чредной говорилъ Часы первыя. И разоблачася, вышедъ изъ олтаря, и Благочестиваго Государя благословилъ рукою и отпустилъ въ хоромы. И самъ въ Крестовую вышелъ изъ церкви со Властьми.

Отпѣли и вышли изъ церкви за полчаса до дни.

(329 стр. пробѣлъ).

Стр. 330. Апрельъ въ 15 день, въ Субботу Страстныхъ Недѣль Святаго Поста, въ соборѣ къ Вечернѣ и къ Литургіи благовѣсть

была за предъ седма часа: до мошти, поелъ одна часа, дробило дни: Св. Патріархъ въ соборъ пришелъ со всеми Властями въ девятый часъ дня въ оны. Архидіаконъ и Діаконы во облаченіи, по обычаю, встрѣчали еъ кадилами въ Западныхъ дверяхъ. И пришелъ Св. Патріархъ ко амвону, и ста на ордеѣ, и помолился; и Архидіаконъ входъ говорилъ и пѣвчіе входное пѣли; и знаменался у Св. иконъ и прикладывался къ Чудотворцовымъ мощемъ, и Власть все. И пани пришелъ ко амвону и проговоря молитву: «Господи, низпосли;» я осыпалъ руками съ посохомъ на церковь и на народъ крестнѣ, и возшелъ на мѣсто свое среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ, и сѣлъ въ стулъ, въ руку имуще посохъ. И благословляясь облачался Властью все во всю священную одежду. И самъ Св. Патріархъ облачался во всю Архіерейскую одежду къ службѣ Святыя Литургіи; Архидіаконъ и Протодіаконъ съ кадилами предъ нимъ кадили его, и до облаченію стихи говорили, какъ облаченію и каженію бываетъ и къ прочимъ Литургіямъ. И какъ облачился и трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ осыпалъ на церковь и на народъ крестнѣ, и Благочестивый Государь, Іоаннъ Алексѣевичъ, пришелъ въ соборъ. И пришелъ, знаменался у Св. иконъ по обычаю. И Св. Патріархъ, сошедъ съ мѣста своего, и благословляя его, Государя, Животворящимъ Крестомъ и рукою, и возшла на мѣста свои. И Архидіаконъ со Діаконы благословляясь у св. Патріарха; по обычаю, начинать Вечерню и св. Литургію. И пришелъ Архидіаконъ, передъ Царскія врата, помолясь, возглашашъ: «Благослови, Владыко!» и Чудова монастыря Архимандритъ, во олтари предъ престоломъ стоя, началъ: «Благословенно царство;» и Св. Патріархъ говорилъ, стоя на мѣстѣ своемъ: «Амины!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ;» «Царю небесный;» «Трисвятые;» и «Отче нашъ.» И Архимандритъ говорилъ возгласъ: «Яко твое есть;» и Св. Патріархъ говорилъ; «Амины!» «Господи, помилуй;» 12 разъ, и «Слава, и нынѣ;» и «Прійдите поклонимся;» трижды, и псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа;» и «Слава, и нынѣ;» «Аллилуія» трижды. И потомъ Архидіаконъ говорилъ ектенію великую: «Миромъ Господу помолимся;» и проч. и Архимандритъ говорилъ возгласъ, и на крылосахъ пѣвчіе пѣли: «Аминь.» И пѣли возгласъ: «Господи воззвахъ, по обычаю. И стихѣры пѣли, первыя знаменемъ, четверогласныя, а другіе стихѣры пѣли трострочныя: «Днесъ адъ, отеня, воиетъ.» и «Слава, и нынѣ;» — знаменную жъ: А какъ пѣли стихѣры, и въ то

время Протодьяконъ кадилъ олтарь, и вышелъ кадилъ надъ Царскими вратами сѣнь, и мѣстныя и наложныя Иконы, и Благочестиваго Государя, и Св. Патріарха, и Властей, и крылосы, и церковь всю, и весь народъ въ церкви, какъ каженіе на Вечерни бываетъ. А Власти, какъ заѣли на крылосахъ пѣвчіе стихѣры, поклонились Благочестивому Государю по двѣжды, а Св. Патріарху по одному разу, и ставились по сторонамъ, по степенямъ своимъ. И какъ пѣвчіе стали на еходъ пѣть послѣднюю стихѣру: «Яко утвердися,» и въ то время Архидяконъ со Діаконы, поклоняюсь Св. Патріарху, и вошли во олтарь, и за ними также вошли Архимандриты, и Игумены, и Протопопъ. И какъ заѣли: «и нынѣ,» и Архидяконъ, принявъ у Архимандрита Святое Евангеліе, и пошли изъ олтаря около престола въ Сѣверныя двери и Власти всѣ на выходъ. И пришедъ, о-среди церкви стоя, какъ прошѣли пѣвчіе: «и нынѣ,» Архидяконъ говорилъ: «Господу помолимся!» и Св. Патріархъ говорилъ молитву: «Вечеръ и утро;» и по молитвѣ, подносилъ Св. Патріарху Святое Евангеліе цѣловать; и Архидяконъ отшедъ, говорилъ: «Премудрость прости!» И запѣвалъ Св. Патріархъ самъ: «Свѣте тихій,» со всеми Властями, и Діаконы, и пѣвчими. И освѣтилъ троесвѣщіемъ и двое-свѣщіемъ на церковь креститъ; и вшедъ во олтарь, и на дверехъ цѣловали Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и престолъ. И взявъ кадило у Протодьякона, и кадилъ престолъ и олтарь, и вышелъ изъ олтаря, надъ дверьми сѣнь и на стороны, — Спасителявъ и Богоматерева образъ; Архидяконъ ходилъ передъ нимъ съ троесвѣщіемъ, а Подъяки за престоломъ, у горняго мѣста, пѣли: «Исползаети, деспота.» И какъ прошѣли и Св. Патріархъ окадилъ, и къ пареміямъ Архидяконъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмомъ.» И канархистъ читалъ въ Тріоди пареміи рядомъ; и послѣ паремій «Пакъ,» малые Діаконъ говорилъ. И Архидяконъ послѣ ектеньи возглашалъ: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны!» И по ряду была Божественная Литургія Великаго Вадиана. И послѣ отпуста Литургія Св. Патріархъ, освѣтилъ троесвѣщіемъ и двое-свѣщіемъ, и сошелъ съ амвона, а пѣвчіе прошѣли многолѣтны. И сошедъ, принявъ у Архидякона, кадило, и покадилъ на столъ сопреди хлѣбъ и вино, и говорилъ молитву, подносилъ Благочестивому Государю хлѣбъ, и Архіеромъ подавалъ, и Болгаромъ и Архимандритомъ, и Игуменомъ, и всему народу. И Благочестивый Го-сударь, принявъ хлѣбъ у Св. Патріарха, и вышелъ изъ церкви

хорошы, а Св. Патріархъ раздавалъ хлѣбъ. И вѣчалъ во олтарѣ и разоблачился. И вышли, отцѣвъ, изъ церкви въ Крестовую, двѣнадцать часовъ пробило дня.

Апрѣля въ 15 день, въ Субботу Страстныхъ Недѣль Св. Поста, въ вечеру благовѣсть въ соборѣ былъ въ полчаса ночи, ко чтенію, къ Дѣянію Апостольскому. И соборяне читали Дѣяніе, Пошы и Діаконы, перешѣная. А Св. Патріарха у чтенія въ соборѣ не было. А какъ прочли Дѣянія всѣ, и пѣли по Тріоди, вмѣсто Повечерія и Полунощницы, канонъ Субботы Великія, что на Утреніи на двѣнадцать, а къ тропаремъ прицѣвали зацѣвы изъ Іермологія пѣсан воскресныя. Прочли и отпѣли въ четыре часа ночи.

Панихида ко Морозовичъ.

Съ 333 л. по 340 л. идетъ пробѣлъ, а 340-й л. начинается 202-мъ годомъ. На немъ написано:

Ноября въ 1-й день, въ Среду, въ вечеру на Четвертокъ, послѣ Вечерни, въ соборѣ была панихида по Болярничъ Бористъ Ивановичѣ, да по супругѣ его, Аннѣ Ильичнѣ, Морозовыхъ. Панихиду отпускалъ самъ Св. Патріархъ, и съ нимъ былъ Митрополитъ Рязанской да Епископъ Воронежской, и Архимандриты, и Игумены всѣ.

А въ Чудовѣ монастырѣ надъ тѣлеса ихъ панихиду отпѣвалъ Крутицкой Митрополитъ, а съ нимъ былъ тутешній Архимандритъ, да Спаса Ефимьева монастыря Архимандритъ, да Златоустовской Игуменъ. Да по утру въ Четвертокъ Литургію служили въ Чудовѣ они жъ, которые были у панихиды.

Сырная Недѣля.

202 года, Февраля въ 18 день, въ недѣлю Сырныхъ Недѣль ко Всенощному въ соборѣ благовѣсть былъ за семь часовъ до дня. У Всенощнаго въ соборѣ былъ Митрополитъ Рязанской.

Св. Патріархъ Всенощное слушалъ у себя, въ Крестовой. На крылосахъ пѣли пѣвчіе.

Въ той же день въ Литургіи благовѣсть въ соборѣ была въ полтора часа. Литургію въ соборѣ служилъ тотъ же Владимскій Митрополитъ, а съ нимъ служилъ: изъ Казани Архимандритъ Преображенской, да изъ за вѣтеннаго ряду Архимандритъ Богомысленской, да два Игумена: Новинскій да Златоустовской.

Св. Патріархъ Литургію слушалъ у себя, у Двадцати Апостоль, а ни гдѣ не служилъ. А на крылосахъ пѣли пѣвчіе,

Л. 342. Въ тое жъ Сырнуу Недѣлю, въ началѣ девятого часа дни, до Вечерни, Благочестивые Государи были въ соборѣ оба, безъ благовѣсту и безъ звону. А Св. Патріархъ со Влаотыма въ соборѣ былъ же, но повѣсткѣ, и облачался въ облаченію малое. И Благочестивые Государи, какъ пришли въ соборъ и намянались у Св. Иконѣ, и прикладывались у Чудотворцовыхъ мощей, по обычаю; а въ то время пѣвчіе пѣли многолѣтіе. И обшедь всю церковь, пришедъ къ мѣсту Патріаршу, благословлялись у Св. Патріарха, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ, Государей, рукою, а не Крестомъ, Креста не выносилъ изъ олтаря. И Протодьяконъ вышелъ изъ олтаря въ стихарѣ, съ кадиломъ, и говорилъ ектеңью сугубую, передъ Спасителевымъ образомъ. А Благочестивые Государи стояли на подножнѣхъ въ то время у мѣста Патріарша; и Св. Патріархъ стоялъ съ ними жъ у мѣста на орлецѣ; а Царскія двери были отворены; а Протопопъ во облаченіи стоялъ во олтарѣ предъ престоломъ. И какъ Протодьяконъ говорилъ ектеңью и соборіане всѣ, во облаченіи, на крылосѣ пѣли: «Господи, помилуй!» И проговоря ектеңью, Протодьяконъ кадилъ Благочестивыхъ Государей и Св. Патріарха, и державы, и посохъ. А послѣ ектеңи Протопопъ говорилъ возгласъ и, по каженіи, Протодьяконъ говорилъ: «Премудросты!» Протопопъ говорилъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и «Слава тебѣ, Христе Боже!»

И Св. Патріархъ вошелъ на амвонъ, и ста на орлецѣ, и возъ въ руки Крестъ, говорилъ молитву, обратясь на западъ, къ народу: «Владыко многомилостиве!» И послѣ молитвы соборіане пѣли: «Господи, помилуй!» трижды, — то было и вѣсло отпусту. А какъ молитву говорилъ, и въ то время Благочестивые Государи оцѣли на колѣнѣхъ, преклоня главы, и Власти всѣ, и народъ весь, также

прелома главы, стояли на колѣняхъ. И, проговоря молитву, селъ съ амвона и сталъ на полѣдной степени амвона, отъ крылосовъ, на орлець, а Крестъ въ рудѣ имуше, говорилъ самъ прощеніе. И потомъ, пришедъ Благочестивые Государя, тожь говорили прощеніе, и Св. Патриархъ, прощая, благословлялъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ. И потомъ благословлялъ Архіереовъ, и Боларъ, и Власей, и народъ; и отдалъ Крестъ на ижеу и сталъ у мѣста своего. И Благочестивые Государя жаловали къ рукѣ Архіереовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Соборянъ, и Архидьякона, и Ризничъ, и Дьякововъ, и Приказныхъ Св. Патриарха. И вышли изъ собора въ Чудовъ и въ Вознесенской, и потомъ въ соборъ ко Архангелу и Благовѣщенію, и потомъ въ хоромы. А въ Чудовѣ и въ Вознесенскомъ звонили для пришествія. А Св. Патриархъ, вшедъ во отарь, и разоблачился. И вышелъ изъ церкви въ Крестовую Палату со всеми Властями, не дождався къ Вечернѣ благовѣсту. Благовѣсть къ Вечерни въ соборѣ былъ за два часа, въ колоколъ въ реуть.

343 л. Февраля въ 18 день. Въ тое жь Сырную Недѣлю къ Вечерни благовѣсть въ соборѣ былъ за два часа до нощи, въ колоколъ въ реуть.

Св. Патриархъ со всеми Властями изъ Крестовой Палаты шелъ фольною лѣстницею, и пришелъ въ соборъ въ Занадныя двери, и стоялъ на мѣстѣ своемъ. А Митрополиты и Архіепископы стояли у праваго стопа, по обычаю: Архимандриты и Игумены стояли у ризы Спасова и у Патриаршихъ гробовъ, у лѣваго столца, по обычаю, какъ бываесть съзвать имъ въ соборъ, для праздниствъ, или панихиды, гдѣ прежь сего стаявали, кто гдѣ, такъ и нынѣ, и слушали Вечерню. Въ началѣ Ключарь Провъ началъ Часъ Девятый, предъ Царскими дверьми, въ ризахъ бѣлыхъ, отласныхъ; и Поддьякъ псаломъ говорилъ чредной, въ стихарѣ въ бѣломъ, у налож, ербаи церкви, у амвона; и Ключарь возглавъ говорилъ, стоя на лѣвой странѣ; и послѣ Девятаго Часа Вечерню началъ предъ Царскими дверьми. И началъ, говорилъ, стоя предъ дверьми, вечерни молитвы, а Поддьякъ говорилъ псалмы: «Благослови, душе моя, Господа!» И протодьякъ, вышедъ изъ олтаря въ Сѣверныя двери, въ бѣломъ отласномъ стихарѣ, и послѣ псалма поворачивъ предъ дверьми олтарью

большую: «Маромъ Господу помолимся!» а «Господи, помилуй!» пѣли на крылосахъ соборные, по обычаю, какъ и въ прочіе дни поютъ. А Ключарь послѣ поалама и вошелъ во олтарь Южными дверьми и, стоя предъ престоломъ, послѣ ектеньи, говорилъ возгласъ: «Яко подобаетъ тебѣ.» И соборные, цо возгласѣ, пѣли: «Господи, възвахъ,» во гласъ изъ Тріоди, и у конархиста прінимали стихирьы на «подобенъ». А Протодьяконъ, проговоря ектенью и вшедъ во олтарь, и кадилъ престолъ вкругъ и олтарь, и, вышедъ изъ олтаря, кадилъ надъ Царскими дверьми сѣнь, и мѣстныя Иконы, и Св. Патріарха, и Архіереевъ, и крылосы, и всю церковь. И какъ прошѣли: «Слава, и нынѣ,» и вышя на выходъ два Подьяька въ стихаряхъ, съ подсвѣщниками, а за ними Протодьяконъ съ кадиломъ, въ стихарѣ жъ, а позади ихъ Ключарь въ ризахъ; а Протодьяконъ, вышедъ, кадилъ наложную Икону и Св. Патріарха, и, благословясь, говорилъ за амвономъ, предъ дверьми: «Премудрость прости!» и вшелъ во олтарь. Соборные пѣли: «Свѣте тихій.» И потомъ сказывалъ конархистъ прокимень: «Не отврати лица твоего отъ отрока твоего,» со стиха, какъ напечатано въ Тріоди. И потомъ Св. Патріархъ говорилъ самъ: «Сподоби, Господи, въ вечеръ сей,» съ поклоны. И потомъ Протодьяконъ говорилъ ектенью: «Исполнимъ вечернюю молитву нашу Господеви,» и прочая. И послѣ ектеньи и возгласа конархистъ сказывалъ стиховню. И послѣ стиховни Св. Патріархъ говорилъ: «Нынѣ отпускаеши.» И Подьяьконъ послѣ говорилъ: «Святый Боже,» и тропари: «Богородице дѣво, радуйся» и проч. съ поклоны, и «Господи, помилуй!» сорокъ разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Честнѣйшую Херувимъ,» «Именемъ Господнимъ благослови!» И Ключарь говорилъ возгласъ: «Сый благословенъ.» И Св. Патріархъ говорилъ: «Небесный Царю.» И потомъ положили три великіе поклоны, съ молитвою: «Господи и владыко живота моего,» во всей церкви. И потомъ Ключарь говорилъ, отворя двери. «Слава тебѣ, Христе Боже!» и отпустъ, и на крысоѣ пѣли многолѣтье. И послѣ отпуста Вечерня. Св. Патріархъ сошелъ съ мѣста своего и взялъ у Подьяька посохъ въ руку, и знаменался у Св. Иконъ, правую страну рядомъ, и Чудотворца Филиппа мощи цѣловалъ, и потомъ лѣвую страну, и Чудотворца Петра мощи цѣловалъ, и потомъ Чудотворца Іоны мощи цѣловалъ, и ризу Спасову, и надъ Патріаршими гробами прощался. А какъ съ мѣста пошелъ знаменаться у Св. Иконъ, и пѣвчіе запѣли

удивленіе о случившемся. При возгласѣ Протодіакона: «Благословите тріе отроцы,» Ангела вновь слускали въ пещь съ трусомъ и громомъ, а потомъ снова поднимали его въ верхъ, гдѣ онъ и оставался до конца дѣйства, какъ бы парящимъ надъ пещію. Послѣ всего этого Халдеи подходили къ пещи и, открывъ пещныя двери, вызывали оттуда отроковъ, которые и выходили изъ пещи, одинъ за другимъ. По совершеніи чина Пещнаго дѣйства догѣвали Заутреню по Чину и по Уставу; а послѣ Заутрени пещь снимали и поставляли снова заново. По отпустѣ Утрени отроки и Халдеи провожали Святителя въ Крестовую келью, при пѣніи отроками стиха: «Студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ, чтущимъ тя.» Передъ Обѣденою же отроцескій учитель съ отроками и Халдеями снова приходитъ къ Святителю въ Выходную Палату, гдѣ, по облаченіи отроковъ въ стихари и въ вѣнцы, ожидали выхода Святителя; по выходѣ же Святителя провожали его въ Соборную церковь, при пѣніи отроками стиха: «Яко песокъ въ скрай моря,» и оставались тамъ до окончанія службы, участвуя, по установленному Чину, съ прочими сослужащими. Послѣ Обѣдн у Святителя бывалъ столъ, во время котораго отроки стояли противъ Святителя до третьей вѣствы, и, по приказанію его, пѣли стихи пещныя, за что и получали отъ Святителя подачи. Въ тотъ же день Святитель самъ служилъ Вечерню, въ которой также участвовали и отроки и Халдеи.

Замѣчательно въ этомъ церковномъ уставѣ еще и то, что весь разговоръ Халдеевъ между собою и съ отроками происходилъ не на церковномъ, а на народномъ, языкѣ.

Чинъ этого дѣйства напечатанъ вполне въ Новиковской Визліонкѣ (VI ч., стр. 363—390), въ концѣ котораго сдѣлана отмѣтка: «Взято изъ Патриаршей Книгохранительницы, изъ книги, называемой «Уставъ Церковной Новгородской,» № 490.»

Дѣйство Страшнаго Суда совершалось въ Воскресенье передъ Мясницею, преимущественно внѣ Собора, и заключалось въ слѣдующемъ:

На площади, за алтаремъ Успенскаго Собора, устраивали мѣста для Государя и Патриарха. Противъ Патриаршаго мѣста ставили рундукъ или подмостья, которыя покрывались краснымъ сукномъ, а на нихъ ставили Образъ Страшнаго Суда и другія Иконы. По выходѣ Государя съ Патриархомъ, начиналось пѣніе стихирь, потомъ водосвѣщеніе, а за тѣмъ чтеніе Евангелія, которое читали изъ всѣхъ четыре стороны. Послѣ чего Патриархъ открывалъ губою образъ Страшнаго Суда, а также и другія Иконы, пропилъ Святою водою Государя, Властей и народъ, и дѣйство кончалось.

* По Указателю Архимандрита Саввы, этотъ Уставъ показанъ, но ошибкѣ, въ Уставѣ Успенскаго Московскаго Собора, подъ № 695. Въ подлинномъ Уставѣ описаніе Пещнаго Дѣйства начинается съ оборота 142 листа.

О

ШВЕДАХЪ ПОДЪ ПОЛТАВОЙ И ПЕРЕВОЛОЧНОЙ.

I.

Списокъ Шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ оба дня сраженія при Полтавѣ,
27 и 28 Іюня, 1709 г. ¹

Первый Министръ, Оберъ-Маршалъ и Тайный Совѣтникъ,
Графъ Шинеръ. ¹

Генераль-Фельдмаршалъ и Тайный Совѣтникъ Графъ
Реншѣльдъ.

Генераль-Маіоры: Шлиппенбахъ, Стакельбергъ, Гаммель-
тонъ, Розенъ.

Полковники: Принцъ Виртембергскій, Эншѣльдъ, Горнъ,
Аппельгрень.

---

¹ Заимствовало изъ рукописи, писанной Шведскимъ Прапорщикомъ и Финляндскимъ уроженцемъ, Карломъ Фрисомъ (Fryz), взятыхъ въ плѣнъ и сосланныхъ въ Тюмень, что можно заключить изъ надписи на корешкѣ рукописи: «Tutbén. A^o 1714, d. 6 Decemb.» Рукопись принадлежитъ Финляндскому Литературному Обществу.

² Именной списокъ любопытенъ также въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на происхождение многихъ господъ, достигшихъ въ Россіи почестей и богатства.

Подполковники: Паленъ, Ребиндеръ, Зассе, Модье, Сиклеръ, Врангель, Спенсъ.

Маіоры: Видмейеръ (Вейдемейеръ?), Штрикъ, Брюнно, Рейтеръ.

Ротмистровъ 11, Капитановъ 42, Капитанъ-Поручикъ 1, Полковыхъ Квартермистровъ 3, капралъ драбантовъ 1, драбантъ 1, Королевскій Гофквартермистръ 1, Поручиковъ 53, Корнетовъ и Прапорщиковъ 53, Адъютантовъ 3, Унтеръ-Офицеровъ конныхъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ 201, нижнихъ чиновъ 2,523, трубачей 7, полковыхъ фельдшеровъ 4, ихъ помощниковъ 4, полковыхъ Коммисаровъ 3, гобюстовъ 12, барабанщиковъ 24, Секретарей 2, Канцеляристовъ 2, Провѣдникъ Королевскаго Двора Нордбергъ, штандартовъ и другихъ знаменъ 137, пушекъ 4, серебряныя литавры 1, другихъ 3; множество оружія; багажныхъ телегъ 3,000.

И того Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 189, нижнихъ чиновъ 3,178, гражданскихъ чиновъ 59.

II.

Списокъ Русскихъ, которые въ эти же дни были при Полтавѣ убиты, или ранены.

Убитые въ кавалеріи: Полковникъ 1, Маіоры Кропотовъ и Ekestchelt (?), Капитановъ 12, Поручиковъ 7, Прапорщиковъ 8, Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и нижнихъ чиновъ 593.

Убитые въ пѣхотѣ: Бригадиръ Feilenhen (?), Полковникъ 1, Капитановъ 6, Поручиковъ 6, Прапорщиковъ 6, нижнихъ чиновъ 691.

Раненные въ кавалеріи: Генераль-Поручикъ Рениъ (Rehn), Полковниковъ 2, Подполковниковъ 3, Маіоровъ 4, Капитановъ 26, Прапорщиковъ 19, нижнихъ чиновъ 1,381.

Раненные въ пѣхотѣ: Бригадиръ Полонскій, Полковниковъ 3, Подполковниковъ 2, Маіоровъ 4, Капитановъ 4, Капитанъ-Поручиковъ 7, Поручиковъ 5, Адъютантовъ 2, Прапорщиковъ 5, нижнихъ чиновъ 1,784.

Убитые въ артиллеріи: Сержантъ 1, канонировъ 3, прислуги 5. Раненыхъ: канонировъ 2, прислуги 9. И того всѣхъ убитыхъ 1,344, раненыхъ 3,292.

Шведовъ осталось на полѣ сраженія 8,619. Несправедливо, что раненыхъ своихъ Шведы сами убивали и бросали на дорогѣ.

Ш.

Акордъ (капитуляція) между остатками Шведскихъ войскъ и Московскою арміею при рѣкѣ Дибирѣ.

Высочайшимъ именемъ Его Великоцарскаго Величества Великороссійскаго и пр., и пр., съ одной стороны, и Его Шведскаго Королевскаго Величества и пр., и пр., съ другой, заключенъ ниже подписавшимися командующими господами Генералами слѣдующій акордъ:

1. Состоящія подъ начальствомъ Е. С., Генерала, Графа Левенгаупта, Шведскія войска, всѣ вообще, какъ Генералы, Офицеры, такъ и нижніе чины, со всѣмъ, что состоитъ при войскахъ, сдаются военнопленными Его Царскому Величеству на слѣдующихъ условіяхъ:

2. Всѣ вообще нижніе чины: солдаты, конные, драгуны и мушкетеры, какъ бы они ни именовались, должны положить оружіе и остаться военнопленными до выкупа, съ сохраненіемъ мундировъ и всего того, что у нихъ находится, исключая оружія и амуниціи; всѣ лошади, исключая Офицерскихъ, точно также сдаются Е. Ц. Величеству.

3. Г. Генералы, Офицеры всѣ вообще, съ состоящимъ при нихъ персонѣмъ багажемъ и экипажемъ, при заключеніи мира между

Его Царскимъ Величествомъ и Его Королевскимъ Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, должны быть освобождены безъ выкупа и разкупа, до того же времени обходиться съ ними прилично (honnet), также позволять имъ на слово отпраляться къ своимъ на известное время.

4. Шведская артиллерія съ амунициею, знаменами, штандартами и упряжью, а равно и Королевская Шведская и полковая касса, которая находится въ станѣ, будутъ переданы Его Царскому Величеству.

5. Запорожцы и другіе мятежники, которые окажутся при Шведскихъ войскахъ, будутъ выданы Его Царскому Величеству.

Для скрѣпленія выше упомянутого акорда и вѣрнѣйшаго держанія его, будутъ этѣ пункты подписаны, съ приложеніемъ печатей, командующими Генералами Его Царскаго Величества и также командующими Генералами Шведской арміи и изготовлены въ двухъ экземплярахъ. Учинено въ Главной Квартирѣ при Переловчѣ, 30 Іюня (1 Іюля), 1709 года.

Александръ Меншиковъ.

Всѣ Гг. Генералы и Офицеры удержатъ весь свой багажъ и прислугу; точно также и Комиссары, Аудиторы, Секретари, полковые Пасторы, фельдшеры и всѣ равные имъ Офицеры удержатъ багажъ и прислугу.

Александръ Меншиковъ.

IV.

Списокъ Шведскому войску, сдавшемуся Его свѣтлости, Князю Меншикову, по капитуляціи военнопленными при Переловчѣ, 30 Іюня (1 Іюля), 1709 г.

Генералъ и Губернаторъ Города Риги, Графъ Левенгауптъ, Генералъ-Маіоры: Крузе и Крейцъ, Генералъ-Адъютантъ 1.

Конные полки: Лейб-Региментъ, Шведскаго Дворянскаго знамени, Эстляндскаго тоже, Абовскій, Смоленскій, Нюландскій, Остготскій, Карельскій, Сѣверной Шонии, Южной Шонии, Генераль-Маіора Крузе. Драгунскіе полки: Лейбъ-Драгунскій, Веннерстета, Шлиппенбаха, Шрейтерфельса, Мейерфельса, Гіельма, Таубена, Дикфа, Альбендилья, Гильденштерна, Принцевъ.

Полковники: Гельмъ, Дикеръ, Гильденштерна, Лешернъ, Таубе, Рамсвердъ, Веннерштеть. Подполковники: Гагендорнъ, Фрейденфельдъ, Платтеръ, Коульборсъ, Левенгауптъ, Эрнштедъ, Кронъ, Свабенъ, Фрейманъ, Траутоттеръ. Маіоровъ 15, Ротмистровъ и Капитановъ 182, Поручиковъ 217, Корнетовъ 215, Полковыхъ Квартмистровъ 10, Адъютантовъ 17. Всѣхъ конныхъ и драгунскихъ Оберъ-Офицеровъ 673. Пасторовъ 26, Комиссаровъ 4, писарей 48, фельдшеровъ 20, ихъ помощниковъ 44, литавриковъ 13, барабанщиковъ 67, трубачей 93. Всякихъ мастеровъ, профосовъ и фургонщиковъ 528.

Пѣхота: Вся Королевская гвардія съ Полковникомъ Посе, Маіоръ Оксенштерна, Капитановъ 7, Поручиковъ 11, Прапорщиковъ 31, Адъютантъ 1, Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 1,317. Сверхъ того: Комиссаръ 1, Гевальдигеръ 1, Пасторовъ 6, писарей 7, гобонетовъ 6, барабанщиковъ и флейщиковъ 52, профосовъ 13. Пѣшіе полки: Упландскій, Далекарліи́скій, Вестманляндскій, Вестерботтенскій, Седерманляндскій, Вермляндскій, Эстерготскій, Ёнчепингскій, Вестерготскій, Кронобергскій, Кальмарскій.

Полковники: Кронманъ, Фокъ. Подполковники: Грисбахъ, Юнге, Арвидсонъ, Брюншельдъ. Маіоры: Сильверспоре, Оксе, Рамзай, Беръ. Капитановъ 60. Капитановъ-волонтеровъ 2. Поручиковъ 62, Прапорщиковъ 71. Квартермистровъ 8. Адъютантовъ 6. Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 3,358. Сверхъ того: Комиссаровъ 5, Пасторовъ 6, Аудиторовъ 4, фельдшеровъ 15. И того Оберъ-Офицеровъ 960, Унтеръ-Офицеровъ 942, нижнихъ чиновъ 12,892.

Артилерія. Подполковниковъ 2, Маіоръ 1, Капитановъ 4, Поручиковъ 6, Адъютантъ 1, Прапорщиковъ 6, Штыкъ-Юнке-

ровъ 15, Сержантовъ 11, Констаблей 32, ихъ учениковъ 17, прислуги 49, минеровъ и унтерминеровъ 13, Фельдцейхмейстеръ 1, Оберъ-Штальмейстеръ 1, Квартермистръ 1, Пасторовъ 2, Аудиторъ 1, цейхвахтеръ 1, фельдшеръ 1, Оберъ-Вахмистръ 1, унтеръ-Штальмейстеровъ 2, Нотариусъ 1, Унтеръ-Адъютантъ 1, Фурьеровъ 19, мастеровыхъ и невоенныхъ чиновъ 315.³

Всей конницы, драгуновъ, пѣхоты и артиллеріи 14,987 человекъ съ невоенными чинами 16,288 человекъ.

Сверхъ того: Королевскій Камергеръ Гюнтерфельдъ, Придворный Аптекарь, Квартермейстеръ, 3 Кригсъ-Коммисара и 5 провіантъ-писарей и придворныхъ служителей, знаменъ и штандартовъ 142 орудій: 4 мѣдныхъ 6 фунт., 1—5 фунт., 12—2 фунт., 2 гаубитцы 16 фунт., 4 мортиры 6 фунт., 4—2 фунт. 3 желѣзныхъ 3 фунтовыхъ.

Сообщ. Соревнователь А. Чумиковъ.

---

³ Подробности о составѣ и организаціи Шведскихъ войскъ любопытны и потому, что Шведская армія послужила образцомъ для военныхъ преобразованій Петра I

МАТЕРІЯЛЫ
ДЛЯ
ИСТОРИИ БЕЗПОПОВЩИНСКИХЪ СОГЛАСІЙ
ВЪ МОСКВѢ,
ФЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА
И
ПОМОРСКОЙ МОНИНСКАГО СОГЛАСІЯ,
СОБРАННЫЕ
НИКОЛАЕМЪ ПОПОВЫМЪ.
съ приложеніемъ двухъ портретовъ.

М

М

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОВАЛЕВИЧЪ.

(Родился 1731 г. умеръ 1809 года.)

Библиотека "Руниверс"

Прилагаемый при семъ портретъ Илья Алексѣевича Ковылина, литографированъ съ оригинальнаго портрета масляными красками, писаннаго съ натуры, вскорѣ послѣ слѣдующаго замѣчательнаго съ Ковылиннымъ происшествія:

Ковылинъ имѣлъ кирпичный заводъ, и ставилъ кирпичъ на казенныя постройки, именно для строившагося тогда Военнаго Госпиталя въ Москвѣ, въ Лефортовской Части. Кирпичъ принимали отъ него, какъ видится, съчетомъ, такимъ образомъ: пріемщикъ сосчитывалъ двѣ стороны паралелограмма, составляющаго поверхность всего сложеннаго кирпича, равно кирпичи, составляющіе высоту, и изъ этихъ данныхъ выводилъ кубическое содержаніе цѣлой сложенной массы.

Бывшій тогда главнымъ распорядителемъ работъ, Генералъ Безобразовъ, получилъ донесеніе, что въ громадной грудѣ сложеннаго близъ постройки кирпича, есть порожнія мѣста, заложеныя только сверху на подмосткахъ; что, такимъ образомъ, принятый порядокъ счета ошибоченъ, и что Илья Ковылинъ получаетъ деньги за такой кирпичъ, котораго и не думалъ доставлять. Генералъ Безобразовъ рѣшился лично освидѣтельствовать кирпичъ и потребовалъ, чтобы Ковылинъ при этомъ присутствовалъ. Явившійся Илья предчувствовалъ грозу, но надѣялся, что, Богъ дастъ, Генералъ не отыщетъ его плутней. Но его Превосходительство безъ дальняго взобрался самъ на кирпичную крѣпость, и давай рассказывать да постукивать палочкой.

На одной изъ подмостковъ и подпорокъ, неловко подставленныхъ, Генералъ провалился, ушибся, и неудовольствіе его противъ коварнаго подрядчика превратилось въ ужасный гнѣвъ. Выведенный изъ терпѣнія неосновательными оправданіями поставщика, раздраженный начальникъ схватилъ его за бороду, и провинившійся возвратился домой съ клинообразной, короткой и рѣдкой бородкой, вмѣсто прежней густой и овладистой.

II

Эти «дѣла давно минувшихъ дней» дошли до нашего времени по преданіямъ самимъ же Θεодосіевцевъ. Я же, кромѣ того, имѣю записки одного изъ извѣстныхъ современниковъ, въ которыхъ это плачевное, для Преображенскаго кладбища, событіе описано съ большими подробностями. Приложенный здѣсь портретъ, повторю еще разъ, есть копія съ сохранившагося у меня оригинала, писаннаго масляными красками, который былъ сдѣланъ вскорѣ послѣ происшествія съ обезображеннаго уже Ковылина. На свитеѣ, который въ лѣвой рукѣ его, находится слѣдующая надпись самодѣльнаго сложенія:

«Кто Православную Вѣру * усердно соблюдаетъ,
Того она прославляетъ и отъ бѣдъ избавляетъ,
По преселеніи жъ отъ временной жизни,
Царствія Небеснаго сподобляетъ и съ Богомъ соединяетъ.»

---

* То есть: Христову, а не Ковылинскую.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде помѣщенія ниже матеріаловъ мы выскажемъ, въ общихъ чертахъ, о характерѣ нашего изданія.

Съ 1863 года я предпринялъ изданіе Сборника для исторіи Старообрядчества. Цѣль нашего труда была выяснить, какъ причины отпаденія отъ Церкви разновѣрующихъ, такъ и указать ихъ заблужденія съ документальной точностію, словомъ, ихъ собственными сочиненіями, письмами, уставами и проч. Задавая себѣ подобный трудъ, способствующій разработкѣ Раскола, мы думали встрѣтить вниманіе, сочувствіе къ нему, по крайней мѣрѣ, тѣхъ лицъ, которыхъ прямою обязанностію было защищать интересы Православія Церкви Русской отъ тлетворнаго ученія Раскола; но чѣмъ ближе мы подходили къ заданному вопросу, тѣмъ болѣе и болѣе переносили всевозможныя неудобства относительно печатанія нашего Сборника; въ слѣдствіе сего и самая программа нашего изданія пострадала въ значительной мѣрѣ. Но такъ ли, иначе, въ теченіе четырехъ лѣтъ было издано пять книжекъ Сборника; слѣдовательно, читателю есть уже возможность почерпнуть тѣ свѣдѣнія о Старообрядствѣ, которыя проливаютъ ясный свѣтъ на прошлый и современный Расколъ.

Строгой изслѣдователь въ Сборникѣ нашемъ не встрѣтитъ систематической и хронологической послѣдовательности; въ Сборникѣ есть пробѣлы по исторіи Раскола, но повторимъ, что это уже произошло «отъ независящихъ отъ издателя причинъ.» Кто только имѣлъ дѣло съ печатнымъ трудомъ, и при томъ о Расколѣ, тотъ полною поиметъ этѣ причины, и оцѣнитъ нашъ трудъ по изданію Сборника.

Ниже помѣщенные матеріалы о Безпоповщинскомъ Расколѣ, сосредоточенномъ въ Москвѣ, есть не болѣе, какъ дополненіе къ нашему Сборнику о Расколѣ.

Мы не будемъ утомлять читателей подробностями касательно исторіи Раскола: о всеѣмъ это нами было сказано уже въ вышедшихъ частяхъ Сборника нашего, но перейдемъ къ тѣмъ матеріаламъ, которые заняли теперь мѣсто въ журналѣ: «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.»

Все ниже помѣщенные письменные документы относятся исключительно къ Теодосіевцамъ Преображенскаго кладбища и ихъ враждебнаго Согласія, образовавшагося изъ среды самихъ же Теодосіевцевъ—Ново-Поморцевъ или, такъ называемаго, «Монинскаго Согласія въ Москвѣ.»

Читатели увидятъ изъ нашего вступленія къ Монинскому Согласію, кто былъ главнымъ представителемъ онаго, а равно и прочтутъ обличительныя сочиненія на Теодосіевцевъ. Мы не задавали себѣ труда, съ своей стороны, входить въ точное изслѣдованіе съ исторической, или полемической, стороны относительно помѣщенныхъ нами документовъ той и другой секты: это уже есть не нашъ трудъ; мы подобрали только тѣ матеріалы Безпоповщинскаго Раскола въ Москвѣ, которые объясняются сами собою, безъ посторонняго вмѣшательства.

При печатаніи, съ своей стороны, мы нашли нужнымъ, къ нѣкоторымъ документамъ прибавить нѣсколько объяснительныхъ словъ, а къ другимъ сдѣлали свои примѣчанія, по чему либо намъ казавшіяся необходимыми.

Николай Половъ.

I.

ЖИТИЕ

ОЕОДОСИЯ ВАСИЛЬЕВА, ОСНОВАТЕЛЯ ОЕОДОСИЕВСКАГО СОГЛАСИЯ,

НАПИСАННОЕ СЫНОМЪ ЕГО, ЕВСТРАТОМЪ,

въ 7250-мъ году.

Сей убо преславный и досточюдный учитель Оеодосій, родство свое ведый отъ прадѣда и дѣда, и прочихъ по роду восходящихъ, благородныхъ Усовыхъ Дворянъ или Урусовыхъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ жительствующихъ. Въ разореніе же Московское отъ Поляковъ, дѣду его, именемъ Евстратію, въ плѣнъ взяту бывшу, и 16 лѣтъ тамъ препроводившу, егда же оттуду изыде, не восхотѣ жити въ Москвѣ; уже бо родители его умроста. Сродники же внія избіени, ниія же въ плѣнъ взяти, и имѣнію ихъ разграблену бывшу, и домогъ сожженнымъ. Понеже злымъ онѣмъ Божиємъ поущеніемъ, царствующимъ градомъ три лѣта владѣвшимъ, великое разореніе тамо сотвориша. Пойде убо той въ Великій Новградъ, и случися ему быти на рѣцѣ, нарицаемой Мстѣ, въ селѣ Морозовичахъ. Бяше бо ту церковь Святителя Николы, и нача тамо пребывати. Любаше убо зѣло церковное благолѣпіе, и премного искусенъ бяше чтенію и пѣнію церковному.

За благій же его разумъ любяху тамо живущіи населницы и окрестъ сущіи, а наипаче благородные Дворяне: Трусовы,

Третьяковы, Нашекины, и прочіи, и почитаху вельми, и понудша его жену поняти. Онъ же закономъ брака жену поемъ, и дѣти съ ней породи. Отъ нихъ же единъ бѣ сынъ его, именовъ Василій, родитель чуднаго Оеодосія, иже рукоположенъ бысть во Іереи въ Крестецкой Ямъ, ко церкви Святителя Никиты, Новгородскаго Чюдотворца.

Живя же тамо, не вмалѣ скорбѣше о возмущеніи церковномъ, отъ Никона Патріарха сотворенномъ. Гоненія и мученія страхомъ содержимъ, не отступи отъ Церкви. Обаче держащій святые Древлецерковныя законы не гоняше, но усердиѣ всячески покрываше и соблюдаше. Ту и со отцемъ своимъ умре, оставивъ жену и три сыны по себѣ: Оеодосія, Леонтія и Георгія, младостию цвѣтущихъ. Не по многомъ убо времени большій сынъ, о немъ же намъ повѣсть, Оеодосій, церковнымъ бракомъ сочетася со женою. Людіе же того села жалостию умершаго отца и любовію къ сыну содержимы, поемше его нуждею, не хотяща вельми, повезоша въ Великій Новградъ, къ сущему тогда Корнелію Митрополиту, и молаху его, дабы рукоположилъ имъ онаго на отцево мѣсто Попомъ. Архіерей же, за младость, на время поповство ему отложи, и оному отрицающуся, во Діакономъ сего имъ постави. Исперва убо живуще при оной церкви въ Діацествѣ чинѣ, ревнуя по Никоновымъ новопреданіямъ, начатъ жестоко дѣлаться о отставшихъ за тая отъ Церкви, не отческою милостию хвалася, но гонительною злобою грозася.

Егда же Божіею всецедрою благодатию, коснувшееся сердцу его и умнѣи души, прясѣщенъ бывъ, и отъ нѣкихъ боголюбивѣйшихъ мужей услышавъ о бывшемъ премѣненіи, готову ниву мѣта разума благаго своего къ пріятію таковыхъ сѣмень, позна абіе древнее Святыя Апостольскія Церкви благочестіе и Никоновымъ новинъ пагубное злочестіе. Вскорѣ потомъ, въ собраніи всего тамо народа, Діацества отречася. И дерзновенно и ясно возвѣстивъ, чесо ради сего отречася: яко по новоизложеннымъ догматамъ въ новопечатныхъ книгахъ не возможно отнюдь спасенія получитьи, возгнушася убо и крещенія и прочихъ таинствъ, дѣйствующихъ отъ Никоніанъ, подъ благословеніемъ пяти перстовъ, чрезъ литеры въ новопечатныхъ книгахъ преданныхъ Ва-

колаемъ Малаксомъ развратно. И по святымъ правиламъ, отъ нѣкоихъ правобѣрныхъ Христіанъ, содержащихъ Древлецерковное святое Православіе неизмѣнно, пріять святое крещеніе и нареченъ бысть Діонисій. Тако же и жена его съ сыномъ и со дщерію младенцема и два брата его крестишася. И оставльше домъ и оное село, отъидоша и съ матерью своею во иное не далече, яко пѣть поприщъ. Тамо въ безмолвіи живуще, работаху Богу. По немнозѣмъ убо времени, жена его цоживши богоугодно, преставися и со дщерію въ будущую жизнь.

Тогда чудный Теодосій, свободенъ бывъ отъ супружнаго яга, усердно соблюдале Древлецерковная содержанія, и житію чистому зѣло прилежале, и добродѣтельному спѣванію усердно внимале. Къ тому же Священная Писанія прилѣжно чтяше, желая постигнути лежащую въ нихъ духа глубину. Иже и собравъ отъ нихъ преизобильное богатство духовныя благодати, многую премудрость, преизящное вѣдѣніе, яко люботрудная пчела медвенные соты, или яко губа привлече сладчайшія воды. Блже бо мужъ остроты чудныя, ума скоростижнаго, разума всеобъятнаго, смысла многоплоднаго, памяти крѣпкія и разсужденія великаго.

Видя же Божіе зданіе, по образу Божію и по подобію сотворенныхъ, въ свѣтѣхъ Никоновыхъ новопреданій увязшихъ и гибнущихъ, воспріять ревностное тѣжаніе о обращеніи и спасеніи: чловѣковъ. Еще же и отъ другихъ духовныхъ мужей, усмотрѣвшихъ преизобиліе сущаго въ немъ разума и въ Святѣмъ Писаніи искусства, понужденъ бывъ на сіе дѣло, паче же рещи самѣмъ Богомъ во умѣ озаренъ и позванъ, начать проходить страны, грады, веси и села, не точію въ Россіи сущія, но и въ Нѣмецкихъ и Польскихъ владѣніяхъ лежащія, и учити живущіе въ нихъ народы, благовѣствуя, наставляя и приводя къ свѣту древлесодержимаго Святыхъ отцы благочестія. Тѣмъ же колико множество чловѣкъ отъ Антихристовы прелести изыде, и къ закону истиннаго Православія направи! Коликія народы отъ еретическихъ новозлохитрствъ исторже и на путь отческихъ спасенныхъ заповѣдей настави, ихъ же числу предати весьма невозможно. Слово убо имѣя во ученіи истинное, въ наставленіи благо-

пріятное, во увѣщаніи слогомъ изрядное, въ толкованіи реченій ясное. Таковое возъмѣвъ ученія усердное рачительство, яко зѣло мало даде сна своими очима и вѣкома дреманія, по днень и ноцію, яко кипящій живыя воды источникъ, быстроструйна многородная рѣка, выну Святыми Писаніи поучаше и поучашся. Желательнѣе ему бяхе пици и питія божественныхъ словесъ прочитаніе.

Многіе же труды и подвиги подъя во ученіи своемъ, а наипаче отъ апостатовъ, отступающихъ правыхъ законовъ и благого житія.

Первый подвигъ. Нѣкто бяхе именемъ Иванъ, прозваніемъ Коломенской, и сперва убо со отцемъ Священноинокомъ Варлаамомъ и Іоанномъ Дементіевичемъ, страдальцемъ, въ согласіи бѣ. По страданіи же его, отступивъ онѣхъ благого ученія, и презрѣвъ воздержное житіе, впаде въ великую слабость, не хотя тѣснымъ путемъ ходити, но пространный возлюбивъ, начать пріимати отъ еретикъ крещеніе, еucharистию, рукоположеніе, бракъ и постриженіе, и всякое освященіе во всемъ съ ними имѣти. Послѣдоваша же сему развратному ученію нѣцыми отъ грамотныхъ Христіанъ, ихъ же имена: Прохоръ большой, Григорій Бѣлохвицъ, Венедиктъ, Евсейій Кондратовъ, Мелетій Рушакинъ, Маркъ, Иванъ Москвитинъ и прочіи, иже не мало Христіанъ смутиша и развратиша; зане челоувѣческое естество и широкому пути и разгнѣнному житію удобопреклонно есть, и безъ водящихъ, колима паче съ предводителя, зѣло послѣдовательно. Феодосій же, не терпя зрѣти Христовы овцы ядомъ злаго ихъ ученія окормлены и мракомъ еретичества быти покрываемы, Богомъ укрѣпляемый, съ Спиридономъ Максимовымъ и съ прочими духовными мужи ополчився, ста противъ ихъ доблестно, и различныя бесѣды и прѣнія предъ многими народы многократно съ ними сведе; всегда отъ Святыхъ Писаній вся ихъ аргументы разрѣшаше, и уничтожаше, в премудро препираше ихъ и посрамляше. И убо Христовою благодатию въ конецъ одолѣвъ ихъ, и яко губительныя волны пращею святыхъ правилъ отъ стада овецъ, толь смѣшно студа исполненныхъ, отгна, яко ктому уже не смѣяху в лицу

его приблизитися. Многіе отъ прелести ихъ изведе и къ свѣту праваго пути настави.

Но убо и второй подвигъ дивному учителю Теодосію не мѣше перваго противу сихъ прииде, иже во единой Вѣрѣ, и во единомъ согласіи бяху духовныи люди: Григорій Ондворскій, Тимоѣй и Симонъ Юовы, Дмитрій Пяткинъ, Селивестръ, Митрофанъ, Ипатій и прочіи, но житіе зазорное имаху противно канонамъ. Держаху убо при себѣ дѣвиць, и женъ, и сродницъ, но весьма чужихъ сущихъ. И съ ними овии въ пустыняхъ, инии же во градѣхъ и селѣхъ, пребываху, но на единѣ. Откуда въ таковыхъ и явные зазоры породившася, отъ шпыхъ же лживая провѣщанія, аки бы отъ Святыхъ явленія показашася. Симъ учитель Теодосій исперва на едино лѣто братолюбно начастъ совѣтоваше, моляше и наказоваше, дабы отъ такового сожитія исправился. И егда не исправляхуся, нача предъ людьми шмъ о семъ отъ святыхъ правилъ предлагати, чтобы такое зазорное житіе отложили, они же не послушаху и сопротивляхуся. Тогда и нещадно святыми каноны предъ многими народы обличаше и засвидѣтельствоваше имъ. Видя же онѣхъ не токмо не исправляющихся, но и которы творящихъ велія, по совѣту съ прочими духовными, сотвори съ ними раздѣленіе въ молитвахъ и во всякомъ сообщеніи. Людіе же, видѣвше учителя Теодосіа непорочное житіе и чистое въ Правовѣрїи ученіе, оставльше онѣхъ, присвоившася любовію къ нему.

Славѣ же о ученіи его широко протекшей: ибо не можетъ градъ укрытися верхъ горы стоя, по Господнѣ словеси; и: славыщаго мя, рече, прославлю. Внуши бо ся о немъ отъ многихъ и начальствующимъ Архіереомъ, иже яко звѣріе дивнѣ на ярость подвизахуся, а наипаче Великоновгородскій Митрополитъ Іовъ воздвиже на Правовѣрныхъ. И аще кій отъ Христіанъ пошманъ и приведенъ къ нему бываше: «Кто васъ научи отъ Церкви нашея и таинъ, нами совершаемыхъ, отлучатися?, Убо отъ всѣхъ согласно учитель Теодосій предлагашеся. Больма же на ярость разжегся оный, посла искати прилежно его. Паче же и самъ съ лютою жестотою въ Крестецкомъ Ямѣ, всѣхъ гнаше къ своей Церкви и причащенію, и его зѣльно на мученіе искаше.

Но Божіимъ мановеніемъ, вся на пользу строящимъ, учитель Теодосій мало прежде того, повимъ матеръ свою и сына, въ Польскую Державу отъѣха въ лѣто 7207. Не мученія и смерти бояся, сіе сотвори; желателенъ убо зѣло бѣше за древнее святоотческое содержаніе усердно душу свою положить, но другимъ пользы и спасенія желая и Господню заповѣдь исполняя: Аще, рече, гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій. Услышано же бысть въ Россіи по странамъ дивнаго учителя Теодосія отшествіе тамо, множество Христіанъ отъ градовъ, весей и сель, любовію распалемѣ, потекоша во слѣдъ его, желающе Древлецерковное святое Православіе немязежно соблюдать и подъ руководствомъ его пребывать. Онъ же состави тамо двѣ обители: мужескую и женскую. Наставляше ихъ къ богоугодному житію, по уставомъ иноческимъ, Василія Великаго общее житіе уставѣ. Исперва убо великія тяготы понесе, лѣсъ сѣкій, сучіе сѣчаше и пряташе, и прочая дѣла своимъ руками творяше. Мужественъ убо бѣ въ трудѣхъ, прежде всѣхъ на дѣло исходя, собою всѣмъ образъ показуя. Терпѣливъ въ напастѣхъ, ово отъ бѣсовъ, ово же отъ злыхъ чловѣкъ наносимыхъ, никогда же въ печаль, или умыніе, впадая, но вѣну упованіе къ Богу имѣя, воспоминаая присно Господни слова: Въ терпѣніи вашемъ, рече, стяжите душа ваша. И пакы: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ; и псалмѣвца рекуща: Господь мнѣ помощникъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ чловѣкъ; и: Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣки. Праздности же, училищу злыхъ, премного оплевашеся и всегда въ дѣлахъ пребываше. Иногда убо трудяся со братією, иногда же книги чтяше, или писаше. Овогда въ молитвѣ терпаше, овогда же братію, или сестрѣ, поучая. Первое: отъ прелестей еретическихъ всѣхъ и новопреданныхъ догматъ отвращая. Второе: въ Древлецерковной святѣй Вѣрѣ, догматѣхъ и преданіяхъ ея, твердо и неизмѣнно увѣщавая пребывать. Потомъ вся заповѣди Божія и Святыхъ добродѣтели дѣломъ совершати наставляя, самъ прежде не словесы точію, но твореніемъ, во образъ всѣмъ сія исполняя, вѣру, любовь, надежду, правду, мужество, мудрость, цѣломудріе, молитву, воздержаніе, кротость, смиренномудріе, безгнѣвіе, непамятозлобіе, долготерпѣніе, милосердіе, страннопріятіе, постъ, бдѣніе, нищету, малословіе, и прочая вся, ко спасенію ведущая, страждущимъ помогая,

печальныхъ утѣшая, падшихъ возставляя, колеблющихся укрѣпляя, стоящихъ утверждая: Всѣмъ вся, по Апостолу, бывая, да вся Христу пріобрѣтеть.

Чистоту же и цѣломудріе зѣльно любяше. На не хранящихъ же сія, не точію въ дѣлѣхъ, но еще и въ словесѣхъ, бѣднѣ не годоваше, и не словомъ токмо, но и дѣломъ, на глѣбъ жестоко наказоваше, опасно вельми соблюдая мужескій полъ отъ женскаго, не собесѣдованія единого, но и отъ паденія самаго. Ибо не страсти и грѣхи сущія отсѣкая, но и вины, отъ нихъ же сія бывають, искореняя.

Не точію же во обителяхъ живущихъ, но и по селамъ сущихъ окрестъ многочисленныхъ Христіанъ, такоже и въ Россіи во градѣхъ и селахъ живущихъ, не оставляше, но пріѣзжая къ нимъ поучаше и наказоваше начастѣ прилежно и спасенію полезное предлагая. Сладостенъ бо бѣше во утѣщеніи, разумнословесенъ въ поученіи и зѣло благопріятенъ во увѣщаніи. Противляющихся же ся ему во ученіи, тако отъ Святыхъ Писаній премудро и сильно обличенныхъ, возражаше, яко весьма не могущихъ словесемъ его одолѣти, но стыдомъ покрывающесе откождаху. Собрася убо къ нему во общее житіе мужеска полу до шести сотъ дѣвицъ и женъ до седми сотъ. Во обителѣхъ же овѣихъ служба Божія, вечерня, павечерня, полунощница, утреня, часы, молебны и панихиды со чтеніемъ и со сладкогласнымъ пѣніемъ по святымъ старопечатнымъ книгамъ, вся по уставу чинно и красно вельми на кійждо день исправляшесе. На трапезѣ чтеніе всегда бываше. Хлѣбъ и другія потребности общи бяху. Трапеза единая всѣмъ бѣше, токмо престарѣлымъ и больнымъ больницы, служители, и пища особная, ко унокоенію ихъ устроены бяху. Одежды убо и обуви и прочія вещи всѣмъ изъ казны общія подавахуся.

Слыша убо дивнаго учителя Оеодосія благое ученіе и пріязненное о добродѣтелѣхъ пребываніе и наставленіе, мнози отъ благородныхъ Боляръ оставляху дома, высокія чести, помѣстія, крестьянъ своихъ, и прочія стяжанія вся въ уметы вмѣняюще, наставника же и учителя его себѣ имѣти желающе, приходяху

во общее житіе къ нему и, свою во всемъ волю отлагающе любезно повиновахуся ему, въ нихъ же бяху сіи: Захарій Бедринскій, съ сыномъ Ларіономъ. Сей еще до составленія обители въ Россіи, любовію присвоися ему, мужъ бяше великаго ума, премного искусенъ Святаго Писанія и вѣдущъ яко Ветхаго, тако и Новаго Законовъ, и въ добродѣтеляхъ совершенъ, благоумиленъ, смиренномудръ, кротокъ, незлобивъ, любовенъ, милосердъ, и долготерпѣливъ и присный помощникъ отцу Феодосію во всѣхъ случаяхъ бяше. И не токмо Христіанамъ всѣмъ, но и мірскимъ высокимъ Вельможамъ, Россійскимъ и Польскимъ, за благоразуміе его любезенъ сый. Еще Стефанъ Валацкій: сей безъ отца Феодосія въ службѣ начинаше. Антоній Авраамовъ, мужъ духовный, Дмитрій Нѣгановской, Герасимъ Злобинъ, Патріаршій Дворянинъ, духовный, Феодоръ Аванасіевъ, Никита Ивановъ, Іаковъ Хмелевъ. Тако же и отъ Болярынъ благородныхъ не мало, яже суть сіи: Небаровыхъ вдова и двѣ сестры дѣвицы, Полонскихъ дѣвица, Нѣловыхъ вдова со дщерію, Дириныхъ жена, Дядевкиныхъ три дѣвицы, Стоговыхъ дѣвица, Елагиныхъ двѣ сестры и прочіи. Къ тому же и отъ посажанъ градскихъ, мужей, и женъ, и дѣвицъ, не малое число. Изъ нихъ же мнози наставленіемъ дивнаго учителя преуспѣша зѣло въ добродѣтеляхъ и благочестно къ Богу отыдоша.

Мнози убо и съ высокимъ господъ въ собесѣдованіе по случаю со учителемъ Феодосіемъ сходяще, любезно съ нимъ отъ Святыхъ Писаній о Древлецерковныхъ святыхъ содержаніяхъ и о Никоновыхъ новопреданіяхъ разглагольствоваху, иже суть сіи: Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, Бояринъ Симеонъ Григорьевичъ Нарышкинъ, Генералъ Михаилъ Аргамаковъ, Іаковъ Корсаковъ, Левъ Челищевъ, Антоній Алексѣевъ, и прочіи мнози отъ Благородныхъ, съ ними же довольныя бесѣды и не единократцы бяху. Токмо вси удивляхуся духовнѣй благодати, сущей въ немъ, и прензобильному во святыхъ книгахъ о всемъ вѣдѣнію.

Таковъ убо предивный сей учитель бяше, яко и помышленія человѣческая отъ далече проразумѣваше. Мнози отъ обителей его, такоже и мірстіи, сіе свидѣльствоваху о немъ. Ибо егда

кто каковою страстію объять сый, приходяше къ нему и срамляшеся исповѣдати о себѣ, онъ же, взявъ книгу, о таковой именно страсти чтяше, или словесы поучительными о ней бесѣдовавше ему, къ покаянію препода, въ подобную цѣльбу прилагал. Противящемуся же кому и не покоряющемуся словесемъ его, аще что наказательно провѣщеваше, всячески оное непогрѣшно сбывашеся. Не мали убо числомъ сіе о себѣ чувствоваша. О таковыхъ многихъ, но не едино хотящихъ слышати, скажемъ.

Братъ нѣкій, Корелянинъ родомъ бѣше, именемъ Стефанъ, прозваніемъ Мидя, не младъ уже сый. Сей многожды малодушествоваше о пици и питіи; искаше бо лучшихъ брашенъ паче братіи. И часто сваряшеся со служащею въ таковыхъ братію и къ блаженному отцу приходя, жалашеся на нихъ, аще чего по хотѣнію своему не получаше. Дивный же отецъ поучаше его терпѣнію и еже не побѣждатися малодушествованіемъ. Иногда же, яко отецъ, отческою милостию преклоняемъ, повелѣваше служителемъ утѣшити круподушіе его. Онъ же весьма нетерпѣливъ, но сварливъ сый, начастъ стужаше отцу, излишнихъ всегда надъ братію требуя и, гнѣвомъ одержимъ, досадная противовѣщаше. Единою же блаженный много бесѣдовавъ ему, поучая терпѣніемъ побѣждати сладострастное желаніе и смиреніемъ, не лихоимствоватися лучшими брашнами братіи, той же не покоряшеся словесемъ его, но паче прекословнѣ глаголя, досаждаше ему. Тогда дивный отецъ рече къ нему: «Стефане! подобало бы тебѣ всячески послушати найполезная совѣтующихъ ти, ты же только непокоренъ явился еси, не токмо не внимаеши глаголемымъ, но паче противишися и прекословиши, досаждая намъ и братіи. Вѣждь убо, яко за ослушаніе твое и многое прекословіе и роптаніе, вскорѣ наказаніе отъ Бога пріимеши.» И абіе словесемъ чуднаго отца скорѣйше дѣло послѣдоваше. Въ той самой часъ, оный Стефанъ, стоя тамо предъ всѣми, вострепеналъ всѣмъ тѣломъ, началъ колебаться весь и трястися, ослушанію своему и прекословію судъ пріемъ. И тако нѣколико лѣтъ начастъ трясылся пребысть до смерти своей. Иніи же отъ подвижнѣйшихъ братіи, желаніемъ влекомыи къ безмолвному житію, просяху отпущенія въ пустыни отъйти. Онъ же прещаше имъ, глаголя: «Не ваша мѣры сіе дѣло есть. Полезнѣ вамъ окоряемымъ.

быти, неже самѣмъ себе руководити.» Ини убо послушаху совѣта его, инѣ же устремляхуся на сіе, не приѣмлюще совѣта его. Глаголяше имъ: «Не на пользу будетъ отхожденіе ваше вамъ.» Не прогрѣшаху они дивныи глаголы его. Такови отшедши отъ обители, и мало коснувшися пустынныхъ подвиговъ, обратившася въ мірское житіе и въ грѣховномъ тмѣніи погрязнуша, инѣ же Древняго Благочестія отвергошася.

По семъ иныи подвигъ, не меньше первыхъ, случися отцу Феодосію. Бяху нѣкотори Христіане, бѣгающіи Никоновыхъ новопреданій, иже поселишася за озеромъ Онегомъ въ пустыхъ лѣсахъ, общее житіе на рѣцѣ Выгу поставиша. Въ нихъ же начальнѣйшимъ сіи быша: Даниилъ Викулинъ, Андрей и Симеонъ Діонисевы, Петръ Проконіевъ, Антоній Феодосіевъ и прочіи, иже въ первыхъ величайшихъ догматахъ, мудрованіемъ со отцемъ Феодосіемъ и съ прочими учителями Христіанскими согласны бяху: еже о нынѣшнемъ времени разумѣніе, еже о неприятіи хиротоніи, крещеніи, евхаристіи и прочихъ Таинъ новодѣйствуемыхъ отъ Никоніанъ. Не мало вѣдѣніе въ Писаніи и изрядную ревность о чистомъ житіи имаху, но во иныхъ вещехъ не согласно мудрствоваху, яже суть сія: Аще кѣмъ люди, не знающе Древняго Благочестія, браки отъ Никоніанъ пріяша, послѣди же познавше, крестившася отъ Правовѣрныхъ. Тыя браки они хуляху и, ни во что вѣняюще, разводити веляху. Пищу и питіе, отъ невѣрныхъ и еретиковъ творимое, и сосуды ихъ пріимяху и безъ молитвы ядаху. И во иныхъ каковыхъ оскверненіяхъ молитвъ на очищеніе съ поклонами не творяху. И наипаче на крестѣ Христовѣ Пилатомъ положенную титлу Ісѣ Назарянинъ Царь Іудейскій, по свидѣтельству Святаго Евангелиста Іоанна, зачало 60, отметаху. Писати же и вообразати сію на крестѣ Христовѣ вельма возбраняху: Написанную же гдѣ на крестѣ, или вылитую, инѣ отъ нехъ деревости заглаждаху и стираху, и кресты съ титлою отъ поклоненія отставляху, и злохульствоваху всячески Латинскою ересію, и злѣйше сего оную нарицаше, чесого и писанію предати заворно, и прочая различія въ чинѣхъ церковныхъ имаху. О сихъ всѣхъ учитель Феодосій съ прочими, со Андреемъ, Симеономъ, Леонтіемъ, и со иными, ихъ многожды отъ Святаго Писанія бесѣдоваше. Они же согласіе о титлѣ къ нему въ словесѣхъ

показоваху, а въ своей странѣ по первому своему обычаю творяху и ни единого креста съ титлоу у себе въ часовни, ради увѣреніе словесъ ихъ, поставити не восхотѣша, и прочимъ своимъ таковыхъ весьма имѣти не велище. Иногда же и къ нимъ во общее житіе отецъ Феодосій, съ прочими учителя Христіанскими, ѣздивъ, кѣи быша сіи имени: Спиридонъ Максимовъ, Симеонъ Григорьевъ, Прохоръ Матвѣевъ, Иванъ Кондратьевъ, Иванъ Семеновъ Подъячей, мужіе искусніи, Писаніе довольно вѣдущіи, и прочіи отъ гражданъ въ разумѣ нарочитіи, и тамо съ ними бѣсѣдоваше о титлѣ не мало. Отъ нихъ же выше помянутый Леонтій за всѣхъ возопи со гнѣвомъ, въ столъ руками ударяя, сице: «Намъ вашъ Ісх Назарянинъ не надобенъ!» сія трижды изрече. И прочіе неслѣпыя укоры и поносы, не яко отъ мудрыхъ, но яко отъ поселянъ невольствующихъ, многія быша, ихъ же здѣсь писати непотребно. Андрею убо не бывшу тогда, и Даніилу видящу таковую ихъ не чинную буресть, со скорбію умолчавшу, такоже и Проконію старцу, у него же крестъ древній съ титлоу баше, зане ихъ не слушаху,* Тѣмъ же не восхотѣша выше показанныхъ своихъ мудрованій отложить и въ согласіи о сихъ любовно быти, но въ своемъ упрямствѣ неизмѣнно пребываху. Тогда учитель Феодосій и прочіи, по многократномъ различномъ увѣщаніи, видяще ихъ въ своемъ разумѣ непреложно стоящихъ и къ согласію не склоняющихся, и единого креста съ титлоу у себе въ часовни поставити не восхотѣвшихъ, общимъ согласіемъ прочихъ учителей Христіанскихъ, сотвори съ ними въ молитвахъ, въ яденіи и питіи раздѣленіе. Тако предивный учитель Феодосій пасяше живущіе съ нимъ и окрестъ его, и по инымъ странамъ сущіе многіе Христіаны, на пажитехъ Божіихъ заповѣдей, въ Польскомъ Державствѣ живуще девять лѣтъ. Житію же весьма прослывшу, начаша Польстии воинстии людіе, нареченіи отъ нихъ жолнеры, находити, чающе у него во обители богатство велие быти, и многія обиды и пакости имъ творяху. Иногда убо множествомъ наѣхавше, въ

* Объ ономъ собесѣдованіи въ Выгоскомъ монастырѣ Феодосія Васильева упоминается въ ниже помѣщаемомъ документѣ: «О началѣ раздора Феодосіевцевъ,» по совершенно въ иномъ видѣ, въ пользу Поморянъ.

конецъ разорити общее житіе намѣришася, братію разгонати всѣхъ хотяще, и имѣніе ихъ худое пограбити, учиниша великую стрѣльбу, и единого отъ ученикъ его, стараго добраго мужа, именемъ Даниїла, житеннаго казначея, убиша, а иныхъ раниша.

Въ то время въ величїи Россіи монарху Петру Первому, Царскія скипетры содержащу, Божіею великою милостію, гоненіе на Правовѣрныхъ преста, и Древлецерковныя законы содержащія всюду свободно живяху, а наипаче въ Копорскихъ и Ямбургскихъ предѣлахъ, Царскимъ повѣлѣніемъ отъ начальствуемыхъ крѣпко охраняемы бываху, и службы своя ко Господу Богу явно, по старопечатнымъ книгамъ, исправляху. Которымъ мнози отъ высокихъ персонъ, яко и Царевичъ Алексій Петровичъ, многократно приходяху, елико слышати пѣнія и чтенія, толяко паче видѣти желающе

Слышавъ убо сія учитель Теодосій, и видѣвъ братію свою унывающу отъ частаго злѣйшихъ жолнеровъ нападенія, къ тому же и Россійскому воинству тогда вступившу въ Польшу, отъ коего такоже не безъ утѣшенія имъ бѣше, восхотѣ прейти въ Россійскую отгуду Державу. Всещедрый же Богъ вложи свое милосердіе первѣйшему отъ Царевыхъ Сувклитъ, Свѣтлѣйшему Князю, Александру Даниловичу Меньшикову (чрезъ возвѣщеніе Торопецкаго и Великолуцкаго Коменданта, Антонія Алексѣева), пріяти блаженнаго со всѣмъ братствомъ и съ прочими многочисленными Христіаны во свое охраненіе. Сей убо пріятно ихъ пріять, и посели въ Великолуцкомъ Уѣздѣ, въ Вязовской волости. И даде имъ всякую свободу и вольность безъ боязни Древлецерковныя святоотческія законы по старопечатнымъ книгамъ соблюдать. И тако оный, любимый Монархомъ Князь, по Божіей милости, своею сильною рукою не мало лѣтъ милосердо ихъ охраняше, не токмо отъ мірскихъ властей, но и отъ духовныхъ, не даеше ни кому обидѣ и налогъ въ Вѣрѣ и въ мірскихъ дѣлахъ имъ творити. Искушая же Патріарха Авраама Всещедрый Богъ, искуси вся вѣдый и отца Теодосія, да доблесть терпѣнія его всѣмъ явлену покажетъ. Егда убо преселился тамо въ выше явленное мѣсто, братіи и женска пола вѣщше пріумножися, найдѣ имъ въ хлѣбѣ и во одеждахъ великое оскудѣніе и нужда.

Отъ которыя сотворше толчаю, толчаху овесь, мякины всякія и колосины, и хлѣбы печалу. Иногда же и сихъ недостающе, чего ради иѣкимъ отъ братія малодушествующимъ о семъ. Ииже же отъ парочитыхъ совѣтоваху блаженному, еже бы послати во грады просити у Правовѣрныхъ милостыню, дабы нашедшую имъ великую скудость поне мало уврачеваги. Предивный же отецъ, яко твердый столпъ, непреклоненъ пребываше къ таковымъ совѣтомъ, и утѣша всѣхъ, глаголя: «Братія моя! не скорбите нынѣ о нашедшей намъ нуждѣ, ниже малодушествуйте, но претерпимъ мало сіе искушеніе, отъ Бога на насъ понущенное, испытующаго насъ, коль вѣрни явмся, и какову надежду на него имѣемъ. Сами убо вѣсте, яко на скорби и на терпѣніи, а не на прохлады и покой, звани быхомъ и отъ міра изыдохомъ. И аще терпѣливи и благодарни будемъ, создавый насъ, насыщай всяко животно благоволенія, всячески не оставитъ ны въ скудости сей долго пребывати, но вскорѣ отверзетъ богатую руку милости своєї, и вся нужная наша исполнитъ всякимъ прензобиліемъ. Иже ропотливые Евреи въ пустыни не сѣяннымъ хлѣбомъ, но манною, 40 лѣтъ препытавый, и пятію хлѣбы пять тысящъ накормивый, и селѣмю паки четыре тысящи насытивый, насъ ли имать оставити, иже, любве его ради, вся мірская наслажденія со сладострастными вожделѣніями оставльше, заѣ собравшася? Надѣюся убо на великія его щедроты, яко истинно не оставитъ, но посѣтитъ насъ своею благостію милосердо не въ долгъ.»

Симъ блаженнаго словесемъ немедленно сбывшимся. Божіимъ убо смотрѣніемъ, вся строящимъ на пользу, не по мнозѣмъ времени случися, въ лѣто 7219, моровому повѣтрію быти. Тогда отъ обителей его братія и женской полтъ, мнози съ покалніемъ благочестно житія сего отъидоша, маліи числомъ останахся въ живыхъ. Тако же и около суцїи по селамъ Христіане многочисленіи преселишася въ будущую жизнь. Во обителѣхъ бысть потомъ во всемъ великое изобиліе. И братій и сестръ вновь паки присовокупися въ наставленіе ко блаженному не мало. Въ прошедшимъ 7218 годѣ, отъ того же Князя Меньшикова дана бысть въ Юрьевскомъ Уѣздѣ Ряпина мыза во владѣніе имъ. Прейти же тамо на житіе всѣмъ не баше еще повелѣно. Достопамятному же отцу положися намѣреніе, еже бы преселитися тамо, зане

не имѣю, и яко худые блески вмѣняю, будущихъ благихъ, не тлѣющихъ, нищу, безконечныхъ наслажденій желаю.»

Сія слышавъ Архіерей, и видѣвъ, яко выше ласканія мужъ, яко ни во что же вмѣняетъ настоящее житіе со всѣмъ сладострастіемъ его, что творить? Прилагаетъ мученіи страшити его, начинается великими томленіи ужасати добляго. Но и сими вихровъ прещеніи не потрясе веледушнаго и ни мало поколеба въ мужествѣ не ужаснаго, по писаному: «Праведникъ, яко левъ, уповая ходитъ.» Обрѣте бо непоколеблемую и скоро сокрушавшуюся трость, но крѣпкій и неподвижный столпъ, не разносимый водою песокъ, но твердый камень адамантъ.

Тогда предивный дѣломъ и произволеніемъ страдалецъ отрече ему сице: «Высокопочтенный Архіерее! Вѣдый буди о семъ, яко прещеніи вашихъ не усташаюся, и мученій грозныхъ не ужасаюся. Легчайше ми здѣсь маловременная ваша томленія терпѣти, нежели, послушавшу васъ, отъ Бога безъ конца мучичу страдати. Еже хочете творити надо мною, немедленно творите! Готовъ убо хребетъ имѣю на раны, готову плоть на терзаніе, готовы кости на ломаніе, готовы вся уды на раздробленіе. Ибо за Древлецерковная святая вся отческія содержанія, о укрѣпляющемъ мя Христвѣ, всякія муки и жесточайшія томленія страдати уготовихся. И не токмо до послѣднія капли кровь изліяти, но и самую свою душу за оная вселюбезно и всежелательно положить усердствую. По семъ наки Архіерей многая стязанія и диспуты о Древлецерковномъ содержаніи, и о новодогматствованіихъ предлагаше ему. Но дивный страдалецъ Святыми Писаніи отческихъ законовъ непорочную святость показуя и утверждая, новицъ же неправую гнилость являя, сильно обличаше, еже здѣсь, за долготу слова и краткость исторіи любяще, оставихомъ.

Егда же не возможе оный Митрополитъ диспутами его препрѣти и ласканіемъ къ обѣщанію высокочестія оболѣстити, замечудный силою словесъ побѣждаше и смиреніемъ своимъ вся ни во что же вмѣняше, тако же прещеніемъ добляго не преодолѣ. Понеже ко страданію издавна желаніе имяше, плоть со страстьми умертвивъ, смерть за Православіе пріяти усердствоваше, и

всежеланіємъ палимъ, будущихъ прелеташе. Заключивъ убо его во оной злосрадній Орловой хранивъ, тако въ величій нуждѣ, терпѣливый страдалецъ, всякимъ злострастіемъ удручаемъ, четьре седмицы страдавъ, преселился отъ здѣшнихъ къ немерцающему свѣту, въ вѣчной покой, въ лѣто 7219, мѣсяца Іюля: на 18 число, въ себорный звонъ по утрени. Ини же гдагають, яко убіенъ бысть отъ самаго Архіерея пѣкою дскою, сыну убо его и прочимъ не бывшимъ ту при смерти его, шобъ индѣ: заключеннымъ. Тѣло же блаженнаго страдальца, повелѣніемъ Митрополитіемъ, зліи слуги изъ града извлекше на поле, въ ровъ закопаша. Власница же и вериги мѣдныя, яже страдалецъ на себѣ ношаше, ошашася на дворѣ, идѣже стояху во градѣ, егда убо пріиде къ Корсакову, сложивъ оныя съ себе, и по кончинѣ его во обитель принесени быша.

Во время кончины его случися тогда во градѣ единъ отъ ученикъ его, именовъ Василій Кононовъ, кій, въ третью ночь, по кончинѣ страдальца, вземъ трудолюбное тѣло отъ рова, и отвезе поприць пять отъ града, къ рѣцѣ, нарицаемъ Варя, и тамо пакы въ земли его погребе.

Егда же услышася по градомъ, весемъ и селамъ скончаніе дивнаго страдальца, вси Правовѣрніи Христіане, а паче во обителѣхъ его, начаша весьма плакати, обливаящася слезами, яко лишисяся такова преславнаго учителя и сладчайшаго отца, воспоминающе твердое ученіе и непорочное наставленіе его, тако же и въ добродѣтелѣхъ совершенство, милость, любовь, состраданіе, кротость, безмолвіе, смиренномудріе, молитву, воздержаніе, чистоту, разсужденіе, утѣшеніе, и прочая благая, ими же въ житіи своимъ изрядно украшася. И не малое время сѣтующе и скорбяще о немъ, не можаху отъ печали утѣшитися.

Услышавъ же сія и предатель его Корсаковъ, преложися отъ злобы, начать сына его и прочихъ отъ Архіерея изручачи, и по шести седмицахъ по кончинѣ страдальца, едва свободи ихъ ихъ и во обитель отпусти.

Егда же пріѣхаша тамо и мало отъ печали отдохнувшіе, тогда братъ его, Григорій, и сынъ Евстратій, и вса братія и сестры,

желеюще сладчайшого отца своего и страдальца любезное тѣло къ себѣ пренести, послала выше показаннаго Василя, погребнаго оное; съ другимъ братомъ, заповѣдаше ниц неотложитъ, аще обрѣшуть, поне кости любезнаго отца да привезуть къ нимъ. Она же послушаніе совершающе, усердно яшася пути. И егда прїѣхаша въ Великій Новградъ, искашу мѣста онаго, и дѣждѣ потребею бѣше блаженнаго отца тѣло, но не обрѣтаху. Печаленъ же бысть о семъ Василя не въ малѣ, и размыслиаше въ себѣ: «Аще и обрѣщемъ его, рече, во како можетъ быти цѣло десѣтъ, толику уже времени прешедшу, пакы же и безъ гроба сіѣ погребено есть.» Сія размыслиающу ему, и помолившуся Богу и Пресвятѣи Богородицѣ, на воспоминаніе чудесе знаменія ея, и мало уснувшу, явися дивный страдалецъ ему и глагола: «Не печалуй, брате Василю, но, воставъ, иди, ни что же сумняся, вскорѣ бо обрѣщеша тѣло мое; цѣло убо есть и неразрушимо.» Василя же, воспринувъ отъ сна, сущимъ ту сказа явленіе его. И со другимъ братомъ въ той праздникъ идоста, и абіе вскорѣ обрѣтоста оное мѣсто. Нощю же, прїѣхавше съ коньми и раскопавше землю, видѣста блаженнаго отца тѣло водою окружаемо, цѣло и нетлѣнно, отъ 22 Іюля до 27 Ноября, 127 дней въ земли лежаще. Токмо, возгребая землю лопатою, мало усть верхня части и носъ попортиша. Абіе возрадоваста зѣло и, любезно взявше, везаху тое въ Ряпину мызу. Прїѣхаста же въ село Загоріе за тридесять поприць града Пскова, присташа у пѣкогого Христіанина. Паки Василя начать сумнятися, како градъ Псковъ проѣхати: аще внутрь его ѣхати, то опасашеся, дабы на караулахъ не осмотрѣли и не удержали; или окрестъ его ѣхати; и въ такомъ сумнительномъ размысленіи мало уснувъ, бѣше бо утро, хозяевамъ обѣдъ има готовящимъ, представъ страдалецъ Василю, и рече: «Не бойся, брате, и всяко сумнѣніе отложъ, сквозѣ градъ поѣжжай дерзновенно, имаша бо здраво проити.» Василя же абіе воспринувъ отъ сна, сказоваше всѣмъ ту сущимъ явленіе страдальца и глаголы его. И вѣровавъ сему, и первое явленіе чудное его воспоминаая, весь страхъ отложи, сквозѣ градъ проѣха, ни коего же вреда приѣмъ. Егда же въ Ряпину мызу прїѣхаста, братъ его и сынъ, со всею братією, стрѣтоста тѣло блаженнаго страдальца и любезнаго отца, со слезами объемающе и съ любовію лобызающе. И въ память Святителя Николая, Декабря въ

6-й день съ погребальными деснами и нѣскими, чюднѣ погребены пакы въ землю на брегахъ Выбодки рѣки, въ Ряпнѣ, мызѣ, а мало древо березъ посадяше надъ гробомъ его. Послѣди же и прочіи братьи и сестры умирающихъ тѣлеса тамо погребашу. Потомъ вскоре отъ того же Корсакова Указъ данъ бысть хоташимъ Старообрцамъ изъ Вааниковской волости приходити ма́житіе въ ряпину мызу, по которому во обители сущи и окрестнѣи вси, преселшиса тамо, и живяху, Божіею милостию снабждаемы, въ великомъ изобиліи хлѣбомъ и рыбою и прочими погребани, дѣтъ седми. Вся злобныя же Архіереовъ сердца, не терпяще слышати Древлецерковнаго Благочестія содержателей умножающихся тишиною житія, къ тому же и отъ отступниковъ свѣтоотческихъ доконовъ, нѣкогого, именовъ Константина Фодорова, и прочіи поддѣщаемы, горше геенскаго пламени завистию и гнѣвомъ раскаляхуся, а наипаче Феодосій Великоновоградскій, много могій! тогда и прочіи, готови суще на пролитіе, иже злобою и лукавствомъ поостривше языки своя, и сердце Монархово на зрѣствъ своимъ злосоставными клеветами сподвигоша. Послушавъ зубихъ, Самодержецъ повелѣ Юрьевскому Воеводѣ воинство въ Ряпину мызу послати, и во обители сущихъ начальныхъ, тако же и по селамъ духовныхъ, по реестру иилицы бои двадцати человекъ взять и въ Петербургъ на истязаніе привести и на муки отдати. И егда услышаша таковое повелѣніе, разыдошася они, кійждо гдѣ змаше, храняще себе отъ гонительскихъ мукъ, а наипаче въ Польское Державство уклонишася.

Вонны же пришедше, взяша двухъ духовныхъ мужей, единрго престарѣлаго, именовъ Ілію Іаковлича, иже въ Соловецкомъ монастырѣ до разоренія жилъ, и Симеона Ивановича, и отвезоша ихъ тамо. И по многомъ истязаніи на отвергшихся Древлецерковныхъ содержаній и не приѣмшихъ Никоновыхъ новоположеній, заключиша въ нужное заточеніе, въ немъ же блаженнѣй старецъ Ілія, многую нужду претерпѣвъ мѣсяцы четыре, преставися въ вѣчный покой. Твердый же въ Православіи и мужественный въ терпѣніи Симеонъ, болѣ года всякую нужду и скорбь радостнѣ въ томъ узницѣ понесе, съ другимъ Христіаниномъ, Феодоромъ Феодотовымъ, и только усердецъ ко страданію бже, елико начастъ у начальныхъ господъ прошаше, дабы что творили надъ

иши, ни коего предложія надѣся отъ него. Сія два, предъ самимъ Монархомъ на истязаніи бывша, и тайнымъ образомъ смерти преданы быста. Ини же глаголють, яко за ребра повѣшены быху въ темной казармѣ. Прочихъ же, яко мужескій полъ, тако и женскій, изъ обители всѣхъ изгнаша. Статыя иконы, книги, хлѣбъ же и скотину и прочая вся у нихъ отъяша. Тѣ же разыдошася по своимъ странамъ, откуда кто бяше. Мнози же въ Польскую Державу отъидоша, понеже тамо Древлецерковныя законы содержати пришельцемъ воля даяшеся.

Таковая, Богу попустившу за грѣхи наша, разорительная кончина обители случися въ лѣто 7227, яже начася въ Субботу Святая Недѣля, а скончася по Петровѣ дни.

Не гоняша убо и злодѣтеля она не токмо въ будущемъ вѣцѣ, но и здѣ, отмщенія; Богу бо попустившу, оба впадоста въ гнѣвъ Царскій. Корсаковъ убо чина изверженъ и кнотомъ биевъ, наконецъ, глаголють, смертнымъ зеліемъ опися. Феодосій же Архіерей, въ стѣнѣ заточень, житія лишися.

Но ономъ разореніи обители Ряпина мыза бысть во владѣніи нѣкоего Нѣмца, Левенвольда. И нѣколику лѣтъ мину, близъ мѣста того, идѣже погребень страдалецъ Феодосій, надъ рѣкою стояше баня, и одною оного Нѣмца слугамъ мыющимся въ ней, нѣкій отъ нихъ, наломавъ прутія съ листіемъ отъ тоя березы, яже бѣ посажена на гробѣ страдалца, и вшедъ въ баню, паряшеся. Въ той абіе часъ нача на немъ быти великая свербота съ гнойными струпы, яже разыдошася по всему тѣлу его. Лѣкари же, врачеваше его ту съ полъ года, ничто же успѣша, и во градъ Ригу отвезенъ бѣ, и тамо всячески врачеванъ, обаче ни малыхъ пользы обрѣте, но наче въ горшая пріиде, и тако, два лѣта люто страдавъ, умре, дерзости своей горькій судъ воспріемъ.

II.

О НАЧАЛѢ РАЗДОРА ОКОДОСІВЫХЪ СЪ ВЫГОРЪЦКІМЪ ОБЩЕСТВЕН-
СТВОМЪ И О ПРИЧИНѢ ТОГО, ЧЕГО РАДИ ОНЫИ БЫТЬ.

Ни что же тако желательно врагу діаволу, яко же вражда и нелюбовь между сонмомъ Правовѣрныхъ, и ни что же тако вреждаетъ уды (члены) тѣла Христова, яко же непримиримая брань. Не толико стрѣлы, копія и стѣнобитныя хитрости разрушаютъ стѣны града, елико братоненавистный раздоръ ограду словесныхъ овецъ разоряетъ; не тако мечъ разсѣкаетъ побѣдоносныя полки, яко же гнѣвоизъятельная злоба другъ друга раздѣляетъ. Сія убо Царства повреди, сія Монаршества опроверже, сія ограды разори, сія ересей толпы произведе и всю вселенную засѣя, сія и самаго онаго сына погибельнаго, Антихриста, въ міръ пусти. Оставляю глаголати о домѣхъ тою запустѣвшихъ; оставляю монастыри тоя непримиримую дерзостію разорившіеся; мимо протекаю возстаніе отца на сына, сына на отца, брата на брата, сестры на сестру и все родство, яко варваровидное содѣлающееся; прохожду и нелюбимость супружескаго союства тою расторгающагося, и прочіе умильные браки расторгнутые отъ тоя оставляю. Кія убо всепоражательныя злобы плодъ, и нынѣ непримиримую у насъ (Филипповцевъ) съ Окодосіевыми продолжающуюся, едва не ко сту лѣтъ малу пресѣцаемую брань, извѣстити слышателемъ подвигъ имѣти начинаю, въ которомъ со извѣщеніемъ, какъ начало въ дѣйство оныя причины последовательно, съ начала даже и до нашихъ сихъ временъ дошедшія, по чину изложити намѣреваюся, да слышавшіи отъ оныхъ совѣстнии и богобоязливии людіе устроятся и престанутъ таковыя прегорчайшія плоды вкушати, и къ мирнымъ и любовнымъ плодамъ поспѣшити на вкушеніе поретятся (потщатся), не слушающіи же и не покоряющіися истинѣ отсалѣ взутятся (вразумятся) и престанутъ отъ хулы на законноположенную правду. Предлагають бо и они садъ своего раздора на зрѣніе помраченными глазами, и навидѣніе его толико обольщаетъ зрящихъ зраки, какъ плоды оныя Содомскіе, наконецъ и яко Іордана садъ, кіиъ издалече зрящими, яко рай показуется, но плодъ тѣхъ

испытаніе въ пепель и въ горестъ обращается, или, по премудрому гласу: «предняя его, яко рай процвѣтенія, задняя же его есть поле погубленія.» Сице убо явственно нынѣ плоды расколъ Древлероссійскихъ Христіацъ испытанася, яко горестъ и пепель въ устахъ обрѣтошася. Нѣсть убо того Христіанина, не обрѣтается благовѣрнаго мужа, не сыщется благоговѣйныя жены, которая бы съ горестью не возносила свои вздохи о сей раздорной бурѣ. Способствовать же кому о семъ отнюдь не возмозгаемо учинися; понеже нѣсть цынѣ высочайшихъ духовныхъ властей, нѣсть вспомогательныхъ Государей нашей истинѣ, не имѣется удобныхъ мѣстъ, къ симъ же устыла вся теплота къ ревности благочестію у добродѣтелей всѣхъ Россійскихъ Христіанъ; только единымъ духомъ братонемавистнымъ наполнилися тѣхъ сердца. Убо не можетъ въ оныхъ поконтыся духъ соединенія; явѣ бо исполняется Пророческое и Апостольское на тѣхъ проризаніе: «раздѣлишася, и не умлѣишася.» Сіи суть отдѣляющіися отъ единности Вѣры, и сущъ тѣлесны и Духа Святаго не имущіи. Но убо не все на предисловіе истощимъ слово, отнесемъ къ повѣствованію общаго нами отъ подлежащія вещи, сіе есть, о началѣ Феодосіевыхъ и о раздѣлѣ съ Выгопустынскими жителями, его же нынѣ сѣце предлагаемъ.

Сего убо Феодосіева Соголасія начала наименованіе влечется отъ нѣкоего Феодосія Васильева, бывшаго, по нѣкоторому состоянію, Дьячка Крестецкаго Яма, области Новгородской подчиняющагося; въ томъ убо сего рожденіе произведеса, въ немъ же при церковниковыхъ догматъ бѣ исперва усердный служитель, потомъ позна отъ нѣкихъ Христіанъ, тогда въ тѣхъ странахъ крѣющихся, лучи древняго благочестія, и отвержеса ревностно новолюбныхъ преданій, и бываесть послѣдователь древняго закона, и нѣсколько въ оныхъ краяхъ пребысть и, за ради тогда надлежащаго гоненія, уклонися съ братомъ и чады своимъ въ Польскую Державу (7207—1609) лѣта. Идѣже, по тщанію своего ученія, собра общезжителство отъ стекшихся отъ Россійскаго гоненія Христіанъ, въ немъ же пребывавъ, учаше благочестію и житію добродѣтельному своихъ послѣдователей, тощю за необысканіемъ конечныхъ, въ нѣкихъ обычаехъ не покоряющихся правдѣ, погрѣшительнымъ являшеса, аже въ семъ, еже по Священнически поручии при крещеніи нѣ-

ти, еже Слѣщенническія молитвы при рожденіи, и исповѣди, и погребеніи читати, еже настоятельствующихъ по нуждѣ нуждними Вископами нарицати, еже новолюбную тайну брачную оправдати, еже торжищное брашно сквернымъ, противъ Апостольскихъ гласовъ, шеновати, еже и титулу Никоно-Латинскую на крестахъ имѣти и оправдати, еже аллилуйныхъ поклоновъ въ прочіе посты не содержати, еже отрадальцевъ Шалеостровскихъ, незаконно пострадавшихъ, имѣти, еже иноческій чинъ, по сему времени содержимый, отвергати, и прочая многая несогласная чиносодержанія, кая убо не соизвѣстившіяся съ Священнымъ Писаніемъ и со оставшимся отъ древняго благочестія обычаемъ упорнѣ содержаще. И тако жительствуя со своими въ Польскомъ Государствѣ, понужденъ бысть отъ нихъ, ово же и самъ возжела, посѣтити, тогда возблѣставшую, Выгорѣцкую сію обитель, основанную на Соловецкихъ выходцахъ и уставахъ, паче же на всемъ древнемъ преданіи, которую убо и посѣти тогда, съ нѣкими себѣ послѣдователями въ первыхъ лѣтахъ (1703 г.), еще до Лексинскаго основанія, и много преудивися твердости тѣхъ, благочестію и жестокости житія, лѣпотному чиноукрашенію, идѣже онъ съ Выгорѣцкими отцы много бесѣдовавъ о благочестіи мирно, такожде и обычаевъ содержаніи, при чемъ и о нелѣпотномъ своемъ дѣйствѣ, еже въ поручняхъ, тогда зазрѣвъ бысть и исправити обѣщася, и о многомъ глаголаша къ пользѣ общества, и потомъ въ мирномъ союзѣ пакы въ Польскіе край ко своей обители отѣхъ, и тамо, собравъ свою братію, предложъ зазрѣніе Выгорѣцкихъ пустынножителей о семъ неполезномъ обычан, еже въ поручняхъ крестити и прочіе оныхъ пустынножителей доводы. Слышашіе же мнози, не терпѣливи быша и начаша смущатися о воспріятомъ отъ него крещеніи и о прочихъ, чего ради мнози, отлучившеся его общества, отыдоша во нынѣшныя страны. Онъ же и прочіи отъ сего пріиша вину недоброхотства и вражды къ Выгопустыннымъ жителямъ, паче же сего ради въ раздоръ начаша преклонятися; ибо изъ Выгорѣцкаго жительства выѣхъ въ Новградъ, для проповѣди благочестія и иныхъ ради нуждъ, многоразумный и премудрый мужъ, Леонтій Θεодосіевичъ, который, ради сего многого разума и прензятнаго вѣдѣнія, не помалу возлюбленъ бысть Новгородскими Христіанами, къ которымъ учитель Θεодосій съ прочими наставники пріѣзжаше, отъ чего оными наставники зѣло бысть

непавиствуемъ и вознепавидѣнъ, зане въ вѣдѣніи Священныхъ Писаній ихъ много превосхождаше. Многожды же прятуса съ нимъ о нововводной титулѣ и о прочихъ не сослагательныхъ вещехъ, иже по премногу праведными доводами отъ онаго противусращася; чего ради, не терпяще между собою онаго зрѣти, прѣхавше, наустипа учителя Теодосія, да учинить съ Поморскими пустынножителами раздѣлъ, полагающе оныя выше изъявленные вины, паче же за высокопоставляемую отъ нихъ титулу, ея же ради и Христоборцамъ, Іудеями, Поморскихъ послѣдователей нарицаху. Учитель же Теодосій, ово самъ ревностію по сказанной титулѣ разжигаяся, ово же своими подгниѣшаемъ, весь подвижеся къ несогласію оныхъ, поемъ съ собою шесть старѣйшинъ, яко же и въ Житіи его, писанномъ отъ сына его, Евстрата, повѣствуется, и потече къ Поморскимъ краямъ, уже не мирными ногами, но раздорными, и приде въ Выгорѣцкое общежительство въ лѣто 7214 (1706 г.). Отцы же Выгорѣцкіи радостными сердцами его пріяша съ пришедшими и честь ему подобающую воздаша (въ то время благоумудрому Андрею съ братомъ Симеономъ, не прилучившимся во общежительствѣ быти, но, иѣкихъ ради братскихъ потребъ, во внутреннія Россійскія предѣлы отѣхавшимъ), и потомъ вину прѣзда ихъ увѣдаша, что прѣхаша не ради согласія, но ради мятелей и раздоровъ не Христіанолѣпныхъ, чего ради отъ отецъ увѣщаеми быша оныхъ неполезностей не производити, въ нихъ же прилучися быти и Леонтій Теодосієвчъ. Теодосію же предлагаше вину своего къ нимъ несогласія быти въ торжищныхъ брашпахъ и виѣшнихъ браковъ ихъ испріятія, паче же въ четырехъбуквенномъ ономъ на Крестѣ написаніи титулы, въ кійхъ принуждаше оныхъ согласныхъ быти; отцы же противъ оныхъ полагаху на неприятіе доводы праведнѣйшіе изъ Божественнаго Писанія, чего ради не мирными составами учитель Теодосій составляшеся, но характеры оказоваше не кроткаго духа. И тако много бесѣдовавше и со обѣихъ странъ доводствующе, согласія въ словесѣхъ отнюдь возымѣти не возмогоша. Теодосію убо со своимъ тщащуся вмѣстити невмѣстимое, отцемъ же за боязнь и трепеть отцеподоженныхъ анаемъ за пріятіе повшествъ, не соизволяющимъ на оное пріятіе; я тако учитель Теодосій со своимъ поиде во своя, не получивъ своего желанія. Собрату же его, Леонтію Ва-

сильевичу, не пошедшу съ нимъ, но оставшу во общежителѣствѣ; идѣже послѣди пострижеса во иночество и во иноцѣхъ проинованъ бысть Леонидомъ, нже во обители и скончаса, зѣло подвижное житіе имѣя. И егда же Феодосій исхождаше изъ обители, напутствованъ бысть отъ отецъ потребными и провождаемъ съ честію; онъ же егда дойде до монастырскихъ служителей, пасущихъ скоты, ту остановися со своими, изъемши изъ влагаищъ отеческая брашна, повергше трудникомъ, приглашающе, яко не хоцуть пріяти снѣди отъ не послушающихъ ихъ проповѣди, и потомъ начаша иззуватися своихъ обуви и оными трясти, стол прямо къ обители, глаголюще сице: «Прахъ, прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство ваше!» и еще страшнѣйше сего прирекши се: «Не буди намъ съ вами имѣти общенія ни въ семь, ни въ будущемъ, вѣцѣ!» и тако съ тѣмъ намѣреніемъ въ раздорномъ духѣ поидоша въ путь свой (1706 г.). Отцы же, зрящій издали, недоумѣяхуся оныхъ дѣяательства; послѣде же егда отъ трудниковъ извѣстившеса, зѣло оныхъ дерзости и неразумію скорбяху, паче же егда прибысть премудрый отецъ Андрей Діонисовичъ, и услышавъ тѣхъ немилый пріѣздъ, весьма жалостію о нихъ опечалися и много о томъ соболѣзноваше, тщася ихъ накі къ соединенію повратити, яко же послѣди извѣстится. Егда же Феодосій учитель съ послѣдователи своими, Польскихъ гранищъ доспѣвше, и въ свою обитель придоша, повѣдающе случившея съ Поморскими пустынножителі; слышавше же тѣмъ, и паче въ раздорѣ быти уквѣнишася; но по малѣ за сіе не возможно Господь Богъ потерпѣти, но прогнѣвася на оныхъ раздоролубную дерзость: попусти бо вѣкиихъ Латинюлюбныхъ Польскихъ жолнеровъ, кѣмъ внезапно наскочиша на обитель, мняще получить себѣ прибитокъ, начаша по нихъ стрѣляти, и многихъ общжителей пораниша, нѣхъ же и до смерти застрѣлиша, и тако многгажды оныхъ напастовати начаша. Феодосій же, видѣвъ оныхъ устремленіе, отъиде со своими въ Россійскія части, въ область Великолуцкую, и тамо на время поселися, нѣмъ же мнози разидошася, камо хотяху; паче же тогда наиде на ихъ собраніе смертоносная язва и великій гладъ, кая едва не всѣхъ мужеска и женска пола жителей немилостивно пояде, и малы нѣцыи оставшася (1719—1711 лѣта). Учитель же Феодосій и тамо не обрѣте покоя, восхогъ и оттолѣ на ино мѣсто преселитися, нарицаемо

Рядячи; обаче хотѣніе его во исполненіе не возможе пріити; ибо егда поѣха въ Новградъ ко испрошенію янаго мѣста, и тамо Архіереємъ Іовомъ ятъ бысть и посаженъ въ темницу, отъ нея же уже не изыде, но животь свой сконча въ лѣто 7219 (1711), Іюня 25. Послѣ его скончанія ученицы его мѣсто оно Ряпину Указомъ получиша, и жительство многлюдствомъ обоего пола распродранено бысть; во ону ихъ собранную обитель Ряпину премудрый Андрей Діонисіевичъ посылалъ въ лѣто 7224 (1716), Мануила Петровича * съ написанными осмию вопросами о титулѣ, ррѣ нихъ же зѣло плачевное сожалѣніе и увѣщаніе написа, да престануть отъ раздорныхъ бурь и пріидуть въ тишину любовнаго соединенія, въ ней же воспоминаеть многія и древлебывшія тщетныя нѣкіихъ на правость возстанія и за оныя богогнѣванныя казни. Но оныхъ неудержимость, стремительство къ желаемому ихъ несоединенію, ни мало склонности не показа, паче же ни оный Мануилъ конечнѣ и отказанъ бысть отъ соединенія. Мудрый же Андрей не премину и Евстрата, Θεодосѣева сына, собственнѣ увѣщевати премудрыми писмами, но и отъ онаго своея желаемости получитьи не возможе; и того ради Богъ попусти и въ нихъ самѣхъ несоединенію быти. Восташа бо нѣкіи въ началѣ на онаго Евстрата за нѣкія поправки старопечатныхъ книгъ, паче же на онаго въ нихъ ревноваше нѣкто Савинъ Михѣель, который, по согласію съ прочими, отъ онаго Евстрата, оле дерзости! и вторично крестити смѣлость возымѣ, и долго сей раздоръ въ нихъ протяжеса, даже до лѣтъ настоятельства Симеона Діонисіевича (7239 — 1731 лѣта), кій своими мудрыми богословцями оный раздоръ погаси.

...Что же потомъ въ оной его Θεодосѣевыми учепки новособранной Ряпинѣ обители учинися, яко же настоящая умилная являеться. Ибо ту поселившіися начаша жити житіемъ весьма многозазорнымъ, пїанственные и всякихъ безчинствъ умножишася сонмы, и всякая возрастѣ нечистота, подавляющая совѣмъ чистую цѣлу; отселѣ юноши и дѣвы потокоша скорыми ногами къ ново-

* Нѣкоторые пишутъ: послалъ Івана Θεодорова. Мануилъ Петровичъ умре 7267 г. (1759), Марта 24.

любнѣму браку, отсель отверзся дверь еретиконедугующему свѣщенству; прочіи же, елицы богобоязливѣи суще, познаша путь ко инымъ границамъ, мнози же къ презрѣнному прежде ими Выгѣ-пустынному притекоша мѣсту, оттрясающе вложенную въ себе раздора гидру. Изъ нихъ же бѣ нарочитѣи нѣкто Симонъ Іевлевъ: сей съ Выгорѣцкаго жительства причастися и учинися. Что же потомъ учинися во оной Ряпиной обители? На конечное бо попусти Богъ принти умиленное паденіе. Ибо оставшіися въ оной настоятель, Константинъ, оплетшіися такожде любострастными узами, явися всякому безчинію радѣтель, такожде соборъ купляется страстный таковой же страстнищѣ любодѣитѣ, бывшей прежде у него духовной дщери, съ нею же вѣнчася новолюбными Іереями, и потомъ совершенный же жадости отступникъ показуется, всѣми новостей связуется веригами и бываетъ лютый на Христіанъ и презрѣннѣишій гонитель. Пришедъ въ С. Петербургъ, подробно къ Синодскимъ Членамъ Старовѣрцевъ дѣла подноситъ. Они же его потомъ въ Ямбургъ опредѣляютъ и даютъ ему всеполную власть надъ Старовѣрческими дѣлами; гдѣ бы они въ той сторонѣ ни были. Онъ же, принимъ сію власть, весь облечеся въ Антхристову личину и съ помазаннымъ мечемъ новолюбства на Старовѣрство вооружается, и только стѣсни оныхъ жителство въ Копорцинѣ и во оной Ряпиной обители, яко и слѣду обрѣтися въ оныхъ мѣстахъ Старовѣрства не возможно: всѣхъ бо разгна и многихъ подклони подъ нго новолюбныхъ законовъ; паче же оныхъ Ряпинскихъ жителей всѣхъ развѣя, яко и останку на томъ мѣстѣ не обрѣтися, послѣдняя часовня оныхъ въ Чухонскую претворися кирку; послѣди же сіи Ряпиновой обители многожды покушася Оеодосѣвы сограждати общежителства, ово въ Стародубцинѣ, ово и въ Польшѣ; обаче всѣ тыя общежителства только основаніе свое увидѣша, совершенія же своего отнюдь узрѣти не возмогоша, но ови отъ насилія, ови же отъ несогласій многихъ вскорѣ разрушишася и въ небытіе претворшася. Все же сіе, по примѣчанію, содѣяся ради оныхъ гордости и раздору съ Выгорѣцкими общежителами; ибо, по сказанію Златоустову, ни что же тако Бога раздражаетъ, яко еже съ Церковію раздѣлятися, и ниже мученическая кровь не можеть сего грѣха загладити. По бывшемъ же раздорѣ съ Выгорѣцкими жителами, нѣдѣи возбудишася, или паче рещи, очувствовашася

отъ раздорныя заразы, изъ нихъ же бѣ нѣкто Игнатій Трофимовъ, кій не по малу въ нихъ би славимъ учительствомъ. Сей прїѣха въ Выгорѣцїю вкупѣ съ Фодоромъ Калининичемъ, Даниловскимъ учителемъ; въ третїйнадесять годъ отъ раздѣленїя, отъ мїрозданїя же 7227 (1719), при животѣ всепремудраго Андрея, и бывшу у нихъ собору, совѣтовавшимъ о примиренїи, еже обществомъ быти нераздѣльнымъ, и много разглагольствующимъ о томъ, что между ими раздоръ творитъ, паче же о титлѣ четверобуквенной, за надписанїе Пилатова, вновь на Крестахъ полагаемой, о которой много усильствїи отъ Игнатїя было оказано, чтобъ она и отъ Выгорѣцкихъ отцевъ была въ часовнѣ прїята; обаче многопремудрымъ доказанїемъ и увѣщанїемъ Андреевымъ оной Игнатїи многоглагольствовати зѣло преста, и усовѣтовавше, положишася о оной титлѣ до обысканїя древнихъ Крестовъ, дотолѣ, доколѣ же она не обрящется, Выгорѣцкимъ уступити. Егда же сыщутся съ таковымъ надписанїемъ древнїе Кресты, то бы ихъ въ часовняхъ становити. Все же сїе отецъ Андрей творилъ, снисходя оныхъ грубости, подвизаяся угасити раздорнымъ пламенемъ пылающїа сердца, въ чемъ тогдашнее примирительное писмо, въ 7227 (1719) писанное, значить. Обача сїе примиренїе не во всѣхъ Феодосеевыхъ принято бысть, но зѣло малѣйшихъ; множайшіи же не склоняшася принять мѣрныя договоры, и пребыша тако въ неуступаемомъ раздорѣ, ревнующе яко бы по ономъ же всекрѣпцемъ четверобуквеннаго надписанїя догматѣ; паче же Новгородстїи, Старорустїи и Московстїи обыватели, въ томъ прилежащїе, никогда согласитися съ Выгустынскими жителями не могоша; тако бо злобою ихъ сердца всепрокаланный діаволь помрачи. Нѣкогда бо отцу Андрею Дїонисовичу, прїѣхавшу въ царствующїй градъ Москву (1717), ради нѣкихъ орудїи, и ставшу въ Красномъ Селѣ; бѣ же съ нимъ согласуясь и весьма довѣрясь къ нему купецъ, прозванїемъ Ковуровъ, къ нему же изъ Старой Руси прїѣха Евстратъ Феодосїевъ съ двадесатїю стариками. И со онымъ Ковуровымъ нача обѣщатися за то, что онъ не единственъ бѣ со отцемъ Андреемъ. Отецъ же великодушный вопрошаше онаго Ковурова, что обществуеть ли съ нимъ Евстратъ? Онъ же объяви Евстратово съ прїѣхавшими съ нимъ несобщество. Андрей же рече ему: «Аще онъ не общается, и ты съ нимъ не общайся; аще ли въ томъ не рааньствуеть,

и ты не равняйся! Сщевья баше въ мудроу отцѣ, Каеолчѣскіа Церкви учителѣ, Каеолческій духъ, таковое великодушное твораше къ раздорствующимъ снисхождение. Не яко же нынѣшнихъ многогластвуемыхъ раздорниковъ скорое вражды и немирное предложение, не точію въ какихъ преданіяхъ, но и въ поучительныхъ сѣткахъ, могущихъ между усобную брань воздвигнути, и толико въ смѣхъ нетерпѣливыхъ, яко и сіе изчести не безъ великаго утрудненія. Но о сихъ убо оставльше, о подлежащемъ да речется. Что убо творить оный Игнатій, по содѣявшемся со отцами Выгорѣцкими мирѣ, на немъ же обѣщася разыскати древнихъ творчествовъ Кресты, имѣющіе четыре буквы? И егда пріѣха во свояси, много отъ нелюбителейъ мира потязася, яко бы по нихъ за неправильный миръ, на немъ же четырехъ буквъ не возможно въ Выгорѣцкихъ мѣстахъ вмѣстити. Игнатій же отъ сего паче нача ко обысканію простиратися, и всюду облетая, искаше оныя титлы, гдѣ бы обрѣсти, и не возможно, токмо у людей нѣгдѣ на спискѣ Вѣтковскаго Поповщинскаго согласія, кімъ противу трисоставнаго Влысонова, такожде Поповщинскаго согласія, писаху о Крестахъ трисоставныхъ, понеже послѣдователи Влысонова вмѣщашу и четвероконечный Крестъ въ поклоненіе, Вѣтковскаго же сего не пріемляху, и того ради свидѣтельства точно о трисоставномъ единомъ полагаху, а надписаніа, яко не споримое отъ обонѣхъ странъ, какъ хотяху, такъ и надписываху; того ради на многихъ, или паче и на всѣхъ, сіе четверобуквенное начертаніе изобразиша въ своихъ спискахъ, которые въ руки Игнатъевы попадашася, ихъ же онъ обрѣтъ, зѣло возрадосася и всюду по своимъ послѣдователямъ разглашаше, доказуя свое четверобуквенное надписаніе быти неуреоборимое и толикии свидѣльствы подкрѣпляемо, и не точію своихъ послѣдователей самъ оглашаше ушеса, но и къ Выгорѣцкому обществу прилежащихъ наполняя слухи, удостовѣряя гѣми быти свою истину, Поморскихъ же яко бы недостовѣрность. И пріѣхалъ съ оными къ выше помянутому Θεодору Калиніеву, учителю Даниловскихъ странъ, и по тому сіи списки предъ очеса представляетъ и зѣло велехвалъствуется ими, на Поморскихъ же многую и неистинность возлагаетъ; той же не возможно оныхъ разобрати неправость, и указа на отцевъ Поморскихъ тое обысканіемъ рѣшити; и оба согласившиси, паки въ Поморскіе предѣлы воспріяша, съ нимъ же бѣ и Максимъ

Марковъ, Московскій житель. Но тогда нѣчто оному учителю Игнатію неблагоостройно въ проѣздѣ быти случися: Богъ тако наказа за несправедливыя доводы. Приѣхавше бо на нѣкоторое озеро, прочіе же благополучно проѣхавше, подъ Игнатіемъ же ледъ проломися и сани опровергшися, его покрыша; спутницы же, ощутивши Игнатіево бѣдствіе, едва уже утопающа онаго извлекша, и потомъ еле жива, не замерзша, онаго до подворія довезоше, таже потомъ приѣхаша въ Выгорѣцкое общежительство благополучно, въ лѣто 7244 (1736), въ мѣсяцѣ Генварѣ, по представленіи уже блаженныя памяти отца Андрея мудраго, и пріяты отъ отецъ быша радостными сердцами: и поконша оныя душевно и тѣлесно, всяко тѣмъ творяху споспѣшествованіе. Отъ Игнатія же учителя предложены быша выше реченные списки: благомудрые же и тогда отцы, Симеонъ Діонисовичъ и Трифонъ Петровичъ, взята ихъ на разсмотрѣніе, и разсмотрѣвше, повелѣша собору быти, и на соборѣ оныхъ неправость начаша предлагати, во первыхъ: обрѣтше свидѣтельство о крестѣ Антонія Римлянина, на немъ же яко бы и надписаніе четверобуквенное, который тамо засвидѣтельствованъ имъ быти принесенъ изъ Римскаго града и дарованъ Княгинѣ блаженной Ольгѣ премудрой. Отцы же рекоша Игнатію: «Какъ быти можетъ сіе достовѣрно свидѣтельство, что Антонію подарити крестъ Княгинѣ Ольгѣ, кая прежде Антоніева приплытія въ Россію бѣ вѣдѣ двою ступъ?» и сія ложь лъвая всѣмъ разумна бысть, паче же Игнатію Трофимову и зазорна. Отцы же и другія свидѣтельства во оныхъ Игнатіевыхъ спискахъ прибравше, также, де, недостовѣрными показаша и засвидѣтельствованы быша, тако: Крестъ жены кровоточивой, да другой на Евангеліи яко бы изображалъ Григорія Богослова, и подписаны Россійскими писменны и принесены быша сія вещи въ Россію отселе назадъ за тысящу лѣтъ. Отцы же противу тѣхъ свидѣтельствъ глаголаша: «Какъ же сіи доводы могутъ быти достовѣрны, понеже во она времена Россія ниже быше просвѣщена Благовѣріемъ, и ниже письменъ начертанія знаеше?» и прочая быти недостовѣрна и лжею помазана освидѣтельствоваша; чего ради учитель Игнатій много постыдися, яко о конечной неправости, и прощеніе предъ отцы приношаше, и потомъ оныя списки огнесожженію предашася. Учитель же Игнатій мало спокоенъ во своа съ миромъ возвратися; егда же своихъ достигне предѣловъ, пакы

забвеніемъ облагается своихъ бывшихъ многозаборныхъ свидѣтельствъ, кѣмъ бы достало до кончины своей жизни памятовать незабвенно; онъ же ово своими мыслями колебляся, ово же и своими послѣдователи побуждаемъ, яко никогда спокойнымъ миромъ не научившимися поступати, паки возбуждается прежними раздорныхъ бурей вихри на Поморскіе пустынножителіи сбѣати: написа бо по ономъ второмъ его прїѣздѣ въ третій годъ въ монастырь писмо, въ немъ же зѣло хулить и поносить Игнатія Палеостровскаго страдальца, а согласницы его толико на его, великопремудраго мужа, такожде и на Выгорѣцкихъ жителей, вооружившася хулою: «Сія, рѣша, оле дерзости! блевотина, еже чetyрехъ буквъ не принимати, изыде въ Поморцы отъ Игнатія Палеостровскаго,» и прочія хулы возносяще на Выгорѣцкую правость оглаголоваху. На сіе же Игнатія Трофимова писмо писа многодowodственную епистолію Даниилъ Матеѣвичъ, въ немъ же описуетъ Игнатія Палеостровскаго, яко же высокаго житія, тако же и благочестность разумнія, и крѣпко онаго своими словесы защищааетъ, которая его епистолія послана бысть въ царствующій градъ Москву: сіе же бысть во время на здѣшнія страны Комисейскаго наѣзду (1739, а окончали 1744 г.). Потомъ же и самъ Даниилъ въ Москву, ради нѣкихъ нуждъ, отѣхавъ, и тамо болѣе годищнаго времени у Христіанъ пребысть; въ то бо время прилучиса Игнатію Трофимову въ Москвѣ быти, и тамо проповѣдаше всѣмъ четверобуквенное надписаніе право быти, на Поморскихъ же непріятіе много неправностей полагаше, въ своей же проповѣди увѣряше всѣхъ крестомъ Царя Константина, который въ царствующемъ градѣ во Успенскомъ соборѣ обрѣтается, на немъ же доказоваше быти подлинно оному четверолитерному начертанію, самъ же никогда своими очами его видѣти улучи. Отцы же, тогда въ Москвѣ прилучившіеса, Даниилъ Матеѣвичъ, выше именованный Ѳеодоръ Калиничъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Ярославскій, Михаилъ Григорьевичъ, и прочімъ съ ихъ страны, собравшеся вкупу, повдоша во Успенской соборъ (1744 г.), поемше и онаго учителя Игнатія, и даша стражемъ сребренники, да вынесутъ передъ тѣхъ очі оный Крестъ Константиновъ, иже и вынесенъ бысть изъ алтаря и положенъ на налой, къ которому приступивше отцы, прилежно смотрѣша Игнатіемъ проповѣданнаго, но того усмотрѣти отнюдь не возмогоша, токмо на

чертаиное сіе: «Ісѣ Христосъ. Смиѣ похваднѣ» ииѣется, яко же и самоличнѣ иѣкнѣ благочестивый Монархъ на небеси звѣздами избраженное видѣ, и исторією тое засвидѣтельствовано бысть. Сие убо зряще отцы начертаніе, указываху Игнатію: «Зри убо, глаголаша ему, тобою засвидѣтельствованный Крестъ, его же ради мы и вашего ради свидѣльствованія на немъ четырехбуквеннаго надписанія, потрудихомся сѣмо принѣти, еда на немъ оное обрящется!» Онъ же, возрѣвъ на оный, и не видѣвъ того, и паде на землю и бысть безгласенъ на много часъ. Отцы же, подѣемше его, вонъ изнесоша изъ собора, и потомъ очувствовався, позна свое согрѣшеніе, нача предъ оными прощеніе приносити, каияся въ прежнемъ своемъ ложномъ на оныя указаніи. И по ономъ засвидѣльствованіи согласишася съ обохъ странъ быти собору, и на немъ своему раздору рѣшеніе учинити; и собрашася въ Преображенское (1744 г.) въ домъ иѣкогого Сергѣя Мартынова, и быша многіе разговоры о происходящемъ несогласіи; между тѣмъ Игнатій Трофимовъ Даніилу нача глаголати, чтобъ ему положила начало испроститися. Даніилъ же требова у него причины, чесо ради ему прощатися. Игнатій же предложи въ причину тогда въ Поморіѣ начавшееся богомоліе и нарицаніе прилагательнаго имени. Даніилъ же ему рече, что я безъ совѣту своихъ старѣйшихъ не могу сего учинити, я прирекъ ему сіе: «Да и ваша, Игнатія Трофимовича, правость не велика, когда отъ васъ всѣмъ предлагашеся на Константиновомъ Крестѣ четверобуквенное начертаніе, еже мы съ тобою осмотрѣше, ивное ваше лжегласіе признахомъ; однако мы и въ томъ не много вяжемся.» Отъ Игнатія же принуждашеся Даніилъ, да оставлено будетъ у нихъ богомоліе. Даніилъ же на то ему отвѣтствоваше, что онъ безсовѣтно не можетъ сотворити и ради тогда состоявшіяся Комисіи; егда же оная минется, тогда у насъ оное будетъ, или богомоліе оное прекратится, или на то вамъ свидѣльствовами удостовѣрено будетъ. И тако въ томъ намѣреніи согласившеся, начало общее положиша, и тогда прилучившемуся празднику Сошествію Святаго Духа, задостойникъ: «Радуйся, Царице!» пропѣвши, радостно ликовствоваху (1744), въ мирномъ и союзномъ соединеніи радостнѣ разыдоша кѣждо во свояси и быша въ томъ единствѣ лѣтъ осмь (до 1753 г.). И Даніилъ Матѣичъ прѣѣхавъ во общежительство, о богомоліи цѣлую книгу сочини,

въ ней же приведе премножайшія свидѣтельства изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. И потомъ нѣци изъ нихъ, ревность имуще не по разуму, Илья Ивановъ, да Феодоръ Аникинъ, который и нынѣ живъ, аще потомъ и раскаяся, начаша съяти несогласіе съ Выгорѣцкими общежителѣи и онымъ съ послѣдующими, и собравшеса, конечно раздоромъ ко онымъ возгорѣшася, и по нынѣ онымъ огнемъ пылають; паче же въ нихъ нынѣ ненавистию зѣльною болей на Поморяны Илья Ковылицъ, кій, бывши въ монастырѣ по Московской заразѣ смертоносной, ни коего общества не показа, напаче вѣрныхъ ревность свою обновѣ, вѣчную непримиримую брань съ Поморскими быти проповѣда, составивъ по себѣ нѣкіе пункты своего мнѣнія, на которые отецъ Даниилъ возраженіе учини, и отложи до онаго прїѣзду Ильина, аще и раздорствоваху заочно, а въ случившійся прїѣздъ въ монастырь никто не дернулъ таковое несогласіе показати. Тако вамъ, слышателие, краткодѣйствіе раздора Феодосіевыхъ съ нами отъ начала даже до нынѣ протекохъ: васъ же прошу невнимательныхъ быти, попробовати прилежнымъ чтеніемъ онаго, какое въ томъ горестное вкушеніе обрѣтается, и колико Богъ оныхъ дерзость въ томъ наказаніемъ смиряше, приводя ихъ ко вниманію, однако видятся, что ихъ мало къ полезности обращается. Богъ же терпѣливый, все до времени снисходитъ, или, наказавъ челоуѣка и видя не исправляющася, оставляетъ его на вѣчную казнь, яко же и Иудеовъ, за несогласіе много наказывалъ разореніемъ, и потомъ потерпѣвъ нѣколко, и конечно преложи оныя на вѣчное разореніе: разгнавъ бо ихъ по лицу всея земли, и даде всѣмъ языкомъ въ поношеніе и поруганіе; ибо онъ, Всемогущій, ни о чемъ только не гнѣвается, колико о междоусобной Христіанъ враждѣ, еже и выше о семъ назнаменовано бысть. Мы же, слышаще таковое богогнѣвное за раздоръ наказаніе, и внявше отъ доказаніевъ, яко Богъ паче всего раздражается за несогласіе Христіанъ, того ради оный всераздорный мракъ прогнавше за Евїоны, и Индіаны, и антиподы, и Тадировы острова, и мирнымъ и союзнымъ свѣтолютіемъ просвѣтившеса, и вкупѣ единственнѣ славяще Троицкостасную Троицу, прославимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и во вся вѣки. Аминь.

1796 года сію исторію сочинилъ Тимоѣй Андреевъ, Поморской Лексинской Старшина. *

III.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ИЗЪ ПОЛЬШИ, НИСАННОЕ ОТЪ ФЕОДОСІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЪ ПОМОРЬЕ, ОБЪ ОБЩЕМЪ И БРАТСКОМЪ СОВѢТѢ О ЦЕРКОВНЫХЪ ДОГМАТЪХЪ.

Была у васъ съ нами прѣя, егда прїидеть отъ невѣрныхъ мужъ съ женою совокупивыйся законнымъ бракомъ прежде познанія Христіанскія Вѣры, и по познаніи Вѣры и по святомъ крещеніи; глаголали вы къ тому прочее, то ихъ брачное совокупленіе не наречется законный бракъ и безъ втораго вѣнчанія по крещеніи отъ Христіанскаго Священника, по тому ихъ первому законному браку, въ жену ему имѣть не возможно. И нынѣ мы, будучи съ вами обще на бесѣдѣ, прилѣжно смотрѣли во Апостольскомъ и Отеческомъ преданіи, и то ихъ первое брачное совокупленіе законный бракъ нарицается и безъ втораго вѣнчанія въ церкви имѣется (Святой Златоустъ на послап. 1-е Коринѣ. бесѣда 19; 6-го Вселенск. Собора 72, глав. 26, и Матѣ. Іерусалим. состав. 3; Севаста Арменопула Правильникъ книга 8-я, Іосифа Патріарха Разговоръ. И мы о семъ ищемъ отъ васъ въ примиреніе, да не будетъ впредь у вашей любви на той законной бракъ зазора и порока, да не будемъ Апостольскому и Отеческому преданію противницы, паче же и хульницы.

---

* Тимоѣй Андреевъ принадлежалъ къ Поморскому Согласію; онъ жилъ 30 лѣтъ въ Выгорѣцкомъ Поморскомъ монастырѣ, гдѣ и кончалъ жизнь свою въ 1808 г., въ 63 г. Онъ много написалъ въ пользу своей общины, въ томъ числѣ и помѣщенную здѣсь «Исторію раздѣленія Феодосіевцевъ съ Поморцами,» съ скихъ ихъ начала.

IV.

ОТЪ ПОСЛАНИЯ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ЯРОСЛАВЛЬ КЪ БАЛЧУЖНЫМЪ
ВЪ 7292 ЛѢТО (1782 г.). *

Внемлемъ о тѣхъ, которми бракъ до Вѣры сошедшихся и пришедшихъ въ Вѣру, то не за бракъ быть вѣняють; но блудомъ нарицають. А за самое сіе, что, де, безъ вѣчанія бракъ быти не можетъ, но блудъ. Но видите, друголюбцы, что сіе реченіе аще не имущимъ разума подобное, яко же и безочивымъ гладкость, множицею бываетъ претыканіемъ, а имущимъ очи и зрящимъ свѣтъ, то не можетъ быть ни что же преткновеніемъ, но яко же стѣнь вѣнится ему, тако и имущимъ разумъ и Божественное Писаніе вѣдущимъ, то сіе реченіе ихъ не вѣнится въ правду и наказаніе, но паче явится прелесть быти, зане супротивно является воли Божіей.

Но слыши, что Господь ко Іудеомъ глаголетъ: «Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ отпущай жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовать» (Мате. 5, 32); и аще Спаситель Жидовомъ не повелѣваетъ оставляти женъ своихъ, то явѣ есть, что брака ради оставляти не повелѣваетъ. Тожде и Апостолъ Святый вѣрному мужу съ невѣрною женою, тако и вѣрной женѣ съ невѣрнымъ мужемъ, разлучатися не повелѣваетъ, еже и глаголетъ: «А оженившимся завѣщаваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися. Аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпускати. Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благовольтъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще иматъ мужа невѣрна, и той благовольтъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святитъ бо ся мужъ невѣрень о женѣ вѣрнѣ, и святитя жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; понеже бо чада ваша нечиста суть, нынѣ же свята суть» **

* Было отправлено только что образовавшимся обществомъ «Новоженовъ» въ Москвѣ къ учителямъ Филипповскаго Толка.

** Последнее у Апостола читается собственно такъ: «иначе бо чада ваша нечиста была бы, нынѣ же свята суть.»

(1 Кор. 7, 10—14). Такожде и Златословесная уста, толкуя Апостольскія реченія, сице глаголетъ: «Есть нечистъ идолослужитель, и жена есть нечиста, аще бы приобщалася ему въ томъ, въ немъ же нечистъ бѣ, глаголю же, въ нечестіи ямаше и та нечиста быти, и нынѣ же инако убо нечистъ есть идолослужитель, во иной же вещи приобщается ему жена, въ немъ же нѣсть нечистъ; бракъ бо есть и смѣшеніе тѣлесъ, въ немъ же приобщеніе.» Тожде и Вселенскаго Собора отцы 72-мъ правиломъ, иже въ невѣрїи бракъ получившихъ законнымъ нарицають, и единой части пришедшей въ Вѣру разлучатися не повелѣвають; и толкователь Соборныхъ правилъ, Алексій Аристинъ, такожде и Никонъ Черныя Горы, слово 13-е, и въ Тактиконѣ слово 26-е, Матеея Правильника составъ 3-й, и Севаста Арменопула книга 8-я, Юсвеа Патріарха Разговоръ съ Валдемаромъ; а паче что богословесная уста, Григорій Святый, совокупившихся въ невѣрїи бракомъ за бракъ вмѣняетъ и отъ совокупленія не разлучаетъ, а бракъ въ невѣрїи всякомъ явѣ есть, что безъ священнословныхъ молитвъ. Но обаче Святїи Отцы за сіе ни кого не разлучиша, и аще же вся Православная Церковь въ невѣрїи совокупившихся бракомъ и пришедшихъ хотя и едина часть къ Православію, то за законный бракъ вмѣняетъ, аще же и безъ священнословныхъ молитвъ будетъ, но ниже таковымъ разлучатися повелѣваетъ.

А которїи же, невѣрїя ради жены, или мужа, и боищеся лишени быти священнословныхъ молитвъ, и отъ сожитія разлучаются, то таковыхъ Златословесная Уста претить мукою, яко же и глаголетъ: «Люто бо согрѣшеніе и не прощено, яко аще идолослужителя разлучится, не хотящу оному, мучить жену Богъ.» И аще разлучающихся отъ своихъ мужей и отъ своихъ супружницъ претить Златословесный мукою, то колыи паче горѣе постраждутъ на сіе повелѣвающїи. А еже нѣщїи глаголють: «Аще, де, брачно жить попустить, то и дѣти раждатися будутъ, а молитвъ очистительныхъ говорить некому: Іереевъ у себя не имѣемъ, того ради и бракъ разлучаемъ.» Но симъ реченіемъ аще и мнятся охрабратися, но обаче оправданіе ихъ не есть по разуму Святїи Церкви, зане аще и глаголють, да не отъ Писанія, но отъ своего мудрованія. Но аще бы и покуслися показати сіе отъ Святыхъ Писаній, да не могутъ, зане Церковь Православная та-

коваго ученія не имѣть, еже бы аще гдѣ не быти Священника, ту и бракъ разрушати; но сего всего нѣсть; ибо и множицею прилучается у мномо Православныхъ, въ неприлученіи Священныхъ лицъ за дальнымъ растояніемъ, или паче рещи во время належащаго гоненія, бывають размыслиніе Священной руки, запе не возможно и обрѣсти Іерея. Но обаче Святіи Отцы таковыхъ отъ сожитія не разлучиша, и впредь разлучати не повелѣша, и законнымъ наименоваша, яко 72-е правило 6-го Собора являетъ; но не токмо отъ сожитія не разлучиша, но и дѣти раждати не воспретиша, но паче еще бесомнительно со Апостоломъ и заповѣдаша, яко же Апостолъ сице глаголетъ: «понеже бо чада ваша нечиста суть, нынѣ свята суть:» а Златословесный, толкуя сіе, сице глаголетъ: «Сирѣчь, не нечиста;» той же свята нарече, богатствомъ реченія, паки изгоняяи сицеваго мнѣнія страхъ.

Аще же Святое Писаніе вѣрному съ невѣрною жити и дѣти раждати повелѣваетъ, то да посрамятся отъ сего, которіи и обонхъ вѣрныхъ разлучаютъ. Но негли еще будутъ оправдатися симъ: «Аще, де, и попущено вѣрному съ невѣрною жити и дѣти раждати, но тогда, де, Священные чны были и было кому молитвы очистительныя говорити.» Но да постыдятся сіе глаголющии: еже бы невѣрную родительницу Православнымъ Іереямъ молитвами очищати, сіе весьма не свойственно есть и чуждо.

Аще же не постыдятся глаголати, то да явятъ намъ, въ каковомъ законѣ обрѣли, еже бы невѣрной родительницѣ молитвы очистительныя говорити; и аще же сего не покажутъ, то да устрашатся, законные браки, не разлучаемые Богомъ, разлучати.

И аще же прещеніе сіе ужасно вмѣнится имъ быти, то да покажутъ намъ отъ Святаго Писанія, гдѣ есть написано: «аще не въ бытность Священника, то бракъ разлучати.» И аще же сего не покажутъ и на своемъ мнѣніи останутся, а не на Святомъ Писаніи, то да устрашатся сице реченныхъ: «Тать есть и разбойникъ не отъ Писанія глаголай; еретикъ онъ, кто мнѣнію своему крѣпце прилѣпляется.»

---

* Въ Апостолѣ иначе это читается, о чемъ см. предыдущее примѣчаніе.

V.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

ТЕОДОСІЕВЦЕМЪ ПОМОРЦАМЪ О СЪЕДИНЕНІИ ВЪ ОДНО СОГЛАСІЕ.

Это было писано въ родѣ примиренія Преображенцевъ или Теодосіевцевъ съ Филипповскимъ Согласіемъ, послѣдовавшаго въ Москвѣ, въ 1780 г. Изъ этого документа мы видимъ, что почти одинъ духъ ученія, какъ у Теодосіевцевъ, такъ и у Филипповцевъ, съ тою лишь, разницею что Филипповцы посягаютъ на самоубійство, самосожженіе, изъ вѣроисповѣднаго изступленія, тогда какъ Теодосіевцы въ прегрѣшеніяхъ, или въ столкновеніяхъ съ Внѣшними, только епитиміей гонятъ предъ своею общиною, поклонами при соборѣ и постами. См. Сборникъ. Н. Попова т. 4-й: «Поляскій Уставъ и Чинъ оглашенія.»

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Аминь.

Во извѣстіе боголюбивѣйше и братиѣ о мирномъ устроеніи, на чемъ полагаемъ примиреніе, о томъ въ сихъ статяхъ напишемъ:

1.

Вѣру Православную и всѣ уставы Древлеправославныя Церкви Христовы писанные и не писанные хранить твердо и неизмѣнно, а новинъ всѣхъ всѣми силами бѣгати и удаляться.

2.

На Святыхъ Крестахъ надписаніе имѣти, по преданію и содержанію Древлеправославныя Церкви: «царь славы ісусъ христосъ.» и проч. Четырехъ же литеръ сихъ: ѿ. ѿ. ѿ. ѿ. за святоцерковное не вынати и съ таковымъ надписаніемъ Крестовъ на поклоненіе не поставляти, и, еже въ первобытномъ Пилатовомъ на Крестѣ написаніи имѣется во Святомъ Евангеліи и у

богословцевъ, сказанія сего въ доводъ, или въ защищеніе, оныхъ четырехъ литеръ не приводити, и о сущемъ томъ Пилатовомъ написаніи согласно со Святымъ Писаніемъ разумѣти, и гдѣ во Святомъ Писаніи како написано, тако и пріимати. Понеже и Церковь Христова Древлеправославная сего Пилатова изображенія на Святыхъ Крестахъ не имѣеть, того ради и намъ имѣти не подобаеть. *

3.

Браковъ, до Православныхъ Вѣры полученныхъ у еретиковъ и иноязычниковъ, по пріятіи истиннаго крещенія, и за неимѣніемъ священныхъ одѣ лицъ и священнаго устроенія, ** въ церковь не пріимати и церковнозаконными и Богомъ совокупленными оные браки не нарицати, и таковыхъ бывшихъ брачныхъ на чистое житіе пріимати, и единодомовное же имъ житіе и супружескими имени нарицатися, по нуждѣ нынѣшняго времени, поущати; преступающихъ же чистое житіе и плотскими смѣшающихся, правильно наказывати, по содержанію прежнихъ, Поморскихъ отецъ. *** Апостольскихъ же поущеній и разсужденія о бракахъ вѣрныхъ части съ невѣрною въ доводъ выше писаннымъ бракомъ не приводити, яко оное поущеніе и разсужденіе бысть въ Первенствующей Церкви и при священныхъ лицѣхъ. ****

4.

На торгу у иновѣрныхъ, продаемое брашно и отъ рукъ иновѣрныхъ доспѣтое сквернымъ не порицати, и по нуждѣ и во об-

* Но самая-то Церковь Древлеправославная у васъ ли пребываетъ твердо и неизмѣнно съ Іерархіею священною и Таинствами Святыми?

** За чѣмъ же и покрещивать? Вѣдь вѣтъ у васъ священнаго устроенія, безъ ко-его ни какаа Церковь неммыслима?

*** До Поморцевъ вашихъ были Святые Отцы: по чему же не по правиламъ сихъ Отцевъ? И что у васъ за отцы? Отцами бывають по двумъ порядкамъ, естественному и благодатному. А какъ браковъ у васъ нѣтъ, то отцами въ первомъ отношеніи вамъ нельзя быть; священнои Іерархіи вы тоже не принимаете; стало, и по второму нельзя отцами быть: кто бо васъ раждаетъ духомъ и ставитъ въ отцы духовные?

**** Но и въ послѣдующее время истинно Православная Церковь неотвѣнно руководствовалась симъ правиломъ Первенствующей Церкви.

стояніи вновѣрныхъ таковое брашно пріимати и ясти безъ сомнѣнія, по Апостольскому завѣщанію, со обычнымъ благодареніемъ и Креста знаменіемъ. *

5.

Молитвъ Священническихъ простолюдиномъ нигдѣ не чятать и въ Свѣтлую Недѣлю при Службѣ на отпустѣхъ Креста не воздвизать и рукъ не подымать, но, вмѣсто подыманія рукъ, Крестнымъ знаменіемъ знаменатися.

6.

Въ посты во аллилуйные дни поклоны отправляти по уставу, въ праздники же земными поклонами не епитимниствовать.

7.

Отъ Виѣшнихъ и новоженоевъ иконнаго воображенія не пріимати, и къ нимъ Христа славити не ходити, и молебное за нихъ, по обѣщанію ихъ, не пѣти, и приносоевъ отъ нихъ за Службу не взимати, и младенцевъ отъ нихъ и отъ познанныхъ, безъ обѣщанія въ Вѣру родителей, въ крещеніе не пріимати; а которые люди крещаютъ младенцевъ и большихъ, а богословныхъ глаголѣ не знаютъ, или въ погруженіяхъ неисправно, и таковыя разсмотрати, и не по формѣ исправленныхъ за крещенныхъ не пріимати.

8.

Виѣшнимъ ** присягу дающихъ въ церквахъ ихъ, или въ лицѣ своемъ *** кого къ таковой присягѣ посылающихъ,

---

* Здѣсь одно Апостольское завѣщаніе пріимать, а другое, въ 3-й статьѣ указанное, устраниено: на что же это похоже?

** Т. е., истинно Православнымъ.

*** Здѣсь рѣчь идетъ объ ихъ исповѣданіяхъ и другихъ заявленіяхъ Правительству, или Церкви. «Исповѣданіямъ» у Старообръцевъ называются обязательно представляемые Правительству (по временамъ) акты, въ которыхъ каждая об-

такоже и Попамъ дающихъ о написанныхъ въ духовныя ихъ книги, таковыя отъ нихъ искупающихъ, или кое приношеніе и поможеніе Внѣшней Церкви творящихъ, или письмама каковыми и подписками вредными предъ Виѣшними себе обязующихъ, или развращеннымъ ихъ образомъ поклоняющихся, всѣхъ таковыхъ разсмотрити и по достоинству наказовати, а безъ наказанія не оставляти.

9.

Съ Монастырскими (Поморцами) нынѣшними и съ новоженами общенія въ моленіи и яденіи не имѣти, и за сообщеніе съ ними наказывати, приходящихъ же отъ нихъ въ судьбы Божія оставляти. Такжеде и Новгородскія страны Оеодосія, Игнатія, Терентія, Евстратія, Иліи и прочихъ съ ними и по нихъ писанія, иже о Православнѣй Вѣрѣ и противу новостей, и съ прочими выше писанными Соловецкими и Поморскими прежними пріимати, а яже по раздѣленіи ихъ отъ Поморскихъ отецъ писанная о четырехъ литерахъ и о бракахъ, до Вѣры пріятыхъ, оправдательная и поносительная, тѣхъ не пріимати, и того раздѣленія за право не почитати, но симъ мирнымъ единомыслиемъ, яко не бывшее, вѣчному забвенію предати.

И тако, которые согласны симъ статіямъ будутъ, съ тѣми и союзъ въ томъ, съ Божіею помощію, содержатъ; елици же не согласны и супротивны сему являтся и согласитися и подписати не хотятъ, съ тѣми, яко съ презирателями церковнаго мира, но подобающемъ увѣщаніи и наказаніи, мира и общенія не имѣти; крещенныхъ, или въ монастырѣ молившихся, или самихъ новоженовъ и прочихъ отъ нихъ, овыхъ и со Внѣшними въ общеніи бывшихъ, съ правильнымъ чиномъ пріимати и по достоинству исправляти, и младенцевъ отъ новоженовъ, безъ обращенія родителей, не крестити, и въ прочемъ отъ нихъ по Писанію и по утвержденію прежнихъ отецъ поступати.

пцина излагаеть, для свѣдѣнія подлежащимъ Властямъ, главныя основанія своихъ вѣрованій и формы своихъ обрядовъ.

10.

Прежнихъ отецъ почитати и въ поминовеніи содержати всѣхъ, отъ лѣтъ Никоновыхъ, не уклонившихся къ новостѣмъ и за Древлеправославные догматы пострадавшихъ и разнообразно во время гоненія скончавшихся, Соловецкихъ и Поморскихъ: инока Игнатія, Петра, Даниїла, Андрея, инока Филиппа, и прочихъ съ ними и по нихъ бывшихъ, согласныхъ имъ; и писанія сихъ отецъ, яже противу новостей, * и прочая писанія, во утверженіе Христіанства изданная, прїимати, аще и недоумительная же нѣкая въ таковыхъ писаніяхъ, или ими по смотрѣнію учиненная. Богу на шему, въ Троицѣ прославляемому, буди отъ насъ всяка слава, честь и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь. **

VI.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

ИЛИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА ПОМОРЦАМЪ ИЛИ ИСПОВѢДАНІЕ.

Оеодосіевцы, разъ уже отторгнувшіеся отъ Поморскаго Согласія, были то враждебны, то примирительны къ Поморцамъ, какъ это часто бываетъ между разновѣрующими. Они старались примириться съ основателями Безпоповщины чрезъ предводителя своего, Оеодосія, въ 1706 г., но попытка ихъ не удалась. Въ 1727 году Оеодосіевцы снова пытались прекратить возникшій разладъ, но Поморцы не склонялись на требованіе Оеодосіевцевъ. Илья Ковылинъ также было написалъ, вмѣстѣ съ своими единомышленными, Исповѣданіе, въ которомъ, въ видахъ примиренія, дѣлалъ нѣ-

* Т. е., должно слѣдно и безирекословно вѣровать въ сочиненія первыхъ святыхъ Раскола.

** Это предложеніе Оеодосіевыхъ Поморцамъ, по замѣчанію Павла Любопытнаго, должно быть написано въ 1780 году въ Москвѣ.

которыя уступки. Но это были хитрыя обѣщанія, которыя онъ и не думалъ исполнить. Въ послѣдствіи, когда онъ полновластно управлялъ общиною, онъ постановилъ: переходящихъ въ его Согласіе, вѣнчанныхъ (даже) по обрядамъ Церкви, отнюдь безъ расторженія брака не принимать (Смот. Чинъ оглашенія, Сборн. т. 1-й). Равно-мѣрно и въ § 4-мъ уступка въ послѣдствіи была также отмѣнена. Въ отношеніи же новоженыхъ Ковылинъ и притворныхъ уступокъ сдѣлать не захотѣлъ. Впрочемъ, всѣ ухищренія Ковылина остались тщетными: этого примиренія на самомъ дѣлѣ не наступало.

И С П О В Ъ Д А Н І Е .

Исповѣданіе общесоборное Правовѣрныхъ Христіанъ, * истинныхъ послѣдователей Древлеправославныя Церкви, прежде бывшихъ отецъ Поморскіи обители: Данила Викулича, Андрея Діонисіевича, старца Θεодосіа, отца Филиппа и прочихъ всего общежительства, также Московскихъ настоятелей, Игнатія Трофимовича, Θεодора Θεодоровича, Θεодора Калнича, и прочихъ.

«Понеже пустынножители пріяша обычай отъ Древлеправославныя Церкви имѣти на Животворящемъ Крестѣ подписаніе, по древлецерковнымъ Святыхъ обычаемъ, Кресты имѣдые лити съ древнихъ образцовъ со староцерковными подписаніи, окромѣ Пилатова надписанія, о чемъ премножайшая древлецерковная свидѣтельства имѣемъ; а како о Пилатовѣ писаніи во Святомъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и приѣмлемъ, а своего преданія отъ тѣхъ святыхъ словесъ, чего тамо не написано, не изводимъ и не предаваемъ, и отъ другихъ своерасуднаго преданія не приѣмлемъ.»—Дождѣ изъ примирительнаго писма. Мы же, ради лучшаго изъясненія колеблющейся сомнѣніемъ нашей любезной братіи, самая Евангельская словеса, самыя святоотеческіе глаголы, самое всея Древлепревославныя Церкви раз-

* Такъ не по праву называютъ себя Безпоповцы, отрицающіеся Таинствъ Христовой Церкви.

умѣніе о надписаніи Пилатовѣ, на первобытномъ Крестѣ, положенномъ надъ главою Христа Спасителя, во время міроспасительнаго страданія, здѣ предлагаемъ, да сими святыми словесы свѣтъ Евангельскія истины въ сердцахъ нашихъ вселится и миръ Божій да возсіяетъ.

Благовѣстникъ, листъ сѣз, Іоаннъ зду. ѿ.	} Въ Исповѣданіи сіи статьи изъ означенныхъ книгъ подлинниками вписаны.
Благовѣстникъ, листъ сѣи.	
Собраніе словъ въ среду Страстныхъ Недѣли, листъ фѣз, на оборотѣ.	
Собраніе словъ въ недѣлю 7 поста покло., листъ фѣи, на оборотѣ.	
Трїодъ Пост. пят. 7 недѣли, трипѣст., листъ тѣе, на оборотѣ.	
Катихизисъ малый, листъ мѣ.	

Се убо наше Исповѣданіе: сице вѣруемъ, сице о надписаніи на первобытномъ Крестѣ Господни исповѣдуемъ, отъ себе ни что не привносимъ своерасуднаго толкованія, свыше сихъ производити трепещемъ, самосмысленнаго мудрованія привносити боимся, глаголющаго, что есть ересь, еже не то же со Святыми мудровати.

Повелѣваемъ иконникамъ живописати и мѣдникамъ отливати съ древнихъ образовъ по церковному всеобдержному преданію, съ царскимъ и богословскимъ надписаніемъ, яко же святыя чудотворныя животвориціе Кресты имуть, еже есть: царь славы іс хс, сынъ божій, и прочіи; четырехлитернаго же надписанія, еже: і. ѿ. ѿ. і., сами не полагаемъ и прочимъ не совѣтуемъ, и съ таковымъ надписаніемъ на поклоненіе не поставляемъ; прочая же о четырехлитерномъ надписаніи, яже прежніе выше реченные отцы, Давидъ, Андрей, инокъ Филиппъ, инокъ Оеодосій и прочіе Выгорѣцкіе, въ примирительномъ написаніи писемъ, сице и мы мурдствуемъ; понеже искушенная разумными мужи содержати благонадежно есть: «Не прелагай, рече, предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои;» * мы же кромѣ сего ни что же мурдствуемъ, или глаголемъ, или толкуемъ, и отъ другихъ

* Притч. 22, 28.

своеразсуднаго толкованія не приѣмлемъ, да не Хамову безстыдію уподобимся, возметающе прародительныя персты.

Всякому же глаголющему, свѣдѣнія ради, боговдохновенное и духо-миро-истекательное Православное и со святою Церковію согласное, пользы духовныя и любви душеспасительныя, и мира церковнаго любительное, все прекрасное ихъ писаніе, здѣ всецѣлое предлагаемъ, да всякъ, чтущи и послушающи, отцелубезное чадо, удобно познати можетъ, кто суть отцелубныи послѣдователи, и кто мира церковнаго нарушители, кто со отцы собираетъ, и кто отцесобранная разсточаетъ:

Копія подлинная съ примирительнаго письма прежде бывшихъ отецъ Выгорѣцкія обители, Даніила, Андрея, Теодосія, Филиппа, и всего тогда обрѣтающагося общабратскаго единомыслія.

Въ лѣто 1727 г., Августа въ 5-й день.

Извѣстіе странныхъ братій, пришедшихъ ради мирнаго состоянія, съ ними же бесѣдовахомъ отъ Святыхъ Писаній и, по желанію ихъ и другихъ братій, въ вѣдѣніе общесогласное примиреніе извѣствуется.

Понеже пустынножителю пріятна обичай отъ Древлеправославныя Церкви имѣти на Животворящемъ Крестѣ надписаніе по древлецерковнымъ Святыхъ обычаемъ, и Кресты мѣдныя лити съ древнихъ образцовъ, съ староцерковными надписаніи, о чемъ премножайшая древлецерковная Святыхъ свидѣтельства имѣются; а како о Пилатовѣ написаніи во Святомъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и приѣмлемъ, а своего преданія отъ тѣхъ святыхъ словесъ, чего тамо не написано, не изводимъ и не предаваемъ, и отъ другихъ своеразсуднаго преданія не приѣмлемъ, но готовое Святыхъ преданіе приѣмлемъ, о чемъ премногая древлецерковная Святыхъ свидѣтельства и противу неистинныхъ наношеній отвѣтствованія достовѣрная на бесѣдѣ вашей любви явихомъ; чесо ради намъ готовому Святыхъ преданію послѣдовати надежно есть; а о оной, Пилатомъ

написанной, титлѣ, воображали ли ю въ Древлеправославной Церкви четырьмя буквами Святін на образѣхъ крестныхъ, о семъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ ищемъ; того ради и писати тѣхъ четырехъ буквъ до подлиннаго свидѣтельства совѣтовати опасеніе имѣемъ, понеже у древнихъ Святыхъ воображены не обрѣтаемъ. А когда прилучится намъ быти въ странныхъ Христіанахъ, и обрѣтающимся у нихъ животворящимъ Крестамъ съ подписаніемъ: царь славы іс̄. х̄с̄. инка, аще и титла на тѣхъ же Крестахъ четырьмя буквами воображена, и тѣмъ животворящимъ Крестомъ поклоненіе творимъ, и инѣмъ совѣтуемъ поклоненіе творити, о чемъ у насъ и прежде на общей бесѣдѣ письмомъ извѣщено, и о семъ вашу братскую любовь молимъ, еже бы потщаніе имѣти, на стародерковныхъ Крестахъ подписаніе обыскивати, благоволяте о семъ доброе и боголюбное радѣніе имѣти, яко же соборнѣ въ Стоглавѣ Православная Церковь повелѣваетъ Святые иконы и подписаніе съ древнихъ переводовъ воображати и древлецерковная Святыхъ извѣстная начертанія во образецъ и во свидѣтельство возымѣти, и отъ Никоніанъ соединенія, отъ нихъ же мы всякихъ тайнодѣльствій опасаемся, состроенныхъ отъ нихъ иконныхъ и крестныхъ начертаній и на нихъ подписанія, чтобъ какимъ невѣдѣніемъ намъ во свидѣтельство и во образецъ не пріяти, и подѣ предѣленіемъ ихъ не быти, но яко же въ прочихъ, тако и о семъ древлецерковными Святыхъ достовѣрными свидѣтельства утверждатися, и о чинѣхъ молитвенныя службы, яже мы пріяхомъ отъ Древлеправославныя Церкви, иначе Соловецкія Святые обители, о чемъ вашей любви на бесѣдѣ явихомъ, и отъ Святыхъ Писаній и отъ Святоотеческихъ обычаевъ засвидѣтельсвовахомъ, и аще нѣкія и различныя чины обрѣдутся, въ томъ другъ съ другомъ разгласія не имѣти, но кому къ нимъ прилучится приходити, имѣти соглашеніе и распри не чинити, да миръ Божій будетъ между Христіаны. Аминь.

Въ лѣто 7280 (1772), Генваря въ 19-й.

Первое. О титлѣ, которую написа Пилать тремя языки вѣлыми рѣчми, мы объ оной первообразнаго Креста титлѣ тако разумѣемъ, яко же Святін отцы намъ предаша и утвердиша, своерасуднаго же толкованія, и разумѣнія, кромѣ святоцерковнаго и отеческаго мудрованія, не приедемъ.

Второе. На честныхъ Крестахъ четверолитернаго надписанія, еже есть: Г. Н. Ц. Т. не надписывати и проимъ совѣтовать, чтобы сицеваго надписанія не воображати, и на поклоненіе съ таковымъ надписаніемъ Крестовъ не поставляти, и подписывать бы честные Кресты, по приказанію Восточныхъ Антиохійскія Церкви, свце: іс. хс., яко же о семъ Святый Никонъ Черногорскій во своей книзѣ воспоминаеть, или по всеобдержному церковному обычаю: царь славы, смнъ божій, распятіе Господа нашего іса хя и прочія.

Третіе. О бракѣ, который прежде познанія * полученъ бываетъ, о томъ согласно со Святими разумѣмъ, своеразсуднаго, и своссамосмышленнаго толкованія о себѣ не составляемъ и отъ другихъ не приедемъ; и приходящихъ же таковыхъ брачныхъ на чистое житіе ** приедемъ, ради неполученія Православныхъ Іереовъ и ихъ освященнаго благословенія на благовременное совокупленіе, понеже, за разсыпаніемъ руки людей освященныхъ, совершеннаго благословенія подати у насъ не кому; того ради совѣтуемъ яже въ брацѣ къ намъ приходящимъ житіе провожать чисто и опасно, преступающихъ же сей обѣтъ правильно исправить. ***

Четвертое. Иже на торжищѣ продаваемое брашно, по Апостольскому ученію, скверно не нарицаемъ, и ядущихъ тое скверноядцами не оглашаемъ.

Пятое. На отпускѣ на Свѣтлой Недѣлѣ рукъ горѣ не воздѣваемъ, и творити тако не поучаемъ.

Шестое. Безъ твердой преграды съ несогласующими молитися запрещаемъ.

Седьмое. Ризокъ при крещеніи имѣющихся настоятельствующимъ взимати на свою потребу запрещаемъ.

---

* Т. е., Вѣры безбрачныхъ.

** Т. е., съ разводомъ супруговъ.

*** Здѣсь уже не совѣтъ, а обѣтъ, въ чемъ большая разница. При томъ, что за совѣтъ съ принужденіемъ?

Осьмое. Молитвъ Священническихъ при исповѣди и при погребеніи отнюдь не читаемъ, и читать запрещаемъ.

Девятое. Аллилуія въ Постъ Великій и въ прочіе три Посты, у насъ грамотные, во общемъ славословіи, по уставу святоцерковному исполняютъ, простые же поклонами отправляютъ.

Десятое. Новоженовъ въ церковь отнюдь безъ разлученія не принимаемъ, по правиламъ Святыхъ отецъ и по установленію прежде бывшихъ нашихъ отецъ и страдальцевъ. *

Одиннадцатое. Съ прежними отцы Выгорѣцкія обители и по примирительному письму 1727 года всякое согласіе имѣть и имѣти совѣтуемъ.

Двѣнадцатое. Всякое безчиніе въ церкви, сирѣчь, въ народѣ вѣрующихъ во Христа Ісуса, прозябнути хотящее, всѣми мѣрами, отражать со всякою ревностію будемъ, безчинствующихъ же и не согласующихъ правому, и истинному, и спасенному мудрованію, ** по первомъ и второмъ наказаніи, неизцѣльно недугующихъ отъ Церкви отлучати совѣтуемъ.

Тринадцатое. Въ недѣльные дни и въ праздники Господскіе, земными поклонами не епитимниствовати.

Четырнадцатое. Отъ новоженовъ и отъ прочихъ несогласныхъ иконъ мѣдныхъ и письменныхъ не вымѣнивати. Къ сему письму Стефанъ Ивановъ подписуюсь; по прошенію ево Федоръ Ефимовъ подписуюсь, Егоръ Федоровъ, Алексѣй Тимофѣевъ, Иванъ Архиповъ, и вмѣсто Васяля Филипова и Андрея Гурьева, и Едокима Никифорова подписуюсь, Иванъ Петровъ

---

* Страдальцевъ разсматривать подаетъ правило Св. Апостолъ, говоря: «Аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно мучень будетъ» (2 Тим. 2, 5), т. е., если не законно будетъ подвизатися.»

** Которое въ Согласіяхъ Безпоповскихъ зависитъ отъ личнаго уиѣнья и силъ.

подписуюсь, Андрей Петровъ Занкинъ подписуюсь, Алексѣй Степановъ подписуюсь, Алексѣй Андреевъ подписуюсь, Михаилъ Евстигнѣевъ подписуюсь, Леонтій Ивановъ подписуюсь, Иванъ Михайловъ подписуюсь, Иванъ Никифоровъ подписуюсь, Иванъ Ивановъ подписуюсь, Зотъ Макѣевъ подписуюсь, Петръ Яковлевъ подписуюсь, Илья Алексѣевъ руку приложилъ за себя и за больничныхъ.

VII.

И И С Ъ М О

ИЛЬЯ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА ПЕТРУ ФЕДОРОВУ ВЪ ПОМОРЬЕ.

Въ исходѣ XVIII вѣка привелось быть въ Москвѣ извѣстному учителю Феодосіевскаго Толка, Петру Федорову, проживавшему почти постоянно въ Стародубѣ, гдѣ онъ распространялъ учене Дьячка Феодосія. По приходѣ въ Москву Петра Федорова, первымъ дѣломъ его было посѣтить Преображенское кладбище, бывшее тогда еще во многомъ согласнымъ съ Стародубскими Феодосіевцами. Такой почтенный гость, какъ Петръ Федоровъ, былъ принятъ главнымъ членомъ Преображенскаго кладбища, Ильєю Алексѣевымъ Ковылинымъ, съ должнымъ почетомъ. Послѣ долгаго совѣщанія съ гостемъ, Ковылинъ приступилъ къ внутреннимъ интересамъ всей общины, спрашивалъ Петра Федорова объ уставѣ или правилахъ общежитія Феодосіевцевъ въ Стародубѣ, между тѣмъ какъ сказалъ, что, въ бытность его въ Даниловскомъ Выгорѣцкомъ монастырѣ, гдѣ его приняли ласково и съ уваженіемъ, онъ стался узнать правила Выговскихъ жителей. Поморцы думали, что рѣзвѣдъ Ковылина былъ съ цѣлью сблизить Феодосіевцевъ съ ихъ общиною, въ слѣдствіе чего и сообщали Ковылину всѣ правила и ставы ихъ монастыря. Ковылинъ замѣтилъ изъ всего видѣннаго въ Выговскомъ общежителствѣ соблазнительное отступленіе отъ правилъ Безпоповскихъ Согласій: это была молитва за царствующаго Государя, или Государыню, произносимая въ Поморскихъ оленныхъ часовняхъ. Осмотрѣвъ весь видъ общежитія ихъ, и изъ чего ни почерпнувъ изъ него, что было бы ему пригодно, Ковылинъ возвратился недовольнымъ Поморцами.

Онъ изложилъ гостю своему, во время бесѣды съ нимъ, цель своей поѣздки въ Поморье, и замѣтилъ между прочимъ о правилахъ Даниловскаго монастыря, что обитель должна разстроиться; ибо Поморскія постановленія принимаютъ бракъ и допускаютъ брачныхъ въ молитвенный домъ, безъ расторженія плъ брака, чрезъ что прихожане, видя такой примѣръ, могутъ уклоняться къ господствующей Церкви, «блуда ради, по его выраженію.» Да и моленіе за Царя было не въ духъ Ковылина. Петръ Федоровъ былъ самъ изъ тѣхъ же закоснѣлыхъ Теодорцевъ, которые уважаемы были Согласіемъ за отшельническій образъ жизни. Проживая почти постоянно въ лѣсахъ Стародубскихъ и имея основательно Теодосіевскія постановленія, онъ предложилъ Ковылину ввести Вѣтковскія правила или уставъ въ Преображенское кладбище. Ковылинъ, послѣ долгихъ распросовъ объ отшельникахъ Стародубскихъ, съ радостію принялъ предложеніе Петра Федорова быть въ этомъ дѣлѣ посредникомъ. Вскорѣ Петръ Федоровъ отправился на Вѣтку, откуда и привезъ ему желаемый уставъ. Для приданія большей важности какъ здивившему, такъ и привезеннымъ имъ правиламъ, Ковылинъ съ братією обоего пола, неся иконы, встрѣтилъ Петра Федорова за оградой общины, положилъ семь поклоновъ; послѣ чего Федоровъ, въ сопровожденіи встрѣтившихъ, былъ введенъ въ молельню. Ковылинъ отслужилъ молебень «сборнѣ», и потомъ, прочитавъ привезенныя правила, цѣловалъ Крестъ, въ знакъ соблюденія ихъ ненарушимо, чему послѣдовали и другіе (а не «блуда ради», т. е., не для размноженія нечистоты, но во избѣжаніе блуда. Такое значеніе имѣютъ слова Апостола: «Но блудоудіянія ради кійждо жену свою да имать, и каяжда жена своего мужа.» 1 Кор. 7, 2. Такимъ образомъ, во избѣжаніе блуда, назначается Церковію вступленіе въ бракъ, а не для размноженія нечистоты).

Для служенія въ молельняхъ недоставало знающаго клира и чтецовъ. Петръ Федоровъ снова отправился въ Стародубскую Теодосіевскую общину, откуда привезъ дѣвокъ причетницъ, и онѣ установили чинъ служенія сообразно Теодосіевскимъ обычаямъ; при томъ обучали уставному пѣвчичь.

Изъ этого мы можемъ видѣть, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ былъ Петръ Федоровъ Стародубскій съ Преображенской об-

ивой. Письмо, помѣщенное ниже, было писано къ нему, въ то время, когда ревнитель Теодосіевцевъ былъ, также, какъ и Ковылинъ, въ Поморьѣ, на тамошнемъ братскомъ соборѣ, въ 1777 году, злыяна, утрашило то, что такой «маститый, и дивный мужъ» къ спускаться къ «брачнымъ.» Письмо это выражаетъ сомнѣніе злыяна и недоверіе его къ слухамъ, будто Петръ Федоровъ предлагалъ бракъ. Онъ подтверждаетъ свое посланіе выписками изъ книгъ, гласящихъ значеніе, которыми обыкновенно Безводовскіе настоятели прикрываютъ своеумудрія свои.

Петръ Федоровъ былъ Московскимъ мѣщаниномъ, какимъ образомъ попалъ онъ въ Стародубскіе лѣса, не извѣстно. Вѣрнѣе всего въ ушелъ туда по какимъ либо причинамъ, касающимся Московскаго мѣщанскаго общества. Онъ не разъ, во время странствій своихъ по Руси, для распространенія своего ученія, заходилъ въ торжскій Даниловскій монастырь. Въ послѣдствіи Петръ Федоровъ былъ наставникомъ общины Теодосіевской, собравшейся въ Петербургѣ, вмѣсто безграмотнаго старика, избраннаго Ильею Ковылинъ; умеръ же Петръ Федоровъ въ Стародубѣ въ 1841 году, на 70 году своей жизни. Этотъ наставникъ Теодосіевцевъ до сего времени уважаемъ своими единомышленными, какъ одинъ изъ лучшихъ ихъ учителей.

Господи Ісусе Христе!

Честнѣйшій отецъ, Петръ Федоровичъ, здравія и спасенія вамъ желаю!

Понудила написать сію убогую хартію заповѣдь Спасителя моего: «не точю други, но и враги любите,» * законополагающа разъ своихъ намѣстниковъ братскаго паденія паче своихъ душоу оплаковати повелѣвающа; то и мы, убогіе, по силѣ нашей, не писанному ревнуя, аще и сами еще въ части учащихся преемемъ, обаче, дондеже дыхаемъ, о братіи нашей претыкающей-Богу зновати и совѣтовати не престаемъ!

* Точно такъ Матѣ. 5, 44 и Лук. 6, 27: «Любите враги ваши.»

Получили мы чрезъ здѣшняго жителя копію соборнаго сочиненія, при которомъ и ваше имя приписано, и яко бы и вы оному согласны и своеручно подписались. Естьли то правда? Только я не думаю въ такомъ мужеумномъ возрастѣ и просвѣщенномъ разумѣ (чтобы) подвержены были вы таковымъ ошибкамъ; но сіе есть человѣческаго свойства; точію требуетъ единого исправленія. Вы вѣдаете сами, честный отче, что Богъ чрезъ пророка глаголетъ: «Горе напалющему ближняго своего питіемъ мутнымъ.»* Въ Поморьѣ же законоположеніе, вмѣсто правильнаго исправленія, преподается яко чаша питія мутнаго, и яко же о семъ вашему любомудрію на разсужденіе братски отчасти о Бозѣ предлагаемъ:

1. Понеже во едино сужденіе положите, и яко брачившихся до Св. крещенія, тако и новоженевъ, и се Святому Писанію весьма прогнивно, понеже чрезъ сіе опровергаете ученіе Святаго Апостола Павла, и возратовасте противъ Святаго Отца Златоустаго, воспротивоборствовасте противу Собора Вселенскаго Шестаго, опровергосте толкователей Божественныхъ правилъ, вознекорствовасте Россійскому первопрестольному Іосифу Патріарху, разгласилсѣ еси ты прелюбезнѣ съ великоревностными страдальцы и со святопочившими мужи, преже бывшими нашими отцами, расторглъ еси единомысліе со отцемъ своимъ духовнымъ.**

2. Въ третіемъ основаніи вашего новосмышленнаго собора о пріятіи новоженевъ написасте неслышанные въ Православной Церкви законы, что отступниковъ Православныя Вѣры и блудниковъ во едино сіе положите, т. е., брачившихся у еретиковъ и самосходящихся единымъ чиномъ пріимати и чотырдесятидневнымъ постомъ грѣхопаденія ихъ исправляти. Но сіе все Божественнымъ закономъ и правиломъ, о блудницахъ и отступницахъ

---

* У пророка Аввакума (2, 15) читается такъ: «Горе напалющему, и одруга свое развращеніемъ мутнымъ.»

** Разумѣются Посланія Феодосія Васильевича, Игнатія, Троишна, Илія Изяснлаго и прочія.

написаннымъ, вновь собою законополагати дерзнувшихъ, со-
противно.

3. Блудниковъ со блудницами и беззаконно брачившихся во единыхъ домѣхъ оставште жити безъ разводу, аще и подь извѣтомъ чистаго житія попустивше единокупно пребывати, и сіе поущено Святымъ Правиломъ ратоборно, и прежнимъ Христіанскимъ учителемъ и страдальцемъ несогласно, паче же тайновѣщеніе нѣкое новомышленное блудническое, яко же нѣкій есфиривый огонь, пожигающій нещадно Христіанскія души, въ церковную породу вседержности введосте, яко Римскій Папа предаде своимъ Латинскимъ Капланамъ.

5. Въ втемъ основаніи соборнаго вашего устава, по третіемъ чадородіи челоувѣкомъ, спасительное покаяніе, данное отъ Божія челоувѣколюбія согрѣшающимъ, отрекосте. Сіе не точію Святымъ Апостоломъ, или Соборомъ, но самому предражайшему нашему Законоположителю, противоборно, иже семдесятъ седмицею единымъ днемъ согрѣшающимъ отпущати повелѣваетъ и тмократицею падающимъ въ скверну тмѣни прощати законополагаетъ.

Подобно же сіе новое ученіе противникамъ Святыя Церкви Новотіаждѣ.

5. Помысли, возлюбленный отче, о предстателѣ сего ново-противнаго собора, кто ту бѣ главно и прочіи по немъ навыкли. Сіи бѣдніи путешественницы темнонощніи не свои ли темнонощныя слѣды, что лисы хвостомъ, застилати мнѣтъ; не своя ли выгоды ищутъ; не свою ли блудолюбную наготу незаконноправильнымъ симъ установленіемъ покрывають, да мнимые ихъ Агниты короводворскія келейницы не отъитые у нихъ будутъ, и во своихъ беззаконіяхъ за потворство нечистожительства не обличени безъ исправленія пребудутъ? Избави мя, премилосердый Боже, отъ осужденія братнаго! Но кто суть сіи древніи Вавилонстіи старцы, судящіе цѣломудренную Сусанну, глаголю, Православную Церковь? Киселевые * Амосы, Симеоны Петровы и Алексій съ

* Объ отвергшихся Православныхъ Вѣры. Апостольск. 22, Гангр. 6, Петра Александ-

Козьмами, и не противу симъ идетъ Даниилъ съ сѣрами. вопро- сами, да отличить любодѣйный залогъ блудлюбивыхъ сидъ стар- цевъ, и да избавить отъ несправеднаго убіенія цѣломудренную Сусанну.

6. Оі коликій отъ сего будетъ соблазнь, коликое претыка- ніе, коликое тайноубійственное паденіе, аки нѣкая темная буря, церковную тихоту возмущати будетъ!

Сократа сіе моленіе, прелюбезный старецъ, именемъ Божиємъ исправи сей прошибокъ, якоже прежши Святіи исправляху, и рукоприкладное подписаніе отъ неправильныхъ соборовъ изглаж- даху; къ сему же помысли истиннаго любомудрія, до коликаго безчестія чрезъ сіе неправильное законоположеніе пріити имуть твоя честныя сѣдины. Аще сіе ваше установленіе выидеть въ по- сторонніе люди, которые обыкоша и правду развращати, колыи паче сидевую несправедливость, паче же рещи явственную зако- ноправильнымъ церковнымъ уставоположеніямъ противность съ потязаніемъ обличати будутъ, и тѣмъ Православную Церковь безчестовати и Христіанскія души колебати.

При семъ со смиреніемъ преклоняю мою главу къ честнымъ вашимъ стопамъ; лобзаю ваши сѣдины своими недостѣйными уст- нами; извиняюсь въ написанныхъ мною, въ которыхъ, вы со- четете за прошибокъ, но точію грубостью моего сердца вамъ откры- ваю. Ей истина! Отъ презѣльнаго усердія и отъ горяція любви

рійскаго, во Акиръ 4, 5 и 7, Григорія Нискаго 1, Василія Великаго 55, Пер- ваго Собора 11 и 12, и Василія Великаго 73; о блудницахъ зри правило въ Кормчей: «Незаконно бывающіе браки, ни чимъ же разиствуютъ блуда.»

Объ именуемыхъ въ единомыслии зазорныя лица: Перваго Вселен- скаго Собора прав. 3-е, и Василія Великаго по Григорію Пресвитеру и проч., и незаконно бывающіе браки расторгати повелѣвають; Апостолъ Павелъ разлу- чати повелѣваетъ и Злагоуетъ беззаконныя браки, 6 Ворманскій соборъ, Никокъ, Матеей, Севасть Арменопулъ, Юсифъ Патріархъ, Номоканонъ отецъ Аео- нскихъ, Потребникъ о Латинскихъ ересьяхъ, Кирилл о вѣрѣ 4 правило, Свят. Апостолъ 52, Ник. слово 51, Вселенск. 1. собора правило 8.

и отъ сердечнаго усвоенія, по должности Христіанской, сія написати, сожалѣя сердечно, подвигся, да не посмѣявъ будещи отъ Бога и отъ человѣкъ, при толикой честности безпорочной вашей жизни! Понеже прочіи узаконители останутся во своемъ отдаленномъ отъ благоразумныхъ человѣкъ пребываніи.

Скончавъ, вамъ всяческихъ благъ желатель

Илія Алексѣевъ.

Сіе писалъ Ілія Алексѣевъ Петру Ѳеодорову, когда онъ былъ въ монастырѣ въ Поморьѣ, въ соборѣ Выгортѣнскомъ 7285. глѣтъ (1777).

VIII.

ПРОШЕНІЕ

ИЛІИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛІИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ОБЪ УИРОЧЕНІИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Было время, когда Расколъ въ Россіи сильно развѣтвлялся, крѣпнулъ, росъ годъ отъ году, или же одно какое ни будь изъ Раскольничьихъ Согласій брало первенство надъ другими. Было время, когда въ Расколѣ Ѳеодосіевское Согласіе занимало видное мѣсто и переходящихъ въ него едва успѣвали перекрещивать. Это былъ 1771 годъ, одинъ изъ самыхъ грустныхъ и знаменательныхъ: въ Москвѣ въ ту пору была страшная моровая язва. Жители древней столицы, пораженные общимъ бѣдствіемъ, покидали свои дома, имущества, толпами бѣжали въ сосѣдніе города и села; о корысти, о сохраненіи своей собственности, въ виду кары Божіей, думали немногіе. При сихъ смятеніяхъ и неурядицъ, какъ въ управленіи, такъ и въ гражданахъ, Расколъ ожилъ, поднялъ голову, и не для того только, чтобы ити къ мятежу, крѣмоу, но и чтобы воспользоваться представившимся случаемъ въ свою пользу, что и сдѣлали Ѳеодосіевцы и другіе Раскольники, жившіе въ Москвѣ.

До 1771 года Ѳеодосіевцы Безпоповцы проживали въ Москвѣ небольшими семьями, въ весьма малочисленномъ количествѣ. Не-

задолго передъ этѣмъ годомъ отпалъ отъ Православной Церкви къ Расколу оброчный крестьянинъ, Василій Алексѣевъ Ковылинъ (по переименованіи названный Ильею). По преданію извѣстно, что переименованіе Ковылина происходило въ Хапиловскомъ прудѣ, въ зимнее морозное время, такъ что онъ едва не поцлатился за свое отступничество жизнію, пролежавъ нѣсколько недѣль въ предсмертной горячкѣ.

Ковылинъ по своему свойству былъ честолюбиваго и гордаго нрава; онъ хорошо видѣлъ, что ему въ средѣ Православнаго общества трудно будетъ занять видное мѣсто и быть передовымъ между своими единовѣрцами, тогда какъ по переходѣ въ Расколъ достичь этого могъ онъ легко. И въ 1771 годѣ Ковылинъ сумѣлъ воспользоваться несчастіемъ однихъ въ пользу своего Феодосіевскаго общества. Во время моровой язвы Феодосіевцамъ суждено было завести свое общежительство въ Москвѣ, извѣстное нынѣ подъ именемъ Преображенскаго Кладбища, которое и сдѣлалось главнымъ средоточіемъ и рассадникомъ ихъ согласія. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности этого кладбища, а укажемъ лишь на одни права къ существованію этой обители Феодосіевцевъ.

Вотъ начало къ основанію сего кладбища:

«1771 года, Сентября 7-го дня, мы, ниже подписавшіеся, въ означенномъ отъ насъ противъ Преображенскаго въ земляномъ валу мѣстѣ для содержанія больныхъ больницу построимъ, съ тѣмъ, что какъ для караула и смотрѣнія за больными, такъ равно и вывозу во оную заболѣвшихъ изъ домовъ, людей надежныхъ довольно число опредѣлимъ, и тѣхъ больныхъ и помянутыхъ опредѣленнымъ снабжать платьемъ, обувью и довольною пищею содержать будемъ сами, а если сего исполнять не будемъ, то подвергаемъ себя, чему будемъ по законамъ достойны, въ чемъ и подписуемся.» (см. «Сборникъ для исторіи Старооб.», т. 1, стр. 80). Слѣдовательно, основаніе Преображенской больницы съ ея кладбищемъ, по видимости, въ правительственной бумагѣ, казалось учрежденіемъ благонамѣреннымъ, человѣчнымъ; такъ это появилось и само Правительство. Но, вѣсто того, чтобы открыть времен-

ный карантинъ внѣ Москвы, Теодосіевцы ловко воспользовались общимъ бѣдствіемъ жителей города Москвы, въ ущербъ какъ самому управленію края, такъ и гражданъ столицы.

Вся исторія Преображенскаго кладбища наполнена грустными событіями. За стѣнами Преображенскаго карантина Теодосіевцы основали нѣчто въ родѣ своей обители, гдѣ проживало въ прежнее время до двухъ тысячъ обоюго пола людей, пришлыхъ изъ разныхъ странъ и Богъ вѣсть какого званія; дѣла же каждаго Преображенца въ глазахъ Правительства замаскированы были благотворительнымъ основаніемъ ихъ больницы, хотя на самомъ дѣлѣ больныхъ тамъ находилось едва ли сотая часть. За карантинною стѣною обитали люди, одни укрывавшіеся отъ преслѣдованія закона и управленія края за свои проступки и преступленія, другіе же стекались сюда изъ всей обширной Россіи, какъ къ сборному мѣсту, отдавая отчетъ старшинамъ кладбища въ удачахъ, или неудачахъ, распространенія Теодосіевскаго Согласія между Православными. Какъ могла въ столицѣ держаться подобная Раскольничья Безпоповская обитель? Очевидно, происки и старанія Ильи Ковылина съ своими старшинами одѣлали столичное управленіе равнодушнымъ къ ихъ «процвѣтанію» и усиѣхамъ въ приобрѣтеніи себѣ новыхъ послѣдователей. Со дня основанія этого кладбища, 1771 года, въ какіе ни будь десятки лѣтъ прибыло послѣдователей ихъ Теодосіевскаго Согласія въ нѣсколько сотъ болѣе, нежели сколько ихъ было отъ основанія, въ 1695 году, т. е., въ теченіе около ста лѣтъ. Какая же въ самомъ дѣлѣ была на это особая причина такого успѣха, быстрого увеличенія и возвышенія во всей Россіи Раскольниковъ Теодосіевцевъ? Особого дара краснорѣчія ихъ представитель, Илья Алексѣевъ, судя по его сочиненіямъ и письмамъ, не имѣлъ, да даже былъ посредственнымъ послѣдователемъ, не отличавшимся нравственной чистотой, согласно ученію ихъ. Между тѣмъ основаніе карантина и кладбища подняло Теодосіевцевъ. Съ основанія обители, Ковылинъ болѣе всего старался объ упроченіи своего согласія, заботясь устроить его, какъ разсадникъ на долго и долго; однако же, при всемъ расположеніи къ нему тогдашняго мѣстнаго управленія, высшая власть не могла дать имъ подобнаго права, и прошенія его оставались безъ послѣдствія: она глядѣла на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы. Тогда Ковылинъ съ своимъ стар-

шинами задумалъ нѣчто другое. Онъ прибѣгнулъ къ обычной Раскольничьей хитрости. Основанное имъ карантинное кладбище, что въ Преображенскомъ, для видимости въ своемъ прошеніи и планѣ, облекъ въ челолюбивое учрежденіе—въ богадѣленный домъ, «желая (въ ономъ) доставить призрѣніе безпокровнымъ старцамъ и бѣднымъ сиротамъ своего общества,» и съ этимъ замѣчательнымъ прошеніемъ отправился изъ Москвы въ С.-Петербургъ отъ Θεодосіевской общины къ подачѣ Государю Императору, Александру Павловичу. Это было въ 1808 году. Читатели прочтутъ ниже въ подлинникѣ какъ самое прошеніе Ковылина, такъ и его «планъ или изъяснительное начертаніе мѣстнаго положенія и внутренняго распорядка Богодѣленнаго дома съ больницами,» т. е., ихъ Преображенской Θεодосіевской обители. Какъ изъ прошенія, такъ и изъ самаго плана Ковылина, читатель увидитъ цѣль учрежденія Преображенскаго Богодѣленнаго дома, основаннаго на благотворительныхъ побужденіяхъ; но дѣло въ томъ, что въ этотъ благой домъ попасть можно было только тѣмъ, кто перешелъ изъ Православія въ Расколъ, или же принадлежитъ къ Θεодосіевскому Толку.

Въ дополненіе или, такъ сказать, къ объясненію прошенія и плана Ковылина, укажемъ еще на одинъ, также не менѣе замѣчательный, документъ, тѣсно связанный съ помянутымъ прошеніемъ: разумѣемъ «Циркулярное разсмотрѣніе, написанное собственноручно Ильею Алексѣевымъ.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилоствѣннѣйшій Государы! *

Московскіе Старообрядцы, желая доставить призрѣніе безпокровнымъ, старымъ и бѣднымъ, сиротамъ своего общества, приняли намѣреніе соорудить богадѣленный домъ и, повергая чрезъ меня планъ содержанія ихъ къ престолу Вашего Императорскаго Величества, всеподаннѣйшіе просятъ утвердить оный своимъ Высочайшимъ именемъ.

---

* Подано Князю Курякину.

Я почитаю себя щастливымъ въ преклонности дней моихъ, которые Богу угодно было продать, чтобы я ходатайствовалъ у Монарха отца о дѣлѣ, столь пріятномъ его чадолюбивому сердцу и столь полезномъ для безпомощнаго человечества.

Всеимудостивѣйшій Государь,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Илья Ковылинъ.

23-го Декабря, 1808 г.

IX.

ПЛАНЪ или ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ начертаніе мѣстнаго положенія и внутренняго распорядка богадѣленнаго дома съ больницами, московскимъ старообрядческимъ обществомъ построеннаго.

Во времена премудраго и милосердаго царствованія вѣчно достойной памяти покойной Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны Вторыя, дозволено имѣть Старообрядческому обществу особое для себя кладбище.

Губернское Начальство подъ сію позволительность отвело мѣсто за чертою города, между Преображенской и Семеновской заставъ, по обѣ стороны Камеръ-Коллежскаго вала, на пустопорожней и ни на что неудобной землѣ, городу принадлежащей. Въ слѣдъ того, время и необходимость требовали на томъ же самомъ мѣстѣ еще построить богадѣльни и больницы, къ призрѣнію и успокоенію изъ таковыхъ же Старообрядцевъ престарѣлыхъ и болящихъ да малолѣтныхъ осиротѣвшихъ, * а для приношенія молитвъ Всемогущему Богу, по правиламъ старопе-

* Такъ называемыхъ воспитанниковъ Илья Алексѣева Ковылина.

чатныхъ книгъ, * соорудить часовню. Общество испрашивало на сіе дозволеніе; что Начальство и позволило.

37-й годъ кладбище, богадѣльни и больницы существующія, послѣднія помѣщали въ себѣ болѣе 800 человекъ обоаго пола, которые, по неимуществу ихъ и болѣзнямъ, питались, призирались и всѣмъ нужнымъ снабждались, единымъ иждивеніемъ общества Старообрядческаго. А образъ правилъ жизни ихъ всегда состоялъ въ совершенной тишинѣ и согласіи и при безпрестанномъ занятіи въ приношеніи усердныхъ молитвъ Создателю міра, никогда и ни какихъ безпокойствъ и жалобъ до Начальства не доходило. (1) Но наконецъ

Давность времени довела строеніе богадѣленъ и больницъ до совершенной ветхости, и общество, предусматривая неминуемое паденіе ихъ, сострадая о сиротствѣ и убожествѣ лишающимся спокойнаго и надежнаго пристанища, возревновавъ усердіемъ о толико богоугодномъ дѣлѣ, составило добровольною складкою сумму и, съ дозволенія мѣстнаго Начальства, построило вновь каменные богадѣльни и больницы, въ двухъ отдѣленіяхъ расположенныя, употребя на оное капиталу до 200,000 рублей.

Изъ сихъ отдѣленіевъ первое заключаетъ престарѣлыхъ увѣчныхъ мужеской пола; въ срединѣ онаго воздвигнуто зданіе для повседнежнаго приношенія молитвъ, и о двухъ жильяхъ корпусъ на помѣщеніе богадѣленныхъ жительствовавъ, при немъ общественная трапеза о двухъ жильяхъ съ двумя проспектами, шесть корпусовъ деревянныхъ къ призрѣнію и успокоенію болящихъ и увѣчныхъ, не только изъ водворенныхъ тутъ на всегда, но и проходящихъ въ Москву временно, разныхъ мастеровыхъ, ни родства ни пристанища, не имѣющихъ, какъ-то: каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ и другихъ, имъ подобныхъ, ** которые въ про-

* На самомъ же дѣлѣ Преображенцы изъ семи Таинствъ Православной Церкви оставили только два, крещеніе и покаяніе, къ чему, разумѣется, старопечатныя богослужебныя книги отнюдь не уполномочивали.

** Этѣ люди были мастеровые изъ Безпоповщинскаго Тѣла, принадлежавшіе къ

долженіе болѣзней пользуются и во всемъ нужномъ снабждаются безъ всякой платы, а умершіе и похороняются на счетъ общественной суммы. Оное отдѣленіе обнесено каменною стѣною, длиною 100, шириною 56, сажень, въ вышину 7½, аршинъ, по угламъ 4 башни.

Второе отдѣленіе вмѣщаетъ женской полъ и малолѣтнихъ сиротъ обоюго пола, и оное кругомъ также обнесено каменною стѣною, длиною 113, шириною 65-ть, сажень, въ вышину 7 арш., по угламъ тожъ 4 башни, въ среднѣ 5 корпусовъ каменныхъ о двухъ жильяхъ, изъ коихъ три занимаютъ престарѣлые и увѣчные, а четвертый больные и движенія * не имущіе, въ пятомъ воспитываются малолѣтние со отдѣленіемъ мужеска отъ женска пола особо. При каждомъ корпусѣ особый покой для всендневнаго приношенія молитвы Всемогущему Богу, а на помѣщеніе годоваго запаса выстроены кладовые, анбары, погреба, кухни и все нужное. Къ точному жъ и совершенному усмотрѣнію въ обоихъ отдѣленіяхъ расположенія, подносятся у сего особый планъ и фасадъ.

Основавъ и учредя такимъ образомъ богадѣльни и больницы, Старообрядческое общество полагаетъ за необходимость исходатайствовать имъ, на предыдущее время въ непоколебимой существенности, прочную безопасность и утверждене, и для того предпринимаетъ.

Когда всѣ роды состоянія людей, живущихъ нынѣ подъ премоудрою и кроткою державою милосердаго и челоуѣколюбиваго Монарха, наслаждаются благоденствіемъ, спокойствіемъ и безопасностію, то, приемя сіе твердымъ оплотомъ, ласкаетъ себя

Феодосіевскому Согласію; имъ предназначалось для того Преображенское кладбище, чтобы отъ мастеровые не имѣли сообщенія съ иновѣрными, ради чистоты своего Феодосіевского Точка.

* Ковылинъ не счелъ нужнымъ сказать, что престарѣлыхъ и увѣчныхъ едва ли была 10-я часть, люди же находились на кладбищѣ почти что всѣ молодые, движеніе имущіе, какъ мужской, такъ и женскій, полъ.

Онъ изложилъ гостю своему, во время бесѣды съ нимъ, цѣль своей поѣздки въ Поморье, и заметилъ между прочимъ о правилахъ Даниловскаго монастыря, что обитель должна разстроиться, ибо Поморскія постановленія принимаютъ бракъ и допущаютъ брачныхъ въ молитвенный домъ, безъ расторженія или брака, чрезъ что прихожане, видя такой примѣръ, могутъ уклоняться къ господствующей Церкви, «блуда ради, по его выраженію.» Да и моленіе за Царя было не въ духъ Ковылина. Петръ Федоровъ былъ самъ изъ тѣхъ же закоснѣлыхъ Теодорцевъ, которые уважаемы были Согласіемъ за отшельническій образъ жизни. Проживая почти постоянно въ лѣсахъ Стародубскихъ, и видя основательно Теодосіевскія постановленія, онъ предложилъ Ковылину ввести Вѣтковскія правила или уставъ въ Преображенское кладбище. Ковылинъ, послѣ долгихъ распросовъ объ отшельникахъ Стародубскихъ, съ радостію принялъ предложеніе Петра Федорова быть въ этомъ дѣлѣ посредникомъ. Вскорѣ Петръ Федоровъ отправился на Вѣтку, откуда и привезъ ему желаемый уставъ. Для приданія большей важности какъ здившему, такъ и привезеннымъ имъ правиламъ, Ковылинъ съ братією обоего пола, неся иконы, встрѣтилъ Петра Федорова за оградой общины, положилъ семь поклоновъ, послѣ чего Федоровъ, въ сопровожденіи встрѣтившихъ, былъ введенъ въ моленную. Ковылинъ отслужилъ молебенъ «сборнѣ», и потомъ, прочитавъ привезенныя правила, цѣловалъ Крестъ, въ знакъ соблюденія ихъ ненарушимо, чему послѣдовали и другіе (а не «блуда ради», т. е., не для размноженія нечистоты, но во избѣжаніе блуда. Такое значеніе имѣютъ слова Апостола: «Но блудотыніа ради кійждо жену свою да имать, и каяжда жена своего мужа.» 1 Кор. 7, 2. Такимъ образомъ, во избѣжаніе блуда, назначается Церковію вступленіе въ бракъ, а не для размноженія нечистоты).

Для служенія въ моленныхъ недоставало знающаго клира и чтецовъ. Петръ Федоровъ снова отправился въ Стародубскую Теодосіевскую общину, откуда привезъ двоекъ причетницъ, и онъ установилъ чинъ служенія сообразно Теодосіевскимъ обычаямъ; при томъ обучали уставному пѣсью пѣвчихъ.

Изъ этого мы можемъ видѣть, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ былъ Петръ Федоровъ Стародубскій съ Преображенской об-

щиной. Письмо, помѣщенное ниже, было писано къ нему, въ то время, когда ревнитель Феодосіевцевъ былъ, также, какъ и Ковылинъ, въ Поморьѣ, на тамошнемъ братскомъ соборѣ, въ 1777 году; Ковылина, утратило то, что такой, «маститый и дивный мужъ» могъ снисходить къ «брачнымъ». Письмо это выражаетъ сомнѣніе Ковылина и недоверіе его къ слухамъ, будто Петръ Федоровъ призналъ бракъ. Онъ подтверждаетъ свое посланіе, выписками изъ книгъ, имѣющихъ значеніе, которыми обыкновенно Безподовскіе настоятели прикрываютъ своеумудрія свои.

Петръ Федоровъ былъ Московскимъ мѣщаниномъ; какимъ образомъ попалъ онъ въ Стародубскіе лѣса, не извѣстно. Вѣрнѣе всего онъ ушелъ туда по какимъ либо причинамъ, касающимся Московскаго мѣщанскаго общества. Онъ не разъ, во время странствій своихъ по Руси, для распространенія своего ученія, заходилъ въ Выгорьцкій Даниловскій монастырь. Въ послѣдствіи Петръ Федоровъ былъ наставникомъ общины Феодосіевской, собравшейся въ Петербургѣ, вмѣсто безграмотнаго старика, избраннаго Ильею Ковылиннымъ; умеръ же Петръ Федоровъ въ Стародубѣ въ 1811 году, на 78 году своей жизни. Этотъ наставникъ Феодосіевцевъ до сего времени уважаемъ своими единомышленными, какъ одинъ изъ лучшихъ ихъ учителей.

Господи Ісусе Христе!

Честнѣйшій отецъ, Петръ Федоровичъ, врагівя и спасенія
намъ желаю!

Понудила написать сію убогую хартію заповѣдъ Спасителя нашего: «не точію други, но и враги любите,» законополагающа и чрезъ своихъ намѣстниковъ братскаго паденія паче своей души оплаковати повелѣвающа; то и мы, убогіе, по силѣ нашей, выше писанному ревнуя, аще и сами еще въ части учащихся пребываемъ, обаче, дондеже дыхаемъ, о братіи нашей претыкающей-ся болѣзновати и совѣтовати не престаемъ.

* Собственно такъ Мате. 5, 44 и Лук. 6, 27: «Любите враги ваши.»

нихъ въ возрастѣ могли бѣ снискивать себѣ пропитаніе, а по пришествіи въ семнадцать лѣтъ, по даннымъ отъ Попечителей дозволеніямъ и атестатамъ, могутъ избирать родъ жизни, какой сами похотятъ, на пользу собственную и общественную, и, вмѣстѣ со вступленіемъ въ званіе, исключаются изъ обители; а если застанеть новая ревизская перепись, въ то время всѣхъ вписать во оную подъ названіемъ воспитанниковъ Старообрядческихъ, и общество обязывается платить за нихъ всѣ подати мѣщанскія дотолѣ, доколѣ кто пребудеть въ воспитанникахъ, при выходѣ жъ и при избраніи новаго рода жизни, приемятъ весь платежъ на себя сами, и общество за нихъ не отвѣчаетъ.

7-е. Для всѣхъ, по сему богадѣленному дому съ часовней и кладбищемъ, распоряженій и попеченій и для исполненія, по важности, полицейскихъ повинностей дозволить обществу, какъ нынѣ, при самомъ началѣ учрежденія, такъ и впредь, въ свободности всегда выбирать изъ среды себя Попечителей, и дать имъ, за подписаніемъ своимъ, уполномоченное довѣріе.

8-е. Избранные Попечители, по праву, данному имъ съ полномочіемъ довѣрія, безпрепятственно могутъ именемъ своимъ имѣть ходатайство по всѣмъ Присутственнымъ Мѣстамъ и по всѣмъ дѣламъ, относящимся до богадѣленнаго дома и стараго кладбища съ часовней, и по сей же части о пользѣ цѣлаго общества. *

9-е. Сія жъ Попечители имѣютъ въ вѣдѣніи своемъ весь приходъ и расходъ денежной суммѣ и другимъ вещамъ, на содержаніе богадѣленнаго дома поступать имѣющимъ, и во всемъ томъ ни кому другому отчетомъ ихъ не подчинять, кромѣ общества Старообрядческаго, на каковой предметъ и получить отъ него особое наставленіе. **

10-е. Для внутренняго распоряженія въ богадѣленномъ домѣ, относительно продовольствія богадѣленныхъ, распорядка и надзора

---

* Не дурно и сіе право для Феодосіевскаго Согласія.

** Еще бы!

между ими, заготовленія и сохраненія жизненныхъ и прочіихъ припасовъ, присмотра за чистотою въ домѣ и въ прочемъ, къ экономіи относящемся, общество избираетъ Казначея и Эконима, и вновь то возложить и препоручить имъ, на что и снабдить ихъ наставленіями.

11-е. До настоящаго времени всегда содержались богадѣльные единнымъ подаваніемъ деньгами и запасомъ отъ общества Старообрядческаго, и никогда ни въ чемъ недостатку не бывав; а нынѣ приумножившееся знатно капиталное строеніе и постройка онаго прибавившаяся обитель требуетъ и поддержакъ съ большымъ превосходствомъ, по чему и подавнїя достаточно быть не можетъ; но къ наполненію сего недостатка есть много несправедливыхъ и усердно даютъ вклады, чему примѣромъ поставляется Московскій купецъ Илья Ковылинъ, который по душевному благочестию, по всегладшему и неуспыпному поученію о приращеніи, по успокоенію сиротства и убожества, будучи самъ въ глубокой старости, жертвуетъ благопріобрѣтеннымъ своимъ, движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, и по смерти своей въ пользу богадѣльнаго дома предоставляет въ вѣчность каменный домъ, состоящій въ Семеновской слободѣ, со всѣми службами, съ каменною суконною фабрикою, съ кирпичнымъ и гончарнымъ заводами и съ землею, и все безъ остатку движимое имѣніе, состоящее въ оцѣненныхъ книгахъ, Святыхъ иконахъ и въ прочемъ, стоящее болѣе 50 тысячъ рублей, а доходу въ годъ приносящее до 6000 р. Сей поводъ и предупомянутая необходимость побуждаютъ общество всеподданнѣе испрашивать Высококомаршаго соизволенія: вѣсти и учредить слѣдующія правила:

12-е. Назначенную купцомъ Ковылиннымъ вкладу повелѣть утверждать законнымъ порядкомъ въ принадлежность, по смерти его, къ богадѣльному дому, а въ послѣдствіи за тѣмъ всегда и безпренятственно принимать и отъ прочіихъ владчиковъ, имѣющихъ дома, лавки, фабрики, земли и прочія, подобныя тому, заведенія, принадлежащія вкладчикамъ, въ единую собственность, которыми въ правѣ они, бывъ первыми пріобрѣтателями, по силѣ всемогущѣе пожалованной городамъ грамоты 88-й статьи, свободно

распоряжать, отдавать и завѣщать, кому заблагоразсудятъ. На семъ законномъ основаніи брать отъ нихъ крѣпостные акты, съ точнымъ въ нихъ означеніемъ принадлежности Преображенскому богадышевскому дому, въ пользу Старообрядцевъ учрежденному.

13-е. Всѣми таковыми вкладами управлять и распорядить избранными отъ общества Попечителями, съ дозволеніемъ въ наемъ ли что погодно, или въ аренду на нѣсколько лѣтъ, по законнымъ условіямъ и договорамъ, отдавать, или, смотря по обстоятельствамъ, если что изъ вклады для пользы дома будетъ излишне и невыгодно, съ согласіемъ общества, получивъ особую довѣренность, ту часть продать, или на время въ залогъ отдать, совершая въ томъ и другомъ случаяхъ купчія и закладныя въ надлежащихъ Присутственныхъ Мѣстахъ.

14-е. Когда, за расходами, составитя изъ доходовъ въ наличности капиталъ, то, не оставляя его праздымъ и безъ обороту, доволить Попечителямъ весь, или часть оного, по ихъ разсмотрѣнію, обратить въ торговую коммерцію, и, по ихъ въ томъ помыслу и распоряженію, остаться на ихъ собственномъ отчетѣ, а что тому и могутъ они вѣрять сумму въ постороннія руки, но не иначе, какъ повѣстнымъ капиталистамъ и достойнымъ вѣрятья людямъ, со взятіемъ отъ нихъ законныхъ письменныхъ актовъ, и, сверхъ того, для вѣщей предосторожности, брать вѣрныхъ поручителей, или благонадежныя залоги.

15-е. Во всемъ выше упомянутыхъ распоряженіяхъ, равнообразно и въ суммѣ денежной о приходахъ и расходахъ, не подчинять общество отчетомъ ни какому другому начальству, кромѣ единой собственной ревизіи общества.

16-е. На случай Высочайшей командирани о введеніи прописаннаго учрежденія въ настоящую силу и дѣйствіе, общество единодушнымъ согласіемъ своимъ избрало заблаговременно въ Попечители Московскихъ купцовъ, людей, исполненныхъ Христіанскимъ благочестіемъ, повѣстныхъ въ честности и истинной справедливости, а не меньше того отличною ревностію приверженныхъ о возстановленіи и усовершенствованіи обители, а имен-

но: Ефима Грачова, Илью Ковылина, Тимоѣя Сорокова, Андрея Зайкина, Алексѣя Никифорова, Федора Владычицкого, Лаврентія Осипова, Имѣ единымъ во всемъ прошедшемъ исчисленіи до вѣрля, утверждаемъ сіе наше начертаніе общественнаго подлиннаго емъ; а для поднесенія оное на Всевысочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе и конfirmaцію, препоручаемъ, въ особенноти изъ видѣ одному, Московскому купцу Ильѣ Ковылину, который и имѣеть, при всеподаннѣйшемъ прошеніи своемъ, повергнуться во ономъ предъ сіяющимъ славою и украшеннымъ и преисполненнымъ милосердія и кротости Его Величествомъ, и съ благоговѣніемъ испрашивать на все оное все милостивѣйшаго утвержденія.

На подлинной подписаны Московскихъ купцовъ до ста человекъ.

Х.

У К А З Ъ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА О ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ БОГАДѢЛЕННОМЪ ДОМѢ.

Господину Генералу отъ Инфантеріи, Московскому Военному Губернатору Тутольмину.

Разсмотрѣвъ планъ учрежденія богадѣленнаго дома, представленный Московскимъ купцомъ Ильею Ковылинымъ отъ имени его вѣрителей, и находя, что заведеніе сіе, на благотворительныхъ побужденіяхъ основанное, заслуживаетъ быть подъ общимъ покровительствомъ законовъ и шѣстнаго начальства, признали Мы за благо, присвоить ему отъ нынѣ названіе Преображенскаго Богадѣленнаго Дома; предоставивъ оному всѣ тѣ права, кои, въ распоряженіи и управленіи капиталовъ, въ приѣмѣ людей съ вѣдома полиціи, * въ совершеніи законныхъ актовъ

* съ сомагніемъ, распоряженіе и управленіе владѣнцемъ, и самыя приѣмы людей на оное, дѣлается и дѣлается безъ вѣдома Правительствующаго Вѣдства; что

на вклады и приношенія, въ выборѣ Попечителей и людей для управленія нужныхъ, въ защитѣ пользъ сего дома по дѣламъ суднымъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подобныя ему частныя благотворительныя заведенія, подъ зависимостію законовъ и мѣстнаго начальства, пользуются въ Имперіи нашей.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Контрасигнировалъ К. Алексѣй Куракинъ.

На копіи тако:

Вѣрно. Князь Алексѣй Куракинъ.

XI.

РАЗСМОТРѢНІЕ

ИЛЬИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА.

Это сочиненіе Ильи Алексѣева Ковылина было доставлено лично Петербургской Теодосіевской общинѣ, въ бытность его тамъ въ 1808 г., слѣдовательно, въ одно и то же время съ выше упомянутымъ прошеніемъ. Изъ этого «Разсмотрѣнія» мы видимъ въ Ковылинѣ хитраго дѣльца. Въ прошеніи своемъ къ Императору Александру 4-му, при коемъ представленъ планъ Преображенскаго Богодѣленнаго Дома, онъ прикинулся смиреннымъ Старовѣромъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ съ своими онъ былъ вполне деспотъ. Это деспотство разительно высказался противъ новоженцовъ, отъ

же было писано Ковылинѣ въ прошеніи, какъ на учрежденіе богодѣленнаго дома, то это обычный приемъ Безпоповца Ковылина, сдѣланный лишь только для Власти предержавшей.» Это примѣчаніе находится на подлинномъ, съ котораго мы печатаемъ эти документы.

павшихъ отъ Θεодосіевскаго Толка, когда они, по ученію Петра Θεодорова Стародубскаго, рѣшились избрать каждый по одной сожительницѣ. Илья не допустилъ этого; и лучше рѣшился перенести раздвоеніе своего Толка, чѣмъ уступить отщепенцамъ. Въ предлагаемомъ ниже сочиненіи Ковылина, подъ заглавіемъ: «Разсмотрѣніе,» онъ говоритъ: «Конецъ вѣка сего приближается, а вы создаете тайны вѣчныя кущи» (т. е., продолженіе рода. Врагъ какъ бы всталъ уже, строя свои ковы противъ намѣреній Божіихъ) Вы позабыли Писаніе, что пишетъ: «въ осьмомъ вѣкѣ кончина вѣку будетъ; а у васъ и на умѣ нѣтъ.» За тѣмъ назидаетъ онъ новоженцовъ, что если спросилъ бы ихъ кто онъ ихъ безбрачій, то они должны отвѣчать: «нынѣ послѣднее время плачевное: на что твердые дома? Ждемъ внезапно пришествія Христова.» Далѣе онъ продолжаетъ: «много бы должно васъ отъ Писанія доводами обличать (т. е., за браки), но вы, видно, ослѣпли и оглокли: ни отвѣту, ни совѣту, ни чего нѣту. Старость меня не допускаетъ... Упрямый еретикъ, онъ рѣшительно, вопреки прежнимъ своимъ убѣжденіямъ (смотри. его «Исповѣданіе» 1772 г.), запретилъ и отвергъ окончательно Θεодосіевскихъ новоженцовъ отъ Преображенскаго кладбища. Въ подтвержденіе своего ученія испостригъ онъ свое «Разсмотрѣніе» не соответственными вопросу текстами Св. Писанія.

Въ этомъ его сочиненіи видѣнъ грубый подражатель Протопопу Аввакуму, дошедшему до крайняго безстыдства, всегда составлявшаго отличительную черту въ словесности Ильи Алексѣева.

Ковылинъ утверждалъ предъ своими, что настали послѣдніе дни міра, говоря: «на что твердые дома?» Для чего же въ то самое время подавалъ онъ прошеніе своему Государю объ учрежденіи яко бы Богатѣннаго Дома «на вѣчныя времена?» Изъ этого можно видѣть, что онъ дѣлалъ одно, а училъ свою Преображенскую общину другому. Вотъ примѣръ того, какъ сходны бывають слова подобныхъ Ковылину учителей съ ихъ завѣтными убѣжденіями. Въдъ въ прошеніи и планѣ Ковылина выражены не болѣе, какъ его гражданскія думы...

РАСМОТРѢНІЕ,

КТО ОТЪ СОТВОРЕННОЙ УВАЖИ НАЧЕ ВСѢХЪ СОГРѢШЕ, НА НЕБЕСИ И
НА ЗЕМЛИ.

ГЛАВА I.

Первое согрѣши Архангелъ, ошъ же и Денница, то есть, свѣтъ. Зри, учителя прежде согрѣшаютъ. Вознесся сердце его, восхотѣ Царя быти, и не бысть; возгордѣся, и не покаяся; за то сверженъ съ небеси на землю. Изъ Архангела бысть дѣволъ, изъ свѣта тьма; зри, учителя санъ нифа, пишеть: «изъ просвѣщенна свѣтъ вашъ предъ людьми», и прочая.

ГЛАВА II.

Адамъ быль въ раю, и восхотѣ быти Богомъ, и не бысть; за то изъ рая изгнанъ бысть; и бысть сотворенъ по образу Божию и по подобію, и изъ образа Божія предложися въ дѣвола, и изъ подобія Божія въ скотину; пишеть: «Въ чести кый человекъ не разумѣ, прилежися скотомъ несмышленнымъ, и удобился нигъ. * и той въ скотскомъ нравѣ не разумѣ покаянія, ази скотъ. **»

ГЛАВА III.

До потопа согрѣшиша предубодѣнїемъ и кровосмѣшенїемъ, *** и не покаяхся человекцы, за то и погыбоша, яко скотъ, не разумѣша чистоту покаянія, но смѣяхуся Ною, учащему покаятися Богу и отъ грѣха отстати; и Апостолъ всѣхъ блудниковъ скоту уподобляетъ, а за неотсватїе отъ грѣха—дѣволу. ****

* Св. Писанїе отиждь не дозволяетъ сказать сего, а попечевїе Божїе о падшемъ человекѣ даже и мысль такую говить прочь. «Вражду положу, сказалъ Господь искусителю, между тобою и между женою.» и проч. (Быт. 3, 15).

** Псал. 48, 13.

*** Уважающїи сколько ни будь Древлеправославную Церковь и Писанїя Св. Отцовъ ея побоялся бы сказать это.

**** Какое кровосмѣшенїе разумѣеть Илья Ковылянтъ?

***** По чему же не привесть здѣсь свидѣтельства изъ Писанїя?

ГЛАВА IV.

Содомляне согрѣшиша прелюбодѣніємъ Содомски, со женами в дѣтми своими, за то и погибша, понеже Лотъ обличаше ихъ, дабы покалися; но они, прокладіе отлагаху, а Лоту прещаху, дабы не училъ ихъ яко пришлецъ есть, но ихъ бы волѣ послѣдовалъ; но Лотъ не послуша ихъ, аще и прещаху ему; аще в самъ мучимъ бѣ совѣстію, но неодолимъ бѣ, аки воинъ боряся внутрь и внѣ, Бога въ разумѣ имѣа, аки стѣну тверду: ни прещеніе отъ Содомлянъ не устраши Лота: аки млатъ на накованіѣ не разби, ниже мало убоися.

ГЛАВА V.

Язычники и Еллыны согрѣшиша, отъ Бога по долгомъ времени заблудивша, идола вмѣсто Бога почитаху и кланяхуса, а діаволу аки Богу не кланяхуса, и сотворенной твари аки Богу кланяхуса, но и проклинаху діавола и отрицахуса его, но чрезъ идола пріимяху его.

ГЛАВА VI.

Жидове имеемъ отъ Бога заблуждаху, и на Бога роптали, и идола Богомъ называху и кланяхуса; а очевидно, ими оная, что въ идолѣ живеть діаволъ, снѣ идиоловъ не почитаху, и въ Писаніи сего не зрится; во тому в Бога имъ именовалъ и помагалъ имъ во бранѣхъ, и (егда) они пакы къ Богу обращалася, и прочая.

ГЛАВА VII.

Вся еретицы о Бозѣ и законѣ суетно по своей страсти мудрствовали, по діаволу наученію, а діавола Богомъ не именоваху, ниже по вѣдѣнію кланяхуса, или бы отъ діавола какую явную тайну приняли, или для чего бы ему поклонилися; * но паче

* Гдѣ, откогда, видно это?

** Были примѣры отступленія

гѣщны и мучились отъ еретиковъ за имя Божіе и за законъ. * И при Антихристѣ сіе будетъ; пишетъ: «Аще кто и мучится, не вѣщается, аще не законно (мучень будетъ).»

ГЛАВА VIII.

Отступники закона Божія отступаютъ, а не Бога, ** а Бога проповѣдаютъ, яко же о Римскомъ Папѣ пишетъ Андрей Кесарійскій, толкователь 'Апокалипсиса', пресквернымъ его именуетъ, что онъ и отступныхъ Римлянъ Антихристу въ поклоненіе діаволу приведетъ, аки Богу поклонится. Зри, отступники по вѣдѣнію діаволу не кланяются. ***

ГЛАВА IX.

Антихристъ, Богу противникъ, си есть діаволь, въ послѣдніа дни придетъ и избретъ сосудъ себѣ, человѣка, еговѣ злобѣ, и увидетъ самъ сатана начальникъ въ него и чрезъ сосудъ, то есть, человѣка, дѣйствовать будетъ, и подъ именемъ Спасителя, самому діаволу въ поклоненіе приводитъ будетъ, симъ подобіемъ чрезъ писаніе и въ церквахъ сядетъ, и будетъ аки истинный Богъ, а истиннаго Бога не истиннымъ называть будетъ. И чертосѣя запустѣніа станетъ на мѣстѣ святѣ, то есть, судно противника; чрезъ сіе судно вса дѣйствія сатаны совершатся будутъ. Сему образъ Максиміліанъ и Діоклитіанъ мучители и гонители Христіанъ.

* За какой же Божій законъ мучились, когда законъ Вѣры Божіей, какъ еретики, развращали и погубительную дожь сѣяли между людьми?

** Кто отступаетъ отъ законовъ царства и не приемиетъ законовъ Владыки Царства въ той силѣ, въ какой надаетъ якъ Царская власть, можетъ ли по самой правдѣ быть признаваемъ подданнымъ этого Царя? Когда очевидно нарушаетъ его волю, не поддается Царю, можетъ ли по тому быть считаема сыномъ Царства сего Царя, и, напротивъ, не долженъ ли быть признаваемъ отступникомъ отъ Царства и Царя?

*** Исторія Церкви, однако, указываетъ случаи и прискорбнаго самопреданія Сатамѣ.

ГЛАВА X.

Аще и многія страны отъ Бога по вѣрованію заблудиша, и паки идоломъ кланяются, а въ разумѣ и по вѣдѣнію не кланяются, ни по нуждѣ, но тварь идолы почитаху и обоготвориху.*

ГЛАВА XI.

При Антихристѣ отступники тоже по заблужденію, растлѣнаго житія ради, Антихристу по невѣдѣнію поклоняются; ** пишетъ объ нихъ: «понеже сами тако человекѣцы восхотѣша Бога отступити, а неприязнь пріяти;» зри, по слабости, *** Златоустъ пишетъ: «Аще бы и Антихристъ не пришелъ, уже бы человекѣцы не вѣровали истинному Богу, за слабость житія ихъ.» ****

ГЛАВА XII.

А кои поклоняются Антихристу по вѣдѣнію, аки Богу, о тѣхъ пишетъ Апостолъ и совѣтуетъ имъ: «лучше бы имъ путь истинной не познать, нежели, познавши, обращаться вспять отъ преданныхъ имъ святыхъ заповѣдей.» ***** И Бѣремъ Святый пишетъ объ нихъ: «Видя лице мучителя, и волю вѣровавше, ни какой милости не суть достойны.»

* Таково бываетъ иногда состояніе самыхъ разумовъ и вѣдѣній, что самый разумъ ставятъ выше всего и обоготворяютъ его также, какъ древле обоготворяли страсти сердечныя и тѣлесныя.

** Одна буква ю чинитъ большую разницу въ семъ словѣ; между тѣмъ связываютъ, что сочинитель вѣритъ въ пришедшаго уже Антихриста и видимо царствующаго. Сличите эту главу съ XII-й.

*** Нѣтъ, не по слабости уже, а за протинаменіе истинѣ, за самохотное нежеланіе знать и любить ее, и за соблаговоленіе къ неправдѣ.

**** Есть слабость, граничащая съ духовною смертію, когда, на примѣръ, живутъ въ противоположномъ направленіи: «Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе, единого истиннаго Бога, и его же послалъ еси, Иисуса Христа» (Іоан. 17, 3).

***** 2 Петр. 2, 21, такъ: «Лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавши возвратитиася вспять отъ преданныхъ имъ святыхъ заповѣдей.»

ГЛАВА XIII.

Пріидохоми семь вѣковъ, и пріидохоми въ осмый вѣкъ, въ немъ же глаголетъ быти пріидешию Христову. Пишетъ: «Осьмая тысяща будущаго вѣка покой. И въ ней пріидеть Антихристъ, предвариши пріидешию Христове. И Антихристъ приведеть челоука самому діаволу въ поклоненіе.» Зри и узнавай явно поклонниковъ діавольскихъ, * кои, узнавъ Антихриста, и убоятся противника, и ко истинному Богу притекутъ, и повѣруютъ въ него и во Ісуса Христа, и въ его крестятся, ** и по времени восхотѣша блуда; и паки по вѣдѣнію отступятъ отъ Бога, и противнику кланяются: очевидно, да дастъ имъ жены блуда ради; пишетъ о такихъ: яко има противника написано, вѣрующихъ своихъ имуща аки честно, и всюду знаменіе его обносяще, сирѣчь, тайною брака являюща;*** а отецъ и мать съ благословеніемъ отпуща-

* Т. е., разумѣть новоженовъ и прочихъ, не гнушающихся бракомъ.

** По указанію и полномочию, т. е., начальниковъ Безпоповщинскихъ, хотя бы и въ третій разъ.

*** Однимъ блуднымъ плотн раздѣленіемъ сочинитель ограничиваетъ раздѣленіе челоучества въ царствованіе Антихриста; но нельзя сими признакомъ единственно ограничиваться. Прежде того, или совмѣстно съ тѣмъ, таково будетъ развращеніе, или превращеніе, въ понятіяхъ религіозно-нравственныхъ, что люди, именующіеся, пожалуй, и Христіанами, будутъ считать свѣтъ за тьму и тьму за свѣтъ. Въ образецъ можно представить написанное адѣсь Ковылиннымъ. Св. Апостолъ Павелъ поставляетъ между предметами досточестными женитву, говори не отъ себя, но Духомъ Святымъ: «Честна женитва и ложе не сиверно» (Евр. 13, 4), и Ковылинъ объявляетъ женитву не только беззаконіемъ, но и некоторымъ страшнымъ знаменіемъ Антихристовымъ. Предъ явленіемъ Антихристовымъ осгбленіе сердець и умовъ будетъ такоо, что переишуются вещи въ понятіяхъ людскихъ: перенесутся возвышенныя наименованія съ вещей достойныхъ на непотребныя и недостойныя, святое будетъ объявлено и считаемо позорнымъ, честное безчестнымъ, праведное и благочестное низкимъ, грубымъ и подлымъ. Ковылинъ, не оглядываясь на себя и не справляясь о томъ, гдѣ самъ онъ находится, объявляетъ удалившихся отъ гибельнаго согласія съ нимъ и съ его клеветами новоженовъ и другихъ, не пренебрегающихъ брачными связями и отношеніями, объявляетъ, говори, поклонниками Антихриста, прицывшими на себя печать его, слугами діавола,

ють, и принимаютъ, и родословіе вѣдуть, и законною женою именовують; а писаніе о таковыхъ пишеть: «Аще кто, что отъ противника пріиметь, то вси со змѣемъ вложены будутъ во озеро огненное.» Пишеть въ Коричей: «На четвертой бракъ аще отецъ и мать дозволятъ, велитъ отъ Церкви отлучить, и на покаяніе не принимать, а отца и мать во всю жизнь живота ихъ, дондеже отпадшее лице обратится,» свѣчь, бракъ беззаконный расторгнется; зри, по сему и давать ни чего нельзя; пишеть бо: «На дадите святая псомъ;» въ Коричей пишеть: «Благодать крещенія продають діаволу.» Какъ вы смѣете младенца крестить и имъ на поганья руки отдавать безъ Писанія? Вы съ ума сошли! А цѣль не токмо браки противники не расторгають, но такъ во отступномъ бракѣ и въ церковь пріимаютъ, и тако издыхають въ мерзости отступной, и съ прелюбодѣйнымъ лицомъ подъ протестантскимъ именемъ, первые отступники, и по невольнїю отъ Бога отступили чрезъ Антихриста; но Андрей, толкователь Апокалипсиса, демонами и бѣсами ихъ именуєтъ, тоже и Златоустъ бѣсами же ихъ называетъ; колыми паче сіи, кои по вѣдѣнію, блуда ради, отъ Бога отступаютъ, и по вѣдѣнію аки Богу кланяются противнику; а когда у нихъ противникъ Богъ, и тайну имъ онъ даетъ, то таковыя поклонники горше демоновъ, а кои ихъ чистють, * не обратя ихъ къ Церкви и не расторгнувъ отступной бракъ, и не снявъ съ ихъ лица проказы, таковыя очистители стократницею сихъ сквернѣе.

Г Л А В А XIV..

А прочїихъ привелъ противникъ себѣ поклонитися муками, и самъ Богъ положи покаяніе. Даниїль Пророкъ пишеть: «по убіе-

---

и готовыми для огненнаго озера жертвами. По чему же такъ онъ опредѣляется? Въ высокихъ понятїяхъ о своемъ вѣдѣніи и благочестїи, забывая; слова Апостола къ Христіанамъ: «Лучше есть женитися, нежели разжидатися», (1 Кор. 7, 9),» и: «блудникомъ же и прелюбодѣемъ судятъ Богъ» (Евр. 13, 4.); Гангр. Собор. Правл. 12 и 19.

* Т. е., прїобщеніе съ покаяніемъ и исповѣданїемъ, имѣя въ виду Раскольниковъ же, новѣхъ и ругаетъ на пробагу.

ниъ противника дастся время на покаяніе,» * то есть, первой разъ кон отступили по невѣдѣнію, а кон второй разъ отступили, сіи блуда ради; о сихъ Апостолъ пишетъ, и глаза у нихъ описавъ полны блуда, и блудъ въ нихъ аки дневная пища, но малое время, данное намъ на покаяніе, ихъ не удержало, не можетъ ихъ мерекныхъ устрашить; пишетъ: «Горе доящимъ и сущимъ непразднымъ;» ** и паки: «Матери ихъ верху чады своихъ надохнуть, и чада верху матерей своихъ умрутъ, и отецъ съ сыномъ, а мать съ дочерью, по пути охавився, и оба падутся и умрутъ;» *** а мнимые живые не воскреся и мертвыхъ чистятъ. Апостолъ о сихъ мертвыхъ пишетъ тако: «Древеса осенняя, два раза искорененная, умерша жертвою и блудомъ;» **** и Валакъ и Валаамъ сими отступникамъ прообразование, а дѣлатель-противникъ, горше сихъ отступниковъ поганныхъ демоновъ и въ сотворенной твари не нашелъ во всѣхъ садни вѣкахъ.

ГЛАВА XV.

Но и еще есть: подобна два года сими обрѣтохъ, кон не кланялися противнику по времени краткому, разумѣя послѣднее время, въ продолженіе прішествіе Христова отлагають, и зря на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія стоящу, убояшася лица противнаго, но по наученію еретика челоуѣка, именуемаго Петра (Федорова), съ его дозволенія, безъ вѣнца, вмѣсто жены, по одной держать, аки бы по нуждѣ, съ благословеніемъ отца и матери. А Христовы слова пренебрегаете: «Горе доящимъ,» и нынѣшнее по Бѣрему плачевное время: «и отцы и матери подохнутъ и съ дѣтьми своими.» Зри, по симъ Христовымъ словесамъ противники

---

* Гдѣ же это?

** У Евангелиста Маттея такъ (19, 24): «Горе же непразднымъ и доящимъ въ тыя дни.»

*** Керомово?

**** У Апостола Іуды читается это такъ (1; 12): «Древеса осення, безплодна, дважды умерша, искоренена.»

Христу, а помощники діаволу; зри, санъ противника на ся приняли, во укоризну и поруганіе Богу. Пишетъ: «Имуція жены, аки не имущія будутъ.» А сіи блудницу и отступницу женою именують, и родословіе ведутъ; и по сему чину точные новые противники еретики.* Зрите сихъ (противныхъ) прельщенныхъ еретиковъ, противниковъ Христовыхъ, и учителя ихъ, Петра (Федорова), учащаго наружно блудницъ держать, не зря на Божіе милосердіе и на краткое время, по Даніилу Пророку, данное на покаяніе намъ отъ Бога послѣдному роду человѣческому; но сіи похотники паче Содомлянъ милосердіе Божіе отвергли и блудъ паче Бога и закона Божія почли; пишеть: «Аще бы въ Содомѣ такія силы были, покаяли бы ся;» добровольно сдѣлалися діаволу послѣдователи: тако пишеть: «Послѣдній родъ уловленъ будетъ блудомъ,» а сіи (блудъ) и прочимъ паденію виною, горѣ** діавола уловить собою слабыя люди, и не хотя той же санъ противника на ся примуть, яко противъ Бога восташа, по сему и сдѣлалися горше пренсподнихъ бѣсовъ, и по времени противники Богу, а помощники діаволу. Но и Архангелъ не худа восхотѣ, но Царь быти, за то и съ небесе свержень; а сіи, отступники новожены, не царства восхотѣша, — понеже Царіе суть, и чада божія, и пророцы, и Царское священство, и языкъ святъ, быша въ толикомъ украшеніи, — восхотѣша блуда сквернаго, и всю Божію, данную отъ Бога, благодать діаволу съ поклономъ относить, и сіи отъ земнаго неба извержены вѣ Церкви, со отцомъ своимъ, діаволомъ, понеже волю его творять, по Апостолу: «отданы діаволу,» и правды Святыхъ Отецъ прокляты, и проч. Зри Іезекііля Пророка глава 22. За клятву земля стонетъ и проч. И яко лживые Пророки въ томъ ихъ укрѣпляютъ, и не дають имъ встати, а они въ томъ утвердилися аки стѣна въ пустыни.

Г Л А В А XVI.

И еще есть чинъ: содержать наложницъ за крайнюю плоти своея похоть; но и сіе по Писанію противно, возстають противъ

---

* Тамъ настоятельно видѣруется противное воззрѣніе на бракъ, и тѣмъ утверждается противленіе истины.

** Уснѣшиѣ.

Бога, не зрять на послѣднее время, и отставя страхъ Божій и день пришествія Христова, презирая Святое Писаніе; * пишетъ на послѣднее время: «Имущеи жены аки не имущии будутъ,» для краткаго послѣдняго времени, чистымъ житіемъ провождать будутъ. Пишетъ на послѣднее время сице: «Аще палъ еси, востани!» И Царіе любятъ война борющагося со враги, а отбѣгающаго или лежащаго, смерти предають.

Г Л А В А XVII.

А сіи мнимые ваши учителя не токмо ихъ не учать брати-ся со врагомъ постомъ и со плотію, но и сами насыщеннойю плотію показываютъ себе, аки тельцы упитанные на заколенія: въ семь тѣлѣ какъ можно плоти одолѣть? Но очистители ваши имъ научать, и учать самимъ дѣломъ, когда на блудное дѣло дозволяютъ и помогаютъ. Когда они въ проказѣ, какъ чистить можетъ и къ нему приблизиться, или чистить? Зри 29-ю недѣлю Евангеліе толковое о прокаженныхъ, кои быша прообразованіе симъ прокаженнымъ. Что о семъ писать много? Сами наставники не токмо тайно, но и явно, постельницъ держать; какъ кто можетъ въ такой нищѣ и пятіи блудную страсть побѣдить?

Г Л А В А XVIII.

Зрите на вашихъ мнимыхъ учителей, какъ они съ противникомъ крѣпко сообщились, къ противнику ** за тайной отпускають, и сами даютъ, а отцы и матери благословляютъ, наставники сихъ скверныхъ отступниковъ чистють, и тайну крещенія *** даютъ, и

---

* Сочинитель ограждается, застѣнись Православіемъ, но самъ-то не приемиетъ въ среду свою Православія. Стоя противу пободѣванія, не приемиетъ брака, между тѣмъ какъ бракъ-то и ограждаетъ отъ пободѣванія.

** Врага-противника дѣйствующимъ между новоженами представляетъ сочинитель, но, понимая, что новожены произошли отъ боку же ихъ, онъ открываетъ для нихъ, или оставляетъ, мѣсто покаянію, подъ условіемъ развода. А прочему міру вращенному, по его разуму, спасенія нѣтъ, по тому, де, что надъ нимъ рѣшительно воздѣйствовалъ противникъ. Таково-то погибельное превращеніе истинны.

*** Т. е., младенцамъ.

всѣ духовныя дѣла у нихъ правятъ. Зри на лице противника, и въ его демонскомъ лицѣ чистятъ. Зрите, сообщники плотныхъ демоновъ! Апокалипсисъ: можетъ ли діаволь чловѣка родить, но подобный подобнаго и родить; или демонъ, или діаволь, вѣру даетъ Христову? Есть ли гдѣ писано, что демонъ вѣру даетъ? Иустинъ Святый о сихъ прелюбодѣяхъ пишетъ, что они «вѣру бѣсовскую имѣютъ.» И въ Кормчей пишетъ: «Благодать крещенія продаютъ діаволу.» * Зри, что діаволь чрезъ плотныя демоны содѣваетъ. Денница восхотѣ быти Царемъ, и не бысть, но чрезъ чловѣка бываетъ: Богъ даде чловѣку туне Царскій санъ, зватися Царемъ; Адамъ Богомъ быти восхотѣ, и не бысть, а послѣдному роду чловѣческому Богъ даде чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, и наслѣдникомъ Исусъ Христовымъ, яко Богъ совокупн чловѣка съ Богомъ, чловѣку даде божество, а отъ чловѣка взя чловѣчество, и проч. ** Ниже: и еще даде Богъ чловѣку и церковію быти. *** Сей широкъ санъ, его же небо и земля не можетъ вмѣстити, и проч.

Г Л А В А XIII.

Зри! А діаволь что уготовалъ чловѣку? Да будетъ едино, яко же и діаволь, а награжденіе—мука вѣчная; но къ діаволу вси грядутъ и аки Богу кланяются. Что же чловѣкъ за вся благая Богу воздаде, какое благодареніе? Вмѣсто Бога почте блудъ, отступаетъ отъ Бога и, блуда ради, діаволу кланяется, очевидно и въ разумѣ, да дасть ему жену, и отдаетъ чловѣкъ діаволу Царскій санъ, его же ради діаволь съ небесе сверженъ, и діаволь чрезъ чловѣка получаетъ, и паки отдаетъ, санъ Божій, его же Адамъ хотѣ, и не получи. Но и діаволь искушалъ на горѣ, дабы Христосъ поклонился ему аки Богу, но чловѣкъ, получа отъ Бога санъ Бо-

* Т. е., Раскольническіе наставники. Но имѣется ли у нихъ благодать-то?

** Но это Таинство Христово не дозволяетъ такого обобщенія и смѣшенія, какое здѣсь выражается.

*** Но не безусловно.

жій, отдаєть діаволу, блуда ради, кланяєтся діаволу въ образъ Божіа аки Богу, при томъ отдаєть діаволу даръ пророчествія слова Божія, да умолкнеть челоуѣкъ безъ имени Божія; при семъ отдаєть челоуѣкъ санъ священства, понеже опустѣ Церковь и бысть діаволу жилище.

Зрите, какови ваши браки—горѣ діавола, аще бы грѣшники діаволь, или Адамъ, сей санъ получилъ, аще бы палися; зри, пишеть: «Елико Бога и закона удаляются, только діаволу во утробу вмѣщаются, и поестъ я адъ.» Яко же мы добрыми дѣлами къ Богу приближаемся, и сіи отступники и блудники тоже добрыми дѣлами діаволу приближаются. Пишетъ: «И у Антихриста будутъ постницы, и воздержницы, и дѣвственницы.» * Зри, понеже сами челоуѣцы тако восхотѣша Бога отступити, а не пріязнь пріяти. Златоустъ пишеть: «Аще бы и Антихристъ не пришелъ, уже бы челоуѣцы не вѣровали истинному Богу.»

Г Л А В А XX.

Видно, ваша, данная новоженамъ, середа, на великое укрѣпленіе и соединеніе крѣпкое съ діаволомъ, дабы на середу надѣялися, отъ діавола не отставали, но и такъ плача достойны, или смѣха, до издыханія въ блудѣ, живутъ въ поганствѣ, а на самомъ издыханіи спасаются. Великая мужицкая исповѣдь и на концѣ отступныхъ прелюбодѣевъ спасаетъ. А въ Царѣградѣ сиравка и священная исповѣдь и новокрещенная на концѣ вѣра не спасала, но во адъ шли и причащены отъ Священника. ** Даніилъ Пророкъ на чюждей земли пѣти Божественныхъ пѣсней не восхотѣ, ни поститися; *** тако и Писаніе вездѣ постъ и воздержаніе таковыхъ отлученныхъ не похваляетъ, и Богъ не пріемлетъ, но гнушзается, а велитъ покаятися и отъ грѣха отстати. А вы, о безуміа! грѣш-

---

* Въѣ лона истинно Православной Церкви.

** Откуда это?

*** Неправда!

ника * со отступникомъ мѣшаете, свѣтъ ко тьмѣ, діавола къ чело-
вѣку; тако и во отступныхъ бракахъ совокупляете въ одну плотъ
человѣка съ діаволомъ; такъ и крещеніемъ совокупляете младенца
съ діаволомъ (1); безумники омраченныя, вездѣ свѣтъ со тьмою мѣ-
шаете. Поощряете новоженцовъ на добрыя дѣла, дабы они, крѣ-
ко надѣясь на свои правыя дѣла и на ваше чищеніе, отъ ді-
авола не отставали, но и вамъ отъ діавола за сіе укрѣпленіе не
малое будетъ награжденіе. Зрите, ваши мнимыя грѣшники хуже
діавола. Златоустъ пишетъ: «Отъ діавола чрезъ его злобу многи
спасутся.» Богъ попустилъ Антихристу, (что) чрезъ него (144,400)
тысящи спасутся; ** а чрезъ сихъ богомерзкихъ отступниковъ ни
одинъ не спасется: ихъ должно звать Антихристовъ неводъ и Анти-
христіаны. И Апостолъ объ нихъ пишетъ: «Сквернителі Христіан-
скіе и глаза у нихъ полны блуда, *** и блудъ у нихъ аки дневная
пища.» **** И паки: «издревле уготованы на сіе осужденіе нечестія.»
Зри, уже нечестивы, Бога нашего благодать прелагающе въ сквер-
ну, сирѣчь, законъ блядствомъ попрали. ***** Зри, какіе скверныя
Богу ругатели и Господа нашего Ісуса Христа отметающіяся.
Зри, нѣсть въ нихъ Бога, приводяще себѣ скорую гибель; зри,
яко погибли; а вы думаете, что они живы, и мнози послѣдуютъ
ихъ нечистотамъ. Зри, яко горше діавола, въ многихъ нечистоту
вводятъ, а васъ не Богъ опредѣлилъ чистить, а видно діаволь,
и отъ нихъ скверниться и святая давать діаволу; уже и писано
во Апостолѣ: «Пренсподній адъ уготованъ въ награжденіе чисти-
телямъ, его же самъ сатана трепещеть.»

---

* Не средника ли, что по средамъ постятся, подъ лядомъ епитиміи, за неза-
конное сожитіе?

** Апок. 14, 1.

*** 2 Петрово 2, 13—14: «сквернителі и порочици.... очи имущи исполнь блудо-
дѣвіи.»

**** Іуд. 1, 12: «Син суть въ любвахъ вашихъ сквернителі, съ вами ядуще.»

***** А сочинитель не только недѣйствительнымъ объявилъ бракъ, но отвергъ,
позволивъ себѣ глумиться надъ нимъ и назвалъ нечистою, беззаконіемъ.

Г Л А В А ХХІ.

Самые первые ваши умные философы, Иванъ Марковъ, все-народно сказалъ: «По осми разъ въ сутки,» а Козленокъ Иванъ тоже при собраніи сказалъ: «Что можно, блуда ради, отъ Бога отступить, и правила подъ ногами попратъ, и насытятся блуда, на покаяніе приходитъ, Богъ приметь.» За то я Козленка съ безчестіемъ вонъ выгналъ, и по плещи ладонью ударилъ такова богомерзкаго человѣка; а онъ-то у васъ первой совѣтникъ. Посмотри, что учителя ваши всѣхъ сквернѣ: тѣ по страсти, а наставники денегъ ради, Юдинъ чинъ имѣютъ; а вы не Богу служите, но человѣкоугодіе исполняете, по Ефрему Святому: «Видя лице мучителя и волю вѣровавъ, ни какой милости не суть достойни.» Аще сихъ отступниковъ къ діаволу примѣнить, то не возможно; понеже оныя новожены за тайну брака * примѣютъ, по сему противника Богомъ почли, и по вѣдѣнію поклонилися ему аки Богу, всюду его Богомъ обносятъ чрезъ (мнимую) тайну брака (своего). Зри, очевидно, что горше діавола, вмѣсто Бога почли его, и кланяются по вѣдѣнію.

Г Л А В А ХХІІ.

При семъ прилагаю Іереміи пророка писаніе. Глава 23 указываетъ бо, каковы будутъ учителя послѣдняго времени; и еще Соломона пророка (?), каковы дѣти будутъ отъ прелюбодѣйнаго рода, глав. 3 и 4, и Евангеліе толковое недѣля 29, въ прообразованіе нынѣшнихъ блудниковъ и прелюбодѣевъ: тѣхъ прокаженныхъ изъ града изгоняю, а нынѣ изъ церкви, и прикасаться, или чистить, ихъ ни какъ нельзя. Аще бы самъ Ісусъ Христосъ приблизился, то всячески бы осквернился. ** Апостолъ Павелъ и плотскихъ дѣлъ съ ними имѣть не велитъ, не только духовныхъ. Іустинъ Священномученикъ, въ 26-й главѣ во Апостолѣ толковомъ, написалъ и вѣру ихъ бѣсовскою именуеть. И Златоустъ пишеть о еретикахъ

---

* Т. е., свое сожитіе.

** Нельзя такъ сказать о свѣтѣ; ибо и свѣтъ содѣла не дѣлается нечистымъ, свѣта, и освѣщающа, и вроникала въ нечистый мѣста.

Сентября 5 дня, и любити ихъ не велить. * Зри, отлученныхъ блудниковъ чистить не велить, дондеже симъ очистятся, сирѣчь, чисто блудницу отпустить, и незрима будетъ проказа; а кто прикоснется, самъ тѣмъ осквернится. И Апостолю объ нихъ пишетъ: не велить съ ними сообщаться, что они сквернятъ Христіанъ. Зрите, сіе прообразование нынѣшнихъ отступныхъ Христіанъ, отлученныхъ прелюбодѣевъ и блудниковъ, а не демоновъ поклонниковъ; а сихъ отлученныхъ блудниковъ на исповѣдь въ проказѣ, при лицѣ прокаженномъ, чистить нельзя, дондеже проказы маску отъ себя отвергнетъ прочь, сирѣчь, прелюбодѣицу чисто изъ дому своего изженетъ вонъ, по Іустину Философу, дондеже сіи вериги расторгнутся, и впредь ему ея не принимать, и по Писанію клятвою и свидѣтели утвердить, тогда принять, или исповѣдать; а по ихъ бѣсовской Вѣрѣ (?) крестить, не присоединя къ церкви отца, или матеръ, нельзя. ** Сіе дѣло волшебное и мечта дѣвольская, а не тайна и не очищеніе, но и себя и имъ скверненіе. Зрите разумныма очима и понимайте за мечту дѣвольскую каяться, а за прелюбодѣицу держаться, ее при себѣ до смерти имѣть; аще умереть, то аки бы къ Богу пойдетъ; аще живъ будетъ съ прелюбодѣицей, у діавола остается. Зрите мечту дѣвольскую, едино наруганіе Богу. Мертвой Богу, а живой діаволу. Зрите, какое волшебство устроено: умираетъ, а діавола не гнѣваетъ, подобно (будто) Богъ съ діаволомъ товарищъ. Умру къ Богу, а не умру—опять съ діаволомъ и остается: такового чародѣйства вѣкъ не бывало. Зрите настоятелей вашихъ: между Богомъ и діаволомъ настоящіе маклеры; умереть при бляди, то аки бы къ Богу, а не умереть и возстанетъ, опять у діавола остается съ блудницей; бываютъ сводники, но плотскіе, а сіи плотскіе и духовные. Однако наставники болѣе стараются о живыхъ, нежели о покаяніи, доходовъ ради. Не стыдно ли вамъ, ругателямъ? Какую вы маску на себя по духовному и тѣлесному дѣлу надолжили? Я давно вамъ пишу, чтобы вы къ Писанію пристали.

---

* Еретики и блудники Ильєю Ковылиннымъ одинаково разсматриваются.

** Чрезъ разладъ, резумѣется.

Г Л А В А XXIII.

Я писалъ вамъ, Илья Алексѣевъ, вопросы съ написаніемъ, и увѣщевалъ васъ, чтобы вамъ въ чужія дѣла не мѣшаться, но вы видно забыли, или по страсти какой вмѣшались, а на дѣло отвѣту нѣту; шестьдесятъ семь вопросовъ къ вамъ, три лѣта прошло, и на четвертое лѣто нѣтъ. А вы обѣщали самолично отвѣтъ дать, но и по сію пору нѣтъ; то я усмотрѣлъ вашу неправду, порасшевелилъ (?) свои вопросы на трлнстовыя тетради, написалъ вамъ, подалъ, но отъ васъ и по сію пору отвѣту, ни совѣту, нѣту; а видно вы духовной совѣтъ, Святое Писаніе, худо принимаете (?). Но я еще вамъ, на увѣреніе нашихъ вопросовъ, много писалъ, поне тако васъ ко отвѣту, или совѣту, приведу, но уже четыре лѣта съ началу моего дѣла прошло. Вступя въ натриженіе, и ни чего отъ васъ не могли получить, я вздумалъ краткими словами третій разъ вамъ написать, соединя все во едино мѣсто, да и прочіе въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣнія не лишатся, но всякъ узнаетъ себя, что дѣлаетъ. И еще я послалъ вамъ 15 тетрадей въ четверть листа, и при концѣ писано многое въ пользу вашу ко обращенію къ Богу, и Святому Писанію наставляющее, и со страшнымъ прещеніемъ по письму вашему: можетъ вы его позабыли, то я вотъ здѣсь вписалъ его. Зри

Г Л А В А XXIV.

Давній нашъ знакомецъ, Никита Ивановъ! Слышно намъ, что ты на родъшую тя мать широкоустно ополчаешься, и много, много многословія наносиши, многія съ пути Божія отвращаеши: то просимъ принти ко мнѣ на устное разглагольствіе, и недостатки наши исправить отъ Божественнаго Писанія, по реченному: «Изводий честное отъ недостойнаго, аки уста моя суть.» За снѣгъ писалъ Илья Алексѣевъ.

Зрите, XXV статья.

Зрите сами неправду вашу, что вы Церковь и путь Божій обогнали, аки бы такая была наша отступная Церковь, и аки бы таковъ былъ путь Божій, въ какомъ ты теперь пребываешь. Сія не церковь и не путь Божій, но сонмище, истина со лжемъ,

свѣтъ со тмою; мамона отступства, прелюбодѣйства, блуда преисполнена; за сіи ея богомерзкія дѣла узналъ я, и сколь по долгомъ времени обличалъ ее много Святымъ Писаніемъ, но ни чего не успѣлъ; припужденъ отъ такой наружной блудницы удаляться, которая и по вѣдѣнію жертвуетъ діаволу акн Богу; за то я ваше писаніе и берегу: на страшной судъ съ писаніемъ вашимъ предстану страшному суди, что я точно противъ отступной * прелюбодѣйной Церкви вооружался, на путь лукавыхъ возсталъ и желатель сдѣлался путь лукавый истребить, и пожочъ вся богомерзкая дѣянія его, дабы ниже слуху, ниже входу, ниже дѣйствія сего богомерзкаго пути не было, ниже сообщенія, ни приближенія, по Святому Писанію, ни кося милости ни при издыханіи, дондеже расторгнется демонское прелюбодѣйное лице, и не престану, не умолчу, дондеже землею покрюся, всюду писать, и объѣзжать, и истреблять путь демонскій. Я мать Соборную и Апостольскую Церковь почитаю, въ ней я родился водою и духомъ, и ея едину вѣрую лобыаю, и путь Божій утверждаю и укрѣпляю Святымъ Писаніемъ; ** а вы мать нашу, Соборную Церковь, смѣшали со отступники, и прелюбодѣи, и блудники, а путь Божій пересквернили весьма нечистотами и противленіемъ Святому Писанію, и сребролюбіемъ и всѣми явными Богомерзкими нечистотами, и чрезъ сіе дерзкое соединеніе, очевидно, по вѣдѣнію, въ разумѣ, діаволу поклонились. Вы забыли, какъ вездѣ пишетъ: «свѣтъ тмѣ не причастенъ;» а вы всѣми духовными дѣлами сообщились, подобно фиміямъ со смрадомъ смѣсили, и на жертву Богу приносите. Много я вамъ писалъ, требовалъ собранія. Но вы себя признали безотвѣтными. Но все сіе не на пользу; пишетъ: «во многомъ совѣтъ спасеніе.» Я вамъ совѣтую пристать и покориться Святому Писанію; а вы

* Отъ Безпоповцевъ безбрачныхъ перешедшей въ состояніе брачныхъ.

** До перекрещиванія съ Зенковымъ или перехода его въ Федосіевской Толкѣ; Ковылинъ былъ Православнаго Исповѣданія, т. е., Грекороссійской Церкви, въ которой родился и крестился. Здѣсь явно Ковылинъ противорѣчитъ себѣ, что «онъ почитаетъ мать Соборную и Апостольскую Церковь,» тогда какъ открытымъ былъ врагомъ той Церкви, въ которой родился и крестился. Странное заблужденіе, достойное имени Ильи Ковылина, какъ врага всѣхъ церковныхъ Апостольскихъ правъ.

пристали къ блудникамъ и похотникамъ, для мамоны и челоуѣко-
 годія, и себя помрачили сими плотскими дѣлами. Позабыли, что
 Христось рече творити. Прошу непременно читать 23-ю главу
 Іереміи пророка. Самъ Богъ глаголетъ (ст. 21): «Не посылахъ
 пророки, а они течаху; не глаголахъ къ нимъ, и тии пророчество-
 ваху;» не проповѣдаютъ слово Божіе, но своя сонія, и всю землю
 оскверниша; и вашъ первый учитель, Петръ (Федоровъ), явно ве-
 лить по одной держать вмѣсто жены и во увеселеніе плясать; а
 Сергѣй за деньги и гостинцы тоже сношеніе дѣлаеть, тоже не
 расторгнувъ отступной бракъ, въ проказѣ и демонской маскѣ
 принимаетъ; Иванъ Потаповъ велить и принуждаеть всѣхъ женитъ-
 ся, а Евстигѣевъ безъ выбору всѣмъ прелюбодѣемъ и блудни-
 комъ пріятельще. Кузинчъ, вашъ гордой иконоборецъ, сребролю-
 бецъ, ни чѣмъ разности имѣеть отъ идолопоклонника, и собраны
 подобно рындари. Потаповъ всѣмъ matka, больше всѣхъ денегъ
 и дѣтей. Напрасно вы такіа мытницы заводите. И въ Питерѣ
 Иванъ Алексѣевъ Порукову часовню на аренду отдалъ; давно
 вездѣ разно, раздоры, а вода у всѣхъ одна. Я думаю, по Писанію,
 діаволь разсѣялъ, кто гдѣ попадется. Марковъ у васъ и Козленокъ
 сусальщикъ присные совѣтники, между вами и блудниками соеди-
 нители; вы разумомъ съ потопомъ и Содомомъ; и тѣ не вѣровали
 Ною и Лоту, а вы и Святому Духу и Писанію не вѣруете, что
 Божія уста глаголють. Но я васъ посылаю къ Святому Евангелію:
 что діаволь Христу сказалъ, что не пришло время діаволу мучить-
 ся; и діаволь время знаетъ, а вы не знаете, вы позабыли, у васъ
 видно и на памяти Христова пришествія нѣтъ. Ежели бы вы чаяли
 быть скоро, то должно вамъ таковъ и образъ показывать: веткой
 (дряхлой, скорбной) и не гордой и недвижимо крѣпкой, но токмо
 бы аки одинъ день житія нашего, по Христову словеси. И Димитрій
 Ростовскій разумиѣ васъ пишетъ, тоже время по Писанію опредѣляя;
 пишетъ: «Се женихъ грядеть въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же
 обрящеть бдяща.» И еще пишетъ нѣгдѣ: «попы полъ осмыа тысящи
 не преидеть;» но вашъ разумъ со Антихристомъ, а не со Христомъ,
 противныхъ время будетъ продолжатъ и пришествіе Христово от-
 лагать; видно, Богъ менѣ васъ знаетъ. Цѣлыя киновіи онустѣли,
 а вы одні блески являете; токмо тѣму Христіаномъ въ глаза
 пускаете, дабы чаяли жить долгое время, а пришествіе Христово
 забыли. Сами вы разсмотрите, что вы противнику помогаете. Богъ

человѣки всяко спасаетъ, и болѣе страхомъ, а вы страхъ отъ человѣка закрываете. Писаніе глаголетъ: «Кто ждетъ пришествіе Христово скоро быть, тотъ спасеніе себѣ отъ Бога приметъ;» а вы своими крѣпкими гордыми дѣлами весь родъ Христіанскій ослабили; нынѣ должно сей видъ показывать, подобно гостинницѣ единъ часъ пребывать. Аще кто спроситъ, что ты не имѣешь дому, то должно сказать, яко скоро мя позовутъ во онъ вѣкъ, яко конецъ вѣка сего приближился; а вы создаете тайнѣ вѣчныя кущи: аще послѣднія дни представлять будемъ по Даниилу Пророку; (а то) кто вамъ повѣритъ? «Аще бы узрѣли худые дома, васъ бы спросили: что у васъ худые дома?»—«Нынѣ послѣднее время плачевное: на что твердые дома? Ждемъ внезапно пришествія Христова.» Зри, какъ смиренный Божій духъ глаголетъ, сей пророческій гласъ; Марковъ же о себѣ объявляетъ, на поощреніе блудниковъ, по восьми разъ въ сутки совокупляется, а Козленокъ велитъ на время отъ Бога отступить, и законъ ногами попирать, блуда ради, и удовольствоваться себѣ блудомъ, со временемъ же на покаяніе приходитъ: Богъ, де, приметъ. Въ Питерѣ Яшка (Яковъ) Холинъ за стеклами стоящихъ, всѣхъ отступниковъ и прелюбодѣевъ, за одинъ началъ соединилъ, а вамъ и нужды нѣтъ; изъ Москвы въ Питеръ, а изъ Питера въ Москву, все въ Питерѣ и вода одна, и у Папы разные сорта, а все въ одной власти у Папы. Много бы должно васъ отъ Писанія доводами обличать, но вы, видно, ослѣпли и оглохли, ни отвѣту, ни совѣту, ни чего нѣту. Старость меня не допускаетъ, но я прежде бывшіе отъ васъ страхи градскіе, и по командѣ ко отвѣту требованъ, и бранъ, и вмѣсто вашихъ страхомъ, мнѣ прибѣжище Господь и сила. Самъ Спаситель рече: «Церковь и адовы врата не одолѣютъ.» * Но Христіаномъ неприлично дѣлать: аще что я злѣ вамъ пишу, прошу мя ко отвѣту потребовать, чего я и желаю, и обличить меня Писаніемъ, при многомъ собраніи. Я завсегда вамъ пишу, подѣ казню вамъ отвѣчать, противъ каждаго своего слова, а вамъ защищать себя градской командой стыдно, и грѣшно Іудинъ санъ на себя принимать; по духовнымъ дѣламъ нашимъ и град-

* Мате. 16, 18: «И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей.»

ская команда должна себя остеречь, понеже мы отъ нея отошли; * прошу васъ по имени и званію отъ сего безумія себя хранить, а взять разумъ духовный, а не Жидовскій, и духъ Божій смиренія, и покореніе Святому Писанію.

Г Л А В А XXVI.

Но и еще васъ хочу на память привести. Видно, у васъ разумъ у всѣхъ пристрастной, Ивана Маркова; за тѣмъ наставники его и любятъ. То ты всякаго учишь впрעדъ ожидать Антихриста, а о времени говорить книга Іосифа Волоколамскаго: «Богъ можетъ тысящу лѣтъ прибавить.» По сему всякому совѣтуетъ жениться, аки бы послѣднее время не извѣстно. А вы и настоящимъ видомъ тако показываете, строеніемъ гордыхъ вашихъ кущъ, проповѣдуете въ пятьтысящныя лѣта, и сими помогаете противнику. Зрите вашихъ вѣчныхъ кущъ; вы позабыли Писаніе, что пишеть: «Въ осмомъ вѣкѣ кончина вѣку будетъ;» а у васъ и на умѣ нѣтъ. По Ефрѣму: «Гласъ плача и раскаянія и во истину будетъ время, данное на покаяніе;» а и о церквахъ пишеть: «Мнози строили, гордости ради, и видимое украшеніе приготавлиають противникамъ на расхищеніе; одна милостыня вѣчная;» а вы не токмо расточаете, но отсюду грѣхи, пѣназей ради, собираете. Зрите, умнѣ Бога не бывайте; зрите и читайте Іереміи Пророка главу: «Градъ отдамъ врагамъ во укоризну Вашу» (?). Богъ разори, человекъ создати не можетъ; но сими стѣнами на себе заводите градскія власти на притѣсненіе, аще заводитъ приходъ внукъ племянницѣ на нечистоту.

Сіе сочиненіе вывезено изъ С.-Петербурга Московскимъ мѣщаниномъ Кондратіемъ Федотовымъ, а въ Петербургъ было доставлено на Соборное утвержденіе самимъ Ильєю Алексѣевымъ Ковылиннымъ 1808 года.

---

* Вотъ какъ!

ЖИВУЩИХЪ

ПОСЛАНІЕ

КАЗАНСКИМЪ ХРИСТІАНАМЪ ОБЪ ІАКОВЪ ПЕТРОВЪ, ЗА ПРОТІВНОЕ
ЕГО ПИСАНІЮ МУДРОВАНІЮ.

Въ Москвѣ.

Въ кладбищѣ Преображенскомъ въ лѣто 1811-е, мѣсяца
Апрѣля въ 23 день, былъ на него соборъ, съ котораго опре-
дѣленія, за руками общества, объ немъ въ Казань послано письмо, а
съ него къ свидѣнію прочимъ точная переписывается здѣсь копія:

Боголюбивѣйшимъ отцѣмъ и благочестивымъ Казанскимъ
жителемъ, Андрею Васильевичу, Василию Андреевичу, Зиновію
Петровичу, и всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, мира, здравія и
спасенія о Христѣ Исусѣ всеусердно желаемъ.

Мы, ниже подписавшіеся, Московскіе граждане, Православные
Христіане, сими краткосложными начертаніи извѣстимъ вамъ,
вкупѣ и предохраняемъ, что нѣкогда бывшій согражданинъ вашъ,
вменуемый Іаковъ Петровъ, который призванъ былъ отъ васъ
въ наше кладбищенное жительство, однако же безъ всякаго об-
щества нашего совѣта, гдѣ и опредѣленъ былъ тѣмъ отечество-
вать, что и отправлялъ чрезъ нѣкое время. Наконецъ, какъ на-
чалъ онъ отирывать свое новое, не согласное Писанію и оцѣмъ
прежнимъ, ученіе, какъ-то: о высочайшихъ лицѣхъ (о немъ не
писать здѣсь непристойно) и о повторительномъ крещеніи. Хри-
стіанъ Поморскихъ, что мы только какъ узнавъ отъ собственной
его руни тетрадей, позвали его особенно прежде къ отвѣту, но
онъ, какъ бы возгнушався, не пришелъ къ намъ. Тогда уже
принуждены мы были созвать на него соборъ Христіанскій, и
предъ всѣми, открывъ его заблужденіе, вслухъ вычитали, и вслѣдъ
только, кто выслушавъ, сказали, что это ученіе не слышанное и
весьма вредное. Которое мы на томъ же собраніи, при помощи
Божіи, изъ священныхъ книгъ, ясными доказательствами, все это

С П И С К

* Для приманки другихъ въ свое общество, Безпоповцы называютъ Христіан-
скимъ соборомъ своя общественныя сходанія по вопросамъ своего ученія.

опровергли, а истинное Святыкъ Апостолъ и Святыхъ Отцевъ ученіе, откровенно показавъ, утвердили. Понеже оныи Іаковъ Петровъ, Поморскихъ Христіанъ, за тропарное моленіе по всему образу, сравниваетъ и уподобляетъ Уніатскому въ Подлѣ отступленію, которыхъ Святейшій Филаретъ Патріархъ въ соборномъ изложеніи совершенно повелѣваетъ крестити. Сего ради мы о Уніатахъ сихъ, съ великимъ прилежаніемъ и со многимъ вниманіемъ, въ книгѣ о Вѣрѣ, въ главахъ 23-й и 24, и въ соборномъ Филарета изложеніи, и въ прочихъ исторіяхъ, ясно разсмотрѣли, что Уніаты оные совершенные суть отступники; ибо они всѣ ереси Римскія и всѣ заблужденія Папескія за истинныя вещи въ законъ свой пріяша, а именно: Духа Святаго отъ Отца и Сына исхожденіе, опрѣсночное въ тайнахъ Литургіи служеніе, Фригидрово геенскимъ огнемъ въ мукахъ очищеніе, Папы Римскаго Вселенскія Церкви главою почитаніе, и прочія безчисленныя Папескія ереси и умышленія, и, словомъ сказать, весь Символь ихъ еретическаго мудрованія добровольно и безъ всякаго принужденія пріяли и клятвенною присягою все то утвердили (Кн. о Вѣрѣ листъ 272). По тому они и молятъ Бога за Папу; не просто бо, какъ Апостолъ, Святыи Навелъ, повелѣваетъ о всѣхъ чело-вѣцѣхъ и о Царѣхъ невѣрныхъ (молитися), но яко объ истинномъ и Православномъ пастырѣ своемъ, Петровомъ настояльницѣ и Христовомъ нашествницѣ, молятъ. Кромѣ же своихъ ересей сихъ, преужасные они были на благочестивыхъ гонители, принуждающіе всѣхъ въ Папеское съ собою отступленіе, при коемъ гоненіи 1844 (1900) церковію у Православныхъ отнявъ, на унію перешли. То возможно ль сихъ сравнить съ Поморцами, въ самомъ безпристрастной душой о семъ посудите; не явно ли будетъ сіе заблужденіе, еже Поморскихъ сравнивать со Уніаты еретиками? И таковыхъ убо ради всѣхъ ересей богомерзкихъ и совершеннаго ихъ отступленія, Святейшій Филаретъ Патріархъ, по самой справедливости, соборнымъ судомъ крестити ихъ повелѣваетъ. А что же до Поморскихъ Христіанъ, то они ни одного слѣда и ни одной тѣни ересей оныхъ въ себѣ не имѣютъ, * тѣмъ же и крестити ихъ второе отнюдь не подобаетъ, дабы не впасти

* А протѣ всю Церковь Святославскую, съ ея устройствомъ, отрицають. У нихъ Вѣра безъ Церкви; значить своя, а не Христова.

чрезъ сіе, по Апостолу (зал. 312), въ прѣхъ Христоторазинагомота и въ нарушеніе неподвижнаго Символа Вѣры: да и по тому, крестити ихъ не возможно, что какъ древо скончавшіеся наши отцы, такъ и вновь о Христѣ почившіе благочестно, хотя они въ инокыхъ недоумѣтельныхъ вещахъ съ нами и не соглашались, но: столь зловреднаго и весьма раздорнаго мудрованія, какъ Іаковъ Петровъ о Поморскахъ доказываетъ, они не ибѣли, и въ сообщеніе свое приходящихъ отъ нихъ съ однимъ точию началомъ ихъ признали, о чемъ и до нынѣ въ живыхъ еще многіе и встарѣлые Христіаны достовѣрно намъ свидѣлствуютъ. Хотя и строгая объ нихъ въ Польскомъ соборѣ (1726 или 1752 года) въ статьяхъ 4-й, сказано, но для того, что въ тропарехъ и стихирахъ у нихъ тогда прилагательныя имена, какъ въ Благочестіе читаема были, и за сіе самое на соборѣ томъ положено было, съ приходящихъ отъ нихъ къ намъ въ приобщеніе брать по триста поклоновъ на соборѣ, а больше не сказано ни чего. Московскій же Преображенскаго кладбища Стронтель, Илья Алексѣевъ, двадцати ибѣтъ служилъ по соборѣ Польскомъ, въ 1772-мъ году, по утоленіи Московскаго мора, ѣздилъ самъ съ семью товарищами въ Поморскій монастырь, и какъ пріѣхалъ къ тамошнимъ начальникамъ, Никифору Семенычу, Данилу Матвѣичу, Андрею Берислачу и прочимъ, подавъ имъ за подписаніемъ рукъ своихъ, 16 пунктовъ, для очищенія ихъ пути къ примиренію, и за тѣмъ проводилъ у нихъ въ разглагольстии до 8 дней. А какъ началъ онъ обираться ѣхать отъ нихъ, то тутъ же и сказалъ имъ: «Мы теперь крѣпко и 16 пунктовъ оставляемъ вамъ на исправленіе; однако жъ просимъ васъ, ежели вы въ главныхъ 3-хъ статьяхъ точию исправитесь, въ которыхъ больше всѣхъ мы сомнительны, то и примиреніе у насъ съ вами будетъ вѣрное и твердое, а именно, исправте вы все оіе: 1-е. Въ тропарихъ и стихирахъ имена прилагательныя оставяйте (понеже и самъ Илья ибѣлъ въ домовоі часовнѣ своей, за Царя Бога молилъ, безъ прилагательныхъ только словъ, о чемъ книжныя его и нынѣ достовѣрно свидѣлствуютъ, какъ то: Тимофѣй Ивановъ Ярославецъ и прѣчіе). 2-е. Безъ крещенія умершихъ законно не поминайте. 3-е. Новоженновъ купно сожительныхъ до общество не принимайте, и больше сего отъ васъ не востребуемъ. А дождеже статей силъ вы не исправите, то и мира съ вами учинить будетъ намъ не

возможно.» И съ такими предложеніями Ильѣ Алексѣевичъ тогда обратно и побѣхалъ въ Москву. Сего же условія и договора самовидцы и совѣтники въ томъ ему, бывшіе изъ Москвы, его товарищи, а именно: Михайло (а нынѣ во иноцѣхъ Зосима) Евсѣгнѣевичъ, Борисъ Андреевъ, Иванъ Петровъ Селезневъ, Иванъ Прокофьевъ и прочіе. И такъ съ того времени Андрей Боровичъ и Тимофей Андреевичъ, имена прилагательныя въ тропарѣхъ во всѣхъ своихъ часовняхъ совершенно оставили (и сему уже 23 года прошло), и сему свидѣтелей столько, сколько тамъ бываетъ жителей; также и о поминованіи отшедшихъ: не о Внѣшнихъ, некрещенно умершихъ, оно творится ими, но о сущихъ, во оглашеніи бывшихъ и крещеніи не получившихъ, да и за тѣхъ за отраду и одною только псалтырью, и безъ каноновъ за умершихъ тѣхъ; поминуются отъ нихъ; и сіе поминованіе уставлено отъ первыхъ еще отцевъ: Андреемъ Діонисіевичемъ съ прочими отцами; по примѣру Святаго Іоанна Златоустаго; ибо онъ за отраду во оглашеніи умершихъ повелѣваетъ давать милостыню. И такъ теперь оныя Поморцы, по суду всѣхъ благоразумныхъ и самаго Ильи Алексѣевича, не по тремъ предложеніямъ остаются подвинуто, токмо по одному, купно сожительному новоженству. Но чтобы и намъ за сіе на страшномъ судѣ Божіемъ такъ же не быть подвѣтомъ, и отъ крове ихъ, во Златоусту, быти чистыми, то и о послѣдней статьѣ сей, т. е., новоженствѣ, всячески подобаетъ намъ попещися, и съ Карагенскимъ Святыхъ Отецъ Соборомъ (прав. 70 и 93) чрезъ посольника ихъ увѣщати, дабы они, для любви Божіеи и церковнаго ради соединенія, и въ той статьѣ поправились. «Монеже бо раздора церковнаго грѣхъ ни мучени кровию загладити не возможно,» рече Златоусту: И теперь кажется всѣмъ уже видно, что непременно не возможно Поморскихъ Христіанъ ни по какому же образу сравнить и уподобить Уніатскому въ Польшѣ отступленію, какъ Казанецъ вашъ, Іаковъ Петровъ, и подобные ему враги лжесвидѣтельно написали. Но отъ васъ, братіе, ны надѣемся, что вы не воскощете уподобиться имъ, а рассудите о всемъ здраво, съ писаніемъ Святыхъ согласитесь и съ нами. И такъ, во оправданію своего мудрованія Іакова Петрова трикратно на соборъ мы призывали: пріити не воскогѣтъ, и въ расказаніи въ томъ пребывъ, съ тѣмъ отъ насъ изъ Москвы

и высланъ вонъ (Св. Апостолъ прав. 504). * Слѣдовательно, по Правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святоотеческимъ (прав. 19) онъ находится теперь подъ отлученіемъ. И ежели онъ будетъ и у васъ находиться, въ томъ же душевредномъ мудрованіи не поправясь, то вы имѣйте его непремѣнно въ числѣ отлученныхъ, и ни какихъ Таинствъ отъ него не требуйте, понеже Божественное Писаніе насъ увѣряетъ, что не по Писанію вѣрующіи всѣ суть еретѣки. И пакѣ Писаніе (Кормч. гл. 70) глаголетъ: «яко еретикъ есть и еретическимъ изреченнымъ на еретиковъ подлежить закономъ, даще и мало что уклоняйся отъ Православныя Вѣры.» Убо Іаковъ Петровъ мудрствуетъ о томъ точно не отъ Писанія и отъ Православныя Вѣры уклоняется не мало. Крещенныхъ бо Христіанъ второе крестити, безъ соборнаго суда, собою дерзаетъ опредѣляти, чѣмъ и Символъ Православныя Вѣры хочетъ разрушити; тѣмъ же убо и мы, съ Божественнымъ Апостоломъ Павломъ (Римл. зач. 121), «молимъ вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ уванія, ему же вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ. Таковѣи бо Господеви, нашему, Іесусу Христу, не работаютъ, но своему чреву, иже благими словесы и благословіемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ.» Васъ же отъ всѣхъ золъ да сохранитъ Господь Богъ нашъ, Іесусъ Христосъ, своею благодатію, нынѣ и присно и во вся вѣки. Аминь.

На подлинномъ подписавшіеся суть сіи:

Отецъ Петръ Кузьминъ, Михайла Евсигнѣвъ, Федоръ Сергѣвъ, Терентій Андреяновъ, Иванъ Петровъ Дуниловъ, Иванъ Потаповъ, Лаврентій Ивановъ, Андрей Ильинъ, Петръ Петровъ, Иванъ Петровъ, Тимофѣй Ивановъ, Антонъ Яковлевъ, Яковъ Петровъ икон., Василій Семеновъ, Федоръ Петровъ, Владимиръ Абрамовъ, Андрей Лазаревъ, Петръ Андреевъ каретникъ, Иванъ Васильевъ бѣл., Филимонъ Федоровъ, Макарь Андреевъ, Александръ Ивановъ, Федоръ Фроловъ, Парфень Яковлевъ, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Михѣвъ, Матвѣй Николаевъ, Иванъ Василь-

* Безпоповцы дѣйствуютъ, поддѣлываясь подъ истинные Соборы, для прикрытія своего отступленія отъ Церкви.

евъ, Яковъ Васильевъ, Гаврила Гавриловъ, Левъ Матѣевъ, Николай Васильевъ, Иванъ Григорьевъ, Филатъ Ивановъ, Василій Григорьевъ, Максимъ Андреевъ, Ефимъ Феклистовъ, Иванъ Кузьминъ, Алексѣй Митрофановъ, Григорій Кириловъ, Арсентей Мосѣевъ, Семенъ Елисеевъ, Иванъ Михайловъ, Сидоръ Федотовъ.

Всѣхъ 43 человекъ.

Лѣта отъ мірозданія 7320, Маія 21-го. Еще въ лучшее Церкви Святѣй устроеніе выше подписавшіеся отцы и книжные и почтенные граждане общимъ совѣтомъ составили и рукоприкладствомъ утвердили слѣдующія статьи.

Статьи къ церковному строенію: *

1.

Во обществѣ нашемъ изъ согласныхъ съ нами Христіанъ составить церковный совѣтъ изъ 10-ти, или изъ 5-ти, и уполномочить его обществомъ, въ которыхъ числѣ 2, или 3, должны быть изъ старшихъ отцевъ.

2.

Совѣта церковнаго должностъ имѣть въ совершенномъ знаніи и соблюденіи все исповѣданіе нашего Православнаго догмата и преданія, и все внутреннее церкви распорядженіе и благоустройство.

3.

Церковный совѣтъ, какъ есть внутреннее Церкви правленіе, то и принадлежать ему. всѣ наши по Христіанству дѣла на разсужденіе и опредѣленіе по законамъ церковнымъ. Въ случаяхъ межъ совѣтниковъ разногласія, отъ общества требовать или къ

* Притч. 1-я 11 и 24, Сир. 32, Мате. зач. 74, Мат. Прав. сост. 5. гл. 4, Корин. прав. 1, 7-го Собора 1, Вас. Вед. прав. 90—91, Евангеліе въ недѣлю Православія, Няк. Черногорск. кн. 1, слово 2-е.

разсужденію вспоможенія, а противляющагося изъ нихъ Священному Писанію и церковнымъ правиламъ (8-го Соб. прав. 1), отрѣшать должно; а въ его мѣсто выборомъ помѣщать другаго.

4.

Совѣту церковному, съ первыхъ дней своего вступленія, слѣдуетъ принять къ себѣ всѣ церковныя наши дѣла въ правленіе, и различныхъ временъ предковъ нашихъ сочиненія и законенія, которыя всѣ внимательно ему пересмотрѣть должно, и согласныя законамъ и Писанію утвердить, недостаточныя наполнить, не вразумительныя объяснить, а противныя правиломъ и Священному Писанію, предъ обществомъ доказавъ, отмѣнить. (Карѣ. Соб. прав. 52-ое). * Понеже бо въ нѣкоторыхъ законеніяхъ оныхъ обрѣтаются и погрѣшности, какъ-то въ статіяхъ Польскихъ и подобныхъ тѣмъ; ибо и Максимъ Грекъ, послѣ великихъ чудотворцевъ Россійскихъ и пастырей священныхъ, многія и великія въ книгахъ погрѣшности повелѣніемъ Царскимъ исправлялъ, а пороковъ тѣхъ Святителемъ онымъ, за недоумѣніе ихъ, ни мало не приписалъ, какъ пишетъ онъ въ предисловіи Юсифской Грам. на листѣ 24-мъ и далѣе. Такъ же и Стоглавый Соборъ четверящимъ аллилуію впрелъ запрети, а ихъ не осуди.

5.

И кѣмъ либо общества нашего что усмотрѣно будетъ въ церковныхъ содержаніяхъ недостаточнымъ, или излишнимъ, то всякъ о томъ познавшій долженъ представить церковному совѣту письменно, или словесно (Кн. о Вѣрѣ гл. 23, л. 206-й); Совѣтъ же все то принявъ, приводитъ въ надлежащее исправленіе (5-го Соб. прав. 64-ое); самимъ же онымъ собою, безъ вѣдома и совѣта, никому ни чего не составлять и не утверждать, подъ великимъ запрещеніемъ.

---

* Замѣчательная свобода критики и дѣйствій вѣрлется Преображенскому Совѣту въ 4-й статѣ, и именно въ отношеніи къ Отечественнымъ сочиненіямъ и узаконеніямъ и книжнымъ исправленіямъ. За чѣмъ же Никола-то не любить, и въ

6.

Изъ духовныхъ дѣлъ правителемъ одному быть старшему (Св. Апост. прав. 34-ое), которому прочіи всѣ, правящіе въ Москвѣ духовность, должны подчиняться и въ случайныхъ нуждахъ къ нему относиться; а и старѣйшій онъ правитель во всѣхъ недоумительныхъ случаяхъ безъ церковнаго совѣта одиць собою тоже судить и рѣшить дѣлъ не можетъ, какъ священныя законы повелѣвають.

7.

На духовную должность служителей избирать по церковному совѣту, кунно съ духовными отцами, по законамъ церковнымъ (Св. Апост. пр. 34-ое, 1-го Соб. пр. 4, Кипр. послан. 2-ое), и утверждать ихъ общественнымъ приговоромъ.

8.

Духовныхъ дѣлъ служителемъ безъ воли своего старшаго и церковнаго совѣта, по своевольству, для каковыхъ либо выгодъ своихъ, въ другія мѣста не приходить и во иные города не отъѣзжать (Дѣян. Ап. зач. 39, 1-го Соб. прав. 5—6), за преслушаніе же законно будутъ наказаны; а противящіеся и вопреки глаголющіе лишени будутъ своего званія, чести же и достоинства, и возвѣстится о семъ повсюду.

9.

Всѣ Христіане, по повелѣнію Апостола Павла, должны молить Бога «за Царя и за сущія во власти, да тихое и безмолвное итіе поживемъ.» (1 Тим. зач. 282) * и проч.

чемъ его винять? За чѣмъ исторію-то всю своей разброды съ него начинаютъ? За чѣмъ столько хулы на него сложили и славяють, и чрезъ него на непорочную и пречистую Церковь?

* По чему же это не исполняется вами да дѣлѣ?

И такъ, къ вѣрному и непреодолимому въ 9 статьяхъ здѣ написаннаго исполненію, мы нынѣ, волею Божіею и общимъ согласіемъ, въ Преображенскомъ Богодѣленномъ Домѣ и въ храмѣ Успенія Пречистыя Божія Матере, на вся грядущія времена и роды, рукописаніемъ нашимъ утверждаемъ, лѣта отъ мірозданія 7320 или 1812-го года, мѣсяца Мая 22-го дня, выше означенными именами, книжные же и гражданы, тако подписавшіяся здѣсь.

К о н е ц ъ .

Къ сему душеполезному Церкви Святѣй благоустройству и мы, Стародубскаго общежительства начальныя и книжныя, всѣ согласуемъ и рукоприложеніемъ нашимъ утверждаемъ, именно: Рижскій житель и обительскій (по отцѣ Петръ Федоровичѣ премникѣ) отецъ Иванъ Васильевъ; Московскій житель и обители сей Стронтель Яковъ Васильевъ; Инокъ Василій за себя и за иноковъ Исаакія и Авраамія своеручно подписался; Рижской Иванъ Алексіевъ; обительскій Келарь Петръ Михайловъ, и Подкеларь Василій Михайловъ Гусевъ, за Келаря и за себя, подписался; Рижской житель Лукьянъ Осиповъ; Владимирской Василій Осиповъ; отецъ Рижской Семенъ Антоновъ Волошинъ.

ХІІІ.

ПОКАЗАНИЕ

ПРАВИЛЬНЫХЪ ВИНЪ, ПРЕИДУЩИХЪ СОЕДИНЕНІЮ НАШЕМУ ВЪ СООБЩЕНІЕ СЪ МОНАСТЫРСКИМИ.

Всякому хотящему вѣдѣти, яко не гордости ради богоненавистныя, ниже хищенія ради непохвальнаго, въ намѣреніи спасительнаго упованія, въ намѣреніи правильнаго общенія, трепещуще клятвъ, боящеся апаѣемъ, подожженныхъ на презирателей Святыхъ правилъ, страшащеся отлученія за презрѣніе Святыхъ повелѣній, да во время страшнаго предстоянія, чтобы не отлученымъ быти ихъ ликостоянія

Краткое изъясненіе

хотящимъ вѣдати, чесо ради мы не имѣемъ сообщенія, какъ въ молитвословіяхъ, такъ въ питіи и яденіи, съ живущими въ Поморской странѣ, близъ океана моря, на Выгѣ рѣцѣ, въ скитѣ, нарицаемомъ Даниловѣ, такожде и съ прочими, съ ними сообщающимися, не точію во единой той странѣ, но и во всей Россіи, по градомъ и по селамъ живущими.

1. Что они неправое мудрованіе имѣютъ и по писму Игнатія старца о надписаніи, положенному, по повелѣнію Пилатову, на первобытномъ Крестѣ Господа нашего Ісуса Христа. *

2. Что они во время Самаринской Комисіи дали подписку, чтобы приходящихъ отъ Великороссійской Церкви не перекрещивать.

3. И своихъ во исповѣдь не принимать.

4. Неблаговѣрныя лица пятью прилагательными имени въ тропарѣхъ, и кондакахъ, стихерахъ, канонѣхъ, благовѣрными, благочестивыми, православными, крестоносными нарицаютъ! Какъ же это молитесь. **

5. За некрещенныхъ деньги на поминки принимаютъ, и ихъ поминуютъ, и псалтыри читаютъ.

6. За живыхъ некрещенныхъ молебны поютъ.

7. Масло въ лампы и свѣщи отъ некрещенныхъ принимаютъ.

---

* Разсѣдованіе о титулѣ, положенной Пилатомъ на крестѣ Христовомъ, содержится въ статьѣ: «О началѣ раздора Оедосѣвцевъ съ Выгорѣцкимъ обществомъ. См. выше.

** Какъ же вы-то молитесь? Надо бы сказать: видно, совѣсть не велить. За чѣмъ же повредили ее? За чѣмъ не помщете врачества въ принятіи истины?

8. Новоженцовъ безъ расторженія домовнаго на обществѣ, пріемлютъ. *

9. По крещеніи на третій день исповѣдуютъ.

10. Мірскихъ на исповѣдь принимаютъ.

11. Предъ крещеніемъ четырехдесятидневнаго поста не полагаютъ.

12. Среды, Пятка, Понедѣльника не постуяты, ядятъ дважды, а иные съ рыбой и масломъ.

13. А прочіе дни до обѣда, и послѣ обѣда, орѣхи грызутъ и ягоды ѣдятъ, дважды и трижды пьютъ чай.

14. Крайнее неопасеніе имѣютъ съ мірскими въ яденіи, питіи, и на праздники къ нимъ ходятъ, и умѣльное питіе изъ ихъ сосудовъ пьютъ.

15. Самосожегшихся, самоубившихся голодомъ и разными смертми, съ прочими страдальцами поминуютъ и за мучениковъ почитаютъ.

16. По дорогамъ ѣздятъ, иконъ, лѣстовокъ и посуды не берутъ.

17. Въ баню ходятъ съ мірскими, и оное дѣло оправдаютъ.

18. Тропаріи за умершихъ некрещенныхъ сочинили.

19. Книгу во оправданіе прилагательныхъ именъ, чтобъ не Православными Безпоповцевъ называть, сочинили, и въ ней не

---

* А устроеніе домовное разстроитъ, семейныя узы разрушитъ, для того, чтобы вступать въ сонмище неосвященныхъ: не являя ли тутъ погубель?

** Т. е., не вошедшихъ еще въ ихъ неосвященную купель.

своѣственныя свидѣтельства отъ Писаній собрали, на соблазнъ простаго и неученаго народа. *

20. За сія вины не сообщаются съ ними Христіанъ хульствуютъ, порицаютъ и къ еретикамъ причитаютъ, и въ ихъ письмахъ, къ намъ писанныхъ, Антихристовыми слугами называютъ, пропасти Христіаномъ, не сообщаются съ ними, ископываютъ. "

21. Сами между собой имѣютъ разньствіе и несогласіе въ изреченіи прилагательныхъ именъ: овые изъ нихъ глаголютъ благочестивыми, иные державными, просто побѣды Царю нашему, а другіе побѣды Правовѣрнымъ Христіаномъ, и снмъ междуособнымъ несогласіемъ наипаче намъ подають сомнѣніе.

22. Неправо мудрствуютъ о бракахъ, яко женившихся до воспріятія Вѣры, сице и послѣ пріятія Вѣры женившихся, равно обохъ разсуждаютъ и судъ прилагаютъ.

23. Неправое мудрованіе имѣютъ о Антихристѣ: впредь чувственно его быти ожидають. ***

24. Егда вопрошаеми бывають отъ страны нашея, по что неблаговѣрныя лица благовѣрными нарицають, то единого ихъ согласія разно отвѣщаютъ: овые глаголютъ по нуждѣ, а иные за сіе выстаивають и оправдають, и безъ всякой нужды глаголютъ утверждають, и не глаголющихъ градскимъ судомъ устрашають.

Еще къ снмъ вышечисаннымъ вопросы предлагаемъ:

1. Что есть благовѣріе?
2. Что есть православіе?
3. Что есть правовѣріе?

---

* Въ такомъ направленіи и духѣ вообще Безпоповцы выбираютъ свидѣтельства изъ Святоотеческихъ писаній и соборныхъ опредѣленій.

** Высказывается вражда внутренняя между собою разнотолковцевъ отъ себя въ гоненіи, отъ себя въ утѣшеніи.

*** Въ разъясненіе истиннаго ученія объ Антихристѣ см. выше.

4. Что есть благочестіе?
5. По чему человекъ нарицается благочестивъ?
6. По чему благовѣренъ?
7. По чему православенъ?
8. По чему правовѣренъ?

9. Каковымъ прилагательнымъ именемъ двое вѣрующіе во Христа, одинъ изъ нихъ совершенно вѣруетъ, другіе же погрѣшеніе имѣютъ въ догматахъ и преданіяхъ и неправо мудрствуютъ о Святѣй Троицѣ и воплощеніи Христовѣ, одинъ отъ другаго раздѣляются?

10. Въ Апостольскомъ завѣщаніи и въ Святоотеческомъ преданіи, въ Ветхомъ и Новомъ Писаніи, повелѣвается молити Христіаномъ за единовѣрныхъ и невѣрныхъ. Единообразно ли за обоихъ сихъ молити повелѣвается, яко же за Православная, сице и за еретиковъ?

11. Аще единообразно обоихъ, то гдѣ и въ коемъ Писаніи?

12. Святіи повелѣваютъ молити за еретиковъ о обращеніи, за правовѣрныхъ о здравіи и о спасеніи.

13. Вы же како за еретиковъ молитѣ, въ которыхъ реченіяхъ сію молитву заключаете, покажите именно?

14. Святый Апостолъ Павелъ повелѣваетъ: «Молитѣ за Царя и за вся человекѣ, и за всѣхъ, иже на властѣхъ и предначальствіяхъ.» * Вы же въ своихъ молитвахъ всѣхъ Православными называете, какъ Царское, такъ Сенаторское, воинство, и Святительское?

---

* 1 Тим. 2, 1—2, такъ: «Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человекѣ, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть.»

ПИСЬМО
РИЖСКАГО ЕПИСКОПА ФИЛАРЕТА

къ

ИННОКЕНТИЮ, АРХИЕПИСКОПУ ХАРЬКОВСКОМУ,

о

ТЪСНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Какъ утѣшили Вы меня письмомъ Вашимъ! Господь да утѣшитъ Васъ и въ благодати и въ славѣ своей! Скорбному сердцу слишкомъ нужны утѣшенія.

Обрадованный участіемъ, какое Ваше Высокопреосвященство благоволите принимать въ здѣшнихъ дѣлахъ, позволяю себѣ войти въ довольно подробныя объясненія своихъ нуждъ. Положеніе мое до крайности странно. Странно оно по тому, что обстоятельства заставляютъ меня почти не выпускать изъ рукъ пера, чтобы остріею его развязывать узелки и узлы, съ изумительною быстротою и неутомимостію связываемые здѣшними дѣльцами. Эти узлы и узелки вьжуются за 100, за 200 и за 300 верстъ отъ Риги. По тому необходимо имѣть свѣдѣнія съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходитъ Танталова работа, а это дѣлается не въ трехъ, или пяти, мѣстахъ: это дѣлается въ 200 мѣстахъ, называемыхъ мызными и киршпильными правленіями. По этому очерку положенія дѣлъ Ваше Высокопреосвященство изумитесь единодушію, съ какимъ дѣйствуютъ Дейчеры, а вмѣстѣ согласитесь, сколько имѣю я нужду въ людяхъ, которые способны бы были, находясь по разнымъ мѣстамъ, не только знать близко о трудахъ единодушія, но, по возможности, на мѣстѣ развязывать узлы неправды.

Какъ ни странно такимъ образомъ положеніе, въ какое ставятъ обстоятельства проповѣдниковъ слова Божія, но оно точно таково. Чтобы перемѣнить это положеніе, надобно Дейчерамъ не быть Дейчерами. Не вхожу въ объясненія этой печальной дѣйствительности. Такое положеніе дѣлъ, какъ Ваше Высокопреосвященство согласитесь, требуетъ прежде всего, чтобы, по крайней мѣрѣ, пунктахъ на пяти Ливоніи были Священники, получившіе высшее, Академическое образованіе. Нужда въ этѣхъ людяхъ увеличивается и отъ того, что какъ ни недостойно званія своего ведутъ себя здѣшніе Пасторы (это не моя мысль, это общее убѣжденіе самихъ Лютеранъ здѣшнихъ), Г. Дейчеры очень гордятся тѣмъ, что всѣ Пасторы ихъ получили Университетское образованіе. Опытъ говорить имъ, что Университетскіе ихъ питомцы уже по тому самому оказываются негодными, что образованіе ихъ, слишкомъ высокое, поставило ихъ въ совершенный контрастъ съ простыми понятіями и чувствами народа. Но для нихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ важно то, что могутъ указать на нѣчто блистательное въ своихъ Пасторахъ. Я очень знаю по опытамъ своихъ Священниковъ, что Православные Латыши и Эсты вовсе не имѣютъ нужды въ Академикахъ. Но тѣмъ не менѣе обстоятельства показываютъ, что совершенно необходимы, по крайней мѣрѣ, пять Академиковъ Священниковъ для Ливоніи (исключая Риги, гдѣ уже они есть). Не давно присланъ мнѣ одинъ. Нужны еще четыре; только необходимо устранить и затрудненіе, въ какое могутъ быть поставлены присланные сюда Академики, по средствамъ въ содержаніи. Не говорю уже, что положеніе ихъ тѣсно будетъ отъ тѣснаго положенія Православія. Это уже крестъ неизбѣжный и необлегчимый. Сдѣсь чрезвычайно дорого содержаніе; по многимъ предметамъ оно дороже Петербургскаго. Ваше Высокопреосвященство сами изволили упомянуть о положеніи, на какомъ должны состоять лица, какія могутъ быть присланы сюда. По тому-то и я говорю объ этомъ предметѣ, но предоставляю ближе опредѣлить предметъ милостивому Начальству; мое мнѣніе прибавить каждому противъ Латышскаго сельскаго Священника, по крайней мѣрѣ, 60 р. сер. жалованья.

Ваше Высокопреосвященство вполне справедливо полагаете, что мнѣ нужны лица, которыхъ я могъ бы посылать для выпол-

ненія порученій моихъ. Но бѣда моя въ томъ, что я даже самъ боюсь обозрѣвать мои церкви. Ваше Высокопреосвященство не можете вообразить себѣ, до какой безсовѣстности доходятъ здѣшніе въ составленіи клеветъ. Слишкомъ хорошо зная здѣшнихъ людей, не имѣю ни какого сомнѣнія въ томъ, что если бы послалъ я добрыхъ иноковъ съ цѣлю чисто святою, Апостольскою, въ приходъ крестьянскій: это дѣло черезъ недѣлю получило бы такой видъ, что о немъ тошно было бы и подумать. И бѣдные Священники, которымъ мѣста служенія опредѣлены уже по Высочайшей волѣ, каждый день трепещутъ того, какъ бы не вывели ихъ въ какую либо бѣду. Да и сколько было уже опытовъ! Только Господь спасаетъ насъ. По тому-то думаю, еще не пришло время дѣйствию инокамъ въ Ливоніи. Тѣмъ не менѣе, для исполненія порученій въ отношеніи къ Священникамъ и причтамъ, могъ бы безъ большихъ опасностей для Православія употребляемъ быть одинъ благонадежный инокъ. Необходимыя качества его—знаніе, если уже не Латышскаго, или Эстскаго, по крайней мѣрѣ Нѣмецкаго языка. Не далѣе, какъ въ Іюніи мѣсяцѣ ко мнѣ явился ученый Иеромонахъ Валеріанъ, получившій образованіе въ Лембергѣ (Львовѣ), изъ бывшихъ Унитовъ, знающій Нѣмецкій языкъ, нѣсколько знакомый и съ Латышскимъ, по прежнему жительству своему въ Витебской Епархіи; онъ изъявилъ мнѣ жаркое желаніе трудиться для Православія, выставляя и то, что онъ много уже трудился между (бывшими) Унитами. Я радъ святому усердію его, но боюсь дѣлать какое ни будь употребленіе изъ его усердія въ настоящее время. Оставилъ его при домѣ, съ надеждами на болѣе благосклонную будущность. Безъ особеннаго пособія я вынужденъ буду рано ли, поздно ли, разстаться съ нимъ, хотя онъ и по жизни неукоризненной и по познаніямъ весьма былъ бы мнѣ полезенъ въ томъ самомъ отношеніи, на которое Ваше Высокопреосвященство благоволите указывать. Если бы назначено ему было особенное жалованье, по крайней мѣрѣ, 120 р. сереб. въ годъ, и на разѣзды, для исполненія порученій, до 150 р. сер., я считалъ бы это за великую милость и для себя и для Св. Православія. При этомъ совершенно не избѣжно и то, чтобы Святейшій Синодъ благоволилъ предоставить мнѣ право посылать его въ Викаріатство для исполненія порученій.

До крайности тяготитъ меня то, что собственно въ Ригѣ нѣтъ у меня ни одного Священника, знающаго Эстонскій языкъ. Въ мою Канцелярію и въ Ливонское Духовное Правленіе теперь нерѣдко поступаютъ бумаги или писемныя на Эстонскъ языкъ, или, по крайней мѣрѣ, требующія справокъ съ положеніемъ Эстоновъ, а иногда и съ документами Эстонскими. Еще болѣе того случается выслушивать устные просьбы Эстоновъ. Что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Для дѣлъ Латышскихъ, благодареніе Господу, въ Ригѣ есть надежный Латышскій Священникъ, который каждый день является ко мнѣ для дѣлъ Латышскихъ. Съ дѣлами же Эстонскими сущая бѣда. Я уже много переносилъ средствъ къ облегченію этого крайняго затрудненія. Но обстоятельства показываютъ, что совершенно необходимо открыть въ Ригѣ Эстонскій причтъ изъ Священника и двухъ причетниковъ, съ положеніемъ, общимъ для городскихъ Эстонскихъ причтовъ. Онъ могъ бы быть назначенъ къ той же Покровской церкви, при которой числится и Латышскій Рижскій причтъ. Для существованія его, какъ причта, причина есть и та, что въ Ригу, въ осеннее и зимнее время съ хлѣбомъ, а въ весеннее и лѣтнее время для работъ на судахъ и корабляхъ много приходитъ Эстоновъ, въ томъ числѣ и Православныхъ, которые имѣютъ нужду въ слушаніи Богослуженія. По тому къ Вашему Высокопреосвященству обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать удовлетворенію сей вопиющей нужды.

Вотъ и еще нужда. Рижскій Епископъ остается безъ Кафедральнаго Протоіерея, т. е., безъ такого лица, которое, по общему и естественному порядку, должно быть первымъ помощникомъ Епископу по управленію дѣлами Епархіи. Говорю это по тому, что хотя мѣсто Кафедральнаго Протоіерея занимаетъ Протоіерей Кунинскій, но онъ давно отказался отъ всѣхъ дѣлъ управленія. Для дѣлъ правленія это и лучше, что онъ не участвуетъ въ нихъ, особенно въ настоящее, столько опасное и тяжелое, время; характеръ его вздорный давно перессорилъ его со всѣми, и Священниками и причетниками, а такое лицо, если бы въ настоящее время занимало должность правительственную, было бы наказаніемъ Божиимъ. Важнѣе же то, что онъ недавно находится въ связи съ Дейчерами, и если бы теперь былъ при должности, безъ сомнѣнія, давно бы надѣлалъ много бѣдъ. Онъ извѣстенъ и

Святѣйшему Синоду: Входить съ особымъ представленіемъ объ удаленіи его изъ Риги не нахожу удобнымъ даже и по тому, что мое представленіе людьми единодушными, о которыхъ упомянулъ я, обращено бы было во вредъ Православію. Между тѣмъ почетное удаленіе его изъ Риги въ другое мѣсто служенія не имѣло бы невыгодныхъ послѣдствій: пусть бы наградили его орденомъ и послали бы въ Москву, или въ другой Губернскій Русскій городъ. Это не составило бы ни чего особеннаго. А въ слѣдъ за тѣмъ Рижскій Епископъ не оставался бы долге безъ помощника. Если бы оказана была эта милость, въ такомъ случаѣ на мѣстѣ Курнискіаго я желалъ бы имѣть, частію извѣстнаго и Вашему Высокопреосвященству, бывшаго Ваккалavra Московской Духовной Академіи, Николая Руднева, сочинителя Исторіи ересей Русской Церкви. Онъ теперь священствуетъ въ Москвѣ. Хотя я, столько удаленный отъ Москвы, и не знаю, каково принялъ бы онъ это назначеніе, но, зная прекрасную душу его, отличныя способности, такіа же знанія, между прочимъ, и Нѣмецкаго языка, увѣренъ, что онъ былъ бы для Риги очень полезный Протоіерей. Впрочемъ, если бы и не было Руднева для Риги: въ Ригѣ теперь есть кандидатъ Протоіерейства, Магистръ и Ключарь Собора, Владимиръ Назаревскій, онъ же и Ректоръ Училища.

Весьма много остается другихъ нуждъ, но на бумагѣ не все передать можно, по крайней мѣрѣ въ одинъ разъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,

недостойный сомолитвенникъ,

Филаретъ, Епископъ Рижскій.

№ 7483.

2 Сентября, 1847 года.

Его Высокопреосвященству,

Члену Святѣйшаго Синода,

Преосвященнѣйшему Иннокентію,

Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому и Кавалеру.

П И С Ь М О

**АББАСЪ - МИРЗЫ, НАСЛѢДНИКА ПЕРСИДСКАГО ПРЕСТОЛА, КЪ
ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ ВАРШАВСКОМУ.**

Въ Іюні 1832 года.

Высокостепенному, высокопочтенному, высококомѣстному, высококородному, высокочванному, достойнѣйшему изъ вельможъ и знатныхъ Христіанъ, Господину Генераль-Фельдмаршалу, Князю Варшавскому, Паскевичу, милостиво объявляемъ, что, по полученіи извѣстія о вызовѣ Васъ въ С.-Петербургъ, вниманіе наше постоянно обращено было на Ваше новое назначеніе, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали свѣдѣній объ окончаніи дѣлъ Варшавскихъ и о возвышеніи Вашего имени, долженствовавшихъ принести намъ радость и удовольствіе. Нынѣ, по повелѣнію Его Величества, могущественнаго Шахинъ-Шаха (да пожертвуется ему душа наша!) имѣемъ свое мѣстопробываніе въ Шахрубъ и Бастамъ. Здѣсь получили мы отъ высокостепеннаго Г. Безака радостное донесеніе и газеты, свидѣтельствующія подробно о всѣхъ Вашихъ побѣдахъ, кои вполнѣ удовлетворили наше нетерпѣливое ожиданіе и доставили намъ неизобразимую радость и безпредѣльное удовольствіе; ибо 1, Союзъ и пріязнь, существующія между обѣими великими Державами, требуютъ, чтобы радоваться успѣхамъ другъ друга, и хорошее или худое принимать обоюдно, какъ собственно свое. 2, Мы сами имѣемъ къ Вашей Свѣтлости особенное расположеніе, и не можемъ не восхищаться, что врата побѣдъ Варшавскихъ открыты руками Вашими. 3, Гласъ милостей и поощренія Его Величества, Великаго Государя Императора, Вѣнценосца и Самодержца Всероссійскаго, побѣдителя Державъ и дарующаго оныя, милостивѣйшаго Дяди нашего, равномѣрно желаніе Его возвысить весь Иранъ, Туранъ и Индустанъ, и всѣ высшіе и низшіе классы обитающихъ въ нихъ народовъ, сдѣла-

лось ясное солнца. Доколѣ великая Россійская Держава будетъ блистать силою и могуществомъ, дотолѣ, по милости Божіей, не будемъ опасаться враговъ близкихъ и отдаленныхъ; надѣмся такъ же, что пока находимся здѣсь для введенія надлежащаго устройства и прекращенія вкрадшихся нѣсколько лѣтъ назадъ безпорядковъ, удостоимся отъ обоихъ Великихъ Государей новыхъ милостей и вспомошествованія, и не останемся въ забвеніи отъ Ихъ высокихъ взоровъ.

Ваша Свѣтлость весьма знаетъ, что, при чистотѣ чувствъ и усердіи нашемъ, мы безъ различія возлагаемъ надежду на милости великаго Шахинъ-Шаха и всемилостивѣйшаго Дяди нашего, Государя Императора. Въ бытность въ Грузіи, Вы занимались дѣлами нашими и были довѣренною особою; нынѣ же хотя находитесь въ Варшавѣ и не имѣете досужаго времени, но, уважая Васъ, не полагаю сего препятствіемъ тому, чтобы Ваша Свѣтлость во всякомъ мѣстѣ и при всѣхъ занятіяхъ не упустила изъ виду дѣлъ нашихъ, не забывали насъ и увѣдомляли о своемъ здоровьѣ и положеніи.

Писано въ мѣсяцѣ Джамадіаль-Ахиръ 1247 года.

На оборотѣ подлиннаго письма приложена печать Аббасъ-Мирзы.

П И С Ь М О.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА СКОБЕЛОВА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ ДИБИЧУ.

21 Декабря, 1830 года.

Позволяю себѣ смѣлость, какъ обожаемому начальнику и благодѣтелю, изложить обстоятельства свои прямо отъ сердца къ сердцу.

Безсрочный отпускъ (при прекращеніи одной, и при неизвѣстности о другой брани) испросилъ я не по болѣзни, но дабы избѣжать прискорбныхъ встрѣчь съ Паисіемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, съ коимъ имѣю счастье быть въ разладѣ 18 лѣтъ, безъ раскаянія съ одной стороны и безъ грѣха съ другой. Хотя неприятность, между нами возникшая въ 1812-мъ году, и не стоитъ описанія, не менѣе того она рождена различнымъ уваженіемъ къ службѣ, и я, оставаясь до сего по естественному порядку вещей, при неотъемлемой сатисфакціи, поставилъ себѣ за правило избѣгать впредь по возможности, не только общихъ съ нимъ дѣлъ, но даже взаимнаго другъ на друга воззрѣнія, каковыя чувства къ Государственному человѣку, Вашему Сіятельству, безсомнѣнія, не покажутся во мнѣ Государственнымъ преступленіемъ.

Во время 3-лѣтняго командованія дивизіею, я во всѣхъ отношеніяхъ, пользу службы вымыкающихъ, свято выполнилъ долгъ свой и оправдалъ предстательство Ваше; что могу сказать смѣло послѣ того, какъ и самъ Кайсаровъ неоднократно находилъ себя въ горестной необходимости, и словесно и писменно, отдавать справедливость трудамъ и сильному мастерству моему, которое засвидѣтельствуетъ дивизія первымъ шагомъ въ бой.

Сіятельнѣйшій Графъ! При преклонныхъ лѣтахъ я не столько желаю служить, сколько страшусь остаться празднымъ

въ тѣ минуты, въ которыя истинно преданные Монарху подданные, по моему мнѣнію, нужны, и хотя количество ихъ нечисленно, но тѣмъ больше, тѣмъ, безъ сомнѣнія, лучше. Зная себя въ числѣ готовыхъ положить животъ свой за Царя, неспособнымъ сойтить съ пути, по коему, огражденный лестнымъ вниманіемъ трехъ Владыкъ, прошелъ я 39 лѣтъ, и не имѣя къ доказательству безпредѣльной благодарности ни чего, кромѣ жизни, имѣю счастье предлагать оную.

Ваше Сіятельство, приподнявъ меня, за честь и правду упавшаго, дали мнѣ новое бытіе и вручили новый способъ двигаться по лицу земли въ сопутствованіи уваженія, каковое приобрѣлъ я и въ Дивизіи и въ Губерніяхъ, въ конхъ квартировалъ съ нею: и Вамъ исключительно вручаю судьбу мою въ видѣ Вашей законной собственности, съ присовокупленіемъ, что если возможно когда ни будь честному человѣку подвизаться, минуя страстей, по чувствамъ только сердца, съ устраненіемъ всѣхъ видовъ, къ себялюбію и корыстолюбію относящихся, то, конечно, настоящее время приличіе всѣхъ минувшихъ. И по сему, въ планъ мой не входятъ ни блестящіе титулы, ни почести, и я съ удовольствіемъ приму баталіонъ, для замѣненія имъ двухъ, если окажусь къ лучшему не способенъ.

Замѣтка переписчика. По этому письму Генералъ Скобелевъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, и въ сраженіи при Остроленкѣ, потерявъ руку, выбылъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ Поляковъ.

ЗАПИСКА

Его Высочества, Цесаревича, Великаго Князя, Константина Павловича, къ командиру Литовскаго корпуса, Генераль-Адъютанту Барону Розену.

Ноября 27, въ 11 часовъ ночи на 28-е, 1830. Любартовъ.

Получилъ 27 на 28 ночью, благодаренъ. Богъ до сихъ поръ спасаетъ и насъ ведетъ. Надѣюсь, что чрезъ три дни будемъ дома. Голы, по тревогѣ на бивакъ, и потомъ походъ ужасный. Кромѣ того, что на себѣ, у многихъ ни чего нѣтъ. Обувь—приготовимъ; впрочемъ, кромѣ сумазбродства, кругомъ себя ни чего не слышу отъ зачинщиковъ и слезъ отъ всего думающаго и обывателей. Увѣдомте далѣе Государя Императора. Много грѣха, но много и хорошаго. Милость, помилованіе болѣе подѣйствуютъ, нежели сила. На вѣкъ васъ любящій

Константинъ.

Замѣтка переписчика. Эта записка къ Барону Розену писана въ отвѣтъ на полученное отъ него письмо, коимъ онъ изъ Брестъ-Литовскаго передаетъ Его Высочеству свѣдѣнія о дальнѣйшихъ происшествіяхъ по мятежу въ Варшавѣ. При полученіи письма Цесаревичъ былъ уже на походѣ, какъ самъ изволилъ выразиться, до мой, съ своимъ Русскимъ гвардейскимъ отрядомъ.

О П Е Ч А Т К И

въ 1-й кн. «Чтеній 1869 г., Отд. V.»

Напечатано:

Читайте:

Стран. Строк.

31,	11	сверху: особю	особю
35,	2	снизу: содержаніе	содержаніи
37,	3	— антики	аптеки
38,	4	сверху: Іеромонаховъ	Іеромонахъ
49,	6	снизу: претерпѣть	и претерпѣть
56,	8	сверху: въ самъ	въ самъ.
—	6	снизу: (1-го)	(18-го)
164,	12	сверху: Въ мирѣ	Въ мирѣ
168,	9	— и ночью	ночью
—	13	— переписку	переписку
169,	3	— повстанцаевъ?	повстанцевъ?
170,	19	— «Езусъ, Марья!»	«Езусъ! Марія!»
187,	8	— обнародованцыкъ указовъ,	не обнародованныхъ указаній,
—	19	— собственное	собственное изданіе
195,	8	снизу: разумѣется, разговоръ,	разумѣется, пристойный разговоръ
196,	9	сверху: не дуждался	не нуждается
—	7	снизу: не оставялъ	не оставляетъ
—	9	— располагалъ	располагаетъ
197,	9	сверху: и видно	и вижу.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1868 года, Декабря 20-го дня.

1868 года, Декабря 20 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Вице-Президента, Князя А. Пр. Ширинскаго-Шяхматова, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. П. Шипова, А. Ѳ. Вельтманъ, Ю. Д. Филимонова, Гр. М. В. Толстого, Н. В. Сушкова, А. А. Майкова, А. И. Хмельницкаго, А. Н. Аванасьева, П. В. Хавскаго, М. Л. Назимова, Соревнователя А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 5-го Октября того же года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, прочелъ статью, полученную имъ отъ Секретаря Московской Духовной Консисторіи, Н. П. Розанова: «О Татіанинской церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.» Опредѣлено: статью эту напечатать въ «Чтеніяхъ» и приложить къ ней планъ Университета, прошедшаго столѣтія, писанный Архитекторомъ Казаковымъ, и доставленный изъ Архива Московской Консисторіи. При семъ Его Сіятельство, Г. Вице-Президентъ, предложилъ нанести на этотъ планъ, и нынѣшнія границы Университетскаго (стараго) дома и на-

стоящія зданія, и принялъ на себя трудъ поручить Университетскому Архитектору приготовить оныя глянъ для печати.

За члѣвъ читачи были:

А. Отношенія.

2. Почетнаго Члена, Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Д. А. Толстого, отъ 16 Ноября, № 9056, пол. 23-го, письмо, коимъ увѣдомляетъ о полученіи имъ Диплома на званіе Почетнаго Члена и благодарить за доставленіе онаго. Определено: принять къ свѣдѣнію.

3. Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, отъ 27-го Ноября, № 1402, пол. 2-го Дек., приглашеніе почтить своимъ участіемъ пятидесятилѣтнее юбилейное празднество сего Университета, 8-го Февраля, 1869 г. Определено: поручить Дѣйствительному Члену Ю. Д. Филимонову быть депутатомъ на ономъ празднествѣ и представить отъ Общества адресъ.

Б. Предложенія.

4. Редакціи «Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія и Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей,» объ обмѣнѣ силъ изданій на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» въ 1869 году. Определено: обмѣниваться.

5. Редакція Гатеты: «Новороссійскій Телеграфъ» объ обмѣнѣ изданіями. Определено: отказать.

6. Редакція «Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» объ обмѣнѣ на «Чтенія» 1869 года. Определено: отказать.

В. Приношенія.

а. Матеріалами:

7. М. И. Семеваго, изъ С.-Петербурга, отъ 19-го Окт.:
1) «Сборникъ историческихъ и юридическихъ актовъ XVI и XVIII

столѣтій; 2) Записка о финансахъ и торговлѣ Россійскаго Государства въ 1810-мъ году, и 3) Повѣсть о приложеніи Свѣйскаго Краля съ Нѣмцы подь градъ Псковъ.»

8. Соревнователя А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 30-го Ноября, два перевода съ Польскаго: а) «Переговоры Московскихъ людей съ Сенаторами 1-го Февраля, 1610-го года, подь Смоленскомъ, и б) Письма Ивана Никитича Романова изъ Москвы къ Митрополиту Филарету, находившемуся въ плѣну.»

9. Доцента Московскаго Университета, Н. А. Попова: «Пѣснь Бѣжецкаго и Кашинскаго Уѣздовъ Тверской Губерніи.»

в. Статьями:

10. Преосвященнаго Викарія Дмитровскаго, Леонида, пол. 30-го Окт.: «Саввинское Подворье въ Москвѣ и Московскіе Преосвященные Викаріи, соч. Секретаремъ Московской Консистеріи, Н. П. Розановымъ.»

11. Д. Члена, Архимандрита Леонида, изъ Царяграда, пол. 28-го Ноября: «Иеромонахъ Константинъ Новгородскій, Священникъ Русскаго Императорскаго Резидента въ Царградѣ; убитый Турками 26-го Декабря, 1742 года, и причтенный Греческою Константинопольскою Церковію къ лику Святыхъ.»

12. Секретаря Московской Духовной Консистеріи, Н. П. Розанова, пол. 30-го Ноября: «О Татианинской церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.»

в. Книгами:

13. Д. Члена А. С. Клеванова, пол. 5-го Октября, двѣ книги его перевода: а) «Исторія народа Ргискаго, соч. Тита Ливія. Томъ V. Перев. съ Латинскаго (Окончаніе). Спб. 1867; б) Корнелія Непота Жизнеописанія лучшихъ полководцевъ чужестранныхъ народовъ. Перев. съ Латинскаго. Спб. 1867.»

14. Императорскаго Новороссійскаго Университета, отъ 7-го Октября, № 284, пол. 13: «Записокъ» его, тома 1-го выпуска 5 и 6-й. Одесса 1868 г.»

15 Соревнователя К. Н. Тихонравова, отъ 12-го Окт., пол. 17-го: «Указатель мѣстныхъ статей, помѣщенныхъ въ Неофициальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей съ 1838 по 1868 годъ. Владиміръ. 1868.»

16. Д. Члена Макарія, Епископа Орловскаго, отъ 16-го Октября, пол. 21-го: 1) «Акаѣистъ Макарію Желтоводскому и Унженскому Чудотворцу. М. 1868; 2) Акаѣистъ Антонію Ришлянину, Новгородскому Чудотворцу. М. 1868; 3) Поученія въ обличеніе Раскольническихъ и Старообрядческихъ мнѣній. Спб. 1868; 4) Пять словъ, произнесенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ случаямъ, именно: 24-го Мая, 1868 г., въ Вознесенскомъ Соборѣ города Ельца, 4-го Декабря, 1867 г., по освященіи Александровскаго домоваго храма въ Орловской Губернской Гимназіи; 8-го Марта, 1868 г., въ Спасской церкви при Орловскомъ Тюремномъ Замкѣ; 8-го Мая, 1868 г., въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, въ Орловской Семинарской церкви, и 30 Января, 1867 г., въ Трехсвятительской церкви при Нижегородской Мининской Богадѣльнѣ.»

17. Норвежскаго Университета, во Христіаніи, пол. 31-го Окт. 1868 г.: «1) Foreningen til Norske Fortidsmindemerkens Bevægning for 1866. Kristiania. 1867; 2) Del Kongelige Norske Frederiks Universitets Aarsberetning for Aaret 1866, med Bilage. Christiania. 1767; 3) Morkinskinne Pergamentsbog fra forste Haludel of det trellede Aaarhundrede, udgiven of C. R. Unger. Christiania. 1867.»

18. Императорской Публичной Библіотеки, пол. 4-го Ноября, 1868 г.: 1) «Отчетъ ея за 1867 годъ. Спб. 1868; 2) Каталогъ иностранныхъ книгъ, прибрѣтенныхъ Императорскою Публичною Библіотекою. №№ 8 и 9. Спб. 1868.»

19. Д. Члена В. А. Мацѣвскаго, въ Варшавѣ, пол. 16-го Ноября: «Rzut oka na tak zwane Dygesta Rossyiskie (Swod zakonow

Rossyiskoj imperii) a t. d. Osobne odbicie z Czażorisina prawniczopolitycznego. Kraków. 1868.»

Опредѣлено: матеріалы и статьи разсмотрѣть, а книги сдать въ бібліотеку Общества.

г. Заявленія.

20. Скончался Д. Членъ, И. М. Снегиревъ, въ С-Петербургѣ, 9-го Декабря, 1868 г., избранный въ Члены Апрѣля 12-го, 1823 г. Определено: умершаго исключить изъ списка Членовъ.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянский, представилъ только что отпечатанную 3-ю книгу Чтеній 1868 года, заключающую въ себѣ 47 листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Общій очеркъ періода удѣловъ. Василя Пассека.—Ханъ Нагай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ. Д. Члена Архим. Леонида.

II. Матеріалы Отечественные. Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 года. Съ предисловіемъ О. М. Бодянского.

III. Матеріалы Славянскіе. Записки Архипресвитера Θεодосія Бродовича о событіяхъ на Волыни и Подольѣ въ 1789 году. Переводъ съ Польскаго Д. Члена, А. Н. Хмельницкаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянского.

IV. Матеріалы Иностранные. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга III.

V. Смѣсь. Дѣло Салникѣва. И. Ч. Отвѣтъ Адмирала Мордвинова на письмо, полученное имъ, на Французскомъ языкѣ, отъ

Новороссійскаго Генералъ-Губернатора, Графа Воронцова, отъ 26-го Мая, 1833-го года. Сообщ. Н. А. Поповъ. Разъясненіе донесеній Правительству о переходѣ, въ 1845 году, Латышей и Чухонъ Ливонскихъ въ Православіе. Д. Члена И. П. Липранди. Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Сообщ. И. Г. Два письма Князя А. Н. Голицына къ Юрьевскому Архимандриту Фотію. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Грамота Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита Серафима соборной церкви села Грузина, принадлежавшаго Графу А. А. Аракчееву. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1868 года, Іюня 18-го дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

- Война 1812 года. Замѣчанія на 3-й томъ «Исторіи Оте-
чественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ
источникамъ, соч. Г.-М. Богдановича. Спб. 1859—
1860, въ 8-ку, 3 тома. Д. Члена И. П. Липранди. 1 — 79

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

- Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-
куда 1810 года. Сочиненіе Князя Ивана Михай-
ловича Долгорукаго. Съ Предисловіемъ О. М.
Бодянского ..... 1 — 170

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

- Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej,
или Историческія Записки о событіяхъ на Во-
льли и Подолѣ въ 1789 году, Архипресвитера
Греко-Угріятскаго Лудкаго Капитула, Θεодосіа
Бродовича. Summariusz tych praw, dokumentów
y wszelakich tranzakcyi, które w tey księdze pod
alfabetycznemi literami wzmiankowane, tu zaś per
extensum położone są, т. е., Приложенія (окончаніе). 241 — 344

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

- Подробное описаніе путешествія Голштинскаго По-
сольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636
и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посоль-
ства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмец-
каго Ш. П. Барсова. Книга IV (вторая половина). 531 — 692

ОГЛАВЛЕНИЕ.

V.

СМЪСЪ.

Стран.

Грамота Царя и Великаго Князя, Михайла Оедоровича, Серпуховскому Протопоцу съ братією у Св. Троицы и по немъ, о приданныхъ пошлинахъ съ помѣрнаго, вѣсчаго, гостинаго, праваго десятка, намѣстнича и тиуня суда и вѣнцовъ женитвенныхъ, 7132 (1625), Марта 7 дня. Сообщ. Н. П. Розановъ.	1 — 6
Патріаршіе выходы. Съ Предисловіемъ Н. Дубровскаго.....	6 — 64
О Шведахъ подъ Полтавою и Переволочной. Переводъ съ рукописи, писанной Шведскимъ Прапорщикомъ Карломъ Фрисомъ 1714 г. Сочин. А. А. Чумикова.....	65 — 170
Матеріалы для Исторіи Безповощинскихъ Согласій въ Москвѣ: 1, Оеодосіевцевъ Преображенскаго Кладбища. Собранные Николаемъ Поповымъ. Съ портретомъ Ильи Алексѣева Ковылина....	71 — 174
Письмо Рижскаго Епископа Филарета къ Иннокентію, Архіепископу Харьковскому, о тѣсномъ положеніи Православія къ Прибалтійскомъ Краѣ.....	175 — 178
Письмо Аббасъ-Мирзы, Наслѣдника Персидскаго Престола, къ Фельдмаршалу Князю Варшавскому, въ Юнѣ 1832 г.....	179 — 180
Письмо Генераль-Лейтенанта Скобелева къ Фельдмаршалу Графу Дябичу, 21-го Декабря, 1830.....	181 — 182
Записка Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Цесаревича, Константина Павловича, къ Командиру Литовскаго Корпуса, Генераль-Адъютанту Барону Розену, Ноября 27, 1830 г.	183
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 20-го Декабря, 1868 года.	185 — 190

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКІХЪ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 3, книги 1—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 4, книги 1, 2 рубля.
Годы 1858, 1859. 1860, по 4 книги въ
каждомъ, по 10 руб. годъ.

Годы 1861—1868, тоже по 4 книги, по
6 руб. годъ.
Все же изданіе, безъ пересылки, 114 руб.
За пересылку взимается съ вѣсу по
разстоянію.

ВРЕМЕНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКІХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . 37 „ 50 „
съ пересылкой . 45 „ — „

На пересылку всякой книги „Времен-
ника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получить: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Бударивцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. Н. В. Бааукова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получить:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ъ.

О времени происхожденія Славянскихъ писменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Коняскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусь и Лютеръ. Бритическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Вѣзикои нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родикѣ Глаголитива, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стринягольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. А. Н. Шемякина, М. 1863 г., ц. 1 р. 50к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Князествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина, М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Фидарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.